

Тогоева О.И. Ерети́чка, ставшая святой

О.И. Тогоева

Ерети́чка, ставшая святой

Две жизни Жанны д'Арк

Institute of World History of Russian Academy of Sciences

Olga Togoeva

Heretic turned Saint.

Two lifes
of Joan of Arc

Center for humanitarian initiatives
Moscow – Saint-Petersburg
2016

Институт всеобщей истории Российской академии наук

О.И. Тогоева

Еретичка, ставшая святой.

Две жизни
Жанны д'Арк

Центр гуманитарных инициатив

Москва – Санкт-Петербург
2016

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

T50

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

член-корреспондент РАН П.Ю. Уваров

доктор исторических наук М.А. Бойцов

Тогоева О.И.

T50 Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк / О.И. Тогоева. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 576 с. — ил. — (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-644-8

Монография посвящена одной из ключевых фигур во французской национальной истории, а также в истории западноевропейского Средневековья в целом – Жанне д'Арк. Впервые в мировой историографии речь идет об изучении становления мифа о святой Орлеанской Деве на протяжении почти пяти веков: с момента ее появления на исторической сцене в 1429 г. вплоть до рубежа XIX—XX вв. Исследование процесса превращения Жанны д'Арк в национальную святую, сочетавшего в себе ее «реальную» и мифологизированную истории, призвано раскрыть как особенности политической культуры Западной Европы конца Средневековья и Нового времени, так и становление понятия святости в XV—XIX вв.

Работа основана на большом корпусе источников: материалах судебных процессов, трактатах теологов и юристов, хрониках XV в. и исторических сочинениях XVI—XVIII вв., художественных произведениях, материалах местного почитания Жанны д'Арк в Орлеане XV—XIX вв., трудах французских историков XIX в.

Для историков, литературоведов, культурологов и широкого круга читателей.

1

ISBN 978-5-98712-644-8

© Тогоева О.И., 2016

© Гладков А.К., составление серии, 2016

© Центр гуманитарных инициатив, оформление,
2016

«Она знает, что я сделал для нее все,
что мог»

*Жюль Кишра — Феликсу Дюпанлу,
епископу Орлеанскому*

«Немало истин окажутся здесь очевидными лишь после того, как обнаружится цепь, связующая их с другими истинами. Чем больше будут размышлять над подробностями, тем более будут убеждаться в верности общих начал. Самые эти подробности приведены мною не все, ибо кто может сказать все и не показаться при этом смертельно скучным?»

Монтескье Ш.-Л. О духе законов

Оглавление

От автора	9
Введение. Другая история Жанны д'Арк.....	10
ГЛАВА 1. 1429 г.: ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ	
§ 1. Явление Жанны д'Арк.....	21
§ 2. Истинный или ложный пророк?	29
§ 3. «Все в ней делает ее подозрительной...»	39
§ 4. Чудесный «знак» Жанны д'Арк.....	44
4.1. Легенда об узнавании дофина	44
4.2. Легенда о королевском секрете»	49
4.3. Легенда о принесении короны.....	53
§ 5. Средневековая концепция активного пророка	63
§ 6. «Было решено, что она никто иная, как святая»	78
ГЛАВА 2. 1431 г.: ВЕДЬМА ИЛИ ЕРЕТИЧКА?	
§ 1. «Она, похоже, занимается колдовством...»	83
§ 2. «Оставившие Создателя и обратившиеся к Сатане».....	92
2.1. Колдовство: грех и уголовное преступление	92
2.2. Рождение «ученой» концепции колдовства	101
2.3. Ведовские процессы в средневековой Франции	112
§ 3. Процесс против Жанны д'Арк 1431 г.: начало	127
§ 4. <i>Inquisitio ex officio</i>	132
4.1. Логика построения допросов	132
4.2. Обвинение в колдовстве	138
4.3. Иные преступления «против веры».....	143
§ 5. <i>Inquisitio cum promovente</i>	150
5.1. 70 статей обвинения.....	150
5.2. Мнение «экспертов»	156
§ 6. «Лживая ведьма» vs. «святая Дева».....	163
ГЛАВА 3. 1456 г.: «ПРАКТИЧЕСКИ СВЯТАЯ» ЖАННА Д'АРК	
§ 1. Этапы и цели процесса по реабилитации 1455—1456 гг.	179
§ 2. «Создание» святой	191
2.1. Отвод обвинения в занятиях колдовством	194
2.2. Мужской костюм как религиозный обет	201
2.3. Концепт чуда в жизнеописании Жанны д'Арк	213
§ 3. Библейские образцы и прототипы.....	226
3.1. Богобоязненная «пастушка»	229
3.2. Вторая Дева Мария.....	235
3.3. Мученица за веру.....	245
3.4. Знаменосец Господа.....	252
§ 4. «Жила справедливо и свято с Божьей помощью».....	266

ГЛАВА 4. XVI—XVII вв.: «ЗАБЫТАЯ» ДЕВА

§ 1. Жанна д'Арк и Людовик XI.....	274
§ 2. Античные образцы и прототипы	291
2.1. Доблестная <i>Virago</i>	293
2.2. Новая Минерва.....	307
2.3. «Святая амазонка».....	323
§ 3. Жанна д'Арк и Божественное Провидение	327
3.1. Французские «пророки» второй половины XV в.	328
3.2. Роль пророка в истории	333
§ 4. Ведьма или одержимая: актуализация темы	345
§ 5. Жанна д'Арк между католиками и протестантами	360
§ 6. «Католическое Возрождение» во Франции	374
6.1. Любимая героиня Ришелье	374
6.2. «Освобожденная Франция» Жана Шаплена и ее критики.....	382

ГЛАВА 5. XVIII—XIX вв.: НА ПУТИ К КАНОНИЗАЦИИ

§ 1. Жанна д'Арк и Вольтер	389
1.1. «Философы» против провиденциалистов	389
1.2. «Орлеанская девственность» (1730—1773 гг.).....	402
1.3. «Странное желание оскорбить добрые нравы...»	416
§ 2. «Народная героиня» историков-либералов.....	423
2.1. Рождение «народной героини».....	423
2.2. «Инструмент, которым воспользовались...»	432
2.3. «Голос сердца» или откровения Свыше?.....	436
2.4. Сомнительный обет девственности.....	438
§ 3. Боговдохновенная Дева историков-католиков	441
3.1. Святая эпохи Реставрации	441
3.2. «Она повторяет путь Христа...»	449
§ 4. Вечная героиня Орлеана.....	458
4.1. «Ведущая святую и набожную жизнь...».....	458
4.2. «Праздник города»... «праздник 8 мая»... «праздник Девы».....	474
4.3. Первая попытка канонизации	491

Заключение. История продолжается...	518
--	-----

Список сокращений	528
Источники и литература	529
Происхождение иллюстраций.....	562
Указатель имен.....	563

От автора

В основе этой книги лежит докторская диссертация «Формирование культа святой Жанны д'Арк и политическая культура Франции (XV—XIX вв.)», которую я защитила 20 марта 2013 г. в Институте всеобщей истории РАН. Я глубоко признательна членам Диссертационного совета, высоко оценившим мою работу, а также Наталье Ивановне Басовской (РГГУ), Павлу Юрьевичу Уварову (ИВИ РАН, НИУ ВШЭ) и Олегу Федоровичу Кудрявцеву (МГИМО МИД РФ), согласившимся стать моими официальными оппонентами и высказавшим крайне важные для меня соображения. Особая благодарность — моим коллегам из Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, принявшим самое живое и деятельное участие в обсуждении этого исследования на всех этапах его создания. Впрочем, список тех, кто помогал мне словом и делом, кажется поистине бесконечным, и я, пожалуй, не решусь привести его полностью. Скажу лишь, что без энергичной и самоотверженной поддержки Ю.П. Крыловой, М.А. Бойцова, А.А. Котоминой, А.В. Чудинова, А.Ю. Серegiной, Д.Ю. Бовыкина, В.Ю. Михайлина (Саратов), Н.А. Елагиной (Санкт-Петербург), Е.С. Решетниковой (Париж), Ю. Дресвиной (Оксфорд), А. Белкиной (Гарвард), О. Караськовой-Эсри (Париж), В.Г. Ченцовой (Париж), Франсуазы Мишо-Фрежавиль (Орлеан), Оливье Бузи (Орлеан), Жан-Мари Мартена и Бернадетт Мартен-Изар (Париж/Рим), Жан-Патриса Буде (Орлеан) и Клод Говар (Париж) мне не удалось бы собрать тот массив источников и литературы, который был использован в монографии. Не смогла бы я этого сделать и без поддержки Дома наук о человеке (Париж) и Центра Жанны д'Арк (Орлеан), способствовавших моим исследованиям во Франции. Что же касается работы в Москве, то ее успех в огромной степени зависел от понимания и соучастия моих мужа и дочери. Только они знают, как труден был мой путь. Им я и посвящаю эту книгу.

Введение

Другая история Жанны д'Арк

Что мы знаем о Жанне д'Арк? Да практически все! Так подумает или скажет каждый из нас. В любом школьном или университетском учебнике мы прочтем, что Орлеанская Дева была истинной народной героиней, которая объединила вокруг себя французов, повела их за собой, приложила все силы для освобождения страны в ходе Столетней войны и, наконец, трагически погибла от рук англичан¹. Если немного расширить круг чтения, то мы, без сомнения, узнаем также, что Жанна родилась 6 января 1412 г., происходила из семьи простых крестьян и в детстве пасла общинное стадо. В 13 лет она начала слышать некие «голоса» (т.е., как ей казалось, получать Божественные откровения), а через три года сбежала из дома, дабы отправиться в Шинон к дофину Карлу, который не только поверил в ее избранность, но поставил ее во главе своего войска. В конце апреля 1429 г. Жанна прибыла в Орлеан, осажденный англичанами, и уже 8 мая заставила противника отступить от стен города. Одержав ряд выдающихся военных побед в долине Луары, она сопровождала дофина в Реймс, где 17 июля он был коронован как Карл VII. В последующие месяцы, в результате ряда неудачных операций, девушка утратила доверие своего короля и оказалась в Компьене, где была захвачена в плен 23 мая 1430 г. На судебном процессе, начавшемся в феврале 1431 г. в Руане, Жанну осудили как еретичку и приговорили к смерти. Казнь состоялась 30 мая 1431 г.²

Огромное количество сохранившихся от XV в. источников, а также поистине безбрежное море научных (и псевдонаучных) работ застав-

¹ См., к примеру: *Бойцов М.А., Шукуров Р.М.* История средних веков. Экспериментальный учебник для VII класса средних учебных заведений. М., 1994. Часть 2. С. 230—231; *История средних веков / Под ред. З.И. Удальцовой и С.П. Карпова.* М., 1990. Т. 1. С. 255—257.

² Наиболее современную и полную версию биографии Жанны д'Арк см. в: *Contamine Ph., Bouzy O., Hélyary X.* Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire. P., 2012. P. 58—293. На русском языке см. прежде всего: *Райцес В.И.* Процесс Жанны д'Арк. М.-Л., 1964; *Он же.* Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л., 1982.

ляют нас верить в то, что история Жанны д'Арк — один из наиболее известных нам средневековых сюжетов³. Однако это далеко не так. В действительности личность Орлеанской Девы остается для нас абсолютной загадкой — и, возможно, останется таковой навсегда.

Данное замечание относится не только к одной из наиболее дискутируемых на протяжении веков проблеме «голосов» Жанны, их возможного происхождения и их реальности, над которой ломали головы уже ее современники⁴. Даже известные нам сугубо биографические сведения о девушке при ближайшем рассмотрении выглядят не слишком надежными. Так, «точная» дата ее рождения оказывается указана в одном-единственном источнике, данные которого никакими иными текстами не подтверждаются. Более того, «чудо появления» французской героини на политической сцене воссоздано в нем в полном соответствии со средневековым литературным каноном и отсылает к наиболее авторитетному для того времени образцу — рождению Иисуса Христа⁵. Сомнительным начинает казаться и крестьянское происхождение Жанны, стоит лишь перечитать рассказы ее односельчан, свидетельствовавших на процессе по ее реабилитации в 1455—1456 гг. Семейство д'Арк, обладатели каменного двухэтажного дома в центре их родной деревни, считалось среди местных жителей весьма зажиточным и достойным⁶. Впрочем, даже столь привычная нам фамилия французской героини, возможно, была для нее «чужой», поскольку, по ее собственным словам, в Домреми все девушки получали фамилию матери. Таким образом, прославленная дочь Жака д'Арка и его супруги Изабеллы должна была бы зваться Жанной де Вутон⁷. И уж во всяком случае она не являлась пастушкой, хотя именно так описывали ее большинство авторов XV в. Более внимательное знакомство с их сочинениями приводит к выводу, что делалось это отнюдь не из стремления следовать реальным фактам, но из желания превратить девушку в «простеца», чей разум открыт слову Божьему, кто может слышать откровения Свыше и действовать в соответствии с ними. Такое прочтение образа Жанны основывалось исключительно на библейских примерах — историях жизни Иакова, Моисея, Давида — и было необходимо людям Средневе-

³ В электронном каталоге Национальной библиотеки Франции имеется 9418 библиографических описаний, связанных с именем Жанны д'Арк: <http://catalogue.bnf.fr/rechercher.do?motRecherche=Jeanne+d%27Arc&critereRecherche=0&depart=0&facetteModifiee=ok> (дата обращения — 03.04.2016).

⁴ Подробнее см.: Глава 1.

⁵ Подробнее см.: Глава 3. § 3.4.

⁶ Об общественном и экономическом положении семейства д'Арк в Домреми см.: *Contamine Ph., Bouzy O., Héлары X. Op. cit. P. 65—73.*

⁷ *Ibid. P. 61—63.*

ковья, дабы осмыслить в привычных для них категориях новое незнакомое явление, с которым они столкнулись⁸.

Иными словами, в текстах, посвященных Жанне д'Арк и созданных как при ее жизни, так и после ее смерти, главной, как представляется, оказывалась не столько историческая, сколько символическая реальность, значительно более важная для создания идеальной героини Франции. Сложность и парадоксальность истории Девы (как и некоторых других героев прошлого) собственно и заключается в необходимости постоянно помнить об этой двойственности, осознавать тот факт, что процесс мифологизации ее личности начался еще в XV в. и продолжается до сих пор. Как следствие, на протяжении веков существовали разные Жанны д'Арк — реальная девушка и ее образ, постоянно мутировавший под влиянием политических, религиозных, правовых, а также общих мировоззренческих установок периода Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Одному из вариантов подобной мифологизации — возможно, самому интересному и важному из всех — и посвящена данная книга. Речь в ней пойдет не о событиях жизни Орлеанской Девы, но о ее постепенном превращении в святую — официально канонизированную католической церковью и почитаемую как покровительница Франции⁹. Это будет другая история Жанны д'Арк — история создания и развенчания легенд, сознательной (или неосознанной) подтасовки фактов и редактуры текстов, борьбы литературных амбиций и яростных споров по самым важным проблемам той или иной эпохи...

Изучение процесса «рождения» нового святого — задача увлекательная, но вместе с тем исключительно сложная. В подобном исследовании интерес вызывает прежде всего возможность понять многие особенности мировосприятия людей прошлого: их систему ценностей, социальные, религиозные и политические симпатии. Сложность же такой работы заключается в том, что процесс «превращения» обычного человека в святого всегда предполагает создание определенной легенды, составные части которой заранее и хорошо известны его непосредственным участникам, однако далеко не всегда соответствуют реальным событиям прошлого. Прежде всего они, безусловно, отражают особенности религиозности как современников предполагаемого святого, так и их потомков. Вместе с тем элементы подобной легенды на том или ином этапе ее развития могут не совпадать с нор-

⁸ Подробнее см.: Глава 3. § 3.1.

⁹ Покровительницами Франции, наравне с Жанной д'Арк, считаются также псв. Дева Мария и св. Тереза из Лизьё (1873—1897), кармелитская монахиня, одна из четырех женщин, удостоенных титула Учитель Церкви, канонизированная в 1925 г.: *Farmer D.H. Oxford Dictionary of Saints. Oxford, 2004. P. 578.*

мами канонического права, являющимися основой любой официальной канонизации, вследствие чего возникает необходимость их ревизии и адаптации. Причины такого несовпадения чаще всего кроются в политической истории того региона, в границах которого начинает складываться культ святого, в особенностях политической культуры общества, претерпевающей большие или меньшие изменения на протяжении столетий и активно влияющей в том числе и на представления о святости. В редчайших случаях от начала почитания потенциального святого до момента его официального признания церковью проходит всего несколько лет или десятилетий, значительно чаще это событие откладывается на века.

Именно такую ситуацию мы наблюдаем в случае с канонизацией Жанны д'Арк, личность которой и связанные с ее появлением на политической сцене события по праву считаются одним из главных «мест памяти» не только французской, но и общеевропейской истории¹⁰. Значение ее феномена не меняется от того, идет ли речь о деконструкции уже сложившегося национального мифа или об уточнении элементов, составляющих национальную идентичность современных французов¹¹. И в том, и в другом случае остается совершенно очевидным, что фигура Орлеанской Девы — плоть от плоти прошлого Франции, ее политической истории — не только средневекового, но и значительно более позднего периода, когда память о ней служила интересам самых различных, порой диаметрально расходящихся во взглядах группировок¹².

Вместе с тем, и это обстоятельство ни в коем случае не следует сбрасывать со счетов, для нас, людей XX—XXI вв., Жанна д'Арк является святой, в 1894 г. признанной Ватиканом Достопочтенной, в 1909 г. ставшей Блаженной, а в 1920 г., наконец, канонизированной официально. Таким образом, политическое прочтение ее образа на протяжении по крайней мере двух последних столетий пребывает в неразрывной связи с его сугубо религиозным восприятием. Именно так феномен Девы традиционно интерпретируется в научном сообще-

¹⁰ Не случайно статья о Жанне д'Арк была включена в семитомное издание «Места памяти» под редакцией Пьера Нора, опубликованное во Франции в 1984—1992 гг.: *Winock M. Jeanne d'Arc // Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora. III: Les France. T. 3: De l'archive à l'emblème. P., 1992. P. 675—733.*

¹¹ *Уваров П.Ю. История, историки и историческая память во Франции // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 206—208.*

¹² Там же. С. 207. См. также: *Тогоева О.И. Почему нас привлекают исторические секреты // <http://postnauka.ru/longreads/5402>; Rigolet Y. Entre procès d'intention et générations succesives: historiographie du mythe Jeanne d'Arc de la Libération à nos jours // De l'hérétique à la sainte. Les procès de Jeanne d'Arc revisités / Éd. par F. Neveux. Caen, 2012. P. 249—271.*

стве, для представителей которого она остается прежде всего «святой конца XIX века»¹³.

Ни в коем случае не пытаюсь опровергнуть данное заключение, замечу, что само явление святости, тем не менее, принадлежит к категориям большой длительности (*la longue durée*): оно относится к разряду понятий, существующих на протяжении всего развития культуры, то становясь ее центром, то оказываясь в маргинальном положении. Иными словами, исследование процесса «превращения» того или иного конкретного персонажа прошлого в святого предполагает не только утверждение существования некоего исторического явления, не только описание событийной стороны дела, но в первую очередь попытку его рассмотрения в динамике — в развитии, которое совсем не обязательно при этом окажется поступательным.

Именно такой подход к изучению формирования образа святой Жанны д'Арк представляется мне наиболее актуальным. Прежде всего потому, что Орлеанская Дева была и остается единственной католической святой, осужденной церковным судом за ересь в 1431 г., реабилитированной в 1456 г. и официально канонизированной в начале XX в. Уже одно это обстоятельство вызывает исследовательский интерес и заставляет задуматься о том, что обстоятельства и условия формирования ее культа были в высшей степени неординарными, если не уникальными. Не менее важным является и то обстоятельство, что XVI—XVIII вв. традиционно считаются в историографии периодом практически полного забвения Орлеанской Девы во Франции¹⁴. Рассмотрение ее истории через понятие святости, категорию большой длительности, позволит, с моей точки зрения, существенно расширить наши представления о восприятии Жанны д'Арк на разных этапах французской истории, восполнив явные пробелы в изучении данной проблемы и уточнив ее отдельные вопросы. Оно также позволит совместить в рамках одного исследования историю сложных связей и взаимодействия религиозных и политических идей, оказывавших влияние на понимание святости французами на протяжении нескольких веков.

Подобная постановка проблемы, впрочем, представляется мне актуальной не только в связи с современным состоянием дел в изучении

¹³ Winock M. Op. cit. P. 676; Dalaran J. Le troisième procès de Jeanne d'Arc // Images de Jeanne d'Arc / Sous la dir. de J. Maurice et D. Couty. P., 2000. P. 53—65.

¹⁴ Winock M. Op. cit. P. 680. Лишь в самые последние годы данная точка зрения была поколеблена: Bouzy O. Manuscrits inutiles et auteurs inconnus: la transmission du souvenir de Jeanne d'Arc du XVe au XVIIIe siècle // BA. 2002. № 26. P. 23—58; Idem. Le souvenir des procès dans l'historiographie de Jeanne d'Arc // De l'hérétique à la sainte. P. 235—247.

эпопеи Жанны д'Арк (*études johanniques*). Так называемые агиографические исследования (исследования феномена святости и культов святых), имеющие давние традиции в западной историографии, в последние десятилетия выходят на совершенно новый уровень¹⁵. От в достаточной мере формальных описаний событийной стороны процесса (выяснения географических и временных условий бытования культов, создания биографий отдельных святых и публикаций их житий или откровений) историки постепенно переходят к использованию данного материала в историко-культурных, историко-социальных и историко-правовых работах, пытаясь через анализ представлений о святости оценить особенности ценностных (религиозных, политических и правовых) ориентиров в жизни людей той или иной конкретной эпохи. Что же касается отечественной науки, то здесь подобные исследования, долгое время остававшиеся практически под запретом, переживают в последние годы очевидный подъем, связанный не в последнюю очередь с изменением в отношении к религии и церкви в нашей стране, с все возрастающим влиянием этих последних на нашу повседневную жизнь, но вместе с тем — с возникновением новых или ревизией старых мифов о национальных святых и их роли в русской истории¹⁶.

Столетия, миновавшие со смерти Жанны д'Арк в 1431 г. до ее официальной канонизации в 1920 г., уже сами по себе наводят на предположение о том, что процесс создания ее образа святой и сопутствующий ему процесс мифологизации ее личности и деяний, нашедшие отражение в многочисленных источниках (будь то судебные документы, хронистика, исторические сочинения или художественная литература), заняли весьма продолжительный отрезок времени. Таким образом, главной целью моего исследования стало выделение и изучение всех возможных составляющих мифа о святой героине Франции, возникших на протяжении всего этого периода, находившихся в сложных взаимоотношениях и испытывавших на себе влияние различных полити-

¹⁵ Данная тенденция уже отмечалась ранее в отечественной историографии: *Пармонова М.Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003. С. 8.

¹⁶ Классическим примером такого рода мифов являются легенды о св. Александре Невском, ставшем для многих наших соотечественников, как и Жанна д'Арк для французов, своеобразным «местом памяти»: *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2000. С. 181—228; *Он же.* Ледовое побоище: смена образа // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 28—39. Весьма интересным в связи с этим представляется мнение современных французских историков о том, что своей популярностью в СССР Жанна д'Арк была обязана тому обстоятельству, что в ней видели «женскую ипостась» Александра Невского: *Bouzy O.* Du bon usage politique de la Pucelle et ses conséquences: le cardinal de Richelieu contre les Huguenots // *BA.* 2000. № 24. P. 63—86.

ческих процессов и политической культуры французского общества в целом.

И все же основное внимание я уделила XV веку — времени, когда создавались основные источники по истории Жанны д'Арк, явившиеся базой для изучения ее феномена в последующие столетия. Рассмотрению проблемы восприятия «пастушки из Домреми» ее современниками посвящены первые три главы этой книги. В них речь пойдет не только о событийной стороне дела (первом свидании девушки с дофином Карлом весной 1429 г. в Шиноне, ее удачных и неудачных военных операциях, ее осуждении как еретички и вероотступницы и последующей реабилитации). Мы поговорим и о весьма специфическом политическом и религиозном климате, сделавшим возможным само появление Орлеанской Девы на исторической сцене: об особенностях развития женского профетизма в Западной Европе XIV—XV вв.; о существовавших в то время во Французском королевстве и обусловленных тяготами Столетней войны надеждах на пришествие нового спасителя; о концепции самопровозглашенных пророков в трудах средневековых теологов и о возможности использования разработанной ими доктрины *discretio spirituum*, направленной на различение истинных и ложных пророков, применительно к «казусу» Жанны д'Арк. Именно в рамках *discretio spirituum* мы попытаемся оценить правовые аспекты процесса 1431 г. и выдвинутые на нем против Девы обвинения в колдовстве и ереси, представлявшие в XV в. «обратную сторону» отличительных качеств истинного святого. С тех же позиций мы проанализируем и особенности конструирования свидетельских показаний на процессе по реабилитации Жанны, проведенном в 1455—1456 гг., а также основные темы, затронутые в трактатах французских теологов, которые были созданы специально для данных слушаний.

Только детальный анализ всех этих сюжетов позволит нам перейти к рассмотрению следующего этапа другой истории Жанны д'Арк — к изучению ее образа, возникающего в текстах раннего Нового времени, изменений, которые произошли в данный период по сравнению с эпохой Средневековья в оценке ее личности под влиянием принципов гуманистического историописания XVI в., «теологического поворота» во французской исторической науке второй половины XVI в. и «католического Возрождения» начала XVII в. Мы попробуем понять, каким образом в современной историографии возникла идея о полном забвении Орлеанской Девы во Франции того времени, и разобраться, имеет ли подобная гипотеза право на существование. Что нового привнесла в образ Жанны любовь авторов XVI—XVII вв. к античным героям? Как отразилось на его трактовке длительное противостояние европейских католиков и протестантов? Какое влияние оказали на его прочтение за-

рождение абсолютизма и склонность французских историков к провиденциализму? Какую роль в новом понимании политической деятельности Жанны сыграли Людовик XI и кардинал Ришелье? На все эти вопросы я попытаюсь ответить в четвертой главе книги.

Наконец, пятая глава будет посвящена самому любопытному этапу в истории формирования образа святой Девы — XVIII и XIX векам. Мы поговорим здесь об эпохе Просвещения и о Революции 1789 г. О Вольтере и о том влиянии, которое его исторические и художественные произведения оказали на восприятие его современниками эпохи Средневековья. О противостоянии представителей республиканского, либерального и католического направлений французской историографии, находившем, в частности, отражение в трактовке личности и деяний Жанны д'Арк. О совершенно особой роли, которую сыграли в утверждении ее культа католические круги Орлеана — города, где начиная с XV в. никогда не забывали о Деве. Историю формирования этого специфического «места памяти» мы проследим через все произведения, созданные орлеанскими авторами об их героине: от самых первых, посвященных исключительно ей хроник XV в., через исторические и художественные сочинения XVI—XVII вв., через целый корпус панегириков, произносившихся в ее честь в соборе св. Креста в XV—XIX вв., до материалов ординарного процесса по ее канонизации 1874—1875 гг., инициированного монсеньором Феликсом Дюпанлу, епископом Орлеана.

Рассказом о первой попытке официального признания святости Жанны д'Арк я и завершу свое повествование. Последующие события — борьба за право считать Орлеанскую Деву «своей», развернувшаяся между республиканцами и католиками в конце XIX—начале XX в. в Парламенте и Парижском университете, дебаты вокруг дела Дрейфуса и еврейского вопроса во Франции и связанная с ними актуализация сугубо источниковедческих штудий, касающихся истории Жанны д'Арк, превращение культа Девы в общенациональный в ходе Первой мировой войны и последовавшая за ним официальная канонизация французской героини Ватиканом — останутся за рамками данной работы¹⁷. Прежде всего потому, что все эти вопросы уже не относятся к

¹⁷ Этому периоду посвящено специальное исследование: *Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire*. P., 1993. P. 177—263. См. также: *Renoux C. Faut-il canoniser Jeanne d'Arc? Les chemins de la béatification de la Pucelle d'Orléans (1429—1869)* // *Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais*. 2011. № 165. P. 5—65. Отдельно следует упомянуть материалы круглого стола «Беатификация Жанны д'Арк 1909 г.», который состоялся в Орлеане в 2009 г. Ряд опубликованных по его следам статей был посвящен событийной стороне данного процесса: *Deraumont J. Chanter Jeanne d'Arc lors des fêtes de la béatification* // *Bulletin de la Société*

главной теме моего исследования, посвященного особенностям формирования представлений о Жанне д'Арк. На мой взгляд, восприятие ее как истинной святой к тому моменту, когда Орлеанский епископат начал кампанию по ее канонизации, вполне четко закрепилось во французском обществе: не случайно именно на том основании, что культ Девы уже существует, первая попытка официального признания ее святости была прервана Ватиканом.

Вот почему хронологические рамки моего исследования охватывают период с 1429 г., когда Жанна впервые появилась на исторической сцене, до рубежа XIX—XX вв. Именно к этому моменту, насколько можно судить, уже произошли все основные изменения в восприятии французской героини ее соотечественниками, и процесс оформления ее святого образа оказался практически завершен. Вне всякого сомнения, это не означает, что фигура Орлеанской Девы не подвергалась более никаким ревизиям на протяжении XX и XXI вв. Напротив, перед историками здесь открывается огромное поле исследований в области правовой и политической теологии и имагологии, новейших символики и метафоры, очень часто по-прежнему использующих хорошо известные средневековые образы и образцы. Однако это — уже совсем иная история Жанны д'Арк, над которой я позволила себе лишь приподнять завесу.

---

archéologique et historique de l'Orléanais. 2010. № 164. P. 41—48. Также оказались рассмотрены вопросы восприятия данного события в Европе и Америке (*Krumreich G.* La béatification de Jeanne d'Arc et l'Allemagne // *Ibid.* P. 15—20; *Brun M.* Réactions américaines: une "protestante" béatifiée? // *Ibid.* P. 49—54) и полемики вокруг него в политических и церковных кругах Франции (*Delannoy J.-P.* Jeanne d'Arc au Parlement français: le lent chemin de la gloire laïque (1884—1920) // *Ibid.* P. 5—14; *Bouzy O.* Jeanne d'Arc chez les auteurs catholiques avant et après sa béatification // *Ibid.* P. 21—24; *Bach O.* La béatification de Jeanne d'Arc vue par les *Annales religieuses* // *Ibid.* P. 55—74).

Глава 1

1429 г.:

Пророк в своем
отечестве

§ 1. Явление Жанны д'Арк

При всем многообразии существующих на сегодняшний день исследований, посвященных деяниям Жанны д'Арк, точная дата ее появления на исторической сцене остается по-прежнему неизвестной¹. С уверенностью, однако, можно говорить о том, что весна 1429 г., когда во Франции и за ее пределами начали распространяться самые первые известия о странной девушке, прибывшей из Лотарингии и объявившей себя спасительницей королевства, стала для французов одним из самых тяжелых этапов войны, названной впоследствии Столетней².

Как известно, военное противостояние Англии и Франции начиналось как сугубо династический конфликт. После кончины в 1314 г. Филиппа IV Красивого (1285—1314) и смерти троих его сыновей — Людовика X Сварливого (1314—1316), Филиппа V Длинного (1317—1322) и Карла IV Красивого (1322—1328) — династия Капетингов, правившая Французским королевством на протяжении трех с лишним столетий, прервалась. Право занять пустующий престол оспаривали два претендента: английский король Эдуард III (1327—1377), внук Филиппа Красивого, сын принцессы Изабеллы, и граф Филипп Валуа, приходившийся Филиппу Красивому племянником. Именно его французские бароны сочли наиболее подходящим кандидатом, и в апреле 1328 г. он был избран королем под именем Филиппа VI (1328—1350). Эдуард III, казалось бы, примирился с таким поворотом событий и даже принес своему новому сеньору вассальную присягу за английские владения на территории Франции — герцогство Гиень и графство Понтье. Однако осенью 1337 г. он вновь предъявил права на корону предков, и английские войска вторглись на континент. Так началась война, длившаяся с перерывами более ста лет, вплоть до 1453 г.

¹ Согласно канонической версии событий, первая встреча Жанны д'Арк с дофином Карлом в Шиноне произошла в самом конце февраля или в первых числах марта 1429 г. Однако в современной историографии эти даты регулярно подвергаются пересмотру, несмотря на то, что, по справедливому замечанию В.И. Райцеса, данная информация «для истории особого значения не имеет». Обзор существующих гипотез см. в: *Райцес В.И. «Свидание в Шиноне». Опыт реконструкции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2003 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 5. М., 2003. С. 42—59; Тогоева О.И. Событие и его интерпретации: «свидание в Шиноне» // Диалог со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 467—494; Bouzy O. Jeanne d'Arc, les signes au roi et les entrevues de Chinon // Guerre, pouvoir et noblesse au Moyen Age. Mélanges en l'honneur de Philippe Contamine. P., 2000. P. 131—138.*

² Подробный анализ истоков и основных этапов Столетней войны см. в: *Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. М., 2001; Contamine Ph., Bouzy O., Héлары X. Op. cit. P. 33—57.*

Столетняя война, в отличие от войн современности, не велась одновременно на нескольких фронтах и представляла собой, скорее, череду крупных самостоятельных операций, отстоявших друг от друга во времени. На первом ее этапе инициативу захватили англичане: в 1346 г. при Креси и в 1356 г. при Пуатье они нанесли сильнейшие поражения своим противникам. В следующее десятилетие, однако, удача оказалась на стороне французов, которые не только вытеснили англичан с оккупированных территорий, но и заключили с ними длительное перемирие, которое оказалось нарушено английским королем Генрихом V Ланкастером (1413—1422). В ночь на 13 августа 1415 г. во главе двенадцатитысячного войска он высадился в устье Сены и 25 октября того же года разгромил французов при Азенкуре.

Успеху англичан на этом этапе войны способствовали и внутренние проблемы Французского королевства. Политические партии при дворе безумного Карла VI (1380—1422), т.н. бургиньоны и арманьяки, никак не могли поделить сферы влияния³. В 1418 г. герцог Бургундский захватил Париж и начал править от имени короля в качестве регента. Его убийство в 1419 г. подтолкнуло партию бургиньонов к политическому союзу с англичанами, результатом которого стал заключенный в мае 1420 г. в Труа договор: по нему французский дофин Карл объявлялся виновным в смерти герцога и лишался права претендовать на престол. Наследником официально был объявлен английский король Генрих V, получивший в жены дочь Карла VI, Екатерину⁴.

Для Франции договор в Труа означал потерю не только независимости, но и территориальной целостности: англичанам отходила Нормандия и крупные порты на Атлантике — Бордо и Байонна; бургундцы претендовали на восточные провинции страны — Пикардию и Шампань. Дофин Карл, принявший после смерти отца в 1422 г. королевский титул, занял области к югу от Луары, вдоль которой располагался ряд укрепленных городов и замков, преграждавших путь английским войскам. Ключевую стратегическую позицию среди них занимал Орлеан, контролирующий дороги, которые связывали Северную Францию с Пуату и Гиенью. К весне 1429 г. он уже около полугода находился в осаде, начавшейся 12 октября 1428 г. Англичане окружили город практически со всех сторон, лишив его связи с неоккупированной территорией. Взятие Орлеана означало бы фактически полное поражение Франции, поскольку южнее у королевских войск не было крепостей, способных

³ Подробнее см.: Уваров П.Ю. Париж XV века: события, оценки, мнения... Общественное мнение? // Одиссей. Человек в истории — 1993. М., 1994. С. 175—193; Guenée B. La folie de Charles VI, roi Bien-Aimé. P., 2004, особенно P. 237—241.

⁴ DeVries K. Joan of Arc. A Military Leader. Bath, 1999. P. 8—30; Guenée B. Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P., 1992. P. 265—289.

остановить натиск противника⁵. Как писал впоследствии один из ближайших советников дофина Карла, архиепископ Амбрена Жак Желю, положение дел французов стало настолько тяжелым, что «не было никакой надежды на то, что господин король сможет отвоевать свои земли при помощи людей. Силы его врагов и их приспешников росли по мере того, как силы его сторонников уменьшались»⁶.

Именно в этот критический момент ко двору Карла, который с 1427 г. располагался в Шиноне, прибыла Жанна д'Арк в сопровождении своих спутников, Жана де Нуйомпона (по прозвищу Жан из Меца) и Бертрана де Пуланжи. Девушка, согласно ее собственным показаниям на обвинительном процессе 1431 г., очевидно, рассчитывала немедленно увидиться с дофином и добиться от него поддержки в деле спасения Франции: недаром она заранее предупредила его о своем появлении и намекала на «помощь» (*auxilium*) и «добрые известия» (*quodque sciebat multa bona pro eo*), которые ему везет⁷. Однако в действительности встреча с Карлом произошла далеко не сразу, и тому было несколько причин.

Одна из них крылась в характере самого дофина — человека недоверчивого, осторожного, весьма взвешенно принимавшего любые политические решения и предпочитавшего во всем опираться на своих ближайших советников: духовника Жерара Маше, великого камергера Жоржа де Ла Тремуйя, архиепископа Реймса и канцлера Франции Реньо Шартрского, члена королевского совета Робера Ле Масона и капитана Шинона, а впоследствии бальи Орлеана Рауля де Гокура⁸. Именно с

⁵ DeVries K. Op. cit. P. 57—68.

⁶ Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi dissertatio // Lanery d'Arc P. Mémoires et consultations en faveur de Jeanne d'Arc. P., 1889. P. 571. О том, что, захватив Орлеан, англичане легко станут хозяевами Франции (*signory de Franza*) и отправят дофина в богадельню (*a l'ospedal*), писал из Брюгге в мае 1429 г. итальянский купец Панкратио Джустиниани: Chronique d'Antonio Morosini. Extraits relatifs à l'histoire de France / Ed. par G. Lefèvre-Pontalis, L. Dorez. P., 1901. Т. 3 (1429—1433). P. 16—17.

⁷ На процессе 1431 г. Жанна говорила, что отправила Карлу в Шинон письмо (*misit licteras*), находясь еще в Сент-Катрин-де-Фьербуа: Procès de condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Tisset et Y. Lanhers. P., 1960—1971. Т. 1. P. 76 (далее везде: РС, том, страница). Следует, однако, отметить, что в черновиках допросов (т.н. французской «минуте») этот пассаж отсутствует: La Minute française des interrogatoires de Jeanne la Pucelle d'après le Réquisitoire de Jean d'Estivet et les manuscrits de d'Urfé et d'Orléans / Ed. par P. Doncoeur. Melun, 1952. P. 116—117 (далее везде: MF, страница). Подробнее о соотношении официального (латинского) и черного (старофранцузского) текстов допросов Жанны д'Арк см.: Глава 2. § 4.1.

⁸ Подробнее о характере Карла VII и его отношениях с ближайшим окружением см.: Vallet de Viriville A. Histoire de Charles VII roi de France et de son époque, 1403—1461. P., 1863. Т. 2. P. 56; Gaussin P.-R. Les conseillers de Charles VII (1418—1461). Essai de politologie historique // Francia. Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte. 1982. Bd. 10. S. 67—130.

этим людьми предстояло встретиться Жанне д'Арк в первую очередь. Именно они должны были решить, стоит ли доверять странной молодой девушке, убеждавшей всех в том, что она — посланница самого Господа.

Впрочем, Жанна была далеко не первой визионеркой, которая пыталась добиться внимания властей. На вторую половину XIV-первую половину XV в. в Западной Европе пришелся подлинный расцвет «светской» религиозности и, в частности, женского профетизма. Первой в ряду наиболее известных средневековых женщин-мистиков стала св. Хильдегарда Бингенская (XII в.), прославившаяся своими предсказаниями и отправлявшая многочисленные послания как светским, так и церковным правителям, желая предупредить их о грядущих переменах и пригрозить страшными карами, если они не подчинятся Божьей воле и не станут заботиться о процветании церкви и своих подданных. Именно Хильдегарда явилась предтечей самых известных провидиц XIV в. — Бригитты Шведской († 1373) и Екатерины Сиенской († 1380), с именами которых обычно связывают начало настоящего «нашествия» женщин-мистиков в странах Западной Европы, вызванного в первую очередь Великой Схизмой. Следствием постоянных конфликтов, сотрясавших в то время церковь, стало всеобщее представление о коррумпированности как церковной, так и светской власти, о ее повсеместном впадении в грех. Требовалось, таким образом, искать новые, отличные от привычных пути спасения. Только в такой ситуации женщины, доселе занимавшие в религиозной и политической жизни общества подчиненное положение, могли обрести право голоса и превратиться в носителей Божественных откровений⁹.

Как отмечал французский историк Андре Воше, мистические способности как правило обнаруживались у самых обычных верующих, простоядинок, отличавшихся однако особой набожностью. В результате откровения Свыше такая женщина в какой-то момент понимала, что избрана Господом, дабы нести Его слово окружающим людям. Ее и впоследствии могли посещать видения и откровения, а полученную таким образом информацию женщина-мистик стремилась сообщить (чаще всего — в форме писем) церковным иерархам и/или светским сеньорам, чьей основной задачей и являлось спасение церкви и всех христиан¹⁰.

⁹ *Vauchez A. La sainteté mystique en Occident au temps des papes d'Avignon et du Grand Schisme // Vauchez A. Les laïcs au Moyen Age. Pratiques et expériences religieuses. P., 1987. P. 251—257; McNamara J.A. The Rhetoric of Orthodoxy: Clerical Authority and Female Innovation in the Struggle with Heresy // Maps of Flesh and Light: The Religious Experience of Medieval Women Mystics / Ed. by U. Wiethaus. Syracuse, N.Y., 1993. P. 9—27; Blumenfeld-Kosinski R. Poets, Saints, and Visionaries of the Great Schism, 1378—1417. University Park, 2006.*

¹⁰ *Vauchez A. Jeanne d'Arc et le prophétisme féminin des XIVe et XVe siècles // Jeanne d'Arc, une époque, un rayonnement. Colloque d'histoire médiévale, Orléans, octobre 1979. P., 1982. P. 159—168.*

Во Франции женский мистицизм получил не меньшее распространение, чем, например, в Италии. Местные провидицы — Констанция из Рабастана, Жанна-Мария де Майе, Мария Авиньонская (Мария Робин) — точно так же интересовались Великой Схизмой и положением дел в церкви и предлагали свои пути выхода из кризиса, дабы христиане могли избежать кар Господних, которые в противном случае неминуемо бы на них обрушились. Роль светских правителей (как местных сеньоров, так и французского короля) виделась им в помощи церковным иерархам в выборе достойного наследника св. Петра, а также в организации нового крестового похода, в результате которого христианская вера должна была особенно укрепиться¹¹. При этом визионерки часто не ограничивались одними лишь письмами¹² и пытались лично встретиться с тем или иным правителем, чтобы донести до него суть полученных откровений. Так, Екатерина Сиенская последовательно добивалась аудиенций у пап Григория IX и Урбана VI, желая примирить их с Флоренцией, а Жанна-Мария де Майе дважды виделась с Карлом VI и с его супругой Изабеллой Баварской, которую всячески порицала за роскошь и разврат, царившие при ее дворе¹³.

У всех этих женщин действительно было много общего с Жанной д'Арк, начиная со скромного происхождения и заканчивая желанием непременно увидеть французского правителя и лично рассказать ему о своих видениях¹⁴. Именно так полагала английская исследовательница Марина Уорнер, писавшая, что советники дофина Карла допустили девушку ко двору как раз потому, что приняли ее за одну из хорошо знакомых им провидиц¹⁵. Это утверждение, на мой взгляд, нуждается

¹¹ *Idem.* Prophétesses, visionnaires et mystiques dans l'Occident médiéval // Vauchez A. Les laïcs au Moyen Age. P. 239—249.

¹² Из всех известных нам французских женщин-мистиков XIV—XV вв. наиболее активную переписку с представителями светской и церковной властью вела Констанция из Рабастана: Pagès A., Valois N. Les révélations de Constance de Rabastens et le schisme d'Occident (1384.—1386) // Annales du Midi. 1896. № 8. P. 241—278; Tanz S., Werner E. Spätmittelalterliche Laienmentalitäten im Spiegel von Visionen, Offenbarungen und Prophezeiungen. Frankfurt am Main, 1993. S. 179—191; Blumenfeld-Kosinski R. Op. cit. P. 61—75.

¹³ Vauchez A. Jeanne d'Arc et le prophétisme féminin. P. 161; *Idem.* Une "sainte femme" du Val-de-Loire à l'époque de la guerre de Cent ans: Jeanne-Marie de Maillé (1331—1414) // Vauchez A. Les laïcs au Moyen Age. P. 225—236; Griguer Th. La vie et le procès de canonization de J.-M. de Maillé // Annales de Bretagne et de pays de l'Ouest. 1984. № 91. P. 27—37.

¹⁴ Андре Воше называл Жанну д'Арк типичной представительницей средневекового женского мистицизма: Vauchez A. Jeanne d'Arc et le prophétisme féminin. P. 159.

¹⁵ Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. L., 2000 (¹1981). P. 79, 85, 89. Насколько можно судить, в современной историографии эта гипотеза является одной из основных: Vauchez A. La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Rome, 1988. P. 441, 445, 629; Contamine Ph. Jeanne d'Arc et la prophétie // Les textes prophé-

в уточнении, поскольку мы знаем, что европейские монархи далеко не всегда принимали у себя даже хорошо известных женщин-мистиков. Так случилось, к примеру, с Марией Авиньонской, чудесное исцеление которой на могиле кардинала Пьера Люксембургского и последовавшая затем целая серия откровений в 80—90-х гг. XIV в. активно обсуждались не только при дворе Климента VII и во всей папской столице, но и в Северной Франции. Тем не менее, желанию Марии лично увидеться с Карлом VI, которого она собиралась убедить в необходимости организовать новый крестовый поход, не суждено было осуществиться: до короля ее не допустили¹⁶. Что же касается Жанны д'Арк, то на момент своего появления в Шиноне она не обладала никакой известностью, что, как мне кажется, делает гипотезу М. Уорнер не слишком убедительной.

Пытаясь разрешить данную проблему и дать собственный ответ на вопрос, каким образом девушку все же приняли при дворе, французский историк Жак Поль предположил, что решающую роль здесь сыграли старинные пророчества, о которых прекрасно знали советники дофина Карла и в которых говорилось о пришествии некоей Девы, способной спасти Францию¹⁷. Действительно, если верить дошедшим до нас документам, весной 1429 г. при королевском дворе обсуждалось несколько таких предсказаний и их возможная связь с появлением Жанны д'Арк. Об одном из них, так называемом пророчестве Мерлина, она сама вспоминала в ходе процесса 1431 г.: «Когда она пришла к королю, некоторые [люди] спрашивали ее, есть ли в окрестностях ее деревни лес, называемый Дубрава (*le Bois chesnu*). Ибо существовали пророчества, в которых говорилось о том, что из Дубравы явится некая дева, которая совершит чудеса (*quedam puella que faceret mirabilia*). Но сама она в них не верила»¹⁸. То же самое пророчество, очевидно, имел в виду духовник дофина Жерар Маше, чей разговор с теологами, допрашивавшими Жанну в Пуатье, слышал и пересказал в 1456 г. на процессе по реабилитации экойе Гобер Тибо: «Он читал в книгах, что должна появиться некая Дева (*quedam Puella*), которая придет на помощь французскому королю»¹⁹. Не менее интересным и логично раз-

tiques et la prophétie en Occident (XIIe-XVIe siècles). *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age*. 1990. Т. 102. № 2. P. 677—685; Beaune C. *Jeanne d'Arc*. P., 2004. P. 86; Eadem. *Une prophétesse aux côtés du roi // Histoire du Christianisme*. 2008. № 43. P. 36—39.

¹⁶ Valois N. *Jeanne d'Arc et la prophétie de Marie Robine // Mélanges Paul Fabre. Etudes d'histoire du Moyen Age*. Genève, 1972. P. 452—467.

¹⁷ Paul J. *Le prophétisme autour de Jeanne d'Arc et de sa mission // Il profetismo gioachimita tra Quattrocento e Cinquecento / A cura di G.L. Potestà*. Roma, 1991. P. 157—182.

¹⁸ РС, 1, 67. Та же информация содержится и во французской «минуте»: МФ, 109.

¹⁹ Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. par P. Duparc. P., 1977—1988. Т. 1. P. 369 (далее везде: PN, том, страница). О пророчестве Мерлина (*prophessio Merlini*), вычитанном «в старинной книге» (*in quodam libro antiquo*), вспо-

вивающим идею о пришествии спасительницы оказывалось и пророчество Марии Авиньонской, в одном из своих откровений якобы видевшей в небе оружие и доспехи, предназначавшиеся Деве, которая явится вслед за ней и освободит Францию от ее врагов. Об этом предсказании, согласно сообщению королевского адвоката Жана Барбена в том же 1456 г., упоминал профессор теологии Жан Эро, принимавший участие в допросах Жанны весной 1429 г.²⁰ Несколько иную версию предлагали в своих показаниях на процессе по реабилитации Дюран Лаксар, дядя девушки, и Катерина Ле Ройе, у которой та жила в Вокулере. Оба они утверждали, что пророчество о Франции, которую погубит женщина, но спасет дева (*per mulierem desolaretur et postea per virginem restaurari debebat*), знала и рассказала им сама Жанна еще до встречи с дофином²¹.

Именно на эти свидетельства опирался Ж. Поль, утверждавший, что еще до прибытия Жанны д'Арк в Шинон там уже знали о ее возможном появлении и ждали его. Девушке, которой также были известны — хотя бы частично — данные пророчества, оставалось лишь подстроиться под эти ожидания²². На такую возможность указывал и Оливье Бузи, допускавший, правда, что могла существовать и обратная зависимость: старинные пророчества оказались отредактированы и «подогнаны» под историю Жанны д'Арк уже после ее появления на исторической сцене²³. Впрочем, в своей последней по времени статье, где затрагивается данный сюжет, французский историк склоняется к версии Ж. Поля: Жанну в Шиноне ждали, поскольку знали тексты, предсказывавшие ее появление²⁴.

Как мне представляется, подобная трактовка событий вызывает определенные сомнения, в первую очередь текстологического характера. Прежде всего все упомянутые выше пророчества изначально никак не были связаны ни с конкретной военно-политической ситуацией, в ко-

---

минал на процессе по реабилитации Жанны в 1456 г. и доктор теологии Пьер Миге: PN, 1, 415. Граф Дюнуа также знал это пророчество и уточнял в своих показаниях, что некая Дева (*una Puella*) должна была явиться «на спинах лучников и [пойти] против них», т.е. против английских солдат (*equitaret super dorsum arcitentium, et contra ipsos*): PN, 1, 325.

²⁰ “Quedam Puella, que veniret post eam, eadem arma portaret et regnum Francie ab inimicis liberaret” (PN, 1, 375).

²¹ PN, 1, 296, 298.

²² Paul J. Op. cit. P. 179.

²³ Bouzy O. Prédiction et récupération, les prophéties autour de Jeanne d'Arc dans les premiers mois de l'année 1429 // BA. 1990. № 14. P. 39—47, здесь P. 46—47. Гипотезу о «подгонке» давно известных пророчеств под Жанну д'Арк и их использовании в политической пропаганде разделяет и Колетт Бон: *Beaune C. Prophétie et propagande: le sacre de Charles VII // Idéologie et propagande en France / Sous la dir. de M. Jardeni. P., 1987. P. 63—73.*

²⁴ Bouzy O. Jeanne ange, prophétesse, bergère ou pucelle? // Religions et histoire. 2009. № 25. P. 16—21.

торой оказалось Французское королевство весной 1429 г., ни даже собственно с Францией. К примеру, так называемое пророчество Мерлина о пришествии девы представляло собой измененную цитату из «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского и в аллегорической форме свидетельствовало о неминуемом реванше бриттов над англами²⁵. Пророчество о Франции, погубленной женщиной, но спасенной девой, в своем изначальном виде подразумевало Царствие Небесное и роль грешницы Евы и праведницы Марии в его судьбе²⁶. Что же касается пророчества Марии Авиньонской, то в единственном сборнике ее откровений, дошедшем до наших дней, отсутствует интересующий нас пассаж об оружии, увиденном в небе²⁷. Нет никаких упоминаний о нем и в других источниках XIV—XV вв.²⁸ Следует также отметить, что большая часть имеющих у нас свидетельств о существовании весной 1429 г. пророчеств, касавшихся пришествия Девы, возникла значительно позднее. Показания очевидцев и современников деяний Жанны д'Арк на процессе по ее реабилитации в 1455—1456 гг., во-первых, являлись ретроспекцией событий, а во-вторых, были записаны и отредактированы в соответствии с совершенно конкретной целью — представить личность Жанны в самом выигрышном свете. Таким образом, «воспоминания» о якобы предсказывавших ее появление текстах могли быть обычным вымыслом²⁹.

Впрочем, даже если довериться этим рассказам, нельзя не обратить внимание на тот факт, что о пророчествах речь зашла, только когда члены королевского совета, представители парламента и университетские теологи уже приступили к допросам Жанны в Пуатье, т.е. после ее первой встречи с дофином, состоявшейся в Шиноне³⁰. Вопрос, зачем понадобилось подобное трехнедельное расследование, если девушку на самом деле ждали, надеялись на ее появление и изначально верили в ее

²⁵ Подробнее о тексте «пророчества Мерлина», его возможном происхождении и связи с историей Жанны д'Арк см.: *Daniel C. Les prophéties de Merlin et la culture politique (XIIe—XVIe siècles)*. Turnhout, 2006. P. 229—261.

²⁶ *Bouzy O. Jeanne ange, prophétesse*. P. 16.

²⁷ *Tobin M. Le “Livre de révelations” de Marie Robine († 1399)*. Etude et édition // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age, Temps Modernes*. 1986. T. 98. № 1. P. 229—264.

²⁸ *Idem. Une collection de textes prophétiques du XVe siècle: le manuscrit 520 de la Bibliothèque Municipale de Tours* // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen Age*. 1990. T. 102. № 2. P. 417—423.

²⁹ Об особенностях сбора свидетельских показаний перед началом процесса по реабилитации Жанны д'Арк и их последующем редактировании судьями подробнее см.: Глава 3. § 1—2.

³⁰ Исключение представляют лишь показания Дюрана Лаксара и Катерины Ле Ройе: пророчество о Франции, погубленной женщиной, но спасенной девой, очевидно, было известно уже в Вокулере. Но о нем, как отмечает О. Бузи, ничего не знали в Шиноне: *Bouzy O. Jeanne ange, prophétesse*. P. 18.

исключительные способности, исследователи оставляют без внимания. Я полагаю, однако, что решение именно этой проблемы способно радикально изменить наши представления об особенностях восприятия Жанны д'Арк ее современниками как в самом начале ее политической карьеры, так и значительно позднее.

§ 2. Истинный или ложный пророк?

Безусловно, военная и политическая ситуация весной 1429 г. заставляла дофина Карла и его приближенных искать любые пути выхода из кризиса³¹. Однако в данном случае перед ними находилась молодая, никому не знакомая особа, совершенно уверенная в том, что является посланницей Господа (*ex parte Domini sui*), и пытавшаяся убедить в том же окружающих ее людей. Об этом стремлении Жанны говорили все без исключения очевидцы событий, дававшие показания на процессе по ее реабилитации. По свидетельству Бертрана де Пуланжи, о своей миссии девушка впервые сообщила еще Роберу де Бодрикуру, капитану Вокулера, который в конце концов снабдил ее всем необходимым для путешествия в Шинон и дал провожатых, которых Жанна также постоянно убеждала в собственной избранности³². Жан де Нуйомпон так передавал в 1456 г. ее слова: «Никто в мире, ни короли, ни герцоги, ни дочь короля Шотландии, не смогут освободить Французское королевство. Это сделаю я, ибо так желает Господь»³³. Об уверенности Жанны в Божественном характере своей миссии (*missa ex parte Dei, missa a Deo*) вспоминали позднее Робер де Гокур, Реньо Тьери, Гобер Тибо и Жан д'Олон³⁴, находившиеся весной 1429 г. в Шиноне и Пуатье. Однако именно эта, столь твердая позиция девушки по данному вопросу и стала причиной, по которой мнения о ней при дворе разделились. По свидетельству президента Счетной палаты Симона Шарля, некоторые королевские советники полагали, что дофину обязательно следует увидеться с Жанной, поскольку она является посланницей Господа; другие же считали, что доверять столь подозрительной особе ни в коем случае

³¹ Pernoud R. Jeanne d'Arc par elle-même et par ses témoins. P., 1962. P. 79—89; Beaune C. Jeanne d'Arc. P. 83—85.

³² PN, 1, 305.

³³ «Nullus enim in mundo, nec reges, nec duces, nec filia Regis Scotie, aut alii, possunt recuperare regnum Francie... Et hoc faciam, quia Dominus meus vult ut ita faciam» (PN, 1, 290). Под «дочерью короля Шотландии» подразумевалась Маргарет Стюарт (1424—1445), дочь Якова I, просватанная за дофина Людовика (будущего Людовика XI), чьей супругой она стала в 1436 г.

³⁴ PN, 1, 326, 330, 368, 475.

нельзя³⁵. А потому, заключал Симон Шарль, решение о встрече Карла с девушкой было принято не без «трудностей» (*cum difficultate*)³⁶. Как мне представляется, данное обстоятельство объяснялось тем фактом, что в глазах многих придворных Жанна оказывалась никем иным, как одним из самопровозглашенных пророков, отношение к которым среди французских теологов и светской знати в первой половине XV в. было весьма неоднозначным.

Это отношение сформировалось в первую очередь благодаря церковному собору в Констанце (1414—1418)³⁷, одним из основных вопросов на повестке дня которого стала дискуссия о различении истинных и ложных пророков. Данная дискуссия была вызвана расследованием, предпринятым участниками собора в отношении сразу трех известных проповедников: Джона Виклифа, Яна Гуса и Иеронима Пражского. И если Виклиф ко времени проведения собора уже умер, то оба чешских священника, прибывшие в Констанц, были арестованы, обвинены в распространении ереси и казнены³⁸. Не менее важным оказалось и проведенное в рамках собора повторное рассмотрение результатов канонизации Бригитты Шведской, которая была признана святой в 1391 г., но природа откровений которой продолжала тревожить католическую церковь³⁹. Французская делегация, являвшаяся одной из самых представительных в Констанце и состоявшая из наиболее авторитетных деятелей церкви, приняла самое активное участие в этом обсуждении. Ее интерес к данной проблеме был связан прежде всего с тем, что саму доктрину *discretio spirituum*, т.е. принципы отличия истинных провидцев и визионеров от ложных пророков, в XIV—XV вв. разрабатывали именно французские теологи.

Концепт *discretio spirituum* появился впервые уже в самых ранних христианских текстах⁴⁰. Несмотря на то, что данное понятие отсутствовало в Вет-

³⁵ “Aliqui de consiliariis regis dicebant quod rex eidem Johanne nullam adhibere debebat fidem; et alii quod, ex quo dicebat se missam a Deo et quod aliqua habebat loqui cum rege, quod rex ad minus eam audire debebat” (PN, 1, 400).

³⁶ PN, 1, 400.

³⁷ О Констанцском соборе см. прежде всего: *Valois N.* La France et le Grand Schisme d'Occident. P., 1896—1902. Т. 4. См. также: *Stump P.H.* The Reforms of the Council of Constance (1414—1418). Leiden, 1993; *Tanner N.* The Church in the Later Middle Ages. L.-N.Y., 2008.

³⁸ *Tanner N.* Op. cit. P. 19, 143—153; *Spinka M.* John Hus at the Council of Constance. N.Y., 1965.

³⁹ *Vauchez A.* La sainteté en Occident. P. 318, 474, 486—487; *Sahlin C.* Brigitta of Sweden and the Voice of Prophecy: a Study in Gender and Religious Authority in the Later Middle Ages. Woodbridge, 2001. P. 136—168.

⁴⁰ Краткий обзор истории возникновения и развития доктрины *discretio spirituum* см. в: *Martin H. et al.* Discernement des esprits // Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique / Sous la dir. de C. Baumgartner. P., 1957. Vol. 3. Col. 1222—1287; *Switek G.* “Discretio spirituum”: Ein Beitrag zur Geschichte der Spiritualität // The-

хом Завете, его авторы приводили достаточное количество наглядных примеров и даже теоретических рассуждений на тему того, насколько важно различать добро и зло, плохие поступки и хорошие, поскольку дьявол, этот вечный противник Бога, постоянно присутствует в жизни людей. В каждый момент своей жизни человек был обязан выбрать, кто именно поведет его за собой, иными словами, провести процедуру *discretio* (букв. «различения духов»). Наибольшее значение эта последняя приобретала в тех случаях, когда речь шла о судьбе не отдельного индивида, но целого народа. Как следствие, совершенно особым образом интерпретировалась роль пророков в истории — прежде, чем довериться им, необходимо было понять, истинные они или ложные, говорит ли их устами сам Господь или их видения насланы демонами. Главным при этом оставался вопрос личных качеств того или иного пророка: если он обладал определенной «харизмой», божьим даром, помогающим ему самому проводить *discretio spirituum*, его предсказания всегда сбывались, что и указывало остальным людям на его избранность.

Как добродетель способность к *discretio* рассматривалась и в Новом Завете. Однако здесь, в посланиях апостола Павла⁴¹, появились и первые рассуждения о том, что личной уверенности человека может оказаться недостаточно для понимания того, кто именно — Господь или дьявол — побуждает его к совершению тех или иных поступков. Таким образом, возникала необходимость в проведении специальной проверки этого дара, что, по мнению апостола, как в случае с Иисусом Христом, было возможно осуществить «по деяниям», т.е. по результатам того или иного пророчества. Впрочем, ни в одном тексте Нового Завета не оговаривались правила подобного разбирательства.

Размышления на данную тему отсутствовали и у первых христианских авторов, которых в большей степени интересовал вопрос, каким образом человек формирует свое видение происходящего и какие силы могут на этот процесс повлиять. Истоки данной традиции лежали в трудах Оригена, выделявшего три «силы» (три духа), способные воздействовать на человека: ангелов, демонов и самих людей. Его схема практически без изменений оказалась воспринята последующими поколениями богословов, разрабатывавших данную доктрину. У Оригена они позаимствовали и оценку характера оказываемого этими «силами» воздействия: ангелы могли провоцировать людей исключительно на добрые поступки, демоны — на дурные. Особое внимание Ориген уде-

---

ologie und Philosophie. 1972. Bd. 47. S. 36—76. На эти две работы я опиралась в данном экскурсе.

⁴¹ Именно в Первом послании апостола Павла Коринфянам появилось и само определение *discretio spirituum*: «Но каждому дается проявление Духа на пользу... Иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков» (1 Кор. 12: 7, 10).

лял при этом собственному выбору человека (идея, которая затем получила развитие в трудах Фомы Аквинского).

Следующий этап в разработке доктрины *discretio* оказался связан с именем Блаженного Августина, в «Граде Божьем» писавшего о том, что не только один человек, но и целые сообщества («города») могут испытать на себе влияние Бога или дьявола, и характер подобного воздействия также нужно уметь различать. Чуть позднее Кассиан обратил в своих трудах внимание на другой важный аспект проблемы: его интересовали те человеческие качества, которые позволяют отдельным людям обрести дар *discretio*, саму способность различать добро и зло. Для него такими добродетелями являлись прежде всего смирение и открытость сердца Богу, которые он настоятельно советовал развивать в себе не только молодым монахам, но и их старшим товарищам, чей моральный облик также часто оказывается далеким от совершенства. Источникам человеческих знаний о мире и побудительным мотивам людских поступков (согласно предложенной Оригеном схеме) уделял внимание и Григорий Великий.

С наступлением эпохи Средневековья, ростом мистицизма, распространением ересей и, как следствие, появлением лжепророков интерес представителей церкви к *discretio spirituum* лишь возрос. Среди авторов, касавшихся данной темы в своих сочинениях в этот период, следует особо отметить св. Бернара Клервоского, для которого способность к различению духов также являлась прежде всего личной добродетелью человека. Однако вместе с тем св. Бернар писал о ее использовании не только в личных, но и в общественных целях. В данном случае роль пророков оказывалась исключительно велика, учитывая их способность увлечь за собой других людей. А потому Бернар настаивал на изучении различных «духов», которые могут повлиять на принятие таким человеком того или иного решения: самого Господа, ангелов, дьявола и его двух приспешников — зова плоти и мирских радостей. Все эти силы, по мнению св. Бернара, по-разному воздействовали на людей, объявивших себя пророками, а потому совершенно необходимо было не только проводить в их отношении *discretio spirituum*, но и иметь внешнюю гарантию правильности сделанного выбора. Эта идея получила особое развитие в XIII в., с появлением института обязательной исповеди и идеи контроля за религиозной практикой прихожан со стороны исповедников и духовных отцов. Именно эти представители церкви стали первыми, кому теологи посчитали возможным доверить проведение *discretio* в отношении других людей. Однако, как они должны были действовать, из каких этапов эта процедура состояла, какие вопросы следовало задавать кандидату в пророки, никто из авторов XIII и даже XIV в. не знал. Даже Фома Аквинский, особо оговаривавший, что *discretio* чрезвычайно важно в случае

выявления лжепророка, чьи предсказания являются иллюзиями, посланными демонами, не высказывался по данному вопросу⁴².

Только в самом конце XIV в. в решении данной проблемы наметился существенный прорыв, и связан он оказался с работами французских теологов. Одним из них являлся Пьер д'Альи (1350—1420), выпускник, а затем канцлер Парижского университета, доктор теологии и кардинал, один из самых активных участников Констанцского собора⁴³. В сочинении *De falsis prophetis* (1372—1395 гг.) он писал, что в ситуации, когда приближается конец света и появляется все больше лжепророков (*divisio schismatica*), процедура *discretio* представляется особенно важной и полезной⁴⁴. Однако, продолжал он далее, ее применение на практике связано с большими трудностями, поскольку люди, выдающие себя за провидцев или на самом деле таковыми являющиеся, могут узнавать о будущем различными способами: посредством Божественных откровений, при помощи человеческих знаний и умений, а также от дьявола⁴⁵. Иными словами, д'Альи полагал, что демоны могут не только вводить людей в заблуждение, но и говорить правду, пусть даже она и не является истинным откровением (*revelatio divina*)⁴⁶. Подобное допущение создавало несомненные трудности при различении подлинных и ложных пророчеств, а потому французский теолог весьма скептически относился к любого рода предсказаниям и их авторам⁴⁷. Единственной истинной средневековой визионеркой он почитал Хильдегарду Бингенскую⁴⁸, известную сво-

⁴² Подробнее о взглядах Фомы Аквинского на взаимодействие человека с демонами см. ниже: Глава 2. § 2.1.

⁴³ См. о нем: *Ouy G. Pierre d'Ailly // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992. P. 1155—1158 ; Guenée B. Entre Eglise et Etat: quatre vies de prélates français de la fin du Moyen Age. P., 1987. P. 125—299, 461—477; Smoller L. History, Prophecy, and the Stars: The Christian Astrology of Pierre d'Ailly, 1350—1420. Princeton, 1994; Boudet J.-P. Un prélat et son équipe de travail à la fin du Moyen Age: Remarques sur l'oeuvre scientifique de Pierre d'Ailly // Humanisme et culture géographique à l'époque du Concile de Constance autour de Guillaume Fillastre / Ed. par D. Marcotte. Turnhout, 2002. P. 127—150.*

⁴⁴ *D'Ailly P. De falsis prophetis // Gerson J. Opera omnia / Ed. par L.E. du Pin. Antwerp, 1706. Vol. 1. Col. 517.* Краткое изложение взглядов д'Альи относительно доктрины *discretio spirituum* см. в: *Caciola N. Discerning Spirits: Divine and Demonic Possession in the Middle Ages. N.Y., 2003. P. 287—288.*

⁴⁵ "Anima humana ex vi sua naturali potest prophetare futura" (*D'Ailly P. Op. cit. Col. 530*). "Sufficienter possit cognosci de aliqua Prophetia, utrum fit a spiritu maligno, vel a Spiritu sancto inspirata" (*Ibid. Col. 512*). См. также: *Ibid. Col. 502, 534—535.*

⁴⁶ *Ibid. Col. 528.*

⁴⁷ *Ibid. Col. 490, 500, 511—512, 525—526.*

⁴⁸ Важно отметить, что «святая Хильдегарда» (*sancta Hyldegardis*) не просто упоминалась д'Альи, но цитировалась им наравне с библейскими текстами, Блаженным Августином и Фомой Аквинским, его главными авторитетами: *Ibid. Col. 496, 497, 500, 519.*

им критическим отношением к лжепророкам и предвидевшую, с точки зрения автора, Великую Схизму, которую именно они и породили⁴⁹.

Признавая иллюзорность принципов *discretio spirituum*⁵⁰, Пьер д'Альи тем не менее отмечал, что в каждом конкретном случае причины, заставляющие того или иного человека называть себя пророком, могут быть самого разного свойства (желание быть полезным, материальная заинтересованность, одержимость демоном, и т.д.), но и о них нельзя судить с уверенностью. Ни сопоставление жизни человека с библейскими примерами, ни признание чудесного характера его действий, ни проверка чистоты его веры не в состоянии были, по мнению д'Альи, полностью убедить окружающих в том, что перед ними — истинный провидец⁵¹. Единственным способом понять это, с его точки зрения, оставалась оценка результатов деятельности (*manifestis operibus eorum*) того или иного самопровозглашенного пророка: дела, совершенные «во славу Церкви» (*generali utilitati Ecclesiae*), должны были считаться добрыми и богоугодными, дела, совершенные ради собственной выгоды, — плохими⁵².

В 1401 г. идеи своего учителя развил Жан Жерсон (1363—1429), к тому времени сменивший д'Альи на посту канцлера Парижского университета и являвшийся одним из наиболее влиятельных европейских теологов⁵³. Трактат *De distinctione verarum revelationem a falsis* стал первым его сочи-

⁴⁹ Ту же мысль он развивал позднее, в трактате *De persecutionibus ecclesiae* (1418 г.): Valois N. Un ouvrage inédit de Pierre d'Ailly, le "De persecutionibus ecclesiae" // ВЕС. 1904. Т. 65. Р. 557—574. На позицию д'Альи по данному вопросу, возможно, оказало влияние знакомство с Генрихом фон Лангенштейном († 1397), наиболее известным немецким теологом XIV в., выпускником Парижского университета, вице-канцлером которого он был в 1371—1381 гг. О нем см. прежде всего: Kreuzer G. Heinrich von Langenstein: Studien zur Biographie und zur den Schismatrakaten unter besonderer Berücksichtigung der *Epistola pacis* und der *Epistola consilii pacis*. Paderborn, 1987, особенно S. 107—143. В своих сочинениях, посвященных Великой Схизме, Лангенштейн также указывал на Хильдегарду Бингенскую как на одну из немногих истинных пророков, предсказавших кризис церкви: Blumenfeld-Kosinski R. Op. cit. P. 185—200.

⁵⁰ Здесь позиция д'Альи также оказывалась близка взглядам Генриха фон Лангенштейна: Heinrich von Langenstein. "Unterscheidung der Geister": Lateinische und deutsche. Texte und Untersuchungen zu Übersetzungsliterature aus der Wiener Schule / Hrsg. von T. Hohmann. München, 1977. S. 33—50.

⁵¹ "Sequitur secunda pars, non omnes qui dicit mihi Domine etc. in qua Christus ostendit falsos prophetas, propter confessionem Fidei suae, aut propter Prophetiam seu operationem miraculorum factas in suo nomine, non posse concludi ab ipso missos vel approbatus" (*D'Ailly P.* Op. cit. Col. 500). См. также: Ibid. Col. 489, 494—495, 509, 5023, 511—512, 577.

⁵² Ibid. Col. 511. См. также: Ibid. Col. 497—499, 506.

⁵³ В современной историографии XV в. принято называть «временем Жерсона»: Delaruelle E., Labande E.-R., Ourliac P. L'Eglise au temps du Grand Schisme et de la crise conciliaire (1378—1449). P., 1962. P. 837—869.

нением на данную тему⁵⁴ и был полностью выстроен вокруг одной-единственной метафоры: «Мы (теологи — О.Т.) являемся кем-то вроде духовных менял или торговцев. С мастерством и осторожностью мы изучаем драгоценную и пока незнакомую нам монету Божественного откровения, дабы понять, не демоны ли, силящиеся испортить и подделать любую подлинную Божественную монету, пытаются предложить нам вместо нее фальшивку низкой пробы»⁵⁵. Настоящее откровение Жерсон таким образом уподоблял золотой монете, имеющей пять отличительных свойств: вес, гибкость (или ковкость), долговечность, соответствие образцу и цвет⁵⁶. Применительно к духовным ценностям эти пять качеств означали смирение, скромность, терпение, правдивость и сострадание⁵⁷.

Так, «вес» смирения был необходим истинному пророку, чтобы хранить себя от честолюбия. Тот, кто похваляется своими откровениями и использует их для создания вокруг себя ореола святости, по мнению Жерсона, должен был быть немедленно подвергнут проверке⁵⁸. Качественным близким к смирению оказывалась и скромность, указывающая на готовность того или иного самопровозглашенного пророка принять совет и руководство от вышестоящих (т.е. от представителей церкви). Те, кто прислушивается лишь к собственному мнению, полагал Жерсон, совершают ошибку, ибо становятся особенно подвержены дьявольскому влиянию и одержимости (*daemonum illusiones*)⁵⁹. Терпение — еще одна отличитель-

⁵⁴ Фрэнсис Оукли полагал, что Жерсона следует рассматривать не как ученика, но, скорее, как ближайшего коллегу, единомышленника, а в некоторых случаях и наставника Пьера д'Альи. Он считал, что трактат последнего *De falsis prophetis* был написан значительно позднее, в 1410—1415 гг., уже под влиянием идей Жерсона: *Oakley F. Gerson and d'Ailly: An Admonition // Speculum. 1965. № 40. P. 74—75, 78—79*. Дискуссию на эту тему см. в: *Elliott D. Seeing Double: John Gerson, the Discernment of Spirits, and Joan of Arc // AHR. 2002. Vol. 107. № 1. P. 26—54; Idem. Proving Woman: Female Spirituality and Inquisitional Culture in the Later Middle Ages. Princeton, 2004. P. 264—296; Hobbins D.B. The Schoolman as Public Intellectual: Jean Gerson and the Late Medieval Tract // AHR. 2003. Vol. 108. № 5. P. 1308—1337*.

⁵⁵ «Erimus sicut nummularii seu campsores spirituales, ad solerter et acute examinandum numisma pretiosum et extraneum divinae revelationis ne forte daemons qui monetam quamlibet et divinam et bonam corrumpere falsareque satagunt, subintroducant pro vera moneta et legitima falsam et reprobam» (*Gerson J. De distinctione verarum revelationum a falsis // Gerson J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Glorieux. P., 1960—1975. T. 3. P. 38*).

⁵⁶ Аналогия между процедурой *discretio spirituum* и исследованием металлов была известна средневековым мыслителям, начиная с Амвросия Медиоланского: *Elliott D. Seeing Double. P. 41—42*.

⁵⁷ «Et hoc secundum quinque virtutes ex quibus sumitur argumentum monetae spiritualis legitimate. Humilitas dat pondus; discretio flexibilitatem; patientia durabilitatem; veritas configurationem; caritas dat colorem» (*Gerson J. Op. cit. P. 39*).

⁵⁸ *Ibid.*

⁵⁹ *Ibid. P. 42*.

ная черта истинного провидца — позволяет ему долгое время выносить тяготы духовного пути. Его откровение, если оно истинное, должно противостоять сомнениям и оскорблениям толпы, и это делает его долговечным⁶⁰. Что же касается соответствия образцу, то оно не должно ни в чем противоречить Писанию и церковному учению (*sacra Scriptura locus vel officina*)⁶¹. Точно так же сам истинный пророк, сколь бы сострадательным он ни был, не должен путать телесную любовь с любовью к Богу. Это особенно важно в отношениях мужчин-проповедников и женщин-прихожанок, которые значительно более восприимчивы к ложным откровениям⁶².

Тема физически и интеллектуально ущербных женщин (их впечатлительности и любопытства, их невоздержанности в аскезе и болезненности) стала одной из основных в трактатах Жана Жерсона, посвященных *discretio spirituum*. Поднятая в *De distinctione*⁶³, она продолжила развиваться в следующем по времени сочинении — *De probatione spirituum*, созданном в 1415 г. на Констанцском соборе⁶⁴. Здесь Жерсон отмечал, что излишний энтузиазм, к которому склонны женщины, их ненасытная, чрезмерная и неукротимая страсть неопитов часто становится причиной их впадения в заблуждение⁶⁵. Кроме того, они исключительно любопытны (*fabulas converse*) и готовы принять на веру любые вымыслы, что отдаляет их от истины (*avertuntur a veritate*)⁶⁶.

Исключительное внимание к женщинам-мистикам, которое проявил Жерсон в *De probatione*, объяснялось тем, что трактат был изначально посвящен св. Бригитте Шведской. Свои сомнения относительно ее недавней канонизации автор свел к трем основным пунктам: риску, который собор примет на себя, признав истинными откровения, являющиеся, возможно, ложными; скандалу, который, безусловно, повлечет за собой официальное упразднение уже сложившегося культа святой; опасности оставить данный случай без внимания⁶⁷. Вместе с тем, «казус» Бригитты дал Жер-

⁶⁰ Ibid. P. 45—46.

⁶¹ Ibid. P. 46.

⁶² Ibid. P. 51.

⁶³ Ibid. P. 51—53.

⁶⁴ Жерсон как канцлер Парижского университета являлся официальным главой французской делегации на соборе в Констанце: *Valois N. La France et le Grand Schisme d'Occident. P. 273, 290—296.*

⁶⁵ “Quaeritur ergo si persona sit novitia in zelo Dei, quia novitius fervor cito fallitur si regente caruerit; praesertim in adolescentibus et foeminis, quarum est ardor nimius, avidus, varius, effrenis, ideoque suspectus” (*Gerson J. De probatione spirituum // Gerson J. Oeuvres complètes. T. 9. P. 180.*)

⁶⁶ Ibid. P. 184.

⁶⁷ “Est autem utrobique, vel in approbatione vel in reprobatione, periculum. Approbare enim falsas et illusorias aut frivolas visiones pro veris et solidis revelationibus, quid indignius, quid alienius ab hoc sacro Consilio? Reprobare vero nunc eas quid multifariae multisque modis quaquaversum per diversas nationes probatae dicuntur, non parva est

сону возможность наиболее четко обозначить свои взгляды относительно процедуры *discretio spirituum*. Для этого он воспользовался сочинением духовника шведской святой Альфонсо Печа (бывшего епископа Хаэна) *Epistola solitarii ad reges*, в котором тот оценил личность своей подопечной в соответствии с нормами данной доктрины⁶⁸. Альфонсо писал, что истинный пророк ведет добродетельную жизнь под руководством своего духовного наставника, в результате чего его душу переполняют любовь и милосердие. Он чувствует истинность своих откровений, которые, однако, обязательно должны соответствовать Писанию и церковной доктрине и иметь некую определенную цель. Визионер точно знает время собственной смерти, после которой на его могиле могут происходить чудеса⁶⁹.

На основании этих, весьма внятно сформулированных положений Жерсон создал собственный свод правил, согласно которым надлежало проводить процедуру *discretio spirituum*: «Спросите, кто, почему, кому, каким образом и откуда?». Следующая за кратким перечнем глосса разъясняла: «Кто означает, кому было дано откровение? Что — о чем было это откровение и к чему оно относится? Почему оно было дано? Кому оно было рассказано, чтобы испросить совета? Каким образом протекает жизнь визионера? Откуда происходит откровение?»⁷⁰. Таким образом, в *De probatione* Жерсон не просто уточнял положения доктрины *discretio spirituum*, но выстраивал ее процедуру, взяв за образец инквизиционный процесс, ранее уже ставший моделью для проведения исповеди, канонизационных процессов и процессов против еретиков⁷¹.

---

inde scandalorum in christiane religione et devotione populorum formidatio. Denique in ipso etiam silentio et dissimulatione, ex quo res in medium posita est, non nihil inesse discriminis pertimescimus” (Ibid. P. 179).

⁶⁸ Fraioli D. Gerson Judging Women of Spirit: from Female Mystics to Joan of Arc // Joan of Arc and Spirituality / Ed. by A.W. Astell and B. Wheeler. N.Y., 2003. P. 147—165. Подробнее об отношениях св. Бригитты Шведской с ее духовником см.: Gilkær H.T. The Political Ideas of St. Birgitta and her Spanish Confessor, Alfonso Pecha. Odense, 1993.

⁶⁹ Издание трактата см. в: Jönsson A. Alfonso of Jaén: His Life and Works. Lund, 1989. P. 115—167. См. также: Colledge E. *Epistola solitarii ad reges*: Alphonse of Pecha as Organiser of Brigittine and Urbanist Propaganda // Medieval Studies. 1956. № 18. P. 19—49; Joshikawa N.K. *Discretio spirituum* in Time: The Impact of Julian of Norwich’s Counsel in the “Book of Margery Kempe” // The Medieval Mystical Tradition. Exeter Symposium VII / Ed. by E.A. Jones. Cambridge, 2004. P. 119—132.

⁷⁰ “Tu quis, quid, quare, cui, qualiter, unde require. Quis est cui fit revelatio. Quid ipsa continent et loquitur. Quare fieri dicitur. Cui pro consilio detegitur. Qualiter venire et unde venire reperitur” (Gerson J. De probatione spirituum. P. 180).

⁷¹ Elliott D. Seeing Double. P. 36—37, 43; Zarri G. From Prophecy to Discipline, 1450—1650 // Women and Faith: Catholic Religious Life in Italy from Late Antiquity to the Present / Ed. by L. Scaraffia, G. Zarri. Cambridge (Mass.)-L., 1999. P. 84—85. О влиянии *inquisitio* на процедуру канонизации: Vauchez A. La sainteté en Occident. P. 39—67; Elliott D. Proving Woman. P. 119—179. О «технике» проведения исповеди и допросов еретиков: Cazenave A. Aveu et contrition: Manuels de confesseurs

Соответственно, кроме необходимого для расследования списка вопросов, в трактате были перечислены и условия дознания: проверка на соответствие заявлений самопровозглашенного пророка христианской доктрине, возможность опытным путем узнать истинность его слов, а также наличие у судей вдохновения или «внутреннего чутья»⁷². Отказываясь таким образом от опоры на одно лишь Писание, Жерсон предлагал в качестве доказательства при различении истинных и ложных пророков использовать собственный, эмпирический опыт, что было, безусловно, новым словом в доктрине *discretio spirituum*⁷³.

Эта идея оказалась доведена до логического конца в последнем, специально посвященном данной проблематике трактате Жерсона *De examinatione doctrinarum*, написанном в 1423 г. Здесь автор прежде всего называл лиц, которые способны провести процедуру *discretio*: церковный собор, папа, прелаты в своих диоцезах, доктора теологии — т.е. хорошо образованные и знающие Писание представители церкви⁷⁴. Сюда же относились и те, кто получил подобный дар Свыше: в качестве примера Жерсон ссылаясь на мать Блаженного Августина Монику, обладавшую способностью различать истинных и ложных пророков⁷⁵. Однако, по его мнению, такие люди прежде всего должны были сами пройти процедуру *discretio spirituum*, хотя даже в этом случае некоторые из них (и прежде всего женщины) совершенно не годились для подобного занятия⁷⁶. Всем же остальным — тем, кто мог стать настоящими судьями, — следовало проявлять предельную осторожность, дабы их выводы оказались взвешенными и верными⁷⁷.

---

et interrogatoires d'inquisition en Languedoc et en Catalogne (XIIIe-XIVe siècles) // La piété populaire au Moyen Age. P., 1977. P. 333—352; Little L. Les techniques de la confession et la confession comme technique // Faire croire: Modalités de la diffusion et de la réception des messages religieux du XIIe au XVe siècle. Rome, 1981. P. 87—99; Elliott D. Proving Woman. P. 9—43. См. также сборник статей, целиком посвященный данной проблеме: L'Aveu. Antiquité et Moyen Age. Rome, 1986.

⁷² “Uno quidem modo per modum artis et doctrinae generalis, sicut per eruditionem sacrarum Scripturarum, diligenti pioque studio conquisitam... Alius invenitur modus per inspirationem intimam seu internum saporem, sive per experimentalem dulcedinem quamdam, sive per illustrationem a montibus aeternis, effugantem tenebras omnis dubietatis” (Gerson J. De probatione spirituum. P. 178).

⁷³ “Hic autem est modus tertius alius a praedictis, probandi spiritus; quoniam primus est doctrinalis, secundus est experimentalis, tertius officialis scilicet ex officio hierarchico atque spirituali dono concessus” (Ibid.).

⁷⁴ Gerson J. De examinatione doctrinarum // Gerson J. Oeuvres complètes. T. 9. P. 458.

⁷⁵ “Examinator hujusmodi doctrinarum, est omnis habens discretionem spirituum, quantum hoc donum Spiritus Sancti in eo vult extendi... Est autem operatio sua facere quodam intimo sapore cum illustratione certa cognitam esse veritatem. Exemplum est Monica matre sancti Augustini” (Ibid. P. 464).

⁷⁶ Ibid. P. 467—468, 472—473.

⁷⁷ Ibid. P. 460.

Трактаты Жана Жерсона, посвященные доктрине *discretio spirituum*, оказали огромное влияние на его современников⁷⁸. В частности, его взгляды относительно откровений св. Бригитты Шведской разделяли члены французской делегации на Констанцском соборе (пусть даже их возражения и не привели к отмене результатов канонизации, которые были подтверждены папой Иоанном XXIII 2 февраля 1415 г.). Среди этих последних находились и советники дофина Карла, призванные весной 1429 г. вынести решение о природе пророческого дара Жанны д'Арк: архиепископ Реймский Реньо де Шартр и доктора теологии из Парижского университета Журден Морен и Пьер де Версаль⁷⁹. Не стоит забывать и о королевском духовнике Жераре Маше, также принимавшем участие в допросах девушки и являвшемся учеником Жана Жерсона, поддерживавшим с ним переписку до самой его смерти⁸⁰. Как мне представляется, абсолютная убежденность Жанны в собственной Божественной избранности ставила ее в глазах этих людей в один ряд с Бригиттой Шведской, Эрминой Реймской и другими женщинами-мистиками, чью деятельность осуждал в своих сочинениях знаменитый французский теолог⁸¹, и вызывала закономерные сомнения в природе ее откровений. Именно поэтому, на мой взгляд, для вынесения окончательного решения о личности и намерениях Жанны д'Арк в Шиноне и Пуатье была использована процедура *discretio spirituum*.

§ 3. «Все в ней делает ее подозрительной...»

Свидетельством этому являлся не только тот факт, что допросы девушки проводили сподвижники и единомышленники Жана Жерсона. Сторонние наблюдатели также прекрасно понимали суть происходящего. Так, в письме, отправленном в Венецию из Брюгге 10 мая 1429 г., итальянский

⁷⁸ Boland P. The Concept of "discretio spirituum" in John Gerson's "De probatione spirituum" and "De distinctione verarum visionum a falsis". Washington, 1959. P. 153—154; Peyronnet G. Gerson, Charles VII et Jeanne d'Arc. La propagande au service de la guerre // Revue d'histoire ecclésiastique. 1989. Vol. 84. № 2. P. 337—339. О влиянии идей Жерсона на последующее развитие доктрины: Sluhovsky M. Discerning Spirits in Early Modern Europe // Communicating with the Spirits / Ed. by G. Klaniczay and E. Pócs. Budapest, 2005. P. 53—70.

⁷⁹ Valois N. La France et le Grand Schisme d'Occident. P. 276, 288—289, 299, 320; Coville A. Pierre de Versailles (1380?-1446) // BEC. 1932. T. 93. P. 214—218. Об участии этих людей в допросах Жанны в 1429 г. см. свидетельства очевидцев на процессе по реабилитации: PN, 1, 328, 368, 375—376, 389, 471—472.

⁸⁰ Peyronnet G. Op. cit. P. 341—342.

⁸¹ Об отношении Жана Жерсона к конкретным представительницам женского средневекового мистицизма см.: Peyronnet G. L'environnement religieux de la "Mission" de Jeanne d'Arc // BA. 1983. № 7. P. 29—41; Anderson W.L. Gerson's Stance on Women // A Companion to Jean Gerson / Ed. by B.P. McGuire. Leiden, 2006. P. 293—315.

купец Панкрацио Джустиниани замечал, что «ничто не может быть более очевидным, чем ее победа в диспуте с теологами (*disputacion con maistry in tolegia*)», и называл Жанну «второй св. Екатериной» (*altra Catarina*), т.е. сравнивал ее с Екатериной Александрийской, отстаивавшей свои христианские убеждения в суде перед мудрецами, созванными императором Максимианом⁸². В письме к неизвестному европейскому монарху в конце июля 1429 г. Ален Шартье вел рассказ об удивительной посланнице Небес также в рамках судебного дискурса: он писал о ней как о «женщине, [выступившей] против мужчин», как о «неграмотной, [выступившей] против ученых», как об «одной, [выступившей] против многих», как о «самой незначительной, [выступившей] против лучших»⁸³. Наконец, в законченном 31 июля 1429 г. *Ditié de Jeanne d'Arc* Кристина Пизанская с уверенностью заявляла: «Ее успех не является иллюзией, что было полностью признано судом и, говоря коротко, доказано делом»⁸⁴.

Впрочем, судьи Жанны д'Арк далеко не сразу пришли к столь однозначному выводу. Согласно сформулированным Жерсоном принципам процедуры *discretio spirituum*, они начали свое расследование с опроса людей, знавших девушку до момента ее появления при дворе, — Жана де Нуйомпона и Бертрана де Пуланжи, сопровождавших ее из Вокулера: на процессе по реабилитации они оба вспоминали о расспросах, которым подверглись в Шиноне (*testis de gestis ejusdem Johanne se refert*)⁸⁵. Тогда же состоялся и первый допрос самой Жанны⁸⁶, в результате которого, если верить письму члена королевского совета Жана Жирара Жаку Желю⁸⁷, она была найдена «благочестивой, скромной, воздержанной и целомудренной», а ее пришествие сочтено «проявлением Божественной воли»⁸⁸.

⁸² Chronique d'Antonio Morosini. P. 50—52.

⁸³ “Foemina cum viris, indocta cum doctis, sola cum multis, infima de summis disputat!” (*Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. P. 1841—1849. T. 5. P. 133; далее везде: Q, том, страница*).

⁸⁴ “Son fait n'est pas illusion, / Car bien a este esprouvee / Par conseil (en conclusion, / A l'effect la chose est prouvee)” (*Christine de Pizan. Ditié de Jeanne d'Arc / Ed. by A.J. Kennedy, K. Varty. Oxford, 1977. V. 229—232*).

⁸⁵ PN, 1, 291, 307.

⁸⁶ Об этом также свидетельствовал Жан де Нуйомпон: “Que tunc multum fuit interrogata” (PN, 1, 291). См. также показания оруженосца Жанны Луи де Кута (PN, 1, 362) и Симона Бокруа (PN, 1, 371).

⁸⁷ Оригинал переписки Жака Желю с будущим Карлом VII, его супругой Марией Анжуйской и ближайшими советниками Жаном Жираром и Пьером Лермитом не сохранился. Историкам она известна в позднейшем изложении Марселина Форнье: *Fornier M. Histoire générale des Alpes Maritimes ou Cottiennes. P. 1890—1892*.

⁸⁸ *Ibid.* T. 2. P. 313—314. Личные качества Жанны, отмеченные Жираром, вполне соответствовали списку, составленному Жаном Жерсоном в *De distinctione verarum revelationem a falsis*, и являлись неотъемлемыми чертами истинного пророка (см. прим. 57).

Жанне разрешили встретиться с дофином, однако тот, по всей видимости, не удовлетворился полученными сведениями и пожелал, чтобы допросы девушки продолжились в Пуатье, а в Домреми были отправлены комиссары для сбора дополнительной информации⁸⁹.

Причина подобного промедления, как мне представляется, крылась не столько в нерешительности Карла или в его излишней любознательности, сколько в самой процедуре *discretio spirituum*, требовавшей от судей ни в коем случае не торопиться с вынесением окончательного решения и действовать крайне осмотрительно. К тому же призывал королевских советников Жак Желю. Архиепископ Амбрена и один из самых преданных сторонников дофина, к которому обратились за советом судьи Жанны, весьма скептически относился к женскому мистицизму: он полностью разделял взгляды Жана Жерсона, высказанные тем на Констанцском соборе, участником которого также являлся⁹⁰. Уже в своем первом письме Жану Жирару и Пьеру Лермиту в марте 1429 г. он настаивал, что нельзя сразу безоговорочно довериться словам Жанны — одинокой деревенской девушки, слабой, а потому, возможно, подверженной иллюзиям⁹¹. Французам, и так имеющим репутацию легковверных людей, не следует лишний раз позориться в глазах окружающих⁹². В письме, отправленном лично дофину Карлу и его супруге Марии Анжуйской, Желю настаивал на проведении тщательнейшего расследования в отношении Жанны, поскольку «все [в ней] делает ее подозрительной»⁹³.

Очевидно, что архиепископ Амбрена имел в виду биографию Жанны, сведения о ее прошлом, которых явно не хватало на данном этапе следствия, но которые были абсолютно необходимы для процедуры *discretio spirituum*. Жан Жирар мог сообщить Желю лишь о том, что родом девушка из Вокулера (что уже было ошибкой), что она выросла «среди овец» и что ей 16 лет⁹⁴. Однако, именно эта информация выглядела в глазах его адреса-

⁸⁹ PN, 1, 374 (свидетельство Жана Барбена), PN, 1, 326 (показания Рауля де Гокура), PN, 1, 381—382 (свидетельство герцога Алансонского).

⁹⁰ О Жаке Желю см.: *Dorange A. Vie de Mgr. Gelu, archévêque de Tours au XVe siècle, écrite par lui-même, et publiée d'après un manuscrit de la Bibliothèque municipale // Bulletin de la Société archéologique de Touraine. 1875. № 3. P. 267—280; Goyau G. Jacques Gelu: ses interventions pour Jeanne d'Arc // RQH. 1932. № 117. P. 302—320. Об участии Желю в Констанцском соборе см.: Valois N. La France et le Grand Schisme d'Occident. P. 259, 332, 343—345, 402.*

⁹¹ Здесь Желю буквально цитировал слова Жерсона из *De probatione spirituum* (см. прим. 70).

⁹² *Fornier M. Op. cit. P. 314.* Здесь Желю также опирался на размышления Жана Жерсона: *Gerson J. De probatione spirituum. P. 182—183.*

⁹³ *Fornier M. Op. cit. P. 315.*

⁹⁴ *Ibid. P. 313.* О том, что родина Жанны — Вокулер, ошибочно сообщали и Ален Шартье (Q, 5, 132), и секретарь Ларошельской ратуши (*Quicherat J. Relation inédite sur Jeanne d'Arc // RH. 1877. № 4. P. 337.*)

та крайне подозрительной. Близость родины Жанны, Лотарингии, к Бургундии, враждебному по отношению к Франции государству, заставляла усомниться в политических симпатиях девушки⁹⁵. Занятие пастушеством (и связанное с ним вынужденное постоянное одиночество), с точки зрения Желю, вело к тому, что девушка оказывалась особенно впечатлительна, а ее принадлежность к женскому полу не позволяла, по его мнению, заниматься ратным делом, носить оружие и вести за собой войско — а также проповедовать, заниматься судопроизводством или адвокатской деятельностью⁹⁶. Следовательно, необходимо было еще раз самым внимательным образом проверить все обстоятельства данного дела: архиепископ был уверен, что никакая ложь не выдержит испытания временем и проявит себя, точно так же как и правда или как любая внутренняя болезнь⁹⁷.

Как мне представляется, именно в соответствии с рекомендациями Жака Желю дофин Карл и потребовал от своих приближенных нового следствия в отношении Жанны д'Арк, которое шло в течение трех недель в Пуатье⁹⁸. Материалы этих допросов не сохранились, и нам известен лишь текст «Заключения», в котором подводились их итоги⁹⁹. Впрочем, и здесь о биографии девушки, о ее репутации и нравах говорилось крайне мало: «О ее рождении и жизни было рассказано много удивительных вещей (*plusieurs choses merveilleuses*), которые можно счесть правдивыми (*comme vraies*)»¹⁰⁰. Эта общая формулировка не сообщала практически ничего, однако оставляла большой простор для воображения¹⁰¹. Точно так же пере-

⁹⁵ Fornier M. Op. cit. P. 315.

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ Ibid. P. 315—316. В данном случае Желю вновь опирался на мнение, высказанное Жерсоном: Gerson J. De distinctione verarum revelationum a falsis. P. 55—56.

⁹⁸ PN, 1, 326 (свидетельство Рауля де Гокура).

⁹⁹ То, что речь в данном случае шла именно о судебном процессе, было совершенно очевидно современникам событий. На процессе по реабилитации Жанны д'Арк, состоявшемся в 1455—1456 гг., свидетель Николя де Упвиль отмечал, в частности, что, согласно каноническому праву, в 1431 г. против девушки нельзя было возбуждать обвинительного процесса, поскольку ее дело уже было рассмотрено в Пуатье (*jam fuerat examinata per clerum Pictavensem*) при участии архиепископа Реймского, которому формально подчинялся Пьер Кошон как епископ Бове: PN, 1, 445.

¹⁰⁰ Q, 3, 392.

¹⁰¹ Так, например, Персеваль де Буленвилье, камергер и советник дофина Карла, в письме миланскому герцогу Филиппо Мария Висконти от 21 июня 1429 г. создавал (очевидно, с опорой на «Заключение») совершенно фантастическую картину рождения Жанны, уподобляя его явлению Иисуса Христа: «Она увидела свет сей брэнной жизни в ночь на Богоявление Господне (*in nocte Epiphaniarum Domini*), когда все люди радостно славят деяния Христа. Достоинно удивления, что все жители деревни были охвачены в ту ночь необъяснимой радостью (*inaestimabili commoventur gaudio*) и, не зная о рождении Девы, бегали взад и вперед, спрашивая друг друга, что случилось... Петухи, словно глашатаи радостной вести (*novae laetitiae praecones*), пели в течение двух часов так, как никогда не пели раньше, и били крыльями, и казалось,

чень личных качеств Жанны — она была названа «доброй, смиренной, целомудренной, благочестивой, порядочной и простой»¹⁰² — представлял собой всего лишь очередной парафраз из *De distinctione* Жана Жерсона¹⁰³.

Прекрасно понимая, что собранных сведений недостаточно, и отмечая, что, «согласно Священному Писанию», существуют две возможности проведения *discretio spirituum* — узнать подробности жизни самопровозглашенного пророка (*en enquérant de sa vie, de ses meurs et de son entencion*) и получить знак Свыше о его избранности (*requerir signe d'aucune euvre ou sperance divine*)¹⁰⁴ — судьи в Пуатье настаивали на применении в данном случае именно второго способа¹⁰⁵. Они потребовали от Жанны явить дофину Карлу знак, подтверждающий ее Божественную миссию, однако она заявила, что продемонстрирует его только под Орлеаном, и не раньше¹⁰⁶. Категорический отказ девушки от возможности немедленно доказать окружающим правдивость своих слов, насколько можно судить, был воспринят королевскими советниками достаточно настороженно¹⁰⁷. Ведь он шел вразрез с самой доктриной *discretio*, утверждавшей, что заявления истинного пророка не должны противоречить библейским образцам. В тексте «Заклучения» приводилось сразу два примера, когда на избранность того или иного человека указывал знак, ниспосланный Свыше: истории нечестивого царя Ахаза, отвергшего Господа и в качестве знамения Его гнева увидевшего опустошение Иудеи, и благочестивого Гедеона, возродившего религию предков и победившего с Божьей помощью врагов иудеев мадианитян¹⁰⁸. Однако Жанна, даже если и знала об этих библейских образцах, не захотела им соответствовать, чем поставила своих судей в весьма затруднительное положение. Возникшую сложность, как мне представляется, прекрасно чувствовали и современники событий, в откликах которых понимание процедуры *discretio spirituum* и важности ее проведения в отношении Жанны д'Арк вы-

---

что они предвещают явление чего-то небывалого (*novae rei praeosticare videntur eventum*)» (Q, 5, 116). Подробный анализ письма Буленвилье см. в: Глава 3. § 3.

¹⁰²«Mais en elle on ne trouve point de mal, fors que bien, humilité, virginité, dévotion, honnesteté, simplesse» (Q, 3, 392).

¹⁰³См. прим. 57.

¹⁰⁴Q, 3, 391.

¹⁰⁵В данном случае они следовали словам Жана Жерсона, также настаивавшего на демонстрации знака: *Gerson J. De probatione spirituum*. P. 180.

¹⁰⁶«Quant à la seconde manière de probacion, le roy luy demanda signe, auquel elle respont que devant la ville d'Orléans elle le monstrera, et non par ne en autre lieu» (Q, 3, 392).

¹⁰⁷Как вспоминал на процессе по реабилитации доктор теологии Сеген де Сеген, участвовавший в допросах в Пуатье, он лично предупредил Жанну о том, что Господь не захочет (*Deus nolebat*), чтобы дофин и его приближенные поверили ей, если она ничем не подтвердит свои слова: PN, 1, 472.

¹⁰⁸«Aussy commanda Dieu à Achaaz, qu'il demandast signe, quant Dieu luy faisoit promesse de victoire, en luy disant: *Pete signum a Domino*; et semblablement fist Gédeon, qui demanda signe, et plusieurs autres» (Q, 3, 391). Ср.: Ис. 7:10—11; Суд. 6: 17.

лилось в создание сразу нескольких легенд о знаке, якобы данным девушкой дофину Карлу весной 1429 г.

§ 4. Чудесный «знак» Жанны д'Арк

4.1. Легенда об узнавании дофина

Как я уже упоминала выше, согласно принятой в историографии версии событий, Жанна увиделась с Карлом в самом конце февраля или в первых числах марта 1429 г. Встреча произошла под вечер в присутствии всего двора: в своих показаниях на обвинительном процессе 1431 г. девушка сама вспоминала о горевших в зале 50 факелах и о 300 шевалье, собравшихся в Шинонском замке¹⁰⁹. Среди них и попытался затеряться дофин, решивший испытать девушку и представить ей в качестве короля кого-то из своих придворных. Однако Жанна, отвергнув двух первых претендентов, подошла прямо к Карлу и преклонила перед ним колена. Назвав его «благородным дофином», она заявила, что сам Господь послал ее на помощь Французскому королевству.

Легенда об узнавании дофина, вокруг которой выстроено это традиционное описание, в законченном виде фигурировала уже в самых ранних откликах на появление Жанны д'Арк на исторической сцене. Так, Псевдо-Барбаро, неизвестный итальянский гуманист, писал в конце августа-начала сентября 1429 г.¹¹⁰: «Кто, скажи мне, дал тебе понять, что тот, кого тебе предъявили, дабы убедиться в твоей вере и мудрости, не является королем, — тебе, которая, раскрыв обман, потребовала [увидеть] истинного короля. Найдя его, одетого скромно, в то время, как он прятался в толпе богато разодетых придворных, ты приветствовала его в его величии, более Божественном, чем когда бы то ни было»¹¹¹. А в «Записках» секретаря

¹⁰⁹“Ibi erant plusquam trecenti milites et quinquaginta tede seu torchie, sine computando lumen spirituale. Et raro habeo revelaciones quin ibi sit lumen” (PC, 1, 76). Эти слова отсутствуют во французской «минуте» (MF, 116).

¹¹⁰О датировке и возможных источниках письма Псевдо-Барбаро см.: *Тогоева О.И.* Путешествие как миссия в эпопее Жанны д'Арк // *Одиссей. Человек в истории* — 2009. М., 2010. С. 91—115.

¹¹¹“Quis, te oro, docuit non esse Regem quem ut fidem et prudentiam experiretur tua pro rege offerebant, ubi ipsa fraudem adversata, verum Regem proposcisti. Inventumque dum medio cultu inter purpuratos principes delitescit divinioris magnificentia salutasti” (*Gilli P. Lépopée de Jeanne d'Arc d'après un document italien contemporain: édition et traduction de la lettre du pseudo-Barbaro (1429)* // *BA.* 1996. № 20. P. 12). Об этом источнике см. подробнее: *Idem.* Une lettre inédite sur Jeanne d'Arc (1429), faussement attribuées à Francesco Barbaro, humaniste vénitien // *Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France* — 1995. P., 1998. P. 53—73; *Idem.* Jeanne d'Arc en Italie au XVe siècle et la restauration de la dignité royale // *Images de Jeanne d'Arc.* P. 19—27.

ря Ларошельской ратуши, датируемых, согласно Жюлю Кишра, осенью 1429 г., появлялся дополнительный элемент этой истории — мотив троекратного испытания Жанны д'Арк: «И когда она приехала в Шинон, где, как было сказано, находился король, она просила дать ей с ним поговорить. И тогда ей показали господина Шарля де Бурбона, говоря, что это и есть король. Но она сразу же ответила, что это не король и что его она легко узнает, если встретит, хотя и не видела никогда прежде. Затем к ней подвели некоего экуюе, говоря, что это король. Но она ответила, что это не так. И вскоре после того король вышел из соседней комнаты, и когда она его увидела, то сказала, что это он, и сказала ему, что прислана к нему Царем Небесным и что она хочет поговорить с ним»¹¹².

Несмотря на то, что очевидцы событий никогда не упоминали о такого рода «чуде в Шиноне»¹¹³, легенда об опознании дофина получила весьма широкое распространение в текстах XV в. О знакомстве с ней еще весной 1429 г. говорили, в частности, свидетели на процессе по реабилитации Жанны. В это время, согласно показаниям Жана Моро, подобные слухи циркулировали в Нормандии. Примерно в то же время, как отмечал Юссон Леметр, они достигли и Лотарингии¹¹⁴. Что же касается испытания, которому якобы подверг девушку дофин Карл, то о нем упоминал в своем рассказе Симон Шарль¹¹⁵. Позднее (в 50—60-х гг. XV в.) эта история с незначительными вариациями повторялась в хронике Жана Шартъе, «Хронике Девы» и в «Дневнике осады Орлеана»¹¹⁶.

Сложнее обстоит дело со свидетельством самой Жанны д'Арк. Отмечая несомненно выдуманный характер легенды об опознании дофина, В.И. Райцес в качестве подтверждения своих выводов приводил именно

¹¹²«Et quand elle fut arrivée au dit lieu de Chinon où le roy estoit, comme dit est, elle demanda parier à luy. Et lors on luy monstra Mons' Charles de Bourbon, feignant que ce fust le Roy; mais elle dit tantost que ce n'estoit pas le Roy, qu'elle le cognestroit bien si elle le voioit, combien que oncques ne l'eust veu. Et après on luy fit venir un escuier, faignant que c'estoit le Roy; mais elle cognut bien que ce n'estoit-il pas; et tantost après le Roy saillit d'unne chambre, et tantost qu'elle le vit, elle dit que c'estoit il et luy dit qu'elle estoit venue à luy de par le Roy du Ciel, et qu'elle vouloit parler à luy» (*Quicherat J. Relation inédite sur Jeanne d'Arc. P. 336—337*).

¹¹³Например, Рауль де Гокур отмечал, что свидание было кратким, поскольку дофин, дабы получить о своей гостье более полную информацию, сразу же определил ее под надзор, в дом своего дворецкого Гийома Белье, и велел, чтобы ее допросили представители церкви: PN, 1, 326.

¹¹⁴PN, 1, 462, 468.

¹¹⁵PN, 1, 400.

¹¹⁶*Chartier J. Chronique de Charles VII, roi de France / Ed. par A. Vallet de Viriville. P., 1858. T. 1. P. 67; Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot suivie de la Chronique normande de P. Cochon / Publ. par A. Vallet de Viriville. P., 1859. P. 273; Journal du siège d'Orléans, 1428—1429, augmenté de plusieurs documents notamment des comptes de ville, 1429—1431 / Publ. par P. Charpentier et C. Cuissard. Orléans, 1896. P. 47.*

ее слова на обвинительном процессе в Руане¹¹⁷. Однако, из более детального анализа этих показаний, как мне кажется, следует, что девушка, возможно, знала о существовании данной легенды. Действительно, на допросе 22 февраля 1431 г., когда речь впервые зашла о встрече в Шиноне, она уточнила лишь, что узнала «своего короля» благодаря «голосу», указавшему ей на него¹¹⁸. Тем не менее уже 27 февраля, вспоминая о письмах, отправленных Карлу из Сент-Катрин-де-Фьербуа, она заявила, что «ей кажется» (*videtur ei*), будто в этих посланиях она обещала «узнать короля среди других» (*ipsa cognosceret bene prefatum regem suum inter omnes alios*)¹¹⁹. Отсутствие этих слов в тексте французской «минуты» может навести на мысль, что они являлись более поздней вставкой, сделанной писцами по указанию судей и призванной усилить основную линию обвинения: подчеркнуть (в рамках процедуры *discretio spirituum*) не Божественное, но дьявольское происхождение откровений Жанны¹²⁰. Вместе с тем, на мой взгляд, они могли свидетельствовать и о том, что девушка знала рассказы о собственном «чудесном» опознании дофина, распространившиеся во Франции и за ее пределами весной-осенью 1429 г., и использовала их в своих показаниях.

Это обстоятельство, безусловно, добавляло правдоподобия данной легенде в глазах не только современников Жанны д'Арк, но и последующих поколений французов. По-прежнему верят в нее и некоторые историки¹²¹. Впрочем, справедливости ради, следует отметить, что в последние годы факт опознания Карла Жанной д'Арк вызывает у специалистов все больше сомнений. Так, например, Оливье Бузи полностью отрицает подобную возможность на том основании, что она никак не

¹¹⁷Райцес В.И. «Свидание в Шиноне». С. 54—55.

¹¹⁸«Item dicit quod, quando intravit cameram sui regis prediciti, cognovit eum inter alios, per consilium sue vocis sibi revelantis» (РС, 1, 51—52). Важно отметить, что эти слова присутствуют и в тексте французской «минуты»: «Lequel elle congnut bien entre les aultres par le conseil de la voix» (МФ, 95).

¹¹⁹РС, 1, 76.

¹²⁰Подробнее см.: Глава 2. § 4—5.

¹²¹В частности, бельгийский ученый Жан Фрекен недавно попытался логически обосновать саму возможность возникновения ситуации, при которой узнавание дофина стало бы необходимостью. С его точки зрения, встреча в Шиноне состоялась 6 марта 1429 г. — в день, когда отмечалось Прощеное воскресенье. По этому поводу в замке был устроен маскарад, куда собралась масса людей. На него же угодила и приехавшая незадолго до того Жанна, вынужденная таким образом разыскивать Карла в толпе переодетых придворных, один из которых вполне мог притвориться королем: *Fraikin J. Was Joan of Arc a "Sign" of Charles VII's Innocence? // Fresh Verdicts on Joan of Arc / Ed. by B. Wheeler and C.T. Wood. N.Y.-L., 1999. P. 61—72.* Как о реальности об узнавании Жанной дофина пишет и голландский исследователь Ян ван Херварден: *Herwaarden J. van. The appearance of Joan of Arc // Joan of Arc. Reality and Myth / Ed. by J. van Herwaarden. Rotterdam, 1994. P. 40.*

согласуется с последующими событиями. Если бы Жанна сразу узнала Карла, отмечает он, это было бы расценено окружающими как чудо, отрицать которое никто бы не осмелился. Однако девушку послали в Пуатье, где допрашивали в течение трех недель. Только после этого дофин решил доверить ей войско и отправить под Орлеан¹²².

Рассматривая историю с опознанием как несомненную выдумку, О. Бузи, тем не менее, никак не объясняет, почему этот эпизод с такой регулярностью появлялся в откликах современников событий. За него это пытаются сделать другие исследователи. По мнению Карен Салливан, данная легенда была частью политической пропаганды, развернутой арманьяками: даже если Жанна просто узнала дофина, подошла к нему и преклонила колена, сам этот факт мог служить указанием на его избранность, ибо ее поступками руководил Господь¹²³. Как полагает американская исследовательница, в словах «Король вовсе не я, Жанна» (*Ce ne suis je pas qui suis roy*) оказывались слышны сомнения Карла в законности его притязаний на французский престол, а потому история с опознанием могла быть сознательно включена его сторонниками в самые разные документы — дабы свидетельствовать о помощи, которую отныне оказывает ему во всех его начинаниях Господь. Пропагандистский характер рассказов об опознании дофина подчеркивает и Франсуаза Отран. Только так, по ее мнению, окружение Карла (военные и политики, привыкшие к более рационалистическому, более светскому, нежели провиденциальному, взгляду на войну и на историю) могло принять и осмыслить вмешательство сверхъестественного в свои дела: они приспособили его под себя, под свои политические, земные нужды¹²⁴.

Таким образом, до сегодняшнего дня ни один исследователь не попытался связать возникновение легенды об узнавании Жанной д'Арк дофина с процедурой *discretio spirituum*, в рамках которой действовали советники Карла и согласно основным принципам которой самопровозглашенный пророк обязан был явить знак своей избранности. Однако, как мне представляется, именно последнее обстоятельство вызвало появление данной истории: в ней поведение Жанны было описано в соответствии с определенными, хорошо известными окружающим нормами. В основе же этих последних лежала схема неизменных поведенческих инвариантов, свойственных любому, в том числе мифологическому герою. К ним в первую очередь относились: предназначение героя, чье появление на исторической сцене бывает обычно предсказано в ряде пророчеств; подозрения в незаконном происхождении; необычные об-

¹²² Bouzy O. Jeanne d'Arc, mythes et réalités. St.-Jean-de-Braye, 1999. P. 62; *Idem*. Jeanne d'Arc, les signes au roi et les entrevues de Chinon. P. 133.

¹²³ Sullivan K. The Interrogation of Joan of Arc. Minneapolis, 1999. P. 67—68.

¹²⁴ Autrand F. Le pouvoir et le surnaturel: Jeanne d'Arc en 1429 // BA. 1995. № 19. P. 16—17.

стоятельства рождения; неясное или неизвестное место рождения; смена местожительства, имени, общественного положения; удивительно быстрое освоение воинского искусства; завоевание земель и, наконец, бескорыстная служба суверену, законность притязаний которого на престол также подтверждается героем¹²⁵. Узнавание избранного, т.е. истинного, а потому законного правителя страны, выступало таким образом одним из неотъемлемых элементов героического поведения. Соответственно, рассказ о свидании в Шиноне, построенный, как мне представляется, именно по этой схеме, не мог не включать в себя момента опознания. Иными словами, данная встреча не могла быть описана иначе: как герой всегда узнает своего короля, так и Жанна узнала Карла¹²⁶.

То, что действия французской героини оказывались подчинены здесь общей для всех эпох мифологической схеме, подтверждается и эпизодом с тройным испытанием, якобы устроенным ей дофином и его окружением, о чем сообщал секретарь Ларошельской ратуши. Специалистов уже давно должны были насторожить эти волшебные три раза, тем более, что в источниках по истории Жанны д'Арк они встречаются постоянно. Так, согласно собственным показаниям девушки в Руане, только на третий раз (*ter illam vocem*) она поверила в то, что к ней в Домреми явился ангел (а не демон)¹²⁷. По прибытии в Вокулер она только с третьей попытки (*in tercia vice*) увиделась с Робером де Бодрикуром¹²⁸ — точно так же, как только на третий день (*in diem terciam*) после своего приезда в Шинон она оказалась допущена к Карлу¹²⁹. В соответствии с фольклорными представлениями многих народов, число 3 фигурирует чаще всего именно в предписаниях: необходимо трижды совершить некое магическое действие, дабы придать действиям главного героя значение сакрализованного ритуала¹³⁰. И тем

¹²⁵ Анализ письменных свидетельств о деяниях Жанны д'Арк сквозь призму поведенческих инвариантов мифологического героя был предложен французским исследователем Жан-Марком Пастре: *Pastré J.-M. Jeanne, l'imaginaire collectif et les invariants de la carrière politique // Images de Jeanne d'Arc. P. 109—116.*

¹²⁶ В свое время в статье, носящей, как представляется, программный характер, Филипп Контамин указывал на необходимость «двойного прочтения» источников, связанных с личностью Жанны д'Арк, — прочтения одновременно эмпирического и мифологического: *Contamine Ph. Mythe et histoire: Jeanne d'Arc, 1429 // Contamine Ph. De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie: figures, images et problèmes du XVe siècle. Orléans-Caen, 1994. P. 63—76.* См. также: *Idem. Une biographie de Jeanne d'Arc est-elle possible? // Images de Jeanne d'Arc. P. 1—15.* Особую склонность средневековых авторов к мифологизации Ф. Контамин отмечал как раз применительно к встрече в Шиноне: *Idem. Mythe et histoire. P. 74.*

¹²⁷ РС, 1, 47—48 = МФ, 93.

¹²⁸ РС, 1, 49 = МФ, 93.

¹²⁹ Q, 5, 118 (свидетельство Персеваля де Буленвиле).

¹³⁰ *Пропт В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2003. С. 68—69; Он же. Русская сказка. М., 2000. С. 226—229.*

не менее, несмотря на столь явно выраженный мифологический характер любой из перечисленных выше встреч Жанны д'Арк, многие исследователи относятся к ним вполне серьезно¹³¹.

Как следствие, в специальной литературе не получила должного развития и гипотеза, высказанная недавно Колеетт Бон относительно конкретного прообраза сцены «узнавания»¹³². Французская исследовательница отмечала, что эта последняя «любопытным образом напоминает» библейский эпизод с помазанием Давида, когда Самуил среди многочисленных — более сильных физически и лучше одетых — кандидатов нашел того, кто являлся истинным царем: «И сказал Самуил Иессею: все ли дети здесь? И отвечал Иессей: есть еще меньший; он пасет овец. И сказал Самуил Иессею: пошли и возьми его... И послал Иессей, и привели его... И сказал Господь: встань, помажь его; ибо это он»¹³³. Как мне представляется, эта библейская история действительно заслуживает внимания и вполне может рассматриваться как образец, по которому строилось описание встречи в Шиноне, поскольку в основных своих чертах полностью соответствует схеме поведения истинного героя. Впрочем, сама К. Бон не стала сколько-нибудь подробно рассматривать данный вопрос. Она предпочла остаться на вполне традиционной точке зрения, посчитав, что момент опознания вполне мог иметь место в действительности: Жанна, будучи истинным пророком, на самом деле узнала своего короля¹³⁴.

4.2. Легенда о королевском «секрете»

В столь же «рациональном» ключе до последнего времени рассматривалась в историографии и вторая легенда о «знаке», якобы данном Жанной д'Арк дофину Карлу, — так называемая легенда о королевском «секрете», самые ранние сведения о котором появились уже весной 1429 г. О том, что некоторые откровения Жанны «король держит в секрете» (*se tenet secreta*), сообщал сеньор де Ротселер в письме, отправленном из Лиона 22 апреля 1429 г. и скопированном секретарем Палаты счетов Брабанта¹³⁵. 9 июля того же года итальянский купец Панкратио Джустиниани писал своему отцу из Брюгге: «Говорят, что она сообщила ему (дофину — О.Т.) то, что никто

¹³¹ См., в частности: *Fraikin J.* Op. cit. P. 62—63, 69; *Fraioli D.* Joan of Arc and the Hundred Years War. Westport-L., 2005. P. 98. Единственным, кто обратил внимание на «типично фольклорный мотив трехкратного испытания», был В.И. Райцес, хотя он и не успел подробно развить эту интересную тему: *Райцес В.И.* «Свидание в Шиноне». С. 52.

¹³² *Beaune C.* Jeanne d'Arc. P. 98.

¹³³ 1 Цар. 16: 11—12.

¹³⁴ *Beaune C.* Jeanne d'Arc. P. 98.

¹³⁵ Q, 4, 426.

не должен был знать кроме него самого и Господа (*altry ca Dio e luy non le saverare*)»¹³⁶. О существовании между Жанной и Карлом какого-то «секрета» сообщали также Ален Шартье¹³⁷ и секретарь Ларошельской ратуши¹³⁸. Вспоминал о нем и Жан д'Олон на процессе по реабилитации в 1456 г.¹³⁹

Следует отметить, что в большинстве этих откликов не говорилось ничего конкретного ни о форме, ни о содержании «секрета»: современникам событий было вполне достаточно самого факта его существования, который они — в рамках доктрины *discretio spirituum* — рассматривали как знак, данный Жанной д'Арк в подтверждение собственной миссии, своей Божественной избранности. Это обстоятельство, тем не менее, не мешало им строить разнообразные догадки о тематике тайной беседы девушки с дофином.

Первое подобное предположение было сделано, на мой взгляд, еще Панкратио Джустиниани, намекавшего, что «секрет», раскрытый Жанной, до того могли знать лишь сам Карл и Господь. Иными словами, речь шла о тайной молитве, содержание которой якобы пересказала девушка во время встречи в Шиноне. Именно эта версия, насколько можно судить, стала одной из основных как в источниках XV в., так и позднее. С молитвы Карла начинался первый вариант «Мистерии об осаде Орлеана», созданный, как полагают исследователи, в 30-е гг. XV в.¹⁴⁰ О молитве сообщал в своих показаниях на процессе по реабилитации Жан Пакерель¹⁴¹. Наконец, по свидетельству Пьера Сала, датируемому 1516 г., сам король признавался своему камергеру (который и стал впоследствии информатором автора) в том, что действительно обращался к Господу с тайной молитвой, содержание которой открыла ему затем Жанна д'Арк¹⁴².

Как полагает Оливье Бузи¹⁴³, именно в сочинении Сала впервые была представлена гипотеза о том, что молитва Карла касалась его легитимности, законности его прав на французский престол¹⁴⁴. Это утвержде-

¹³⁶Chronique d'Antonio Morosini. P. 98.

¹³⁷“Quid loquuta sit, nemo enim est qui sciat illud. Tamen manifestissimum est regem velut Spiritu, non mediocri fuisse alacritate perfusum” (Q, 5, 133).

¹³⁸“Et dit-on qu'elle luy dit certaines choses en secret, dont le Roy fut bien esmerveillé” (*Quicherat J. Relation inédite sur Jeanne d'Arc. P. 337*).

¹³⁹“Parla ladicte Pucelle au roy nostre sire secretement, et luy dist aucunes choses secrètes” (PN, 1, 475).

¹⁴⁰Le Mistere du siege d'Orleans / Edition critique de V.L. Hamblin. Genève, 2002. V. 6813—6819. Подробнее о датировке «Мистерии» и ее единственного сохранившегося до наших дней манускрипта см.: Глава 5. § 4.1.

¹⁴¹“Et hiis auditibus, rex dixit astantibus quod ipsa Johanna aliqua secreta sibi dixerat que nullus sciebat aut scire poterat nisi Deus” (PN, 1, 390).

¹⁴²Q, 4, 278.

¹⁴³*Bouzy O. Jeanne d'Arc, les signes au roi et les entrevues de Chinon. P. 134—135.*

¹⁴⁴“Le roy estant en ceste extresme pensée, entra ung matin en son oratoire, tout seul; et la, il fit une humble requeste et priere à Nostre Seigneur, dedans son cueur, sans

ние, однако, не соответствует действительности, поскольку уже в «Мистерии об осаде Орлеана» речь шла об обращенной к Господу просьбе дофина подтвердить или опровергнуть его «способности [послужить французской] лилии» (*se je ne suis / cappable pour la fleur de liz / et suffisant de la tenir*)¹⁴⁵, а затем передать ему, если он того достоин, «управление королевством»¹⁴⁶. Об этом же говорил на процессе по реабилитации и Жан Пакерель: по его воспоминаниям, «после многочисленных допросов, учиненных ей королем», Жанна обратилась к Карлу с такими словами: «Я объявляю тебе по поручению Господа, что ты — истинный наследник Франции, сын короля (*tu es vray heritier de France, et filz du roy*). Я послана, чтобы отвести тебя в Реймс, где ты будешь коронован и помазан (*recipias coronationem et consacrationem tuam*), если пожелаешь»¹⁴⁷.

Следует отметить, что тайная молитва короля (каким бы ни было ее содержание) являлась весьма распространенным средневековым топосом. По свидетельству современников, особой склонностью к личному общению со Всевышним отличался Людовик Святой, предававшийся молитве перед принятием любого сложного решения¹⁴⁸. К подобной практике, по мнению хронистов, постоянно прибегали и Карл VI, и Карл V, который, в частности, еще будучи дофином, обратился к Господу, Деве Марии и св. Дионисию с тайной мольбой об избавлении столицы королевства от сторонников Этьена Марсея, и его просьба оказалась услышанной¹⁴⁹. В основе этих и подобных описаний лежали, вне всякого сомнения, библейские образцы, на которые следовало, с точки зрения средневековых авторов, ориентироваться французским королям, и прежде всего — история Давида, который был избран царем самим Господом и уподоблялся в христианской экзегетике Христу, поставленному Богом-Отцом царем над всем человечеством¹⁵⁰. Иконографическая тема моления Давида (о победе

---

prononciation de parole, ou il requeroit devotement que, se ainsi estoit qu'il fut vray hoir descendu de la noble maison de France, et que le royaulme justement luy deust appartenir, qu'il luy pleust de luy garder et defendre" (Q, 4, 280).

¹⁴⁵Le Mistere du siege d'Orleans. V. 6855—6860.

¹⁴⁶"Y vous a pleu certainement / me bailler le gouvernement / du royaume, par permission; / se j'é fait faulte aucunement, / je m'en reprens tres grandement, / vous requerant remission" (Ibid. V. 6831—6836). Первым на текст «Мистерии» обратил внимание В.И. Райцес, который, к сожалению, не успел завершить начатое исследование: *Raitses V. I. La légende du "secret du roi" // Le Porche. Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc — Charles Péguy de Saint Pétersbourg. 1996. № 1. P. 9.*

¹⁴⁷PN, 1, 390.

¹⁴⁸Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001. С. 577—584.

¹⁴⁹Autrand F. La prière de Charles V // Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France — 1995. P. 1998. P. 37—68; *Eadem*. Le pouvoir et le surnaturel. P. 15—16.

¹⁵⁰Buc Ph. L'Ambiguïté du Livre. Prince, pouvoir, et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Age. P., 1994. P. 29, 315, 323—327.

в сражении или над недругами, о мире, о заступничестве, о защите народа) была чрезвычайно популярна во французских источниках: достаточно назвать «Роскошный часослов герцога Беррийского», в котором этому сюжету была посвящена 21 миниатюра¹⁵¹. Не менее важным оказывалось и то обстоятельство, что, согласно некоторым средневековым теологам, избрание Давида на царство произошло при активном участии израильского народа, причем не высших, а низших слоев населения¹⁵². Такая трактовка священной истории как нельзя лучше подходила в качестве образца для создания легенды о «секрете»: ведь именно о коронации и обретении власти над Французским королевством, по мнению всех без исключения авторов, шла речь в молитве дофина Карла и в его личной беседе с Жанной д'Арк, простой деревенской девушкой, которая обещала ему осуществить эту просьбу.

Несмотря на явно вымышленный характер истории о тайной молитве короля, она легко прижилась в историографии¹⁵³. Однако, не ставя под сомнение само ее существование и не пытаясь оценить ее символический смысл и возможные истоки, современные исследователи попытались предложить свои собственные гипотезы относительно ее содержания. Так, Франсуаза Отран полагала, что речь шла о молитве, в которой Карл якобы просил у Господа защиты для себя и своей страны¹⁵⁴. С точки зрения Бернара Гене, в молитве говорилось вовсе не о признании прав Карла на престол и не о помощи в победе над врагом, но о прощении, дарованном Свыше за убийство 10 сентября 1419 г. на мосту Монтро Жана Бесстрашного, герцога Бургундского¹⁵⁵. С критикой этой гипотезы выступал Жан Фрекен. Обращаясь к латинскому тексту материалов обвинительного процесса, бельгийский ученый отмечал, что фраза Жанны д'Арк *Habit rex suus signum de factis suis, priusquam vellet ei credere*¹⁵⁶, которую принято обычно пе-

¹⁵¹ Казель Р., Ратхофер И. Роскошный часослов герцога Беррийского. М., 2002. С. 82, 86, 88, 94, 98, 102—103, 107, 109, 118, 120, 122, 124—126. См. также: Мокрецова И.П., Романова В.Л. Французская книжная миниатюра XIII века в советских собраниях. Т. 1 (1200—1270 гг.). М., 1983. С. 73, 81, 85, 95, 96, 115, 116, 118, 120, 121, 146, 186, 193; Т. 2 (1270—1300 гг.). М., 1984. С. 60, 239; *Enluminures françaises du XVe siècle dans les collections de Moscou. Livres d'heures / Réalisation de E. Zolotova*. L., 1991. № 40, 57, 94.

¹⁵² *Vus Ph.* Op. cit. P. 321—323.

¹⁵³ Особенно показательны с этой точки зрения работы конца XIX—начала XX в., т.е. периода, когда активно дискутировался вопрос о канонизации Жанны д'Арк: *Nettement A.* La mission de Jeanne d'Arc // RQH. 1866. Т. 1. P. 526—561; *Ledain B.* Jeanne d'Arc à Poitiers. St.-Maixent, 1891; *Thomas A.* Le "signe royal" et la mission de Jeanne d'Arc // RH. 1910. Т. 103. P. 278—282; *Boissonade P.* Une étape capitale de la mission de Jeanne d'Arc // RQH. 1930. 3me serie. Т. 17. P. 12—67.

¹⁵⁴ *Autrاند F.* Le pouvoir et le surnaturel. P. 16—17.

¹⁵⁵ *Guenée B.* Un meurtre, une société. P. 283—289.

¹⁵⁶ PC, 1, 76. Эта фраза отсутствует во французской «минуте» (MF, 116).

реводит «Прежде чем король поверил ей, он получил знак о своих деяниях» (т.е., по мнению Б. Гене, о своем участии в заговоре против герцога), на самом деле должна звучать как «Прежде чем король захотел поверить ей, он получил знак о ее деяниях»¹⁵⁷. Соответственно, «знаком», данным Карлу, исследователь предлагал считать обещание снять осаду с Орлеана, о чем впервые Жанна заявила во время допросов в Пуатье¹⁵⁸.

Единственным, кто подверг аргументированной критике историю о тайной молитве, был Оливье Бузи¹⁵⁹. Он также справедливо отмечал, что обещание снять осаду с Орлеана не могло рассматриваться дофином Карлом и его окружением в качестве знака избранности Жанны д'Арк, поскольку предоставить его девушка смогла только после того, как покинула Шинон¹⁶⁰. Тем не менее, сама идея существования некоего королевского «секрета» показала французскому историку заслуживающей внимания. В попытке ответить на вопрос, в чем же тот заключался, он обратил внимание на собственные показания девушки в Руане, в которых она весьма недвусмысленно указала своим судьям, что знак, данный ею дофину, имел материальную природу: это была некая золотая корона, символизировавшая «обещание помазания на царство». Именно эта таинственная корона, неизвестно каким образом попавшая в руки Жанны, и послужила, по мнению О. Бузи, «знаком», заставившим Карла официально признать избранность Жанны д'Арк и Божественный характер ее миссии¹⁶¹.

История с принесением короны действительно заслуживает, на мой взгляд, самого пристального внимания, поскольку представляет собой совершенно особую трактовку королевского «секрета», а кроме того основывается на наиболее достоверном из всех возможных в данном случае источников — на показаниях самой Жанны д'Арк, которая, вероятно, лучше всех прочих знала о том, что происходило в Шинонском замке весной 1429 г.

4.3. Легенда о принесении короны

Впервые о знаке (*bona intersignia*), якобы данном дофину Карлу, Жанна упомянула 27 февраля 1431 г. при ответе на вопрос, почему король поверил в ее избранность¹⁶². 10 марта она призналась, что этот знак помимо короля наблюдали и другие люди — архиепископ Реймский, Шарль

¹⁵⁷Fraikin J. Op.cit. P. 64—67 (разрядка моя — О.Т.).

¹⁵⁸Той же версии придерживается в своей недавней книге Мари-Вероник Клен: Clin M.-V. Jeanne d'Arc. P., 2003. P. 46—49.

¹⁵⁹Bouzy O. Jeanne d'Arc, les signes au roi et les entrevues de Chinon. P. 134—135.

¹⁶⁰Ibid. P. 136.

¹⁶¹Ibid. P. 137.

¹⁶²РС, 1, 76. Фраза отсутствует во французской «минуте» (MF, 116).

де Бурбон, Жорж де Ла Тремуи, герцог Алансонский¹⁶³ — однако категорически отказалась описать его, сказав лишь, что его по-прежнему можно увидеть в королевской сокровищнице¹⁶⁴. И только 13 марта 1431 г., на допросе, проводившемся в тюрьме, Жанна по какой-то причине изменила свое решение и поведала судьям поистине удивительную историю. Она сообщила, что знаком ее избранности стала встреча дофина с ангелом, принесшим корону и подтвердившим тем самым, что Карл с помощью Господа получит в свое владение все Французское королевство¹⁶⁵. Однако, сделать это он мог, лишь прибегнув к помощи Жанны и дав ей войско, — только в этом случае он был бы в скором времени коронован и помазан на царство¹⁶⁶.

Встреча дофина Карла с ангелом, согласно Жанне, произошла в самом конце марта или в апреле, поздно вечером. Девушка как обычно проводила время в молитвах и была в своей комнате, в доме «доброй женщины» недалеко от Шинонского замка. Вдруг дверь в ее комнату отворилась, и вошел ангел, который пригласил Жанну следовать за ним¹⁶⁷. Прибыв в замок, они направились в личные покои дофина (*in camera regis*)¹⁶⁸, где вместе с ним находились архиепископ Реймский, Шарль де Бурбон, герцог Алансонский и Жорж де Ла Тремуи¹⁶⁹. Там ангел заговорил с королем, отметив терпение, с которым тот переносил все несчастья, выпавшие на его долю¹⁷⁰. Жанна же сказала, обращаясь к Карлу: «Сир, вот Ваш знак. Возьмите его»¹⁷¹. Знаком этим была золотая корона (*de puro auro*), принесенная ангелом, чудесно пахнувшая и так тонко и богато украшенная, что ни один мастер на земле не смог бы такую изготовить. Корона, таким образом, была послана самим Господом (*ex parte Dei*)¹⁷². Ангел отдал корону архиепископу Реймскому, а тот в свою очередь передал ее дофину. Затем она была помещена в королевскую сокровищницу (*in thesauro regis*), где ее видели очень многие люди,

¹⁶³PC, 1, 116 = MF, 153.

¹⁶⁴“Et durabit usque ad mille annos et ultra. Item dicit quod dictum signum est in thesauro regis sui” (Ibid. = MF, 153).

¹⁶⁵“Item dicit quod illud signum fuit quod angelus certificabat hoc regi suo, sibi apportando coronam et ei dicendo quod ipse haberet totum regnum Francie ex integro, mediante auxilio Dei” (PC, 1, 133—134 = MF, 163).

¹⁶⁶“Et quod ipse poneret eandem Iohannam ad opus, videlicet quod traderet sibi gentes armorum, alioquin non esset ita cito coronatus et consecratus” (PC, 1, 134 = MF, 163).

¹⁶⁷PC, 1, 137 = MF, 167.

¹⁶⁸PC, 1, 134 = MF, 165.

¹⁶⁹PC, 1, 137 = MF, 167.

¹⁷⁰PC, 1, 136 = MF, 165.

¹⁷¹“Dixitque ipsa Iohanna regi suo: Domine, ecce signum vestrum; capiatis ipsum” (PC, 1, 136 = MF, 165).

¹⁷²PC, 1, 135 = MF, 165, PC, 1, 139 = MF, 169.

а не только те, кто присутствовал при встрече с ангелом¹⁷³. Передачей короны явление ангела завершилось: он покинул Жанну в маленькой часовне, расположенной рядом с покоем дофина¹⁷⁴.

Представить, что подобная встреча состоялась в действительности, довольно затруднительно, и именно поэтому большинство исследователей предпочитают не учитывать показания Жанны, повествуя о ее пребывании в Шиноне¹⁷⁵. Эти последние на самом деле никак не могут быть отнесены к описаниям реальных событий. И тем не менее их содержание имеет для нас особое значение — прежде всего, с точки зрения символической реальности, которая не пользуется большим вниманием специалистов по истории Жанны д'Арк, однако была чрезвычайно важна для ее слушателей — участников процесса 1431 г.

Для современников событий — французов, англичан, бургундцев, а также для сторонних наблюдателей — вопрос о том, являются ли законными притязания дофина Карла на престол, был практически основным¹⁷⁶. В нем, собственно, состояла суть всего последнего этапа Столетней войны, в нем же заключалась политическая подоплека обвинительного процесса над Жанной д'Арк: судьям предстояло решить, с чьей помощью — святой или, может быть, ведьмы — Карл стал королем¹⁷⁷. Поскольку по договору в Труа 1420 г. дофин был официально лишен права престолонаследия, и французская корона предназначалась Генриху V Ланкастеру, даже после торжественной коронации в Реймсе 17 июля 1429 г. сторонники Карла не прекращали попыток всеми возможными способами доказать легитимность его права занимать французский престол. Именно с этой точки зрения, как представляется, и следует рассматривать рассказ Жанны д'Арк о явлении ангела, ибо французская королевская семья с большим трепетом относилась к своему образу христианнейших правителей и для его поддержания создала целую символическую систему, в рамках которой явление ангела с короной занимало, насколько можно судить, одно из центральных мест.

В мои задачи не входит проследить в полном объеме историю возникновения и бытования данного мотива. Сходные сюжеты мы наблюдаем в политической культуре Римской империи и Византии, откуда,

¹⁷³РС, 1, 134 = МФ, 163—164, РС, 1, 137 = МФ, 167.

¹⁷⁴РС, 1, 138 = МФ, 167.

¹⁷⁵Исключение представляют работы, авторы которых либо искренне верят в то, что ангел действительно являлся Жанне и Карлу (*Pinoteau H. La symbolique royale française, Ve-XVIIIe siècles. La Roche-Rigault, 2003. P. 282—287*), либо полагают, что Жанна могла описывать как ангела себя саму (*Sullivan K. Op. cit. P. 71—81*).

¹⁷⁶Подробнее об этом см.: *Тогоева О.И. Жанна д'Арк и ее король: Взгляд со стороны // Власть, общество и индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 381—397.*

¹⁷⁷Эта тема подробно рассмотрена ниже: Глава 2. § 1.

вероятно, в опосредованном виде этот топос был заимствован в Западной Европе и активно использовался уже в раннее Средневековье¹⁷⁸. Что касается Франции, то здесь к началу XV в. широкое распространение получила идея о том, что практически все значимые атрибуты королевской власти так или иначе были дарованы Свыше и, в частности, принесены ангелами. Самой ранней легендой такого рода являлась история о принесении священного елеса. Сначала в ней в качестве посланца Небес фигурировала голубка (суть Святой Дух), которая уже с X в. периодически стала заменяться на ангела. В XIV в. появилась легенда об обретении французскими королями — и вновь при помощи ангела — герба с золотыми лилиями: в 1350 г. она была изложена монахом из аббатства Жуайенваль в Шартрском диоцезе. Наконец, третья легенда, возникшая в конце XIV в. и известная нам по сочинениям Рауля де Преля и Жана Голена, сообщала об обретении орифламмы¹⁷⁹.

Интересно, что подробно анализируя каждый из перечисленных атрибутов королевской власти и прослеживая историю возникновения связанных с ними легенд, Марк Блок ни слова не сказал о короне, которую также приносил ангел. Однако, тому, что подобная легенда существовала во Франции, есть как письменные, так и иконографические свидетельства. Так, в последней трети XII в. была создана *Chanson des Saisnes* (или *Chanson des Saxons*). Эта эпическая поэма, близкая по стилю жестам и написанная Жаном Боделем, повествовала о войне Карла Великого с королем саксонцев Гидекленом (Витикиндом). В ней, в частности, говорилось: «Первый король Франции был по приказу Господа / Торжественно коронован поющими ангелами (*coronner à ses anges dignement en chantant*) / А затем Он велел ему (королю — О.Т.) быть на земле его сержантом / Вершить справедливый суд и превыше всего поставить свою веру / Поражать врагов булатом и мечом»¹⁸⁰. Тема нашла свое отражение и в иконографии. В частности, на миниатюре к той же самой *Chanson des Saisnes* (кодекс 1280 г.) был изображен Карл Великий, коронуемый ангелами¹⁸¹, а инициал в королевской хартии о возведении часовни в Венсене (1379 г.) представлял собой фигуру Карла V, на голо-

¹⁷⁸Подробнее см.: Тогоева О.И. Король и ангел. Символическая составляющая репрезентации власти во Франции XV в. // Русская Антропологическая Школа. 2008. Вып. 5. С. 406—437.

¹⁷⁹Подробнее см.: Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 223—224, 330, 332, 336—344; Krynen J. *Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380—1440)*. Etude de la littérature politique du temps. P., 1981. P. 220—228.

¹⁸⁰*Chanson des Saisnes* / Ed. par F. Michel. P., 1839. I, 17—21.

¹⁸¹*Bodel J. Chanson des Saisnes* // *Bibliothèque de l'Arsenal*. Ms. 3142, f. 229.

ву которого также возлагали корону ангелы¹⁸². Та же тема активно использовалась и в королевском церемониале. Так, при торжественном въезде в столицу Франции в 1389 г. супруги Карла VI Изабеллы Баварской с башни собора Парижской Богоматери спускался ангел, проникал сквозь полог из голубой тафты с золотыми лилиями и венчал королеву короной¹⁸³.

Характерно, что и в самых ранних откликах на появление Жанны д'Арк при дворе дофина тема пришествия ангела поднималась достаточно регулярно. Так, в письме Жака Желю, написанном в мае 1429 г. после снятия осады с Орлеана, девушка прямо называлась ангелом, посланным Карлу Свыше для руководства во всех начинаниях¹⁸⁴. Точно так же описывал ее и итальянский купец Джованни да Молино в письме, отправленном в Венецию из Авиньона 30 июня того же года: «Я хочу рассказать вам о некоей французской девушке (*d'una gentil damixela de le parte de Franza*), а лучше сказать, об ангеле (*anzolo*), явившемся от Бога (*da Dio*) и посланном восстановить добрую Францию»¹⁸⁵. Особый, однако, интерес представляют сообщения Жана Жерсона и Кристины Пизанской: оба автора полагали, что Жанна явилась к Карлу в окружении ангелов, на помощь которых могла рассчитывать¹⁸⁶. Близость этих откликов рассказу девушки на процессе 1431 г. заставляет предположить, что она, возможно, знала об их существовании и выстраивала показания в соответствии с уже сложившимся в воображении современников собственным образом¹⁸⁷.

Вместе с тем не стоит исключать влияния на Жанну иных источников информации, как письменных, так и иконографических. К знакомым ей сюжетам следует, как мне представляется, отнести библейские истории — крещение Христа и коронавание Давида. Учитывая особую

¹⁸²Pinoteau H. Op. cit. P. 286.

¹⁸³Подробное описание см.: Хейзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 290.

¹⁸⁴Fornier M. Op. cit. P. 318. В своем *Dissertatio*, созданном примерно в то же время, Желю, подтверждая определение, которое он дал Жанне, отмечал, что понятие «ангел» в данном случае обозначает не «сущность», но «должность» (*angelus enim nomen officii est, non naturae*), на которую Дева поставлена самим Господом: *Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi dissertatio*. P. 598—599.

¹⁸⁵Chronique d'Antonio Morosini. P. 68. .

¹⁸⁶«Ut in manu femine puellaris et virginis confundat fortia iniquitatis arma, auxiliantibus angelis, quibus virginitas amica est et cognata» (PN, 2, 39); «Par miracle fut envoyée / Et divine amonition, / De l'ange de Dieu convoiée / Au roy, pour sa provision» (*Christine de Pizan*. Op. cit. V. 225—228).

¹⁸⁷К такому же выводу пришел в свое время и издатель материалов обвинительного процесса Пьер Тиссе, писавший, что судьи Жанны знали легенду о пришествии ангела заранее и в соответствии с ней выстраивали линию допросов: PC, 3, 104.

привязанность Жанны к культу Богоматери¹⁸⁸, необходимо вспомнить и о «Короновании Марии», последнем после Успения эпизоде из хорошо известного в Средневековье (благодаря прежде всего «Золотой легенде» Якоба Ворагинского) жития Марии¹⁸⁹. Основанный, как полагают, на тексте Откровения Иоанна Богослова¹⁹⁰, этот сюжет положил начало целой иконографической традиции, получившей развитие во Франции, начиная с XIII в. К ней относились как миниатюры из многочисленных часословов и сборников «Чудеса Богоматери», так и скульптурные изображения. Так называемые порталы Богоматери были созданы в соборах самых разных французских городов: Шартра, Парижа, Буржа, Санлиса, Реймса, Руана. В двух последних Жанна сама могла их видеть.

Как мне представляется, иконографически близким «Коронованию Марии» оказывался еще один сюжет — коронование св. Елизаветы Венгерской (Тюрингской). И хотя свидетельства известности культа этой святой во Франции XV в. достаточно редки, и Жанна вряд ли могла видеть их лично, сама история св. Елизаветы была ей, без сомнения, хорошо известна, поскольку, как полагают исследователи, она знала распространившееся летом 1429 г. пророчество, созданное для поддержания авторитета уже коронованного Карла VII¹⁹¹. О нем сообщал в своем «Сводном изложении» Жан Бреаль, инквизитор Франции и один из самых активных участников процесса по реабилитации 1456 г. В пророчестве говорилось, что лилия, цветущая на кусте исходящих светом бессмертных роз, будет подвергнута испытаниям, и весь куст будет пребывать в опасности. Дикие звери станут угрожать ему и доведут практически до гибели. От верной смерти этот розовый куст с цветущей на нем лилией спасет некая дева с родимым пятном за правым ухом, короткой шеей и решительным голосом. Она даст кусту напиться воды из фонтанов, изгонит угрожающую ему гадину и коронует Карла сына Карла в Реймсе лавровым венком. Затем французский народ отправится в поход на остров, где живут эти дикие звери, и население знаменитого города пожалеет о своем прежнем поведении и сдастся на милость победителям. И тогда куст с лилиями будет вечно цвести в мире¹⁹².

Текст пророчества для людей XV в. был совершенно ясен и понятен. Речь в нем, безусловно, шла о Франции (на что указывали лилии, цветущи

¹⁸⁸Подробнее об этом: *Delaruelle E. La spiritualité de Jeanne d'Arc // Delaruelle E. La piété populaire au Moyen Age. Turin, 1975. P. 355—388.*

¹⁸⁹*Legenda aurea vulgo historia Lombardica dicta ad optimorum librorum fidem / Recensuit Th. Graesse. Lipsae, 1850. S. 504—527.*

¹⁹⁰«И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (Отк. 12: 1).

¹⁹¹*Beaune C. Prophétie et propagande.*

¹⁹²PN, 2, 473.

щие на розовом кусте), подвергшейся нападению со стороны Англии (расположенной на острове и имеющей трех золотых леопардов в королевском гербе). В описании же девы, которая должна спасти страну, легко угадывалась Жанна д'Арк, причем ее портрет, нарисованный анонимным автором, был, насколько можно судить, весьма близок к оригиналу, что предполагало если не личное знакомство, то по крайней мере консультации с людьми, встречавшимися с девушкой. Что же касается св. Елизаветы, то розовый куст, на котором, согласно тексту, расцветали королевские лилии, был ее постоянным, а потому также легко узнаваемым атрибутом. Кроме того, авторство пророчества уже в XV в. приписывалось именно ей¹⁹³. Учитывая близкие родственные связи между французским и венгерским королевскими домами, не следует удивляться тому, что после канонизации святой в 1235 г. ее культ распространился и во Франции. Ее житие было включено в «Историческое зеркало» Винсента из Бове и в «Золотую легенду» Якоба Ворагинского¹⁹⁴. Ее история стала также одним из распространенных сюжетов французских часословов¹⁹⁵, в которых впервые в конце XIV в. и появилась иконографическая тема коронования св. Елизаветы ангелом, причем изображения сопровождалась идентичным текстом: «О, ты, которая получила от Христа дар пророчества и корону, придай нам благополучия в этом мире и помоги спастись [в мире ином]»¹⁹⁶.

Таким образом, как мне кажется, можно с достаточной долей вероятности утверждать, что мотив пришествия ангела с короной был действительно известен Жанне д'Арк, и она вполне отдавала себе отчет, насколько он важен, с точки зрения политической теологии ее времени. Собственно, именно об этом она и говорила своим судьям в Руане, утверждая, что явление ангела с короной стало для дофина Карла знаком того, что он будет королем и обретет свое королевство.

Впрочем, у ее рассказа, как кажется, вполне мог быть и еще один источник, ознакомиться с которым девушка могла во время своего пребывания в Реймсе, куда она отправилась вместе с дофином Карлом на его коронацию. Для французских королей данный город был совершенно особым местом, ведь именно там, согласно легенде, явился ангел, принесший елей для крещения Хлодвиг I¹⁹⁷. Эта история была известна в

¹⁹³На авторство св. Елизаветы указывал и Жан Бреаль: Q, 3, 340. Подробный анализ пророчества см.: *Beaune C. Prophétie et propagande*. P. 66—71.

¹⁹⁴*Bibliotheca mundi seu Speculi Maioris Vincentii Burgundi... Tomus Quartus, qui Speculum Historiale inscribitur*. S.l., 1624. Lib. 29. Cap. 3. P. 1186; Lib. 30. Cap. 136. P. 1279; *Legenda aurea*. S. 752—771.

¹⁹⁵*Beaune C. Prophétie et propagande*. P. 68—70.

¹⁹⁶*Ibid.* P. 71.

¹⁹⁷*Le Goff J. Reims, ville du sacre // Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora. II: La Nation*. P., 1986. P. 89—184.

подробностях всем жителям Реймса¹⁹⁸, она многократно становилась сюжетом средневековых анналов и хроник. Одним из основных сообщений такого рода считается рассказ реймского каноника Флодоарда, помещенный в «Историю реймской церкви», написанную им около 948 г. Как представляется, он был хорошо знаком тем церковным кругам, с которыми прежде всего общалась Жанна во время своего пребывания в городе. Речь у Флодоарда шла о св. Ремигии, которому выпала честь крестить Хлодвига и который накануне вечером (*post hymnos precesque nocturnas*) отправился в личные покои короля (*regium cubile*), чтобы еще раз побеседовать с ним о смысле столь важного в жизни последнего события. Он был с почтением встречен королевскими приближенными (*aliquibus regi necessariis*), и все вместе они оказались в часовне рядом с королевской опочивальней¹⁹⁹. Архиепископ обратился к королю с речью, и в этот момент Господь, дабы придать силы его словам, решил показать, что он всегда находится среди своих верных слуг (т.е. среди людей). Часовня наполнилась светом, бывшим сильнее света солнца (*ut solis videretur evincere claritatem*). И из середины этого светового потока раздался голос: «Не бойтесь, это я. Пребывайте в мире и моей любви». После этого свет исчез, но в часовне еще долго сохранялся чудесный запах (*ineffabilis odor suavitatis*)²⁰⁰. Свет, однако, разлился по лицу св. Ремигия, который получил откровения (*traditur predixisse*) о судьбе присутствующих и королевства: о том, в частности, что его размеры увеличатся, что оно защитит церковь, станет империей и победит врагов²⁰¹.

После столь чудесных предзнаменований присутствующие начали готовиться к самому крещению — и в баптистерии также разлился чудный аромат²⁰². Однако, клирик, который должен был поднести св. Ремигию елей для помазания, не смог пробиться сквозь толпу собравшихся. Тайнство оказалось под угрозой. В этот трагический момент святой со слезами на глазах вознес тайную молитву Господу. И сразу же с небес спустился голубь (*columba advolat*), белый как снег, несущий в клюве склянку со священным елеем, посланным Свыше. Елей источал столь дивный аромат, что все присутствующие почувствовали радость, какую ранее никогда не испытывали. Как только прелат вылил елей в воду, приготовленную

¹⁹⁸Тогоева О.И. Воспоминания о власти. Реймс 1431 г. // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века и Новое время / Под ред. М.А. Бойцова, О.Г. Эксле. М., 2008. С. 307—325.

¹⁹⁹*Flodoardus Remensis Historia Remensis ecclesiae* // Hrsg. von M. Stratmann // MGH. Scriptores. Hannover, 1998. Bd. 36. S. 87—88.

²⁰⁰*Ibid.* S. 88.

²⁰¹“Quomodo videlicet eorum posteritas regnum nobiliter esset propagatura, ecclesiam quoque Christi sublimatura Romanaque dignitate vel regno potitura et victorias contra impetus aliarum gentium perceptura” (*Ibid.*).

²⁰²*Ibid.*

для крещения, голубь исчез²⁰³. Хлодвиг же, пораженный Божественным чудом (*tante gratie conspecto miraculo*), заявил о своей готовности принять христианство, был окрещен, а вместе с ним таинство восприняли две его сестры и 3 тысячи франкских воинов, не считая женщин и детей²⁰⁴.

Как мне представляется, в этом пассаже и в рассказе Жанны можно выявить достаточно общих мест: это и вечернее время визита к королю; и встреча с ним в его личных покоях; и присутствие приближенных; и откровения о судьбах страны, полученные главными действующими лицами; и дивный аромат, источаемый принесенными Свыше дарами; и мгновенное исчезновение посланца Небес после передачи этих даров. Конечно, утверждать, что Жанна д'Арк знала, а тем более читала рассказ Флодоарда, было бы преувеличением. Скорее, интересующие ее сведения она могла почерпнуть из устных сообщений жителей Реймса (священников капитула, членов аббатства св. Ремигия, должностных лиц), придававших огромное значение тому обстоятельству, что именно в их городе хранился сосуд со священным елеем²⁰⁵. Подобное «заимствование» могло бы объяснить, на мой взгляд, некоторые особенности показаний Жанны д'Арк на процессе: стройность и логичность ее рассказа, массу «второстепенных» деталей, которыми он был украшен, и его общую политическую направленность.

История о принесении короны должна была произвести на судей Жанны неизгладимое впечатление, поскольку она оказалась выстроена в строгом соответствии с современной ей христианской экзегезой и полностью подтверждала законность прав Карла VII на французский престол. Ничего более убедительного, чем явление ангела, принесшего корону и таким образом официально объявившего дофина наместником Бога на земле, придумать было невозможно. Не случайно на процессе 1431 г. именно этому сюжету было отдано все внимание присутствующих: в частности, легенда о королевском «секрете» вообще не упоминалась в материалах дела, несмотря на то, что и она призвана была подчеркнуть легитимный характер власти Карла. Важность рассказа Жанны для судей подтверждалась прежде всего тем, что часть ее ответов, посвященных «свиданию в Шиноне», была оставлена в форме прямой речи, ука- зывающей на исключительную важность слов обвиняемой²⁰⁶. О том же

²⁰³Ibid. S. 88—89.

²⁰⁴Ibid. S. 89.

²⁰⁵Не следует забывать и тот факт, что приходская церковь в родной деревне Жанны Домреми также была посвящена св. Ремигию, а потому его историю девушка могла слышать еще в детстве: *Delavenne M. Domremy-la-Pucelle, le culte de Jeanne // Histoire du Christianisme. 2008. № 43. P. 76—77.*

²⁰⁶Подробнее об этом см.: *Тогоева О.И. «Уповаю на Него и не боюсь...» (Ис 12:2). Прямая речь Жанны д'Арк на процессе 1431 г. // Одиссей. Человек в истории — 2008. М., 2008. С. 62—80.*

свидетельствовал и тот факт, что в «Посмертных сведениях о процессе», распространенных епископом Кошоном уже после казни девушки, ее показания, касавшиеся пришествия ангела, были подвергнуты весьма специфической редакции. Здесь сообщалось, что накануне своей гибели Жанна якобы раскаялась в совершенных ею преступлениях и грехах: она отреклась от своих голосов, заявив, что они «обманули ее», и, соответственно, от рассказа о пришествии ангела, признавшись, что все ее слова — ложь и выдумка, что никакого ангела она в Шиноне не видела, что этим ангелом на самом деле была она сама (*ipsamet fuit angelus*) и что короны, якобы переданной ею «тому, кого она называет своим королем» (*illius quem dicit regem suum*), также не существовало²⁰⁷.

Возможно, именно широкой известностью «Посмертных сведений» объясняется то обстоятельство, что встреча с ангелом совсем не заинтересовала современников Жанны д'Арк и их ближайших потомков, оставивших нам свои сочинения. Единственное упоминание этого вымышленного эпизода присутствует в «Дневнике» Парижского горожанина, 9 августа 1431 г. прослушавшего проповедь сторонника англичан и участника процесса в Руане, доминиканца Жана Граверана, отличавшуюся подробнейшим изложением материалов дела: «И пришла в таком виде (в мужском костюме — О.Т.) к королю Франции и сообщила ему, что явилась по приказу Господа и что она сделает его величайшим правителем в мире, что ей велено беспощадно расправиться со всеми, кто не подчиняется ему, и что св. Михаил и многочисленные ангелы вручили ему богато украшенную корону»²⁰⁸. Ни в одном ином источнике XV в. мы не найдем подобной трактовки «свидания в Шиноне». Даже те авторы, кто читал материалы дела, и, в частности, парижские теологи, призванные высказать свое мнение на процессе по реабилитации Жанны д'Арк 1456 г., относились к истории с ангелом крайне скептически. Это не означает, что они в принципе не верили в возможность такой встречи, однако полагали, что Жанна просто не могла рассказать о ней судьям, поскольку с самого начала отказывалась давать показания о своих видениях²⁰⁹.

²⁰⁷РС, 1, 421. Очевидно, что в данном случае Кошон опирался на текст предварительного обвинения, составленный прокурором трибунала Жаном д'Эстиве, который объявлял Жанну «узурпировавшей статус ангела» (*officium angelorum usurpando*): РС, 1, 223, 281.

²⁰⁸«Et en ce point vint au roi de France et lui dit [que] du commandement de Dieu était venue à lui, et qu'elle le ferait être le plus grand seigneur du monde, et qu'il fût ordonné que tréous ceux qui lui desobéiraient fussent occis sans merci, et que saint Michel et plusieurs anges lui avaient baillé une couronne moult riche pour lui» (Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449 / Ed. par C. Beaune. P., 1990. P. 293).

²⁰⁹«Nec unquam voluit revocare suas revelationes, sed in eisdem stetit usque ad finem» (PN, 1, 428).

Как отмечал Тома Базен, ее ответ в данном случае следовало трактовать «метафорически» (*quasi parabolice seu metaphorice respondendo*) и понимать под ангелом, принесшим корону, а, следовательно, и победу дофину Карлу, саму девушку (*ipsa erat ille angelus*)²¹⁰. Мартин Берруйе считал, что Жанна обманула англичан, чтобы не выдавать им свои самые сокровенные секреты²¹¹. На той же позиции стоял и Жан Бреаль, называвший ее рассказ «параболой», т.е. ложью во спасение, к которой вполне можно было прибегнуть в подобных обстоятельствах. Обман Жанны инквизитор Франции извинял ссылками на библейские тексты. Точно так же, по его мнению, поступила, к примеру, Юдифь, скрыв от Олоферна свои истинные намерения. Да и сам Иисус Христос не открылся ученикам, встретившись с ними после Воскрешения²¹². С точки зрения Бреаля, Жанна сама была тем ангелом, который явился к Карлу и пообещал вернуть ему королевство. И она действительно исполнила свое обещание, а потому в ответ на вопрос о знаке, данном дофину, она описала именно церемонию коронации в Реймсе, а не свидание в Шиноне²¹³. Настаивая на образном прочтении этого эпизода, Жан Бреаль тем не менее подчеркивал, насколько важной являлась тема принесения короны как для сторонников Карла VII, так и для его противников²¹⁴.

§ 5. Средневековая концепция активного пророка

Существование на протяжении XV—XVI вв. легенд о знаке, якобы данном Жанной дофину Карлу, безусловно, свидетельствует о важности этого этапа *discretio spirituum* в глазах современников событий. Вместе с тем оно, на мой взгляд, указывает, что допрос девушки в Пуатье шел не так гладко, как принято думать. До самого последнего времени в специальной литературе в принципе не уделялось внимания такому важному вопросу, как использование процедуры *discretio* в отношении Жанны д'Арк. Историков XIX—начала XX в. интересовала прежде всего событийная сторона дела: состав суда, место и условия проведения заседаний, длительность допросов, порядок процедуры, и т.д.²¹⁵ Даже если

²¹⁰PN, 2, 203—204.

²¹¹“Et si qua alia similia dixerit, putandum est eam parabolice, nolens Anglicis revelare secreta que regi dixerat” (PN, 2, 255).

²¹²PN, 2, 481. Ср.: Лук. 24:15—16.

²¹³PN, 2, 483.

²¹⁴“Notum est enim quod istud concernebat misterium grande ad dominum regem Francie et totius regni salutem directe pertinens” (PN, 2, 480). О развитии аналогии между Жанной д'Арк и ангелом в XIX в. см. ниже: Глава 5. § 3.2.

²¹⁵Наиболее радикальное мнение высказал в свое время О. Рагне де Сен-Альбен, считавший, что никакого суда в Пуатье не проводилось, поскольку Жанну допрашива-

при рассмотрении сути задаваемых девушке вопросов тот или иной автор упоминал о ее возможной близости с другими женщинами-мистиками, связать этот факт с использованием в отношении Жанны процедуры *discretio spirituum* не мог никто из них²¹⁶. Ситуация оставалась неизменной и в работах исследователей середины-конца XX в.²¹⁷

Невнимание к *discretio spirituum* в литературе, посвященной Жанне д'Арк, объяснялось, на мой взгляд, тем, что историки привыкли воспринимать данную процедуру исключительно как составную часть того или иного канонизационного процесса, ведущего к признанию (или непризнанию) какого-либо провидца или визионерки святым (святой)²¹⁸. О признании святости Жанны, по всеобщему убеждению специалистов, в XV в. речь не шла. Таким образом, предположение о том, что именно *discretio* было взято за образец при рассмотрении данного случая, впервые было сделано только на рубеже XX—XXI вв. американскими историками²¹⁹ и наиболее полно разработано в исследовании Деборы Фрайоли²²⁰.

Филолог по образованию, Д. Фрайоли досконально изучила все самые ранние тексты, относящиеся к данному вопросу, и выделила основные, с ее точки зрения, проблемы, интересовавшие советников Карла в Шиноне и Пуатье²²¹. Тем не менее, она считала, что с окончанием допросов Жанны в конце марта и ее отъездом 22 апреля 1429 г. в Блуа, где в то время собирались королевские войска, *discretio spirituum* в отношении нее было завершено. Это утверждение основывалось на уве-

---

ли не юристы (члены парламента), а представители церкви: *Raguenet de Saint-Albin O. Juges de Jeanne d'Arc à Poitiers, membres du Parlement ou gens d'Eglise? Orléans, 1894.*

²¹⁶*Boissonade P. Op. cit. P. 45—46.*

²¹⁷См., к примеру: *Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк. М., 1992. С. 31—49; Warner M. Op. cit. P. 63—64; Guenée B. Un meurtre, une société. P. 287—288; Bouzy O. Jeanne d'Arc, mythes et réalités. P. 58—65; Idem. Jeanne d'Arc, les signes au roi et les entrevues de Chinon; Herwaarden J. van. Op. cit. P. 43—51.*

²¹⁸О процедуре канонизационного процесса, включавшей *discretio spirituum*, см., к примеру: *Vauchez A. La sainteté en Occident. P. 484—489, 600—614; Kleinberg A. Proving Sanctity: Selection and Authentication of Saints in the Later Middle Ages // Viator. 1989. № 20. P. 183—205; Idem. Prophets in Their Own Country: Living Saints and the Making of Sainthood in the Later Middle Ages. Chicago-L., 1992. P. 21—39; Elliott D. Proving Woman. P. 9—43, 119—179.*

²¹⁹*Zarri G. Op. cit. P. 85; Elliott D. Seeing Double. P. 44—54; Sullivan K. Op. cit. P. 33—35; Mazour-Matusevich Y. A Reconsideration of Jean Gerson's Attitude toward Joan of Arc in Light of his Views on Popular Devotion // Joan of Arc and Spirituality. P. 167—182; Hobbins D.B. Jean Gerson's Authentic Tract on Joan of Arc: *Super facto Puellae et credulitate sibi praestanda* (14 May 1429) // *Mediaeval Studies*. 2005. № 67. P. 114—119.*

²²⁰*Fraioli D. Joan of Arc: The Early Debate. Woodbridge, 2000.*

²²¹Нельзя, тем не менее, согласиться с выводом Д. Фрайоли о том, что в первых откликах на появление Жанны д'Арк информация о ее жизни отсутствовала потому, что никого из авторов не интересовала: *Fraioli D. Joan of Arc: The Early Debate. P. 17, 135, 193.*

ренности, что «Заключение», составленное по результатам следствия, являлось последним, завершающим данную процедуру документом: судьи поверили девушке, признав, что «в ней нет места злу»²²², и порекомендовали дофину воспользоваться ее помощью²²³. Однако, более внимательный анализ данного источника не позволяет, как мне представляется, сделать подобный вывод.

Невозможность испытать Жанну посредством знака привела к тому, что судьи в Пуатье отказались выносить окончательное решение относительно природы ее откровений, в чем, собственно, и заключался смысл *discretio spirituum*. Они не назвали ее истинным пророком, сославшись лишь на ее собственные слова: «Дева, которая заявляет, что послана Господом»²²⁴. Единственным выводом, к которому пришли королевские советники, стало решение об отправке девушки под Орлеан, где она обещала явить знак собственной избранности²²⁵. Таким образом, с моей точки зрения, начатая в Шиноне и Пуатье процедура осталась незавершенной, она должна была продолжаться до тех пор, пока Божественный характер миссии Жанны не стал бы совершенно очевиден.

Подтверждением тому, что *discretio spirituum* оказалось значительно больше растянуто во времени, чем считалось до сих пор, является и тот факт, что до отбытия Жанны д'Арк под Орлеан сторонники дофина Карла плохо представляли себе точные цели, которые она преследовала. Очевидцы ее пребывания в Шиноне заявляли на процессе по реабилитации, что главной задачей девушки было оказание помощи королю в освобождении Франции²²⁶. О том же говорилось и в «Заключении» из Пуатье²²⁷. В письме Жаку Желю Жан Жирар упоминал о «весьма многообещающих для королевства предсказаниях», которые давала Жанна²²⁸. Однако, все эти отклики не содержали никакой четкой программы действий, что противоречило основным принципам *discretio spirituum*, разработанным Жаном Жерсоном²²⁹.

²²²См. прим. 102.

²²³*Fraioli D.* Joan of Arc: The Early Debate. P. 53—54. Это мнение является общепринятым в историографии: *Ledain B.* Op. cit. P. 11; *Boissonade P.* Op. cit. 50, 57, 59—64; *Lightbody C. W.* The Judgements of Joan: Joan of Arc, a Study in Cultural History. Cambridge (Mass.), 1961. P. 21; *Bouzy O.* Jeanne d'Arc, mythes et réalités. P. 64—65; *Beaune C.* Jeanne d'Arc. P. 114.

²²⁴«La Pucelle, qui se dit estre envoyée de par Dieu» (Q, 3, 391, разрядка моя — О.Т.).

²²⁵«Veue... ses requestes instantes d'aler à Orléans, pour y monstrier le signe de divin secours, ne la doit point empescher d'aler à Orléans avec ses gens d'armes» (Q, 3, 392).

²²⁶«Ad prebendum adjutorium vobis et regno» (PN, 1, 326, свидетельство Рауля де Гокура); «Ad guerram pro regno Francie recuperando» (PN, 1, 291, свидетельство Жана де Нуйомпона).

²²⁷«Se dit estre envoyée de par Dieu pour luy donner secours» (Q, 3, 391).

²²⁸*Fornier M.* Op. cit. P. 313.

²²⁹См. прим. 70.

Впервые о конкретных задачах, поставленных перед собой Жанной д'Арк, речь зашла, как мне кажется, лишь в ее письме англичанам, написанном в Пуатье 22 марта 1429 г., сразу же после окончания допросов²³⁰. Поскольку составление «Заключения» Дебора Фрайоли считала завершившим процедуру *discretio spirituum* этапом, она рассматривала появление этого послания как исключение из правил. Действительно, обычно сочинения той или иной женщины-мистика составляли часть материалов, которые следовало изучить комиссии, созванной для проведения *discretio* в рамках канонизационного процесса²³¹. В случае же Жанны д'Арк, как полагала американская исследовательница, письмо стало результатом уже принятого решения²³². Однако, если предположить, что данная процедура не была закончена и судьи продолжали ждать знака, подтверждавшего избранность девушки, процессуальное несоответствие предположительного времени окончания *discretio* времени появления письма исчезает: послание англичанам становится всего лишь еще одним, необходимым для вынесения решения в отношении Жанны д'Арк элементом.

В этом письме, обращаясь к королю Генриху VI, регенту Франции герцогу Бедфорду и его капитанам и называя себя посланницей Господа (*envoiee de par Dieu*), девушка призывала их незамедлительно сложить оружие, вручить ей ключи от всех захваченных городов и заключить мир. Если же этого не произойдет, писала она, все они погибнут или будут изгнаны из Франции²³³, но владеть ею никогда не смогут, ибо существует истинный наследник престола — «король Карл» (*le roy Charles, vray heritier*), который в скором времени войдет в Париж, ибо «того хочет Господь» (*Dieu, le Roy du ciel, le veult*)²³⁴. В заключение Жанна просила герцога Бедфорда не губить себя (*ne vous faictes mie destruire*), а, проявив благоразумие, присоединиться к французам, которые готовятся совершить «самый лучший подвиг во имя христианской веры» (*les Francois feront le plus bel fait pour la chrestienté*)²³⁵. О своей согласии на выдвиг-

²³⁰ До наших дней дошло семь вариантов этого письма: 1. В составе материалов процесса обвинения 1431 г. (PC, 1, 221—222). 2. В «Записках» секретаря Ларошельской ратуши (*Quicherat J. Relation inédite sur Jeanne d'Arc*. P. 338—339). 3. В «Журнале осады Орлеана» (*Journal du siège d'Orléans*. P. 62—63). 4. В «Хронике Девы» (*Chronique de la Pucelle*. P. 281—283). 5. В *Registre delphinal* Матье Томасена (Q, 4, 306—308). 6. Отдельная копия, сделанная, по мнению Ж. Кишра, с оригинала 1429 г. и позднее еще раз переписанная в двух экземплярах, которые хранятся ныне в Национальной Библиотеке Франции (Q, 5, 95—98). 7. В тексте «Мистерии об осаде Орлеана» (*Le Mistere du siege d'Orleans*. P. 465).

²³¹ Подробнее см.: *Vauchez A. La sainteté en Occident*. P. 460—478.

²³² *Fraioli D. Joan of Arc: The Early Debate*. P. 69—70.

²³³ PC, 1, 221.

²³⁴ PC, 1, 222.

²³⁵ *Ibid.* Речь, вероятно, шла о новом крестовом походе, который в скором времени должен был организовать французский король: *DeVries K. Joan of Arc's Call to*

нутые условия она предлагала ему сообщить в Орлеане²³⁶, осаду с которого требовала снять, и угрожала, что в противном случае англичанам очень скоро придется познакомиться с ней лично (*la Pucelle qui vous ira voir briefment*), о чем они пожалеют (*a voz bien erans dommaiges*)²³⁷.

Задачи, поставленные перед собой Жанной д'Арк, были очерчены в ее письме в достаточно общих выражениях, что впоследствии породило массу самых различных интерпретаций и «списков» ее пророчеств²³⁸. Однако ближайшая цель казалась совершенно определенной — снятие осады с Орлеана, куда во главе королевского войска девушка прибыла 29 апреля 1429 г.²³⁹ Уже на следующий день она поставила англичан в известность о своем появлении, отправив им письмо и потребовав освободить герольда, доставившего ее предыдущее послание и задержанного вопреки законам военного времени²⁴⁰. 4 мая к Орлеану подошло основное войско, собранное дофином Карлом и ведомое маршалом де Буссаком и сиром де Ре, и в тот же день французами была одержана первая долгожданная победа: под их внезапным (занявшим всего три часа) натиском пал форт Сен-Лу, при помощи которого англичане контролировали движение по правому берегу Луары²⁴¹. 6 мая состоялся столь же удачный штурм укрепления Огюстен, прикрывавшего подступы к Турели, предмостной крепости, лишавшей Орлеан связи с неоккупированной территорией на юге Франции²⁴².

Наконец, 7 мая начался штурм самой Турели. Форт был хорошо защищен, его обороняли лучшие отряды англичан во главе с капитаном Уильямом Гласдейлом. Французы предприняли три атаки, но не смогли прорваться за баррикады, возведенные вокруг крепости. Во время одной из них Жанна была ранена стрелой из арбалета, но, по свидетельству очевидцев, продолжала оставаться на поле боя. И именно она, насколько можно судить по источникам, настояла на четвертой атаке, уговорив командиров не отступать и не откладывать сражение на следующий день²⁴³. Последний натиск французов увенчался успехом: один

Crusade // Joan of Arc and Spirituality. P. 111—126; *Тогоева О.И.* Путешествие как миссия.

²³⁶РС, 1, 222.

²³⁷РС, 1, 221.

²³⁸Подробнее о них см.: Глава 3. § 2.3. См. также: *Тогоева О.И.* Исполнение пророчеств: Ветхозаветные герои Столетней войны // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2005 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 7. М., 2006. С. 88—106.

²³⁹Journal du siège d'Orléans. P. 74—75.

²⁴⁰Ibid. P. 79.

²⁴¹Ibid. P. 81—82.

²⁴²Ibid. P. 84.

²⁴³Ibid. P. 85.

отряд овладел баррикадой, другой пробился к форту со стороны моста. Противник стал в спешке отступать, но орлеанцы подожгли спрятанную заранее барку с хворостом и пустили ее по течению. Столкнувшись с подвесным мостом, по которому уходили английские солдаты, барка подожгла деревянный настил, и часть англичан во главе с Гласдейлом оказалась на дне Луары. В 6 часов вечера 7 мая остатки гарнизона Турели прекратили сопротивление, а еще через три часа Жанна д'Арк первая проехала по только что восстановленному мосту и вошла в город через южные ворота²⁴⁴. На следующий день английские войска ушли из-под его стен, и осада была полностью снята²⁴⁵.

Победа королевских войск под Орлеаном потрясла всю Европу. Не только во Франции, но и далеко за ее пределами люди обменивались информацией об этом удивительном событии. «В субботу..., седьмого мая, милостью Господа Нашего как по волшебству (*comme par miracle*)...была снята осада с крепости Турель, которую держали англичане», — записывал очевидец событий, орлеанец Гийом Жиро²⁴⁶. В письме к своим «добрым городам», отправленном из Шинона в ночь с 9 на 10 мая 1429 г., дофин Карл призывал сторонников «воздать хвалу доблестным победам и чудесным вещам (*choses merveilleuses*), о которых сообщил нам здесь находящийся герольд, а также Деве (*la Pucelle*), которая всегда лично присутствовала при исполнении всех этих деяний»²⁴⁷. Еще более восторженный отклик события в Орлеане нашли у итальянского купца Джованни да Молино, письмо которого 30 июня 1429 г. было отправлено из Авиньона в Венецию: «Все происходящее кажется мне великим чудом (*gran meraviglia*)... Я вас уверяю, что без Божественного вмешательства дофин еще два месяца назад должен был бы бежать, бросив все... И посмотрите, как Господь помог ему. Подобно тому, как посредством женщины, а именно Пресвятой Богородицы, Он спас род человеческий, посредством этой чистой и непорочной девушки Он спас лучшую часть христианского мира»²⁴⁸. Ему вторила

²⁴⁴Ibid. P. 86—88.

²⁴⁵«Leure passée, se mirent les Angloys à chemin, et s'en alèrent bien renger et ordonnez dedans Meung sur Loire, et levèrent et laissèrent totalement le siège» (Ibid. P. 89). Подробнее о снятии осады с Орлеана см.: *Boucher de Molandon R., Beaucorps A. de. L'armée anglaise vaincue par Jeanne d'Arc sous les murs d'Orléans // Mémoires de la société archéologique et historique de l'Orléanais. 1892. T. 23. P. 676—987; Pernoud R. La libération d'Orléans, 8 mai 1429. P., 1969; DeVries K. Joan of Arc. A Military Leader. P. 54—96.*

²⁴⁶Q, 4, 283.

²⁴⁷Q, 5, 103.

²⁴⁸«Parme de queste cose sia de gran meraviglia...Che ven prometo, se'l non fosse stad(i) o ziò, el non pasava do mexi ch'el Dolfin chonvegniva fuzir e lasar tuto...E vede con che muodo l'a aidado Dio, chomo per una femena, zioè Nostra donna santa Maria, che

укрывшаяся от нашествия англичан в монастыре Кристина Пизанская: «Никогда еще чудо (*miracle*), насколько я помню, не было столь очевидно, поскольку Господь помог своим сторонникам»²⁴⁹.

«Чудо» снятия осады с Орлеана и было тем самым знаком, которого так ждали королевские советники. Оно доказывало, что Жанна — действительно посланница Господа, что ее пророчества — истинны, и им можно полностью доверять²⁵⁰. Об этом писал Жак Желю в письме, отправленном дофину Карлу в мае 1429 г.: он призывал его «не быть неблагодарным за столь очевидный добрый знак»²⁵¹. Ту же мысль он развивал и в специальном *Dissertatio*, посвященном Жанне д'Арк и созданном в мае-июне 1429 г.: уже в первых строках письма, приложенного к трактату, он упоминал о недавних «чудесах» (*miranda*), связанных с появлением Девы²⁵². Основной текст открывался признанием автора в том, что он с предубеждением воспринял первые известия о девушке²⁵³, однако произошедшие события заставили его отбросить былые сомнения, он утвердился в своей вере и теперь считает, что настал момент истинной радости для всех католиков: для короля, его королевства и его «христианнейших» подданных²⁵⁴. Отныне пришествие Жанны стало для Желю доказательством того, что события в мире совершаются исключительно благодаря Божественному провидению. Ибо сам Господь «посредством Девы» (*per Puellam*) оказывает помощь в возвращении французам их страны, и это «единственная и чудесная реальность» (*si singulare illud et mirandum facinus consideretur*), которую признает автор²⁵⁵.

В отличие от Жака Желю, Жан Жерсон, который в мае 1429 г. также посвятил отдельный трактат *De mirabili victoria* освободительнице Орле-

---

salve l'umana generacion, chusy per questa donzela pura e neta l'a salvado la plu bela parte de cristade" (Chronique d'Antonio Morosini. P. 78—80).

²⁴⁹Christine de Pizan. Op. cit. V. 260—261.

²⁵⁰Так, например, Псевдо-Барбаро сообщал в своем письме: «Ее признали достойной [особой] в соответствии с ее в высшей степени благопристойными намерениями и согласно небесным знакам (*celestibus indicis*)» (Gilli P. Léporée de Jeanne d'Arc d'après un document italien contemporain. P. 9).

²⁵¹Fornier M. Op. cit. P. 318.

²⁵²Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi dissertatio. P. 565—566.

²⁵³"Doctorum fidelium scriptis facto singulari Puellae, ad serenissimum regem Francorum dominum Karolum septimum venientis, primaria apprehensione concepto, non abs re mirari coepimus dubiae rei eventum, et ejusdem causam finalem efficientem et materialem inquirere, de voluntateque, pietate, misericordia et justitia Dei perscrutari" (Ibid. P. 568).

²⁵⁴"In Dei gloriam, fidei approbationem, catholicorum laetitiam ingentem, praeclarsae domus Franciae excellentiam, domini regis praedicti laudem regni et fidelium incolarum ejus christianissimorum perpetuam famam" (Ibid.).

²⁵⁵Ibid. P. 569.

ана²⁵⁶, был значительно более лаконичен. «Это сделано Господом, — писал знаменитый французский теолог. — Ясные знаки указывали, что Царь Небесный выбрал ее в качестве Своего знаменосца, дабы наказать врагов правого дела и оказать помощь его сторонникам»²⁵⁷. Это мнение вполне, как мне представляется, разделяли и теологи, не принимавшие непосредственного участия в процедуре *discretio*. Деяния Жанны, отмечал Генрих фон Горкум, немецкий теолог, возможно, ученик Жерсона, бывший ректором Парижского университета, а затем вице-канцлером университета в Кельне²⁵⁸, имеют в основе добрые намерения, они воодушевляют людей и побуждают их к совершению поступков во имя всеобщего блага и во прославление Господа²⁵⁹. А потому ее следует считать Божественной посланницей (*a Deus missus*)²⁶⁰. Эту мысль развивал в дополнении к своей хронике *Collectarium historiarum*, целиком посвященном Жанне д'Арк и созданном под сильным влиянием *De quadam puella* и *De mirabili victoria*, инквизитор Тулузы Жан Дюпюи, живший летом 1429 г. в Риме²⁶¹.

²⁵⁶Исследователи полагают, что свой трактат Жерсон создал по заказу Жерара Маше, духовника дофина Карла: Muller H. *Lyon et le concile de Bâle (1431—1449)* // *Cahiers d'Histoire*. 1983. № 4. P. 33—57; Fédou R. *Jeanne d'Arc vue de Lyon // Horizons marins, itinéraires spirituels (Ve-XVIIIe siècles)*. VI: Mentalités et sociétés / *Etudes réunies par H. Dubois, J.-C. Hocquet, A. Vauchez*. P., 1987. P. 47; Krynen J. *Idéal du prince et pouvoir royal en France*. P. 275.

²⁵⁷“A Domino factum est istud...Ex certis signis elegit Rex celestis, tanquam vexilliferam ad conterendos hostes justitie et amicos sublevandos” (PN, 2, 38—39). Важно отметить, что военный характер помощи, оказанной Жанной своей стране, выгодно отличал ее, с точки зрения Жерсона, от других женщин-мистиков, в частности, от Бригитты Шведской и Екатерины Сиенской, которые вызывали критику французского теолога своим настойчивым желанием перенести папский престол из Авиньона в Рим. Их «помощь», по его мнению, привела лишь к возникновению раскола в церковных кругах, к Великой Схизме. Подробнее об этике поведения женщин-мистиков в трудах Жана Жерсона см.: Тогоева О.И. “Idiotas, ac sine litteris mulierculas”? Жан Жерсон и проблема женской святости // *Культ святых в средневековой христианской культуре Запада и Востока Европы* / Отв. ред. М.В. Дмитриев. М., 2016 (в печати).

²⁵⁸Fraioli D. *Joan of Arc: The Early Debate*. P. 14, 41; Bonney F. *Autour de Jean Gerson. Opinions de théologiens sur les superstitions et la sorcellerie au début du XVe siècle* // *MA*. 1971. № 77. P. 87; Hobbins D.B. *Jean Gerson's Authentic Tract*. P. 112.

²⁵⁹“Sed longe aliter est de hac Puella, quae ad nutum habet usum donorum supernaturalium in manifestando occulta et praenuntiando futura suo ministerio deservientia, prohibendo insuper (ut praemissum est), fieri occisiones et caetera vitia, exhortando ad virtutes et caetera probitatis opera, in quibus Deus glorificatur” (Q, 3, 416).

²⁶⁰Ibid.

²⁶¹“Unius puelle actus et opera potius censenda sunt divina quam humana” (*Delisle L. Nouveau témoignage relatif à la mission de Jeanne d'Arc* // *BEC*. 1885. T. 46. P. 663). Подробнее о Жане Дюпюи и его хронике см.: *Dondaine A. Le frère prêcheur Jean Dupuy, évêque de Cahors, et son témoignage sur Jeanne d'Arc* // *Archivium Fratrum Praedicatorum*. 1942. № 12. P. 118—184; Fraioli D. *Joan of Arc: The Early Debate*. P. 150—158.

Авторы, чьи сочинения относились ко второй фазе *discretio spirituum*, не скрывали своего удовлетворения от того, что они дождались знака Божественной избранности Жанны, проявили осмотрительность и не завершили данную процедуру раньше срока. О времени, необходимом для вынесения взвешенного решения, и о многочисленных вопросах, возникающих во время проведения *discretio*, писал Жак Желю²⁶², отмечавший, тем не менее, что в данном случае следствие завершилось совершенно однозначным выводом: Дева, безусловно, была истинной визионеркой²⁶³. Жан Жерсон также считал, что небольшое промедление позволило ясно понять, что Жанна послана самим Господом, спешка же, напротив, могла привести к противоположному решению²⁶⁴. Однако теперь, когда для королевских советников все было очевидно, дофин ни в коем случае не должен был, с их точки зрения, отвергать помощь Девы: напротив, в любой ситуации он обязан был к ней прислушиваться. Желю советовал Карлу «позволить Господу, который столько раз демонстрировал ему Свое Провидение, направлять его посредством этой юной девушки, которая послана Свыше как Его ангел»²⁶⁵. Дофину рекомендовалось следовать ее советам, не опираясь на собственное мнение и не потакая посторонним, иначе он рисковал утратить расположение Господа²⁶⁶. Ибо «когда в действие вступают Божественные силы, становится опасно, самонадеянно и безрассудно порицать и критиковать порядки, установленные самим Богом»²⁶⁷.

Как мне представляется, эта идея получила интересное развитие в откликах сторонних наблюдателей. Дабы подчеркнуть связь, которая отныне установилась между дофином и Всевышним через посредство Девы, Генрих фон Горкум вводил в свое повествование совершенно вымышленную, но оттого не менее убедительную историю с Божественной инвеститурой — передачей Французского королевства в управ-

²⁶²“Verum est tamen quod, antequam talis creatura ab initio negotii recipiatur veluti a Deo missa, probandus primo est spiritus an a Deo vel parte adversa sit missus... Non enim leviter et sine magno pondere et advisamento in talibus ab initio negotii fides fuit adhibenda” (*Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi dissertatio*. P. 598).

²⁶³“Sed ex quo, re examinata et scita, quantum humana fragilitas noscere sinit, suspectum est negotium tanquam a Deo ordinatum et commissum” (*Ibid.*).

²⁶⁴“Neque sequitur semper post primum miraculum quidquid ab hominibus exspectatur vel exspectabatur. Propterea, etsi frustraretur ab omni exspectatione sua et nostra (quod absit) predicta Puella, non oporteret concludere ea que facta sunt a maligno spiritu vel non a Deo facta esse” (PN, 2, 37).

²⁶⁵*Fornier M. Op. cit.* P. 318.

²⁶⁶*Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi dissertatio*. P. 598.

²⁶⁷“Ubi divina virtus operatur, media secundum finis exigentiam disponuntur; ita ut jam non sit securum detrahare vel culpae, ausu temerario, ea que a Deo sunt...ordinata” (PN, 2, 39).

ление от Карла Жанне д'Арк как представителю самого Господа²⁶⁸. Этот сюжет затрагивал и Жан Дююи, описывавший, как однажды девушка якобы попросила короля сделать ей подарок, и этим подарком должно было стать ничто иное, как его королевство. После некоторых раздумий тот согласился, и Жанна приказала составить хартию, подтверждающую этот дар, и торжественно зачитать ее перед собравшимися. Однако, спустя всего мгновение она передала Французское королевство во владение самого Господа, а еще через секунду, повинувшись полученному Свыше приказу, вновь вручила страну ее королю²⁶⁹.

Военный характер чуда, явленного Жанной д'Арк, как мне представляется, не смущал окружение дофина: библейская история Гедеона, упоминавшаяся еще в «Заключении» из Пуатье, и его победа в сражении, которая явилась знаком, дарованным ему Свыше²⁷⁰, должна была подготовить сторонников Карла именно к такому развитию событий. «По плодам их узнаете их», — цитировал «Евангелие от Матфея» Жак Желю²⁷¹, полагавший, что помыслы людские открыты лишь Господу, людям же остается судить об окружающих по их поступкам²⁷². Что же касается Девы, то ее основную задачу он видел отныне в руководстве королевскими войсками, в разгроме противника, изгнании его и возвращении королю его земель²⁷³. Безусловно, здесь в *Dissertatio* чувство-

²⁶⁸“Ad hujus regis filium quaedam juvencula, pastoris cujusdam filia, quae et ipsa gregem ovium secuta fertur, accessit, asserens se missam a Deo, quatenus per ipsam dictum regnum ad ejus obedientiam reducatur” (Q, 3, 411—412).

²⁶⁹“Dicta puella a Francorum rege unum donum sibi dari impetravit. Quod et rex spondit. Et ipsa petiit tunc regnum sibi dari. Quod rex admiratus, post tractus temporis, illi dedit et ipsa acceptavit, voluitque sibi litteras per quatuor regis secretarios confici et recitari sollempniter. Quo facto, rex remansit aliquantulum admiratus...Et post pusillum temporis, coram dictis notariis, tanquam donataria regni Francie, illud remisit Deo omnipotenti. Post autem alium temporis tractum, Dei jussu, ipsum regem Karolum de regno Francie investivit, et de omnibus voluit litteras sollempniter confici” (*Delisle L. Op. cit. P. 665*). История о Божественной инвеституре получила некоторую известность у авторов XV в., она упоминалась в «Хронике Морозини» и у Эберхарда Виндеке: *Chronique d'Antonio Morosini. P. 94; Lefèvre-Pontalis G. Les sources allemandes de l'histoire de Jeanne d'Arc. Eberhard Windecke. P., 1903. P. 152*. На процессе по реабилитации 1456 г. о ней вспоминали Бертран де Пуланжи, герцог Алансонский и духовник Жанны Жан Пакерель: PN, 1, 305, 381, 390.

²⁷⁰См. прим. 108.

²⁷¹“Benedictus Dominus horum judicium nobis docuit dicens: “A fructibus eorum cognoscentis eos” (*Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianiensi dissertatio. P. 590*). Ср.: Мат. 7:16—20. Эту же цитату использовал ранее и Жан Жерсон: *Gerson J. De probatione spirituum. P. 180*.

²⁷²*Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianiensi dissertatio. P. 589*.

²⁷³“Se a Deo missam asserentem, quatinus princeps esset exercitus regii ad domandum rebelles et expellendum ipsius inimicos a regno, ac eum in dominiis suis restituendum” (*Ibid. P. 571*).

валось знакомство его автора с письмом Жанны д'Арк англичанам и, точно так же как и там, всячески подчеркивалась активная роль девушки в будущем претворении ее пророчеств в жизнь.

С последним — очень важным в его глазах — обстоятельством Желю связывал, как мне кажется, и использование Жанной мужского костюма. Он отмечал, что закон может быть нарушен вследствие необходимости, и различал законодательство (писанный закон) и закон жизни, когда время, место и обстоятельства оказываются важнее любых условностей. «Знать закон означает знать не законодательство, но цели», — заявлял он²⁷⁴, объясняя, что мужской костюм был нужен Жанне для выполнения ее миссии: «Господь мог приказать, чтобы Дева стала предводителем вооруженных людей и направляла их, чтобы она могла сражаться и смело побеждать в привычном [для этого] облике, в мужской одежде»²⁷⁵. Идентичными оказывались аргументы, приведенные в оправдание мужского костюма Жанны д'Арк и Жаном Жерсоном. Этому вопросу была полностью посвящена вторая часть *De mirabili victoria*, в которой говорилось, что юридические ограничения, налагаемые древним законом (т.е. запрет на ношение женщиной мужского костюма, упоминаемый во «Второзаконии»²⁷⁶), в данном случае снимаются, поскольку должны учитываться такие показатели как «время, необходимость, цель, способ и прочее условия». Кроме того, добавлял Жерсон, закон не запрещает «ношение мужского костюма и доспехов Девой, являющейся воином и действующей по-мужски»²⁷⁷. С «потрясающей активностью» и военным образом жизни связывал мужские доспехи Жанны и Генрих фон Горкум²⁷⁸. Когда же она оставляла поле битвы и слезала с боевого коня, писал он, она вновь становилась «исключительно наивной, неопытной в светских делах [особой], беззащитной словно ягненок»²⁷⁹. Впрочем, Горкум все же ставил ей в пример Есфирь и Юдифь: по его мнению, эти библейские героини (несмотря на то, что их наряды были чересчур соблазнительны-

²⁷⁴Ibid. P. 582—583.

²⁷⁵“Unde ad casum nostrum applicando praedicta. Dicimus quod Deus potuit ordinare quod Puella armatis viris praeesset et etiam eos regeret, et quod fortissimos et exercitissimos debellaret et vinceret, ac in habitu virili talia peragendo incederet” (Ibid. P. 583).

²⁷⁶«На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье; ибо мерзок пред Господом, Богом твоим, всякий делающий сие» (Втор. 22: 5).

²⁷⁷“Lex hujusmodi nec ut judicialis, nec ut moralis, damnat usum vestis virilis et militaris in Puella nostra, virili et militari” (PN, 2, 39).

²⁷⁸“Refertur insuper quod sit raso capite ad modum viri, et volens ad actus bellicos procedere; vestibus et armis virilibus induta, ascendit equum; quae dum in equo est, ferens vexillum, statim mirabili viget industria, quasi peritus dux exercitus ad artificiosam exercitus institutionem” Q, 3, 412).

²⁷⁹“Ubi autem de equo descendit, solitum habitum reassumens, fit simplicissima, negotiorum saecularium quasi innocens agnus imperita” (Ibid.).

ми) смогли сохранить свою женственность даже в самые опасные моменты жизни²⁸⁰.

Уподобление Жанны библейским персонажам в связи с ее военной карьерой заслуживает, с моей точки зрения, особого внимания. Дебора Фрайоли, анализируя различные этапы *discretio spirituum*, писала, что подобное сравнение весьма странно и нетипично для средневековых трактатов, посвященных этой проблеме²⁸¹. Данное утверждение, однако, не соответствует действительности, поскольку уже в *De distinctione verarum revelationum a falsis* Жан Жерсон в качестве образца смирения приводил в пример пророка Моисея, протестовавшего против приказа Яхве отправиться к фараону, а также Иоанна Крестителя, отказывавшегося крестить Христа²⁸². Таким образом, наличие библейских аналогий в сочинениях, относящихся к процедуре *discretio* в случае Жанны д'Арк, безусловно, имело свое особое значение.

Наиболее часто здесь упоминалась Дебора, пророчица, предводительница израильских племен и одна из «судей израилевых». О ней вспоминал и Жан Жирар в письме, адресованном Жаку Желю, видевший в ее судьбе определенное сходство с историей Жанны д'Арк²⁸³. О ней писал и сам Желю: оценивая действия Жанны под Орлеаном, он отмечал, что Господь может даровать победу женщине, «как это видно на примере Деборы»²⁸⁴. Ему вторил Жан Жерсон, сравнивавший подвиг Жанны с «не менее чудесными» (*non minus miraculosa*) деяниями пророчицы²⁸⁵. Генрих фон Горкум полагал, что Жанна — как и Дебора — спасет свой народ²⁸⁶. Так же считала и Кристина Пизанская²⁸⁷. А Жан Дюпюи, напротив, заявлял, что военные свершения Жанны значительно более удивительны, нежели действия библейской героини, которая «лично никогда не участвовала в сражении»²⁸⁸.

Впрочем, ветхозаветная пророчица была далеко не единственным персонажем, с которым сравнивали Жанну д'Арк сторонники дофина весной и летом 1429 г. Жак Желю, к примеру, использовал образ про-

²⁸⁰“Non enim sic legitur de Esther et Judith, licet ornarent se cultu solemniori, muliebri tamen, ut gratius placerent his, cum quibus agere conceperunt” (Q, 3, 420).

²⁸¹Fraioli D. Joan of Arc: The Early Debate. P. 17.

²⁸²Gerson J. De distinctione verarum revelationum a falsis. P. 40. Ср.: Исх. 4: 13, Мар. 3: 13—14.

²⁸³Fornier M. Op. cit. P. 314.

²⁸⁴“Ut in Debbora factum exstitit” (*Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi dissertatio*. P. 572).

²⁸⁵PN, 2, 37.

²⁸⁶“Hinc exemplariter procedendo legitur de Delbora, Hester et Judith impetratam fore populo dei salutem” (Q, 3, 415).

²⁸⁷“Plus a fait ceste Pucelle / Que Hester, Judith et Delbora / Qui furent dames de grant pris, / Par lesqueles Dieu restora / Son pueple...” (*Christine de Pizan*. Op. cit. V. 216—220).

²⁸⁸“Non tamen legitur quod ipsa Debbora aliquid manualiter egerit” (*Delisle L*. Op. cit. P. 663).

рока Самуила²⁸⁹, а Жан Жерсон — Иуды Маккавея и Моисея²⁹⁰. Генрих фон Горкум уподоблял девушку Давиду, Иосифу, Моисею и Гедону²⁹¹. Кристина Пизанская также упоминала Моисея и Гедона²⁹². Выбор этих героев был, на мой взгляд, далеко не случайным. Всех их, как мне представляется, объединяло нечто общее — то, что имело для сторонников дофина Карла особое значение в обстановке, сложившейся во Франции в то время. Все они являлись предводителями своего народа, сражались за его освобождение и в своих действиях чаще всего руководствовались откровениями, полученными Свыше. Таким образом, они представляли тот особый тип библейских пророков, характерный прежде всего для Ветхого Завета, который отличали способность и желание действовать, с Божьей помощью активно вмешиваться в ход событий и изменять их ход к лучшему, когда никто ни на что уже не надеется²⁹³.

Тип «активного» пророка был хорошо знаком французским средневековым авторам: часто именно он — а не кто-то из ветхозаветных царей — становился в их сочинениях образцом для подражания для того или иного короля. Так, например, Карла Великого и Людовика Благочестивого уподобляли Давиду, а Людовика Святого — Давиду, Моисею, Соломону, Гедону, Самуилу и Маттафии, отцу Маккавеев²⁹⁴. Начиная с середины XIV в. с Давидом последовательно сравнивали всех французских королей, начиная с Карла V и заканчивая Карлом VIII²⁹⁵. Как мне представляется, те же самые аналогии были использованы в случае с Жанной д'Арк для того, чтобы также подчеркнуть действенный характер предлагаемой ею помощи. Не менее важным являлось и то обстоятельство, что все без исключения ветхозаветные пророки, с кото-

²⁸⁹*Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi dissertatio*. P. 598.

²⁹⁰PN, 2, 37—39.

²⁹¹Q, 3, 415—416.

²⁹²*Christine de Pizan*. Op. cit. V. 179—184.

²⁹³Впервые на эту особенность восприятия Жанны ее современниками обратил внимание Жак Кордые: *Cordier J. Jeanne d'Arc: sa personnalité, son rôle*. P. 1948. P. 187. Об «активных» библейских пророках см.: *Tresmontant C. Le prophétisme hebreu*. P., 1982. P. 32, 41—43, 52—53, 59, 102, 135—137, 225; *Nichols S.G. Prothetic Discourse: St. Augustine to Christine de Pizan* // *The Bible in the Middle Ages: Its Influence on Literature and Art* / Ed. by B.S. Levy. Binghamton-N.Y. 1992. P. 51—76.

²⁹⁴См., например: *Brown E.A.R. La notion de la légitimité et la prophétie à la cour de Philippe Auguste* // *La France de Philippe Auguste: le temps des mutations* / Ed. par R.-H. Bautier. P., 1982. P. 77—110; *Le Goff J. Royauté biblique et idéal monarchique médiéval: St. Louis et Josias* // *Les juifs au regard de l'histoire. Mélanges B. Blumenkranz*. P., 1985. P. 157—168; *Jong M. de. Sacrum palatium et ecclesia. L'autorité religieuse royale sous les Carolingiens (790—840)* // *AHSS*. 2003. № 6. P. 1243—1269. На русском языке см.: *Ле Гофф Ж. Указ. соч.* С. 297—302.

²⁹⁵*Beaune C. Naissance de la nation France*. P., 1985. P. 35—36.

рыми сравнивали французскую героиню, всегда одерживали верх над своими врагами. Они были победителями, и эта особенность имела определяющее значение в формировании образа Жанны на самом раннем этапе ее политической и военной карьеры.

Продуманность такого подбора аналогий становится, как мне кажется, особенно заметной в сравнении. Известно, что на появление при французском дворе странной девушки, обещавшей лично спасти королевство от захватчиков, в первой половине 1429 г. возникла масса откликов — и не только собственно французских. Так, в июле-сентябре того же года было создано одно из первых немецких произведений, посвященных Жанне д'Арк, — *Sibylla Francica*²⁹⁶. Анонимный автор трактата избрал похожий путь для объяснения феномена Девы: он сравнивал ее с ветхозаветными пророками, однако делал это по-своему. «Французская сивилла» сопоставлялась им с Иеремией, Исаией, Иезекиилем и Даниилом. Все они — как и Жанна — заботились о своем народе и его освобождении²⁹⁷, однако существенным отличием этих пророков от тех, чьи образы использовали французские авторы, являлось их личное невмешательство в ход истории: они были всего лишь советниками царей, но сами не участвовали в восстаниях и войнах. Таким образом, немецкий клирик, используя знакомую любому средневековому автору систему отсылок к библейским текстам, совершенно иначе оценивал появление Жанны д'Арк и ту роль, которую она должна была сыграть. Он отводил ей место помощника будущего короля, но не рассматривал ее в качестве активного участника грядущих событий.

Однако для советников Карла желание Жанны лично сразиться с врагом и одолеть его имело, как мне представляется, решающее значение: они всячески подчеркивали ее уверенность в победе и стремились передать эту уверенность своим сторонникам. Тем не менее, в специальной литературе до сих пор не обращалось никакого внимания на существование подобных аналогий. Единственное, пожалуй, исключение было сделано для Деборы, хотя ее образ всегда рассматривался историками исключительно в связке с другими «женскими» аналогиями, подобранными средневековыми авторами для Жанны д'Арк, — Есфирью и Юдифью²⁹⁸. Подобное сравнение объяснялось просто: французская

²⁹⁶Жюль Кишра полагал, что данное сочинение написано неким клириком из Шпайерского диоцеза (Q, 3, 422).

²⁹⁷Q, 3, 435—436.

²⁹⁸См., к примеру: Warner M. Op. cit. P. 205—206, 231; Beaune C. Jeanne d'Arc. P. 179—183; Eadem. Une prophétesse aux côtés du roi. P. 39. По мнению Колетт Бон, труднее всего понять, что могло связывать в воображении современников Жанну д'Арк с библейской Есфирью, поскольку их истории мало в чем совпадали: Beaune C. Jeanne d'Arc. P. 180. Как мне представляется, такая связь все же существовала.

героиня была женщиной, но при этом собиралась сражаться и возглавить армию, а потому для нее следовало найти в прошлом подходящую «пару», с которой она бы легко ассоциировалась, не вызывая при этом отторжения. Так была выбрана Дебора — идеальный со всех точек зрения библейский персонаж: женщина, которой постоянно давались откровения Свыше, которая не только предсказала победу в войне с захватчиками, но и сама выступила во главе войска²⁹⁹.

Как мне представляется, «женская» составляющая в сопоставлении Жанны д'Арк с Деборой, безусловно, имела место, однако, являлась не самой существенной чертой, сближавшей этих двух героинь. Значительно важнее половой принадлежности ветхозаветной пророчицы оказывался характер войны, которую она вела с врагами своего народа. Война Деборы — как, впрочем, и война Гедеона, Давида и Иуды Маккавея — носила освободительный, священный, а потому справедливый характер. Все ветхозаветные герои, с которыми сравнивали Жанну д'Арк, боролись за свои земли и свободу собственного народа. Именно в этом ряду, на мой взгляд, следовало рассматривать Дебору, сюда же советники французского дофина стремились поместить и свою новую героиню, дабы заранее, еще до начала ее активных военных действий подчеркнуть их справедливый характер³⁰⁰.

Особое внимание данной проблеме уделил в своем *Dissertatio* Жак Желю. Он привел пять причин, почему помощь Господа, пославшего

Есфирь, являвшаяся соправительницей своего супруга Артаксеркса и воспринимавшаяся как образец добродетельности, противопоставлялась Изабелле Баварской, соправительнице Карла VI, славившейся своей распущенностью. Таким образом, сопоставление Жанны с Есфирью обретало смысл в рамках известного пророчества о погубленной развратной правительницей Франции, которую спасет некая дева. Подробнее см.: *Тогоева О.И.* Карл VII и Жанна д'Арк. Утрата дественности как утрата власти // *Власть и образ. Очерки потестарной имагологии* / Отв. ред. М.А. Бойцов и Ф.Б. Успенский. М., 2010. С. 207—232. О двойственном восприятии библейской Юдифи в средние века и о влиянии этих представлений на образ Жанны см.: *Она же.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 147—181.

²⁹⁹*Fraioli D.* L'image de Jeanne d'Arc: Que doit-elle au milieu littéraire et religieux de son temps? // *Jeanne d'Arc: une époque, un rayonnement.* P. 193; *Bouzy O.* Images bibliques à l'origine de l'image de Jeanne d'Arc // *Images de Jeanne d'Arc.* P. 237—242; *Beaune C.* Jeanne d'Arc. P. 179—183.

³⁰⁰О теории справедливой войны см.: *Regout R.* La doctrine de la guerre juste de Saint Augustin à nos jours. P. 18, 73—74; *Kantorowicz E.H.* *Pro patria mori* in Medieval Political Thought // *AHR.* 1951. Vol. 56. № 3. P. 472—492; *Russell F.H.* *The Just War in the Middle Ages.* Cambridge, 1975. P. 2, 129—130. Poleмика между англичанами и французами, чью именно войну следует считать справедливой, не утихала на протяжении XIV—XV вв. Подробнее о ней см.: *Калмыкова Е.В.* Образ войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010. С. 19—106.

Деву, была заслужена французами. Во-первых, писал он, дело дофина было правым, ибо он являлся единственным сыном Карла VI, его родители состояли в церковном браке, что делало его законным претендентом на престол. Следовательно, лишение его прав наследства следовало считать противным естественному, Божественному и человеческому закону. Во-вторых, необходимо было учитывать заслуги предшественников Карла, ибо Франция всегда оставалась наихристианнейшей страной, свободной от ереси. В-третьих, Желю указывал на недостойное поведение англичан во время военных действий: их плохое отношение к пленным, отказ от погребения убитых воинов, истребление преставителей церкви, девственниц и беременных женщин, стариков и детей. В-четвертых, он настаивал, что английский король не имел никаких прав на Францию и узурпировал то, что не принадлежало ему по праву. Наконец, в-пятых, он отмечал, что война, начатая англичанами, имела куда более разрушительный эффект, нежели разорение одной страны: они спровоцировали волнения во всем христианском мире³⁰¹. Жан Жерсон, подводя итог процедуре *discretio spirituum* в отношении Жанны д'Арк, называл цель, которую она преследует, «справедливейшей», поскольку она заключалась в восстановлении короля в его законных правах на королевство и в изгнании захватчиков³⁰². Наконец, идея справедливой войны находила свое развитие в трактате Жана Дююи, который писал, что хотя деяния Жанны, безусловно, превосходят возможности, присущие ее полу, она сражается за нужное и правое дело³⁰³.

§ 6. «Было решено, что она никто иная, как святая»

Трактаты теологов завершили начатую в Шиноне в марте 1429 г. процедуру *discretio spirituum* в отношении Жанны д'Арк. Отныне в глазах сторонников дофина Карла, ставшего 17 июля того же года законным королем Франции под именем Карла VII, она являлась истинным пророком, природа откровений которого носила Божественный характер, а военные кампании — направлены на благое дело³⁰⁴.

³⁰¹Jacobi Gelu, *ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi* dissertatio. P. 572—573.

³⁰²«Ex causa finali que justissima est, scilicet restotutio regis ad regnum suum et pertinacissimorum inimicorum justissima repulsio seu debellatio» (PN, 2, 36).

³⁰³«Quanquam sui actus vires transcendunt feminei sexus; et pro re utili millitat et equa, puta pro regni Francorum pacificatione» (*Delisle L. Op. cit. P. 665*).

³⁰⁴Марина Уорнер, единственная из специалистов по истории Жанны д'Арк, обратила внимание на то обстоятельство, что только после победы под Орлеаном дофин Карл и его окружение окончательно уверовали в то, что девушка является посланницей Господа. Однако английская исследовательница никак не развила

Однако не менее важным, с моей точки зрения, оказалось то обстоятельство, что данный вывод был сделан именно в результате *discretio*, имевшего в глазах современников совершенно определенный смысл. Как я уже не раз отмечала выше, данная процедура служила не только для опознания истинных и ложных пророков, но и являлась составной частью любого канонизационного процесса, т.е. в конечном итоге могла способствовать признанию человека святым. Понимание тесной связи между двумя этими явлениями, а также того факта, что именно *discretio spirituum* было использовано в отношении Жанны д'Арк, привели к появлению уже в 1429 г. первых откликов, авторы которых искренне полагали французскую героиню святой.

Уже в трактате Жана Жерсона *De mirabili victoria* вера в ее миссию уподоблялась благочестивому почитанию канонизированных святых³⁰⁵. И, как отмечают исследователи, вся система доказательств, выстроенная французским теологом в защиту Жанны, в целом была весьма близка критериям, разработанным для проведения канонизационного процесса³⁰⁶. Однако еще более определенно высказывались светские авторы. Так, в письме, посланном из Брюгге 9 июня 1429 г., неизвестный итальянский купец сообщал, что советниками дофина Карла «было решено, что она никто иная, как святая» (*non eser altro che santa*)³⁰⁷. Как мне представляется, анонимный автор, прекрасно понимая смысл проведенной процедуры, также отождествлял ее с аналогичным этапом процесса канонизации, поскольку вопросы, которые при этом выносились на повестку дня, в случае Жанны д'Арк казались ему теми же самыми: биография, репутация, личные качества «обвиняемой», ее истинные цели, ее деяния и тексты, в которых отразились ее откровения и пророчества. В рамках той же парадигмы строил свой рассказ и секретарь Ларошельской ратуши. Определение, данное им Жанне — «женщина исключительно набожная и [ведущая] святую жизнь» (*femme de grande devotion et de sainte vie*) — представляло собой не столько его собственное мнение, сколько вывод, который сделали, с его точки зрения, «клирики и светские советники», допрашивавшие девушку по приказу дофина и не нашедшие в ней никаких «отклонений»³⁰⁸. Иными словами, этот ав-

---

свое наблюдение и не связала факт признания Жанны с проведенной в отношении нее процедурой *discretio spirituum* (Warner M. Op. cit. P. 63—64).

³⁰⁵ «Ita enim fuit in canonizatione sanctorum primaria, quorum canonizationes, ut in pluribus que leguntur, non sunt de necessitate fidei stricte loquendo, sed de pia devotione, que non est passim per quoslibet reprobanda, irritanda vel repudianda, et minus, ceteris paribus, quam alia sine canonizatione vulgata» (PN, 2, 36).

³⁰⁶ Peyronnet G. Gerson, Charles VII et Jeanne d'Arc. P. 344; Elliott D. Seeing Double. P. 44—48.

³⁰⁷ Chronique d'Antonio Morosini. P. 98.

³⁰⁸ Quicherat J. Relation inédite sur Jeanne d'Arc. P. 337.

тор также воспринимал результаты *discretio*, проведенного в отношении Жанны, как подтверждение ее святости. «Святейшей девой» именовал девушку в обращенном к ней послании и Псевдо-Барбаро³⁰⁹.

Зарождение культа Жанны д'Арк отмечали и противники французов. Наиболее ясно свое беспокойство по этому поводу высказал автор «Ответа парижского клирика»³¹⁰. С негодованием описывал он ставшие ему якобы известными многочисленные случаи поклонения девушке, когда «дети, стоя на коленях, преподносили ей в качестве дара зажженные свечи»³¹¹. Он называл подобную практику идолопоклонством, оскорблением величия и достоинства Создателя³¹² и усматривал в ней большую опасность для христианской веры, поскольку «они поклонялись портретам и статуям этой Девы так, как будто она уже была причислена к лику блаженных»³¹³. Однако, справедливо указывал автор «Ответа», «никого нельзя почитать как святого ни при его жизни, ни даже после смерти, если [его святость] не подтверждена церковью и он не канонизирован»³¹⁴.

Конечно, в действительности ни о каком официальном признании святости Жанны в 1429 г. речи идти не могло. Скорее, подобное отношение к девушке стало следствием обстоятельств, при которых началась ее политическая и военная карьера. И все же положительное решение, вынесенное королевскими советниками весной 1429 г., имело, как мне представляется, огромное значение и далеко идущие последствия — как для самих французов, так и для их противников, англичан.

³⁰⁹“Virgo sanctissima, virgo illustrissima, virgo beatissima” (Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc d'après un document italien contemporain. P. 9).

³¹⁰Подробнее о нем см.: Глава 2. § 1.

³¹¹“Nunquam permetteret quod innocentes candelis accensis de cera, genibus flexis, sibi offerrent; illud et in pluribus villis notabilibus de obedientia adversariorum factum est” (Valois N. Un nouveau témoignage sur Jeanne d'Arc. Réponse d'un clerc parisien à l'apologie de la Pucelle par Gerson // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1906. T. 43. P. 177).

³¹²“Quod est genus ydolatrie, et videtur in hoc usurpasse laudem et honorificentiam que debetur Creatori” (Ibid. P. 177—178).

³¹³“Si premissa sub dissimulatione pretereantur, magna incommoda, divisiones, scandala atque pericula maxima contra fidem pararentur, maxime cum jam in multis partibus ymagines sive figuras prefate Puella elevaverint et venerent, ac si jam esset beatificata” (Ibid. P. 179).

³¹⁴“Cum nullus vita comite debeat pro sancto venerari, nec etiam post mortem, nisi prius ab Ecclesia fuerit approbatus et canonizatus” (Ibid.).

Глава 2

1431 г.:

Ведьма
или еретичка?

§ 1. «Она, похоже, занимается колдовством...»

Необходимо отметить, что восприятию Жанны д'Арк как святой уже на раннем этапе ее карьеры способствовали не только процессуальные особенности *discretio spirituum* как составной части канонизационного процесса. Признание девушки истинным пророком, посланным Свыше на помощь Французскому королевству, уже само по себе подразумевало определенную святость ее жизни, ибо людей, прошедших через допросы и подтвердивших свой статус, следовало, согласно Жану Жерсону, считать «святыми пророками» (*sancti prophetae*)¹ и «святыми ангелами» (*angeli sancti*)², приносящими добрые вести. Откровения истинных избранников Божьих Жерсон также именовал «святыми» (*sanctorum revelationum*)³, как, впрочем, и саму их набожность (*sanctitatis devotionis*)⁴.

Не стоит, однако, забывать, что доктрина, в рамках которой формировалось отношение современников к Жанне д'Арк, имела оборотную сторону: она изначально и в равной степени предполагала, что результат данной проверки может оказаться отрицательным, и тогда человека, претендующего на статус провидца, признают лжепророком, подверженным дьявольским наваждениям⁵. С этой точки зрения, процедура *discretio* сближалась с процессами, посвященными, как и канонизационные, религиозным вопросам, но, в отличие от последних, призванными выявить отклонения от истинной веры, — процессами против еретиков.

Как отмечают исследователи, между этими двумя типами дознания существовала масса процессуальных совпадений, начиная со списка вопросов, которые следовало задавать свидетелям или обвиняемым, и заканчивая посмертной судьбой людей, официально признанных святыми или еретиками (в первом случае часто предполагалась эксгумация останков с целью их торжественного «превращения» в реликвии, во втором — эксгумация с последующим сожжением)⁶. Генрих из Сузы († 1271), разрабо-

¹ Gerson J. De examinatione doctrinarum. P. 468.

² Gerson J. De distinctione verarum revelationum a falsis. P. 46—47. Сравнение истинного пророка с ангелом заставляет нас еще раз вспомнить легенду о принесении королевской короны (Глава 1. § 4.3): согласно «Посмертным сведениям» 1431 г. и материалам процесса по реабилитации 1455—1456 гг., в этом эпизоде в качестве ангела фигурировала сама Жанна д'Арк. Подробнее см.: Тогоева О.И. Как Жанна д'Арк стала ангелом: споры современников, мнение потомков (XV—XIX вв.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2010. Вып. 18. С. 61—83. Данная тема получила совершенно особое развитие в текстах XIX в. См. об этом ниже: Глава 5. § 2.4; § 3.2.

³ Gerson J. De distinctione verarum revelationum a falsis. P. 37.

⁴ Idem. De probatione spirituum. P. 183.

⁵ Voaden R. Op. cit. P. 41—56; Keitt A. W. Inventing the Sacred. Imposture, Inquisition, and the Boundaries of the Supernatural in Golden Age Spain. Brill, 2005. P. 64—65.

⁶ Подробнее см.: Elliott D. Proving Woman. P. 121—142.

тавший в начале XIII в. основные принципы процедуры канонизации, противопоставлял официально признанным святым именно еретиков, отмечая при этом, что церковь должна проявлять в отношении этих последних особую осмотрительность, ибо и еретик может творить чудеса⁷. Та же оппозиция присутствовала и в «Учебнике инквизитора» Бернара Ги, окончательная редакция которого датируется 1323—1324 гг. Подробно описывая ересь апостольских братьев, он заявлял, что их предводитель Герардо Сегарелли преподносил слушателям свое учение «под видом притворной и лживой святости» (*sub quadam picta et fucata imagine sanctitatis*)⁸, а его последователь Дольчино выдавал себя за пророка, обладающего «даром Божественного откровения» (*se habere revelationem a Deo*)⁹. Простые же люди принимали их за «святых» (*sanctitatis ipsorum imaginem venerari*)¹⁰.

Однако, во французских сочинениях конца XIV-начала XV в., посвященных *discretio spirituum*, подобное жесткое противопоставление святого и еретика не было, как мне представляется, разработано в полном объеме. В трактате Пьера д'Альи речь шла лишь о дьявольских иллюзиях, насылаемых порой на людей и позволяющих им воображать себя истинными пророками¹¹. Жан Жерсон также уделял этой стороне проблемы не слишком много внимания. Он, вслед за своим учителем, развивал в основном тезис о «демонических иллюзиях» (*illusionibus daemonicis*), противопоставляя их «ангельским откровениям» (*revelationes angelicas*)¹². Ссылаясь на сожаления Григория IX, якобы высказанные тем в 1378 г. по поводу собственной веры в предсказания различных пророков и визионерок, Жерсон называл этих людей «идиотами и неграмотными женщинами», но воздерживался от более точных определений¹³. Никак не обозначил он своего отношения и к Бригитте Шведской, указав лишь, что ее откровения могут на деле оказаться ложными (*falsas et illusorias visiones*)¹⁴. Достаточно сдержанно оценил

⁷ *Hostiensis. In tertium Decretalium librum commentaria ad X.3.45.1. Venice, 1581 (repr.: Turin, 1965). № 1—4. P. 172.* Эта обеспокоенность была также главной причиной, по которой Генрих настаивал на исключительном праве папы римского проводить канонизационные процессы: *Ibid. № 7—10. P. 172a.*

⁸ *Gui B. Manuel d'inquisiteur / Ed. et trad. par G. Mollat. P., 2007 (1926). T. 2. P. 68.*

⁹ *Ibid. P. 76.*

¹⁰ *Ibid. P. 70.*

¹¹ “Videndum est de Prophetiis, seu divinationibus quae fiunt ministerio daemonum... omnis prophetia, seu divinatio daemonum, fit illicita” (*D'Ailly P. Op. cit. Col. 554*).

¹² *Gerson J. De distinctione verarum revelationum a falsis. P. 37; Idem. De probatione spirituum. P. 177, 179.*

¹³ “Idiotas, ac sine litteris mulierculas” (*Idem. De examinatione doctrinarum. P. 469*). Возможно, французский теолог имел здесь в виду Екатерину Сиенскую, Бригитту Шведскую и францисканского монаха Петра Арагонского, призывавших папу вернуть свою столицу из Авиньона в Рим: *Peyronnet G. Gerson, Charles VII et Jeanne d'Arc. P. 337—338.*

¹⁴ *Gerson J. De probatione spirituum. P. 179.*

он в 1401 г. и случай Эрмины Реймской (1340—1396). В письме к Жану Морелю, мэтру теологии и настоятелю аббатства св. Дионисия в Реймсе, канцлер Парижского университета советовал ограничить хождение книги откровений этой визионерки, поскольку ее текст, с его точки зрения, способен был смутить умы неопытных прихожан¹⁵. Даже вернувшись к «казусу» Эрмины в *De examinatione doctrinarum*, он не дал ему никакой окончательной оценки, заметив только, что он стал поводом для создания *De distinctione verarum revelationum a falsis*¹⁶.

Как мне представляется, Жерсон не имел четко сформулированного мнения о том, кем именно следует считать людей, павших жертвами дьявола: еретиками или колдунами. С одной стороны, несоответствие заявлений самопровозглашенных пророков Писанию рассматривалось им как безусловная ересь¹⁷. С другой, он классифицировал их как «суеверия», которых, как он полагал, полностью была лишена Жанна д'Арк¹⁸. При этом Жерсон явно разграничивал «ересь» и «суеверия»¹⁹, понимая под последними возврат к язычеству, к магическим практикам — иными словами, колдовство²⁰. Неясность, царившая во взглядах знаменитого теолога относительно различения двух явлений²¹, и, как следствие, ограниченность концепции *discretio spirituum* в данном вопросе, с моей точ-

¹⁵ Подробнее о переписке Жерсона с Морелем см.: *Entre Dieu et Satan: Les visions d'Ermine de Reims (d.1396)* / Ed. par C. Arnaud-Gillet. P., 1997. P. 21—27, 171—173; Тогоева О.И. «Idiotas, ac sine litteris mulierculas».

¹⁶ *Gerson J. De examinatione doctrinarum*. P. 474.

¹⁷ «Est igitur talis ars, talis regula, vel exemplar, cui se non conformans alia doctrina vel abjicienda est ut haeretica, vel de haeresi suspecta, aut sicut impertinens ad religionem propositus habenda» (Ibid. P. 465).

¹⁸ «Addito preterea quod in observationibus suis hec Puella non reperitur uti sortilegiis ab Ecclesia prohibitis, neque superstitionibus palam reprobatis, neque cautelis hominum fraudulentis, neque ad quorsum proprium vel aliquid tale subdolum, cum in attestationem sui fidei exponat extremo periculo suum corpus» (PN, 2, 36).

¹⁹ «Veterum et novorum doctorum diligens talium reprobatio, maxime propter fomitis corruptionum, scientium quam ad haereses, idolatrias et superstitiones est humana inclinatio prona» (*Gerson J. Trilogium astrologiae theologizatae* // *Gerson J. Oeuvres complètes*. T. 10. P. 104).

²⁰ «Sed omnium istorum ac similium videmus in hominibus contrarium, propter passiones corporis quae trahunt animam ad delectationes sordidas et malas; trahunt in errores et superstitiosas insanias; trahunt magis ad operationes corporis quam ad operationes virtuosas» (*Idem. De passionibus animae* // *Gerson J. Oeuvres complètes*. T. 9. P. 7); «Populus qui est pronissimus ad suggestiones, curiositates et sortilega credenda» (*Idem. Adversus superstitionem in audiendo missam* // *Gerson J. Oeuvres complètes*. T. 10. P. 142). Данная цепочка рассуждений была заимствована Жерсоном у Блаженного Августина: *Hobbins D.B. Gerson on Lay Devotion* // *A Companion to Jean Gerson*. P. 58—60; *Schmitt J.-C. Les "superstitions"* // *Histoire de la France religieuse / Sous la dir. de J. Le Goff et R. Rémond*. P., 1988. T. 1. P. 428—429.

²¹ Подробнее о взглядах Жана Жерсона относительно языческих суеверий и их связи с колдовством см.: Глава 2. § 2.3.

ки зрения, самым непосредственным образом отразились на восприятии Жанны д'Арк ее современниками: в их сообщениях отсутствовало ясное понимание того, кем именно можно было бы считать девушку, не окажется она официально признанным истинным пророком.

Предположение Деборы Фрайоли о том, что противники французов видели в Жанне исключительно еретичку, не подтверждается данными уже самых ранних откликов на ее появление на исторической сцене. Среди них американская исследовательница особо выделяла отзыв Жака Желю, который уже в самом первом своем письме, адресованном королевским советникам, указывал, что деревенская одинокая жизнь девушки и ее физическая слабость вполне могли сделать ее излишне восприимчивой к иллюзиям²². Более внятно свои опасения он сформулировал во втором послании, где прямо заявлял, что Жанна может оказаться посланницей некой «новой секты» (*quelque nouvelle secte*), а потому допросить ее следует с особой тщательностью²³. Как полагала Дебора Фрайоли, под этой «новой сектой» архиепископ Амбрена подразумевал представителей какого-то еретического учения, способных ввести в заблуждение королевский двор и самого дофина²⁴. Следует, однако, учитывать, что Желю на момент переписки с Карлом и его советниками проживал в Дофине, ставшем в начале XV в. (вместе с Бургундией, Провансом и романской Швейцарией) своеобразным «полигоном» для проведения самых первых массовых ведовских процессов²⁵. Их начало было официально подтверждено буллой 1409 г. папы Александра V, направленной генеральному инквизитору альпийского региона, Дофине и Авиньона Понсу Фужейрону. В ней, в частности, говорилось: «Некоторые христиане и иудеи создали новые секты... и среди них [имеются] многочисленные колдуны, прорицатели, вызыватели демонов, заклинатели, использующие заговоры, подверженные суевериям люди, предсказатели-авгуры, прибегающие к ужасным и запрещенным практикам, портящие и сбивающие с пути истинного многих христиан»²⁶.

²² Fornier M. Op. cit. P. 314.

²³ Ibid. P. 315.

²⁴ Fraioli D. Joan of Arc: The Early Debate. P. 20—21. Той же точки зрения придерживается и Колетт Бон: *Beaune C. Jeanne d'Arc*. P. 300—302.

²⁵ Пьеретт Парави относит первую волну ведовских процессов в Дофине ко второй четверти XV в. По ее подсчетам, в 1424—1445 гг. обвинение в колдовстве было предъявлено здесь 258 человекам, 70 % из которых составляли женщины: *Paravy P. De la chrétienté romaine à la Reforme en Dauphiné. Evêques, fidèles et déviants (vers 1340 — vers 1530)*. Rome, 1993. T. 2. P. 780—785, 822—830.

²⁶ “Quod nonnulli christiani et perfidi Iudei infra eosdem terminos constituti novas sectas et prohibitos ritus eidem fidei repugnantes inveniunt, quos saltem in occulto dogmatizant, docent, praedicant et affirmant, suntque etiam infra eosdem terminos multi christiani et iudei sortilegi, divini, demonum invocatores, carminatores, coniu-ratores, superstitiosi, augures, utentes artibus nefariis et prohibitis, quibus christianum populum seu plerosque simplices illarum partium maculant et pervertunt” (Quellen

Как мне представляется, именно об этой угрозе и сообщал Жак Желю своим респондентам, подозревая, что Жанна — будучи родом из Лотарингии — может оказаться ведьмой, хитростью проникшей ко двору и представлявшей опасность для Карла. Не случайно в качестве подтверждения своим словам он приводил вымышленную историю об императоре Александре Македонском, приблизившем к себе некую «королеву», притворившуюся влюбленной в него, но на самом деле задумавшую его отравить²⁷. Предрасположенность к занятиям колдовством именно у придворных куртизанок подчеркивал еще в XII в. Иоанн Солсберийский²⁸, а в конце XV в. о ней как о самоочевидной вещи писали авторы «Молота ведьм»: «Чем более честолюбивые и иные женщины одержимы страстью к плотским наслаждениям, тем безудержнее склонятся они к чародеяниям. Таковыми являются прелюбодейки, блудницы и наложницы вельмож»²⁹.

Поведение Жанны д'Арк, явившейся ко двору дофина Карла и всячески убеждавшей его довериться ей, вполне вписывалось в эту концепцию. А потому нет ничего удивительного в том, что возможность возникновения в отношении нее обвинений именно в колдовстве признавал в своем *Collectarium historiarum* и Жан Дюпюи³⁰. Он, однако, настаивал, что сама природа чудес, явленных девушкой, их Божественное происхождение, их польза для окружающих, укрепление веры и нравственности людей, к которым они ведут, снимает с нее любые подозрения в приверженности суевериям и занятиях колдовством³¹. А потому, считал он, успехи Девы следует рассматривать исключительно как проявление Бо-

---

und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter // Hrsg. von J. Hansen. Bonn, 1901. S. 16—17; разрядка моя — О.Т.). Текст буллы затем дословно воспроизводился в посланиях Мартина V от 3 февраля 1418 г. и Евгения IV от 24 февраля 1434 г. (Ibid. S. 17).

²⁷ Fournier M. Op. cit. P. 315.

²⁸ “Ego quoque perniciosum credo non modo sacerdotibus sed et viris sapientibus contraire...Feminam quoque, quae capite discooperto incedit, infelicem crede; nisi, ut apud Plinium legitur, publica sit aut plurium libidini pateat prostituta” (*Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici / Recognovit C.C.I. Webb. L., 1909. T. 1. Lib. 1. Cap. 13. P. 61*).

²⁹ Штрэнгер Я., Институтис Г. Молот ведьм / Пер. Н. Цветкова. М., 1990. С. 127. Подробнее на эту тему см.: Kappler C.-C. Monstres, démons et merveilles à la fin du Moyen Age. P., 1999. P. 257—279.

³⁰ “In nullo superstitiosa nec sortilega, licet nonnulli emuli veritatis eam asseverent sortilegam” (*Delisle L. Op. cit. P. 664*).

³¹ “Quod autem nullatenus superstitiosa aut sortilega sit patere potest ex distinctione signorum que fiunt per bonos, que tripliciter ab illis que fiunt per malos discernuntur. Primo ex virtutum operantis efficaciat, quia signa facta per bonos divina virtute fiunt, in illis etiam ad que virtus active nature se nullo modo extendit. Secundo ex utilitate signorum, quia signa per bonos facta sunt et fiunt de rebus utilibus... Tertia differentia est quantum ad fines, quia signa bonorum ordinantur ad hedificationem fidei et bonorum morum” (Ibid. P. 664—665).

жественной воли, а не как результат колдовства, «как считают завистливые люди»³². Под этими «завистливыми людьми», использующими принципы *discretio spirituum* для очернения его героини, Жан Дюкюи, вне всякого сомнения, подразумевал англичан и их союзников-бургундцев, первые отклики которых на действия Жанны д'Арк также появились летом-осенью 1429 г. и в некоторых случаях опирались на уже известные к тому времени тексты профранцузски настроенных авторов.

Наиболее показательным, с этой точки зрения, следует признать упоминавшийся выше «Ответ парижского клирика», созданный в конце 1429 г. или в первые месяцы 1430 г., т.е. еще до пленения Жанны д'Арк под Компьенем (23 мая 1430 г.)³³. К тому времени образованные парижане уже читали текст *De mirabili victoria* Жана Жерсона, реакцией на который и явился данный трактат³⁴. Его автор также был членом Парижского университета, однако целью своей полагал отнюдь не восхваление Девы. Напротив, «Ответ» содержал призыв к университетским кругам дать официальную — причем явно негативную — оценку личности Жанны д'Арк³⁵.

Невозможно, писал анонимный автор, довериться девушке, о которой нам ничего не известно, без опоры на Священное Писание или на чудо (*sine miraculo aut testimonio Sacre Scripture*)³⁶. Ее собственных слов о том, что она якобы послана самим Господом, совершенно для этого недостаточно, ведь именно так заявляют обычно все еретики (*cum hoc qui-*

³² “Unde oportet necessario concludere a Deo et non sortilege procedere, ut aliqui autumant, sicut supradicti emuli veritatis” (Ibid. P. 665).

³³ Valois N. Un nouveau témoignage sur Jeanne d'Arc. P. 164.

³⁴ Как отмечает Д. Хоббинс, во всех дошедших до нас рукописях «Ответа» (10 манускриптов) его текст следует за текстом Жерсона, и, хотя его анонимный автор ни разу не называет имя знаменитого теолога, уже само соседство двух сочинений указывает на связь между ними (Hobbins D. Jean Gerson's Authentic Tract. P. 106—107). Вторым откликом, вероятно, был ныне утерянный трактат *De bono et maligno spiritu*, созданный в период до 22 сентября 1429 г., на что указывает запись в «Картулярии Парижского университета». Его автор также исходил в оценке Жанны д'Арк из принципов *discretio spirituum*: “In tractatu supra nominato verisimiliter doctrina de discretione spirituum exponebatur” (Chartularium Universitatis Parisiensis / Ed. par H. Denifle. P., 1897. T. 4. P. 515. № 2370). Ж. Пейроне и Д. Элиот полагают, что «Ответ парижского клирика» и *De bono et maligno spiritu* представляли собой одно и то же произведение (Peyronnet G. Op. cit. P. 358; Elliott D. Seeing Double. P. 47—50). Однако, как справедливо отмечают Н. Валуа и Д. Хоббинс, название последнего никогда не использовалось в рукописях, содержащих текст «Ответа». Не упоминается оно и в каких бы то ни было иных документах эпохи: Valois N. Un nouveau témoignage sur Jeanne d'Arc. P. 165; Hobbins D. Jean Gerson's Authentic Tract. P. 107, n. 32.

³⁵ “Idcirco interest cujuscumque fidelis christiani tales superstitiones ob honorem Dei propulsare, et maxime matris mee Universitatis, Episcopi ac Inquisitoris, et sine dissimulatione ac celeriter” (Valois N. Un nouveau témoignage sur Jeanne d'Arc. P. 179).

³⁶ Ibid. P. 175.

libet hereticus asseveret)³⁷. Таким образом, вместо того, чтобы верить Деве, следует возбудить против нее процесс по подозрению в ереси³⁸, дабы по поступкам ее (*a fructibus dicte Puella*) решить, действует ли она согласно Божественной воле или по дьявольскому наущению (*a Deo vel ab Adversario fidei processit*)³⁹. Впрочем, кое-что из деяний Жанны автору, по его словам, уже было известно. «Как рассказывают, — писал он, — она, похоже, занимается колдовством (*sortilegiis*). В частности, когда дети приходят поклониться ей и посвятить ей свечи, она окропляет их головы тремя каплями горячего воска, заявляя, что после этого они будут хорошо себя вести»⁴⁰. Таким образом, по мнению парижского клирика, ересь, в которую, безусловно, впала девушка, «дополнялась колдовством»⁴¹, еще одним преступлением, находящимся в ведении Инквизиции, судьям которой следовало незамедлительно заняться этим делом⁴².

Как ведьма Жанна д'Арк представляла и в большинстве прочих негативных откликов, появившихся до начала процесса над ней⁴³. Так, в письме, направленном Генриху VI в июле 1429 г., регент Франции герцог Bedford писал, что причиной всех бед, постигших английское войско под Орлеаном, был страх его солдат перед «ученицей и ищейкой дьявола (*a disciple and lyme of the Feende*), называемой Девой, которая использует гнусные чары и колдовство (*fals enchaunements and sorcerie*)»⁴⁴. В продолжении «Хроники Брута», созданном в 1430—1431 гг. о пленении девушки под Компьенем сообщалось: «И в этот самый день была схвачена колдунья Франции (*the wycch of fraunce*), именуемая Девой»⁴⁵. В сентябре 1430 г. в решении Генеральных штатов Нормандии о выделении англичанам средств на выкуп Жанны у герцога Бургундского она была названа «колдуньей (*sorcière*) и предводительницей войск дофина»⁴⁶.

В полном согласии с теорией Иоанна Солсберийского, противники Карла VII обвиняли его главную советчицу в том, что она — совершенно развратная особа, втершаяся к нему в доверие и колдовскими чарами

³⁷ Ibid.

³⁸ “Contra ipsam, tanquam suspectam de heresi, procedendum” (Ibid.).

³⁹ Ibid. P. 177.

⁴⁰ Ibid. P. 178—179.

⁴¹ “Sortilegium involutum heresi” (Ibid. P. 179).

⁴² “Per consequens Inquisitionem fidei supra crimen heresis interest ratione officii inquirere et punire” (Ibid.).

⁴³ Данное отношение, как отмечает Ж. Пейроне, особенно ясно прослеживается в откликах, появившихся после коронации Карла в Реймсе 17 июля 1429 г.: *Peironnet G. Quelle place a tenu le sacre royal de Reims (1429) dans la mission de Jeanne d'Arc? // Revue d'histoire ecclésiastique. 2006. Vol. 101. № 2. P. 575—589.*

⁴⁴ Q, 5, 136.

⁴⁵ Цит. по: *Clin-Meyer M.-V. Jeanne d'Arc sorcière? // BA. 1987. № 11. P. 17—18.*

⁴⁶ Q, 5, 179.

завладевшая его вниманием⁴⁷. В письме к Карлу в сентябре 1429 г. герцог Бедфорд заявлял, что победы французов добыты не силой оружия, но при помощи «испорченных и подверженных суевериям людей, особенно этой непристойной и уродливой женщины, которая одевается как мужчина и ведет развратный образ жизни»⁴⁸. «Проституткой и ведьмой» (*una putana e incantatrixe*), по сообщению анонимного информатора Антонио Морозини из Брюгге от 9 июля 1429 г., называли Жанну англичане во время снятия осады с Орлеана⁴⁹. Эту информацию подтверждал в своем «Дневнике» и Парижский горожанин⁵⁰. «Проституткой, переодетой девственницей» (*meretrix quoque dicta puella*) считал девушку и анонимный автор так называемого «Английского ответа» — отклика противников французов на стихотворное пророчество *Virgo puellares*, созданное весной-летом 1429 г. и подтверждавшее Божественный характер миссии Девы⁵¹.

Что касается упоминаний о сугубо еретических воззрениях Жанны, то в ранних свидетельствах о ее деяниях их встречается всего два. Одно из них содержится в письме Панкратио Джустиниани, отправленном из Брюгге в Венецию 20 ноября 1429 г. В нем, в частности, сообщалось, что в ереси девушку якобы обвинил Парижский университет, обратившийся за официальным подтверждением своей позиции по данному вопросу в Рим⁵². По мнению Деборы Фрайоли, утверждение итальянского купца основывалась на его знакомстве с трактатом *De mirabili victoria*, который он, как полагала исследовательница, посчитал ответом на действия, предпринятые бывшими коллегами Жана Жерсона⁵³. Действительно, именно в этом письме Джустиниани не только упомянул о сочинении французского теолога, но приложил копию этого текста к своему посланию, высказав надежду, что его содержание заинтересует венецианского дожа и его окружение⁵⁴. Однако, он нигде не

⁴⁷ Подробнее о связи между обвинениями в колдовстве и проституции в случае Жанны д'Арк см.: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 147—181.

⁴⁸ “Vous aidies plus de gens superstitieux et reprouvés, comme d'une femme desordonnée et diffamée, estant en habit d'homme et de gouvernement dissolu” (Chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400—1444 / Publ. par L. Douët-D'Arcq. P., 1857—1862. Т. 4. P. 341).

⁴⁹ Chronique d'Antonio Morosini. P. 114—115.

⁵⁰ “Lequel la diffama moult de langage, comme (la) clamer ribaude et putain” (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 258).

⁵¹ Цит. по: Fraioli D. Joan of Arc: The Early Debate. P. 66—67. Текст «Английского ответа» остается пока неизданным.

⁵² “La Università de Paris, over per dir meio, li inemixi del Re, aver mandado a Roma al Papa achuxiar costey, dicho questa poncela, per ereticha, le e chi ly crede” (Chronique d'Antonio Morosini. P. 232).

⁵³ Fraioli D. Joan of Arc: The Early Debate. P. 143.

⁵⁴ Chronique d'Antonio Morosini. P. 234. Джустиниани даже процитировал в письме один из наиболее важных для понимания точки зрения Жерсона относитель-

указал, что трактат являлся реакцией Жерсона на обращение членов университета в Рим. Как мне представляется, ошибочная информация об обвинении Жанны в ереси столичными теологами, переданная Джустиниани, скорее могла быть откликом на «Ответ парижского клирика», автор которого так настаивал на подобном развитии событий.

Второе, не менее любопытное свидетельство того, что современники воспринимали Жанну не только как ведьму, но и как еретичку, содержится в письме о помиловании от 15 сентября 1429 г., выданном от имени Генриха VI нескольким жителям Абвиля, незаконно, с их точки зрения, заключенных в местную тюрьму за оскорбления, высказанные ими в адрес Девы. Они, в частности, публично заявляли, что «верить этой женщине нельзя» (*ne devoit adjouster foy*), а те, кто ей все же доверяют, — «глупцы и сочувствующие ереси» (*folz et sentoient la persinée*)⁵⁵.

Отсутствие ясного понимания того, кем следует считать Жанну д'Арк — ведьмой или еретичкой — которое прослеживается по откликам ее противников, лишний раз подтверждает гипотезу об определенной слабости доктрины *discretio spirituum*. Ее авторы, приложив максимум усилий для разработки принципов, согласно которым церковный суд мог вынести решение о Божественном характере откровений самопровозглашенного пророка или подтвердить святость того или иного претендента на канонизацию, значительно меньше внимания уделили второму возможному варианту развития событий, при котором человека признавали подверженным дьявольским иллюзиям.

Двойственность восприятия французской героини англичанами и их сторонниками породило уже в XX в. расхожее представление о том, что именно обвинение в колдовстве стало официальной причиной казни девушки⁵⁶. Такая интерпретация событий противоречит, однако, приговору, вынесенному Жанне 29 мая 1431 г.: в его тексте о магических практиках, которыми якобы владела обвиняемая, не было сказано ни слова. Напротив, согласно этому документу, она признавалась

но личности Жанны д'Арк пассажей: о том, что неверие в ее силы не является ошибкой, точно так же как и вера (Ibid. P. 232). В последнем письме Панкрацио Джустиниани, вошедшем в «Хронику» Морозини и датированном 4 января 1430 г., также имелась весьма показательная цитата из *De mirabili victoria*. Автор приводил слова Жерсона «Это сделано Господом», касающиеся Божественного характера миссии Девы (Ibid. P. 250).

⁵⁵ Q, 5, 143.

⁵⁶ См., к примеру: Barstow A.L. Joan of Arc: Heretic, Mystic, Shaman. N.Y., 1986. P. 81, 82, 87, 99—119; Dworkin A. Intercourse. N.Y., 1987. P. 83; Barricelli J.-P. Transcript, Legend, and Art: The Thematology of Joan of Arc // Revue Canadienne de Littérature Comparée. 1988. June. P. 178—179; Chiffolleau J. Dire l'indicible. Remarques sur la catégorie du *nefandum* du XIIe au XVe siècle // AESC. 1990. № 2. P. 311; Farmer D.H. Op. cit. P. 273—274.

еретичкой и — как вероотступница — должна была быть передана в руки светского правосудия для обязательной в подобных случаях казни⁵⁷. Кажущееся противоречие между реальными фактами и их современной интерпретацией, тем не менее, снимается при внимательном изучении всего комплекса материалов процесса 1431 г. Рассмотренные в рамках концепции *discretio spirituum*, они — лучше всех прочих откликов — демонстрируют недостаточную разработанность доктрины, избранной современниками для оценки феномена Жанны д'Арк, следствием чего явились сложности, возникшие при выборе одного из двух возможных в данном случае обвинений — колдовства или ереси, и неуверенность судей при вынесении окончательного решения.

Анализ этих материалов невозможно, однако, начать, не остановившись на вопросе восприятия собственно колдовства и ереси в средние века; их различий, существовавших в понимании теологов и юристов; динамики развития ведовских процессов во Франции и в соседних с ней регионах в XIV—XV вв. и их специфики. Без подобного предварительного экскурса сложно понять причины слабой разработанности этого сюжета в доктрине *discretio spirituum*, на которой основывались судьи⁵⁸, официально признавшие Жанну д'Арк еретичкой и, казалось бы, не обратившие никакого внимания на ее репутацию ведьмы.

§ 2. «Оставившие Создателя и обратившиеся к Сатане»

2.1. Колдовство: грех и уголовное преступление

Всесторонне разработанная концепция колдовства впервые была представлена в трудах Блаженного Августина (354—430)⁵⁹. Его теория базировалась на двух основных постулатах, первый из которых касался

⁵⁷ “Te relapsam et hereticam decernimus et per hanc sentenciam nostram quam pro tribunali sedentes in hiis scriptis proferimus et pronnunciamus” (PC, 1, 412, разрядка моя — О.Т.).

⁵⁸ Следует учитывать, что глава трибунала, судившего Жанну д'Арк, епископ Пьер Кошон, в 1414 г. был одним из 13-ти членов бургундской делегации на Констанцском соборе, где проблема *discretio spirituum* поднималась французской делегацией во главе с Жаном Жерсоном во связи с делом Бригитты Шведской. Таким образом, главному судье Жанны данная проблематика была хорошо знакома. Подробнее об участии Кошона в работе церковного собора см.: *Neveux F. Lévêque Pierre Cauchon. P., 1987. P. 56—61.*

⁵⁹ Подробнее см.: *Тогоева О.И. Реальность или иллюзия? Теория и практика ранних ведовских процессов в Западной Европе (XIII—XV вв.) // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 2. М., 2013. С. 59—88.*

суеверий, рассматриваемых как пережитки язычества, «еще до пришествия Спасителя» запрещавшихся и преследовавшихся законами⁶⁰. К ним епископ Гиппона относил прежде всего идолопоклонничество, означавшее почитание не только собственно идола, но и любого существа (человека или дьявола), явления природы, собственноручно изготовленного объекта⁶¹. Столь же активно Августин порицал и иудейские суеверия, не имевшие, с его точки зрения, никакого отношения к истинному христианскому учению⁶². Таким образом, осуждению подвергались не столько сами практики и их возможные последствия, сколько вера в их эффективность.

Вторым важнейшим «открытием» Августина являлась установленная им тесная связь между приверженностью суевериям и демонологией: в его трудах впервые была высказана идея о том, что дьявольское вмешательство является основной причиной впадения человека в грех и, соответственно, главным условием осуждения ведьм и колдунов⁶³. Развивая идеи епископа Лионского Иренея, введшего во II в. в церковную догматику понятие дьявола, Августин писал, что нечистый получает власть над людьми, притворяясь «ангелом света» (*satanas transfiguratur se velut angelum lucis*)⁶⁴. Как и ему, демонам также оказывались присущи некоторые особенности, в большей степени характеризующие небесные силы: прежде всего сама их сущность — не материальная, но и не полностью духовная, позволяющая им проникать повсюду, даже в тело

⁶⁰ *Augustinus. De civitate Dei // PL. T. 41. Col. 223.* См. также проповедь Августина, посвященную «нечестивым языческим обычаям» (*sacrilegas Paganorum consuetudines*): *Idem. Sermo CCLXXVIII. De auguriis // PL. T. 39. Col. 2269.*

⁶¹ “*Superstitiosum est quicquid institutum est ab hominibus ad facienda et colenda idola pertinens, vel ad colendam scuti Deum creaturam partemve ullam creaturae; vel ad consultationes et pactam quaedam significationum cum daemonibus placita atque foederata, qualia sunt molimina magicarum artium, quae quidem commemorare potius quam docere assolent poetae*” (*Idem. De doctrina christiana // PL. T. 34. Col. 50.* См. также: *Ibid. Col. 56—57; Idem. Sermo CCLXXVIII. De auguriis.*

⁶² Так, например, он весьма скептически оценивал историю Саула и Аэндорской пифии (1 Цар. 28: 7—25), полагая, что призрак Самуила можно было вызвать, благодаря исключительно помощи дьявола, но не Господа: *Idem. De octo Dulcitii quaestionibus // PL. T. 40. Col. 162—165; Idem. De diversis quaestionibus ad Simplicianum // PL. T. 40. Col. 142—144.* Критика Августином иудейских суеверий подробно рассмотрена в: *Thorndike L. History of Magic and Experimental Science. N.Y.-L., 1923. T. 1. P. 509—510, 518—519.*

⁶³ “*Ejus enim sunt illa phantasmata, qui miseris animas multorum falsorumque deorum fallacibus sacris cupiens irretire, et a vero veri Dei cultu, quo solo mundantur et sanantur, avertere, sicut de Proteo dictum est, Formas se vertit in omnes, hostiliter insequens, fallaciter subveniens utrobique nocens*” (*Augustinus. De civitate Dei. Col. 288*). См. также: *Idem. De genesi ad litteram libri duodecim // PL. T. 34. Col. 444—445.*

⁶⁴ *Idem. De civitate Dei. Col. 288.* Та же мысль была повторена в «Исповеди»: *Idem. Confessionum libri tredecim // PL. T. 32. Col. 808.*

и душу человека⁶⁵. У них также сохранились колоссальные знания и опыт, наделявшие их даром пророчества (*futura praedicunt*)⁶⁶.

И все же демоны, по мнению Августина, отличались от ангелов в самом главном: они не способны были ничего создать и могли лишь изобразить⁶⁷. Они творили «воображаемые видения» (*imaginaria visa*) столь убедительно, что люди верили в них как в состоянии бодрствования, так и во сне (*sive vigilantium sive dormientium*)⁶⁸. Проникая в душу человека, демоны воздействовали на его сознание, вызывая у него фантазии, которые он принимал за реальность. На самом же деле это были всего лишь иллюзии⁶⁹.

Идеи Августина имели основополагающее значение для всех последующих авторов, касавшихся в своих трудах проблемы восприятия колдовства, вплоть до XIII в.⁷⁰ Действительно, в каноне *Episcopi*, созданном в конце IX в. и явившемся практически первым официальным церковным документом, посвященным данному вопросу, речь также шла об иллюзиях, насылаемых дьяволом. Текст канона был впервые воспроизведен в 906 г. в *Libri duo de synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis* Регинона Прюмского — сборнике инструкций, предназначенных для епископов и их представителей в диоцезах. Среди суеверий, с которыми церкви следовало бороться, автор указывал, в частности, убежденность «некоторых женщин, превратившихся в слуг Сатаны, соблазненных дьявольскими иллюзиями и фантазмами (*daemonum illusionibus et phantasmatisbus seductae*), в том, что по ночам они разъезжают верхом на различных животных в компании с языческой богиней Дианой (*Diana paganorum dea*) и множеством других женщин; что они преодолевают огромные расстояния под покровом ночи; что они подчиняются приказам этой богини, как если бы она была их повелительницей; и что иногда по ночам она призывает их к себе на службу (*ad eius servitium evocari*)»⁷¹.

Через сто лет этот текст практически без изменений оказался включен в «Декреты» Бурхарда Вормского († 1025): автор лишь добавил в компа-

⁶⁵ Подробно этот вопрос рассмотрен в: *Idem*. De divinatione daemonum // PL. T. 40. Col. 581—592.

⁶⁶ *Ibid*. Col. 584. См. также: *Idem*. De civitate Dei. Col. 246—247.

⁶⁷ Все видимое, т.е. существующее в действительности, происходило, по мысли Августина, от ангелов: *Idem*. De diversis questionibus LXXXIII liber unus // PL. T. 40. Col. 90.

⁶⁸ *Idem*. De divinatione daemonum. Col. 586.

⁶⁹ “Et inciderunt in desiderium curiosarum visionum, et digni habiti sunt illusionibus” (*Idem*. Confessionum libri tredecim. Col. 807).

⁷⁰ Schmitt J.-C. Op. cit. P. 428, 439.

⁷¹ *Reginonis abbatis Prumiensis Libri duo de synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis* / Hrsg. von F.W.H. Wasserschleben. Leipzig, 1840. S. 355. Подробнее о каноне: *Kieckhefer R. European Witch Trials: their Foundations in Popular and Learned Culture, 1300—1500. L., 1976. P. 38—48.*

нию к Диане Иродиаду и попытался датировать канон, неверно отнеся его появление к собору в Анкаре 314 г.⁷² Он также развил идеи, изложенные в данном документе, посвятив проблемам колдовства 19-ю книгу «Декретов», названную «Корректор». Некоторые женщины, писал Бурхард, утверждают, что по ночам путешествуют в компании демонов, принявших женский облик⁷³. Другие клянутся, что могут ночью пройти сквозь запертые двери, оставив в доме спящих мужей. Они якобы преодолевают огромные расстояния вместе с другими такими же «жертвами обмана» (*simili errore deceptis*), убивают христиан, жарят и поедают их мясо, а на место сердца вкладывают им затем кусочек дерева или солому⁷⁴. Третьи уверяют, что научились готовить приворотные и отворотные зелья⁷⁵. Однако, на самом деле они разделяют одни и те же иллюзии, ибо никаких ночных сборищ в реальности не существует: «Те многие, кто верит в этот обман, уклоняются от подлинной веры и впадают в языческие заблуждения, полагая, что могут быть какие-то иные божества помимо единого Бога. На самом деле это дьявол принимает различные формы и личины, обманывая подчиненное ему сознание [человека] видениями в то время, когда тот спит»⁷⁶. Таким образом, Бурхард рассматривал колдовство как отказ от христианских догм, как неверие, т.е. как одну из разновидностей ереси.

Той же позиции придерживался и Грациан, включивший текст канона *Episcopi* в свой «Декрет», опубликованный в Болонье в 1140 г. и остававшийся базой для последующего развития всего канонического права вплоть до XX в. Раздел XXVI второй части «Декрета» содержал семь вопросов, посвященных подробнейшему анализу всего того, что касается суеверий, понимаемых автором как «лживая религия» (*fictae religionis*), т.е. как ересь⁷⁷. Всех «авгуров, прорицателей, колдунов и прочих» Грациан считал необходимым отлучать от церкви за их попытки при помощи демонов предсказать будущее, знание которого в действительности открыто лишь Господу и его ангелам⁷⁸. Епископам же реко-

⁷² “Cum Diana paganorum dea, vel cum Herodiade” (*Burchardus Wortatiensis. Decretorum libri viginti* // PL. T. 140. Col. 831).

⁷³ “Id est cum daemonum turba in similitudinem mulierum transformata” (*Ibid.* Col. 962).

⁷⁴ *Ibid.* Col. 973.

⁷⁵ *Ibid.* Col. 837.

⁷⁶ “Nam innumera multitudo, hac falsa opinione decepta, haec vera esse credit, et credendo a recta fide deviat, et in errore paganorum volvitur, cum aliquid divinitatis aut nominis extra unum Deum esse arbitrat. Sed diabolus transformat se in diversarum personarum species atque similitudines, et mentem, quam captivam tenet, in somnis deludens” (*Ibid.* Col. 963, разрядка моя — О.Т.).

⁷⁷ *Decretum magistri Gratiani* // *Corpus Iuris Canonici* / Hrsg. von A. Friedberg. Leipzig, 1879. Col. 1019—1046.

⁷⁸ “Futura enim prescire solius Dei est, qui in sui contemplatione etiam angelos illa prescire facit” (*Ibid.* Col. 1027).

мендовалось всячески бороться с магическими практиками, имеющими хождение в их диоцезах, и искоренять «преступные секты» (*sceleris sectatorem*), в которые вступают местные жители, полагающие, что все происходящее с ними там является реальностью, хотя на самом деле представляет собой «демонические иллюзии и видения» (*demonum illusionibus et fantasmatis*)⁷⁹.

И все же официальная позиция церкви, изначально видевшей в любом проявлении колдовства дьявольское наваждение и, следовательно, ошибочные еретические убеждения, постепенно менялась. Связано это было в первую очередь с постепенным отказом от тарифицированной системы покаяния, характерной для пенитенциалиев VI—XII вв.⁸⁰, и введением после IV Латеранского собора 1215 г. обязательной ежегодной исповеди, позволявшей священникам узнавать значительно больше о своих прихожанах, об их тайных мыслях и устремлениях. Особую роль в этом процессе играли местные церковные власти, а также странствующие проповедники (монахи нищенствующих орденов), значительно лучше многих своих коллег знакомые с локальными верованиями и магическими практиками. В сборниках поучительных «примеров» (*exempla*), в большом количестве появившихся в это время, риторические отсылки к языческим истокам колдовства практически исчезли — вместо них авторы предпочитали опираться на случаи из реальной жизни, на собственный опыт общения с паствой⁸¹. С этой точки зрения, характерным примером может, на мой взгляд, служить сборник доминиканца Этьена де Бурбона, составленный между 1250 и 1261 гг.: половина всех «примеров», представленных здесь, основывалась на современных автору событиях, на его личных воспоминаниях или рассказах его знакомых⁸².

Безусловно, истории о ночных сборищах демонов, в которых принимали участие некоторые из его героев, Этьен де Бурбон склонен был расценивать как выдумки (*mendacia*), иллюзии (*illusionibus*) и сновидения (*somnium veritatem*). Именно так он предлагал интерпретировать перед собравшимися на проповедь прихожанами рассказы о крестьянине, якобы побывавшем на пиру во дворце у демонов, а утром проснувшись в лесу на вязанке дров «позорно брошенным и

⁷⁹ Ibid. Col.¹ 1030.

⁸⁰ Их подробный анализ см. в: Le pécheur et la pénitence au Moyen Age / Textes choisis, traduits et présentés par C. Vogel. P., 1969. P. 42—186.

⁸¹ Schmitt J.-C. Op. cit. P. 508—509; Гуревич А.Я. Exemplum // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 594—597; Он же. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989. С. 54—55.

⁸² Anecdotes historiques, légendes et apologues tirés du recueil inédit d'Etienne de Bourbon / Publ. par A. Lecoy de la Marche. P., 1877. P. XIII.

униженным»; о женщине, принимавшей у себя в комнате человека, назвавшегося Иисусом Христом, предлагавшего ей неземные богатства в обмен на радости плотской любви и оказавшегося дьяволом; о многочисленных ночных сборищах под предводительством маленького черного пса; о полетах на эти встречи в компании Дианы и Иродиады, а также женщин, называемых *bonas res*⁸³. В «суевериях» и гадательных практиках, склонность к которым, по мнению де Бурбона, испытывали представители всех без исключения слоев современного ему общества, он видел прежде всего обычный человеческий обман⁸⁴, который легко раскрыть как священнику, так и самим прихожанам.

И все же, как мне представляется, по сборнику Этьена де Бурбона легко можно проследить изменения, которые претерпела концепция колдовства к середине XIII в. Если раньше оно в принципе не рассматривалось как реальность, то теперь существование дьявола и демонов, их способность вмешиваться в дела людей, заключать с ними союзы и помогать им в злодеяниях не ставились под сомнение⁸⁵. Реальные события — рождение одержимого демоном младенца; убийство двух детей и попытка умертвить третьего, предпринятая их соседкой; личные свидетельства женщин, обратившихся за помощью к местной ведьме и увидевших в ее доме тень вызванного ею дьявола (*demonem quasi umbram teterrimam*)⁸⁶ — доказывали, с точки зрения Этьена де Бурбона, что отныне к колдовству не следует относиться исключительно как к выдумке. Многие ведьмы в его историях действовали не под воздействием иллюзий или во сне, но совершенно сознательно: их злой умысел, подкрепленный договором с дьяволом, лежал в основе их магических практик. Таким образом, главным фактором в оценке данного явления оказывалась теперь личная ответственность ведьм и колдунов за произошедшее, их личная вина.

Распространению представлений о том, что колдовство является прежде всего умыслом, в котором можно сознаться на исповеди и за который следует понести заслуженное наказание, весьма способствовали труды Фомы Аквинского (1225—1274). Несмотря на то, что он не создал собственной демонологической теории, его идеи, касающиеся роли дьявола в жизнедеятельности людей, оказали значительное влияние на

⁸³ Ibid. P. 198—199, 321—322, 323—324.

⁸⁴ “Item seducunt homines non solum demones, sed ipsi qui divinos se dicunt, cum nil sciant de futuris” (Ibid. P. 315).

⁸⁵ Этьен де Бурбон отмечал, что у демонов имеется некая физическая оболочка, так что люди вполне могут их видеть (Ibid. P. 45—46, 225—226, 398—399); Они также имели голос и могли разговаривать с людьми (Ibid. P. 53—54, 164—165). Они могли оказывать физическое воздействие на человека, например, поставить ему на руку печать, скреплявшую их договор (Ibid. P. 157—158), или вызвать у него нарывы по всему телу (Ibid. P. 161—162).

⁸⁶ Ibid. P. 318—321.

последующее развитие данной концепции⁸⁷. Трактовка Фомой Аквинским суеверий во многом опиралась на идеи Августина, но была более жесткой⁸⁸. Если для последнего демоны оказывались вездесущими, а суеверия могли возникнуть по простому незнанию, то для Аквината занятия колдовством (идолопоклонничество, предсказания, различные виды гаданий) носили исключительно сознательный характер. В отличие от своего предшественника, первым введшего в обиход понятие договора с дьяволом, но относившегося к нему как к обману⁸⁹, Фома Аквинский уделил этому вопросу особое внимание. Он полагал, что следует различать случайный стовор и сознательное сотрудничество, ответственность за которое целиком ложится на человека⁹⁰. Таким образом, роль людей в отношениях с нечистым трактовалась им как активная, а в восприятии колдовства был сделан еще один шаг к признанию его реальностью. Фома Аквинский писал, что многие предпочли бы, чтобы демонов вообще не было и они существовали бы лишь в воображении. Однако, отмечал он, согласно истинному учению, демоны — реальность, и их деяния вызывают печаль и страдание⁹¹.

Томистская идея об активной роли адептов дьявола оказала сильнейшее влияние на последующую традицию восприятия колдовства — прежде всего как отдельного, самостоятельного греха, а затем — как умышленно совершенного (и абсолютно реального) преступления⁹². Как свидетельствуют папское законодательство и документы юридической практики, уже со второй половины XIII в. ересь и колдовство стали трактоваться как два самостоятельных деликта, расследование кото-

⁸⁷ Peters E. The Magician, the Witch, and the Law. Hassocks, 1978. P. 95—98; *Caro Baroja J. Witchcraft and Catholic Theology // New Perspectives on Witchcraft / Ed. by B.P. Levack. N.Y., 2001. P. 9—10.*

⁸⁸ Подробнее о них: *Thorndike L. Op. cit. T. 2. P. 593—615.*

⁸⁹ См. прим. 63.

⁹⁰ “Unde etiam imagines quas astronomicas vocant, ex operatione daemonum habent effectum. Cuius signum est quod necesse est eis inscribi quosdam characteres, qui naturaliter ad nihil operantur: non enim est figura actionis naturalis principium. Sed in hoc distant astronomicae imagines a nigromanticis, quod in nigromanticis fiunt expressae invocationes et praestigia quaedam, unde pertinent ad expressa pacta cum daemonibus inita; sed in aliis imaginibus sunt quaedam tacita pacta per quaedam figurarum seu characterum signa” (*Sancti Thomae Aquinatis Summa theologiae. Secunda secundae // Sancti Thomae Aquinatis Opera omnia. Rome, 1897. T. IX. P. 331—332, разрядка моя — O.T.*).

⁹¹ *Sancti Thomae Aquinatis Quaestiones Quodlibetales / Intr. de P. Mandonnet. P., 1926. P. 420—421.*

⁹² Об этом см. прежде всего: *Hopkin C.E. The Share of Thomas Aquinas in the Growth of the Witchcraft Delusion. Philadelphia, 1940. P. 81—127, 145—173.* См. также: *Peters E. Op. cit. P. 110—137; Cohn N. The Myth of Satan and his Human Servants // Witchcraft: Confessions and Accusations / Ed. by M. Douglas. L., 2004. P. 3—16.*

рых, тем не менее, должен был осуществлять один и тот же суд — суд Инквизиции. Данное положение вещей было впервые письменно зафиксировано в середине XIII в.: папа Александр IV в своих посланиях орденам францисканцев (1258 г.) и доминиканцев (1260 г.) распорядился передать в юрисдикцию Инквизиции все дела по преследованию тех ведьм и колдунов, которые подозревались в приверженности какой-либо ереси, все прочие же случаи оставались пока в ведении судов официалов⁹³.

Более детальная проработка этого вопроса была предпринята в понтификат Иоанна XXII (1316—1334). Как кажется, не в последнюю очередь это было связано с личностью самого папы — человека, искренне верившего в колдовство и чрезвычайно его боявшегося⁹⁴: в 1317 г. в попытке его убийства при помощи различных магических средств был обвинен епископ Кагора Гуго Геро⁹⁵. Иоанн XXII уделял колдовству самое пристальное внимание и считал его таким же реальным и важным преступлением, как и ересь. В 1320 г. он выслал инквизитору Каркассона мандат, подтверждавший, что отныне любые случаи магических практик (будь то вызов демонов, поклонение им и принесение оммажа, заключение с ними договора, изготовление восковых фигурок, совершение над ними таинства крещения, использование в своих колдовских целях освященной гостии) подпадают под юрисдикцию Инквизиции — даже если обвиняемых нельзя заподозрить в приверженности каким-либо еретическим учениям⁹⁶. К тому же времени относились и консультации, проведенные понтификом по вопросу, следует ли рассматривать колдовство (прежде всего, практики, связанные с осквернением таинства крещения и евхаристии) как ересь (*factum hereticale*) и соответственно наказывать. Свое мнение по данному вопросу в 1319—1321 гг. высказали десять представителей церкви, большинство которых были теологами. Девять из них при этом пришли к выводу о необходимости различения двух составов преступления, поскольку человек, поклоняющийся дьяволу и совершающий святотатство, далеко не всегда неверно трактует сами христианские

⁹³ “Ad illud autem, quod quaeritur, utrum ad inquisitores heresis pertineat, de divinationibus et sortilegiis, que contra aliquos sibi denunciantur, cognoscere ac punire talia exercentes? breviter respondetur...Cum negotium fidei, quod summe privilegium existit, per occupationes alias non debeat impediri, inquisitores ipsi de iis, nisi manifeste haeresim saperent, ratione huiusmodi officii sibi commissi se nullatenus intromittant, sed eos relinquunt suis iudicibus pœna debita castigandos” (Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns. S. 1).

⁹⁴ Boureau A. Satan hérétique: l’institution judiciaire de la demonologie sous Jean XXII // Médiévales. 2003. № 44. P. 17—46.

⁹⁵ См. прежде всего: Albe E. Autour de Jean XXII. Hugues Geraud évêque de Cahors. L’affaire des poisons et des envoutements en 1317. Cahors, 1904 (с публикацией документов, относящихся к процессу).

⁹⁶ Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns. S. 4—5.

таинства⁹⁷. Наконец, в 1326—1327 гг. Иоанн XXII издал специальную буллу *Super illius specula*, в которой ясно давал понять, что колдовство — совершенно отдельное от ереси преступление, хотя оно также направлено против христианской веры и им следует заниматься судам Инквизиции, которые должны применять к ведьмам и колдунам наказания «наподобие тех, что заслуживают еретики»⁹⁸.

Понимание колдовства и ереси как различных явлений сохранилось в папском законодательстве на протяжении всего XIV в. Так, в письме от 17 июня 1336 г. Гийому, канонику Мирпуа и официалу Авиньона, папа Бенедикт XII перечислял все типы преступлений, подпадающих под юрисдикцию Инквизиции. К ним относились «ересь, приверженность схизме, нанесение ущерба, заговоры, колдовство и другие преступления против веры»⁹⁹. В 1374 г. в послании генеральному инквизитору Французского королевства Жаку де Морею Григорий XI вновь подтверждал, что «те, кто вызывает демонов и подвергает свою душу опасности», находятся в ведении Инквизиции — однако, о том, чтобы считать их еретиками, здесь также не говорилось ни слова¹⁰⁰.

Документы из папской канцелярии указывают, что уже с 30-х гг. XIV в. Инквизиция проводила отдельные процессы против лиц, подозревавшихся в занятиях колдовством, в ходе которых обвинение в ереси даже не упоминалось. Это были дела о «некромантии», «колдовстве и некромантии», «колдовстве, заговорах, нанесении ущерба, магических практиках и прочих гнусных преступлениях», «изготовлении восковых фигурок, крещенных [в церкви]», «вызове дьявола и посвящении ему в услужение себя телесно и духовно за вознаграждение»¹⁰¹. Как мне представляется, причина восприятия колдовства и ереси как двух различных преступлений крылась в самой сути этих, преследуемых церковью деяний. Если ересь, с точки зрения инквизиторов, заключалась в сознательном отказе от следования догматам католической церкви или в принадлежности к секте, доктрина которой была осуждена как противная христианской вере¹⁰², то под колдовством понимались некие запре-

⁹⁷ *Boureau A. Le pape et les sorciers. Une consultation de Jean XXII sur la magie en 1320 (manuscrit B.A.V. Borghese 348). Rome, 2004. P. XXIV—XXVIII.*

⁹⁸ «Ad infligendas poenas omnes et singulas, praeter bonorum confiscationum dumtaxat, quas de iure merentur heretici, per suos competentes iudices procedatur» (Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns. S. 5—6, разрядка моя — О.Т.).

⁹⁹ «Inquirendi et procedendi adversus quascumque personas de heresis, scismatis, maleficiorum, factionum, sortilegiorum vel aliis criminibus fidem tangentibus suspectas» (Ibid. S. 8).

¹⁰⁰ Ibid. S. 15—16.

¹⁰¹ Ibid. S. 8—9, 11—12, 13—14. См. также: *Chiffolleau J. Les justices du pape. Délinquance et criminalité dans la région d'Avignon au XIVe siècle. P., 1984. P. 200—202.*

¹⁰² *Chenu M.-D. Orthodoxie et hérésie: le point de vue du théologien // Hérésies et sociétés dans l'Europe préindustrielle / Sous dir. de J. Le Goff. P., 1968. P. 9—14. Важ-*

щенные практики (*magicis artibus*), производимые при помощи вполне материальных предметов, которые при удачном стечении обстоятельств могли быть представлены в суде в качестве неоспоримых вещественных доказательств вины того или иного человека. К последним относились тексты договоров с дьяволом, подозрительные жидкости и субстанции, предметы одежды, восковые фигурки, и т.д., сами по себе подтверждавшие реальность происходящего. Неслучайно в письме от 13 апреля 1336 г. Бенедикт XII требовал от Гийома, епископа Парижского, переслать в Авиньон «некие таблички» (*quasdam laminas*), при помощи которых английский некромант Уильям *Altafex*, пребывавший на тот момент во французской тюрьме, занимался своим преступным ремеслом¹⁰³.

Превращение колдовства из греха в уголовное преступление, раскрыть которое можно при помощи обычных в подобных случаях средств (сбора вещественных доказательств, опроса свидетелей, признания обвиняемого)¹⁰⁴, яснее прочего, как мне кажется, свидетельствовало о том, что официальная церковь отныне рассматривала его как реально существующее явление. Именно на этом основании с конца XIV в. шло развитие первых массовых ведовских процессов на территории Дофине, Прованса, Бургундии и романской Швейцарии, позволивших уже к концу 30-х гг. XV в. создать «ученую» концепцию колдовства, включавшую существование секты ведьм, договора с дьяволом, полетов на шабаш, и т.д.

2.2. Рождение «ученой» концепции колдовства

Как полагал Карло Гинзбург, самые ранние массовые процессы против ведьм и колдунов имели место в районе Берна (Лозаннский диоцез) и относились еще к 70-м гг. XIV в. Столь точная датировка основывалась, впрочем, всего на одном письменном свидетельстве — трактате Иоганна Нидера «Муравейник» (*Formicarius*). Созданный в годы Базельского

но, на мой взгляд, отметить, что, с точки зрения представителей официальной церкви, у любого еретического течения также существовали собственные догматы, записанные в книгах. Иными словами, ересь понималась прежде всего как ученое знание. О книгах, имеющихся у еретиков, писал, в частности, Этьен де Бурбон: *Anecdotes historiques, légendes et apologues*. P. 286—287, 290—291, 307—310, 311—314. Наличие у еретиков «тайных книг» подчеркивали свидетели на процессах против вальденсов Фрайбурга в конце XIV—начале XV в.: *Quellen zur Geschichte der Waldenser von Freiburg im Üchtland (1399—1439)* / Hrsg. von K. Utz Tremp. Hannover, 2000. S. 309, 312, 373, 472.

¹⁰³ *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns*. S. 8.

¹⁰⁴ Подробнее о процедуре следствия (*inquisitio*) см.: *Gauvard C. "De grace especial". Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age*. P., 1991. P. 145—235; *Carbasse J.-M. Introduction historique au droit pénal*. P., 1990. P. 137—144; *Тогова О.И. «Истинная правда»*. С. 93—121, 182—221.

собора (1431—1449), где его автор играл весьма заметную роль¹⁰⁵, «Муравейник» состоял из пяти книг, последняя из которых, законченная в 1437—1438 гг., была посвящена «колдунам и их злодеяниям»¹⁰⁶. Именно здесь, среди прочей информации, собранной Нидером о различных видах колдовства, содержалась ссылка на сведения, полученные им от некоего «судьи Петера», в прошлом бернского бальи, лично отправившего на костер многочисленных ведьм¹⁰⁷. Эти процессы якобы отстояли от момента создания трактата «примерно на 60 лет»¹⁰⁸, что и дало Гинзбургу возможность отнести их начало к 1375—1377 гг.¹⁰⁹

Современные исследователи, впрочем, не согласились с данной хронологией событий, поскольку, по их мнению, в это время ни в данном регионе, ни где бы то ни было еще не существовало понятия «секты» ведьм и связанной с ним концепции шабаша. Интерес к обвинению в колдовстве светские власти Берна стали проявлять лишь в самом начале XV в.¹¹⁰ Тем не менее, следует отметить, что уже с 80-х гг. XIV в. преследование ведьм и колдунов шло полным ходом в соседнем с Лозанной диоцезе Сиона, и местным судебным властям было прекрасно знакомо понятие «заговора», который, с их точки зрения, связывал многих обвиняемых и который следовало раскрыть¹¹¹. Сообщники (*consortes*) упоминаются в мате-

¹⁰⁵Chène C. Introduction // *Imaginaire du sabbat*. Edition critique des textes les plus anciens (1430 c. — 1440 c.) / Réunis par M. Ostorero, A. Paravicini Bagliani, K. Utz Tresp, en collaboration avec C. Chène. Lausanne, 1999. P. 101—103.

¹⁰⁶“Quintus de maleficis et eorum depercionibus” (цит. по: Ibid. P. 106). Интересно, что проблемам ереси Нидер посвятил отдельную главу: “Tercius de falsis et illusoriis visionibus” (Ibid. P. 106—107). Такое деление указывает, что автор понимал эти два преступления против веры как различные.

¹⁰⁷В начале XX в. Й. Хансен предложил видеть в «судье Петере» бернского бальи Петера фон Грайерца, пребывавшего в этой должности в 1392—1406 гг. (*Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns*. S. 91, п. 2). Однако, как отмечает К. Шен, у нас отсутствует какая бы то ни было информация, позволяющая с уверенностью утверждать, что Нидер консультировался именно с этим человеком. С конца XIV в. и до 1437—1438 гг., когда был закончен «Муравейник», в должности бальи Берна побывало трое чиновников, носивших имя Петер. Информатором Нидера мог быть любой из них (Chène C. *Commentaire // Imaginaire du sabbat*. P. 223—231).

¹⁰⁸“A sexaginta circiter annis, suprafata maleficia a multis practicata sunt” (*Nider J. Formicarius // Imaginaire du sabbat*. P. 168).

¹⁰⁹Ginzburg C. *Le sabbat des sorcières*. P., 1992. P. 80—81, 90.

¹¹⁰Первый известный историкам ведовской процесс здесь датируется 1404 г.: Chène C. *Commentaire*. P. 251—254.

¹¹¹Первый ведовской процесс в этом регионе, материалы которого сохранились, датируется 1317 г.: Ammann-Doubliez C. *La première chasse aux sorciers en Valais (1428—1436?) // Imaginaire du sabbat*. P. 78—86. Андреас Блауэрт, основываясь на анализе судебных документов, происходящих из Лозаннского диоцеза, Савойи, Пьемонта, Базеля и Люцерны, также приходил к выводу о росте к началу XV в. в этих регионах количества ведовских процессов. Впрочем, их отличительной чертой немецкий историк полагал внимание к традиционным магическим прак-

риалах этих дел, начиная с 1380 г., что, на мой взгляд, свидетельствует о совершенно определенных изменениях в концепции колдовства: если в первой половине XIV в. речь шла об индивидуальных занятиях магическими практиками, то ближе к его концу в поле зрения судей все чаще попадали группы обвиняемых. И хотя количество судебных дел конца XIV-начала XV вв., сохранившихся в архивах, сравнительно невелико, они позволяют выявить черты уже «ученой» концепции колдовства: наличие «секты», договор с дьяволом (злым духом), принесение ему оммажа, отказ от христианских догм, ликантропия, нанесение вреда окружающим при подстрекательстве и при помощи демонов¹¹². Эти данные подтверждаются, с моей точки зрения, и одним из самых ранних сочинений, посвященных проблемам демонологии, — «Запиской» Ганса Фрюнда, составленной на немецком языке в самом начале 30-х гг. XV в.¹¹³

Выходец из Люцерны, Фрюнд кратко описал ставшие ему известными из первых рук¹¹⁴ подробности ведовских процессов, имевших место в Вале (Сионский диоцез) примерно в 1420—1428 гг.¹¹⁵ Он отмечал их массовый характер, вызванный существованием большого количества ведьм и колдунов в данном регионе¹¹⁶. Все эти люди находились под влиянием «злого духа» (*bo'sen geist*), который, воспользовавшись их тайным желанием стать богатыми и могущественными, обучил их «многочисленным техникам», необходимым, чтобы отомстить противникам и заставить страдать тех, кто причиняет им неудобства. Однако прежде чем передать им свое «учение», «злой дух» обязал их перейти к нему на службу и поклоняться ему, отказавшись от веры в Бога и церковные догматы. Для этого ведьмы и колдуны заключали с ним договор, обещая выплачивать ежегодные поборы, будь то черный баран или ягненок, меру овса или части собственного тела. Встречи со «злым духом», согласно признаниям обвиняемых, являвшимся им в виде черного животного (медведя или барана), происходили по ночам, в тайных

тикам (наведению и снятию порчи) и отсутствие «ученой» концепции колдовства (*Blauert A. Frühe Hexenverfolgungen: Ketzler-, Zauberei- und Hexenprozesse des 15. Jahrhunderts. Hambourg, 1989. S. 58—59.*)

¹¹²Материалы этих дел пока не опубликованы, их подробное описание см. в: *Ammann-Doubliez C. Op. cit. P. 84—89.*

¹¹³*Fründ H. Rapport sur la chasse aux sorciers et sorcières menée dès 1428 dans le diocèse de Sion // Imaginaire du sabbat. P. 23—45.*

¹¹⁴О возможных информаторах Фрюнда см.: *Ammann-Doubliez C. Op. cit. P. 90—93.* Против авторства Фрюнда высказывался Андреас Блауэрт, полагавший, что «Записка» является переводом на немецкий язык более раннего анонимного трактата: *Blauert A. Op. cit. S. 68.*

¹¹⁵*Fründ H. Op. cit. P. 40—42.* Эти сведения подтверждаются данными судебных документов, свидетельствующих, что процессы шли уже в 1410-х гг.: *Ammann-Doubliez C. Op. cit. P. 80—81.*

¹¹⁶*Fründ H. Op. cit. P. 30.*

местах, куда они переносились с его помощью верхом на стульях. Там они обучались различным магическим практикам (насылать болезни; превращаться в волков; становиться невидимыми; снимать порчу, наведенную другими колдунами; портить урожай, особенно зерно и вино; понижать удоимость коров). Там же они предавались отдыху: приятно проводили время, перемещаясь из деревни в деревню, из замка в замок, где посещали погреба с самым лучшим вином. Кроме того они промышляли каннибализмом: убивали собственных детей, жарили и ели их мясо¹¹⁷. Их «сообщество» включало около 700 человек и было, по мнению Ганса Фрюнда, настолько велико, что уже через год они могли бы избрать короля из своей среды¹¹⁸. «Злой дух» внушал им, что им следует становиться все сильнее, чтобы не бояться никакой власти, никакого трибунала и, напротив, создать свой собственный суд и угрожать всему христианском у миру¹¹⁹.

Важно отметить, что все описанные явления воспринимались люцернским хронистом как существующие на самом деле. Постоянно ссылаясь на показания обвиняемых, Фрюнд подчеркивал, что только благодаря им о «сообществе» ведьм и колдунов стало доподлинно известно окружающим, поскольку «они предоставили суду доказательства, которые подтверждают реальность их злодеяний»¹²⁰. Описание, предложенное в «Записке», безусловно, свидетельствовало о начавшемся процессе складывания «ученой» концепции колдовства. Наряду с традиционными магическими практиками, ставшими объектом особого интереса церковных и светских судей уже в начале XIV в., здесь упоминались такие важные элементы, как существование организованной «секты» ведьм и колдунов, заключение договора со «злым духом» (который, правда, еще не назывался «дьяволом»), ночные путешествия и участие в шабаше (носившего пока название «школы»/*schu^ole*), детоубийство, каннибализм и ликантропия. Особое внимание уделялось и угрозе, которую представляет такое «сообщество» всему прочему миру.

Первая волна массовых ведовских процессов, прошедшая в Сионском диоцезе, очевидно, произвела сильное впечатление на современников. Неслучайно, как отмечает Шанталь Амман-Дублие, в 1428 г. трое жителей Вале были арестованы по сходному обвинению властями Фрайбурга, которые уже в следующем, 1429 г. пригласили к себе из Сиона инквизитора Ульриха фон Торренте для проведения собствен-

¹¹⁷Ibid. P. 32—36.

¹¹⁸“Und wz ir als vil worden, das sy meintent, mo^ochtten sy noch ein jare gerichtssnet han, so wolttten sy einen kúng haben uffgeworffen under inen selben” (Ibid. P. 42).

¹¹⁹Ibid.

¹²⁰“Wonnt sy selber so^oliche wortzeichen gebent und die die geseit hant, dz es leider war ist und so^olicher schaden von inen vil geschehen ist” (Ibid. P. 38).

ного процесса — против вальденсов¹²¹. Именно этот регион (а также Пьемонт и Дофине) стал последним прибежищем приверженцев этого еретического учения¹²². Незнание местными жителями обычаев и верований чужаков могло спровоцировать определенную деформацию обвинений, традиционно выдвигаемых против них: воспринимаемые ранее как еретики, вальденсы, осевшие в альпийском регионе, постепенно превращались здесь в «секту» ведьм и колдунов¹²³. Еще одной причиной подобной трансформации, возможно, являлись чрезвычайно тесные связи, существовавшие в конце XIV-начале XV в. между Фрайбургом и Авиньоном и предполагавшие знакомство местных церковных и светских властей с новым пониманием колдовства¹²⁴.

Как отмечает Катрин Утц Тремп, использование в материалах процессов (которые шли во Фрайбурге в 1399, 1429 и 1430 гг.) преимущественно термина «вальденс» (*vaudois, Waldenser*) уже само по себе указывает на то, что судьи затруднялись определить, с кем именно они столкнулись¹²⁵. С одной стороны, они вроде бы считали этих людей еретиками¹²⁶ и выдвигали против них соответствующие обвинения: наличие собственных «апостолов», отказ от веры в церковные таинства, в святых и Деву Марию, в существование чистилища, несоблюдение праздников, и т.д.¹²⁷ С другой стороны, судьи, безусловно, видели в их действиях следы иных преступных умыслов: неслучайно в некоторых случаях они называли

¹²¹ *Ammann-Doubliez C.* Op. cit. P. 92. См. также: *Andenmatten B., Utz Tremp K.* De l'hérésie à la sorcellerie: l'inquisiteur Ulric de Torrenté OP (vers 1420—1445) et l'affermissement de l'inquisition en Suisse romande // ZSKG. 1992. Bd. 86. S. 80—81.

¹²² *Anheim E., Boudet J.-P., Mercier F., Ostorero M.* Aux sources du sabbat. Lectures croisées de "l'imaginaire du sabbat / Edition critique des textes les plus anciens (1430c.-1440c.)" // Médiévales. 2002. № 42. P. 155—156.

¹²³ *Audisio G.* Les Vaudois. Naissance, vie et mort d'une dissidence (XIIe-XVIe siècles). Turin, 1989. P. 77—80; *Duval F., Jean Tinctor, auteur et traducteur des "Invectives contre la secte de vauderie"* // Romania. 1999. T. 117. P. 186—217.

¹²⁴ Об этих связях см. подробнее: *Utz Tremp K.* Der Freiburger Stadtpfarrer Wilhelm Studer (1412—1447). Ein spätmittelalterliches Klerikerleben zwischen Kirche, Konkubine und Konzil // ZSKG. 1999. Bd. 93. S. 121—197.

¹²⁵ *Andenmatten B., Utz Tremp K.* Op. cit. S. 82; *Utz Tremp K.* Einleitung // Quellen zur Geschichte der Waldenser. S. 214—234; *Utz Tremp K.* Von der Häresie zur Hexerei. Waldenser- und Hexenverfolgungen im heutigen Kanton Freiburg (1399—1442) // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 2002. Bd. 52. S. 115—121.

¹²⁶ Из 129 документов, сохранившихся от процесса 1430 г. во Фрайбурге, только в 21-м понятие «секта вальденсов» увязано с понятием «ересь»: "De secta et mala credencia istorum Waldensium seu aliorum perversorum hereticorum" (Quellen zur Geschichte der Waldenser. S. 334). См. также: *Ibid.* S. 304, 381, 393—395, 397, 406, 410, 434, 446, 450, 454, 457, 464, 467, 473, 501, 503, 508, 511, 567.

¹²⁷ Полный перечень обвинений см.: *Ibid.* S. 380—384 (процесс 1430 г.); S. 589—592 (процесс 1399 г.). Ср. с практически идентичным списком обвинений, который приводил в своем «Учебнике инквизитора» Бернар Ги: *Gui B.* Op. cit. P. 38—64.

вальденсов «псевдоеретиками» (*pseudohereticorum Waldensium*)¹²⁸. Например, в 1429 г. некую женщину по прозвищу Лётцшера было решено после ареста отвести в общественные бани и там обрить наголо (как полагает издательница, чтобы найти метку дьявола)¹²⁹. В 1430 г. другая жительница Фрайбурга, Ита Стуки, уже прямо обвинялась в вызове демонов и занятиях колдовством (*maleficiis et aliis demonum invocacionibus*). По слухам, разнообразие магические практики она использовала, дабы отомстить соседям и прочим жителям города, наводя на них и на их имущество порчу¹³⁰. На том же процессе упоминалась некая местная «прорицательница» (*divinatrix*), умеющая исцелять болезни. Вызванные в суд Жакин и Хайнин Колли показали, что обращались к ней за советом, желая облегчить муки умиравшего от неизвестной причины отца, однако она ничем не смогла им помочь. По ее словам, на момент их визита отец уже умер, поскольку кто-то навел на него порчу: «съел» его сердце, и оно стало размером «не больше пальца»¹³¹.

Помимо этих, вполне традиционных магических практик на процессах из Фрайбурга упоминались детали, которые, как мне представляется, с уверенностью можно отнести уже к демонологической концепции колдовства. Так, всячески подчеркивались таинственность, окружавшая секту вальденсов; секретность их сборищ¹³², названных в материалах дел «синагогами» (*synagoga*)¹³³ или, как в «Записке» Ганса Фрюнда, «школами» (*scola*)¹³⁴; позднее время подобных встреч¹³⁵ и не совсем обычные места, выбранные для них: например, поле или погреб в доме¹³⁶. Дьявол объявлялся их проповедником, а члены секты — его собственными проповед-

¹²⁸Quellen zur Geschichte der Waldenser. S. 375, 413, 478.

¹²⁹Ibid. S. 640. О подобной практике обривания женщин, подозреваемых в колдовстве, с целью поиска метки дьявола см.: *Utz Trempe K. Ist Glaubenssache Frauensache? Zu den Anfängen der Hexenverfolgungen in Freiburg (um 1440) // Freiburger Geschichtblätter. 1995. Bd. 72. S. 9—50.*

¹³⁰Quellen zur Geschichte der Waldenser. S. 431.

¹³¹“Quibus dicta divinatrix dixit: Bene potestis recedere, quia ille, pro quo remedium queritis, iam mortuus est, et quedam persona sibi corrosit et comedit cor ipsius sic, quod non est plus ad grossitudinem extremitatis digiti mei” (Ibid. S. 523).

¹³²“Tunc revelavit sibi secreta dicte secte” (Ibid. S. 321); “Adonques preiast ly dicte Anguille a la Surera que elle lo volist tenir secret” (Ibid. S. 327).

¹³³“Sed tamen ipsam non vidit in dicta synagoga, sed solum perpendit ex verbis, que dicta Marguereta sibi dixerat” (Ibid. S. 372); “Et ultra dixit, debite interrogata, quod antiquitus synagoga seu conventicula eorum tenebatur in domo illius de Murten” (Ibid. S. 341). Термин «синагога» указывает на бесспорное влияние на демонологическую терминологию напряженных отношений, существовавших в данном регионе между христианской и еврейской общинами: *Ostorero M. Commentaire // Imaginaire du sabbat. P. 323—327.*

¹³⁴Quellen zur Geschichte der Waldenser. S. 358, 520.

¹³⁵Ibid. S. 428.

¹³⁶Ibid. S. 364(поле), 359, 428, 486 (погреб).

никами. Такие обвинения были, в частности, выдвинуты против некоей Агнес Отцшины, которая якобы об этом всем рассказывала¹³⁷. Причем свидетели настаивали, что эти проповедники имеют обыкновение целовать kota в зад¹³⁸. Признав на очной ставке правдивость данных обвинений, Отцшина, тем не менее, настаивала на том, что не принадлежит «к упомянутой секте вальденсов или к какой-либо другой»¹³⁹.

Последнее замечание заставляет обратиться к тексту анонимного трактата *Errores haereticorum Waldensium*, датируемого самым концом XIV в. и написанного под впечатлением от прошедших в Штирии в 1392—1398 гг. процессов против местных вальденсов¹⁴⁰. После весьма подробного изложения многочисленных фактов, известных ему о данном еретическом учении, и перечня вопросов, которые следует задавать его адептам на допросах, автор делал неожиданную приписку, где отмечал существование другой, «ужаснейшей» секты. Деяния ее членов сильно отличались, с его точки зрения, от занятий обычных еретиков: они поклонялись дьяволу, которого считали братом Бога¹⁴¹, приносили ему в жертву собственных детей, отвергали церковные таинства, не верили в девственность Богородицы, устраивали встречи в тайных местах, расположенных под землей, и придавались там «отвратительному разврату (*abominabiles luxurias*), смешиваясь и совокупляясь с кем только захотят»¹⁴². Описание этой иной, отличной от «обычных» вальденсов «секты» оказывалось, как мне представляется, близким к образу, который возникал из материалов фрайбургских процессов.

Весьма схожим являлся и образ, созданный автором еще одного анонимного трактата — *Errores gazariorum*, написанного во второй половине 30-х гг. XV в. предположительно в Аосте¹⁴³. Итальянским словом *gazarii* с начала XIII в. обозначали самых разных еретиков (патаренов, катаров), однако с конца XIV в. оно также использовалось по отноше-

¹³⁷“Quis est ille predicator, qui ista predicat? Deberet esse aliquis diabolus” (Ibid. S. 563. № 119). “Possunt esse predicatores diaboli” (Ibid. S. 565).

¹³⁸“Alia, videlicet O’etzschina, dixit: Ymmo sunt boni predicatores, ita boni sicut nostri. Et tunc dicta Greda replicavit: Quare ergo osculantur catum sub cauda?” (Ibid. S. 565); “Alia non dixit, nisi quod dictum fuit dicte O’etzschine, quod ipsi predicatores osculantur catum sub cauda” (Ibid. S. 566).

¹³⁹“De huiusmodi secta Waldensium seu alterius cuiuscumque” (Ibid. S. 574, разрядка моя — О. Т.).

¹⁴⁰Краткую характеристику трактата см.: Ginzburg C. Op. cit. P. 90—91.

¹⁴¹“Quidam sunt haeretici alius sectae pessimae, qui tenent quosdam diabolicos articulos, quorum pauci subscebentur: Primo adorant Luciferum et credunt eum esse Deum fratre” (Errores haereticorum Waldensium // Documente vornehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharer / Hrsg. von Ign. von Döllinger. München, 1890. S. 341, разрядка моя — О. Т.).

¹⁴²Ibid.

¹⁴³Ostorero M. Op. cit. P. 330—334.

нию к вальденсам Северной Италии¹⁴⁴. Полное название сочинения — *Errores gazariorum seu illorum qui scobam seu baculum equitare probantur* — свидетельствовало, что речь в нем ведется о злодеяниях членов этой секты «или тех, кто умеет перемещаться верхом на метлах или палках». Явная связь, которая устанавливалась в трактате между существованием вальденсов и появлением некоей новой секты, позволила в свое время Андреасу Блауэрту высказать осторожное предположение, что его автором мог быть инквизитор Ульрих фон Торренте, проводивший фрайбургские процессы в 1429—1430 гг. и, возможно, решивший обобщить свои практические знания¹⁴⁵.

Errores стали первым сочинением, в котором демонологическая концепция колдовства обрела законченный, структурированный вид. Конечно, автор интересовался и традиционными магическими практиками (насыланием болезней, убийствами людей, наведением порчи на урожай, вызовом града¹⁴⁶) и даже чрезвычайно подробно описывал зелья, которые при этом применялись¹⁴⁷. Однако основное внимание было уделено «секте» ведьм и колдунов, правилам вступления в нее, отношениям ее членов с нечистыми силами. Именно в *Errores* впервые появилось упоминание дьявола, который лично привлекал на свою сторону новых адептов при помощи посредников — людей, уже вступивших в преступное сообщество, (*in societate*)¹⁴⁸. Дьявол обычно представлял перед ними в виде черного кота, которому следовало принести оммаж, поцеловав в зад и пообещав после смерти отдать ему часть собственного тела¹⁴⁹. Необходимо было также дать клятву (*iuramentum fidelitatis*): пообещать хранить верность дьяволу и всем членам секты, оберегать ее и никогда не раскрывать ее секреты посторонним, приносить на ее собрания трупы убитых детей, быть готовым бросить все дела ради этих собраний и, наконец, всеми силами «с использованием зелий и других злодеяний» пытаться мешать любым свадебным церемониям¹⁵⁰.

Очень подробно в *Errores* описывались и встречи членов секты, названные здесь — как и в материалах фрайбургских дел — «синагогами» (*in*

¹⁴⁴Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns. S. 118, n. 1; *Andenmatten B., Utz Tremp K.* Op. cit. S. 99—100; *Ostorero M.* Op. cit. P. 301—303.

¹⁴⁵*Blauert A.* Op. cit. S. 63. Эта гипотеза была позднее подвергнута критике: *Andenmatten B., Utz Tremp K.* Op. cit. S. 99—102.

¹⁴⁶*Errores gazariorum // Imaginaire du sabbat.* P. 290—294.

¹⁴⁷*Ibid.* P. 290.

¹⁴⁸“Ipsis existentibus in loco synagoge, seducens diabolo, rationabilis creature inimico, seductum presentare satagit” (*Ibid.* P. 288).

¹⁴⁹“Et in signi homagii osculatur diabolus in humana vel — ut premittitur — in alia specie apparentem, et in culo vel ano, dando ei pro tributo unum membrum sui corporis post mortem” (*Ibid.* P. 290).

¹⁵⁰*Ibid.* P. 288.

loco synagoge)¹⁵¹. Церемонии принятия в свои ряды новых адептов ведьмы и колдуны посвящали лишь первую часть таких собраний, всегда проходивших по ночам¹⁵². Остальное время было отдано «празднику»¹⁵³: банкету, где поедалось вареное или жареное мясо убитых детей, танцам, а также сексуальным оргиям, где царили полная свобода и вседозволенность¹⁵⁴. Все эти явления расценивались автором *Errores* как абсолютная реальность, недаром он постоянно (как и Ганс Фрюнд) ссылался на признания ведьм и колдунов, сделанные в суде¹⁵⁵. Он даже называл конкретные имена обвиняемых — неких Жана *Stupulis*, рассказавшего о подписанном кровью договоре с дьяволом¹⁵⁶, и Жанны *Vacanda*, признавшей в убийстве собственного внука, съеденного затем на «синагоге»¹⁵⁷. И хотя, как справедливо отмечает Мартина Остореро, подобные отсылки, скорее всего, не имели под собой документальной базы¹⁵⁸, эффект реальности, который они, на мой взгляд, создавали, заставлял читателей верить в существование подобных ужасных явлений, в которые, безусловно, верил и сам автор.

Возникновение демонологических трактатов, авторы которых относились к описываемым ими явлениям, как к реальности, и роль в этом процес-

¹⁵¹Насколько можно судить, термин «шабаш» применительно к сборищу ведьм и колдунов впервые появился только в середине XV в., в материалах судебных дел. В 1446 г. в регистре Парижского парламента упоминалось о процессе, на котором обвиняемая, находившаяся в тот момент в тюрьме епископа Санта, призналась, что «на их шабаш (*a leur sabbat*) много раз являлся черный человек с огромными сверкающими глазами»: Archives Nationales de la France. Série X — Parlement de Paris. Série X 2 — Parlement criminel. X 2a — Registres criminels. X 2a 24, f. 114—115, avril 1446. Латинское *sabbatum* первый раз в интересующем нас значении было использовано около 1462 г. в сочинении *Flagellum maleficorum* Пьера Мармори, описывающего, в частности, встречу ведьм и колдунов *ad demoniaca sabbata*: Anheim E., Boudet J.-P., Mercier F., Ostorero M. Op. cit. P. 161.

¹⁵²*Errores gazariorum*. P. 296.

¹⁵³Подробнее о восприятии шабаша как праздника в показаниях обвиняемых на ведовских процессах и в первых демонологических трактатах см.: Тогоева О.И. Шабаш как праздник // // Жизнь как праздник. Интерпретация культурных кодов: 2007 / Отв. ред. В.Ю. Михайлин. Саратов, 2007. С. 101—119.

¹⁵⁴*Errores gazariorum*. P. 290. Интересно, что в специальной литературе полностью отрицается существование в материалах ведовских процессов вплоть до XVI в. описаний гомосексуальных контактов, о которых упоминает, в частности, автор *Errores*: Herzig T. The Demons' Reaction to Sodomy: Witchcraft and Homosexuality in Gianfrancesco Pico della Mirandola's "Strix" // *Sixteenth Century Journal*. 2003. T. 34. № 1. P. 53—72.

¹⁵⁵"Item ex confessione combustorum constat quod illi de secta..." (*Errores gazariorum*. P. 298). См. также: Ibid. P. 294, 296.

¹⁵⁶"Secundum confessionem Johannis de Stipulis et aliorum combustorum..." (Ibid. P. 296—298). Договор, подписанный с дьяволом, упоминался в послании папы Евгения IV, разосланном в 1437 г. всем инквизиторам: Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns. S. 17.

¹⁵⁷*Errores gazariorum*. P. 298.

¹⁵⁸Ostorero M. Op. cit. P. 328—329.

се первых массовых ведовских процессов позволили историкам говорить о поступательном, линейном развитии восприятия колдовства в средневековой Европе. С их точки зрения, теологи, а также представители церковной и светской власти, расценивая поначалу магические практики как выдумку и иллюзию, переменили затем свое мнение: вера в существование дьявола помогла им поверить и в наличие его многочисленных сторонников. В этом поступательном развитии концепции колдовства исследователи не видели никаких сбоев или отклонений, тем более, никаких расхождений с ней¹⁵⁹.

Как мне представляется, такое видение проблемы не совсем верно и требует уточнений. Прежде всего следует отметить, что еще в IX в., когда в церковной среде господствовало мнение о колдовстве как об иллюзии, Агобар, епископ Лионский (816—840), в сочинении «Глупые суеверия людей относительно града и грозы» писал, что для признания существования данного явления необходимы прежде всего вещественные доказательства и показания очевидцев, но если их нет, рассказы, основанные на слухах, следует рассматривать как выдумку¹⁶⁰. Напротив, в XV в., при, казалось бы, уже устоявшихся взглядах на колдовство как на реальность, и в официальных документах, и в художественных текстах можно было встретить прямые отсылки к канону *Episcopi*. Так, например, Иоганн Нидер при всем своем внимании как к традиционным магическим практикам (наведению порчи, любовным отворотам и приворотам¹⁶¹), так и к «ученой» концепции колдовства (существованию секты, правилам вступления в нее, их регулярным встречам, получившим у автора название *contio*, каннибализму¹⁶²), которые он признавал реальностью¹⁶³, категорически отказывался верить в ночные полеты ведьм и колдунов¹⁶⁴, а также вообще в какие бы

¹⁵⁹Литература по данному вопросу весьма обширна. См., к примеру: *Cohn N. Europe's Inner Demons. An Inquiry Inspired by the Great Witch-Hunts. L.-N.Y., 1975; Levack B.P. The Witch-hunt in Early Modern Europe. L., 2006; Bailey M. D. Magic and Superstition in Europe: A Concise History from Antiquity to The Present. Lanham, 2007.* См. также историографический обзор: *Duni M. Le streghe e gli storici, 1986—2006: bilancio e prospettive // "Non lasciar vivere la malefica". Le streghe nei trattati e nei processi (secoli XIV—XVII) / A cura di D. Corsi e M. Duni. Firenze, 2008. P. 1—18.*

¹⁶⁰*Frequenter certe audivimus a multis dici quod talia nosset certe in locis facta; sed necdum audivimus ut aliquis se haec vidisse testaretur. Dictum est mihi aliquando de aliquo, quod se haec vidisse diceret...Tunc ille affirmabat quidem verum esse quod dicebat, nominans hominem, tempus et locum; sed tamen confessus est se eodem tempore praesentem non fuisse" (Agobardus Lugdunensis. Liber contra insulsam vulgi opinionem de grandine et tonitrius // PL. T. 104. Col. 151—152).* Подробный анализ сочинения Агобара см.: *Schmitt J.-C. Op. cit. P. 464—467.*

¹⁶¹*Nider J. Op. cit. P. 148.*

¹⁶²*Ibid. P. 150, 154, 156.*

¹⁶³*"Sicut dixit juvenis, ita reperta est per omnia veritas" (Ibid. P. 158).*

¹⁶⁴*"De loco ad locum per aera ut putabant transinere" (Ibid. P. 170).*

то ни было их физические перемещения в пространстве¹⁶⁵. Их главным преступлением он полагал «еретические воззрения»¹⁶⁶, а активную роль в совершении любых злодеяний отводил не людям, но демонам¹⁶⁷. Точно так же Клод Толозан, лицензиат гражданского права, старший судья при бальи Дофине в 1426—1449 гг., лично проведший более ста ведовских процессов и обобщивший свои наблюдения в трактате *Ut magorum et maleficiorum errores*¹⁶⁸, писал о том дьявол «насылает иллюзии при помощи снов» на своих адептов, которые «думают, что путешествуют по ночам в компании с демонами»¹⁶⁹. Таким же наваждением является для них и вид шабаша (названного, как и в *Errores gazariorum*, синагогой), где «им кажется, что они едят и пьют, а пища и питье никогда не убывают»¹⁷⁰. О восприятии колдовства как иллюзии свидетельствует и текст увещевания, посланного папой Евгением IV антипапе Феликсу V (герцогу Амедео VIII Савойскому) 23 марта 1440 г., в котором последний обвинялся в том, что был соблазнен чарами злодеев, «оставивших Создателя и обратившихся к Сатане, завлекшего их видениями, насланными демонами»¹⁷¹. Отзвуки споров о реальности или иллюзорности колдовства заметны и в «Защитнике дам» Мартина Ле Франка, секретаря Феликса V и участника Базельского собора, в ходе которого в 1440—1442 гг. была создана эта поэма. Ее главный герой, крайне скептически относящийся к рассказам о шабаше, заявлял: «Никогда в жизни я не поверю, что женщина на самом деле летает по воздуху, как какой-нибудь дрозд»¹⁷². За что подвергался яростным нападкам со стороны своего противника, смотрящего на мир более «реалистично»¹⁷³.

¹⁶⁵“Demonis impressione in ymaginativam maleficorum factum est, ut abstencia velut presencia cernerentur” (Ibid. P. 198).

¹⁶⁶“Maleficus enim dicitur quasi male facens, vel male fidem servans” (Ibid. P. 146).

¹⁶⁷“Nam pocius demones hec et immediate lesiva inferunt” (Ibid. P. 148).

¹⁶⁸“Et premissa experimentavi per maleficos memoratos et, ut proch dolor, numero centum et ultima, mediantibus informacioniibus legitimus ac eciam hominibus per tales maleficiatis” (*Tholosan C. Ut magorum et maleficiorum errores // Imaginaire du sabbat*. P. 355—438).

¹⁶⁹“Illudit eos in sompniis, sic quod credunt ire corporaliter de nocte...in comitiva dyabolorum” (Ibid. P. 368).

¹⁷⁰“Oppinantur eciam tales infideles ibidem comedere et bibere sine diminucione aliquando” (Ibid.). Это описание весьма близко к популярным в средние века рассказам о стране Кокань, крае изобилия и счастья: *Delumeau J. La mort des pays de Cogne*. P., 1967.

¹⁷¹Цит. по: *Ginzburg C. Op. cit.* P. 270.

¹⁷²“Ja ne croyay tant que je vive / Que femme corporellement / Voit par l'air comme melle ou grive, / Dist le champion prestement” (*Le Franc M. Le Champion des Dames / Ed. par R. Deschaux. P., 1999. T. IV. V. 17633—17636*).

¹⁷³“Ce n'est pas songe, n'en doubtons” (Ibid. V. 17760).

Приведенные примеры свидетельствуют, на мой взгляд, что даже полностью сформировавшаяся к 40-м гг. XV в. демонологическая концепция колдовства не исключала отношения к нему, как к выдумкам и иллюзиям, насланным дьяволом, как к заблуждениям, имя которым ересь. Таким образом, говорить о поступательном развитии восприятия данного явления в средние века не приходится, ибо подобная ситуация была характерна не только для альпийского региона Европы. Еще более ясно непоследовательность в развитии концепции колдовства проявилась во взглядах французских теологов, светских и церковных судей, в XIV—XV вв. также обращавших пристальное внимание на данную проблему.

2.3. Ведовские процессы в средневековой Франции

В отличие от ведовских процессов, проходивших в XIV—XV вв. в романской Швейцарии и Дофине, подобные дела, имевшие место во Франции, не стали пока предметом специального изучения¹⁷⁴. Некоторое представление об их динамике и особенностях мы можем, тем не менее, получить по материалам, сохранившимся в архивах королевской канцелярии и Парижского парламента. К ним прежде всего относятся письма о помиловании, за которыми могли обращаться люди, обвиненные в занятиях колдовством местными судами, а также собственно протоколы дел, рассмотренных в уголовной палате парламента как в суде второй инстанции, т.е. по апелляции¹⁷⁵.

¹⁷⁴До сих пор основным источником наших знаний о ранних ведовских процессах во Франции остается подборка, сделанная Ричардом Кикхефером: *Kieckhefer R.* Op. cit. P. 108—147. Дела, рассмотренные Парижским парламентом, но оставшиеся неизвестными Р. Кикхеферу, кратко проанализированы в: *Gauvard C.* Paris, le Parlement et la sorcellerie au milieu du XVe siècle // *Finances, pouvoirs et mémoire. Mélanges offerts à Jean Favier / Textes réunis sous la dir. de J. Kerhervé et A. Rigaudière.* P., 1999. Vol. 1. P. 85—111.

¹⁷⁵К сожалению, мы практически не имеем возможности изучить дела о колдовстве, возбужденные в самом Париже. Архивы Шатле, в котором как в суде первой инстанции должны были вестись подобные процессы, не сохранились. В нашем распоряжении имеются записи всего двух таких дел, вошедшие в «Уголовный регистр Шатле», составленный в самом конце XIV в. секретарем суда по уголовным делам Аломом Кашмар: *Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier.* P., 1861—1864. T. 1. P. 327—363; T. 2. P. 280—343. Подробнее о «Регистре Шатле» и ситуации с архивами Шатле см.: *Gauvard C.* La criminalité parisienne à la fin du Moyen Age: une criminalité ordinaire? // *Villes, bonnes villes, cités et capitals. Mélanges offerts à B. Chevalier.* Tours, 1989. P. 361—370; *Eadem.* La justice pénale du roi de France à la fin du Moyen Age // *Le pénal dans tout ses états. Justice, Etats et sociétés en Europe (XIIe-XXe siècles) / Sous la dir. de X. Rousseaux et R. Levy.* Bruxelles, 1997. P. 81—112; *Gauvard C., Rouse M. et R., Soman A.* Le Châtelet de Paris au début du XVe siècle d'après les fragments d'un registre d'écrous de 1412 // *BEC.* 1999. T. 157. P. 565—606.

Собранные вместе, эти документы свидетельствуют, что в данный период интерес, проявляемый как местными судьями, так и их столичными коллегами к проблеме колдовства, был весьма умеренным¹⁷⁶. По подсчетам Клод Говар, в архивах Парижского парламента материалы этих процессов составляют не более 1% от общего числа рассмотренных дел, то же самое касается и писем о помиловании¹⁷⁷. Соответственно, ни о каких массовых ведовских процессах в XIV-начале XV в. речь не шла. Насколько я могу судить по собранным мною архивным материалам, самое первое упоминание о такого рода преследовании относится к 1453 г., когда в Марманде в результате эпидемии неизвестной болезни умерло большое число людей. Виновными в их смерти объявили местных «ведьм», десять или одиннадцать из которых были арестованы. Все они подверглись пыткам, но только три из них признались в использовании «колдовского искусства» (*l'art de sorcerie*) и убийстве многочисленных детей. Они были приговорены к смертной казни местным бальи и отправлены на костер¹⁷⁸.

Это, однако, не означает, что во французской судебной практике более раннего периода полностью отсутствовало понятие организованной группы «ведьм» и «колдунов», уже хорошо известное в это время в альпийском регионе. Так, например, в 1326 г. письмо о помиловании получил Пьер *de Via*, сеньор Вильмюра и племянник папы Иоанна XXII, попавший под подозрение из-за показаний, данных против него в суде сразу несколькими жителями Тулузы, арестованными за изготовление восковой фигурки для наведения порчи на короля¹⁷⁹. В 1340 г. Парижским парламентом было рассмотрено дело о «заговоре» (*machinacion*), заключенном сразу пятью обвиняемыми. Они подозревались в том, что сотворили в саду при дворце Маго де Сен-Поль графини де Валуа (тещи Филиппа VI) магический круг, дабы вызвать в него дьявола и добиться с его помощью «смерти короля и королевы, а

¹⁷⁶См. об этом, к примеру: *Soman A. Les procès de sorcellerie au Parlement de Paris (1565—1640) // AESC. 1977. № 4. P. 790—814; Boudet J.-P. La genèse médiévale de la chasse aux sorcières. Jalons en vue d'une relecture // Le mal et le Diable. Leurs figures à la fin du Moyen Age / Sous la dir. de N. Nabert. P., 1996. P. 35—52.*

¹⁷⁷*Gauvard C. "De grace especial". P. 441—448; Eadem. Paris, le Parlement et la sorcellerie. P. 90.* Некоторый рост количества ведовских процессов Клод Говар отмечает лишь с 1460-х гг. (6—8 % от общего количества дел), связывая этот процесс с интересом, проявленным парижскими чиновниками к преследованию вальденсов в Арпассе (*Gauvard C. Paris, le Parlement et la sorcellerie. P. 90, n. 17*).

¹⁷⁸AN. Série JJ — Registres du Trésor des chartes. JJ 187, f. 22v-23, № 41 (a. 1457).

¹⁷⁹JJ 64, f. 117, № 207 (a. 1326). Пьер Браун полагал, что процесс против Пьера *de Via* мог послужить непосредственной причиной появления буллы Иоанна XXII *Super illius specula*: *Braun P. La sorcellerie dans les lettres de rémission du Trésor des chartes // Actes de 102e Congrès national des sociétés savantes, Limoges, 1977. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. P., 1979. T. II. P. 260, n. 8.*

также гибели всего королевства»¹⁸⁰. В 1353—1354 гг. в том же парламенте было вынесено решение по делу некоей Маргарет Сабиа, которую ее племянники обвиняли в наведении на них порчи, в результате чего они серьезно заболели и находились при смерти. Согласно их доносу, Маргарет действовала не одна, но в компании со своей сестрой и двумя подругами, также арестованными местным судом в Монферране¹⁸¹. 9 декабря 1357 г. французский дофин Карл (будущий Карл V) в ответ на просьбу Карла Злого, короля Наварры, пожаловал письмо о помиловании «ведьмам и колдунам» (*sorciers et sorcieres*), находящимся в тюрьме Шатле. 15 декабря того же года это решение было распространено на все суды Парижа и окрестностей, в частности, на суд аббатства Сен-Жермен-де-Пре¹⁸². И хотя данное выражение, вполне возможно, было не более чем риторической формулой, оно говорило, на мой взгляд, об определенном внимании судебной власти к данной категории преступников. О существовании в воображении современников представлений об организованных группах ведьм свидетельствовало и одно из дел, записанных в «Регистре Шатле» и датированных 1390—1391 гг.: обвиняемые Жанна де Бриг и Масет, супруга Аннекина де Руйи, в ходе слушаний признались, что заключили между собой договор и принесли клятву никогда не давать показаний друг против друга в суде¹⁸³.

Так же, как и в романской Швейцарии или в Дофине, во Франции достаточно рано, на мой взгляд, появилось представление о связях между ведьмами, колдунами и дьяволом (или его демонами). Помимо уже упоминавшегося выше дела 1340 г., о помощи, которую оказывает нечистая сила своим адептам, говорилось в делах из «Регистра Шатле». Так, одна из обвиняемых, Марго де ла Бар, подробно описала судьям способ вызова дьявола¹⁸⁴, его внешний вид¹⁸⁵ и даже диалог с ним (оставленный в тексте

¹⁸⁰«Machinoient en la mort du roy et de la royne et en la perdicion de tout le royaume, par mauvais art et par invocacion du deable faire venir en un cerne qu'il firent es jardins de l'ostel de la contesse de Valoys» (Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris (1319—1350) / Ed. par M. Langlois et Y. Lanhers. P., 1971. P. 147).

¹⁸¹X 2a 6, f. 153vB-157A (9 avril 1353/1354). Подробный анализ этого дела см.: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 66—90.

¹⁸²JJ 89, f. 112v, № 254; JJ 89, f. 122v, № 288. Появление писем было связано со сложной обстановкой в столице Франции, возникшей вследствие восстания Этьена Марселя, которого в 1357 г. поддерживал король Наварры.

¹⁸³«Promistrent et jurerent l'une à l'autre eulx non entre-accuser à nul jour du monde» (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 332).

¹⁸⁴«L'invocacion du deable que elle apella à son ayde en la maniere qui ensuit: *Ennemi, je te conjure, ou nom du Pere, du Fils et du Saint Esperit, que tu viengnes à moy usy*» (Ibid. T. 1. P. 355—356).

¹⁸⁵«S'apperu à elle un annemi en façon et estat des ennemiz que l'en fait aus jeux de la Pacion, sauf tant qu'il n'avoit nulles cornes» (Ibid. P. 356).

протокола в виде прямой речи)¹⁸⁶. Другая «ведьма», Жанна де Бриг, признавалась, что всем известным ей магическим практикам ее научила некая родственница, заключившая в свое время договор с дьяволом, «дабы обладать достоинством и достатком» (*avoir très-grant honeur et prouffit*), и пожертвовавшая ради достижения цели душой и пальцем на руке (*son ame et un des dois de sa main*)¹⁸⁷. Сама Жанна также много раз вызывала дьявола, отказываясь при этом расплачиваться за оказанные услуги, за что в результате заслужила выговор от нечистого¹⁸⁸. О появлении во французской практике понятия договора с дьяволом свидетельствует и дело 1401 г. Некий Эбер Гарро, арестованный судебными чиновниками герцога Алансонского по подозрению в воровстве, подал апелляцию в Парижский парламент, протестуя против вынесения ему смертного приговора. Местные судьи, однако, направили в столицу собственную жалобу, в которой уточнялось, что Гарро, как и его брат, «имеет плохую репутацию в округе» (*tres mal renommé au pays*): жители полагали, что «Эбер заключил договор с дьяволом Сатаной, которого он называет своим господином и который уверил его, что он ни в чем не будет нуждаться. И, как говорит этот Эбер, с тех пор, как он примкнул к Сатане, он весьма разбогател»¹⁸⁹.

Первое, насколько можно судить по сохранившимся архивным документам, описание шабаша присутствовало в письме о помиловании, выданном в 1413 г. некоему Жану Перо из Сен-Пурсена. Здесь сообщалось, что на протяжении довольно долгого времени по ночам молодому человеку являлась «некая персона, похожая на женщину» (*une certaine personne...semblant estre une femme*), которая заставляла его выходить во двор и раздеваться перед ней догола. В ответ «женщина» осыпала его деньгами: по ее просьбе он расстилал на земле свою одежду, а она насыпала на нее золото и серебро, «так много, что он не мог его унести» (*qu'il en avoit plus qu'il n'en porroit porter*)¹⁹⁰. Ночное время действия, таинственная «персона» (в которой вполне угадывался демон, принявший вид человека), а также раздевание Перо (намечающее на возможность сексуальных контактов) — все это указывало, на мой взгляд, что

¹⁸⁶“Li dist ses paroles: *Que demandes-tu? Et elle qui parle li dist: Je te donne cest chapeau...et te requier que en Haincelin...et aussi en la femme que a espousée de present ledit Haincelin, tu te boutes en tel maniere qu'ilz ne se puissent ayder*” (Ibid.).

¹⁸⁷Ibid. Т. 2. Р. 290.

¹⁸⁸“Lequel... lui dist que elle lui avoit fait moult de peine et de travail, sanz ce que elle lui donnast aucune chose du sien, ne ne feist aucun bien” (Ibid. Р. 295).

¹⁸⁹“Hebert s'estoit donné au deable Sathan, lequel il appelloit son maistre et disoit que sondit maistre lui avoit dit que il vendroit au dessus de toutes ses besoingnes et si disoit ledit Hebert que depuis qu'il s'estoit donné audit Sathan, il s'estoit fort enrichi” (X 2a 14, f. 32—32v, juillet 1401). Более поздние упоминания договора с дьяволом: JJ 229, f. 4, № 10 (a. 1492); JJ 227, f. 40-v, № 78 (a. 1496).

¹⁹⁰JJ 167, f. 423—423v, № 287 (a. 1413).

в материалах французской судебной практики уже в начале XV в. закладывались основы демонологической концепции колдовства.

Об этом свидетельствовал и характер магических практик, которыми занимались местные «ведьмы» и «колдуны». Безусловно, в письмах о помиловании и судебных документах в большинстве случаев упоминаются вполне традиционные виды колдовства: любовная магия¹⁹¹, лечение болезней и ранений¹⁹², наведение и снятие порчи¹⁹³,

¹⁹¹JJ 68, f. 444, № 287 (a. 1347) — письмо о помиловании Жанны де Крето, «бывшей певички» (*menestrelle de veille*), пытавшейся приворожить женатого клирика, дабы он стал ее любовником и возненавидел собственную супругу. Поскольку в результате колдовства мужчина не заболел и не умер, Жанна после двухлетнего пребывания в тюрьме была прощена. JJ 82, f. 204, № 303 (a. 1354) — письмо о помиловании Гиометт ла Тюбе, пытавшейся приворожить собственного мужа. JJ 84, f. 116v, № 205 (a. 1355) — письмо о помиловании Жанны ла Лоррен, согласившейся изготовить любовное зелье по просьбе Алисы Бон Эпе и Мари ла Пуртресс, которая желала помириться с мужем. JJ 84, f. 145, № 264 (a. 1355) — письмо о помиловании Жанны, вдовы Мишеля Фора, признавшей под пыткой в том, что она отравила мужа любовным зельем при попытке примириться с ним. X 1a 23, f. 95v (a. 1371) — письмо о помиловании Жанны Эритьер, 26 лет, за 4 года до этого соблазнившей при помощи магии женатого человека, признанной виновной и изгнанной из родного города. JJ 106, f. 191v-192, № 370 (a. 1375) — письмо о помиловании Филиппы, жены Адама Бигона, с помощью любовного зелья пытавшейся помириться с мужем и его дочьню от первого брака. Филиппу арестовали по доносу человека, который должен был доставить ей необходимые для колдовства ингредиенты. Прощение было ей даровано по просьбе ее супруга. JJ 111, f. 164, № 315 (a. 1379) — письмо о помиловании Жана, Пьера и Гийома Бутенов (а также их товарищей), избивших некоего Пьера Камю, похвалявшегося, что «знает искусство (*art*), при помощи которого стоит лишь дотронуться до какой-нибудь женщины (*touchier a une femme*), и она пойдет за ним туда, куда он захочет (*en quelque lieu que il la vouldist mener*)». JJ 120, f. 57—58, № 102 (a. 1382) — письмо о помиловании Жанетт де л'Опиталь, использовавшей любовную магию, чтобы выйти замуж за своего давнего возлюбленного, который, однако, женился на другой. JJ 123, f. 6—6v, № 4 (a. 1383) — письмо о помиловании Гийометт ла Бурсьер, желавшей при помощи любовного зелья сделать так, чтобы ее все любили.

¹⁹²JJ 131, f. 86v, № 142 (a. 1387) — письмо о помиловании Маре Валетт, которая пыталась излечить раны, полученные Тено Невё, «одними лишь словами (*charme de paroles seulement*), без какого бы то ни было лечения или ухода (*sanz autre medicine ou garison*)». Больной умер через два с половиной месяца. JJ 189, f. 73-v, № 157 (a. 1458) — письмо о помиловании Жана Пейно, пытавшегося лечить заговорами (*l'en dit charmer*) английского заключенного по имени Гийом, раненного ножом.

¹⁹³JJ 59, f. 8v, № 20 (a. 1319) — письмо о помиловании Жанны де Ланьи, обвиненной в наведении порчи на Карла Валуа. JJ 77, f. 260v-261, № 427 (a. 1349) — письмо о помиловании Амори д'Арло, клирика Аррасского диоцеза, обвиненного в пособничестве Марии де Сен-Мартен, которая навела порчу на Жака д'Арло. JJ 80, f. 131, № 180 (a. 1350) — письмо о помиловании Гарена де Шатенёфа, сеньора Апшера, обвиненного в подстрекательстве к наведению порчи на епископа Менда. JJ 109, f. 22-v, № 39 (a. 1376) — письмо о помиловании Раймона Рибо, наводившего на своих жертв порчу и вымогавшего деньги (*exiger argent et finance*) за ее снятие. JJ 120, f. 85-v, № 170 (a. 1382) — письмо о помиловании Жанетт Гень, пытавшейся навести порчу на

ворожба¹⁹⁴. Однако в рассказах некоторых обвиняемых уже присутствовали такие же неотъемлемые элементы описания шабаша, которые были отмечены и в альпийском регионе, прежде всего детоубийство и профанация трупов¹⁹⁵. Так, Гийометт ла Тюбе, получившая письмо о помиловании в 1354 г., обвинялась в том, что похитила на кладбище Невинноубиенных младенцев человеческую кость: она собиралась бросить ее в огонь, чтобы разжечь в сердце своего мужа любовный жар — точно такой же, каким будет пылать эта кость¹⁹⁶. В 1408 г. королевская канцелярия рассматривала дело повитухи Пьеретты, жены Тома де Руана, пообещавшей своим сообщникам достать труп мертворожденного ребенка для изготовления зелья, предназначенного для излечения некоего знатного сеньора, страдающего проказой. Пьеретта находилась в тюрьме в течение шести недель, но была помилована (возможно, в результате вмешательства ее знатного покровителя)¹⁹⁷. В том же 1408 г. члены парламента (в присутствии парижского епископа и королевского прокурора) просили прево Парижа Гийома де Тиньонвиля проявить особое внимание к «преступникам и колдунам», которые воруют на кладбищах трупы умерших (особенно мертворожденных детей) или снимают с виселиц трупы казненных¹⁹⁸.

собственного мужа и прибегшей ради этого к помощи ведьмы. JJ 126, f. 96—96v, № 146 (a. 1385) — письмо о помиловании Жана *Gardela*, нотария из Монтобана, якобы пытавшегося навести порчу на свою жену. JJ 147, f. 79-v, № 169 (a. 1395) — письмо о помиловании Жана Жермена, пытавшегося навести порчу на сира де ла Муанардьера при помощи «восковой фигурки» (*vouls de cire*), окрещенной местным священником Этьеном Мерсероном. Сеньор в результате умер. JJ 162, f. 76v, № 89 (a. 1408) — письмо о помиловании Ришара Мартена, изготовившего для своей любовницы Пьеретты зелье, которое должно было погубить ее законного супруга, Жана Шатлена. Однако Пьеретта испугалась, рассказала обо всем мужу, и они вместе подали жалобу против Ришара, которого помиловали, поскольку его действия не причинили никому вреда. Сюда следует отнести также единственное дело, записанное в уголовном регистре Сен-Мартен-де-Шан под 1337 г., об оскорблении, нанесенном женщине, которую прилюдно обвинили в умении готовить «колдовские зелья и яды» (*les sorceries et poisons*): *Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs à Paris au XIVe siècle* / Publ. par L. Tanon. P., 1877. P. 105.

¹⁹⁴ JJ 155, f. 136-v, № 222 (a. 1400) — письмо о помиловании Жана Фрюмана, помогавшего местному священнику, имевшему репутацию колдуна, искать виновников пожара при помощи ворожбы. Похожей практикой занималась и упоминавшаяся выше Жанна де Бриг, прославившаяся своими успехами в поисках пропавших или украденных вещей: *Registre criminel du Châtelet de Paris*. Т. 2. P. 280—343.

¹⁹⁵ О профанации трупов, принятой на шабаше ведьм в альпийском регионе, как о самоочевидной вещи писали: *Nider J. Op. cit. P. 154; Errores gazariorum. P. 290, 292, 298; Tholosan C. Op. cit. P. 364—366, 368, 370.*

¹⁹⁶ JJ 82, f. 204, № 303 (a. 1354).

¹⁹⁷ JJ 162, f. 186v-187v, № 223 (a. 1408).

¹⁹⁸ «Quo aucuns ont despoillié certaines fourches ou gibés patibulaires environ Paris dez charoignes de ceulx qui y avoient este executez. Et si avoient tant fait que par certains moyens de femmes ou autres ilz avoient eu certains enfans mors nez et estoit grant et

Как мне представляется, все эти данные судебной практики указывают, что во Французском королевстве, несмотря на полное отсутствие здесь ранних демонологических трактатов, «ученая» концепция колдовства развивалась достаточно быстро. По мнению Клод Говар, она вполне сформировалась уже к 40-м гг. XV в., т.е. примерно в то же время, что и в альпийском регионе¹⁹⁹. Об этом говорят дела, рассмотренные Парижским парламентом в середине XV в.²⁰⁰ Так, на процессе 1442 г. против Филиппа Кальве свидетели заявляли, что обвиняемый «приносил клятву верности дьяволу и путешествовал верхом на метле» (*fait hommaige au deable et chevauchoit le balay*), а также изготовлял специальные бревна для вызова дьявола «лицом к лицу» (*le deable face a face*)²⁰¹. Они отмечали, что «такие люди», как Кальве, «имеют обыкновение перемещаться на метлах по четвергам», поскольку в пятницу между девятью и десятью часами утра они заставляли его еще в постели и совершенно сонным²⁰². В 1446 г. в судебных протоколах парламента впервые был использован термин «шабаш» (*sabbat*)²⁰³, а в 1449 г. на процессе против женщины по имени Гале было заявлено, что ее колдовство опасно для всех окружающих, поскольку «она призывала к себе демонов, [с помощью которых] умертвила много простых людей и других ведьм»²⁰⁴.

И все же одно, но крайне важное различие в расследовании данного типа преступлений в судебной практике Франции и альпийского региона, как мне кажется, существовало. В романской Швейцарии и Дофине интересующие нас процессы велись как светскими, так и церковными судами²⁰⁵, а иногда (как, например, во Фрайбурге) состав суда бывал смешанным²⁰⁶. Это обстоятельство, тем не менее, никоим образом не

---

vraissamblable presumption qu'ilz ne fussent gens crimineux et sorciers" (X 2a 14, f. 411v, 10 février 1408).

¹⁹⁹ Gauvard C. Paris, le Parlement et la sorcellerie. P. 98—99.

²⁰⁰ Та же ситуация, как мне представляется, сложилась в это время и в соседней Бретани, где в 1440 г. на процессе Жилия де Ре, одного из военных соратников Жанны д'Арк, также были озвучены обвинения, имевшие отношение к «ученой» концепции колдовства, в частности, обвинение в детоубийстве и связях с дьяволом. О деле Жилия де Ре см.: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 182—221.

²⁰¹ X 2a 22, f. 171v-172.

²⁰² "Telz gens'avoient acoustumé de chevaucher le balay le jeudi et par ce y alerent le vendredi entre IX et dix heures au matin que Calvet estoit encoures ou lit...et avoit ainsi sommeil parce que le jour precedent il avoit chevauché le balay" (Ibid., f. 172). О четверге как излюбленном дне для проведения шабаша см. подробнее: Тогоева О.И. Шабаш как праздник.

²⁰³ См. прим. 151.

²⁰⁴ "Galée estoit invocateresse d'ennemis faisoit morir gens et plusieurs autres sorceries" (X 2a 25, f. 203).

²⁰⁵ Andenmatten B., Utz Tremp K. Op. cit. P. 81, n. 38, 93—98.

²⁰⁶ Utz Tremp K. Les vaudois de Fribourg (1399—1430): état de recherche // Revue d'histoire des religions. 2000. № 217. P. 121—138. Та же ситуация наблюдалась и в

мешало развитию демонологической концепции колдовства: и светские, и церковные судьи, как свидетельствуют источники, в равной степени участвовали в этом процессе. Что же касается Франции, то ситуация оказывалась совершенно иной, поскольку здесь, как отмечают исследователи, крайне рано выявилась тенденция к секуляризации ведовских процессов²⁰⁷. Действительно, в нашем распоряжении имеется всего один документ, содержащий намек на то, что подобные дела все же рассматривались в церковных судах. Это — постановление Парижского парламента от 11 ноября 1282 г., в котором говорилось о необходимости перевода «трех ведьм» (*tres mulieres sortilege*) из королевской юрисдикции в суды епископа Санлиса и архиепископа Реймского, поскольку их колдовство не вызвало у жертв «повреждений кожи и кровотечений» (*cutis incisio et sanguinis effusio*)²⁰⁸.

Причинами данного парадокса принято считать, во-первых, ограниченное присутствие судов Инквизиции в Северной Франции²⁰⁹, а во-вторых, преимущественно политический характер процессов первой половины XIV в., на которых жертвами колдовства объявлялись исключительно представители правящей элиты (король, его семья и ближайшее окружение). Преследование тамплиеров, епископа Труа Гишара, Бонифация VIII, Ангеррана де Мариньи, Робера д'Артуа и многих других свидетельствовало о желании светских судей видеть в колдовстве не только и не столько «оскорбление Божественного величия» (*lèse-majesté divine*), сколько оскорбление собственно короля Франции, христианнейшего монарха, наместника Бога на земле²¹⁰.

диоцезе Женевы, где самые ранние дошедшие до нас документы по ведовским процессам датируются 1401 г.: *Binz L. Les débuts de la chasse aux sorcières dans le diocèse de Genève // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1997. № 3. P. 561—581.*

²⁰⁷ *Muchembled R. Le roi et la sorcière. L'Europe des bûchers, XVe-XVIIIe siècles. P., 1993; Chiffolleau J. Sur le crime de majesté médiéval // Genèse de l'Etat moderne en Méditerranée. Approches historique et anthropologique des pratiques et de représentations. Rome, 1993. P. 183—213; Idem. Amedée VIII ou la majesté impossible? // Amedée VIII-Félix V, premier duc de Savoie et pape (1383—1451) / Ed. par B. Andenmatten et A. Paravicini Bagliani. Lausanne, 1992. P. 19—49.*

²⁰⁸ X 1a 2, f. 62. Данное дело является самым ранним из известных по французским документам ведовским процессом.

²⁰⁹ *Tanon L. Histoire des tribunaux de l'Inquisition en France. P., 1893. P. 113—126; Olivier-Martin F. Histoire du droit français dès origines à la Revolution. P., 1992. P. 190; Gauvard C. Paris, le Parlement et la sorcellerie. P. 91. Следует отметить, что и в романской Швейцарии суды Инквизиции появились достаточно поздно, что, тем не менее, не мешало развитию демонологической концепции колдовства: *Maier E., Ostorero M., Utz Tremp K. Le pouvoir de l'Inquisition // Les pays romands au Moyen Age / Ed. par A. Paravicini Bagliani. Lausanne, 1997. P. 247—258.**

²¹⁰ Подробнее об этих процессах см.: *Chiffolleau J. Dire l'indicible; Boudet J.-P. La genèse médiévale. P. 42—43.*

Однако, помимо этих, безусловно, важных, но в достаточной мере формальных причин, следует, как мне представляется, учитывать и специфическое понимание сущности колдовства французскими светскими судьями, расценивавшими его как весьма опасное правонарушение, чаще всего связанное с угрозой для жизни жертвы или для ее имущества²¹¹. Уже Филипп Бомануар отмечал в «Кутюмах Бовези» (кон. XIII в.), что если колдовство повлекло за собой чью-то смерть, оно должно наказываться смертной казнью и, следовательно, рассматриваться в светском суде²¹². Дело 1282 г. подтверждало эту мысль, точно так же как и процесс Марион Ла Друатюрьер и Марго де ла Бар 1390 г., изначально арестованных по подозрению в убийстве²¹³. В письме о помиловании, полученном в 1355 г. служанкой священника Жанеттой ла Принстель, говорилось, что причиной, побудившей ее отдать вора все имущество своего хозяина, явилась наведенная на нее порча²¹⁴. Упомянутый выше процесс Эбера Гарро 1401 г. также свидетельствовал о том, что и вор мог иметь репутацию колдуна.

Интересно, что сходным образом понимал колдовство и судья из Дофине Клод Толозан. Вся вторая часть его трактата *Ut magorum et maleficiorum errores* была посвящена рассмотрению вопроса о необходимости передачи именно светским судьям всех без исключения дел о колдовстве. Отмечая равное участие в ведовских процессах церковных, инквизиционных и светских судов²¹⁵, Толозан писал, что церковь все же преимущественно занимается еретиками, однако те, кому прежде всего посвящен его трактат, — ведьмы и колдуны — являются «не только еретиками, но и самыми настоящими идолопоклонниками»²¹⁶. Для них единственным достойным наказанием является немедленная смертная казнь, поскольку «еретик может раскаяться, а идолопоклонник — нет»²¹⁷. Колдовство также рассматривалось Толозаном как преступление, ведущее к убийству. Такое убийство представлялась ему особо тяжким, а потому только светский судья мог расследовать по-

²¹¹Количество возбужденных по данным преступлениям дел, безусловно, занимает лидирующее положение среди всех дошедших до нас материалов судебной практики во Франции XIV—XV вв.: Gauvard C. «De grace especial», P. 789—847.

²¹²«Et adonques à la supplicacion de sainte Eglise la justice laie doit prendre teus manieres de gens. Et tele puet estre l'erreur que cil qui est pris a mort deservie, si comme se l'en voit apertement que la sorcerie de quoi il usoient puet metre a mort homme ou fame» (*Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Beauvaisis* / Ed. par A. Salmon. P., 1899—1900. T. 1. P. 163. § 334).

²¹³Подробный анализ этого дела см.: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 122—146.

²¹⁴JJ 82, f. 420—420v, № 679 (a. 1355).

²¹⁵*Tholosan C. Op. cit.* P. 378.

²¹⁶«Non solum sunt heretici, sed proprie et in proposito sunt ydolatre veri et formati» (*Ibid.* P. 388—390).

²¹⁷«Quia hereticus potest penitere, ydolatra autem non» (*Ibid.* P. 392).

добное дело²¹⁸ — даже сам папа римский не должен был вмешиваться в этот процесс²¹⁹. Ссылаясь на послание апостола Павла к римлянам, Толозан заключал: «Существуют ужасные преступления, судить которые следует светским судьям, а не представителям церкви, а более ужасного преступления [чем колдовство] нельзя найти в целом мире»²²⁰.

Несмотря на то, что, как отмечает Пьеретт Парави, сочинение Клода Толозана не получило никакой известности за пределами Дофине²²¹, его идеи о примате светского суда над церковным в расследовании дел о колдовстве оказались, на мой взгляд, весьма близки устремлениям французских королевских судей. Свидетельством их борьбы за перевод всех ведовских процессов под собственную юрисдикцию может служить уже упоминавшееся дело Жанны де Крето 1347 г., ставшее причиной конфликта между прево Амьена и официалом местного епископа²²². Жаркие споры о принадлежности к светской или церковной юрисдикции породило в 1391 г. и дело Жанны де Бриг: все советники Шатле, за исключением одного, «заявили и приняли решение, что одному королю и только ему надлежит судить об этом (т.е. о подобном составе преступления — О.Т.)»²²³. Передачи обвиняемой церковному суду требовали епископы Мо и Парижа, а представлявший интересы последнего адвокат Жан Ле Кок включил решение, принятое парламентом, в свой сборник наиболее интересных судебных казусов²²⁴. Как мне представляется, именно этот процесс мог стать причиной особого внимания, проявленного к проблеме колдовства Парижским университетом (прежде всего, факультетом теологии), официальная позиция которого была изложена в двух документах — *Conclusio* и *Determinatio*, составленных в сентябре 1398 г.

²¹⁸“Unum non est obmictendum pro curia seculari quia hic agitur de homicidio quanto aliter gravius, saltim contra illum qui confitetur homicidia et de illo absque dubio cognoscet iudex temporalis” (Ibid. P. 398).

²¹⁹“Per que eciam patet appostolicum non posse aut debere impedire seculi iudices contra tales” (Ibid. P. 412).

²²⁰“Sunt quedam enormia delicta que pocius per mundi iudices quam per rectores ecclesiarum iudicantur” (Ibid. P. 402). Ср.: Рим. 13: 3—4.

²²¹*Paravy P. Le traité de Claude Tholosan, juge dauphinois (vers 1436) // Imaginaire du sabbat. P. 423—428.*

²²²JJ 68, f. 444, № 287 (a. 1347).

²²³“Delibererent et furent d'oppinion que au roy seul, et pour tout, appartenoit la cognoissance de ce” (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 311).

²²⁴“Per arrestum curie Parlamenti fuit dictum quod prepositus Parisiensis haberet cognitionem ac punitionem faceret quarumdam mulierum que cum invocatione dyabolorum commiserant sortilegium, nec non cum voto quodam per medium cujus fecerant quendam hominem pati afficionem. Per iudicium cujus prepositi fuerunt dicte mulieres combuste, licet cognitio earumdem fuisset requisita per me pro episcopo Parisiensi” (*Boulet M. Questiones Johannis Galli. P., 1944. P. 297.*)

Их появление, как полагают исследователи, было связано с несколькими обстоятельствами. В конце XIV в., в период расцвета Схизмы и отсутствия избранного на законных основаниях папы, именно члены Парижского университета рассматривали себя как последний оплот христианской веры, как единственную силу, способную повлиять на распространение ересей и прочих опасных заблуждений²²⁵. Интерес, проявленный столичными теологами к проблеме колдовства, объяснялся также политической ситуацией в самой Франции: болезнью Карла VI, причину которой многие современники (да и сам король) видели в наведении порчи²²⁶. Значение имело и влияние канцлера университета, Жана Жерсона, явившегося, возможно, инициатором создания *Conclusio* и *Determinatio*²²⁷. Однако конфликт между светскими и церковными судебными властями по вопросу юрисдикции также сыграл свою роль в появлении данных документов. Именно он, как мне представляется, оказал решающее влияние на саму концепцию колдовства в понимании парижских теологов.

Материалы ведовских процессов XIV—начала XV в. свидетельствуют, что для французских светских судей любые магические практики, в занятия которыми подозревались «ведьмы» и «колдуны», являлись реальностью²²⁸. Рассматривая колдовство как уголовное преступление, они расследовали его в соответствии с принятой инквизиционной процедурой: собирали вещественные доказательства, опрашивали свидетелей, добивались признания обвиняемых²²⁹. Парижские теологи, однако, продемонстрировали совершенно иное понимание проблемы: опираясь

²²⁵Подробнее см.: Verger J. Les professeurs des universités françaises à la fin du Moyen Age // Verger J. Les universités françaises au Moyen Age. Leiden-N.Y.-Köln, 1995. P. 174—198; *Idem*. The University of Paris at the End of the Hundred Years War // *Ibid.* P. 199—227; Lusignan S. “Vérité garde le roy”. La construction d’une identité universitaire en France (XIIIe-XVe siècles). P., 1999. P. 267—270.

²²⁶Boudet J.-P. Les condamnations de la magie à Paris en 1398 // *Revue Mabillon*. 2001. T. 12. P. 125—127.

²²⁷*Ibid.* P. 123, 128—129. Неслучайно эти документы входили во все издания собрания сочинений Жерсона, начиная с 1483 г. и заканчивая 1973 г.: *Ibid.* P. 121, п. 1.

²²⁸Как реальность колдовство оценивали, впрочем, не только светские судьи. Как отмечал в своей хронике Мишель Пинтуэн, монах из Сен-Дени, в начале XV в. колдовством в королевстве занимались буквально все поголовно, и именно поэтому так сильна была вера в то, что приступы безумия Карла VI вызваны наведенной на него порчей: *Chronique du Religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422* / Ed. et trad. par L.-F. Bellaguet. P., 1839—1852. T. 2. P. 24, 404—406, 544, 664, 684.

²²⁹Например, в ходе процесса Марго де ла Бар в 1390 г. судьи не только устроили обвиняемой очную ставку с ее подельницей Марион Ла Друатюрьер и четыре раза посылали ее на пытку, дабы добиться признания, но и опросили трех свидетелей, способных подтвердить ее алиби на момент совершения преступления (*Registre criminel du Châtelet de Paris*. T. 1. P. 346—351).

на теорию Августина и положения канона *Episcopi*, они видели в колдовстве лишь выдумки и иллюзии, ошибочные убеждения, представляющие собой ни что иное как ересь и, таким образом, подпадающие исключительно под юрисдикцию церкви и Инквизиции.

Первый из документов, *Conclusio*, был посвящен описанию одного, конкретного вида запретных практик — поисков спрятанных сокровищ при помощи вызванного в магический круг духа²³⁰. Занятия эти были сочтены выдумкой, противной истинной вере: «После рассмотрения упомянутых дел было решено следующее, а именно, что не только те, кто использует подобный обман и подобные злодеяния, чтобы находить спрятанные сокровища или узнавать тайное и сокровенное, но и те, кто, публично исповедуя христианскую веру и находясь в здравом рассудке, смело следует [магическим] знаниям, используя их себе на пользу, должны быть признаны суеверными людьми, [далекими] от христианской веры, идолопоклонниками, призывающими демонов, и должны быть заподозрены во впадении в ересь (*sunt in fide vehementer suspecti*)»²³¹.

Значительно более детально проработанным оказался второй документ — торжественное *Determinatio*, также составленное по результатам конкретного судебного расследования: процесса над неким Жаном де Баром, осужденным судом епископа и сожженным в Париже за его «магические искусства»²³². *Determinatio* включало 28 статей, в которых описывались самые различные колдовские практики, однако все они без исключения назывались заблуждениями, насланными демонами, а потому имеющими прямое отношение к ереси²³³. Ссылаясь на «слова мудрейшего доктора [теологии] Августина, касающиеся суеверий», члены университета объявляли ересь: знакомство, дружбу и взаимодействие с демонами; поклонение им и преподнесение им подарков; заключение с ними тайного или явного договора; наличие «личных» демонов, спрятанных в камнях, кольцах, зеркалах и изображениях; использование магии и «прочих суеверий, запрещенных Богом и церковью» в личных целях и для совершения «добрых дел»; веру в то, что магические

²³⁰Avis de la Faculté de théologie de l'Université de Paris, consécutif à la confession de certain magiciens (avant le 19 septembre 1398) / Ed. par J.-P. Boudet // Revue Mabillon. 2001. T. 12. P. 146—147.

²³¹Ibid. (пазрядка моя — О.Т.).

²³²Confession d'un magicien, Jean de Bar (entre 19 septembre et le 31 octobre 1398) / Ed. par J.-P. Boudet // Revue Mabillon. 2001. T. 12. P. 154.

²³³«Sed insanos errores atque sacrilegas insipientium et ferales ritus, pro quanto fidem orthodoxam et religionem christianam ledunt...et hoc procurat demon» (Determinatio solennelle de la Faculté de théologie de l'Université de Paris, condamnant vingt-huit articles relatifs à la magie (19 septembre 1398) / Ed. par J.-P. Boudet // Revue Mabillon. 2001. T. 12. P. 149).

практики и предсказания, полученные их посредством, угодны Богу; уверенность, что подобные практики помогают «святым пророкам» получать откровения и совершать чудеса; мнение, что последствия подобного колдовства, чар и вызовов демонов происходят без участия этих последних, и многое другое²³⁴. В преамбуле к основному тексту столичные теологи ясно давали понять, что расследование подобных еретических заблуждений относится к ведению лишь тех, кто имеет необходимые навыки: «Истина католической [веры] понятна тем, кто изучает Святое Писание, но она ускользает от прочих [людей], поскольку любое ремесло больше знакомо тем, кто им занимается [постоянно]. Отсюда происходит максима: «Следует доверять профессионалу». Об этом же говорят слова Горация, процитированные Иеронимом в послании к Павлу: «Медики занимаются медициной, а кузнецы — своими кузницами»²³⁵.

Уже в октябре 1398 г. официальная концепция колдовства, понимаемого как иллюзия и, соответственно, как ересь, была использована на заключительном этапе процесса Жана де Бара²³⁶. В тексте его последнего признания присутствовали, в частности, такие слова: «Я раскаиваюсь и твердо верю, что все это (вышеперечисленные преступления — О.Т.) ни что иное как иллюзия, посланная дьяволом, и что вовсе не добрый ангел явился, чтобы совершить все эти злодеяния. Что думать так является богохульством и заблуждением»²³⁷.

Позиция парижских богословов по проблеме колдовства нашла подтверждение и в посвященной вопросам суеверий, магии и астрологии серии трактатов, написанных в первой трети XV в. канцлером университета Жаном Жерсоном. Прославленный теолог выступал в них с резкой критикой любых магических практик, существовавших еще во времена императора Августа, который и сам почитал их «нечистыми» (*infaustissimum*)²³⁸. Жерсон приводил длинный список самых разноо-

²³⁴Ibid. P. 149—150. Art. 1—18.

²³⁵“Veritas catholica apud studiosos in sacris litteris apertissima est que ceteros latet, nimirum cum hoc proprium habeat omnis ars, manifestum esse exercitatis in ea, sicut exinde consurgat illa maxima: “cuilibet in sua arte perito credendum est”. Hinc est Horatianum illud, quod Hieronimus ad Paulinum scribens assumit: “quod medicorum est promittunt medici, tractant fabrilia fabri” (Ibid. P. 148. Art. 1).

²³⁶Как полагает Ж.-П. Буде, *Determinatio* было составлено в ходе этого процесса, а затем предложено обвиняемому в качестве образца для последнего слова (*Boudet J.-P. Les condamnations de la magie. P. 123*).

²³⁷“Je mèn repens...et croy fermement que de ce n'estoit riens se non illusion de dyable et que ce n'estoit point un bon angel qui apparut pour faire telz mauz, ains respoute blasphemie et erreur de ce tenir” (Confession d'un magicien, Jean de Bar. P. 155, разрядка моя — О.Т.).

²³⁸*Gerson J. Contra superstitiosam dierum observantiam // Gerson J. Oeuvres complètes. T. 10. P. 118.*

бразных примет, которые дожили до его дней и которые, по мнению его неразумных современников, указывали на близкое несчастье²³⁹. Отмечал Жерсон и «метеорологические» суеверия, когда тот или иной день в году считался неблагоприятным. Этим ошибочным представлениям он посвятил отдельный трактат — *Contra superstitionem dierum observantiam* — в котором, вслед за Августином, выступил против подобных убеждений, замечая, что не бывает дней, которых нужно бояться или избегать, плохие дни являются всего лишь следствием дурных поступков самих людей²⁴⁰.

Не менее пристальное внимание Жерсон уделил и проблеме взаимоотношений людей с дьяволом и его демонами. С его точки зрения, существование последних — как и существование ангелов — не должно было вызывать сомнений. Однако обращаться за содействием, пусть даже в трудной ситуации, к слугам Сатаны являлось для него совершенно недопустимым (*invocatio quoniam non est licitum*), тогда как помощь ангелов он сравнивал с услугами врача у постели больного²⁴¹. Стоило только человеку стать жертвой какого бы то ни было суеверия, он сразу же — сознательно или неосознанно — вступал в преступные отношения с дьяволом, заключая с ним договор о сотрудничестве (*factum cum daemonibus tacitum vel expressum*)²⁴².

Безусловно, полагал Жан Жерсон, суевериям были всегда подвержены преимущественно старухи, малые дети, молоденькие девушки и другие «слабые духом» люди, первыми становящиеся жертвами демонов²⁴³. Но существовали, с его точки зрения, и другие — более рациональные — причины подобных верований: восприимчивость мозга того или иного человека к галлюцинациям, отсутствие образования и замещение его сказками и волшебными историями, которые рассказывают своим неразумным детям матери и кормилицы, чтение романов²⁴⁴. Не менее важным, по мнению парижского теолога, обстоятельством являлась и известная слабость науки (в частности, медицины и астрологии) при объяснении удивительных природных явлений и человеческих болезней. Когда врач оказывался не в состоянии найти причину

²³⁹Таковыми, к примеру, являлись ворон, пролетевший над крышей, петух, пропевший до рассвета, чужая черная собака, вбежавшая в дом, или змея, спустившаяся по стене дома во двор: Ibid.

²⁴⁰“Sed hominum infelicitas vel miseranda est vel culpanda quorum operationes malae faciunt, juxta verba Augustini, malos dies” (Ibid.).

²⁴¹Gerson J. Trilogium astrologiae theologizatae // Gerson J. Oeuvres complètes. T. 10. P. 99.

²⁴²Idem. De erroribus circa artem magicam // Ibid. T. 10. P. 79.

²⁴³“Vetulae et pueri et puellae et idiotae proniores sunt ad tales superstitiones credendas vel observandas” (Gerson J. Contra superstitionem dierum observantiam. P. 120).

²⁴⁴Ibid. P. 119.

заболевания и излечить больного, он весьма часто обращался к магическим практикам, полагал Жерсон²⁴⁵, приводя в пример случай одного врача из Монпелье, пытавшегося лечить своих пациентов при помощи медали с выгравированным на ней изображением льва и «некими знаками»²⁴⁶. Ту же ситуацию он с огорчением отмечал и в астрологии, еще со времен Адама являвшейся «достойной и удивительной наукой» (*scientiam nobilem et admirabilem*)²⁴⁷, недостаток познаний в которой часто приводил к использованию суеверий с целью увидеть будущее²⁴⁸.

И все же, признавая дьявольскую природу любых суеверий, Жерсон отмечал, что не всегда участие демонов в жизни людей связано исключительно с легковерием и необразованностью последних. Часто сам Господь допускает подобное вмешательство для наказания упрямцев или грешников, для испытания верных католиков или ради демонстрации собственной славы. И происходит это не только в «неблагоприятные» дни, как полагают недалекие люди, но постоянно²⁴⁹. Все, таким образом, по мнению Жерсона, зависело от самого человека, от его ума, сообразительности и наблюдательности, которые должны были помешать ему поверить в обман²⁵⁰. Ибо любые знания, полученные от дьявола и его демонов, с точки зрения парижского теолога, являлись не более чем иллюзией, игрой воображения, фантазмами²⁵¹. Не случайно в трактате *De erroribus circa artem magicam* он полностью приводил текст всех 28 статей *Determinatio*, выпущенного его университетскими коллегами²⁵².

Как мне представляется, данная, совершенно особая позиция Парижского Университета и его канцлера в понимании сущности колдовства, их открытое противоборство со светскими властями по данному вопросу и, соответственно, по вопросу юрисдикции имели решающее значение для процесса Жанны д'Арк²⁵³: прежде всего для формулировки предварительного обвинения и, как следствие, для выбора судебной

²⁴⁵*Gerson J. De erroribus circa artem magicam. P. 84.*

²⁴⁶Данному случаю Жерсон посвятил отдельный трактат: *Idem. Contra superstitionem sculpturae leonis // Gerson J. Oeuvres complètes. T. 10. P. 131—134.*

²⁴⁷*Idem. Trilogium astrologiae theologizatae. P. 90.*

²⁴⁸*Ibid.*

²⁴⁹*«Si allegetur quod causant infortunium, hoc manifeste vergit in idolatriam si quaerantur placari per nihil agendum tamquam plus in hoc timeantur quam Deus ipse et sancti sui. Rursus quia non in his tantum diebus sed assidue...adversarius noster diabolus tamquam leo circuit quaerens quem devoret, cui resistendum est fortiter in fide, non in vana superstitione» (Gerson J. Contra superstitionem dierum observantiam. P. 118).*

²⁵⁰*Idem. Trilogium astrologiae theologizatae. P. 96.*

²⁵¹*Idem. De erroribus circa artem magicam. P. 80, 82; Idem. Contra superstitionem dierum observantiam. P. 119.*

²⁵²*Idem. De erroribus circa artem magicam. P. 86—90.*

²⁵³Кратко этот вопрос рассмотрен в: *Тогоева О.И. Ересь или колдовство? Демонология XV в. на процессе Жанны д'Арк // СВ. 2007. Вып. 68 (4). С. 160—182.*

инстанции, представители которой могли бы довести до конца столь сложное дело.

§ 3. Процесс против Жанны д'Арк 1431 г.: начало

Следует признать, что в специальной литературе не существует на сегодняшний день сколько-нибудь внятного ответа на вопрос, почему дело Жанны д'Арк рассматривал именно церковный суд: этот факт обычно принимается как данность. Тем не менее, обстоятельства пленения девушки под Компьенем и передачи ее в руки англичан указывают на то, что ее процесс в принципе должен был стать светским²⁵⁴.

Как известно, Жанну захватили в плен на поле битвы, следовательно, она являлась военнопленной, что подтверждается тем фактом, что за нее был уплачен выкуп²⁵⁵. Этого, однако, не полагалось делать в том случае, если человек обвинялся в преступлениях против веры и должен был быть выдан церковным властям. Впрочем, о якобы еретических воззрениях девушки весной 1430 г. знал мало кто из ее противников: ее основным занятием на тот момент было ведение разнообразных военных кампаний, т.е. обвиняться она могла теоретически лишь в преступлениях, подпадающих под юрисдикцию светского суда: убийствах, разбоях, грабежах, несоблюдении перемирия, и т.п. Наконец, уже попав в руки епископа Кошона, Жанна на протяжении всего процесса оставалась в светской тюрьме, ее охраняли английские солдаты, хотя церковный характер ее дела предполагал помещение обвиняемой в церковную тюрьму — с более мягким режимом содержания и охраной, состоящей из женщин.

И все же дело Жанны рассматривал именно церковный суд — мало того, суд Инквизиции: на этом с самого начала настаивал Парижский университет. Уже в первых строках письма, направленного столичными теологами герцогу Бургундскому 14 июля 1430 г., говорилось о необходимости подобного расследования, поскольку Жанна подозревалась в «идолопоклонничестве и других преступлениях, затрагивающих нашу святую веру»²⁵⁶. С точки зрения членов университета, следова-

²⁵⁴Все эти несоответствия были позднее суммированы в «Сводном изложении» Жана Бреалья, завершившим в 1456 г. процесс по реабилитации Жанны д'Арк: PN, 2, 518—522. Подробнее об этом см. в комментариях издателя процесса Пьера Дюпарка: PN, 5, 65—67, 78. См. также: *Contamine P. Persuader et propager. La France anglaise et le procès de Jeanne d'Arc // Religions et histoire. 2009. № 25. P. 34—39.*

²⁵⁵Фактическая сторона пленения Жанны д'Арк и передачи ее англичанам подробно изложена в: *Райцес В.И. Процесс Жанны д'Арк. С. 53—60.*

²⁵⁶“Pour lui faire son proces deuement sur les ydolatries et autres matieres touchans nostre sainte foy” (PC, 1, 5). Право судить людей, подозревающихся в ереси и других преступлениях, направленных против догматов католической церкви, было

ло незамедлительно передать девушку Инквизиции, а также епископу Бове, в юрисдикции которого она на тот момент находилась²⁵⁷. Также просьба была адресована и Жану Люксембургскому (в чьей власти Жанна пребывала до передачи ее герцогу Бургундскому), которому сообщалось, что только эти представители церкви «являются ее судьями по делам веры, и любой христианин, к какому сословию он бы ни принадлежал, должен им повиноваться в данном случае под страхом наказания»²⁵⁸.

Впрочем, изначально университет планировал провести процесс против Жанны д'Арк самостоятельно, в Париже, о чем свидетельствует послание генерального викария инквизитора Франции герцогу Бургундскому от 26 мая 1430 г.²⁵⁹ От своего плана столичные теологи не желали отказываться вплоть до конца осени того же года. В письме епископу Кошону от 21 ноября они выражали крайнее удивление и неудовольствие от кажущихся им чрезмерными проволочек в начатом расследовании²⁶⁰. Они требовали незамедлительно доставить Жанну в Париж, «где достаточно образованных и ученых людей для того, чтобы ее дело было более тщательно изучено и было вынесено более взвешенное решение»²⁶¹. Однако, планам их не суждено было осуществиться: регент Франции герцог Бедфорд не мог выпустить столь важную и опасную, с его точки зрения, пленницу из своих рук и позволить провести процесс против нее в столице, где действовали профранцузски настроенные группировки. Значительно надежнее было оставить Жанну в Руане, где англичане чувствовали себя в безопасности и куда уже прибыл

закреплено за представителями Инквизиции в серии булл Григория IX (1227—1241). В 1290 г. Николай IV (1288—1292) предоставил приору ордена доминиканцев в Париже право вести подобные расследования на территории Франции от своего имени. В 1308 г. последовало подтверждение этих полномочий: *Tanon L. Op. cit. P. 45—51; Vidal J.-M. Bullaire de l'Inquisition française au XIVe siècle et jusqu'à la fin du Grand Schisme. P., 1913. P. III—IV.*

²⁵⁷PC, 1, 5. Согласно буллам Климента V (1305—1314) *Multorum querela* и *Nolentes*, епископским судам надлежало сотрудничать в «делах о вере» с Инквизицией. Подобные процессы велись представителями двух сторон: *Clementinae // Corpus juris canonici. Col. 1181—1183.*

²⁵⁸«Lesquelx prelat et inquisiteur sont juges d'icelle en la maniere de la foy; et est tenu obeir tout chrestian, de quelque estat qu'il soit, a eulx, en ce cas present, sur les peines de droit qui sont grandes» (PC, 1, 7).

²⁵⁹PC, 1, 9.

²⁶⁰«Miramur...precipue expedicionem mulieris illius..., in lesionem fidei et ecclesiastice iurisdicionis tanta exspectacione protelari» (PC, 1, 11). О том же говорилось в письме университета английскому королю Генриху VI: PC, 1, 13.

²⁶¹«Quod si factum fuerit, operam dare velitis ut in hanc urbe, Parisiensem ubi sapientum et eruditorum copiosus est numerus, mature ducatur, quatinus causa eius et diligencius examinari ac cercius diiudicari possit» (PC, 1, 12).

к тому времени Генрих VI²⁶². В письме, отправленном от имени английского короля епископу Кошону 1 января 1431 г., речь также шла исключительно о церковном инквизиционном процессе, которого так жаждали противники Карла VII. Утверждая, что Жанна «подозревается в [следовании] суевериям, в [распространении] лживых учений и прочих преступлениях, касающихся оскорбления Божественного величия (*autres crimes de lese majesté divine*)»²⁶³, Генрих VI обращался к «почтенному отцу, возлюбленному и верному советнику епископу Бове», которому была передана обвиняемая, и повелевал ему «допросить и освидетельствовать ее и провести ее процесс, согласно Божественным установлениям и священным канонам»²⁶⁴.

Как мне представляется, решение о передаче Жанны д'Арк в руки церкви и Инквизиции и соответствующим образом сформулированное предварительное обвинение объяснялись прежде всего весьма специфической репутацией девушки, в которой ее противники видели ведьму, чьи злодеяния имели для них вполне реальные последствия (потеря Орлеана, неудачные военные кампании, смятение в войсках, случаи дезертирства²⁶⁵). Членам университета все это было хорошо известно: в «Ответе Парижского клирика» совершенно ясно говорилось о том, что в данном случае ересь «дополнялась» колдовством, т.е. Жанна обвинялась сразу в двух различных преступлениях²⁶⁶. Однако, столичные теологи не могли официально назвать девушку ведьмой, поскольку существовала вероятность того, что ее дело затребует себе на рассмотрение Парижский парламент, продолжавший весьма активно функционировать и во время английской оккупации²⁶⁷. Именно этим объясняется, на мой взгляд, упор, изначально сделанный в письмах, которыми обменивались накануне процесса представители университета, английской

²⁶²*Bouzy O. Les Anglais voulaient brûler leur ennemie. О пребывании Генриха VI в Руане зимой 1430—1431 гг. сообщал, в частности, Ангерран де Монстреле: Chronique d'Enguerran de Monstrelet. Т. 4. Р. 389. О том же говорили и свидетели на процессе по реабилитации: Гийом Маншон (PN, 1, 417) и Пьер Кускель (PN, 1, 188, 221, 454).*

²⁶³РС, 1, 14.

²⁶⁴РС, 1, 15.

²⁶⁵О страхе, который испытывали перед Девой англичане, свидетельствуют английские королевские указы, направленные против солдат и капитанов, отказывавшихся отправляться воевать во Францию или дезертировавших с поля боя: Q, 5, 162—164, 192—194. О нем писал позднее и Ангерран де Монстреле: *Chronique d'Enguerran de Monstrelet. Т. 4. Р. 388.*

²⁶⁶См. прим. 41.

²⁶⁷Подробнее см.: *Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 91—188. О процессуальных тонкостях, которые могли бы позволить перевести дело Жанны д'Арк в ведение парламента, см.: Olivier-Martin F. Op. cit. Р. 481—482.*

администрации и французской Инквизиции, на обвинениях в «ереси», «идолопоклонничестве и других преступлениях против нашей святой веры», «суевериях, лживых утверждениях и прочих преступлениях, касающихся оскорбления Божественного величия», предполагавших проведение церковного процесса. Официальная позиция Парижского университета, рассматривавшего колдовство как иллюзию, как одну из разновидностей ереси, являлась совершенно законным основанием для подобного шага.

Впрочем, существовало и еще одно обстоятельство, делавшее обвинение в ереси и рассмотрение дела в церковном суде единственно возможными в случае Жанны д'Арк: оно заключалось в особенностях процессуального права эпохи. Средневековое светское законодательство признавало проведение уголовного процесса только по месту жительства обвиняемого или по месту совершения преступления, т.е. в суде первой инстанции, куда следовало направить арестованного. В основе этой нормы лежали принципы действия сеньориального суда, обладавшего правом юрисдикции над всеми местными жителями, как свободными, так и зависимыми, а также над вассалами сеньора. Передача преступника в суд вышестоящей инстанции (каковым во Франции первой трети XV в. являлся лишь Парижский парламент) могла состояться только в случае подачи этим человеком апелляции, что само по себе предполагало проведение предварительного следствия на месте²⁶⁸. Таким образом, рассмотрение дела Жанны д'Арк в светском суде оказывалось крайне затруднительным: ее невозможно было отправить ни в Лотарингию (откуда она была родом), ни в Компьень (где она была схвачена), поскольку эти территории находились под властью французского короля, а не английских войск.

Что же касается церковного процессуального права, то оно базировалось примерно на тех же принципах, что и светское. Согласно 37 канону IV Латеранского собора (1215 г.), официалам запрещалось вызывать в суд людей, проживавших на расстоянии двух или более дней пути от места заседания²⁶⁹. Однако при рассмотрении «дел о вере» принято было считать, что преступник совершает свои злодеяния постоянно и повсеместно — везде, где находится²⁷⁰. Судить его, таким образом, мог любой суд, в том числе и тот, который произвел арест²⁷¹. Еще

²⁶⁸ *Esmein A. Histoire de la procédure criminelle en France et spécialement de la procédure inquisitoire, depuis le XIIe siècle jusqu'à nos jours. P., 1882. P. 4—15.*

²⁶⁹ *Decretales Gregorii IX // Corpus juris canonici. Col. 31.*

²⁷⁰ На это, в частности, указывал Жан де Монтиньи в трактате, написанном специально к процессу по реабилитации Жанны д'Арк: «*Hereticus autem in omni loco delinquere videtur, in celo, mari et terra*» (PN, 1, 291).

²⁷¹ «*Possunt procedere contra illos qui commiserunt in crimine heresis in terris seu*

в 1184 г. папа Люций III издал буллу *Ad abolendam*, согласно которой епископы и архиепископы обязаны были не менее одного раза в год объезжать свои епархии и диоцезы в поисках подозреваемых в ереси и других преступлениях против веры. Если же такой человек умудрялся бежать, церковный, а впоследствии и инквизиционный суд сохранял над ним право юрисдикции, где бы он ни находился²⁷². То же касалось и обвиняемых, задержанных и содержащихся в светских тюрьмах: их также надлежало передать инквизитору или его представителю²⁷³. Судебным чиновникам короля, баронов, графов и прочих сеньоров следовало оказывать этим последним всяческую помощь²⁷⁴. Таким образом, объявление Жанны д'Арк подозреваемой в «преступлениях против веры» предполагало автоматическую передачу ее в руки Инквизиции и было единственной возможностью судить ее по месту ареста — на территории, подвластной англичанам. Заявляя о необходимости церковного инквизиционного процесса, Парижский Университет и английская администрация предотвращали тем самым любые процессуальные вопросы, связанные с юрисдикцией по данному делу. Никто отныне не мог усомниться в правомочности руанских судей и потребовать передать Жанну в иные судебные инстанции.

И, тем не менее, можно, как мне кажется, с уверенностью утверждать, что процесс против Жанны д'Арк, начавшийся зимой 1431 г., практически сразу вышел из-под контроля столичных теологов. Выбор обвинения, которое следовало предъявить девушке, занял у епископа Кошо́на и его коллег целых два месяца и не привел к ожидаемым результатам²⁷⁵. Характер задаваемых в ходе следствия вопросов, с моей точки зрения, свидетельствует, что судьи не обратили особого внимания на рекомендации Парижского университета, оставив в стороне обвинение в ереси и сконцентрировавшись на обвинении в колдовстве, которое рассматривали как реально существующее явление.

---

terminis in quibus officium inquisitionis est eis commissum, licet ad partes alias se transtulerint” (*Practica Inquisitionis, heretice pravitatis, auctore Bernardo Guidonis O.F.P.* / Publ. par C. Douais. P., 1886. P. 192).

²⁷²Ibid. P. 192, 212.

²⁷³Ibid. P. 5.

²⁷⁴Ibid. P. 214.

²⁷⁵На нерешительность руанских судей при выборе окончательного обвинения указывал в свое время еще В.И. Райцес: *Райцес В.И.* Процесс Жанны д'Арк. С. 100—101, 105—106.

§ 4. *Inquisitio ex officio*

Причин столь неожиданного для всех заинтересованных сторон изменения хода процесса, как мне представляется, было несколько. Прежде всего следует учитывать слухи, окружавшие Жанну на протяжении всей ее недолгой карьеры, — ту самую репутацию (*fama*), на которую обязан был опираться любой инквизиционный процесс в своей первой фазе — *inquisitio ex officio*, представлявшей собой собственно допросы обвиняемого²⁷⁶. О восприятии Жанны как ведьмы ее противниками руанским судьям было, безусловно, известно. Информация о проходивших в это время во Франции и близлежащих регионах достаточно многочисленных ведовских процессах, знание основных элементов, составлявших обычное в таких случаях обвинение, также, на мой взгляд, должны были отразиться на содержании вопросов, которые задавали Жанне д'Арк руанские судьи²⁷⁷. Кроме того, их особому вниманию к колдовству, которым, возможно, занималась девушка, должна была, вне всякого сомнения, способствовать манера последней давать признательные показания.

4.1. Логика построения допросов

Как полагает большинство исследователей, никакой особой логики в построении допросов на процессе 1431 г. не существовало²⁷⁸. Однако, на мой взгляд, имеющиеся в нашем распоряжении материалы дела (даже при учете вторичного характера латинского текста по отношению к французской «минуте»²⁷⁹) свидетельствуют, что процесс шел от-

²⁷⁶РС, 3, 70—73. Во второй части процесса — *inquisitio cum promovente* — главным становился прокурор трибунала, лично составлявший текст обвинения и зачитывавший его присутствующим. На этом этапе от обвиняемого уже не требовалось давать пространные показания, он должен был лишь кратко отвечать о своем согласии или несогласии (*credit vel non credit*) с каждой из статей обвинения (РС, 3, 61—62, 70—73).

²⁷⁷О возможном влиянии на процесс Жанны д'Арк процессов против вальденсов во Фрайбурге писала и Марина Уорнер: Warner M. Joan of Arc: A Gender Myth // Joan of Arc: Reality and Myth. P. 106.

²⁷⁸Райцес В.И. Процесс Жанны д'Арк. С. 89; Jeay M. Clercs et paysans au XVe siècle: une lecture de l'épisode de l'arbre aux fées dans les procès de Jeanne d'Arc // Normes et pouvoir à la fin du Moyen Age / Publ. par M.-C. Déprez-Masson. Montréal, 1990. P. 145—163; Veauve C. Jeanne d'Arc. P. 304.

²⁷⁹Французская «минута» — черновик допросов Жанны д'Арк, составленный на старофранцузском языке. Именно с нее секретари суда Тома де Курсель и Гийом Маншон делали перевод для официальной латинской версии материалов процесса 1431 г. Оригинал «минуты» не сохранился, она известна по двум копиям второй половины-конца XV в. Тем не менее, ее текст предоставляет нам поиск

нюдь не хаотично: между вопросами, задаваемыми обвиняемой, обнаруживалась ясная внутренняя связь. Таким образом происходила не обычная аккумуляция знаний, которые только собранные вместе способны были создать необходимый для вынесения решения эффект (в чем, безусловно, состояла цель любого светского уголовного процесса²⁸⁰). Напротив, каждая следующая тема, затронутая судьями, хоть и порождала новые вопросы, была обычно тесно связана с предыдущей, логично вытекала из нее.

Резкую смену направленности допросов материалы дела Жанны д'Арк демонстрируют на протяжении следствия всего несколько раз: насколько можно понять, делалось это лишь в том случае, когда обвиняемая категорически отказывалась продолжать разговор на предложенную тему или просила об отсрочке. Так, 27 февраля 1431 г. Жанна не пожелала в течение ближайшего года уточнять, какие именно откровения получал в свое время «ее король» (*rex suus*), и судьи начали расспрашивать ее о посещении Сент-Катрин-де-Фьербуа²⁸¹. 1 марта девушка попросила о трехмесячной отсрочке для ответа на вопрос, что она знает о своем возможном освобождении из тюремного заключения, и следующей темой допроса стало наличие у нее собственной мандрагоры²⁸². А 3 марта из-за отказа обвиняемой подробно описать внешний вид являвшихся к ней святых (ее «голосов») судьи были вынуждены вновь обратиться к теме ее возможного побега²⁸³.

тине уникальную возможность сопоставления двух различных записей одного и того же дела. От латинской версии черновик допросов отличает не только язык, но и активное использование прямой речи, которая при переводе была частично заменена на косвенную. Внимательный текстологический анализ подобных разночтений позволяет историкам не только полнее представить себе сам ход слушаний и содержание задававшихся обвиняемой вопросов, но и попытаться понять, как появление официальной копии дела должно было, по замыслу ее авторов, скорректировать представления современников о личности и деяниях Жанны д'Арк. О разночтениях в текстах французской «минуты» и латинского перевода см., в частности: *Bouet P., Desbordes O. Le latin des interrogatoires de Jeanne d'Arc. Comparaison entre la minute française et les traductions officielles qui en furent effectuées // De l'hérétique à la sainte. P. 127—146.*

²⁸⁰Подробнее об этом см.: *Тогоева О.И. «Истинная правда»*. С. 93—121; *Togoeva O. La présence du pouvoir dans les textes judiciaires français de la fin du Moyen Age // Bilder der Macht in Mittelalter und Neuzeit. Byzanz — Okzident — Russland / Hrsg. von O.G. Oexle, M. Boitsov. Göttingen, 2007. S. 431—459.*

²⁸¹«Respondit: Vos non habebitis eas adhuc a me de isto anno» (PC, 1, 76). Важно отметить, что эти слова Жанны (как и вся вторая часть допросов в этот день) отсутствуют в тексте французской «минуты»: MF, 111.

²⁸²«Respondit: Loquamini mecum infra tres menses; ego de hoc respondebo vobis» (PC, 1, 86). Эти слова также отсутствуют во французской «минуте»: MF, 129.

²⁸³«Respondit: Vos non habebitis aliud pro presenti preter illud quod ego respondi» (PC, 1, 92 = MF, 133).

Обычно же вопросы руанских следователей вытекали один из другого, были объединены общими темами²⁸⁴, переходы между которыми происходили по довольно жесткой схеме. Иногда причина подобной смены крылась в близости рассматриваемых сюжетов. Так, 27 февраля подробный рассказ Жанны о ее знамени, с которым она не расставалась в бою, дабы никого не убивать, совершенно логично перетек в описание деталей военных операций, в которых она принимала участие²⁸⁵. А вопросы, заданные ей 1 марта и касавшиеся писем графу Арманьяку, где якобы поднимался вопрос о схизме, вызвали интерес к другой, близкой по содержанию теме — об именах «Иисус» и «Мария» и о знаке креста, которые девушка имела обыкновение ставить под своими посланиями²⁸⁶.

Переход к новой теме мог произойти и по ассоциации между отдельными, частными вопросами, возникавшими в ходе следствия. Например, 27 февраля такая связь обнаружилась между вопросами о том, говорила ли Жанна своим людям о ранении, которое она получит во время снятия осады с Орлеана, и о том, знала ли она сама об этом заранее²⁸⁷. Та же ситуация повторилась 3 марта, когда судьи пытались узнать, что именно говорила девушка в момент неудачного прыжка из башни замка Бореуар и не была ли она при этом так разгневана, что поносила имя Господа²⁸⁸. А 15 марта, спрашивая, не применили ли святые Екатерина и Маргарита к ней силу в качестве наказания за этот проступок, они сразу же уточнили, не совершила ли Жанна в принципе какого-нибудь преступления, за которое полагается смерть²⁸⁹.

И все же чаще всего поводом для смены сюжета становился ответ Жанны д'Арк на тот или иной предыдущий вопрос: она как будто провоцировала своих судей, подталкивала их к совершенно определенной направленности следствия и, соответственно, интерпретации фактов. Примеры подобных логических «связок» в материалах дела встречаются постоянно. Так, 22 февраля девушку спросили о том, чему учил ее «голос», явившийся к ней в родной деревне Домреми. В ответ последовал подробный рассказ о путешествии в Вокулер, которого по-

²⁸⁴Например, вся вторая половина заседания 24 февраля была посвящена подробностям жизни Жанны в Домреми (РС, 1, 63—68 = МФ, 105—109), утренняя часть заседания 27 февраля — проблеме явления к девушке святых и их внешнего вида (РС, 1, 70—74 = МФ, 111—115), а практически все заседание 13 марта — «знаку», который она дала Карлу VII (РС, 1, 133—140 = МФ, 163—169).

²⁸⁵РС, 1, 78. Сюжет отсутствует в «минуте»: МФ, 121.

²⁸⁶РС, 1, 82. Сюжет отсутствует в «минуте»: МФ, 123.

²⁸⁷РС, 1, 78. Сюжет отсутствует в «минуте»: МФ, 121.

²⁸⁸РС, 1, 107—108 = МФ, 147.

²⁸⁹РС, 1, 164 = МФ, 189.

требовал от нее ангел, о встрече с капитаном Бодрикуром и отъезде в Шинон «в мужском платье и с мечом». Вполне естественно, что следующий вопрос судей касался именно последнего уточнения: «По чьему совету она надела мужской костюм?»²⁹⁰. Замечание Жанны о том, что она всегда поступает в согласии с волей Бога, сделанное в ходе допроса 24 февраля, сразу же спровоцировало желание узнать, не «голос» ли посоветовал ей бежать из тюрьмы²⁹¹. 10 марта рассказ девушки о «знаке», который она дала королю и который отныне хранится в его сокровищнице, вызвал закономерный интерес: «Это золото, серебро, драгоценный камень или корона?»²⁹².

Особенно ярко, однако, подобная логика построения допросов проявила себя в тех случаях, когда речь на процессе заходила о колдовстве. Своими собственными словами Жанна, как мне представляется, давала материал для все новых и новых подозрений судей — подозрений в том, что они имеют дело с «обычной» ведьмой. Уже на первом допросе 21 февраля 1431 г., когда судьи занимались выяснением личности обвиняемой, расспрашивая ее о происхождении, родителях, месте и обстоятельствах крещения, о ее возрасте²⁹³, девушка рассказала, что трем известным ей молитвам — *Pater Noster*, *Ave Maria* и *Credo* — ее научила мать, и кроме матери в вере ее никто не наставлял²⁹⁴. Судьи, естественно, сразу же потребовали подтвердить эти знания и прочесть *Pater*. Но Жанна отказалась, заявив, что сделает это только на исповеди²⁹⁵. В столь категоричном отказе состояла ее первая — но далеко не последняя — ошибка, допущенная на допросах, ибо невозможность публично произнести текст молитвы, с точки зрения людей XV в., являлась одной

²⁹⁰“Dixit ulterius vocem prefatam sibi dixisse quod ipsa Johanna iret ad Robertum de Baudricuria, apud oppidum Vallecoulis, capitaneum dicti loci, et ipsi traderet sibi gentes secum ituras...Item confessa fuit quod, in recessu a prefato oppido de Vallecoulis, ipsa existens in habitu virili, gestans unum ensem quem sibi tradiderat dictus Robertus de Baudricuria...Item requisita ut diceret cuius consilio ipsa cepit habitum virilem” (PC, 1, 48—50 = MF, 93—95).

²⁹¹“Et addidit quod, nisi esset gracia Dei, ipsa nesciret quicquam agere. Interrogata utrum consilium suum revelaverit sibi quod ipsa evaderet de carceribus” (PC, 1, 61 = MF, 103). Та же ситуация повторилась и на допросе 27 февраля, когда с приказом Господа судьи связали решение Жанны переодеться в мужской костюм : PC, 1, 75.

²⁹²“Item dicit quod dictum signum est in thesauro regis sui. Interrogata utrum sit aurum, argentum, lapis preciosus vel corona” (PC, 1, 116—117 = MF, 153).

²⁹³Все эти вопросы были характерны для начальной стадии процедуры *discretio spirituum* (см. подробнее Главу 1). При рассмотрении «дел против веры» она также являлась неотъемлемой частью процесса: в состав суда Инквизиции обязательно должны были входить два представителя церкви, сведущие в проведении *discretio*.

²⁹⁴“Nec alibi didiscit credenciam, nisi a prefata eius matre” (PC, 1, 41 = MF, 87).

²⁹⁵“Respondit quod non diceret Pater noster, nisi eam audiremus in confessione” (PC, 1, 41).

из отличительных черт «настоящей» ведьмы, боявшейся перепутать слова и тем самым выдать себя²⁹⁶.

На втором допросе, последовавшем 22 февраля, Жанна отказалась отвечать на вопрос, причащалась ли она в иные дни, кроме Пасхи. Вместо этого она начала рассказывать судьям о своих «голосах», сообщив, в частности, что при первом их появлении она сильно их испугалась²⁹⁷. Это заявление Жанны (к нему нам еще предстоит вернуться) было также расценено судьями как верный признак ее колдовских наклонностей и дало повод затронуть одну из самых важных для них тем — об отношениях обвиняемой со святыми. Их следующие вопросы (каким образом она видела свет при их появлении, чему учили ее «голоса», и т.д.) были, на мой взгляд, логически связаны именно с этим необдуманным ответом и направлены на выяснение того, не являлись ли ее «святые» обычными демонами, посланными нечистым. В том же ключе можно, как мне кажется, интерпретировать и сообщение Жанны о ее визите к герцогу Лотарингскому, который, принимая девушку за опытную деревенскую знахарку, хотел узнать, как ему поправить здоровье: для судей одного упоминания подобной просьбы было достаточно, чтобы увидеть в своей обвиняемой ведьму²⁹⁸.

24 февраля у Жанны попытались узнать, почему, по ее мнению, Господь может не одобрить ее правдивые ответы на вопросы следствия²⁹⁹. Девушка возразила, что некоторые из откровений, которые она получает посредством своих «голосов», касаются не ее лично и уж тем более не судей, но самого короля. И она более всего на свете хочет, чтобы тот о них узнал³⁰⁰. Это последнее замечание сразу же повлекло за собой логический вопрос, не может ли она подчинить себе «голос», чтобы он передал ее сообщение по назначению³⁰¹. Как свидетельствуют материалы ведовских процессов XIV—XV вв., идея о наличии у ведьмы или

²⁹⁶Подробнее о складывании данного средневекового топоса см.: *Le Roy Ladurie E. La sorcière de Jasmin. P., 1983. P. 31—33; Soman A. Le sabbat des sorciers: preuve juridique // Le sabbat des sorciers en Europe: XVe-XVIIIe siècles / Textes réunis par N. Jacques-Chaquin, M. Préaud. Grenoble, 1993. P. 85—99; Ostorero M. “Folâtrer avec les démons”. Sabbat et chasse aux sorciers à Vevey (1448). Lausanne, 1995. P. 67—93; James-Raoul D. La femme maléfique dans la littérature romanesque de la fin du Moyen Age // Le mal et le Diable. P. 11—33; Pfister L. L'enfer sur terre. Sorcellerie à Dommar-tin (1498). Lausanne, 1997. P. 85—105, 109—125.*

²⁹⁷“Et prima vice, habuit magnum timorem” (PC, I, 47).

²⁹⁸PC, I, 49. См. также прим. 315.

²⁹⁹“Interrogata si credit hoc displicere Deo quod dicatur veritas” (PC, I, 60 = MF, 103).

³⁰⁰“Respondit: Voces dixerunt michi quod aliqua dicam regi et non vobis. Item dixit quod illa nocte dixit sibi multa pro bono regis sui, que vellet ipsum regem tunc scire... ipse enim, ut eadem dicabat, fuisset leior in suo prandio” (PC, I, 60—61 = MF, 103).

³⁰¹“Interrogata si possetne tantum facere apud illam vocem quod vellet obedire et deferre nuncium regi suo” (PC, I, 61 = MF, 103).

колдуна своего личного демона, «запертого» в зеркале, кольцо или каком-нибудь ином амулете и используемого для самых различных нужд, была весьма распространена в Европе³⁰². Именно на этом «знании» и основывались руанские судьи, задавая свой вопрос.

Точно так же распространенное мнение о магических свойствах мандрагоры, полезной как для наведения любовного приворота, так и в обретении богатства³⁰³, оказалось задействовано следствием на допросе 1 марта. Жанна, категорически отрицавшая наличие у себя этого корня, тем не менее, допустила в своем ответе досадную оговорку. Она не только вспомнила, как слышала в детстве о росшей в Домреми мандрагоре, но и уточнила, что это «опасная и злая вещь» (*res periculosa et mala*)³⁰⁴. Ее неосторожные слова позволили судьям развить тему в нужном им направлении: уточнить, что мандрагора произрастала рядом с Деревом Фей и что служит она для получения богатства³⁰⁵, а также убедиться, что их обвиняемая прекрасно разбирается в различных видах колдовства.

Наконец, 15 марта еще одно необдуманное замечание Жанны о том, что ее «голоса» суть «добрые духи»³⁰⁶, дало ее судьям возможность задать, очевидно, самый важный для них вопрос. Основываясь на идее Блаженного Августина о демонах, способных принимать облик ангелов³⁰⁷, они поинтересовались: «А если дьявол примет форму и вид доброго ангела, как она узнает, хороший это ангел или плохой?». Не слишком уверенный ответ обвиняемой мог лишь укрепить судей в их подозрениях³⁰⁸.

Примеров, когда сами ответы девушки «подсказывали» ее противникам дальнейшую тактику, настраивали их на совершенно определенные выводы, слишком много, чтобы приводить их все. С обвинением в колдовстве в той или иной степени оказалась связана, с моей точки зрения,

³⁰²О типичности подобного обвинения для ведовских процессов см.: *Chiffolleau J. Dire l'indicible. P. 292—293, 297; Klaniczay G. The Uses of Supernatural Power. The Transformation of Popular Religion in Medieval and Early-Modern Europe. Princeton, 1990. P. 161.*

³⁰³Об использовании корня мандрагоры в любовной и прочей магии во Франции в средние века и Новое время см.: *Le Roy Ladurie E. Op. cit. P. 35—49.*

³⁰⁴PC, 1, 86. Эта часть допроса отсутствует, тем не менее, в «минуте»: MF, 129.

³⁰⁵“Respondit quod audivit dici quod est in terra prope illam arborem de qua superius dictum est... Interrogata de quo audivit dici quod serviat illa mandragora. Respondit se audivisse quod facit venire pecunias” (PC, 1, 86).

³⁰⁶“In suis magnis agendis ipse vocis semper succurrerunt ei; et hoc est signum quod sunt boni spiritus” (PC, 1, 161 = MF, 187).

³⁰⁷См. прим. 63.

³⁰⁸“Interrogata, si dyabolus poneret se in forma seu figura boni angeli, quomodo ipsa cognosceret quod esset bonus angelus vel malus. Respondit quod bene cognosceret an esset sanctus Michael vel aliqua res conficta ad modum eiu” (PC, 1, 162 = MF, 187).

большая часть вопросов, заданных Жанне как на публичных заседаниях, так и на закрытых допросах, проводившихся в тюрьме³⁰⁹. Эти вопросы вовсе не были случайными — напротив, они легко группировались по темам и были призваны составить у окружающих совершенно определенное мнение об обвиняемой.

4.2. Обвинение в колдовстве

С точки зрения судей, перед ними находилась типичная ведьма со всеми присущими ей атрибутами и характеристиками. Прежде всего, речь шла о магических знаниях, полученных Жанной по наследству: об этом свидетельствовал весь комплекс вопросов о деревне Домреми, местных феях, их Дереве и обрядах, связанных с ним.

Феи, по мнению профессиональных демонологов, светских и церковных судей XV в., довольно сильно отличались от таинственных, но добрых по своей природе созданий, населявших сказки и рыцарские романы прошлого³¹⁰. Прежде всего это были совершенно реальные существа, обитавшие рядом с людьми, но, безусловно, связанные с потусторонним миром. Они считались злыми духами, посланницами Дьявола, способными причинить человеку один лишь вред — если, конечно, он не становился их верным адептом. Как полагают специалисты, именно описания регулярных встреч фей (с участием или без участия людей) в лесах, горах и прочих таинственных местах, заимствованные из художественных произведений, в средневековой демонологической литературе были использованы в качестве прообраза шабаша ведьм³¹¹. Таким образом, праздник у Дерева Фей, каждый год проходивший в родной деревне Жанны, легко, как мне представляется, интерпретировался в сходном ключе³¹².

³⁰⁹Первая часть процесса (с 21 февраля по 10 марта 1431 г.) являлась открытой, вторая проходила в тюрьме и длилась с 10 по 17 марта. Всего состоялось 12 допросов Жанны: 6 — в присутствии всех желающих, 6 — закрытых.

³¹⁰О восприятии фей в художественной литературе Средневековья см., к примеру: *Ferlampin C. Le sabbat des vieilles barbues dans Perceforest // MA. 1993. № 3—4. P. 471—504; Warner M. Joan of Arc: A Gender Myth. P. 97—117; Guerreau-Jalabert A. Fées et chevalerie. Observations sur le sens social d'un thème dit merveilleux // Miracles, prodiges et merveilles au Moyen Age. P., 1995. P. 133—149; Le Goff J. Melusine maternelle et defricheuse // Le Goff J. Pour un autre Moyen Age. P., 1977. P. 307—331.*

³¹¹*Warner M. Joan of Arc: A Gender Myth; Jeay M. Op. cit.; Pócs E. The Popular Foundations of the Witches' Sabbath and the Devil's Pact in Central and Southeastern Europe // Acta Ethnographica Hungarica. 1991—1992. Vol. 37. № 1—4. P. 305—370.*

³¹²На допросе 17 марта Жанну прямо спросили, не думает ли она, что феи из Домреми являются злыми духами: “Quod domine Fatales essent mali spiritus” (PC, 1, 169 = MF, 193).

О том же свидетельствуют и «уточняющие» вопросы судей. Они не единожды интересовались у обвиняемой: добрые или злые духи эти феи³¹³; кто с ними путешествует по воздуху (*qui vadunt, gallice en l'erre avec les fees*)³¹⁴; оставляла ли Жанна на Дереве гирлянды цветов им в подарок³¹⁵; была ли ее крестная, лично видевшая фей (*Fatales dominas, gallice les faees*), повитухой (*sapiens mulier*) и, следовательно, ведьмой (*sortilega*)³¹⁶. Именно от крестной (а также от матери, учитывая полученное от нее религиозное воспитание и отказ подтвердить его на практике) Жанна и могла, по мнению ее судей, воспринять необходимые магические знания. Наследственность всегда считалась первым условием, позволяющим признать женщину ведьмой, ибо репутация человека прежде всего основывалась на репутации его семьи, ближайших родственников и друзей: мать или отец, сожженные по обвинению в колдовстве, автоматически усиливали обвинения, выдвинутые против сына или дочери³¹⁷.

Наследственные магические знания, позволявшие женщинам (а в некоторых случаях и мужчинам) лечить болезни, находить пропавшие вещи и людей, совершивших преступление, или принимать роды, представляли собой так называемый «деревенский» тип колдовства, весьма распространенный в самых разных странах средневековой Европы³¹⁸. Подобные же «умения» судьи пытались приписать и Жанне д'Арк: ей задавали вопросы и о поиске пропавших вещей (например, меча, найденного по ее указанию за алтарем церкви в Сент-Катрин-де-Фьербуа³¹⁹); и об изготовлении магических амулетов — знамени и колец³²⁰; и о неза-

³¹³См. прим. 306.

³¹⁴РС, 1, 178 = MF, 201.

³¹⁵РС, 1, 178 = MF, 201.

³¹⁶РС, 1, 168 = MF, 193. К началу XV в. во Франции практически закончилось начавшееся еще в конце XIII в. противоборство профессиональных медиков-мужчин с разнообразными деревенскими знахарками. Знания последних были признаны «ненаучными» и случайными, их «чудесные» умения отныне рассматривались как колдовство, как неоспоримое свидетельство связи с дьяволом: *Agrimi J., Crisciani C. Savoir médical et anthropologie religieuse. Les représentations et les fonction de la vetula (XIIIe-XVe siècles) // AESC. 1993. № 5. P. 1281—1308; Horowitz J., Menache S. L'humour en chaire. Le rire dans l'église médiévale. Genève, 1994. P. 197—198.*

³¹⁷*Agrimi J., Crisciani C. Op. cit.; Le Roy Ladurie E. Op. cit. P. 29—31, 35—38; Maier E. Trente ans avec le diable. Une nouvelle chasse aux sorciers sur la Riviera lémanique (1477—1484). Lausanne, 1996. P. 73—86; Pfister L. Op. cit. P. 85—105.*

³¹⁸*Le Roy Ladurie E. Op. cit. P. 23—30, 67—68; Ostorero M. "Folâtrer avec les démons". P. 9—19.*

³¹⁹РС, 1, 76—78. Этой части допроса нет в материалах «минуты»: MF, 115.

³²⁰РС, 1, 78, 84—85. Эти вопросы отсутствуют в «минуте»: MF, 125. Современники событий также видели в кольцах Жанны магический атрибут: *Vallet de Viriville A. Les anneaux de Jeanne d'Arc // Mémoires de la Société des Antiquaires de France. 1868. T. 10. P. 82—97.*

конном освящении этих предметов в церкви³²¹; и о поисках людей, совершивших преступления (судьи считали, что Жанна открыла окружающим правду о некоем священнике и его сожительнице³²²); и об исцелении людей при помощи «магических» колец³²³; и даже об оживлении умерших (новорожденного младенца в Ланьи)³²⁴.

Однако, помимо проблем, связанных с традиционной магией и хорошо знакомых французским судьям XIV—XV вв., в материалах дела Жанны д'Арк можно, как мне представляется, выделить и другую группу вопросов, имевших отношение, скорее, уже к «ученой» концепции колдовства, к понятию шабаша³²⁵.

Собственно, намек на такое понимание колдовства содержался уже в вопросах о Дереве Фей и празднике в их честь: приношения феям (т.е. злым духам, демонам, в интерпретации руанских судей), обильное угощение, танцы — все это считалось обязательными элементами практически любого описания шабаша, известного нам по ведовским процессам³²⁶. Воспринимая фей как пособников дьявола, судьи, естественно, в том же ключе пытались интерпретировать и «голоса», являвшиеся к Жанне (в которых сама она видела архангела Михаила, свв. Екатерину и Маргариту)³²⁷. С этой точки зрения, совершенно логичными оказывались постоянно повторявшиеся вопросы, добрые или злые эти «голоса»³²⁸, являются они ангелами (*angeli*) и/или святыми (*sancti vel*

³²¹РС, 1, 96—97 = MF, 137.

³²²РС, 1, 140 = MF, 169.

³²³РС, 1, 85, 101 = MF, 141. Распространенная в самых разных уголках средневековой Европы вера в то, что одна и та же знахарка способна как исцелить человека, так и наслать на него болезнь, привела к возникновению расхожей поговорки «Коль умеешь врачевать, знаешь, как околдовать»: “Personne ne puet savoir desvoulter qu'il ne soit necesité qu'il sache la manière comment l'en envoulte” (*Registre criminel du Châtelet de Paris*. Т. 1. Р. 330). О ее бытовании во Франции конца XIV в., на территории современной Швейцарии в XV в., в Италии XVII в. см.: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 140—141; *Ostorero M.* “Folâtrer avec les démons”. Р. 76—77; *O'Neil M.R.* Missing Footprints: Maleficium in Modena // *Acta Ethnographica Hungarica*. 1991—1992. Vol. 37. № 1—4. Р. 123—142.

³²⁴РС, 1, 103 = MF, 143.

³²⁵Характерно, что и сама Жанна, насколько можно судить по ее показаниям, имела представление об этой новой концепции колдовства: не случайно она заявляла, что слышала о людях, «путешествующих с феями» по четвергам, т.е. в дни, являвшиеся, с точки зрения ученых демологов, лучшими для проведения шабаша.

³²⁶РС, 1, 65—67 = MF, 107—109. Подробно эта тема рассмотрена в: *Тогоева О.И.* Шабаш как праздник.

³²⁷Не случайно судьи спрашивали Жанну, не встречала ли она свои «голоса» под Деревом Фей или около источника, расположенного рядом: РС, 1, 85. Положительный ответ на данный вопрос стал еще одной ошибкой, допущенной девушкой во время следствия.

³²⁸РС, 1, 161 = MF, 187.

sancte) или нет³²⁹, как она поняла, что это — небесные силы³³⁰, и т.д. Судьи пытались убедить Жанну и окружающих в том, что речь идет именно о демонах³³¹, из чего проистекали соответствующие вопросы о материальности «голосов» (которые не могли быть видимы и осязаемы, если бы являлись Божественными созданиями)³³²; о непосредственных телесных контактах с ними Жанны, об объятиях и поцелуях, которыми она с ними якобы обменивалась и которые больше всего напоминали клятву верности, приносимую на шабаше дьяволу³³³; о температуре их тела (ибо считалось, что Сатана и его демоны холодные на ощупь)³³⁴; о самостоятельном вызове голосов, идентичном вызову Нечистого или демонов³³⁵; и даже об их запахе, поскольку, как хорошо было известно в XV в., дьявол и его приспешники пахли плохо, в отличие от настоящих святых³³⁶.

Весьма характерным, с точки зрения «ученой» концепции колдовства, был и вопрос о том, испытывала ли Жанна страх при встрече со

³²⁹PC, 1, 60, 71, 135, 140, 162 = MF, 103, 111, 165, 169, 187.

³³⁰“Interrogata qualiter ipsa cognovit quod ipse erat sanctus Michael” (PC, 1, 161 = MF, 187).

³³¹Подробнее см.: *Lethel F.-M. Jeanne d'Arc et l'ange // Colloque sur l'ange. Abbaye des Premontreés, Pont-à-Mousson, 1982. P. 55—70.*

³³²PC, 1, 58, 62, 74, 83—84, 86—87, 91—92, 121, 137—138, 163, 165 = MF, 101, 115, 129, 133, 157, 167, 187, 189. О бесплотности ангелов см., например: *Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. P. 128—129; Beaune C. Op. cit. P. 316—317.*

³³³PC, 1, 58, 118, 125, 159, 176—177 = MF, 101, 155, 159, 183, 199. Описание оммажа, приносимого дьяволу, см. в: *Maier E. Op. cit. P. 41—57, 73—86, 89—101; Pfister L. Op. cit. P. 155—172. О символике такого оммажа: Clark S. Le sabbat comme système symbolique: significations stables et instables // Le sabbat des sorciers en Europe. P. 63—74.*

³³⁴PC, 1, 177 = MF, 199. Упоминания о низкой температуре тела дьявола и его демонов имеются практически в любом деле, посвященном «женскому» колдовству, поскольку именно женщины, по мнению средневековых демонологов и судей, чаще совокуплялись с представителями нечистой силы. См., к примеру: *Ostorero M. “Folâtrer avec les démons”. P. 97—116; Modestin G. Le diable chez l'évêque. Chasse aux sorciers dans le diocèse de Lausanne (vers 1460). Lausanne, 1999. P. 96—110; Chêne C., Ostorero M. Démonologie et misogynie. L'émergence d'un discours spécifique sur la femme dans l'élaboration doctrinale du sabbat au XVe siècle // Les femmes dans la société européenne. 8e Congrès des historiennes suisses / Ed. par A.-L. Head-König et L. Mottu-Weber. Genève, 2000. P. 171—196.*

³³⁵“Interrogata utrum ipsa vocat illas sanctas Katharinam et Margaretam vel utrum veniant sine vocando” (PC, 1, 122 = MF, 157).

³³⁶PC, 1, 177 = MF, 199. Тема запахов возникла на процессе еще раз, когда речь зашла о знаке, который Жанна дала дофину Карлу в Шиноне, — о короне, которую принес ангел, сопровождавший Жанну. А потому вопрос о том, как пахла эта корона, выглядел и здесь вполне логичным (PC, I, 139 = MF, 169). О «запахе святости» см.: *Deonna W. Croyances antiques et modernes, l'odeur suave des dieux et des élus. Genève, 1939; Vauchez A. La sainteté en Occident. P. 470—471, 499—514. Об отвратительном запахе дьявола см.: Strobino S. Françoise sauvée des flammes? Une valaisane accusée de sorcellerie au XVe siècle. Lausanne, 1996. P. 44, 127—131, 147.*

своими «голосами». Ответив утвердительно³³⁷, девушка явно усугубила свое положение, поскольку страх перед дьяволом или его представителями (и одновременное ожидание встречи с ними) являлся устойчивым топосом французских ведовских процессов, как светских, так и церковных³³⁸. Как, впрочем, и договор, заключаемый новыми членами «секты» лично с дьяволом или с его подручным-демоном: Жанну дважды спрашивали о наличии у нее неких «писем» (*licteras*), якобы полученных от «голосов»³³⁹.

Важными, на мой взгляд, представляются и вопросы о «личных» отношениях, связывавших Жанну с ее святыми: о невозможности кому бы то ни было рассказать об их визитах (как невозможно было любим другим «ведьмам» и «колдунам» рассказывать о своих посещениях шабаша)³⁴⁰; о запрете, наложенном «голосами» на Жанну, которой якобы не разрешалось отвечать на вопросы в суде (так же, как нельзя было в суде говорить о встречах с дьяволом)³⁴¹; об избиении, как о предполагаемом наказании Жанны за непослушание (что регулярно, если довериться свидетельствам обвиняемых на ведовских процессах, происходило с ними на шабаше)³⁴²; об обязательном исполнении их приказов (прежде всего, ношении мужского костюма) и полагающемся за это вознаграждении (что в равной степени предусматривалось договором между дьяволом и его адептами)³⁴³.

Наконец, вопросы о знакомстве и отношениях с братом Ришаром и Екатериной из Ларошели, объявленными молвой колдуном и ведьмой³⁴⁴, настраивали и самих судей, и окружающих на восприятие этой

³³⁷См. прим. 297.

³³⁸См. об этом: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 199, 202—204; *Strobino S.* Op. cit. P. 29—34, 82—90.

³³⁹РС, 1, 125, 140 = MF, 159, 169.

³⁴⁰“Interrogata an de istis visionibus quas dicit se habere, feceritne verbum curato suo vel alteri homini ecclesiastico. Respondit quod non” (РС, 1, 123—124 = MF, 159). О запрете рассказывать о посещениях шабаша, являвшемся частью договора с дьяволом, см.: *Ostorero M.* “Folâtrer avec les démons”. P. 67—93.

³⁴¹РС, 1, 59—60, 70, 74—75, 133 = MF, 103, 111, 163. О запрете давать показания в суде, накладываемом дьяволом на своих адептов, см.: *Pfister L.* Op. cit. P. 109—129; *Ostorero M.* “Folâtrer avec les démons”. P. 97—116.

³⁴²РС, 1, 164 = MF, 189. О наказаниях за непослушание, якобы практикуемых дьяволом, см.: *Кланицай Г.* Структура повествований о наказании и исцелении. Сопоставление чудес и *maleficia* // *Одиссей. Человек в истории* — 1998. М., 1999. С. 118—133; *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 202—204.

³⁴³РС, 1, 85—86, 95, 112, 128, 170 = MF, 137, 151, 161, 193. О вознаграждении, полагающемся верным помощникам Нечистого, см.: *Кланицай Г.* Указ. соч.; *Maier E.* Op. cit. P. 61—69, 73—86, 89—101.

³⁴⁴РС, 1, 98, 100, 103—106 = MF, 139, 141, 143—145. Репутация «ведьмы» Екатерины из Ларошели была засвидетельствована, к примеру, Парижским горожанином: *Journal d'un bourgeois de Paris*. P. 299—300. О брате Ришаре как о «колдуне» (*sor-*

троицы как настоящей ведовской секты³⁴⁵, тем более, что две ночи подряд Жанна и Екатерина пытались вместе увидеть некую «белую даму» (*domina alba*), навещавшую последнюю³⁴⁶.

Таким образом из вопросов, задаваемых судьями на процессе, а также (и даже, может быть, в большей степени) из ответов Жанны д'Арк складывалось, как мне представляется, вполне законченное, логически обоснованное обвинение в колдовстве, никоим образом не противоречившее папскому законодательству и полностью подпадавшее под юрисдикцию Инквизиции.

4.3. Иные преступления «против веры»

Столь целостная картина колдовства, с которым, с точки зрения судей, была хорошо знакома их обвиняемая, не исключала, тем не менее, вопросов, посвященных другим преступлениям, направленным против христианской веры. Наиболее четко и кратко оказывались при этом изложены соображения, касавшиеся приверженности Жанны д'Арк схизме: обсуждению проблемы одновременного существования сразу трех пап и необходимости подчиняться лишь одному из них было отведено заседание 1 марта³⁴⁷. Точно так же 3 марта судьи уделили специальное внимание идолопоклонничеству. Они ясно дали понять обвиняемой, что не одобряют ее культ, начавший складываться во Франции, и подозревают ее в сознательном потворстве тем людям, которые поклонялись ей лично, ее изображениям или вещам: заказывали ее портреты, службы и проповеди в ее честь, целовали ей руки, ноги и одежду, прикасались кольцами к ее кольцу³⁴⁸. Еще только раз судьи вернулись к этому обвинению: 17 марта они уточнили у Жанны, не со-

---

cier) сообщал житель Реймса Жан Рожье (Q, 4, 290), а также герцог Бедфорд в письме Карлу VII (*Chronique d'Enguerran de Monstrelet*. Т. 4. Р. 341).

³⁴⁵ Warner M. Joan of Arc: A Gender Myth. P. 102—103; Delaruelle E. Op. cit. P. 365.

³⁴⁶ РС, 1, 105 = МФ, 143.

³⁴⁷ РС, 1, 81—82. Во французской «минуте» этой части допросов нет: МФ, 123. Нужно отметить, что вопрос о трех папах весной 1431 г. звучал некорректно. В ноябре 1417 г. Констанцкий собор практически положил конец Великой Схизме, избрав папой Мартина V. Из трех существовавших до того момента пап члены собора низложили и отправили под арест Иоанна XXIII. Григорий XII отрекся от престола, а Бенедикт XIII пребывал в изоляции в Испании, где скончался в 1424 г. Его «наследник» Климент VIII отрекся от престола 26 июля 1429 г. Избранного всего одним кардиналом Бенедикта XIV, о котором мало что было известно, никто в расчет не принимал. Таким образом, на момент процесса над Жанной д'Арк весь христианский мир признавал одного-единственного папу, и вопрос судей являлся ловушкой для обвиняемой.

³⁴⁸ РС, 1, 98—101 = МФ, 139—141.

биралась ли она превратить свои доспехи, преподнесенные ею церкви Сен-Дени, в объект поклонения³⁴⁹.

Что же касается прочих вопросов, так или иначе имеющих отношение к проблеме веры, то здесь, как мне кажется, судьи не придерживались какой-то особо строгой схемы и вели допросы достаточно беспорядочно. Тем не менее, следует отметить следующие важные темы: расспросы о прыжке из башни замка Бореувар, рассматриваемом как попытка самоубийства (3 и 13 марта)³⁵⁰; вопрос о возможном богохульстве (следствие интересовало, не поносила ли Жанна имя Господа после неудачного падения, а также во время боевых действий и в руанской тюрьме), который поднимался на заседаниях 3 и 14 марта³⁵¹; вопрос о штурме Парижа, недопустимом, с точки зрения судей, в праздник Рождества Богородицы (22 февраля и 13 марта)³⁵²; сюжеты, связанные с намеренным пролитием крови, недостойным истинного христианина: об отказе от перемирия с капитаном Жарго (27 февраля)³⁵³, о смертном приговоре, вынесенном военнопленному Франке из Арраса (14 марта)³⁵⁴, о ненависти к врагам (17 марта)³⁵⁵; наконец, вопрос об отъезде Жанны из отчего дома без согласия родителей, т.е. о нарушении дочернего долга³⁵⁶. Даже такому важному моменту, как ношение Жанной мужского костюма, не было выделено в ходе следствия специального заседания: вопросы о нем задавались 22, 24 и 27 февраля, а также 3, 12, 15 и 17 марта³⁵⁷.

Впрочем, ни один из перечисленных выше сюжетов не мог сам по себе перерасти в полноценное обвинение. Проступки, приписываемые Жанне д'Арк, — попытка самоубийства, презрение к нормам военного времени, богохульство, нарушение библейского запрета на ношение женщиной мужской одежды и прочее — являлись всего лишь грехами, но не преступлениями «против веры». Об этом прекрасно знали руанские судьи, поскольку сами в ходе допросов так называли якобы

³⁴⁹РС, 1, 170—171 = MF, 193—195.

³⁵⁰РС, 1, 108, 143—145 = MF, 147, 171—175.

³⁵¹РС, 1, 108, 150 = MF, 147, 177.

³⁵²РС, 1, 53—54, 141—142 = MF, 97, 169—171. В связи с вопросом о недопустимости ведения военных действий в дни церковных праздников следует заметить, что английские войска также не соблюдали данное правило. Во время осады Орлеана бомбардировки города не прекращались ни в праздничные, (например, 6 января, на Богоявление), ни в воскресные дни. Исключение было сделано лишь для Пасхи: *Michaud-Frèjaville F. Merveille, miracle, faits d'armes: le siège d'Orléans (octobre 1428 — mai 1429) // Religions et histoire. 2009. № 25. P. 22—27.*

³⁵³РС, 1, 79. Этот вопрос отсутствует в тексте «минуты»: MF, 121.

³⁵⁴РС, 1, 150 = MF, 177.

³⁵⁵РС, 1, 169—170 = MF, 193.

³⁵⁶РС, 1, 124 = MF, 159.

³⁵⁷РС, 1, 50, 67, 75, 93—95, 127—128, 156—158, 167—169 = MF, 95, 109, 135—137, 161, 183, 191—193.

совершенные девушкой действия³⁵⁸, которые никак не соответствовали принятой в папском законодательстве градации деликтов, подпадающих под юрисдикцию Инквизиции³⁵⁹. Единственным (если не считать приверженности схизме и поощрения идолопоклонничества), действительно чрезвычайно важным вопросом, грозящим обвинением в ереси, следует назвать спор, возникший у обвиняемой с судьями относительно ее подчинения воинствующей церкви.

Неподчинение католической церкви, папе римскому и прелатам, а также отказ от следования догматам христианской веры, включавшим почитание Бога-Отца, Сына и Святого Духа, блаженной Девы Марии, таинства Воплощения, Страстей Христовых, Воскресения, Вознесения, таинства святого крещения, истинного покаяния, евхаристии и таинства брака, являлись, с точки зрения средневековых теологов и инквизиторов, общим местом всех без исключения еретических течений: будь то катары, вальденсы, апостольские братья или бегины³⁶⁰. Отношение к церкви Жанны д'Арк стало предметом специального рассмотрения во второй части процесса, проходившей в тюрьме. Однако, как мне представляется, весь ход следствия способствовал возникновению этого вопроса.

Необходимо отметить, что важной особенностью допросов девушки являлось ее регулярное нежелание давать какие бы то ни было показания по интересовавшим судей сюжетам. При этом 97 подобных отказов оказались переданы в материалах дела в форме прямой речи, что лишней раз подчеркивало их совершенно особую роль³⁶¹. Подобные «ответы» были сформулированы по-разному, но смысл их от этого не менялся. Жанна могла просто отказаться говорить на заданную тему: «Я вам не скажу», «Это не касается вашего процесса», «Я ничего не знаю об этом», «Я не помню», «Я не знаю, что вам еще сказать», «Переходите к следующему вопросу»³⁶². Она могла попросить об отсрочке (чтобы за-

³⁵⁸См., к примеру: “Interrogata utrum credit quod ipsa deliquisset vel peccasset mortaliter capiendo vestem muliebrem” (PC, 95 = MF, 137); “Interrogata utrum sit peccatum mortale recipere unum hominem ad reddicionem et facere ipsum mori prisionarium” (PC, 1, 150 = MF, 177). Подробнее см.: *Kelly H.A. Saint Joan and Confession: Internal and External Forum // Joan of Arc and Spirituality*. P. 69—70.

³⁵⁹Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns. S. 4—5.

³⁶⁰*Gui B. Op. cit.* Т. 1. P. 24, 26 (катары); 38—42, 54—56, 60—62 (вальденсы); 86—88 (апостольские братья); 110, 130 (бегины). Та же особенность отмечалась в ходе процессов против вальденсов во Фрайбурге в начале XV в.: *Quellen zur Geschichte der Waldenser*. S. 354, 382.

³⁶¹Подробнее об особенностях использования и о значении прямой речи в материалах дела Жанны д'Арк: *Тогоева О.И. «Уповаю на Него и не боюсь...»*.

³⁶²“Ego non dicam hoc vobis” (PC, 1, 52, 59 = MF, 97), “Hoc non est de processu vestro” (PC, 1, 70, 85, 92 = MF, 109, 126, 133), “Ego nihil scio de hoc” (PC, 1, 84, 85, 87 = MF, 124, 131), “Ego non recorder” (PC, 1, 93, 94 = MF, 135), “Ego nescirem vobis aliud quid dicere” (PC, 1, 330 = MF, 235), “Transeatis ultra” (PC, 1, 52, 53, 57 = MF, 97, 99).

тем никогда больше не возвращаться к тому или иному интересовавшему судей сюжету): «Дайте мне 15 дней, и я отвечу», «Вы пока не получите моего ответа», «Спросите меня через три месяца, тогда я отвечу»³⁶³. Она также могла ответить вопросом на вопрос: «Если голоса запрещают мне [отвечать], что вы можете с этим поделать?», «А я должна вам ответить?», «Вы будете довольны, если я нарушу клятву, [ответив на вопрос]?»³⁶⁴.

К отказам давать показания следует, как мне кажется, отнести еще одну группу «ответов» обвиняемой: пословицы, присловья, поговорки и афоризмы, часто также оставленные в тексте протокола в форме прямой речи. Несмотря на то, что эти клишированные выражения хорошо известны ученым и давно изучены ими на материале других средневековых текстов, специалисты по истории Жанны д'Арк никогда, насколько можно судить, не обращали внимания на эти весьма специфические высказывания французской героини. Так, анализируя ее рассказ о встрече с Робером Бодрикуром зимой 1429 г., Франсуаза Мишо-Фрежавиль указывала на то обстоятельство, что капитан Вокюлера обращался к девушке на «ты». На основании фразы «Иди, иди, и будь что будет»³⁶⁵, переданной в протоколе в форме прямой речи, исследовательница делала вывод о том, что Бодрикур, не осознавая, с кем имеет дело, избрал для общения с Жанной покровительственный, уничижительный тон³⁶⁶. Однако, то, что выражение «будь что будет» представляло собой присловье, известное во Франции по крайней мере с 1370-х гг.³⁶⁷, делает это заключение не слишком обоснованным именно потому, что оно отсылало к клишированным, т.е. неизменным формам, не содержащим никакого личностного начала.

То же самое можно сказать и о «собственных» словах Жанны д'Арк, оставленных без изменений в тексте протокола. Например, на вопрос, в каком году французы победят в войне англичан, Жанна заявила: «Вы сейчас этого не узнаете. Но я хотела бы, чтобы это произошло до дня св.

³⁶³“Detis michi dilacionem XV dierum et ego de hoc vobis respondebo” (PC, 1, 60), “Vos non hoc habebitis adhuc” (PC, 1, 62 = MF, 105), “Loquamini mecum infra tres menses; ego de hoc respondebo vobis” (PC, 1, 86 = MF, 126).

³⁶⁴“Si vox prohibuerit michi, quid inde vultis vos dicere?” (PC, 1, 60), “Ego vobis habeo hoc dicere?” (PC, 1, 61 = MF, 103), “Essetis vos contenti quod ego incurrerem pariurium?” (PC, 1, 133 = MF, 163).

³⁶⁵“Dixitque idem Robertus ipsi Iohanne: Vade, — dum recederet ab eo, — vade, et quod inde poterit venire, veniat” (PC, 1, 50 = MF, 95).

³⁶⁶Michaud-Fréjaville F. “Va, va fille de Dieu”. De l’usage du “tu” et du “vous” dans les sources concernant Jeanne d’Arc (1430—1456) // Cahiers de Recherches Médiévales. 2005. № 12. P. 157—169.

³⁶⁷Hassell J.W.Jr. Middle French Proverbs, Sentences, and Proverbial Phrases. Toronto, 1982. A 35.

Иоанна»³⁶⁸. Данную фразу можно было бы счесть вполне обстоятельным ответом, если не знать, что выражение «должно произойти до дня св. Иоанна» являлось клишированным³⁶⁹. Это была поговорка, в самую последнюю очередь способная дать слушателям представление о точном времени какого-либо события. Точно так же не давала ответа на вопрос, участвовала ли Жанна в сражениях без разрешения Свыше, и поговорка «На Бога надейся, а сам не плошай»³⁷⁰. Или афористичное высказывание «Если вы хотите, чтобы я рассказала вам все, что я знаю, лучше пережёйте мне горло» — в ответ на вопрос, видела ли обвиняемая лица святых, являвшихся к ней³⁷¹. Или еще более образное, но от того не менее туманное заявление «Когда копыя сломаны, делают новые» — в ответ на вопрос, часто ли обновлялось ее оружие во время военных действий³⁷².

Как мне представляется, подобные высказывания Жанны следует классифицировать не как ответы на конкретные вопросы, но как более или менее завуалированные отказы давать показания в суде. На основании этих высказываний невозможно было сделать вывод о том, что конкретно имела в виду обвиняемая: присловья и поговорки, использованные ею, предполагали множество интерпретаций в рамках некоторого заданного числа значений³⁷³. Иными словами, Жанна «пряталась» за клишированными выражениями, не раскрывая собственного мнения по тому или иному интересовавшему судей, но, возможно, казавшемуся ей самой опасным вопросу. Она апеллировала к авторитетному суждению, к некоей народной мудрости, которая помогала ей выйти из сложных ситуаций, ответить на поставленный вопрос, не говоря при этом ничего важного.

Судьям был вполне ясен предпринятый Жанной обходной маневр: не случайно кое-где в материалах дела остались их пометки: «как говорится...», «согласно французской поговорке...»³⁷⁴. Их внимание к этим

³⁶⁸“Vos non habebitis adhuc; bene tamen vellem quod hoc esset ante festum beati Iohannis” (PC, 1, 83 = MF, 124).

³⁶⁹Hassell J.W.Jr. Op. cit. S 92; *Le Roux de Lincy A.* Livre des proverbes français précédé de recherches historiques sur les proverbes français et leur emploi dans la littérature du Moyen Age et de la Renaissance. P., 1859. T. 1. P. 123.

³⁷⁰“Pro sciendo si Deus esset contentus, allegans illud proverbium in gallico vulgatum: Aide toy, Dieu te aidera” (PC, 1, 156 = MF, 181). Cp.: Hassell J.W.Jr. Op. cit. A 46.

³⁷¹“Et de dicendo totum illud quod scio, ego prediligerem quod michi faceretis abscindi collum” (PC, 1, 91 = MF, 133).

³⁷²“Ego nescio. Quando lancee erant rupte, fiebant novi” (PC, 1, 96 = MF, 137).

³⁷³Пермяков Г.Л. Система логической трансформации пословиц // Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988. С. 11—33; Жигарина Е.Е. Функциональный характер и вариативность пословиц в современном бытовании // Летняя школа по типологии фольклора (<http://www.ruthenia.ru/folklore/zhigarina1.htm>).

³⁷⁴См., например: “Pro sciendo si Deus esset contentus, allegans illud proverbium in gallico vulgatum: Aide toy, Dieu te aidera” (PC, 1, 156 = MF, 181, разрядка моя — О.Т.).

формам ответов было, на мой взгляд, связано прежде всего с тем, что для Инквизиции присутствие в показаниях обвиняемых «софизмов, двусмысленностей, отговорок, слов с двойным значением», использование «хитрости и обмана», «ответов вопросом на вопрос», «вкладывание в слова иного смысла, чем подразумевает судья» являлось первым признаком того, что перед ними — настоящий еретик³⁷⁵. Таким образом, уже сама манера Жанны давать показания могла навести на нее подозрения в приверженности некоему еретическому учению.

Особый, однако, интерес, с моей точки зрения, представляет регулярно повторявшееся на протяжении всех допросов выражение «Уповаю на Господа»³⁷⁶. Часто это было единственное, что обвиняемая говорила по тому или иному поводу: даже в форме прямой речи в протоколе сохранилось 20 таких высказываний. Все эти ответы были даны на вопросы, касавшиеся исключительно взаимоотношений девушки с небесными силами. Судьи спрашивали Жанну, как говорили с ней ее «голоса», если у них не было тела; может ли она совершить смертный грех; являлись бы к ней святые, если бы она вышла замуж; поступила ли она правильно, облачившись в мужской костюм; что она думает о своих откровениях³⁷⁷.

На первый взгляд, выражение «Уповаю на Господа» являлось еще одним способом уйти от дачи показаний: слишком сложные вопросы задавались Жанне, чтобы она могла попытаться ответить на них самостоятельно, — и она «пряталась» за удобной формулировкой, в который раз отсылая своих судей к более авторитетному мнению. И все же на этот раз речь шла не о народной мудрости, воплотившейся в пословицах и поговорках, но о прямом заимствовании из библейского текста — из «Книги Исаяи», достаточно хорошо известной в средние века: «Вот,

³⁷⁵“Notandum est itaque quod heretici...recurrunt ad sophisma et duplicitates et fugas verborum, ne deprehendantur in suis erroribus” (*Gui B. Op. cit. T. 1. P. 72*). См. также: *Ibid. P. 74, 178*. Сюда же следует отнести и категорический отказ приносить в суде клятву, чем также отличались еретики: *Gui B. Op. cit. T. 1. P. 18, 38, 92, 178*. В этой связи любопытно отметить, что каждое заседание на процессе в Руане начиналось с отказа Жанны д’Арк поклясться говорить правду: PC, 1, 38, 44, 69, 80 = MF, 85, 89, 109. На заседании 24 февраля епископ Кошон даже угрожал девушке, что ее немедленно признают виновной, если она не принесет клятву: ‘Postmodum ei diximus quod se redderet suspectam, si non vellet iurare de dicendo veritatem’ (PC, 1, 56 = MF, 99). О клятве в церковном суде см. подробнее: *Esmein A. Le serment des inculpés en droit canonique // Bibliothèque de l’Ecole des Hautes Etudes: Sciences religieuses. P., 1896. Vol. 7. P. 231—248*.

³⁷⁶Например: “Ego me refero ad Deum” (PC, 1, 84 = MF, 124); “Ego me refero ad Deum et non ad alium” (PC, 1, 146 = MF, 172); “De meis factis et dictis, sicut alias ego dixi, ego me expecto et refero ad Dominum Deum” (PC, 1, 342 = MF, 239).

³⁷⁷PC, 1, 84 = MF, 124; PC, 1, 149 = MF, 175; PC, 1, 175 = MF, 197; PC, 1, 344 = MF, 241; PC, 1, 345 = MF, 243.

Бог — спасение мое: уповаю на Него, и не боюсь; ибо Господь — сила моя, и пение мое — Господь; и Он был мне во спасение»³⁷⁸. Думается, что Жанна могла часто слышать это высказывание: либо собственно в церкви, либо в качестве поговорки или присловья, но в любом случае — в виде готового клишированного выражения³⁷⁹. Тем не менее, при всей своей благонадежности и авторитетности именно эти слова, как мне представляется, сыграли с ней злую шутку в самый ответственный момент процесса³⁸⁰.

В рамках дискуссии о церкви, впервые возникшей на повестке дня 15 марта 1431 г., фраза «Уповаю на Господа» обернулась против самой обвиняемой, ибо, согласно средневековой теологии, уповать она должна была не на Бога и его святых (т.е. на торжествующую церковь), но прежде всего на своих судей — как на представителей воинствующей церкви, которой обязана была подчиняться в своих делах и помыслах³⁸¹. Жанна, однако, на протяжении всего процесса не уставала подчеркивать, что всегда действовала исключительно согласно Божьей воле, указаниям, получаемым ею от ее «голосов»³⁸². Впрочем, она, видимо, и не знала о разнице, существующей в христианской эзгегезе между Богом и его представителями на земле: когда судьи в первый раз потребовали от нее подчинения церкви, она отказалась отвечать³⁸³. Поэтому 17 марта следствие было вынуждено вновь вернуться к этому вопросу, однако Жанна решила, что для нее Господь и церковь суть едины и она

³⁷⁸Ис 12:2.

³⁷⁹Ср., однако, поговорку, которую в 1403 г. в одном из своих сочинений использовал Жан Жерсон: «Если ты положишься на Господа, Он все испортит» (*Se tu t'atans a Dieu, Dieu gastera tout*): Hassell J. W. Jr. Op. cit. D 99.

³⁸⁰Не случайно на заседании 14 марта судьи заметили Жанне, что это выражение «очень важно» (*ista responsio est magni ponderis*), на что девушка ответила, что «почитает его за сокровище» (*tenet eam pro uno magno thesauro*): PC, 1, 149 = MF, 175.

³⁸¹О трактовке этой проблемы у средневековых теологов см. прежде всего: Lethel F.-M. La soumission à l'Église militante: un aspect théologique de la condamnation de Jeanne d'Arc // Jeanne d'Arc. Une époque, un rayonnement. P. 181—186; Beaune C. Jeanne d'Arc. P. 330—331; Delaruelle E. Op. cit. P. 386—387.

³⁸²См., к примеру: «Respondit: Totum quod feci est per preceptum Domini» (PC, 1, 75).

³⁸³«Item sibi fuit declarata distincio Ecclesie triumphantis et militantis, et quid erat de ista et de illa; fuitque requisita ut de presenti se submiceret determonacioni Ecclesie, et de hoc quod ipsa fecit et dixit, sive sit bonum, sive sit malum. Respondit: Ego non respondebo vobis aliud de presenti» (PC, 1, 155 = MF, 183). Как отмечал Этьен Деларюэль, доктрина воинствующей церкви была изложена судьями Жанне не в полном объеме. Ей объяснили только существование так называемой юридической церкви (*Eglise juridique*) — властного органа, противопоставленного любой анархии. Эта церковь олицетворялась лишь официалами, но не папой и священниками. Таким образом, сама христианская вера была представлена в данном объяснении не как приобщение к таинству, а как формальное подчинение власти церковных судебных органов: Delaruelle E. Op. cit. P. 386—387.

не видит необходимости проводить между ними различия³⁸⁴. Даже после того, как ей еще раз рассказали о торжествующей и воинствующей церквях, девушка заявила, что «явилась от имени Господа, Богородицы и торжествующей церкви. Именно ей она и подчиняется»³⁸⁵.

Только в самом конце процесса, 24 мая, уяснив для себя, наконец, фундаментальную для христианской эзегезы разницу между этими двумя понятиями, Жанна, что весьма показательно, попыталась исправить допущенную по незнанию ошибку, поменяв формулировку своего любимого высказывания на «Уповаю на Господа и папу»³⁸⁶. Но сделала она это слишком поздно: возможность обвинить девушку в неподчинении воинствующей церкви стала для судей уже совершенно очевидной.

§ 5. *Inquisitio cum promovente*

5.1. 70 статей обвинения

И все же следует отметить, что вопрос о неподчинении воинствующей церкви возник в ходе следствия всего за два дня до полного прекращения допросов и, соответственно, не был, как мне представляется, тщательно проработан. Об этом свидетельствовало предварительное обвинение, выдвинутое против Жанны д'Арк и составленное прокурором трибунала Жаном д'Эстиве³⁸⁷.

Список из 70-ти статей начинался прологом, представлявшим собой краткий перечень преступлений, в которых предполагалось обвинить Жанну д'Арк. Здесь оказались сведены воедино все сюжеты, так или иначе затронутые судьями в предыдущие месяцы, и первое, почетное

³⁸⁴“Respondit: Ego refero me ad Deum qui me misit, ad beatam Mariam et omnes sanctos et sanctas paradisi. Et videtur michi quod unum et idem est de Deo et de Ecclesia, et quod de hoc non debet fieri difficultas. Quare facitis vos de hoc difficultatem?” (PC, 1, 166 = MF, 191).

³⁸⁵“Respondit quod ipsa venit ad regem Francie ex parte Dei, ex parte beate Marie et omnium sanctorum et sanctarum paradisi et Ecclesie victoriose de sursum, ac de precepto eorum; et illi Ecclesie submicat omnia bona facta sua et totum hoc quod fecit et factura est” (PC, 1, 167 = MF, 191).

³⁸⁶“Ego refero me Deo et domino nostro Pape” (PC, 1, 387). Любопытно, что в «По-смертных сведениях», составленных и распространенных епископом Кошоном уже после казни Жанны д'Арк, оказались процитированы якобы собственные слова обвиняемой, отречшейся от всех своих предыдущих показаний и отныне уповающей исключительно на «мать свою, Церковь» или на «людей Церкви»: “Je ne sçay; je m'en actens a ma mere l'Eglise, vel sic: ou a entre vous, qui estes gens d'Eglise” (PC, 1, 420).

³⁸⁷PC, 1, 191—286.

место среди них отводилось колдовству: девушка прежде всего называлась «ведьмой» (*sorceria sive sortilega*)³⁸⁸. Как представляется, именно это обвинение показалось прокурору трибунала наиболее доказанным, поскольку далее в преамбуле он дал ему своеобразную «расшифровку». Под колдовством Жан д'Эстиве подразумевал «предсказания, ложные пророчества, вызов демонов, приверженность суевериям, занятия магическими практиками»³⁸⁹.

Подтверждением и без того вполне детализированного обвинения были призваны стать конкретные статьи из списка прокурора. В них, на мой взгляд, нашлось место всему, что можно было бы назвать колдовством. Д'Эстиве остановился на знаниях, полученных Жанной по наследству от пожилых жительниц Домреми: наведении порчи, умении предсказывать будущее и «других магических искусствах» (статья IV). Он подробно описал собственно запрещенные практики, к которым якобы прибегала в своей жизни обвиняемая: вызов злых духов, поклонение им, следование их советам, заключение с ними договоров (*pacta*), обучение других людей колдовству, предсказание будущего (статья II). Он припомнил Жанне ее рассказ о Дереве Фей, превратив его в место обитания злых духов (*maligni spiritus*), с которыми по ночам танцевали местные жители, а вместе с ними и обвиняемая, поклонявшаяся этим злым духам и оставлявшая им подношения в виде гирлянд (статьи V—VI). Он перечислил все магические, с его точки зрения, амулеты, которыми пользовалась девушка: корень мандрагоры, кольцо, знамя, меч, герб, «различные ткани и значки», которые она носила при себе и «заставляла носить других» (статьи VII, XX, LVIII). Он назвал ее письма «заколдованными» и приписал им те же свойства, что и ее «амулетам» (статьи XXI—XXIV). Он приписал ей даже то, чего не было в предыдущих материалах дела, и то, от чего Жанна категорически отказывалась: профанацию гостии «по наущению дьявола» (*diabolo instigante*), поиск утерянных вещей «при помощи демонов» (*demonum consulendo*) и получение несправедливо нажитого богатства (статьи XIX, XL, LV). Наконец, он обвинил ее в занятиях проституцией, которая так логично сочеталась в сознании людей XV в. с использованием колдовства (статьи VIII—IX, LIV).

Однако, самое большое внимание д'Эстиве уделил двум главным, с его точки зрения, вопросам. Большая группа статей была посвящена

³⁸⁸РС, I, 191.

³⁸⁹«Declaretur sorceria sive sortilega, divinatricis, pseudo prophetissae, malignorum spirituum invocatrix et coniuratrix, superstitiosa et magicis artibus implicita ac insistens» (РС, I, 191). Интересно, что ставя в один ряд ложные пророчества и колдовство, д'Эстиве давал свою трактовку доктрине *discretio spirituum*, в рамках которой шло следствие. С его точки зрения, антиподом истинного пророка, являющегося святым, оказывалась именно ведьма (а не еретичка).

знанию Жанной прошлого, настоящего и ее предсказаниям будущего, в перечень которых вместе с реально произошедшими событиями (снятием осады с Орлеана, коронацией Карла VII в Реймсе, обещанием одержать победу под Парижем) он включил и выдуманные сюжеты: рождение в будущем у Жанны трех сыновей, один из которых станет папой римским, второй — императором, а третий — королем; убийство оставшихся во Франции англичан при помощи колдовства (статьи X, XI, XVII, XXXIII, XXXV, LVII). Второй основной темой списка стали отношения обвиняемой с ее «голосами», в которых прокурор трибунала видел исключительно «злых духов». Об этом свидетельствовала их, подтверждаемая Жанной в ходе допросов, «материальность»: наличие голов, глаз, лица, волос и прочих частей тела, способность говорить и быть видимыми (статьи XXXIV, XXXVI, XLII, XLIII, XLV, XLVIII). С этими духами она постоянно советовалась о своих последующих действиях, без конца вызывая их, и позволяла им собой руководить (статьи L, LXIII). А на то, что «откровения» и «видения», которыми так гордилась обвиняемая, были получены именно от демонов, а не от небесных посланников, указывал, с точки зрения д'Эстиве, тот факт, что девушка отказывалась о них говорить со своими судьями, а также иногда поступала им вопреки (статья XXXI—XXXII, XXXVII—XXXVIII, LX). Только демоны могли передать ей обещание самого дьявола помочь бежать из тюрьмы, если ее не будут хорошо стеречь (статья LVI). Точно так же явление ангела королю, имевшее место в Шиноне, на самом деле было наваждением, насланным дьяволом; либо же это просто был демон, прибегнувший к колдовству (статья LI). Из благодарности за оказанные ей услуги Жанна всячески почитала злых духов, целовала землю, по которой они ходили, обнимала и целовала их, опускаясь перед ними на колени (статья XLIX).

Безусловно, далеко не все частные вопросы, которые задавали Жанне д'Арк и которые были так или иначе связаны с темой колдовства, вошли в список Жана д'Эстиве³⁹⁰. Но и перечисленного вполне хватило бы, чтобы сделать из нее настоящую ведьму: этой теме оказалось посвящено 39 из 64 статей обвинения³⁹¹. Что же касается других престу-

³⁹⁰Так, например, д'Эстиве не стал включать в свой список историю с якобы ожившим младенцем из Ланьи и случай с развратным священником и его сожительницей.

³⁹¹Еще 6 статей списка (статьи I, LXVI-LXX) были традиционно посвящены подтверждению полномочий судей и уверениям в том, что изложенные в списке обвинения, основанные на общественном мнении и собранной информации, являются полностью доказанными, а потому — правдивыми. О формуляре типичного в подобных делах обвинения см.: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 106—110.

плений «против веры», то их список и интерпретация получили у прокурора трибунала некоторые уточнения.

Без изменений осталось обвинение в приверженности схизме, стоявшее в преамбуле списка на втором месте после колдовства³⁹² и по-прежнему опиравшееся на эпизод с перепиской Жанны с графом Арманьяком (статьи XXVI—XXX). Упомянувшееся во вступлении поощрение идолопоклонничества³⁹³ получило в списке прокурора ту же трактовку, что и у сформулировавших это обвинение судей: девушке вменялось в вину соблазнение простых людей, которые поклонялись ей как святой, создавали ее портреты и изображения, почитали ее доспехи, выставленные в Сен-Дени (статьи LII, LIX). В прежнем виде осталась и большая часть «смертных грехов», якобы совершенных Жанной: богохульство (статьи XLVI—XLVII), попытка самоубийства (статьи XLI, LXIV), военные преступления (статьи XVIII, XXXIX, LIII).

Однако, в этот перечень было, как мне представляется, внесено одно важное изменение. Отныне ношение обвиняемой мужского костюма предлагалось рассматривать не просто как грех, но как «прямое нарушение церковных установлений», как преступление, «достойное анафемы»³⁹⁴. По мнению д'Эстиве, категорический отказ Жанны сменить привычное ей одеяние воина на женское платье хотя бы ради присутствия на мессе свидетельствовал о вероотступничестве и неподчинении церкви³⁹⁵. Вне всякого сомнения, на новую трактовку данного обвинения оказали влияние последние слова, сказанные самой обвиняемой по этому поводу: 25 марта в ответ на очередную просьбу своих судей переодеться она заявила, что ее одежда «ничего не изменит в ее душе» и что «это не против Церкви»³⁹⁶. Таким образом Жанна сама спровоцировала появление более развернутого обвинения в неподчинении церкви. Помимо ношения мужского костюма (статьи XII—XVI) и вполне логичных в данном случае общения с Богом напрямую и непосредственного Ему подчинения (статьи LXI, LXV) Жан д'Эстиве отнес сюда же «попрание власти Бога и ангелов», подразумевавшее «присвоение себе статуса ангела» и пророка, своими лживыми предсказаниями завлекшего людей в секту, разрушающую

³⁹²PC, 1, 192.

³⁹³Ibid.

³⁹⁴«Que attribueri precepto Dei, sanctorum angelorum ac etiam sanctarum virginum, est blasphemare Deum et sanctos, subvertire legem Dei, iura canonica violare, sexum muliebrem et eius honestatem scandalizare» (PC, 1, 208).

³⁹⁵«In quo apparet pertinacia eius et induracio in malo, defectus caritatis, inobediencia ad Ecclesiam et divinorum sacramentorum contemptus» (PC, 1, 210).

³⁹⁶«Dicens quod ille habitus non onerabat animam suam et quod ipsum portare non erat contra Ecclesiam» (PC, 1, 183).

единство церкви (статьи XXV, LXII), а также уверенность в собственной безгрешности, обеспечивающей мгновенное попадание в рай после смерти (статья XLIV)³⁹⁷.

И все же — при наличии более полного и тщательнее проработанного обвинения в ереси — Жан д'Эстиве не спешил, как мне кажется, избрать именно его в качестве основного аргумента против Жанны д'Арк. В заключительной LXVI статье своего списка он оставлял данное решение на усмотрение коллег, замечая: «Среди вышеизложенного некоторые [деяния] нарушают Божественные, евангельские, канонические и гражданские установления, а также постановления Вселенских соборов. Некоторые из них относятся к колдовству, некоторые — к прорицательству, некоторые — к суевериям, а некоторые, будь то напрямую или косвенным образом, отдают ересью»³⁹⁸. Иными словами, прокурор трибунала — как и его предшественники — не делал окончательного выбора между колдовством и ересью, предлагая видеть в Жанне и ведьму, и еретичку одновременно.

Та же неясность сохранилась и в 12-ти статьях обвинения, составленных на основании списка д'Эстиве 5 апреля 1431 г.³⁹⁹ для рассылки «экспертам в вопросах веры», призванным высказать собственное мнение о процессе⁴⁰⁰. За исключением статьи I, где были перечислены самые разнообразные ошибочные утверждения, приписываемые обвиняемой (о телесности её «голосов»; их появлении около Дерева Фей, где Жанна с ними якобы разговаривала, воздавала им всяческие почести, получала с их помощью откровения; о приказе «голосов» носить муж-

³⁹⁷ Данное обвинение основывалось на заявлении Жанны д'Арк, сделанном 14 марта, о том, что в конце претерпеваемого ею мученичества (т.е. после пребывания в тюрьме) она попадет прямо в рай. Судей весьма заинтересовал этот ответ, и они уточнили, уверена ли она, что не попадет в ад, и получили утвердительный ответ (PC, 1, 148—149 = MF, 175). Логический вопрос о рае был связан с более ранними показаниями Жанны о том, что она пребывает в состоянии благодати (т.е. не знает за собой никаких грехов, способных помешать ее вечному спасению): PC, 1, 62—63 = MF, 105. Учение о благодати и незамедлительном попадании после смерти в рай было характерно для ереси вальденсов: *Gui B. Op. cit.* T. 1. P. 62; *Quellen zur Geschichte der Waldenser.* S. 315, 335, 338, 375, 377, 591.

³⁹⁸ «Item quod predictorum quedam sunt a iuribus divino, evangelico, canonico et civili devienčia, contra ea et statuta in Conciliis generalibus approbata; quedam sortilega, quedam divinaciones, quedam supersticiones; et quedam formaliter, quedam causative et alias heresim sapiunt» (PC, 1, 283).

³⁹⁹ PC, 1, 290—297. По мнению Пьера Тиссе, 12 статей были составлены Николая Мида, парижским теологом, принимавшим участие в процессе Жанны д'Арк: PC, 3, 121.

⁴⁰⁰ Вынесение окончательного приговора в делах «против веры» должно было в обязательном порядке предваряться сбором мнений у совета экспертов, в который входили священники, светские клирики, юристы и опытные судьи: *Gui B. Op. cit.* T. 2. P. 119, n. 1.

ской костюм и покинуть родителей), проблеме неподчинения церкви (ибо именно «голоса» внушили девушке идею подчиняться только Господу) была здесь посвящена всего одна, XII статья. «Эта женщина, — говорилось в ней, — заявляет и признает, что если Церковь захочет, чтобы она сделала нечто, противоречащее приказу Свыше, она этого не сделает, что бы это ни было. И она отлично знает, что все, о чем говорится в материалах ее дела, было сделано по приказу Господа... И в этих своих свершениях она не желает подчиниться воинствующей церкви или кому бы то ни было в мире, но лишь Господу, нашему господину»⁴⁰¹.

Что же касается прочих обвинений, предложенных Жаном д'Эстиве, то в новом списке сохранились упоминания об имеющих отношение к колдовству письмах Жанны с «магическими» знаками (статья VI) и ее многочисленных предсказаниях (статьи IV, VII), а также о попытке самоубийства (статья VIII) и попадании в рай сразу после смерти (статья IX). Впрочем, с последним обвинением произошли, как кажется, весьма интересные изменения. Если Жан д'Эстиве увязывал проблему попадания Жанны в рай с состоянием благодати, в котором она якобы пребывала, то по мнению автора 12-ти статей, девушка была уверена, что попадет в рай потому, что ранее посвятила свою девственность свв. Екатерине и Маргарите⁴⁰². Однако из того же списка следовало, что эти святые (учитывая их телесность, способность говорить и то почитание, которое оказывала им обвиняемая) суть злые духи (статья XI), что создавало возможность рассматривать вопрос о попадании в рай после смерти в рамках обвинения в колдовстве. Вместе с тем совершенно новое обвинение Жанны в том, что она якобы присвоила себе способность проводить *discretio spirituum*, т.е. распознавать, является ли тот или иной дух добрым или злым, еще раз указывало на ее явное неподчинение церкви (поскольку только представители церкви могли судить, имеет ли человек дар *discretio*)⁴⁰³.

Таким образом, несмотря на всю свою краткость, список обвинений, предложенный автором 12-ти статей, выглядел еще более запутанным,

⁴⁰¹“Item dicta femina dicit et confitetur quod, si Ecclesia vellet quod ipsa faceret aliquid contrarium de precepto quod dicit sibi fuisse factum a Deo, ipsa non faceret illud pro quacunque re, affirmando quod ipsa bene scit quod ea que continentur in suo processu veniunt per preceptum Dei...Neque de hiis se vult referre ad determinacionem Ecclesie militantis aut quemcumque hominem mundi, sed ad solum Deum Dominum nostrum” (PC, 1, 296).

⁴⁰²PC, 1, 295.

⁴⁰³“Et nichilominus firmiter credit quod voces et revelaciones quas habuit per huiusmodi sanctos et sanctas, veniunt a Deo et ex eius ordinacione...adiungendo quod, si malignus spiritus ei appareret, qui se esse sanctus Michaellem fingeret, ipsa bene sciret discernere an esset sanctus Michael an non” (PC, 1, 296).

чем у Жана д'Эстиве⁴⁰⁴. Очевидно, что все перечисленные в нем проступки Жанны д'Арк были направлены «против веры». Но ясно и четко сформулированное обвинение здесь по-прежнему отсутствовало: колдовство и ересь продолжали рассматриваться как два самостоятельных — и в равной степени возможных — основных состава преступления.

5.2. Мнение «экспертов»

Окончательное решение было, таким образом, оставлено на суд «экспертов в вопросах веры» — теологов и правоведов, призванных дать точное определение тому, в чем следовало признать виновной Жанну д'Арк. Однако, эти последние, как мне представляется, не слишком топились высказываться по данному вопросу.

Из 24 отзывов, собранных в Руане и его окрестностях⁴⁰⁵, 15 содержали более или менее завуалированный отказ сформулировать собственное мнение. Наиболее решительно выступил Жиль Дешан, лицензиат гражданского права, канцлер и каноник Руанского собора. В своем письме епископу Кошону он сообщал, что, хотя слова и деяния обвиняемой кажутся ему подозрительными, детальную оценку столь сложного дела он сможет дать только после того, как ознакомится с точкой зрения более опытных людей — докторов права и теологии⁴⁰⁶. Весьма уклончивый ответ был получен судом и от Пьера Минье, Жана Пигаша и Ришара де Груше, бакалавров теологии, ограничившихся констатацией того факта, что любые откровения, полученные от демонов, направлены, безусловно, против веры. Однако, если они на самом деле происходят от Бога и ангелов, сомневаться в них не следует⁴⁰⁷. При этом бакалавры никак не уточнили, что они сами думают о видениях Жанны д'Арк. Точного ответа не дал и Филибер, епископ Кутанса: он прямо заявил, что с самого начала не хотел ничего писать по данному поводу, поскольку не чувствовал себя способным правильно оценить столь запутанный случай⁴⁰⁸. Действительно, с точки зрения епископа, Жанну

⁴⁰⁴На эту его особенность обращал внимание еще Пьер Тиссе: РС, 3, 121—122.

⁴⁰⁵Как указывал в своем письме Жиль, аббат св. Троицы в Фекане, отзывы попросили прислать тех теологов и правоведов, которые находились в то время в Руане: РС, 1, 302. Современные просопографические исследования показывают, что подавляющее большинство участников процесса против Жанны д'Арк не только проживали в городе, но и были родом из него или из его окрестностей: Poirey S. La procédure d'inquisition et son application au procès de Jeanne d'Arc // *De l'hérétique à la sainte*. P. 91—110; *Tabbagh V. Les assesseurs du procès de condamnation de Jeanne d'Arc* // *Ibid.* P. 111—126.

⁴⁰⁶РС, 1, 306.

⁴⁰⁷РС, 1, 323—324.

⁴⁰⁸РС, 1, 318.

одновременно можно было признать и ведьмой (т.е. слабой духом женщиной, одержимой дьяволом), и особой, склонной к ереси, поскольку «ее утверждения кажутся противными католической вере»⁴⁰⁹. Окончательный выбор между двумя обвинениями в этом отклике, таким образом, сделан не был. Еще более осмотрительно поступили авторы следующих 12-ти писем (одно из которых было составлено от имени всего руанского капитула): они предпочли сослаться на решение 22 докторов, лиценциатов и бакалавров теологии, принятое по делу Жанны д'Арк самым первым, 12 апреля 1431 г.⁴¹⁰ Прикрываясь чужим мнением, эти «эксперты» были таким образом избавлены от необходимости высказывать собственное⁴¹¹.

Отзывы еще трех участников, хоть и не содержали отказа сообщить суду собственное мнение по данному делу, оказались крайне скупы на рассуждения: в них отсутствовало даже определение того, кем следует считать обвиняемую. Жан Бассе, лиценциат канонического права и официал Руана, остановился всего на двух, показавшихся ему важными моментах. Он полагал, что откровениям Жанны нельзя верить, поскольку их Божественное происхождение не подтверждено ни чудом, ни Священным Писанием (*per operacionem miraculi vel sacre Scripture testimonium*)⁴¹². Кроме того, он — так же, как Жан д'Эстиве и автор 12-ти статей, — увязывал отказ девушки снять мужской костюм даже ради присутствия на мессе с неподчинением церкви⁴¹³. Однако, какой из всего этого должен был следовать вывод, официал Руана не уточнил. Интересно, что отзыв Бассе оказался слово в слово повторен двумя его подчиненными — адвокатами его суда, Обером Морелем и Жаном

⁴⁰⁹“Feminam huiusmodi extimo habere spiritum subtilem, ad malum pronum, diabolico instinctu agitatum... Videntur quedam contrarie catholice fidei et heretice aut saltim de heresi vehementer suspecte” (PC, 1, 318).

⁴¹⁰PC, 1, 297—300.

⁴¹¹Помимо членов капитула Руана (PC, 1, 311—312) это мнение разделили: Жиль, аббат св. Троицы в Фекане (PC, 1, 302—303); Жак Гедон, доктор теологии, член ордена францисканцев в Руане (PC, 1, 303); Жан Можье и Жан Брийо, лиценциаты канонического права, каноники Руанского собора (PC, 1, 303—305); Николя де Вандре, лиценциат канонического права, архидьякон д'О и каноник Руанского собора (PC, 1, 305); Николя Каваль, Робер Ле Барбье и Жан Альпе, лиценциаты гражданского права, каноники Руанского собора (PC, 1, 307—309); Жан Гарен, доктор декретов, каноник Руанского собора (PC, 1, 310—311); Рауль Руссель, доктор обоих прав, казначей Руанского собора (PC, 1, 322—323).

⁴¹²PC, 1, 301.

⁴¹³“Item quoad dimissionem sui habitus muliebris, si tamen de hoc non habuerit mandatum a Deo, quod non creditur, facit contra honorem et honestatem sexus mulieris ac contra bonos mores. Item et casu premissio in hoc quod non voluit recipere eucharistiam saltem semel in anno, venit expresse contra determonacionem et preceptum Ecclesie” (PC, 1, 301).

Дюшменом⁴¹⁴. Как мне представляется, этот же отклик в качестве образца использовали и непосредственные коллеги Мореля и Дюшмена, 11 адвокатов архиепископского суда Руана: текст в этих документах также совершенно идентичен⁴¹⁵.

Конкретный состав преступлений, в которых можно было бы обвинить Жанну д'Арк, оказался, таким образом, упомянут всего в шести откликах на ее процесс. Дени Гастинель, лицензиат обоих прав, не вдаваясь в какие бы то ни было детали выдвинутых в 12-ти статьях обвинений, объявлял девушку «подозреваемой в преступлениях против веры, заблуждающейся, схизматичкой и еретичкой», «членом секты, поддерживающей лживую и порочную доктрину»⁴¹⁶. Столь же краток был и Жан де Буэзг, доктор теологии, капеллан Фекана: с его точки зрения, Жанна являлась идолопоклонницей, схизматичкой и еретичкой⁴¹⁷. Чуть подробнее высказался по данному поводу Занон, епископ Лизьё. Он упомянул и откровения девушки, которые, с его точки зрения, происходили не от Бога, но от демонов (*demonum illusiones et fallacie*), и ее якобы имевший место отказ от присутствия на мессе, что позволяло ему назвать обвиняемую «схизматичкой и определенно подозреваемой во впадении в ересь»⁴¹⁸. Похожего мнения придерживались также Николя, аббат Жумьежа, и Гийом, аббат Кормейя, доктора декретов⁴¹⁹. Наиболее же подробно процесс Жанны д'Арк оказался рассмотрен всего в двух откликах: в уже упоминавшемся отзыве 22 докторов, лицензиатов и бакалавров теологии и в письме Рауля Ле Соважа, бакалавра теологии. Каждое из утверждений обвиняемой, изложенных в 12-ти статьях, подверглось здесь тщательному анализу, на основании которого и было вынесено окончательное решение. Теологи объявляли Жанну идолопоклонницей, поклоняющейся злым духам, которые она принимала за святых, схизматичкой и «заблуждающейся в вере»⁴²⁰.

Как мне представляется, анализ откликов экспертов свидетельствует, что к середине апреля 1431 г. в деле Жанны д'Арк наметились определенные изменения: ее основное преступление отныне классифицировалось как ересь, колдовство же, напротив, почти полностью ушло на второй план, что противоречило логике допросов девушки и всему

⁴¹⁴РС, 1, 313—314.

⁴¹⁵РС, 1, 314—316.

⁴¹⁶“Materia in se est infecta, suspecta in fide vehementer erronea, scismatica, heretica et perversum dogma, contra bonos, contra determonacionem Ecclesie” (РС, 1, 300).

⁴¹⁷“Ydolatram, scismaticam de unitate, auctoritate et potestate Ecclesie et in heresim lapsam” (РС, 1, 310).

⁴¹⁸“Scismatica est censenda et in fide vehementer suspecta” (РС, 1, 321).

⁴¹⁹РС, 1, 321—322.

⁴²⁰РС, 1, 297—300, 324—327.

предыдущему ходу процесса. Парадоксальность данной ситуации заключалась в том, что практически все приславшие отзывы эксперты присутствовали лично на предшествующих заседаниях⁴²¹, хотя и не являлись собственно судьями Жанны, выступая в роли советников⁴²². Но они слышали вопросы, задававшиеся обвиняемой, а иногда и сами участвовали в допросах. Именно эти вопросы и ответы на них Жанны д'Арк позволяют, как мне кажется, предположить, что изначально речь на процессе шла о колдовстве, воспринимаемом как реальность, о магических практиках, чью достоверность можно было проверить — при помощи свидетелей или вещественных доказательств⁴²³. В качестве последних рассматривались, к примеру, многочисленные «амулеты» обвиняемой: ее кольца, меч, знамя, письма со «знаком креста» вместо подписи. К реальности относились и Дерево Фей в Домреми, и родственницы Жанны, и старухи из ее деревни, якобы передавшие ей свои колдовские знания, а также брат Ришар и Екатерина из Ларошели, в преступных связях с которыми подозревали девушку. О реальности ее колдовства свидетельствовал и тот эффект, который производили ее действия на окружающих: будь то оживший ребенок в Ланьи или соратники Жанны, уверовавшие в ее пророчества и полностью полагавшиеся на них в боевых действиях.

Однако в откликах теологов и правоведов на процесс о реальности обсуждаемых явлений не было сказано ни слова. Напротив, их основным тезисом стало утверждение, что рассказы обвиняемой — не более чем иллюзия. С этой точки зрения, особенный интерес представляет отзыв Рауля Ле Соважа, писавшего, что нельзя доверять никаким словам и действиям Жанны, поскольку того, что она полагала реальностью, на самом деле не существовало. Ее утверждения о «материальности» являвшихся к ней святых он называл «фантастическим обманом и выдумкой»⁴²⁴. Беседы с архангелом Михаилом — «иллюзией, насланной злым духом»⁴²⁵. Откровения и предсказания, которые давала при помощи своих «голосов» обвиняемая, — «выдуманной ложью и хвастовством»⁴²⁶. Объятия и поцелуи, которыми Жанна благодарила святых за помощь, — «фантастическим обманом или иллюзией, на-

⁴²¹Никогда на допросах Жанны не присутствовали лишь четверо экспертов: Жан Можье, Жан де Буэзг, епископ Кутанса Филибер и епископ Лизьё Занон.

⁴²²В соответствии с нормами церковного права, собственно судьями на процессе Жанны д'Арк являлись только епископ Бове Пьер Кошон и вице-инквизитор Франции Жан Ле Метр: РС, 3, 57—63.

⁴²³Отношение к колдовским практикам, приписываемым Жанне д'Арк в ходе следствия, как к реальности отмечал Пьер Тиссе: РС, 3, 100—102.

⁴²⁴“*Fantasticum et fictum mendacium*” (РС, 1, 324).

⁴²⁵“*Forte illusio maligno spiritu*” (РС, 1, 325).

⁴²⁶“*Mendacium adinventum et jactancia*” (РС, 1, 325).

сланной демоном»⁴²⁷. Того же мнения придерживались и 22 теолога, на чей отзыв ссылались все без исключения каноники и члены капитула Руанского собора: «выдумкой или дьявольским наваждением» именовали они видения и откровения девушки, которые, с ее точки зрения, она получала от Бога⁴²⁸. А епископ Лизьё Занон называл их «иллюзиями и обманом демонов, превратившихся в ангелов света»⁴²⁹. Не имея Божественного происхождения и, следовательно, не являясь реальностью, «голоса» и их «откровения», как полагали руанские специалисты по делам веры, давали Жанне ложное представление об окружающем мире, вводили ее в заблуждение, сбивали с пути истинного. А потому абсолютно все ее заявления в ходе следствия можно было с полной уверенностью назвать еретическими, а саму ее — еретичкой.

Причиной столь ясно выраженного противоречия, возникшего между предварительными выводами следствия и мнением экспертов по делам веры⁴³⁰, могло, с моей точки зрения, стать давление, оказанное на представителей местной церкви прибывшими на процесс парижскими теологами, имевшими, как уже было сказано выше, собственное мнение о различии колдовства и ереси⁴³¹. Впрочем, сами эксперты также желали узнать мнение столичных коллег по данному сложному делу: не случайно в некоторых из их отзывов присутствовал настойчивый призыв обратиться в Париж за консультацией⁴³². В полном соответствии с этим требованием 19 мая 1431 г. члены университета прислали епископу Кошону послание, содержащее подробнейший постатейный анализ 12-ти пунктов обвинения⁴³³. В нем оценка убеждений и действий Жанны д'Арк как еретических была доведена до своего логического конца.

С точки зрения парижских теологов, ни о каком телесном (т.е. реальном) контакте с ангелами и святыми, на котором настаивала девушка в своих показаниях, ни о каких откровениях, якобы данных обвиняемой Свыше, не могло идти и речи (статьи I, III, XI). Все это объявлялось «выдуманной ложью», посланной «злыми дьявольскими духами — Бе-

⁴²⁷“*Fantasticum et fictum mendacium vel illusio demonum*” (PC, 1, 326).

⁴²⁸“*Ficciones quasdam humanitus adinventas aut a maligno spiritu processisse*” (PC, 1, 299).

⁴²⁹“*Sint demonum illusiones et fallacie qui se in angelos lucis transfigurant*” (PC, 1, 321).

⁴³⁰На это противоречие в свое время обратил внимание еще Этьен Деларюэль: *Delaruelle E. Op. cit. P. 383.*

⁴³¹См. подробнее: Глава 2. § 2.3. Из 132 представителей церкви, занятых на процессе, только 6 являлись теологами, присланными из Парижа: *Райцес В.И. Жанна д'Арк. С. 181.*

⁴³²PC, 1, 308, 309, 316. Члены капитула Руанского собора желали ознакомиться с отзывом Парижского университета еще до того, как составить о процессе Жанны д'Арк собственное мнение (PC, 1, 311). О том же сообщали аббаты Жумьежа и Кормейя: PC, 1, 32.

⁴³³PC, 1, 358—362.

лиалом, Сатаной и Бегемотом»⁴³⁴, а также «ересью»⁴³⁵. «Знак», якобы данный Жанной дофину Карлу в Шиноне и представлявший собой корону, которую принес сошедший с небес ангел (статья II), также являлся «самонадеянной, тлетворной и опасной выдумкой», не имевшей отношения к действительно произошедшим событиям⁴³⁶. Ношение мужского костюма (статья V) предлагалось считать «оскорблением Господа и Его таинства», ересью, а также нарушением священных законов и церковных предписаний — иными словами, открытым неподчинением как торжествующей, так и воинствующей церкви⁴³⁷. Сюда же были отнесены и следующие статьи (VI—X): военные «преступления» Жанны; неподчинение воле родителей (уход из дома); попытка самоубийства; обет девственности, названный в письме знатоков теологии «опасным обманом»⁴³⁸. Даже заявление Жанны об особой любви Господа к французам был расценено как «нарушение заповеди о любви к ближнему»⁴³⁹. Итог всему сказанному подводила статья XII, в которой Жанна признавалась «схизматичкой, высказывающей дурные мысли о единстве и власти церкви и упорствующей в своих религиозных заблуждениях»⁴⁴⁰. Единственное упоминание о колдовстве уцелело в статье IV, где изначально речь шла о предсказаниях будущего и поисках пропавших вещей: веру в подобные способности Жанны сочли «суеверием»⁴⁴¹.

Таким образом в письме университета практически все без исключения «колдовские» наклонности Жанны, в существовании которых не сомневались изначально ее руанские судьи, получали совершенно иную интерпретацию: отныне они — в полном соответствии с торжественным *Determinatio* 1398 г. и практически дословно повторяя его — рассматривались как иллюзия, выдумки и заблуждения, имя которым ересь. Точка зрения специалистов по каноническому праву (представителей факультета декретов), чьи краткие выводы также были включены в письмо университета, полностью совпадала с мнением теологов⁴⁴².

⁴³⁴“Sunt ficta mendacia, seductoria et pernicioso...a malignis spiritibus et diabolicis, Belihal, Sathan et Behemmoth procedentes” (PC, 1, 361).

⁴³⁵“Insuper, in comparacione quam facit, male credit et errat in fide” (PC, 1, 361).

⁴³⁶“Est mendacium presumptuosum, seductorium, perniciosum et fictum” (PC, 1, 361).

⁴³⁷“Est blasphema in Deum et contemprix Dei in suis sacramentis, legis divine ac sacre doctrine ac sanccionum ecclesiasticarum prevaricatrix, male sapiens et errans in fide” (PC, 1, 361).

⁴³⁸“Presumptuosa ac temeraria assertio ac mendacium perniciosum” (PC, 1, 362).

⁴³⁹“Transgressio precepti de dilectione proximi” (PC, 1, 362).

⁴⁴⁰“Dicta femina est scismatica, male señciens de unitate et auctoritate Ecclesie, apostatrix et hucusque pertinaciter errat in fide” (PC, 1, 362).

⁴⁴¹“In eo continetur supersticio, divinatoria et presumptuosa” (PC, 1, 361).

⁴⁴²“Primo, quod dicta femina est scismatica...Item quod ipsa femina est erronea in fide” (PC, 1, 363).

После получения писем от экспертов на процессе в Руане сложилась, как представляется, крайне непростая ситуация. Судьи Жанны д'Арк с самого начала прекрасно знали, какая перед ними поставлена задача: они обязаны были не просто осудить свою жертву, но и приговорить ее к смерти. То, что Жанна должна была погибнуть, понимали все современники событий⁴⁴³. Ради достижения этой цели было сделано все возможное: тщательно разработанное обвинение в колдовстве, логичное и понятное всем заинтересованным лицам, должно было повлечь за собой смертный приговор, ведь никакого иного наказания за данное преступление не существовало⁴⁴⁴. Однако, парижские теологи поставили своих коллег в сложное положение, по-своему истолковав собранные следствием «доказательства» вины. Ведь обвинение в ереси, на котором они настаивали, далеко не всегда приводило к казни подозреваемого: от еретических воззрений можно было отречься — и тогда смерть на костре заменяли на пожизненное тюремное заключение. На эту возможность указали в своих откликах несколько экспертов по делам веры⁴⁴⁵, ее же использовала сама Жанна д'Арк, 24 мая публично раскаявшись в своих прошлых заблуждениях на кладбище Сен-Уэн⁴⁴⁶. Чтобы все-таки казнить свою опасную пленницу, судьям потребовалось провести второй — пусть и очень короткий — процесс по признанию ее виновной в вероотступничестве⁴⁴⁷.

⁴⁴³Так, неизвестный итальянский купец, узнавший о захвате Жанны в плен и сообщивший об этом происшествии в Венецию 22 июня 1431 г., восклицал: «Пусть Богу будет угодно, чтобы это оказалось неправдой!» (*Chronique d'Antonio Morosini*. P. 356). О намерении руанских судей в обязательном порядке казнить Жанну речь шла и в показаниях свидетелей на процессе реабилитации: PN, 1, 77, 106, 117, 177—178, 185, 192.

⁴⁴⁴*Russell J.B.* A History of Witchcraft. Sorcerers, Heretics, and Pagans. L., 1980. P. 52—53. Способом избежать казни являлось обращение за помилованием к папе римскому — лично или через посредство близких родственников, но Жанна этой возможности была лишена. Пример такого прощения приводит в своем исследовании Ева Майер. В 1477 г. на процессе Жана Пузиу в Во упоминалось, что три года назад он уже обвинялся в колдовстве, но тогда от смерти его спас отец, совершив вместо сына паломничество в Рим и привезя ему оттуда письмо об отпущении грехов (*Maier E.* Op. cit. P. 61—69). Возможно, в этом ключе стоит рассматривать просьбу Жанны отправить материалы ее дела в Рим, в папскую канцелярию (PC, I, 387). Еще одним способом спастись от обвинения в колдовстве и соответствующего наказания был отказ давать показания в суде. Однако, учитывая повсеместное применение пыток на вдовских процессах, подобные случаи оказывались крайне редки. О некоторых счастливых исключениях см.: *Strobino S.* Op. cit.; *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 66—90.

⁴⁴⁵PC, 1, 300—301, 314, 319.

⁴⁴⁶PC, 1, 388—389.

⁴⁴⁷«Contra ipsam Iohannam tanquam contra relapsam esse procedendum secundum quod iuris esset et rationis» (PC, 1, 408).

Как мне представляется, на этом заключительном этапе процесса главную роль сыграл глава трибунала Пьер Кошон. Выпускник университета, в недавнем прошлом его ректор, он расценил отклик столичных теологов как прямое руководство к действию: под его прямым нажимом местные судьи вынуждены были признать обвиняемую еретичкой⁴⁴⁸. Обвинение в колдовстве оказалось забыто, и Жанна д'Арк так и не была официально объявлена ведьмой⁴⁴⁹.

§ 6. «Лживая ведьма» vs. «святая Дева»

Процесс над Жанной д'Арк, завершившийся 30 мая 1431 г., вне всякого сомнения, был крайне важен для всех заинтересованных лиц. Прежде всего, признание девушки виновной в преступлениях против веры и ее последующая казнь оказывались чрезвычайно выгодны для противников французов. Англичане получили возможность прямо обвинять Карла VII в том, что все его военные победы, а также столь важное политическое завоевание, как восшествие на французский престол, были не более чем происками дьявола, чьим орудием выступала «женщина, называвшая себя Девой»⁴⁵⁰. То, что для самих французов являлось справедливым и законным, поскольку совершалось по воле Бога и при помощи Его посланницы, отныне можно было официально рассматривать как нарушение Божественных установлений и узурпацию власти.

Не менее важным оказывался процесс против Жанны д'Арк и для парижских теологов, поскольку он практически впервые (если не считать упомянувшегося выше дела Жана де Бара) позволил им на практике применить свои теоретические выкладки, касавшиеся восприятия колдовства и зафиксированные в *Conclusio* и *Determinatio* 1398 г. Широкая известность, которую получил процесс 1431 г., дала представителям университета возможность познакомиться с собственными взглядами на данную проблему не только центральную светскую власть (прежде

⁴⁴⁸Биография Кошона подробно изложена в: *Neveux F.* Op. cit.; *Favier J.* Pierre Cauchon. Comment on devient le juge de Jeanne d'Arc. P., 2010; *Neveux F.* Le contexte historique des procès de Jeanne d'Arc // De l'hérétique à la sainte. P. 25—377. Пьер Тиссе полагал, что Кошон вынудил своих руанских коллег согласиться с заключением парижских теологов: PC, 3, 127.

⁴⁴⁹“Et nisi dicta Iohanna redeat ad viam veritatis et salutis, censenda est heretica. Et stat cum deliberatione Universitatis studii Parisiensis” (PC, 1, 367).

⁴⁵⁰Валеран де ла Варан передавал впоследствии слова графа Уорика, находившегося в то время в Руане и активно влиявшего на ход процесса, о том, что если они осудят Жанну как ведьму, они обесчестят французского короля: Q, 5, 84. О дискредитации Карла VII как о цели процесса 1431 г., согласно показаниям свидетелей на процессе по реабилитации Жанны д'Арк, см. ниже: Глава 3. § 1.

всего Парижский парламент), но и провинциальных судей. Трактовка колдовства как иллюзии, как вымысла, как заблуждения — иными словами, как ереси — становилась отныне официально принятой во всем Французском королевстве. Не случайно во второй половине XV в. из всех демонологических трактатов здесь получил особую популярность «Молот ведьм», где колдовство рассматривалось сходным образом⁴⁵¹, а в XVI в. на выводы, сделанные парижскими теологами, ссылался в своей «Демонии» Жан Боден⁴⁵².

Однако, наибольшее значение, как мне представляется, процесс 1431 г. имел для дальнейшего развития доктрины *discretio spirituum*, особенно той ее части, которая касалась характеристики человека, объявленного лжепророком. Отныне, с точки зрения французских теологов, его следовало считать еретиком, посягающим на догматы христианской веры и своим учением вводящим в заблуждение окружающих.

Материалы дела Жанны д'Арк в полной мере дают возможность проследить, как шло развитие данной концепции в ходе самого процесса. Действуя в рамках *discretio spirituum*, руанские судьи отталкивались от осознания того факта, что их обвиняемую уже почитают во Франции как святую, что в королевстве начал складываться ее культ, несмотря на отсутствие его официального признания со стороны церкви. Именно об этой опасности предупреждал своих университетских коллег Парижский клирик в «Ответе» Жану Жерсону⁴⁵³. О ней же, буквально цитируя данный текст, писал в статье LII обвинения прокурор трибунала Жан д'Эстиве: «Также Жанна своими выдумками совращала [истинных] католиков, так что многие из них... почитали ее как святую, заказывая в ее честь мессы и молебны... Они считали ее более великой, чем все святые Господа..., они устанавливали ее изображения в соборах и носили их при себе..., как это принято делать с образами святых, канонизированных церковью»⁴⁵⁴. К этому вопросу он возвра-

⁴⁵¹Houdard S. Les sciences du diable: 4 discours sur la sorcellerie, XVe-XVIIe siècles. P., 1992. P. 27—56.

⁴⁵²Boudet J.-P. Les condamnations de la magie. P. 142—143; Тогоева О.И. Узнать врага в лицо. Иерархия ведьм и колдунов в «Демонии» Жана Бодена // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 3. М., 2014. С. 15—38. Подробнее о концепции колдовства у французских демологов XVI в. см.: Глава 4. § 4.

⁴⁵³«Si premissa sub dissimulatione pretereantur, magna incommoda, divisiones, scandala atque pericula maxima contra fidem pararentur, maxime cum jam in multis partibus ymagines sive figuras prefate Puelle elevaverint et venerent, ac si jam esset beatificata» (Valois N. Un nouveau témoignage sur Jeanne d'Arc. P. 179).

⁴⁵⁴«Item ipsa Iohanna in tantum suis adinventionibus catholicum populum seduxit quod multi ... eam adoraverunt ut sanctam..., ordinando in reverenciam eius missas et collectas in ecclesiis; ymo eam dicunt maiorem esse omnibus sanctis Dei..., elevant ymagines et representationes eius in basilicis sanctorum, ac eciam ... representationes ipsius

шался также в статье LIX, указывая, что, оставив доспехи в Сен-Дени, Жанна явно рассчитывала на последующее поклонение им как собственной реликвии⁴⁵⁵, а также в статье LXIII, где сообщал, что обвиняемая вела себя «недостойно святой женщины» (*non decent mulierem sanctam*), поскольку постоянно врала, преступала клятву и противоречила сама себе во время допросов⁴⁵⁶.

Впрочем, как я уже отмечала выше, для д'Эстиве (как, возможно, и для Жерсона) понятие «лжепророк» смыкалось с понятием «ведьма», поскольку под колдовством он понимал не только вызов демонов и занятия магическими практиками, но и ложные предсказания⁴⁵⁷. В этом состояло его отличие от экспертов по делам веры, которым материалы процесса над Жанной д'Арк были направлены для анализа. Исходя из основного для доктрины *discretio spirituum* утверждения о том, что любое откровение, дабы считаться Божественным, должно быть подтверждено чудом или Священным Писанием⁴⁵⁸, эти последние также отмечали, что поступки и слова обвиняемой никак не соответствуют образу жизни истинного пророка, а потому весьма далеки от понятия святости⁴⁵⁹. Однако, квалифицируя «преступления» девушки как ересь, эксперты по делам веры тем самым автоматически проводили знак равенства между этим обвинением и признанием девушки лжепророком. Подобная интерпретация доктрины *discretio spirituum* была идентичной ее трактовке судьями Инквизиции и, таким образом, сближала процесс 1431 г. с процессами против членов «обычных» еретических сект XIII—XIV вв. Именно она оказалась представлена и в официальных письмах, разосланных после казни Жанны д'Арк во все французские города, а также европейским правителям, церковным иерархам и самому папе римскому.

Так, в письме, направленном от имени английского короля императору Сигизмунду 8 июня 1431 г., говорилось о том, что народ Франции

---

super se deferunt, prout de memoriis et representationibus sanctorum per Ecclesiam canonizatorum solet fieri” (PC, 1, 261).

⁴⁵⁵“Item apud Sanctum Dionisium in Francia, dicta Iohanna obtulit et fecit poni in ecclesia...arma sua..., ut honorarentur a populo tanquam reliquie” (PC, 1, 271).

⁴⁵⁶PC, 1, 282. См. также статью XXV, в которой д'Эстиве отмечал, что военные действия, которые вела Жанна, и связанное с ними пролитие крови «совершенно чужды святости» (*quod sanctitati penitus alienum est*): PC, 1, 223.

⁴⁵⁷Подробнее см.: Глава 2, § 5.1.

⁴⁵⁸PC, 1, 301, 313, 315, 320.

⁴⁵⁹“Nec ulla signa mire sanctitatis vel singularis vite michi constituerunt, per que sit presumendum quod Deus spiritum prophetie in hanc mulierem infuderit, in cuius virtute tot miranda opera egerit” (PC, 1, 320); “Quoad revelaciones sibi factas...nobis non videtur prima facie ei insistendum vel credendum nec fides adhiberi, cum non appareat de sanctitate vite aut miraculis” (PC, 1, 322).

излишне легко воспринял новые и крайне опасные верования, распространяемые Жанной, еще до того, как было доказано, что ее утверждения имеют Божественную природу (т.е. прежде, чем была завершена процедура *discretio spirituum*)⁴⁶⁰. Однако истинные католики не должны поддаваться влиянию чьих-то ошибочных фантазий и выдумок, особенно в «последнее время, когда повсюду наблюдается появление многочисленных лжепророков, сеющих заблуждения [среди людей]»⁴⁶¹. В борьбе с ними авторы письма видели главную задачу любого христианского правителя и, с этой точки зрения, расценивали процесс над Жанной д'Арк как чрезвычайно успешную операцию по борьбе за чистоту веры.

Та же позиция была обозначена и в письме, разосланном от имени Генриха VI 28 июня 1431 г. прелатам, герцогам, графам и прочим светским сеньорам королевства, а также французским городам. Жанна, говорилось в нем, отвратила сердца многих людей от истины, заставив уверовать в «сказки и выдумки» и почитать ее как святую⁴⁶². В действительности же процесс, проведенный против нее, подтвердил, что она — одна из тех лжепророков, которые наводнили королевство и с которыми следует бороться всеми силами, дабы истребить «опасный яд ложных верований» (*venin perilleux de faulse creance*)⁴⁶³.

Наконец, в письме Парижского университета папе римскому и его кардиналам речь также шла о ложных пророках, чьи «тлетворные усилия загрязняют святую церковь различными заблуждениями»⁴⁶⁴. Ссылаясь на слова апостола Матфея о лжехристах⁴⁶⁵, авторы утверждали, что «последние времена», о которых упоминалось в Библии, уже наступили: появилось огромное количество «новых пророков», заявляющих о своей Божественной избранности и смущающих умы людей предсказаниями будущего. Их «чужеродные учения» и надлежит контролировать церкви, во всяком случае, пока их носители не пройдут процедуру

⁴⁶⁰“Tandem divina clemencia, miserata plebis sue, quam in novas et admodum periculosas credulitates leviter nimium moveri prospiciebat priusquam si spiritus ille ex Deo esset haberetur comprobatum, prefatam mulierculam in nostras manus nostramque dicionem perduxit” (PC, 1, 423).

⁴⁶¹“Presertim his novissimis temporibus, quibus plurimos pseudo prophetas et errorum disseminatores per varias regiones conspicimus exoriri” (PC, 1, 425—426).

⁴⁶²“Divertit plusieurs cuers d'ommes et de femmes de la voye de verité, et les convertit a fables et mensonges...en se souffrant adouner et reverer de pluseurs comme femme saintifiee” (PC, 1, 426—427).

⁴⁶³PC, 1, 430.

⁴⁶⁴“Ne pseudo prophetarum et reproborum hominum pestiferi conatus Ecclesiam sanctam variis contaminent erroribus” (PC, 1, 433).

⁴⁶⁵PC, 1, 433. Ср.: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Мат. 24:24).

*discretio spirituum*⁴⁶⁶. Именно с этой заботой авторы письма связывали процесс против Жанны, представлявший, с их точки зрения, «впечатляющий пример» (*spectabili exemplo*) того, насколько важнее прислушиваться к церковным наставлениям, нежели к «выдумкам суеверных женщин» (*supersticiosarum mulierum fabulis*)⁴⁶⁷.

Концепция лжепророка как еретика, своими предсказаниями сбивающего окружающих с пути истинного и отвращающего их от Бога, была достаточно внятно, как мне представляется, изложена в рассмотренных выше письмах английских властей и Парижского университета⁴⁶⁸. Однако — и это обстоятельство следует особо подчеркнуть — она не получила какого бы то ни было развития в откликах современников на процесс 1431 г.: даже в тех из них, где приводилась официальная формулировка приговора, она не сопровождалась комментариями самих авторов. Так, например, Клеман де Фокамберг отмечал в своем дневнике: «Жанна, которая называет себя Девой, ... была сожжена в Руане. И на ее колпаке было написано: «Еретичка, вероотступница, идолопоклонница»⁴⁶⁹. Антонио Морозини цитировал в своем дневнике письмо анонимного итальянского купца от 22 июня 1431 г., в котором содержалось в высшей степени вольное описание произошедшего: «Англичане дважды или трижды хотели сжечь ее (Жанну — О.Т.) как еретичку, однако им всякий раз угрожал французский дофин. Несмотря на это, ... на третий раз они ее [все-таки] сожгли»⁴⁷⁰.

Более правдоподобная информация, выдающая знакомство автора с официальными документами, была приведена в хронике Персеваля де Канны, созданной по заказу герцога Алансонского в 1436—1438 гг.: «[Они] допрашивали ее любыми известными им способами, стараясь изо всех сил найти в ее поведении какие бы то ни было признаки ереси: в ее словах о том, что ее откровения (как они утверждали) происходят от Бога, в ее непотребном мужском одеянии, в ее военных

⁴⁶⁶“Pastoralem sollicitudinem obnixius intendere decet ne populos novarum rerum nimium credulos peregrinis aspergant doctrinis, priusquam si spiritus illi ex Deo sint habeatur comprobatum” (PC, 1, 433).

⁴⁶⁷PC, 1, 435.

⁴⁶⁸Еще раз она была повторена в королевском ордонансе от 6—8 июня 1431 г., гарантирующего Гийому Эрау оплату его участия в процессе против Жанны д'Арк: Q, 5, 205—207. Следует при этом отметить, что в следующем по времени ордонансе от 12 июня того же года, гарантирующем выплаты всем парижским теологам, побывавшим в Руане, обвинение было сформулировано в высшей степени нейтрально: «Церковный процесс (*procès ecclésiastique*), который был возбужден против женщины, называвшей себя Жанна Дева»: Q, 5, 208.

⁴⁶⁹*Fauquembergue C. de. Journal / Ed. par A. Tuetey. P., 1903—1915. T. 3. P. 13.*

⁴⁷⁰*Chronique d'Antonio Morosini. P. 348—350.*

кампаниях»⁴⁷¹. Интересно отметить, что сдержанность, с которой де Каньи излагал ставшие ему известными подробности процесса 1431 г., была расценена многими специалистами как враждебное отношение к Жанне д'Арк. Ссылок на его хронику старались избегать, несмотря на то, что она стала практически первым текстом, подробнейшим образом излагающим историю французской героини⁴⁷². В действительности, на мой взгляд, кажущаяся сухость автора была связана лишь с тем, что он цитировал именно официальную версию событий: его близость к дому Алансонов изначально предполагала доброжелательное отношение к Жанне, что подтверждается основным текстом его сочинения, в котором все значимые события военных операций, предпринятых девушкой, все ее собственные поступки и слова расценивались не иначе как чудеса (*merveilles, faits miraculeux*)⁴⁷³. Таким образом, отношение де Каньи к процессу 1431 г. следовало расценивать как сугубо негативное, что, тем не менее, не помешало ему предельно точно передать его суть и основные выводы⁴⁷⁴.

Подобной точности мы не найдем, однако, ни в одном ином отклике на процесс Жанны д'Арк, появившемся в 1430—1440 гг. Французские авторы (например, Жан Шартье⁴⁷⁵ или секретарь Ларошельской ратуши⁴⁷⁶) вовсе обошли данный вопрос молчанием, кратко упомянув лишь о том, что девушка была сожжена в Руане. Нормандский историк Робер Блондель, писавший в период 1450—1456 гг., предпочел закончить свое повествование о деяниях Жанны эпизодом коронации Карла VII

⁴⁷¹“La questionnerent...par toutes les manieres que ilz peuvent et sceurent, desirans, à tous leurs pouvoirs et sçavoirs, de trouver à leur pouvoir en et sur elle aucune maniere d'eresie, tant en ce que ilz disoient quelle se disoit message de Dieu et se tenoit en abit desordonné, vestue en habit d'omme, et chevauchoit armée” (Chroniques de Perceval de Cagny / Publ. par H. Moranvillé. P., 1902. P. 179).

⁴⁷²Moranvillé H. Notice // Chroniques de Perceval de Cagny. P. I—XVIII; Tyl-Labory G. Perceval de Cagny // Dictionnaire des lettres françaises. P. 1128—1129.

⁴⁷³Подробнее об этом см.: Тогоева О.И. Жизнь как чудо. Стилистические особенности первых хроник о Жанне д'Арк // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 163—175. Об использовании концепта чуда в описаниях деяний Жанны д'Арк более позднего времени см. ниже: Глава 3. § 2.3.

⁴⁷⁴На точность в описании событий и удивительную взвешенность оценок де Каньи обращал внимание еще издатель его хроники Анри Моранвилле. Он отмечал, что данное обстоятельство ставит исследователей в трудное положение, поскольку об источниках информации автора не сохранилось никаких данных: Moranvillé H. Op. cit. P. VI—VII, IX—XII.

⁴⁷⁵“La firent ardoir en icelle ville de Rouen publiquement” (Chartier J. Op. cit. T. 1. P. 122).

⁴⁷⁶“La firent ardre en ladite ville de Rouen” (Quicherat J. Relation inédite sur Jeanne d'Arc. P. 344).

в Реймсе⁴⁷⁷. Включившие в текст своих сочинений официальное письмо Генриха VI герцогу Бургундскому хронисты Эберхард Виндеке и Ангерран де Монстреле, тем не менее, никак не прокомментировали этот документ⁴⁷⁸. Даже пробургундски настроенный Парижский горожанин, несмотря на свою прекрасную осведомленность о списке обвинений, выдвинутых против Жанны⁴⁷⁹, не стал приводить в своем «Дневнике» формулировку окончательного приговора⁴⁸⁰. Так же поступил и автор «Хроники францисканцев», имевший сходные политические симпатии и знавший немало подробностей о следствии в Руане, но ограничившийся лишь упоминанием о казни девушки на костре⁴⁸¹.

Замалчивание результатов процесса 1431 г. в целом ряде источников 30—40 гг. XV в. не означало, однако, что современники событий в принципе не давали ему никаких оценок. Напротив, личность Жанны д'Арк, как мне представляется, вызывала у многих из них живейший интерес даже после смерти девушки, хотя интерпретировали они ее действия по-своему. В их откликах, шедших вразрез с позицией официальных церковных и светских властей, обвиняемая по-прежнему представала ведьмой, а не еретичкой. Так, анонимный английский автор, чья хроника была создана около 1432 г., именовал Жанну «лживой ведьмой» (*a false witch*), которую французы почитали как провидицу и даже как «достойную богиню» (*a worthy goddess*)⁴⁸². Анонимный автор нормандской хроники, датирующейся 1439 г., сообщал, что противники видели в ней колдунью, чьи победы были добыты при помощи загово-

⁴⁷⁷ *Blondel R. Reductio Normannie // Oeuvres de Robert Blondel, historien normand du XVe siècle / Ed. par A. Héron. Rouen, 1891. T. 2. P. 204—206.*

⁴⁷⁸ *Lefèvre-Pontalis G. Op. cit. P. 194—209; Chronique d'Enguerran de Monstrelet. T. 4. P. 442—447.*

⁴⁷⁹ Подробности процесса стали известны Парижскому горожанину 9 августа 1431 г. из проповеди Жана Граверана, инквизитора Франции и сторонника англичан, который представил своим прихожанам официальную версию событий: *Journal d'un bourgeois de Paris. P. 297.*

⁴⁸⁰ "Et tantôt elle fut de tous jugée à mourir, et fut liée à une estache...et là fut bientôt estainte" (*Ibid. P. 296—297*).

⁴⁸¹ "Fu arse Jennette la Pucelle à Rouen... Et fu la pourre de son corps gettée par sacqs en la rivière, affin que jamais sorcherie ou mauvaisté on n'en peust faire ne proposer" (*Quicherat J. Supplément aux témoignages contemporains sur Jeanne d'Arc // RH. 1882. T. 19. P. 83*).

⁴⁸² Цит. по: *Wagh W.T. Joan of Arc in English Sources of the Fifteenth Century // Historical Essays in Honor of James Tait / Ed. by J.G. Edwards, V.H. Galbraith, E.F. Jacob. Manchester, 1933. P. 392.* Любопытно отметить, что до 1460-х гг. более или менее подробных английских откликов на процесс 1431 г. не появилось: *Contamine Ph. Naissance d'une historiographie. Le souvenir de Jeanne d'Arc, en France et hors de France, depuis le "procès de son innocence" (1455—1456) jusqu'au début du XVIe siècle // Contamine Ph. De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie. P. 139—162; Curry A. Les Anglais face au procès // De l'hérétique à la sainte. P. 69—87.*

ров, магических танцев и иных запретных практик (*par enchantemens, caraulx ou autrement*)⁴⁸³. На использование девушкой магических, с точки зрения англичан, амулетов (в частности, кольца) указывал и шотландец Уолтер Боуэр, продолжатель «Шотландской хроники» Джона Фордана⁴⁸⁴. Впрочем, даже авторы, хорошо знакомые с подробностями процесса 1431 г., также видели в Жанне д'Арк ведьму.

Именно так рассматривал ее, к примеру, Парижский горожанин, отмечавший ее противодействие судьям на процессе, характерное для «той, что одержима дьяволом»⁴⁸⁵. Влиянию дьявола автор приписывал и отъезд Жанны из отчего дома⁴⁸⁶, что неминуемо, с точки зрения людей Средневековья, вело к превращению любой девушки или женщины в проститутку, а впоследствии и в ведьму⁴⁸⁷. Святых Михаила, Екатерины и Маргариту, якобы являвшихся к его героине и помогавших ей советами, Парижский горожанин рассматривал как демонов, вслед за которыми, по его мнению, Жанну посещал и сам дьявол, «который ужасно боялся выпустить ее из своей власти»⁴⁸⁸. Наконец, он приписывал ей связь с сектой других «ведьм»: Екатерины из Ларошели, Пьеронн Ла Бретонн, верившей в избранность Жанны и казненной в сентябре 1430 г., и ее «сообщницы»⁴⁸⁹. Этой группой, по мнению автора, руководил уже упоминавшийся выше брат Ришар, имевший репутацию колдуна⁴⁹⁰. Любопытно отметить, что мысль о пребывании Жанны в ведовской секте, нашла свое отражение и в «Муравейнике» Иоганна Нидера, который также отмечал ее связь с «двумя женщинами, схваченными в Париже» и признанными одержимыми дьяволом (*maligni spiritus*)⁴⁹¹.

⁴⁸³Q, 4, 344.

⁴⁸⁴Q, 4, 480.

⁴⁸⁵«Celle qui était toute pleine de l'ennemi d'enfer» (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 296). Нежелание отвечать на вопросы судей, как я уже отмечала выше, являлось в XV в. отличительной чертой процессов против ведьм, которым, как считалось, дьявол и его демоны запрещали давать показания, касавшиеся отношений внутри их «секты»: Глава 2. § 4.2.

⁴⁸⁶«Pour ce se départit d'eux accompagnée de l'ennemi d'enfer» (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 298).

⁴⁸⁷Подробнее о связи, существовавшей в представлении людей Средневековья между уходом женщины из дома родителей или мужа, и ее последующим занятием проституцией и колдовством, см.: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 131—135, 151—159.

⁴⁸⁸«Et l'ennemi s'apparut à elle lui quatrième...qui moult avait [grande] paour qu'il ne la perdît, c'est à savoir. Iceux ennemi ou ennemis en la forme de ces trois saints» (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 298).

⁴⁸⁹«Elles étaient quatre, dont trois avaient été prises, c'est à savoir, cette Pucelle, et Péronne et sa compagne, et une qui est avec les Armagnacs, nommée Catherine de la Rochelle» (Ibid. P. 299).

⁴⁹⁰Ibid. P. 300.

⁴⁹¹Nider Johannes. Formicarius. Köln, 1480. Lib. 5. Cap. 8, б.п.

Такие подробности немецкий демонолог, вне всякого сомнения, мог узнать в ходе Базельского собора (1431—1449), куда в составе французской делегации прибыли многие из судей Жанны д'Арк: Нидер сам указал, что его информатором в данном случае являлся Николая Лами, лицензиат теологии, не участвовавший в процессе 1431 г., но бывший в 1429 г. ректором Парижского университета⁴⁹².

От участников собора черпал сведения для своего «Защитника дам» и Мартин Ле Франк⁴⁹³. Тем не менее, его интерпретация официального приговора, вынесенного Жанне д'Арк, весьма отличалась, на мой взгляд, от общепринятой, а потому заслуживает особого внимания. Ле Франк полагал, что англичане осудили девушку за занятия некромантией (*l'art nigromantique*) — одной из разновидностей колдовства, хорошо известной в XV в., суть которой состояла в вызове демонов, способных указать местонахождение кладов⁴⁹⁴. Сложность, однако, заключалась в том, что некромантия, с точки зрения всех без исключения средневековых авторов, всегда была уделом исключительно мужчин, на долю женщин оставались обычные магические практики⁴⁹⁵. В рамках этой традиции рассматривал некромантию и Мартин Ле Франк: вспоминая о процессе над одним из соратников Жанны, Жилем ле Ре, состоявшемся в 1440 г.⁴⁹⁶, он отмечал, что тот, вступив в поисках богатства и славы в сговор с дьяволом, уподобился ученым мужам из Толедо, где процветало изучение алхимии и некромантии⁴⁹⁷. Он пояснял, что дьяволу всегда было проще соблазнить своими посулами образованных мужчин, а не неграмотных женщин⁴⁹⁸, которым приходилось довольствоваться «порочным колдовством» (*arts et sorceryes perverses*): детоубийством, антропофагией, насыланием порчи и болезней⁴⁹⁹. Таким образом, некромантия и

⁴⁹²“Et prout a magistro Nicolao Amici, licentiate in theologia audivi qui ambasiator fuit universitatis parisiensis” (Ibid.).

⁴⁹³Подробнее о том, какое место на Базельском соборе заняло обсуждение проблемы колдовства и как шел обмен информацией, см.: *Sudmann S.* Das Basler Konzil 1431—1449 // *Lexikon zur Geschichte der Hexenverfolgung* / Hrsg. von G. Gersmann, K. Moeller, J.-M. Schmidt. 2007 (http://www.historicum.net/no_cache/persistent/artikel/5514/), там же — обширный список литературы).

⁴⁹⁴*Le Franc M.* Op. cit. T. IV. V. 16889—16892. О понимании некромантии в средние века см., в частности: *Sallmann J.-M.* Chercheurs de trésors et jeteuses de sorts. La quête du surnaturel à Naples au XVIe siècle. P., 1986; *Boudet J.-P.* La genèse médiévale. P. 38—40.

⁴⁹⁵*Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 210—211.

⁴⁹⁶Подробнее см.: Там же. С. 182—221.

⁴⁹⁷*Le Franc M.* Op. cit. T. IV. V. 18177—18184.

⁴⁹⁸“Le dyable scet enchanter / L'omme biaucop plus que la femme” (Ibid. V. 18191—18192).

⁴⁹⁹Ibid. V. 17389—17390, 17393—17424, 17425—17432.

занятия «добрых ведьм» (*bonnes sorcierres*) различались, с точки зрения автора, как по половому, так и по культурному признаку самым радикальным образом. В подобном контексте указание на обвинение в некромантии, якобы выдвинутое в Руане против Жанны д'Арк, должно было, как мне представляется, поставить результаты данного процесса под сомнение. Мартин Ле Франк, располагая точной информацией об обстоятельствах дела, интерпретировал ее по-своему, высказав (причем в весьма остроумной форме) собственное мнение о происшедшем.

Парадоксальное, как кажется, несоответствие проанализированных выше откликов официальному приговору, вынесенному в Руане, можно, на мой взгляд, объяснить не только тем обстоятельством, что для многих людей XV в., не знакомых с теоретическими построениями парижских теологов, колдовство и ересь были и оставались разными по сути преступлениями. Не менее важным оказывалось и понимание собственно отношений, которые, в представлении современников, складывались между ведьмой и дьяволом и которые при ближайшем рассмотрении практически не отличались от связи, устанавливавшейся между святой и Богом. В описаниях подобных «пар» основными становились такие темы как почти интимная близость, возникающая между женщиной и ее «господином» (посвящение своей девственностью Господу в одном случае и сексуальные контакты с дьяволом и его демонами в другом); телесные знаки (стигматы или метки дьявола), полученные в подтверждение собственной избранности; видения и откровения, которыми святая или ведьма делилась с окружающими; их способность творить чудеса (или наводить порчу). К ним в обязательном порядке добавлялся сознательный отказ от обычных социальных связей со стороны той или иной женщины, ее полная и безоговорочная преданность Богу (или дьяволу), оформленная в виде принесенного устно обета или заключенного письменно договора. Иными словами, весь образ жизни той или иной ведьмы как в зеркале отражал образ жизни святой, в описании которого следовало лишь поменять знак «плюс» на «минус»⁵⁰⁰.

⁵⁰⁰См. об этом прежде всего: *Dinzelbacher P. Heilige oder Hexen? Schicksale auffälliger Frauen in Mittelalter und Frühneuzeit. München, 1995.* Петер Динцельбахер специально останавливается в своем исследовании на случае Жанны д'Арк, рассматривая ее как «святую, превратившуюся в ведьму» и помещая в один ряд с Бригиттой Шведской, Доротеей из Монтау и Коломбой из Риети: *Ibid. S. 21—32.* См. также: *Corsi D. Mulieres religiosae e mulieres maleficae nell'ultimo Medioevo // "Non lasciar vivere la malefica". P. 18—42.* Критику концепции Динцельбахера см. в: *Kieckhefer R. The Holy and the Unholy: Sainthood, Witchcraft, and Magic in Late Medieval Europe // Journal of Medieval and Renaissance Studies. 1994. Vol. 24. № 3. P. 355—385.*

Именно эта, существовавшая на протяжении всех средних веков и берущая начало еще в Античности⁵⁰¹ дихотомия святая/ведьма особенно, как мне представляется, четко проявилась в откликах современников на процесс 1431 г. Восприятие Жанны д'Арк как святой, которое возникло на территориях, подвластных Карлу VII, еще в 1429 г., никуда не исчезло и после казни девушки. Напротив, предполагаемая святость французской героини получила теперь более детальное подтверждение в откликах ее сторонников. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что большинство из них выстраивали свои рассказы о Жанне в строгом соответствии с концепцией благочестивого чуда (*miraculum*), понимавшегося как знак Божественной воли⁵⁰². Чудеса, которые совершала девушка (будь то достойное поведение на допросах в Шиноне, освобождение многочисленных французских городов или коронация дофина в Реймсе), становились отныне структурообразующими элементами повествования, усиливая таким образом общее впечатление о героине как об истинной святой⁵⁰³. «Повсюду вплоть до Рима шла молва о том, что она творит чудеса (*miracles*)», — отмечал анонимный автор «Хроники францисканцев»⁵⁰⁴. «Ее слова и поступки казались чудесными (*miraculeux*) всем, кто был рядом с ней», — вторил ему Персеваль де Каньи⁵⁰⁵.

Жанна, как полагали многие из авторов, вела поистине «святую жизнь» (*sainte vie*): она исповедовалась и причащалась каждый день, заставляя следовать своему примеру короля и все его войско, она была чрезвычайно набожна, ограничивала себя в еде и питье и вообще вела очень простую жизнь⁵⁰⁶, ее также всегда сопровождали ангелы, которые превыше всего почитают целомудрие⁵⁰⁷. Секретарь Ларошельской ратуши, уделивший особое внимание данному вопросу, называл свою героиню «святой Девой» (*une sainte Pucelle*). Он приводил историю ее

⁵⁰¹ Об античных истоках данной дихотомии см.: Brown P. *Sorcery, Demons, and the Rise of Christianity: From Late Antiquity into the Middle Ages* // Brown P. *Religion and Society in the Age of St. Augustine*. L., 1976. P. 119—146.

⁵⁰² Луцицкая С.И., Арнаутова Ю.Е. Чудо // *Словарь средневековой культуры*. С. 575—578.

⁵⁰³ Подробнее о данном стилистическом приеме, характерном для откликов на деяния Жанны д'Арк, созданных именно в 30—40 гг. XV в., см. ниже: Глава 3. § 2.3.

⁵⁰⁴ *Quicherat J. Supplément aux témoignages*. P. 73.

⁵⁰⁵ *Chroniques de Perceval de Cagny*. P. 179.

⁵⁰⁶ Как писал секретарь Ларошельской ратуши: «Aussi elle se faisoit à confesser chacun jour et recevoit *corpus Domini*, et estoit femme de grande devotion et de sainte vie, et ne buvoit et mangeoit comme rien» (*Quicherat J. Relation inédite*. P. 337). См. также: *Chartier J. Op. cit.* T. 1. P. 88—89.

⁵⁰⁷ «Aussy je croy en bonne foy / Que les anges l'accompaignassent, / Car ilz, comme en Jherosme voy, / Chasteté ayment et embrassent» (*Le Franc M. Op. cit.* T. IV. V. 16913—16916).

встречи с братом Ришаром, «святым человеком (*un saint prud'homme*), францисканцем, к которому все в городе (Труа — О.Т.) и во всей стране испытывали большое доверие»⁵⁰⁸. По мнению автора, именно брат Ришар в проповеди, произнесенной в Труа, первым назвал Жанну «святой девой, которая... знает столько же и имеет такую же силу узнавать секреты Господа, сколько [знает] святой, пребывающий в раю рядом со святым евангелистом Иоанном»⁵⁰⁹.

Столь же подробно останавливался на проблеме святости французской героини и Мартин Ле Франк, с большим сомнением, как я уже отмечала, отнесшийся к официальному приговору, вынесенному девушке в Руане. Сравнивая события ее жизни с историей брата Тома Куэтта, почитавшегося при жизни святым (*saint*), но затем сожженного на костре по обвинению в распространении ереси⁵¹⁰, Ле Франк также именвал Жанну святой (*ceste sainte*)⁵¹¹ и уподоблял ее мученикам, принявшим смерть за истинную веру, первым среди которых был сам Иисус Христос⁵¹². Точно так же Жан Шартье в латинской версии своей хроники уподоблял суд над девушкой суду Анны и Каиафы над Христом⁵¹³.

⁵⁰⁸ *Quicherat J. Relation inédite. P. 342.*

⁵⁰⁹ «Unne sainte pucelle, laquelle... sçavoit autant et avoit aussy grand puissance de sçavoir des secrets de Dieu comme saint qui fust en paradis après saint Jean évangeliste» (Ibid.).

⁵¹⁰ *Le Franc M. Op. cit. T. IV. V. 16841—16848.* О проповедях брата Тома и его репутации святого подробно писал Ангерран де Монстреле: *Chronique d'Enguerran de Monstrelet. T. 4. P. 302—306.* Он же затем изложил в своей «Хронике» обстоятельства ареста знаменитого проповедника в Риме по приказу Евгения IV и суда над ним: *Ibid. T. 5. P. 43—44.*

⁵¹¹ *Le Franc M. Op. cit. T. IV. V. 16867.*

⁵¹² «Cest mal entendu, grosse teste, / Respond Franc Vouloir prestement. / De quants saints faisons nous la feste / Qui morurent honteusement! / Pense a Jhesus premierement / Et puis a ses martirs benoys: / Sy jugeras evidamment / Qu'en ce fait tu ne te congnois» (Ibid. V. 17009—17016).

⁵¹³ «Denique Anglici ipsam Rhotomagum inhumaniter transvehentes absque divini aut humani juris imitacione verum invidiose calumniose ac nequiter sententiatam igni consumpserunt quam non murmurantem seu repudiantem quinymo eorum jussibus nequissimis velut agnus innocens obedientem longediu illudentes et Anna et Cayphas Christum turpissime tractarunt» (BNF. Nouv. acq. lat. 1796, f. 49v). Там же Жан Люксембургский, продавший девушку англичанам, был удостоин от автора сравнения с Иудой, предавшим Христа: «A jamdicto de Lucemburgo extitit (proth dolor!) mancipata quo divulgato regnicole merito corde defleverunt ac extunc ipse de Lucemburgo eam innocentem ad instar Jude Christi traditoris Anglicis emulantibus post longinca carceris torturam venumdari non veritus est» (Ibid., f. 49). Важно отметить, что латинский текст хроники Шартье, охватывающий 1422—1450 гг., был, очевидно, создан еще до процесса по реабилитации Жанны д'Арк: *Samaran C. La chronique latine inédite de Jean Chartier (1422—1450). P., 1928.* Он сохранился всего в одном экземпляре и до сих пор не издан. Подробнее о сравнении Жанны д'Арк с Христом см.: Глава 3. § 3.

Следует сказать, что о мученичестве, которое претерпела Жанна, в этот период писали и другие авторы. В частности, в уже упоминавшемся выше письме, процитированном в дневнике Антонио Морозини, неизвестный автор именно так характеризовал казнь, которой подвергли девушку и перед которой, по его сведениям, к Жанне явилась св. Екатерина, уверившая ее в том, что сразу после смерти она попадет в Рай и присоединится к пребывающим там во славе святым девам⁵¹⁴. Слухи о том, что французскую героиню современники воспринимали не иначе как мученицу (*martyre*), передавал и Парижский горожанин⁵¹⁵, присваивая ей (сам, возможно, того не желая) статус истинной христианской святой⁵¹⁶. Спустя всего несколько лет он уже открыто писал о возможной святости (*saintete*) Жанны, которая, как верили некоторые, позволила ей избежать смерти на костре⁵¹⁷.

Таким образом, распространившиеся в 30—40 гг. XV в. во Французском королевстве и за его пределами истории о святой жизни и не менее святой кончине Жанны д'Арк свидетельствовали, что процесс складывания ее культа, начавшийся еще в 1429 г., успешно продолжился и позднее. Вместе с тем мне представляется важным отметить и то обстоятельство, что парадигмой, в рамках которой складывалось подобное восприятие французской героини, по-прежнему оставалась доктрина *discretio spirituum*. Если допросы в Шиноне и Пуатье, а затем победа под Орлеаном позволили сторонникам Карла VII официально признать девушку истинным пророком, то процесс 1431 г. задействовал те же объяснительные схемы, те же принципы оценки ее личности и ее отношений со Всевышним, хотя и пришел к противоположным выводам. Политический заказ, лежавший в основе руанского процесса, изначально предполагал, что Жанну признают виновной, однако это обстоятельство никак, на мой взгляд, не изменило отношения к ней сторон-

⁵¹⁴Chronique d'Antonio Morosini. P. 352.

⁵¹⁵Journal d'un bourgeois de Paris. P. 297.

⁵¹⁶В данной связи интерес вызывает небольшой текст, дошедший до нас в том же кодексе, что и *Errores haereticorum Waldensium* (подробнее о нем см.: Глава 2. § 2.2) и, очевидно, также датирующийся самым концом XIV в. Этот отрывок был посвящен проблеме организации эффективного допроса членов секты вальденсов, во время которого, в частности, следовало в обязательном порядке расспрашивать подозреваемых о почитании различных групп христианских святых — ангелов, мучеников, проповедников, апостолов, дев и вдов: “Qualis est sanctus ille? angelus, martyr, confessor? apostolus, virgo, vidua?” (Documente vornehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharer. S. 333). Таким образом, если судить по откликам современников, Жанна, вне всякого сомнения, относилась к святым: она была девой и мученицей.

⁵¹⁷Journal d'un bourgeois de Paris. P. 397. Речь в данном пассаже шла о самозванке Клод дез Армуаз, несколько лет подряд выдававшей себя за Жанну д'Арк. См. о ней: Глава 4. § 3.1.

ников Карла VII или нейтральных наблюдателей. Напротив, следствие, проведенное в рамках *discretio spirituum*, лишь подтолкнуло процесс формирования образа святой Жанны д'Арк, о чем свидетельствует его более тщательная проработка в текстах 30—40 гг. XV в. Именно эти отклики, как мне представляется, всего через несколько лет стали отправной точкой для возбуждения процесса по реабилитации французской героини, участники которого, опираясь на ту же, хорошо знакомую им доктрину *discretio spirituum*, приложили максимум усилий для придания образу святой Девы законченной формы и достигли на этом пути впечатляющих результатов.

Так началась вторая жизнь Жанны д'Арк — жизнь после смерти, история активной мифологизации ее личности, долгий процесс примерки к ней различных «масок» и их последующего развенчивания. Процесс, который оказался почти бесконечным...

Глава 3

1456 г.:

«Практически святая»
Жанна д'Арк

§ 1. Этапы и цели процесса по реабилитации 1455—1456 гг.

10 ноября 1449 г. в ворота Руана, оставленного накануне английскими войсками, торжественно въехал Карл VII. До полного освобождения всей Нормандии оставалось еще около года¹, однако уже 15 февраля 1450 г. король Франции, получивший доступ к местным архивам и, как следствие, к материалам процесса над Жанной д'Арк, поручил своему советнику Гийому Буйе, доктору теологии и профессору Парижского университета, провести официальное расследование обстоятельств этого дела и собрать по нему всю доступную информацию². Как полагал Карл, в ходе следствия 1431 г. были допущены «многочисленные ошибки и злоупотребления» (*plusieurs fautes et abus*)³, о которых следовало узнать как из письменных источников, так и от свидетелей⁴.

Буйе сразу же взялся за данное ему поручение⁵. Уже 4—5 марта 1450 г. он опросил в Руане первых семерых свидетелей, среди которых был Гийом Маншон, один из секретарей на процессе 1431 г., составивший вместе с Тома де Курселем официальную латинскую версию всех его материалов. Буйе присовокупил к этим показаниям собственные соображения, касавшиеся дела Жанны д'Арк и вошедшие впоследствии в материалы процесса по ее реабилитации⁶. Однако более никаких действий королевский советник предпринять не успел: следствие было остановлено без объяснения причин. Как полагал Пьер Дюпарк, произошло это потому, что Буйе не смог собрать все необходимые по процедуре документы и, в частности, так и не получил в свои руки собственно материалы процесса 1431 г.⁷ Мне, тем не менее, значительно более важным представляется то обстоятельство, что расследование 1450 г., начатое по указу Карла VII, носило светский характер, тогда как дела о вере, которые рассматривались в суде Инквизиции и к которым, вне всякого сомнения, относился случай Жанны д'Арк, подпадали исключительно под юрисдикцию церкви. Только лично папа римский мог санкциони-

¹ Это произошло после капитуляции английского гарнизона Шербурга 12 августа 1450 г. Подробнее см.: Басовская Н.И. Указ. соч. С. 339—347.

² “Sçavoir la verité dudit procès et la manière comme y a esté procédé” (L'enquête ordonnée par Charles VII, en 1450 et le codicille de Guillaume Bouillé / Texte établi, traduit et annoté par P. Doncoeur et Y. Lanhers. P., 1956. P. 33).

³ Ibid.

⁴ “Aucunes escriptures, procès ou autres choses touchant la matière” (Ibid. P. 35).

⁵ Наиболее подробно основные этапы процесса по реабилитации Жанны д'Арк проанализированы издателем его материалов Пьером Дюпарком: PN, 5, 1—128. См. также: Contamine Ph., Bouzy O., Héлары X. Op. cit. P. 360—395.

⁶ PN, 2, 317—348.

⁷ PN, 5, 7.

ровать пересмотр подобного процесса с тем, чтобы его результаты считались официальными⁸. Вот почему сбор предварительной информации по данному делу был возобновлен уже папским легатом, кардиналом Гийомом д'Этутвилем, прибывшим во Францию в конце 1451 г.

Выступая посланцем Николая V (1447—1455), желавшего укрепления отношений с французским престолом и отмены Буржской Прагматической санкции 1438 г.⁹, д'Этутвиль встретился с Карлом VII в феврале 1452 г., а уже в апреле того же года прибыл в Руан, где возобновил следственные действия. Ему в помощь был направлен Жан Бреаль, инквизитор Франции, кандидатуру которого поддержал сам король. Вместе они составили список из 12 статей, по которым в мае 1452 г. начали лично проводить допросы свидетелей. Однако очень скоро в избранной процедуре произошли существенные изменения: *inquisitio ex officio*, которым руководили сами судьи, было заменено на *inquisitio cum promovente*, при котором главная роль отводилась прокурору как представителю потерпевшей стороны, а также предусматривалось наличие в деле ответчиков. Ставший обвинителем Гийом Превето предложил вместо имевшегося в распоряжении д'Этутвиля и Бреалья списка из 12 статей собственный вопросник, содержащий уже 27 пунктов, и провел по нему допросы 17 свидетелей, показания которых были включены затем в материалы процесса по реабилитации.

Что же касается официального открытия слушаний по делу Жанны д'Арк, то ему предшествовала публикация специального папского рескрипта, датированного 11 июня 1455 г. и зачитанного в Париже в ноябре того же года. Послание Каликста III (1455—1458) формально являлось ответом на прошение семьи д'Арк о назначении судей для проверки материалов процесса 1431 г.: эти обязанности были возложены на Жана Жувенала дез Урсена, архиепископа Реймского, Гийома Шартье, епископа Парижского, и Ришара Оливье, епископа Кутанса. К ним в обязательном порядке должен был присоединиться и представитель Инквизиции, ибо речь шла о следствии по делам веры. На эту должность 17 ноября 1455 г. был назначен уже известный нам Жан Бреаль. Тогда же были определены адвокат семьи д'Арк (им стал Пьер Можье) и прокуроры, которым вменялось в обязанность проводить до-

⁸ Именно поэтому, как справедливо отмечал Пьер Дюпарк, показания свидетелей, собранные в 1450 г., не были включены в материалы процесса по реабилитации: обстоятельства, при которых они были получены, не соответствовали нормам канонического права (PN, 5, 11).

⁹ О Прагматической санкции 1438 г., юридически оформившей значительную независимость галликанской церкви от папства и в определенной мере подчинившей ее королевской власти, см.: Пleshкова С.Л. Французская монархия и церковь (XV-середина XVI в.). М., 1992. С. 25—36.

просы в Париже, Руане и Бове, а также официально оформлены вызовы в суд собственно свидетелей. Однако, и это обстоятельство следует особо подчеркнуть, на заседании (как, впрочем, и в рескрипте Каликста III) не были названы имена конкретных ответчиков по данному делу¹⁰.

12 декабря 1455 г. процесс по реабилитации Жанны д'Арк был торжественно открыт, однако из-за отсутствия ответчиков заседание сразу же было перенесено на 15 декабря. Собравшись в этот день вновь, судебные чиновники заслушали краткое сообщение Пьера Можье об обстоятельствах дела 1431 г. и его выводы о несправедливом характере вынесенного девушке приговора. Затем в производство были приняты материалы обвинительного процесса и информация, собранная в 1452 г. Судьи вновь констатировали отсутствие на заседании ответчиков и установили им новый срок для дачи показаний — 20 декабря. Последней датой в этом списке стало 16 февраля 1456 г., после чего суд официально объявил, что расследование будет проходить в отсутствие обвиняемых (*reputamus et declaramus contumaces*)¹¹, и 17 февраля утвердил список из 101 статьи, по которому предполагалось опрашивать свидетелей и который был подготовлен прокурором трибунала Гийомом Превото¹².

Следует, тем не менее, отметить, что в действительности допросы начались еще до того, как был утвержден данный список. С 28 января по 11 февраля 1456 г. следователи уже провели дознание в Лотарингии, на родине Жанны д'Арк¹³. С 22 февраля до 16 марта следствие прошло в Орлеане¹⁴, затем — в Париже (со 2 апреля по 16 мая) и в Руане (12—14 мая)¹⁵. Последними были получены показания Жана д'Олона, ставшего к тому времени королевским советником и сенешалем Бокэра, которого допросили в Лионе 28 мая 1456 г.¹⁶ Уже 10 мая, не дожидаясь, пока в Руан доставят собранные материалы, в суд вновь были вызваны ответчики по делу: их допрос был намечен на 2 июня 1456 г., перенесен на 4 июня, а затем еще раз — на 9 июня¹⁷. 10 июня суд собрался, дабы официально объявить ответчиков по делу Жанны д'Арк утратившими право на дальнейшие отсрочки и признать их виновными заочно, на

¹⁰ Названными поименно в папском рескрипте (*personas in rescripto nominatas specialiter*) оказались лишь те участники суда над Жанной д'Арк, которые уже умерли к 1455 г.: Жан д'Эстиве, Пьер Кошон и Жан Ле Метр (PN, 1, 19).

¹¹ PN, 1, 156.

¹² PN, 1, 111—150.

¹³ PN, 1, 244—315.

¹⁴ PN, 1, 315—340.

¹⁵ PN, 1, 341—410; PN, 1, 410—473.

¹⁶ PN, 1, 473—488. Рассказ д'Олона не был при этом переведен с французского на латынь, что, как мне представляется, указывает на большую спешку, в которой собирались свидетельские показания.

¹⁷ PN, 1, 492—493, 495, 509—513.

основании неявки на заседание (*in eorum contumacia*)¹⁸. В тот же день семья д'Арк подала прошение (*supplicatione*) о завершении следствия и вынесении окончательного приговора, которое было удовлетворено: заседание назначили на 1 июля¹⁹. К этому моменту в Руане собрались все главные действующие лица процесса: архиепископ Реймский, епископы Парижа и Кутанса. 2 июля они еще раз подтвердили решение, принятое в отношении неявившихся ответчиков, и назначили дату оглашения окончательного приговора по делу²⁰. 7 июля 1456 г. весь ход и результаты процесса 1431 г. были объявлены недействительными (*esse nullos et nullas, invalidos et invalidas, irritas et insanes*)²¹, а обвинения с Жанны д'Арк — официально сняты²².

Характер законченного таким образом следствия 1452—1456 гг. никогда не вызывал сомнений у специалистов: в историографии до сих пор господствует мнение, что единственной целью его участников являлся сбор доказательств того, что процесс 1431 г. был проведен с серьезными правовыми нарушениями, что именно поэтому его признали несостоятельным и аннулировали вынесенный на нем приговор²³.

Действительно, если судить по речи Гийома Прево, прокурора семьи д'Арк, зачитанной 18 декабря 1455 г., дело заключалось именно в процессуальных ошибках (*sententiarum et executionum [iniquitas]*), которые следовало выявить и обнародовать²⁴. Ради этой цели в Руане и Париже были допрошены очевидцы событий 1431 г.: как непосредственно принимавшие в них участие, так и сторонние наблюдатели. Среди них следует прежде всего назвать секретаря трибунала Гийома Маншона (дававшего показания в 1450, 1452 и 1456 гг.), судебного пристава Жана Масье, секретаря архиепископской курии Руана Николя Такеля, а также активных участников обвинительного процесса Жанны д'Арк Пьера Миже, Мартина Лавеню и Жана Ле Февра (все они свидетельствовали как в 1452 г., так и в 1455 г.). Всего по процессуальным вопросам было опрошено 33 человека, на основании по-

¹⁸ PN, 1, 515.

¹⁹ PN, 1, 516.

²⁰ PN, 2, 1—4.

²¹ PN, 2, 610.

²² “Dictamque Johannam, ac ipsos actores et parentes ejusdem, nullam notam infamie seu maculam, occasione premissorum, contraxisse seu incurrisse, immunemque et expurgatam fore et esse” (Ibid.).

²³ Основу для подобной трактовки процесса по реабилитации заложил издатель его материалов Пьер Дюпарк: PN, 5, 11—19, 59—124. См. также: *Duby G. et A. Les procès de Jeanne d'Arc*. P. 1973. P. 297; *Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism*. P. 15; *Contamine Ph. Naissance d'une historiographie*. P. 140; *Winock M. Op. cit.* P. 19—25; *Crane S. The Performance of Self. Ritual, Clothing, and Identity During the Hundred Years War*. Philadelphia, 2002. P. 82; *Pinzino D.M. Joan of Arc and Lex privata: A Spirit of Freedom in the Law // Joan of Arc and Spirituality*. P. 94.

²⁴ PN, 1, 95.

казаний которых судьи смогли составить представление об особенностях процесса 1431 г. и выявить в его ходе отклонения от канонического и светского права²⁵. Все они подробнейшим образом проанализированы Пьером Дюпарком в правовом комментарии к материалам процесса 1455—1456 гг.²⁶, поэтому я ограничусь их достаточно краткой характеристикой.

Процессуальные нарушения, зафиксированные в показаниях свидетелей и в трактатах теологов и юристов, подготовленных специально для реабилитации Жанны д'Арк²⁷, можно условно разделить на три большие группы. Первая из них была посвящена вопросу назначения судей на процессе 1431 г. Основной вывод, к которому пришло следствие 1455—1456 гг., заключался в том, что епископ Бове Пьер Кошон не имел права рассматривать данное дело, поскольку обвиняемая не проживала и не совершала никаких преступлений на территории, подпадающей под его юрисдикцию²⁸. То обстоятельство, что Кошон получил возможность проводить суд в архиепископстве Руанском, было расценено как нарушение церковной процедуры, поскольку это право было дано ему не самим архиепископом (чье место в 1431 г. оставалось вакантным), но всего лишь местным капитулом²⁹. Что же касается второго судьи — Жана Ле Метра — то его участие в процессе также было поставлено под сомнение. В принципе дела подобного уровня должен был расследовать лично

²⁵ Предварительный список этих ошибок был представлен еще в начале процесса адвокатом семьи д'Арк Пьером Можье: PN, 1, 60—62.

²⁶ PN, 5, 59—124.

²⁷ Следует учитывать, что трактаты, вошедшие в материалы процесса по реабилитации, создавались в разное время. Самым первым, в 1450 г., был написан уже упоминавшийся выше трактат Гийома Буйе, который основывался на показаниях лишь тех свидетелей, кого успели опросить в ходе королевского расследования (PN, 2, 317—348). Позднее, в 1452 г., были созданы сочинения Эли де Бурдея, епископа Периго (PN, 2, 40—156) и Тома Базена, епископа Лизьё (PN, 2, 157—219). К 1453 г. относился трактат Робера Цибуля, канцлера собора Парижской Богоматери (PN, 2, 348—400). Эти авторы уже могли использовать сведения, полученные от свидетелей, допрошенных в ходе следствия 1452 г. Наконец, в 1456 г. были написаны трактаты Мартина Берруйе, епископа Манса (PN, 2, 219—257), Жана Бошара, епископа Авранша (PN, 2, 257—265), и Жана де Монтиньи, парижского каноника и советника парламента (PN, 2, 266—317). Итог размышлениям теологов и юристов подводило «Сводное изложение» инквизитора Франции Жана Бреалея (PN, 2, 405—600). Кроме того, в материалы процесса оказался включен трактат Жана Жерсона *De mirabili victoria*, написанный в мае 1429 г. после победы Жанны д'Арк под Орлеаном (PN, 2, 33—39).

²⁸ “Dicebatur quod apprehensa fuerat infra territorium et judicionem suam, et quod de diocesi sua non erat” (PN, 1, 182).

²⁹ По мнению Николя де Упвлия, отказавшегося стать членом суда в 1431 г., дело Жанны д'Арк в принципе не нуждалось ни в каком расследовании, поскольку уже было рассмотрено в Пуатье при участии архиепископа Реймского (*jam fuerat examinata per clerum Pictavensem et per archiepiscopum Remensem*), которому формально подчинялся епископ Бове: PN, 1, 445.

инквизитор Франции. Жан Граверан, тем не менее, отказался приехать в Руан, возложив данную миссию на своего заместителя. Ле Метр не присутствовал на первых допросах Жанны д'Арк, однако главная претензия к нему заключалась в том, что он так и не получил от вышестоящих инстанций писем, удостоверяющих его полномочия в архиепископстве Руанском, что делало его участие в процессе неправомочным³⁰.

Выявленная таким образом некомпетентность судей дополнялась их предвзятым отношением к обвиняемой³¹. Свидетели, опрошенные по данному вопросу, единодушно подтвердили этот факт: они признали, что с самого начала следствие встало на сторону англичан³²; что Кошон зарекомендовал себя как смертельный враг Жанны, более других желавший ее гибели³³; что обвиняемая, будь она сама сторонницей английского короля, вне всякого сомнения, удостоилась бы иной участи³⁴. С этими обстоятельствами оказывалась логично связана и следующая причина, по которой процесс следовало признать недействительным: запрет на отвод судей, выразившийся, в частности, в отказе переслать материалы дела папе римскому, как того требовала, по мнению свидетелей, сама Жанна д'Арк³⁵.

Не меньше претензий было высказано в ходе разбирательства 1455—1456 гг. и к отдельным этапам самого обвинительного процесса 1431 г. Эти недочеты составили вторую группу ошибок, выделенных судьями. Так, в вину Пьеру Кошону и его коллегами вменялось отсутствие предварительной информации по делу, сбор которой, согласно каноническому праву, являлся одним из важнейших элементов следствия, когда речь шла о преступлениях против веры³⁶. Порицания так-

³⁰ Наиболее подробно эти претензии были изложены в «Сводном изложении» Жана Бреалья: PN, 2, 541—544.

³¹ Детальное описание отношения судей к Жанне дал Жан Бреаль: PN, 2, 518—522. См. также: PN, 2, 293—297, 319—347, 399.

³² “Et credit quod iudices et adistentes in processu, procedebant favore Anglicorum, et quod non fuissent ausi eis contradicere” (PN, 1, 219).

³³ В 1452 г. участник процесса 1431 г. Барден де ла Пьер передавал собственные слова Жанны д'Арк, называвшей Кошона своим главным врагом: “Quia estis inimicus meus capitalis” (PN, 1, 186).

³⁴ “Si ipsa Johanna tenuisset partem Anglicorum, non ita rigore processissent contra ipsam Johannam sicut fecerunt” (PN, 1, 181). См. также: PN, 1, 184, 189, 212, 236.

³⁵ “Et cum sibi diceretur quod processus suus mitteretur ad papam ut ipsum iudicaret” (PN, 1, 229). См. также: PN, 1, 186, 189, 201, 223; PN, 2, 166—171.

³⁶ Единственным, кто упомянул о сборе предварительной информации, был Жан Моро, который якобы встречал в Руане «некоего достойного человека» (*quidam notabilis homo*), специально посланного Кошоном в Лотарингию с данной целью (*fuerat commissus specialiter ad faciendum informationes*). Однако, сведения, которые он получил о Жанне в Домреми, епископ счел бесполезными (*iste informationes non videbantur dicto episcopo utiles*), поскольку они свидетельствовали о ее доброй репутации: PN, 1, 462—463.

же заслуживали разнообразные способы запугивания обвиняемой с целью заставить ее дать признательные показания: прямые оскорбления, тяжелые условия содержания в тюрьме, попытка отравления, что чуть было не довело девушку до смерти, угроза пыток³⁷. Очень подробно был также рассмотрен вопрос о несовершеннолетии Жанны: даже при отсутствии точной информации о ее возрасте было совершенно очевидно, что она не достигла 25 лет — времени, когда обвиняемый может обойтись в суде без адвоката или советника по правовым вопросам³⁸. Однако, никакой юридической помощи девушке оказано не было³⁹. Напротив — и в этом состояла еще одна претензия к процессуальной стороне дела — епископ Кошон несколько раз пытался подослать к Жанне своих коллег (в частности, Николая Луазелера и Жана д'Эстиве), выдававших себя за сторонников французского короля и пытавшихся повлиять на ее поведение в суде⁴⁰. Также недопустимым было сочтено участие в процессе неких неизвестных секретарей, которые — в отличие от официально назначенных на эти должности Гийома Маншона и Гийома Коля — «прятались поблизости» («за занавеской», «около окна») и вели собственные записи допросов⁴¹. Условия проведения этих последних были оценены свидетелями как чрезвычайно сложные для обвиняемой: они шли по много часов без перерывов, в разных местах, с постоянной сменой сюжетов, с каверзными вопросами, на которые мало кто из ученых теологов мог бы ответить, в присутствии стражи и английских солдат⁴². Результатом этих допросов стали подложные материалы следствия, ибо свидетели сообщали о многочисленных случаях насильственной редакции текста, о внесении

³⁷ PN, 1, 187—188, 206—207, 349—351, 431—432, 457; PN, 2, 171—174, 304—305, 529—533, 557—559.

³⁸ О предполагаемом возрасте Жанны высказывались практически все свидетели — очевидцы процесса 1431 г. Все они полагали, что девушке на тот момент было «около 19 лет». См., к примеру: PN, 1, 197, 201, 213, 223; PN, 2, 61—62, 177—180, 304, 309, 524.

³⁹ “Durante processu, usque ad conclusionem vel circa, ipsa Johanna non habuit consilium” (PN, 1, 217). См. также: PN, 1, 200, 209; PN, 2, 174—177.

⁴⁰ О визитах к Жанне Николая Луазелера сообщали многие очевидцы процесса 1431 г.: PN, 1, 208, 216, 232, 358, 421, 437—438.

⁴¹ “Et contigit quod duo alii scriptores clam erant prope absconsi, qui in scriptura sua omittebant omnes excusationes” (PN, 1, 183). См. также: PN, 1, 215, 413—414.

⁴² Наиболее полно обрисовал условия, в которых происходили допросы Жанны, Жан Масье: “Et concurrerant interrogatoria difficilia a pluribus; et, priusquam uni responderisset, alius faciebat aliam interrogationem, unde erat male contenta dicendo: “Faciatis unus post alium”. Et mirabatur loquens qualiter poterat respondere interrogationibus subtilibus et captiosis sibi factis; et quod homo litteratus vix bene responderisset” (PN, 1, 208). См. также: PN, 1, 198, 204, 223, 229, 421, 431—432. Та же тема была затронута в трактатах теологов: PN, 2, 175, 294—295, 310, 564—569.

в него исправлений и дополнений⁴³: в частности, первоначальный короткий текст отречения, который Жанна подписала на кладбище Сен-Уэн, был, по мнению очевидцев событий, заменен на совершенно иной вариант, который сама обвиняемая никогда не видела⁴⁴.

Наконец, отдельную группу процессуальных ошибок, выявленных в деле 1431 г., составили вопросы, связанные с вынесением приговора. По мнению большинства теологов и юристов, отсутствие признания в совершении инкриминированных ей преступлений снимало с Жанны д'Арк все обвинения и не давало возможности в принципе вынести окончательное решение по ее делу⁴⁵. Кроме того, в материалах отсутствовал приговор светского суда, согласно которому девушку должны были отправить на смертную казнь после повторного впадения в ересь⁴⁶. Да и содержание собственно церковного приговора вызвало в 1455—1456 гг. серьезные возражения из-за его общей предвзятости, а также из-за неточности отдельных статей обвинения.

Именно для аннуляции этих конкретных статей обвинения, по мнению Пьера Дюпарка, судьям на процессе по реабилитации и понадобились многочисленные и весьма подробные показания свидетелей, в частности, жителей Домреми, родной деревни Жанны д'Арк, и ее военных компаньонов. Однако, французский историк сам признавал, что их рассказы отличали крайняя стереотипность и полное отсутствие сведений по многим важнейшим для следствия вопросам, в частности, по проблеме происхождения «голосов», являвшихся девушке⁴⁷. Они также — по вполне понятным причинам — не могли дать судьям никакой информации по собственно процессуальным ошибкам, допущенным в 1431 г.⁴⁸ Тем не менее, и этот факт до сих пор оставался без какого бы то ни было объяснения, число допрошенных в Лотарингии, Орлеане и Париже свидетелей значительно превосходило число очевидцев суда над Жанной в Руане: 88 против 33 человек.

Что же касается этих последних, то специалисты никогда не могли прояснить вопрос, почему при подготовке реабилитации французской героини не были заслушаны другие свидетели, являвшиеся непосред-

⁴³ PN, 1, 183, 186, 204. В трактатах теологов: PN, 2, 181—187, 311, 391, 544—550.

⁴⁴ “Et bene scit quod illa cedula continebat circiter octo lineas, et non amplius; et scit firmiter quod non erat illa de qua in processu fit mentio, quia aliam ab illa que est inserta in processu legit ipse loquens, et signavit ipsa Johanna” (PN, 1, 433). См. также: PN, 1, 352, 358, 361.

⁴⁵ PN, 2, 56, 122—123, 347—349, 593—594.

⁴⁶ “Nulla fuit data sententia per judicem secularem” (PN, 1, 220). См. также: PN, 1, 210, 218, 224, 236, 242, 439—440. Подробнее см.: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 177—180.

⁴⁷ PN, 5, 93.

⁴⁸ PN, 5, 60.

ственными участниками процесса 1431 г. Например, не дал показаний Жан Ле Метр, вице-инквизитор Франции и второй судья Жанны д'Арк, который был еще жив в 1452 г. Не был допрошен и Рауль Руссель, активный участник обвинительного процесса, по-прежнему проживавший в Руане. Не были получены дополнительные показания Жана Бопера, еще одного участника суда над Жанной, с которым в 1450 г. по поручению Карла VII встречался Гийом Буйе, но которого не стал привлекать к следствию Гийом д'Этутвиль. Если главной целью процесса по реабилитации, как полагали многочисленные исследователи, являлась простая аннуляция приговора, вынесенного Жанне д'Арк, на основе тщательного анализа ошибок, допущенных в ходе следствия, то именно эти люди должны были давать показания в первую очередь.

Не менее интересным мне представляется и тот факт, что трактаты теологов и юристов, созданные специально для реабилитации французской героини, в большей степени оказались посвящены не столько процессуальным моментам, сколько оценке личности самой девушки, для чего авторы выстраивали целые системы библейских аналогий, в соответствии с которыми самым тщательным образом рассматривались ее слова и поступки, но которые, строго говоря, не имели никакого значения для анализа процессуальных ошибок, допущенных в ходе следствия 1431 г.⁴⁹ Кроме того, в специальной литературе никогда, насколько мне известно, не поднимался вопрос, с какой целью в материалы дела был включен трактат Жана Жерсона *De mirabili victoria*, созданный еще в 1429 г., а потому никак не связанный с обвинительным процессом Жанны д'Арк и пересмотром его результатов. Напротив, сочинения двух юристов, Паоло Понтани и Теодора де Лелииса, написанные по заказу кардинала д'Этутвиля и повлиявшие на изменения процедуры следствия в 1452 г.⁵⁰, в эти материалы не вошли, что также не получило удовлетворительного объяснения.

Перечисленные выше вопросы, никогда специально не рассматривавшиеся в современной историографии, тем не менее, как мне представляется, имеют прямое отношение к пониманию смысла и конечной цели процесса 1455—1456 гг. Необходимо также отметить, что они, безусловно, волновали многих читателей на протяжении всех последующих веков: на это, в частности, указывает разнообразие названий, которые давались этому делу в более поздних списках его материалов и в авторских сочинениях.

Как полагал Пьер Дюпарк, единственным возможным вариантом, полностью отражающим суть дела, мог считаться лишь введенный им

⁴⁹ Подробнее этот вопрос рассмотрен ниже: Глава 3. § 3.

⁵⁰ Тексты трактатов были опубликованы только в XIX в.: Lanery d'Arc P. *Mémoires et consultations*. P. 17—71. На них, однако, ссылался в своих сочинениях теологи и юристы на процессе по реабилитации: PN, 2, 159, 183, 219, 258.

самим термин *nullité* (аннуляция)⁵¹. С точки зрения французского ученого, как я уже отмечала выше, реабилитация Жанны д'Арк была процедурой, призванной решить исключительно процессуальные вопросы и аннулировать на их основании обвинительный процесс 1431 г., что автоматически возвращало добрую репутацию французской героине и исключало любые сомнения в легитимности власти Карла VII, получившего корону благодаря ее помощи⁵². Все прочие, возникшие ранее термины Дюпарк по разным причинам отклонил. В частности, понятие *réhabilitation* (реабилитация), знакомое нам по русскоязычной литературе, введенное во Франции в 1841 г. Жюлем Кишра и существующее до сих пор, было признано им некорректным в отношении процесса 1455—1456 гг. потому, что подразумевало восстановление репутации обвиняемого, возвращение ему исходного социального статуса — т.е. светскую по своему характеру процедуру, в позднее Средневековье подразумевавшую обращение к королю как к верховному судье и получение письма о помиловании. На том же основании Дюпарк отказывал в праве на существование и термину *absolution* (оправдание), встречавшемуся в текстах как XV, так и XVIII в.⁵³ и имевшему отношение преимущественно к светскому уголовному праву. Французский исследователь отмечал также несовершенство понятия *révision* (пересмотр дела), использовавшегося применительно к данному процессу в

⁵¹ Следует отметить, тем не менее, что термин *nullité* использовался уже в текстах XVI в. Например, в двух рукописных копиях сочинений Жана дю Тилле, советника Парижского парламента, хранящихся в Российской национальной библиотеке, слушания 1455—1456 гг. названы «аннуляцией» процесса 1431 г.: “Le pape affirma et decida la nullité dudit procès” (*Dutillet J. Recueil des roys de France, composé pour l’usage de Charles IX, roi de France // РНБ. Fr. F. v. IV. 9, f. 144v*); “Cognoistre den nullité et iniquité dudit procès” (*Dutillet J. Recueil de l’Histoire des Royaumes de France et d’Angleterre, contenant les Faits mémorables des Rois, les guerres et les traités de ces Maisons, l’Histoire des grands de France, la Généalogie des Rois, Princes et Princesses, et de plusieurs autres choses remarquables // РНБ. Fr. F. v. IV. 8/2, f. 222v*). Тот же термин был использован и в печатном издании Ж. дю Тилле: “Donnerent leur sentence de la nullité des proces et condempnations de ladite deffunte” (*Tillet J. du. Les mémoires et recherches...contenans plusieurs choses mémorables pour l’intelligence de l’estat des affaires de France. Rouen, 1578. P. 126*).

⁵² PN, 5, 16—19. О политическом характере дела, возбужденного против Жанны д'Арк, и о намерении руанских судей и стоявших за ними англичан опорочить таким образом самого Карла VII говорили на процессе по реабилитации многие свидетели: PN, 1, 183—184, 185, 225.

⁵³ См., к примеру, копию процесса по реабилитации Жанны д'Арк, созданную во второй половине XV в.: “Hic est initium libri absolutionis”, “Finis libri absolutionis Johanne Darc dicte vulgariter la Pucelle” (BNF. Ms. lat. 8838, f. 111, 261). См. также: *L’Averdy C.-C.-F. de. Notice du procès de révision et d’absolution de Jeanne d’Arc // Notices et extraits de la Bibliothèque du roi. P., 1790. T. 3. P. 1—533*.

XVI—XVIII вв.⁵⁴, поскольку в средневековом каноническом праве подобной практики не существовало. Что же касается понятия *justification* (оправдание)⁵⁵, то оно имело, по мнению Дюпарка, скорее моральное, нежели правовое содержание⁵⁶.

Подробным образом проанализировав юридическую несостоятельность предложенных его предшественниками терминов, Пьер Дюпарк, тем не менее, никак не объяснил сам факт их возникновения. Сугубо правовой подход к процессу 1455—1456 гг., как мне представляется, помешал ему взглянуть на проблему реабилитации Жанны д'Арк чуть шире. Ведь существование на протяжении долгого времени разных названий этого дела указывало прежде всего не на юридическую неграмотность предлагавших их авторов (как полагал французский исследователь), но на их сомнения, на попытки осмыслить всю сложность данного судебного казуса, на двойственность характера последнего⁵⁷. Преобладание среди свидетелей жителей Лотарингии и военных соратников Жанны, отсутствие показаний некоторых важнейших участников обвинительного процесса, внимание теологов и юристов преимущественно к личности героини, использование трактата Жана Жерсона — все это говорило о том, что процесс 1455—1456 гг. преследовал, вероятно, несколько различных целей. Безусловно, одной из них была аннуляция результатов следствия 1431 г., однако не менее важным моментом, с моей точки зрения, являлась аккумуляция сведений о Жанне д'Арк и соответствующая их интерпретация, позволившая в определенной степени изменить восприятие французской героини ее современниками и их ближайшими потомками.

⁵⁴ Этот термин стоит, к примеру, в копии процесса по реабилитации XVII в.: “L'original de celui de la revision et de sa justification est en un grand volume escrit en parchemin, fort authentique, au Trésor de chartes de France en la sainte chappelle à Paris” (BNF. Ms. fr. 7601, б.п.). Он также использован в сочинении Эдмона Рише, созданном в 1625—1630 гг.: “Ladite information...a servi de disposition et préparation à la revision du procez et justification de la Pucelle” (*Richer E. Histoire de la Pucelle d'Orléans / Ed. par Ph.-H. Dunand. P., 1911—1912. Т. 2. P. 224*).

⁵⁵ В копии процесса XV в.: “Processus justificationis Joannae d'Arc, vulgo dictae, la Pucelle” (BNF. Ms. lat. 5970, f. 1). В сочинении Жана дю Тилле XVI в.: “Donnerent leur sentence de l'annulation dudit procès et justification de ladite defuncte” (*Dutillet J. Recueil des roys de France // PNB. Fr. F. v. IV. 9, f. 145*). В копии процесса XVII в.: “Argument du procès tant de la condamnation que justification de Jeanne dicte la Pucelle” (BNF. Nouv. acq. fr. 7151, f. 1). В копии процесса XVIII в.: “Argument des procès tant de la condamnation que de la justification de Jeanne ditte la Pucelle” (BNF. Ms. lat. 9028—9029, f. 1).

⁵⁶ Подробный анализ терминологии см.: PN, 5, 11—16.

⁵⁷ В связи с этим следует отметить, что в отношении названия обвинительного процесса 1431 г. никаких разногласий в последующие века не возникало. Заголовок был дан еще в XV в.: “Processus in causa fidei contra quandam mulierem Johannam, vulgariter dictam, la Pucelle” (BNF. Ms. lat. 5966, f. 1). См. также: BNF. Ms. lat. 5968, f. 1; BNF. Ms. lat. 5969, f. 1; BNF. Ms. lat. 8838, f. 1, 34. То же самое название присутствует и в копии XVIII в.: BNF. Ms. lat. 9028—9029, f. 1.

Как представляется, Пьер Дюпарк, будучи сам историком права, не обратил внимания на один из важнейших правовых вопросов, встающих перед любым исследователем, берущимся за изучение процесса 1455—1456 гг., — на вопрос о том, как данное дело соотносилось с прецедентным характером всего средневекового судопроизводства, какова была процедура, по аналогии с которой было возможно провести подобное расследование⁵⁸. Как свидетельствуют источники, случаев, подобных реабилитации Жанны д'Арк, к середине XV в. ни во французской, ни в европейской практике не имелось⁵⁹, и, тем не менее, судьи, приступая к рассмотрению этого дела, не испытывали никаких явных процессуальных затруднений. Напротив, они легко и очень быстро преодолели все возможные организационные проблемы, что означает, что они, очевидно, все же опирались на некий образец.

Данная проблема никогда, насколько мне известно, специально не рассматривалась в современной историографии. Тем не менее, еще в 1980-х гг. Андре Воше в своем классическом труде, посвященном пониманию святости на средневековом Западе, отмечал, что обвинительный процесс Жанны д'Арк 1431 г. представлял собой не что иное, как оборотную сторону типичного канонизационного процесса. По мнению французского историка, руанские судьи преследовали не только политические цели: не менее важной задачей они почитали борьбу со складывающимся на их глазах культом новой святой, который следовало искоренить⁶⁰. Развивая эту гипотезу, Андре Воше высказывал также предположение, что процесс по реабилитации Жанны мог быть выстроен по аналогии с процессом канонизации, поскольку методы организации следствия (прежде всего, опроса свидетелей) оказывались, с его точки зрения, идентичными⁶¹.

Как мне представляется, использование в качестве образца для реабилитации Жанны д'Арк именно канонизационного процесса, при-

⁵⁸ О сугубо прецедентном характере средневекового права см.: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 100, 299—303.

⁵⁹ Я уже отмечала выше, что Жанна д'Арк является единственной канонизированной святой, которая была казнена по приговору церкви (суда Инквизиции). Правда, Пьер Делюз пытался сравнить ее случай с историей Энгельберта фон Берга, архиепископа Кельнского (†1225), причисленного к лику святых в XVI в.: *Deloos P.* *Towards a Sociological Study of Canonized Sainthood in the Catholic Church // Saints and their Cults. Studies in Religious Sociology, Folklore and History / Ed. by S. Wilson.* Cambridge, 1985. P. 197. Однако обстоятельства гибели последнего (архиепископ был убит своим кузеном) не позволяют, на мой взгляд, рассматривать эти дела как типологически близкие. Несмотря на то, что Энгельберт был какое-то время отлучен от церкви, никто не обвинял его в занятиях колдовством и в приверженности ереси и не возбуждал против него процесса.

⁶⁰ *Vauchez A.* *La saintété en Occident.* P. 629.

⁶¹ Мнение, высказанное в устном разговоре с автором в июле 2001 г.

званного подтвердить существование местного культа того или иного святого и придать ему официальный статус, может объяснить многие процессуальные особенности данного дела, отмеченные выше. Не стоит забывать, что доктрина *discretio spirituum*, в рамках которой действовали судьи во время допросов девушки в Шиноне и Пуатье, а затем и в Руане, являлась также основой любого процесса канонизации: именно со сбора предварительной информации о том или ином «святом» (о его репутации, поступках и высказываниях) и последующей оценки этих сведений начиналось каждое подобное дело. Парадигма *discretio spirituum*, заданная современниками событий для оценки феномена Жанны д'Арк еще в 1429 г., была, как кажется, в полной мере использована и во время следствия 1452—1456 гг. Не случайно в материалы процесса оказался включен текст трактата Жана Жерсона, созданного в рамках данной доктрины и в свое время уже подтвердившего статус Жанны как истинного пророка. Что же касается показаний многочисленных свидетелей, то их пространственные рассказы о детстве и юности девушки, о ее военных подвигах, достойном поведении в заключении и мученической смерти на костре призваны были сформировать новый образ французской героини — образ святой, достойной официальной канонизации.

§ 2. «Создание» святой

Как справедливо отмечал Пьер Делюз, ни один человек, в какую бы эпоху он ни жил, не мог самостоятельно стать святым. Таким его делало окружение — другие люди, в глазах которых его поступки и слова обретали особое значение, чья интерпретация всей его жизни (а также событий, происходивших после его смерти) оказывалась единственной основой для последующей канонизации⁶². При этом, как показывают многочисленные исследования собственно канонизационных процессов, само понятие «святость» далеко не всегда упоминалось в подобных жизнеописаниях. Очевидцы событий обычно использовали более «частные» характеристики, указания на конкретные способности того или иного почитаемого ими человека: на его склонность к аскетизму, на его умение исцелять болезни, на дар пророчества или подверженность видениям. Они могли никогда не назвать своего кумира святым, но выстраивали его образ в соответствии с неписанным канонам, изначально предполагавшим именно такую трактовку его личности⁶³.

⁶² Deloos P. Op. cit. P. 194.

⁶³ Подробнее об этом: Kleinberg A. Prophets in Their Own Country. P. 1—20; Kieckhefer R. The Holy and the Unholy. P. 366—368; Weinstein D., Bell R.M. Saints and Society: The Two Worlds of Western Christendom, 1000—1700. Chicago-L., 1986. P. 6—13.

Агиографический канон, о котором идет здесь речь, зародился в Западной Европе еще в середине III в. В это время возник и стал стремительно развиваться один из самых массовых типов средневековой литературы — житие, представлявшее собой образцовое жизнеописание, «священную биографию» святого, система правил написания которой (включавшая определенный набор сюжетов, топосов, риторических приемов и собственно моделей святости) окончательно сложилась уже к X в.⁶⁴ Ее существование не подразумевало наличия жесткой схемы, по которой следовало выстраивать подобное повествование, однако при желании в ней можно выделить несколько крупных тематических блоков, в том или ином виде присутствовавших в любом житии⁶⁵.

К ним прежде всего относились личные качества того или иного человека, претендующего на статус святого: склонность к уединенному и суровому образу жизни, скромность, сознательный отказ от роскоши, аскетизм, обет девственности или воздержания, исключительная набожность, особая привязанность к культу какого-то конкретного святого. Не менее важным во многих случаях считалось и влияние внешних обстоятельств в обращении к святой жизни, принимавшее самые разнообразные формы: поддержка (или противодействие) семьи или отдельных ее членов, пример другого святого, роль откровений или снов, отклик на политические события, влияние болезни, путешествия или паломничества, реакция на чтение или на проповедь. Образцовые занятия, которым посвящал себя человек, заслуживавший, с точки зрения окружающих, канонизации, также оказывались весьма различными. Святой мог отдать всего себя делу благотворительности: заботе о бедных и немощных, освобождению пленников (в том числе из рук неверных), помощи детям, вдовам, заключенным, проституткам, и т.д. Он мог заниматься евангелической деятельностью: проповедовать среди христиан и неверных, участвовать в реформации церкви или в основании нового ордена, публиковать религиозные сочинения, являться духовным наставником, устанавливать культы святых. Он мог проявлять и политическую активность: содействовать в установлении мира, в разрешении военных конфликтов или споров между правителями. Наконец, истинный святой

⁶⁴ Краткую историю складывания агиографического канона см. в: *Парамонова М.Ю.* Агиография // *Словарь средневековой культуры.* С. 22—29.

⁶⁵ Попытку составить перечень использовавшихся в агиографическом каноне топосов и сюжетов предприняли в свое время американские исследователи Дональд Вайнштейн и Рудольф Белл. Несмотря на то, что их «социологический» подход к проблеме средневековой святости был не раз подвергнут критике (см., к примеру: *Kleinberg A.* *Prophets in Their Own Country.* P. 13—16), историки продолжают использовать предложенную ими схему. В данном случае я также опираюсь на их наблюдения: *Weinstein D., Bell R.M.* *Op. cit.,* особенно P. 283—285.

обязан был отличаться определенными сверхъестественными возможностями: склонностью к мистицизму, даром пророчества или ясновидения, способностью творить чудеса. После смерти его должны были рассматривать как заступника перед высшими силами, а его реликвии — как чудодейственное средство от самых разных напастей.

Такая модель жизнеописания, вне всякого сомнения, отличалась абсолютной стереотипностью, отсутствием каких бы то ни было индивидуальных деталей. В этом, однако, и заключался ее высший смысл: святость человека, претендующего на официальное признание, утверждалась через ее уподобление святости других, через соотнесение с уже знакомыми образцами. Именно это обстоятельство легитимировало ее в глазах окружающих, и именно по этой причине она не могла быть оспорена.

Как мне представляется, с такого рода стереотипностью описаний мы сталкиваемся и при анализе свидетельских показаний на процессе по реабилитации Жанны д'Арк. На нее уже обращали внимание исследователи, в разное время высказывавшие сожаление о том, сколь мало «интересных деталей» можно извлечь из этих рассказов⁶⁶. Тем не менее, никто из специалистов не задавался вопросом о причинах, а главное, целях подобной унификации; никто не пытался понять, какими средствами она была достигнута. Данные текстологические проблемы, однако, представляются мне важнейшими для изучения материалов следствия 1452—1456 гг. Понимание того, как был создан единый по своему содержанию, тематической направленности и смысловой наполненности корпус документов, свидетельствующих о совершенно определенном — образцовом — жизненном пути Жанны д'Арк и ее нравственном облике, позволит, с моей точки зрения, представить, как именно был сконструирован новый образ французской героини.

Сложность подобного анализа, однако, заключается в том, что мы имеем дело не с обычным средневековым судебным процессом, при котором опрос свидетелей являлся самым первым этапом следствия. Поскольку одной из целей процесса 1455—1456 гг. была аннуляция приговора, вынесенного Жанне д'Арк в 1431 г., предварительная информация по делу включала не только устные рассказы очевидцев и современников событий, но и письменные тексты, прежде всего, показания самой Жанны д'Арк, зафиксированные как во французской «минуте», так и в окончательной латинской версии процесса 1431 г., а также статьи предварительного и окончательного обвинения. Свидетельские показания, полученные в 1452—1456 гг., оказывались таким образом вторичны по отношению к этим документам: в определен-

⁶⁶ Таково было мнение Пьера Дюпарка: PN, 5, 45, 93. См. также: *Beaune C. Jeanne d'Arc*. P. 60; *Jéay M. Op. cit.* P. 149, 153.

ной степени они основывались на них, а затем были отредактированы и включены в официальные материалы по реабилитации. На эту особенность следствия 1452—1456 гг. до сих пор, насколько можно судить, не обращал внимания ни один современный исследователь, хотя она, с моей точки зрения, является важнейшей для понимания всего хода и целей данного разбирательства.

Проблему редактуры свидетельских показаний на процессе по реабилитации Жанны д'Арк, предвещающей их официальное включение в материалы дела, мне представляется возможным рассмотреть на примере нескольких, наиболее интересных с точки зрения конструирования нового образа французской героини и наиболее показательных с текстологической точки зрения сюжетов. И первым из них, безусловно, следует назвать тему колдовства, в занятиях которым девушку так настойчиво обвиняли в 1431 г. и которое не переставало волновать современников событий в последующие десятилетия.

2.1. Отвод обвинения в занятиях колдовством

Приступая к анализу свидетельских показаний на процессе по реабилитации Жанны д'Арк, следует прежде всего отметить, что список вопросов, включавший 101 статью и составленный заранее для проведения допросов на местах, был всего лишь общим сводом тех пунктов, по которым судьям хотелось бы получить разъяснения. Для каждой группы свидетелей предназначались свои вопросы, связанные с теми сюжетами и событиями, о которых они действительно могли рассказать, которым были очевидцами. Таким образом, на долю жителей Домреми (родной деревни Жанны), а также Вокулера (откуда она начала свой путь «во Францию») выпала задача поведать о детстве и юности героини: о ее происхождении, родителях и крестных, о ее воспитании, образовании и повседневных занятиях⁶⁷. Однако, вопросом, который интересовал судей более всего и которому, как следствие, было уделено основное внимание в свидетельских показаниях, в данном случае стала информация о так называемом Дереве Фей — сюжет, самым подробным образом рассмотренный и в ходе обвинительного процесса Жанны д'Арк в 1431 г.

Согласно¹ показаниям девушки, Деревом Фей (*des Faees*) в Домреми называли большой старый бук, росший рядом с деревней. Принадлежал он, как и все леса и земли вокруг, местным сеньорам де Бурлемон⁶⁸.

⁶⁷ В материалах процесса сохранился краткий вопросник, составленный на основании 101 статьи специально для жителей Лотарингии и посвященный жизни Жанны в Домреми: PN, 1, 250—251.

⁶⁸ “Et est magna arbor, vocata fagus... et solebat pertinere domino Petro de Bourlemont, militi” (PC, 1, 65).

По мнению Жанны, получившей эти сведения от старших односельчан, своим названием дерево было обязано легенде, согласно которой около него жили феи (*domines Fatales*). И хотя сама она никогда не видела этих сказочных существ, их встречала ее крестная (*matrina*), которая ей о них и рассказала⁶⁹. Рядом с Деревом Фей располагался также некий чудодейственный источник: его вода излечивала больных лихорадкой, а потому это место пользовалось большой популярностью у местных жителей, чему она сама была свидетельницей⁷⁰. Около дерева собирались и деревенские девушки, они пели и плясали вокруг него и вешали на его ветви гирлянды из цветов⁷¹. Жанна также утверждала, что часто сама приходила туда с ними за компанию, однако свои венки она плела для статуи Богоматери, стоявшей в церкви Домреми⁷². Когда же она узнала, что ей надлежит в скором времени отправиться «во Францию», она постаралась как можно меньше бывать у Дерева и танцевать там (если только не с детьми), а если и приходила, то лишь пела песни⁷³.

Насколько можно судить по материалам процесса 1431 г., рассказ о Дереве Фей произвел сильное впечатление на руанских судей: они неоднократно возвращались в ходе допросов к данному сюжету⁷⁴. Однако описание обычных на первый взгляд деревенских практик и увеселений были интерпретированы ими в совершенно ином ключе, что становится очевидным из уточняющих вопросов, которые они задавали обвиняемой: являлись ли феи добрыми или злыми существами, путешествовал ли кто-нибудь из односельчан девушки с ними по воздуху, оставляла ли она им гирлянды в подарок, и т.д.⁷⁵. В описании досуга молодежи из Домреми судьи, таким образом, желали видеть прежде всего незаконные магические практики, занятия колдовством, в чем и попытались обвинить Жанну. Об этом свидетельствует список предварительных обвинений, составленный прокурором трибунала Жаном д'Эстиве: история Дерева Фей занимала здесь две статьи из 70-ти и претерпела весьма существенные изменения. Под пером д'Эстиве место развлечений деревенских жителей окончательно превратилось в место обитания «злых духов» (*maligni spiritus*), с которыми односельча-

⁶⁹ PC, 1, 66.

⁷⁰ "Iuxta quam est unus fons; et audivit dici quod infirmi febricitantes potant de illo fonte et vadunt questium de aqua illius pro habenda sanitate. Et hoc ipsamet vidit" (PC, 1, 65).

⁷¹ "Item dixit quod vidit apponere sarta in ramis arboris per iuenculas" (PC, 1, 66).

⁷² "Faciebat apud illam arborem sarta pro ymagine beate Marie de Dompremi" (PC, 1, 65—66).

⁷³ PC, 1, 66.

⁷⁴ О Дереве Фей речь на процессе 1431 г. заходила 4 раза: 24 февраля (PC, 1, 65—66), 1 марта (PC, 1, 86) и два раза 17 марта, на утреннем и вечернем заседании (PC, 1, 168, 178).

⁷⁵ Подробнее см.: Глава 2. § 4.2.

не Жанны д'Арк проводили ночные сборища (*de nocte*), танцуя вокруг дерева и источника и занимаясь колдовством (*sortilegiis consueverunt*)⁷⁶. Претерпело изменения и описание действий самой девушки: прокурор трибунала полагал, что она якобы приходила сюда одна (а не в компании подруг), ночью или в те моменты, когда в церкви служили мессу (что свидетельствовало о презрении к христианским таинствам). Она танцевала под деревом в одиночестве, оставляла на нем в качестве приношения феям многочисленные гирлянды из цветов и трав, распевала песни, произносила заклинания, творила колдовство и «прочие злодеяния»⁷⁷. Даже упоминание о принадлежности букового леса сеньорам де Бурлемон было отредактировано д'Эстиве в нужном ему ключе: название «Дерево Фей» он заменил в своем списке на «колдовское дерево фей Бурлемонов» (*l'arbre charmine faee de Bourlemont*)⁷⁸.

Впрочем, еще большие изменения в рассказ Жанны были внесены на стадии составления 12 статей окончательного обвинения. Если в списке д'Эстиве речь шла лишь о «песнях и различных заклинаниях», которые девушка якобы произносила рядом с деревом, то здесь совершенно определенно утверждалось, что именно под ним к ней являлись ее «голоса», которых она принимала за свв. Екатерину и Маргариту, но которые на самом деле были злыми духами, которым она поклонялась⁷⁹. Особое внимание было уделено в 12 статьях и чудесному источнику, названному «языческим местом» (*loco prophano*), что лишний раз подтверждало противный христианской вере характер верований жителей Домреми⁸⁰.

Как я уже отмечала выше, обвинение в колдовстве не стало основным на процессе 1431 г.: на последнем этапе следствия оно было заменено на обвинение в ереси⁸¹. Тем не менее, репутация Жанны д'Арк как ведьмы, сложившаяся еще во время ее активного участия в военных кампаниях и получившая дополнительное развитие в период, последовавший за ее осуждением и казнью, была хорошо известна участникам

⁷⁶ PC, 1, 197.

⁷⁷ “Item dicta Iohanna solita frequentare dictos fontem et arborem, et sepius nocte, interdum de die, maxime horis quibus in ecclesia celebratur divinum officium, ut sola esset, et coreizando circuibat fontem et arborem predictos; postmodum ramis eiusdem [arboris] plura sarta variis herbis et floribus propria manu confecta appendebat, dicendo et cantando, ante et post, certas canciones et carmina cum certis invocacionibus, sortilegiis et aliis maleficiis” (PC, 1, 198).

⁷⁸ PC, 1, 197.

⁷⁹ “Quodque predictae sancte Katherina et Margareta aliquando eam fuerunt allocute ad fontem quendam, iuxta arborem magnam communiter appellatam [*l'arbre*] des faees... Quas ibi et alibi pluries venerata fuit et eis reverenciam exhibuit” (PC, 1, 290).

⁸⁰ PC, 1, 290. О прочной связи, существовавшей в сознании людей Средневековья между деревьями, источниками и феями (духами), см.: *Schmitt J.-C. Op. cit. P. 445—447.*

⁸¹ Подробнее см.: Глава 2. § 5.2.

процесса по реабилитации⁸². К моменту его начала в руках судей находились и материалы дела 1431 г., что, как мне представляется, оказало существенное влияние на их подход к сбору предварительной информации и к опросу свидетелей. История Дерева Фей должна была интересовать их точно так же, как заинтересовала их коллег в 1431 г. Однако ее новая трактовка призвана была отвести от Жанны подозрения в приверженности колдовству, зафиксированные в материалах обвинительного процесса, уничтожить ее репутацию ведьмы — и, тем самым, создать основу для почитания ее как святой.

Именно этой задачей объясняется тот факт, что в списке статей для опроса свидетелей в Лотарингии Дереву Фей было уделено особое внимание. Современные исследователи придерживаются мнения, что формулировка данного вопроса являлась абсолютно нейтральной, что местным жителям предлагалось в свободной форме рассказать о традициях, принятых в их деревне⁸³. Мне, однако, представляется, что эта статья содержала не просто предложение вспомнить о давних преданиях — она сама по себе подсказывала нужный ответ: «А также [дать показания] о дереве, называемом «деревом дам» (*arbore que dicitur dominarum*), и о том, существовал ли у молодых девушек обычай устраивать около него танцы. А также — об источнике рядом с этим деревом и о том, приходила ли туда Жанна, как часто и по какому поводу»⁸⁴.

В данном отрывке прежде всего обращает на себя внимание изменение, произошедшее с названием дерева, которое так интересовало судей: вместе Дерева Фей здесь фигурировало уже Дерево Дам, что сразу же уведило свидетелей от однозначной трактовки традиций, связанных с этим местом, предлагала или даже навязывала им иную интерпретацию фактов. Дерево Дам не отсылало напрямую ни к каким сказочным волшебным существам, а потому изначально не могло быть связано со «злыми духами», которых видели в феях судьи на процессе 1431 г. Таким образом, уже самим вопросом жителям Домреми давали понять, что от них ждут отнюдь не «демонологического» описания их обычного досуга.

Расчет чиновников оказался верен: из 34 свидетелей, опрошенных в Лотарингии, ни один не назвал интересующий следствие бук Деревом Фей. Только 8 человек упомянули, что в прежние времена в этом ме-

⁸² Следует, тем не менее, отметить, что в откликах, последовавших на процесс 1431 г., Дерево Фей и связанные с ним суеверия практически не упоминались. Его история оказалась изложена только в «Дневнике» Парижского горожанина, знакомого с деталями следствия по проповеди Жана Граверана: *Journal d'un bourgeois de Paris*. P. 292—293. § 573.

⁸³ *Jean M.* Op. cit. P. 158; *Beaune C.* *Jeanne d'Arc*. P. 59—60; *Warner M.* *Joan of Arc: A Gender Myth*. P. 105—106; *Duby G. et A.* Op. cit. P. 199—200, 225.

⁸⁴ PN, 1, 250—251.

сте собирались феи⁸⁵, однако все они использовали то название, которое было предложено им в вопроснике, — Дерево Дам. И лишь один из них — Симон Мунье, друг детства Жанны д'Арк, — попытался намекнуть на возможную связь между феями и «злыми духами», присутствия которых в этом месте он, впрочем, никогда не наблюдал⁸⁶.

Важно, на мой взгляд, также отметить, что свидетели постарались донести до следователей информацию о том, насколько давно происходили описываемые события, насколько мало о них сохранилось воспоминаний — так, что они превратились уже в предания. Например, Беатрис, вдова Этелена, крестная Жанны д'Арк, полагала, что посещавшие их деревню «в древности» (*antiquitus*) феи более не приходят «из-за своих грехов» (*propter eorum peccata*)⁸⁷. Бертран Лаклопп, в прошлом сосед семейства д'Арк, сообщал, что сам он никогда не видел никаких фей и от других не слышал, чтобы они там «в настоящее время» (*tempore suo*) собирались⁸⁸. Такой же точки зрения придерживались Овьетт, супруга Жерара Гийомета, Жан Ватрен и Альбер д'Урш⁸⁹. Это последнее замечание представляется мне особенно значимым с точки зрения умышленной «редактуры» свидетельских показаний на процессе по реабилитации. Все жители Домреми, рассказывавшие следствию о Дереве Фей, либо являлись ровесниками Жанны д'Арк, либо были старше ее по возрасту. Тем не менее, в отличие от самой девушки, которая воспринимала фей как нечто вполне естественное и реальное, как часть собственной жизни, ее односельчане категорически отрицали знакомство с ними. А некоторые из них, как, например, Мишель Ле Буэн, и вовсе сомневались в их существовании⁹⁰.

Что же касается обычая собираться около Дерева на танцы и пирушки, то его описание также получило в свидетельских показаниях совершенно особую — христианскую — направленность. Абсолютно во всех этих рассказах утверждалось, что традиционные гуляния происходят в деревне исключительно на Пост и никогда более⁹¹. Жан Морель, крестный Жанны, отмечал также, что с тех пор, как по католическим праздникам под деревом стали читать «Евангелие от Иоанна», феи больше туда

⁸⁵ PN, 1, 254, 258, 270, 275—276, 277, 281, 292, 301.

⁸⁶ “Dixitque quod antiquitus *fées* vulgariter dicte, subtus illam arborem ibant, ut dici audivit, quamvis nunquam vidit aliqua signa de aliquibus malignis spiritibus” (PN, 1, 281).

⁸⁷ PN, 1, 258.

⁸⁸ PN, 1, 270.

⁸⁹ PN, 1, 276, 277, 301.

⁹⁰ “Attamen nescit si iverunt, quia nunc non solent ire” (PN, 1, 293).

⁹¹ “Dixit adhuc quod puelle et juvenes pueri dicte ville annis singulis vadunt, in die dominico “Letare” dicto *des Fontaines*, ad spatiandum, et ibidem comedunt et choreant” (PN, 1, 265). См. также: PN, 1, 254, 256, 258, 260, 285, 293.

не приходят⁹². А Беатрис, вдова Этелена, уточняла, что к чтению Библии прибавился и крестный ход (*portat cruces per campos*), который прихожане во главе со священником совершают по близлежащим полям⁹³.

Замалчивая истинное название Дерева Фей, свидетели на процессе по реабилитации выдвигали свою, оригинальную версию происхождения его наименования. Они называли Дерево «Приютом дам» (*Ab lobias Dominarum*), полагая, что под «дамами» следует понимать жен и дочерей сеньоров де Бурлемон, которым до 1412 г. принадлежали земли вокруг Домреми⁹⁴. По их мнению, представители этого рода очень любили в свое время совершать длительные прогулки к буку и устраивать там пикники, в которых часто принимали участие и местные жители⁹⁵. Дерево привлекало их своей красотой: по мнению Жерардена д'Эпиналя, соседа семьи д'Арк в Домреми, у него имелась раскидистая крона, ветви доставали до земли, а само оно «было прекрасно как лилия» (*pulchra sicut lilia*)⁹⁶.

Вариант названия дерева в честь семейства де Бурлемон являлся совершенно новым по сравнению с показаниями самой Жанны д'Арк. Подобная «историчность» его наименования, рациональное объяснение причин посещения Дерева (его красота), а также ярко выраженная христианская окраска деревенской традиции гуляний, появившаяся в новой истории Дерева Фей, — все это полностью снимало с жителей Домреми, а следовательно, и с Жанны любые подозрения в занятиях предосудительными колдовскими практиками, которые видели в их повседневной жизни судьи в 1431 г.

Не менее существенные изменения по сравнению с описанием, оставленным в материалах обвинительного процесса, произошли и с сюжетом о чудесном источнике, вода из которого, согласно воспоминаниям Жанны, излечивала лихорадку. От подобной трактовки данной истории в показаниях свидетелей на процессе по реабилитации не осталось и следа. В них в принципе фигурировал совсем другой источник — расположенный не рядом с Деревом, а на дороге, ведущей в Домреми⁹⁷. Это, однако, не означало, что свидетели «забыли» о существовании первого источника: в рассказе Жана Моэна, бывшего сосе-

⁹² “Postquam evangelium beati Johannis legitur et dicitur, amplius non vadunt” (PN, 1, 254).

⁹³ PN, 1, 258—259.

⁹⁴ PN, 1, 285, 287, 288, 292, 308.

⁹⁵ “Dixit quod audivit dici quod antiquitus domini et domine ville de Dompno Remigio, ut puta dominus Petrus de Bourlemont, ejus uxor, et alii sui servitores et domicelle, ibant ad spatiandum subtus illam arborem” (PN, 1, 267). См. также: PN, 1, 258, 260, 264—265, 268, 272, 288.

⁹⁶ PN, 1, 279. См. также: PN, 1, 256, 258.

⁹⁷ “Que fons est propinquior villa quam sit arbor” (PN, 1, 254). См. также: PN, 1, 256, 258, 260, 274, 278, 279, 281, 285, 293, 310.

дом родителей Жанны, мельком упоминались «другие источники», расположенные рядом с Деревом и служившие для утоления жажды (*ad bibendum*)⁹⁸. Однако никаких историй о чудесных исцелениях ни в этом, ни в других рассказах найти было уже невозможно. Знакомая свидетелям повседневная жизнь их деревни была «отредактирована» ими под влиянием следователей так, чтобы ни в малейшей степени не повредить репутации их знаменитой землячки, но, напротив, лишь укрепить ее.

Это становится особенно ясно из анализа воспоминаний жителей Домреми об образе жизни самой Жанны д'Арк и о ее привычках, в частности, о ее посещениях Дерева Фей (Дам). Любопытно отметить, что трое из них категорически отрицали сам факт подобных визитов⁹⁹. Остальные же в один голос уверяли, что она никогда не приходила туда одна, но только за компанию с другими юношами и девушками¹⁰⁰. Наиболее же характерными можно назвать показания, данные мессиром Этьеном де Сионом, священником из соседней деревни. Никогда не видевший девушку лично, он, тем не менее, был хорошо знаком со старым кюре Домреми и в своем рассказе опирался на информацию, полученную от него. Ничего не зная о Дереве Фей и связанных с ним обычаях, де Сион, тем не менее, дал на вопрос о нем именно тот ответ, которого более всего, как мне кажется, ждали от всех свидетелей из Лотарингии судьи на процессе по реабилитации. Он уверял, что Жанна была чрезвычайно набожна и богобоязненна, что второго такого преданного католической вере человека в ее деревне просто не существовало и что, будь она богата, она все свои деньги потратила бы на заказ месс¹⁰¹.

Именно такой образ героини, как мне представляется, желали создать участники процесса по ее реабилитации. Как мы увидим ниже, он — в той или иной форме — присутствовал в показаниях всех без исключения групп свидетелей, будь то военные соратники Жанны, жители освобожденного ею Орлеана или руанцы, видевшие ее казнь. Именно их рассказы определили особенности восприятия девушки во второй половине XV в. Ее образ постоянно уточнялся, обрастал новыми деталями, однако начало его формированию было положено жителями Домреми, поскольку исключительность Жанны следовало зафиксировать уже в описаниях ее детства. Не случайно к моменту

⁹⁸ PN, 1, 262.

⁹⁹ PN, 1, 265, 301, 308.

¹⁰⁰ “Nec unquam audivit dici quod Johanneta articulata, sola, nec propter aliam causam, iret ad arborem nec ad fontem” (PN, 1, 254). См. также: PN, 1, 256, 258, 267, 268, 270, 272, 274, 276, 278, 279, 281, 283, 285, 288, 293, 302, 305, 310.

¹⁰¹ “Ipsa Johanna dicta la Pucelle, erat bona et simplex filia, devota, bene morigenata, Deum timens, ita quod non erat sibi similis in dicta villa... dicebat etiam quod, si dicta Johanna habuisset pecunias sibi, suo curato dedisset ad missas celebrandum” (PN, 1, 263).

окончания процесса по реабилитации и составления «Сводного изложения» Жана Бреалья, в котором был подведен своеобразный итог всей собранной информации, от эпизода с Деревом Фей осталось лишь упоминание о том, что именно под ним девушка плела венки для статуи Девы Марии (*capellos pro imagine beate Virginis*)¹⁰². Более детальное изложение этой истории инквизитор Франции не счел нужным включить в свое повествование, поскольку уже на раннем этапе следствия благодаря «правильным» показаниям свидетелей стало возможным полностью отвести от главной героини обвинение в занятиях колдовством. А потому единственным значимым моментом в рассказе о юности Жанны в Домреми в трактовке Бреалья стало воспоминание о местной дубовой роще и связанных с нею пророчествах о пришествии Девы — спасительницы Франции¹⁰³.

2.2. Мужской костюм как религиозный обет

Следующему этапу в жизни Жанны д'Арк — периоду активных военных действий — были посвящены показания еще одной группы свидетелей: ее боевых товарищей, а также жителей Орлеана, присутствовавших в 1429 г. при снятии осады с города. С учетом того, что они могли рассказать о девушке, изменился и список вопросов. Здесь следователей прежде всего интересовал сам факт появления в королевской армии особы, облаченной в мужской костюм и имевшей при себе оружие¹⁰⁴.

Данный сюжет стал одним из ключевых уже на обвинительном процессе Жанны в 1431 г.: такого внимания, как здесь, ранее ему не уделялось¹⁰⁵. Действительно, в трактатах теологов, созданных весной-летом 1429 г. во время проведения в отношении девушки *discretio spirituum*, описание ее мужского одевания занимало не слишком много места. Признавая Жанну истинным активным пророком, авторы полагали ее внешний вид совершенно естественным в сложившихся обстоятельствах и наиболее подходящим для исполнения сугубо военной миссии. Именно так Жак Желю и Жан Жерсон оправдывали имевшееся в данном случае нарушение библейского запрета¹⁰⁶. Как мне представляется,

¹⁰²PN, 2, 447.

¹⁰³“Ad quod videtur non parum suffragari id quod in historia Bruti legitur, Merlinum vatem anglicum sic predixisse: “Ex nemore Canuto puella eliminabitur, ut medele curam adhibeat”...Illud vero Merlini dictum, per expressam illius nemoris designationem, clarum apparet et manifestum” (PN, 2, 412).

¹⁰⁴Список конкретных статей, по которому шли допросы в Орлеане и Париже, в материалах процесса по реабилитации не сохранился.

¹⁰⁵Hotchkiss V.R. Clothes Make the Man: Female Cross Dressing in Medieval Europe. N.Y.-L., 1996. P. 61.

¹⁰⁶Подробнее об их аргументации см. выше: Глава 1. § 5.

мнение ближайших советников дофина Карла оказалось решающим и для прочих его сторонников: в откликах современников событий мы практически не находим размышлений на тему мужского костюма Жанны д'Арк. Лишь Персеваль де Буленвилье и Ален Шартье в своих письмах иностранным правителям мельком упоминали о его существовании: оба автора полагали, что девушка переоделась не по собственной прихоти, но по приказу, полученному Свыше¹⁰⁷.

Следует, однако, отметить, что именно этот вопрос более других волновал судей Жанны, поскольку в ходе следствия они возвращались к нему целых девять раз¹⁰⁸. Любопытно, что, в отличие от эпизода с Деревом Фей, они не пытались интерпретировать данный поступок девушки в рамках демонологического дискурса. Переодевание в мужской костюм они полагали следствием дурных советов окружавших Жанну людей — сторонников дофина Карла, и, в частности, Робера де Бодрикура, капитана Вокулера, с которым обвиняемая встречалась перед своим отъездом «во Францию»¹⁰⁹. Однако, Жанна на протяжении всех допросов настаивала на собственной версии событий: по ее словам, мужской костюм она надела по приказу Господа, переданного ей свв. Екатериной и Маргаритой¹¹⁰. Этот поступок девушка расценивала как «самый незначительный» (*de minori*) из того, что она совершила по Божественному наущению, и связывала его с миссией по освобождению страны от захватчиков, которая была на нее возложена¹¹¹. На допросе, проходившем 12 марта 1431 г., она, в частности, заявила, что если бы ей удалось бежать из заключения и присоединиться к своим сторонникам, она вновь надела бы мужской костюм¹¹². На все предложения переодеться в женское платье Жанна неизменно отвечала, что ее нынешний внешний вид «нравится Господу» (*placet Deo*)¹¹³, что изменить его еще

¹⁰⁷“Et de nube facta est vox ad eam dicens: “Johanna, oportet te aliam viram agere et mirandos actus exercere... Tu virili indueris veste; arma sumens caput eris guerrae; omnia tuo consilio regentur” (Q, 5, 117); “Interrogati [quomodo] proficisceretur, quid vel perfectam facere oporteret, responsum est: “Habitu muliebri deposito, virilem adsume, [et socios] qui te concomitentur ad regem et conducant a capitaneo Vallis-Colorum” (Q, 5, 132).

¹⁰⁸Вопрос о мужском костюме поднимался в ходе допросов 22, 24 и 27 февраля (PC, 1, 50, 67, 75), 3, 12, 14, 15, 17 и 25 марта (PC, 1, 93—95, 102, 127—128, 153—154, 156—158, 167—169, 182—183).

¹⁰⁹PC, 1, 75, 127—128.

¹¹⁰“Nec cepit vestem virilem per consilium hominis mundi; et non cepit ipsam vestem neque aliquid fecit, nisi per Dei preceptum et angelorum” (PC, 1, 75).

¹¹¹PC, 1, 75.

¹¹²“Et adhuc de presenti, si esset apud illos de alia parte in isto habitu virili, videtur ei quod esset unum de magnis bonis Francie, de faciendo quemadmodum ipsa per prius faciebat ante captivam suam” (PC, 1, 128).

¹¹³PC, 1, 67.

«не пришло время» (*non erat adhuc tempus*), что она снимет мужское облачение, только «когда получит от Бога разрешение» (*licenciam a Deo*)¹¹⁴.

Постоянные ссылки на следование приказу, полученному Свыше, заставляют, на мой взгляд, рассматривать ношение мужского костюма как религиозный обет, данный Жанной на определенный срок, — до того момента, когда она наконец исполнит предначертанное и изгонит англичан из Франции. Эта гипотеза подтверждается прежде всего словами девушки о том, что даже ради мессы, присутствия на которой она на протяжении многих месяцев добивалась от своих судей, она не смогла бы пойти на уступки и надеть женское платье¹¹⁵. Жанна отмечала, что и ранее неоднократно бывала в церкви и подходила к причастию одетая по-мужски (*in habitu virili*), хотя и не в доспехах (*in armis*)¹¹⁶. Она соглашалась переодеться, только если ее отпустят на свободу — но и в этом случае сразу же оговаривалась, что, покинув Руан, незамедлительно вернется к своему обычному облику, «чтобы делать то, что велел ей Господь»¹¹⁷.

Не менее важными представляются мне и слова Жанны д'Арк о том, что свое обещание (*ego promisi*) не снимать мужской костюм она подкрепила клятвой (*iuravi*), данной королю¹¹⁸. В историографии данный пассаж из материалов обвинительного процесса иногда рассматривается как прямое указание на принесение девушкой клятвы вассальной верности дофину Карлу, иными словами — как аргумент в пользу гипотезы о возведении французской героини в рыцарское достоинство¹¹⁹. Эта версия, однако, не подтверждается прочими источниками XV в., не получила она развития и в ходе следствия 1431 г.: настойчивое желание Жанны во всем следовать Божественной воле было интерпретировано ее судьями исключительно как нарушение религиозных норм, как прямое неподчинение Церкви. С этой точки зрения особенно важным стал допрос 25 марта, во время которого девушка заявила, что присутствие на мессе в мужском костюме «ничего не изменит в ее душе» и не кажется ей нарушением церковных установлений¹²⁰. Именно эти слова, как пред-

¹¹⁴PC, 1, 95.

¹¹⁵“Uterius dicit quod, quantum instancius poterat, requirebat quod permicteretur audire missam in ipso habitu quem portat, absque ipsum immutando” (PC, 1, 158).

¹¹⁶PC, 1, 102.

¹¹⁷“Respondit quod, si daretur sibi licencia de recedendo in habitu muliebri, ipsa statim reciperet habitum virilem et faceret illud quod est sibi preceptum a Domino” (PC, 1, 168).

¹¹⁸PC, 1, 157.

¹¹⁹См. об этом прежде всего: *Jacoby J. La noblesse et les armes de Jeanne d'Arc*. P. 1937; *Pasteur C. Les deux Jeanne d'Arc, enquête et débat*. Paris, 1962. См. также: *Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism*. P. 174; *Gordon M. Joan of Arc*. L., 2000. P. 80—81.

¹²⁰“Rogabatque quod permicteretur audire missam in habitu virili, dicens quod ille habitus non onerabat animam suam et quod ipsum portare non erat contra Ecclesiam” (PC, 1, 183).

ставляется, легли в основу главного обвинения, выдвинутого против нее прокурором трибунала Жаном д'Эстиве. В статье XV своего списка он прямо говорил о том, что нежелание Жанны расстаться с мужским костюмом следует расценивать как неподчинение воинствующей Церкви (*inobediencia ad Ecclesiam*)¹²¹. Похожую трактовку этот вопрос получил и в 12 статьях окончательного приговора по данному делу¹²². Когда же, после отречения на кладбище Сен-Уэн, девушка вновь отказалась от женского платья и заявила о верности своим «голосам», судьи сочли ее вероотступницей и на этом основании приговорили к смертной казни¹²³.

Следует отметить, что современные исследователи всегда уделяли большое внимание переодеванию Жанны д'Арк в мужской костюм и его символическому смыслу¹²⁴. Некоторые из них видели в данном поступке выражение истинной женской сущности героини (ее превосходства над миром мужчин)¹²⁵, другие, напротив, полагали, что смена одежды превратила Жанну в мужчину¹²⁶, третьи придерживались версии об уникальности положения девушки в современном ей мире — ее асексуальности и асоциальности¹²⁷. Кого-то из историков интересовала прежде всего утилитарность подобного костюма¹²⁸, кто-то использовал казус Жанны д'Арк в качестве иллюстрации в работах о трансвестизме или о женском монашеском движении¹²⁹. Никто, однако, никогда не рассматривал привязанность девушки к мужскому костюму как религиозный

¹²¹РС, 1, 210.

¹²²РС, 1, 293.

¹²³“Verum, suadente dyabolo, iterum coram pluribus narravit quod voces sue et spiritus sibi apparentes venerant ad eam et plura eidem dixerunt. Ipsa quoque Iohanna, reiecto habitu muliebri, iterum habitum virilem accepit. Quod cum nobis iudicibus relatum fuisset, rediimus ad eam et ipsam iinterrogavimus, velut antea dictum est” (РС, 1, 402).

¹²⁴Более подробный обзор историографии по данному сюжету см.: Крылов П.В. Мужской костюм Жанны д'Арк: Неслыханная дерзость или вынужденный шаг? // Одиссей. Человек в истории — 2000. М., 2000. С. 186—193; Тогоева О.И. Мужской костюм Жанны д'Арк и его символические смыслы // Historia animata. Сборник памяти О.И. Варьяш. М., 2004. Ч. 1. С. 156—168.

¹²⁵Bynum C.W. Jêunes et festins sacrés. Les femmes et la nourriture dans la spiritualité médiévale. P., 1994. P. 40, 45, 399.

¹²⁶Schibanoff S. True Lies: Transvestism and Idolatry in the Trial of Joan of Arc // Fresh Verdicts on Joan of Arc. P. 31—60.

¹²⁷Dworkin A. Op. cit. P. 85; Michaud-Fréjaville F. Un habit “deshonnête”. Réflexions sur Jeanne d'Arc et l'habit d'homme à la lumière de l'histoire de guerre // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Mittelalter. 2007. Bd. 34. S. 175—185.

¹²⁸Райцес В.И. Жанна д'Арк. С. 96—97.

¹²⁹Delcourt M. Le complexe de Diane dans l'hagiographie chrétienne // Revue de l'histoire des religions. 1958. T. 153. P. 18—28; Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. P. 139—158; Hotchkiss V.R. Op. cit. P. 50—51; Barstow A.L. Op. cit. P. 106—110; Crane S. The Performance of Self. Ritual, Clothing, and Identity During the Hundred Years War. Philadelphia, 2002. P. 73—106.

обет, который она дала Господу и который оказывался теснейшим образом связан с другим ее обетом — обетом девственности, который она принесла в возрасте 13 лет при самой первой встрече с «голосом» и ради исполнения которого она отвергла предложение о замужестве¹³⁰.

Впрочем, насколько можно судить по ее показаниям, сама Жанна достаточно долго оставалась далека от того, чтобы проводить между этими двумя обетами какую-то особую связь. Только после отречения на кладбище Сен-Уэн, 28 мая 1431 г., внезапно сменив женское платье на привычный ей мужской костюм, она вдруг заявила, что в нем ей находиться «более естественно и удобно» среди окружавших ее мужчин¹³¹. Как мне представляется, именно эти, последние слова Жанны стали главными для свидетелей на процессе по реабилитации, в своих рассказах объединивших два данных ею когда-то обета и интерпретировавших мужской костюм прежде всего как надежную защиту девственности героини.

Впервые данная версия прозвучала еще в 1452 г., в показаниях, собранных у бывших участников процесса 1431 г. И если Гийом Маншон ограничился простым воспроизведением текста обвинения¹³², то в показаниях Бардена де ла Пьера и Мартина Лавеню сюжет с переодеванием получил определенное развитие: с их точки зрения, мужской костюм был необходим Жанне, дабы воспрепятствовать попыткам изнасилования (*temptata de violentia*), которым она подвергалась в тюрьме со стороны неизвестного английского сеньора и о которых она сама якобы поведала свидетелям¹³³. В 1455 г. подобная интерпретация событий стала основной при повторном опросе участников обвинительного процесса, некоторые из которых ранее вообще ничего не сообщили следствию по данному поводу¹³⁴. Версия с защитой от изнасилования излагалась в их показаниях по достаточно стандартной схеме: Жанна, находясь в тюрьме, постоянно подвергалась угрозам со стороны англичан, как ее непосредственной стражи, так и высокопоставленных сеньоров (имена которых, правда, никто из свидетелей не назвал), вследствие чего была вынуждена прибегнуть к единственному доступному ей средству защиты — не снимать одежду. Косвенно версию с изнасилованием подтверждали также Жан Марсель и Эймон де Маси, поведавшие следствию о своих (и чужих) попытках физического контакта с Жанной в тюрьме, чему она яростно сопротивлялась, раздавая

¹³⁰PC, 1, 123.

¹³¹“Respondit quod hoc fecerat quia erat sibi magis licitum vel conveniens habere habitum virilem, dum erat inter viros, quam habere habitum muliebrem” (PC, 1, 396).

¹³²PN, 1, 183.

¹³³PN, 1, 187, 235.

¹³⁴См., к примеру, показания Гийома Маншона: “Dicendo quod non auderet exuere dictas caligas, nec eas tenere quin essent fortiter ligate, quia bene sciebant...dicti episcopus et comes quod sui custodes pluries temptaverant eam violare” (PN, 1, 426).

пощечины¹³⁵. А Жан Масье добавлял, что определенную заботу о сохранении девственности Жанны проявила в Руане герцогиня Бедфорд, которая лично запретила страже применять какое-либо насилие к заключенной¹³⁶. Однако главным средством защиты, по версии свидетелей, оставался все-таки мужской костюм девушки, ношение которого из священного обета, данного еще в детстве и не являвшегося, согласно собственным воспоминаниям Жанны д'Арк, следствием каких бы то ни было прагматических соображений, на процессе по реабилитации превратилось в явление, получившее совершенно рациональное объяснение.

Следует отметить, что трактовка мужского костюма как защиты девственности присутствовала не только в показаниях бывших участников процесса 1431 г.: ту же направленность приняли и рассказы боевых товарищей Жанны. Наиболее показательным представляется здесь рассказ Жана д'Олона, верного спутника французской героини на протяжении всей ее военной карьеры. На вопрос о появлении в гардеробе девушки мужского платья он прямо заявил, что его сшили для «сохранности ее тела» (*pour la seureté de son corps*)¹³⁷. О том же свидетельствовал и оруженосец Жанны д'Арк, Луи де Кут, отмечавший, что в походе она всегда спала полностью одетой (*cubabat induta suis vestibus*)¹³⁸. Что же касается ночевки в городах, то, по уверению многочисленных очевидцев, девушка всегда проводила это время в компании других женщин, никогда не оставаясь наедине с солдатами и их капитанами¹³⁹.

Удобством в полевых условиях, а вовсе не обетом, данным Богу, объясняли ношение Жанной мужского костюма и свидетели, ставшие очевидцами ее отъезда из Вокулера в Шинон на встречу с дофином Карлом. При этом каждый из них старался убедить следствие в том, что предложение переодеться исходило именно от него. Дюран Лаксар, дядя девушки, настаивал на том, что она изначально оделась в его собственные вещи (*vestes ipsius testis*), которые он ей отдал¹⁴⁰. Жан де Нуйомпон вспоминал, как лично нарядил Жанну в одежду одного из своих слуг¹⁴¹. Жители Вокулера приписывали эту заслугу себе¹⁴².

¹³⁵PN, 1, 379, 405.

¹³⁶“Et propter hoc, ipsa ducissa Bedfordie fecit inhiberi custodibus et aliis ne aliquam violentiam sibi inferrent” (PN, 1, 432).

¹³⁷PN, 1, 477.

¹³⁸PN, 1, 365.

¹³⁹“Ad villam Aurelianensem, in qua ipsa Johanna cubuit in suo hospitio cum aliquibus mulieribus, prout facere consueverat, quia semper in nocte habebat mulierem cum ea cubantem, si invenire posset” (PN, 1, 365). См. также: PN, 1, 327, 373, 377, 396.

¹⁴⁰PN, 1, 296.

¹⁴¹“Et tunc idem testis de famulis suis tradidit sibi vestes et calceamenta, ad induendum” (PN, 1, 290).

¹⁴²PN, 1, 298, 306.

Важно отметить при этом, что утилитарность мужского одевания французской героини, которую всячески подчеркивали свидетели на процессе по реабилитации, никоим образом не противоречила их представлениям о совершенно особом статусе девушки, подразумевавшем, что ее девственность в принципе не может быть нарушена, что ей не грозит никакая опасность. Об отсутствии влечения к Жанне как к женщине (*voluntatem ad eam*) говорили многие из ее военных компаньонов: Жан де Нуйомпон, Бертран де Пуланжи, герцог Алансонский, Жан д'Олон¹⁴³. Маргарита Ла Турульд, видевшая девушку в Реймсе, и Гобер Тибо, познакомившийся с ней в Шиноне, вспоминали о своих собственных беседах с французскими солдатами и капитанами, которые единодушно утверждали, что при встрече она не вызывала у них никакого сексуального желания, пусть даже подобные мысли изначально их и посещали¹⁴⁴. Исповедник Жанны, Жан Пакерель, передавал историю о некоем солдате, который оскорбил девушку, намекнув, что она быстро лишится своего прозвища Дева, если только проведет с ним ночь. Та в ответ предсказала ему скорую смерть, что и произошло буквально на следующий день¹⁴⁵.

Девственность французской героини, безусловно, воспринималась современниками как самая главная ее отличительная черта. Она делала Жанну непохожей на других людей, являлась знаком ее неприкосновенности и независимости. Она свидетельствовала о ее исключительности и, согласно средневековому агиографическому канону, уподобляла ангелу и переводила в разряд святых¹⁴⁶. Жанна, по мнению свидетелей, делала все для сохранения собственной невинности. Что же касается спорного вопроса об отказе от замужества, интерпретированного на процессе 1431 г. как прямое неподчинение родительской воле, то его односельчанам девушки предпочли вообще не задавать¹⁴⁷.

Свидетельства об исключительной чистоте самой Жанны логично дополнялись рассказами о ее борьбе за чистоту нравов окружающих ее людей. По воспоминаниям графа Дюнуа, в ее присутствии француз-

¹⁴³PN, 1, 291, 306, 387, 486.

¹⁴⁴PN, 1, 370, 377—378.

¹⁴⁵PN, 1, 389.

¹⁴⁶Об особом отношении людей Средневековья к девственницам см.: Brown P. The Notion of Virginity in the Early Church // *Christian Spirituality: origins to the twelfth century* / Ed. by B. McGinn and J. Meyendorff. N.Y., 1985. P. 427—443; Gaunt S. Straight Minds / 'Queer' Wishes in Old French Hagiography: La Vie de Sainte Euphrosine // *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*. 1995. № 1. P. 439—457; *Тогоева О.И.* Карл VII и Жанна д'Арк. Утрата девственности как утрата власти.

¹⁴⁷PC, 1, 123. Подробно тема отказа от замужества была рассмотрена в трактатах теологов и юристов, созданных для процесса по реабилитации. См. ниже: Глава 3. § 3.2.

ских солдат никогда не посещала мысль о близости с какой бы то ни было женщиной¹⁴⁸. В показаниях Маргариты Ла Турульд визит девушки к герцогу Лотарингскому, желавшему с ее помощью избавиться от болезни (что было расценено в 1431 г. как явное доказательство ее близкого знакомства с колдовскими практиками¹⁴⁹), описывался как настоящая проповедь о соблюдении христианских заповедей: Жанна якобы сурово отчитала герцога за супружескую измену и предложила покаяться в грехах, дабы обрести не столько физическое, сколько душевное здоровье¹⁵⁰. Многие свидетели вспоминали также о ненависти, которую испытывала французская героиня к ругательствам и богохульству, а также к любому противозаконному насилию, за которые постоянно порицала своих соратников¹⁵¹.

Однако наибольший интерес, как мне кажется, с этой точки зрения представляют многочисленные рассказы о борьбе, которую девушка вела с армейскими проститутками. Прежде всего они сводили на нет одно из обвинений, выдвинутых против самой Жанны в 1431 г. Прокурор трибунала Жан д'Эстиве, опираясь на историю с самовольным уходом девушки из дома, посвятил сразу несколько статей своего списка проституции, ради занятий которой девушка якобы покинула родителей (презрев тем самым дочерний долг) и примкнула к войскам дофина¹⁵². Любопытно, что для развенчания этого мифа на процессе по реабилитации история отъезда из Домреми была, как и многие иные эпизоды из жизни Жанны д'Арк, подвергнута совершенно определенной редакции. Побег из дома превратился в показаниях свидетелей в трогательную сцену прощания с отцом, крестными, соседями и друзьями: согласно этим рассказам, девушка уходила «во Францию» совершенно открыто, не делая из своих намерений никакой тайны и не нарушая принятых норм поведения¹⁵³.

Что же касается армейских проституток, то нетерпимость Жанны по отношению к ним лишней раз должна была свидетельствовать о ее собственных высоких нравственных устоях, о тщательно хранимом ею цело-

¹⁴⁸“Affirmat preterea dictus deponens quod similiter ipse et alii, dum erant in societate ipsius Puella, nullam habebant voluntatem seu desiderium communicandi seu habendi societatem mulieres” (PN, 1, 325).

¹⁴⁹См. подробнее: Глава 2. § 4.1.

¹⁵⁰PN, 1, 378.

¹⁵¹PN, 1, 327, 330, 339, 371.

¹⁵²Подробнее об обвинении Жанны д'Арк в проституции см.: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 147—157.

¹⁵³“Dixit quod, dum ipsa Johanneta recessit a domo patris, vidit ipsam Johannam transire ante domum patris sui cum quodam avunculo suo, nuncupato Durando Laxart, et tunc ipsa Johanneta dixit suo patri: “Ad Deum! ego vado ad Vallis Colorem” (PN, 1, 274). См. также: PN, 1, 270, 272, 278, 285.

мудрии. Нужно отметить, что очевидцы событий и в данном случае придерживались единой схемы изложения событий. По их мнению, случаи изгнания женщин легкого поведения из французского обоза были чрезвычайно часты, причем Жанна регулярно использовала для этой цели собственный меч, с которым гонялась за своими жертвами по всему лагерю¹⁵⁴. Наиболее красочную картину подобных «сражений» представил на процессе по реабилитации герцог Алансонский, уверявший, что в Сен-Дени сам стал свидетелем того, как Жанна сломала меч о спину одной из проституток¹⁵⁵. Эта история, насколько можно судить, произвела самое сильное впечатление на современников: не случайно именно она оказалась включена впоследствии во французскую «Хронику» Жана Шартье, законченную около 1460 г. и завершившую «Большие французские хроники»¹⁵⁶. Конфликтом с проституткой официальный историограф королевства (как, видимо, и герцог Алансонский) пытался объяснить таинственное исчезновение самого знаменитого меча Жанны д'Арк — того, что был привезен по ее указанию из аббатства Сент-Катрин-де-Фьербуа¹⁵⁷.

Как я уже отмечала выше, вооружение Жанны интересовало ее современников точно так же, как ее мужской костюм и доспехи. Согласно собственным показаниям девушки, данным в 1431 г., а также рассказам ее военных товарищей, в ее распоряжении находилось сразу несколько мечей: один из них подарили жители Вокулера¹⁵⁸, другой — Робер де Бодрикур¹⁵⁹, третий она сама добыла в сражении¹⁶⁰. Но главным всегда оставался меч, найденный за алтарем в Сент-Катрин-де-Фьербуа и имевший легендарное происхождение: считалось, что им владел Карл Мартелл, всесильный майордом и королевский военачальник, лично оставивший его в аббатстве после победы над сарацинами осенью 732 г.¹⁶¹

История обретения этого меча Жанной д'Арк известна нам прежде всего по ее собственным воспоминаниям на обвинительном процессе¹⁶²: данный сюжет возник в ходе расспросов, касавшихся пути,

¹⁵⁴PN, 1, 367, 374, 393, 409.

¹⁵⁵“Dicit insuper quod ipsa Johanna erat casta, et multum odiebat illas mulieres que sequebantur armatos. Vidit enim ipse loquens, in Sancto Dionysio, in regressu coronationis regis, quod ipsa Johanna prosequeretur cum ense evaginato quamdam juvenculam existentem cum armatis, adeo quod, eam insequendo, disruptit suum ensem” (PN, 1, 387).

¹⁵⁶Chartier J. Op. cit. T. 1. P. 90.

¹⁵⁷Ibid. P. 122—123.

¹⁵⁸PN, 1, 306.

¹⁵⁹PC, 1, 49.

¹⁶⁰PC, 1, 77.

¹⁶¹Tanz S. Jeanne d'Arc: Spatmittelalterliche Mentalitat im Spiegel eines Weltbildes. Weimar, 1991. S. 173.

¹⁶²В более ранних текстах история с обретением меча упоминалась всего два раза и весьма кратко: в «Хронике» Антонио Морозини (Chronique d'Antonio Morosini. P. 108) и у секретаря Ларошельской ратуши (Quicherat J. Relation inédite. P. 337—338).

проделанного девушкой весной 1429 г. из Вокулера в Шинон. Жанна сообщила своим судьям, что останавливалась в аббатстве на отдых, прослушала там три мессы и уехала. Она также написала оттуда дофину, предупреждая его о своем прибытии и о том, что везет ему радостные известия. В этот момент при ней находился меч, подаренный ей Бодрикуром¹⁶³. Только добравшись до Шинона и повидав Карла, Жанна велела послать в Сент-Катрин-де-Фьербуа гонца с письмом: она просила местных священников отправить ей меч, который они должны были откопать в церкви за алтарем. Столь точное его местонахождение ей, по ее словам, открыли «голоса». Весь покрытый ржавчиной, с гравировкой из пяти крестов, меч действительно был найден¹⁶⁴, однако о его дальнейшей судьбе Жанна в суде рассказать отказалась. Она лишь упомянула, что он был при ней вплоть до возвращения в Сен-Дени после неудавшегося штурма Парижа. Когда же ее захватили в плен под Компьнем, в руках она сжимала совершенно другое оружие — то, что подобрала в сражении рядом с убитым бургундцем¹⁶⁵.

История меча из Сент-Катрин-де-Фьербуа весьма заинтересовала судей на обвинительном процессе. Они, безусловно, видели в нем некий магический амулет, о чем свидетельствуют их наводящие вопросы: о якобы имевшем место освящении меча в церкви, о его помещении с этой целью на алтарь, о молитве, посвященной дарованию удачи в сражении при использовании именно этого оружия¹⁶⁶. На все эти вопросы (как и на вопрос о нынешнем местонахождении меча) девушка, впрочем, не ответила, и судьи были вынуждены перейти к следующему сюжету — о ее знамени, чрезвычайную важность которого в своей жизни Жанна не замедлила подтвердить. Она заявила, что ценила его в 40 раз больше, чем меч и никогда не расставалась с ним в бою, поскольку не желала кого-то ранить или убить. И она действительно никого никогда не убила¹⁶⁷.

Несмотря на достаточно скромную информацию о мече из Сент-Катрин-де-Фьербуа, полученную в ходе допросов, данный сюжет нашел, тем не менее, свое место в списке обвинений, составленном прокурором Жаном д'Эстиве (статья XIX). Упоминание о том, что меч оказался най-

¹⁶³РС, 1, 76.

¹⁶⁴«Respondit quod ille ensis erat in terra rubiginosus, in quo erant quinque cruces; et scivit ipsum ibi esse per voces... Scripsitque viris ecclesiasticis illius loci quantinus placeret eis ut ipsa haberet illum ensem; et ipsi miserunt eum. Nec erat multum sub terra retro altare, sicut ei videtur» (РС, 1, 76—77).

¹⁶⁵РС, 1, 77—78.

¹⁶⁶РС, 1, 77.

¹⁶⁷«Respondit quod multo, videlicet quadragesies, prediligebat vexillum quam ensem... Dicit etiam quod ipsamet portabat vexillum predictum, quando aggrediebatur adversarios, pro evitando ne interficeret aliiquem» (РС, 1, 78). Подробнее о знамени Жанны д'Арк см. ниже: Глава 3. § 3.4.

ден по прямому указанию святых, посетивших Жанну д'Арк, дало ему возможность утверждать (основываясь на допущении о демонической природе «голосов»), что меч был обретен посредством *divinatio*, т.е. предсказания, полученного от дьявола, которое девушка незаконно выдала за *revelatio*, т.е. за откровение, полученное Свыше. Тем самым она ввела окружавших ее людей в заблуждение, вынудив их поверить в ее Божественную избранность. Обретение меча, таким образом, с точки зрения д'Эстиве, являлось отнюдь не чудом, но в лучшем случае фальсификацией¹⁶⁸. Сам же он предлагал видеть в нем магический амулет, который был получен при помощи демонов, а потому никак не мог быть использован в благовидных целях, как, впрочем, и другие «амулеты» Жанны — ее кольца и боевой штандарт, о которых говорилось в статье XX. Все эти предметы, по мнению прокурора трибунала, обладали особой силой, и именно с их помощью обвиняемая одержала свои военные победы¹⁶⁹.

Следует, тем не менее, отметить, что история меча из Сент-Катринде-Фьербуа не получила никакого развития в 12-ти статьях окончательного обвинения. Как мне представляется, это произошло потому, что данный сюжет, в отличие от дерева Фей, не нашел достаточно полного освещения в ходе следствия, а потому не мог претендовать на статус одного из основных обвинений¹⁷⁰. Возможно, именно по этой причине он оказался обойден вниманием и на процессе по реабилитации Жанны д'Арк: эпизод с обретением чудесного меча был практически полностью проигнорирован как очевидцами событий, дававшими в 1452—1456 гг. свидетельские показания, так и судьями, составлявшими для них вопросы.

Существует, однако, и другое объяснение единодушного молчания свидетелей. Как мне представляется, их рассказы могли быть отредактированы специально — так, чтобы придать истории с мечом совершенно определенную направленность. На это указывает, в частности, эпизод с проститутками, в борьбе с которыми, по воспоминаниям военных компаньонов Жанны, меч все-таки использовался. Об этом же свидетельствуют и показания Сегена де Сегена, королевского советни-

¹⁶⁸PC, 1, 216.

¹⁶⁹“Item ipsa Iohanna sortem posuit in anulo, vexillo et ceteris peciis tele ac pannocellis quos deportare et a suis deportare facere solebat, ac etiam in ense invento per revelationem...dicens illa esse bene [fortunata]. Et super ea fecit multas execraciones et coniurationes, in pluribus et diversis locis, publice asserens per ea magna facere et obtinere de adversariis victoriam” (PC, 1, 217—218).

¹⁷⁰По мнению американской исследовательницы Бонни Уилер, судьи не стали развивать тему чудесного обретения меча потому, что побоялись ненужных ассоциаций с реликвией и даром провидения, что автоматически превращало Жанну в святую и могло сильно пошатнуть обвинения в ереси и колдовстве: *Wheeler B. Joan of Arc's sword in the stone // Fresh Verdicts. P. XI—XVI.*

ка, принимавшего участие еще в допросах девушки в Пуатье и поведавшего на процессе по реабилитации о несравнимо большем значении, которое она придавала собственному знамени по сравнению с мечом¹⁷¹. Основанная на показаниях самой девушки в 1431 г., данная история призвана была подчеркнуть, что Жанна никого не убила во время боевых действий, в которых она, тем не менее, принимала самое активное участие. Только ради этого она отправилась «во Францию», повинувшись указанию, полученному Свыше. Ради этого покинула отчий дом, взяла в руки оружие и переделалась в мужское платье, которое давало ей возможность довести свою миссию до конца, поскольку защищало ее девственность — главный залог ее военного успеха, а также — главное свидетельство истинности ее пророческого дара.

В рамках парадигмы *discretio spirituum* судьи на процессе по реабилитации жестко увязывали ношение мужского костюма с обетом девственности, принесенным Жанной д'Арк. В статьях 57—65 списка, составленного для допросов очевидцев событий, они последовательно развивали эту мысль, подводя свидетелей к единственно возможному выводу. Чистота Девы, проявлявшаяся буквально в каждой ее поступке и оберегаемая при помощи мужского костюма, давала окружающим право — в полном согласии с агиографическим каноном — называть девушку истинным пророком¹⁷². Невинность была тем условием, которое позволяло считать, что все откровения и предсказания Жанны имели исключительно Божественное происхождение, а их правдивость и действенность в свою очередь подтверждали справедливый, угодный Богу характер военных действий французской армии¹⁷³.

Именно поэтому, как мне представляется, история с мечом из Сент-Катрин-де-Фьербуа получила на процессе по реабилитации совершенно особую, по сравнению с трактовкой 1431 г., интерпретацию. Якобы магическое оружие Жанны, позволявшее ей одерживать победы на поле боя неправедным путем, превратилось в средство сохранения ее девственности и

¹⁷¹PN, 1, 473.

¹⁷²“Item, dicunt et proponunt dicti actores ipsas revelationes et apparitiones ab angelis lucis et bonis Spiritibus veraciter processisse, sicut ex omnia pia et verisimili credulitate et conjectura dicendum est, propter rationes que sequuntur. Tum primo, quoniam ipsa Johanna virgo erat integra carne...In tali autem virgine, Deo gratissima, innocente et pura, Sancti Spiritus inspiratio conveniens est...Item dictam Johannam onerare nituntur adversantes, exinde quod habitum virilem deferebat...Quibus respondetur quod talem habitum portare valuit licite ipsa Johanna, pensatis circumstantiis per eam agendorum, propter causas et rationes que sequuntur” (PN, 1, 133, 137).

¹⁷³PN, 1, 136. В этой связи весьма показательны слова духовника Жанны, Жана Паке-реля, утверждавшего, что, с точки зрения девушки, присутствие в армии проституток вело к поражению французов в войне: “Et quod caverent ne mulieres diffamate eam sequerentur, quia propter peccata Deus permetteret perdere bellum” (PN, 1, 393).

таким образом стало одним из условий выполнения девушкой ее главной задачи. Не случайно в хронике Жана Шартье именно поломка меча служила объяснением всех военных неудач и самой гибели французской героини: с его исчезновением ее политическая карьера должна была быть завершена, вот только Жанна этого не поняла, продолжив сражаться¹⁷⁴.

Связь меча из Сент-Катрин-де-Фьербуа с исполнением возложенной на Жанну д'Арк миссии четко фиксировалась и в трактатах теологов и юристов, созданных для процесса по реабилитации. Здесь история легендарного оружия была использована для подтверждения истинного пророческого дара девушки: при перечислении ее исполнившихся предсказаний обретение меча ставилось в один ряд со значительно более важными событиями. Так, Мартин Берруйе упоминал о нем наравне со снятием осады с Орлеана, коронацией Карла и освобождением Франции¹⁷⁵. Жан де Монтиньи приравнивал его нахождение к чудесному узнаванию Робера де Бодрикура и дофина при первой встрече с ними, а также к знанию Жанны будущего¹⁷⁶. Наконец, Жан Бреаль ставил появление меча в один ряд со снятием осады с Орлеана, помазанием Карла на французский престол, возвращением ему королевства, изгнанием англичан, а также с захватом самой Жанны в плен и исполнением ею своего предназначения до самого конца¹⁷⁷.

Таким образом, история меча из Сент-Катрин-де-Фьербуа призвана была не только указать на справедливый характер военной миссии, возложенной на себя девушкой. Она также оказывалась связана с темой исполнившихся пророчеств, которые, вне всякого сомнения, рассматривались свидетелями как еще одного доказательство Божественной избранности французской героини¹⁷⁸.

2.3. Концепт чуда в жизнеописании Жанны д'Арк

Предсказания Жанны д'Арк, которые запомнились ее современникам и которые стали впоследствии предметом пристального интереса судей на процессе по ее реабилитации, условно можно поделить на две группы. К первой относились пророчества, имевшие прежде всего политическое значение, способные, с точки зрения свидетелей, повлиять на

¹⁷⁴С конца XV в. эпизод с проститутками и поломкой меча стал широко известен, благодаря Марциалу Овернскому, зарифмовавшему хроника Шартье: *Martial d'Auvergne. Les Vigiles du roy Charles septiesme, a neuf pseaulmes et neuf leçons*. P., 1493. P. 56.

¹⁷⁵PN, 2, 224.

¹⁷⁶PN, 2, 287.

¹⁷⁷PN, 2, 443.

¹⁷⁸О развитии темы чудесного обретения меча (и ее связи с героическим дискурсом) в источниках XVI—XVII вв. см. ниже: Глава 4. § 2.1.

судьбу Французского королевства и на исход Столетней войны. Ко второй можно причислить более «частные» проявления пророческого дара героини, относившиеся, если угодно, к повседневной жизни самой девушки и окружавших ее людей¹⁷⁹.

Что касается политических пророчеств Жанны, т.е. целей, якобы поставленных перед ней самим Господом, то их точные количество и содержание никогда не были известны современникам. Несмотря на то, что уже в марте 1429 г. сторонники дофина Карла были уверены, что странная «пастушка из Домреми» явилась, дабы оказать им военную помощь¹⁸⁰, характер этой помощи каждый из них понимал по-своему. Так, Генрих фон Горкум весьма туманно сообщал о грядущем «освобождении народа» (*ad populi liberationem*)¹⁸¹, а Жан Жерсон полагал, что функции Жанны заключались в возвращении королю его королевства и изгнании врагов (*restitutio regis ad regnum suum et inimicorum justissima repulsio*)¹⁸². В переписке французских придворных с иностранными правителями, весьма оживившейся летом 1429 г., количество задач, якобы поставленных девушкой перед собой, неуклонно возрастало, а их содержание становилось все более разнообразным. Например, в письме Персеваля де Буленвилье говорилось о том, что Жанна намеревается восстановить Французское королевство, защитить Карла, а также освободить герцога Орлеанского из английского плена¹⁸³. А в письме Алена Шартье таких задач упоминалось уже четыре: взятие Орлеана, помазание Карла в Реймсе, его коронация и, как следствие, возвращение ему Парижа и всего королевства¹⁸⁴.

У иностранных авторов трактовка «пророчеств» Жанны д'Арк часто носила, по мнению исследователей, совсем уж фантастический характер. Типичным примером здесь может служить письмо Псевдо-Барбаро, в котором к освобождению от англичан и коронации Карла (названной самым малым из будущих свершений Жанны) добавлялась помощь ему в восстановлении былого великолетия Италии, в улучшении положения в Церкви, а также их совместный крестовый поход с

¹⁷⁹Подробнее см.: *Тогоева О.И.* Исполнение пророчеств: Ветхозаветные герои Столетней войны // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2005 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 7. М., 2006. С. 88—106.

¹⁸⁰Об этом говорилось уже в «Заключении» из Пуатье: Q, 3, 392.

¹⁸¹Q, 3, 416.

¹⁸²PN, 2, 36.

¹⁸³“*Nam tu illa es quam elegit Rex coeli ad regni Francorum reparationem et Karoli regis, expulsi a dominio suo, auxilium et protectionem... Dominum ducem Aurelianensem, nepotem vestrum, dixit miraculose liberandum, monitione tamen prius super sua libertate Anglicis detinentibus facta*” (Q, 5, 117, 120—121).

¹⁸⁴“*Profecta ubi sis, et cum rege loquuta, fac liberes Aurelianis ad obsidione. Hinc regem consecrandum Remis adducas; coronato Parisius reddas regnumque restituas*” (Q, 5, 132).

обязательной христианизацией покоренных народов, восстановлением христианских святынь в Азии и созданием новой единой империи (*unius imperii regimen constitues*) во главе с французским монархом¹⁸⁵. Имперскую идею разделял и другой итальянец, Джованни да Молино, в письме от 30 июня 1429 г. размышлявший о «подарках», сделанных Карлу самим Господом через посредство Жанны д'Арк: о коронации, «возвращении» ему королевства и «обещании еще лучшего подарка» — завоевания Святой Земли¹⁸⁶.

Реальные или нет, предсказания девушки, тем не менее, крайне мало заинтересовали ее судей на обвинительном процессе. Действуя в рамках *discretio spirituum* и пытаясь развенчать складывающийся культ Жанны во Франции, они стремились замолчать любые факты, подтверждавшие ее статус истинного пророка, на котором настаивали ее сторонники, — и в первую очередь, ее пророческий дар. Значительно больше внимания они уделили тем пророчествам, которые не сбылись: прежде всего, неудавшемуся штурму Парижа 8 сентября 1429 г., к которому в ходе допросов они возвращались четыре раза¹⁸⁷. Более всего судей интересовало, являлся ли этот поход на самом деле исполнением приказа, полученного Жанной от ее «голосов», т.е. результатом Божественного откровения, а не дьявольского наваждения, как, возможно, им хотелось бы думать¹⁸⁸. Сложность ответа на данный вопрос заключалась в том, что штурм состоялся в праздник Рождества Богородицы, что само по себе считалось грубым нарушением религиозных норм: любые военные действия в такие дни были запрещены¹⁸⁹. Именно поэтому судьи требовали от Жанны признать, что она совершила в данном случае смертный грех (*peccatum mortale*)¹⁹⁰, а сама девушка, пытаясь отвести от себя подобное обвинение, настаивала, что идея взятия Парижа принадлежала не ей, но ее боевым товарищам¹⁹¹.

Возможно, именно этот ответ Жанны стал причиной того, что на процессе по реабилитации вопрос о неудавшемся штурме столицы Франции был обойден практически полным молчанием¹⁹²: свидетелей интересо-

¹⁸⁵Gilli P. *Lépopée de Jeanne d'Arc*. P. 14—15.

¹⁸⁶Chronique d'Antonio Morosini. P. 64—66.

¹⁸⁷PC, 1, 53, 140—141, 151—152, 160—161.

¹⁸⁸“Interrogata utrum, quando ivit [ante] villam Parisiensem, ipsa habuerit per revelationem suarum vocum de eundo illuc” (PC, 1, 140).

¹⁸⁹“Interrogata utrum fuerit bene factum de eundo ad invadendum villam Parisiensem in die Nativitatis beate Marie, cum esset festum” (PC, 1, 141).

¹⁹⁰PC, 1, 151—152.

¹⁹¹“Dixit tamen quod, ad requestam hominum armatorum, fuit facta una valencia armorum coram villa Parisiensi” (PC, 1, 160—161).

¹⁹²О нем лишь мельком упоминал оруженосец Жанны Луи де Кут, не сопровождавший Жанну в этом походе: PN, 1, 51.

вали только исполнившиеся политические пророчества девушки. Однако и в их показаниях не наблюдалось никакого единства в данном вопросе: очевидцам событий помнилось разное количество предсказаний и разное их содержание. Так, духовник Жанны, Жан Пакерель, называл всего одну цель — помазание дофина в Реймсе¹⁹³. Граф Дюнуа настаивал на двух задачах, поставленных и с честью исполненных Девой: взятие Орлеана и помазание в Реймсе¹⁹⁴. В показаниях Франсуа Гаривеля фигурировали уже 3 исполнившихся «пророчества»: все те же снятие осады и коронация Карла, но также «утверждение дофина в его королевстве» (*pro reponendo eum in suo regno*)¹⁹⁵. Наконец, существовала версия с четырьмя «пророчествами», содержание которых снова варьировалось. У герцога д'Алансона это были изгнание англичан, взятие Орлеана, помазание в Реймсе и освобождение герцога Орлеанского¹⁹⁶. У Сегена де Сегена — снятие осады с Орлеана, коронация в Реймсе, освобождение Парижа и возвращение герцога Орлеанского из плена¹⁹⁷.

Сочинения, созданные во второй половине XV в., также не внесли никакой ясности в данный вопрос. В них по-прежнему фигурировали самые разные варианты «пророчеств». Наиболее устойчивой, пожалуй, являлась версия о двух задачах, поставленных перед собой Жанной д'Арк и заключавшихся в снятии осады с Орлеана и коронации дофина Карла в Реймсе¹⁹⁸. Однако, эти цели могли легко модифицироваться (например, коронация в Реймсе и — освобождение от англичан¹⁹⁹) или разрастаться (восстановление Французского королевства, изгнание англичан и восстановление короля в его правах²⁰⁰).

В историографии вопрос о том, как следует понимать путаницу, царящую в источниках относительно количества и сути предсказаний Жанны д'Арк, насколько можно судить, никогда специально не рассматривался. Историки всегда предпочитали указывать максимальное число «пророчеств» — очевидно, чтобы не упустить из виду какое-нибудь из них²⁰¹. Единственным, кто, на мой взгляд, попытался хоть как-то

¹⁹³PN, 1, 390.

¹⁹⁴PN, 1, 317.

¹⁹⁵PN, 1, 328.

¹⁹⁶PN, 1, 387.

¹⁹⁷PN, 1, 472—473.

¹⁹⁸Chronique de la Pucelle. P. 272; Chronique de l'établissement de la fête du 8 mai // РНБ. Fr. F. IV. 86, f. 71.

¹⁹⁹Например, в анонимной алансонской хронике: Q, 4, 38.

²⁰⁰Например, в сочинении юриста из Гренобля Ги Папа: Q, 4, 534.

²⁰¹Quicherat J. Aperçus nouveaux sur l'histoire de Jeanne d'Arc. P., 1850. P. 37—45; Перну Р., Клэн М.-В. Указ. соч. С. 45—46; Beaune C. Jeanne d'Arc. P. 102; Eadem. Une prophétesse aux côtés du roi. P. 39; Eadem. Jeanne d'Arc. Vérités et légendes. P., 2008. P. 29.

объяснить существование различных списков, был французский историк Филипп Контамин. Он писал, что с самого начала — с момента появления Жанны на политической сцене — ее история подверглась мифологизации, а потому предлагал разделять изучение легендарного персонажа и реальной девушки-воина. Признавая мистические способности Жанны, Контамин, тем не менее, полагал, что ее современники (прежде всего, приближенные дофина Карла) вовсе не видели — или не желали видеть — в ней пророка и воспринимали ее как воина, способного участвовать в сражении и вести за собой армию. Они всячески замалчивали пророческий дар девушки, а потому свидетельства о ее пророчествах столь противоречивы и даже порой фантастичны. Королевским советникам, по мнению французского историка, был нужен военный лидер, не имевший никакого отношения к мистике, и слова Жанны они интерпретировали не как откровения, но как план военной операции, возможно, и не ею самой придуманный²⁰².

Гипотеза Ф. Контамина заслуживает самого пристального внимания хотя бы потому, что он первым указал на особую связь, существовавшую между содержанием предсказаний Жанны д'Арк и ее непосредственным участием в боевых операциях. Тем не менее, его предположение о том, что сторонники Карла VII отказывались видеть в девушке пророка, нуждается, как мне кажется, в важном уточнении. С моей точки зрения, в восприятии современников в данном конкретном случае противоречие между функциями военачальника и функциями пророка отсутствовало, поскольку уже при завершении процедуры *discretio spirituum* в отношении Жанны после ее победы под Орлеаном она была отнесена к категории активных пророков, суть миссии которых во все времена состояла именно в исполнении собственных предсказаний²⁰³.

Связь, существовавшая между словами Девы и ее последующими действиями, подчеркивалась и в материалах процесса по реабилитации. Как я уже отмечала выше, в 101 статье, составленной для допроса свидетелей, исполнение пророчеств Жанны, их соответствие реальности было названо главным (наравне с девственностью) доказательством ее Божественной избранности: только Господь мог посредством подобной посланницы даровать французам столько побед, изменить политическую ситуацию в их пользу, подтвердив тем самым, что отныне Он — на их стороне, что их войну следует считать справедливой. Именно с этой точки зрения, как мне представляется, и следует рассматривать весь комплекс политических пророчеств Жанны д'Арк, упоминающихся в текстах XV в. Их общий смысл, а не конкретная воз-

²⁰²Contamine P. Mythe et histoire: Jeanne d'Arc, 1429. P. 72—74.

²⁰³Подробнее см.: Глава 1. § 5.

возможность претворения их в жизнь, более всего, на мой взгляд, занимал современников.

Уже освобождение Орлеана — первое, если следовать хронологии событий, из исполнившихся предсказаний — указывало на то, что Жанна намеревалась совершать только справедливые поступки. Это был знак Свыше — знак, свидетельствовавший о Божественном характере посещавших ее «откровений», о ее избранности²⁰⁴. Сутью ее миссии, как и в случае с ветхозаветными героями-воителями, с которыми современники сравнивали девушку, начиная с 1429 г., являлось отражение нападения врагов-иностранцев, вторгшихся в ее страну²⁰⁵. Это условие еще со времен Блаженного Августина считалось основным для начала справедливой освободительной войны, а многие средневековые авторы рассматривали его как единственно возможное²⁰⁶. Таким образом, изгнание англичан из Франции расценивалось сторонниками Карла VII как богоугодное дело.

Несколько более сложной, на первый взгляд, представляется связь дискурса справедливой войны с обещанием Жанны во что бы то ни стало короновать дофина Карла в Реймсе. Однако, практически все средневековые авторы, уделявшие внимание этому вопросу, отмечали, что для начала такой войны необходим законный правитель, самостоятельный и независимый ни от кого другого²⁰⁷. С одной стороны, как отмечают исследователи, к 1429 г. Карл уже семь лет фактически являлся королем Франции, во всяком случае той ее части, которая признавала власть Валуа²⁰⁸. Ничто не мешало ему издавать законы, собирать и увеличивать налоги, созывать армии, что делало процедуру коронации простой формальностью. С другой стороны, для самой Жанны д'Арк, а также для многих ее современников помазание и коронация были тем необходимым для существования самой королевской власти условием, которое не было выполнено до конца, когда умер Карл VI и престол перешел к его сыну. Данная церемония должна была подтвердить характер этой власти, данной от Бога, подчеркнуть Божественное происхождение самого Французского королевства²⁰⁹. Только официально

²⁰⁴“Fuit quesitum ab ea quale signum ipsa monstraret pro credendo dictis suis. Tunc ipsa respondit quod signum quod ostenderet eis, esset de levatione obsidionis succursu ville Aurelianensis” (PN, I, 326).

²⁰⁵Подробнее см.: Глава 1. § 5.

²⁰⁶Regout R. Op. cit. P. 18, 43, 112; Russell F.H. Op. cit. P. 21, 41.

²⁰⁷Regout R. Op. cit. P. 22—23, 43; Russell F.H. Op. cit. P. 18, 22, 63, 145—155.

²⁰⁸О теоретических обоснованиях преемственности королевской власти в средневековой Франции см. прежде всего: Krynen J. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe-XVe siècle. P., 1993. P. 135—153.

²⁰⁹Особенно хорошо такое отношение к коронации заметно по отзывам иностранных авторов. В частности, в письмах итальянских купцов вплоть до июля 1429 г.

став правителем своей страны, Карл получал, с точки зрения современников, право назвать свою войну с англичанами справедливой²¹⁰.

Что же касается герцога Орлеанского, то его освобождение, как мне представляется, логично следовало за снятием осады с Орлеана — столицы его владений. В представлении людей Средневековья, каждый правитель был неразрывно связан со своим городом, идентифицировался с ним — вместе они составляли две части единого целого²¹¹. Если же город и его население, захваченные противником, получали свободу, на нее имел право и их господин. Таково было одно из положений доктрины справедливой войны²¹², знакомое, насколько можно судить, и авторам, писавшим о пророчествах Жанны д'Арк.

Тесную связь, существующую между герцогом Орлеанским и его городом, особенно подчеркивал анонимный сочинитель пролога к «Мистерии об осаде Орлеана», созданного в 50—60-е гг. XV в.²¹³ Здесь перед читателями предстал сам герцог, находящийся в английском плену и пребывающий поэтому «в крайнем унынии». Однако, когда он узнавал о готовящейся операции под стенами Орлеана, скорбь его лишь возрастала (*deul et grant desplaisance*)²¹⁴. Герцог просил английских военачальников не захватывать и не разорять его земли (*sur moy ne veullent conquerre*)²¹⁵, поскольку он сам и так уже находится в плену: «Вы же знаете, что мое тело полностью в ваших руках»²¹⁶. Аналогия между телом герцога и его владениями — и особенно Орлеаном, которому «нельзя наносить вред и бесчестье» (*empeschment, ne nulle esclande*)²¹⁷, — получила в тексте мистерии дальнейшее развитие: герцог прямо призывал противников оставить его самого и его деньги в Англии, но спасти его «тело», т.е. его земли²¹⁸. Та же аналогия между телом герцога, его землями и — прежде всего — Орлеаном проводилась и в «Хронике Девы». Ее

Карл именовался исключительно дофином, но не королем Франции: *el Dolfino, lo Dolfin, del nobel principio Carlo dolfino* (Chronique d'Antonio Morosini. P. 44, 60, 94). Ту же особенность мы наблюдаем и во «Французской сивилле»: *Delphino Francorum rege* (Q, 3, 425). Подробнее об этом см.: Тогоева О.И. Жанна д'Арк и ее король.

²¹⁰Эту зависимость отмечал, к примеру, папа Пий II, писавший, что именно после коронации Карл одержал многочисленные победы над врагом: «Ac eo inuntus Carolus coronatus est multasque de hostibus uictorias reportauit» (*Enee Silvii Piccolominei postea Pii PP. II. De viris illustribus* / Ed. by A. van Heck. Città del Vaticano, 1991. P. 73).

²¹¹См., например: Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 258—296, 297—303.

²¹²*Regout R.* Op. cit. P. 22, 68.

²¹³Подробнее о датировке «Мистерии» см. ниже: Глава 5. § 4.1.

²¹⁴*Le Mistere du siege d'Orleans.* V. 333—339.

²¹⁵*Ibid.* V. 351—353.

²¹⁶*Ibid.* V. 363—365.

²¹⁷*Ibid.* V. 387—392.

²¹⁸«Sauvez mon corps, gardez ma terre!» (*Ibid.* V. 405—408).

автор вкладывал в уста Жанны д'Арк слова о том, что Господь в ответ на просьбы Людовика Святого и Карла Великого сжалился над Орлеаном и не захотел видеть, как враги получают «тело герцога Орлеанского и его город» (*le corps du duc d'Orléans et sa ville*)²¹⁹.

В рамках дискурса справедливой войны довольно просто решалась и проблема с «вымышленными» пророчествами французской героини. Так, идея нового крестового похода обретала совершенно конкретный смысл, если учесть, что ее авторы видели в нем естественное продолжение справедливой войны, несущей поражение не только врагам-христианам, но также неверным и еретикам. Надежды итальянцев на содействие Карла VII и Жанны д'Арк в возрождении былого могущества их страны, рассматриваемое как помощь соседям в ведении справедливой войны, также перестают вызывать удивление, равно как и странная, на первый взгляд, мысль о скором возникновении французской империи: многие теоретики справедливой войны полагали, что вести ее может только император²²⁰.

Другое дело, что для каждого конкретного автора, писавшего о пророчествах Жанны д'Арк, было характерно свое понимание справедливой войны. Вполне естественно было ожидать от анонимного немецкого автора «Французской сивиллы» размышлений о роли Жанны в грядущем «отвоевании Богемии» (*Bohemiae regnum foret recuperandum*), под которым понималось освобождение Чехии от еретиков²²¹, а от Псевдо-Барбаро — заявлений о ее участии в возрождении Италии, по сравнению с которым коронация Карла VII выглядела «самым малым» из ее деяний²²². Подобные интерпретации политических пророчеств Жанны д'Арк представляются мне вполне допустимыми применительно к дискурсу справедливой войны, ибо зависели они прежде всего от национальной принадлежности авторов: то, что казалось важным французам, совсем не обязательно оставалось таковым для итальянцев или немцев. Собственно, и сама доктрина справедливой войны, разрабатываемая на протяжении веков самыми разными авторами, никогда не сводилась к какому-то одному, определенному раз и навсегда ряду положений. А потому разделение откровений Жанны д'Арк на «реальные» и «вымышленные» лишено, на мой взгляд, всякого смысла.

²¹⁹Chronique de la Pucelle. P. 284.

²²⁰Подробнее об идеях нового крестового похода и создания империи во главе с французским королем, получивших широкое распространение во Франции XIV—XV вв., см.: Тогоева О.И. Путешествие как миссия.

²²¹Q, 3, 436.

²²²Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc. P. 14—15.

Значительно больший интерес, как мне кажется, представляет анализ второй выделенной мною группы пророчеств Жанны, также в основном касавшихся военных операций, но носивших более «локальный» характер. О них особенно подробно говорили свидетели на процессе по реабилитации девушки, подводившие под категорию сбывшихся предсказаний буквально все действия своей героини. К ним прежде всего относились: путешествие Жанны из Вокулера в Шинон по вражеской территории, прошедшее без столкновений с противником²²³; изменение ветра и внезапный подъем воды в Луаре, позволившие французскому обозу без проблем переправиться в Орлеан²²⁴; возвращение герольда, посланного в лагерь англичан с письмом Жанны, целым и невредимым²²⁵; спасение жизни герцогу Алансонскому под обстрелом пушек²²⁶; взятие городов в долине Луары, последовавшее за снятием осады с Орлеана²²⁷; битва при Пате, в которой сторонники дофина победили объединенную армию противника²²⁸; свободное продвижение французских войск к Реймсу, во время которого все крупные города открыли свои ворота Карлу и его верной помощнице²²⁹. К этому списку военных удач, предсказанных Жанной, следует добавить и ее знание своей собственной судьбы. Так, по свидетельству герцога Алансонского, она не раз заявляла королю, что «продержится всего один год» и, соответственно, сможет оказывать ему помощь только в течение этого небольшого срока²³⁰. Точно так же, будучи уже в Орлеане, она предвидела собственное ранение при штурме бастиона Сен-Лу²³¹, а находясь в заключении в замке Боревуар, говорила о своей неминуемой смерти²³².

Однако и в этой группе предсказаний, несмотря на их «частный» характер, значение, на мой взгляд, имело прежде всего не конкретное содержание, а общая оценка данных событий свидетелями на процессе по реабилитации. Для этих последних самым главным во всех исполнившихся пророчествах Жанны д'Арк являлся их удивительный или даже чудесный характер. Собственно, они и описывались как последовательность чудес, выступая таким образом структурообра-

²²³PN, 1, 400.

²²⁴PN, 1, 319, 327, 391—392.

²²⁵PN, 1, 333.

²²⁶PN, 1, 384—385.

²²⁷PN, 1, 321—322, 369—370, 383—386.

²²⁸PN, 1, 322—323.

²²⁹PN, 1, 323—324, 401—402.

²³⁰“Audivitque aliquando dictam Johannam dicentem regi quod ipsa Johanna duraret per annum et non multum plus, et quod cogitarent illo anno de bene operando” (PN, 1, 387).

²³¹“Ymo dixerat ipsa per antea quod lederetur ante dictum fortalitium pontis, et ita accidit” (PN, 1, 410).

²³²“Dicendo ulterius: “Je sçay bien que ces Angloys me feront mourir” (PN, 1, 406).

зующим элементом рассказов очевидцев. Наиболее показательным в данном случае являлось свидетельство графа Дюнуа, который начинал свой рассказ с утверждения о том, что все военные свершения Жанны происходили по Божественному провидению, и полностью отрицал их человеческое происхождение²³³. В изложении Дюнуа вся военная карьера девушки, которой он был свидетелем, представляла собой череду сбывшихся пророчеств: от описания внезапного изменения ветра при приближении французского войска к Луаре²³⁴ он переходил к моменту отправки письма Жанны англичанам, в котором она обещала одержать над ними победу под стенами Орлеана²³⁵, после чего французы действительно стали побеждать, взяли главный укрепленный форт города Турель²³⁶, захватили города в долине Луары, разгромили противника при Пате²³⁷, взяли Труа²³⁸ и вошли в Реймс, где состоялась коронация дофина Карла²³⁹. По той же схеме, когда любое удачное действие Жанны д'Арк оказывалось заранее ею предсказанным, а потому заслуживало определения «чудо» (*miracle*), строились и показания других соратников девушки: Гобера Тибо²⁴⁰, герцога Алансонского²⁴¹, Жана Пакереля²⁴², Симона Шарля²⁴³ и других. Понятие «чудо» являлось определяющим для этих рассказов, отсылая прямо или косвенно к Божественному характеру миссии Жанны и к справедливому характеру предпринятых ею действий.

Любопытно отметить также, что для усиления эффекта реальности во многих свидетельских показаниях на процессе по реабилитации, касавшихся военных действий Жанны д'Арк, при записи была сохра-

²³³“Respondet quod credit ipsam Johannam esse missam a Deo et actus ejus in bello, esse potius divino aspiramine quam spiritu humano” (PN, 1, 317).

²³⁴PN, 1, 319.

²³⁵PN, 1, 320.

²³⁶PN, 1, 320.

²³⁷PN, 1, 322.

²³⁸PN, 1, 234.

²³⁹PN, 1, 324.

²⁴⁰“Dicit tamen quod non fuit presens in hiis que fuerunt acta in villa Aurelianensi; communis tamen fama erat quod omnia per ejus medium erant facta, et quasi miraculose” (PN, 1, 369, разрядка моя — О.Т.).

²⁴¹“Et, prout audivit referri ab armatis et capitaneis qui ibidem interfuerant, quod quasi omnia facta Aurelianensi ascribebant Dei miraculo et quod illa non fuerant facta opere humano, sed desuper acciderat” (PN, 1, 383, разрядка моя — О.Т.).

²⁴²“Et deinde ipsa Johanna volens procedere ulterius, sicut dixerat, ad coronationem regis, duxit regem...in villa remensi, ubi rex ibidem miraculose fuit coronatus et consecratus, prout in principio sui accessus ipsa Johanna predixerat” (PN, 1, 396, разрядка моя — О.Т.).

²⁴³“Et adducta fuerat per patriam inimicorum regis et quasi miraculose transiverat multa flumina ad vadum, et perduceretur ad regem” (PN, 1, 400, разрядка моя — О.Т.).

нена ее прямая речь: собственные слова героини, якобы произнесенные по тому или иному поводу, должны были вызывать у читателей и слушателей больше доверия, нежели воспоминания очевидцев событий. Таким образом, описание каждого следующего поступка Жанны предварялось отсылкой к пророчеству, сделанному ею по этому поводу и зафиксированному в форме прямой речи. Так, например, прибытие французского войска в Орлеан, по свидетельству графа Дюнуа, выглядело следующим образом: «Тогда Жанна сказала: “Я принесу вам самую лучшую помощь, какую только получал когда-либо воин или город, помощь Царя небесного. Однако, он помогает не из любви ко мне: помощь идет от Господа, который сжалился над Орлеаном и не потерпит, чтобы тело герцога Орлеанского и его город захватили враги”»²⁴⁴. Точно так же Дюнуа описывал участие девушки в королевском совете, на котором рассматривался вопрос, следует ли продолжать переговоры с жителями Труа, не желавшими открывать дофину Карлу ворота города: «Дева явилась на совет и произнесла следующие слова, или похожие: “Благородный дофин, прикажите своим войскам осадить Труа, не прибегая более к переговорам, ибо, во имя Господа, не пройдет и трех дней, как я введу Вас в этот город”»²⁴⁵. Наконец, сдаче Реймса также предшествовало, по мнению Симона Шарля, пророчество Жанны д’Арк: «Жанна сказала ему (дофину — О.Т.): “Не бойтесь ничего, ибо жители Реймса выйдут Вам навстречу”; и прежде чем войска приблизились к городу, его жители сдались»²⁴⁶.

Подобное использование прямой речи Жанны д’Арк прослеживается и по более поздним документам, например, по «Хронике» Персеваля де Каньи²⁴⁷. У этого последнего — как и в показаниях свидетелей на процессе по реабилитации — все слова и деяния главной героини были также представлены как последовательность «чудес» (*merveilles*): взятие форта Сен-Лу, освобождение Орлеана, взятие Божанси, битва при Пате²⁴⁸, а также сдача всех городов на пути к Реймсу²⁴⁹. Завершая рассказ о Жанне, автор подводил ему своеобразный итог: «Таким образом,

²⁴⁴“Tunc ipsa Johanna dixit in isto modo. “Ego adduco vobis meliorem succursum quam venerit unquam cuicumque militi aut civitati, quia est succursus a Rege celorum. Non tamen procedit amore mei, sed ab illo Deo qui...nec voluit pati quod inimici haberent corpus domini Aurelianensis et villam ejus” (PN, 1, 318).

²⁴⁵PN, 1, 324.

²⁴⁶“Ipsa Johanna dixit regi: “Nolite dubitare, quia burgenses ville Remensis venient vobis obviam”, et antequam appropinquaret civitatem Remensem, burgenses se redderent” (PN, 1, 402).

²⁴⁷Подробно этот вопрос рассмотрен в: *Тогоева О.И. Жизнь как чудо*. См. также: Глава 5. § 5.1.

²⁴⁸Chroniques de Perceval de Cagny. P. 144, 146, 153, 156.

²⁴⁹“Grans merveilles avenues et faites à la presence de la Pucelle” (Ibid. P. 158).

как было выше сказано, ее слова и деяния казались чудесными (*miraculeux*) всем, кто находился с нею рядом»²⁵⁰.

Как мне представляется, столь активное использование концепта чуда в рассмотренных выше текстах особенно ясно дает понять, что в данном случае в описаниях деятельности Жанны д'Арк на политической и военной арене мы имеем дело со следованием агиографическому канону — причем в той его форме, которая стала основной в XV в. Несмотря на всю конвенциональность житийной литературы, о которой я упоминала выше, в ее развитии присутствовал один важный переломный момент, о котором следует помнить. Предельная стереотипность житий, наиболее полно проявившаяся в сочинениях X—XIII вв., была следствием того обстоятельства, что одной из немногих категорий истинных святых в этот период считались мученики первых веков христианства: смерть за веру полагалась достаточным основанием для официального признания их статуса²⁵¹. Однако в более поздний период (XIV—XV вв.), когда к святым стало возможно причислять людей, умерших недавно, а их выдающиеся личные качества подтверждались в суде знавшими их очевидцами событий, процедура канонизации усложнилась. Отныне внимание обращалось не только на соответствие репутации и образа жизни кандидата более ранним примерам, но и на некоторые индивидуальные черты, позволяющие судить о его исключительности, выделявшей его на фоне прочих людей и, таким образом, превращавшей его в святого. К этим частным особенностям в первую очередь относились чудеса, совершенные человеком при жизни, — прежде всего его пророчества, называемые иногда в материалах канонизационных процессов *miracula miraculosa*²⁵².

²⁵⁰“Lesquelz avoient veu et congneu les tres grans merveilles qui estoient avenues à l'onneur et prouffit du roy par la venue et les entreprises de la Pucelle, ainssi que dessus ay desclairé, ses parolles et ses faiz sembloient miraculeux à touz ceulz qui avoient esté en sa compaignie” (Ibid. P. 179).

²⁵¹Особенности этого периода кратко изложены в: Kleinberg A. Proving Sanctity. P. 185—189; Vauchez A. L'influence des modèles hagiographiques sur les représentations de la sainteté, dans les procès de canonisation (XIIIe—XVe siècles) // Hagiographie, cultures et sociétés, IVe—XIIe siècles. P., 1981. P. 585—596. Важно при этом отметить, что в более ранний период (VI—IX вв.) концепт чуда широко использовался в агиографической литературе, однако собственно чудеса святых не носили здесь зрелищного, показательного характера, что стало отличительной чертой жизнеописаний XIV—XV вв.: Uytfanghe M. van. La controverse biblique et patristique autour du miracle, et ses répercussions sur l'hagiographie dans l'Antiquité tardive et le haut Moyen Age latin // Hagiographie, cultures et sociétés, IVe—XIIe siècles. P. 205—233; Idem. Stylisation bibliques et condition humaine dans l'hagiographie mérovingienne (600—750). Bruxelles, 1987. P. 26, 31, 46, 51, 70, 79, 87, 154, 244.

²⁵²Vauchez A. L'influence des modèles hagiographiques. P. 587; Idem. La sainteté en Occident. P. 561—581.

Подобные изменения были связаны в первую очередь с особенностями восприятия официальными церковными властями религиозных мистиков. От полного неприятия профетизма был сделан шаг в сторону его признания, подразумевавшего, однако, более тщательную проверку каждого кандидата. Именно для этого и была создана доктрина *discretio spirituum*, без которой не мог состояться ни один подобный процесс. Концепт чуда, уподоблявшегося в агиографическом каноне поучительному примеру (*exempla*), являлся отныне тем маркером, который позволял судить об истинной (или ложной) святости того или иного человека, а также свидетельствовал об определенной рационализации процедуры канонизации. Это не означало, однако, что личным достоинствам кандидата отныне уделялось меньше внимания. Напротив, их жесткое соответствие предшествующим образцам стало обязательным требованием судей, проводящих допросы свидетелей²⁵³.

Именно эту ситуацию мы наблюдаем, с моей точки зрения, и в случае Жанны д'Арк. Постоянно подчеркивая ее чудесный профетический дар и совершенно особый, действенный характер предсказаний, превращавший девушку в активного пророка, военного лидера, какового до того момента не знала французская история, свидетели на процессе по ее реабилитации предлагали своим слушателям весьма ограниченный набор ее личных достоинств, который, тем не менее, и должен был в полной мере подтвердить ее несомненную святость. Помимо обязательного в таких случаях обета девственности, особенности описания которого были рассмотрены выше, в материалах дела назывались также: необыкновенная набожность Жанны, в ее детстве часто становившаяся предметом насмешек и шуток в Домреми²⁵⁴; дар легких и обильных слез²⁵⁵; суровая аскеза, которой она постоянно себя подвергала²⁵⁶; скромность и активное противодействие собственному, складывавшемуся у нее на глазах культуре²⁵⁷; любовь к ближнему, выражавшаяся в регулярной раздаче милостыни²⁵⁸, а также мученическая смерть, принятая девушкой на костре, и последовавшее затем чудо — обнаружение ее сердца, оставшегося несторевающим²⁵⁹.

²⁵³Vauchez A. L'influence des modèles hagiographiques. P. 588—589, 594; *Idem*. La sainteté en Occident. P. 583—614.

²⁵⁴PN, 1, 253—254, 258, 264, 271—272, 273, 275, 277, 280—281, 287.

²⁵⁵Согласно показаниям свидетелей, Жанна плакала при любых обстоятельствах: когда молилась (PN, 1, 362), когда подходила к причастию и общалась со своими «голосами» (PN, 1, 387, 399), при ранении (PN, 1, 395), когда ее оскорбляли англичане (PN, 1, 394), при известии о смерти кого-то из противников (PN, 1, 395), при общении с дофином Карлом (PN, 1, 400), в день казни (PN, 1, 446—449, 457).

²⁵⁶PN, 1, 320, 327, 364, 395, 408.

²⁵⁷PN, 1, 337, 374, 376, 378.

²⁵⁸PN, 1, 306.

²⁵⁹PN, 1, 435.

Все эти качества французской героини на самом деле не носили какого бы то ни было индивидуального характера: любой из средневековых святых мог похвастать столь же примерным образом жизни²⁶⁰. Однако, именно для того, чтобы подчеркнуть их типологическую близость Жанне д'Арк в показаниях свидетелей на процессе по ее реабилитации и были включены подобные утверждения. Не менее важным представляется мне и то обстоятельство, что в материалах дела оказались задействованы прямые отсылки к историям тех или иных библейских и средневековых героев, чей статус святых являлся к середине XV в. общепризнанным²⁶¹. Именно их истории были использованы теологами и юристами, призванными — как и прочие свидетели — подтвердить особое положение Жанны д'Арк, ее Божественную избранность и, возможно, ее святость.

§ 3. Библейские образцы и прототипы

Безусловно, трактаты, составленные для процесса по реабилитации, были далеко не первыми сочинениями, в которых деяния Жанны д'Арк и ее личные качества оценивались сквозь призму агиографических и библейских образцов. Система подобных аналогий впервые была задействована в 1429 г. в рамках процедуры *discretio spirituum*, проведенной в отношении девушки, и наиболее полно представлена в трактатах Жака Желю, Жана Жерсона, Генриха фон Горкума и Жана Дююи. Сравнения с Моисеем, Давидом, Гедеоном, Деборой утверждали Жанну в роли активного пророка, политического и военного лидера, способного лично претворить свои откровения в жизнь и оказать действенную помощь королю и стране²⁶². Иными словами, в 1429 г. профранцузски настроенных авторов интересовали прежде всего цели, которые ставила (или могла ставить) перед собой их героиня. В рамках *discretio spirituum* ее обещания, названные в текстах пророчествами, представлялись единственно возможным доказательством Божественного характера ее миссии — знаком, который позволит судить о ней как об истинном пророке.

Думается, с той же позиции рассматривали деяния Жанны и свидетели на процессе по реабилитации. Для них также оказывался важен именно конечный результат данного предприятия — сбывшиеся

²⁶⁰ Weinstein D., Bell R.M. Op. cit.

²⁶¹ Как отмечал Андре Воше, прямые ссылки на конкретные жития присутствовали в подавляющем большинстве дел, которые рассматривала папская канцелярия, начиная с XIV в.: Vauchez A. L'influence des modèles hagiographiques. P. 589.

²⁶² Подробнее см.: Глава 1. § 5.

предсказания, которые понимались ими как чудеса, а потому могли считаться подтверждением избранности девушки. Эта концепция, однако, не нашла развития в трактатах теологов и юристов, составленных в 1452—1455 гг. Значительно больше внимания в них, на мой взгляд, было обращено на обстоятельства получения Жанной откровений, на их происхождение, что сближало данную группу авторов с судьями на обвинительном процессе 1431 г. Это не означает, впрочем, что понятие цели полностью исчезло из их рассуждений, однако оно оказалось включено в несколько иной контекст.

Для теологов и юристов, писавших для процесса по реабилитации, было очевидно, что большинство предсказаний, сделанных в свое время Жанной д'Арк, уже исполнились. Но одного этого факта было, по их мнению, недостаточно (*non est sufficiens argumentum*) для того, чтобы судить об избранности девушки, поскольку ее откровения с равным успехом могли происходить не только от ангелов, но и от демонов (*ab demone*), а также являться результатом ее собственных умственных усилий (*ab humano ingenio*)²⁶³. Интересно отметить при этом, что все без исключения авторы, высказывавшиеся по вопросу о невинности французской героини, легко допускали возможность явления ангела (или демона) человеку, хотя и настаивали, что подобная встреча обязана носить сугубо приватный характер. Как Агарь получала откровения в пустыне, Захария — в храме, а Мария — в своем доме, так и Жанна общалась с «голосами» тайно, без свидетелей²⁶⁴. При этом она вполне могла видеть архангела Михаила и свв. Екатерину и Маргариту в физическом облике — в той особой форме телесности, которую принимают ангелы, дабы человек мог их различить²⁶⁵. Безусловно, писал Жан Бреаль (ссылаясь в данном случае на Блаженного Августина), подобные явления следовало бы признать скорее исключением из правил, поскольку обычно ангелы навещают людей «духовно» (*spiritualis*) или «в воображении» (*sensibilis et imaginaria*)²⁶⁶. Однако подобная исключительность, по мнению Мартина Берруйе, не была связана с особыми задачами, стоявшими перед девушкой: истории Товии и архангела Рафаила, а также св. Агаты, чьи страдания были временно облегчены апо-

²⁶³PN, 2, 189.

²⁶⁴PN, 2, 43—44. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется нежелание данных авторов верить в историю, рассказанную Жанной о явлении ангела дофину Карлу в Шиноне (См. о ней выше: Глава 1. § 4.3). Присутствие многочисленных придворных, ставших, по словам девушки, свидетелями этой встречи, не соответствовало требованиям христианской экзегезы.

²⁶⁵“Et ob hoc angeli sancti nos illuminaturi et nobis occulta revelaturi, assumunt sibi corpora in quibus possint nostris sensibus se representare et apparere ac docere” (PN, 2, 47—48).

²⁶⁶PN, 2, 413.

столом Петром, указывали, что и не столь значительные предприятия, как спасение целой страны, предварялись явлением ангела во плоти²⁶⁷.

Понять, что перед человеком находится именно ангел, а не демон, возможно было, с точки зрения Жана Бреалья, по манере общения, по его поведению и по тому, как он сам себя называет²⁶⁸. Главным же различием небесных и дьявольских сил, как полагал Эли де Бурдей, оказывалось то воздействие, которое они призваны были оказать на людей: ангелы воспламеняли человеческий разум Божественным огнем познания (*illuminando intellectum*), тогда как демоны насылали обманчивые иллюзии (*ignorantiam et nubila fantasiarum*)²⁶⁹. Однако сам способ передачи откровений был настолько сложен и неясен, что по нему нельзя было с уверенностью судить, от кого именно происходят пророчества²⁷⁰. Единственной возможностью это узнать была оценка целей, которые ставил перед собой человек: благие и справедливые деяния, каковыми, вне всякого сомнения, должны были считаться и поступки Жанны, всегда совершались лишь по указанию и при помощи добрых ангелов, посланцев самого Господа²⁷¹.

И все же, по мнению всех без исключения теологов и юристов, принявших участие в процессе по реабилитации, ответа на вопрос о происхождении откровений того или иного человека было недостаточно для того, чтобы считать его истинным пророком. Необходимым было также проведение полноценной процедуры *discretio spirituum*, оценки личности претендента, его образа жизни²⁷². Именно этому вопросу и оказались посвящены все трактаты, созданные в 1452—1455 гг. Важно отметить при этом, что результаты *discretio*, предпринятого в отношении Жанны д'Арк в 1429 г., никоим образом не ставились под сомнение: не случайно в материалы процесса по реабилитации оказался включен трактат Жана Жерсона *De mirabili victoria*, в котором особое внимание уделялось чудесному знаку, данному девушкой в подтвержде-

²⁶⁷“Pro minoribus enim rebus legimus apparationes angelorum et sanctarum animarum pluribus factas fuisse, sub aliquibus figuris corporalibus oculis visis et vocibus corporaliter auditis; ut angelum Raphaellem legimus apparuisse Thobie...Petrum apostolum Agathe” (PN, 2, 245).

²⁶⁸PN, 2, 416—417.

²⁶⁹PN, 2, 51—52.

²⁷⁰“Sed quia in hoc modo illustrandi seu revelandi non differt plene bonus angelus a malo, ideo advertendum quod illi qui a malo spiritu quamcumque revelationem accipiunt, vel mendaciorum confictione tandem seducuntur, vel ad aliquod vitium committendum ad eodem impelluntur” (PN, 2, 425).

²⁷¹“Missa inquam hec puella ad liberationem et consolationem regis et regni, ad quam liberationem et consolationem non concurrunt angeli mali” (PN, 2, 54). “Sic ergo verisimile est bonos spiritus esse qui apparuerunt ipsi Johanne, prenuntiando bonum gentis Francie et ereptionem regni ab hostibus” (PN, 2, 325). См. также: PN, 2, 368—369, 427.

²⁷²На этом настаивали практически все авторы: PN, 2, 188, 272, 321, 360, 428.

ние истинности своей миссии. Однако, наличие свидетельских показаний, собранных в 1452—1455 гг. и представленных людьми, лично знавшими Жанну, позволяло еще раз вернуться к вопросу, оставшемуся в 1429 г. практически без ответа, — попытаться соотнести обстоятельства жизни героини с библейскими образцами и доказать их идентичность. Ибо соответствие жизни человека Священному Писанию прежде всего делало из него истинного пророка.

3.1. Богобоязненная «пастушка»

Важно отметить, что в трактатах, вошедших в материалы процесса по реабилитации, для оценки личности Жанны д'Арк были использованы практически те же библейские аналогии, что и в сочинениях 1429 г. И первой из них следует, безусловно, назвать сравнение девушки с Давидом, предводителем израильских племен, победившим филистимлян²⁷³. Однако, несмотря на то, что интересующие нас авторы по-прежнему уделяли большое внимание политическим и военным качествам этого иудейского царя, а также его способности получать откровения Свыше, его образ получил у них, на мой взгляд, совершенно особую трактовку.

Наибольший интерес, с этой точки зрения, представлял трактат Мартина Берруйе, созданный в 1456 г. Епископ Манса, как и его коллеги, подробно останавливался на победах, одержанных Давидом с Божьей помощью, проводя тем самым прямую параллель между этим библейским героем и Жанной д'Арк. Тем не менее, главным их сходством он полагал не избавление страны от «тирании» филистимлян (или, соответственно, англичан). Французская героиня напоминала ему царя Израиля прежде всего потому, что была — как и он — пастухом овечьего стада, которому Господь доверил «победить врага»²⁷⁴.

²⁷³Имя Давида 16 раз упоминалось в трактатах теологов и юристов: PN, 5, 251.

²⁷⁴“Quod si Deus accepit David de post fetantes, ut per ipsum salvaret populum Israel de manu Philistinorum, quid incredibile iudicatur Deum tulisse puellam hanc de gregibus ovium, ut per manum ejus populum christianissimi regni Francie liberaret de tyrannica servitute Anglicorum?” (PN, 2, 236). Выражение *post fetantes* (или *post pecora*) встречалось также в трактатах Жана Бошара (PN, 2, 261) и Эли де Бурдейя (PN, 2, 79) и отсылало к тексту псалма 77, в котором речь снова шла о Давиде: «И избрал Давида, раба Своего, и взял его от дворов овчих (*de post foetantes accepit eum*), и от доящих привел его пасти народ Свой, Иакова, и наследие Свое, Израиля» (Пс. 77: 70—71). Возможно, данное выражение (как и отсылка к тексту псалма) возникло в трактатах, созданных для процесса по реабилитации, под влиянием Жана Жерсона, который также указывал на связь Жанны с Давидом через занятия пастушеством: “Sequitur triplex veritas ad justificationem electe Puellae, de post fetantes acceptae, utentis veste virili” (PN, 2, 38).

Образ Жанны-пастушки, безусловно, не был изобретением участников процесса по реабилитации. Как справедливо отмечал В.И. Райцес, он появился очень рано — весной 1429 г.²⁷⁵ Историк полагал, что первое свидетельство такого рода происходило из Фландрии: в письме, отправленном в Венецию из Брюгге 10 мая 1429 г., Панкратио Джустиниани сообщал своему отцу, что весьма сомневается в достоверности дошедших до него слухов о появлении при французском дворе «некоей девы, пастушки овец» (*una poncela vardaresa de piegore*)²⁷⁶. Однако, в действительности впервые о повседневных занятиях Жанны д'Арк в ее родной деревне Домреми упоминалось уже в личном письме Жака Желю, отправленном в Шинон дофину Карлу и его супруге в марте того же года. Епископ Амбрена считал невозможным поручить руководство армией деревенской пастушке, тем более девушке²⁷⁷.

Как мне представляется, именно послание Желю лежало в основе широко распространившейся весной-летом 1429 г. информации о том, что в детстве и ранней юности Жанна ходила за стадом. Как о реальности об этом факте сообщали многие авторы. Так, в июне 1429 г. Персеваль де Буленвиле писал герцогу Милана Филиппо Мария Висконти о том, что пастушкой овец девушка стала «по крестьянскому обычаю» (*agricolarum gentium more*) еще в семилетнем возрасте и что «ни одно животное, доверенное ей, не было растерзано хищными зверями» (*nec quicquam a fera exstitit devoratum*)²⁷⁸. Те же слухи повторялись чуть позже в «Дневнике» Парижского горожанина²⁷⁹. Профессиональный характер пастушества Жанны утверждался и в записи городского картулярия Альби, составленной в мае 1429 г., и в «Хронике францисканцев», и в *Ditié de Jeanne d'Arc* Кристины Пизанской, и в письме Псевдо-Барбаро²⁸⁰. Что же касается обвинительного процесса 1431 г., то судьи не усомнились в подобной интерпретации прошлого обвиняемой даже после того, как она сама заявила им, что ее основным занятием в родном доме было ткачество²⁸¹.

²⁷⁵ Райцес В.И. «Пастушка из Домреми»: генезис и семантика образа // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 1996 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. Вып. 1. М., 1997. С. 251—264.

²⁷⁶ Chronique d'Antonio Morosini. P. 40—42.

²⁷⁷ Fournier M. Op. cit. P. 315.

²⁷⁸ Q, 5, 116. Интересно отметить, насколько сообщение Буленвиле о сохранности стада маленькой Жанны перекликалось с библейским рассказом об успехах на том же поприще юного Давида: «И когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним и нападал на него и отнимал из пасти его» (1 Цар. 17: 34).

²⁷⁹ Journal d'un bourgeois. P. 257. § 503.

²⁸⁰ Q, 4, 300; Quicherat J. Supplément aux témoignages. P. 72; Pisan Ch. de. Op. cit. V. 193—200; Gilli P. Lépopée de Jeanne d'Arc. P. 11.

²⁸¹ 22 февраля 1431 г. на вопрос, знает ли она какое-нибудь ремесло, Жанна ответила: «Dixit quod sic, ad suendum pannos lineos et nendum» (PC, 1, 46). Тем не менее, на следующем допросе, 24 февраля, судьи вновь спросили ее о выпасе скота: PC, 1, 65.

Данное противоречие, однако, стало совершенно очевидным в ходе процесса по реабилитации Жанны д'Арк. Повседневным заботам девушки в Домреми в списке предварительных вопросов была посвящена отдельная статья²⁸², при ответе на которую половина свидетелей (17 человек из 34), опрошенных в Лотарингии, сообщили следствию о ее выдающихся способностях в прядении и ткачестве. Особенно ценными оказывались в данном случае рассказы Манжетты, супруги Жана Жойара, являвшейся в юности близкой подругой Жанны, и Катерины Ле Ройе, принимавшей ее в Вокулере в собственном доме: с этими женщинами она особенно часто «пряла по вечерам»²⁸³. О пастушестве как об одной из обязанностей французской героини в родной деревне на процессе по реабилитации сообщили всего два свидетеля из Лотарингии — Колен, сын Колена, живший в Вокулере, и Анри Арнолен, священник из Гондрекур-ле-Шато²⁸⁴.

Таким образом, именно на процессе по реабилитации, как полагал В.И. Райцес, образ Жанны-пастушки был впервые подвергнут сомнению²⁸⁵. По мнению ученого, об этом свидетельствовали, в частности, показания Рауля де Гокура, одного из самых влиятельных людей в окружении Карла VII, о том, что «он был в Шиноне, когда туда явилась Дева, и видел, как она предстала перед королем с великим смирением и простотой, подобно бедной пастушке» (*sicut una paupercula bergereta*)²⁸⁶. Однако, зафиксированный в этих словах переход к символическому прочтению данного образа произошел несколько раньше середины XV в. — у итальянского гуманиста Козимо Раймонди из Кремоны, письмо которого было написано, как полагают исследователи, в конце 1429 или в самом начале 1430 г. и адресовалось советнику миланского герцога Филиппо Мария Висконти, Джованни Корвини д'Ареццо²⁸⁷.

В самом начале своего послания Раймонди — как в свое время и Панкратио Джустиниани, чье сообщение, как мне кажется, вполне могло послужить для итальянского гуманиста источником вдохновения²⁸⁸, — выражал сомнение в том, что Господь избрал для спасения «столь славной и огромной страны, как Галлия» (*provinciam Galliam tam*

²⁸²“Item, quo exercitio se occupabat seu vacabat, predicto tempore juventutis” (PN, 1, 250).

²⁸³“Cognoscebatque dictam Johannetam *la Pucelle*, quia sepe nebat in ejus societate” (PN, 1, 284); “Libenter et bene nebat, et quia nevit in doma sua, cum ipsa” (PN, 1, 297).

²⁸⁴PN, 1, 287, 308.

²⁸⁵Райцес В.И. «Пастушка из Домреми». С. 257—258.

²⁸⁶PN, 1, 326 (разрядка моя — О.Т.).

²⁸⁷*Cosme Raymondi Cremonensis super allatis in Italiam rumoribus de Johanna puella Gallia[e] pastorali epistola // Chronique d'Antonio Morosini. Т. 4. P. 364—373.*

²⁸⁸Напомню, что письмо Джустиниани было написано 10 мая 1429 г.

illustrem atque amplissimam) обычную деревенскую девушку, всю свою жизнь проводившую «со скотом и домашними животными» (*cum pecoribus atque armentis vitam semper degerit*) и происходившую «от родителей не просто низкого звания, но от пастухов» (*parentibus pastoralibus progenita sit*)²⁸⁹. У подобной особы, по мнению автора, повторявшего здесь слова прочих скептиков, не имелось «ни благоразумия, ни серьезности, ни опыта, ни какой бы то ни было власти для восстановления такого королевства»²⁹⁰. И все же итальянский гуманист, призвав на помощь Священное Писание, переходил далее к обоснованию столь странного на первый взгляд выбора Господа.

«Насколько необычно избрание пастушки для возведения кого-либо на царство? Гораздо более необычно, когда такой юный пастух сам становится королем. Но мы читаем и об этом», — писал он, прямо проводя параллель между Жанной и царем Давидом²⁹¹. Впрочем, не только пример этого последнего укреплял Раймонди в мысли, что миссия по спасению родной страны вполне могла быть возложена именно на «пастушку». «Как будто такого никогда не случалось, чтобы Бог или ангелы сближались с пастухами», — заявлял он²⁹², приводя в подтверждение истории Иакова, Моисея и вифлеемских пастухов²⁹³. Именно они, по мнению автора, были всегда особенно «милы и любезны» небесным силам, являясь «безупречными людьми», ведущими «святой и невинный образ жизни»²⁹⁴.

Только пастухам, с точки зрения Раймонди, были неведомы ненависть и зависть, только они всегда оставались довольны своей честной и простой жизнью, только они отличались терпением, трудолюбием, благочестием и отсутствием всякого тщеславия²⁹⁵. «Вот почему пастух Давид был избран царем, и даже сам Христос пожелал не только родиться в пастушьем жилище (*in praesepio quoque pastorio nascetur*), но и вести свой род от первых пастырей (*primi pastores haberent*)»

²⁸⁹ *Cosme Raymondi Cremonensis ... de Johanna puella Gallia[e] pastorali epistola*. P. 368.

²⁹⁰ «Et in his quae agantur nullam neque mentem neque rationem adhibere; nihil enim esse tam ab omni ratione dissonum quam ad constituendam tanti regni...atque inexpertam et sine ulla auctoritate puella[m] deligi» (Ibid. P. 369).

²⁹¹ «Novum est puellam armentalem eligi quae regnum alteri constituat? Novum multo est magis pastorium adolescentem electum esse qui rex fieret. Id factum legimus. Nam in veteribus sacris libris aperte planeque scriptum est David, cum pastor esset pecudesque ageret» (Ibid.).

²⁹² «Tanquam nunquam id acciderit, ut cum pastoribus aut Deus aut angeli consuescerent» (Ibid. P. 370).

²⁹³ Ibid. P. 371.

²⁹⁴ «Quae uero vitae ex omni vivendi genere ulla in terris sanctorum atque innocentior est, quam pastoralis» (Ibid.).

²⁹⁵ Ibid. P. 371—372.

cognitum)»²⁹⁶. По той же причине итальянский автор не видел ничего удивительного в том, что «женщина, вышедшая из столь славной среды, сблизилась с Богом»²⁹⁷.

Именно простой образ жизни библейских пастухов, их чистота и полная открытость для общения со Всевышним, по мнению Раймонди, делали возможным их прямой и постоянный контакт с Богом. Те же самые качества, с его точки зрения, следовало в первую очередь учитывать и при оценке феномена Жанны д'Арк: ее простота превращала ее в пастушку, делала из нее «простеца», «стерильно блаженного», человека, «выпадающего из матрицы официальной, утонченной, ортодоксальной культуры средневековья»²⁹⁸, но, тем самым, оказывающегося ближе к Богу. Ту же идею, на мой взгляд, развивал несколько позднее и Мартин Ле Франк, писавший, что Жанна «как простая пастушка (*comme simplette bergiere*) / Спрашивала и отвечала, / И давала наставления / Королю и его парламенту, / Из чего они заключили, / что она явилась Свыше (*qu'elle venist divinement*)»²⁹⁹.

Именно этот образ пастушки-простеца был, как мне представляется, особенно тщательно разработан на процессе по реабилитации французской героини и прежде всего — в созданных для него трактатах теологов и юристов. Тома Базен объяснял простоту Жанны д'Арк ее деревенским происхождением, бедностью ее родителей (ее единственных наставников в жизни), которые знали лишь занятия земледелием и уход за скотом³⁰⁰. Жизнь среди крестьян-«простецов» (*simplices*), как полагал Эли де Бурдей, способствовала тому, что никаких особых знаний девушка не получила, ее сознание и ум оставались девственно чистыми, свободными от любого нежелательного влияния и открытыми «милости Божьей»³⁰¹. Мартин Берруйе обращал особое внимание на

²⁹⁶Ibid. P. 372. Согласно «Евангелию от Матфея», Иисус являлся прямым потомком Давида: Матф 1: 20—21. Подробнее см.: Аверинцев С.С. Давид // Мифы народов мира / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1987—1988. Т. 1. С. 343—346.

²⁹⁷“Non igitur mirandum ex familia tam bene instituta et praedita progressam feminam cum Deo consuevisse” (*Cosme Raymondi Cremonensis ... de Johanna puella Gallia[e] pastorali epistola*. P. 372).

²⁹⁸Библер В.С. Образ простеца и идея личности в культуре Средних веков // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 1990. С. 81—125, особенно С. 100—114.

²⁹⁹*Le Franc M.* Op. cit. V. 16883—16888.

³⁰⁰“Primo ex simplicitate ipsius puelle, que in rure fuerat enutrita, in domo paupere et inter parentes qui solam agelli sui culturam, et animalia ad usum vite et agriculture necessaria pascere, moverant” (PN, 2, 191).

³⁰¹“Sed ista Johanna quo amore et labore sapientiam acquirere potuerat, que non nisi inter rurales, simplices et post pecora ambulare consueverat? Cum enim istam sapientiam non habuerit a natura nec ab arte, oportuit, ut videtur, quod habuerit a gratia, et sic estimari potest quod a Deo” (PN, 2, 79).

молодость своей героини, замечая, что «юные девушки обычно бывают простыми, боязливыми и скромными, особенно когда происходят из бедняков и из крестьян»³⁰². Ту же мысль развивал и Жан де Монтиньи, ссылаясь на «Евангелие от Матфея»: «Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам»³⁰³.

Тот же Монтиньи подводил своеобразный итог размышлениям теологов и юристов, призванных на процесс по реабилитации, о природе «простоты» и отличительных качествах «простецов», которых видел людьми незнатного происхождения, бедными, неграмотными и смиренно переносящими тяготы жизни — точно такими же, как те, кто оказался избран Иисусом Христом на роль его апостолов³⁰⁴. Но и сам Бог-Отец, полагал Эли де Бурдей, давал откровения лишь избранным и святым людям, выбирал из них не только «великих», но и «простых». Таковыми, к примеру, являлись служанка Авраама Агарь или, по мнению Робера Цибуля, овчар Амос, пророчествовавший о судьбах Израиля³⁰⁵. Именно простота этих библейских героев — как и простота Жанны д'Арк — являлась первейшим условием истинности их откровений, подтверждавшим Божественный характер их миссии³⁰⁶.

Важно отметить, что неискушенность «простецов», их необразованность, невинность их души (*virginitate anime*) оказывались, по мнению наших авторов, неотделимы от невинности их тела, его девственно-го состояния. Об этом существенном отличии подробно писал в своем «Сводном изложении» Жан Бреаль, полагавший, что непорочность Жанны (*sui corporis integritatem*) являлась одним из условий того, что ее действительно можно было назвать «простушкой» (*simplicem puellam*), которую Господь избрал для изгнания врагов³⁰⁷. Ту же мысль развивал и Робер Цибуль, перечислявший в качестве основных признаков «простеца» юный возраст девушки, низкий социальный статус ее семьи, неграмотность, искреннюю веру и называвший ее «простой девой» (*simplex virgo*)³⁰⁸. Это определение (*virgine puella*) использовал и Жан Бошар, полагавший, что девственность и скромность Жанна сохранила вдали

³⁰²“Cum soleant juvenes puelle esse simplices, verecunde, pavidе, maxime quando sunt pauperes et in rure nutrite” (PN, 2, 222).

³⁰³PN, 2, 270. Ср.: Матф 11:25.

³⁰⁴“Quod videmus in Christo adimpletum in ordine ad apostolos, qui non omnes magnos et potentes aut litteratos elegit sibi, sed ignobiles ac pauperes, humiles, simplices et illiteratos, ut amplius sua gloria claresceret et humane sapientie aut potencie non attribueretur fides catholica” (PN, 2, 270).

³⁰⁵PN, 2, 60—61, 366.

³⁰⁶“Primum signum est quando persona, cui fiunt hujusmodi apparationes, est humilis et simplex” (PN, 2, 366).

³⁰⁷PN, 2, 448.

³⁰⁸PN, 2, 369.

от людей, среди овец и домашнего скота³⁰⁹. Термин «дева» (*virgo*) отсылал, однако, к совершенно конкретному персонажу библейской истории — Деве Марии, без которой рассуждения на тему непорочности в средневековом теологическом дискурсе были почти невозможны. Сравнение Жанны д'Арк с Богородицей стало таким образом еще одной — отдельной — темой трактатов теологов и юристов на процессе по реабилитации³¹⁰.

3.2. Вторая Дева Мария

Данное обстоятельство, впрочем, не означало, что эта тема впервые зазвучала в 1455—1456 гг. Напротив, уподобление французской героини Деве Марии возникло очень рано, еще весной 1429 г. Насколько можно судить по сохранившимся источникам, впервые его использовал неизвестный рыцарь-иоаннит в письме, адресованном главе ордена в Иерусалиме³¹¹. К нему же прибегал итальянский купец Джованни да Молино, писавший из Авиньона в Венецию 30 июня 1429 г. и видевший в Жанне такую же спасительницу «лучшей части христианского мира» (*la plu bela parte de cristade*), какой до нее была «госпожа святая Мария» (*donna santa Maria*)³¹². Чуть позже данную тему разрабатывала и Кристина Пизанская: воздавая хвалу своей героине, она писала, что девушка «даст Франции напиток сладкого и питательного молока мира» (*qui donne France la mamelle de paix et douce norriture*), и уподобляла ее тем самым Богородице как единственной непорочной деве, способной одновременно выступать в роли матери. Поэтесса видела в Жанне главного защитника страны, ее «чемпиона» (*champion*), которому сам Господь дал силы и могущество³¹³. Вслед за Кристиной данное сравнение использовал Псевдо-Барбаро, заявлявший, что Жанна, руководствуясь полученными Свыше указаниями, защитит свой народ, как это случилось в свое время с блаженной Девой Марией³¹⁴. *Ditié de Jeanne d'Arc*

³⁰⁹PN, 2, 261.

³¹⁰Дева Мария упоминалась в этих трактатах 20 раз: PN, 5, 253.

³¹¹"Adaccessit coelestis Puella et quod ipse pater cunctipotens virgini Mariae prae caeteris praestitit, scilicet ut eam tam pulchram aspicientes, quisque ille esset, qualiscumque et ex vita inmorali, dies duxit suos ab omni concupiscentia saeculi" (Q, 5, 99). Жюль Кишра датировал данное послание весной 1429 г., основываясь на том, что оно было скопировано на обороте письма Жанны д'Арк англичанам, отправленного 22 марта того же года из Пуатье (Q, 5, 98).

³¹²Chronique d'Antonio Morosini. P. 80.

³¹³*Pisan Ch. de. Ditié*. V. 185—190.

³¹⁴*Gilli P. L'épopée de Jeanne d'Arc*. P. 8. О возможном влиянии *Ditié de Jeanne d'Arc* на структуру и содержание письма Псевдо-Барбаро см.: *Тогоева О.И.* Путешествие как миссия.

во второй половине XV в. вдохновлялся и Матье Томассен, создавший по заказу дофина Людовика (будущего Людовика XI) свой *Registre Delphinale*: в его интерпретации девушка спасала свою страну, стоявшую на краю гибели, точно так же, как Богородица спасла все человечество³¹⁵.

Образ Девы Марии как первой заступницы рода человеческого перед лицом Господа и постоянной его защитницы от происков Сатаны, к которому в данном случае апеллировали наши авторы, был хорошо известен средневековой культуре. Как отмечал Бернар Гене, его значение лишь возрастало со временем, и, начиная с XII в., Богородица воспринималась не только как помощница слабых и обездоленных, но и как покровительница воинов, ведущая их к победе³¹⁶. Именно поэтому сравнение с ней Жанны д'Арк было столь актуальным в XV в., долгая жизнь была уготована ему и в более поздних источниках³¹⁷. Однако, на процессе по реабилитации данный сюжет не получил никакого развития, что, как мне кажется, объяснялось заботой его участников о придании французской героине образа миролюбивой христианки, никогда не использовавшей свой меч по прямому назначению. Значительно более важной для них казалась другая тема, связанная с уподоблением Жанны Деве Марии, — тема девственности.

Следует отметить, что обет целомудрия, данный в ранней юности обеими героинями, в принципе являлся самым первым общим элементом их биографий, на который обращали внимание авторы XV в. Связано это было, на мой взгляд, с тем особым положением, которое занимала Жанна д'Арк при дворе дофина, а затем короля Карла VII, с ее ролью помощницы, пришедшей на помощь своему герою³¹⁸. Современники девушки никогда не воспринимали ее только как одного из военачальников французской армии, ее роль была для них несравнимо больше. По мнению многих, Жанна не просто руководила военными кампаниями, она выступала от имени дофина, практически правила вместо него. Без нее Карл не принимал ни одного сколько-нибудь важного решения, он подчинил ей всех прочих своих военачальников. Именно она «создавала» французскую армию, своим авторитетом обеспечивая приток в нее новых сил. Противники считали девушку даже

³¹⁵“Par la pucelle Vierge Marie, la réparation et restauracion de tout le humain lignaige; et par laditte Pucelle Jehanne, la réparation et restauracion du royaume de France, qui estoit du tout en bas, jusques à prendre fin, si ne fust venue” (Q, 4, 310).

³¹⁶*Guenée B. La folie de Charles VI. P. 158—161.*

³¹⁷Подробнее об этом см. ниже: Глава 4. § 2.2. См. также: *Тогоева О.И. Жанна д'Арк, Афина Паллада и Дева Мария: Девственность на защите города // Именослов. История языка, история культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. М., 2010. С. 110—139.*

³¹⁸Об особенностях бытования мифологического сюжета героя и его помощницы в средневековых текстах см.: *Она же. Красавица и чудовище (Из практической мифологии) // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. С. 233—255.*

важнее самого дофина (например, в качестве военнопленной)³¹⁹. Подобное «присвоение» Жанной д'Арк функций правителя, насколько можно судить по источникам, не слишком удивляло современников событий, часто воспринимавших нашу героиню как антитезу Изабеллы Баварской. Это сравнение было вполне естественным, учитывая бытовавшие в то время и известные многим предсказания, согласно которым Францию, погубленную женщиной, должна была спасти невинная дева³²⁰.

Данное противопоставление, тем не менее, не означало, что Изабелла, супруга Карла VI, в действительности являлась злым гением королевства. Но в том, что именно она погубила их страну, французы не сомневались. Главная претензия подданных заключалась в том, что политическое влияние Изабеллы постоянно возрастало — по мере того, как приступы безумия Карла VI становились все продолжительнее. С 1401 г. королева являлась соправительницей своего супруга и замещала его в моменты его помешательства. На ней лежала опека наследника престола, а также разрешение конфликтных ситуаций между ближайшими родственниками короля. В тот момент, когда симпатии Изабеллы склонились в сторону Людовика Орлеанского, герцог Бургундский начал кампанию по ее дискредитации. По стране поползли слухи о любовной связи королевы с герцогом Орлеанским. Эту ситуацию (реальную или вымышленную) современники характеризовали как скандальную. Когда в 1417 г. Карл VI отправил жену в Тур и распустил ее двор, это воспринималось как следствие ее развратного поведения. Точно так же был понят и договор в Труа 1420 г.: единственным объяснением того, что дофин Карл был лишен права претендовать на престол, стал для современников событий адюльтер, якобы совершенный Изабеллой. «Скандал», учиненный ею, дискредитировал власть короля, вел к его гибели и, как следствие, к гибели всего королевства³²¹.

Тема «развратной правительницы», своими интригами погубившей страну, в рамках которой рассматривалось аморальное поведение Изабеллы Баварской, была известна средневековой политической мысли задолго до XV в.³²² Уже в раннее Средневековье ее подробно разрабатывали Лиутпранд Кремонский и Хинкмар Реймский, для которых коро-

³¹⁹*Chartier J. Chronique de Charles VII. P. 68, 84; Christine de Pizan. Ditié de Jeanne d'Arc. V. 285—286; Chastellain G. Chronique // Oeuvres de Georges Chastellain / Ed. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1863—1866. T. 2. P. 49.*

³²⁰PN, 1, 296, 298.

³²¹*Guenée B. Un meurtre, une société. P. 161—175.*

³²²Подробнее см.: *Тогоева О.И. Карл VII и Жанна д'Арк. Утрата девственности как утрата власти.*

левская чета и их двор воплощали в себе все королевство³²³. Моральную ответственность за порядок и спокойствие, царящие там, несла прежде всего королева. Следовательно, она сама обязана была быть безупречной. Если же ее подозревали или прямо обвиняли в сексуальной распущенности и прегрешениях, она дискредитировала короля, саму идею королевской власти³²⁴. Это было особенно важно в тех случаях, когда королева являлась соправительницей своего супруга (*consors regni*) и разделяла с ним власть и ответственность за страну. Запятнавшая себя аморальным поведением королева-консорт прямо противопоставлялась Деве Марии — соправительнице Иисуса Христа³²⁵.

Именно это противопоставление мы наблюдаем и в случае с Изабеллой Баварской. Так, ранней осенью 1429 г. Псевдо-Барбаро писал: «Французская столица...как будто населена не одним народом, но многими. Здесь собрались все короли и герцоги. Без сомнения, здесь — последнее пристанище знати. А о многочисленных представителях королевского дома, восходящих к Карлу, говорят, что в их жилах течет кровь Богородицы (*genetricis Dei sanguinem*)»³²⁶. Однако, эта благословенная земля оказывалась под угрозой, и причиной тому, по мнению автора, являлось недостойное поведение принцев крови, но прежде всего — самой королевы, признавшей в совершении адюльтера, который опозорил всю династию (*confessa est iuvenem se ex adulterio peperisse*)³²⁷. Изабелла таким образом прямо противопоставлялась непорочной Деве Марии, и именно на этой антитезе строилось упоминавшееся выше пророчество о пришествии некоей девы, которая, подобно Богородице, спасет Францию.

Как полагает Оливье Бузи, Жанна д'Арк, зная, согласно показаниям свидетелей на процессе по реабилитации, об этом пророчестве до своего похода «во Францию», еще весной 1429 г. избрала себе прозвище *La Pucelle* (Дева), подчеркивавшее ее девственный статус и сближавшее ее таким образом с Богородицей³²⁸. Предположение о столь раннем возникновении имени «Жанна Дева» не подтверждается, однако, дан-

³²³*Buc Ph.* Italian Hussies and German Matrons. Liutprand of Cremona on Dinastic Legitimacy // *Frühmittelalterliche Studien*. 1995. Bd. 29. S. 207—225; *Idem.* The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Princeton, 2001. P. 19—20, 27, 56—57, 64—66.

³²⁴*Airlie S.* Private Bodies and the Body Politic in the Divorce Case of Lothar II / Past and Present. 1998. T. 161. P. 3, 7—8; *De Jong M.* *Sacrum palatium et ecclesia*. L'autorité religieuse royale sous les Carolingiens (790—840) // *AHSS*. 2003. № 6. P. 1243—1269.

³²⁵*Bührer-Thierry G.* La reine adultère // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1992. № 35. P. 299—312; *Airlie S.* *Op. cit.* P. 20—23, 34; *Buc Ph.* The Dangers of Ritual. P. 64—65.

³²⁶*Gilli P.* *L'épopée de Jeanne d'Arc*. P. 10.

³²⁷*Ibid.* P. 11.

³²⁸*Bouzy O.* *Jeanne ange, prophétesse*. P. 18.

ными источников. Так, согласно собственным показаниям девушки, в родной деревне ее звали исключительно Жанеттой, а после отъезда из Домреми — Жанной³²⁹. Что же касается прозвища, то, по воспоминаниям французской героини, оно появилось у нее только после снятия осады с Орлеана³³⁰. При этом оно не упоминалось в текстах, созданных весной-летом 1429 г. или — что особенно важно — описывающих этот период: слово *Pucelle/Puella* (написанное с прописной буквы), безусловно, использовалось авторами в отношении Жанны д'Арк при рассказе о начале ее карьеры, однако несло, на мой взгляд, несколько иную смысловую нагрузку. Выражения *laditte Pucelle, cujusdam Puella, predicta Puella, haec Puella*³³¹ смыкались, как мне представляется, в этих сочинениях с определениями, написанными со строчной буквы, — *une pucelle, una poncela, une pucelle josne fille, une jeune pucelle, une pucelle de l'age de XVIII ans ou environ* и даже *unne Pucelle de l'age de XVI a XVII ans*³³², и указывали, скорее, на социальный статус никому пока неизвестной особы, появившейся при королевском дворе — на ее возраст, позволявший говорить прежде всего о ее правоспособности.

Представления о возрасте как о важнейшем факторе дееспособности человека были заимствованы средневековой традицией из римского права, в котором существовало разделение на *infantes* (детей до 7 лет), *impuberes* (детей в возрасте до 12—14 лет), *puberes* (подростков от 12—14 лет) и *minores* (молодых людей в возрасте до 25 лет). После этого срока наступало совершеннолетие — *legitima aetas*, однако уже *puberes* считались вполне взрослыми людьми, способными к правовым действиям: девушки становились таковыми уже в 12 лет (*virgo viripotens*)³³³. В раннее Средневековье именно этот возраст считался признаком совершеннолетия, когда молодую особу можно было выдать замуж³³⁴. Данные возрастные рамки, насколько можно судить, оставались практически неизменными и позднее. Так, Филипп де Бомануар специально останавливался на этом вопросе в своих «Кутюмах Бовези», отмечая,

³²⁹“Ad que respondit quod in partibus suis vocabatur Iohanneta, et postquam venit in Franciam, vocata est Iohanna” (PC, 1, 40).

³³⁰“Ante levationem obsidionis Aurelianensis et deinceps omnibus diebus, quando al-
locute sunt eam, frequenter vocaverunt Iohannam Puellam, filiam Dei” (PC, 1, 126).

³³¹Q, 3, 391—392 («Заключение» из Пуатье); Q, 5, 115 (Персеваль де Буленвилье); PN, 2, 37 (Жан Жерсон); Q, 3, 419 (Генрих фон Горкум).

³³²*Chartier J.* Op. cit. T. 1. P. 66; *Chronique d'Antonio Morosini.* P. 43; *Chronique d'Enguerran de Monstrelet.* P. 314; *Christine de Pizan.* Op. cit. V. 186; *Chroniques de Perceval de Cagny.* P. 139; *Quicherat J.* Relation inédite. P. 336.

³³³*Бартошек М.* Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 28, 266, 328, 380, 421.

³³⁴*Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 39.

что только в полные 12 лет девушка — как знатная, так и простолюдинка — становится совершеннолетней. Он также опровергал распространенное убеждение, что выходцы из простонародья могли считаться дееспособными в любом возрасте³³⁵. Только в XIV—XV вв. нижняя граница возраста, с которого молодая особа имела право покинуть отчий дом и выйти замуж, несколько сдвинулась и составила 14—15 лет³³⁶. Именно в этом возрасте, насколько можно судить, вопрос о замужестве встал и перед Жанной д'Арк, что же касается ее откровений, то их, согласно показаниям на обвинительном процессе, девушка впервые получила в 13 лет, т.е. сразу после того, как перешагнула порог, отделявший детство от юности³³⁷. Этот последний вопрос, как мне кажется, более всего заботил судей, допрашивавших Жанну в Шиноне и Пуатье: по воспоминаниям Жана Пакереля, они отправили ее на медицинское освидетельствование, желая узнать, с кем имеют дело. Ответ оказался в высшей степени положительным: девушка «была найдена *mulier, virgo tamen et puella*»³³⁸, т.е. очевидным образом являлась женщиной (а не мужчиной, как можно было бы подумать, глядя на ее костюм и коротко остриженные волосы), невинной и — достигшей совершеннолетия, т.е. вполне взрослой, чтобы лично отвечать за свои поступки.

Как мне представляется, на это же обстоятельство прежде всего обращали внимание и другие авторы, писавшие о Жанне весной-летом 1429 г.: для них выражения *pucelle/puella* или *Pucelle/Puella* первоначально означали всего лишь некую девушку (но не девочку), явившуюся на помощь королю и его королевству. Только позднее — начиная примерно с сентября 1429 г., когда стали очевидны военные свершения Жанны д'Арк, — появились первые отклики, в которых она действительно обрела свое прозвище: *femme vulgaument nommée la Pucelle, Jehanne la Pucelle, femme... qu'on nommait la Pucelle*³³⁹. На первый взгляд, его значение никак не было

³³⁵*Beaumontoir Ph. de*. Op. cit. P. 256—257. § 536, P. 267—268. § 558. Подробнее см.: Бессмертный Ю.Л. Указ. соч. С. 84—86.

³³⁶Подробнее см.: Там же. С. 158—160.

³³⁷*Ulterius confessa fuit quod, dum esset etatis XIII annorum, ipsa habuit vocem a Deo pro se iuvando ad gubernandum* (PC, 1, 47). Согласно показаниям Жанны, помолвка с молодым человеком из Туля, ее разрыв и вызов в суд произошли позднее — уже после того, как она дала обет безбрачия: PC, 1, 123. Важно отметить, что 12 лет считались также возрастом религиозного совершеннолетия. Агиографические сочинения и материалы канонизационных процессов свидетельствуют, что данное обстоятельство являлось решающим в признании того или иного кандидата истинным святым, поскольку представители церкви полагали, что ребенок не способен принимать самостоятельные решения: *Vauchez A. La sainteté en Occident*. P. 181—182.

³³⁸PN, 1, 389.

³³⁹В письме о помиловании, датированном 15 сентября 1429 г.: Q, 5, 142. В решении Генеральных штатов Нормандии о внесении денег на «покупку» Жанны д'Арк

связано с пониманием *pucelle* как юной, но все же вполне правоспособной особы. Предложенные в недавней публикации А.Б. Скакальской варианты перевода *La Pucelle* как «юродивой», «угодницы» или «блаженной»³⁴⁰ не выдерживают никакой критики, поскольку не имеют отношения к французской средневековой действительности, да и просто отсутствуют в словарях французского или старофранцузского языков. Точно так же неприемлемым представляется мне и вариант «Дэвица», на котором в результате останавливается российская исследовательница³⁴¹: «оттенок служения», который она видит в данном слове, не имел ничего общего с религиозным подтекстом, который, на мой взгляд, всегда оставался основным в оценке феномена Жанны д'Арк ее современниками³⁴².

Именно этот религиозный подтекст до некоторой степени присутствовал, как мне представляется, и в понятии *pucelle* — определении молодой особы, уже расставшейся с детством, но еще не ставшей женщиной. Винсент из Бове в своем знаменитом трактате «О наставлении детей знатных граждан» (ок. 1246 г.) специально останавливался на этом опасном, с его точки зрения, возрасте, отмечая, что отец и мать должны всячески оберегать свою дочь, достигшую девичества, воспитывать ее в строгости, чтобы она не превратилась в распущенную особу, не опозорила себя и свою семью³⁴³. Со склонностью девушек к развратному образу жизни Винсент, ссылаясь в этом вопросе на Иеронима, предлагал бороться обучением прежде всего четырем основным добродетелям — целомудрию, скромности, молчаливости, а также зрелости нравов и поступков³⁴⁴. Добиться своей цели родители могли через приучение дочерей к чтению, молитвам и труду³⁴⁵, дабы удержать их дома и не подвергать уличным искушениям. Главным же примером

англичанами (сентябрь 1430 г.): Q, 5, 179. См. также: Chronique d'Enguerran de Monstrelet. P. 320; Journal d'un bourgeois. P. 265.

³⁴⁰Скакальская А.Б. Бог и мое право. Пространство права, обета и образца (*Exemplum*) в этической системе позднего средневековья. Особенности средневековой индивидуальности и феномен Жанны д'Арк // Процесс Жанны д'Арк. Материалы инквизиционного процесса / Пер., комм., сопровод. ст. А.Б. Скакальской. М.-СПб., 2008. С. 338—482, здесь С. 347—348.

³⁴¹Там же. С. 351—353.

³⁴²Подробный анализ концепции А.Б. Скакальской см. в: Тогоева О.И. О романтических увлечениях юности и научном профессионализме. Рец. на: Процесс Жанны д'Арк. Материалы инквизиционного процесса / Пер., комм., сопровод. ст. А.Б. Скакальской. М.-СПб., 2008 // СВ. 2009. Вып. 70 (1—2). С. 363—374.

³⁴³“Ideoque recte scriptura parentes sollicite filiam uirgine custodire monet ac cum disciplina nutrire, ne lasciuie uel uoluptati frena relaxet uel aliqua occasione sibi atque parentibus causam infamie prestat” (*Vincent de Beauvais. De eruditione filiorum nobilium* / Ed. by A. Steiner. Cambridge, 1938. P. 174).

³⁴⁴Ibid. P. 178.

³⁴⁵Ibid. P. 176—178.

для подражания, образцом «девушки воспитанной и склонной к уединению» Винсент объявлял «блаженнейшую Деву Марию», на которую следовало равняться всем молодым особам³⁴⁶. Идеи, высказанные в «Наставлении», развивали в последующие века и другие авторы. Например, Филипп Наваррский в своем трактате «Четыре возраста человека» писал о том, что девушек надлежит обучать ремеслу, что «не должно быть предметом презрения, так как славная Богоматерь... желала работать и шить»³⁴⁷. Фигура Девы Марии, таким образом, являлась ключевой для понимания самой сути девичества: ее добродетельность, девственность, скромность и трудолюбие должны были являться главными чертами в характере любой средневековой девушки (*puella*)³⁴⁸.

Как мне представляется, в рамках именно этой парадигмы шло формирование прозвища *La Pucelle*, данного Жанне д'Арк. С этой точки зрения, наиболее показательными являлись отклики тех авторов XV в., кто избрал в качестве определения для французской героини термин *vièrge* (или *Vièrge*) вместо *Pucelle* и, таким образом, автоматически приравнял ее к Деве Марии. Одним из первых подобных сочинений стало письмо Псевдо-Барбаро, созданное в самом конце августа-начале сентября 1429 г. Неизвестный итальянский гуманист использовал в отношении Жанны понятие *virgo* и именовал ее «святейшей» и «блаженнейшей», каковой традиционно выступала в средневековых текстах Богородица³⁴⁹. Так же поступил позднее и Мартин Ле Франк³⁵⁰, а вслед за ним — анонимный автор поэмы о снятии осады с Орлеана, датирующейся 50-ми гг. XV в.³⁵¹. Наконец, Матье Томассен в своем *Registre Delphinal* именовал Деву Марию *la pucelle Vierge Marie*, прямо уподобляя ей Жанну д'Арк — *laditte Pucelle Jehanne*³⁵². Наличие подобных сравнений, как мне представляется

³⁴⁶“Econtra uero de uirgine disciplinata et apocripha, id est abscondita, habetur exemplum in beatissima uirgine maria” (Ibid. P. 175).

³⁴⁷“Que eles soient bones...de tout ce ne doit estre nule desdaigneuse, car la glorieuse mere Dieu... volt ovrer et filer” (*Philippe de Navarre. Les quatre ages de l'homme / Publ. par M. de Fréville. P., 1888. P. 16*).

³⁴⁸“Porro de uniuersa morum ac gestuum puellarium honestate et maturitate ponit exemplum idem ambrosius in beata uirgine” (*Vincent de Beauvais. Op. cit. P. 193—194*).

³⁴⁹“Virgo sanctissima, virgo illustrissima, virgo beatissima” (*Gilli P. L'epopée de Jeanne d'Arc. P. 9*).

³⁵⁰*Le Franc M. Op. cit. P. 102—103. V. 17125—17128; P. 109. V. 17273—17276.*

³⁵¹Q, 5, 33.

³⁵²Q, 4, 310. Как отмечает О. Бузи, то же определение *pucelle* использовалось в отношении Марии и раньше, например, в «Чудесах Богородицы» Готье де Коинси, созданных на рубеже XII—XIII вв.: *Bouzy O. Jeanne ange, prophétesse. P. 18. См. также: Contamine Ph., Bouzy O., Héлары X. Op. cit. P. 63.*

ся, позволяет утверждать, что в прозвище французской героини был заложен именно религиозный подтекст, и понималось оно современниками событий в значении «Дева» именно потому, что сближало ее с Богородицей.

Не случайно и на процессе по реабилитации в отношении Жанны звучало определение *virgo* — эпитет Девы Марии³⁵³. Однако здесь тема девственности получила и свое, совершенно особое прочтение, связанное в первую очередь с истинностью откровений Жанны д'Арк. Эту связь подчеркивал, в частности, Эли де Бурдей, писавший, что нет никаких причин сомневаться в Божественном происхождении пророчеств девушки, поскольку ее образ жизни и, прежде всего, данный ею обет девственности свидетельствовали о чистоте ее помыслов³⁵⁴. На это, с его точки зрения, указывало и то, каким образом она получала свои откровения: она никогда не использовала для этого заклинания и прочие магические гадания, с помощью которых можно было бы призвать к себе демонов, но читала молитвы, адресованные Святой Троице, Иисусу Христу и «вечно девственной» Блаженной Марии³⁵⁵. Таким образом, де Бурдей творчески развивал свою же, высказанную чуть выше мысль о том, что целомудренные по своей сущности ангелы являются прежде всего девственницам³⁵⁶. Как в свое время архангел Гавриил посетил будущую мать Спасителя, так и она сама приходила на помощь французской героине.

Близость Жанны д'Арк и Марии определялась не только одинаковым для них обеих статусом вечных дев. Как я уже отмечала выше, последний оказывался также одним из признаков «простоты», которой отличались многие библейские персонажи — и в том числе Богородица. Так же, как и Жанна, она была юной девушкой 13 лет, когда получила свои первые откровения³⁵⁷. Как и Жанну ее отличало предельное смирение — настолько глубокое, что только оно могло поспорить с «высочайшей гордыней Люцифера», как отмечал Жан Бошар³⁵⁸. Ей также были свойственны скромность, терпеливость, милосердие и чистота, являвшиеся основными

³⁵³Например, в трактате Робера Цибуля: “Cur tam varie ergo impugnabatur predicta virgo Johanna, si de victoria regis Francorum, ex qua multa bona pendebant, in populo Dei spiritu prophetico aliqua predixerit” (PN, 2, 382, разрядка моя — О.Т.).

³⁵⁴PN, 2, 63.

³⁵⁵“Non causa, quia pro liberatione regni et consolatione veniebat, ubi non utebatur incantationibus nec artibus magicis, sed invocatione sancte Trinitatis et Jesu Christi Domini nostri salutiferi nominis et beate Marie semper virginis” (PN, 2, 63).

³⁵⁶“Nam angelis semper est cognata virginitas...quare et virgines angelis assimilantur” (PN, 2, 46).

³⁵⁷PN, 2, 408—409.

³⁵⁸“Certe nulla sicut neque contra summam Luciferi superbiam, quam in sacratissima virgine Maria major valuit humilitas inveniri” (PN, 2, 261).

признаками «простеца»³⁵⁹. Все это делало из Марии образец «простоты», человека, которого можно было и следовало избрать для Божественных откровений — и именно поэтому, с точки зрения теологов и юристов на процессе по реабилитации, ей уподоблялась Жанна д'Арк.

Важной, как мне представляется, была и тема страха, который истинный пророк испытывал при первой встрече с небесными силами. Данный вопрос, как я уже отмечала, был впервые поднят на обвинительном процессе 1431 г. Страх перед архангелом Михаилом, явившемся к Жанне впервые в саду отца, ее судьи попытались интерпретировать в нужном им ключе, превратив святого в демона, любой контакт с которым, с их точки зрения, вызывал сильный испуг, что в свою очередь являлось безусловным признаком связи самого человека с дьяволом³⁶⁰. Интересно, что эта тема никогда не поднималась ни одним светским автором XV в., однако она показалась крайне важной для участников процесса по реабилитации. Уже в списке из 101 статьи, по которым планировалось проводить опросы свидетелей, для оправдания страха Жанны д'Арк было использовано сравнение с Девой Марией, которая столь же сильно испугалась при появлении перед ней архангела Гавриила, принесшего Благою Весть³⁶¹. Тот же образ фигурировал и в большинстве трактатов, созданных для реабилитации французской героини. Так, Тома Базен полагал, что страх — естественная реакция любого человека на встречу с Господом или его ангелами, и ссылаясь в подтверждение своих слов на «Евангелие от Луки»: «И сказал ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога»³⁶². Однако, продолжал далее Базен, истинным пророком следует назвать лишь того, кто после страха испытал радость, которая была дарована Жанне точно так же, как и Богородице³⁶³. Того же мнения придерживались и Мартин Берруйе, и Робер Цибуль, приводивший в качестве примера не только Деву Марию, но и пророков Даниила и Иезекииля, и Жан Бреаль, упоминавший Марию, а также Захарию, Даниила и Авраама³⁶⁴. Таким образом, страх, сменяющийся облегчением и радостью, в рамках доктрины *discretio spirituum*

³⁵⁹“Est autem revelatio seu apparitio facta ipsi Johanni principaliter examinanda in quinque virtutibus, quas legimus beatissimam Mariam habuisse in angelica revelatione sibi facta...Sunt autem hec virtutes per quas examinanda venit apparitio seu revelatio spirituum...scilicet humilitas, discretio, patientia, veritas, charitas” (PN, 2, 321).

³⁶⁰Подробнее см.: Глава 2. § 4.2.

³⁶¹“Item et dum angelus dicte Johanne apparuit, ab initio territa est, et in fine letitia consolata est; quod boni angeli signum est, sicut de angelo Marie apparenti et aliis multis notum est” (PN, 1, 134).

³⁶²Лук. 1: 30.

³⁶³“Virgo Maria in initio turbata est in sermone ejus..., sed in fine ingenti gaudio repleta, et consolatione cecinit canticum Deo” (PN, 2, 194—195). Ср.: Лук. 1: 46—47.

³⁶⁴PN, 2, 228, 367, 419—422.

выступал, с точки зрения наших авторов, еще одним обязательным условием признания того или иного человека истинным пророком, и Жанна вполне этому условию соответствовала.

Еще одним требованием к истинному пророку являлось признание его откровений полезными для окружающих. И здесь теологам и юристам на процессе по реабилитации вновь приходила на помощь Дева Мария. Как полагал Гийом Буйе, Жанна д'Арк — как в свое время и Богородица — получила свои пророчества в возрасте 13 лет и использовала их на благо королевства³⁶⁵. Военный характер этих пророчеств, данных к тому же женщине, никоим образом не смущал наших авторов. Не прибегая в данном случае к сравнению с Марией, они тем не менее приводили примеры других библейских героинь, чьи откровения носили преимущественно или исключительно военный характер. Тома Базен упоминал, в частности, Анну, мать Самуила, Дебору, Юдифь и четырех дочерей диакона Филиппа, настаивая, что Жанна ничем от них не отличалась, будучи посланной Господом «для великой пользы и освобождения королевства Франции от его старейших врагов»³⁶⁶. Жан де Монтиньи и Мартин Берруйе также указывали Дебору и Юдифь, дополняя их супругой Артаксеркса Есфирью³⁶⁷.

В этом списке, с моей точки зрения, наибольший интерес вызывает именно Дебора — библейская пророчица, которая не только получала откровения, но и лично принимала участие в военных экспедициях. Ее образ, активно использовавшийся в трактатах теологов и юристов на процессе по реабилитации³⁶⁸, получил в них, насколько можно судить, совершенно особое прочтение.

3.3. Мученица за веру

Образ Деборы был хорошо знаком авторам XV в., писавшим о Жанне д'Арк. Начиная с 1429 г. они использовали его, дабы подчеркнуть активную роль девушки-пророка в противостоянии с врагами своей страны, а также справедливый характер войны, которую она вела. Личное участие Деборы в битве против ханаанеев и руководство, которое

³⁶⁵“Unde Maria Virgo, que conservabat omnia verba, hec conferens in corde suo, postmodum apostolis, presertim Luce, sacra misteria sibi soli credita et cognita asseruit non ad jactantiam. Similiter hec Puella revelationes habuit in etate XIII annorum...et reseravit seu manifestavit eas tempore suo ad utilitatem regni” (PN, 2, 322).

³⁶⁶“De multis etiam aliis mulieribus in eisdem historiis narratur, que spiritum prophetandi acceperunt a Deo. Et ita nemo admirari debet si hec etiam Puella, pro magna utilitate et pro liberatione regni Francie ab antiquis suis hostibus, a Deo missa fuerit, et ab eo spiritum prophetandi de quibusdam futuris acceperit” (PN, 2, 199).

³⁶⁷PN, 2, 236, 290.

³⁶⁸В трактатах имя Деборы упоминалось 14 раз: PN, 5, 251.

она фактически осуществляла в этом сражении вместо Барака, делало ее одной из тех, с кем наиболее охотно сравнивали Жанну на протяжении всей ее недолгой карьеры³⁶⁹. Однако на процессе по реабилитации образ библейской героини, по-прежнему включавший в себя все привычные составляющие, обогатился новым и достаточно неожиданным смыслом. Изменение это касалось внешнего облика пророчицы, поскольку Дебора оказалась женщиной, надевшей ради достижения высшей цели мужской костюм, что, с точки зрения теологов и юристов, объясняло и оправдывало идентичный поступок Жанны д'Арк.

Проблема переодевания французской героини, ее демонстративно-го отказа от женского платья весьма интересовала авторов трактатов, созданных для процесса по реабилитации. Так же как и светские свидетели, они интерпретировали мужской костюм Жанны прежде всего как защиту ее девственного тела. Как писал Эли де Бурдей, столь уважительная причина не просто извиняла подобное решение, но и позволяла назвать его «правильным», основанным на «рациональности»³⁷⁰. О продуманности поступка Жанны сообщали также Гийом Буйе³⁷¹ и Тома Базен, который, в частности, полагал, что мужское облачение Жанны сдерживало вождение солдат, среди которых она находилась и которые не могли не обращать внимание на ее внешность и манеру поведения³⁷². На женское платье как на возможную причину возникновения сексуального влечения к своей героине со стороны окружающих указывал и Мартин Берруйе: именно поэтому, с его точки зрения, она отказалась от него, присоединившись к королевскому войску³⁷³. Буквально слово в слово рассуждения Берруйе повторяли Жан Бошар, Жан де Монтиньи и Робер Цибуль³⁷⁴.

Однако, в отличие от свидетелей, дававших показания на процессе по реабилитации, теологи и юристы не ограничились в своих трактатах простым указанием на утилитарность мужского костюма Жанны

³⁶⁹Подробнее см.: Глава 1. § 5.

³⁷⁰*“Dicta Johanna in delatione habitus virilis malum propositum non habebat, ut asseruit, sed bonum, quia ob amorem castitatis defferebat, scilicet ut eam melius servaret inter viros inter quos conversari habebat, et aliis causis rationabilibus, ideo non videtur fuisse ex hoc precisam ab Ecclesia et anathematizatum, quare non videtur argumentum militare”* (PN, 2, 116).

³⁷¹PN, 2, 327.

³⁷²*“Causa rationalis suberat cur virili veste inter tot armatos et militares viros uteretur, scilicet ne ipsos ad sui concupiscentiam incitasset, si exterior habitus et cultus ipsius sexum muliebrem indicasset”* (PN, 2, 207).

³⁷³*“Johanna dicebat sibi magis licitum et conveniens habitum virilem habere, dum erat inter viros, quam habitum muliebrem, videlicet ut ipsa que juvenis erat minus provocaret viros ad libidinem ad quam excitat vestis muliebris”* (PN, 2, 248—249).

³⁷⁴PN, 2, 263, 283, 395.

д'Арк. Важным и совершенно новым элементом в их рассуждениях следует, безусловно, признать ссылки на авторитетное мнение их предшественников и, прежде всего, Фомы Аквинского, полагавшего, что переодевание любой женщины вполне допустимо и не является грехом, если вызвано особыми обстоятельствами: необходимостью укрыться от врага, отсутствием иной одежды или «чем-то подобным»³⁷⁵. К идеям Аквината обращался, в частности, Робер Цибуль, в качестве уважительной причины переодевания Жанны указывавший «защиту или освобождение родной страны» (*ad deffensionem seu liberationem communitatis*)³⁷⁶. Жан Бреаль писал, что, согласно «святому доктору» (*sanctus doctor*), человеческие поступки могут объясняться рациональными причинами (*secundum rationem finis*)³⁷⁷, и освобождение Франции от врагов, вне всякого сомнения, следует признать одной из них³⁷⁸. Он полагал, что только ради исполнения данной задачи Жанна вступила в войско и находилась среди мужчин. У них ее женское платье могло вызвать сексуальное желание, а потому она сменила его на мужское одеяние, дабы сохранить целомудрие (как свое собственное, так и окружавших ее людей), поскольку «страх потери девственности должен быть выше страха смерти»³⁷⁹. Именно поэтому, считал Бреаль, поступок девушки следовало признать рациональным (*rationabilis causa est*)³⁸⁰.

Помимо Фомы Аквинского инквизитор Франции ссылаясь в данном вопросе и на Александра Галенского (ок. 1185—1245), английского теолога, учившегося, а затем преподававшего в Парижском университете³⁸¹, чье главное произведение — *Summa theologica*, более известное как *Summa Alexandri* или *Summa Halensis*, — оказало большое влияние на схоластику XIII в.³⁸² Как отмечал Бреаль, в третьей части «Суммы» ее автор останавливался на проблеме сексуального желания, которое порой способен вызвать один лишь только вид женского платья, по-

³⁷⁵“Propter aliquam necessitatem, vel causa se occultandi ab hostibus, vel propter defectum alterius vestimenti, vel propter aliquid aliud hujusmodi” (*Sancti Thomae Aquinatis Summa theologiae. Secunda secundae. Quest. CXLIX.*)

³⁷⁶PN, 2, 378.

³⁷⁷PN, 2, 457.

³⁷⁸“Salus reipublice per sublevationem regni Francie hostiliter oppressi” (PN, 2, 457).

³⁷⁹“Que siquidem causa, videlicet ut suam et aliorum tueretur pudicitiam, per se ad hoc sufficiens est ut habitum virilem destaret. Metus enim virginitatis perdende major quam mortis esse debet” (PN, 2, 460).

³⁸⁰“Etiam et rationabilis causa est, ne videlicet alios ad concupiscentiam incitaret” (PN, 2, 460).

³⁸¹См. о нем: *Poirel D. Alexandre de Halès // Dictionnaire des lettres françaises. P. 45—46; Cullen C.M. Alexander of Hales // A Companion to Philosophy in the Middle Ages / Ed. by J.J.E. Gracia and T.B. Noone. Oxford, 2002. P. 104—108.*

³⁸²*Alexander Halensis. Summa theologica / Ed. Collegium s. Bonaventurae. Quaracchi, 1924—1948. T. 1—4.*

буждающего мужчин к предосудительным фантазиям³⁸³. Допуская, таким образом, ношение женщиной мужского костюма в крайних обстоятельствах, английский теолог полагал таковыми, в частности, условия войны³⁸⁴. На эти рассуждения Александра Галенского ссылались на процессе по реабилитации и Робер Цибуль, отмечавший, что библейские слова «Не стало обитателей в селениях у Израиля, не стало, доколе не восстала Девора, не восстала мать в Израиле» можно отныне перефразировать, говоря: «Не стало обитателей в селениях Галлии, не стало, доколе не восстала Дева»³⁸⁵. Это обстоятельство, с его точки зрения, полностью снимало с нее обвинение в нарушении библейского запрета на ношение женщиной мужского платья, во всех прочих случаях считавшегося преступлением и смертным грехом³⁸⁶. Того же мнения придерживались Мартин Берруйе и Эли де Бурдей³⁸⁷. Следует, однако, отметить, что текст Александра Галенского французские теологи интерпретировали весьма вольно. В пассаже из «Суммы», который якобы цитировал Цибуль, речь шла о предосудительной практике переодевания не женщин, но мужчин³⁸⁸. Александр допускал, что последние могут надеть женское платье лишь в двух исключительных ситуациях: если им угрожает опасность и они таким образом пытаются спасти свою жизнь или если они исполняют обязанности, обычно возлагаемые на женщин³⁸⁹. Во всех остальных случаях мужчина, взявший за обыкновение ходить в платье, нарушает Божественные установления и совершает

³⁸³“Ut dicit Alexander de Hallis in tertia parte *Summe*, magna provocatio libidinis viris est vestitus muliebris et e converso, eo quod vestis illa viro circumdata refricat mulierem et commovet vehementer imaginationem ejus” (PN, 2, 461). Ср.: “Alia vero causa est ut occasio provocationis libidinis auferretur. Magna enim provocatio libidinis viris est vestitus muliebris et e converso, et hoc est quoniam vestis muliebris viro circumdata vehementer refricat” mulierem “et commovet imaginationem mulieris et e converso” (*Alexander Halensis*. Op. cit. T. 4. P. 772).

³⁸⁴“Dicunt enim quod “in sacris Martis non solum virili veste” induebantur “mulieres, sed etiam armabantur, ut ipsum tamquam [Deum] belli et victoriae datorem colerent” (Ibid.).

³⁸⁵“Dicitur enim in cantico Debore ... Videamus in proposito nostro et revocemus ad memoriam statim regni et militiam, que tunc erat cum surrexit dicta Johanna, si dicere poteramus: cessaverunt fortes in Gallia et quieverunt donec surgeret Puella” (PN, 2, 377—378). Ср.: Суд. 5: 7.

³⁸⁶PN, 2, 378.

³⁸⁷PN, 2, 111—112, 249.

³⁸⁸*Alexander Halensis*. Op. cit. T. 3. P. 477—478 (Cap. II: Utrum peccatum sit viris habere vestimenta muliebria).

³⁸⁹“Nonne legitur de Debhora, quae ivit ad praelium? Et praesumitur quod in armis militaribus, quae ad viros pertinent. Pari ratione, ex causa aliqua posset vir veste muliebri indui, ut si quaeretur ad mortem et per hoc occultaretur, vel si faceret officium quod mulieri competeret” (Ibid. P. 477).

грех³⁹⁰. Любопытно, что данное утверждение не было проиллюстрировано автором ни единым — библейским или средневековым — примером: не будучи, очевидно, в состоянии вспомнить хотя бы одного героя прошлого, надевшего женскую одежду, Александр вынужден был обратиться к истории Деборы, облачившейся в доспехи (но не в мужской костюм, как полагал Робер Цибуль) ради участия в сражении.

Проблема, однако, заключалась в том, что о мужском одеянии (или доспехах) библейской пророчицы не упоминалось в «Книге судей Израилевых». Не был знаком данный образ и средневековой традиции: за исключением пассажа из «Суммы» Александра Галенского он не встречается ни в письменных, ни в иконографических источниках³⁹¹. Таким образом, его использование теологами и юристами на процессе по реабилитации следует, как мне представляется, рассматривать как определенное исключение из правил: образ Деборы был вполне сознательно «отредактирован» нашими авторами в соответствии с требованиями момента. Желая во что бы то ни стало оправдать самое спорное решение Жанны д'Арк, они создали для нее идеальный образец — библейскую героиню, совершившую точно такой же поступок и преследовавшую при этом схожие цели³⁹². Именно поэтому самым главным элементом в образе Деборы в трактовке французских теологов и юристов в 1452—1456 гг. оказались не ее пророческий дар или готовность лично участвовать в военных операциях, но ее вымышленное переодевание в мужское платье.

Впрочем, стремление этих авторов любым способом оправдать ношение Жанной мужского костюма привело не только к новой трактовке образа Деборы в их трактатах. Не менее интересным в данном контексте стало их сравнение французской героини со святыми первых веков христианства, также сменивших собственное одеяние на мужское. Список этих мучениц за веру оставался практически неизменным во всех интересующих нас текстах и был заимствован преимущественно из «Золотой легенды» Якоба Ворагинского и «Исторического зеркала» Винсента из Бове³⁹³. Так, Тома Базен уподоблял Жанну д'Арк свв. Маргарите (Пе-

³⁹⁰Ad quod dicendum quod non pertinet ad honestatem viri veste muliebri indui: utrique enim sexui diversa indumenta natura dedit. Unde, si homo uteretur ex consuetudine veste muliebri, nisi in aliquo casu necessitatis, peccaret" (Ibid.).

³⁹¹О средневековой иконографии Деборы см. ниже: Глава 3. § 3.4.

³⁹²Любопытно отметить, что в единственном на сегодняшний день исследовании, посвященном проблеме мужского костюма Жанны д'Арк в трактатах, созданных для процесса по реабилитации, о влиянии идей Александра Галенского на французских теологов не сказано ни слова: *Michaud-Fréjaville F. D'un procès à l'autre: Jeanne en habit d'homme // De l'hérétique à la sainte. P. 165—176.*

³⁹³Как отмечала Эвелин Патлажан, многие из историй, рассказанных этими авторами, возникли еще в VII—VIII вв. и имели преимущественно сирийское

лагию), Феодоре (Феодору), Марине (Марину) и девице Евфросинье из Александрии, принявшей имя Смарагд. Все они, как отмечал Базен, выбрали мужское платье ради высшей цели — поступления в мужские монастыри, где на протяжении всей своей набожной жизни почитались за мужчин, скрывая свое истинное лицо³⁹⁴. То же сравнение с переодетыми в монахов святыми — на сей раз Феклой, Евгенией, Пелагией и Мариной — использовал в своем сочинении и Мартин Берруйе³⁹⁵. Жан Бошар добавлял к ним блаженную Наталью и св. Андоэну³⁹⁶. Похожие списки приводили также Гийом Буйе и Жан Бреаль³⁹⁷.

Тема переодевания, необходимого той или иной героине для сохранения собственной девственности и, как следствие, своего «Я», действительно была крайне популярна в агиографической литературе³⁹⁸. Однако, как мне представляется, у этого мотива было две составляющих. С одной стороны, переодевание в мужскую одежду защищало женщину от посягательств со стороны мужчин, позволяло ей сохранить целомудрие и статус *Virgo*, девственницы, посвятившей себя — и свою непорочность — Богу. В данной связи агиографическая литература особенно охотно развивала тему постоянной угрозы дефлорации и попыток эту угрозу отвести. Однако существенной составляющей всех этих попыток являлось состояние тайны, в котором они осуществлялись: бегущие из дома от ненавистных женихов; встречающие на своем пути разбойников и готовые, скорее, умереть, нежели отдаться им; поступающие в мужские монастыри и там — все как одна — подпадающие под обвинения в изнасиловании себе подобной и в отцовстве, эти девушки никогда не признавались в том, что являются особами женского пола. Даже грозящее им наказание (вплоть до смертной казни) не могло заставить их открыть свое истинное лицо. Это происходило лишь в конце жизни в присутствии весьма ограниченного круга лиц, либо правда становилась известной уже после смерти той или иной страдальцы посредством ее прощального письма или последней исповеди.

Случай Жанны д'Арк представлял собой, однако, совершенно иную ситуацию, при которой сокрытия тела, а вместе с ним собственной половой идентичности не предполагалось. Напротив, окружающие от-

---

происхождение: *Patlagean E. L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance // Studi medievali. 1976. Ser. 3. V. 17. Fasc. II. P. 597—623.*

³⁹⁴“Que omnes sub virili veste, in monasteriis virorum, ab omnibus reputate pro viris, religiosissime ac devotissime vixerunt et, post mortem, primum sexus discretionem examinata corpora ostenderunt, et variis miraculis claruerunt” (PN, 2, 208).

³⁹⁵PN, 2, 249.

³⁹⁶PN, 2, 263.

³⁹⁷PN, 2, 328, 465—466.

³⁹⁸См. об этом прежде всего: *Delcourt M. Op. cit.; Patlagean E. Op. cit.*

лично знали, что перед ними — женщина, и она сама не делала из этого никакой тайны. Современники Жанны понимали, что девушка сознательно присвоила себе определенные знаки мужской власти — костюм, доспехи, оружие, звание военачальника, и в данном контексте декларируемая ею девственность становилась еще одним подобным символом, поскольку сознательный отказ от материнства представлял собой ни что иное как принижение женской сущности, переход к некоей андрогинности³⁹⁹. Жанну, таким образом, следовало, как мне представляется, отнести к совершенно иному типу женщины, нежели *Virgo* (девственница): она являлась *Virago* — женщиной-мужчиной.

Данное понятие, заимствованное из восточной литературы⁴⁰⁰, прижилось в Западной Европе еще в раннем Средневековье. Его развернутое объяснение давал, в частности, Ратхер Веронский (890—974): «*Virago*, т.е. мужественной, женщина была названа впервые, дабы мужественно сражаться против грехов и быть послушной словам Господа. Мужчина в душе, но женщина во плоти, постарайся совладать со своими греховными желаниями, используя силу своего мужества»⁴⁰¹. Впрочем, начиная уже с меровингской эпохи *Virago* воспринималась как идеальный образ женщины⁴⁰², и подобных примеров на протяжении всего Средневековья мы встречаем немало⁴⁰³. Использовалось данное определение и в отношении Жанны д'Арк⁴⁰⁴. Однако, на процессе по реабилитации теологи и юристы предпочли обойти его вниманием, предложив более удачные, с их точки зрения, примеры для сравнения — образы святых дев, посвятивших свою девственность не военным свершениям, но страдавших и умерших за веру. Таким образом, в их трактатах произошло определенное смещение в понимании образа Жанны д'Арк

³⁹⁹Подробнее см.: *Toubert P. La théorie du mariage chez les moralistes carolingiens // Il matrimonio nella società altomedievale. Spoleto, 1977. T. 1. P. 258—259; Corbet P. Les saints Ottoniens. Sainteté dynastique, sainteté royale et sainteté féminine autour de l'an Mil. Sigmaringen, 1986. P. 108—110.*

⁴⁰⁰*Thomas C. Le corps féminin ou le regard empêché // Micrologus. Natura, scienze e società medievali. 1993. № 1. P. 112.*

⁴⁰¹“*Virago enim, id est fortis, mulier vocata est in principio, ut et fortem te contra vitia et flexibilem in subiectione Domini praeceptorum esse debere memineris omnino. Vir itaque mente, mulier carne, insurgentes et tu adversus spiritum, insanos vitiorum voluptatumque tumultus forti mentis vigore stude devincere*” (*Ratherii Veronensis Preloquiorum Libri Sex // PL. T. 136. Col. 91A*).

⁴⁰²*Portmann M.-L. Die Darstellung der Frau in der Geschichtsschreibung des fruheren Mittelalters. Basel, 1958. S. 37—48.*

⁴⁰³Подробнее о них: *Тозоева О.И. Женщина у власти в средние века и Новое время (о понятии “virago”) // Диалог со временем. 2010. № 31. С. 16—35.*

⁴⁰⁴Например, в письме уже упоминавшегося выше рыцаря-иоаннита: “*Joanna, inquam, Puella, habitu pastorali induta, et quasi virili, de mandato Dei omnipotentis accessit ad regem*” (Q, 5, 100, разрядка моя — О.Т.).

как женщины-воина, вставшей на защиту своей страны и ради этой цели надевшей мужской костюм. Сравнение с Деборой (в оригинальной трактовке Александра Галенского) и святыми мученицами позволило отныне говорить о войне, которую вела французская героиня, как о борьбе за веру, победу в которой над «язычниками»-англичанами одержали в конце концов истинные христиане-французы⁴⁰⁵.

Что же касается понятия *Virago* — женщины, выбравшей мужской образ жизни, — и его связи с историей Жанны д'Арк, то и он, насколько можно судить, не был полностью незнаком участникам процесса по реабилитации. Как мне представляется, именно его имел в виду инквизитор Франции Жан Бреаль, рассуждавший в своем «Сводном изложении» о том, насколько «по-мужски» (*viriliter*) действовала девушка на полях сражений⁴⁰⁶. И все же наиболее подробной и полной разработки образа Жанны-*Virago* следовало подождать до XVI в., когда в связи с определенными изменениями в парадигме, в рамках которой строилось восприятие личности французской героини, ее героическая сущность вышла на первый план⁴⁰⁷.

3.4. Знаменосец Господа

В отличие от образа *Virago*, на процессе по реабилитации получила развитие другая и, как мне представляется, наиболее важная составляющая образа Жанны д'Арк — ее сравнение с самим Иисусом Христом. Через эту аналогию теологи и юристы попытались прежде всего разрешить некоторые спорные вопросы, касавшиеся обстоятельств жизни французской героини: ее личных качеств и не совсем благовидных, с точки зрения современников, поступков.

Одним из них, в частности, являлся отъезд Жанны из дома без спроса родителей. Несмотря на то, что свидетели из Лотарингии попытались в своих показаниях «отредактировать» прошлое девушки, представив ее отъезд в Вокулер как согласованное с семьей решение, авторы трактатов сочли необходимым вернуться к нему еще раз. При этом никто из них не стал — в отличие от односельчан Жанны д'Арк — приукрашивать действительность. Напротив, они признавали, что благовидность ее поступка вызывает определенные сомнения, и попытались развеять их, вновь прибегнув к библейским аналогиям. Христос,

⁴⁰⁵Данная тема получила совершенно особое развитие в XVI—XVII вв. в рамках конфессиональных споров между французскими католиками и протестантами. Подробнее см.: Глава 4. § 5.

⁴⁰⁶“Aut etiam cum Aurelianis, Parisius et multas regni spectabiles civitates et munitiones oppidaque fortia, viriliter ac intrepide aggressa fuit” (PN, 2, 471).

⁴⁰⁷См. ниже: Глава 4. § 2.1.

для которого сознательный отказ от семьи оказался единственным возможным способом исполнить миссию, возложенную на него Отцом Небесным, являлся для них в данном случае идеальным образцом для подражания. Так полагал, в частности, Жан Бреаль, писавший, что Жанна — как и Иисус — покинула своих родителей ради высшей цели⁴⁰⁸. Ему вторил Тома Базен, утверждавший, что так должен был поступить любой истинный последователь Спасителя⁴⁰⁹, и находивший подтверждение своим словам в историях Фомы Аквинского, Алексея Римлянина, а также уже упоминавшихся выше святых дев Маргариты, Феодоры, Марины и Евфросиньи⁴¹⁰.

Столь же важным авторам трактатов представлялся и вопрос об обмане, который, по мнению противников французов, творила Жанна д'Арк. Прежде всего это касалось ее писем, где рядом с подписью и словами «Иисус-Мария» она изображала (или просила изобразить) крест. Как полагали судьи на обвинительном процессе 1431 г., этот знак имел магическое значение, а также указывал сторонникам девушки на то, что содержанию тех ее посланий, в которых он присутствовал, верить не следовало. Сама Жанна в ходе допросов никак не комментировала подобных обвинений — вместо нее это попытались сделать теологи и юристы на процессе по реабилитации. Они полагали, что даже если крест и указывал на заведомо ложные сведения, содержащиеся в письмах девушки, данное обстоятельство можно было легко объяснить и извинить. Жанна якобы просто не желала, чтобы важная информация попала в руки врагов французского короля и делала все, чтобы этого избежать. Обман, к которому она таким образом прибегала, извинялся особыми обстоятельствами, в которых он совершался. Ведь именно так поступал и Иисус Христос, открывшийся своим ученикам после Воскрешения лишь по прошествии определенного времени⁴¹¹.

Отдельно был рассмотрен в трактатах и вопрос об условиях, при которых Жанна получала откровения от своих «голосов». Справедливо отмечая, что и сад родного дома в Домреми, и поля сражений, и

⁴⁰⁸“Ait enim Christus ad matrem et Joseph, Luce II: “Quid est quod me querebatis? Nesciebatis, quia in his que patris mei sunt oportet me esse?” (PN, 2, 455). Ср.: Лук 2: 45—49.

⁴⁰⁹“Quadam occasione verbi Salvatoris nostri quo dicit: “Omnis qui reliquerit patrem et matrem propter me centuplum accipiet” (PN, 2, 209). Ср.: Map 10: 29—30.

⁴¹⁰“Unde de multis sanctis legimus quod. Fervore devotionis et charitatis accensi, alii parentes, alii conjuges, alie maritos lege privata acti, reliquerunt” (PN, 2, 209).

⁴¹¹“In talibus enim nihil est dolositatis seu duplicitatis, quemadmodum dicimus de Christo qui finxit se longius ire, ut in Homelia Gregorii super illud evangelii Luce ultimo, de discipulis euntibus in Emaus” (PN, 2, 313). “Christus etiam finxit se longius ire, Luce ultimo; et Judith universa verba que ad Holofernem dixit, Judith XI sunt penitus ficta, ut patet intuenti” (PN, 2, 481). Ср.: Лук 24: 15—16.

тюремную камеру можно считать местами, недостаточно подходящими для общения со Всевышним (в отличие от церкви или монастыря), наши авторы, тем не менее, склонны были полагать, что здесь нет ничего странного или предосудительного, приводя в подтверждение своей мысли разнообразные примеры из Библии. В частности, Жан Бреаль ссылаясь на Авраама, получившего откровения у входа в собственный шатер (Быт. 18: 10); на Лота, узнавшего о грядущей гибели Содома в стенах своего дома (Быт. 19: 10—13); на Агарь, услышавшую Господа в пустыне (Быт. 21: 14—18); на Гедеона, пребывавшего в точильне (Суд. 6: 11—14); на родителей Самсона, работавших в поле (Суд. 13: 8—14); на царя Давида, встретившего ангела на гумне (2 Цар. 24: 16—18), а также — на самого Христа, который молился в одиночестве и был услышан Господом на вершине горы Елеонской (Лук. 22: 39—41)⁴¹².

Получила на процессе по реабилитации дополнительное развитие и идея, впервые высказанная в «Латинской хронике» Жана Шартье, о процессе над Жанной д'Арк как процессе над Христом⁴¹³. Как следствие, смерть Жанны на костре была расценена как мученическая, как повторение жертвы, принесенной Спасителем за все человечество, что являлось развитием идеи, высказанной в свое время Мартином Ле Франком⁴¹⁴. Так, Тома Базен утверждал, что в огне костра, на котором сжигали французскую героиню, возникло имя «Христос»⁴¹⁵. Мартин Берруйе настаивал, что после смерти Жанны из огня вылетел голубь⁴¹⁶.

Противоречие, крившееся, казалось бы, в подобном сравнении (ибо Жанна приняла мученическую смерть за своего короля и страну, тогда как Христос страдал за веру), было, по мнению теологов и юристов, легко разрешимо. С их точки зрения, пророчества Спасителя касались не просто религиозных вопросов — очень часто они носили военный характер и предназначались людям, посвятившим всю свою жизнь защите родины от захватчиков⁴¹⁷. Поскольку же войны, которые велись

⁴¹²PN, 2, 411.

⁴¹³“Non quidem, ut de se patuit, ut ex assistentium plurium informatione seu directione iudicium consultius seu rectius faceret, sed potius ut ex subdola fictione tante celebritatis magnitudinem cause pretenderet, et partem regis Francie velamine apparentis justitie infaharet; sicut et pontifex Caiphas scidit vestimenta sua sedens pro tribunali adversus Christum” (PN, 2, 521).

⁴¹⁴См.: Глава 2. § 6.

⁴¹⁵“Deposuerunt etiam in flamma ignis vidisse descriptum nomen Jhesus, dum ejus corpus ureretur” (PN, 2, 194).

⁴¹⁶“In medio flammaram, nomen Jhesus litteris aureis scriptum vidisse, alii columbam albam in ipsius Puelle exitu de flammis egredientem” (PN, 2, 237). О голубе, вылетевшем из пламени, упоминали также Изамбар де ла Пьер (PN, 1, 225) и Жан Бреаль (PN, 2, 509).

⁴¹⁷PN, 2, 363 (Робер Цибуль).

народом Израиля, рассматривались как библейской, так и средневековой традициями прежде всего как борьба за сохранение истинной веры, сравнение Жанны д'Арк с Иисусом Христом логично развивало тему ее уподобления Деборе и святым мученицам первых веков христианства. Главное же сходство со Спасителем заключалось в том, что французская героиня — как и Христос — могла считаться победителем, триумфатором над силами зла. На этом вопросе самым подробным образом останавливался Эли де Бурдей. Он писал, что Жанна была весьма набожна и крестилась каждый раз, когда ее посещали «голоса». Если бы ей являлись демоны, они не смогли бы с ней общаться, а потому она одержала победу, действуя по наставлению ангелов. Точно так же и Христос силой крестного знамения одержал победу над силами ада⁴¹⁸.

Образ Жанны как второго Христа-победителя возник на процессе по реабилитации не впервые, он использовался и ранее, начиная с 1429 г., и был связан прежде всего с темой знамени Девы — ее боевого штандарта, на истории которого здесь следует также остановиться⁴¹⁹.

Согласно книге счетов военного казначея Эмона Рагье, знамя «для Девы» было изготовлено в апреле 1429 г. «художником» Овом Пульнуаром (*Hauves Poulnoir*), проживавшим в Туре⁴²⁰. Жанна находилась в это время в Блуа, где собирались королевские войска, во главе которых она должна была выступить на Орлеан⁴²¹. Девушка заявляла, что штандарт был создан по приказу, полученному Свыше и переданному ей свв. Екатериной и Маргаритой⁴²². Знамя изготовили из белой ткани, называемой *boucassin* (смесь хлопка и шерсти), и обшили по краям шелком. В центре поля, усеянного лилиями, располагалась фигура Господа, державшего земной шар, в окружении двух ангелов; сбоку шла надпись «Иисус Мария»⁴²³. Сама Жанна ничего не смогла (или не захо-

⁴¹⁸“Nec immerito quia in illo signo sancte crucis salutifero ostenditur victoria Christi, perdicio diaboli et infernorum destructio... ideo illud signum ferre non potest diabolus... Ipsa Johanna ad regis et regni liberationem, ut asserebat, mittebatur, ad quam non concurrunt angeli mali, sicut supra notandum est” (PN, 2, 93). Ср.: Евангелие от Никодима. § 24 // <http://biblia.org.ua/apokrif/apocryph1/ev-nikodim.shtml.htm>.

⁴¹⁹См. подробнее: Тогоева О.И. «Портрет» Жанны д'Арк на полях журнала Клема-на де Фокамберга // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2010—2013 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 10. М., 2015. С. 73—94.

⁴²⁰Q, 5, 258.

⁴²¹О том, что именно в Блуа у Жанны появилось собственное знамя, упоминали многие из ее современников. См., к примеру: *Chronique de Tournai // Recueil des chroniques de Flandre / Ed. par J.-J. de Smet. Bruxelles, 1856. T. 3. P. 409; Lefèvre-Pontalis G. Op. cit. P. 164.*

⁴²²“Respondit quod sancte Katherina et Margareta dixerunt ei quod ipsa caperet vexillum et ipsum audacter portaret, et quod faceret in eo depingi Regem celi” (PC, 1, 114).

⁴²³PC, 1, 78.

тела) рассказать своим судьям в Руане о смысле данной композиции⁴²⁴. Она лишь знала, что ангелы на знамени были нарисованы по примеру тех образцов, которые она видела в церкви, и не передавали внешний вид посещавших ее «голосов»⁴²⁵.

О том, что именно нарисовано на знамени Жанны, было, конечно, известно далеко не всем ее современникам и ближайшим потомкам. В их сообщениях встречались самые разные, порой фантастические, описания: на штандарте появлялись то Богородица, то Троица, то два ангела с лилиями в руках, а то и королевский герб⁴²⁶. И тем не менее, само наличие знамени у французской героини не вызывало у окружающих никаких вопросов: они знали, что оно существует (или существовало), даже если порой не могли точно его описать.

Парадокс ситуации заключался, однако, в том, что, в отличие от самой Жанны, заявлявшей, что она ценила свое знамя «в сорок раз больше» чем меч и в сражении всегда несла его сама, «чтобы никого не убить»⁴²⁷, никто из авторов XV в. не считал ее штандарт чем-то исключительным — напротив, с их точки зрения, он являлся обычным атрибутом человека, ставшего еще одним капитаном французского войска⁴²⁸. Соответственно, далеко не все из них считали необходимым писать о столь рядовых вещах. И прежде всего это касалось самых ранних откликов на появление в королевских войсках некоей Девы, авторы которых если и упоминали о знамени Жанны, то только мельком⁴²⁹.

Единственным, пожалуй, автором, уделившим знамени Жанны д'Арк особое, как мне представляется, внимание, был Жан Жерсон. В своем *De mirabili victoria*, посвященном снятию осады с Орлеана, он

⁴²⁴“Et de significacione nescit aliud” (PC, 1, 114).

⁴²⁵“Interrogata utrum fecerit depingi illos angelos qui veniunt ad ipsam: Respondit quod fecit eos depingi in modum quo depinguntur in ecclesiis” (PC, 1, 171).

⁴²⁶*Basin Th. Histoire de Charles VII / Ed. par Ch. Samaran. P., 1964. T. 1. P. 134; Chronique d'Antonio Morosini. P. 110; Journal du siège d'Orléans. P. 49; Quicherat J. Relation inédite. P. 338.*

⁴²⁷“Interrogata quod prediligebat, vel vexillum suum vel ense. Respondit quod multo, videlicet quadragesies, prediligebat vexillum quam ense... Dicit etiam quod ipsam portabat vexillum predictum, quando aggrediebatur adversarios, pro evitando ne interficeret aliquem” (PC, 1, 78).

⁴²⁸Отношение к Жанне как к еще одному французскому военачальнику прослеживается по многим источникам XV в. См., к примеру: “Comment la Pucelle Jehenne et plusieurs autres capitaines François rafreschirent la ville d'Orliens” (La chronique d'Enguerran de Monstrelet. T. 4. P. 319, разрядка моя — О.Т.). См. также: *Contamine Ph. Remarques critiques sur les étendards de Jeanne d'Arc // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Mittelalter. 2007. Bd. 34. S. 187—200.*

⁴²⁹Q, 3, 412 (Генрих фон Горкум); *Chronique d'Antonio Morosini. P. 110; Q, 5, 108* (письмо братьев де Лаваль от 4.06.1429); Q, 5, 129 (письмо 4 анжуйских señоров от июля 1429 г.).

назвал девушку «знаменосцем Господа», избранным «для уничтожения врагов справедливости и для помощи друзьям»⁴³⁰. При этом французский теолог, как и все прочие авторы, писавшие в 1429 г. о Жанне, ее главным отличительным свойством, главным атрибутом не без оснований считал мужской костюм, которому посвятил половину своего небольшого трактата⁴³¹. Указание на доспехи чаще всего оказывалось вообще единственным описанием внешности героини — как, например, в *Dissertatio* Жака Желю, у Генриха фон Горкума или в анонимной «Французской сивилле», не говоря уже о более поздних свидетельствах⁴³².

На этом фоне особенно интересным выглядит единственный текст 1429 г., в котором о мужском одеянии Жанны вообще не упоминалось, а ее главным отличием было названо именно знамя: «Было объявлено в Париже, что в прошлое воскресенье многочисленное войско дофина...взяло укрепление, которое защищал Уильям Гласдейл, ...и что в тот же день другие капитаны и [английское] войско, осаждавшие Орлеан, сняли осаду, чтобы прийти на помощь Гласдейлу и его товарищам и сражаться с врагами, имевшими, как говорят, в своих рядах деву со знаменем»⁴³³. Данное сообщение было оставлено 10 мая 1429 г. в журнале секретаря гражданского суда Парижского парламента Клемана де Фокамберга и сопровождалось рисунком, выполненным самим автором на полях: на нем была представлена молодая женщина с распущенными волосами, левой рукой сжимавшая рукоять меча, а в правой державшая знамя⁴³⁴. (Илл. 1) Его детали (впрочем, как и детали самого рассказа) указывали, что никаких достоверных подробностей о девушке секретарь гражданского суда на тот момент, видимо, не знал. Он не упомянул ни о ее доспехах (изобразив Жанну в женском платье), ни об имени, которое появилось в его записях только в день ее казни, 30 мая

⁴³⁰“In Puella nostra...quam ex certis signis elegit Rex celestis, tanquam vexilliferam ad conterendos hostes justitie et amicos sublevandos” (PN, 2, 39, разрядка моя — О.Т.).

⁴³¹“Sequitur triplex veritas ad justificationem electe Puella, de post fetantes accepte, utentis veste virili” (PN, 2, 38).

⁴³²*Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis de Puella Aurelianensi dissertatio* P. 583; Q, 3, 412; Q, 3, 440; *Quicherat J. Relation inédite*. P. 336; *La chronique d'Enguerran de Monstrelet*. T. 4. P. 314.

⁴³³“Fu rapporté et dit à Paris publiquement que, dimenche derrain passé, les gens du Dauphin, en grant nombre,... estoient entrez dedens la bastide que tenoient Guillaume Glasdal...et que, ce jour, les autres capitaines et gens d'armes tenans le siege...devant la ville d'Orleans, ...avoient levé leur siege pour aler conforter ledit Glasdal et ses compaignons et pour combatre les ennemis, qui avoient en leur compaignie une pucelle seule ayant baniere entre lesdis ennemis, si comme on disoit” (*Fauquembergue C. de*. Op. cit. T. 2. P. 306—307, разрядка моя — О.Т.).

⁴³⁴Archives Nationales de la France. Série X — Parlement de Paris. X 1 — Parlement civil. X 1a — Registres civils. X 1 a 1481, f. 12.

1431 г.⁴³⁵, не имел представления о том, что «Дева» (*Pucelle*) — прозвище, которое следует писать с прописной буквы⁴³⁶, и допустил ошибку даже в определении того, каким именно знаменем располагала его героиня, использовав вместо термина *etandard* слово *banniere*⁴³⁷. Тем не менее, Фокамберг дал Жанне д'Арк свое собственное определение — «дева со знаменем», хотя представляется крайне сомнительным, что он знал о существовании штандарта, не зная больше ничего. Для него, следовательно, знамя являлось главным и даже единственным атрибутом этой незнакомой, но вызывавшей удивление девушки.

Самое простое объяснение этого странного факта заключается в том, что секретарь парижского суда, как и многие другие авторы XV в., рассматривал Жанну д'Арк как еще одного военачальника французского войска. Однако, Фокамберг узнал о том, что «Дева» руководила армией «вместе с другими капитанами» только осенью 1429 г.⁴³⁸ Видимо, наличие знамени объяснялось, с точки зрения Фокамберга, не только военными функциями Жанны, и ответ на вопрос, почему он изобразил ее как «деву со знаменем», менее всего связан с реальными событиями, о которых он был не слишком хорошо осведомлен. Следует, вероятно, предположить, что секретарь гражданского суда вкладывал в свой рисунок некий символический смысл, что его «дева» отсылала к образцам, далеким от образа настоящей Жанны д'Арк.

Одним из таких прототипов могло, безусловно, являться так называемое «пророчество Беды», в котором в аллегорической форме возвещалось пришествие некоей «девы со знаменем»⁴³⁹. Самое раннее из дошедших до нас упоминаний данного предсказания содержалось в

⁴³⁵“Par procès de l’Eglise, Jehanne, qui se faisoit appeler la Pucelle,... a esté arse et brulée en la cité de Rouen” (*Fauquembergue C. de. Op. cit. T. 3. P. 13*).

⁴³⁶Первый раз Фокамберг назвал Жанну «Девой» в записи от 8 сентября 1429 г., описывая попытку взятия Парижа войсками Карла VII: “Une femme que on appelloit la Pucelle” (*Ibid. T. 2. P. 323*).

⁴³⁷О различии между этими двумя типами знамен см.: *Бойцов М.А. Вексиллологические традиции средневековой Европы // Signum / Отв. ред. А.П. Черных. М., 2013. Вып. 7. С. 14—75. См. также: Lombard-Jourdan A. Fleur de lis et oriflamme. Signes célestes du royaume de France. P., 1991. P. 151—161, 267; Pastoureau M. L’emblème fait-il la nation? De la bannière à l’armoirie et de l’armoirie au drapeau // Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne du Moyen Age à l’époque moderne / Publ. par R. Babel, J.-M. Moeglin. Sigmaringen, 1997. P. 193—203. Типы различных средневековых штандартов подробно описаны в: Harmand A. Jeanne d’Arc, ses costumes, son armure. Essai de reconstruction. P., 1929. P. 284—290.*

⁴³⁸“La Pucelle, qui conduisoit l’armée avec les autres capitaines dudit messire Charles de Valois” (*Fauquembergue C. de. Op. cit. T. 2. P. 323, разрядка моя — О.Т.*)

⁴³⁹“Vis cum ci culli bis septem se sociabunt, / Gallorum pulli tauro nova bella parabunt / Ecce beant bella tunc fert vexilla puella” (цит. по: *Bouzy O. Prédiction ou récupération. P. 40*).

тексте «Бридлигтонского пророчества», копия с которого была сделана во Франции в начале XIV в.⁴⁴⁰ Начиная с 1429 г. у многих авторов «пророчество Беды» оказалось напрямую связано с появлением Жанны: о нем упоминали Кристина Пизанская, Антонио Морозини, декан Сен-Тибо в Метце и Жан Бреаль⁴⁴¹. Как справедливо отмечал Оливье Бузи, этот текст вполне мог быть известен и Клеману де Фокамбергу и стать основой для его рисунка⁴⁴². Однако, не только он один. Секретарь Парижского парламента, вероятно, опирался и на другие, прежде всего иконографические, источники — как сама Жанна черпала вдохновение в церкви, заказывая изображение ангелов для своего штандарта.

В единственном на сегодняшний день известном мне исследовании, специально посвященном рисунку Фокамберга, его символике и возможным прототипам⁴⁴³, все тот же Оливье Бузи писал, что французская героиня была, естественно, не единственной обладательницей штандарта в средние века. Он сравнивал ее, в частности, с женщиной-знаменосцем, которая упоминалась в «Хронике» Мишеля Пинтуэна под 1382 г.⁴⁴⁴: некая Мари Трисс не просто носила в бою знамя св. Георгия, но была «ведьмой», предсказывавшей будущее и вселявшей надежду на победу в сердца фламандцев — врагов французов⁴⁴⁵. Последнее обстоятельство, как полагал французский исследователь, позволяет предположить, что рассказ монаха из Сен-Дени отсылал к истории Деборы — единственной библейской пророчицы, чьим основным атрибутом якобы являлось знамя⁴⁴⁶. На том же основании — наличие пророческого дара и штандарта — О. Бузи возводил к средневековой иконографии Деборы и рисунок Фокамберга⁴⁴⁷.

Проблема, однако, заключается в том, что в записях секретаря гражданского суда, посвященных Жанне д'Арк, не содержалось ни единого

⁴⁴⁰Подробный анализ сохранившихся списков «пророчества Беды» см.: Ibid. P. 40—41. О «Бридлигтонском пророчестве» см.: *Калмыкова Е.В.* «Пророчество Джона Бридлигтонского», или Предсказание настоящего // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2005 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 7. М., 2006. С. 60—87.

⁴⁴¹*Christine de Pizan.* Ditié de Jeanne d'Arc. V. 241—246; *Chronique d'Antonio Morosini.* P. 126; Q, 4, 323; PN, 2, 410.

⁴⁴²*Bouzy O.* Prédiction ou récupération. P. 47.

⁴⁴³*Idem.* Images bibliques.

⁴⁴⁴Хронист назвал ее «знаменосицей»: «Refert ibidem cum sordida vexillifera tria milia cecidisse» (*Chronique du religieux de Saint-Denis.* T. 1. P. 200).

⁴⁴⁵«Hostes namque sortilegiis et supersticionibus cuiusdam abjectissime omasarie et immunde inducti fuerunt, que vexillum sancti Georgii deferens, omnes ad spem vincendi allexerat, promittens quod Gallicos fascinaret et magicis carminibus redderet impotentes» (Ibid. P. 199—200).

⁴⁴⁶*Bouzy O.* Images bibliques. P. 239.

⁴⁴⁷Ibid. P. 240.

намек на ее предсказания — наш автор не знал даже о тех трех задачах, которые якобы ставила перед собой девушка и которые являлись наиболее известными из всех ее пророчеств. Очевидно, что о способности своей героини предвидеть будущее он и не догадывался, что делает гипотезу О. Бузи не слишком убедительной. Впрочем, она вызывает и куда более серьезные возражения.

Уподобление Жанны д'Арк Деборе, как я уже отмечала выше, присутствовало уже в ранних откликах на появление в рядах французских войск новой героини: это сравнение использовали и Жан Жерсон, и Генрих фон Горкум, и Кристина Пизанская. Однако эти тексты не могли быть известны Клеману де Фокамбергу 10 мая 1429 г., когда он сделал первую, посвященную Жанне запись и нарисовал ее «портрет». Он также вряд ли был хорошо знаком с иконографией библейской героини, а если и видел ее изображения, то никак не мог позаимствовать у нее основной атрибут «своей» Жанны — развевающеся знамя. Дело в том, что изображения Деборы, несмотря на некоторую известность в Византии⁴⁴⁸, в средневековой Европе были не слишком популярны. На существующих же миниатюрах — например, в так называемой Библии Мациевского (1244—1254 гг.)⁴⁴⁹, в Псалтири Людовика Святого (ок. 1270 г.)⁴⁵⁰ или в *Mare historiarum* Джованни де Колумны (1447—1455 гг.)⁴⁵¹ — знамя никогда не изображалось. (ИЛЛ. 2—3) Не упоминалось оно и в письменных источниках. В Библии или, к примеру, у Иосифа Флавия⁴⁵² об атрибутах Деборы речи вообще не шло. Что же касается более поздних текстов, особенно тех, что были посвящены Жанне д'Арк, то их авторы в качестве атрибутов Деборы называли ее доспехи и оружие⁴⁵³. Однако среди них знамя также отсутствовало. Представляется таким образом весьма сомнительным, чтобы Клеман де Фокамберг выбрал в качестве образца для подражания именно еврейскую пророчицу. Однако область поиска — библейская система образов — была намечена Оливье Бузи совершенно верно.

⁴⁴⁸Cameron A. Images of Authority: Elites and Icons in Late Sixth-Century Byzantium // Past and Present. 1979. № 84. P. 3—35.

⁴⁴⁹Pierpont Morgan Library. Ms. m. 638, f. 12.

⁴⁵⁰BNF. Ms. lat. 10525, f. 47v.

⁴⁵¹BNF. Ms. lat. 4915, f. 37v.

⁴⁵²Суд 5:7—8; Иосиф Флавий. Иудейские древности. М., 1994. Кн. 5. § 2—3. С. 519—520.

⁴⁵³Cum ergo ipsa Johanna assereret arma et habitum virilem, ferre divina dispensatione et hoc possibile erat, exemplo Dehbora preallegato (PN, 2, 111); “Sic et Debbora prophetes ivit...et alie qui habitum viri detulerunt (PN, 2, 249); “Dicit magister Alexander de Halis...quod Debora utebatur veste virili et armis militaribus ad expugnandos inimicos populi Israel” (PN, 2, 377).

Идея о Божественном происхождении оружия и других атрибутов власти (прежде всего, королевской) получила широкое распространение во Франции в XIV—XV вв.⁴⁵⁴ Многочисленные библийские истории о даровании Свыше тех или иных священных предметов — будь то жезл Моисея или золотой меч Иуды Маккавея⁴⁵⁵ — предназначенных для спасения избранного народа, были здесь хорошо известны⁴⁵⁶. В том же контексте рассматривалось и дарование знамени израильскому войску, которое должно было победить всех своих многочисленных врагов, сохранив тем самым собственную идентичность и государственность⁴⁵⁷.

Тема избранности собственного народа утвердилась в сочинениях французских авторов задолго до появления Жанны д'Арк на политической сцене⁴⁵⁸. Недаром и история обретения королевского знамени — орифламмы — связывалась ими с Божественным вмешательством⁴⁵⁹. Что же касается самой французской героини, то с предводителями израильян ее сравнивали как при жизни⁴⁶⁰, так и после смерти⁴⁶¹. В этом же ключе мыслил, как мне представляется, и Жан Жерсон, назвавший Жанну «знаменосцем Господа»: если сама девушка уподоблялась у него Моисею, то в руках она обязана была нести знамя, дарованное ей Свыше⁴⁶². Ту же мысль повторяла сама Жанна на процессе 1431 г., заявляя, что свв. Маргарита и Екатерина приказали ей: «Прими знамя, посланное Царем небесным (*accipias vexillum ex parte Regis celi*)»⁴⁶³. Вполне возможно, что к тому моменту девушка уже знала о содержании трактата Жерсона, хорошо известного как среди сторонников Карла VII, так и

⁴⁵⁴Подробнее см. выше: Глава 1. § 4.3.

⁴⁵⁵Исх 17:9; 2 Мак 15:15—16.

⁴⁵⁶Beaune C. Jeanne d'Arc. P. 211—213.

⁴⁵⁷Числ 21:8; Ис 5:26.

⁴⁵⁸Zeller G. Les rois de France candidats à l'Empire. Essai sur l'idéologie impériale en France // Zeller G. Aspects de la politique française sous l'Ancien Regime. P., 1964. P. 12—89; Strayer J.R. France: The Holy Land, the Chosen People, and the Most Christian King // Action and Conviction in Early Modern Europe / Ed. by T.K. Rabb, J.E. Seigel. Princeton, 1969. P. 3—16; Lassabatère T. Sentiment national et messianisme politique en France pendant la guerre de Cent ans: le thème de la fin du monde chez Eustache Deschamps // BA. 1993. № 17. P. 27—56.

⁴⁵⁹Блок М. Указ. соч. С. 343—344. Contamine P. Oriflamme de Saint-Denis au XIVe et XVe siècles. Etude de symbolique religieuse et royale // Annales de l'Est. 1973. № 1. P. 183.

⁴⁶⁰См.: Глава 1. § 5.

⁴⁶¹PN, 2, 236, 329.

⁴⁶²“Tantummodo caveat pars habens justam causam, ne per incredulitatem et ingratitude vel alias injustitias, faciat irritum divinum tam patenter et mirabiliter auxilium inchoatum, prout Moise et filiis Israel, post collata divinitus tot promissa, legimus contigisse” (PN, 2, 39).

⁴⁶³PC, 1, 173.

среди его противников⁴⁶⁴, и использовала данное им ей когда-то определение. Возможно также, что она опиралась на тот же, что и Жерсон, первоисточник — библейские тексты. Однако, между ветхозаветными героями-полководцами и Жанной д'Арк существовало одно важное различие. Если предводители израильского народа получали свои инсигнии от Бога-Отца, то французская героиня, видимо, считала, что получила свое знамя непосредственно от Иисуса Христа.

Как мы помним, на знамени Жанны, по ее собственным словам, был изображен Господь, державший в руке *tundus*. Однако, кто именно это был — Бог-Отец или Бог-Сын — в показаниях не уточнялось. Использованный в протоколе термин *tundus* обозначал в средневековой теологии и геральдике земной шар с водруженным на нем крестом, символизирувавший Вселенную и обычно являвшийся атрибутом Создателя⁴⁶⁵. Впрочем, и Иисус Христос, восседавший во славе, также довольно часто изображался с земным шаром в левой руке. (ИЛЛ. 4) Насколько можно судить, именно о нем говорила Жанна, отождествлявшая Господа со своего штандарта со Спасителем. Как о «Царе небесном, сыне пресвятой [Девы] Марии» писала она о нем герцогу Бедфорду 22 марта 1429 г., призывая английского регента покинуть вместе с войсками Францию⁴⁶⁶. «Царем Иисусом, правителем неба и земли» называла она его в письмах к жителям Труа и к герцогу Бургундскому от 4 и 17 июля 1429 г.⁴⁶⁷ Таким образом, по мнению Ф.-М. Летеля, знамя Жанны являлось квинтэссенцией ее «христологии», отмеченной явным влиянием народной «теологии» и францисканства, основное внимание уделявших идее Христа-Царя и монограмме Иисуса как его главному символу⁴⁶⁸. Именно его имя стояло, по свидетельству очевидцев, на штандарте Жанны, будучи частью ее девиза — «Иисус-Мария». О том, что на знамени был изображен именно Спаситель, сообщали и многие современники французской героини. Ангерран де Монстреле, анонимные авторы «Хроники Девы», и «Хроники Турне», а также Эберхард Виндеке⁴⁶⁹ описывали его так же, как сама Жанна во время допросов в Руане.

Важным, на мой взгляд, представляется и еще одно обстоятельство — символическая принадлежность полученной инсигнии. Согласно «Книге пророка Исаяи», знамя, с которым избранный народ

⁴⁶⁴Fraioli D. Joan of Arc: The Early Debate. P. 126—149.

⁴⁶⁵Harmand A. Op. cit. P. 291—292.

⁴⁶⁶“Dieu, le roy du ciel, filz de sainte Marie” (Q, 5, 97).

⁴⁶⁷“Le Roi Jhesus, roi du ciel et de tout le monde” (Q, 4, 284); “Le roy Jhesus, roy du ciel et de tout le monde” (Q, 5, 127).

⁴⁶⁸Lethel F.-M. Jeanne d'Arc et l'ange. P. 55—57.

⁴⁶⁹La chronique d'Enguerran de Monstrelet. P. 315; Chronique de la Pucelle. P. 281; Chronique de Tournai. P. 409; Lefèvre-Pontalis G. Op. cit. P. 164.

должен был отстаивать свою независимость, было не просто даровано Создателем: «Так говорит Господь Бог: вот, Я подниму руку Мою к народам, и выставлю знамя Мое племенам, и принесут сыновей твоих на руках и дочерей твоих на плечах»⁴⁷⁰. Иными словами, обладателем знамени здесь объявлялся сам Бог-Отец, превращавшийся таким образом в знаменосца. Однако та же самая роль отводилась Иисусу Христу средневековой иконографией, предполагавшей наличие у него личного знамени. Собственно, первые подобные изображения появились еще в IV в. в Византии, где главной темой христианского искусства стало торжество Господа, Христос во славе, что и определило выбор аллегорических атрибутов, присутствовавших в сценах апофеоза⁴⁷¹.

Впрочем, значительно чаще вместо Воскресения художники предпочитали эпизод с двумя Мариями у пустой гробницы либо сошествие Христа в ад⁴⁷². Здесь его главным атрибутом выступал крест, иногда понимаемый как знамя — символ победы и искупления⁴⁷³. Очевидно, именно поэтому в западноевропейских изображениях данной сцены также иногда присутствовало знамя в руках Спасителя, о чем свидетельствуют, к примеру, фреска Фра Беато Анжелико в монастыре Сан Марко во Флоренции (1437—1446 гг.) или гравюра Альбрехта Дюрера (1512 г.). (ИЛЛ. 5—6) Вместе с тем на Западе возникло и огромное количество изображений собственно сцены Воскресения, в которой Христос неизменно фигурировал со своим знаменем. На средневековых миниатюрах вексиллум Спасителя в подавляющем большинстве случаев являл собой штандарт черного, желтого или красного цвета с двумя (реже — с тремя) косицами⁴⁷⁴. Знаком Божественной принадлежности выступали также крест либо монограмма⁴⁷⁵. (ИЛЛ. 7)

Важно отметить, что именно такое знамя изобразил на «портрете» Жанны д'Арк Клеман де Фокамберг — штандарт с двумя косицами, украшенный монограммой «Иисус». О том, что речь шла именно о монограмме, упоминал в своем «Дневнике» и Парижский горожанин: «И повсюду с арманьяками следовала эта одетая в доспехи Дева, и несла она свой штандарт, на котором было написано только [одно слово] — «Иисус»⁴⁷⁶. Безусловно, оба эти свиде-

⁴⁷⁰Ис 49 : 22 (разрядка моя — О.Т.).

⁴⁷¹Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 200—202.

⁴⁷²Там же. С. 248; Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии. М., 2001. С. 511—515; Махов А.Е. Сад демонов. Словарь inferнальной мифологии средневековья и Возрождения. М., 2007. С. 187—191.

⁴⁷³Покровский Н.В. Указ. соч. С. 489—519.

⁴⁷⁴Махов А.Е. Сад демонов. С. 208, 247.

⁴⁷⁵Грабар А. Указ. соч. С. 206.

⁴⁷⁶«Et partout allait cette Pucelle armée avec les Armagnacs, et portait son étendard, où étoit tant seulement écrit Jésus» (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 258, раз-

тельства были явной выдумкой авторов: ни один из них никогда не видел свою героиню и не знал, что на самом деле было изображено на ее знамени. Впрочем, историческая точность и не являлась, как мне представляется, их главной задачей. Скорее, их общим желанием было передать свои собственные чувства, свои впечатления от дошедшей до них удивительной новости. И с этой точки зрения абсолютно символическое изображение знамени Жанны как знамени Иисуса Христа имело первостепенное значение, поскольку уподобляло французскую героиню самому Спасителю — триумфатору, победителю смерти и сил ада.

Как я уже отмечала выше, сравнение с Христом присутствовало и в других ранних откликах на деяния французской героини. Так, Персеваль де Буленвилье сравнивал рождение Жанны с Богоявлением: «Она увидела свет сей брэнной жизни в ночь на Богоявление Господне (*in nocte Epiphaniarum Domini*), когда все люди радостно славят деяния Христа. Достоинно удивления, что все жители деревни были охвачены в ту ночь необъяснимой радостью и, не зная о рождении Девы (*nativitatis Puellae*), бегали взад и вперед, спрашивая друг друга, что случилось. Петухи, словно глашатаи радостной вести, пели в течение двух часов так, как никогда не пели раньше, и били крыльями, и казалось, что они предвещают явление чего-то небывалого»⁴⁷⁷. Эберхард Виндеке, описывавший штурм Парижа 8 сентября 1429 г., замечал, что ему сопутствовали «великие знаки Господа» (*gross zeichen von Got*): в частности, на штандарт Жанны (*baner*) в разгар битвы опускался белый голубь (*ein weiss tube*), державший в клюве золотую корону (*ein gulden crone*), — олицетворение Святого Духа, как его представляли себе люди Средневековья⁴⁷⁸. Однако наиболее важным в данном контексте оказывались слова Жака Желю: «Если Бог-Отец послал своего Сына для нашего спасения, почему Он не мог послать одно из своих творений, дабы освободить короля и его народ из пасти их врагов?»⁴⁷⁹.

рядка моя — О.Т.). Данное сообщение, тем не менее, следует отнести к более позднему времени. Известно, что большую часть информации о Жанне д'Арк Парижский горожанин почерпнул из проповеди доминиканца Жана Граверана, сторонника англичан и участника процесса 1431 г., которую тот произнес в Париже 9 августа 1431 г., через несколько месяцев после казни французской героини (*Ibid.* P. 297). Таким образом, все события весны 1429 г. (к которым относился и рассказ о штандарте) оказались записаны в «Дневнике» *post factum*.

⁴⁷⁷Q, 5, 116.

⁴⁷⁸Lefèvre-Pontalis G. Op. cit. P. 190.

⁴⁷⁹«Deus pater secundam personam in trinitate benedicta ad redimendum nos misit..., quare ergo ut regi consulat altissimus unam de suis creaturis mittere non poterit?» (*Jacobi Gelu ministri (archiepiscopi) Ebredunensis De Puella Aurelianensi dissertatio*. P. 576).

Именно эта идея, как мне представляется, получила дополнительное развитие и на процессе по реабилитации Жанны д'Арк. Девушка — как второй Иисус Христос — избавила свой народ и свою страну от нашествия захватчиков и одержала в сражении с ними убедительную победу. Не случайно в прошении о пересмотре ее дела, составленном от имени ее матери и братьев, говорилось: «Вслед за св. Бернардом мы должны воспринимать как великое чудо Господа то, что Он сумел привести все человечество в христианскую веру с помощью небольшой горстки простых и бедных людей (*paucis pauperibus et simplicibus*). Точно так же мы можем сказать, что если молодая девушка смогла поднять дух своих сторонников и обратила в бегство своих врагов, это должно быть расценено как Божье чудо (*divino miraculo*)»⁴⁸⁰. Не случайно в материалы процесса оказался включен и текст *De mirabili victoria* Жана Жерсона, полагавшего Жанну знаменосцем Господа и тем самым усиливавшего тему победы, которую принесет французскому народу его новая предводительница, вооруженная штандартом, дарованным Свыше.

Образ «девы со знаменем» прочитывался как образ победителя и в других текстах, посвященных Жанне д'Арк. Связь между ее знаменем и победами французов подчеркивал, в частности, Персеваль де Канны: «Все крепости подчинялись ему (королю — О.Т.), потому что Дева всегда отправляла кого-то, находящегося под ее знаменем (*qui estoient soubz son estandart*), к жителям этих крепостей, чтобы сказать им: “Сдавайтесь на милость Царя небесного и доброго короля Карла”»⁴⁸¹. Автор «Хроники Турне» искренне полагал, что знамя Жанны и ее «сила» суть одно и то же (*aiante son estandart et sa puissance*)⁴⁸², а автор «Дневника осады Орлеана», описывая взятие Турели, с восторгом сообщал, что прикосновение древка знамени к стене главного городского форта послужило королевским войскам знаком наступления, после которого укрепление было отбито у англичан⁴⁸³.

Образ Жанны-победительницы завершал систему библийских аналогий, выстроенных на процессе по реабилитации в трактатах теологов и юристов. Последовательно сравнивая свою героиню с ветхозаветными «простецами», невинными телом и душой, с Девой Марией, образцом простоты и невинности, с Деборой и христианскими мученицами, посвятившими себя борьбе за веру, наши авторы представляли свое собственное понимание феномена Жанны д'Арк: они, вне всякого сомнения, видели в ней все основные черты избранника Божьего. Уподобление Христу-триумфатору добавляло последний штрих к этому за-

⁴⁸⁰PN, 2, 135—136.

⁴⁸¹*Perceval de Cagny*. Op. cit. P. 158.

⁴⁸²*Chronique de Tournai*. P. 410.

⁴⁸³*Journal du siège d'Orléans*. P. 86.

конченному образу, подтверждая, что французская героиня являлась таким же истинным пророком, каким был и Спаситель, ибо ее откровения несли людям надежду на лучшее будущее, на победу справедливости. Это сравнение, как мне представляется, подводило также определенный итог всей процедуре *discretio spirituum*, к которой обратились участники процесса 1455—1456 гг. для оценки личности своей героини, и свидетельствовало, что они пришли к вполне определенному выводу в отношении Жанны и ее возможной святости.

§ 4. «Жила справедливо и свято с Божьей помощью»

Процесс 1455—1456 гг. завершился полным оправданием Жанны д'Арк, с которой были сняты все выдвинутые в 1431 г. обвинения, объявленные несостоятельными. Анализ материалов этого сложного дела, тем не менее, указывает, что данная цель была не единственной и, возможно, не самой значимой. Реабилитация французской героини была задумана не только для того, чтобы уличить участников обвинительного процесса 1431 г. в некомпетентности и выявить грубые процессуальные ошибки, допущенные ими, дабы на этом основании признать вынесенный ими приговор недействительным. Не менее важной стала аккумуляция сведений о самой Жанне и их интерпретация, позволившая скорректировать ее образ в памяти современников, а в какой-то степени и создать его заново.

Для достижения этой цели на процессе 1455—1456 гг. вновь — как в свое время в Шиноне и Пуатье в 1429 г., а затем в Руане в 1431 г. — была использована процедура *discretio spirituum*, необходимость применения которой в отношении французской героини подчеркивали все без исключения авторы трактатов, вошедших в материалы дела. Наличие в их распоряжении показаний свидетелей (односельчан девушки, ее военных компаньонов и ее судей), материалов обвинительного процесса, а также многочисленных сочинений, посвященных Жанне д'Арк и появившихся в период с 1429 по 1452 г., действительно весьма облегчало подобное разбирательство. На основании столь мощного корпуса документов стало возможно не только создать более полное представление о жизни и личных достоинствах героини, но и дать им собственную оценку, представив Жанну набожной, богобоязненной девушкой, далекой от любой магии и колдовства, чистой и непорочной, склонной к аскезе, наделенной даром слез и сострадания к ближнему. Этот образ был развит и дополнен при помощи библейских аналогий, особенно охотно используемых авторами трактатов, созданных для процесса по реабилитации. В них Жанна оказывалась такой же «простушкой» как

библейские пастухи, лучше всех прочих подходящих на роль Божьих избранников. Она являлась столь же целомудренной как Дева Мария, а ее пророчества следовало расценивать столь же полезными для французов, сколь спасительными были откровения матери Христа для всего человечества. Как святые девы-мученицы первых веков христианства Жанна, с точки зрения теологов и юристов, всю себя посвятила борьбе за веру, пожертвовав семьей и самой жизнью ради собственных убеждений, но даже в смерти — как второй Иисус Христос — одержавшая победу над противником.

Основные характеристики, данные Жанне д'Арк в ходе ее реабилитации и рассмотренные выше, в полной мере, как мне представляется, соответствовали требованиям доктрины *discretio spirituum* в том виде, в котором она была разработана к середине XV в. Именно поэтому для участников этого процесса вывод о Божественном происхождении откровений девушки являлся неоспоримым: с их точки зрения, она без сомнения являлась истинным пророком, чьи мысли и поступки неподвластны человеческому разуму, а потому не могут осуждаться или подвергаться какому бы то ни было преследованию со стороны любого земного правосудия⁴⁸⁴. Важнейшим условием, позволившим прийти к подобному заключению, стало использование в ходе следствия сразу обоих возможных способов доказательства, предусмотренных процедурой *discretio*: с обращением к Священному Писанию и последовательным сравнением обстоятельств жизни Жанны д'Арк с историями библейских пророков (что было сделано в трактатах теологов и юристов) и с обращением к концепту чуда, при помощи которого светскими свидетелями оказались интерпретированы буквально все без исключения деяния французской героини.

Возвращаясь, однако, к гипотезе о возможном влиянии процедуры канонизационного процесса на ход реабилитации Жанны д'Арк, высказанной в свое время Андре Воше, в заключение следует обратиться к вопросу об использовании собственно концепта святости в показаниях свидетелей и в трактатах теологов и юристов. Как я уже упоминала выше, многие исследователи высказывали мнение, что данное понятие практически не встречалось в материалах процессов по канонизации, поскольку не было необходимым условием для признания того или иного человека истинно святым. Процесс 1455—1456 гг., на мой взгляд, отчасти корректирует данное утверждение, поскольку в его материалах определение Жанны д'Арк как святой использовалось достаточно часто.

⁴⁸⁴“Nec video quod accusantes eam possint neque potuerint sufficienter probare quod huiusmodi revelationes et apparitiones non habuerit, et quod confictrix fuerit quia non erat in potestate ipsorum scire consilium Dei” (PN, 2, 61).

Особенно охотно, насколько можно судить, к данной характеристике прибегали светские свидетели на процессе по реабилитации. Как мне представляется, причиной тому являлась трактовка всех поступков девушки как истинных чудес, претворить в жизнь которые мог по определению лишь святой. При этом, если более осторожный Жан Ле Фумо называл Жанну «доброй и святой девой» (*bona et sancta filia*)⁴⁸⁵, то Бертран де Пуланжи и Жан Барбен, знавший девушку с Пуатье, именовали ее «практически святой» (*sicut fuisset sancta, quasi sanctam*)⁴⁸⁶. Даже участники процесса 1431 г., допрошенные в 1452—1455 гг., полагали, что Жанна «жила справедливо и свято с Божьей помощью»⁴⁸⁷, что на площади Старого Рынка в Руане сожгли именно святую (*bona sancta persona*)⁴⁸⁸ и что ее палач опасался быть проклятым, поскольку казнил «святую женщину» (*unam sanctam mulierem*)⁴⁸⁹. Подобные заявления свидетелей на процессе по реабилитации Жанны д'Арк, даже если они и были отредактированы на последней стадии процесса, указывали, с моей точки зрения, на выстраивание совершенно определенного образа французской героини — святой мученицы, принявшей смерть как истинная католичка, чья вера была образцовой⁴⁹⁰ и чья душа, без сомнения, оказалась в Раю⁴⁹¹.

Более осторожными, насколько можно судить, были авторы трактатов, включенных в материалы по реабилитации: никто из них ни разу прямо не назвал Жанну святой. Один лишь Гийом Буйе отмечал, что все присущие его героине качества — достойное поведение, частое присутствие на церковной службе и на исповеди, «девственность души и тела» — свидетельствовали о ее «святости, благочестии и истинной католической вере»⁴⁹². И тем не менее постоянные упоминания святых библейских персонажей, с которыми теологи и юристы на процессе по реабилитации сравнивали девушку, заставляют предполагать, что в данной характеристике, собственно, и заключался главный

⁴⁸⁵PN, 1, 309.

⁴⁸⁶PN, 1, 307, 375.

⁴⁸⁷“Quod credebat quod juste et sancte ambulabat cum Deo” (PN, 1, 350).

⁴⁸⁸PN, 1, 221, 454.

⁴⁸⁹PN, 1, 225.

⁴⁹⁰“Nec unquam vidit aliquam personam ita catholice finivisse dies suos” (PN, 1, 210).

⁴⁹¹“Item dicit quod ipse loquens audivit quod magister Johannes Ad Ensem...presens in executione dicte Johanne, mirabiliter lacrimando, dixit in presentia loquentis et aliorum prope eum existentium: “Vellem quod anima mea esset ubi credo animam istius mulieris esse” (PN, 1, 242). См. также: PN, 1, 221, 454

⁴⁹²“Nam nihil aliud ipsam Johannam admonebant, nisi quod se bene regeret, ecclesiam frequentaret, esset bona juvenis, sepe confiteretur peccata sua, virginitatem corporis sui et anime custodiret, itaque ab ipsis tantum erat commonita et exhortata de his, que ad sanctitatem, devotionem et cultum religionis catholice pertinent” (PN, 2, 323).

смысл подобных уподоблений. Так, у Эли де Бурдея рядом с Жанной фигурировал «святейший Давид»⁴⁹³, у Тома Базена — «святая Юдифь» и «многочисленные святые женщины» Маргарита, Феодора, Марина и Евфросинья⁴⁹⁴, у Мартина Берруйе — «святые» Фекла, Евгения, Пелагия⁴⁹⁵, у Жана де Монтиньи — «святые» Дебора, Юдифь и Есфирь⁴⁹⁶, у Робера Цибуля — «святые» Дебора, Иавель и Юдифь⁴⁹⁷, а у Жана Бреала — «святые девы» Агнесса, Приска и Кристина⁴⁹⁸. Их официально признанная святость, таким образом, распространялась и на Жанну д'Арк. То же касалось и сравнения с Девой Марией — непорочной, блаженнейшей и святейшей⁴⁹⁹. Наконец, уподобление французской героини Иисусу Христу, почитавшемуся как первый истинный пророк христианского мира, также позволяло говорить о святости Жанны, ибо святость Сына Божьего не подвергалась сомнению⁵⁰⁰. Об этом спустя 20 лет после завершения процесса по реабилитации размышлял Тома Базен в своей «Истории Карла VII», отмечавший, что не следует удивляться трагической гибели Девы, ибо и «Господь, [первый] святой среди святых и наш Спаситель, и святые пророки и апостолы, посланные Всевышним проповедовать среди людей и рассказывать им о спасении, о вере и воле Божьей, закончили свои дни как мученики-победители»⁵⁰¹. Базен сомневался в том, что следует напрямую сравнивать заслуги Жанны с деяниями этих святых⁵⁰², однако он сам уподоблял ее Деборе, Юдифи и Есфири⁵⁰³, что, как мне представляется, свидетельствовало о его понимании французской героини как святой.

Таким образом, теория А. Клайнберга, полагавшего, что слово «святость» никогда не произносилось при описании образа жизни человека, претендующего на статус святого, в данном конкретном случае не

⁴⁹³PN, 2, 97.

⁴⁹⁴PN, 2, 198, 208—209.

⁴⁹⁵PN, 2, 249.

⁴⁹⁶PN, 2, 290.

⁴⁹⁷PN, 2, 371, 390, 398.

⁴⁹⁸PN, 2, 409.

⁴⁹⁹PN, 2, 63, 194, 261, 321, 367, 370, 408, 413, 420.

⁵⁰⁰«Но, по примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках; Ибо написано: 'будьте святы, потому что Я свят'» (1 Пет. 1: 15—16).

⁵⁰¹«Sed nullus admirari rationabiliter poterit, qui sine ulla hesitatione credit sanctum sanctorum Dominum ac salvatorem nostrum, sanctos prophetas et apostolos a Deo missos ob doctrinam salutis et fidei Deique voluntatem hominibus insinuandam et evangelizandam... triumphali martirio hanc vitam finisse mortalem» (*Basin Th.* Op. cit. P. 164).

⁵⁰²«Non tamen ita hoc dicimus, quod eandem Johannam...apostolorum aut sanctorum martirum velimus meritis coequare» (Ibid.).

⁵⁰³«Testes sunt hystorie de Debbora, Judith et Hester, que canoni divinarum scripturarum inseruntur» (Ibid. P. 166).

подтверждается. Жизнь Жанны д'Арк, описанная как последовательность чудес, как одно большое чудо, с точки зрения очевидцев событий, свидетельствовавших на процессе 1455—1456 гг., была вполне достаточным обоснованием для признания девушки святой. Ее уподобление библейским образцам подтверждало данную точку зрения. Таков был итог размышлений участников процесса по ее реабилитации — главный итог процедуры *discretio spirituum*, в третий раз официально примененной в отношении французской героини.

Это, безусловно, не означает, что реабилитацию Жанны д'Арк следует рассматривать как ординарный процесс, представлявший собой подготовку к последующей канонизации и заключающийся в сборе материалов, подтверждавших существование местного культа святого, претендующего на официальный статус. Тем не менее, процесс 1455—1456 гг. зафиксировал, с моей точки зрения, совершенно определенные изменения в настроении современников — их готовность принять Жанну д'Арк в качестве новой святой Французского королевства: его истинного пророка, его защитницы, претерпевшей мученическую смерть во имя спасения всей страны.

Глава 4

XVI–XVII вв.:
«Забытая» Дева

Предположение о возникновении образа святой Жанны д'Арк как об одном из результатов процесса 1455—1456 гг. в современной историографии высказывалось неоднократно и, вне всякого сомнения, всегда основывалось на многочисленных свидетельствах об деяниях Орлеанской Девы, появившихся во Франции и за ее пределами во второй половине XV в.¹ Не только Тома Базен, чья «История Карла VII» была написана в 1470-х гг., рассуждал о возможной святости своей героини². Уже в «Кратком изложении истории Франции», преподнесенном в 1458 г. Карлу VII, королевский секретарь Ноэль де Фрибуа писал о том, что «Жанна Дева, без сомнения, пребывает в Раю» (*estre en paradis*)³. «Божьим ангелом» (*ung ange de dieu amyable*) полагал Жанну Марциал Овернский, чьи *Vigiles de Charles VII* были написаны после 1472 г., преподнесены в подарок Карлу VIII в 1484 г. и впервые изданы в 1492 г.⁴ Любопытно, что то же самое определение использовал и анонимный автор «Книги предательств Франции», созданной в 1467 г. и носившей ярко выраженную пробургундскую направленность: он сообщал об отношении французов к своей героине как к «ангелоподобному существу» (*chose angélique*), хотя сам видел в ней обычную ведьму с «дьяволом в животе» (*le déable au ventre*)⁵. Похожее противопоставление встречается и в «Хронике» официального историографа герцога Бургундского Жоржа Шателена (ок. 1467 г.): с его точки зрения, французы совершенно напрасно доверяли «безумным иллюзиям» (*folles délusions*) той, кого они почитали святой (*une sainte créature*)⁶. При этом в написанной в 1464—1466 гг. и менее, надо полагать, официальной «Коллекции удивительных событий, случившихся в наше время» Шателен прямо заявлял, что деяния Жанны нискали ей нимб святой⁷. Того же мнения придерживался и хронист из Меца Николя Виньоль, закончивший свою хронику к 1525 г. и полагавший, что «чистота жизни» (*la pureté et neteté de sa vie*) девушки доказывала ее «великую святость» (*grande sainteté*)⁸.

Думается, опираясь именно на эти сообщения, Филипп Контамин в свое время посчитал возможным предположить, что уже во второй половине

¹ Pernoud R. Vie et mort de Jeanne d'Arc. P., 1956. P. 272; Райцес В.И. Жанна д'Арк. С. 88; Waugh W.T. Op. cit. P. 395; Pinzino D.M. Joan of Arc and *Lex privata*. P. 94.

² См. подробнее: Глава 3. § 4.

³ Fribois N. de. Abregé des croniques de France / Ed. par K. Daly, avec la coll. de G. Labory. P., 2006. P. 171.

⁴ Martial d'Auvergne. Op. cit. P. 55.

⁵ Le Livre des trahisons de la France envers la maison de Bourgogne // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne / Publ. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873. P. 197.

⁶ Chastellain G. de. Chronique. T. 2. P. 46.

⁷ "Sainte fut aorée / Par les oeuvres que fit" (Chastellain G. de. Recollection des merveilles advenues en notre temps // Oeuvres de Georges Chastellain. T. 7. P. 188).

⁸ Vigneulles Ph. de. Chronique / Ed. par Ch. Bruneau. Metz, 1927—1933. T. 2. P. 203.

XV в., после окончания процесса по реабилитации, «в воздухе витала» идея канонизации Жанны д'Арк⁹. Причину же, по которой девушка так и не была в тот момент официально причислена к лику святых, исследователь видел в личном отношении к ней Людовика XI, не желавшего иметь ничего общего с людьми, близкими его отцу, Карлу VII, отношения с которым у него оставались сложными на протяжении всей жизни¹⁰. К такому выводу французский историк приходил на основании текста «Розария войн» (*Rosier des guerres*) — наставления дофину (будущему Карлу VIII), созданного по заказу Людовика XI в 1481—1482 гг., в котором история Жанны д'Арк была описана весьма кратко и, по мнению исследователя, крайне «сухо»¹¹.

К сожалению, данная проблема не получила никакого развития ни в последующих работах Ф. Контамина, ни в трудах его коллег. Однако, гипотеза о существовании всех предпосылок для канонизации Орлеанской Девы уже в конце XV в., равно как и особенности трактовки ее личности в хронике, составляющей вторую часть «Розария войн», представляются мне важнейшими для исследования формирования образа святой Жанны д'Арк во Франции Нового времени, а потому заслуживающими более детального рассмотрения¹².

§ 1. Жанна д'Арк и Людовик XI

Чтобы попытаться ответить на вопрос, почему официальное причисление к лику святых Жанны д'Арк не состоялось в конце XV в., следует прежде всего понять, чем был процесс по ее реабилитации для Карла VII, от которого в первую очередь зависело принятие подобного решения. Начиная с XIII в., когда канонизация превратилась в исключительную прерогативу папского престола¹³, делом светских правителей стала политическая пропаганда местнопочитаемых святых. Они заказывали жизнеописания «своих» кандидатов, оплачивали поиски их мощей и сбор свидетельских показаний о совершенных ими чудесах, отправляли в курию официальные запросы о начале канонизации и, наконец, лично присутствовали на этих процессах¹⁴.

⁹ Contamine Ph. Naissance d'une historiographie. P. 149.

¹⁰ Ibid. P. 156.

¹¹ “On est frappé de la sécheresse avec laquelle Jeanne d'Arc y est évoquée” (Ibid.).

¹² Подробнее см.: Тогоева О.И. Жанна д'Арк и Людовик XI: особенности гуманистического дискурса в *Rosier des guerres* // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2013. № 6 (22): <http://www.history.jes.su/s207987840000606—5-1>

¹³ Vauchez A. La sainteté en Occident. P. 25—37.

¹⁴ См., к примеру: *Idem*. Canonisation et politique au XIVe siècle. Documents inédits des Archives du Vatican relatifs au procès de canonisation de Charles de Blois, duc de Bretagne (d. 1364) // *Miscellanea in onore di Monsignor Martino Giusti*. Città del

В сознании современников вся жизнь и политическая карьера Жанны д'Арк были, безусловно, неразрывно связаны с династией Валуа, с самим существованием королевской власти во Франции: восшествие Карла VII на престол было следствием ее военных кампаний, ей одной он был обязан своей коронацией и помазанием в Реймсе 17 июля 1429 г. Аннулировав результаты обвинительного процесса 1431 г., официально признав невиновность девушки и ее статус истинного пророка, сторонники французского короля стремились тем самым подтвердить законность его притязаний на трон, доказать, что его власть имеет Божественное происхождение, ибо получена при помощи «практически святой», а не ведьмы или еретички. Именно так понимали смысл реабилитации Жанны д'Арк многие участники процесса 1455—1456 гг., заявлявшие, что обвинения, выдвинутые против нее в 1431 г., должны были опорочить не только ее, но и Карла VII¹⁵. Точно так же рассуждали и авторы XVI в. Так, например, Франсуа де Бельфоре писал, что для «наших королей было бы большим бесчестьем, если бы той, кому Франция обязана буквально всем, оказалась сумасшедшая ведьма (*garse folle, sorciere*), склонная к разврату и служившая игрушкой для солдат»¹⁶. «Ибо, — проныцательно заключал он, — если бы Дева была признана ведьмой, ее репутация, безусловно, отразилась на короле, который оказался бы замешан в ее преступлении, ибо знал о ее колдовских занятиях»¹⁷.

Цели Карла VII, политический характер которых признавали как современники, так и авторы XVI в., были, таким образом, достигнуты: отныне никто не мог усомниться в легитимности его власти. Однако, о его намерении канонизировать Жанну д'Арк в дошедших до нас источниках не сохранилось ни слова: насколько можно судить, такой задачи французский король перед собой в принципе не ставил, поскольку в этот период его занимали уже совершенно иные, нежели отношения с практически побежденными англичанами, проблемы¹⁸. С середины 30-х гг. XV в. и до самой своей смерти в 1461 г. Карл вел весьма

Vaticano, 1978. P. 381—404; *Idem*. La sainteté en Occident. P. 76—77, 82—85, 90—98, 185—287; *Klaniczay G.* Holy Rulers and Blessed Princesses. Dynastic Cults in Medieval Central Europe. Cambridge, 2002. P. 295—394; *Парамонова М.Ю.* Указ. соч. С. 103—125, 231—253.

¹⁵ PN, 1, 185, 187, 189, 225, 238, 442, 447, 457; PN, 2, 221, 317—318 575.

¹⁶ *Belleforest F. de.* Grandes annales, et Histoire generale de France. P., 1579. F. 1100v.

¹⁷ “Car si la Pucelle eut esté sorciere, c'est sans faillir que le Roy eut esté couplable de son crime, la sçachant user d'art deffendu” (*Ibid.*).

¹⁸ Официальной датой окончания Столетней войны в историографии традиционно считается 19 октября 1453 г. — день, когда на милость французского войска сдались жители Бордо и остатки английского гарнизона, укрывшийся в городе. Последний оплот англичан — порт Кале — был возвращен Франции в 1558 г.: *Басовская Н.И.* Указ. соч. С. 349—351.

агрессивную внешнюю политику, отстаивая интересы Франции в соседней Италии¹⁹, что приводило к ухудшению его отношений с папой римским, от которого прежде всего зависел исход канонизации Жанны д'Арк (как и любого иного национального святого, претендующего на официальный статус), если бы она состоялась²⁰. После окончания Великой Схизмы понтифики желали восстановить утраченный было авторитет и распространить свое влияние на все европейские страны. Французская церковь, последовательно придерживавшаяся принципа главенства решений вселенских соборов над папскими постановлениями, всячески противодействовала этим планам Святого престола. В 1438 г. была принята Буржская Прагматическая санкция, в которой были изложены основные положения галликанизма, утверждавшего существование во Франции «королевской религии» и независимой от папы церкви²¹. В 1450 г., в понтификат Николая V (1447—1455), санкционировавшего начало процесса по реабилитации Жанны д'Арк, французские прелаты пошли на прямой подлог, опубликовав текст «Прагматической санкции Людовика Святого» и, таким образом, отнеся возникновение галликанской церкви к XIII в.²² При Каликсте III (1455—1458) и Пие II (1458—1464) напряженность в отношениях с папским престолом лишь нарастала, поскольку Карл VII отказался участвовать в крестовом походе против турок и не пожелал увеличить размеры церковных налогов во Франции ради этой благой цели²³. Ответом на его политику стала булла *Execrabilis*, расценивающая апелляцию правителя к церковному собору по поводу любого постановления папы римского как поступок, достойный анафемы, что являлось неприкрытой критикой Прагматической санкции²⁴. Очевидно, что именно по

¹⁹ Единственным крупным событием во внутренней политике Франции в 40—50-х гг. XV в. стала Прагерия 1440 г., во главе которой стоял дофин Людовик. О последних годах правления Карла VII см., к примеру: *Vallet de Viriville A. Histoire de Charles VII. T. 3. P. 241—463; Petit-Dutaillis Ch. Charles VII, Louis XI et les premières années de Charles VIII (1422—1492). P., 1981. P. 335—348.*

²⁰ Папский престол, ослабевший за время Великой Схизмы, не провел ни одной канонизации в период с 1418 по 1445 г. Во второй половине XV в. (начиная с официального признания святым Бернардина Сиенского в 1450 г.) процессы возобновились, однако контроль за ними со стороны папской курии сильно возрос: *Vauchez A. La sainteté en Occident. P. 7.*

²¹ *Valois N. Histoire de la Pragmatique Sanction de Bourges sous Charles VII. P., 1906; Плешкова С.Л. Указ. соч. С. 29—33.*

²² *Beaune C. Naissance de la nation France. P. 156—157.*

²³ *Petit-Dutaillis Ch. Op. cit. P. 296.*

²⁴ Подробнее о принятии буллы и ответных шагах французских королей см.: *Gilli P. Eléments pour une histoire de la gallophobie italienne à la Renaissance: Pie II et la nation française // Mélanges de l'École française de Rome: Moyen âge, Temps Modernes. 1994. № 106. P. 275—311.*

этой причине в 1461 г. действие санкции было приостановлено, однако, произошло это уже после смерти Карла VII.

Политика Людовика XI (1461—1483), по мнению исследователей, радикально отличалась от политики его отца: с его восшествием на престол начался совершенно новый период французской истории²⁵. Людовика прежде всего интересовала внутренняя политика, он предпринимал самые активные и весьма успешные действия по консолидации земель, последовательно включив в состав королевства Пикардию, Ниверне, герцогство Бургундское, Мэн и Прованс. Что же касается отношений с другими странами, то они действительно представляли собой полную противоположность политике Карла VII. Еще при жизни последнего Людовик поддерживал Фердинанда Арагонского в Неаполе (выступая, таким образом, против Анжуйского дома) и семейство Сфорца в Милане (ущемляя интересы герцогов Орлеанских). В Испании он встал на сторону Карла Вианского, тогда как Хуан II опирался на Карла VII. В Англии он отстаивал права Йорков, а не Генриха Ланкастера и Маргариты Анжуйской, искавших поддержки у его отца²⁶.

Однако, став королем, Людовик вел, скорее, политику невмешательства в дела соседей, предпочитая войне дипломатические переговоры и тонкие интриги. В частности, он использовал сам факт существования Буржской Прагматической санкции для налаживания отношений с папами римскими — Пием II, Павлом II (1464—1471) и Сикстом IV (1471—1484) — которым то обещал ее полную отмену, то грозил вновь ввести ее в действие. В 1472 г. он заключил с Сикстом IV конкордат о крестовом походе против турок, но не предпринял никаких решительных действий в этом направлении, чем вызвал возмущение папы, отказавшего в результате нескольким французским прелатам в кардинальских мантиях. В ответ Людовик постановил созвать в 1476 г. в Лионе собор, посвященный искоренению «ошибок и заблуждений», распространившихся в церкви²⁷.

²⁵ См., к примеру: *Petit-Dutaillis Ch.* Op. cit. P. 349; *Gilli P.* Au miroir de l'humanisme. Les représentations de la France dans la culture savante italienne à la fin du Moyen Age (с. 1360-с. 1490). Rome, 1997. P. 12—13, 76—80; *Малинин Ю.П.* Политическая борьба во Франции во второй половине XV в. и становление раннеабсолютистской доктрины // Малинин Ю.П. Франция в эпоху позднего Средневековья. СПб., 2008. С. 426—444.

²⁶ *Petit-Dutaillis Ch.* Op. cit. P. 349—356; *Champion P.* Le Roi Louis XI. P., 1978. P. 125—127, 160—167; *Blockmans W.P.* La position de la Flandre dans le royaume à la fin du XVe siècle // La France de la fin du XVe siècle. Renouveau et apogée / Publ. sous la dir. de B. Chevalier et Ph. Contamine. P., 1985. P. 71—89; *Marchandisse A.* La diplomatie liégeoise de Louis XI au miroir des sources narratives contemporaines // Bien dire et bien apprendre. Revue de Médiévisstique. 2010. T. 27. P. 49—67.

²⁷ *Ourliac P.* Le concordat en 1472. Etude sur les rapports de Louis XI et de Sixte IV // Ourliac P. Etudes d'histoire du droit médiéval. P., 1979. T. 1. P. 399—489.

В 1478 г. благосклонное отношение Сикста к Максимилиану Австрийскому и поддержка, оказанная им участникам заговора Пацци против семейства Медичи, также вынудили французского короля собрать в Орлеане собор галликанской церкви, на котором был выражен протест против «беззаконий, творящихся при папском престоле»²⁸.

Столь напряженные отношения с Римом отнюдь не мешали Людовику XI на протяжении всей жизни оставаться чрезвычайно набожным человеком: напротив, галликанская идея о Франции как о стране, управляемой христианнейшим королем, чья власть имеет Божественное происхождение, позволяла ему открыто противостоять папе²⁹. Людовик был склонен к провиденциализму, искренне верил в чудеса и пророчества, с вниманием относился к культу святых³⁰. Своей главной покровительницей он считал Деву Марию и испытывал особую привязанность к базилике Нотр-Дам в Клеры (вблизи Орлеана), строительство которой частично финансировал, придав ей статус королевской часовни, которой постоянно преподносил все более и более роскошные дары и которую в конце концов избрал своей усыпальницей³¹. Исследователи отмечают также энергичные усилия Людовика XI по продвижению культов «королевских» французских святых — Хлодвига, Людовика Святого и Карла Великого — необходимых ему для поднятия престижа страны³². Однако наибольший интерес для нас представляет предпринятая им в самом конце правления кампания по канонизации монаха-бенедиктинца Жана из Гента, считающегося непосредственным предшественником Жанны д'Арк на поприще политических пророчеств, дававшихся французским королям³³.

Жан из Гента был отшельником, принадлежавшим к монашеской общине Сен-Клод, затем проживал в Труа, где и умер в 1439 г. По своей собственной инициативе он предпринял попытку примирить королей Англии и Франции и заставить их покончить с войной, ссылаясь на полученные Свыше откровения. Вскоре после подписания в 1422 г. договора в Труа Жан явился к дофину Карлу (будущему Карлу VII) и по-

²⁸ *Gilli P.* Au miroir de l'humanisme. P. 313—326.

²⁹ *Krynen J.* L'empire du roi. P. 378—379.

³⁰ Подробнее см.: *Cassagnes-Brouquet S.* Louis XI ou le mécénat bien tempéré. Rennes, 2007. P. 215—236.

³¹ *Ibid.* P. 179—214.

³² *Folz R.* Aspects du culte liturgique de saint Charlemagne en France // Karl der Große. Lebenswerk und Nachleben / Hrsg. von W. Braunsfels. Düsseldorf, 1968. T. 4. S. 77—99; *Beaune C.* Naissance de la nation France. P. 61—62, 66, 127, 148—149; *Krynen J.* L'empire du roi. P. 234, 376.

³³ *Pidoux P.-A.* Un précurseur de la bienheureuse Jeanne d'Arc: le bienheureux Jehan de Gand, dit l'ermite de St.-Claude, bénédictin. Sa vie et son culte. Lille, 1911; *Beaune C.* Jean de Gand prophète et bienheureux // Prophètes et prophéties au XVIe siècle. P., 1998. P. 14—15, 27—28.

обещал ему скорую победу над врагом. Затем он отправился ко двору Генриха V, которому заявил, что английскому королю Господь не дал ни способностей, ни сил, чтобы вести военные действия против христианнейшего народа Франции. Он предсказал ему поражение от противника и гибель, но не был услышан³⁴.

Внимание к Жану из Гента со стороны Людовика XI можно объяснить по-разному. С одной стороны, современники полагали, что именно этот монах предсказал Карлу VII рождение у него давно ожидаемого наследника³⁵. С другой, почитание святых, которым Людовик всегда отличался, особенно обострилось у него к старости: при помощи различных реликвий и святых мощей, присылаемых к королевскому двору со всей Франции и даже из других стран, он надеялся одолеть болезни и отсрочить собственную смерть. Его многочисленные паломничества предпринимались в этот период в том числе и ради молитв об улучшении здоровья³⁶. В числе прочих святых мест Людовик посетил весной 1482 г. (после очередного апоплексического удара) и монастырь Сен-Клод, где высказал пожелание увидеть мощи давно почитаемого здесь Жана из Гента. По его приказу в Труа, где был похоронен отшельник, осенью того же года была направлена специальная комиссия. Король также обратился к местной общине якобинцев с личным письмом, в котором именовал Жана «добрым святым человеком» (*un bon saint homme*) и призывал братьев оказать всяческую помощь его посланнику, юре де Машу³⁷. Уже через месяц могила монаха была найдена, о чем незамедлительно было сообщено Людовику, который повелел эксгумировать останки. Гроб подняли, перенесли в церковь, где кости омыли и заперли на ключ³⁸. В самом Труа и его окрестностях мгновенно распространились слухи о чудесах, происходящих рядом с останками святого: в материалах ординарного процесса, предпринятого для последующей канонизации Жана из Гента, сообщалось и о чудесном аромате, исхо-

³⁴ Vallet de Viriville A. Histoire de Charles VII. T. 1. P. 336—337; Beaune C. Jean de Gand prophète et bienheureux. P. 15—23; Offenstadt N. Faire la paix au Moyen Age. Discours et gestes de paix pendant la guerre de Cent ans. P., 2007. P. 109—110.

³⁵ Herwaarden J. van. Op. cit. P. 41; Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. P. 85.

³⁶ Beaune C. Jean de Gand prophète et bienheureux. P. 23; Buck V. de. Le bienheureux Jean de Gand, dit l'ermite de Saint-Claude, précurseur de Jeanne d'Arc. Bruxelles, 1862. P. 22—25.

³⁷ Lettres de Louis XI, roi de France / Publ. par J. Vaesen et E. Charavay. P., 1883—1908. T. 9. P. 316—317.

³⁸ Procez verbal dressé lors que le corps de Frere Jean de Gand, fut levé du lieu de sa premiere sepulture // Divers traictez, contracts, testamens, et autres actes et observations servans de preuves et illustration aux Memoires de Philippe de Comines. La Haye, 1682. P. 198—201.

дащем от его костей, и об удивительных свойствах воды, которой их мыли, и об исцелениях местных жителей³⁹. Все эти истории были тщательно запротоколированы членами королевской комиссии в специальном регистре, а затем доставлены Людовику XI. Желая получить мощи в свое личное пользование, тот вновь написал монахам-якобинцам, обещая им в качестве компенсации «некоторую часть» своего домена в Труа (*aucune chose à Troyes de nostre domaine*)⁴⁰.

Реликвии были перевезены в замок Плесси-дю-Парк в начале 1483 г. вместе с записями новых показаний свидетелей о чудесах, творящихся рядом с гробом святого. Однако еще раньше Людовик обратился с письмом к папе Сиксту IV (отношения с которым улучшились благодаря очередной приостановке действия Буржской Прагматической санкции в 1480 г.). В нем он просил начать официальный процесс канонизации Жана из Гента, а также приводил собственные доводы в пользу подобного решения, ссылаясь на сбывшиеся предсказания, сделанные тем в свое время Карлу VII, на примерный образ жизни отшельника и на чудеса, происходящие около его останков⁴¹. Одновременно в Рим было отправлено еще одно послание, адресованное некоему кардиналу (возможно, им был Гийом д'Этутвиль, руководивший в 1455—1456 гг. процессом по реабилитации Жанны д'Арк⁴²), которого французский король просил проследить за тем, чтобы его пожелание было услышано папой⁴³. Однако дождаться результатов своей активной деятельности Людовику XI не удалось: 25 августа 1483 г. он умер в замке Плесси. Канонизация Жана из Гента, таким образом, оказалась незавершенной.

В истории отшельника-бенедиктинца, чуть было не ставшего официально признанным французским святым, прежде всего, на мой взгляд, обращает на себя внимание то, насколько его пророчества были схожи с предсказаниями, сделанными чуть позже Жанной д'Арк: и в том, и в другом случае речь шла об откровениях, полученных Свыше о судьбах Французского королевства и его правителей. Иными словами, о политических пророчествах, которые не только были переданы Карлу VII лично, но и исполнились, что подтверждало их Божественное происхождение и приравнивало к чуду. Именно этим обстоятельством Людовик XI обосновывал свое желание канонизировать Жана из Гента в письме Сиксту IV⁴⁴. Однако, он никогда, насколько можно судить, не

³⁹ Об этих чудесах Людовик XI писал затем Сиксту IV: *Lettres de Louis XI*. Т. 9. Р. 318—319.

⁴⁰ *Ibid.* Т. 10. Р. 27.

⁴¹ *Ibid.* Т. 9. Р. 317—318.

⁴² *Buck V. de. Op. cit.* Р. 32; *Beaune C. Jean de Gand prophète et bienheureux.* Р. 25.

⁴³ *Lettres de Louis XI*. Т. 9. Р. 321.

⁴⁴ *Lettres de Louis XI*. Т. 9. Р. 318—319.

рассматривал подобную возможность применительно к Жанне д'Арк, что действительно выглядело достаточно странно, учитывая его глубокую веру в предсказания, чудеса и могущество святых заступников.

Как я упоминала выше, Филипп Контамин связывал подобное «замалчивание» заслуг французской героини с личной неприязнью, которую испытывал Людовик к своему отцу и его окружению. Он полагал, что король не ответил на обращенный к нему призыв Матье Томассена, превозносившего Жанну в *Registre Delphinal*, называвшего ее второй Девой Марией, а ее деяния — истинными чудесами (*faiz de guerre merveilleux*)⁴⁵. Только ради привлечения внимания Людовика XI, по мнению французского историка⁴⁶, в текст хроники был специально вставлен не соответствующий действительности пассаж, повествующий о многочисленных встречах девушки с юным дофином в Париже и их секретных переговорах⁴⁷.

И все же, как мне кажется, гипотезу о враждебном отношении Людовика к Жанне д'Арк как к ближайшей соратнице Карла VII нельзя считать обоснованной. Следует прежде всего учитывать, что, отправив многих советников отца в отставку в начале собственного правления, король (отчасти в результате войны с Лигой общественного блага) вернул большинство из них ко двору⁴⁸. Важным представляется мне и то обстоятельство, что некоторые авторы конца XV-начала XVI в., писавшие об эпохе Карла VII и его сына, полагали, что процесс по реабилитации Жанны д'Арк был начат именно Людовиком XI. Такого мнения придерживались, к примеру, Джованни Сабадино дельи Арьенти, Джакопо Филиппо Форести да Бергамо и Антуан Дюфур⁴⁹. Франсуа де Бельфоре полагал также, что в правление именно этого короля последние остававшиеся в живых судьи Жанны были преданы казни за выдвинутые против нее лживые обвинения⁵⁰.

При анализе данных высказываний, безусловно, необходимо учитывать пропагандистские цели, которые преследовали их авторы. Как от-

⁴⁵ Q, 4, 309.

⁴⁶ *Contamine Ph.* Naissance d'une historiographie. P. 156.

⁴⁷ "Laditte Pucelle a souvent parlé à mondit seigneur daulphin à Paris, et luy a dit des choses secrètes que peu de gens sçavent" (Q, 4, 312). Данная вставка, вне всякого сомнения, отсылала читателей к легенде о королевском «секрете», якобы открытом Жанной Карлу VII при их первой встрече в Шиноне: Глава 1. § 4.2.

⁴⁸ *Gaussin P.-R.* Les conseillers de Louis XI (1461—1483) // *La France de la fin du XVe siècle.* P. 105—134.

⁴⁹ *Sabadino de li Arienti J.* Gynevera de le Clare Donne / A cura di C. Ricci e A. Bacchi della Lega. Bologna, 1888. P. 113; Q, 4, 528; *Dufour A.* Les vies des femmes célèbres / Texte établi, annoté et commenté par G. Jeanneau. Genève-P., 1970. P. 165.

⁵⁰ "C'est grand cas que la plus-part de ceux qui furent consentans a sa mort, finirent mal'heureusement, veu que sous Louys onziesme deux, qui encor' restoient en vie, furent mis es mains du bourreau pour leur faux iugement" (*Belleforest F. de.* Grandes annales. F. 1100v).

мечала Колетт Бон, правление Людовика XI было отмечено появлением огромного количества произведений, прославлявших Карла VII: короля-победителя сравнивали с его сыном, в упрек которому ставили как его личные качества, так и неудачную внутреннюю и внешнюю политику⁵¹. С восшествием на престол Карла VIII (1483—1498) восхваление его деда достигло апогея: Карл VII уподоблялся Людовику Святому, тогда как Людовик XI практически не упоминался в исторических сочинениях. Та же тенденция, хотя и в более мягкой форме, сохранилась в правление Людовика XII (1498—1515)⁵². Произведения Джованни Сабадино и Джакомо Филиппо Форести, превозносивших Людовика XI за его участие в реабилитации Жанны д'Арк, безусловно, никак не вписывались в данную историографическую традицию, и тому были свои веские причины. В частности, сочинение Сабадино, законченное в 1483 г., было посвящено Джиневре Сфорца, супруге герцога Болоньи Санте Бентивольо, на службе у которого состоял автор, и племяннице Франческо Сфорца, первого герцога Милана из этой династии, пользовавшегося поддержкой Людовика XI⁵³. Компильция Форести, вышедшая из печати в 1497 г. в Ферраре, посвящалась Беатрисе Арагонской, королеве Венгрии и Богемии и родной тетке Беатриче д'Эсте, бывшей замужем за Лодовико Сфорца, к этому времени превратившегося в противника Карла VIII на Аппенинском полуострове⁵⁴. Таким образом, восхваление Людовика XI в сочинениях этих итальянских авторов объяснялось сугубо политическими причинами. Однако, появление того же сюжета у Антуана Дюфура, королевского исповедника и одного из самых близких Людовику XII людей⁵⁵, никак не укладывалось в намеченную К. Бон историографическую традицию. Стоит также отметить, что и в тех сочинениях конца XV в., авторы которых весьма критически оценивали Людовика XI, тема его пренебрежительного отношения к памяти Орлеанской Девы, насколько можно судить, никогда не поднималась. Именно поэтому анализ текста «Розария войн», в котором Филипп Контамин видел подтверждение не любви Людовика XI к Жанне д'Арк, представляется особенно важным.

⁵¹ *Beaune C.* L'histoire de Charles VII, un thème de l'opposition à Louis XI // *La France de la fin du XVe siècle*. P. 265—281.

⁵² *Ibid.* P. 265, 269, 277, 280.

⁵³ *Chandler S.B.* La "Gynevera de le clare donne" di Sabadino degli Arienti // *Giornale storico della letteratura italiana*. 1981. № 158. P. 222—234; *Kolsky S.* Men Framing Women: Sabadino degli Arienti's "Gynevera de le clare donne" Reexamined // *Visions and Revisions: Women in Italian Culture* / Ed. by M. Cicioni, N. Prunster. Providence-Oxford, 1993. P. 27—40; *James C.* Giovanni Sabadino degli Arienti: A Literary Career. Florence, 1996. P. 73—85.

⁵⁴ *Franklin M.* Boccaccio's Heroines. Power and Virtue in Renaissance Society. Burlington, 2006. P. 128.

⁵⁵ *Dufour A.* *Op. cit.* P. XIX—XX.

Наставление будущему Карлу VIII было создано, как я упоминала выше, в 1481—1482 гг., оно сохранилось в девяти манускриптах⁵⁶, один из которых считается королевским и является наиболее полным, т.е. включает в себя помимо собственно поучений короля своему сыну историческую хронику, тексты молитв и календарь⁵⁷. В XV—XVI вв. вышли также пять печатных изданий «Розария» (в 1489, 1521, 1522, 1523, 1528 и 1553 гг.), еще раз он был опубликован в 1616 г. (без текста хроники)⁵⁸, после чего о трактате забыли вплоть до 1652 г., когда обширные цитаты из него были использованы в сочинении Клода Жоли, также представлявшем собой наставление будущему правителю⁵⁹. Автором «Розария» на сегодняшний день принято считать королевского врача и астролога Пьера Шуане⁶⁰, однако ряд исследователей допускает личное участие Людовика XI в создании данного текста⁶¹.

Rosier des guerres состоял из девяти глав, семь из которых были посвящены разнообразным проблемам, связанным с делами управления государством. Своей главной целью автор полагал обучение дофина «преуспевать, править и побеждать, увеличивая территорию своего королевства»⁶², а потому основное внимание он уделил правилам ведения войны и отдельных битв, вопросам организации войска, а также

⁵⁶ BNF. Ms. fr. 1238, 1239, 1240, 1965, 4986, 17273, 24261; Bibliothèque municipale de Rouen. L. A. Кодекс BNF. Ms. fr. 442 считается королевским экземпляром, переданным лично Людовиком XI дофину Карлу незадолго до собственной смерти.

⁵⁷ В кодексе BNF. Ms. fr. 442, состоящем из 252 фолио, текст наставления дофину (включая хронику) занимает fol. 55—181v. О кодикологических и палеографических особенностях манускрипта см.: Stegmann A. Le «Rosier des guerres»: testament politique de Louis XI // *La France de la fin du XVe siècle*. P. 313—323.

⁵⁸ Текст хроники при этом воспроизводился только в первых изданиях *Rosier* (1522, 1523 и 1528 гг.). Их краткое описание см. в: Lanéry d'Arc P. *Livre d'or de Jeanne d'Arc. Bibliographie raisonnée et analytique des ouvrages relatifs à Jeanne d'Arc*. P., 1894. № 70.

⁵⁹ Joly C. *Recueil de maximes veritables et importantes pour l'institution du roy*. P., 1652. P. 41—42, 140—143, 150—151, 155, 183, 187—188, 278, 432—433, 452—453. Подробнее о сочинении К. Жоли см.: Bakos A.E. *Images of Kingship in Early Modern France. Louis XI in Political Thought, 1560—1789*. L.-N.Y., 1997. P. 149—150.

⁶⁰ Kaulek J. Louis XI est-il auteur du «Rosier des guerres»? // RH. 1883. № 21. P. 312—322; Samaran Ch. Pierre Choisnet, le «Rosier des guerres» et le «Livre des trois aages» // BEC. 1926. T. 87. P. 372—379; Bakos A.E. *Op. cit.* P. 149.

⁶¹ Исследователи полагают, что само поучение дофину могло быть продиктовано Людовиком XI Пьеру Шуане. Что касается хроники, то ее содержание король лично вычитывал и аннотировал: Stegmann A. *Op. cit.* P. 316; Krynen J. *Sur la culture historique des rois: Louis XI et le «Rosier des guerres»* // *Liber amicorum. Etudes offertes à Pierre Jaubert / Textes réunis par G. Aubin*. Bordeaux, 1992. P. 401—404; *Idem*. *L'empire du roi*. P. 233.

⁶² «Desirans que... nostre tres chier et tres ame filz Charles dauphin de Viennois puissent bien prouffiter, regner et triumphe en l'accroissement de nostre dit royaume» (BNF. Ms. fr. 442, f. 56).

подбора советников и военачальников, их личным качествам, необходимым для успешного воплощения в жизнь политики монарха, первоочередной задачей которого являлось, по мнению автора, сохранение мира и справедливости, защита церкви и подданных⁶³. Основная мысль наставления развивалась и в начале девятой главы⁶⁴, представлявшей собой краткую историческую хронику, повествующую о правлении всех предыдущих королей Франции, начиная от легендарного Приама и заканчивая Карлом VII⁶⁵. История всегда повторяется (*ne soit riens advenu que presque semblable autrefois n'ait este*), писал автор, а потому управление страной можно считать удачным только в том случае, если монарх помнит о прошлом, опирается на опыт своих предшественников и не повторяет их ошибок⁶⁶. Именно в этой последней части сочинения был помещен и рассказ о деяниях Жанны д'Арк, стиль которого Ф. Контамин определил как краткий и сухой.

На первый взгляд, история французской героини в изложении Пьера Шуане действительно производила подобное впечатление. События ее жизни оказывались сведены в «Розарии» к самому необходимому минимуму: среди них отсутствовали подробности о детстве и юности девушки, проведенных в Домреми, упоминания о ее первых откровениях, сцена узнавания дофина в Шиноне (или описание королевского «секрета»)⁶⁷. Рассказ о походе под Орлеан был лишен здесь таких деталей как сбор войска в Блуа, чудесная смена ветра на Луаре или отправка герольда с письмом Жанны д'Арк к англичанам. Да и самому снятию осады с города автор посвятил всего пять предложений⁶⁸. Следует при этом отметить, что в хронике Жилия ле Бувье по прозвищу Герольд Берри (1451—1455 гг.),

⁶³ Краткий анализ первых семи глав см.: *Krynyn J. Sur la culture historique des rois. P. 407—408.* Восьмую главу, не содержащую никаких наставлений дофину, автор именовал «подготовительной», т.е. предвещающей собственно хронику, помещенную в девятую главу сочинения: “Le viiie chapitre est préparatif au ixe” (BNF. Ms. fr. 442, f. 55v).

⁶⁴ “Les nobles roys de France ont tousiours entendu et travaille a dilater et eslargir leur royaume, a chastier les rebelles et tous ceulx qui leur povoient nuire, a debeller les ennemys de la foy, a ayder et secourir l'eglise de Romme et ceulx a qui on faisoit grief” (Ibid., f. 88v-89).

⁶⁵ “Les nobles roys de France sont descendus de la lignee du noble et vaillant roy Priant de Troye” (Ibid., f. 88).

⁶⁶ Ibid., f. 56v.

⁶⁷ “En cellui temps vint a Chinon devers le roy Charles une pucelle nommee Jehanne qui se disoit estre enuoyee de par dieu devers luy pour le mener couronner a Rams. Et pout lever ledit siege d'Orleans” (Ibid., f. 153).

⁶⁸ “L'am mil cccc xxix, le xy^e jour de may ladite pucelle vint a Orleans et par grace de Dieu le siege fut leve. Et fut tue en la bastille du pont ung angloiz nomme Glassidas. Et y eut de grandes escarmouches. Et bien v^e anglois y moururent. Et les autres se retirerent a Mehun” (Ibid., f. 153—153v).

являвшейся, по единодушному мнению исследователей⁶⁹, основным источником информации по правлению Карла VII для Пьера Шуане, многие из этих особенностей жизненного пути Жанны присутствовали⁷⁰. Таким образом, вывод Ф. Контамина о чрезмерной сухости «Розария войн» кажется на первый взгляд вполне обоснованным.

Однако — и это обстоятельство необходимо, как мне представляется, особо подчеркнуть — между хроникой Жилия ле Бувье и сочинением Пьера Шуане имелось одно важное сходство. И в том, и в другом тексте главным действующим лицом являлась отнюдь не Жанна д'Арк. Она выступала здесь всего лишь как один из военачальников Карла VII, действиям которого, напротив, было уделено основное внимание. Военные кампании, следующие за снятием осады с Орлеана, рассматривались обоими авторами как результат решений, принятых королем, а не его помощницей: в большинстве случаев она даже не упоминалась в тексте. Не посланница Господа вела дофина за собой, но он сам собирал войско, подчинял себе города, лежавшие у него на пути, торжественно входил в Реймс, где и становился королем⁷¹. При этом и Жиль ле Бувье, и Пьер Шуане «забывали» сообщить своим читателям о том, что девушка участвовала в данной церемонии, хотя и перечисляли имена других присутствовавших⁷². Точно так же все последующие походы — взятие Суассона, Шато-Тьерри, Провена, Компьеня и Санлиса, штурм Парижа, покорение жителей Ланьи, и т.д. — они приписывали самому Карлу VII⁷³. Жанна появлялась в обоих текстах лишь эпизодически. Так, ле Бувье мельком упоминал о ее участии во взятии Божанси, о ее при-

⁶⁹ В качестве источников информации по более ранним периодам истории королевства П. Шуане также использовал «Большие французские хроники» и «Хронику Нормандии»: *Hellot A. Sources de la chronique du "Rosier des guerres" // RH. 1885. № 29. P. 75—81; Krynen J. L'empire du roi. P. 488.*

⁷⁰ См., к примеру, описание детства Жанны: "Cel an, en ce meismes temps de karesme, arriva une fille de l'aage de XVIII a XX ans par devers le Roy, nommee Jehanne la Pucelle, ou chastel de Chinon, laquelle estoit nee et norrye de pres Vaucoulour d'un villaige de dessus la riviere de Meuze; et avoit esté toute sa jeunesse jusques a celle heure a garder les brebis" (*Bouvier J. le, dit le Héraut Berry. Op. cit. P. 133*). Описание снятия осады с Орлеана у Жилия ле Бувье также занимает значительно больше места, нежели у Пьера Шуане: *Ibid. P. 134—137.*

⁷¹ "Le roy sceut ses nouvelles (о снятии осады с Орлеана — О.Т.); si tira a Gien... et de la a Reins...ou il fut moult grandement accompaigné des seigneurs de son sancg et barons de son royaume" (*Bouvier J. le, dit le Héraut Berry. Op. cit. P. 138—139, разрядка моя — О.Т.*). "Et quant le roy Charles sceut ces nouvelles...s'en alla a Reims...Et fut le roy sacre et courronne a Reims en grant sollemnité" (BNF. Ms. fr. 442, f. 153v-154, разрядка моя — О.Т.). Ср. с тем же пассажем из «Моря историй», впервые опубликованного в 1488 г.: "Au commencement du moys de iuing ladictie jehanne la pucelle...mena le roy au sacre a reins" (*La Mer des histoires. Lyon, 1491. T. 2. Fol. 93, разрядка моя — О.Т.*).

⁷² *Bouvier J. le, dit le Héraut Berry. Op. cit. P. 139 = BNF. Ms. fr. 442, f. 154.*

⁷³ *Bouvier J. le, dit le Héraut Berry. Op. cit. P. 139 = BNF. Ms. fr. 442, f. 154.*

существованию в авангарде войска, вошедшего в Сен-Дени и, наконец, о ее пленении⁷⁴. Шуане уделял девушке еще меньше внимания: он вспоминал лишь о ее ранении при штурме Парижа, о ее пленении и смерти⁷⁵.

Таким образом, «Хроника» Жюлье ле Бувье и «Розарий войн» разительно отличались — как стилистически, так и по содержанию — от прочих текстов второй половины XV в., которые в той или иной степени были посвящены истории Жанны д'Арк и в которых она предстала как главное действующее лицо⁷⁶. Подобное отношение этих двух авторов к своей героине можно было бы, вне всякого сомнения, объяснить их личной антипатией, как это сделал Филипп Контамин применительно к сочинению Пьера Шуане. Мне, однако, представляется, что проблема заключалась в другом. Совершенно иной стиль описания событий прошлого был, на мой взгляд, связан в данном случае с влиянием на французских авторов принципов гуманистического историописания, заимствованных ими у итальянских коллег.

Как отмечал Жильбер Уи, один из ведущих специалистов по данной проблеме, рождение французского гуманизма относилось к концу XIV в. и было связано в первую очередь с влиянием итальянской культуры⁷⁷. Данная тенденция сохранялась на протяжении всего XV в., и глубокий интерес, который проявляли Карл VII, а затем и Людовик XI к Апеннинскому полуострову, их вмешательство в дела различных итальянских государств и постоянные контакты с папским престолом, вне всякого сомнения, способствовали дальнейшему проникновению новой культуры во Францию⁷⁸.

⁷⁴ *Bouvier J. le, dit le Héraut Berry. Op. cit. P. 138, 140, 144.*

⁷⁵ *BNF. Ms. fr. 442, f. 154v, 155, 155v.*

⁷⁶ Подробнее см.: Глава 3. § 2.3. Наиболее показательна с этой точки зрения «История Карла VII» Тома Базена. Из глав, в которых излагается история 1429—1431 гг. (*Basin T. Op. cit. P. 128—167*), невозможно узнать, чем в это время занимался Карл VII, поскольку автор выстраивал свой рассказ вокруг действий главного героя повествования — Жанны д'Арк. См. об этом: *Тогоева О.И. Красавица и чудовище.*

⁷⁷ См., в частности: *Ouy G. L'Humanisme et les mutations politiques et sociales en France aux XIVe et XVe siècles // L'Humanisme français au début de la Renaissance. P., 1973. P. 27—44; Idem. Les relations intellectuelles entre la France et l'Italie à la fin du XIVe et au début du XVe siècle // Les Humanistes et l'Antiquité grecque / Textes rassemblés par M. Ishigami-Iagolnitzer. P., 1989. P. 79—90; Idem. Humanism and Nationalism in France at the Turn of the Fifteenth Century // The Birth of Identities. Denmark and Europe in the Middle Ages / Ed. by B. McGuire. Copenhagen, 1996. P. 107—125. О влиянии произведений итальянских авторов на сюжеты, жанры и стилистические особенности сочинений французских гуманистов см.: *Monfrin J. Etapes et formes de l'influence des lettres italiennes en France au début de la Renaissance // Monfrin J. Etudes de philologie romane. Genève, 2001. P. 839—858; Bozzolo C. La lecture des classiques par un humaniste français: Laurent de Premierfait // Un traducteur et un humaniste de l'époque de Charles V Laurent de Premierfait / Sous la dir. de C. Bozzolo. P., 2004. P. 69—82.**

⁷⁸ *Monfrin J. Op. cit. P. 841—846, 854—858; Beltran E. L'humanisme français au temps de Charles VII et Louis XI // Préludes à la Renaissance, aspects de la vie intellectu-*

Как отмечают исследователи, начиная с 1450-х гг. ее влияние неуклонно возрастало, достигнув апогея в период Итальянских войн⁷⁹. Сам Людовик XI, насколько можно судить, был далеко не чужд гуманистическим веяниям: в его библиотеке хранились, в частности, сочинения Плутарха, Саллюстия, Сенеки, Вергилия, Цицерона, имелись там «Римская история» Тита Ливия и «Жизнеописание Карла Великого», составленное известным флорентийским гуманистом Донато Аччайуоли и преподнесенное им лично королю во время официального визита во Францию в 1461 г.⁸⁰ Известно также, что Людовик восхищался «Декадами истории» Флавио Бьондо и лично просил автора упомянуть в заключительной части его сочинения о неаполитанских событиях 1442 г.⁸¹ В подарок королю предназначался и список с «Комментариями к деяниям Франческо Сфорца», созданными Джованни Симонетта и вышедшими в Милане в 1483 г.⁸² Именно в правление Людовика XI в Париже возник кружок единомышленников-гуманистов, во главе которого стоял профессор Сорбонны Гийом Фише, а после его отъезда в Рим в 1471 г. — его ученик и последователь Робер Гаген, также совершивший несколько поездок в Италию, прежде чем издать свой *Compendium de origine et gestis francorum*. Содержание и стиль этого сочинения ясно указывали на влияние гуманистических идей на французскую традицию историописания⁸³, а ведь оно оставалось одним из наиболее популярных исторических трудов на протяжении всего XVI в.⁸⁴

История королевства представляла в изложении Гагена как череда великих свершений его правителей, достойных славы и памяти потом-

elle en France au XVe siècle / Ed. par C. Bozzolo et E. Ornato. P., 1992. P. 123—163; Jouanna A. La France du XVIe siècle: 1483—1598. P., 1996. P. 253—281.

⁷⁹ Mandrou R. Introduction à la France moderne (1500—1640). Essai de psychologie historique. P., 1961. P. 244—255; Chevalier B. Humanisme et société urbaine à Tours au XVIe siècle // Humanismus und höfisch-städtische Eliten im 16. J. / Hrsg. von K. Malettke und J. Voss. Bonn, 1989. S. 158—160; Ornato E. La redécouverte des classiques, révélateur des ruptures et des continuités dans le mouvement humaniste en France au XVe siècle // L'aube de la Renaissance / Etudes réunies par D. Cecchetti, L. Socci, L. Terreaux. Genève, 1991. P. 83—101; Collard F. Un historien au travail à la fin du XVe siècle: Robert Gaguin. Genève, 1996. P. 53—58.

⁸⁰ Stegmann A. Op. cit. P. 316—317; Krynen J. Sur la culture historique du roi. P. 405—406; Cassagnes-Brouquet S. Op. cit. P. 119; Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 400.

⁸¹ Kysch Y. de. Flavio Biondo da Forli: archéologie de Rome au XVe siècle // Influence de la Grèce et de Rome sur l'Occident moderne / Ed. par R. Chevallier. P., 1977. P. 119.

⁸² Этот подарок прибыл во Францию уже после смерти Людовика: Cassagnes-Brouquet S. Op. cit. P. 120.

⁸³ Huppert G. The Idea of Perfect History. Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France. Chicago-L., 1970. P. 14—15; Collard F. Op. cit. P. 53—54, 59—69.

⁸⁴ Об этом свидетельствуют 19 изданий «Компендиума» Гагена (на латыни и на французском) конца XV-начала XVII в.: Lanery d'Arc P. Livre d'or de Jeanne d'Arc. № 25; Huppert G. Op. cit. P. 12—13; Гене Б. Указ. соч. С. 358.

ков. Не удивительно, что при таком подходе основное внимание автора было уделено военным событиям — описаниям походов французских войск, подробностям отдельных битв, взятию городов и восхвалению того или иного конкретного монарха, заслугой которого являлась очередная победа⁸⁵. Однако, именно эти сюжеты в XV в. стали основными прежде всего для исторических сочинений итальянских гуманистов, полагавших, что только так они смогут придать истории дидактический смысл, продемонстрировать личные качества участников событий, делающих их для потомков примерами для подражания⁸⁶. Не случайно главными авторитетами в историописании для итальянских авторов XV в. (а вслед за ними и для их французских коллег) стали Тит Ливий и Гай Саллюстий с их вниманием к внешнеполитическим событиям и войнам (т.е. к светским аспектам истории) и стремлением объяснить их происхождение психологическими мотивами⁸⁷. Признавая за человеком личную ответственность за те или иные его поступки, итальянские историки-гуманисты использовали для описания прошлого героический дискурс, хотя и понимали под «героями» далеко не всех людей, но лишь выдающихся личностей — государственных мужей, военачальников и прежде всего правителей. Данная особенность была крайне характерна, в частности, для историографии Неаполитанского королевства, где главным действующим лицом любого исторического сочинения всегда выступал монарх, а события группировались исключительно вокруг его фигуры⁸⁸.

Тот же принцип описания событий прошлого мы наблюдаем в сочинении Робера Гагена и, в частности, в пассаже, посвященном Жанне д'Арк. Здесь — как и в «Хронике» Жилия ле Бувье, и в «Розарии войн» Пьера Шуане — рассказ шел не за посланницей Господа, но за Карлом VII, это была история его свершений и его побед, при описании которых девушка упоминалась лишь потому, что являлась одним из королевских военачальников. Даже в удачном снятии осады с Орлеана Гаген видел заслугу самого монарха, отмечая, что это событие стало важней-

⁸⁵ Особенности стиля Робера Гагена и влияния на него итальянской гуманистической традиции детально рассмотрены в: *Collard F.* Op. cit. P. 85—97.

⁸⁶ *Барз М.А., Авдеева К.Д.* От Макиавелли до Юма: становление историзма. М., 1998. С. 8—10; *Иванова Ю.В.* Гуманистическая историография // История литературы Италии / Гл. ред. М.Л. Андреев. М., 2000—2010. Т. 2. Кн. 1. М., 2007. С. 100—138; *Бобкова М.С.* "Historia pragmata". Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М., 2010. С. 49—54.

⁸⁷ *Брагина Л. М.* Особенности ренессансного исторического познания: Макиавелли и Гвиччардини о Флоренции XV в. // Брагина Л.М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002. С. 268—269.

⁸⁸ *Иванова Ю.В.* Указ. соч. С. 122—123.

Илл. 1 – Самое раннее изображение Жанны д'Арк. Рисунок на полях журнала Клемана де Фокамберга. 1429 г.

Илл. 2 – Дебора. Миниатюра из т.н. Библии Мациевского. Франция, 1244-1254 гг.

Илл. 3 – Дебора. Миниатюра из Псалтири Людовика Святого. Франция, ок. 1270 г.

Илл. 5 – Фра Беато Анжелико. Христос выводит из ада души праведников. 1437—1446 гг.

Илл. 4 – Христос во славе. Жиар де Мулен. Историзованная Библия. Франция, ок. 1320—1330 гг.

Илл. 7 – Христос со знаменем. Якоб ван Мерланд. Историческое зеркало. Фландрия, 1325—1335 гг.

Илл. 6 – Альбрехт Дюрер. Сошествие в ад. 1512 г.

TALIS INERMIS ERAT MULIERI VESTE PVELLA.

*Mollis an hic facies? an imago tenella puellæ?
Veste puellari Martia virgo latet.*

L. Gautier Sculp.

Илл. 9 – Жанна д’Арк и Юдифь. Миниатюра к «Защитнику дам» М. Ле Франка. 1451 г.

Илл. 10 – Жанна д’Арк изгоняет проститутку из военного лагеря. Миниатюра из *Vigiles de Charles VII* Марциала Овернского. 1484 г.

Илл. 11 – Жанна д’Арк. Иллюстрация к «Знаменитым женщинам» Антуана Дюфура. 1504 г.

Илл. 12 – Жанна д’Арк. Так называемый Портрет эшевенов. Ок. 1581 г.

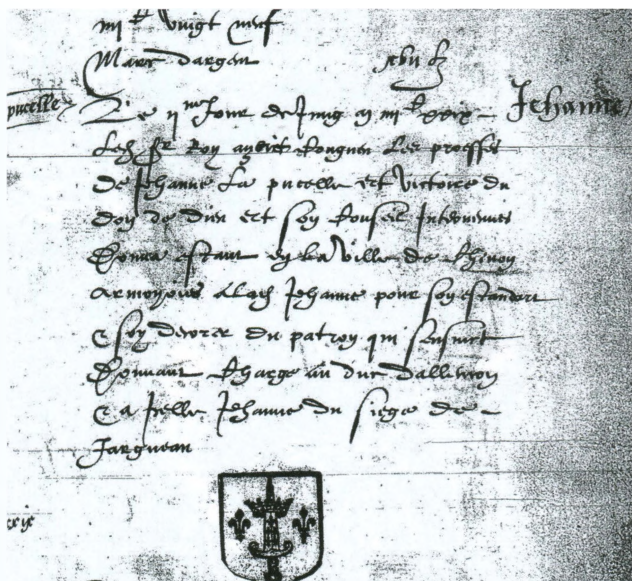

PVELLA AVRELIACA ,

Илл. 13 – Портрет Жанны д'Арк из Галереи знаменитых людей кардинала Ришелье. Гравюра 1648 г.

Илл. 14 – Запись о пожаловании Жанне д'Арк личного герба: Evaluation des monnaies dor et d'argent // BNF. Ms. fr. 5524. Fol. 142 (1559 г.).

Илл. 15 – Боттичелли. Возвращение Юдифи. 1484 г.

Илл. 16 – Художник Андокида. Афина Паллада. Краснофигурная вазопись. Фрагмент. VI в. до н.э.

Илл. 17 – Минерва. Гравюра к «Метаморфозам» Овидия. 1484 г. ♣

Илл. 18 – Минерва. Гравюра к «Метаморфозам» Овидия. [1498 г.]

Илл. 19 – Минерва. Эввар де Конти. «Любовные шахматы». Франция, 1496-1498 гг.

Илл. 20 – Минерва и Арахна. Гравюра к «Метаморфозам» Овидия. 1498 г.

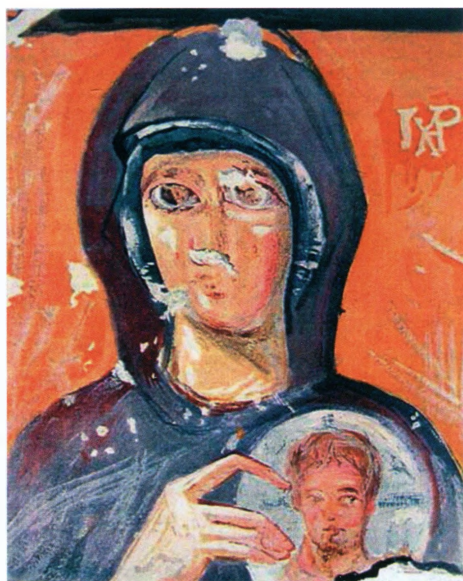

Илл. 21 – Минерва обучает людей различным искусствам. Миниатюра из «Знаменитых женщин» Джованни Боккаччо. Франция, нач. XV в.

Илл. 23 – *Virgo militans*. Костяная табличка из Аахена. VIII—IX вв.

Илл. 22 – Мария со щитом. Фреска из церкви св. Марии Антиквы в Риме. VI в.

Илл. 24 – Мария с доспехами. Алтарь Альбрехта. Фрагмент. Вена, ок. 1439 г.

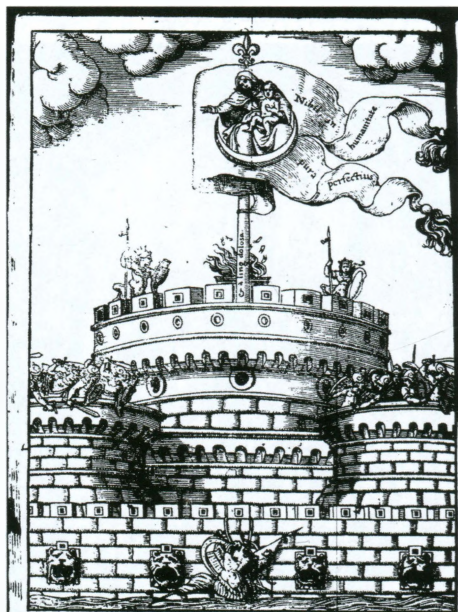

Илл. 25—26 – Благовещение и Мария у ткацкого станка. Парная миниатюра из «Часослова». Франция, ок. 1425 г.

Илл. 28 – Памятная медаль в честь освобождения Орлеана в 1429 г.

Илл. 27 – Дева Мария, Афина и Пентесilea на защите города. Гравюра 1555 г.

Илл. 29 – Гравюра Л. Готье. 1611 г.

Илл. 30 – Гравюра Л. Готье. 1612 г.

Илл. 31 – Фронтиспис к «Орлеанской девственнице» Ф. Шиллера. 1802 г.

Илл. 32 – «Клятва амазонок». Французская гравюра. 1815 г.

Илл. 33 – Жанна д'Арк и ее осел. Гравюра из английского издания «Орлеанской девственницы» Вольтера. 1761 г.

Илл. 34 – Проверка девственности Жанны д'Арк. Гравюра из английского издания «Орлеанской девственницы» Вольтера. 1775 г.

Fig. 1.

Илл. 35 – Следиц П.-А. Жанна д’Арк как Беллона. Фонтан в Руане, установленный в 1756 г. (уничтожен при бомбардировке города в 1944 г.).

Илл. 36 – Памятная медаль, выпущенная в честь восстановления «праздника Девы» в Орлеане. 1803 г.

Илл. 37 – Лежанр-Эраль Ж.-Ф. Жанна д’Арк. Памятник, открытый в Домреми в 1820 г.

Илл. 38 – Монсеньор Феликс Дюпанлу, епископ Орлеанский (1849-1878). Гравюра XIX в.

LA VIERGE AVEC L'ENFANT JESUS, S. MICHEL ET JEANNE D'ARC

Peinture au blanc d'œuf, exécutée du temps même de la Pucelle, nouvellement découverte et attribuée par M. Auvray, à Paris. — Saint Michel pose la balance dans laquelle il pèse les âmes, la Pucelle tient d'une main son étendard, et de l'autre son zouaïnoré. Comme la Vierge, l'Enfant Jésus et Saint Michel, elle porte le nimbe. Attribut de la sainteté.

Илл. 39 – Дева Мария, Христос, архангел Михаил и Жанна д'Арк с нимбом над головой. Подделка XIX в., выдаваемая за изображение XV в.

шим в его судьбе⁸⁹. Решение о походе в Реймс на коронацию, с точки зрения французского гуманиста, также было принято лично Карлом⁹⁰. Что же касается описания последующих военных кампаний, то их, по мнению автора, вел исключительно король⁹¹: о присутствии в его войске Девы упоминалось лишь при рассказе о неудавшемся штурме Парижа⁹².

Таким образом, стиль изложения событий прошлого в сочинении Гагена оказывался идентичным стилю, избранному Жилем ле Бувье и Пьером Шуане. Иными словами, «Хроника» и «Розарий войн» точно так же, как и «Компендиум» и, соответственно, как итальянские образцы, тяготели к биографическому жанру историописания, а их авторы выступали в данном случае в роли настоящих панегиристов⁹³. Вместе с тем сочинение Пьера Шуане подпадало и под определение жанра «трактатов о государе», столь свойственных итальянским историкам XV в., — наставлений просвещенному правителю, снабженных многочисленными поучительными примерами (*exempla*), почерпнутыми из прошлого⁹⁴. Подобные сочинения относились к так называемой парадной истории, написание которой должно было соответствовать определенным правилам: *maiestas* (величие), *dignitas* (достоинство), *decorum* (красота)⁹⁵. Однако наиболее важным, с моей точки зрения, оказывалось требование *brevitas* — краткости изложения, при которой в тексте сочинения следовало упоминать лишь выдающиеся события, необходимые для возвышения фигуры правителя⁹⁶. Как мне представляется, влияние этого принципа гуманистического историописания мы обнаруживаем и в «Розарии войн», где были представлены только значимые события, касавшиеся истории Карла VII, в том числе — описания действий Жанны д'Арк как одного из королевских военачальников⁹⁷. Французская геро-

⁸⁹ “Ad hunc modum dissoluta obsidio est: et ciuitas ab hostis potestate erepta. Quod maximum momentum ad Caroli fortunam fuit” (*Gaguin R. Compendium de origine et gestis francorum*. P., 1497. F. 118). Тот же пассаж повторялся во французском переводе Гагена: *Gaguin R. Les Grandes chroniques, excellens faits et vertueux gestes des très illustres, très chrestiens, magnanimes et victorieux roys de France*. P., 1514. F. 159.

⁹⁰ “Igitur collecto apud Gyen non mediocri exercitu: Carolus remos per campania petere constituit” (*Gaguin R. Compendium*. F. 118v). Ср.: *Gaguin R. Les Grandes chroniques*. F. 159v.

⁹¹ *Gaguin R. Compendium*. F. 118v-120 = *Gaguin R. Les Grandes chroniques*. F. 160—162.

⁹² *Gaguin R. Compendium*. F. 119v = *Gaguin R. Les Grandes chroniques*. F. 160v.

⁹³ Как отмечал Бернар Гене, данный тип историописания не был популярен у средневековых авторов: *Гене Б. Указ. соч.* С. 319.

⁹⁴ Сам жанр «трактатов о государе» опирался на предшествующую средневековую традицию «зерцал»: *Иванова Ю.В. Указ. соч.* С. 124.

⁹⁵ Там же. С. 124—127.

⁹⁶ Там же. С. 129—130.

⁹⁷ Как отмечает Ю.В. Иванова, внимание гуманистической традиции историописания прежде всего к военным действиям делало рассказы о военачальниках неотъемлемой частью исторических сочинений: описание их удачных кампаний

иня, таким образом, не выступала здесь как «практически святая» посланница Господа⁹⁸, чьим предсказаниям и советам следовал король. Она была представлена как воин, как сильный и доблестный капитан французского войска, под руководством короля освобождающий страну от захватчиков и достойно принимающий от них смерть.

Подобная трактовка истории Орлеанской Девы в «Розарии войн» отнюдь не являлась, на мой взгляд, следствием «сухости» Пьера Шуане или Людовика XI, их недоброжелательного отношения к соратнице Карла VII. Скорее, она свидетельствовала об определенных изменениях в восприятии французской героини, а, возможно, и о глобальной смене парадигмы, в рамках которой выстраивался ее образ. Как отмечал Джордж Хапперт, во французских исторических сочинениях конца XV-начала XVI в. четко прослеживалась тенденция замалчивания заслуг Жанны д'Арк: о ней вспоминали лишь потому, что без рассказа о ней невозможно было рассказать о правлении Карла VII⁹⁹. Приверженность принципам гуманистического историописания требовала от авторов концентрации внимания на фигуре правителя, на его выдающихся решениях и поступках. В подобной ситуации трактовка образа Жанны как «практически святой» Французского королевства была, как мне представляется, невозможна, как невозможны были и любые намеки на канонизацию девушки, противоречившие новому пониманию истории: скромная фигура помощницы не должна была заслонять собой главного героя — Карла VII Победителя¹⁰⁰. Именно поэтому, по мнению Дж. Хапперта, историки XVI в. предпочитали скорее молчать о Жанне, нежели говорить о ней. Типичным примером подобной оценки событий прошлого являлись «Десять книг о деяниях франков» Павла Эмилия, итальянского гуманиста, приглашенного на должность официального историографа лично Людовиком XII (1498—1515): в его интерпретации Карл VII всего лишь позволял девушке — как и другим своим военачальникам — помочь ему в борьбе с англичанами¹⁰¹. Такова была официальная концепция истории во Франции XVI в.¹⁰²

лишний раз подчеркивало выдающиеся способности того или иного правителя: Там же. С. 134—136.

⁹⁸ Тем не менее, Пьер Шуане счел необходимым отметить «божественное» происхождение Жанны, явившейся к Карлу подобно «чуду»: “Laquelle le roy fit examiner par saiges clerics qui furent d’oppinion que ce venoit par miracle de dieu” (BNF. Ms.fr. 442, f.153). Ср. тот же пассаж у Жиля ле Бувье: “Tous les docteurs dessusdiz estoient d’oppinion que son fait, ses ditz et sa parolle estoient ditz par miracle de Dieu” (Bouvier J. le, dit le Héraut Berry. Op. cit. P. 133).

⁹⁹ Huppert G. Op. cit. P. 199.

¹⁰⁰ Прозвище *Victorieux* (Победитель) было присвоено Карлу VII еще при жизни: Beaune C. L’historiographie de Charles VII. P. 266—267, 270.

¹⁰¹ *Emili P. De rebus gestis Francorum libri decem.* P., 1539. F. 225.

¹⁰² Huppert G. Op. cit. P. 200—201.

И все же Жанна д'Арк не исчезла полностью из исторических сочинений этого времени. Хотя авторы обширных «Историй» и «Анналов» французских королей писали о ней действительно мало¹⁰³, ее деяния, напротив, стали одним из излюбленных сюжетов разнообразных жизнеописаний знаменитых людей, под влиянием итальянского Возрождения во множестве появившихся в это время во Франции. Здесь Жанна д'Арк представляла перед читателями как самостоятельный персонаж, как главное действующее лицо истории. Здесь она вновь превращалась в героя, достойного восхваления и памяти потомков в не меньшей степени, нежели король, которому она оказала поддержку и помощь.

§ 2. Античные образцы и прототипы

Традиция жизнеописаний выдающихся людей прошлого брала свое начало в одном из первых исторических сочинений европейского гуманизма — компендиуме «О знаменитых мужах» Франческо Петрарки (1337 г.), идеи которого были затем развиты в «Знаменитых женщинах» Джованни Боккаччо (1360-е гг.)¹⁰⁴ — произведении, оказавшем огромное влияние на последующее развитие данного жанра не только в Италии, но и во Франции: уже в 1401 г. оно было переведено впервые на французский язык¹⁰⁵. Истории, рассказанные Боккаччо, воспроизводила в своей «Книге о граде женском» (1404—1405 гг.) Кристина Пизанская¹⁰⁶, пользовались они большой популярностью и у представите-

¹⁰³Например, у Павла Эмилия история Жанны д'Арк с момента ее появления при дворе и до смерти в Руане занимала одно неполное фолио (*Emili P. Op. cit. F. 225—225v*), тогда как всему правлению Карла VII было посвящено около 10 фолио (*Ibid. F. 223v-233*). Та же тенденция прослеживается и по другим сочинениям этого периода: *Gaguin R. Les Grandes chroniques. Fol. 157v-162*; *Gilles N. Op. cit. F. 73—79*; *Tillet J. du. Op. cit. P. 126—127*; *Masson P. Annalium libri quatuor: Quibus res gestae Francorum explicantur. Lutetiae, 1577. P. 505—508*.

¹⁰⁴*Franklin M. P. Op. cit. P. 4—9*; *Иванова Ю.В. Жизнеописания в гуманистической литературе // История литературы Италии. Т. 2. Кн. 1. С. 141*.

¹⁰⁵О влиянии «Знаменитых женщин» Боккаччо на позднейшие произведения данного жанра см. прежде всего: *Torretta L. Il “Liber de claris mulieribus” di Giovanni Boccaccio // Giornale della letteratura italiana. 1902. № 39. P. 252—292; 1903. № 40. P. 35—65*; *Zaccaria V. La fortuna del “De mulieribus claris” del Boccaccio nel secolo XV: Giovanni Sabadino degli Arienti, Iacopo Filippo Foresti e le loro biografie femminili (1490—1497) // Il Boccaccio nelle culture e letterature nazionali / A cura di F. Mazzoni. Firenze, 1978. P. 519—545*.

¹⁰⁶*Phillippy P. Establishing Authority: Boccaccio's “De claris mulieribus” and Christine de Pizan “Le livre de la cité des dames” // Romanic Review. 1986. T. 77. P. 167—193*; *Blumenfeld-Kosinski R. Christine de Pizan and the Misoginistic Tradition // Romanic Review. 1991. T. 81. P. 279—292*; *Eadem. Reading Myth: Classical Mythology and Its Interpretations in Medieval French Literature. Stanford, 1997. P. 204—210*; *Kolsky S.*

лей первого поколения французских гуманистов, в частности, у Жана Жерсона¹⁰⁷. Второе издание «Знаменитых женщин» вышло в Париже в 1521 г., однако читатели моглизнакомиться с этим сочинением и опосредованно: компиляция Джакомо Филиппо Форести да Бергамо, во многом опиравшегося на текст Боккаччо, была в 1504 г. переведена в сокращенном виде А. Дюфуром¹⁰⁸.

Боккаччо — как в свое время и Петрарка — придерживался мнения, что понять современность возможно, лишь обратившись к событиям далекого прошлого¹⁰⁹. Как следствие, описание человеческой личности мыслилось им прежде всего как компиляция из образов героев, отобранных в произведениях древних авторов, а потому подготовленные им 106 жизнеописаний представляли собой сборник рассказов о выдающихся женщинах Античности, реальных или вымышленных. При этом следует, на мой взгляд, особо отметить, что большинство героинь Боккаччо являлись воинами: именно их боевые, т.е. по сути своей мужские, заслуги автор всячески превозносил, настаивая, таким образом, на явном превосходстве слабого пола над сильным¹¹⁰. Идеалом итальянского гуманиста являлась настоящая *Virago* — женщина-воин, в которой он видел образец для подражания для своих современниц. «Я хотел бы, — писал Боккаччо в истории Камиллы, — чтобы современные молодые девушки обратили внимание на эту женщину. Я хотел бы, чтобы на ее примере, наблюдая, как взрослая и самостоятельная дева преодолевает бескрайние поля и леса с колчаном стрел за спиной, проникая в логово диких хищников, как она отвергает необузданные чувственные удовольствия, бежит от радостей изысканных напитков и кушаний и решитель-

---

The Genealogy of Women: Studies in Boccaccio's "De mulieribus claris". N.Y., 2003. P. 7—15.

¹⁰⁷ Simone F. La présence de Boccace dans la culture française du XVe siècle // Journal of Medieval and Renaissance Studies. 1971. № 1. P. 17—32; *Idem*. Giovanni Boccaccio "fabbro" della sua prima fortuna francese // Il Boccaccio nella cultura francese / A cura di C. Pellegrini. Firenze, 1971. P. 49—80; Ouy G. La dialectique des rapports intellectuels franco-italiens et l'Humanisme en France aux XIVe et XVe siècles // Rapporti culturali et economici fra Italia e Francia nei secoli dal XIV al XV. Roma, 1979. P. 131—155.

¹⁰⁸ Sands P.F. Antoine Dufour, Jacques Philippes and "le racheter des hommes" // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1977. № 39. P. 81—87. На знакомство с текстами Боккаччо и Форести да Бергамо указывал, к примеру, Гийом Постель: *Postel G. Les très-merveilleuses victoires des femmes du nouveau monde*. P., 1553. P. 6—7. Обширные выдержки из сочинения Форести, касающиеся Орлеанской Девы, приводил в своей «Истории Жанны д'Арк» и Жан Ордаль: *Hordal J. Heroïnae nobilissime Ioannae Darc Lotharingae vulgo Aurelianensis Puellae Historia*. Pont-Masson, 1612. P. 39—50.

¹⁰⁹ Иванова Ю.В. Жизнеописания. С. 141—144.

¹¹⁰ Kelly J. Early Feminist Theory and the *Querelle des Femmes*, 1400—1789 // Signs. 1982. № 1. P. 7—8; Guéret-Laferté M. Camille et Jeanne. L'influence du courant humaniste sur l'image de Jeanne d'Arc // Images de Jeanne d'Arc. P. 105—107.

но отказывается не только от объятий, но даже от разговоров с молодыми людьми, они поняли, как им следует вести себя»¹¹¹.

Камилла, таким образом, представлялась Боккаччо тем самым нравственным идеалом, к воссозданию которого он стремился в своем сочинении, — женщиной, превосшедшей других благодаря строгой самодисциплине, что позволило ей победить присущую ее полу слабость и успешно противостоять попыткам лишить ее девственности и силы. Не случайно, как мне кажется, именно этот образ был задействован уже в 1429 г. Жаном Жерсоном при оценке Жанны д'Арк.

2.1. Доблестная *Virago*

Трактат *De mirabili victoria* был создан Жерсоном не только для того, чтобы подтвердить Божественный характер миссии французской героини, о чем подробно я говорила выше¹¹², но и для того, чтобы оправдать ношение девушкой «мужского военного костюма» (*vestis virilis et militaris*)¹¹³. Этой проблеме бывший канцлер Парижского университета посвятил всю вторую часть своего сочинения, в которой настаивал, что обстоятельства времени, места и цели должны быть обязательно рассмотрены, прежде чем решать, действительно ли ношение мужского костюма в том или ином конкретном случае является нарушением библейского запрета¹¹⁴. Оправдание поступка Жанны д'Арк Жерсон видел в ее превращении в «мужчину и воина», ведущего справедливую войну против врагов королевства¹¹⁵. Однако, именно это превращение — из простой деревенской пастушки в военачальника — представляло, как мне кажется, для автора определенную проблему. Не случайно, дабы развеять возможные сомнения будущих читателей в истинности своих слов, он прибег к сравнению Девы с героинями прошлого. Однако, среди этих последних он выбрал отнюдь не библейские образцы, а амазонку и Камиллу, что было весьма неожиданно для средневекового теолога, но вполне логично для представителя первого поколения фран-

¹¹¹Boccaccio G. *De mulieribus claris* / A cura di V. Zaccaria. Milano, 1967. Ch. XXXIX. P. 160.

¹¹²См. выше: Глава 1. § 5. О трактовке образа Жанны д'Арк в жизнеописаниях знаменитых людей в раннее Новое время см. также: *Тогоева О.И.* Пастушка, ставшая амазонкой. Образ Жанны д'Арк во французских жизнеописаниях знаменитых людей XVI—XVII вв. // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории.* 2012. Вып. 20. С. 11—36.

¹¹³PN, 2, 39.

¹¹⁴“Quod observare debet circumstantias omnes debitas, ut, quando oportet et ubi oportet, qualiter oportet, et ita de reliquis, ut sapiens judicabit” (PN, 2, 38—39).

¹¹⁵“In Puella nostra, virili et militari, quam ex certis signis elegit Rex celestis, tanquam vexilliferam ad conterendos hostes justitie et amicos sublevandos” (PN, 2, 39).

цузских гуманистов. Истории именно этих героинь, с точки зрения автора, должны были укрепить его тезис о том, что в случае необходимости ношение женщиной мужского костюма не возбраняется¹¹⁶.

Та же проблема, как мне представляется, волновала и других авторов XV в. Так, история Камиллы (под влиянием не только Боккаччо¹¹⁷, но, очевидно, и Жана Жерсона, в заслугу которому ставился «тонкий» разбор вопроса о допустимости ношения Девой мужского костюма¹¹⁸) оказалась включена в IV книгу «Защитника дам» Мартина Ле Франка, прославлявшую женщин, особо отличившихся в делах управления и воинских искусствах, и завершавшуюся рассказом о современницах автора, в том числе и о французской героине¹¹⁹. То же сравнение фигурировало в «Комментариях» Энеа Сильвио Пикколомини (Пия II)¹²⁰. В его же «Знаменитых мужах», созданных в 1445—1450 гг., Жанна впервые, насколько можно судить, была названа *Virago* — женщиной, одетой в доспехи и приносящей гибель своим врагам, англичанам и бургундцам¹²¹.

Однако, наиболее полно сравнение Жанны д'Арк с Камиллой использовал в своей «Джиневере знаменитых дам» Джованни Сабадино дельи Арьенти (1483 г.). В его сборнике были представлены 33 биографии представительниц самых могущественных семейств Италии (феррарских Эсте, миланских Висконти и Сфорца, мантуанских Гонзага и некоторых других). Внимание итальянского гуманиста исключительно к его современницам объяснялось прежде всего новыми принципами историописания, сформировавшимися во второй половине XV в.: отныне не только события прошлого, но и события современности рассматривались как вполне достойные памяти потомков¹²².

¹¹⁶“In casibus vel necessitatis, vel evidentis utilitatis, vel approbate consuetudinis, vel ex auctoritate seu dispensatione superiorum” (PN, 2, 39).

¹¹⁷О знакомстве Мартина Ле Франка с творчеством Боккаччо см., к примеру: Taylor S.M. Down to Earth and Up to Heaven: the Nine Muses in Martin Le Franc “Le Champion des dames” // Fifteenth Century Studies. 2007. № 32. P. 164—175 (там же — литература по теме).

¹¹⁸“Scez tu point que Jarson en dit? / Je te dy maistre Jan Jarson / Qui d'elle ung petit traictié fit, / Plus subtil que nous ne penson” (*Le Franc M.* Op. cit. P. 96. V. 16949—16952).

¹¹⁹Ibid. P. 85. V. 16685—16704. Подробнее о трактовке образа Жанны д'Арк у Мартина Ле Франка см. ниже: Глава 4. § 2.2.

¹²⁰“Puella ferociorem ascendit, et ardens in armis, hastam vibrans saltare, currere atque in gyrum se vertere haud aliter coegit equum, quam de Camilla fabulae tradunt” (*Pii Secundi Pontificis Maximi Commentarii* / Ed. by I. Bellus, I. Borokai. Budapest, 1993. T. 1. P. 302).

¹²¹“Apparuique in armis uirago et nunc Borgundos, nunc Anglicos magnis stragibus confecit” (*Enee Silvii Piccolominei postea Pii PP. II. De viris illustribus* / Ed. by A. van Heck. Città del Vaticano, 1991. P. 72).

¹²²Иванова Ю.В. Жизнеописания. С. 141.

Важно, как мне представляется, отметить, что из всех 33 жизнеописаний, составленных Сабадино, только одно являлось рассказом об иностранке — история Жанны д'Арк. Возможно, для того, чтобы как-то сгладить данное противоречие, автор в прологе очень подробно останавливался на особенностях жизни и воспитания Камиллы — прототипа французской героини — желая продемонстрировать, что «и в нашу эпоху слава и мужество... доблестной Девы являлись отнюдь не меньшими»¹²³. Однако его главной целью, безусловно, следует признать стремление понять, каким образом скромная пастушка, проживавшая в деревенской глуши, превратилась в военачальника королевского войска. При этом Сабадино — в отличие от своих предшественников, также интересовавшихся этим вопросом, — давал совершенно новую трактовку данного превращения. Он полагал, что такие качества как смелость и отвага (*fiera e gagliarda*) были присущи Жанне уже в самом детстве. Точно так же, как и Камилла, которую изгнанный из родного города отец воспитал в лесу, французская героиня выросла вдали от людей, среди полей¹²⁴. Как и Камилла, которая отлично управлялась с луком и стрелами, охотясь на диких зверей, она научилась обращаться с оружием, используя вместо копья тяжелую палку (*una grossa verga come astra*), а вместо боевого коня — кобылу пастуха соседского стада¹²⁵. Безусловно, отмечал далее Сабадино, Жанна получила примерное христианское воспитание, но оно было далеко не таким, какое получают обычно простые пастушки (*non che a la custodia de le pecore*)¹²⁶. Прежде всего это касалось обета безбрачия, который она — по примеру Камиллы, посвятившей свою девственность богине Диане, — дала еще в ранней юности (*fu vergene*)¹²⁷. Однако главным отличием французской героини от ее односельчан автор полагал изначальное стремление к военной карьере. В его интерпретации занятия пастушеством были лишь незначительным эпизодом в жизни Жанны: несмотря на то, что она была «бедной девушкой», она с самого детства знала, что ее ждет совершенно особая судьба — военная карьера¹²⁸. Роль Господа в этом превращении была сведена Сабадино к минимуму. В отличие от своих предшественников, он вообще не упоминал об откровениях своей геро-

¹²³“Volendo dimostrare a moderni tempi la nostra Janna polcella gaya essere stata non de minor gloria et valore che fusse l'antiqua Camilla” (*Sabadino de li Arienti* J. Op. cit. P. 102).

¹²⁴“Dobbiamo duncha sapere, che questa Janna polcella gaya nacque in Franza nel paese de Barois, la quale da la etate de octo anni fin a li sedexe fu guardatrice de pecore” (*Ibid.* P. 102).

¹²⁵*Ibid.* P. 102—103.

¹²⁶*Ibid.* P. 103.

¹²⁷*Ibid.*

¹²⁸*Ibid.* P. 105—106.

ини или о визитах, которые наносили ей небесные посланцы, он лишь указывал, что ее новый статус «капитана и начальника [королевского] войска» был, с ее точки зрения, «приятен Богу», поскольку должен был принести победу французам¹²⁹.

Новый образ Жанны д'Арк, с самого детства готовившейся к военным свершениям и превратившейся в *Virago* еще до своего официального появления на исторической сцене, получил широкое распространение в сочинениях XVI—XVII вв. Мы встречаем его, в частности, в «Знаменитых женщинах» Форести да Бергамо, также полагавшего, что воинскому искусству девушка обучилась еще в родной деревне, что ее занятия пастушеством следует воспринимать как формальные, ибо все свое время она посвящала подготовке к исполнению главной миссии — будущим сражениям с врагом¹³⁰. Пусть Господь и избрал ее для подобной задачи, однако сделал он это, по мнению Форести, не потому, что она являлась «простецом», открытым для откровений Свыше, но потому, что она всегда была *Virago*, т.е. могла стать военачальником, иметь боевое оружие и коня, а также собственный герб¹³¹. Мысль об обретении Жанной д'Арк воинского «ремесла» еще в детстве последовательно развивал и А. Дюфур, писавший, что девушка обучилась «быть воином» в деревенских полях¹³². «Сельской Амазонкой» (*Amazone champestre*) именовал Жанну Ф. де Бельфоре в своей «Истории девяти Карлов, королей Франции», опубликованной в 1564 г.¹³³ Ради спасения страны «эта добродетельная и доблестная Дева» (*vertueuse et vaillante Fille*), по мнению Антуана Дюбретона, оставила «свое одеяние пастушки» (*sa robe de Bergere*)¹³⁴, и король при первой встрече увидел в ее лице, «несмотря на ее деревенское происхождение, не только мужскую отвагу (*un courage viril*), но и совершенно нечеловеческое достоинство и мужество» (*une vertu et une vaillance plus qu'humaine*)¹³⁵.

¹²⁹“Che così piace a Dio; et credenti, credenti a le mie parole, che ne vedereti effecto de grande gloria” (Ibid. P. 106).

¹³⁰“Quum a principio magnam aetatis suae partem inter pecora egisset, ibi cum suis sodalibus, cum quibus pascendo pecora observabatur, saepius cursum exercebat; et modo huc atque illuc illi frequens cursus erat; et aliquando currendo hastam, ut fortis eques, manu capiebat, et arborum truncos validissimis vulneribus percutiebat. Plerumque etiam aliquam ex equabus...viriliter ascendebat, et, hasta brachio supposita, currendo ictus validos inferebat...Per hujusmodi autem exercitationes mulier evasit fortissima” (Q, 4, 523).

¹³¹“Postquam Janna haec virago totius regii exercitus declarata imperatrix, mandavit rex coruscantia arma necessaria eidem statim dari equumque fortissimum admoveri, phaleris aliisque ornamentis mirifice coopertum” (Q, 4, 526).

¹³²“Et croy son fait estre plus divin que humain, car au fait de sa vacation champestre, oysiveté chastioit et à tous honnestes faitz se exercitoit” (*Dufour A. Op. cit. P. 162*).

¹³³*Belleforest F. de. L'histoire des neuf roys Charles de France. P., 1578. P. 306.*

¹³⁴*Dubreton A. Histoire du siège d'Orléans, et de la Pucelle Ieane. P., 1631, 6.п.*

¹³⁵Ibid. P. 112.

Таким образом, трактовка образа Жанны д'Арк как скромной пастушки, лишь силой Господа оказавшейся во главе королевского войска, как мне представляется, практически не прослеживалась в жизнеописаниях знаменитых людей, созданных во Франции в XVI—XVII вв. На смену «простецу» в этих сочинениях приходила *Virago* — женщина-воин, которой девушка, по мнению авторов, становилась с самых юных лет, готовясь к делу всей своей жизни — борьбе с врагами королевства. Соответственно, изменялась и оценка личных качеств французской героини: к доброте, мудрости, набожности и целомудрию (характеристикам, которыми охотно наделяли Жанну в XV в.) теперь добавились отвага и благородство — качества, которые историки-гуманисты прежде всего отмечали у своих главных персонажей¹³⁶. Наиболее показательным, с этой точки зрения, являлся текст А. Дюфура: девушка, по его мнению, обладала «мягким сердцем, небольшим ростом, была немногословной, рассудительной, легкой, подвижной, мудрой, набожной и целомудренной, отважной и благородной»¹³⁷.

Главным достоинством Жанны д'Арк авторы XVI—XVII вв. единодушно признавали способность всегда, в любых ситуациях побеждать противника, пусть даже для утверждения данного тезиса им и приходилось порой идти против истины, например, опуская подробности неудавшегося штурма Парижа в сентябре 1429 г.¹³⁸ «Везде, куда бы она ни направлялась, — писал в «Знаменитых мужах» Пий II, — ей сопутствовала победа, а враги пребывали в страхе»¹³⁹. Не менее важной особенностью Девы являлось ее безусловное превосходство не только над всеми прочими представительницами слабого пола, но и над мужчинами: не случайно ей, по мнению Дж. Сабадино, Ф. да Бергамо, Ф. де Бель-

¹³⁶Иванова Ю.В. Гуманистическая историография. С.129—130.

¹³⁷Jehanne...de son estat bergière, de cueur gentil, petite de stature, brefve en langage, substantieuse en sentence, légèrre, agile, sage, devote et chaste, hardye, magnanime" (*Dufour A. Op. cit. P. 162, разрядка моя — О.Т.*). См. также: *Billon F. de. Le fort inexpugnable de l'honneur du sexe feminin. P., 1555. F. 44v; Thevet A. Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres. P., 1584. P. 279; Béroalde de Verville F. La pucelle d'Orléans: sous le sujet de cette magnanime pucelle est représentée une fille vaillante, chaste, sçavante et belle. P., 1599.*

¹³⁸Наиболее показательным, с этой точки зрения, являлось сообщение Симфорье-на Шампье, уверявшего своих читателей в том, что Жанна освободила многочисленные французские города, в том числе Париж и Орлеан: *Champier S. La nef des dames vertueuses. P., 1503, б.п.*

¹³⁹"Nam quocumque iret, uictoria sequebatur eratque territori omnibus hostibus" (*Eneae Silvii Piccolominei postea Pii PP. II. De viris illustribus. P. 73*). См. также: *Sabadino de li Arienti J. Op. cit. P. 110—111; Dufour A. Op. cit. P. 164; Lesnauderie P. de. A louenge de mariege et recueil des hystoires des bonnes, vertueuses et illustres femmes. P., 1523. F. 51v; Le Moyné P. La gallerie des femmes fortes. P., 1647. P. 306.*

форе, А. Теве и В. де ла Коломбьера, подчинились все прочие капитаны французского войска и даже сам король¹⁴⁰.

Тема превосходства женщин над мужчинами имела во Франции свою давнюю традицию, связанную прежде всего с так называемым спором вокруг «Романа о Розе», в котором в разное время принимали участие Кристина Пизанская, Жан Жерсон и Мартин Ле Франк¹⁴¹. Обретая новый импульс благодаря творчеству итальянских гуманистов, данная полемика продолжила развиваться и во французской литературе XVI—XVII вв., получив название «Спор о женщинах» (*Querelle des femmes*)¹⁴². С учетом изменившихся условий, дебаты отныне разворачивались по нескольким основным направлениям, среди которых следует прежде всего назвать обсуждение вопросов о свободе волеизъявления женщин, об их моральной реабилитации, о возможности получения ими образования, о возможности общения женщин между собой и, наконец, о реальном положении женщины в современном ей обществе, ее отношениях с мужчиной, ее равноправии с ним¹⁴³.

Именно этот, последний вопрос, насколько можно судить, особенно волновал авторов жизнеописаний знаменитых людей. Так, например, Симфорьен Шампье, в двойном рондо, предварявшем основной текст его «Корабля добропорядочных дам» (1503 г.), воспевал путешествующих на борту героинь, чьи достоинства «ослабят злость» тех, кто обвиняет дам во всевозможных грехах, кто оскорбляет их словом или

¹⁴⁰*Sabadino de li Arienti J.* Op. cit. P. 107; Q, 4, 526; *Belleforest F. de.* L'histoire des neuf roys. P. 304; *Thevet A.* Op. cit. P. 279; *Vulson, sieur de la Colombière.* Les portraits des hommes illustres françois, qui sont peints dans la Galerie du Palais Cardinal Richelieu. P., 1648. P. 84.

¹⁴¹См. о нем прежде всего: *Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col.* Le débat sur le Roman de la Rose / Ed. par E. Hicks. P., 1977. См. также: *Badel P.-Y.* Le Roman de la Rose au XIVe siècle. Etude de la réception de l'oeuvre. Genève, 1980; *Smith G.L.* Jean de Meun in the "Cité des Dames": Author versus Authority // *Fifteenth Century Studies.* 2010. № 35. P. 132—142 (там же — список новейшей литературы по теме).

¹⁴²Как полагает Ян Маклин, «Спор о женщинах» завершился лишь в 30-е гг. XVII в.: *Maclean I.* Women Triumphant: Feminism in French Literature, 1610—1652. Oxford, 1977. P. 31—35; *Eadem.* Marie de Gournay et la préhistoire du discours féminin // *Femmes et pouvoirs sous l'Ancien Régime / Sous la dir. de D. Haase-Dubosc, E. Viennot.* P., 1991. P. 120—134. Именно с ним, по мнению Эвелин Беррио-Сальвадоре, был связан настоящий расцвет жанра жизнеописаний знаменитых женщин: *Berriot-Salvadore E.* Les femmes dans la société française de la Renaissance. Genève, 1990. P. 345—361.

¹⁴³Краткое изложение истории «Спора о женщинах» см. в: *Winn C.H.* Féminisme // *Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIe siècle / Sous la dir. de M. Simonin.* P., 2001. P. 510—514. См. также: *Lazard M.* Femmes, littérature, culture au XVIe siècle en France // *Femmes et pouvoirs sous l'Ancien Régime.* P. 101—119; *Maclean I.* Marie de Gournay // *Ibid.* P. 120—134; *Timmermans L.* L'Accès des femmes à la culture (1598—1715). Un débat d'idées de Saint François de Sales à la Marquise de Lambert. P., 1993. P. 20—28.

делом¹⁴⁴. Та же мысль присутствовала и в «Удивительных победах женщин нового мира» Гийома Постеля (1553 г.), вспоминая давние мизогинные споры (*une commune querelle contre ledit sexe*), в которые оказались замешаны французские гуманисты начала XV в.¹⁴⁵, и с сожалением отмечавшего, что о тех или иных поступках женщин вспоминают лишь в том случае, если они портят жизнь мужчинам¹⁴⁶. Сам автор был абсолютно уверен в превосходстве слабого пола над сильным как в делах войны, так и в религиозных вопросах¹⁴⁷, и полагал, что в будущем (в «новом мире») именно женщинам следует передать бразды правления¹⁴⁸. Точно так же и сочинение Ф. де Бийона «Неприступная крепость женского достоинства», созданное в 1555 г., не только содержанием, но уже самим названием прямо отсылало к «Книге о граде женском» Кристины Пизанской и к полемике, которую вела поэтесса со своими коллегами-мужчинами вокруг «Романа о Розе»¹⁴⁹. О чести женщин вспоминал и Франсуа Бероальд де Вервиль, посвятивший свою «Орлеанскую Деву» (1599 г.) жительницам Орлеана, которым, по мнению автора, «будет приятно прочесть о достоинстве той, кто составляет вашу славу»¹⁵⁰. Наконец, в 1665 г. Жакетт Гийом назвала свое сочинение «История знаменитых дам, в которой приводятся разумные и убедительные причины, почему женский пол превосходит мужской»¹⁵¹, намереваясь проде-

¹⁴⁴«Des dames cy abbat la raze / De cil qui les dames accuse. / Et affin que nul ne mesdye / Des dames par aulcune ruse / des mesdisans mord le langaige / La nef pour vous garder qu'on ne vous buse» (*Champier S. Op. cit., б.п.*).

¹⁴⁵*Postel G. Op. cit. P. 4.*

¹⁴⁶*Ibid. P. 5.*

¹⁴⁷«Car ainsi failloit que Dieu non-seulement soubz l'espece masculine se monstrast avec les siens omnipotent, et Dieu des guerres et batailles; ce qu'il monstre trop plus clairement soubz le plus debile et feminin, que soubz le masculin personnage; mais aussi failloit que la parfaite religion feust en sa perfection consummée et conduite par le mesme sexe Feminin» (*Ibid. P. 26*).

¹⁴⁸«L'Occidentale seroit consummée par la nature Feminine, comme il s'est veu par la susdicte Pucelle Jehanne» (*Ibid.*). Подробнее о развитии темы женского превосходства в делах управления у Г. Постеля см.: *Redpath P.A. The nature of woman and her role in religion according to Guillaume Postel // Guillaume Postel. 1581—1981. Actes du Colloque International d'Avranches, 5—9 septembre 1981. P., 1985. P. 137—149; Dubois C.-G. Les métamorphoses de la sexualité dans la pensée de Guillaume Postel // Dubois C.-G. La mythologie des origines chez Guillaume Postel. Orléans, 1994. P. 11—47; Idem. L'avenir au féminin: les formes du «futurible» selon Guillaume Postel // Prophètes et prophéties au XVIe siècle. P., 1998. P. 135—147; Idem. Rôle historique et fonction prophétique de Jeanne d'Arc dans «Les merveilleuses Victoires des femmes» de Guillaume Postel (1553) // *Images de Jeanne d'Arc. P. 151—158.**

¹⁴⁹*Kelly J. Op. cit. P. 11—12.*

¹⁵⁰«Vous prendrez plaisir à rélire l'honneur de celle qui est vostre honneur» (*Béroalde de Verville F. Op. cit., б.п.*).

¹⁵¹*Guillaume J. Les Dames illustres, où par bonnes et fortes raisons il se trouve que le sexe feminin surpasse en toutes sortes de genres le sexe masculin. P., 1665.*

монстрировать «славу нашего пола» (*la gloire de nostre sexe*) во всей его красе¹⁵².

В сочинениях XVI—XVII вв. Жанна д'Арк выступала, таким образом, как одна из главных героинь прошлого и настоящего, чья история лишней раз должна была подтвердить выдающиеся способности женщин, их силу, их равенство с мужчинами и даже превосходство над ними. Не случайно, как мне кажется, именно в этот период Орлеанская Дева уподоблялась преимущественно амазонкам — древнегреческим девам-воительницам, самым независимым от мира мужчин существам, рассказы о которых были хорошо известны не только античным, но и средневековым авторам¹⁵³. Все они единодушно отмечали реальность существования королевства *Femenie*, расположенного на далеком острове или где-то в Азии. Все они настаивали на уникальном жизненном укладе, царившем там: ни один мужчина не мог находиться постоянно среди амазонок, которые вступали лишь в кратковременные связи, чтобы обеспечить себе продолжение рода. В остальном, как отмечали все без исключения средневековые авторы, они прекрасно обходились без представителей сильного пола: женщины-воины, они обучали своих дочерей не прядению и ткачеству, но обращению с оружием, они жили войной, участие в которой их временных сожителей даже не предусматривалось — они ожидали возвращения своих подруг из очередного похода дома, где и воздавали им затем почести. Иными словами, амазонки всегда оказывались сильнее, опытнее и искуснее мужчин, и только некоторым, особо выдающимся героям (как, например, Гераклу, завладевшему волшебным поясом Ипполиты, Ахиллу, убившему Пентесилею, или Александру Македонскому, покорившему королевство *Femenie*) удавалось одолеть их. Во всех прочих случаях девы-воительницы оставались непобедимыми¹⁵⁴.

Важно, как мне представляется, отметить, что с началом Нового времени и эпохи Великих географических открытий вера в реальность существования амазонок не исчезла¹⁵⁵. Напротив, на протяжении всего

¹⁵²Ibid., préface.

¹⁵³Salvat M. Amazonia: le royaume de Femminie // La représentation de l'Antiquité au Moyen Age / Publ. par D. Buschinger et A. Crepin. Wien, 1982. P. 229—241; Petit A. Le traitement courtois du thème des Amazones d'après trois romans antiques: *Enéas, Troie et Alexandre* // MA. 1983. T. 89. P. 63—84; Blok J.H. The Early Amazons. Modern and Ancient Perspectives on a Persistent Myth. Leiden-N.Y., 1995; James-Raoul D. Les Amazones au Moyen Age // En quête d'utopies / Textes réunis par C. Thomasset et D. James-Raoul. P., 2005. P. 195—230.

¹⁵⁴Salvat M. Op. cit; Boulogne J. La mutation mamarie des Amazones: un mythe de la médecine grecque? // Pallas. Revue d'études antiques. 2008. T. 78. P. 59—66.

¹⁵⁵См. прежде всего: Sanchez J.-P. Mythes et légendes de la conquête de l'Amérique. Rennes, 1996. T. 2. P. 629—660. См. также: Peyrebonne N. L'entre-deux américain, le cas de "Amazonas en las Indias" de Tirso de Molina // Penser l'entre-deux. Entre hispanité et améri-

XVI в. путешественники, устремившиеся в Америку, привозили оттуда рассказы о многочисленных племенах амазонок, якобы обнаруженных в Новом Свете. Та же история повторилась и с началом изучения Африканского континента: о существовании амазонок сообщалось в донесениях из Эфиопии и Зимбабве¹⁵⁶.

Именно популярностью данной темы как в географической, так и в художественной литературе раннего Нового времени объяснялось, с моей точки зрения, отсутствие у авторов, писавших о Жанне д'Арк, каких бы то ни было подробных рассуждений о том, почему сравнение французской героини с той или иной представительницей этого воинственного племени казалось им не просто допустимым, но и единственно верным. Уподобление Орлеанской Девы «воинствующей амазонке» (*guerroyante Amazone*) было понятно читателям XVI—XVII вв. вне всякого контекста. С этой особенностью оценки личности Жанны д'Арк мы сталкиваемся, в частности, у Ф. де Бийона, Леона Триппо, а чуть позднее — у Рене де Серизье, Бенинь Григетта и Ж. Гийом¹⁵⁷. И хотя в произведениях этих авторов данное сравнение действительно не находило детального развития, мне, тем не менее, представляется возможным выделить несколько крупных тем, при рассмотрении которых оно выглядело наиболее актуальным.

Прежде всего, следует отметить весьма значительные изменения, произошедшие в сочинениях XVI—XVII вв. в трактовке вопроса о личном участии Жанны д'Арк в военных действиях. Как я упоминала выше, в источниках XV в. данный сюжет практически не рассматривался: напротив, исключительное внимание, которое уделялось знамени Жанны, ее привязанности к данному атрибуту военной власти, ее желанию иметь его постоянно при себе, подразумевало невозможность для девушки лично сражаться с противником. Иными словами, ее функция знаменосца, вдохновлявшего соратников на дальнейшие победы, не предусматривала, с точки зрения авторов XV в., непосредственного участия в битвах. Этот образ как нельзя лучше отвечал задачам, стоявшим перед участниками процесса по реабилитации Жанны 1455—1456 гг., стремившимся представить ее истинным пророком, по-

canité / Ed. par M. Belrose, C. Bertin-Elisabeth, C. Méné-Caster. P., 2005. P. 195—207; Rawson C. Amazon: The Women, the Name and the River. Some reflections // *Réalité et représentations des amazones* / Sous la dir. de G. Leduc. P., 2010. P. 27—40.

¹⁵⁶ Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. P. 208—209.

¹⁵⁷ Billon F. de. Op. cit. F. 47v; Trippault L. Ioannae Darciae Obsidionis Aurelianae liberatrici res gestae, imago, et iudicium. Les faits, Pourtraict et iugement de Jeanne d'Arc, dicte la pucelle d'Orleans. Orléans, 1583. P. 33—35; Ceriziers R. de. Les trois estats de l'innocence. P., 1669 (¹1639). P. 73, 77, 86, 107, 112, 135, 145, 166; Griguetta B. Eloges des hommes illustres peints en la gallerie du Palais Roial. Dijon, 1646. P. 30; Guillaume J. Op. cit. P. 156, 159, 167, 168.

сланницей Господа, «практически святой», всегда выступавшей за правое дело, но никогда не бравшей в руки меч и никого не убившей¹⁵⁸.

Этот образ, однако, претерпел наиболее, как мне представляется, радикальные изменения в сочинениях раннего Нового времени. Описывая свою героиню как *Virago*, как новую амазонку, авторы стремились подчеркнуть то обстоятельство, что Жанна не просто руководила французским войском и давала советы самому королю, но и лично принимала участие в истреблении его противников. Пролитие вражеской крови отныне воспринималось как выдающаяся заслуга, как важная личная характеристика Орлеанской Девы, указывающая на ее близкое родство с греческими амазонками, также, согласно легендам, весьма активно проводивших разнообразие военные кампании.

Изменение отношения авторов XVI—XVII вв. к вопросу о личном участии Жанны д'Арк в битвах Столетней войны влекло за собой и совершенно новую трактовку ее основных атрибутов. На место знамени, столь дорогого сердцу современников французской героини, отныне приходил меч — средство, благодаря которому можно было рассчитывать на безусловную победу над врагом. «Удивительные потоки крови» (*merveilleuses effusions de sang*), которые, по образному выражению Ф. де Бийона, оставляла за собой Жанна на полях сражений¹⁵⁹, могли возникнуть только в том случае, если вместо знамени она сжимала в руке оружие. Воинственный образ Орлеанской Девы появлялся уже у Дж. Сабадино, с восторгом повествовавшего о «земле, омытой кровью» ее врагов (*la terra fu di sangue bagnata*)¹⁶⁰. Об особой ненависти (*une haine particuliere*), которую испытывала Жанна к англичанам, и о великой мести (*une vengeance extraordinaire*), которую она планировала в ответ на их бесконечные оскорбления, писал и А. Дюбретон¹⁶¹. А. Дюфур напрямую связывал обретение меча из Сент-Катрин-де-Фьербуа с военным характером миссии Жанны д'Арк: по его мнению, только после этой чудесной находки король и его окружение поверили в предназначение девушки и согласились сделать ее капитаном французского войска¹⁶². Эта же мысль последовательно развивалась и у П. Ле Муана, которому меч «покрытой кровью» Жанны (*teinte de sang*) напоминал о «смерти и уничтожении» (*de morte et d'extermination*), которые он мог принести врагам «избранного народа»¹⁶³. Старинное оружие, ока-

¹⁵⁸См. выше: Глава 3. § 2.2; 3.4.

¹⁵⁹*Billon F. de. Op. cit. Fol. 47v- 48.*

¹⁶⁰*Sabadino de li Arienti J. Op. cit. P. 109.*

¹⁶¹*Dubreton A. Op. cit. P. 165.*

¹⁶²“Le roy et son conseil, ce considérant, luy baillèrent chevaux et armes, esquelx aussi hardiment et puissamment se traictoit somme si jamais n'eust fait aultre mestier” (*Dufour A. Op. cit. P. 164*).

¹⁶³*Le Moyne P. Op. cit. P. 306.*

завшись в руках Девы, «забыло о времени и ржавчине», «обрело огонь и новую жизнь», ибо получило выдающегося владельца, способного вновь обогреть его кровью «чужестранцев»¹⁶⁴.

Активное использование в сражениях меча, безусловно, сближало, по мнению авторов XVI—XVII вв., Жанну с амазонками, никогда не расстававшихся со своими луками и копьями, при помощи которых они одерживали многочисленные победы над врагами. Не случайно во многих из интересующих нас сочинений девушка именовалась «дочерью Марса» — римского бога, отождествляемого с греческим Аресом, считавшегося покровителем амазонок и отцом их цариц Ипполиты и Пентесилеи. Это сравнение мы встречаем у Дж. Сабатино, в стихотворных прологах к сочинению Жана Ордаля¹⁶⁵, а также на его фронтисписе — гравюре Леонара Готье, выполненной специально для этого издания¹⁶⁶. (Илл. 8). Стремясь, вероятно, усилить связь, существовавшую в их представлении между девами-воительницами и Орлеанской Девой, некоторые авторы также именовали последнюю «Беллоной», богиней войны, в римской мифологии являвшейся матерью (или сестрой) Марса¹⁶⁷.

Как я уже упоминала выше, сочинения авторов Средневековья и раннего Нового времени свидетельствовали, что амазонки часто превосходили мужчин в умении обращаться с оружием, в стратегии и тактике битвы, в военном искусстве. Будучи женщинами, они воспринимались, таким образом, как равные представителям сильного пола. Собственно, в определенном смысле они и не были обычными женщинами, они были воинами, а значит — мужчинами¹⁶⁸. Ту же самую метаморфозу мы наблюдаем и с описаниями Жанны д'Арк в сочинениях XVI—XVII вв.: с течением времени в рамках ее сопоставления с амазонками французская героиня превращалась — пусть только на словах — в настоящего мужчину, рассказ о жизни которого включался наравне с историями

¹⁶⁴“A peine a-t-elle senty la vertu de cette glorieuse main, que sa vieillesse est tombée avec sa rouille: elle a receu vn nouveau lustre, qui luy est comme vn nouveau feu et vne seconde vie: et la voila déja teinte du sang des Etrangers; et toute échauffée de cette premiere prosperité” (Ibid.).

¹⁶⁵*Sabadino de li Arienti J. Op. cit. P. 110; Hordal J. Op. cit., б.п.*

¹⁶⁶Гравюра Л. Готье сопровождалась подписью: “Molis an hic facies? an imago tenella puellae? Veste puellari Martia virgo latet”. Леонар Готье (1552/1560—1641) вместе с Криспином де Пассом были главными французскими художниками-граверами первой трети XVII в.: *Canivet D. L'illustration de la poésie et du roman français au XVIe siècle. P., 1957. P. 13, 72.*

¹⁶⁷*Sabadino de li Arienti J. Op. cit. P. 110; Lis Ch. du. Recueil de plusieurs inscriptions proposees pour remplir les Tables d'attente estans sous les statuës du Roy Charles VII et de la Pucelle d'Orleans...et de diverses poesies faites a la louange de la mesme Pucelle, de ses freres et leur posterité. P., 1628. P. 25, 30.*

¹⁶⁸О восприятии амазонок как мужчин и даже как «монстров», не похожих на обычных людей, см. подробнее в: *Salvat M. Op. cit.*

других исторических персонажей в жизнеописания знаменитых мужей, что произошло, к примеру, с «Портретами знаменитых французов» В. де ла Коломбьера или с «Похвалой знаменитых мужей» Б. Григетта¹⁶⁹. Уже в анонимном «Зерцале добропорядочных женщин» 1547 г. сообщалось, что Дева ездил верхом в полном доспехе точно так же, как воин¹⁷⁰. Л. Триппо замечал, что благодаря выдающимся свершениям Жанна «превосходила представительниц своего пола»¹⁷¹. Н. Вернуль именовал ее «полководцем» (*dux*), «руководителем» (*imperatrix*) и «рыцарем» (*miles*) французского войска¹⁷², а А. Дюбретон — не только «выдающейся дамой», но и «великим героем»¹⁷³. Не менее популярным у авторов XVI—XVII вв. было и сравнение Жанны д'Арк с прославленными историческими или литературными персонажами прошлого. Так, Ф. де Бельфоре писал в своей «Истории девяти Карлов»: «Почему бы нам не поверить, в то, что Господь послал Жанну Деву для освобождения короля и его королевства от порабощения, если мы верим в истории, рассказанные Титом Ливием о Касторе и Полидевке»¹⁷⁴. А. Теве сравнивал Жанну с Гераклом (Алкидом)¹⁷⁵, а А. Дюбретон — со Сципионом Африканским, Ганнибалом и Юлием Цезарем¹⁷⁶.

Уподобление Жанны д'Арк мужчине логично дополнялось в сочинениях раннего Нового времени ее сравнением с правителем страны, чье успешное политическое и военное руководство способно обеспечить подданным процветание и превосходство над противником. Данная аналогия, появившаяся еще в конце XV в.¹⁷⁷, в сочинениях XVI—XVII вв. также преимущественно использовалась в контексте

¹⁶⁹В сочинении де ла Коломбьера из 25 биографий «знаменитых французов» только три принадлежали женщинам: помимо Жанны д'Арк здесь рассказывалось о Марии Медичи и Анне Австрийской, которые заслуживали, с точки зрения автора, права именоваться мужчинами потому, что были регентами при своих малолетних сыновьях (*Vulson, sieur de la Colombière*. Op. cit. P. 277, 355). Того же принципа придерживался и Б. Григетт: в его сборнике те же три женщины оказывались в составе 24 героев. Подробнее о восприятии правителя прежде всего как мужчины в средние века и Новое время см.: *Тогоева О.И.* Женщина у власти.

¹⁷⁰“Elle montoit sur un cheval et le chevauchoit armee de toutes pieces aussi vertueusement que eust sceu faire homme d'armes” (*Mirouer de femme vertueuses*, б.п.).

¹⁷¹“Les auts faicts de ceste pucelle comme surpassans so sexe” (*Trippault L.* Op. cit. P. 7).

¹⁷²*Nicolai Vernulaei Ioanne Darcia vulgo Puella Aurelianensis tragoedia // Nicolai Vernulaei... Tragoediae decem.* Louvain, 1631. P. 319, 338.

¹⁷³“Et ses faicts heroïques l'ont elevée non seulement iusques au rang des plus grandes Dames, mais aussi iusqu'à la gloire de plus grands Heros” (*Dubreton A.* Op. cit., б.п.).

¹⁷⁴*Belleforest F. de.* L'histoire des neuf roys. P. 304.

¹⁷⁵*Thevet A.* Op. cit. F. 281v.

¹⁷⁶*Dubreton A.* Op. cit., б.п. См. также: *Thevet A.* Op. cit. F. 280v.

¹⁷⁷Ги Пап, известный юрист родом из Дофине, президент парламента в Гренобле, писал в 70-х гг. XV в. о «правлении» Жанны д'Арк: “Quae Puella regnavit tribus vel quator annis” (Q, 4, 534, разрядка моя — О.Т.).

сопоставления французской героини с амазонками и их царицами¹⁷⁸. Уже у Дж. Сабадино, использовавшем сравнение Жанны с Камиллой, упоминалось, что последняя стала правительницей своего народа (вольсков) и пришла на помощь Турну в его войне с Энеем¹⁷⁹. Однако наиболее распространенным в раннее Новое время оставалось сопоставление Орлеанской Девы с другой предводительницей амазонок — Пентесилеей, пришедшей на помощь осажденной Трое. Это сравнение использовали, в частности, С. Шампье, Ф. де Бийон и Ж. Мейер¹⁸⁰.

Исключительное внимание, которое уделяли авторы XVI—XVII вв. уподоблению Жанны д'Арк амазонкам и их правительницам, с моей точки зрения, было связано прежде всего с новым образом французской героини, последовательно разрабатывавшемся в этих сочинениях, — образом *Virago* — сильной женщины-воина, наделенной такими неотъемлемыми чертами, как доблесть, мужество, лидерские способности, воинственность и непримиримость к врагам собственной страны. Всеми этими личными качествами обладали, с точки зрения французов раннего Нового времени, и древнегреческие амазонки, а потому сравнение с ними Орлеанской Девы получило в произведениях данного периода такое развитие.

Вместе с тем, как мне представляется, огромное значение для развития аналогии между Жанной д'Арк и девами-воительницами древности имела и актуализация в конце XV-начале XVI в. мифа о троянском происхождении французской нации. История о Франсионе, покинувшем с соратниками горящую Трои, нашедшем приют в Сикамбри и в Германии, оттуда вместе с Марком миром прибывшем на территорию Галлии и основавшем здесь новое государство, впервые была рассказана в *Historia Francorum* Фредегара (VII в.) и в анонимной *Gesta regum Francorum* (нач. VIII в.). В XII в. она была включена в официальные «Большие хроники» Французского королевства, а затем вошла в «Историческое зеркало» Винсента из Бове, получив таким образом широкое распространение и оставаясь актуальной вплоть до середины XVI в.¹⁸¹ Как следствие, история амазонок, во главе с их царицей Пентесилеей пришедших на помощь правителю Трои Приаму, была прекрас-

¹⁷⁸Об использовании истории амазонок в спорах XVI—XVII вв. о способностях женщин в делах управления см.: *Steinberg S. Le mythe des Amazones et son utilisation politique de la Renaissance à la Fronde // Royaume de Fémynie. Pouvoirs, contraintes, espaces de liberté des femmes, de la Renaissance à la Fronde / Ed. par K. Wilson-Chevalier, E. Viennot. P., 1999. P. 261—273; Viennot E. Les amazones dans le débat sur la participation des femmes au pouvoir à la Renaissance // Réalité et représentations des amazones. P. 113—129.*

¹⁷⁹*Sabadino de li Arienti J. Op. cit. P. 102.*

¹⁸⁰*Champier S. Op. cit., б.п.; Billon F. de. Op. cit. F. 46; Meyere J. de. Commentarii siue Annales rerum Flandricarum Libri septendecim. Antverpiae, 1561. P. 273.*

¹⁸¹Подробнее см.: *Beaune C. Naissance de la nation France. P. 19—25.*

но известна французам, начиная с раннего Средневековья. Защитницы осажденного города-государства являлись, таким образом, идеальным прообразом для Жанны д'Арк, первым выдающимся военным свершением которой стало снятие осады с Орлеана. Уже в самом раннем французском сборнике жизнеописаний выдающихся женщин прошлого XVI в. — «Корабле добропорядочных дам» С. Шампье — Орлеанская Дева уподоблялась Пентесилее именно на том основании, что — как и эта последняя — пришла на помощь осажденным. И хотя в середине XVI в. миф о троянском происхождении французов был поколеблен¹⁸², сравнение Жанны д'Арк с амазонками, защищавшими осажденную Трои, продолжало присутствовать в самых различных сочинениях. К нему обращались, к примеру, Н. Гине (в стихотворном прологе к «Истории Жанны д'Арк» Ж. Ордаля)¹⁸³ и анонимный автор панегирика мадам де Шеврез 1649 г., уподоблявший свою героиню Пентесилее и Жанне д'Арк¹⁸⁴.

Как мне представляется, сравнение Жанны д'Арк с античными амазонками, пришедшими на помощь жителям Трои, являлось совершенно новым сюжетом в оценке феномена французской героини в сочинениях XVI—XVII вв. Описание ее деяний в рамках героического дискурса, в большей степени присущего гуманистическому историописанию, совершенно естественно влекло за собой пересмотр системы образов, в рамках которой авторы XV в. привыкли интерпретировать ее личные качества и поступки. Это не означает, тем не менее, что их оценка, строившаяся прежде всего на библейских аналогиях, была полностью забыта: напротив, некоторые сюжеты, появлению которых способствовали авторы XV в., были существенно развиты в последующие столетия.

¹⁸²В появлении идеи происхождения французской нации и ее королей от галлов исследователи видят обычно демонстративный отказ французских авторов от веяний итальянского гуманизма, их стремление к созданию «национальной» истории, освобождение от увлечения Античностью, столь свойственного эпохе Возрождения. См. об этом прежде всего: *Dubois C.-G. Celtes et Gaulois au XVIe siècle. Le développement littéraire d'un mythe nationaliste.* P., 1972, особенно P. 125—129; *Idem. "Nos ancêtres les Gaulois". Le développement d'un mythe des origines nationales au XVIe siècle // Dubois C.-G. La mythologie des origines chez Guillaume Postel.* P. 93—101. Однако, не менее важным представляется и влияние Религиозных войн, потребовавших от авторов-католиков особого внимания к проблеме сильной королевской власти: *Grell C. Annius de Viterbe et le roman des origines en France et en Espagne // Le sentiment national dans l'Europe méridionale aux XVIe et XVIIe siècles / Sous la dir. de A. Tallon.* Madrid, 2007. P. 227—250.

¹⁸³*Hordal J.* Op. cit., б.п.

¹⁸⁴«Comme une autre Penthésilée, se faire iour parmy les escardons...ou comme une autre Jeanne Darq chaser les Etrangers de la France» (L'illustre conquérante ou la genereuse Constance de Madame de Chevreuse // *Recueil de plusieurs pieces curieuses, tant en vers, qu'en prose.* Imprimées depuis l'enlèvement fait de la personne du Roy, le 6 Janvier 1649 iusques à la Paix, qui fut publiée le 2 iour d'Avril de la mesme année. P., 1649. № 7. P. 6).

тия. Одним из наиболее интересных среди них мне представляется сравнение Жанны д'Арк с Афиной Палладой, связанное не только с оценкой французской героини как женщины-*Virago* и со специфическим прочтением троянской темы в исторических сочинениях XVI—XVII вв., но и с совершенно новым пониманием Орлеанской Девы как второй Девы Марии.

2.2. Новая Минерва

Впервые, насколько можно судить, сравнение Жанны д'Арк с греческой богиней было использовано в «Защитнике дам» Мартина Ле Франка. История Девы была помещена в IV книгу поэмы, посвященную восхвалению способностей и достижений самых различных представительниц женского рода. Герой Ле Франка — *Franc Vouloir* (Искреннее Намерение) — в который раз пытаясь защитить доброе имя женщин, перечислял здесь имена тех, кто особо отличился в делах управления и в воинском искусстве. Он начинал с персонажей античной истории и вспоминал «мудрую и могущественную королеву» Семирамиду, королеву Томирис, «чудесным образом» одержавшую победу над Крезом, Пентесилею, в трудный час пришедшую на помощь троянцам, Таллетриду, Артемис и Камиллу¹⁸⁵. К ним он добавлял Беренику, «великую правительницу Каппадокии», Изикратею, помогавшую своему мужу Митридаду, королю Понта, и Зенобию, царицу Пальмиры¹⁸⁶. Этот список достойнейших дам прошлого завершался именами библейских героинь: Деборы, не только вершившей справедливый суд, но и возглавившей войско, Иаиль, убившей Сисару, и, наконец, Юдифи, уничтожившей Олоферна¹⁸⁷. Именно после этого экскурса в древнюю историю Мартин Ле Франк помещал рассказ о Жанне д'Арк, уподобляя ее таким образом всем перечисленным выше героиням.

Замысел автора был вполне понятен его современникам, на что указывает, в частности, миниатюра из рукописи «Защитника дам», созданной около 1451 г. и хранящейся ныне в Национальной Библиотеке Франции¹⁸⁸. (Илл. 9) Данное изображение — наряду с рисунком Клемана де Фокамберга (Илл. 1) и миниатюрами из *Vigiles de Charles VII* Марциала Овернского (Илл. 10)¹⁸⁹ — относилось к наиболее ранним «портретам» Орлеан-

¹⁸⁵*Martin Le Franc*. Op. cit. P. 74—85. V. 16417- 16704.

¹⁸⁶*Ibid*. P. 85—87. V. 16705—16754.

¹⁸⁷*Ibid*. P. 88. V. 16761—16778.

¹⁸⁸B.N. Ms. fr. 12476, f. 101v.

¹⁸⁹Подробнее о рисунке Клемана де Фокамберга см.: Глава 1. § 3.4. Роскошный кодекс с текстом *Vigiles de Charles VII* Марциала Овернского был создан в 1484 г. и преподнесен автором лично Карлу VIII. Он включает 194 цветные миниатюры, воспроизводящие в основном сцены придворной жизни и сражений. Только

ской Девы, которая была представлена здесь рядом с Юдифью, выходящей из палатки с только что отрубленной головой ассирийского военачальника Олоферна. И хотя в самом пассаже, посвященном французской героине, не говорилось ни слова о сходстве именно этих двух женщин, общий контекст IV книги «Защитника» делал данное сравнение вполне естественным. Подобный выбор оказывался тем более логичным, что автор уделял особое внимание снятию осады с Орлеана¹⁹⁰, который именовался во многих французских источниках XV в. второй Ветулией¹⁹¹. Таким образом, ветхозаветная защитница израильского города и его народа как нельзя лучше подходила в данном случае в качестве аналогии для Жанны д'Арк.

Это соседство — главное и единственное, на что обращали внимание исследователи, охотно рассматривавшие комплекс библейских ассоциаций, которые могло вызвать у человека XV столетия сопоставление французской героини со спасительницей ветхозаветной Ветулии и шире — всего израильского народа¹⁹². Однако до сих пор, насколько мне известно, никто не придавал особого значения внешнему виду изображенной рядом с Юдифью Жанны-Девы — *Jehanne la pucelle*, как свидетельствовала сопроводительная подпись.

На миниатюре девушка была представлена с копьем в правой руке.левой рукой она придерживала щит, на который опиралась. Данный иконографический тип являлся редчайшим как для XV в., так и для более позднего времени. Типичным же по праву считался образ Жанны д'Арк с мечом и/или со знаменем. Уже на самых ранних изображениях наша героиня фигурировала именно с этими атрибутами: у Клемана де Фокамберга, у Марциала Овернского, на миниатюре к «Знаменитым женщинам» А. Дюфура (ИЛЛ. 11), на так называемом Портрете эшевеннов, выполненном около 1581 г. (ИЛЛ. 12), на уже знакомой нам гравюре Л. Готье (ИЛЛ. 8) или на гравюре к сборнику В. де ла Коломбьера середины XVII в. (ИЛЛ. 13). Этот же иконографический тип оставался основным и в последующие века¹⁹³, что объяснялось прежде всего тем,

10 миниатюр посвящены непосредственно Жанне д'Арк и охватывают главные, с точки зрения миниатюриста, этапы ее военной и политической карьеры: появление в Шиноне, три свидания с королем, изгнание проституток из военного лагеря, две сцены сражений, коронацию в Реймсе, пленение под Компьенем и казнь в Руане: BNF. Ms. fr. 5054, f. 55v, 60v, 61v, 62, 66v, 70, 71.

¹⁹⁰Martin Le Franc. Op. cit. P. 90. V. 16817—16824.

¹⁹¹Подробно эта тема рассмотрена в: Duparc P. La délivrance d'Orléans et la mission de Jeanne d'Arc // Jeanne d'Arc, une époque, un rayonnement. P. 153—158; Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 160—164.

¹⁹²Подробнее см.: Там же. С. 147—181 (с указанием литературы по теме).

¹⁹³Подробнее см.: Тогоева О.И. Жанна д'Арк, Афина Паллада и Дева Мария: Девственница на защите города // Именослов. История языка, история культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. М., 2010. С. 110—139.

что все эти изображения в большей или меньшей степени основывались на исторических фактах — на знании того, что меч и знамя (штандинг) были неотъемлемыми атрибутами французской героини, которые она всегда держала при себе и использовала во всех военных кампаниях.

Совсем другое дело — копье и щит, сведения о которых практически отсутствовали в текстах XV в.¹⁹⁴ Авторы этого времени обращали внимание, скорее, на то, насколько ловко, самым «удивительным образом» Жанна владела оружием¹⁹⁵, и, естественно, строили предположения, откуда у нее взялось подобное умение. Например, весьма критично настроенный автор «Книги о предательствах Франции» полагал, что она могла научиться военному искусству от солдат, останавливавшихся в доме ее отца-трактирщика¹⁹⁶.

К этим же, весьма вольно интерпретировавшим историю Жанны д'Арк свидетельствам следует, как мне представляется, отнести и отклик Мартина Ле Франка. Конечно, как участник Базельского собора (1431—1439), он был хорошо осведомлен о событиях, происходивших еще совсем недавно в соседней Франции, но, очевидно, этих познаний ему оказалось все же недостаточно, чтобы в подробностях описать вооружение своей героини. «Копья и доспехи» упоминались Ле Франком исключительно потому, что он — как и некоторые другие авторы — спешил выразить свое глубочайшее изумление способностями девушки в ратном деле¹⁹⁷, а также объяснить, почему ей потребовалось переодеться в мужское платье¹⁹⁸. Он строил собственные предположения относительно истоков знакомства Жанны с оружием, полагая, что в юности она служила в качестве пажа (*comme un page*) у «какого-то капитана» и у него научилась пользоваться копьем¹⁹⁹.

Столь же вольной оказывалась трактовка образа французской героини и на миниатюре, которая сопровождала данный текст в кодексе 1451 г. Впрочем, ее автор в качестве источника вдохновения, похоже, использовал не только «Защитника дам». Безусловно, его решение изобразить в руках Жанны копье опиралось на рассуждения М. Ле Франка. Однако указание на наличие щита в тексте отсутствовало — как, впрочем, и упоминание о

¹⁹⁴Щит Жанны в принципе не упоминался во французских источниках XV в. Что касается копья, то о нем имелись сведения в материалах процесса по реабилитации (PN, 1, 378, 381, 407, 481), появившихся позднее поэмы Ле Франка. Единственное раннее упоминание о копье содержалось в письме братьев де Лаваль, датированном июлем 1429 г. (Q, 5, 107).

¹⁹⁵Анонимный автор «Хроники Кордельеров», в частности, отмечал: «Elle faisoit merveille d'armes de son corps» (*Quicherat J. Supplement aux temoignages. P. 73*).

¹⁹⁶*Le Livre des trahisons de la France. P. 197.*

¹⁹⁷*Martin Le Franc. Op. cit. P. 91. V. 16825—16828.*

¹⁹⁸«Armes propres habits requierent, / Il n'est si sot qui ne le sache. / Aultres pour estre en ville afferent, / Aultres pour porter lance ou hache» (*Ibid. P. 97. V. 16985—16988*).

¹⁹⁹*Ibid. P. 92. V. 16873—16880.*

гербе семейства д'Арк, воспроизведение которого на миниатюре оказывалось идентичным сохранившимся описаниям: две золотые лилии на лазурном поле, а между ними — меч, увенчанный короной²⁰⁰. (ИЛЛ. 14)

Очевидно, что подобные сведения художник мог почерпнуть из каких-то иных источников²⁰¹, хотя в целом изображение щита с гербом являлось плодом его собственной фантазии, ибо, согласно показаниям самой Жанны, она никогда не использовала знаки отличия, дарованные Карлом VII ее семье²⁰².

Не менее странно копье и щит французской героини выглядели на рассматриваемой миниатюре и в соседстве с библейской Юдифью, чьим главным оружием (и единственным значимым атрибутом) во все времена оставался меч, которым она отрубала голову Олоферну. (ИЛЛ. 15) Данное обстоятельство не позволяет, на мой взгляд, говорить о полной идентичности образов двух персонажей и заставляет задуматься об иных возможных прототипах, использованных художником для «портрета» Жанны д'Арк.

Как мне представляется, ответ на данный вопрос вновь дает сам текст «Защитника дам». Завершив краткий обзор выдающихся воительниц и правительниц современными ему и вполне реальными графиней де Монфор и Жанной Баварской²⁰³, Ле Франк переходил к прославлению тех, кто отличился своими изобретениями и способностями в различных «искусствах» (*es arts humaines inventives*)²⁰⁴. Его главной героиней здесь оказывалась Афина (или Минерва, как обычно ее именовали в средние века), которой, учитывая ее познания и возможности во всех без исключения науках, следовало бы, по мнению автора, воздвигнуть храм²⁰⁵.

Самым главным, однако, искусством богини — искусством, которому она научила простых смертных, — Ле Франк считал создание оружия²⁰⁶, причем в первую очередь оборонительного: внутренних дво-

²⁰⁰Изображение герба приведено в гербовнике 1559 г. со пояснительной подписью, из которой следовало, что герб был пожалован Жанне 2 июня 1429 г. в знак признания доблести девушки (*les proeses de Jeanne la Pucelle*), проявленной в битве при Жарго, а также того факта, что одержанная ею победа является «даром Господа и Его вмешательством» (*victoire du don de Dieu et son conseil intervenues*): Evaluation des monnaies d'or et d'argent // BNF. Ms. fr. 5524, f. 142.

²⁰¹Например, из «Хроники» Ангеррана де Монстреле, который в свою очередь цитировал письмо, направленное после казни Жанны английским королем герцогу Бургундскому: *Chronique d'Enguerran de Monstrelet*. Т. 4. Р. 443.

²⁰²На допросах в 1431 г. она даже не смогла точно описать «свой» герб, забыв, что на нем была изображена корона: РС, 1, 114.

²⁰³*Martin Le Franc*. Op. cit. P. 104—105. V. 17169—17182.

²⁰⁴*Ibid.* P. 106. V. 17211—17216.

²⁰⁵“Pour quoy n'eust on dedié temple / A la Minerve qui tout sceut, / De laquelle chascun exemple / De toute art prendre et avoit peut?” (*Ibid.* P. 107. V. 17217—17220).

²⁰⁶“Mais entre vous nourris aux armes / Qui amez merveilleusement / Hauberjons, lances et guisarmes, / Loez Minerve grandement” (*Ibid.* V. 17241—17244).

ров, донжонов, барбаканов и укрепленных фортов²⁰⁷. Таким образом Минерва в поэме выступала прежде всего как защитница города, т.е. наделялась теми же функциями, которые приписывались ей еще в Античности. Греческая Афина Полиада, Алалкомена, Полиухос — «щитовая дева», «градохранительница», «градодержица», «отражающая врагов» — охраняла посвященные ей города²⁰⁸: не случайно и у М. Ле Франка она описывалась как покровительница Афин, живущих по установленным ею лично законам²⁰⁹. Защитой богини пользовались и другие греческие полисы: Аргос, Мегара, Спарта²¹⁰. Ее культ существовал и в Трое, где хранился так называемый палладий — статуя Афины Паллады, вооруженной щитом и поднятым копьем²¹¹. Именно это оружие считалось в древности неотъемлемым атрибутом дочери Зевса, его значение сохранилось неизменным и позднее. (ИЛЛ. 16)

История Афины/Минервы была хорошо знакома французской средневековой культуре²¹². В «Морализованном Овидии», одном из самых известных в этот период произведений, оказавшем огромное влияние на французских авторов²¹³, об Афине говорилось следующее: «Минерва... должна изображаться в виде вооруженной дамы, голова которой покрыта шлемом, а его гребень спускается назад. Она держит в правой руке копье, а в левой — щит, на котором нарисована голова ужасной горгоны с тремя змеями вокруг»²¹⁴. (ИЛЛ. 17—18) Копье и щит, таким образом, воспринимались здесь как одно целое и требовали единой интерпретации, при которой щит (с отпугивающей врагов головой Медузы Горгоны) маркировал границу территории (города), находящейся под защитой копья.

Программа изображения Афины/Минервы, действительно рекомендованная автором «Морализованного Овидия» и предусматривавшая

²⁰⁷Ibid. P. 108. V. 17253—17256.

²⁰⁸Лосев А.Ф. Афина // Мифы народов мира. Т. 1. С. 125—128; Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 236, 244, 319.

²⁰⁹“*Sous ses loys bonnes et notables / La cité d’Athènes vivoit*” (Martin Le Franc. Op. cit. P. 107. V. 17235—17236).

²¹⁰Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 127.

²¹¹Фуллerton М.Д. О чудотворящих образах в античной культуре // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 1996. С. 11—18.

²¹²Подробнее см.: Blumenfeld-Kosinski R. Reading Myth. P. 23, 129, 175, 204, 210.

²¹³Ibid. P. 90—136, 215—216.

²¹⁴“*Minerue... doit estre figuree à la semblance dune dame armee. Le chief de laquelle doit estre enuironne de une berge et son heaume creste le couuroit par dessus. Elle tenoit en sa dextre main une lance et en sa senestre j esencristasin ouquel estoit paint le chief de gorgone moult horrible enuironne de trois serpens*” (Ovide. Métamorphoses. Bruges, 1484, б.п. разрядка моя — О.Т.). То же строгое распределение оружия в правой и левой руках Афины соблюдалось и в Античности: Михайлин В.Ю. Указ. соч. С. 264—268.

обязательное наличие у нее копья и щита²¹⁵, действительно постоянно воспроизводилась на средневековых миниатюрах. (ИЛЛ. 19) Вторым же по частоте использования являлся, на мой взгляд, сюжет с Арахной, превращенной в паука за дерзкую попытку превзойти саму богиню в ткачестве. (ИЛЛ. 20) Именно это умение было названо в «Защитнике дам» следующим по важности искусством, которому Минерва научила людей — голых, замерзающих, страдающих от дождя, ветра и полной невозможности хоть как-то укрыться и согреться²¹⁶. (ИЛЛ. 21) Ткачество, таким образом, напрямую связывалось у Ле Франка с первой — военной — функцией Афины/Минервы, ибо также подразумевало защиту и покровительство, оказываемое ею роду людскому.

Странная на первый взгляд зависимость между ткачеством и защитой легко проясняется, стоит нам обратиться к греческой философии и, в частности, к «Политику» Платона: «Какой же можно найти самый малый удовлетворительный образец, который был бы причастен той самой — государственной — деятельности? Ради Зевса, Сократ, хочешь, за неимением лучшего, выберем ткацкое ремесло? Да и его — не целиком; быть может, будет достаточно ткани из шерсти: пожалуй, эта выделенная нами часть скорее всего засвидетельствует то, чего мы ждем»²¹⁷. И далее: «Все, что мы производим и приобретаем, служит нам либо для созидания чего-либо, либо для защиты от страданий»²¹⁸. Подробно проанализировавший данную любопытную аналогию между ткачеством и защитой (как одной из основных сфер государственной деятельности) в греческой культуре М. Ямпольский отмечал, что абсолютно все — ткани, покровы, ковры и накидки — относилось Платоном именно к защитным средствам²¹⁹. Аналогия эта становилась особенно заметной при анализе состава так называемых *daidala* — произведений легендарного Дедала, включавших наравне с тканями, вышивками и украшениями для колесниц, корабли, а также — что особенно важно — доспехи и щиты. Последние и являлись самым ярким выражением *daidala*: сделанные из шкур, натянутых на каркас, а лишь затем покрытые слоем бронзы, они прямо олицетворяли связь ткачества (плетения) и защиты²²⁰.

Именно функция защиты, являвшаяся неотъемлемой частью образа греческой Афины и сохранившая свое значение как в римской Антич-

²¹⁵Эта программа слово в слово была повторена, к примеру, в «Морализованном Овидии» 1498 г.: *Ovide. La Bible des poètes, Métamorphoses*. P., [1498], б.п.

²¹⁶*Martin Le Franc*. Op. cit. P. 108. V. 17257—17264.

²¹⁷Платон. Поликратик // Платон. Сочинения. М., 1972. Т. 3(2). С. 33.

²¹⁸Там же. С. 39 (разрядка моя — О.Т.).

²¹⁹Ямпольский М. Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007. С. 54—57.

²²⁰Там же. С. 57, 176—177.

ности, так и в средние века, дает, как мне представляется, все основания предположить, что именно с нее миниатюрист «Защитника дам» рисовал свою Жанну д'Арк²²¹. Тема спасительницы города получала у него, таким образом, универсальное звучание, поскольку в одном изображении обыгрывались сразу три темы — собственно античная, библейская и современная ему, французская. Близость Жанны и Афины/Минервы подчеркивалась прежде всего идентичными атрибутами — копьем и щитом — которые и в средневековой культуре вполне, как кажется, сохранили свое значение символов защиты. Достаточно вспомнить архангела Михаила, святого патрона и защитника Франции, часто изображавшегося именно с этим оружием — как во французских рукописях, так и в иностранных²²².

Кажущееся достаточно неожиданным на первый взгляд уподобление Жанны д'Арк античной Минерве в источниках XV в. встречалось действительно крайне редко. Помимо «Защитника дам» оно, насколько можно судить, также присутствовало лишь в анонимной поэме «О пришествии Девы и освобождении Орлеана», созданной после 1456 г.²²³ Возможно, на ее автора оказало влияние знакомство с сочинением Ле Франка. Однако еще более вероятно, что образ Афины не столько как всепобеждающей богини, сколько как сильной женщины был создан им под влиянием итальянского гуманизма, иными словами, заимствован у Боккаччо, включившим Минерву в свой пантеон знаменитых героинь прошлого²²⁴. И все же цепочка ассоциаций, связывавшая Жанну д'Арк, в представлении современников, с языческой богиней, имела, как мне кажется, еще одно — важнейшее — звено, ибо в средневековой христианской традиции вечной заступницей рода человеческого перед Всевышним всегда выступала Дева Мария, сравнение с которой французской героини являлось одним из основных для авторов XV в.²²⁵

Как защитница города и — шире — всего народа Богородица начала восприниматься в христианском мире очень рано. Уже в VII в. она стала

²²¹Впрочем, он, безусловно, опирался и на текст самой поэмы. Афина упоминалась у М. Ле Франка в самом конце пассажа, посвященного Жанне: “Hé, cueurs de France en gentillesse / Concheus, vostre esprit reprenez / Et de Pallas et de Lucesse / Lusage et l'estat apprenez” (*Martin Le Franc*. Op. cit. P. 102—103. V. 17125—17128).

²²²О значении фигуры Михаила во французском политическом дискурсе XV в. см. прежде всего: *Beaune C. Naissance de la nation France*. P. 188—206.

²²³“Rex igitur certus divino numine duci / Virginis officium, jussit revocare Puellam. / Advenu cujus stipatur milite multo / Curia: fit strepitus, gaudent sperare salutem / Pro se quisque viri. Sic, primum Pallade visa, / Virgine belligera, circum Tritona sonorum / Africa gens fremuit.” (Q, 5, 33).

²²⁴*Voccaccio G. Op. cit. Ch. VI. P. 48—52.*

²²⁵Об особенностях сравнения Жанны д'Арк с Девой Марией в текстах XV в. см. выше: Глава 3. § 3.2.

официальным покровителем Константинополя²²⁶. Здесь, во Влахернской церкви, хранилась привезенная из Палестины ее чудодейственная Риза, оберегавшая, как считалось, мир и покой горожан²²⁷. Этот образ опирался, в частности, на ветхозаветные прототипы, утвердившиеся в святоотеческой литературе в III—IV вв., для которой было характерно уподобление Марии «двери непроходимой», «вертограда огражденного», скинии, закрытых райских врат, и т.д.²²⁸ Для нас, однако, интерес представляют более ранние, античные истоки данного образа. С этой точки зрения, по мнению В. Лимберис, культурным субстратом, породившим образ Марии-защитницы города, являлись культы греческих богинь, хорошо известных в Византии — Реи, Гекаты, Деметры, Персефоны и — Афины²²⁹.

Изначально Константинополь — вернее, Византий — был посвящен вовсе не Богородице, а Рее как Тюхе города. Богиня судьбы олицетворяла в данном случае городские постановления, законы и политическую самостоятельность того или иного греческого полиса. Многие города желали видеть Тюхе своей покровительницей: Эфес, Смирна, Никея, Тарсос²³⁰. Однако первыми ей были посвящены Афины, где роль Тюхе исполняла сама Афина Паллада. Данное обстоятельство было хорошо известно византийским историкам: еще в V в. Зосима в своей «Новой истории» рассказывал, как гунны во главе с Аларихом не смогли в 396 г. захватить Афины, поскольку увидели на городской стене саму богиню в полном боевом доспехе²³¹. Неудивительно, что со временем Афина «подменила» собой Тюхе и в роли защитницы Константинополя. А в XII в. Никита Хониат уже сравнивал с «мнимой девственницей» Минервой «истинную» Деву Марию²³².

Не менее важной оказывалась связь между Афиной и Богородицей через ткачество. С точки зрения византийских богословов, прядение Марией пурпура возвещало творение тела ее будущего Младенца из

²²⁶Подробно эта тема рассмотрена в: *Limberis V. Divine Heiress: The Virgin Mary and the Creation of Christian Constantinople*. L.—N.Y., 1994 (там же — литература по теме).

²²⁷*Этингоф О.Е.* Образ Богородицы. Очерки византийской иконографии XI—XIII веков. М., 2000. С. 157—176; *Кондаков Н.П.* Иконография Богородицы. СПб., 1914—1915 (репринт: М., 1998). Т. 2. С. 56—60, 92—103.

²²⁸*Этингоф О.Е.* Указ. соч. С. 13—66.

²²⁹*Limberis V.* Op. cit. P. 122.

²³⁰*Ibid.* P. 123—125.

²³¹*Zosimus / Hrsg. von I. Bekker // Corpus Scriptorum Historiae Byzantiae*. Bonn, 1837. S. 252—253.

²³²«Когда наступило время проходить и самому императору, впереди его ехала серебряная, вызолоченная колесница, ... а на ней стояла икона Богородицы, непобедимой защитницы и неодолимой соратницы царя. И не трещала ось под этой колесницей, потому что она везла не мнимую девственницу богиню Минерву, но истинную Деву» (*Никита Хониат*. История со времени царствования Иоанна Комнина. Рязань, 2003. Т. 1. С. 171—172).

собственной крови²³³. Тема явления Христа как защитника, Спасителя всего человечества и роли в этом процессе Марии нашла и свое иконографическое воплощение. В VI—VII вв. в греко-восточной иконописи сложился так называемый тип Богородицы со щитом (медальоном), перешедший затем в византийское и западноевропейское искусство и сохранившийся вплоть до XVI в.²³⁴. Особенность его заключалась в том, что Богоматерь поддерживала здесь не сидящего у нее на руках Младенца (Спаса Эммануила), но некий белый или голубоватый ореол с его изображением — как будто металлический щит с рельефом, прообразом которого выступал, вероятно, «обетный щит» (*clipeum*) императора²³⁵. (ИЛЛ. 22) Н.П. Кондаков не приводил никаких соображений относительно богословских истоков данного иконографического типа, однако мне представляется, что мы имеем дело с развитием темы защиты рода человеческого — защиты, которая могла воспоследовать не только от самого Христа, но и от Его матери. Щит, который она сжимала в руках и который в греческой культуре являлся самым ярким выражением *daidala*, не только подчеркивал эту мысль, но и связывал во едино идею покровительства с идеей приверженности Марии ремеслу ткачества.

Близость этих двух функций в случае Богородицы подтверждалась и изображением так называемой *Virgo militans* (рубеж VIII—IX вв.), на котором она была представлена в доспехах римского воина, с крестом-скипетром (отсылавшим к иконографическому типу *Christus militans*, символу не только победы над смертью, но и защиты грешников в сцене Сошествия в ад²³⁶), но при этом сжимавшей в левой руке два веретена. (ИЛЛ. 23) Присланная, как известно, в подарок Карлу Великому от имени императрицы Ирины (797—802)²³⁷, данная костяная табличка свидетельствовала, что интересующая нас аналогия была известна и понятна не только в Византии, но и в Западной Европе. Образ воинствующей Богородицы редко, но фиксировался здесь в иконографических источниках. Наибольший интерес из них представляет для нас образ Девы Марии в центральной части так называемого Алтаря Альбрехта, заказанного королем Альбрехтом II Габсбургом для церкви кармелиток в Вене. Алтарь «У девяти ангельских хоров» изготовили около 1439 г.²³⁸ Богоматерь была представлена на нем в доспехах, рядом со столпом

²³³Limberis V. Op. cit. P. 88.

²³⁴Кондаков Н.П. Указ. соч. Т. 1. С. 304—319; Т. 2. С. 62—63, 109—123, 396.

²³⁵Там же. Т. 1. С. 308.

²³⁶См. о нем выше: Глава 3. § 3.4.

²³⁷Подробнее о ней: Lewis S. A Byzantine “Virgo Militans” at Charlemagne Court // Viator. 1980. № 11. P. 71—110.

²³⁸Schreiner K. Maria. Jungfrau, Mutter, Herrscherin. Wien, 1994. S. 380.

Давидовым, «сооруженным для оружий»²³⁹. По мнению М. Уорнер, Мария уподоблялась здесь невесте из «Песни песней» — «блистающей, как заря, прекрасной, как луна, светлой, как солнце, грозной, как полки со знаменами»²⁴⁰. Именно это изображение, как отмечала английская исследовательница, долгое время считалось еще одним «портретом» Жанны д'Арк²⁴¹. (ИЛЛ. 24) Однако еще большее распространение получила в средневековом искусстве сцена Благовещения, в которой Мария была представлена с пряжей, веретенем или прялкой. Иногда она изображалась даже с ткацким станком, как на парной миниатюре из французского «Часослова» XV в. (ИЛЛ. 25—26) Этот иконографический тип, на мой взгляд, имел византийское происхождение и опирался на цитировавшийся выше пассаж из «Протоэвангелия Иакова».

Воспринятой оказалась на Западе и тема Марии-покровительницы города. С XII в., когда культ Богородицы обрел здесь особую популярность, европейские правители начали искать ее заступничества для своих подданных²⁴². Уже у Алана Лилльского в проповеди на Благовещение Богородица называлась одним из городов, созданных Господом (два других представляли род людской и Церковь), и уподоблялась ему²⁴³. Не удивительно, что именно к ее защите в средние века и Новое время обращались многие народы: жители Сиены именовали город *civitas virginis*, Людовик Великий, король Венгрии (1326—1382), называл свои владения *Regnum Marianum*, Максимилиан Баварский в начале XVII в. назначил Марию *Patrona Bavariae*. Преданностью Богородице отличались и жители Франции. В 1214 г. Филипп Август после победы при Бувине благодарил за нее Марию, являющуюся «сильной и могущественной в воинских делах». В 1304 г. после победы при Монсе Филипп Красивый преподнес собору Богородицы в Шартре свои доспехи, а собору Богородицы в Париже впечатляющий подарок — деревянную скульптуру, изображавшую самого короля верхом на коне и в доспехах. Так же поступил в 1328 г. Филипп VI после победы при Касселе. С середины XIV в., с началом Столетней войны, Богородица — наравне со св.

²³⁹ «Сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем» (Песн. П. 4: 4).

²⁴⁰ Песн. П. 6: 10.

²⁴¹ Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. P. 235.

²⁴² Подробнее об этом см.: Schreiner K. Maria Patrona. La sainte Vierge comme figure des villes, territoires et nations à la fin du Moyen Age et au début des temps modernes // Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne du Moyen Age à l'époque moderne / Publ. par R. Babel, J.-M. Moeglin. Sigmaringen, 1997. P. 133—153 (там же — обширная литература по теме). На русском языке см.: Бульст Н. Почитание святых во время чумы. Социальные и религиозные последствия эпидемии чумы в позднее Средневековье // Одиссей. Человек в истории — 2000. М., 2000. С. 152—185.

²⁴³ Schreiner K. Maria Patrona. P. 138.

Дионисием — стала почитаться основным защитником Французского королевства²⁴⁴.

Особое место образ Богородицы занял в это время в творчестве Кристины Пизанской. В частности, в «Письме королеве» 1405 г. она призвала Изабеллу Баварскую стать «матерью и защитницей своих подданных» — такой же, какой была Мария для всего христианского мира²⁴⁵. В 1414 г. в «Молитве Богородице» поэтесса обращалась непосредственно к матери Христа с просьбой оказать помощь французскому королю и избавить страну от постигших ее бед²⁴⁶. Та же тема развивалась и в «Зерцале достойных женщин» 1547 г., автор которого в подробностях описывал страстную молитву французского дофина (будущего Карла VII), обращенную к Богородице. В ней Карл просил у Марии заступничества перед ее Сыном и Его помощи в сражении с врагом. Содержание этой молитвы затем якобы пересказала дофину Жанна д'Арк, явившаяся к нему в Шинон с обещанием спасти Францию: именно этот, открытый девушкой «секрет» убедил Карла в ее избранности и побудил его доверить ей войска²⁴⁷.

Как я уже упоминала выше, авторы XV в. охотно сравнивали Жанну со спасительницей человечества Девой Марией, видя в ней новую защитницу французского народа. Важно, что эта аналогия впервые начала использоваться летом 1429 г. — после снятия осады с Орлеана, которое расценивалось большинством авторов как первое чудо Жанны д'Арк, как наглядное подтверждение ее миссии²⁴⁸. Необыкновенная привязанность самой девушки к Богородице также неоднократно отмечалась современниками событий²⁴⁹. Для нас же в данном случае особый интерес представляют показания Жанны на обвинительном процессе 1431 г., где она, в частности, с гордостью заявила, что вряд ли найдется кто-то, кто сравнится бы с ней в умении прясть²⁵⁰. Безобидные на первый взгляд слова, возможно, отсылали к другой непревзойденной мастерице в данном ремесле — Деве Марии, для которой, как и для Афи-

²⁴⁴Guenée B. La folie de Charles VI. P. 159.

²⁴⁵“Tout ainsi comme le royne du ciel, mere de Dieu, est appellée mere de toute chreienté, doit estre dicte et appellée toute saige et bonne royne mere et confortarresse, et advocate de ses subgiez et de son pueple” (*Christine de Pizan. Epistre à la reine / Ed. par A.J. Kennedy // Revue des langues romanes. 1988. T. 92. № 2. P. 256*).

²⁴⁶“Pour le Roy de France te pri / Qu'en pitié tu oyes le cry / De ses bons et loyaux amis... Royne, qui des maulx nous lève / Lesquelx nous empétra dame Eve, / Si com saint Augustin raconte, / Tu est celle qui n'es pas tève / A nous expurgier de la cève / De péchié qui trop nous surmonte” (*Christine de Pizan. Prière à Notre-Dame // Thomassy R. Essai sur les écrits politiques de Christine de Pisan. P., 1838. P. 173—174*).

²⁴⁷Mirouer des Femmes vertueuses. P., 1547, б.п.

²⁴⁸См. выше: Глава 3. § 3.2.

²⁴⁹См. об этом: Delaruelle E. La spiritualité.

²⁵⁰“Nec timebat mulierem Rothomagensem de nendo et suendo” (PC, 1, 46).

ны/Минервы, функции ткачества и защиты оказывались семантически близкими. С этой точки зрения, любопытно отметить весьма специфическое прочтение данной темы в источниках, авторы которых были настроены враждебно по отношению к Жанне д'Арк. Так, в «Книге предательств Франции» рассказывалось, что некий английский капитан, прослышав об успехах Девы, приказал изготовить для своего войска совершенно особый штандарт: его белое поле было покрыто изображениями пустых коклюшек, а в середине красовалась прялка со льном, с которой свисало веретено. Девиз, помещенный на полотнище, гласил: «Иди [к нам], красавица!». Слова эти, по мнению автора, означали, что англичане «снова засадят Жанну за пряжу — что они и сделали, послав ее на костер в Руане и обратив в пепел»²⁵¹.

Впрочем, не одно лишь ткачество объединяло Жанну д'Арк с Девой Марией, а через нее — и с Афиной Палладой. В их восприятии людьми Античности и Средневековья присутствовала еще одна общая составляющая — их настойчиво декларируемая девственность. Важно при этом отметить, что данное отличительное свойство во всех трех случаях оказывалось также связанным с темой защиты города и страны.

Как известно, в Библии город наделялся женской сущностью, попеременно выступая в роли «матери», «вдовы» или «блудницы»²⁵². В качестве антитезы последнему существовал также город-«дева», чья символическая чистота пребывала под защитой крепостных стен — гарантии от насилия со стороны захватчика²⁵³. Впрочем, этот образ был хорошо известен большинству древних традиций, в том числе и античной: вечно девственная Афина выступала здесь прежде всего как покровительница городской стены²⁵⁴. Та же взаимосвязь между сохранением девственности и защитой города прослеживалась и в образе Девы Марии, ставшей для людей Средневековья олицетворением самой непорочности и спасения. Любопытно, что Юдифь (рядом с которой на миниатюре из «Защитника дам» 1451 г. и была изображена Жанна д'Арк), защищавшая свой родной город от войск Олоферна, часто уподоблялась

²⁵¹“Et ou large avoit une quenouille chargie de lin, ouquel il pendoit ung fuseau demi chargié de fille, et tout au long fusées et fuseaux tous wis semés et ung escript de finne lettre d'or qui disoit: “Or viengne la belle!” en luy signifiant qu'ils luy donneroient à filler comme ils firent, car sur le marchiet de Rouen ils le firent ardoire en pouldre et en cendres” (Le Livre des trahisons de la France. P. 198).

²⁵²Франк-Каменецкий И.Г. Женщина-город в библейской эсхатологии // Франк-Каменецкий И.Г. Колесница Иеговы. М., 2004. С. 224—236; Фрейденберг О.М. Въезд в Иерусалим на осле (Из евангельской мифологии) // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 623—665.

²⁵³Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Топоров В.Н. Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 126—127.

²⁵⁴Там же. С. 127, 130—131.

Церкви, убежищу всех истинных христиан²⁵⁵, и, тем самым, автоматически приравнивалась к Марии — другому воплощению Церкви²⁵⁶.

Связь, существовавшая, таким образом, между Афиной/Минервой, Жанной д'Арк и Девой Марией, общая для них забота об отданных под их покровительство городах могла бы показаться достаточно формальной, если бы не одно важное обстоятельство. Именно эта тема получила совершенно особое развитие в письменных текстах и иконографическом материале XVI—XVII вв., в той или иной степени посвященных французской героине.

Вслед за Боккаччо и М. Ле Франком, чей «Защитник дам» был опубликован в Лионе в 1485 г. и в Париже в 1530 г.²⁵⁷, Афина — наравне с Жанной д'Арк — прочно вошла в пантеон выдающихся женщин прошлого для многих французских авторов. Уже у С. Шампье, сославшегося здесь на Цицерона²⁵⁸, ей была посвящена отдельная глава. В ней рассказывалось о существовании в древности сразу пяти Минерв, которых почитали различные народы (греки, египтяне, жители Аркадии) и каждая из которых прославилась особыми достоинствами. В частности, Шампье выделял Минерву-дочь Юпитера, известную своей мудростью, и Минерву-девственницу, убившую ради сохранения целомудрия собственного отца²⁵⁹.

Не менее подробно на фигуре Афины/Минервы останавливался и Ф. де Бийон, обращавший внимание прежде всего на ее исключительные военные умения, переданные затем людям²⁶⁰. Собственно, вся первая глава его сочинения была посвящена тем женщинам, которые прославились победами на полях сражений и которые «были обучены Палладой» (*instruytes par Pallas*)²⁶¹. К ним он относил Клелию, Артемис, Юдифь, Пентесилею и Изабеллу-Волчицу, супругу английского короля Эдуарда II. В том же ряду де Бийон рассматривал и Жанну д'Арк, под-

²⁵⁵ Например, в комментариях Храбана Мавра IX в. или в *Glossa ordinaria* XIII в.: *Beati Rabani Mauri Expositio in Librum Judith* // PL. T. 109. Col. 565; *Glossa ordinaria* // PL. T. 113. Col. 736.

²⁵⁶ Подробнее см.: *Bührer-Thierry G.* Op. cit.; *Dubarle A.-M.* *Judith. Formes et sens des diverses traditions.* Rome, 1966.

²⁵⁷ О знакомстве с поэмой Ле Франка упоминали, в частности, Ж. Ордаль (*Hordal J.* Op. cit. P. 31) и В. де ла Коломбьер (*Vulson, sieur de la Colombière.* Op. cit. P. 94).

²⁵⁸ Цицерон. О природе богов // Цицерон. Философские трактаты / Пер. М. И. Рижского. Отв. ред., сост. и вступ. ст. Г. Г. Майорова. М., 1985. III, 23. § 59.

²⁵⁹ "La tierce qui sortist de la teste iupiter, et ceste fut appellee anciennement deesse de saigesse... La quinte fut fille de palante qui fut une vierge tres chaste que les anciens ont dit quelle tua son pere... ainsi elle prefera sa virginite a la mort de son pere" (*Champier S.* Op. cit., б.п.).

²⁶⁰ "Pucelle Minerve...premierement donna l'ordonnance militaire aux Roys et peuples du pais de Lybie; et comment il falloit mener la guerre" (*Billon F. de.* Op. cit. F. 24v).

²⁶¹ *Ibid.* F. 44v.

черкивая тем самым то общее, что существовало, с его точки зрения, между греческой богиней и героиней Франции²⁶². Связь эта подтверждалась и эпитетом, которым автор наделял своих героинь: обе они были для него Девами — *Pucelle Minerve* и *Pucelle Iane*, как он их называл.

Вместе с тем де Бийон отмечал и другое важное свойство Афины/Минервы — ее выдающиеся способности в прядении и ткачестве. Этому ремеслу, как полагал автор, она также обучила людей, придумав для них ткацкий станок, чем заслужила особые почести, которые не устанавливали возносить ей в древности работники сукновален²⁶³. Связь, существовавшая в понимании автора между этими двумя занятиями, прославившими греческую богиню, и функциями защиты, подчеркивалась, как мне представляется, при помощи гравюры, помещенной на фронтисписе его сочинения. На ней Афина/Минерва была изображена на крепостной стене, защищающей осажденный город вместе с еще двумя другими героинями де Бийона — царицей амазонок Пентесилеей и Девой Марией. (ИЛЛ. 27)

Превосходство Жанны д'Арк над всеми окружающими в ратном деле и ее статус вечной девственницы позволяли и другим авторам XVI—XVII вв. именовать ее «новой Минервой»: такого мнения придерживались, к примеру, Ф. Бероальд де Вервиль²⁶⁴ и А. Дюбретон²⁶⁵. Интерес представляет также памятная медаль, аверс и реверс которой воспроизводит в своем издании «Металлическая Франция» Ж. де Би: на них французская героиня была представлена в момент снятия осады с Орлеана, со шлемом Афины на голове²⁶⁶. (ИЛЛ. 28) Что же касается связи, намеченной на гравюре к «Крепости» Ф. де Бийона между Жанной д'Арк, Афиной Палладой и Девой Марией, она также получила развитие в XVII в. Наибольший интерес, с этой точки зрения, представляет фронтиспис к сочинению П. ван Опмеера 1611 г.²⁶⁷ (ИЛЛ. 29) Гравюра Л. Готье была разделена условно на две части. В верхней помещалось изображение памятника, установленного французской героине в Орлеане в 1502 г., частично разрушенного во время первой Религиозной войны в 1562 г. и полностью уничтоженного в 1792 г., в нижней присутствовали две аллегорические фигуры — Сила (*Fortitudo*) и Дев-

²⁶²Ibid. F. 45v-48.

²⁶³Ibid. F. 25.

²⁶⁴«C'est une belle Dame qu'ils voyent en habits de vaillante guerriere ainsi qu'une nouvelle Minerve» (*Béroalde de Verville* F. Op. cit. F. 10v).

²⁶⁵«C'estoit la Pucelle que tout le monde...regardoit comme son Ange liberateur, ou comme un autre simulachre de Pallas envoyé du Ciel» (*Dubreton* A. Op. cit. P. 276—277).

²⁶⁶*Bie J. de*. La France Metallique, contenant les actions celebres tant publiques que privées des Rois et Reines, depuis Pharamond jusqu'à Louis XIII. P., 1636. P. 53.

²⁶⁷*Opmeer P. van*. Opus chronographicum orbis universi. Antverpiae, 1611. T. 1. P. 311.

ственность (*Virginitas*), первая из которых соответствовала статуе Карла VII из верхнего изображения, а вторая олицетворяла саму Жанну д'Арк. При этом Девственность сжимала в левой руке щит, являвшийся символом Афины, однако в правой, вместо ожидаемого копья, она держала лилию — один из наиболее узнаваемых знаков Богородицы (и один из главных символов непорочности).

Не менее показательной представляется еще одна гравюра Л. Готье, выполненная специально для издания Ж. Ордаля 1612 г.: изображение Жанны верхом на боевом коне было заключено здесь в рамку, вокруг которой вновь располагались лилии, однако в сопроводительной надписи героиня Орлеана уподоблялась палладию, защищавшему стены Трои²⁶⁸. (Илл. 30) Данная гравюра получила широкую известность, она много раз воспроизводилась в различных сочинениях, посвященных Жанне д'Арк, и стала образцом для позднейших, уже живописных полотен²⁶⁹. То же сравнение использовал позднее и Р. де Серизье, а след за ним — Ж. Гийом, писавшие о том, что девушка стала спасительницей не только Орлеана, но и всей Франции²⁷⁰. Таким образом, они оба уподобляли Жанну именно Деве Марии, являвшейся с 1638 г. (времени правления Людовика XIII) официальной покровительницей королевства²⁷¹.

Сравнению Жанны д'Арк с Минервой была уготована долгая судьба. В XVIII в. его использовал Вольтер в своей «Орлеанской девственнице»²⁷². В 1802 г. портрет французской героини в шлеме Афины и с ее эгидой на груди был помещен на фронтисписе одноименной поэмы Ф. Шиллера. (Илл. 31) Наконец, в 1815 г. на анонимной гравюре «Клятва амазонок», созданной после битвы при Ватерлоо, когда французы потеряли около 30 тыс. убитыми и ранеными и была практически уничтожена Императорская гвардия, Жанна вновь оказалась представлена с оружием Афины/Минервы²⁷³. (Илл. 32)

Означало ли это, что парадигма, в рамках которой происходила оценка личных качеств и поступков французской героини в XV в., в

²⁶⁸“Pugnate audentes Galli, si tale tenebat Palladium titubans Troia, perennis erat” (Ibid., б.п.).

²⁶⁹Pessiot M. *Illustre ou infortunée. Figures de Jeanne d'Arc au début du XIXe siècle // Jeanne d'Arc. Les tableaux de l'Histoire, 1820—1920.* П., 2003. P. 17—33.

²⁷⁰“La veille de l'Ascension fut le jour de son entrée dans Orleans, où elle devoit estre le Palladium sacré, non seulement de cette florissante ville, mais encore de tout le Royaume” (*Ceriziers R. de.* Op. cit. P. 78); “Orleans où elle devoit estre le Palladium sacré, non seulement de cette ville, mais encore de toute la France” (*Guillaume J.* Op. cit. P. 157).

²⁷¹Bély L. *La France moderne, 1488—1789.* П., 2006. P. 328.

²⁷²Вольтер. Орлеанская девственница / Пер. с фр. под ред. М. Лозинского. СПб., 2005. С. 193.

²⁷³Об особенностях изображения Жанны д'Арк в начале XIX в. см. прежде всего: Pessiot M. Op. cit.; Heimann N.M. *Joan of Arc in French Art and Culture (1700—1855). From Satire to Sanctity.* Aldershot-Burlington, 2005. P. 73—98, 105—106.

XVI—XVII вв. претерпела радикальные изменения? Было ли это связано с изменением жанровой направленности тех произведений, в которых отныне преимущественно фигурировала Жанна д'Арк, с влиянием гуманистических идей на французские исторические сочинения, авторы которых предпочли агиографическому дискурсу парадигмы *discretio spirituum* героический дискурс жизнеописаний знаменитых людей?

На первый взгляд, именно с этими особенностями восприятия Жанны д'Арк мы сталкиваемся при анализе текстов раннего Нового времени. Орлеанская Дева для авторов XVI—XVII вв. являлась прежде всего героем: женщиной-воином, руководителем королевского войска, не терпящим поражений в бою и не испытывающим снисхождения к врагам. Это была новая амазонка, новая Минерва, стоящая на защите своей страны. Она сильно отличалась от миролюбивой скромной пастушки, не по собственной воле, но лишь по указанию Свыше явившейся для спасения королевства, чей образ подробно разрабатывали авторы XV в.

И тем не менее сравнение Жанны д'Арк с Девой Марией, продолжавшее активно использоваться в XVI—XVII вв., не позволяет, как мне кажется, сделать однозначный вывод о радикальной смене парадигмы, в рамках которой прочитывалась история французской героини²⁷⁴. Несмотря на то, что образ Богородицы также переживал в рассматриваемый период определенную героизацию (что, в частности, привело к ее прямому уподоблению Афине/Минерве), ее культ как первой святой королевства достиг во второй половине XVI-первой половине XVII в. апогея²⁷⁵. Как следствие, при сравнении с ней Жанны д'Арк авторы охотно использовали не только образ выдающейся защитницы своей страны (каковой в восприятии французов, безусловно, являлась и Мария), но и образ вечной девственницы (*Virgo*), ставший популярным еще в середи-

²⁷⁴В данном контексте важной представляется и общая героизация собственно житийной литературы XVI—XVII вв. Как отмечает А.Ю. Серегина, несмотря на то, что французских произведений этого жанра раннего Нового времени исследователям практически не известно, большинство английских сочинений такого рода являлись переводами итальянских житий, в свою очередь переведенных и изданных во Франции: Серегина А.Ю. Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI-первой половины XVII в. // Диалог со временем. Вып. 32. М., 2010. С. 22—44.

²⁷⁵Как отмечают исследователи, подобное внимание к фигуре Девы Марии в данный период было связано прежде всего с ее восприятием как защитницы истинной веры от всевозможных «ересей», особенно от протестантизма, с которым боролись католические круги Франции (в первую очередь, иезуиты). Именно в это время массовым стало издание многочисленных житий Богородицы, сборников ее чудес, а также посвященных ей молитв. См. об этом прежде всего: Flachaire C. La dévotion à la Vierge dans la littérature catholique au commencement du XVIIe siècle. P., 1916. См. также: Bély L. Op. cit. P. 334—335; Berriot-Salvadore E. Op. cit. P. 292—311.

не XV в. Именно этим эпитетом наделял свою героиню Валеран де Варан, писавший около 1516 г. о ней как об Орлеанской Деве, Деве Франции (*Virginum Aurelianensium, Johannaе virginis Franciaе*), пришедшей на помощь своему народу, как ранее сделала «божественная Дева» Мария, ответившая на мольбы Карла Великого об установлении мира, обращенные к ней (*ad divam Virginem*)²⁷⁶. Тот же образ присутствовал и в «Зерцале достойных женщин» 1546 г., где рассказывалось о том, что Жанна получала свои откровения от Богородицы²⁷⁷, и у Р. де Серизье, именовавшем свою героиню не иначе как «невинная Дева» (*innocente Vierge*) и «святая Дева» (*sainte Vierge*)²⁷⁸. Наконец, в 1665 г. Ж. Гийом писала о Жанне д'Арк не только как об «амазонке, которая спасла страну», но и как о «самой невинной Деве своего времени», как о «святой, которую Господь наградил столь многими дарами», о «чистой и святой Деве»²⁷⁹.

Уподобление Жанны д'Арк святой Богородице в текстах XVI—XVII вв. указывает, на мой взгляд, на неоднозначную трактовку ее образа и заставляет внимательнее присмотреться к более широкому контексту, в котором французская героиня фигурировала в исторических сочинениях этого времени и в котором для ее описания агиографический дискурс использовался, как мне представляется, в не меньшей степени, нежели героический.

2.3. «Святая амазонка»

Смещение двух типов дискурса — агиографического и героического — мы наблюдаем уже в «Корабле знаменитых женщин» С. Шампье 1503 г. Все исследователи, использовавшие его сочинение при анализе истории Жанны д'Арк и особенностей восприятия ее фигуры в XVI в., всегда обращали внимание лишь на небольшую главку, непосредственно посвященную деяниям французской героини. Здесь, как я уже отмечала выше, Дева уподоблялась царице амазонок Пентесилее, во главе своего войска явившейся на помощь осажденным троянцам и погибшей в сражении²⁸⁰. Таким образом, по мнению историков, Шампье рассматривал Жанну как «воина», как одну из многих других «сильных женщин», прославившихся своими боевыми подвигами и именно по этой при-

²⁷⁶Q, 5, 87.

²⁷⁷«Dieu luy avoit fait reveler par la Vierge Marie...aucunes choses biens singulieres pour le recouvrement de son royaume» (*Mirouer de femme vertueuses*, б.п.).

²⁷⁸*Ceriziers R. de. Op. cit. P. 22, 56, 73, 111, 136, 151.*

²⁷⁹«C'est la plus innocente Vierge que son siecle ait possédé...c'est cette sainte que Dieu a bien voulu prevenir de tant de faveurs» (*Guillaume J. Op. cit. P. 162*); «Si pure et si sainte Vierge» (*Ibid. P. 164*).

²⁸⁰См. прим. 180.

чине заслуживших память потомков²⁸¹. Тем не менее, стоило лишь обратить внимание на общее строение «Корабля знаменитых дам», чтобы понять, что трактовка истории Орлеанской Девы у его автора носила значительно более сложный характер.

Все сочинение Шампье было разделено на несколько частей, в которых «биографии» выдающихся женщин прошлого были объединены тематически. Сначала рассказ велся об античных (греческих и римских) героинях — Пентесилее, Томирис, Ниобе, Кассандре, Лукреции, Гипсикратее, пророчицах Сибиллах, Семирамиде, Пенелопе и других. Затем автор переходил к героиням Ветхого Завета: Еве, жене Ноя, Саре, Ребекке, Лее, Рахели, Деборе, Иаили, Есфири, Юдифи, Вирсавии. Третий большой раздел сочинения Шампье начинался с истории Девы Марии и был посвящен житиям святых — Юлианы, Августы, Кристины, Женевиэвы, Маргариты, Марины, Марии Магдалины, Петронеллы, Пелагии, и т.д. Именно после этого раздела автор помещал историю Жанны д'Арк, снабдив ее следующим подзаголовком: «Знаменитые женщины, о причислении которых к святым нам ничего не известно»²⁸². Таким образом, французская героиня, с точки зрения С. Шампье, являлась не просто амазонкой и второй Пентесилеей — она оказывалась святой, пусть даже и не признанной официально.

Подтверждением этому служили как жития Девы Марии и официально признанных церковью святых, так и следующие за историей Орлеанской Девы рассказы о Бланке Кастильской, «святой даме» (*sainte dame*) и матери Людовика Святого, а также о семи каппадокийских мученицах (*martyres*), принявших смерть на костре за истинную веру. Последняя в этом ряду история повествовала о Жанне, королеве Иерусалима и Сицилии, правившей «с большим умом и смелостью», т.е. являвшейся, по мнению автора, настоящей *Virago*²⁸³. В канонизации именно этих своих героинь не был уверен С. Шампье, что, однако, не мешало ему рассматривать их как истинных святых, пусть даже и сильных духом женщин.

Использование агиографического и героического дискурсов мы находим и в анонимном «Зерцале достойных женщин» 1546 г. Автор, на протяжении всего повествования рассуждавший о совершенно мужских способностях Жанны д'Арк на поле битвы, переходя к описанию

²⁸¹См., к примеру: *Allut P. Etude biographique et bibliographique sur Symphorien Champier*. P., 1859. P. 136; *Lanery d'Arc P. Livre d'or de Jeanne d'Arc*. № 69; *Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism*. P. 209; *Beaune C., Lequain E. Histoire et mythe familiaux chez les Boulogne-Auvergne // Ecritures de l'histoire (XIVe-XVIe siècles) / Ed. par D. Bohler, C. Magnien-Simonin. Genève, 2005. P. 404.*

²⁸²«Les femmes illustres dont l'on ne list riens de leur sanctification» (*Champier S. Op.cit.*, б.п.).

²⁸³«Et par si grand sens et couraige gouverna» (*Ibid.*).

обвинений, выдвинутых против его героини ее противниками, вдруг заявлял, что «ничего кроме святости и христианского образа жизни» судьи девушки в ней не нашли²⁸⁴, уподобляя, таким образом, процесс 1431 г. процедуре *discretio spirituum*, как это делали и авторы XV в.

Следует отметить, что подобное смешение двух дискурсов во французских сочинениях XVI—XVII вв., относившихся к жанру жизнеописаний знаменитых людей, поначалу не носило в достаточной степени отрефлексируемый характер. Соединение в одних и тех же сборниках историй вполне светских (и даже языческих) героинь с рассказами о святых в какой-то степени, безусловно, являлось результатом влияния не только сильной традиции житийной литературы во Франции, но и итальянской гуманистической традиции. Представители последней также создавали жизнеописания святых, хотя и предпочитали им светских исторических персонажей²⁸⁵. Однако с середины XVI в. французские авторы, как мне представляется, совершенно сознательно начали не столько уподоблять, сколько противопоставлять Жанну д'Арк, казалось бы, ими же самими избранным для нее прототипам.

Впервые, насколько можно судить, эта тема самым подробным образом оказалась рассмотрена у Г. Постеля. Уже во вступлении к «Удивительным победам женщин нового мира» он отмечал, насколько мало его интересуют «Семирамида и амазонки, а также все прочие греческие и римские героини»²⁸⁶. В пассаже, посвященном непосредственно Орлеанской Деве, автор уже открыто критиковал тех, кто хотел поместить рассказ о жизни и достоинствах «святой Жанны-Девы» (*la Sainte Jehanne la Pucelle*) рядом с «античными выдумками» (*les fables antiques*)²⁸⁷. С его точки зрения, своим спасением от английского ига Франция была обязана не столько силе своей героини, сколько ее «чудесам, силе и пророчествам»²⁸⁸.

Еще более определенно высказывались авторы первой половины XVII в. Так, противопоставление «Минервы» и «Святой Девы» использовал в своем сочинении Ж. Ордадь, называвший Жанну также «христианской *Virago*» (*Christiana virago*) и «нашей христианской амазонкой» (*Christiana nostrae Amazonis*)²⁸⁹. Для Марселина Форнье, автора «Истории Альп-Маритим», которому мы обязаны пересказом писем Жака Желю, отправленных им дофиню Карлу и его советникам весной

²⁸⁴ «Et combien qu'ilz n'y eussent trouvé que toute saincteté et vie chrestienne» (*Mirouer des femmes vertueuses*, б.п., разрядка моя — О.Т.).

²⁸⁵ Иванова Ю.В. Жизнеописания в гуманистической литературе. С. 146—147.

²⁸⁶ Postel G. Op. cit. P. 3.

²⁸⁷ Ibid. P. 20 (разрядка моя — О.Т.).

²⁸⁸ «Ne seroit-pas aujourd'huy toute la Gaule des Angloys si n'eust esté les miracles, la force et les profeties d'icelle?» (Ibid. P. 21).

²⁸⁹ Hordal J. Op. cit. P. 34, 249.

1429 г., Жанна и вовсе являлась «святой амазонкой» (*sainte amazone*)²⁹⁰. Развивая идеи, высказанные до него Г. Постелем, П. Ле Муан писал, что дух, вдохновивший девушку на подвиги, явился из значительно более дальних мест, нежели страна амазонок, «из более высокого и чистого места»²⁹¹. По ее поступкам, полагал автор, действительно можно решить, что она — новая амазонка, однако на самом деле она — не только воин, но и пророк²⁹². Точно так же и для В. де ла Коломбьера Жанна представлялась «пастушкой, имевшей божественные откровения»²⁹³ и «амазонкой, совершающей чудеса»²⁹⁴, а Ж. Гийом прямо заявляла, что в этой девушке соединились «самые высокие достоинства, как героические, так и христианские»²⁹⁵ и что с ее смертью «церковь оказалась лишена посредничества и молитв святой»²⁹⁶.

Использование в описании Жанны д'Арк одновременно двух типов дискурса, героического и агиографического, открытое противопоставление французской «святой» многочисленным *Viragos* прошлого в сочинениях второй половины XVI—первой половины XVII в. не следует рассматривать как нечто исключительное. Напротив, подобное изменение парадигмы, в рамках которой прочитывался образ Жанны, шло в полном соответствии с так называемым «теологическим поворотом» во французской историографии данного периода. Для него, как отмечал Клод-Жильбер Дюбуа, было особенно характерно обращение к агиографическому и мистическому дискурсам, которые использовались авторами-католиками в пику их коллегам-протестантам и их трактовке исторического процесса²⁹⁷. Начиная со второй половины XVI в. история вновь переживала этап сакрализации, когда в любом событии прошлого искали прежде всего тайный мистический смысл, когда особое внимание вновь стало уделяться мученикам за веру и их роли в жизни людей, когда новое звучание получили тексты Священного Писания, в которых авторы-католики искали образцы для понимания современности²⁹⁸. Таким

²⁹⁰Fornier M. Op. cit. P. 320.

²⁹¹«L'Esprit qui la possede...vient de bien plus loin, que du pays des Amazones: il est d'une Region beaucoup plus pure et plus élevée» (*Le Moyne P.* Op. cit. P. 305).

²⁹²«Il (Господь —, O.T.) luy donna un Esprit Prophetique et un coeur du Conquerant» (Ibid. P. 309).

²⁹³«C'est cette Ieanne d'Ark...qui n'ayant iamais servy qu'à garder des brebis, eust des revelations Divines» (*Vulson, sieur de la Colombière.* Op. cit. P. 84).

²⁹⁴«Amazone fit tant de merveilles» (Ibid. P. 88).

²⁹⁵«L'exemple parfait des plus hautes vertus, tant heroïques, que Chretiennes» (*Guillaume J.* Op. cit. P. 145, разрядка моя — O.T.).

²⁹⁶«L'Eglise seroit privée de l'intercession et des prieres d'une Sainte» (Ibid. P. 169).

²⁹⁷*Dubois C.-G.* La conception de l'histoire en France au XVIe siècle (1560—1710). P., 1977. P. 576.

²⁹⁸Ibid. P. 27—68.

образом, по выражению К.-Ж. Дюбуа, историописание во второй половине XVI-первой половине XVII в. оказалось «блокировано» теологией²⁹⁹.

Именно эти, более общие принципы развития французской историографии нашли свое отражение и в трактовке личности Жанны д'Арк в данный период, не позволив ее истории стать полностью светской, рассказанной с использованием одного лишь героического дискурса. Вне всякого сомнения, сравнения с Камиллой, амазонками и их царицами, уподобление Афине/Минерве в произведениях XVI—XVII вв. ясно указывали на определенные сдвиги в восприятии Орлеанской Девы, превращали ее в героя, рыцаря, воина. Однако вместе с тем представление о ней как о святой, появившееся после процесса по реабилитации 1455—1456 гг., продолжало последовательно развиваться и позднее, достигнув апогея к середине XVII в.

Насколько можно судить, этот феномен, связанный прежде всего с пониманием исторического процесса и его причинно-следственных связей, никогда не становился предметом специального рассмотрения. Он, тем не менее, заслуживает самого пристального внимания, поскольку позволяет, как мне кажется, понять, как в сознании французов Нового времени сформировалось представление о необходимости официальной канонизации Жанны д'Арк.

§ 3. Жанна д'Арк и Божественное Провидение

Французская политическая мысль эпохи позднего Средневековья основывалась на убеждении, что французская монархия своим существованием обязана Провидению, что Господь всегда отмечает французского короля — своего законного представителя, своего «наместника» — особой милостью. Начиная с XIV в. (особенно с правления Карла V) эта идея оставалась неизменной, и именно в рамках провиденциализма деяния Жанны д'Арк получали свое рациональное объяснение³⁰⁰. Наряду с сосудом со священным елеем, лилиями в королевском гербе и орифламмой явление Девы воспринималось как еще одно, важнейшее доказательство Божественной помощи, на которую всегда могли рассчитывать правители Франции.

Жанна, однако, являлась в глазах современников не только руководителем французского войска и спасителем страны от иностранных захватчиков. Она была признана истинным пророком и, как следствие, «практически святой» королевства. Именно в этом качестве, по мне-

²⁹⁹Ibid. P. 66.

³⁰⁰Krynen J. L'empire du roi. P. 351, 370—371.

нию участников процесса по реабилитации 1455—1456 гг., она должна была остаться в памяти потомков. Трактовка ее образа в рамках провиденциализма, таким образом, дополнялась и уточнялась обращением к профетизму, для которого не существовало разделения на «светское» и «религиозное»: все человеческие поступки полагались осуществлением воли Божьей на земле, протекали перед лицом Господа, а потому имели духовное значение.

Склонность к профетизму являлась одной из отличительных черт политической теологии Франции XV в., что подтверждается, в частности, тем вниманием, которое уделяли современники Жанны д'Арк ее пророческим способностям. Об этом же свидетельствовали многочисленные попытки «замещения» Девы другими провидцами, в которых все еще крайне нуждалось королевство.

3.1. Французские «пророки» второй половины XV в.

Первая попытка найти для Франции нового пророка была предпринята весной 1430 г., когда Жанна д'Арк была еще жива, но находилась в плену у бургундцев. Архиепископ Реймский Реньо де Шартр поспешил объяснить данное происшествие тем, что девушка «впала в грех гордыни, поступала всегда по своему разумению и не прислушивалась к советам Господа»³⁰¹. Он представил королевскому двору и французскому войску, чей боевой дух после пленения Жанны следовало во что бы то ни стало сохранить, собственного претендента на роль военного и духовного лидера страны — Гийома де Менда, по прозвищу Пастушок (*ung jeune pastour, gardeur de brebys*), молодого бедняка, родом из Жеводана, который также якобы получал откровения Свыше и обещал полный разгром англичан и бургундцев³⁰².

Важно, как мне представляется, отметить, что новый «пророк» был благосклонно принят военными товарищами Жанны д'Арк — Ла Гиrom и Потеном де Сентрайлем. В отряде этого последнего Гийом и находился вплоть до 12 августа 1431 г., когда оказался захвачен в плен близ Бове³⁰³. После четырех месяцев, проведенных в руанской тюрьме, самозванец был выдан англичанам и отправлен в Париж, где 16 декабря 1431 г. принял участие в торжествах по случаю коронации Генриха VI: связанный по рукам и ногам как вор, он помещался в процессии

³⁰¹“Dieu avait souffert prendre Jehanne la Pucelle pour ce qu'el s'estoit constitué en orgueil...et qu'el n'avoit faict ce que Dieu luy avoit commandé, ains avoit faict sa volonte” (Q, 5, 168—169).

³⁰²Q, 5, 168.

³⁰³Chartier J. Op. cit. P. 132—133; Chronique d'Enguerran de Monstrelet. T. 4. P. 433—434.

между фигурами, символизирующими Девять Героев (*Neuf Preux*), и самим королем³⁰⁴. В тот же день, вечером Гийом Пастушок был, вероятно, утоплен в Сене, что, с точки зрения бургундских хронистов, свидетельствовало о полной победе их партии над сторонниками Карла VII³⁰⁵. Что же касается реакции на смерть «пророка» собственно французов, то Жан Шартье, очевидным образом пытаясь обелить королевских советников, представил всю эту историю как произошедшую по инициативе самого «сумасшедшего» Гийома³⁰⁶.

Значительно подробнее в источниках оказалась представлена история другого «заместителя» Жанны д'Арк, первой и наиболее известной самозванки, выдававшей себя за французскую героиню, не сожженную якобы на костре в Руане в 1431 г., но счастливо избежавшую смерти и спустя несколько лет появившуюся вновь на исторической сцене, — Клод дез Армуаз³⁰⁷. Самые ранние сведения о ней происходили из трактата Иоганна Нидера «Муравейник». По его сведениям, родом Клод была из Кёльнского диоцеза, о чем Нидеру поведал его коллега, доминиканец Генрих Кальтайзен³⁰⁸. Одевалась она по-мужски и вела жизнь воина³⁰⁹. Еще проживая в Кёльне, Клод оказала поддержку одному из кандидатов на кафедру архиепископа Трира, что помогло ему одержать победу. Когда же ее вызвали в суд местного инквизитора, она, благодаря помощи графа Ульриха фон Вюртемберга, сбежала во Францию и там обнаружила свою «истинную натуру», начав открыто сожительствовать со священником из Меца, хотя к этому времени была уже замужем³¹⁰.

Последние события происходили, очевидно, в мае 1436 г., т.к. именно к этому времени относились и другие известия о появлении в Лотарингии «новой» Девы Жанны (*La Pucelle Jehanne*), причем в компании двух братьев настоящей французской героини³¹¹. Пьер и Жан д'Арк, утверждавшие ранее, что их сестра была сожжена, «узнали ее, как только

³⁰⁴«Item, devant lui avait les neuf preux et les neuf preuses dames, et après foison chevaliers et écuyers, et entre les autres était Guillaume qui se disoit le Berger...mais il ne pouvait avoir joie, car il était fort lié de bonnes cordes comme un larron» (*Journal d'un bourgeois de Paris*. P. 304—305).

³⁰⁵*Journal d'un bourgeois de Paris*. P. 301, n. 184.

³⁰⁶«Ung valleton qui se nommoit Le Bergier, qui disoit qu'il venoit de par Dieu, lequel on réputoit pour fol» (*Chartier J.* Op. cit. T. 1. P. 133).

³⁰⁷См. о ней отдельное исследование: *Тогоева О.И.* Феномен Клод дез Армуаз и проблема самоидентификации французов XV в. // *Человек XV столетия: грани идентичности* / Под. ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2007. С. 212—226.

³⁰⁸«Percepit circa Coloniā quamdam virginem esse quae in habitu virili omni tempore incessit» (*Nider Johannes*. *Formicarius*, б.п.).

³⁰⁹«Arma deferebat et vestimenta dissoluta, velut unus de nobilium stipendiariis, choreas cum viris ducebat, et potibus ac epulis adeo insistebat» (*Ibid.*).

³¹⁰*Ibid.*

³¹¹Об этом сообщал декан Сен-Тибо в Меце: Q, 5, 321.

увидели, и она их тоже узнала»³¹². Жители Меца, вероятно, также пове­рили Клод и преподнесли ей дорогие подарки, в том числе меч и коня. В этом городе, впрочем, новоявленная Жанна задержалась надолго, со­вершив оттуда ряд паломничеств в святые места: в Нотр-Дам-де-Льесс около Лана, в Арлон, расположенный в герцогстве Люксембургском, в Кёльн, а затем снова в Арлон, где в конце концов и обосновалась при дворе герцогини Елизаветы Люксембургской³¹³. В том же году она вы­шла замуж за Робера дез Армуаза, чья семья, вероятно, происходила из Лотарингии³¹⁴. Спустя небольшое время уже вместе с супругом Клод снова возвратилась в Мец, где проживала в собственном доме семей­ства дез Армуаз, в котором, по слухам, затем еще долго хранился ее портрет³¹⁵. Как свидетельствуют источники, в это время она вела ак­тивную переписку, пытаясь установить контакты с властями Орлеана, а также с Карлом VII³¹⁶.

Вновь на политической арене Клод дез Армуаз появилась в июле-сентябре 1439 г. В это время она (по-прежнему в компании братьев д'Арк) находилась в Орлеане, где, судя по сохранившимся счетам, ей была оказана самая радушная встреча³¹⁷. В частности, от имени горо­жан по решению городского совета ей был сделан некий подарок, сто­имостью в 210 парижских ливров, «за то добро, которое она совершила во время осады [Орлеана]»³¹⁸. Из документов, обнаруженных в англий­ских архивах, следует, что в это же время или годом раньше Клод всту­пила в королевское войско и принимала участие в походах в Пуату и, возможно, в Мэн, причем под командованием Жилия де Ре³¹⁹.

³¹²“Et cuidoient qu'elle fut ars; et tantost qu'ils la virent, ils la congneurent, et aussy fist eulx” (Q, 5, 321—322).

³¹³Q, 5, 322—323.

³¹⁴“Et là fait le mariage de messire Robert des Hermoises, chevalier, et de la dite Jehanne la Pucelle” (Q, 5, 323).

³¹⁵Ibid.

³¹⁶Власти Орлеана получали письма от «Жанны-Девы» в августе и сентябре 1436 г., как о том свидетельствуют городские счета (Q, 5, 326—327). Из того же источника мы узнаем, что по крайней мере один раз в октябре 1436 г. Клод писала королю: “Les lectres qu'il apporta de la dicte Jehanne la Pucelle à Loiches, par devers le roy qui là estoit” (Q, 5, 327).

³¹⁷Любопытно, однако, что в то же самое время орлеанцы продолжали служить заупокойные мессы по «погибшей Жанне Деве», что совершенно ясно указывает на то, что веру в «чудесное спасение» Жанны разделяли далеко не все жители города: *Vallet de Viriville A. Histoire de Charles VII. T. 2. P. 376.*

³¹⁸“A Jehanne d'Armoises, pour don à elle fait le premier jour d'aoust par déliberacion faicte avecques le conseil de la ville et pour le bien qu'elle a fait à la dicte ville durant le siège; pour ce, 210 l.p.” (Q, 5, 331).

³¹⁹*Vallet de Viriville A. Notices et extraits de chartes et de manuscrits appartenants au British Museum de Londres // BEC. 1846. T. 8. P. 110—147.*

Однако уже летом 1440 г. Клод была вызвана в Париж: Университет и Парламент желали удостовериться в личности «новой» Жанны д'Арк, допросив ее в суде³²⁰. Там она была вынуждена признаться во лжи и рассказать о своей прежней жизни³²¹, в частности, о пребывании (очевидно, в период между 1436 и 1439 г.) в Италии, где она якобы добивалась отпущения грехов у самого папы римского и где вступила в войско Евгения IV и приняла участие в нескольких военных операциях³²².

Что стало с Клод дез Армуаз после публичного разоблачения 1440 г., неизвестно. В этот же период, по сообщению Пьера Сала, некая интриганка, выдававшая себя за Жанну д'Арк, была разоблачена лично Карлом VII³²³. Возможно, речь шла именно о Клод³²⁴. Возможно также, что она была еще жива (или ее считали таковой) в 1443 г., на что косвенно намекал текст дарения, полученного Пьером д'Арк 28 июля того же года, в котором о Жанне говорилось как о живой и состоявшей, как и ее брат, на службе короля³²⁵. Однако, никакими иными сведениями о последующей судьбе Клод дез Армуаз мы не располагаем: сообщения о некоей «Деве из Сомюра», относящиеся к 1457 г., скудны и не дают возможности предположить, что речь могла идти об одной и той же женщине³²⁶.

Столь же мало сведений сохранилось и о другой возможной самозванке — так называемой Деве из Сермеза, которая упоминалась всего

³²⁰Парижский горожанин настаивал в своих записях на том, что к 1440 г. обман уже был раскрыт: “Et quand elle fut près de Paris, la grande erreur commença de croire fermement que c'était la Pucelle; et pour cette cause l'Université et le Parlement la firent venir à Paris bon gré mal gré” (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 397. § 790).

³²¹“Et là fut prêchée et traitée sa vie et tout son état; et dit qu'elle n'était pas pucelle, et qu'elle avait été mariée à un chevalier dont elle avait eu deux fils” (Ibid. P. 397—398. § 790).

³²²Грех, который якобы совершила Клод, заключался в избиении собственной матери: Ibid. P. 398. § 790.

³²³По сообщению хрониста, произошло это потому, что «Лже-Дева» (*faulce Pucelle*) не знала королевского «секрета», который в свое время раскрыла Карлу подлинная Жанна д'Арк: Q, 4, 281.

³²⁴Косвенным свидетельством этому является тот факт, что сам Карл VII интересовался персоной новоявленной Жанны д'Арк. Об этом говорит его переписка с бальи Тура, относящаяся к 1438—1439 гг.: Q, 5, 332.

³²⁵“Il se partist... en compaignie de Jehanne la Pucelle, sa soeur; avecque la quelle... et depuis jusques à present, il a exposé son corps et ses biens audit service et ou fait des guerres du roy” (Q, 5, 213—214, разрядка моя — О.Т.).

³²⁶По мнению Г. Лефевра-Понталиса, в данном случае речь шла о другой самозванке, о которой стало известно, благодаря судебным документам: Лже-Жанна, совершив ряд преступлений, в 1457 г. была, очевидно, приговорена к смертной казни, которую ей, по личному решению герцога Анжуйского Рене II, заменили на изгнание из Сомюра и его окрестностей: *Lefèvre-Pontalis G. La fausse Jeanne d'Arc. A propos du récit de M. Save // MA. 1895. Т. 8. № 5. P. 97—112; № 6. P. 121—136. А. Лекуа де ла Марш, напротив, настаивал, что «Дева из Сомюра» и Клод дез Армуаз — одно и то же лицо: *Lecoy de la Marche A. Une fausse Jeanne d'Arc. P., 1871. P. 18—19.**

в одном документе — генеалогическом расследовании, проведенном в 1476 г. потомками Жана де Вутона, дяди Жанны д'Арк. Три свидетеля упомянули тогда, что встречали примерно в 1449—1452 гг. некую «Деву, которая была весьма сведуща в обращении с оружием и о которой помнят во Французском королевстве». Однако они не были уверены, что «это — та, которая отвела короля на помазание [в Реймс]»³²⁷.

Чуть больше мы знаем о Жанне-Мари ла Ферон, так называемой Деве из Манса³²⁸. Она родилась в семье ремесленников в Шассе-ле-Юссон и с самого раннего детства была подвержена видениям, уверяя окружающих, что ее мучает демон³²⁹. В 1459 г. дама де Лаваль, во видениях которой проживала Жанна-Мари, отправила ее к Мартину Берруйе, епископу Манса, принимавшему несколькими годами ранее активное участие в процессе по реабилитации Жанны д'Арк. Прибегнув к *discretio spirituum*, Берруйе удостоверился, что речь в данном случае идет о Божественном происхождении откровений³³⁰. Однако уже в ноябре 1460 г. девушка вынуждена была вновь приехать в Манс: она заявляла, что демон не оставил ее в покое, и только процедура экзорцизма вернула ей на время здоровье³³¹.

Влияние Жанны-Мари на окружающих было, вероятно, чрезвычайно велико³³². Она не выдавала себя за Жанну д'Арк, но была очень на нее похожа: оставалась девственницей, практически ничего не ела и не пила, постоянно исповедовалась и пророчествовала. Она призывала жителей Манса избегать роскоши, не богохульствовать, не носить дорогую и вызывающую одежду³³³. Она также обращалась и к королю, предлагая ему уменьшить налоги с «простого народа», поскольку война с англичанами уже закончилась³³⁴. Возможно, именно политические требования Жанны-Мари привели ее весной 1461 г. в суд архиепископа Тура, где выяснилось, что декларируемая ею девственность является обманом, а сама она — не более чем игрушка в руках епископа Манса и его окружения³³⁵.

³²⁷Цит. по: *Beaune C. Jeanne d'Arc*. P. 371.

³²⁸Подробнее см.: *Lecoy de la Marche A. Op. cit.; Beaune C. Jeanne d'Arc*. P. 376—377.

³²⁹“Oudit temps, fut grandes nouvelles par tout le royaume de France et en autres lieux de une jeune fille de l'age de XVIII ans ou environ, qui estoit en la ville de Mans, laquelle fist plusieurs folies et grandes merveilles, et disoit que le dyable la tourmentoit” (*Roye J. de. La chronique scandaleuse / Ed. par B. Mandrot. P., 1894. T. 1. P. 13*).

³³⁰Об этом сам Мартин Берруйе сообщал в письме Марии, королеве Франции, текст которого приводил в своих «Мемуарах» Жак Дюклерк: *Duclercq J. Mémoires / Ed. par F. de Reiffenberg. Bruxelles, 1823. T. 3. P. 98—106*.

³³¹*Ibid.* P. 98.

³³²“Et sailloit en l'air, crioit, escumoit et faisoit moult d'autres merveilles, en abusant plusieurs personnes qui l'aloient veoir” (*Roye J. de. Op. cit. T. 1. P. 13*).

³³³*Duclercq J. Op. cit. P. 102—103*.

³³⁴*Ibid.* P. 104.

³³⁵*Roye J. de. Op. cit. P. 13—14*.

«Дева» была выставлена к позорному столбу, а затем провела семь лет в церковной тюрьме на хлебе и воде³³⁶, после чего, по свидетельству А. Дюфура, превратилась в содержательницу публичного дома³³⁷.

Как полагает К. Бон, Жанна-Мари ла Ферон была последней в ряду «пророков», в той или иной степени пытавшихся изменить ход политических событий во Франции. К 60-м гг. XV в. вера в профетизм, по мнению исследовательницы, пошла в королевстве на спад, и у Людовика XI имелся уже совершенно иной взгляд на историю³³⁸. Это мнение, однако, с моей точки зрения, не подтверждается фактами.

3.2. Роль пророка в истории

Как я уже отмечала выше, Людовик XI — в не меньшей степени, чем его отец — с большим вниманием относился как к уже умершим, так и к еще живущим святым и пророкам. Помимо Жана из Гента, чьей канонизации он добивался от Сикста IV, внимание короля привлек, в частности, Франциск Паолийский (1416—1507, канонизирован в 1519 г.), которого он почитал «святым человеком» и в честь которого, как вспоминал в своих «Мемуарах» Филипп де Коммин, сын и наследник Людовика, Карл VIII, основал монастырь в Плесси-дю-Парк³³⁹. Вера в пророчества, особенно в те из них, что носили ярко выраженный политический характер и служили делу укрепления королевской власти, была свойственна и последующим французским королям. Как отмечает Алан Таллон, Карл VIII (1483—1498) и Франциск I (1515—1547) с большим почтением относились к проповедям и откровениям Джироламо Савонаролы и считали его истинным святым³⁴⁰.

Не менее ярко дух профетизма проявился в «королевской религии» Франции и после первой Религиозной войны (1560—1563), в правление Карла IX (1560—1574), на которого современники событий возлагали большие надежды по установлению мира в стране: в 1564 г. в честь короля его младший брат, герцог Орлеанский (будущий Генрих III), сам весьма склонный к мистицизму и вере в предсказания³⁴¹, устроил в

³³⁶Duclercq J. Op. cit. P. 107.

³³⁷“Après sa chimérale, fictive et mensongère dévotion, de Dieu et des hommes délaissée, comme vraie archipaillearde, tint lieux publiques” (Dufour A. Op. cit. P. 165).

³³⁸Beaune C. Jeanne d'Arc. P. 377.

³³⁹Коммин Ф. де. Мемуары / Пер., ст. и прим. Ю.П. Малинина. М., 1986. С. 244—245.

³⁴⁰Tallon A. Conscience nationale et sentiment religieux en France au XVIe siècle. P., 2002. P. 85—86. Франциск I принимал также самое непосредственное участие в кампании по канонизации св. Франциска Паолийского, якобы предсказавшего его матери, Луизе Савойской, рождение сына и наследника престола: Ibid. P. 127

³⁴¹Именно на период его правления (1574—1589 гг.) во Франции пришлось, по выражению А. Таллона, «возрождение профетизма» (*renouveau prophétique*): Ibid. P. 127—130.

Фонтенбло праздник, где, в частности, обыгрывалось старое пророчество о французском монархе по имени Карл (втором Карле Великом), Божьем избраннике, который в скором времени должен будет отправиться в новый крестовый поход, станет императором всех христиан и освободит их от власти неверных³⁴².

В связи с «теологическим поворотом» во французской историографии со второй половины XVI в. именно провиденциализм стал одним из основных методов исторических исследований, авторы которых (как католики, так и протестанты) отводили одно из центральных мест роли предсказаний и откровений в истории королевства и разрабатывали диалектическую концепцию исторического прогресса, согласно которой человек, вершащий историю, обязан был помнить о Боге и Его возможном вмешательстве в дела людей³⁴³. Вот почему в этот период особое звучание вновь получила тема пророческого дара Жанны д'Арк: пусть в это время уже не появлялось новых провидцев, вера в прежние откровения была сильна, а их значение для французской истории не ставилось под сомнение.

Не случайно во многих произведениях XVI—XVII вв. Жанну по-прежнему сравнивали с библейскими персонажами, которые получали откровения Свыше, через которых Господь вершил историю и которые, таким образом, заслуживали звание истинных пророков. Наиболее часто среди них — как и в сочинениях XV в.³⁴⁴ — повторялось имя Деборы, предводительницы израильского войска, вдохновительницы и главной помощницы Сисары: ей французскую героиню уподобляли Ф. де Бийон, А. Теве, Ж. дю Тилле, Ж. Мейер и П. Ле Муан³⁴⁵. Ф. де Бельфоре упоминал в «Истории девяти Карлов» царя Давида, Иуду Маккавея и Моисея³⁴⁶. Не меньшей популярностью пользовалось и сравнение девушки с ее средневековыми предшественницами: Г. Постель называл в этой связи имена Анжелы да Фолиньи, Екатерины Сиенской, Коломбы де ла Риета и матери Иоанны³⁴⁷, заявляя, что женский ум в значительно большей степени подготовлен к Божественному откровению и к пониманию чудес, нежели

³⁴²Ibid. P. 89.

³⁴³Dubois C.-G. La conception de l'histoire en France au XVIe siècle. P. 405—410, 414—443.

³⁴⁴См. об этом: Глава 1. § 5; Глава 3. § 3.3.

³⁴⁵Billon F. de. Op. cit. F. 45; Thevet A. Op. cit. P. 278; Tillet J. de. Op. cit. P. 127; Meyere J. de. Op. cit. F. 277v; Le Moyne P. Op. cit. P. 309.

³⁴⁶Belleforest F. de. L'histoire des neuf roys. P. 307. P. де Серизье и П. Ле Муан также сравнивали Жанну с Давидом (Ceriziers R. de. Op. cit. P. 85; Le Moyne P. Op. cit. P. 305), а Г. Постель — с Моисеем (Postel G. Op. cit. P. 17).

³⁴⁷Postel G. Op. cit. P. 15—16. О матери Иоанне, итальянской провидице, и связях с ней Г. Постеля, посланного в 1546 г. Франциском I с официальной миссией в Венецию, см. подробнее: Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. P. 221—222; Tallon A. Op. cit. P. 171—172.

мужской³⁴⁸. Подобные аналогии лишней раз должны были утвердить читателей в мысли, что и в случае Жанны д'Арк они имели дело с истинным пророком, появление которого на исторической сцене было к тому же ранее предсказано другими, не менее надежными провидцами³⁴⁹.

На этом фоне новое, исключительно христианское звучание получала и история с Деревом Фей, где, согласно текстам XV в., часто бывала Жанна и где, по мнению судей в 1431 г., ей являлись демоны³⁵⁰. В сочинениях XVI—XVII вв. знаменитая Дубрава (*Bois Chenu*) рядом с Домреми превратилась в место, где происходили настоящие чудеса и где девушка получала откровения Свыше. Так, в частности, полагал Ришар де Вассбург, писавший в «Древностях Галлии»: «Однажды Дева Мария явилась ей (*la vierge Marie s'apparut à elle*) в то время, когда она находилась под деревом, и велела отправляться к королю Карлу, дабы оказать ему помощь и освободить от врагов. Об этом случае мне поведали многочисленные жители Домреми, где до сих пор можно видеть дерево, где было дано это откровение и где с тех пор никогда не идет дождь или снег»³⁵¹. Того же мнения придерживался и А. Дюбретон: с его точки зрения, под чудесным деревом никогда не бывало не только дождя или снега, но также града, в него никогда не попадала молния, оно не было подвержено старению и червоточине³⁵². Что касается Р. де Серизье, то для него также общим местом являлся тот факт, что именно под чудесным Деревом Фей Жанна получала свои откровения³⁵³, обвинения же в занятиях колдовством, которые были выдвинуты против нее в 1431 г., он почитал выдумкой д'Эстиве, который использовал для своих нужд легенду о Мелюзине³⁵⁴.

Новую жизнь получила, как кажется, и история Клод дез Армуаз, первым к которой в XVI в. обратился Пьер Сала. По его мнению, разо-

³⁴⁸«Ce neantmoins les Femmes en tout le monde communément...en ont la souveraine observation, et d'autant plus comme elle est plus vraie, à cause que l'intellect possible où le divin esprit imprime plus vivement en elles qu'il ne fait aux hommes, qui par orgueil, mespris ou sollicitudes de dominer desprisent tous miracles» (*Postel G. Op. cit. P. 15*).

³⁴⁹«Quoy que ce discours fust plein de merveilles, le Roy se trouva grandement disposé à le croire veritable, se souvenant qu'une autre fille nommée Marie d'Avignon, luy avoit predict, qu'il tireroit de grands secours d'une Vierge qui le devoit venir trouver» (*Ceriziers R. de. Op. cit. P. 69*). Мнение Рене де Серизье слово в слово воспроизводила впоследствии Ж. Гийом: *Guillaume J. Op. cit. P. 154*.

³⁵⁰См.: Глава 2. § 4.2; Глава 3. § 2.1.

³⁵¹*Wassebourg R. de. Antiquitez de la Gaule, Belgicque, royaume de France, Austrasie et Lorraine, avec l'origine des Duchez et comtez. P., 1547. F. 5—5v.*

³⁵²«C'est que l'arbre... n'est sujet ny à la vermoulure, ny à la vieillesse, ny à la foudre, ny à la gresle, ny aux autres iniures du temps et de l'air» (*Dubretton A. Op. cit. P. 114*).

³⁵³«Ieanne... avoit coustume de s'escarter dans le bois, pour s'y entretenir plus librement avec Dieu» (*Ceriziers R. de. Op. cit. P. 33—34*).

³⁵⁴«Cestoit une invention d'Estivet, et que ce bon homme se fust sèrvy de l'histoire de Mellusine, si elle eust aydé à son dessein» (*Ibid. P. 153*).

блечение самозванки было связано прежде всего с тем, что она не смогла сообщить Карлу VII, в чем заключался секрет, открытый ему Жанной д'Арк при их первой встрече в Шиноне весной 1429 г.³⁵⁵ Невозможность знать прошлое и будущее, т.е. отсутствие истинного профетического дара, и стала поводом уличить Клод в обмане. О ее истории, правда, не упоминая деталей, писал и С. Шампье, полагавший, что после казни настоящей героини кое-кто из французов был уверен в том, что она спаслась³⁵⁶. Ф. де Мезере, напротив, полагал, что «вся Франция» (*toute la France*) знала о гибели Жанны, это, однако, не помешало Клод «настаивать, что она и есть Дева» (*qui souûtenoit qu'elle estoit cette Pucelle*)³⁵⁷.

Интересно также отметить, что легенда об узнавании дофина, которую считал необходимым воспроизвести практически каждый из авторов XVI—XVII вв.³⁵⁸, часто дополнялась в их сочинениях легендой о королевском «секрете» (тайной молитве короля). Таким образом, происходило своеобразное «удвоение» знаков, которые якобы представила в Шиноне Жанна д'Арк в подтверждение Божественного характера своей миссии. Данный прием был ранее всего использован в «Анналах» Николя Жилия 1525 г., хотя автор и не указывал, какие именно «секреты» открыла девушка королю³⁵⁹. Однако уже в «Зерцале достойных женщин» 1546 г. легенда о королевском «секрете», о котором сам Карл VII якобы поведал позднее кому-то из приближенных, соседствовала с легендой об узнавании дофина³⁶⁰. В том же виде доказательства избранности Жанны д'Арк присутствовали в «Истории Франции» Ф. де Мезере, посвятившего отдельный пассаж содержанию тайной молитвы короля, у Р. де Серизье и в «Истории знаменитых дам» Ж. Гийом³⁶¹.

³⁵⁵См. прим. 323.

³⁵⁶“Et à la parfin fut en trayson prinse et baillée aux angloys qui...la bruslerent à rouen. Se disent neanmain que les francoys le nyent” (*Champier S. Op. cit.*, б.п.).

³⁵⁷*Mezeray F.E. de. Op. cit.* P. 619.

³⁵⁸См., к примеру: *Gaguin R. Les Grandes chroniques.* F. 158; *Gilles N. Op. cit.* F. 23v; *Mirouer des femmes vertueuses*, б.п.; *Belleforest F. de. Grandes annales.* F. 1080; *Nicolai Vernulaei Ioanne Darcia.* P. 317; *Dubreton A. Op. cit.* P. 110; *Vulson de la Colombière. Op. cit.* P. 85; *Guillaume J. Op. cit.* P. 153.

³⁵⁹“Si tost qu'elle entra en la chambre, elle ietta l'oeil sur luy, et l'alla saluer derriere les autres, tout ainsi que si elle l'eust veu toute sa vie...Si luy dist illec plusieurs choses dont le Roy fut moult esmerveillé, et ne scavoit que ce pouvoit estre” (*Gilles N. Les Annales et croniques de France.* P., 1553. F. 73v).

³⁶⁰Указание на существование двух знаков избранности Жанны уже в названии главы, посвященной встрече в Шиноне, само по себе свидетельствовало, что автор придавал этому обстоятельству особое значение: “Comment elle congneut le Roy entre ces princes; et des choses qu'elle luy dist” (*Mirouer des Femmes vertueuses*, б.п.).

³⁶¹*Mezeray F.E. de. Op. cit.* P. 613—614; *Ceriziers R. de. Op. cit.* P. 68—69; *Guillaume J. Op. cit.* P. 153—154.

Использование сразу двух легенд, подтверждавших Божественный характер миссии Жанны д'Арк, свидетельствовало о том, что доктрина *discretio spirituum* была не просто хорошо известна многим авторам XVI—XVII вв., писавшим о французской героине: они специально обращались к этому сюжету, дабы лишний раз подчеркнуть, что в данном случае речь шла об истинном пророке, чьими устами говорил сам Господь. Прекрасное понимание того, как действовала процедура *discretio* в отношении Жанны, мы встречаем, в частности, у Н. Жилия, упоминавшего не только о допросах в Шиноне, в результате которых в словах девушки не было найдено «никаких суеверий и отклонений от [истинной] веры»³⁶², но и о снятии осады с Орлеана как о главном доказательстве того, что она «явилась Свыше»³⁶³. Этот вывод затем слово в слово повторил и А. Теве³⁶⁴. Анонимный автор «Зерцала достойных женщин» желал и вовсе увеличить продолжительность *discretio spirituum* в отношении Жанны: он писал, что уже Робер де Бодрикур предпринял первые шаги по сбору информации о девушке и сделал собственный вывод о ее нравах и поведении, допросы же королевских советников в Шиноне стали вторым этапом процедуры³⁶⁵. Еще более определенно высказывался П. Массон, полагавший, что на все заданные ей теологами вопросы Жанна отвечала «самым святым образом» (*sanctissima respondit*)³⁶⁶. Того же мнения придерживался и Бероальд де Вервиль: с его точки зрения, главным результатом допросов, которым подверглась французская героиня при дворе Карла, стало осознание «святости ее поступков»³⁶⁷.

Таким образом, признание Жанны д'Арк истинным пророком и святой, а характера ее миссии — Божественным естественным образом вело к утверждению, согласно которому девушка выступала проводником откровений, которые она получала исключительно Свыше и посредством которых Господь лично творил историю Франции. Подобное соединение в одном контексте идей провиденциализма и веры в профетизм мы наблюдаем уже у Р. Гагена в самом начале XVI в. Перечисляя задачи, поставленные Господом перед Жанной д'Арк, о содержании которых она якобы поведала Карлу VII при первой встрече, французский историк замечал:

³⁶²“En toutes ses parolles ne congnoissoient riens, qui ne fust bon et digne de louange; et en aucunes de ses responcez sembloit qu'elle eust veu les escritures, sans aucune superstition, ne foule de la foy” (*Gilles N. Op. cit. F. 73v*).

³⁶³“Car il congnut lors evidement qu'elle estoit venue divinement, et que ses faits le demonstroient” (*Ibid. F. 74v-75*).

³⁶⁴*Thevet A. Op. cit. F. 279v-280*.

³⁶⁵“Il fut advise...que l'en envoyeroit en diligence a Vaucouleur querir le pere et la mere de ceste pucelle...et quant ilz furent en court ilz furent interroguez comment leur fille avoit vescu, de quel mestier et comment leur fille avoit eu cette advison et que ce estoit” (*Mirouer des Femmes vertueuses, б.п.*).

³⁶⁶*Masson P. Op. cit. P. 505—506*.

³⁶⁷“Lustre de Saincteté et de iustice à son affaire” (*Béroalde de Verville F. Op. cit. F. 59v*).

«Так повелел Господь»³⁶⁸. Более развернутое понимание роли Провидения в истории применительно к деяниям Жанны д'Арк давал Ф. де Бельфоре. «Неужели это новость, что Господь творит чудеса для тех, кого любит?» — вопрошал он³⁶⁹. История Жанны, писал он далее, как раз и должна убеждать всех, что Божественные решения удивительны, а Его доброта бесконечна, что Он из малого может создать силу, укрепляющую королей и несущую стабильность королевствам³⁷⁰. Что касается «рационалистического» видения исторического процесса, представители которого полагали свершения Жанны д'Арк результатом политических интриг ближайших советников Карла VII, то с его резкой критикой выступал, к примеру, Ж. дю Тилле, который возражал против «легкомысленности» некоторых авторов, желавших преуменьшить заслуги французской героини³⁷¹. Не менее жестко высказывался и Ж. Мейер: «Кто не видит, что это сделано Господом? Кто может сомневаться в том, что произошедшее случилось лишь благодаря бесконечной Божьей милости?»³⁷². Г. Постель полагал, что именно в пророчествах Жанны таилось спасение Франции³⁷³, та же идея в начале XVII в. развивалась Ж. Ордалем, рассуждавшем о схожести ее истории с историей Христа, появление которого также было предсказано и который сам являлся истинным пророком. Ордадь сравнивал французскую героиню и с первыми христианскими мучениками, имевшими откровения и погибшими, как и Спаситель, за веру³⁷⁴.

На подобном фоне логично смотрелись и сопоставления событий во Франции эпохи Столетней войны с более древними временами, с библейской историей, примеры из которой, приводимые французскими

³⁶⁸“Dieu ainsi avoit ordonne” (*Gaguin R. Les Grandes chroniques. F. 158*).

³⁶⁹“Est-il chose si nouvelle que Dieu opere choses merveilleses en ce qu'il aime” (*Belleforest F. de. L'histoire des neuf roys. P. 304*).

³⁷⁰“Afin que chacun cognoisse que les iugements de Dieu sont admirables et sa bonte infinie, qui d'un rien et chose qui n'a rien ou peu d'efficace, il faict sortir la force des Roys et la seure stabilation des royaums” (*Ibid.*).

³⁷¹*Tillet J. du. Les memoires et recherches. P. 127*. Данная критика была направлена прежде всего против авторов XVI в. — Гийома дю Белле, Бернара де Жирара Дю Гайяна и Юста Липса. Подробнее об их сочинениях см. ниже: Глава 4. § 5.

³⁷²“Quis non videt hoc Dei fuisse opus? Quis dubitare potest quin facta haec sint per immensam Dei clementiam?” (*Meyere J. de. Op. cit. F. 272*).

³⁷³“Ne seroit-pas aujourd'huy toute la Gaule des Angloys si n'eust esté les miracles, la force et les profeties d'icelle?” (*Postel G. Op. cit. P. 21*).

³⁷⁴“Praedixerunt adventum Messiae Prophetae, eam ob rem multi ipsorum nece prophetae fidem convellat? Morte crudelissima perempti Martyres, dum Christo obsequuntur, dum Christum imitantur, dum fidem ab ipso acceptam constantissime gentibus praedicant; quis Christianae fidei professionem, sanguinis innocentis effusione sancitam, nisi ethnicus et paganus ludibrio est habiturus?” (*Hordal J. Op. cit. P. 212*). То же сравнение с Христом, погибшим от рук «пилатов и каиф», использовал позднее и Р. де Серизье: *Ceriziers R. de. Op. cit. P. 137—138*.

авторами, должны были убедить их читателей в том, что Господь всегда присутствует в жизни людей, что Он определяет их судьбу, помогает им справиться с трудностями³⁷⁵. Тот же Ж. Ордадь подробно останавливался в начале своего сочинения на странствиях Моисея и народа Израиля в пустыне и на противостоянии Юдифи и Олоферна³⁷⁶. П. Ле Муану сражения Жанны с англичанами под руководством Господа напоминали борьбу Давида с Голиафом, Деборы с ассирийцами и Юдифи с Олоферном³⁷⁷. О последней истории вспоминала и Ж. Гийом, также уподоблявшая Жанну Матильде Тосканской, которую Господь избрал «защитой святого престола»³⁷⁸. Таким образом, именно через своих пророков (Жанну д'Арк и ее предшественников) Господь, по мнению всех наших авторов, управлял странами и народами, назначал правителей, устанавливал законы, наказывал за проступки и вел справедливые войны, как-то, без сомнения, являлось противостояние французов и англичан³⁷⁹.

На первый взгляд, подобное провиденциалистское понимание исторического процесса и, в частности, деяний Жанны д'Арк плохо согласовывалось с героическим дискурсом, который использовали те же самые авторы, описывая, казалось бы, те же самые события. Превознося французскую героиню как сильную и мужественную *Virago*, новую Пентесилею и Минерву, они вместе с тем отказывали ей в самостоятельной роли на политической сцене, видели в ней лишь орудие в руках Господа. Кажущемуся неразрешимым, данному противоречию в действительности достаточно легко находилось объяснение. Оно крылось в том, как именно французские авторы XVI—XVII вв. представляли себе взаимосвязь Провидения и личных устремлений своих героев, сопутствующей или не сопутствующей им удачи — фортуны.

Насколько можно судить, данное понятие появилось во французских исторических сочинениях уже в первой половине XV в.³⁸⁰ Так, Ангерран

³⁷⁵Подробнее об идее избранности французской нации и ее королей, постоянно присутствовавшей в исторических сочинениях данного периода, см., к примеру: Tallon A. Op. cit. P. 25—162 (там же — литература по теме).

³⁷⁶Ibid. P. 3—6.

³⁷⁷*Le Moine P.* Op. cit. P. 309.

³⁷⁸*Guillaume J.* Op. cit. P. 144—145. Речь шла о Матильде, маркграфине Тосканской (1046—1115), поддерживавшей в борьбе за инвеституру пап римских. Именно ей принадлежал замок Каносса, где в 1077 г. произошла встреча Григория VII и императора Генриха IV.

³⁷⁹*Aubignac F.H. de. La pucelle d'Orléans.* P., 1642. P. 80; *Dubreton A.* Op.cit. P. 3—4; *Ceriziers R. de.* Op. cit. P. 85, 102, 150.

³⁸⁰Изначально (в XIV в.) понятие «фортуна» использовалось преимущественно в художественной литературе: *Mühlethaler J.-C. Quand Fortune, ce sont les hommes. Aspects de la démythification de la déesse, d'Adam de la Halle à Alain Chartier // La Fortune. Thèmes, représentations, discours / Etudes rassemblées par J. Foehr-Janssens et E. Métry.* Genève, 2003. P. 177—206.

де Монстреле, рассуждая об успехах королевских войск после появления в их рядах Жанны д'Арк, писал, что «добрым именем Девы фортуна отвернулась от англичан»³⁸¹. Под «фортуной» при этом бургундский хронист подразумевал прежде всего вмешательство Свыше, ибо именно Господа благодарили французы за оказанную им таким образом помощь³⁸². На тех же позициях стоял, как представляется, и Тома Базен, полагавший, что с появлением Жанны «движение [колеса] фортуны изменилось для англичан, и французские дела улучшились»³⁸³. Вместе с тем для Базена аксиомой являлся тот факт, что девушка была послана Свыше для спасения Франции, а ее пленение и смерть на костре стали результатом желания Господа наказать французов или их королей за прежние грехи³⁸⁴. Еще более недвусмысленно высказывался Марциал Овернский, писавший, что фортуна управляется Господом³⁸⁵. Иными словами, авторы второй половины XV в. полагали, что фортуна (судьба и личная удача) людей не может рассматриваться как самостоятельная, независимая сила, но представляет собой лишь одно из проявлений Провидения, желаний Господа, который и вершит историю согласно одному Ему известному замыслу.

В XVI в., однако, под безусловным влиянием итальянской гуманистической мысли в понимании «фортуны» французскими авторами произошли определенные изменения³⁸⁶. Связаны они были прежде

³⁸¹“Par la renommée d'ycelle Pucelle, fortune estre ainsy du tout tournée contre eulx” (Chronique d'Enguerran de Monstrelet. T. 4. P. 326).

³⁸²“En regraciant dévotement et humblement leur Créateur, menèrent grande leescce l'un avecques l'autre pour leur victoire et bonne fortune” (Ibid. P. 330).

³⁸³“Exin fortune cursus immutatus; ex tunc Francorum res dejecte prostrateque erigi et in spem meliorem relevari, Anglorum vero, quas secundissimas hactenus habuerant, retro fluere dilabique ceperunt” (Basin T. Op. cit. T. 1. P. 138).

³⁸⁴Ibid. P. 164—166.

³⁸⁵“Notons ucy comment fortune / Gouvernee par le vueil de dieu” (Martial d'Auvergne. Op. cit. P. 58).

³⁸⁶О развитии понятия «фортуна» у итальянских гуманистов см. прежде всего: Doren A. Fortuna im Mittelalter und in der Renaissance // Vorträge der Bibliothek Warburg. 1922/1923. Bd. 2. Teil 1. S. 71—144; Heitmann K. Fortuna und Virtus: Eine Studie zu Petrarca's Lebensweisheit. Köln-Graz, 1958; Patch H. The Goddess Fortuna in Mediaeval Literature. N.Y., 1967; Lecoite J. Figures de la Fortune et théorie du récit à la Renaissance // La Fortune. Thèmes, représentations, discours. P. 207—216. На русском языке! Десятыйкина Н.И. Мировоззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988; Она же. Римский принцес Август и итальянская современность в культурном дискурсе Петрарки (по трактату «О средствах против превратностей судьбы») // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 15—30; Она же. Диалог Петрарки «О славе» в зеркале эпиграфа Пинитиана и автора гравюр к трактату «О средствах против превратностей судьбы» // Образы власти в гуманитарных исследованиях. Нижний Новгород, 2013. С. 193—197; Кудрявцев О.Ф., Ревякина Н.В. Образ человека в зеркале гуманизма. Мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV—XVI вв.). М. 1999; Кудрявцев О.Ф. Мудрость язычников на службе божественного прови-

всего с трудами Никколо Макиавелли³⁸⁷, чье политическое учение опиралось на комплекс таких категорий, как «необходимость» (*necessità*), «случай» (*occasione*), «судьба» (*fortuna*) и «добродетель» (*virtù*). При этом именно «необходимость», т.е. сила обстоятельств, неподвластная самому человеку, стояла в системе ценностей итальянского мыслителя на месте Божественного Провидения. Однако ключевым понятием для Макиавелли являлась «фортуна», от которой в конечном итоге зависели как случай, так и доблесть конкретного человека, ибо только судьба могла предоставить этому последнему благоприятный шанс проявить себя в политике и истории. В какой-то степени герой мог изменить свою судьбу, но отчасти им руководил слепой рок, проявляющийся в удаче или неудаче, к чему следовало быть всегда готовым³⁸⁸.

Конечно, французские авторы не стали столь преданными почитателями богини Фортуны, как их итальянские коллеги, но в XVI в. они, тем не менее, значительно больше внимания стали уделять роли человека в истории, собственным заслугам и личной удаче тех или иных героев в различных событиях³⁸⁹. Эта тенденция коснулась не всех, и, в частности, Г. Постель в своей «Апологии Галлии» решительно отказывался принять «макиавеллиевскую» концепцию истории, ставшую столь близкой некоторым из его коллег³⁹⁰. Для Постеля любое событие, произошедшее на земле, имело связь с небесными силами, с волей Господа, мистическое значение которой лишь и оставалось познать людям. Как истинное чудо он интерпретировал победу Жанны д'Арк над англичанами, которую, с его точки зрения, следовало понимать как Божественное откровение³⁹¹.

дения: призвание Марсила Фичино // Общественная мысль в контексте истории культуры. М., 2004. С. 66—146.

³⁸⁷ «Искусство войны» Никколо Макиавелли было переведено на французский в 1536 г., «Государь» — в 1563 г.: *Dubois C.-G. Rôle historique et fonction prophétique de Jeanne d'Arc*. P. 152.

³⁸⁸ Подробнее о концепции Макиавелли см.: *Santoro M. Fortuna, ragione e prudenza nella civiltà letteraria del Cinquecento*. Napoli, 1967. P. 135—231; *Риклин А. Никколо Макиавелли: искусство властвовать*. СПб., 2002. С. 35—56.

³⁸⁹ См. выше: Глава 4. § 1—2.

³⁹⁰ «Ministres et faulseurs se efforcent de persuader aux hommes et à l'impieté de nostre temps que il n'y a point de Dieu qui se soulcie de ça bas, mais que c'est la prudence des hommes ou l'imprudence pour dire mieulx qui tout gouverne. Ceste impieté est tirée du tres pernicious et malheureux Autheur Machiavel en son livre du Prince» (*Postel G. Apologie de la Gaule contre les malevoles escriptvains qui d'icelle ont mal ou negligemment escript*. P., 1552. P. 62). Постель, блестяще знавший итальянский язык, мог прочесть «Государя» Макиавелли еще до его публикации во Франции: *Dubois C.-G. Rôle historique et fonction prophétique de Jeanne d'Arc*. P. 152, n. 2.

³⁹¹ «Fault que tel jour soit faict eternellement en la Gaule celebre comme ceulx de la sainte unction et des armoiries celestes» (*Postel G. Les très-merveilleuses victoires des femmes*. P. 63).

Тем не менее, определенное влияние ренессансной концепции сильного героя с собственной, отчасти подвластной ему судьбой можно обнаружить во французских исторических текстах³⁹². Прежде всего это касается «Исследований Франции» Этьена Паскье, начавшего работу над главным трудом своей жизни в 60-х гг. XVI в.³⁹³ Появление подобного сочинения было связано прежде всего с кризисом, охватившим Францию после смерти Генриха II в 1559 г. Все основные общественные институты (церковь, королевская власть, университеты) оказались скомпрометированы и нуждались в переоценке: следовало заново исследовать историю их происхождения и посредством этого оправдать их существование³⁹⁴.

Не случайно периоду Столетней войны Паскье уделил особое внимание: вся шестая книга его «Исследований» была посвящена истории XV в. Карл VII предстал здесь как безвольный и не способный ни на какие активные действия правитель. Именно поэтому Господь, желая спасти Францию от полной гибели, посылал ему сначала опытных капитанов, а затем — Деву Жанну³⁹⁵. Истории последней Паскье отвел отдельную главу, подробно остановившись на всех этапах ее выдающейся карьеры, начиная с появления девушки при королевском дворе и заканчивая ее гибелью на костре. Однако основное внимание Паскье уделил победоносному шествию королевских войск в долине Луары после снятия осады с Орлеана и церемонии помазания Карла VII, состоявшейся в Реймсе. Всю эту «лавину побед» (*torrent des victoires*) автор воспринимал не иначе как «проявление доброй фортуны, которой руководила Дева, как если бы была рукой Господа»³⁹⁶. Однако затем, при описании неудавшегося штурма Парижа, он замечал: «Удача Девы начала ей изменять»³⁹⁷.

Казалось бы, Паскье разделял понятия Провидения и фортуны, оставляя за последней самостоятельную роль в истории. Как и в случае со штурмом Парижа, когда судьба оказалась к Деве неблагоприятной, в рассказе о прибытии Генриха VI во Францию он упоминал о том, что и на сей раз удача была на стороне англичан: в тот самый момент,

³⁹²Подробнее о ренессансной концепции человека как самовластного творца собственной судьбы см.: Кудрявцев О.Ф. Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М., 1996. Кн. 1.

³⁹³Первая книга вышла из печати уже в 1560 г., однако в полном объеме «Исследования» были изданы только в 1621 г.: Vivanti C. «Les Recherches de la France» d'Etienne Pasquier // *Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora. II: La Nation*. P., 1986. Т. 1. P. 243—244.

³⁹⁴Huppert G. Op. cit. P. 31—32; Vivanti C. Op. cit. P. 215—217.

³⁹⁵Pasquier E. *Les Recherches de la France* / Ed. sous la dir. de M.-M. Fragonard et F. Roudaut. P., 1996. Т. 3. P. 1147.

³⁹⁶«Ce grand flot de bonne fortune guidé par la Pucelle, comme par la main de Dieu» (Ibid. P. 1150).

³⁹⁷«En cet assaut de la ville de Paris commença la fortune de la Pucelle à s'arreter» (Ibid.).

когда юный король вступил на континент, Жанна попала в плен³⁹⁸. Тем не менее, при описании коронации того же Генриха Паскье вдруг замечал, не объясняя при этом причин подобного явления, что с этого времени английский король утратил свою фортуна³⁹⁹. В данном случае, таким образом, для знаменитого французского историка удача (фортуна) конкретного человека оказывалась все-таки одним из проявлений Провидения в истории, силой, действующей не по своим собственным, но по Божественным законам, которые человеческий разум понять не в силах: «Когда я говорю здесь о фортуна... я понимаю под ней тайны Господа, которые человеческий разум не в состоянии понять»⁴⁰⁰. Вмешательство Жанны д'Арк в дела Карла VII, каждый ее удачный шаг он объяснял исключительно решением Всевышнего⁴⁰¹. Однако, рассуждая об успехах французов под ее руководством и называя их чудесными, Паскье вместе с тем замечал: «В начале этой главы я написал, что улучшением ситуации Франция была обязана чудесному вмешательству Господа... Но чудо это было бы тем более значительным, если бы Генрих V, новый завоеватель большей части французских территорий, оставил после смерти все свои замыслы [настоящему] наследнику, а не ребенку, которому едва исполнилось 16 месяцев»⁴⁰².

У Э. Паскье, иными словами, оказывалось весьма сложное представление о роли Провидения и фортуны в истории: иногда они совпадали в значении, иногда представлялись совершенно различными силами. Как отмечал Жан-Клод Арнуль, именно такая сложная нарративная структура, включавшая как провиденциалистский, так и героический дискурсы, была характерна для всех французских исторических сочинений второй половины XVI-первой половины XVII в.⁴⁰³

Действительно, если у Ж. Мейера в 1561 г. французы в своем противостоянии с англичанами оказывались обязаны победой исключительно Господу, а не фортуна, «находившейся в Его руках»⁴⁰⁴, то у П. Массона в 1577 г. речь шла уже о «фортуна, которая изменила Жанне» под

³⁹⁸Ibid. P. 1151.

³⁹⁹«Sa fortune declina tousjours de là en avant, comme estant lors arrivée au plus haut de son periode» (Ibid. P. 1152).

⁴⁰⁰«Quand je nomme icy la fortune...j'entens les mysteres de Dieu, qui ne peuvent descouvrir par nostre prudence humaine» (Ibid. T. 1. P. 323).

⁴⁰¹Ibid. T. 3. P. 1149.

⁴⁰²«Mais le miracle eust esté plus grand, si Henry V... eust peu transmettre sa conqueste à sa posterité, laissant par sa mort pour successeur de ses Estats, un enfant aagé seulement de seize mois» (Ibid. P. 1155).

⁴⁰³Arnould J.-C. La crise du mythe johannique entre 1570 et 1580 (E. Pasquier, F. de Belleforest, A. Thevet et quelques autres) // Images de Jeanne d'Arc. P. 146.

⁴⁰⁴«Sed a coelo petere victoriam discerent, eamque nec sibi nec suae fortunae, sed soli numinis benignitati ascriberent» (Meyere J. de. Op. cit. F. 272v).

Компъенем⁴⁰⁵. Н. Вернуль полагал, что в истории действует не только Провидение, но и фортуна, которая находится в руках самих людей⁴⁰⁶. Так же считал и Р. де Серизье, писавший о личной фортуна дофина Карла, которой не могли помешать никакие препятствия, поскольку сам Господь «желал утвердить ее», используя для этого «великие откровения», данные посредством Жанны д'Арк⁴⁰⁷. Похожей концепции придерживался и А. Дюбретон, допускаявший — вслед за Э. Паскье — что в случае явных неудач речь должна идти именно о фортуна, а не о Провидении, отвернувшемся от людей⁴⁰⁸. Ему вторили В. де ла Коломбьер, писавший, что в ситуации, когда человек оказывается ни на что не способен, ему на помощь приходит Господь, и Ф. де Мезере, полагавший, что Францией всегда управляло Провидение, хотя неудачи, преследовавшие Карла VII в начале его правления, стали следствием изменчивости его личной удачи (фортуны)⁴⁰⁹.

Таким образом, в сочинениях, посвященных Жанне д'Арк и созданных в XVI—XVII вв., мы наблюдаем весьма интересное сочетание гуманистической идеи личной ответственности людей за происходящее с христианским пониманием исторического процесса как воплощения в жизнь замыслов самого Господа. Как бы ни сильна была Жанна, какой бы выдающейся *Virago* она ни стала еще в детстве, лишь Божьей волей она из пастушки превратилась в воина и пророка⁴¹⁰. Лишь благодаря откровениям, полученным Свыше, она узнала, что именно ей предстоит совершить в этом новом качестве в последующие три года⁴¹¹. И каждое из ее деяний было чудом, явленным Господом⁴¹².

Только как истинный пророк Жанна была достойна оказать помощь Карлу VII, стать его главным оружием в деле укрепления пошатнувшейся было королевской власти во Франции. Именно эта идея — идея

⁴⁰⁵“Quae cum feliciter successissent fortuna eam in medio cursu deferente, capta ad Compendium oppidum, atque igni cremata est” (*Masson P. Op. cit. P. 507*).

⁴⁰⁶“Fortuna, verum est, semper audaces iuvant. / Timidos repellit; qui timet vinci potest” (*Nicolai Vernulaei Ioanne Darcia. P. 365*).

⁴⁰⁷“Mais quel obstacle pouvoit retarder sa fortune, puis que le Ciel la vouloit establir avec de si grands prodiges” (*Ceriziers R. de. Op. cit. P. 91*).

⁴⁰⁸*Dubreton A. Op. cit. P. 4—5, 288—289, 310, 319—320*.

⁴⁰⁹*Vulson, sieur de la Colombiere. Op. cit. P. 83; Mezeray F.E. de. Op. cit. P. 613—614*.

⁴¹⁰“Il y avoit au courage de la Pucelle une certaine confiance, appuyee plustost sur quelque force surnaturelle, que sur quelques raisons humaines” (*Dubreton A. Op. cit. P. 310*). См. также: *Mezeray F.E. de. Op. cit. P. 614; Le Moyne P. Op. cit. P. 304*.

⁴¹¹“Elle ouyt une voix qui luy commanda d'aller trouver le Roy... Elle luy declara de plus tout ce qu'elle avoit à faire pendant trois ans de vie, qui luy restoient” (*Ceriziers R. de. Op. cit. P. 54*).

⁴¹²“Jusques au dernier periode de sa vie, ce furent miracles très exprès de Dieu” (*Pasquier E. A Monsieur Du Lys, Conseiller et Advocat general du Roy en la Cour des Aydes // Pasquier E. Lettres familières / Publiées et annotées par D. Thickett. Genève, 1974. P. 374*).

зарождавшегося со второй половины XVI в. абсолютизма — получила, как мне представляется, совершенно особое звучание в рассматриваемых текстах. Не случайно главной из задач, якобы поставленных перед собой французской героиней, некоторые авторы называли коронацию дофина Карла в Реймсе⁴¹³. Не случайно именно в этот период актуальной вновь стала тема святости Жанны д'Арк: ведь только святая могла прийти на помощь истинному правителю.

§ 4. Ведьма или одержимая: актуализация темы

Идея о том, что Карлу VII как истинному правителю Франции могла помогать лишь святая, возникла в текстах, посвященных Жанне д'Арк, уже в середине XV в.⁴¹⁴ Во второй половине XVI в. она зазвучала с новой силой — не только в исторических сочинениях, авторы которых подчас упоминали о святости девушки мимоходом, как о само собой разумеющемся явлении⁴¹⁵, но и в произведениях сугубо религиозной направленности.

Наиболее показательной, с этой точки зрения, следует признать «Хронику Анонциады», созданную в 50—60-е гг. XVI в.⁴¹⁶ и посвященную истории возникновения самого ордена Анонциады (Благовещения), а также жизни его основательницы — Жанны Французской, первой супруги Людовика XII⁴¹⁷. Собственно, хроника и предназначалась прежде всего для возможной канонизации последней, поскольку автор — сестра ордена Франсуаза Гуяр — была совершенно уверена в святости своей главной героини и выстраивала повествование в рамках агиографического дискурса⁴¹⁸. Тем не менее, в хронике отсутствовали характерные для такого типа источника как житие сравнения главы ордена с другими, признанными официальной церковью святыми. На-

⁴¹³*Ceriziers R. de*. Op. cit. P. 91; *Le Moyne P.* Op. cit. P. 304.

⁴¹⁴Подробнее об этом см.: Глава 1. § 6; Глава 3. § 4.

⁴¹⁵Так, к примеру, поступал Ф. де Бельфоре, описывая прибытие Жанны со спутниками в Шинон: «Les deux Gentils-hommes fait entendre au Roy la cause de leur venue, et tout ce qu'ils sçavoient de la Pucelle, la sagesse, honnesteté, saincteté, et bon propos d'icelle» (*Belleforest F. de*. *Grandes annales*. F. 1080, разрядка моя — О.Т.).

⁴¹⁶Хроника основывалась на устных воспоминаниях сестер ордена, последняя из которых умерла в 1563 г.: *Broomhall S.* *Women and Religion in 16th-century France*. N.Y.-L., 2006. P. 10.

⁴¹⁷Подробнее о самом ордене и «Хронике Анонциады» см.: *Drèze J.-F.* *Raison d'Etat, raison de Dieu: politique et mystique chez Jeanne de France*. P., 1991; *Broomhall S.* Op. cit.

⁴¹⁸В XVII в. епископский суд в Бурже на основе рассказа сестры Гуяр составил перечень чудес, сотворенных святой. Латинские копии хроники были использованы в 1742 г. при беатификации Жанны Французской: *Ibid.* P. 54, 155.

против, сестра Франсуаза предпочла поместить образ Жанны Валуа в более широкий контекст, причем скорее исторический, нежели религиозный: она подробно останавливалась на происхождении и времени замужества королевы, рассуждала о роли женщин в истории, рассматривая их как верных помощниц правителей-мужчин. Именно сюда и оказался помещен довольно большой пассаж, посвященный Жанне д'Арк, в святости которой Гуйар, насколько можно судить, не сомневалась и которую почитала как образец для подражания для своей героини. С этой точки зрения, в истории Орлеанской Девы ее более всего привлекал мистический характер ее благочестия: тот факт, что откровения девушка получала от самой Девы Марии⁴¹⁹; ее ответы в ходе *discretio spirituum*, проведенного в Шиноне, признанные достойными учнейших докторов теологии, а не «простой девушки»⁴²⁰; два «знака», указывавших на Божественный характер ее миссии (узнавание дофина и знание королевского «секрета»)⁴²¹. Не менее важным оказывалось и то смирение, с которым Жанна переносила выпавшие на ее долю испытания — длительные военные кампании⁴²², а также предательство и плен, что было открыто ей Свыше и что, как она знала, приведет ее к гибели⁴²³. Именно на основании этих отличительных черт, характерных для понимания святости в XVI—XVII вв.⁴²⁴, Франсуаза Гуйар и уподобляла Жанну Французскую, преданную и покинутую Людовиком XII и ведущую ожесточенные сражения с церковными властями за учрежде-

⁴¹⁹“La benoiste Vierge Marie s'estoit apparue a elle et luy avoit commendé de venir par devers le roy et l'advenir d'aucunes choses” (*Guyard F. La Chronique de l'Annonciade / Ed. par J.-F. Bonnefoy. P., 1937. P. 55*). Для Франции XVI в. *devotio moderna mariale* было особенно характерно для женской религиозности. Мария при этом рассматривалась как комплексная модель для подражания: как вечная девственница, мать и защитница. В подобной трактовке ее образа, безусловно, чувствовалось наследие XV в.: *Delaruelle E. La vie religieuse dans les pays de langue française à la fin du XVe siècle // Delaruelle E. La piété polulaire. P. 437—464*. Новым для XVI в. фактором стало особое внимание к мистицизму: *Broomhall S. Op. cit. P. 53—54, 71—73*.

⁴²⁰“La dite Jeanne fust mise entre les mains des docteurs et autres gens, et par eux interrogée tant sur la vie de Nostre Seigneur, que sur autres aucuns points de nostre foy, esquels elle respondit non comme une simple fille, mais comme le plus grand docteur qu'on eut sceu trouver” (*Guyard F. Op. cit. P. 56*).

⁴²¹“Elle le choisist entre tous les autres, et apres le avoir salué de par Dieu et la benoiste Vierge Marie, le requist humblement de parler a luy en secret” (*Ibid.*).

⁴²²“La dite Pucelle fist de grandes vaillences et eust en bataille de grandes victoires es villes d'Orleans, de Paris et autres lieux, lesquelles nous laissons a cause de briefveté a desclarer, sinon que c'estoit chose divine qui faisoit en elle ce que les hommes ne pouvoit faire” (*Ibid. P. 57*).

⁴²³“Et en sortant de l'église ou plusieurs gens s'estoient assemblés pour la voir, leur dit: “Messieurs et mes amis, je vous signifie que l'on m'a vendue et trahye, et que de brief, on me fera mourir” (*Ibid. P. 58*).

⁴²⁴*Broomhall S. Op. cit. P. 47—54*.

ние собственного ордена, Орлеанской Деве, отдавшей жизнь за своего короля и страну⁴²⁵.

Связь, существовавшая между военной помощью, оказанной Жанной д'Арк Карлу VII, и ее святостью, подчеркивалась в «Хронике Анонциады» посредством обращения к доктрине *discretio spirituum*, в рамках которой интерпретировался здесь процесс 1431 г. По мнению Ф. Гуйар, обвинения, выдвинутые против девушки в Руане, не могли быть доказаны по причине «доброй и святой жизни» (*sa vie bonne et sainte*), которую она вела⁴²⁶. Ту же трактовку событий мы находим и в исторических сочинениях XVI в. Так, например, Ж. дю Тилле писал в 1578 г., что обвинительный процесс, возбужденный против Жанны, в действительности имел своей целью опорочить не только и не столько ее саму, сколько Карла VII, который якобы воспользовался услугами не святой, но ведьмы⁴²⁷. Именно поэтому так важны были решения, вынесенные в 1455—1456 гг.: реабилитация французской героини и публичное признание ее святости⁴²⁸, по мнению Ф. де Бельфоре, «успокоили подданных короля», встревоженных «лживыми слухами, распускаемыми англичанами против Его Величества»⁴²⁹. Впрочем, полагал Л. Триппо, смешно было и думать о том, что Карл мог обратиться за помощью к какой-то «еретичке и ведьме», ведь он был истинным противником всякой магии⁴³⁰.

Важно отметить, что во всех без исключения отзывах на историю Жанны д'Арк, появившихся XVI в., при описании обвинений, выдвинутых против нее в 1431 г., в обязательном порядке упоминались занятия колдовством, причем чаще всего данное преступление являлось, по мнению авторов, основным (если не единственным). Как ведьму (*sorcière et magicienne*), с точки зрения Ф. де Бельфоре и Ж. дю Тилле, судили французскую героиню англичане и бургундцы⁴³¹, считавшие (как полагали Ж. Мейер и П. Массон), что ее магическое искусство (*auspiciis*) принесло им поражение под Орлеаном и в долине Луары и по-

⁴²⁵Подробнее см.: Ibid. P. 52—53.

⁴²⁶Guyard F. Op. cit. P. 59.

⁴²⁷Tillet J. de. Op. cit. P. 126.

⁴²⁸По мнению Бельфоре, указание на святость Жанны содержалось уже в прошении о пересмотре дела, поданном семьей д'Арк: "Vint à Paris, et presenta les Bulles de sa sainteté à Iean Iuvenee des Ursins" (*Belleforest F. de. Grandes annales. F. 1174, разрядка моя — О. Т.*).

⁴²⁹"Ce iugement contenta fort tous les bons suiets du Roy, marris du faux bruit semé par les Anglois contre sa Majesté comme si elle su fut aydée de charmes et arts non loisibles pour recouvir son Royaume" (Ibid. F. 1179v). Этот пассаж слово в слово повторял затем Л. Триппо: *Trippault L. Op. cit. P. 31*.

⁴³⁰"Et quant aux sortileges, il estoit ennemy capital des sorciers, et ne vouloit aucunement approcher d'eux" (Ibid. P. 33).

⁴³¹*Belleforest F. de. L'histoire des neuf roys. P. 310; Dutillet J. Recueil des roys de France // РНБ. Fr. F. v. IV. 9, f. 144v.*

зволю Карлу короноваться в Реймсе⁴³². Той же интерпретации событий придерживались и авторы XVII в.: обвинение в ереси, вошедшее в окончательный приговор по делу Жанны в 1431 г., если и упоминалось в их сочинениях, то исключительно вместе с колдовством⁴³³. Во многих же произведениях занятия магией и связь с демонами так и оставались единственным преступлением против веры, якобы совершенным французской героиней⁴³⁴. И именно они — в рамках доктрины *discretio spirituum* — противопоставлялись святости девушки⁴³⁵.

Подобное внимание к проблеме колдовства в сочинениях 1560—1650 гг. объяснялось прежде всего тем фактом, что именно на этот период во Франции пришелся расцвет охоты на ведьм⁴³⁶, начало которой в Европе было положено еще в начале XV в. появлением первых демонологических трактатов⁴³⁷. Массовые гонения на «секты» ведьм и колдунов, ранее других начавшиеся в альпийском регионе, в середине XVI в. захлестнули и Французское королевство, чему в определенной степени способствовало претворение в жизнь постановлений упоминавшегося выше Тридентского церковного собора. В число последних, в частности, был включен вопрос об откровениях: четко устанавливалось, кто и при каких обстоятельствах может их получать, какие из них следует считать Божественными, а какие нет. Лишь специально назначенный священник имел право в ходе судебного разбирательства (*discretio spirituum*) выносить решение о чудесной (или дьявольской) природе подобного явления, о том, истинный святой или ведьма претендует на общение с высшими силами⁴³⁸. Важным фактором также явилась централизация светской судебной власти к середине XVI в., что позволило постепенно выработать единую систему восприятия такого преступления как колдовство и его правовой оценки⁴³⁹.

⁴³²Masson P. Op. cit. P. 507; Meyere J. de. Op. cit. P. 277.

⁴³³Hordal J. Op. cit. P. 162; Mezeray F.E. de. Op. cit. P. 618; Le Moyne P. Op. cit. P. 309.

⁴³⁴Opmeer P. van. Op. cit. P. 411; Dubreton A. Op. cit. P. 316; Ceriziers R. de. Op. cit. P. 73—74; Vulson, sieur de la Colombière. Op. cit. P. 92.

⁴³⁵“Je vous ay desia insinué surquoy l'accusation de nostre Sainte estoit fondée... Estivet commença par la Magie, assurant que cette fille l'avoit pratiquée dès son enfance” (Ceriziers R. de. Op. cit. P. 114)

⁴³⁶Soman A. Les procès de sorcellerie au Parlement de Paris; Muchembled R. Op. cit. P. 45, 66—67.

⁴³⁷Подробнее см.: Глава 2. § 2.2.

⁴³⁸Постановления, касающиеся заклинаний, идолопоклонничества, почитания святых и их реликвий, были приняты на 25 сессии собора, проходившей 3—4 декабря 1563 г. Их полный текст см.: Concilium Tridentinum // Consiliorum oecumenicorum decreta / Curantibus J. Alberigo, J.A. Dossetti, P.-P. Joannou, C. Leonardi, P. Prodi. Bologna, 1973. P. 774—799. Подробнее о судьбе данных постановлений во Франции см.: Tallon A. La France et le concile de Trente (1518—1563). Rome, 1997. P. 687—724.

⁴³⁹Muchembled R. Op. cit. P. 37; Soman A. La justice criminelle vitrine de la monarchie française // ВЕС. 1995. Т. 153. P. 291—304.

С этой точки зрения, безусловно, особого внимания заслуживают идеи наиболее известного французского демонолога XVI в., Жана Бодена, изложенные им в «Демономании колдунов», впервые изданной в Париже в 1580 г. Занимая с 1576 г. пост королевского прокурора в бальяже Лана, Боден имел возможность детально изучить материалы многочисленных местных ведовских процессов и составить о них собственное мнение⁴⁴⁰. По подсчетам исследователей, только за 1580—1600 гг. «Демономания» была издана десять раз на французском, два раза — на латинском и один раз — на итальянском языках⁴⁴¹. Многочисленные уточнения, исправления и добавления, которые вносил сам автор в последующие переиздания, свидетельствуют, что для него данное сочинение имело особое значение: как отмечал Пьер Менар, в «Демономании» Боден попытался представить собственную систему познания мира, опирающуюся на естественную, Божественную и человеческую историю⁴⁴².

Следует отметить, что для Бодена вопрос о том, является ли колдовство иллюзией или нет, не стоял так остро, как для его предшественников XIV—XV вв. Будучи судьей, он искренне верил в реальность данного преступления, в реальность зла, причиняемого людям ведьмами и колдунами: не случайно его сочинение было переполнено описаниями конкретных процессов, на которых обвиняемые признавались «без допроса и пытки» в многочисленных убийствах, потраве скота, наведении порчи и насылании разнообразных болезней⁴⁴³.

Впрочем, Бодена интересовали не столько вопросы преследования колдовства судами церковной Инквизиции, сколько сама сущность данного явления, возможность познания тайн природы, с которыми люди сталкиваются в жизни постоянно. Выступая против представителей натурфилософии, Боден заявлял, что человек не в состоянии постигнуть ни «обычные секреты» окружающего мира, ни «чудесные явления»⁴⁴⁴. Естественные причины, которые, по мнению его оппонентов, лежали в основе всех природных явлений, Боден отвергал на том основании, что за любой подобной тайной стоит либо сам Господь (чьи

⁴⁴⁰Подробнее см.: *Houdard S.* Op. cit. P. 57—103; *Тогоева О.И.* Узнать врага в лицо.

⁴⁴¹*Isaac M.-T.* “De la démonomanie des sorciers”: histoire d’un livre à travers ses éditions // Actes du colloque Jean Bodin (24—27 mai 1984) / Textes réunis par G. Cesbron. Angers, 1985. P. 377—391.

⁴⁴²*Mesnard P.* “De la démonomanie” de Jean Bodin // *L’Opera et il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nelle storie dell’Umanesimo.* Firenze, 1965. T. 2. P. 334—335.

⁴⁴³См., к примеру: *Bodin J.* De la démonomanie des sorciers. P., 1587 (reprint: 1979). P. 197b.

⁴⁴⁴*Ibid.* P. 53a-53b. Подробнее о взглядах натурфилософов на проблему колдовства см.: *Levack B.P.* The Decline and End of Witchcraft Prosecutions // *Witchcraft and Magic in Europe: The Eighteenth and Nineteenth Centuries* / Ed. by B. Ankarloo and S. Clark. Philadelphia, 1999. P. 34—40.

помыслы человеку познать не дано), либо — если рассматриваемое событие относилось к разряду опасных или ужасных — дьявол. Он высмеивал тех, кто «сравнивает естественные явления со сверхъестественными, а действия животных — с деяниями ангелов и демонов»⁴⁴⁵. Он нападал на врачей, полагающих, что «знают абсолютно все о секретах природы и ничего не смыслят в секретах Бога»⁴⁴⁶.

Вся четвертая книга «Демонии» была посвящена критике концепции одного из главных, с точки зрения автора, представителей натурфилософии XVI в., Иоганна Вейера, придворного врача герцога Клевского, издавшего в 1563 г. в Базеле свой главный труд «Истории, споры и рассуждения об иллюзиях и обманах, насылаемых демонами»⁴⁴⁷. Его основной целью было доказать, что природа, «мать всего сущего», способна сама объяснить любые феномены, которые человек по своему незнанию приписывает вмешательству дьявола⁴⁴⁸. Для Бодена, однако, осознание существования тайн, сокрытых в природе, представлялось лишь возможностью указать человеку на его бессилие в познании окружающего мира, который был задуман и создан Богом⁴⁴⁹. К этим тайнам он, в частности, относил и контакты между людьми и сверхъестественными силами (ангелами и демонами)⁴⁵⁰, при помощи которых Господь поощряет праведников и наказывает грешников⁴⁵¹. При этом он отмечал, что встречи с ангелом может удостоиться лишь поистине святой человек⁴⁵², проводящий дни в молитве и размышлениях. Сам он никогда не ищет подобной встречи, она даруется ему Свыше, как и способность достичь мудрости и раскрыть секреты мироздания посредством Божественных откровений. Напротив, общения с демонами люди ищут целенаправленно, вызывают их заклинаниями и пытаются всячески удержать при себе, заключая с ними договор. Как следствие, ответственность за такие контакты полностью лежит на самом человеке, это его «свободный выбор» (*franc arbitre*)⁴⁵³, превраща-

⁴⁴⁵“Mesurer les choses naturelles aux choses surnaturelles et les actions des animaux aux actions des esprits et Démons” (*Bodin J. Op. cit. P. 112b*).

⁴⁴⁶“Qui pensent tout çavoir des secrets de nature et qui ne voient goutte aux secrets de Dieu” (*Ibid. P. 118b*).

⁴⁴⁷*Wier J. Histpaires, disputes et discours des illusions et impostures des diables. P., 1569.*

⁴⁴⁸Подробнее о концепции И. Вейера см.: *Houdard S. Op. cit. P. 61—63; Mandrou R. Magistrats et sorciers en France au XVIIe siècle. P., 1980. P. 126—133.*

⁴⁴⁹“Il ne faut pas s’opiniasrer contre la verité, quand on en voit les effects et qu’on ne sçait pas la cause” (*Bodin J. Op. cit., préface*).

⁴⁵⁰*Ibid. P. 8a.*

⁴⁵¹*Ibid. P. 60b.*

⁴⁵²*Ibid. P. 11b.*

⁴⁵³В этих своих рассуждениях Боден следовал за средневековой традицией, берущей начало в трудах Фомы Аквинского. См.: Глава 2. § 2.1.

ющий его, таким образом, в колдуна, который стремится при помощи сил ада обрести богатство и сокровенное знание⁴⁵⁴ — «узнать от дьявола правду о секретных вещах»⁴⁵⁵. Это знание, однако, не может считаться истинным, поскольку дается не Господом, но дьяволом, способным лишь обманывать своих адептов, чьи заклинания имеют не больше силы, чем фрукты, изображенные на картине, или статуи, или другие «созданные искусственно вещи» (*autres choses artificielles*)⁴⁵⁶. Иными словами, полагая вред, наносимый ведьмами и колдунами, реальностью, Боден в то же самое время считал полнейшей иллюзией их «магические» знания и умения.

Сложная концепция колдовства, разработанная Боденом, его критика натурфилософского взгляда на мир и приверженность идее постоянного присутствия демонов в жизни людей оказали влияние не только на развитие французской демонологии второй половины XVI — первой половины XVII в.⁴⁵⁷ Следы этих представлений, как мне кажется, можно найти и в произведениях, посвященных Жанне д'Арк и созданных в тот же период. Не случайно Р. де Серизье еще в 1639 г. специально настаивал на том обстоятельстве, что судьи Жанны д'Арк в 1431 г. желали обвинить ее не только в «обычной магии» (*la magie ordinaire*), познаниями в которой девушка якобы обладала с самого детства, но и в общении с демонами, что делало из нее «ужасную ведьму» (*une plus meschante sorciere*)⁴⁵⁸. Однако наиболее полно демонологические споры XVI в. нашли отражение в пьесе «Трагическая история Орлеанской Девы», написанной отцом Фронтеном дю Дюком, представленной на сцене 7 сентября 1580 г. в присутствии членов семьи герцога Лотарингского и опубликованной в 1581 г.⁴⁵⁹

⁴⁵⁴“Sorcier est celui qui par moyens diaboliques sciemment s'efforce de parvenir à quelque chose” (*Bodin J. Op. cit. P. 1a*). Боден, таким образом, вполне разделял идею, высказанную демонологами XV в., о различиях, существовавших между «ученым» колдовством, являвшимся уделом исключительно мужчин, и повседневной «магией», которой занимались женщины. Подробнее см.: *Тогоева О.И. «Оставившие Создателя и обратившиеся к Сатане». Ведовские секты позднего Средневековья // Одиссей. Человек в истории — 2013. М., 2014. С. 115—132.*

⁴⁵⁵“Senquerir au diable de la verité des choses secrettes” (*Bodin J. Op. cit. P. 164b*).

⁴⁵⁶*Ibid.* P. 74a.

⁴⁵⁷Подробнее см.: *Boudet J.-P. La postérité des condamnations de la magie à Paris en 1398 // Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIV-XVIIe siècles) / Textes réunis par M. Ostorero, G. Modestin et K. Utz Tremp. Firenze, 2010. P. 331—347.*

⁴⁵⁸*Ceriziers R. de. Op. cit. P. 112, 115.*

⁴⁵⁹*Duc F. du. Histoire tragique de la Pucelle d'Orléans. Pont-à-Mousson, 1581. Подробнее о политических обстоятельствах, сопутствовавших постановке, и о самом спектакле см.: Baudeuf S. Histoire tragique de la Pucelle de Domremy de Fronton du Duc, une oeuvre politique de circonstance // BA. 2000. № 24. P. 87—115.*

Для создания образа французской героини Фронтон дю Дюк использовал уже знакомые нам по другим источникам эпохи составляющие: в его сочинении Жанна предстала деревенской пастушкой, ставшей по воле Провидения воином и мученицей за веру⁴⁶⁰. Ее история в изложении автора также мало отличалась от уже существующих нарративных схем, события в пьесе развивались поступательно, начиная с детства девушки в Домреми и заканчивая ее смертью на костре в Руане. Однако, и это обстоятельство выделяло «Трагическую историю» на фоне других произведений данного периода, посвященных Жанне д'Арк, чрезвычайно большое внимание здесь было уделено проблеме колдовства, которым, возможно, главная героиня занималась с самой юности.

В отличие от многочисленных авторов XVI—XVII вв., для которых занятия магией и общение с демонами являлись всего лишь обвинением, несправедливо выдвинутом против Жанны на процессе 1431 г., Фронтон дю Дюк, как представляется, не был до конца уверен, с кем имеет дело. Описывая сцену первой встречи девушки с архангелом Михаилом, убеждавшим ее прийти на помощь королю, он вкладывал эти сомнения в ее собственные уста. Жанна боялась быть обманутой дьяволом и не доверяла словам Божьего посланца, подозревая, что под его ликом скрывается демон, способный «превратиться в ангела света»⁴⁶¹.

Не менее подробно тема возможного колдовства обыгрывалась и в сцене первого свидания девушки с Карлом, который, несмотря на ставшие уже привычными в литературе раннего Нового времени два «знака» избранности Девы (узнавание дофина и королевский «секрет»)⁴⁶², не спешил поверить в то, что она действительно послана ему Свыше (*envoyée de Dieu*)⁴⁶³. Еще большее сопротивление оказывали, в интерпретации автора, советники Карла, призванные провести процедуру *discretio spirituum*⁴⁶⁴. В частности, королевский канцлер обвинял Жанну в связях с вальденсами, заключившими договор с самим дьяволом и при помощи демонов насылающими иллюзии и обманывающими невинных людей⁴⁶⁵.

⁴⁶⁰Подробный анализ «Трагической истории» см. в: Tin L.-G. Jeanne d'Arc, identités et tragédie au XVIe siècle // Images de la guerre de Cent ans / Sous la dir. de D. Couty, J. Maurice, M. Guéret-Laferté. P., 2002. P. 199—205.

⁴⁶¹«Ainsi au beau milieu d'une ardente priere, / Le démon se transforme en Ange de lumière» (*Duc F. du. Op. cit. P. 7*).

⁴⁶²*Ibid.* P. 16—17, 20.

⁴⁶³*Ibid.* P. 18.

⁴⁶⁴*Ibid.* P. 20.

⁴⁶⁵«Nagueres on a veue / Une peste d'erreurs par le monde espandue / De gens tresdangereux qu'on appelle Vaudois: / Lesquelz ont attiré presque de tous endroicts / Plusieurs a leur cordelle, en vertu des fantosmes, / Vaines illusions, dont ils charmoient les hommes» (*Ibid.* P. 26). Во Франции связь вальденсов с ведьмами и колдунами особенно ярко проявилась во второй половине XV в., после процессов в Арра-

Он полагал, что девушка может оказаться их ученицей, а ее обещания избавить Францию от захватчиков в действительности способны привести лишь к гибели королевского войска⁴⁶⁶. Только впечатляющие победы под Орлеаном и в долине Луары и коронация Карла в Реймсе заставляла последнего поверить — как и следовало ожидать, согласно доктрине *discretio spirituum*, — что он имеет дело с настоящей святой⁴⁶⁷.

Наконец, тема колдовства традиционно обыгрывалась при описании противостояния Жанны д'Арк с ее противниками. Англичане, именовавшие девушку «сумасшедшей ведьмой» (*une folle sorciere*) и «ужасной женщиной» (*une femme meschante*), очаровавшей всех вокруг⁴⁶⁸, видели в ней, по мнению автора, вторую Медею, Цирцею, Урганду, Мелюзину и Прозерпину⁴⁶⁹. Любопытно отметить, что, специально останавливаясь на обвинениях, выдвинутых прокурором трибунала⁴⁷⁰, Фронтон дю Дюк подробно рассматривал лишь первое из них — обвинение в занятиях колдовством⁴⁷¹. В уста д'Эстиве он вкладывал слова о том, что еще в детстве при помощи своей крестной Жанна обрела «безумные навыки» и умение пользоваться «чарами ведьм и их заклинаниями», т.е. вступила в настоящую ведовскую секту⁴⁷².

В картине, яркими красками нарисованной Ф. дю Дюком, не чувствовалось никакого влияния натурфилософии XVI в. с ее вниманием к поиску магического в окружающем мире, с верой в существование ангелов и демонов не в качестве представителей сверхъестественных сил, а в качестве природных явлений. Напротив, перед читателем предстала стройная концепция «ученого» колдовства с обязательным присутствием дьявола и его демонов в жизни людей.

В первой половине XVII в. подобные представления стали, однако, уступать место новым тенденциям, связанным прежде всего с вниманием, которое церковные и светские власти начали уделять делам об

се 1459—1461 гг. В 1460 г. Жан Тинктор описывал секту вальденсов как ведьминскую (с обязательным участием в шабаше, профанацией гостии и распятия, почитанием дьявола и сексуальными оргиями): *Audisio G. Op. cit. P. 105—109; Mercier F. La Vauderie d'Arras. Une chasse aux sorcières à l'automne du Moyen Age. Rennes, 2006. P. 109—121.*

⁴⁶⁶“De tels gens pouroient avoir esté induicte / Ceste fille par sorts, et par charmes instruite: / Se promettant chasser l'ennemy estranger, / Si les forces on jecte avec elle en danger” (*Duc F. de. Op. cit. P. 27*).

⁴⁶⁷*Ibid.* P. 51.

⁴⁶⁸*Ibid.* P. 42, 73—74.

⁴⁶⁹*Ibid.* P. 81.

⁴⁷⁰*Ibid.* P. 77.

⁴⁷¹*Ibid.* P. 81—83.

⁴⁷²“Au lieu des Oraisons et points de sa creance / De la chrestienne Loy, les beaux enseignemens / Des charmes des sorciers et des enchantemens: / Ayant pour precepteur de si belle doctrine / La folle instruction de sa chere marreine” (*Ibid.* P. 81).

одержимости, отличавшимся от ведовских процессов тем, что в них речь шла не о возможном заключении договора между дьяволом и его адептом для последующего претворения в жизнь совместных преступных замыслов, но о полном подчинении души и тела человека одному или нескольким демонам. Первая волна процессов об одержимости, подверженными которой признавались в основном женщины, прокатилась по Франции еще во второй половине XVI в.⁴⁷³ В этот период одержимость обычно рассматривалась как результат деятельности местных ведьм и колдунов⁴⁷⁴, и ее признаки часто совпадали с отличительными чертами поведения адептов дьявола: неспособностью войти в церковь, совершить паломничество, прочесть молитву. Вместе с тем на процессах об одержимости озвучивались и совершенно новые для демонологического дискурса темы, как например, вселение демона в тело его жертвы или способность одержимого общаться с умершими⁴⁷⁵.

Тем не менее, случаи удачного экзорцизма, рассматриваемого, в соответствии с постановлениями Тридентского собора⁴⁷⁶, как основное средство борьбы с одержимостью, заронили в души современников серьезные сомнения в возможностях дьявола в земном мире, в его способностях подчинять себе души людей. Одержимость нередко рассматривалась как болезнь, а потому привлечение к суду ведьм и колдунов, якобы существовавших ее появлению, постепенно стало сходить на нет: предполагалось, что в данном случае дьявол действует напрямую, а не через своих помощников. Как следствие, количество ведовских процессов в первой половине XVII в. резко уменьшилось: согласно наблюдениям Альфреда

⁴⁷³ Roper L. Exorcism and the Theology of the Body // Roper L. Oedipus and the Devil: Witchcraft, Sexuality, and Religion in Early Modern Europe. L., 1994. P. 171—198; Sluhovsky M. A Divine Apparition or Demonic Possession? Female Agency and Church Authority in Demonic Possession in Sixteenth-Century France // Sixteenth Century Journal. 1996. T. 27. № 4. P. 1039—1055.

⁴⁷⁴ Walker A.M., Dickerman E.H. A Woman under the Influence: A Case of Alleged Possession in Sixteenth-Century France // Sixteenth Century Journal. 1991. T. 22. № 3. P. 534—554; Broomhall S. Op. cit. p. 62—66; Ferber S. The Abuse of History? Identity Politics, Disordered Identity and the 'Really Real' in French Cases of Demonic Possession // Women, Identities and Communities in Early Modern Europe / Ed. by S. Tarbin and S. Broomhall. Burlington, 2008. P. 29—44.

⁴⁷⁵ Ferber S. The Demonic Possession of Marthe Brossier, France, 1598—1600 // No Gods Except Me: Orthodoxy and Religious Practice in Europe, 1200—1600 / Ed. by Ch. Zica. Melbourne, 1991. P. 59—83; Eadem. Demonic Possession in Early Modern France. L., 2004; Тогоева О.И. «Мужская» и «женская» одержимость в сочинениях французских демологов XVI—XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2014. Вып. 22. С. 183—205.

⁴⁷⁶ Ferber S. Demonic Possession. P. 63—69. Как отмечает Сара Фербер, постановления Тридентского собора, пусть и не принятые официально во Франции, стали, тем не менее, широко применяться здесь начиная с 1610-х гг. (Ibid. P. 64).

Зомана, в этот период из судебной практики почти исчезли такие доказательства вины подозреваемых, как метка дьявола, способность или неспособность прочесть молитву и даже признание в посещении шабаша⁴⁷⁷. В 1610 г. впервые в тексте приговора по делу о занятиях колдовством последние были названы «иллюзией»⁴⁷⁸, а после 1624 г., когда был принят королевский ордонанс, позволяющий обвиняемым апеллировать в Парижский Парламент сразу же после ареста, не дожидаясь рассмотрения их дела местным судом, преследование колдовства как уголовного преступления практически прекратилось и на местах⁴⁷⁹.

На этот же период пришлась вторая волна процессов об одержимости, один из которых — дело об одержимых в Лудене — получил известность во всем королевстве. В наведении порчи на местных урсулинок, которые богохульствовали, сквернословили, корчили гримасы, содрогались в конвульсиях, разговаривали на неизвестных им до тех пор языках и объявляли себя беременными от демонов, проникших в их тела, был обвинен молодой священник Урбан Грандье, казненный на костре в августе 1634 г.⁴⁸⁰ Несмотря на это, одержимые появлялись в Лудене еще в течение многих лет: вплоть до конца 40-х гг. XVII в. город оставался в центре внимания как обывателей, так и представителей власти. В сентябре 1637 г. туда отправилась герцогиня д'Эгийон, решившая своими глазами увидеть местных «больных». В качестве сопровождающего любимой племянницы кардинал Ришелье направил одного из своих доверенных лиц — аббата Франсуа д'Обиньяка — которого просил лично разобраться с данным явлением и составить для него официальную записку⁴⁸¹. Д'Обиньяк выполнил поручение и в своем «Сообщении об одержимых в Лудене» подробно описал, хотя и с крайней долей скептицизма, основные, по мнению экзорцистов, отличительные черты данного явления: конвульсии и судороги, которые сотрясают тела несчастных и указывают на демонов, захвативших их души и тела, их черные лица и языки, затуманенный взгляд, метки на руках, способность говорить на древних языках, даже не зная их⁴⁸², и многое другое. Он также изложил ужасающие

⁴⁷⁷ *Soman A.* Le sabbat des sorciers. P. 95—97.

⁴⁷⁸ *Ibid.* P. 97.

⁴⁷⁹ *Levaack B.P.* The Decline and End of Witchcraft Prosecutions. P. 14—15, 49—52. Окончательный запрет на преследование колдовства как уголовного преступления был сформулирован в ордонансе 1682 г., принятом под давлением Людовика XIV и министра Кольбера (*Ibid.* P. 51—52).

⁴⁸⁰ Подробнее см.: *La possession de Loudun / Présentée par M. de Certeau.* P., 1980 (с публикацией документов); *Carmona M.* Les diables de Loudun: sorcellerie et politique sous Richelieu. P., 1988.

⁴⁸¹ Об истории этого путешествия см., в частности: *Ibid.* P. 304—308.

⁴⁸² *Relation de M. Hédelin, sieur d'Aubignac, touchant les possédées de Loudun au mois de septembre 1637 // Possession et sorcellerie au XVIIe siècle / Textes inédits présentés par R. Mandrou.* P., 1979. P. 146—147.

подробности процедуры экзорцизма, которой подвергались больные женщины⁴⁸³. Тем не менее, сам д'Обиньяк, в отличие от своих сопровождающих в Лудене, искренне полагал все происходящее обманом. С его точки зрения, поведение одержимых, которых он наблюдал во множестве, их беспричинный смех, странные фразы, ругательства, потасовки с экзорцистами и плевки в окружающих, скорее, напоминали поведение сумасшедших⁴⁸⁴. Все признаки того, что в этих женщин вселился демон (или даже несколько демонов), представлялись ему выдуманнными, в этих явлениях не было ничего сверхъестественного, их можно было легко объяснить «природными» причинами⁴⁸⁵. Таким образом, д'Обиньяк, понимая, что его заключение полностью противоречит принятой на тот момент точке зрения⁴⁸⁶, приходил тем не менее к выводу, что в данном случае власти имеют дело с грандиозным «обманом и профанацией», что никакой одержимости демонами не существует и речь может идти лишь о психически нездоровых людях⁴⁸⁷.

И все же в выпущенной несколькими годами позже пьесе «Орлеанская девственница» (1642 г.) д'Обиньяк, насколько можно судить, несколько смягчил свои позиции. Данное произведение было посвящено всего одному, но, с точки зрения автора, ключевому событию в истории Жанны д'Арк — процессу 1431 г.⁴⁸⁸ При этом единственным, на чем он сосредоточил свое внимание, являлось обвинение в занятиях колдовством.

С одной стороны, колдовство, которым якобы занималась девушка, в интерпретации д'Обиньяка, полностью подпадало под «ученое» определение запретных практик. Наряду с «деревенскими» магическими умениями (способностью приворожить, навести порчу или отравить

⁴⁸³Ibid. P. 155—159, 160—167, 168—169, 180—183.

⁴⁸⁴“Tout ce que firent et dirent quatre d'entre elles sembloit plustost un effet de folie que d'un démon: elles riaient et parlaient extravagament, juroient, frappaient leurs exorcistes, crachoient au nez des assistants” (Ibid. P. 152). Об идентичном поведении людей, в судебном порядке признанных сумасшедшими, см.: *Тогоева О.И.* “Estre ydiot”: категория «сумасшедший» во французском средневековом праве и способы ее описания // *Власть, право, религия: взаимосвязь светского и сакрального в средневековом мире.* М., 2003. С. 206—228.

⁴⁸⁵“En tous les mouvements de ce corps, je n'y vis rien que de possible et mesme facile naturellement” (Relation de M. Hédelin, sieur d'Aubignac, touchant les possédées de Loudun. P. 148).

⁴⁸⁶Ibid. P. 145.

⁴⁸⁷“Tout ce jeu n'est que fourbe, imposture, détestation et sacrilège” (Ibid. P. 194). Подробнее о сочинении д'Обиньяка см.: *Тогоева О.И.* «Все это мошенничество, обман, мерзость и профанация». Отчет аббата д'Обиньяка об одержимых Лудена (1637 г.) // *In Umbra: Демонология как семиотическая система /* Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 4. М., 2015. С. 19—38.

⁴⁸⁸Такой выбор автор объяснял в предисловии тем обстоятельством, что история Девы в целом «прекрасно известна» его читателям (*une histoire extrêmement connue*): *Aubignac F.H. d'.* Op. cit., б.п.

при помощи «крови дракона» или «саше с ядовитыми травами»⁴⁸⁹), в тексте пьесы присутствовали указания на возможную связь Жанны с дьяволом, помогающим ей создавать иллюзии, на ее регулярное посещение шабаша, на колдовские амулеты, усиливавшие ее силу (например, меч из Сент-Катрин-де-Фьербуа)⁴⁹⁰. С другой стороны, описание отношений, которые якобы поддерживала Жанна со своими демонами, как справедливо отмечает Дебора Блокер, оказывалось стилистически весьма близким рассказам того же автора о случаях одержимости в Лудене⁴⁹¹. Так, д'Обиньяк вкладывал в уста графа Соммерсета слова о том, что все поступки Жанны, в том числе ее поведение в тюрьме, являются всего лишь происками обманщика-демона, в которого собственно и превратилась их заключенная⁴⁹². Того же мнения придерживалась и графиня Уорик, называвшая Жанну «игрушкой демонов» (*le iouët de Demons*)⁴⁹³. Особого упоминания, по мнению англичан, заслуживал также взгляд французской героини — как и у одержимых Лудена, ее глаза выдавали связь с силами ада⁴⁹⁴. Иными словами, сомневаясь, возможно, в реальности колдовства, д'Обиньяк частично заменял демонологический дискурс «дискурсом одержимости», тем самым допуская существование последней.

Вместе с тем мне представляется важным подчеркнуть, что само описание процесса 1431 г. в пьесе д'Обиньяка шло в рамках уже знакомой нам доктрины *discretio spirituum*, поскольку весь сюжет выстраивался вокруг спора Жанны с англичанами или этих последних между собой, «следует ли признать девушку ведьмой — или речь идет все же о святой»⁴⁹⁵. Для самого автора данный вопрос не представлял никакой проблемы: по ходу пьесы он даже заставлял одного из персонажей, графиню Уорик, изменить собственное мнение и признать в узнице «святую деву» (*fille sainte*)⁴⁹⁶. Смерть Жанны, описанная как «жертвоприношение» (*un sacrifice religieux*), как гибель мученицы за веру⁴⁹⁷, чье сердце

⁴⁸⁹Ibid. P. 38—40, 46—47.

⁴⁹⁰“Cette épée de Fierbois...estoit le plus grand soupçon, mais l'on n'y rien veu d'extraordinaire pour y croire de l'enchantement” (Ibid. P. 52); “Entretenir familièrement les Demons, et frequenter cette infame eschole du Sabbat pour te rendre sçavante à mal-faire, sont-ce des actions que les loix puissent tolerer?” (Ibid. P. 104).

⁴⁹¹Blocker D. “La Pucelle d'Orléans” (1640—1642) de l'abbé d'Aubignac sur la scène de monarchie absolue naissante // Images de Jeanne d'Arc. P. 167.

⁴⁹²Aubignac F.H. d'. Op. cit. P. 24—25.

⁴⁹³Ibid. P. 38.

⁴⁹⁴“Celle-cy confond les charmes de l'enfer avec les charmes de son visage: elle fait venir les Demons à l'ayde de ses yeux” (Ibid. P. 39).

⁴⁹⁵“Il est vray qu'après la sainteté de cette fille opprimée, il n'y a point d'innocent en seureté” (Ibid. P. 24).

⁴⁹⁶Ibid. P. 133.

⁴⁹⁷Ibid. P. 138.

осталось нетронутым огнем как истинная реликвия⁴⁹⁸, добавляла веса данному убеждению. Однако особый интерес вызывает вводимое д'Обиньяком сравнение всей французской нации с англичанами, для которых как для «настоящих христиан» их противники не могли рассматриваться иначе как колдуны⁴⁹⁹.

В действительности, данная метафора, по замыслу автора, должна была прочитываться наоборот: это французам как истинным католикам, избранному народу, которому помогает Господь, противостояли соперники, отринувшие веру отцов, принявшие протестантизм и превратившиеся в слуг Сатаны⁵⁰⁰. Впервые, насколько можно судить, данная тема появилась во французских сочинениях, посвященных Жанне д'Арк, в конце XVI в. В «Орлеанской девственности» Бéroальда де Вервиля 1599 г. в сцене ранения главной героини ее выздоровлению способствовал ангел, пришедший на помощь французам, тогда как на стороне англичан действовал демон, пытавшийся своими происками погубить Деву⁵⁰¹. В первой половине XVII в. данный сюжет не только получил развитие, но и приобрел более четкие формы: отныне речь шла не о противостоянии французов и англичан в Столетней войне, но о борьбе католиков с протестантами. Данная тема по-прежнему оставалась крайне актуальной во Французском королевстве, для населения которого издание Генрихом IV Нантского эдикта вовсе не означало окончания Религиозных войн. Напротив, они были продолжены кардиналом Ришелье, сделавшим подавление гугенотов главным приоритетом своей внутренней политики в 1625—1628 гг.⁵⁰²

⁴⁹⁸Ibid. P. 158—159. Легенду о несгоревшем сердце Жанны, ставшем прямым доказательством ее невиновности и святости, упоминали многие авторы XVI—XVII в. См., к примеру: *Duc F. du.* Op. cit. P. 100; *Mezeray F.E. de.* Op. cit. P. 619; *Guillaume J.* Op. cit. 163. Подробнее об этой легенде см.: *Beaune C.* Le coeur de Jeanne // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Mittelalter. 2007. Bd. 34. S. 201—206; *Тогоева О.И.* Почему не сгорело сердце Жанны д'Арк? // Ретроспективная информация источников: образы и реальность / Отв. ред. О.И. Тогоева, И.Н. Данилевский. М., 2013. С. 133—149.

⁴⁹⁹*Aubignac F.H. d'.* Op. cit. P. 109—110.

⁵⁰⁰Г. Одицио отмечал, насколько быстро во Франции второй половины XVI—первой половины XVII в. гугеноты превратились в «ведьм» и «колдунов». При этом те области, которые традиционно считались местом расселения членов секты вальденсов, в этот период действительно стали преимущественно протестантскими: *Audisio G.* Op. cit. P. 110—112, 259—265.

⁵⁰¹*Béroalde de Verville F.* Op. cit. Fol. 188—188v.

⁵⁰²*Tallon A.* Conscience nationale et sentiment religieux. P. 204—211; *Hours B.* L'Eglise et la vie religieuse dans la France moderne, XVIe—XVIIIe siècles. P., 2000. P. 145—159; *Gauchet M.* L'Etat au miroir de la raison d'Etat: la France et la chrétienté // Raison et déraison d'Etat. Théoriciens et théories de la raison d'Etat aux XVIe et XVIIe siècles / Ed. par Y.-C. Zarka. P., 1994. P. 193—244.

Именно Ришелье после взятия Ла Рошели Н. Вернуль посвятил свою пьесу, изданную в 1629 г., уподобив таким образом кардинала, победившего врагов Франции, своей героине, Жанне д'Арк⁵⁰³. В уста же самой Девы автор вкладывал призыв к войску поднять «святой крест» против англичан, уподобляя их тем самым не просто врагам истинной веры, но язычникам (массагетам), против которых следует начать новый крестовый поход⁵⁰⁴. В этих своих рассуждениях Вернуль опирался, в частности, на «Историю Жанны д'Арк» Ж. Ордаля, послужившую ему главным источником знаний о французской героине, в которой также говорилось о том, что истинная вера всегда окажется сильнее любых религиозных заблуждений и суеверий⁵⁰⁵. Ту же мысль развивал и А. Дюбретон, называя Францию «истинно христианским королевством» (*royaume vrayment Chretien*)⁵⁰⁶, а англичан, захвативших в плен Жанну, — «варварами», которые были бы способны подчинить своей власти не только Францию, но и Испанию, Италию, Германию и «прочие народы», если бы на их пути не встала «эта божественная дева» (*cette divine fille*)⁵⁰⁷. «Прислужниками Сатаны» (*suposts de Sathan*) называла англичан и Ж. Гийом⁵⁰⁸. Однако наиболее интересные рассуждения содержались в анонимном памфлете 1649 г., чье появление было обусловлено недавними событиями в Англии: неизвестный автор призывал «всех принцев мира» заключить перемирие, объединиться и отомстить «особым образом» за смерть Карла I⁵⁰⁹. Сам текст при этом представлял собой ничто иное, как торжественную речь, с которой к правителям европейских стран обращалась Жанна д'Арк, спустившаяся ради столь благородного дела с небес на землю. Она напоминала своим слушателям, что однажды уже была послана Господом к Карлу VII, дабы «сохранить его государство и вернуть корону, которую английский варвар пытался у него отобрать, узурпировав его земли»⁵¹⁰. Она по-

⁵⁰³Michaud-Fréjaville F. *Personne, personnage: Jeanne d'Arc en France au XVIIe siècle*. P. 240.

⁵⁰⁴“Recipio lata, sancta crux victoriae / Fatale signum est” (*Nicolai Vernulaei Ioanne Darcia*. P. 331); “Fama occiduos I pete iberos, / Et Massagetas Indosque nigros, / Sol ubi roseo surgit ab ortu, / Pexisque comis aurora parens” (*Ibid.* P. 340).

⁵⁰⁵“Non est superstitioni, sed religioni tribuendum, quod conversis et poenitentibus prospere evenit. Vera religio superstitionem sociam non patitur, falsa, mera impietas est, et superstitione impietatem” (*Hordal J. Op. cit.* P. 209).

⁵⁰⁶Dubreton A. *Op. cit.* P. 168.

⁵⁰⁷*Ibid.* P. 316—317.

⁵⁰⁸Guillaume J. *Op. cit.* P. 162.

⁵⁰⁹Exhortation de la Pucelle d'Orleans, a tous les princes de la terre, de faire une Paix generale tous ensemble, pour venger la mort du Roy d'Angleterre, par une guerre toute particuliere // Recueil de plusieurs pieces curieuses. № 26.

⁵¹⁰“Estant âgée de dix-huis ans, ie fus autrefois envoyée de Dieu en France à Charles VII. pour conserver son Estat, et pour luy remettre la Couronne sur la teste, que le barbare Anglois s'efforçoit de luy oster en usurpant ses terres” (*Ibid.* P. 3).

лагала этот случай весьма похожим на ситуацию в Англии, заявляя, что «те, кто идут войной против Господа, способны на любые преступления», а потому война против этих «врагов Создателя» является законной и справедливой⁵¹¹.

Жесткое противопоставление католиков и протестантов, актуальное для истории Франции XVI — первой половины XVII в. и нашедшее весьма своеобразное отражение в сочинениях авторов-католиков, посвященных Жанне д'Арк⁵¹², заставляет внимательнее присмотреться и к их возможным оппонентам — французским протестантам, также, пусть и не в столь большой степени, обращавших внимание на деяния Орлеанской Девы. Данная тема, насколько я могу судить, никогда не поднималась в специальных исследованиях, однако она представляется мне чрезвычайно важной для понимания феномена Жанны д'Арк, ее роли в политической и религиозной истории страны, ее восприятия как святой в образованных кругах французского общества раннего Нового времени.

§ 5. Жанна д'Арк между католиками и протестантами

Формирование протестантской историографии во Франции пришлось на период, последовавший за Религиозными войнами, т.е. на конец XVI в., когда, по справедливому замечанию Мишеля де Серто, протестантизм из «ереси», каковым его воспринимали на протяжении практически всего предшествовавшего столетия, превратился во вполне официальную «религию», право на существование которой уже не нужно было отстаивать⁵¹³. Впрочем, даже в этот период сочинения историков-протестантов носили, скорее, «частный», мемуарный характер, трактуя преимущественно события Религиозных войн и историю участия в последних самого автора, его покровителей и/или его семьи. Таковы были, к примеру, «Мемуары» Жана де Мерже, в 1554—1589 гг. принимавшего участие в религиозных столкновениях в Сентонже⁵¹⁴, или «История Франции» Анри де Ла Попелиньера, изданная в 1581 г. и охватывавшая

⁵¹¹«Ceux qui font la guerre à Dieu, sont capables de tous crimes...Toutefois puis qu'ils sont tels, il est juste que toutes les creatures se bandent contre les ennemis du Createur» (Ibid. P. 6).

⁵¹²См. также: *Baudeuf S.* Op. cit. P. 94—96; *Bouzy O.* Du bon usage politique de la Pucelle. P. 69—70.

⁵¹³*Certeau M. de.* Christianisme et «modernité» dans l'historiographie contemporaine // *Certeau M. de.* Le lieu de l'autre. Histoire religieuse et mystique. P., 2005. P. 22—23.

⁵¹⁴*Mémoires militaires di sieur M., sur les guerres de Flandre et la guerre de religion en Saintonge, faits en 1613.* Troyes, 1619.

период с начала Религиозных войн до конца 70-х гг. XVI в.⁵¹⁵ Исследования в всеобщей истории Франции в этот период авторами-протестантами создавалось крайне мало (особенно в сравнении с авторами-католиками, для которых XVI в. стал периодом расцвета жанра исторических сочинений⁵¹⁶). Среди них следует, в частности, назвать «Историческую библиотеку» Николя Винье, историографа Генриха III, а также «Общий свод истории Франции» Жана де Серра, являвшегося королевским историографом с 1596 г., но уже при дворе Генриха IV⁵¹⁷.

Николя де Винье (1530—1596) был сыном королевского адвоката и происходил из Шампани. В юности он изучал в Париже право и медицину, однако после принятия протестантизма вынужден был уехать в Германию, где женился и занялся врачебной практикой. Вместе с тем, начиная с 1560-х гг. он начал работу над главным произведением своей жизни — всеобщей историей, которая впоследствии получила название «Историческая библиотека». В 1575 г. в Базеле было опубликовано первое сочинение Винье — «Хроника Бургундии» на латинском языке. Примерно в то же самое время по причинам, которые остаются до конца неизвестными, Винье принял решение вернуться во Францию и отречься от протестантизма. Благодаря личному участию Генриха III, он получил должность «королевского историографа и врача» и посвятил оставшиеся годы жизни созданию своей «Библиотеки». В 1579 г. ее часть, посвященная истории Франции, вышла в Париже под названием «Свод истории французов»⁵¹⁸.

Для Винье, по справедливому замечанию Дж. Хапперта, движущей силой исторического прогресса был исключительно сам человек, его воля и поступки. Даже рождение Христа и его смерть не являлись для него знаковыми событиями и не знаменовали начало новых этапов истории⁵¹⁹. Именно с этих позиций Винье рассматривал и эпоху Столетней войны, при описании которой основное внимание уделял королевским капитанам, «рожденным для спасения страны»⁵²⁰, и, в

⁵¹⁵*La Popelinière H. de. Histoire des troubles et guerres civiles en France pour le fait de la religion, depuis 1555 jusqu'en 1581. La Rochelle, 1581.*

⁵¹⁶Согласно подсчетам Ж.-Л. Фурнеля, в 1550—1610 гг. их было опубликовано свыше 650: *Fournel J.-L. Lectures françaises de Guichardin: vérités historiques et ébauches d'une raison d'Etat à la française // La circulation des hommes et des oeuvres entre la France et l'Italie à l'époque de la Renaissance. P. 1992. P. 165—187.*

⁵¹⁷*Bibliothèque historique de Nicolas Vignier. P., 1587; Serre J. de. Inventaire général de l'histoire de France. P., 1597.*

⁵¹⁸*Vignier N. Sommaire de l'histoire des Français. P., 1579. О Николя Винье см. прежде всего: Huppert G. Op. cit. P. 82—132, 203—206.*

⁵¹⁹*Ibid. P. 121—126.*

⁵²⁰«Le bastard d'Orleans...avec les Capitaines Poton de Xantrailles, et la Hire (qu'on estoit les trois plus braves Capitaines de la France, qui sembloient estre nez pour la delivrance d'icelle)» (*Vignier N. Op. cit. P. 369.*)

частности, Жанне д'Арк, чьи военные победы не только приободрили французов, но и удивили их врагов⁵²¹. Он полностью отрицал участие в земных делах ангелов и святых, не верил ни в чудеса, ни в происки дьявола⁵²², считая, вслед за Ангерраном де Монстреле, что Жанна лишь притворялась посланницей Господа⁵²³. Винье не желал ничего сообщать о «знаках», которые она якобы представила Карлу VII в подтверждение своих слов. Тем не менее, идя на уступки своей католической аудитории, он называл их «чудесными» и заявлял, что в появлении Жанны на политической сцене «было больше религиозных предрассудков, нежели злого умысла» (*plus de superstition, que de meschanceté*)⁵²⁴.

Винье, таким образом, пытался воздержаться от формулировки собственного однозначного мнения относительно истории Жанны д'Арк и природы ее откровений. С одной стороны, он вроде бы считал, что сам Господь чудесным образом (*miraculeusement*) вмешался в дела французов, послав им на помощь эту удивительную девушку⁵²⁵. С другой, совершенно явно полагал все заявления этой последней обманом, т.е. грехом перед лицом Господа, даже если он совершается ради спасения и освобождения своей страны и заслуживает восхваления со стороны людей⁵²⁶. Винье также ничего не сообщал о процессе реабилитации Жанны д'Арк: положительный ответ на вопрос об ангелической природе «голосов», навещавших французскую героиню, надо полагать, был для него как для протестанта совершенно неприемлем.

С той же особенностью трактовки личности Жанны мы сталкиваемся и в сочинении другого протестанта, Жана де Серра (1540—1598). Историк и теолог, он получил образование в Лозанне и Женеве, где занял затем профессорскую кафедру⁵²⁷. Став королевским историографом после смерти Николя Винье, де Серр придерживался популярной в период правления Генриха IV идеи о мирном сосуществовании двух

⁵²¹“Estans les Anglois devenuz non moins esbahis et estonnez de bruit de ceste Pucelle, que les François regaillardis et ravigourez...par le bon commencement de bon heur quelle leur avoit apporté” (Ibid. P. 370).

⁵²²Ibid. P. 371.

⁵²³“Laquelle se disoit inspiree et envoyee de Dieu” (Ibid. P. 369, разрядка моя — О.Т.). Как отмечает К. Бон, именно «Хроника» Монстреле лежала в основе протестантской интерпретации истории Жанны д'Арк: *Beaunie C. Jeanne d'Arc. Vérités et légendes*. P. 17, 141. Использование того же источника мы наблюдаем у английских авторов XVI в., а также у Вольтера. Подробнее см.: Глава 5. § 1.1—1.2.

⁵²⁴*Vignier N. Op. cit.* P. 372.

⁵²⁵Ibid. P. 370.

⁵²⁶“Et combien que toutes tromperies soient odieuses envers Dieu: si est-ce toutesfois que celles qui se font pour le salut et delivrance de son pays, ont tousiours semblé au iugement humain...meriter plus-tost louange que punition” (Ibid. P. 372).

⁵²⁷*Barroux R., Simonin M. Serres Jean de // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIe siècle*. P. 1083.

церквей⁵²⁸, и эти мечты, как мне представляется, отчасти нашли свое отражение в его интерпретации истории Жанны д'Арк.

Несмотря на то, что де Серру оказывалось близко разработанное итальянскими гуманистами (и прежде всего Макиавелли) понятие «необходимости» в истории и он писал о Жанне как о «полезном и важном инструменте» (*utile et necessaire instrument*), использованным Карлом VII для спасения страны⁵²⁹, главную роль в истории он, тем не менее, отводил Провидению (*la providence divine*), которое послало Франции ее героиню, обратило свой взор на терпящий бедствие Орлеан⁵³⁰ и в конце концов продемонстрировало, что спасение королевства было заслугой отнюдь не людей⁵³¹. Будучи протестантом, Жан де Серр, однако, называл Жанну д'Арк «пророком» (*Oracle*), а ее откровения — «настоящими предсказаниями» (*veritables predictions*)⁵³². Он полагал, что доказательством истинности последних являлось освобождение Орлеана, в чем чувствовалась «рука Господа» (*la main de Dieu*)⁵³³. Упоминание статуй Карла VII и Жанны д'Арк, установленных в городе в память о победе над англичанами, было особенно показательно для автора-протестанта: ведь именно гугеноты в 1562 г. разрушили этот памятник⁵³⁴.

В целом можно сказать, что если Н. Винье в принципе воздерживался от собственных суждений относительно личности и деяний Жанны д'Арк, то Ж. де Серр практически ни в чем не противоречил католической традиции историописания. Ни тот, ни другой не вели никакой — очной или заочной — полемики со своими коллегами-католиками. Тем не менее, подобное положение вещей не продлилось долго: в середине XVII в. французское образованное общество стало свидетелем первого открытого столкновения протестантов и католиков относительно личности Жанны д'Арк⁵³⁵.

⁵²⁸См. об этом прежде всего: *Crouzet D. La nuit de la Saint-Barthélemy. Un rêve perdu de la Renaissance.* P. 1994. P. 267—371.

⁵²⁹*Serre J. de. Op. cit.* P. 288, 302.

⁵³⁰*Ibid.* P. 288.

⁵³¹“Dieu s'en vouloit servir à ces commencemens: mais pour monstrier que Charles n'a pas esté l'auteur de la Restauration de cest Estat, ains luy-mesme, il a voulu faire honte aux hommes par une fille” (*Ibid.* P. 302).

⁵³²*Ibid.* P. 290—291.

⁵³³*Ibid.*

⁵³⁴“Rend solennelles grace à Dieu, autheur d'une tant miraculeuse delivrance, et ordonne, que la memoire de ce benefice singulier sera celebree tous les ans, dresse un trophee d'un succez tant memorable. Le Roy Charles septiesme armé, et Ieanne la Pucelle de desme armee, tous deux à genoux devant le Crucifix de bronze, conservé iusques aujourdhuy sur le pont, parmy les fureurs des guerres inciviles” (*Ibid.*).

⁵³⁵Подробнее см.: *Тогоева О.И. Жанна д'Арк между католиками и протестантами во Франции XVII в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории.* 2011. Вып. 19. С. 148—170.

Речь шла о корпусе писем, которыми в 1646—1648 гг. обменялись французская писательница Мадлен де Скюдери, основатель и первый пожизненный секретарь Французской Академии Валентин Конрар, известный протестантский министр, профессор Лейденского университета, а впоследствии ректор коллежа в Бреде Андре Риве и племянница последнего, Мари дю Мулен⁵³⁶. Данная переписка сохранилась в архиве Андре Риве в Голландии, где и была обнаружена в конце XIX в.⁵³⁷ Поводом к ее началу послужили более ранние письма Риве, которыми он обменивался в 30—40-е гг. XVII в. с протестанткой Анной Марией ван Шурман, нидерландской поэтессой и ученым, первой женщиной, окончившей университет, знавшей 14 древних и новых языков и обладавшей глубокими познаниями в самых разных областях — истории, праве, литературе, богословии, географии и астрономии⁵³⁸. Переписка ван Шурман и Риве велась на латыни, но в 1646 г. она была переведена на французский язык и издана в Париже Гийомом Кольте под названием «Важнейший вопрос о том, необходимо ли девушкам получать образование»⁵³⁹. Иными словами, переписка двух ученых протестантов касалась роли женщины в современном им обществе и подобающих ей занятий.

Именно здесь, в письме от 18 марта 1638 г., Риве, в частности, касался истории Жанны д'Арк и отмечал, что в Орлеане до сих пор почитают ее как освободительницу города и вторую Афины Палладу. Тем не менее, писал он далее, он также знал, что самые большие почитатели ее военных талантов, а также самые злые ее ненавистники отзываются о ее достоинстве и чистоте с большим пренебрежением⁵⁴⁰. Иными слова-

⁵³⁶Об участниках данной переписки см., в частности: *Aragonnès C. Scudéry (Georges et Madelaine de) // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIIe siècle / Sous la dir. de P. Dandrey. P., 1996. P. 1165—1170; Schapira N. Un professionnel des lettres au XVIIe siècle. Valentin Conrart: une histoire sociale. Seysell, 2003. P. 352—364; Baar M. de. "God has chosen you to be a crown of glory for all women!". The international network of learned women surrounding Anna Maria van Schurman // "I have had heard about you". Foreign Women's Writing Crossing the Dutch Border / Ed. by S. van Dijk, P. Broomans, J. van der Meulen, P. van Oosrum. Hilversum, 2004. P. 108—135.*

⁵³⁷*Un tournois de trois pucelles en l'honneur de Jeanne d'Arc. Lettres inédites de Conrart, de Mlle de Scudery et de Mlle du Moulin / Publ. par MM. Ed. de Barthélemy et R. Kerviler. P., 1878.*

⁵³⁸Об Анне Марии ван Шурман см.: *Baar M. de. Op. cit. (там же — основная литература по теме).*

⁵³⁹*Question célèbre s'il est nécessaire ou non que les filles soient sçavantes, agitée de part et d'autre par Mademoiselle Anne Marie de Schurman...et le Sr André Rivet, le tout mis en François par le Sr Colletet. P., 1646.*

⁵⁴⁰*"Je sçais bien que nostre ville d'Orleans la respecte encore comme sa liberatrice, et que tout son peuple l'estime une seconde Pallas. Mais aussy sçay-je bien que les plus grands adoreteurs de sa vaillance, et ceux qui sont le plus ialoux de sa gloire ne parlent de son honneur et de sa chasteté qu'avec beaucoup d'incertitude"* (Ibid. P. 60—61).

ми, Риве высказывал сомнения в том, что девушка, находясь постоянно в войсках, т.е. среди солдат, могла сохранить невинность.

Подобная трактовка событий прошлого не являлась новой для французской историографии, представители которой в XVI в. далеко не всегда придерживались провиденциалистского взгляда на историю. Впервые сомнения в Божественном характере миссии Жанны д'Арк были высказаны еще Гийомом дю Белле (1491—1543), выдающимся французским дипломатом и военным теоретиком⁵⁴¹. Он полагал, что все действия Жанны, которую современники и потомки почитали как «чудесную и ниспосланную самим Господом персону» (*reputee une personne divine et envoyee de par Dieu*), являлись в действительности «хитростью» (*ruse*), задуманной королем, желавшим дать своим войскам надежду и веру в то, что Господь заботится о его королевстве⁵⁴². Вот почему Карл VII постарался, чтобы все кампании, в которых участвовала девушка, оказались успешными, вот почему он одел ее в доспехи, вооружил и отправил в бой⁵⁴³. И король, как полагал дю Белле, достиг своей цели: французы настолько уверовали в Жанну, что силы англичан стали убывать день ото дня⁵⁴⁴.

Еще более жестко «рациональный» подход к истории Жанны д'Арк утверждался в сочинении Бернара де Жирара дю Гайяна «О состоянии и успехах Франции», первое издание которого вышло в 1570 г. Дю Гайян полагал, что не следует расценивать появление Жанны на политической сцене как какое-то исключительное событие. С его точки зрения, девушка была всего лишь игрушкой в руках ближайших советников Карла VII, использовавших ее в собственных целях⁵⁴⁵. Он также подозревал, что Жанна являлась любовницей одного из капитанов королевского войска⁵⁴⁶, которых в действительности Господь и послал для спасения страны⁵⁴⁷. Это они были настоящими авторами всех «откровений» девушки и, в частности, неоднократно показывали ей портрет дофина Карла, чтобы она узнала его при первой встрече⁵⁴⁸. Таким образом, по мнению дю Гайяна, Жанна, хоть и смогла воспламенить серд-

⁵⁴¹ *Vaucheret E. Du Bellay Guillaume // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIe siècle. P. 382—387.*

⁵⁴² *Bellay G. du. Instructions sur le fait de la guerre. P., 1548. P. 56.*

⁵⁴³ *Ibid.*

⁵⁴⁴ «Les Francois y eurent une telle fiance, que de la en avant la force des Anglois descheut de iour en iour» (*Ibid.*).

⁵⁴⁵ *Haillan B. de Girard du. De l'estat et succez des affaires de France. Lyon, 1596. P. 238.*

⁵⁴⁶ «Aucuns disent que ceste Ieanne estoit la garce de Iean bastard d'Orleans, autres du sieur de Baudricourt, et autres de Poton» (*Ibid.* P. 237).

⁵⁴⁷ *Ibid.* P. 236—237.

⁵⁴⁸ «Et afin quelle peust recognoistre le Roi...quelle n'avoit iamais veu, souvent ils lui faisoient voir son portrait» (*Ibid.* P. 238).

ца солдат, короля и всего народа, в действительности являлась «искусственным» чудом, рожденным, скорее, суевериями, нежели истинной верой⁵⁴⁹. Такая точка зрения, признавался далее автор, могла, безусловно, не понравиться его соотечественникам, привыкшим считать историю Девы «святой и чудесной» (*une chose sainte et miraculeuse*), для него же она представлялась всего лишь выдумкой (*fable*)⁵⁵⁰.

Позиция дю Белле и дю Гайяна уже в XVI в. вызывала резкую критику со стороны их коллег-историков. Настаивая на чудесном характере всей миссии Жанны д'Арк, Г. Постель, в частности, замечал, что гипотеза о заговоре Карла VII не должна рассматриваться всерьез⁵⁵¹. Тех же, кто отказывается верить в роль Провидения в истории, следует признать «протестантами или атеистами» (*les Protestantz ou Atheistes*)⁵⁵². На схожих позициях стоял и Ф. де Бельфоре, уподоблявший своих коллег, отрицавших Божественную избранность его героини, Фоме Неверующему⁵⁵³. О «хитрости» (*ruse*) капитанов, которая, согласно дю Белле и дю Гайяну, лежала в основе всех политических и военных демаршей Жанны, упоминал и Ж. дю Тилле: по его мнению, сторонники подобной версии событий «забывали об историях Деборы, Иаили и Юдифи», т.е. о роли Провидения в истории⁵⁵⁴. А Ф. де Мезере удивлялся, почему некоторые историки, позволяющие себе верить в «абсурдные обвинения», выдвинутые против французской героини, не боятся, что кара Господня настигнет их точно так же, как это произошло с судьями Жанны⁵⁵⁵.

Тем не менее, не рассуждения дю Белле и не широко известное сочинение дю Гайяна⁵⁵⁶, а краткое замечание А. Риве вызвало негодование м-ль де Скудери, получившей «Важнейший вопрос» Г. Кольте от В. Конрара и пожелавшей встать на защиту французской героини. Любопытно при этом отметить, что самому протестантскому министру де Скудери писать не стала. Она сочинила небольшой трактат (письмом его в силу немалого объема назвать представляется весьма затрудни-

⁵⁴⁹“Ce miracle, composé, aposté, ou veritable, hausse les coeurs des Seigneurs, du peuple, et du Roi... telle est la force de la Religion, et bien souvent de la superstition” (Ibid. P. 237).

⁵⁵⁰Ibid. P. 238—239.

⁵⁵¹Postel G. Les très-merveilleuses victoires des femmes. P. 21—22.

⁵⁵²Ibid. P. 25.

⁵⁵³“Je sçay que les trop scrupuleux et ceux qui ne peuvent croire, non la mesme divinité, s'ils ne voeyent ou touchent comme un saint Thomas, se moqueront de ma simplicité” (*Belleforest F. de. L'histoire des neuf roys. P. 305*).

⁵⁵⁴Tillet J. de. Op. cit. P. 127.

⁵⁵⁵“Je métonne donc qu'il y ait eu des Ecrivains François si ennemis de la France et de la verité, que sans craindre une pareille punition de Dieu, ils ayent osé diffamer la memoire d'une Fille si divine” (*Mezeray F.E. de. Op. cit. P. 619*).

⁵⁵⁶За 1570—1619 гг. книга выдержала 12 изданий: *Lanéry d'Arc P. Op. cit. № 88*.

тельным) и 1 декабря 1646 г. отправила его Конрару, также являвшемуся протестантом и поддерживавшему личную переписку с Риве. Весь последующий обмен письмами между заинтересованными сторонами — м-ль де Скюдери и племянницей Риве, м-ль дю Мулен, — также велся не напрямую, а через Конрара, которому обе отправляли свои послания. Таким образом, секретарь Французской Академии выступал в данном споре (или, как он сам называл его, «маленьком судебном процессе»⁵⁵⁷) третейским судьей.

Спор двух дам о Жанне д'Арк любопытен для нас с разных точек зрения. Прежде всего — это размышления о том, чем пристало, а чем не пристало заниматься девушке, с точки зрения двух образованных женщин XVII в., принадлежавших к разным религиозным общинам. Данная полемика, как мне представляется, была отзвуком уже упоминавшегося выше «Спора о женщинах» (*Querelle des femmes*), шедшего на протяжении XVI—первой трети XVII в.⁵⁵⁸ Второй, причём наиболее значимой темой данной полемики стало отношение м-ль де Скюдери и м-ль дю Мулен к самой Жанне д'Арк и их различное понимание того, кого и на каких условиях следует признавать святым. В этом вопросе особенно важной оказывалась конфессиональная принадлежность спорящих сторон, поскольку в отличие от всех предыдущих французских писателей (к какому бы жанру их сочинения ни относились) в данном случае у автора-католика (де Скюдери) возникла необходимость подробнейшим образом обосновать собственное восприятие французской героини как святой, указать конкретные причины, согласно которым ее можно было считать таковой. Иными словами, перечислить признаки ее святости. Именно этому вопросу и были в целом посвящены все письма м-ль де Скюдери, сочиненные ею в ходе полемики с противниками данного тезиса — протестантами А. Риве и М. дю Мулен.

Проблема, с точки зрения де Скюдери, заключалась в том, что Риве, усомнившийся в личных добродетелях Орлеанской Девы, был — как и англичане, которые в свое время являлись противниками французов и самой Жанны, — протестантом. Его вера, по мнению писательницы, не позволяла ему понять суть самого феномена этой девушки и признать ее святость⁵⁵⁹. Она побудила его отнестись к своей героине «негуманно» (*d'un peu d'inhumanité*) и поставить под вопрос целомудрие «сей невинной пастушки» (*la pureté de cette innocente bergère*)⁵⁶⁰.

⁵⁵⁷“Ce n'est pas que je croye qu'il faille faire davantage d'écritures sur ce petit procès” (Un tournois de trois pucelles. P. 54).

⁵⁵⁸См. о нем: Глава 4. § 2.1.

⁵⁵⁹“Ce n'est pas que je ne croye qu'estant de mesme religion que les Anglais...cette conformité luy fait haïr la mémoire de celle qui les battit” (Un tournois de trois pucelles. P. 18).

⁵⁶⁰Ibid. P. 17.

Важным, с точки зрения де Скюдери, являлось и знакомство с источниками по истории Жанны д'Арк: в своем первом письме, полностью посвященном проблеме ее святости, она укоряла Риве в их плохом знании. В отличие от протестантского министра сама она уделила этим текстам большое внимание, прочла как сторонников, так и противников французской героини и на основании их сочинений пришла к одному-единственному возможному выводу: Жанна являлась настоящей посланницей Свыше (*une personne envoyée du ciel*), избранной Господом в качестве ангела-воителя (*un ange exterminateur*) для избавления Франции от врагов⁵⁶¹.

Что заставляло Мадлен де Скюдери думать, что в случае Жанны д'Арк речь идет о святой? Прежде всего, по ее мнению, на это указывали личные качества девушки, развернутый перечень которых писательница приводила в своем первом послании. Она писала о «невинности» ее образования, что подразумевало прежде всего наставление в истинной вере. Она упоминала скромность Жанны, простоту ее обращения с окружающими, чистоту ее нравов, отсутствие стремления к роскоши, малое внимание, которое она уделила факту аноблирования ее семьи, заботу о чистоте нравов в армии⁵⁶². Иными словами, де Скюдери видела в своей героине все возможные достоинства, которыми, с точки зрения творцов доктрины *discretio spirituum*, должен был обладать человек, претендовавший на звание истинного пророка — Божьего избранника, святого, устами которого говорил сам Господь.

Как я уже отмечала выше, проблема применения доктрины *discretio spirituum* в случае Жанны д'Арк и вопрос о признании ее святой неоднократно поднимались в сочинениях французских авторов-католиков XVI-первой половины XVII в.⁵⁶³ Однако никто из этих последних не уделял внимания собственно доказательствам святости девушки: это был факт, не требовавший никаких дополнительных подтверждений. Совсем иначе дело обстояло с Мадлен де Скюдери, которой необходимо было в данном вопросе противостоять протестантам. А потому, помимо перечисления качеств истинного пророка, делавших из ее героини святую, писательница особое внимание уделила «знакам» избранности Жанны, т.е. чудесам, которые та якобы совершила, лично продемонстрировав Божественный характер своей миссии.

Прежде всего — как и многие ее предшественники — она останавливалась на главном, с ее точки зрения, «откровении» французской героини — узнавании дофина Карла при их первой встрече в Шиноне⁵⁶⁴, что

⁵⁶¹Ibid. P. 17, 20.

⁵⁶²Ibid. P. 20.

⁵⁶³Глава 4. § 2.3; 3.2.

⁵⁶⁴О возникновении легенды см. выше: Глава 1. § 4.1.

стало возможным, по мнению де Скюдери, исключительно благодаря помощи Свыше⁵⁶⁵. В подобной трактовке событий писательница была совершенно уверена и достаточно резко критиковала Ж. де Серра, указывая, что его приверженность протестантизму не позволила ему допустить возможность вмешательства святых в дела людей⁵⁶⁶.

Столь же чудесным явлением представлялась де Скюдери и та участь, что постигла судей Жанны д'Арк после ее казни: как она полагала, все они умерли страшной смертью⁵⁶⁷. Данная идея не являлась выдумкой самой писательницы, в данном случае она следовала давней традиции, берущей свое начало еще в сочинениях конца XV в., — «Джиневере знаменитых дам» Дж. Сабадино дельи Арьенти 1483 г. и «Истории знаменитых дам» Форести да Бергамо 1497 г.⁵⁶⁸ Позднее данная легенда охотно воспроизводилась и во французских сочинениях⁵⁶⁹. Однако никто из этих авторов, в отличие от Мадлен де Скюдери, не рассматривал ужасную судьбу судей Жанны как чудо, явленное самой девушкой.

Не менее важное (а, может быть, и самое главное) доказательство святости Жанны писательница усматривала в ее девственности. В отличие от своих предшественников, де Скюдери делала на этом сюжете особый упор: не только потому, что именно он всегда оставался наиболее дискуссионным в истории Жанны д'Арк⁵⁷⁰, но и потому, что для протестантов проблема девственности являлась одним из важнейших религиозных вопросов, в частности, применительно к трактовке образа Девы Марии⁵⁷¹. Собственно, и критика поведения французской героини со стороны А. Риве касалась именно ее распущенности, первым признаком которой он почитал пребывание Жанны в армии.

Де Скюдери всячески укоряла своего оппонента за подобную интерпретацию событий. Она писала, что те библейские примеры, которые он приводил в подтверждение собственных слов (истории Деборы и Иаи-

⁵⁶⁵“Sans parler mesme de ses révelations, de la cognoissance qu'elle eust du roy d'une façon merveilleuse” (Un tournois de trois pucelles. P. 20).

⁵⁶⁶“En effet dans l'histoire de France que de Serres a faicte, vous voyez l'injustice de sa condamnation sy claire que l'on n'en sçauroit doubter...Il estoit de la religion de M. Rivet” (Ibid. P. 21). Ср.: *Serre J. de. Op. cit. P. 288.*

⁵⁶⁷Un tournois de trois pucelles. P. 22.

⁵⁶⁸Per la qual cosa condannarano li dui viventi consiglieri et le ossa di defonti nel foco, publicando li loro beni” (*Sabadino de li Arienti J. Op. cit. P. 113*); “Atque hic damnationi additum est ut duorum aliorum judicum mortuorum ossa, e sepulchris effossa, igni similiter concremata” (Q, 4, 528).

⁵⁶⁹*Belleforest F. de. Grandes annales. Fol. 1100v; Trippault L. Op. cit. P. 35; Aubignac F.H. d'. Op. cit. P. 162—167; Mezeray F.E. de. Op. cit. P. 619.*

⁵⁷⁰См. об этом выше: Глава 3. § 2.2.

⁵⁷¹*Hours B. Op. cit. P. 83, 210—216.*

ли), напротив, свидетельствуют не о распущенности библейских героинь и не об утрате ими невинности, но о том, что любая женщина способна посвятить себя в том числе и ратному делу, оставаясь при этом чистой и непорочной, если ее направляет Господь⁵⁷². Для самой де Скюдери Жанна являлась второй Афиной Палладой, девой-воительницей⁵⁷³. Ту же мысль она развивала и в своем втором письме (написанном в начале 1647 г.), где подробно останавливалась на историях Зенобии, Артемис, Агриппы и Пентесилеи, каждая из которых участвовала в военных действиях, что, однако, не помешало им сохранить свою чистоту⁵⁷⁴.

Де Скюдери также сравнивала девушку с Юдифью, чьей рукой руководил сам Господь⁵⁷⁵. А ведь Жанна, продолжала далее писательница, находилась даже в лучших условиях, нежели библейская героиня: на протяжении всей ее военной карьеры девушку повсюду сопровождали братья, которые оберегали ее от посторонних мужчин⁵⁷⁶. Наконец, у Жанны имелось прозвище, само по себе свидетельствовывавшее о том, что ее невинность осталась неприкосновенной⁵⁷⁷.

Таким образом, делала вывод Мадлен де Скюдери, Риве обязан был прекратить порочить образ святой воительницы (*la sainte guerrière*) Франции⁵⁷⁸, поскольку (и здесь писательница вновь возвращалась к своей излюбленной теме незнания протестантским министром основополагающих источников по истории Жанны д'Арк) он даже не читал важнейший трактат по данному вопросу — *De mirabili victoria* Жана Жерсона, как раз и посвященный превращению женщины в воина и его целесообразности⁵⁷⁹. Для самой же де Скюдери переодевание Жанны в мужской костюм прочитывалось посредством весьма интересной аллегории: она полагала, что Жанна, которой руководил Господь, обрела свое истинное лицо, сменив платье пастушки на одежду воина, как настоящий ангел, который может стать видимым, обретя тело⁵⁸⁰.

⁵⁷²Un tournois de trois pucelles. P. 23—24.

⁵⁷³“La fable grecque et romane... voulant nous représenter la Pudicité, a creu mesme ne le pouvoir mieux faire qu'en la dépeignant armée en la personne de Pallas” (Ibid. P. 70—71).

⁵⁷⁴“Après tous, je ne voy pas que toutes les vaillantes ayent eu le malheur d'estre soupçonnées d'impurité” (Ibid. P. 69).

⁵⁷⁵Ibid. P. 26.

⁵⁷⁶Ibid. P. 28. Подобная трактовка событий впервые, насколько можно судить, была дана Ф. де Мезере: *Mezeray F.E. de. Op. cit. P. 614—615*.

⁵⁷⁷“Je diray encore que ce fameux nom par lequel elle a esté sy connue et que ses plus grands ennemys ne luy ont pas osté dans leurs histoires faist quasy voir son innocence” (Un tournois de trois pucelles. P. 37).

⁵⁷⁸Ibid. P. 30.

⁵⁷⁹“L'apologie qu'en a faicte le grand Gerson” (Ibid. P. 30).

⁵⁸⁰“Pourquoy ne voulez-vous pas que Dieu qui vouloit opérer de si grandes choses par le moyen de cet ange visible luy ait permis non pas de se former un corps... mais de changer ses habillemens de bergère en ceux de redoutable héros” (Ibid. P. 33).

Наконец, последним доказательством святости Жанны д'Арк для Мадлен де С্কюдери оказывалась ее мученическая смерть на костре. При этом девушка, по мнению писательницы, выступала не в роли «обычной» мученицы за веру⁵⁸¹, она страдала и «славно и свято» умерла во имя своей военной миссии⁵⁸².

Таким образом, для м-ль де С্কюдери недостаточно было лишь констатировать святость Жанны д'Арк. Она выстраивала целую систему доказательств своего тезиса и была совершенно уверена в собственном мнении, приводя в заключении к первому письму ссылку на, возможно, самого главного французского католического авторитета — кардинала Ришелье, который, по мнению писательницы, так почитал Орлеанскую Деву, что пожелал, чтобы ее портрет висел в галерее его дворца⁵⁸³.

Трактат Мадлен де С্কюдери о Жанне д'Арк являлся настоящим панегириком французской героине (*panegyrique de la Pucelle*), как назвал его Валентин Конрар⁵⁸⁴. Да и сам он, как кажется, поддерживал точку зрения автора. Большинство людей, писал он Мари дю Мулен 28 декабря 1646 г., отправляя ей опус де С্কюдери, почитают Жанну д'Арк как святую⁵⁸⁵. Однако племянница протестантского министра (и сама убежденная протестантка), дю Мулен имела собственное мнение на сей счет. Для нее святость представлялась явлением, скорее, институциональным — неким официальным статусом (практически должностью), присвоить который тому или иному человеку мог лишь папа римский. Общественное мнение, с ее точки зрения, не играло в данном процессе никакой роли, а потому м-ль де С্কюдери не имела права наделять Жанну д'Арк подобным званием.

Именно в этом — самоличном провозглашении Жанны святой, в буквальной канонизации ее — и обвиняла М. дю Мулен свою оппонентку-католичку⁵⁸⁶. «Потерпит ли папа подобное?» — вопрошала она в ответном письме В. Конрару⁵⁸⁷. Для самой же дю Мулен проблема восприятия французской героини лежала совершенно в иной плоскости. Важнее для нее (как и для ее дяди — министра Риве, на которого она

⁵⁸¹ Данный тип святости являлся одним из наиболее ранних в христианской и, в частности, в католической церкви: *Vaucher A. La sainteté en Occident. P. 186—203.*

⁵⁸² «Elle ne mouroit pas pour la foy, mais elle mouroit pour soutenir sa mission, et de cette sorte, elle mouroit glorieusement et saintement» (*Un tournois de trois pucelles. P. 35.*)

⁵⁸³ *Ibid. P. 38—39.* Как я упоминала выше, такой портрет действительно существовал. Гравюра, выполненная с него, присутствовала в сборнике В. де ла Коломбьера 1648 г.: *Vulson, sieur de la Colombière. Op. cit. P. 83.*

⁵⁸⁴ *Un tournois de trois pucelles. P. 56.*

⁵⁸⁵ «Une fille que la plupart du monde tient pour une sainte» (*Ibid. P. 44.*)

⁵⁸⁶ «L'appologie que nostre élégante fait en faveur de la Pucelle qu'elle canonise en passant» (*Ibid. P. 48.*)

⁵⁸⁷ «Le pape le souffrira-t-il?» (*Ibid.*).

постоянно ссылалась) оказывалось понять, чем пристало заниматься девушке. Прекрасным занятием для молодой женщины им обоим представлялось литературное творчество: оно было значительно лучше воинского дела, ибо не вело к неизбежной утрате девственности⁵⁸⁸. Именно эту простую мысль, проиллюстрировав ее историей Жанны д'Арк, и хотел, по мнению Мари дю Мулен, донести до своих читателей А. Риве в письме, столь возмущившем м-ль де Скудери. Дю Мулен вообще не понимала, почему замечание ее дяди вызвало подобную реакцию: ведь идея об утрате французской героиней невинности в военных походах высказывалась и ранее, например, Б. дю Гайяном, который, по мнению племянницы протестантского министра, являлся «почитателем» (*admirateur*) Жанны д'Арк⁵⁸⁹.

Любопытно, что подобная трактовка образа Девы вызвала противодействие не только м-ль де Скудери, посвятившей свое второе послание, как я уже упоминала выше, перечислению героинь прошлого, что сохранили невинность в условиях военных действий. В. Конрар, первым получивший письмо дю Мулен, также призвал своих респондентов вернуться к проблеме святости, представлявшейся ему, надо полагать, более актуальной. Правда, будучи протестантом, писал он о ней сдержаннее, нежели м-ль де Скудери: в своем ответе М. дю Мулен от 15 февраля 1647 г. секретарь Академии лишь указывал на недопустимость именовать Б. дю Гайяна «почитателем» Жанны, когда на самом деле он был ее врагом⁵⁹⁰. Сама же девушка являлась для него «воином и святой»⁵⁹¹, хотя в письме министру Риве от 22 февраля 1647 г. Конрар был более строг в своих оценках. «Совсем уж святой» он, если судить по этому посланию, Жанну не считал⁵⁹², но вместе с тем призывал оппонента обратить внимание на «Исследования Франции» Э. Паскье, мнение которого о французской героине считал значительно более взвешенным, нежели суждения Б. дю Гайяна, которые оценивал как совершеннейший вымысел⁵⁹³. Он также писал, что Господь позволяет некоторым представительницам слабого пола заниматься ратным делом, и именовал этих женщин «святыми амазонками» (*Sainctes Amazones*), в полной мере относя к ним и Жанну д'Арк⁵⁹⁴. Наконец, в письме М. дю

⁵⁸⁸ Именно в первой половине XVII в., по наблюдениям Л. Тиммерман, во Франции развернулась особенно оживленная полемика о возможности и пользе литературных занятий для женщин: *Timmermans L. Op. cit. P. 177—215.*

⁵⁸⁹ *Un tournois de trois pucelles. P. 49.*

⁵⁹⁰ *Un tournois de trois pucelles. P. 55.*

⁵⁹¹ «Cette guerrière qui toute sainte que l'on l'estime» (*Ibid. P. 54.*)

⁵⁹² «Quant a moy...je ne la voudrois pas faire passer absolument pour une sainte» (*Ibid. P. 60.*)

⁵⁹³ *Ibid. P. 59—60.*

⁵⁹⁴ *Ibid. P. 62.*

Мулен Конрар предлагал прибегнуть к помощи еще одного третейского судьи — той самой Анны Марии ван Шурман, с письма к которой и начался весь последующий спор⁵⁹⁵.

Таким образом, вторая часть переписки между М. де Скюдери, В. Конраром, А. Риве и его племянницей представляла собой затянувшееся ожидание ответа от ван Шурман. Только в конце мая 1647 г. Конрар наконец получил от нее некое послание, переданное ему М. дю Мулен, бывшей ученицей знаменитой протестантки⁵⁹⁶. Однако ни самого письма, ни даже его краткого пересказа до нас не дошло. Единственное, что можно сказать точно: А.М. ван Шурман встала на защиту Жанны д'Арк, о чем свидетельствовало восторженное послание м-ль де Скюдери неизвестному адресату, написанное летом 1647 г.⁵⁹⁷ Однако, в каком контексте писательница-протестантка «прочла» образ французской героини, узнать уже, к сожалению, невозможно.

Впрочем, даже после вмешательства ван Шурман спорящие стороны остались, как представляется, каждая при своем мнении, и их «турнир», как называли эту переписку издатели XIX в., не выявил победителя. Сложно также сказать, получила ли эта последняя какой-либо отклик в католической и/или протестантской среде⁵⁹⁸. Тем не менее, данный спор представляется мне весьма интересным этапом в процессе формирования образа Жанны д'Арк во Франции и, в частности, свидетельством того, что французское католическое общество уже в первой половине XVII в. было готово к официальному признанию святости девушки.

⁵⁹⁵Ibid. P. 56.

⁵⁹⁶Ibid. P. 77—78. Об отношениях, связывавших М. дю Мулен и А.М. ван Шурман, см.: Pal C. *Forming families d'alliance: Intellectual Kinship in the Republic of Letters // Early Modern Women and Transnational Communities of Letters* / Ed. by J.D. Campbell and A.R. Larsen. Farnham-Burlington, 2009. P. 251—280.

⁵⁹⁷“L'illustre mademoiselle de Schurman ait été assez équitable pour ne se déclarer point contre la Pucelle” (Un tournoi de trois pucelles. P. 87).

⁵⁹⁸Возможно, намек на нее содержался в сочинении Ж. Гийом, писавшей, что потомкам не дано понять, как Жанне удавалось оставаться девственницей, находясь постоянно среди солдат: *Guillaume J. Op. cit. P. 168.*

§ 6. «Католическое Возрождение» во Франции

6.1. Любимая героиня Ришелье

Данный период, представлявший собой, по справедливому замечанию Ф. Мишо-Фрежавиль, первый этап в долгой истории официальной канонизации Жанны д'Арк⁵⁹⁹, в современной историографии принято называть французским «католическим Возрождением»⁶⁰⁰ — временем, когда католическая церковь, пережившая трудности времен Религиозных войн, пыталась активно наверстать упущенное, отстаять собственные позиции и собственную доктрину, с чем было связано, в частности, повышение интереса к проблеме святости и появление новых национальных святых⁶⁰¹. Именно на этот период пришлось введение во французскую церковную практику постановлений Тридентского собора, и хотя дисциплинарные декреты по-прежнему были предметом спора между королем и папой римским, духовная власть последнего признавалась уже повсеместно⁶⁰², и определение святости, сформулированное на 25 сессии собора⁶⁰³, оставалось единственным возможным на протяжении последующих двух с половиной веков⁶⁰⁴. Канонизационные процессы, практически исчезнувшие из французской церковной практики в XVI в., постепенно вновь стали набирать силу в первой половине

⁵⁹⁹Michaud-Fréjaville F. *Personne, personnage: Jeanne d'Arc en France au XVIIe siècle* // Cahiers de Recherches Médiévales. 2005. № 12. P. 236, 245.

⁶⁰⁰Bély L. *La France moderne, 1488—1789*. P., 2006. P. 328; Мунье Р. Убийство Генриха IV (14 мая 1610 года). СПб., 2008. С. 208.

⁶⁰¹В историографии XVII в. во Франции принято считать «веком святых»: Delumeau J. *La sainteté catholique // Histoire des saints et de la sainteté chrétienne / Sous la dir. de F. Chiovaro, J. Delumeau, A. Mandouze, B. Plongeron*. P., 1987. Т. 8: *Les saintetés chrétiennes: 1546—1714*. P. 22—45; Bély L. *Op. cit.* P. 327—328.

⁶⁰²Martin V. *Le Gallicanisme et la Réforme catholique. Essai historique sur l'introduction en France des décrets du concile de Trente (1563—1615)*. Genève, 1975. P. 345—346, 351—360, 366—367; Tallon A. *La France et le concile de Trente*. P. 801—807; Daussy H. *La réception du concile de Trente // Autour de Concile de Trente / Ed. par M.F. Viallon*. St.-Etienne, 2006. P. 117—132. На русском языке см.: Плишкова С.Л. Франция XVI-начала XVII века. Королевский галликанизм. М., 2005. С. 148—179.

⁶⁰³Согласно данному постановлению, истинным святым признавался человек, «правящий» вместе с Христом: посредник между Господом и людьми, молящийся за этих последних и выступающий их заступником перед лицом Бога, тот, кого можно и должно призывать на помощь; претерпевший мученическую смерть за веру и, как следствие, пребывающий в вечном покое и счастье в раю: Poutet Y. *La sainteté d'après le droit canon et les normes en usage pour les causes de béatification et de canonisation du concile de Trente à nos jours // Histoire et sainteté. Rencontres d'histoire religieuse, 17 octobre 1981. Angers, 1982*. P. 53—64.

⁶⁰⁴Suire E. *La sainteté française de la Réforme catholique (XVIe-XVIIIe siècles) d'après les textes hagiographiques et les procès de canonisation*. Pessac, 2001. P. 22, 351—354.

XVII в.⁶⁰⁵, хотя за 1587—1715 гг. в связи со сложными отношениями папства с французскими галликанами и янсенистами было канонизировано всего четверо национальных святых⁶⁰⁶. Возобновилась и стала активно развиваться в 1610—1640 гг. и совсем было замершая публикация агиографической литературы⁶⁰⁷. Именно авторы французских житий, как отмечает Эрик Суир, сформулировали в начале XVII в. новое видение проблемы, когда истинным святым объявлялся не отшельник или аскет, проживающий в пустыне и бегущий мира, но, напротив, человек постоянно находящийся в социуме и организующий общину вокруг себя⁶⁰⁸. Важными признавались также не только личные качества святого, выстраивавшего всю свою жизнь по образцу библейских героев и самого Христа (вплоть до мученической гибели), но и его «эффективность», т.е. действенная помощь церкви в установлении и поддержании истинной веры, в связи с чем допускалась даже определенная свобода действий Божьего избранника и наличие у него определенной цели, которую может устанавливать не только Провидение, но и он сам⁶⁰⁹.

Именно эта общая тенденция нашла, как кажется, свое отражение и в сочинениях, в той или иной степени посвященных Жанне д'Арк: с ней был связан отмеченный выше всплеск интереса к доктрине *discretio spirituum* (объявленной Тридентским собором единственной возможной для выявления подлинного характера откровений того или иного человека процедурой) и к проблеме святости Орлеанской Девы. Для французов первой половины XVII в. ее образ истинного пророка полностью укладывался в рамки нового понимания святости: она, вне всякого сомнения, находилась в эпицентре политических событий, ее миссия имела конкретную цель, ее действия были эффективны. Вот по-

⁶⁰⁵Suire E. Op. cit. P. 370—376. Как отмечает С. Брумхолл, на протяжении 65 лет, начиная с 1523 г., католической церковью не было канонизировано ни одного святого. Первая после длительного перерыва канонизация — святого Диего де Алькала — состоялась в 1588 г., в тот же год, когда папа Сикст V, исполняя решения Тридентского собора, создал Конгрегацию обрядов, призванную выработать стандартную процедуру канонизации и определить отличительные черты истинных святых: Broomhall S. Op. cit. P. 50. Во Франции последними официально признанными святыми стали Пьер Люксембургский и Людовик Альман: Suire E. Op. cit. P. 12, 370.

⁶⁰⁶За тот же период были канонизированы 14 итальянцев и 14 испанцев: Le Gall J.-M. Denis, Georges, Jacques, Antoine, Andre, Patrick et les autres. Identité nationale et culte des saints (XVe-XVIIIe siècles) // Comportements, croyances et mémoires. Europe méridionale, XVe-XXe siècles. Etudes offertes à Régis Bertrand / Sous la dir. de G. Buti, A. Carol. Aix, 2007. P. 149.

⁶⁰⁷Suire E. Op. cit. P. 26—37, 59—63.

⁶⁰⁸Ibid. P. 38—40.

⁶⁰⁹Ibid. P. 77—78, 81—82, 111—117, 267—288.

чему авторы этого времени не ограничивались декларативными заявлениями о Божественном характере откровений Жанны, но и пытались представить реальные доказательства ее благочестия.

Так, в 1627 г. Тома Фриан, автор жития Колетты из Корби (1381—1447), основательницы ордена нищенствующих клариссинок (или колеттанок), почитавшейся святой буквально со дня смерти⁶¹⁰, включил в свое повествование явно вымышленный эпизод о пребывании Колетты в 1412 г. в Домреми, где в это время разрешилась от бремени Изабелла Роме. Колетта якобы благословила новорожденную девочку (которой и была Жанна д'Арк) и оставила в ее колыбельке собственное кольцо с надписью «Иисус-Мария», ставшее затем собственностью девушки. Примерно в то же время клариссы из монастыря в Пюи начали рассказывать посетителям о еще одной встрече Колетты и Орлеанской Девы, которая имела место в 1429 г. и во время которой обе святые молились друг о друге⁶¹¹. В 1631 г. состоялась торжественная передача уцелевшей «реликвии» Жанны д'Арк (ее шапки) ордену ораторианцев в Орлеане. В сопроводительном письме представитель ордена Поль Метезо просил своих коллег отнестись к дару с особым вниманием, «достойно его хранить, оградить от пыли и передать будущим поколениям, учитывая набожность, достоинство, заслуги и святость этой девушки и героической Девы»⁶¹². В 1636 г. имя Жанны д'Арк было включено в «Галликанский мартиролог» Андре дю Соссейя, собравшем в своем издании имена 14292 святых и 254 набожных людей для первого полугодия и 42363 святых и 273 набожных людей

⁶¹⁰ Два жития Колетты были написаны уже во второй половине XV в. специально для процесса по канонизации, которая, однако, состоялась лишь в 1807 г. Подробнее о почитании св. Колетты во Франции: Lopez E. Culture et sainteté: Colette de Corbie, 1381—1447. Saint-Etienne, 1994.

⁶¹¹ Beaune C. Jeanne d'Arc. Vérités et légendes. P. 102.

⁶¹² «Pour y estre dignement conservé à l'avenir, le sauver des cendres et le recommander à la postérité, suivant la piété, valeur, mérite et sainteté de cette fille et vierge héroïque» (Q, 5, 235). В отсутствие могилы Жанны д'Арк, вокруг которой мог бы складываться ее местный культ (с опорой прежде всего на посмертные чудеса), вещи девушки, рассматриваемые как реликвии, оставались единственным способом создания ее «репутации святой» (*fama sanctitatis*), необходимой в идеале для официальной канонизации: Suire E. Op. cit. P. 289—304. Впрочем, попытки «коллекционирования» предметов, принадлежавших Жанне, предпринимались и ранее. В личном собрании Людовика XII в замке Амбуаз хранились, в частности, доспехи, которые якобы носила Дева. У лигеров Орлеана в XVI в. также находился ее меч. Еще один подобный меч вплоть до Революции 1789 г. демонстрировался в аббатстве Сен-Дени: Marot P. De la réhabilitation à la glorification de Jeanne d'Arc. Essai sur l'historiographie et la culte de l'héroïne en France pendant cinq siècles // Mémorial du Ve centenaire de la réhabilitation de Jeanne d'Arc, 1456—1956. P., 1958. P. 95, 101.

для второго полугодия⁶¹³. Это были «знаменитые мученики, выдающиеся епископы, несравненные доктора теологии, но также чистые девы (*castae Virgines*) и монахи всех орденов обоого пола»⁶¹⁴, тем или иным образом связанные с Французским королевством (прежде всего, его защитники). Как мученица (пусть пока и не канонизированная) значилась в этом списке и Жанна д'Арк⁶¹⁵, чуть позднее, в 1645 г., упомянутая также в «Большом менологе святых, блаженных и достопочтенных дев Франции» Франсуа Лайе⁶¹⁶.

Новый интерес к Жанне д'Арк был связан и со сложностями, которые переживала в первой половине XVII в. королевская власть, с политикой абсолютизма, установлением которого после сложного периода 1621—1624 гг. был занят кардинал Ришелье. Первый министр Людовика XIII уделял фигуре Жанны особое внимание, о чем свидетельствовал ее портрет, заказанный для галереи его дворца и описанный В. де ла Коломбьером и Б. Григетом⁶¹⁷. (Илл. 13) Для Ришелье Дева являлась идеальным героем абсолютистской Франции, верной помощницей короля в установлении его власти⁶¹⁸. Впрочем, как отмечает К. Бон, кардинал, возможно, задумывался и о канонизации Жанны⁶¹⁹. Многочисленные произведения, изданные в первой половине XVII в. и в большей или меньшей степени затрагивавшие проблему святости Орлеанской Девы, были обязаны своим появлением именно Ришелье. Их авторы являлись либо его приближенными, либо входили в литературный круг, на который распространялось его прямое или косвенное влияние. Первому министру

⁶¹³*Le Gall J.-M.* Op. cit. P. 149—150.

⁶¹⁴*Saussay A. du.* Martyrologium gallicanum. P., 1636. T. 1, б.п.

⁶¹⁵Rotomagi in veteri foro Martyrium Ioannae Arciae puellae Aurelianensis ab Anglis crematae damnatione adeo iniusta, ut sedis Apostolicae auctoritate revocata prorsusque abrogata fuerit. Eodemque supremo iudicio ipsi Ioannae aequissimo iure vindicata pietas, castitas et innocentia” (Ibid. P. 396, разрядка моя — О.Т.).

⁶¹⁶*Lahier F.* Le grand menologe des saintes, bienheureuses et venerables vierges. P., 1645. К сожалению, данное издание является большой библиографической редкостью и осталось мне недоступным.

⁶¹⁷Как отмечает К. Краузе, изобразительная программа Галереи знаменитых людей во дворце была выполнена в 1629—1633 гг. Она полностью соответствовала изначальной идее самого Ришелье — представить портреты великих служителей французских королей, главным из которых являлся сам кардинал (его портрет завершал Галерею): *Krause K.* Richelieu au Palais-Cardinal // *Richelieu, patron des arts / Sous la dir. de J.-C. Boyer, B. Gaehtgens, B. Gady.* P., 2009. P. 282.

⁶¹⁸Подробнее о гуманистическом понимании Ришелье роли героя в истории как инструмента, посланного Господом на помощь королевству и его правителю, см.: *Ranum O.* Richelieu, l'histoire et les historiographes // *Richelieu et la culture. Actes du Colloque international en Sorbonne / Sous la dir. de R. Mousnier.* P., 1987. P. 125—137.

⁶¹⁹*Beaune C.* Jeanne d'Arc. Vérités et légendes. P. 175—176.

королевства была посвящена, как я упоминала выше, поэма Н. Вернуля 1629 г., а также «Галликанский мартиролог» А. дю Соссейя. Р. де Серизье, воспитатель Людовика XIII, чья «Жанна д'Арк» издавалась 8 раз на протяжении XVII в., был ближайшим соратником кардинала Ришелье⁶²⁰. Доверенными лицами последнего являлись отец д'Обиньяк⁶²¹ и И.-Ж. Пиле де Ла Менардьер, переложивший трагедию д'Обиньяка в стихах⁶²². По специальному заказу Ришелье была создана «История Франции» Ф. де Мезере, бывшего королевским историографом⁶²³.

Однако наибольший интерес среди всех авторов первой половины XVII в., посвятивших свои сочинения Жанне д'Арк, представляет для нас Жан Шаплен (1595—1674), один из самых влиятельных людей в литературных кругах Франции своего времени и один из первых членов Академии (кресло № 7), чей интерес к французской героине повлиял на многих его современников⁶²⁴. «Девственница, или Освобожденная Франция», над которой Шаплен работал с 1625 г., также создавалась под неусыпным контролем со стороны кардинала Ришелье, которому автор и был обязан столь высоким положением в обществе⁶²⁵. Поэма была закончена уже после смерти всемогущего первого министра (1642 г.) и опубликована в 1656 г., однако ее отдельные части стали известны образованной публике значительно раньше благодаря многочисленным спискам и чтению отрывков в литературных салонах⁶²⁶.

⁶²⁰ *Marot P. Op. cit. P. 99; Bury E. Ceriziers René de // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIIe siècle. P. 250—251.*

⁶²¹ Аббат д'Обиньяк являлся воспитателем одного из племянников Ришелье, Жан-Армана де Майе-Брежи (1604—1646). Он также был правой рукой кардинала в начатой этим последним реформе французского театра: *Beck L. Aubignac François Hédelin, abbé d' // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIIe siècle. P. 81—83; Couton G. Richelieu et le théâtre. Lyon, 1986. P. 13—19.*

⁶²² *Mesnardière H.-J. Pilet de La. La Pucelle d'Orléans, tragédie. P., 1642. Подробнее см.: Blocker D. Op. cit. P. 160—161.*

⁶²³ *Peter R. Méseray François Eudes de // Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIIe siècle. P. 853—855.*

⁶²⁴ Краткую биографическую справку см. в: *Mornet D. Chapelain Jean // Ibid. P. 268—270.*

⁶²⁵ Шаплен входил в ближний круг кардинала Ришелье и был участником его «домашней» академии, члены которой затем составили костяк Французской Академии: *Fumaroli M. Les intentions du cardinal de Richelieu, fondateur de l'Académie française // Richelieu et la culture. P. 69—77.* «Девственница» Шаплена, как и «Хлодвиг» Демаре де Сен-Сорлена (1657 г.), по замыслу Ришелье, должны были стать образцами новой национальной эпопеи, которой, с его точки зрения, не хватало Франции: *Couton G. Op. cit. P. 66—67; Raknem I. Joan of Arc in History, Legend and Literature. Oslo, 1971. P. 64—69.*

⁶²⁶ Следует также учитывать, что всего за полтора года с момента появления «Освобожденная Франция» была переиздана еще 5 раз (*Marot P. Op. cit. P. 102*).

Несмотря на то, что Жанна не являлась главным персонажем поэмы⁶²⁷, Шаплен уже в прологе заявлял, что «предпочитает ее всем остальным»⁶²⁸. Он писал, что многие из его коллег не верят в то, что женщина может стать «героем эпической поэмы»⁶²⁹: они опираются в данном случае на Аристотеля, полагавшего, что представительницы слабого пола — всего лишь ошибка природы, которая обычно собирается создать мужчину, но часто останавливается на полдороге и не доводит начатое до конца. Все эти авторы, отмечал Шаплен, считают, что в женском теле может присутствовать лишь женский дух и что оружие — исключительно мужская забава⁶³⁰. Они испытывают неприязнь по отношению к тем особам, которые все же отважились взять оружие в руки⁶³¹. Однако все эти господа, по мнению автора, просто плохо понимают природу «героического достоинства» (*la Vertu heroïque*), которое отличает даже некоторых самок животных в дикой природе⁶³². Таким образом, по мнению Шаплена, проблема заключалась вовсе не в сильном теле, но в сильном духе, ибо моральные достоинства в равной степени свойственны как мужчинам, так и женщинам⁶³³.

В подтверждение своей теории Шаплен приводил многочисленные примеры из древней истории. Он вспоминал об античных героинях, которым приходилось брать в руки оружие, чтобы защитить свои страны. Он приводил примеры и из современной ему французской истории, в которой сильные духом женщины — Мария Медичи и Анна Австрийская — удачно осуществляли управление государством. Именно в этом ряду, с точки зрения Шаплена, располагалась и Жанна д'Арк, история жизни которой прочитывалась им также в героическом ключе⁶³⁴. Восприятие девушки прежде всего как героя было особенно заметно в описаниях военных кампаний. Жанна не просто ни в чем не уступала окружавшим ее мужчинам, она оказыва-

⁶²⁷ Главным персонажем поэмы Шаплен изобразил графа Дюнуа, что объяснялось его тесными связями с потомками бастарда Орлеанского — семейством Генриха Орлеанского, герцога де Лонгвиль: *Poulouin C. "La Pucelle" de Chapelain: bergère et fille du ciel // Images de Jeanne d'Arc. P. 179—187.*

⁶²⁸ "La valeureuse Pucelle, et que ie l'ay constamment preferée à tant de Heros" (*Chapelain J. La Pucelle, ou la France delivrée. Poème heroïque. 3 éd. P., 1657, préface.*)

⁶²⁹ "Quelques'uns, qui sont persuadés que les Femmes ne peuvent estre prises pour les Heroïnes, dans les Poèmes Epiques" (*Ibid.*).

⁶³⁰ *Ibid.*

⁶³¹ "Le second, la Meffiance que cet Usage fait trouver dans la valeur des Femmes, qui, par quelque raison que ce soit, s'engagent à les porter" (*Ibid.*). Возможно, здесь Шаплен намекал на негативный отклик на историю Жанны д'Арк Андре Риве.

⁶³² *Ibid.*

⁶³³ "Ils se devoient souvenir que cette Vertu n'a presque rien à faire avec le corps" (*Ibid.*).

⁶³⁴ "Ceux qui ont assés de force, pour se defendre des prejugés, ne s'estonneront point que j'aye choisi une Fille, pour l'un des premiers Heros de mon Poème" (*Ibid.*).

лась наиболее яростной и кровожадной в атаке⁶³⁵. Она не допускала до руководства войском никого, даже короля⁶³⁶. Вдвоем с графом Дюнуа она выступала против двух тысяч воинов — и одерживала победу⁶³⁷. Даже в плен, согласно Шаплону, она попадала лишь тогда, когда ломался ее меч⁶³⁸.

Следует, однако, отметить, что героический образ, созданный Шаплонем, в значительной степени уступал образу святой Жанны д'Арк. По подсчетам Ф. Мишо-Фрежавиль, из 202 эпитетов, использованных в поэме, определение «святая» применительно к девушке повторялось 96 раз⁶³⁹. Уже в предисловии автор заявлял, что собирается вести рассказ о «святой деве и ее чудесах» (*les Merveilles de la sainte Fille*), что, с его точки зрения, было совершенно естественно, ибо спасение Франции от полного поражения, чему так поспособствовала Жанна, являлось исполнением Божьего замысла (*un Dessin si haut*)⁶⁴⁰. Сама поэма, собственно, и начиналась с молитвы, обращенной Карлом VII к Спасителю⁶⁴¹, на которую откликнулась Богородица, просившая у своего Сына помощи французам. Тот соглашался послать Франции Деву, но лишь затем, чтобы прославить женский род⁶⁴². Именно поэтому и в разговоре Жанны с ангелом при их первой встрече речь шла не о героических свершениях, которые предстоят ей на поле брани, но о «чудесах», которые при ее помощи явит французскому народу Господь⁶⁴³. Именно поэтому «святость» делала саму девушку «доблестной»⁶⁴⁴, она представляла в поэме «сильной святой» (*forte Sainte*) и «небесной амазонкой» (*Amazone celeste, Amazone du Ciel*)⁶⁴⁵, а ее военные кампании именовались «святыми деяниями» (*la sainte Entreprise*)⁶⁴⁶.

⁶³⁵“La Sainte, qui poursuivit son cours victorieux, / Relvit en l'abordant, et du fer, et des yeux. / Ses yeux, sources de flammes, à travers la visiere, / Lettent aux ennemis une afreuse lumiere, / Ils n'en peuvent souffrir l'espouvantable eclat; / Son regard les aveugle, son fer les abat” (Ibid. P. 47).

⁶³⁶Ibid. P. 43.

⁶³⁷Ibid. P. 71.

⁶³⁸Ibid. P. 393.

⁶³⁹На втором месте стояла «Дева» (71 упоминание) и только на третьем — «воительница» (35 упоминаний): *Michaud-Fréjaville F. Personne, personnage: Jeanne d'Arc en France au XVIIe siècle. P. 246.*

⁶⁴⁰*Chapelain J. Op. cit., préface.*

⁶⁴¹Ibid. P. 9—10.

⁶⁴²Ibid. P. 12—13.

⁶⁴³“A ces faits merveilleux prepare ton courage” (Ibid. P. 15).

⁶⁴⁴“Elle se sent vaillante, et sa sainte chaleur / L'excite à rechercher l'objet de sa valeur” (Ibid. P. 16).

⁶⁴⁵Ibid. P. 47, 96, 391.

⁶⁴⁶Ibid. P. 137.

Иными словами, в поэме Шаплена перед читателями представало то же самое смешение двух типов дискурса — героического и агиографического — которое мы наблюдали в большинстве произведений, созданных во Франции в раннее Новое время и касавшихся истории Жанны д'Арк. Интересно при этом отметить, что Шаплен обошел молчанием проблему *discretio spirituum*: в его поэме не нашлось места для допросов, которым подвергалась девушка в Шиноне и Руане. Напротив, чрезвычайно детально оказалась здесь разработана тема противостояния истинных христиан-французов неверным язычникам-англичанам. Впервые она звучала уже в сцене обретения меча из Сент-Катрин-де-Фьербуа, принадлежавшего, по мнению автора, еще Карлу Мартеллу, победившего сарацин, а теперь по праву перешедшего Жанне для ведения войны против англичан⁶⁴⁷. Родина этих последних прямо называлась Шапленом «варварским островом» (*isle barbare*)⁶⁴⁸, а они сами — расой «неверных» и монстрами из преисподней⁶⁴⁹. Им противостояли французы под предводительством Жанны, которую ее сторонники почитали как святую и на помощь которой в самый ответственный момент Господь посылал ангелов⁶⁵⁰. Вот почему, заключал Шаплен, она одержала над своими противниками победу, как Христос победил силы ада⁶⁵¹. Вот почему англичане-еретики судили ее и послали на казнь: жизнь Жанны — как и жизнь самого Спасителя — была отдана за истинную веру.

Если для англичан Жанна, по убеждению французских авторов первой половины XVII в., по-прежнему оставалась демоном, то для них самих она, безусловно, стала святой мученицей, уподоблявшейся Иисусу Христу. Такая трактовка образа французской героини полностью укладывалась в определение святости, данное на Тридентском соборе и представляла собой один из наиболее ранних типов святости, признанных церковью⁶⁵².

И все же, несмотря на, казалось бы, совершенно очевидную готовность французского католического общества признать святость Жанны д'Арк, несмотря на включение ее имени в списки мучеников и свя-

⁶⁴⁷Ibid. P. 29—30.

⁶⁴⁸Ibid. P. 36.

⁶⁴⁹“Compagnons, leur dit-elle, / Achevés de punir cette Race infidele” (Ibid. P. 77); “Quand les Monstre d’Enfer, que l’injuste Angleterre / a pour ses partisans, en cette afreuse guerre” (Ibid. P. 128).

⁶⁵⁰“Dieu voit le grand peril, accorde sa demande, / Et de soldats ailés fait partir une bande ; / Uriel la conduit, et tombe en un moment / Du Ciel le plus sublime au plus bas Element” (Ibid. P. 86).

⁶⁵¹“Elle crie; O François, l’Enfer est terracé, / Le Ciel veut à ce coup que l’Anglois soit forcé” (Ibid. P. 87).

⁶⁵²*Suire E. Op. cit.* P. 153—158.

тых дев Франции и открытый призыв к канонизации, прозвучавший в 1672 г.⁶⁵³, никаких официальных шагов в этом направлении во Франции XVII в. предпринято не было.

В определенной степени это оказалось связано с ужесточением самой процедуры канонизации. В 1634 г. был утвержден принцип *non cultu*, согласно которому факт местного почитания человека, претендующего на статус святого, противоречил его официальному признанию. В 1642 г. была также введена специальная церковная проверка *super non cultu*, в ходе которой папские легаты обязаны были установить отсутствие подобного культа⁶⁵⁴. Именно эти обстоятельства, как отмечал Эрик Суир, привели к тому, что во Франции XVII в. не было инициировано практически ни одного канонизационного процесса⁶⁵⁵. Не менее важным представляется и весьма настороженное отношение французского общества этого времени к любым проявлениям мистики (чудесам, откровениям, пророчествам), в которых более охотно видели обман или болезнь, нежели Божественное вмешательство в жизнь человека⁶⁵⁶.

Что же касается собственно Жанны д'Арк, то явное падение интереса к ее фигуре во второй половине XVII в. было, как мне представляется, связано не только с усложнением канонического права и общими религиозными настроениями эпохи, но и с тем влиянием, которое оказало на судьбу французской героини произведение Жана Шаплена.

6.2. «Освобожденная Франция» Жана Шаплена и ее критики

По мнению многих исследователей, крайне низкие литературные достоинства «Освобожденной Франции» не только отрицательным образом сказались на карьере самого автора, но и перечеркнули усилия его предшественников, направленные на восхваление Орлеанской Девы⁶⁵⁷. Если в 40-е гг. XVII в. поэма, задолго до публикации ставшая известной просвещенной публике по многочисленным спискам и публичным

⁶⁵³[*Senault J.F.*]. Panégyrique de Jeanne d'Arc prononcé dans l'église Sainte-Croix d'Orléans le dimanche 8 mai 1672 / Publ. par H. Stein. Orléans, 1887. Подробнее об этом тексте и о культе Жанны д'Арк в Орлеане см. ниже: Глава 5. § 4.2.

⁶⁵⁴*Suire E.* Op. cit. P. 289—290.

⁶⁵⁵Исключение представлял процесс о признании святости Жанны Французской, инициированный французским духовенством в 1617 г. В 1632 г. официальные слушания по данному делу начались в Риме, однако лишь в 1742 г. Жанна была объявлена блаженной. Ее официальная канонизация состоялась в 1950 г.: *Ibid.* P. 370.

⁶⁵⁶*Ibid.* P. 191—198; *Jeanné E.* L'image de la Pucelle d'Orléans dans la littérature historique française depuis Voltaire. Liège, 1935. P. 2—7.

⁶⁵⁷Подробнее см.: *Poulouin C.* Op. cit. P. 179—180; *Marot P.* Op. cit. P. 102—104.

выступлениям Шаплена, вызывала восхищение, что было связано прежде всего с трактовкой образа Жанны д'Арк как святой Французского королевства⁶⁵⁸, то уже в 50-е гг. восторг сменился скептицизмом. В эпиграмме, написанной еще до официального издания поэмы, известный сатирик Франсуа Пейо де Линьер (1628—1704) высказывал предположение, что через шесть месяцев после выхода из печати никто уже не вспомнит о «чудесной “Девственнице”», появления которой так ждали на протяжении предшествующих 20 лет⁶⁵⁹. Предчувствие Линьера оправдалось, впрочем, лишь отчасти: говорить о произведении Ж. Шаплена во второй половине XVII в. не перестали, однако теперь оно воспринималось исключительно как насмешка над памятью Орлеанской Девы.

Критика «Девственницы» в литературных кругах Франции в этот период была связана прежде всего с именем Николя Буало-Депрео (1636—1711), одного из самых известных французских поэтов эпохи, оказавшего огромное влияние на поэзию XVII—XVIII вв. Буало порицал Шаплена прежде всего за художественный уровень его сочинения. Уже в 1660 г. в «Сатире I» он упоминал «титулованного стихотворца Пуселена», образовав фамилию последнего от *Chapelain* и *Pucelle*⁶⁶⁰. На протяжении всей своей долгой творческой жизни Буало не уставал возвращаться к сомнительным литературным достоинствам поэмы, ее «вымученным» и «тяжеловесным» стихам, которые критически настроенный человек не сможет простить автору⁶⁶¹. Последнего Буало именовал «кошмаром Девы» (*l'effroi de la Pucelle*)⁶⁶² и «весьма посредственным поэтом» (*assez méchant poète*)⁶⁶³, для которого каждый читатель сразу же становится новым Линьером⁶⁶⁴.

Впрочем, Буало не устраивало не только качество стихов Шаплена, но и сам жанр эпической поэмы, избранный, с его точки зрения, неудачно. В «Критических размышлениях» 1693 г. он обрушивался на Шарля

⁶⁵⁸Так, например, М. де Скюдери писала о Жанне д'Арк как о «приемной дочери» (*fille par adoption*) Шаплена, как о «святой девушке» (*sainte fille*), которой он не устает возносить похвалы: *Un tournois de trois pucelles*. P. 17, 20.

⁶⁵⁹«Nous attendons de Chapelain, / Ce rare et fameux écrivain, / Une merveilleuse Pucelle. / La cable en dit force bien, / Depuis vingt ans on parle d'elle; / Dans six mois on n'en dira rien» (*Boileau Despréaux. Oeuvres / Ed. par M. Viollet Le Duc. P., 1823. P. 81, note*).

⁶⁶⁰*Ibid.* P. 41.

⁶⁶¹*Ibid.* P. 63, 79 («Сатира VII» 1663 г. и «Сатира IX» 1667 г.); *Boileau Despréaux. Oeuvres en vers, avec des éclaircissemens historiques, donnez par lui-même. Genève, 1724. T. 2. P. 45* (эпиграмма, написанная до 1699 г.).

⁶⁶²*Idem.* *Oeuvres en vers*. P. 3 («Послание I королю» 1669 г.).

⁶⁶³Так Буало назвал Шаплена в предисловии к четвертому изданию своих произведений в 1683 г.: *Idem.* *Oeuvres*. P. 29.

⁶⁶⁴*Ibid.* P. 81. V. 235—236.

Перро, имевшего неосторожность усомниться в авторстве Гомера в отношении «Илиады» и «Одиссеи» и поставить поэму Шаплена значительно выше последних⁶⁶⁵. Буало полагал, что подобное заблуждение происходило из плохого знания Перро греческого языка, что не позволило ему по достоинству оценить всю прелесть и глубину античной поэзии⁶⁶⁶.

Не меньше претензий вызывал у него и заказной характер «Девственницы», о чем он неоднократно упоминал в собственных произведениях. Наибольшую известность из них получила пародия на «Сиду»⁶⁶⁷, известная как «Развенчанный Шаплен», в создании которой помимо Буало приняли участие его ближайшие друзья Антуан Фюретьер и Жан Батист Расин⁶⁶⁸. Появление этого произведения в 1664 г. было вызвано тем обстоятельством, что годом ранее по решению Людовика XIV генеральный контролер финансов Кольбер начал выплачивать официальные пенсии французским литераторам, членам Академии⁶⁶⁹. Именно этот вопрос оказывался в пародии центральным: Шаплен, уполномоченный Кольбером составить список писателей, достойных подобного вспомоществования, и сам получивший в качестве пенсии три тысячи ливров, противостоял здесь другому французскому литератору — оставшемуся ни с чем Жану Пюже де Ла Серру. «Чтобы получить пенсию, нужно написать поэму», — прозрачно намекал на «Девственницу», заказанную еще кардиналом Ришелье, третий участник действия, аббат Касень, также ставший королевским пенсионером, но получивший значительно меньшую, нежели Шаплен, сумму денег⁶⁷⁰. Он подумывал даже призвать на помощь «старика Конрара», секретаря

⁶⁶⁵Boileau Despréaux. *Réflexions critiques. Réflexion II* // Boileau Despréaux. *Oeuvres*. P. 290.

⁶⁶⁶Ibid. P. 290—292.

⁶⁶⁷Как представляется, трагикомедия «Сид» Пьера Корнеля была использована в качестве прототипа для пародии далеко не случайно. Этот выбор служил напоминанием о так называемом споре о Сиде (*querelle de Cide*), который разразился во французских образованных кругах в 1637—1638 гг. и в котором мнения о данном произведении членов Академии (в частности, Жана Шаплена) и рядовых литераторов разделились. Академики обвинялись в излишнем давлении на писателей, во вмешательстве во вопросы языкознания, в формировании отношения к тем или иным произведениям в обществе. Их противники ратовали за большую свободу авторов в выборе сюжетов и жанров своих сочинений: *Merlin H. Public et littérature en France au XVIIe siècle*. P., 1994. P. 153—193, 236.

⁶⁶⁸Chapelain decoiffé, ou parodie de quelques scènes du “Cide”, sur Chapelain, Cassaigne, et La Serre // Boileau Despréaux. *Oeuvres en vers*. P. 463—480. Стоит отметить, что позднее Буало решительно отказывался от авторства, утверждая, что главным создателем пародии являлся Фюретьер, тогда как они с Расином сочинили лишь несколько строф: *Idem. Oeuvres*. P. 393—394.

⁶⁶⁹Chapelain decoiffé. P. 463—465.

⁶⁷⁰Ibid. P. 475.

ря Академии, дабы тот рассудил Ла Серра и Шаплена, или в крайнем случае обратиться к «Деве Сафо», как в XVII в. называли м-ль де Скюдери⁶⁷¹. Противостояние двух писателей, однако, приводило к тому, что Ла Серр похищал парик Шаплена. Дабы его вернуть, последний обещал замолвить за своего оппонента словечко перед Кольбером⁶⁷².

На этом, впрочем, история не заканчивалась: из продолжения пародии, названного «Превращение парика Шаплена в комету» и написанного все в том же 1664 г.⁶⁷³, становилось ясно, что ценная вещь так и не возвратилась к своему владельцу. Напротив, парик, верный соратник Шаплена во всех его трудах, видевший «рождение Гусмана» и «смерть “Девственницы”»⁶⁷⁴, благодаря Аполлону превращался в комету — звезду, под которой отныне будут рождаться одни лишь поэты⁶⁷⁵.

Тема «проплаченного» сочинения развивалась и в другом, не менее ярком произведении Буало — прозаическом «Диалоге героев романа» 1664—1665 гг., представлявшем собой беседу Платона и Диогена, которые обсуждали между собой всех персонажей прошлого, ставших в XVII в. героями исторических романов. После Фарамонда, Томирис, Кира, Клелии, Миноса и многих других пред ними являлась Жанна д'Арк, «доблестная девушка (*vaillante fille*), освободившая Францию от ига англичан»⁶⁷⁶. Достоинства французской героини, правда, меркли в глазах собеседников сразу же, как только она начинала свою «торжественную речь» (*une harangue*), ибо, как объяснял Диоген Платону, с некоторых пор «она говорит только стихами» (*car elle ne parle plus qu'en vers*)⁶⁷⁷. Под последними Буало подразумевал, естественно, поэму Шаплена, обширными цитатами из которой изъяснялась Жанна, от чего античные мыслители приходили в полный ужас. «На каком языке она

⁶⁷¹Ibid. P. 476. Эти стихи, возможно, указывали на знакомство авторов с рассмотренным выше спором М. де Скюдери и М. Мулен, посредником в котором выступал В. Конрар: Глава 4. § 5.

⁶⁷²Chapelain decoiffé. P. 466.

⁶⁷³La Metamorphose de la Perruque de Chapelain en Comète // Boileau Despréaux. Oeuvres en vers. P. 481—482. Название было связано в появлении в конце 1664 г. кометы, которую могли наблюдать парижане. В данном случае Буало признавал свое авторство, а также участие Расина в создании текста: Ibid. P. 464.

⁶⁷⁴“Qui de tous ses travaux la compagne fidelle, / A vû naître Guisman, et mourir la Pucelle” (La Metamorphose. P. 481). Под «рождением Гусмана» подразумевалось издание в 1638 г. плутовского романа «Гусман де Альфараче» испанского писателя Матео Алемана (1547—1614?) в переводе Ж. Шаплена.

⁶⁷⁵Ibid. В ответной эпиграмме, авторство которой приписывалось самому Шаплону, утверждалось, что последний предпочитает лишиться парика, нежели королевской пенсии: Ibid. P. 482.

⁶⁷⁶Boileau Despréaux. Dialogue des heros de romans // Boileau Despréaux. Oeuvres. P. 272.

⁶⁷⁷Ibid.

говорит?» — вопрошал Платон, искренне полагая, что он не понимает свою собеседницу потому, что она использует «нижнебретонский или немецкий» (*du bas-breton ou de l'allemand*)⁶⁷⁸. Узнав, что в действительности Жанна общается с ним на французском, которому ее обучил поэт, у которого она «в течение 40 лет была пенсионеркой», Платон заявлял, что тот «плохо ее воспитал»⁶⁷⁹. А выяснив, что за свои труды поэт получил солидное вознаграждение и сам стал «пенсионером», он заключал, что деньги эти были потрачены зря, и требовал избавить его немедленно от общества девушки, от стихов которой у него болят уши и раскалывается голова, настолько они «сухи и тяжеловесны»⁶⁸⁰.

Ядовитые замечания Буало относительно «Девственницы» Жана Шаплена оказали, как мне представляется, огромное влияние на его современников⁶⁸¹: во второй половине XVII в. не было создано практически ни одного нового сочинения, в той или иной мере посвященного Жанне д'Арк⁶⁸². Оценка, данная «Освобожденной Франции» Буало, была хорошо известна и читателям XVIII в., которые также полагали жанр этого произведения неудачным⁶⁸³, стихи — отвратительными⁶⁸⁴, а его автора — ставленником Кольбера, опозорившим Академию⁶⁸⁵. Тем не менее, очень скоро XVIII в. познакомился и с другой, не менее знаменитой, нежели «Развенчанный Шаплен» или «Диалог героев романов», пародией на эту поэму. Ею стала «Орлеанская девственница» Вольтера.

⁶⁷⁸Ibid. P. 273.

⁶⁷⁹Ibid.

⁶⁸⁰“Tout en elle n'est que dureté et que secheresse” (Ibid.).

⁶⁸¹“Chapelain a fait en l'honneur de Jeanne d'Arc un Poëme, plus connu par les satyres de Boileau” (*Barral P. Dictionnaire historique, littéraire et critique, contenant une idée abrégée de la Vie et des Ouvrages des Hommes Illustres en tout genre, de tout tems et de tout pays. P., 1758. T. 1. P. 200*).

⁶⁸²Исключение представляло не раз упоминавшееся выше сочинение Ж. Гийом.

⁶⁸³*Le Gendre L. Nouvelle histoire de France, depuis le commencement de la Monarchie, jusques à la mort de Louïs XIII. T. 1—8. P., 1719. T. 6. P. 184—185.*

⁶⁸⁴*Chevrier F.A. Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres de la Lorraine. Bruxelles. 1754. T. 1. P. 58—59.*

⁶⁸⁵*Chaudon L.-M. Les grands hommes vengés, ou Examen des jugements portés par M. de V. et par quelques autres philosophes sur plusieurs hommes célèbres. Amsterdam, 1769. T. 1. P. 55.*

Глава 5

XVIII–XIX ВВ.:

**На пути
к канонизации**

§ 1. Жанна д'Арк и Вольтер

Желание Вольтера спародировать Шаплена (о чем он заявлял уже в первых строках своего произведения¹), создав похожую «героическую поэму», объяснялось не только литературной слабостью «Освобожденной Франции». Различия в восприятии истории Жанны д'Арк имели значительно более глубокие корни, кривившиеся в постепенной смене всей системы мировосприятия. На смену средневековой схоластики и неоплатонизму XV—XVI вв. в конце XVII в. пришла механистическая философия Декарта и Гоббса, для которой был характерен прежде всего отказ от веры в сверхъестественное, в участие Бога в жизни людей, скептическое отношение к суевериям, магии и любого рода «чудесам»². Как следствие, изменялось и понимание причинно-следственных связей исторического процесса, роли в нем человека. С этими изменениями был связан, в частности, рационализм многих авторов этого времени, которые уделили внимание Жанне д'Арк и на сочинения которых во многом опирался в своих исторических изысканиях Вольтер.

1.1. «Философы» против провиденциалистов

К историкам-«философам», не желавшим признавать в Провидении движущую силу исторического процесса, в первой половине XVIII в. относились многие авторы, писавшие о Жанне д'Арк. Подробнейший анализ их произведений дал в свое время Жером Веркрюс, посвятивший специальное исследование историографическому контексту, в котором создавалась «Орлеанская девственность»³, а потому я позволю себе остановиться лишь на некоторых из них — на тех, которые входи-

¹ «О ты, певец сей чудотворной Девы, / Седой певец, чьи хриплые напевы, / Нестройный ум и бестолковый вкус / В былые дни бесили нежных муз, / Хотел бы ты, о стихотворец хилый, / Почтить меня скрипицею своей, / Да не хочу» (Вольтер. Указ. соч. С. 9). К эти стихам прилагалось собственное примечание автора: «Всякому ученому известно, что во времена кардинала Ришелье жил некий Шаплен, автор замечательной поэмы «Девственность», в которой, по словам Буало, «он написал двенадцатью двенадцать сот плохих стихов» (Там же. С. 251). В первоначальном варианте поэмы Шаплена, опубликованном в 1656 г., было 12 песен, каждая из которых содержала 1200 стихотворных строк.

² Подробнее см. об этом прежде всего: *Drouin S. Théologie ou libertinage? Lexégèse allegorique à l'âge des Lumières*. P., 2010, особенно P. 296, 341—357, 376—377. См. также: *Levack B.P. The Decline and End of Witchcraft Prosecutions*. P. 35—38; *Porter R. Witchcraft and Magic in Enlightenment, Romantic and Liberal Thought // Witchcraft and Magic in Europe: The Eighteenth and Nineteenth Centuries*. P. 191—272.

³ *Vercruysee J. Jeanne d'Arc au siècle des Lumières // SVEC*. 1972. T. 90. P. 1659—1729. См. также: *Idem. Introduction // Voltaire. La pucelle d'Orléans / Ed. critique par J. Vercruysee*. Genève, 1970. P. 127—130.

ли в личную библиотеку Вольтера, которые он, безусловно, читал и на которых сохранились его собственноручные пометы⁴.

Ж. Веркрюс выделял несколько направлений в исследованиях писателей-рационалистов данного периода. К первому относились авторы, полагавшие, что своими успехами Жанна была обязана не помощи сверхъестественных сил (Бога или дьявола), но себе самой, однако стремившиеся преуменьшить ее роль в судьбе Карла VII и его королевства. Такова была, к примеру, позиция Бернара де Фонтенеля, обращавшегося к данной проблеме в «Диалогах мертвых» 1687 г.: одна из выдуманных им бесед — разговор Роксаны и Агнессы Сорель — была посвящена воспоминаниям об ужасном состоянии дел во Франции в 1429 г. и о готовности короля бросить свою страну на произвол судьбы. Лишь уговоры Агнессы якобы удержали его в последний момент от бегства «в горы», а потому, заявляла она своей визави, нельзя все заслуги в деле спасения страны приписывать одной лишь Жанне д'Арк, без помощи любовницы короля эта деревенская девушка ничего не смогла бы сделать⁵.

Однако наиболее распространенной трактовкой истории Орлеанской Девы среди авторов-рационалистов в первой половине XVIII в., как и в XVI—XVII вв., оставалась версия, согласно которой девушка была не более чем игрушкой в руках ближайшего окружения Карла VII, использовавшего ее в собственных целях. При достаточно схожем изложении основных этапов «карьеры» Жанны в произведениях этих авторов менялись лишь имена тех сторонников короля, которые якобы руководили ее действиями. Так, для Жан-Батиста д'Аржана таким человеком был Робер де Бодрикур⁶. Для Поля Рапена де Тойра и Дэвида Юма главными заговорщиками выступали Агнесса Сорель и Мария Анжуйская, супруга Карла VII, к которым примкнули «главные куртизаны» последнего⁷. Шарль Дюкло полагал, что появление девушки на

⁴ Библиотека Вольтера ныне хранится в Российской национальной библиотеке (Кабинет Вольтера). Она была куплена Екатериной II сразу после смерти философа у его племянницы и наследницы госпожи Дени и доставлена в Петербург секретарем Вольтера Жан-Луи Ваньером. Об истории данного приобретения см. подробнее: Алексеев М.П. Библиотека Вольтера в России // Библиотека Вольтера. Каталог книг / Отв. ред. М.П. Алексеев, Т.Н. Копреева. М.-Л., 1961. С. 7—67.

⁵ Fontenelle B. *Le Bouyer de*. Dialogues des morts // Fontenelle B. *Le Bouyer de*. Oeuvres. P., 1825 (1687). Т. 3. Р. 455. См.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 1362, шифр 6—88 (со следами чтения).

⁶ Argens J.-B. de. *Lettres juives*. La Haye, 1738. Т. 4. Lettre 152. Р. 298—300. См.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 96, шифр 5—144 (со следами чтения).

⁷ Rapin de Thoyras P. *Histoire d'Angleterre*. La Haye, 1749 (1724—1736). Т. 4. Р. 234—235; Hume D. *The History of England*. Boston, 1854 (1761). Т. 2. Р. 388. Обе книги имелись в библиотеке Вольтера: Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 2871, 1703, шифры 4—233 и 9—269/270 соответственно (со следами чтения). На внимательное ознакомление Вольтера с «Историей Англии» Рапена де Тойра

исторической сцене стало следствием «политической интриги» Агнессы Сорель и графа Дюнуа⁸.

К сторонникам версии о политической интриге, насколько можно судить, примыкал и Вольтер, не раз обращавшийся к деяниям Жанны д'Арк в своих сочинениях. Впервые это произошло в «Генриаде», вышедшей (под названием «Лига, или Генрих Великий») в 1723 г.⁹ Данное поэтическое произведение не могло считаться историческим в полном смысле этого слова, однако было основано на реальных событиях, и действовали в нем реальные, а не вымышленные персонажи. Жанна была представлена здесь в ряду других выдающихся героев прошлого, в свое время ставших защитниками своей страны (*guerriers vengeurs de la Patrie*): Жоржа де Ла Тремуайя, Оливье де Клиссона, Анн де Монморанси, Гастона де Фуа, Бертрана Дюгеклена и графа Дюнуа¹⁰. Среди них находилась и «знаменитая амазонка», освободительница Франции и «поддержка трона»¹¹.

Казалось бы, в подобном описании Жанны д'Арк не было ничего существенно отличного от ее образа, созданного в исторических сочинениях XVI—XVII вв.: здесь все так же использовались уже знакомые нам категории героического дискурса. Тем не менее, стихи «Генриады» сопровождались прозаическими комментариями Вольтера, проясняющими его позицию по данному вопросу. Он, в частности, сообщал, что Жанна, родившаяся в деревне Домреми, в юности была «служанкой в таверне». Ее отличали большая физическая сила и «чрезмерная для ее пола» отвага, что позволило графу Дюнуа использовать ее для «улучшения положения Карла VII». В конце концов захваченная в плен она была обвинена в колдовстве абсолютно безграмотным и варварским церковным судом и отправлена на костер англичанами, которые в действитель-

---

указывали и его личные закладки, вложенные между стр. 236 и 237 (описание отбытия королевского войска под Орлеан и снятия осады с города) и между стр. 384 и 385, где начиналась *Dissertation sur la Pucelle* — отдельное сочинение автора, посвященное биографии французской героини.

⁸ *Duclos Ch. Histoire de Louis XI. P., 1745. T. 1. P. 10.* См.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 1124, шифр 2—174. Личные пометы Вольтера, касавшиеся Людовика XI, см. в: *Corpus des notes marginales de Voltaire. T. 3: Dale-Frisi // Les oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 2010. T. 138. P. 249—250.* Между стр. 20 и 21 (описание начала правления Людовика XI) также находилась закладка Вольтера.

⁹ [Voltaire]. *La Ligue ou Henry Le Grand, poëme epique. Genève, 1723.* В действительности поэма, запрещенная к публикации папой римским, была издана в Руане. Имя вымышленного издателя *Jean Mokrap* переводилось с французского как «Я смеюсь над папой»: Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 3676, шифр 11—73.

¹⁰ [Voltaire]. *Op. cit. P. 98.*

¹¹ “*Là brille au milieu d’eux cette illustre Amazone, / Qui delivra la France et rafermit le Trône*” (Ibid). В последующих изданиях «Генриады» (начиная с 1730 г.) эти стихи претерпели некоторые изменения: “*Et vous, brave amazone, / La honte des Anglais, et le soutien du trône*” (Voltaire. *La Henriade. S.l., 174-. P. 142.*)

ности должны были бы почитать ее за мужество¹². Вольтер не скрывал, что своими знаниями по истории Девы, а также ее специфической интерпретацией он в первую очередь обязан Ангеррану де Монстреле, одному из наиболее рассудительных (*de plus raisonnable*), с его точки зрения, средневековых авторов¹³. В более поздних изданиях «Генриады» (начиная с 1730 г.) он также всегда приводил большие выдержки из «Хроники» Монстреле, однако его собственная трактовка образа французской героини, как представляется, претерпела за это время определенные изменения. Об этом свидетельствовали, в частности, дополнения, сделанные Вольтером в издании 1740-х гг. Здесь он отмечал, что следует лишь восхищаться личными качествами Жанны, ее «спокойной уверенностью» в своих поступках, «простотой ее нравов», «благоразумием ее поведения и слов»¹⁴. Он полагал, что ее собственные идеи (*les idées d'une pauvre fille*) оказали существенное влияние на замыслы властей предержавших и изменили их планы (*les desseins les mieux concertés*)¹⁵.

Восхищение личными качествами Жанны д'Арк, в которых Вольтер усматривал непосредственную причину небывалых успехов французов в их противостоянии англичанам, было ясно выражено и в более поздних сочинениях. Так, в «Эссе о всеобщей истории» 1754 г. он уподоблял девушку Маргарите Анжуйской, супруге Генриха VI, графине де Монфор и Изабелле-Французской Волчице, супруге английского короля Эдуарда II, также прославившимся своими военными кампаниями¹⁶. В этих женщинах автора более всего привлекали их героизм, смелость, предприимчивость, упорство в достижении поставленной цели, способности к управлению и к военному делу (*les talents du gouvernement et toutes les vertus guerrieres*)¹⁷.

С тех же, как представляется, позиций оценивал Вольтер свою героиню и в «Эссе о нравах и духе наций» (1765—1769 гг.). Здесь он, правда, писал, что своим появлением на исторической сцене Дева оказалась обязана не графу Дюнуа, но Роберу де Бодрикуру¹⁸, однако замечал, что его главной задачей является проследить «дух эпохи», который «направляет все великие события»¹⁹. И именно дух Жанны д'Арк, ее отва-

¹² [Voltaire]. Op. cit. P. 98.

¹³ Voltaire. La Henriade. P. 316.

¹⁴ “Peut-on s'empêcher de louer le courage et la résolution si prudente et si bien concertée d'une fille de vingt ans... fille simple dans les moeurs, toujours sage dans sa conduite et dans ses réponses” (Ibid. P. 317).

¹⁵ Ibid. P. 318.

¹⁶ Voltaire. Essai sur l'histoire universelle. Leipzig-Dresde, 1754. T. 3. P. 249.

¹⁷ Ibid. P. 244—245.

¹⁸ Voltaire. Essais sur les moeurs et l'esprit des nations. Neuchatel, 1773. P. 35.

¹⁹ “Mon but est toujours d'observer l'esprit du temps; c'est lui qui dirige les grands évènements du monde” (Ibid. P. 37).

га, по мнению автора, стали тем решающим обстоятельством, которое смогло переломить ход Столетней войны²⁰.

Наиболее же развернутая характеристика деяний Жанны содержалась в «Вопросах об “Энциклопедии”» 1770—1772 гг. Здесь Вольтер вновь сравнивал Орлеанскую Деву с другими героинями прошлого, ставшими волею обстоятельств истинными воинами, замечая, впрочем, что все они превосходили своими достоинствами Жанну, поскольку «не притворялись боговдохновенными девственницами»²¹. В биографии самой девушки философа теперь интересовали прежде всего наиболее спорные моменты, которые, как он отмечал, стали уже традиционными в ее жизнеописании, но которые противоречили здравому смыслу и/или не подтверждались фактами. К подобным легендам, созданным сознательно его предшественниками, Вольтер относил, в частности, явление Жанне «голосов» и сам факт ее боговдохновенности, содержание задач, которые она якобы перед собой ставила, отправку личных писем англичанам при полной неграмотности, смелое поведение в суде²² и, наконец, легенду о спасении с места казни²³. Великий мыслитель также по-прежнему полагал, что своими успехами на политической сцене Жанна была обязана графу Дюнуа и усматривал логическую связь между этой интригой и появлением во французских войсках следующего «пророка» — Гийома Пастуха, «придуманного» Потеном де Сентрайлем²⁴. Вместе с тем, вслед за Антуаном Гаше д'Артинья²⁵, Вольтер писал, что Жанной, возможно, руководил также

²⁰ “Elle éut assez de courage et assez d’esprit pour se charger de cette entreprise, qui devint héroïque” (Ibid. P. 35).

²¹ “Les exploits de Jeanne d’Arc, si connue sous le nom de la Pucelle d’Orléans, sont moins étonnans que ceux de Marguerite d’Anjou et de la comtesse de Montfort... L’héroïne qui défendit Beauvais est peut-être supérieure à celle qui fit lever le siège d’Orléans; elle combattit tout aussi bien, et ne se vanta ni d’être pucelle ni d’être inspirée” (Voltaire. Questions sur l’Encyclopédie // Voltaire. Oeuvres / Ed. par M. Palissot. T. 38. P., 1792. P. 190—191).

²² Ibid. P. 498, 503.

²³ В XVIII в. история Клод дез Армуаз наиболее подробно оказалась изложена отцом О. Кальме, который настаивал, что речь в данном случае шла именно о Жанне д'Арк: Calmet A. Histoire de Lorraine. Nancy, 1728. T. 3. P. 556; Idem. Bibliothèque lorraine, ou Histoire des hommes illustres qui ont fleuri en Lorraine. Nancy, 1751. Col. 59. Вольтер о подобных утверждениях замечал следующее: «В такие сказки (tels contes) верят только те, кто желает быть одураченными (ceux qui veulent être trompés)»: Voltaire. Questions sur l’Encyclopédie. P. 503.

²⁴ Ibid. P. 498—499.

²⁵ Gachet d’Artigny A. Nouveaux mémoires d’histoire, de critique et de littérature. P., 1749—1751. T. 2. P. 53—54. Ср.: Voltaire. Questions sur l’Encyclopédie. P. 501—502. В библиотеке Вольтера имелось издание д'Артинья: Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 1409, шифр 9—214. Между страниц, на которых помещен рассказ о брате Ришаре, имеется закладка владельца с его собственноручной пометой *la pucelle et frere Richard* (Gachet d’Artigny A. Op. cit. P. 52—53).

брат Ришар, собравший вокруг себя сразу несколько женщин, притворявшихся боговдохновенными: Перонн, Екатерину из Ларошели и еще одну, чье имя осталось неизвестным²⁶. Таким образом, признавая военные таланты Жанны, Вольтер, тем не менее, категорически отказывался верить в Божественный характер ее миссии и видеть в ней — как и в других женщинах-воинах прошлого — любые признаки святости.

Наиболее ясно эту мысль философ выразил в памфлете «Канонизация святого Кукуфина», изданном в 1767 г. Высмеивая новые правила канонизации, утвержденные Тридентским собором, он заявлял, что поскольку раннехристианских мучеников за веру делало святыми исключительно общественное мнение (*le consentement du peuple*)²⁷, он полагает допустимым, чтобы каждый человек мог создавать себе своего собственного святого. Сам Вольтер, к примеру, желал бы объявить мучеником Генриха IV²⁸, однако этому как раз и мешали церковные постановления, согласно которым, дабы «создать святого», следовало сначала «ждать сто лет, чтобы умерли все свидетели его проказ»²⁹. Что же касается женщин-святых, то к ним Вольтер предлагал немедленно отнести Маргариту Анжуйскую, которая «лично участвовала в дюжине сражений с англичанами, дабы извлечь из тюрьмы своего идиота-мужа»³⁰, а также Орлеанскую Деву, которую уже и так «прославляют на церковной службе в стихах»³¹.

Столь категорический отказ от сложившейся в XVII в. традиции восприятия Жанны д'Арк как святой был, безусловно, связан с тем, что и в первой половине XVIII в. идеи провиденциализма и профетизма оставались по-прежнему сильны в сочинениях французских историков. Особое значение имели в данном случае труды Жака Бенинь Боссюэ (1627—1704), знаменитого проповедника и богослова, наставника Людовика Великого Дофина, для которого, в частности, он написал «Краткую историю Франции». События прошлого рассматривались Боссюэ исключительно как выражение промысла Божьего: в деяниях Жанны д'Арк, ко-

²⁶ *Voltaire*. Questions sur l'Encyclopédie. P. 501—502.

²⁷ *Voltaire*. La Canonisation de saint Cucufin, frère capucin d'Ascoli, par le pape Clement XIII et son apparition au sieur Aveline, bourgeois de Troyes; mise en lumière par le sieur Aveline, lui-même. Troyes, 1767. P. 14.

²⁸ «Or je soutiens que Henri IV est un vrai martyr. Il partait pour aller faire le bonheur de l'Europe, lorsqu'il fut martirisé par le fanatisme» (Ibid.).

²⁹ «On veut aujourd'hui cent ans révolus pour faire un saint, afin de donner le tems de mourir à tous les témoins de ses sottises» (Ibid. P. 15). Данная фраза отсылала к «Декретам Урбана VIII» — дополнениям к правилам канонизации, изданным 12 марта 1642 г., согласно которым следовало выждать 50 лет, прежде чем начинать процесс о признании того или иного человека святым: *Suire E*. Op. cit. P. 353.

³⁰ «Marguerite d'Anjou, laquelle donna douze batailles en personne contre les Anglais pour delivrer de prison son imbécile mari» (*Voltaire*. La Canonisation de saint Cucufin. P. 15).

³¹ Здесь Вольтер прозрачно намекал на поэму Жана Шаплена: «J'invoquerai notre pucelle d'Orléans, dont on a déjà fait l'office en vers de dix sillables» (Ibid. P. 15—16).

торой также нашлось место в его сочинении, он прежде всего обращал внимание на «всем хорошо известную набожность» (*grand témoignage a sa piété*) девушки, на наличие у нее откровений (*les révélations*), на ее «исключительную простоту» (*une simplicité extraordinaire*) во всем, за исключением военных действий, в ходе которых она вела себя как «опытный воин» (*un cavalier consommé dans ses exercices*)³². Он писал, что «военную жизнь» Жанна начала «по приказу Свыше» (*par ordre de Dieu*), вот почему все ее пророчества исполнялись в обязательном порядке, а ее слова вдохновляли солдат так, как будто исходили от самого Господа³³. Именно победы, одержанные королевскими войсками под руководством Девы, с точки зрения Боссюэ, убедили французов в том, что Карл VII является их истинным правителем: ведь сам Господь пришел ему на помощь³⁴.

В XVIII в. идеи Боссюэ были развиты в трудах французских историков. Наиболее важным и интересным среди них, с этой точки зрения, следует назвать сочинение аббата Лангле Дюфренуа «История Жанны д'Арк, девственницы, героини и мученицы за страну», увидевшее свет в 1753—1754 гг.³⁵ Впрочем, в действительности данный труд являлся всего лишь переработанным вариантом более раннего сочинения — «Истории Орлеанской Девы» Э. Рише, созданной в 1626—1630 гг., но в связи со смертью автора оставшейся неопубликованной.

Эдмон Рише (1560—1631), с 1608 г. являвшийся синдиком богословского факультета Парижского университета, был известен своей приверженностью идеалам галликанизма и антииезуитскими настроениями. Как об «ученом муже, храбром слуге королей и королевства, любящем свою страну» отзывался о нем президент Парламента Жак-Огюст де Ту³⁶. Именно ему в 1611 г. было поручено составить суждение о сочинении кардинала-иезуита Роберто Беллармино «Трактат о верховной власти папы в мирских делах». Рише подошел к данному поручению с позиций галликанизма и епископализма: в «Брошюре о церковной и политической власти» он отстаивал Божественный характер власти французского короля, независимой от папских установлений, и суверенные права епископов в своих епархиях³⁷. Данные положения, получившие впоследствии название ришеризма, были осуждены про-

³² Bossuet. Abrégé de l'histoire de France // Bossuet. Oeuvres complètes. P., 1879. T. 10. P. 100—101.

³³ Ibid.

³⁴ «On croyaient qu'il était invincible, et que s'opposer à ses progrès, c'était s'attaquer à Dieu, qui se déclarait pour la justice de sa cause» (Ibid. P. 101).

³⁵ Lenglet Dufresnoy N. Histoire de Jeanne d'Arc, vierge, héroïne et martyre d'Etat. P.-Orléans, 1753—1754.

³⁶ Цит. по: Мунье Р. Указ. соч. С. 70.

³⁷ Richer E. De ecclesiastica et politica potestate. P., 1611.

винциальными ассамблеями духовенства, а само сочинение — внесено в Индекс запрещенных папским престолом книг³⁸. В 1629 г. кардинал Ришелье, понимая, какое влияние оказывает данное учение на французские церковные круги, заставил Э. Рише отречься от своих идей³⁹.

Именно к этому периоду относилось создание «Истории Орлеанской Девы» — новаторского для своего времени труда, первой «биографии» французской героини, основанной исключительно на архивных документах: материалах процессов 1431 г. и 1455—1456 гг., а также «Журнале осады Орлеана». Работа Рише отличалась от всех предыдущих исторических сочинений, посвященных Жанне д'Арк, тонким сочетанием изложения собственно исторических фактов с источниковедческим анализом, критическим разбором текстов двух судебных дел⁴⁰. Впрочем, как справедливо отмечал издатель Рише, Ф.-Г. Дюнан, главной особенностью данного труда оставался общий подход автора к истории — позиция теолога, с которой он ее рассматривал⁴¹. Для Рише, являвшегося провиденциалистом, тщательное изучение источников представлялось необходимым прежде всего для того, чтобы показать и доказать Божественный характер миссии девушки, ее избранность самим Господом, соответствие всех ее поступков предначертанному Свыше, а вовсе не замыслам политических советников Карла VII⁴². Материалы двух процессов, с его точки зрения, были необходимы, чтобы освободить историю Жанны от вымыслов, которыми наполнили ее враги Франции: если Господь и допустил существование подобных «сказок», писал Рише, Он же позаботился и о сохранении истины⁴³.

Важнейшей особенностью сочинения именитого богослова, с моей точки зрения, являлось понимание им всех допросов, которым подверглась за свою короткую жизнь Жанна д'Арк, как этапов процедуры *discretio spirituum*. Уже в рассказе о пребывании девушки в Шиноне и Пуатье Рише обращал внимание на исключительно теологический характер вопросов, которые задавали ей советники дофина⁴⁴. Их под-

³⁸ Подробнее см.: *Martin V. Op. cit.* P. 361—364; *Мунье Р. Указ. соч.* С. 309—312.

³⁹ Несмотря на это, ришеризм оказался востребован во второй половине XVII в. Его основные положения вошли в декларацию Боссюэ, представленную на ассамблее духовенства в 1682 г. и нашли отражение в принятой на ней «Декларации о церковной власти»: *Плешкова С.Л. Франция XVI-начала XVII в.* С. 432—439.

⁴⁰ Большая часть работы Э. Рише была посвящена подробному пересказу и анализу материалов двух процессов: *Richer E. Histoire de la Pucelle d'Orléans.* Т. 1. P. 209—339; Т. 2. P. 2—132, 161—299.

⁴¹ *Dunand P.-H. Edmond Richer et la première histoire en date de Jeanne d'Arc // Richer E. Histoire de la Pucelle d'Orléans.* Т. 1. P. 15—20.

⁴² *Richer E. Histoire de la Pucelle d'Orléans.* Т. 1. P. 70.

⁴³ *Ibid.* P. 129.

⁴⁴ “Les admirables réponses qu'elle a faites à ceux qui l'interrogèrent sur de hautes et sublimes questions de théologie” (*Ibid.* P. 59—60).

робный перечень (о ее вере, о том, как она служит Богу, с какого времени и в каком виде она получает откровения, какие советы дают ей ее «голоса» и как она им следует⁴⁵), отсутствовавший в непосредственных источниках по истории Жанны, в действительности представлял собой вольное переложение текстов Жана Жерсона, посвященных разработке доктрины *discretio*⁴⁶. Ответы девушки, с точки зрения Рише, не противоречили этой последней ни в одном пункте, а потому свидетельствовали о «святости ее жизни» (*sainteté de vie*)⁴⁷. Что же касается пророчеств, которые она давала и которые исполнялись на поле боя, их «чудесный» характер (*les effets miraculeux*) безусловно указывал на их Божественное происхождение⁴⁸. Вот почему, полагал автор, с религиозной точки зрения, процесс 1431 г. лишился всякого смысла: все необходимые для оценки личности Жанны д'Арк сведения уже были получены ранее, во время допросов весной 1429 г., и оценивали их не менее уважаемые, нежели судьи девушки, теологи — люди, которые, собственно, и имели исключительное право проводить *discretio spirituum*⁴⁹.

Не менее важным отличием «Истории» Э. Рише, как мне представляется, было то внимание, которое он уделил проблеме непорочности своей героини: ей он посвятил отдельную главу своего сочинения⁵⁰. Автор полагал, что на самом лице девушки было написано «девственное целомудрие» (*une pudeur virginale*), которое, с его точки зрения, остужало плотское желание у любого видевшего ее мужчины, несмотря на всю ее красоту, и которое можно было наблюдать даже на ее «прижизненных портретах» (*les portraits tirez au vif sur son naturel*)⁵¹. Именно для сохранения невинности Жанна носила мужской костюм, писал Рише, развивая идеи, высказанные в ходе процесса по реабилитации⁵². И эта уловка сослужила ей верную службу: не случайно девушка получила прозвище «Дева», а в военных операциях ей всегда сопутствовала удача⁵³. Вот почему, по мнению автора, вымыслы Б. дю Гайяна о занятиях

⁴⁵ Ibid. P. 79.

⁴⁶ См. выше: Глава 1. § 2.

⁴⁷ Richer E. Histoire de la Pucelle d'Orléans. T. 1. P. 90.

⁴⁸ Ibid. P. 248.

⁴⁹ “De vérité, outre que de la part de Dieu elle avoit une certitude évidente et notoire de sa mission et de ses révélations, encore estoit-elle assurée de ses faites, devant les hommes: joint le rigoureux examen qu'elle avoit subi à Poitiers et à Chinon. Ce qui lui donnoit assurance de parler et répondre hardiment à l'Evesque de Beauvais... le renvoyant quelquefois à Poitiers et à Chinon où elle avoit esté suffisamment examinée” (Ibid.).

⁵⁰ La virginalité de la Pucelle et sa chasteté // Ibid. P. 82—87.

⁵¹ Ibid. P. 83.

⁵² “Elle fut si soigneuse de conserver sa réputation que, pour ce sujet, elle prit un habillement d'homme” (Ibid. P. 84).

⁵³ Ibid. P. 85, 164.

Жанной проституцией не стоили ни гроша — ведь они не были основаны на подлинных документах⁵⁴.

В целом же, полагал Э. Рише, вся жизнь Жанны д'Арк была историей истинной святой — девственницы, посвятившей себя Христу, мученицы, претерпевшей тяготы тюремного заключения и ужас смерти на костре и попавшей в рай, как ей и было обещано в ее откровениях⁵⁵. Именно так понимались основные признаки женской святости в агиографических сочинениях, церковной литературе и папских постановлениях XVII в.⁵⁶

Как я упоминала выше, «История Жанны д'Арк» не была опубликована при жизни автора. Ее рукопись хранилась в королевской библиотеке, где с ней в первой половине XVIII в. смогли ознакомиться некоторые французские историки. В частности, Клеман де Л'Аверди указывал на работу Э. Рише как на один из основных текстов по истории Орлеанской Девы наряду с архивными материалами XV в.⁵⁷ А. Гаше д'Артиньи, также высоко оценивший труд известного богослова, планировал подготовить его к изданию⁵⁸, однако в этом ему помешала публикация Николя Лангле Дюфренуа, расцененная многими его современниками и историками XIX в. как откровенный плагиат⁵⁹.

Трактовка образа Жанны д'Арк у Лангле Дюфренуа действительно мало чем отличалась от позиции Рише. Как и его предшественник, он видел во всех поступках девушки руку Провидения (*Providence*) и критиковал авторов, настаивавших на политической подоплеке ее появления на исторической сцене⁶⁰. Вместе с тем следует отметить, что к «голосам», которые якобы являлись Жанне, и к ее пророчествам Лангле относился более осторожно, чем Рише. Он полагал, что речь в данном случае должна идти не об «откровениях» Свыше, но о некоей «внутренней убежденности» (*une persuasion intérieure*) девушки, о ее воображении, влияние на которое оказали внешние обстоятельства и, в частности, осознание бедственного положения Франции в Столетней войне⁶¹. Впрочем, писал Лангле, «религиозный энтузиазм и героизм» (*cet enthousiasme, cet héroïsme dans la Religion*), пробудившиеся в душе этой неграмотной крестьянки, вне всякого сомнения, следовало признать даром Свыше (*un effet d'une grace supérieure*): именно так всегда действует Провидение, воспламеняя

⁵⁴ Ibid. P. 86—87.

⁵⁵ Ibid. P. 315.

⁵⁶ Suire E. Op. cit. P. 153—158, 169—173, 267—288.

⁵⁷ L'Averdy C.-C.-F. de. Op. cit. P. 551.

⁵⁸ Gachet d'Artigny A. Op. cit. T. 7. P., 1756. P. 323—352 (с публикацией предисловия, написанного Э. Рише к своему труду).

⁵⁹ Quicherat J. Aperçus nouveaux. P. 163—164; Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 275.

⁶⁰ Lenglet Dufresnoy N. Op. cit. Partie 1. P. XXI—XXII.

⁶¹ Ibid. P. IX—X.

сердца своих героев, от которых это чувство передается окружающим их людям⁶². Его прямое воздействие автор видел и в случае Жанны д'Арк, в качестве подтверждения своих слов приводя в пример историю со взятием Труа и переходом брата Ришара, подчинившегося силе убеждения Девы, на сторону французов⁶³. «Святое доверие» (*sainte confiance*), которое, по его словам, испытывала его героиня к полученным Свыше (*du Ciel*) импульсам⁶⁴, заставляло его допустить, что ее «святые мысли» можно назвать «интеллектуальными откровениями» и что в подобных «святых обстоятельствах» ее убежденность в непосредственном общении с Господом нельзя назвать преступлением или грехом⁶⁵.

Вслед за Э. Рише Лангле Дюфренуа рассматривал набожность Жанны как основную составляющую ее репутации и важнейшее доказательство того, что ее поведение и поступки «чудесны» по своей сути⁶⁶. Он также уделял особое внимание допросам в Шиноне и Пуатье как процедуре *discretio spirituum*⁶⁷, в результате которой раз и навсегда были определены главные достоинства французской героини: ее глубокая вера, покорность Божьей воле, терпение, с которым она переносила страдания. Особый же упор — как и у Рише — делался на девственности Жанны д'Арк⁶⁸.

Несмотря на то, что сочинения Лангле Дюфренуа о Жанне д'Арк у Вольтера не имелось, ему, безусловно, была известна позиция католических авторов-провиденциалистов относительно французской героини, поскольку их сочинения входили в его библиотеку. В рассказах Л. Ле Жандра⁶⁹, Ж.-К. Фабра и К.-П. Гуже⁷⁰, а также Ф. Гайо де Питавалья⁷¹

⁶² Ibid. P. XIII.

⁶³ Ibid. P. XVII—XIX.

⁶⁴ Ibid. P. 8.

⁶⁵ “Elle croit avec raison que Dieu seul étant l’auteur des pensées saintes et salutaires qui la touchent, il en produira aussi l’effet, et c’est ce qu’on pourroit appeller une espèce d’apparition intellectuelle” (Ibid.).

⁶⁶ “Mais sa piété, qui ne se démentoit pas, faisoit croire à ces personnes qu’il y avoit quelques chose de merveilleux dans sa conduite” (Ibid. P. 18).

⁶⁷ Ibid. P. 33. Точно так же оценивал Лангле и обвинительный процесс 1431 г.: ответы Жанны на вопросы ее судей, по его мнению, ясно указывали, что она была «бог вдохновенной» (*inspirée*): Ibid. P. 217.

⁶⁸ “Sa piété, sa resignation à la volonté de Dieu, sa douceur dans les souffrances, sa pureté, et l’amour qu’elle avoit pour son état de virginité” (Ibid. P. 212). См. также: Ibid. P. 214; Partie 2. P. 28—29.

⁶⁹ *Le Gendre L.* Op. cit.; Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 2006, шифр 2—162 (со следами чтения).

⁷⁰ *Fabre J.-C., Goujet C.-P.* Histoire ecclésiastique // Fleury C. Histoire ecclésiastique. P., 1720—1738. Т. 21—36; Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 1350, шифр 2—5 (со следами чтения).

⁷¹ *Gayot de Pitaval F.* Causes célèbres et intéressantes, avec les jugements qui les ont décidées. P., 1739—1754; Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 1442, шифр 2—124 (со следами чтения). На титульном листе первого тома после слов «и увлекатель-

содержалась примерно одна и та же трактовка событий. Все они — как и их предшественники в XVI—XVII вв. — полагали, что девушку послало французам само Провидение, которое во все времена вершило судьбы людей⁷². В качестве доказательства ее Божественной избранности все они также приводили легенды об узнавании дофина Карла и королевском «секрете», т.е. стремились к усилению идеи *discretio spirituum*, что было свойственно и более ранним авторам-провиденциалистам⁷³. Наиболее любопытная трактовка данного сюжета содержалась в «Церковной истории» Ж.-К. Фабра и К.-П. Гуже, писавших, что сам король поверил девушке сразу же после того, как она открыла ему содержание его тайной молитвы. Однако, желая убедить свое окружение в Божественном характере ее миссии, он предложил провести процедуру *discretio*⁷⁴. Результатом допросов стала «чудесная репутация» героини: ее признали скромной и набожной, а ее пророчества — истинными⁷⁵. Последующие события лишь подтвердили справедливость данного вывода. Как писал Ф. Гайо де Питаваль, Жанна постоянно демонстрировала силу своих предсказаний: ее военная стратегия не давала осечек, установленные по ее указанию пушки били без промаха, она уберегла герцога Алансонского от гибели на поле боя и открыла ему его будущее «до самой смерти», она столь же верно предсказала судьбу герцога Орлеанского⁷⁶. Все это полностью убеждало провиденциалистов XVIII в. в «сверхъестественном» характере данного явления: в том, что девушка является истинным пророком, послана Свыше и должна считаться «Божественным созданием»⁷⁷. Даже в момент казни Жанны многие, по мнению Ф. Гайо де Питавалья, верили, что «в силу своей святости она избежала смерти»⁷⁸. И хотя это ужасное

ные» (*et intéressantes*) рукой Вольтера было добавлено: «и ужасно написанные» (*et ridiculement écrites*): *Corpus des notes marginales de Voltaire*. T. IV: G.-K. Berlin, 1988. P. 72—80.

⁷² *Fabre J.-C., Goujet C.-P.* Op. cit. T. 21. P., 1727. P. 643; *Gayot de Pitaval F.* Op. cit. T. 21. P. 5, 10, 27.

⁷³ *Le Gendre L.* Op. cit. T. 4. P. 9; *Fabre J.-C., Goujet C.-P.* Op. cit. P. 645; *Gayot de Pitaval F.* Op. cit. P. 18—19. Легенда о двух «знаках» — узнавании дофина и тайной молитве короля — присутствовала и у Э. Рише (*Richer E. Histoire de la Pucelle d'Orléans*. T. 1. P. 77, 80), и у Лангле Дюфренуа (*Lenglet Dufresnoy N.* Op. cit. Partie 1. P. 28, 40).

⁷⁴ *Fabre J.-C., Goujet C.-P.* Op. cit. P. 646.

⁷⁵ «Sa valeur héroïque, sa moderation, sa piété, le succès de ses predictions lui donnerent tout à coup une réputation merveilleuse» (*Le Gendre L.* Op. cit. P. 12).

⁷⁶ *Gayot de Pitaval F.* Op. cit. P. 30.

⁷⁷ «Il y avoit du surnaturel dans la bravure de cette Fille» (*Le Gendre L.* Op. cit. P. 11); «Toute la cour crut voir en elle quelque chose de divin» (*Fabre J.-C., Goujet C.-P.* Op. cit. P. 645); «Quand on regarde une personne comme divine, et qu'on l'érige en Prophete...on ne la chicane pas sur ses prédictions» (*Gayot de Pitaval F.* Op. cit. P. 30).

⁷⁸ «On crû fermement que par sa Sainteté, elle s'étoit échappée du feu» (*Ibid.* P. 62).

преступление все же свершилось, сердце Девы осталось нетронутым огнем, что было расценено как безусловное чудо⁷⁹. Именно поэтому вскоре после суда слухи о полной невинности Жанны переросли в уверенность, что позволило в кратчайшие сроки провести процесс по ее реабилитации, который завершился ее полным оправданием⁸⁰.

Важно, как мне представляется, отметить, что в ряду доказательств Божественной избранности Жанны д'Арк и ее святости авторы первой половины XVIII в. особо выделяли одно обстоятельство — обет девственности, который французская героиня дала еще в юности. На этом вопросе останавливался Л. Ле Жандр, упоминавший о сомнительной репутации девушки, которую некоторые считали распутницей⁸¹, и описывавший борьбу за чистоту нравов, которую она вела в королевских войсках, в частности, изгнание ею армейских проституток⁸². Однако наибольшее развитие данная тема получала у Ф. Гайо де Питаваль, опиравшегося на сочинения Ле Жандра и Р. де Серизье. Он также обращался к эпизоду с проститутками⁸³, но более всего его интересовала личность самой Жанны, к которой, по его словам, никто из солдат не мог даже прикоснуться, что воспринималось ими как настоящее чудо⁸⁴. Вероятно, именно поэтому среди обвинений, предъявленных девушке на процессе 1431 г., нашего автора прежде всего интересовало обвинение в занятиях проституцией. С точки зрения англичан, писал Гайо де Питаваль, было очень важно доказать, что Жанна вела в армии распутный образ жизни, поскольку в этом случае она никак не могла обладать теми выдающимися достоинствами, которыми наделяли ее французы⁸⁵. Тем не менее, надеждам врагов не суждено было сбыться: Жанна оказалась невинной⁸⁶, а потому герцог Бедфорд вынужден был признать, что ее деяния носят Божественный характер⁸⁷. Только тогда англичанам

⁷⁹ Ibid. P. 62—63.

⁸⁰ Fabre J.-C., Goujet C.-P. Op. cit. T. 22. P., 1727. P. 616; Gayot de Pitaval F. Op. cit. P. 71.

⁸¹ "D'autres gens...s'imaginoient, que cette Fille estoit une de ces Coureuses, qui en frequentant les Soldats, en prennent les inclinations" (Le Gendre L. Op. cit. P. 12).

⁸² Ibid. P. 12—13.

⁸³ Как и Л. Ле Жандр, Гайо де Питаваль следовал в данном случае за «Хроникой» Жана Шартье, согласно которому Жанна ломала свой «чудесный» меч о спины изгоняемых из лагеря проституток: Gayot de Pitaval F. Op. cit. P. 21.

⁸⁴ "Ce miracle est trop bien enchassé dans la vie de la Pucelle d'Orléans, pour n'être pas adopté" (Ibid. P. 15).

⁸⁵ Ibid. P. 40—41.

⁸⁶ "La sagesse de la Pucelle triompha de la malice de ses ennemis" (Ibid. P. 41). Следует отметить, что «мудрость» (*sagesse*) человека еще в средние века воспринималась как антитеза «сладопристрастию» (*luxure*) и, как следствие, как одна из важнейших характеристик святого: Vauchez A. La sainteté en Occident. P. 609.

⁸⁷ "Ses exploits fussent l'oeuvre de Dieu, et d'une providence particuliere pour les François contre les Anglois" (Gayot de Pitaval F. Op. cit. P. 41).

пришлось задействовать против своей пленницы обвинения в колдовстве и ереси (*de la magie et de l'hérésie*)⁸⁸, однако, как полагал Гайо де Питаваль, они ни на чем не основывались: ведь ни один демон не смог бы избрать для исполнения своих замыслов набожную девственницу, получавшую откровения Свыше при помощи святых⁸⁹. Вот так, заключал он, целомудрие Жанны д'Арк оказалось сильнее либертинизма, который исповедовали ее противники-англичане⁹⁰.

Любопытно, что то же самое обвинение в приверженности идеалам либертенов было впоследствии выдвинуто французскими критиками и против Вольтера⁹¹. Причиной тому явилась его «Орлеанская девственница», центральной проблемой которой также оказалось целомудрие Жанны д'Арк и его непосредственная связь с декларируемой историками-провиденциалистами святостью девушки, с успехом всех ее военных кампаний и со спасением страны.

1.2. «Орлеанская девственница» (1730—1773 гг.)

«Орлеанская девственница», одно из самых скандальных, но более других любимое самим автором произведение Вольтера⁹², не часто привлекает внимание специалистов по эпохее Жанны д'Арк⁹³. Действительно, с точки зрения исторических фактов, поэма не может сообщить иссле-

⁸⁸ Ibid. P. 42.

⁸⁹ «Le démon lui-même auroit-il fait choix, pour conduire ses entreprises, d'une personne qui approchoit souvent des Sacremens; qui étoit d'une chasteté intégrе; et celebre par sa virginité; qui mêloit ses visions des Saints et Saintes avec les choses qui concernoient son salut, qui étoit son principal objet, selon elle?» (Ibid. P. 78—79).

⁹⁰ «Rien n'est plus contraire à sa vertu, que le libertinage qu'elle respire parmi tant de gens qui en sont infectés» (Ibid. P. 41—42). В данном случае понятие «либертинизм» имело более «современное» по сравнению с предшествующим периодом значение. Если в XVII в. «либертенами» действительно называли тех, кто выступал против религии (как неверных, так и атеистов), то в XVIII в. данное определение являлось уже синонимом термину «философ». Однако понимание либертена как человека, склонного к плотским удовольствиям, в XVIII в. сохранилось: *Pinhas-Delpuech R. De l'affranchi au libertin, les avatars d'un mot // Eros philosophe. Discours libertins des Lumières / Etudes rassemblées par F. Moureua, A.-M. Rieu. P., 1984. P. 11—20.*

⁹¹ См. ниже: Глава 5. § 1.3.

⁹² Как о своем «самом любимом произведении» (*de tous mes ouvrages, celui que j'aime le mieux*) Вольтер вспоминал об «Орлеанской девственнице» в беседе с мадам Сюар, навестившей его в Ферне в 1775 г.: *Suard A. Lettres à son mari. P., 1802. Lettre VI. Секретарь Вольтера Ж.-Л. Ваньер отмечал в своих «Воспоминаниях», что его господин часто просил принести ему томик «Жанны», когда «грустил или страдал»: *Wagnière J.-L., Longchamp S.-G. Mémoires sur Voltaire, et sur ses ouvrages. P., 1826. T. 1. P. 25.**

⁹³ Подробнее см.: *Тогоева О.И. Вольтер, Жанна д'Арк и осел. К истории одного мотива // Французский ежегодник — 2008. М., 2008. С. 25—46.*

дователю ничего особо нового, поскольку посвящена она всего одному, причем хорошо известному эпизоду из жизни французской национальной героини — ее участию в снятии осады с Орлеана весной 1429 г. Изучение «Девственницы» является уделом, скорее, литературоведов, которых интересует в ней прежде всего язык и стиль автора, структура произведения⁹⁴, а также различные художественные тексты, на которые Вольтер опирался при его написании⁹⁵. Тем не менее, для истории Жанны д'Арк и ее освещения в позднейших источниках поэма, с моей точки зрения, имела огромное значение. Именно ее появление и то, сколь специфически была представлена в ней главная героиня, на многие десятилетия вперед определило отношение к Орлеанской Деве во французском обществе и стало поворотным моментом в процессе формирования образа святой Жанны.

Согласно утверждению самого Вольтера, к работе над «ответом» Жану Шаплону он приступил в самом начале 1730-х гг.⁹⁶ Успех, который сопутствовал публичному чтению первых четырех песен, убедил автора продолжать начатое произведение. К 1752 г. были готовы уже 14 песен, а пиратские издания «Девственницы», опубликованные в 1755 г. в Голландии, Германии, в Париже и Лувене, побудили Вольтера быстрее закончить собственный текст⁹⁷. Первое аутентичное издание поэмы, включавшее 20 песен, вышло в мае 1762 г. Наконец, в 1773 г. был опубликован окончательный вариант текста, состоявший из 21 песни.

«Девственница» представляла собой типичную рамочную историю, главный сюжет которой — явление Жанны д'Арк ко двору Карла VII и освобождение французскими войсками под ее предводительством Орлеана, осажденного англичанами, — постоянно переплетался с отдель-

⁹⁴ *Linder M.* Voltaire und die Poetik des Epos: Studien zur Erzähltechnik und zur Ironie in "La Pucelle d'Orléans". München, 1980; *Bessire F.* De l'épopée burlesque à l'Histoire: la Jeanne d'Arc de Voltaire // *Images de Jeanne d'Arc*. P. 189—196; *Ермоленко Г.Н.* Нарративная структура поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» как средство создания иронического, пародийного текста // *Ирония и пародия / Под ред. С.А. Голубкова, М.А. Перепелкина, В.П. Скобелева*. Самара, 2004. С. 53—69.

⁹⁵ О влиянии на Вольтера античной традиции см.: *Mat-Hasquin M.* Voltaire et l'antiquité grecque. Oxford, 1981. P. 109, 113, 122, 215; *Tsien J.* Voltaire and the Temple of Bad Taste: A Study of La Pucelle d'Orléans. Oxford, 2003. О библейских сюжетах, задействованных в поэме: *Russo G.M.* Sexual Roles and Religious Images in Voltaire's La Pucelle // *SVEC*. 1977. № 171. P. 31—53. О возможном влиянии Рабле: *Nablow R.A.* Was Voltaire Influenced by Rabelais in Canto V of the *Pucelle*? // *Romance notes*. 1980—1981. № 21. P. 343—348.

⁹⁶ Первое упоминание о работе над поэмой содержалось в письме Вольтера от 1734 г.: *Veracruzse J.* Introduction. P. 15.

⁹⁷ В предисловии к изданию 1755 г. анонимный публикатор отмечал, что перед читателем наконец-то предстает «Орлеанская девственница» (*la pucelle d'Orléans*), а не «девственница Шаплена» (*pas celle de Chapelain*); *Ibid.* P. 32.

ными, часто не связанными с основной фабулой новеллами, в которых Жанна даже не упоминалась⁹⁸. Такая сложная структура, по единодушному мнению исследователей, была заимствована автором у Лудовико Ариосто⁹⁹. На основании его рыцарской эпопеи «Неистовый Роланд» (1502—1532) Вольтером были созданы жанровый тип рокайльной поэмы, разработана система персонажей и сюжет, весьма упрощенный и выстроенный в симметрическую композицию, с повторами и вариациями отдельных мотивов. Под влиянием Ариосто появились и индивидуализированный образ повествователя, от чьего имени велся рассказ, а также так называемая цитатная ирония — ссылки на труды несуществующих авторов, якобы писавших о Жанне ранее и заслуживающих всяческого доверия. В историографии также принято мнение, что из «Неистового Роланда» были заимствованы и некоторые основные мотивы «Орлеанской девственницы»: эротические преследования, удаленность мира волшебства от мира людей, а также — встреча героя с верным спутником, крылатым конем, и пережитые ими вместе приключения¹⁰⁰.

Впрочем, в поэме Вольтера — и это обстоятельство заслуживает, с моей точки зрения, самого пристального внимания — вместо коня действовал осел. Верхом на нем девушка устремлялась сначала в Тур, дабы вырвать из объятий Агнессы Сорель Карла VII; вместе с королем отправлялась под Орлеан, где громила врагов; оказывалась в замке Гермафродита; пропала на некоторое время из поля зрения читателя, чтобы затем вновь объявиться под стенами Орлеана, дать решающий бой англичанам и одержать победу.

Указание на близость осла Жанны и гиппогрифа, придуманного Ариосто, действительно присутствовало в тексте Вольтера¹⁰¹. Однако различий между ними существовало значительно больше, нежели сходства. Несмотря на то, что владельцу гиппогрифа Астольфу отводилась по сюжету важная роль (излечить от безумия Роланда, доставив с Луны его ум), его — в отличие от Жанны д'Арк — нельзя было назвать главным действующим лицом поэмы. Веселый искатель приключений ни в чем не мог сравниться с последней девственницей Французского королевства, призванной спасти свою страну от захватчиков. Его верный

⁹⁸ *Vercruyssé J. Jeanne d'Arc au siècle des Lumières. P. 1704.*

⁹⁹ *Ермоленко Г.Н. Поэма Вольтера «Орлеанская девственница» как гипертекст // XVIII век: Литература в контексте культуры / Под ред. Н.Т. Пахсарьян. М., 1999. С. 40—49; Костюкович Е. Продвинутый Орланд // НЛО. 2004. № 70. С. 314, 318, 321; Calin W. Love and War: Comic Themes in Voltaire's *Pucelle* // French Forum. 1977. № 2. P. 34—46.*

¹⁰⁰ *Ермоленко Г.Н. Нарративная структура. С. 61—62; Calin W. Op. cit. P. 37, 43.*

¹⁰¹ «Так некогда Пегас в полях небесных / Носил на крупе девять дев чудесных, / И Гиппогриф, летая на луну, / Астольфа мчал в священную страну» (*Вольтер. Указ. соч. С. 27*).

спутник, будучи, безусловно, фантастическим существом, не являлся тем не менее посланцем Свыше: Астольф похищал его у выросившего его Атланта, замок которого разрушил. Осла же, наравне с доспехами и оружием, даровал Деве сам Господь.

И все же главное отличие между чудесными персонажами Вольтера и Ариосто крылось в природе их отношений с хозяевами. Астольф, насколько можно судить, не испытывал к своему гиппогрифу какой-то особенной привязанности. Жанна, напротив, получала крылатого осла именно для того, чтобы исполнить свою миссию. Он, таким образом, оказывался животным-помощником, персонажем, хорошо знакомым нам как по волшебным сказкам, так и по средневековым рыцарским романам и жестах¹⁰². Достаточно вспомнить Грани, Бабьему, Вельянтифа, Тансандора — боевых коней Сигурда, Сида, Роланда, Карла Великого, чтобы понять, какую роль должен был в идеале играть осел Орлеанской Девы. На деле, впрочем, все оказывалось далеко не так просто: осел, согласно Вольтеру, обязан был не только служить Жанне в бою, но и охранять ее девственность, являющуюся залогом ее успеха¹⁰³.

Парадокс ситуации (и ее комизм) заключался однако в том, что осел не мог исполнять свой долг, будучи влюбленным в Жанну. И как только в посланца небес вселялся демон, он спешил воспользоваться представившимся случаем и соблазнить свою прекрасную наездницу¹⁰⁴. Страстные речи влюбленного осла пленяли Жанну и поселяли в ее душе смятение¹⁰⁵. Однако, сила духа, мысли о Франции, помощь св. Дионисия и Дюнуа позволяли ей справиться с собой — она отвергала «адские соблазны», несмотря на всю их привлекательность. Что же касается осла, то его явная влюбленность в Жанну как раз и делала сомнительным его сопоставление с гиппогрифом Астольфа, который, как известно, никаких нежных чувств к своему хозяину не питал. А потому, как представляется, прообраз крылатого спутника Орлеанской Девы следует искать не столько в «Неистовом Роланде», сколько в иных литературных источниках, указания на которые, впрочем, содержались в тексте самой поэмы.

Прежде всего, следует обратить внимание на греческие мифы, которые были хорошо знакомы Вольтеру и в которых рассказывалось о волшебных животных, испытывающих страсть к своим возлюбленным. О некоторых из них напоминал Жанне осел, пытаясь склонить ее

¹⁰²Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 166—191; *Он же*. Морфология волшебной сказки. С. 42—47.

¹⁰³«Итак, осел, которому Денис / Доверил честь...» (Вольтер. Указ. соч. С.73).

¹⁰⁴«Святой осел забыл тотчас же стыд: / Из стойла прямо в спальню он спешит» (Там же. С. 231).

¹⁰⁵«Иоанна д'Арк, терзаема сомненьем, / Конечно, втайне польщена была / Таинственным и сильным впечатленьем, / Произведенным ею на осла» (Там же. С. 235).

к близости: «Пусть — Франция, война, победа; / Однако лебедя любила Леда, / Однако дочь Миноса-старика / Всем паладинам предпочла быка, / Орел унес, лаская, Ганимеда, / И бог морей, во образе коня / Филиру пышнокудрую пленя, / Был вряд ли обольстительней меня»¹⁰⁶. Тема чудесных животных, таким образом, получала у Вольтера дополнительное звучание, поскольку все эти существа были не просто влюблены — они добивались взаимности, соединялись со своими избранницами и производили на свет не менее чудесное чем они сами потомство.

С этой точки зрения, выбор Вольтером осла на роль верного спутника Жанны д'Арк обретал особый смысл, ибо ни одно другое животное в Древней Греции не обладало столь стойкими сексуальными коннотациями¹⁰⁷. Здесь существовала масса весьма непристойного характера мифов, главным действующим лицом которых выступал именно осел. Он был непременным участником празднеств в честь бога Диониса — фаллогий, кульминацией которых являлся торжественный вынос фаллоса. Он символизировал и плодородие, поскольку был связан с культом хлеба, винограда и даже роз. Считалось также, что его копыто способствует внутриутробному развитию плода и помогает при родах, а вывешенный в саду или на поле череп ослицы влияет на оплодотворение¹⁰⁸.

Как отмечала С.В. Полякова, грекоязычная литература располагала несколькими произведениями, посвященными осла, однако до нас дошло только одно из них — «Лукий, или осел» псевдо-Лукиана (II в. н.э.)¹⁰⁹. В нем все перечисленные выше сексуальные ассоциации, связанные с интересующим нас животным, нашли свое подтверждение. Главный герой по имени Лукий, превращенный в осла посредством колдовства, переживал на протяжении романа целый ряд приключений, причем практически все они так или иначе касались именно сексуальной сферы¹¹⁰.

Трудно сказать, был ли знаком Вольтеру роман псевдо-Лукиана, однако тему чудесного осла, поднятую в этом произведении, он мог позаимствовать у Апулея, чьи «Метаморфозы», по единодушному мнению исследователей, являлись латинской адаптацией «Лукия» или были написаны под его сильным влиянием¹¹¹. Создав рамочную историю, где

¹⁰⁶ Вольтер. Указ. соч. С. 235.

¹⁰⁷ Schmitt-Pantel P. L'âne, l'adultère et la cité // Le Charivari / Publiés par J. Le Goff et J.-C. Schmitt. P., 1981. P. 117—122.

¹⁰⁸ Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 635; Bowie A.M. Aristophanes: Myth, Ritual, and Comedy. Cambridge, 1993. P. 26—27, 201.

¹⁰⁹ Полякова С.В. «Метаморфозы» или «Золотой осел» Апулея. М., 1988. С. 24—27.

¹¹⁰ Текст романа см.: Лукиан. Лукий, или осел // Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел. М., 1969.

¹¹¹ Грабарь-Пассек М.Е. Апулей // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1993. С. 357—372; Полякова С.В. Указ. соч. С. 19—47; Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 646—649.

основной сюжет о судьбе несчастного Луция переплетался со вставными новеллами о людях, встреченных им на пути к спасению¹¹², Апулей особое внимание уделял проблеме супружеской неверности, разного рода любовным изменам и прочим преступлениям на сексуальной почве, свидетелем которых постоянно оказывался осел. Наиболее разработанной и интересной для нас из рассказанных автором историй являлась новелла о Харите¹¹³. С ней Луций, превратившийся в животное, встречался, попав в плен к разбойникам. При взгляде на прекрасную девушку, «способную... даже в осле возбудить желание»¹¹⁴, он влюблялся в нее и всячески выражал свои чувства во время совместного неудачного побега¹¹⁵.

Как мне представляется, именно эта история тайной любви могла стать для Вольтера источником вдохновения: ведь в «Орлеанской девственнице» имелись прямые отсылки к Луцию и его ослу. Собственно, уже предисловие «отца Апулея Ризория бенедиктинца», предпосланное основному тексту поэмы, должно было вызывать у читателя совершенно определенные ассоциации¹¹⁶. Так же, как в «Метаморфозах», крылатый осел Жанны д'Арк иронически сравнивался с Пегасом, крылатым конем Беллерофонта, победившего с его помощью Химеру¹¹⁷. Так же, как и Луций, посредством волшебства превращенный в животное, осел Вольтера оказывался «ненастоящим», когда в него вселялся демон: они оба мыслили и вели себя как люди, вызывая удивление своих хозяек¹¹⁸. Идентичным выглядело и сравнение ослов с другими чудесными животными из греческих мифов, использованное в обеих поэмах: Апулей вспоминал Фрикса, «переплывшего море на баране», Дриона, «правившего дельфином», и Европу с ее быком; Вольтер говорил о Леде, Ариадне, Ганимеде и Филуре¹¹⁹. И хотя автор «Орлеанской девственницы» отказывал своему персонажу в родстве с главным героем «Метаморфоз»¹²⁰, сам осел в речи, обращенной к Жанне, давал понять,

¹¹²О структуре «Золотого осла» см.: Полякова С.В. Указ. соч. С. 61—89.

¹¹³Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел // Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения / Сост. и научн. подгот. текста М. Гаспарова, перевод М. Кузмина. М., 1988. С. 226—233.

¹¹⁴Там же. С. 171.

¹¹⁵Там же. С. 206.

¹¹⁶В основном тексте поэмы (песня 20) имелось также примечание Вольтера с прямой отсылкой к изданию Апулея: *Lucii Apuleii opera in usum delphini*. P., 1688 (*Voltaire*. Pucelle d'Orléans. P. 566).

¹¹⁷Апулей. Метаморфозы. С. 207; Вольтер. Указ. соч. С. 229.

¹¹⁸Апулей. Указ. соч. С. 207; Вольтер. Указ. соч. С. 232.

¹¹⁹Апулей. Указ. соч. С. 207; Вольтер. Указ. соч. С. 235.

¹²⁰«Ослу не верьте никогда. Осел / Был у латинян, золотой, чудесный, / Своими превращениями известный, / Но он был человек, и потому / За нашим не угнаться и ему» (Там же. С. 230).

что история Луция — часть его собственной жизни: «Впоследствии — о чем и не жалею — / Я создал знаменитость Апулею»¹²¹.

Декларируемая таким оригинальным образом полная идентичность двух персонажей естественным образом подразумевала, что восприятие осла как фаллического животного у Апулея и, соответственно, его присутствие во всех сценах «Метаморфоз», имевших сексуальные коннотации, были также заимствованы Вольтером. Впрочем, как мне представляется, заимствование это происходило на более глубоком уровне, нежели может показаться на первый взгляд.

Как я уже упоминала выше, практически все вставные новеллы поэмы Апулея оказывались посвящены теме супружеской измены, в связи с чем мотив осла получал здесь совершенно особое — правовое — прочтение. Связано это было, на мой взгляд, с тем обстоятельством, что обычным для судов Древней Греции наказанием за адюльтер являлась так называемая прогулка на осле. Верхом на нем виновная в супружеской измене женщина должна была объехать весь город в сопровождении глашатая и толпы любопытных зрителей. После экзекуции она изгонялась навечно из своего полиса, утрачивая таким образом права гражданства¹²². Очевидно, что Апулею была хорошо известна как сама эта традиция, так и заложенный в ней символический смысл, ибо поездка верхом на осле интерпретировалась современниками как акт совокупления, на что указывал прежде всего термин, обозначавший прелюбодейку, — «онобата»¹²³. С этой точки зрения, история Хариты и влюбленного в нее Луция получала у Апулея совершенно особое прочтение. Описание поездок девушки верхом на осле, решение разбойников зашить ее в наказание в его шкуру и, наконец, предложение тайком примкнувшего к шайке жениха девушки Глеполема продать пленницу в публичный дом и сделать из нее проститутку со всей очевидностью свидетельствовали о том, что юная Харита уже утратила свою невинность, а потому не сможет стать добропорядочной замужней женщиной¹²⁴. Не случайно Апулей в насмешку сравнивал возвращение своей героини из плена с въездом в Иерусалим Иисуса Христа на ослиати: «Картина была небывалая и, клянусь Геркулесом, достойная памяти, как дева торжественно въезжала верхом на осле»¹²⁵. Божий сын, чья святость не подлежала сомнению, имплицитно противопоставлялся здесь потерявшей стыд Харите.

¹²¹ Там же. С. 233.

¹²² Schmitt-Pantel P. Op. cit. P. 120—121.

¹²³ Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 645.

¹²⁴ Апулей. Указ. соч. С. 206, 214, 216.

¹²⁵ Там же. С. 216. О близости этого отрывка библейской сцене и об отношении Апулея к христианству см.: Полякова С.В. Указ. соч. С. 9—10.

Если предположить, что именно история, рассказанная Апулеем, оказала влияние на Вольтера, следует заключить, что его трактовка образа Жанны д'Арк оказывалась значительно сложнее, чем это признавалось исследователями ранее. Главная героиня «Орлеанской девственницы» должна была восприниматься читателями не как юная неопытная девушка, с трудом отбивавшаяся от предложений любви, поступавших к ней со всех сторон, но как обманщица, потерявшая невинность, спутавшись с собственным ослом.

Насколько можно судить, первые читатели Вольтера прекрасно поняли скрытые в его поэме намеки. Более того, в пиратских изданиях «Девственницы», которых только в 1755—1761 гг. появилось более десяти¹²⁶, часто имелись чужие поэтические вставки, большинство из которых были посвящены исключительно описанию интимных отношений Жанны с ослом. В частности, издание 1761 г., вышедшее в Лондоне у «наследников Эльзевиров»¹²⁷, содержало дополнительную 18 песню, рассказывавшую о любовной связи главной героини с ее крылатым спутником¹²⁸. В отсутствие Дюнуа, отправившегося в Италию и пренебрегшего Девой, осел призывал эту последнюю обратить внимание на его чувства — и девушка, наконец, отвечала ему взаимностью. Когда же подруга Жанны Доротея укоряла ее за подобный выбор и заявляла, что была бы возмущена таким поклонником, та, вздыхая, отвечала: «Ах! Если бы он тебя любил!»¹²⁹. (ИЛЛ. 33)

Тот же сюжет являлся основным и в иконографической программе пиратских изданий, причем серия гравюр, иллюстрирующих текст (в том числе и неаутентичные вставки), воспроизводилась даже в тех случаях, когда публиковался текст самого Вольтера. Например, издание 1762 г. сопровождалось серией гравюр, которая, как уверяли публикаторы, «воспроизводится во всех вариантах поэмы»¹³⁰ и которая была выполнена английским художником Л. Рейком «согласно идеям автора»¹³¹. Вопреки этим утверждениям, абсолютно все изображения собственно Жанны д'Арк носили в этом издании весьма фривольный и

¹²⁶*Vercruysse J.* Introduction. С. 57—70.

¹²⁷[*Voltaire*]. *La Pucelle d'Orléans, poëme héroï-comique en dix-huit chants.* Nouvelle Edition, sans faute et sans lacune. L., 1761.

¹²⁸Chant XVIII: La présidente Louvet devient folle d'amour pour le Sire Talbot, et la Pucelle pour l'âne de Denis // *Ibid.* P. 162—171.

¹²⁹“Je me connois: je serois allarmée / D'un tel galant...Jeanne alors repartit / En soupirant: “Ah! s'il t'avoit aimée!” (*Ibid.* P. 170).

¹³⁰На гравюре-фронтисписе значилось: “Recueil des Estampes de la Pucelle d'Orleans, qui pourront etre relices dans toutes sortes d'Editions” ([*Voltaire*]. *La Pucelle d'Orléans, poëme, divisé en vingt chants, avec des notes.* Nouvelle Edition, corrigée, augmentée et collationnée sur le Manuscrit de l'Auteur. S.l., 1762).

¹³¹Указание на автора гравюр располагалось под фронтисписом: “A Londres. Gravées d'après les idées de l'auteur par L. Rake” (*Ibid.*, разрядка моя — О.Т.).

даже непристойный характер¹³². С большими или меньшими вариациями они затем воспроизводились и в более поздних изданиях «Девственницы». (ИЛЛ. 34) Важно, как мне представляется, при этом отметить, что гравюры эти имели английское происхождение и, таким образом, отсылали к давней традиции восприятия Жанны д'Арк как распущенной девицы, обманом проникшей в королевское войско и ставшей настоящей армейской проституткой.

Действительно, об аморальности французской героини английские авторы начали писать еще при жизни девушки, в 20—30 гг. XV в. Данный ею обет девственности казался им настолько странным и пугающим, что их основные усилия были направлены на развенчание образа «святой» Девы и на создание собственного мифа о королевской «ведьме и проститутке» — мифа об утрате девственности, что, с точки зрения англичан, делало Жанну уязвимой и должно было привести ее к гибели¹³³. Обвинение в проституции (наряду с обвинениями в колдовстве и ереси) было одним из основных на процессе, возбужденном против Жанны д'Арк в 1431 г.¹³⁴ И хотя ее реабилитация в 1456 г. лишила, казалось бы, противников французов их главных доводов, английские авторы XVI в. продолжали последовательно развивать излюбленный сюжет. И именно в это время в их сочинениях зазвучала тема осла.

Впервые, насколько можно судить, она возникла у Эдварда Холла (1498—1547), протестанта, юриста по образованию, занимавшего на протяжении своей жизни самые различные должности в городском суде Лондона¹³⁵. Около 1532 г. он закончил работу над исторической хроникой, озаглавленной *The Union of the Noble and Illustre Famelies of Lancastre and York* и опубликованной в 1542 г.¹³⁶ Весьма подробно излагая в ней историю Жанны д'Арк, Холл особое внимание уделял неудавшемуся штурму французскими войсками Парижа, так и не сдавшегося на милость Карла VII. Жанна, принимавшая самое активное участие в операции, по словам автора, была в какой-то момент ранена и упала вниз с крепостной стены, в ров. Однако, оказалась она не под ногами своих сторонников и не под копытами их боевых коней: вся пере-

¹³²Интересно отметить, что один из экземпляров данного издания, если судить по его переплету, бумаге с золотым обрезом и зеленой шелковой закладке, явно входил в личную библиотеку Вольтера и, возможно, был послан в подарок Екатерине II. Именно из ее библиотеки он затем перешел в собрание РНБ, где ныне хранится в Отделе редких книг (инв. № 10487). За эту информацию я благодарна Н.А. Копаневу, заведующему Кабинетом Вольтера в РНБ.

¹³³Подробнее об этом см. выше: Глава 3. § 2.2.

¹³⁴Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 147—181.

¹³⁵Калмыкова Е.В. Образ войны в исторических представлениях англичан. С. 504.

¹³⁶Hall E. Chronicle Containing the History of England during the Reign of Henry IV and the Succeeding Monarchs / Ed. by H. Ellis. L., 1809.

пачканная грязью и отбросами, она лежала под задом осла (*behind the backe of an Asse*) до тех пор, пока слуга герцога Алансонского, Гишар де Тьенброн, не вынес ее с поля боя¹³⁷.

Хроника Холла пользовалась в Англии большой популярностью. Она дважды переиздавалась уже после смерти автора — в 1548 и 1550 гг. — лондонским печатником, протестантом Ричардом Графтоном († 1572), который под конец жизни также решил заняться историей и опубликовал два собственных произведения: *Abridgement of the Chronicles of England* (1463 г.) и *Chronicle or History of England* (1468 г.)¹³⁸. Последняя представляла собой обширную компиляцию из трудов предшественников Графтона и, в частности, Холла, у которого оказался заимствован и выдуманный эпизод с ослом: Жанна, сброшенная с городских стен, вновь оказывалась под его задом¹³⁹.

Сложно сказать, читал ли Вольтер сочинения Холла и Графтона. Скорее, идею соединить Жанну с ослом он мог почерпнуть из другого, общего для всех этих авторов источника — «Хроники» Ангеррана де Монстреле, также уделившего особое внимание неудавшемуся походу на Париж: «Во время этого штурма были повержены многие французы... Среди них и Дева, серьезно раненная и проведенная во рву, под задом осла (*derrière une dodenne*), весь день до вечера, когда Гишар де Шьемброн и другие [солдаты] пришли за ней»¹⁴⁰.

Интересно отметить, что весьма скептически настроенный по отношению к девушке Монстреле особый упор, как кажется, делал на проблеме ее девственности. Отказываясь верить в крестьянское прошлое Жанны, он настаивал на том, что «большую часть своей жизни она была служанкой в таверне» (*meschine en une hostellerie*) в родном Домреми¹⁴¹. Именно там, как полагал бургундский хронист, девушка и могла освоить «верховую езду, воинское искусство и другие приемы, на которые не способны молодые особы»¹⁴². Эта выдумка на самом деле име-

¹³⁷Ibid. P. 155.

¹³⁸Калмыкова Е.В. Образ войны в исторических представлениях англичан. С. 472—473.

¹³⁹“Threw downe Ione, their great Goddesse, into the botome of the towne ditche, where shee lay behinde the backe of an Asse... till the tyme that she all filthie with mire and durt, was drawn out, by ...seruant to the Duke of Alaunson” (*Grafton's Chronicle or History of England to Which Is Added His Table of the Bailiffs, Sheriffs, and Mayors of the City of London (from the year 1189 to 1558 inclusive)*). L., 1809. Т. 1. P. 587, разрядка моя — О.Т.).

¹⁴⁰Chronique d'Enguerran de Monstrelet. Т. IV. P. 355. Об использовании хроники Монстреле Вольтер сообщал в собственных комментариях к «Орлеанской девственности»: *Вольтер*. Указ. соч. С. 253, 274.

¹⁴¹Chronique d'Enguerran de Monstrelet. Т. IV. P. 314.

¹⁴²“Et estoit hardie de cheualchier cheualx ...et aussy de faire appertises et aultres habiletez que josnes filles n'ont point acoustumé de faire” (Ibid.).

ла под собой вполне логичное основание, ведь средневековая таверна обычно представляла собой постоянный двор, где останавливались солдаты, с которыми, очевидно, Жанне и приходилось иметь дело.

Указание на место службы имело, однако, еще одно дополнительное значение, автоматически ставившее под сомнение девственность героини, ибо любая таверна воспринималась людьми Средневековья прежде всего как публичный дом, где постоянно проживали девицы легкого поведения, а хозяйка исполняла одновременно роль сводни. Именно на этих представлениях базировались обвинения в проституции, выдвинутые против Жанны д'Арк на процессе 1431 г.¹⁴³ На том же основании Монстреле, не читавший материалов процесса, не только отказывался верить в декларируемую ею девственность, но и недвусмысленно намекал на ту роль, которую играла девушка в войсках¹⁴⁴. Что же касается осла, под ноги которого она падала, по версии Монстреле, со стен Парижа, то и он должен был добавить совершенно определенные штрихи к уже намеченному автором портрету.

Дело в том, что античная традиция восприятия осла как фаллического животного была заимствована на средневековом Западе в несколько измененном виде. В частности, прогулка на осле (*azouade*) уже не применялась здесь в качестве наказания к женщинам, совершившим адюльтер (отныне на осла предпочитали усаживать обманутых мужей прелюбодеек)¹⁴⁵. Однако связь этого животного с недостойным поведением женщин сохранялась. Особенно ярко проявлялась она в ситуации карнавала, во время которого во многих европейских городах разыгрывалась библейская сцена бегства в Египет. При этом роль непорочной Девы Марии часто исполняла одна из местных проституток, которую роскошно одевали, усаживали на осла и провозили по улицам города. В ее честь также служили торжественную литургию, бляя по-ослиному¹⁴⁶. Таким образом, сведя Жанну д'Арк с ослом, Монстреле совершенно недвусмысленно давал понять своим читателям, что перед ними — обманщица, давно потерявшая

¹⁴³Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 147—149.

¹⁴⁴“Si se disoit estre pucelle, inspirée de la grace divine, et qu'elle estoit envoyée devers yceluy Roy pour le remettre en la possession de son royaume” (Chronique d'Enguerran de Monstrelet. T. IV. P. 315, разрядка моя — О.Т.).

¹⁴⁵О системе наказаний, принятых в средневековой Европе в отношении преступлений, совершенных на сексуальной почве, см.: Тогоева О.И. Униженные и оскорбленные. Мужская честь и мужское достоинство в средневековом суде // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2006 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С. 71—101.

¹⁴⁶Greene H.C. The Song of the Ass // Speculum. 1931. Vol. 6. № 4. P. 534—549; Реутин М.Ю. Народная культура Германии. М., 1996. С. 26; Колязин В.Ф. От мистерии к карнавалу. Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М., 2002. С. 99.

невинность в публичном доме, а с момента своего появления в войсках Карла VII превратившаяся в обычную армейскую проститутку.

Как я уже упоминала выше, стиль Монстреле и его видение исторических событий вызывали большое доверие у Вольтера. Не меньшим авторитетом пользовался бургундский хронист и у других французских авторов XVI—XVIII вв.: именно у него большинство из них позаимствовали детали биографии Жанны д'Арк¹⁴⁷. Активно использовали «Хронику» Монстреле и англичане, причем выдумки бургундца оказались дополнены в их сочинениях новыми вымыслами. Так, Э. Холл (а вслед за ним и Р. Графтон), слово в слово повторяя пассаж о служанке с постоянного двора, научившейся там ездить верхом и владеть оружием¹⁴⁸, заявлял, что Жанна была настоящей уродкой и ни один мужчина не желал близости с ней¹⁴⁹. Хотя оба автора и упоминали о якобы данном девушкой обете девственности, ее слова они называли «выдумками» и «фантазиями» (*phantasies*), которым доверять вовсе не следовало¹⁵⁰. Графтон подробно останавливался также на пребывании Жанны в армии, замечая, что в прежние времена ни одна римская матрона не позволяла себе разговаривать с мужчинами в публичных местах¹⁵¹, тогда как «эта денно и ночью общается с солдатами и военными, что совершенно недостойно, аморально и бесчестно»¹⁵². Уважающие себя женщины так себя вести не должны, а потому, заключал Графтон, Жанна — непорядочная особа (*no good woman*) и не может быть названа святой (*no saint*)¹⁵³. Ту же мысль, но уже в XVIII в., подробно развивал один из французских «философов» — Ж.-Б. д'Аржан, писавший, что если обвинение в проституции и не было выдвинуто в 1431 г. против девушки, это еще не означает, что ее следует признать святой. Невинность, которую смогла сохранить Жанна, по мнению д'Аржана, являлась всего лишь признаком ее целомудрия, но не святости¹⁵⁴. И уж тем

¹⁴⁷Впервые «Хроника» Монстреле была опубликована в Париже около 1490 г. Вслед за тем последовали издания 1500, 1512, 1516, 1572, 1595, 1596, 1603 гг.: *Lanéry d'Arc P. Livre d'or. № 41.*

¹⁴⁸*Hall E. Op. cit. P. 148; Grafton's Chronicle or History of England. P. 580.*

¹⁴⁹“Yet as some say, whether wer because of her foule face, that no man would desire it... She (as a monster) was sent to the Dolphin” (*Hall E. Op. cit. P. 148*). Ср.: *Grafton's Chronicle or History of England. P. 580.*

¹⁵⁰*Hall E. Op. cit. P. 148; Grafton's Chronicle or History of England. P. 580.*

¹⁵¹“First shamefastnesse, which the Romaine Ladies so kept, that seldome or neuer they were seene openly talking with a man” (*Grafton's Chronicle or History of England. P. 589*).

¹⁵²“Where was her shamfastnesse, when she daylie and nightly was conuersant with comen souldiours and men of warre, amongst whome is small honestie, lesse vertue and shamefastnesse least of all exercised or vsed?” (*Ibid.*).

¹⁵³*Ibid. P. 590.*

¹⁵⁴“Quoiqu'il en soit, cela peut bien servir à prouver la Chasteté, mais non point la Sainteté, de Jeanne d'Arc” (*Argens J.-B. de. Op. cit. P. 298*).

более, полагал он, не стоит проводить знак равенства между девственностью и пророческим даром¹⁵⁵.

Именно эту мысль доказывал, как представляется, и Вольтер в своей «Орлеанской девственнице». Вслед за Монстреле он называл Жанну «горничной, дебелий и румяной», с мускулистыми руками, твердой грудью, что «попу, бойцу и книжнику мила», способной отвесить оплеуху любому, кто «ее за грудь или за бедра щиплет». Она все также заботилась о «лошадях таверны», разливала вино, таскала мешки — пока за ней не являлся св. Денис, отправившийся на поиски последней девственницы королевства¹⁵⁶. Чтобы сделать эту мысль еще более доходчивой, изменения в судьбе своей героини Вольтер сравнивал с изменениями в судьбе какой-нибудь юной белошвейки, вместо публичного дома попадающей в постель к королю¹⁵⁷. Появление в жизни Жанны крылатого осла должно было, таким образом, завершить общую картину событий, дабы у читателей не оставалось ни малейших сомнений в нравственном облике Девы. Заимствовав у Апулея тему осла как фаллического животного, катание на котором означало в символическом плане потерю девственности, Вольтер развил этот мотив, доведя его, при помощи хроники Монстреле, до логического конца. Его Жанна д'Арк не только теряла девственность, на что указывало наличие у нее чудесного спутника. Вопреки надеждам св. Дениса, она оказывалась вполне сговорчивой особой, готовой отдаться влюбленному в нее Дюнуа, несмотря на то, что подобное поведение наносило, возможно, непоправимый урон будущему Франции.

Однако именно в этом кажущемся противоречии между утратой девственности и окончательной победой французских войск над врагом и состояла главная задумка великого «либертинца». Его поэма призвана была продемонстрировать всю абсурдность признаков истинной святости, которых требовала от претендентов на данный титул официальная церковь и которые пропагандировали в своих трудах, посвященных Орлеанской Деве, католические авторы XVII—XVIII вв. Девственность Жанны, которую они так превозносили, не являлась для Вольтера — как и для некоторых его современников — признаком особой Божественной избранности. Да и сама предполагаемая святость французской героини не вызывала у него никакого сочувствия. По мнению Вольтера, для спасения страны от захватчиков вовсе не обязательно было становиться святой: вполне достаточными оказывались

¹⁵⁵«Je ne crois pas, que la Qualité de Pucelle emporte avec soi celle de Prophétesse» (Ibid.).

¹⁵⁶«Денис спешит, — чудно, но это так, — / На поиски невинности в кабак» (Вольтер. Указ. соч. С. 21).

¹⁵⁷Там же. С. 25.

физическая сила, мужество, находчивость и ум — качества, которые никак не зависели от расположения небесных сил.

Выпустив в свет собственную версию поэмы в 1762 г., Вольтер в последующих ее изданиях усилил, как мне кажется, данную мысль. Это заметно, в частности, по тем исправлениям, которые он внес в собственный экземпляр «Орлеанской Девственницы» и которые затем вошли в текст при дальнейших публикациях. Так, в песне 2 в монолог английского шпиона Грибурдона, похваляющегося своим происхождением, своими силами и способностью захватить в плен Деву, была вставлена фраза «Ничто не может сопротивляться моей доблести», которая усиливала противопоставление солдата-мужчины и девушки, также волею Провидения превратившейся в воина¹⁵⁸. Однако наиболее интересным исправлением Вольтера мне представляется замена нейтральной «Жанетты» на «Святую» в сцене, где главная героиня поэмы с восторгом обозревала свои доспехи¹⁵⁹: новое определение должно было лишний раз подчеркнуть несоответствие статуса святой реальному положению Девы в королевской армии и тем целям, которые перед ней стояли. Кроме того явление осла «Святой» лишний раз указывало на сомнительный характер ее девственности¹⁶⁰.

Подобная трактовка образа Жанны д'Арк, насколько можно судить, сильно повлияла на последующие поколения французских историков и, в частности, оказалась воспринята сторонниками рационального подхода к изучению истории.

¹⁵⁸Полужирным шрифтом выделена фраза, вписанная Вольтером между строк: “Qu’il saisirait ce beau Palladion. / J’aurai, dit-il, ma Jeanne en ma puissance; / **Rien ne résiste à ma noble vaillance** / Je suis Anglais, je dois faire le bien” (Voltaire. La Pucelle d’Orléans. Poème divisé en vingt chants avec des notes. Nouvelle édition corrigée, augmentée et collationnée sur le manuscrit de l’auteur. Genève, 1762. P. 23). См.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 3730, шифр 10—20.

¹⁵⁹Полужирным шрифтом выделено слово, написанное Вольтером над зачеркнутым: “A ces objets, **Jeannette la Sainte** émerveillée, / De cette armure est bientôt habillée” (Voltaire. La Pucelle d’Orléans. P. 29).

¹⁶⁰В текст первого издания «Девственницы» Вольтер внес еще целый ряд стилистических исправлений (Voltaire. La Pucelle d’Orléans. P. 35, 77, 301, 320), а также добавил некоторые примечания исторического характера (Ibid.. P. 320, 333, 345). Подобные изменения коснулись и другого экземпляра поэмы, также имевшегося в библиотеке Вольтера: Voltaire. La pucelle d’Orléans. Poème divisé en vingt chants avec des notes. Nouvelle édition corrigée, augmentée et collationnée sur le manuscrit de l’auteur. Genève, 1762. P. 9, 255, 301; Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 3730, шифр 10—29.

1.3. «Странное желание оскорбить добрые нравы...»

«Орлеанская девственница» Вольтера стала, вне всякого сомнения, одним из наиболее ярких событий литературной жизни Франции XVIII в. Еще до ее официальной публикации, начиная с 1730-х гг., образованная публика во Франции и за ее пределами постоянно знакомилась с отдельными песнями поэмы, а затем — и с ее пиратскими изданиями. Известности произведения способствовали и публичные выступления самого автора, пытавшегося таким образом бороться с неаутентичными копиями, которых, по его собственным подсчетам, к 1755 г. существовало уже около 6 тысяч (из них в Париже — 2 тысячи). За вторую половину XVIII в. «Девственница» переиздавалась 68 раз, еще 29 изданий последовало в XIX в.¹⁶¹

Таким образом, как справедливо замечал Ж. Веркрюс, поэма Вольтера «подчинила» себе весь век Просвещения, столь же масштабной оказалась и реакция на это произведение. Не следует, однако, полагать, что все без исключения отклики носили резко отрицательный характер, напротив, многие авторы не только приняли позицию Вольтера, но и прямо ссылались на него, продолжая развивать его трактовку образа Жанны д'Арк как сильной девушки, волею обстоятельств возглавившей королевское войско и своими личными способностями добившейся не только всеобщего восхищения, но и радикального перелома в противостоянии французов и англичан.

Следует отметить, что подобные отзывы на «Девственницу» стали появляться еще до ее официальной публикации. Так, например, Франсуа-Антуан Шеврие еще в 1754 г. сообщал своим читателям, что существует «две поэмы, способных обессмертить имя Девы»: одна из них поражает своей нелепостью, вторая — глубиной сюжета, разнообразием деталей и интересных эпизодов¹⁶². Таким образом, он противопоставлял Шаплону, «лишенному поэтического таланта», Вольтера — «тонкого и редкого гения» (*ce génie sublime et rare*), достигшего в «Орлеанской девственнице» таких вершин, которые делали уместным его сравнение с Ариосто¹⁶³. Вслед за великим философом Шеврие полагал «откровения», которые якобы получала Жанна Свыше, не более чем следствием ее самовнушения, которое было в ее случае столь велико, что смогло убедить и окружавших ее людей¹⁶⁴. Он — как и Ж.-Б. д'Аржан — считал, что англичане изначально предъявили девушке об-

¹⁶¹ *Vercruyse J.* Introduction. P. 87, 97—120.

¹⁶² *Chevrier F.A.* Op. cit. P. 58.

¹⁶³ *Ibid.* P. 58—59.

¹⁶⁴ *Ibid.* P. 55—57.

винение в распущенности, однако, не будучи в состоянии его доказать, сожгли ее как ведьму¹⁶⁵.

На схожих позициях стоял, как мне представляется, и Жан-Зоробабель Обле де Мобуи, заявлявший буквально в первых строках своих «Жизнеописаний знаменитых женщин», что он не является сторонником ни английской, ни французской версии событий, т.е. не считает Жанну ни ведьмой, ни святой¹⁶⁶. Его — как и Вольтера — интересовали лишь достоверные факты ее биографии, из которых он исключил многочисленные легенды, как, например, рассказ о Дереве Фей, являвшихся девушке там «голосах» и наставлениях во всех совершаемых ею поступках, которые она якобы от них получала¹⁶⁷. По мнению самого Обле, решение идти к Карлу VII созрело у Жанны по той простой причине, что ей не хотелось провести всю жизнь в деревне¹⁶⁸, силе же ее слова мог позавидовать любой: она не только саму себя убедила в собственной избранности, но смогла заставить поверить в нее и Робера де Бодрикура, и короля¹⁶⁹.

Обычным человеком, принесшим славу своей стране, представляла Жанна и у Жан-Пьер-Луи Люше. Несмотря на то, что «большинство историков», как он отмечал, почитали девушку святой¹⁷⁰, сам он отказывал ей в данном статусе. Люше не верил в легенду с узнаванием передетого дофина¹⁷¹. Он полагал, что Провидению было совершенно все равно, каким именно путем продвигались королевские войска к Орлеану, и не усматривал в их походе ничего чудесного¹⁷². Советы Жанны при обсуждении боевых операций Люше склонен был полагать не более чем «загадочными» (*enigmatiques*) и весьма далекими от истинных откровений Свыше¹⁷³. Следует еще доказать, писал он, что Орлеанская Дева действительно являлась боговдохновенной, как, впрочем, и то, что ее пророчества не были обычными угрозами по отношению к врагу. Следует доказать, что она была настоящей девственницей и что это

¹⁶⁵“La Pucelle qu'on ne pouvoit convaincre des chimeres, ni des crimes qu'on lui imputoit, fut brulée comme sorciere” (Ibid. P. 57).

¹⁶⁶*Aublet de Maubuy J.-Z. Les vies des femmes illustres de la France. P., 1762. T. 1. P. 1.*

¹⁶⁷Ibid. P. 5—6.

¹⁶⁸Ibid. P. 9—10.

¹⁶⁹Ibid. P. 11—12.

¹⁷⁰“Ouvrez la plupart des Historiens, c'est une Sainte à miracles, c'est une Prophetesse, c'est une Heroïne” (*Luchet J.-P.-L. Histoire de l'Orléannois depuis l'an 703 de la fondation de Rome, jusqu'à nos jours. Amsterdam, 1766. T. 1. P. 330*). Важно отметить, что сочинение Люше имел в своей библиотеке Вольтер: Библиотека Вольтера. Каталог книг, № 2220, шифр 3—186 (со следами чтения). В нем, насколько можно судить, владельца интересовала именно история Жанны д'Арк: между стр. 382 и 383 (рассказ об обвинениях, выдвинутых на процессе 1431 г.) была вложена его закладка.

¹⁷¹*Luchet J.-P.-L. Op. cit. P. 315.*

¹⁷²Ibid. P. 320.

¹⁷³Ibid. P. 327.

последнее обстоятельство хоть как-то было связано с «небесными секретами», которые ей якобы сообщали¹⁷⁴.

Схожим образом рассматривал появление Жанны д'Арк на политической сцене и аббат К. Милло. Ясно давая понять своим читателям, что придерживается точки зрения Вольтера, он писал, что девушка действительно стала «главным инструментом» (*le principal instrument*) для спасения Франции, однако причиной тому была не ее боговдохновенность, в которую она верила, но ее собственное воображение и желание помочь своей стране избежать «ужасов войны»¹⁷⁵. Лишь ее настойчивость привела к тому, что советники Карла VII и его капитаны решились воспользоваться неожиданно представившейся им возможностью: иными словами, то была не политическая интрига, но воля случая, когда «авторитет Девы (*l'autorité de la Pucelle*) заставил всех действовать»¹⁷⁶.

Важно, как мне представляется, отметить, что большая часть сторонников Вольтера и его версии истории Жанны д'Арк относились к «Орлеанской девственнице» как к историческому сочинению¹⁷⁷. Один лишь Шарль Палиссо (1730—1814) просил своих читателей видеть в поэме не серьезное произведение, а всего лишь «шутку» (*un ouvrage de plaisanterie*)¹⁷⁸. Ту же интересную тенденцию мы наблюдаем и среди критиков великого философа, основным сюжетом сочинений которых стало отрицательное отношение Вольтера к официальной церкви и насаждаемому ею культу святых.

Первые критические отклики на «Орлеанскую девственницу» — как и первые хвалебные отзывы на нее — появились в печати еще до официальной публикации поэмы. Уже в 1756 г. (т.е. сразу после издания первой пиратской версии текста) в *Bibliothèque impartiale* было опубликовано «Письмо Вельзевула автору “Девственницы”» Клод-Мари Жиро. В 1760 г. это поэтическое сочинение вышло в Женеве в виде отдельной брошюры. Называя Вольтера своим «дорогим сыном», Сатана сообщал адресату, что перо писателя помогло ему «увеличить число своих подданных больше, чем врачи, чума и англичане вместе взятые»¹⁷⁹, ибо развенчивая

¹⁷⁴“Elle se croyoit inspirée... Reste à prouver qu'elle l'étoit; qu'on a confondu des promesses, des menaces avec des predications...qu'elle étoit Vièrge. Il falloit prouver que c'étoit une raison pour avoir part aux confidences celestes” (Ibid. P. 354).

¹⁷⁵“Sa dévotion, sa simplicité, une imagination vive, echauffée par le récit des horreurs de la guerre, la rendoient fort susceptible de ces mouvemens qui mettent une ame hors d'elle-même. Elle se crut inspirée” (*Millot (abbé)*. *Elémens de l'Histoire de France*. P., 1770. P. 244).

¹⁷⁶Ibid. P. 246.

¹⁷⁷*Luchet J.-P.-L.* *Histoire littéraire de monsieur de Voltaire*. Cassel, 1780. T. 1. P. 296.

¹⁷⁸*Palissot C.* *La génie de Voltaire, apprécié dans tous ses ouvrages*. P., 1806. P. 193.

¹⁷⁹“Un de tes Vers me fait mille Sujets; / Les Médecins, la Peste et les Anglais, / Moins que ta plume, ont peuplé mon Empire” ([*Giraud C.-M.*] *Épître de Belzébut, à l'auteur de la Pucelle*. Genève, 1760. P. 4).

культы святых, которых «создает» Рим, Вольтер отправляет их напрямик в ад¹⁸⁰. В благодарность дьявол обещал своему «другу» поместить его имя в свой собственный список святых (*parmi les Saints de mon calendrier*)¹⁸¹. Ту же мысль Жиро развивал и в следующем произведении — «Письме дьявола господину Вольтеру», опубликованному в 1760 г., а затем переизданному в 1761 и 1762 гг. Здесь автор «Девственницы» именовался «лейтенантом ада» (*Lieutenant des Enfers*), «истинным дьяволом» (*Diable à plus d'un titre*) и «самым лучшим» из всех врагов папы римского, которые перешли на сторону Нечистого¹⁸². Благодаря его гению «тирания несправедливой религии» (*de la Religion l'injuste tyrannie*) постепенно утрачивала свою силу, а «корабль папизма» (*la barque de Papisme*) шел ко дну¹⁸³. Дьявол вспоминал, что и прежние сочинения Вольтера заставили говорить о нем как о наиболее значимом из всех писателей, выступающих против Бога (*conjurés contre Dieu*)¹⁸⁴. Однако появление несравненной «Девственницы» (*Pucelle incomparable*) ожидалось особо: она была нужна, дабы увековечить славу ее автора и оправдать все надежды Сатаны на низвержение Господа¹⁸⁵. «Когда я прочел ее, — восклицал дьявол, — мне захотелось забрать тебе к себе. Но я все же решил оставить тебя в земном мире, где ты с таким успехом служишь аду»¹⁸⁶.

Менее изысканная, однако более историчная критика, нежели в поэтических сочинениях Жиро, содержалась в «Историческом словаре» П. Барраля 1758 г., писавшего, что Вольтер, «никогда ни к чему не относившийся с уважением», нелепо спародировал сочинение Шаплена, превратив его в «поэму-бурлеск», в которой в значительно большей степени заметны «извращения его воображения», «черствость его сердца» и «странное желание оскорбить добрые нравы и противопоставить себя всему, что религия почитает самым святым», нежели «острота его ума»¹⁸⁷. Для самого Барраля Жанна, вне всякого сомнения, оставалась «Божественным существом», «избранницей Господа», в которой окру-

¹⁸⁰Ibid. P. 6.

¹⁸¹Ibid. P. 8.

¹⁸²[Giraud C.-M.] Epître du Diable, au monsieur de Voltaire, comte de Tournay, près Genève. Délices, 1762. P. 3—4.

¹⁸³Ibid. P. 6, 10.

¹⁸⁴Ibid. P. 8.

¹⁸⁵Ibid. P. 11.

¹⁸⁶«J'en eus tant de plaisir et de contentement, / Que trois ou quatre fois j'épiai le moment / De te haper, en planant dans les nuës. / ... Mais j'ai senti que pour mes intérêts, / Il valoit mieux encor te laisser dans le monde, / Ou tu servois l'Enfer avec tant de succès» (Ibid.).

¹⁸⁷«Un autre Poète qui n'a jamais rien respecté vient de travestir ridiculement l'ouvrage de Chapelain, et en a fait un Poème burlesque, où les saillies de son esprit se font encore moins apercevoir que le dérèglement de son imagination, la corruption de son coeur, et sa hardiesse étrange à insulter les bones moeurs, et à fronter ce que la Religion a de plus sacré» (Barral P. Op. cit. P. 201).

жавшие ее люди чувствовали «нечто сверхъестественное» и которая погибла «как мученица за религию, свою родину и своего короля»¹⁸⁸. Не менее жестко критиковал Вольтера и Л.-М. Шодон, отмечавший, что этот автор достоин предстать перед судом общества, а также перед церковным трибуналом, поскольку ничего святого для него не существует¹⁸⁹. Так же полагал и Г.-А. Гайар, выступавший против «философии», которая «извращает факты» и стремится представить Деву всего лишь «инструментом в руках политиков» (*un instrument entre les mains politiques*)¹⁹⁰, тогда как в действительности речь идет о «чудесном» и «необъяснимом» явлении¹⁹¹. На тех же позициях стоял и М. Мерсье, писавший, что Вольтер оклеветал исторических персонажей, «достойных нашего почитания» (*dignes de notre vénération*)¹⁹².

Наибольший, однако, интерес среди критиков Вольтера представляет для нас иезуит Клод-Франсуа Ноннот — прежде всего потому, что на его замечания автор «Орлеанской девственницы» счел возможным ответить. Ноннот, издавший в 1762 г. в Амстердаме труд под названием «Заблуждения Вольтера», писал, что «глубокая критика», которой автор «Орлеанской девственницы» подверг деяния Жанны д'Арк, не только предполагает отрицание «чудесного» в ее жизни (*rien de merveilleux*), но и рассматривает девушку всего лишь как «инструмент» (*artifice*), использованный французами, дабы спасти Карла VII из того ужасного положения, в котором тот находился¹⁹³. Всего три историка, отмечал он далее, пытались на протяжении веков, прошедших с момента смерти Девы, «ослабить чудесное» в ее истории: это были Ангерран де Монстреле, дю Гайян и П. Рапен де Тойра¹⁹⁴. Теперь к ним добавился четвертый — Вольтер.

В ответ на обвинения Ноннота Вольтер в 1763 г. издал *Eclaircissements historiques*, одна из глав которых была полностью посвящена истории Жанны д'Арк¹⁹⁵ с подробнейшей оценкой личности последней. Эта характеристика мало чем отличалась от прочих исторических выкладок Вольтера, рассмотренных выше: здесь вновь нашлось место сомнени-

¹⁸⁸ «Elle étoit morte martire pour la deffence de la Religion, de sa Patrie et de son Roi» (Ibid. P. 199—201).

¹⁸⁹ «L'Auteur n'est pas moins coupable au Tribunal de la Religion qu'à celui de la société» (*Chaudon L.-M. Op. cit. T. 1. P. 35*).

¹⁹⁰ *Gaillard G.-A. Histoire de la rivalité de la France et de l'Angleterre. P., 1774. T. 3. P. 358—359.*

¹⁹¹ «Peut-être en tout, ce phénomène historique est-il inexplicable...ù le merveilleux domine» (Ibid. P. 359).

¹⁹² *Mercier M. Portraits des rois de France. Neuchatel, 1783. T. 2. P. 4.*

¹⁹³ *Nonnotte C.-F. Les Erreurs de Voltaire. Amsterdam, 1766. T. 1. P. 232.*

¹⁹⁴ Ibid. P. 235.

¹⁹⁵ *Voltaire. Eclaircissements historiques // Voltaire. Oeuvres complètes. T. 27. P., 1784. P. 422—466.*

ям в чудесной природе девушки, в том, что она получала откровения Свыше и могла пророчествовать¹⁹⁶. Автор полагал, что главным доказательством вымышленного характера миссии Жанны было то обстоятельство, что одновременно с ней французские капитаны использовали другого «провидца» (Гийома Пастушка) для поддержания боевого духа своих войск¹⁹⁷. Вольтер укорял своего оппонента в плохом знании материалов обвинительного процесса 1431 г.¹⁹⁸, откуда, по его мнению, истекли все ошибки иезуита в понимании сути тех или иных вопросов, задаваемых обвиняемой, и сам анализировал наиболее спорные из них¹⁹⁹. Он также вновь решительно возражал против легенды о якобы выжившей в Руане Жанне д'Арк²⁰⁰. «Научись, Ноннот, изучать историю, если отваживаешься о ней говорить», — писал в заключение Вольтер²⁰¹.

Подобный совет, тем не менее, не смутил Ноннота, который в 1766 г. выпустил второе издание «Заблуждений». Вольтер, имевший их в своей библиотеке²⁰², вновь ответил оппоненту. В *Honnêtetés littéraires* 1767 г. он писал, в частности, что Ноннот, оказывается, предлагал выкупить у него рукопись «Орлеанской девственницы» за тысячу эю (pour mille écus)²⁰³. В экземпляр *Honnêtetés*, принадлежавший Волтеру, был вклеен лист с текстом его письма издателю Фе (Fez) из Авиньона от 17 мая 1762 г., в котором он сообщал об условиях этой невозможной для него сделки и которое сопровождалось рукописными пометками автора, указывающими, что история эта длится уже давно²⁰⁴. Дискуссия с Ноннотом продолжилась в 1769 г., когда было опубликовано «Анонимное письмо господину Вольтеру с ответом». В нем ближайшие сторонники философа (среди них — его секретари Ж.-Л. Ваньер и С. Бигекс, а также основной издатель трудов философа Г. Крамер-старший) именовали иезуита клеветником, у которого «нет ни одной страницы, где бы не содержалась

¹⁹⁶Ibid. P. 445, 456.

¹⁹⁷Ibid. P. 456.

¹⁹⁸«Il faut au moins relever la mauvaise foi avec laquelle il falsifie le procès-verbal de Jeanne d'Arc» (Ibid. P. 445).

¹⁹⁹Ibid. P. 447—450.

²⁰⁰Ibid. P. 450.

²⁰¹«Apprends, Nonotte, comme il faut étudier l'histoire quand on ose en parler» (Ibid.).

²⁰²Библиотека Вольтера. Каталог книг. № 2579, шифр 7—199. Книга содержит собственноручные пометы Вольтера. В частности, на обороте шмуцтитула имеется надпись «Заблуждения Ноннота» (*Erreurs de nonnote*), а на титульном листе под заголовком читается: «Весьма нелепое сочинение бывшего иезуита по имени Ноннот, на которое мы ответили» (*Livre tres impertinent d'un exjesuite nommé nonnote auquel on a répondu*): Corpus des notes marginales de Voltaire. T. 6: Nadal-Plato // Les oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 2006. T. 141. P. 119—125.

²⁰³Voltaire. *Honnêtetés littéraires*. [Genève], 1767. P. 73.

²⁰⁴Библиотека Вольтера. Каталог книг. N 3629, шифр 11—55. Письмо вклеено между стр. 74—75.

ложь»²⁰⁵. Еще в апреле 1772 г. в письме Жану Франсуа Лагарпу Вольтер вспоминал о Нонноте как о «человеке, который делает сто исторических замечаний человеку, занимающемуся историей всю свою жизнь»²⁰⁶.

Впрочем, помимо того, что критики Вольтера восприняли «Орлеанскую девственницу» как серьезное историческое сочинение, направленное на критику церкви и идеи святости Жанны д'Арк, они также представляли ее как сочинение либертена. Эта тема поднималась уже в 1756 г. в «Письме Вельзевула», в котором Вольтер сравнивался по уровню своего таланта с «либертеном Лафонтеном»²⁰⁷. Точно так же полагал и Л.-М. Шодон, писавший, что в поэме Вольтера все прочие либертены черпают вдохновение²⁰⁸. А М. Мерсье заключал, что нет ничего удивительного в том, что в XVIII в., «веке вырождения» (*un siècle dégénéré*), «при звуке имени Девы фривольность улыбается»²⁰⁹. Странники Вольтера пытались всячески смягчить подобную оценку творчества их «гения». Так, Люше заявлял, что «либертенскими» можно назвать лишь пиратские издания поэмы, к которым сам автор не имел никакого отношения²¹⁰. Ш. Палиссо, напротив, не отрицая некоторой вольности «Девственницы», полагал подобный стиль оправданным потому, что весь XV в., описанию которого поэма и была посвящена, являлся веком либертинизма: веком свободных нравов и свободных сексуальных связей, при которых поведение Девы, как его описал Вольтер, не выходило за рамки принятых норм поведения²¹¹.

Следует отметить, что во второй половине XVIII в. практически все критики Вольтера, выражавшие свое возмущение «Орлеанской девственницей», были представителями церкви, католическими авторами, для которых и его отношение к культу святых, и его предполагаемая приверженность идеалам либертинизма являлись наиболее болезненными вопросами. Для светских авторов и для светской просвещенной публики Вольтер оставался властителем умов. Не случайно в периодической печати этого времени не появилось практически никаких негативных упоминаний его поэмы²¹², а при возвращении Вольтера в Париж в 1778 г. восторженная толпа встречавших скандировала, по воспоминаниям Кондорсе, «Да здравствует “Девственница”!»²¹³.

²⁰⁵Corpus des notes marginales de Voltaire, T. 6. P. 466.

²⁰⁶Ibid.

²⁰⁷[Giraud C.-M.] Epître de Belzébut. P. 4.

²⁰⁸Chaudon L.-M. Op. cit. T. 1. P. 37.

²⁰⁹Mercier M. Op. cit. P. 5.

²¹⁰«Une Edition châtiée parut, et le sacrifice de quelques morceux libertins fit pardonner à ceux qui n'étoient qu'indécens» (Luchet J.-P.-L. Histoire littéraire de monsieur de Voltaire. P. 296).

²¹¹Palissot C. Op. cit. P. 191.

²¹²Vercruysse J. Introduction. P. 190—191.

²¹³Ibid. P. 188.

§ 2. «Народная героиня» историков-либералов

Как я уже отмечала выше, специалисты по историографии Жанны д'Арк сходятся во мнении, что ее образ формировался под сильнейшим влиянием «Орлеанской девственницы» Вольтера не только во второй половине XVIII в., но и в первой половине XIX в.²¹⁴ Однако, далеко не всегда речь при этом шла о критике исторических выкладок великого философа: многие его мысли в этот период оказались подхвачены и развиты новым поколением французских историков, республиканцами и либералами²¹⁵. И одной из основных, если не самой главной, из них являлась идея о народной героине, действовавшей не просто по указке властей предрержащих, но руководствовавшейся собственным умом и черпавшей вдохновение в той среде, которая ее породила.

2.1. Рождение «народной героини»

Вне всякого сомнения, стремительная трансформация Жанны д'Арк из простой боговдохновенной пастушки в народную героиню, ведущую за собой нацию, оказалась связана прежде всего с Французской революцией конца XVIII в., главным политическим событием эпохи, наложившим сильнейший отпечаток не только на развитие страны, ее общественных и государственных институтов, но и на исторические сочинения, авторы которых пытались осмыслить пережитый опыт. Как отмечал Г. Крюмейх, именно революция стала тем переломным моментом, когда произошел раскол в историографии Жанны д'Арк, ее разделение на либеральную и католическую²¹⁶. Для представителей первого направления совершенно очевидным представлялся тот факт, что именно потрясения революционной поры превратили французов в единую нацию, а Орлеанскую Деву — в ее лидера. Так, в «Истории Французской революции» Жюль Мишле вкладывал в уста парижан, штурмующих Бастилию, те же самые слова, с которыми якобы обращалась к своим солдатам Жанна при взятии форта Турель в Орлеане²¹⁷.

²¹⁴ *Jeanné E.* Op. cit. P. 48; *Vercruysse J.* Introduction. P. 200; *Krumeich G.* Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 33—34.

²¹⁵ Развитие и основные идеи историографии Жанны д'Арк XIX в. подробнейшим образом описаны в исследованиях Герда Крюмейха (*Krumeich G.* Jeanne d'Arc à travers l'Histoire) и Эгидия Жанне (*Jeanné E.* Op. cit.). На выводы этих авторов я во многом опиралась при изучении работ французских историков-либералов этого периода.

²¹⁶ *Krumeich G.* Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 39.

²¹⁷ “Une lumière dans les esprits et dans chaque coeur une voix: Va, et tu prendras la Bastille” (*Michelet J.* Histoire de la Révolution française. P., 1974. T. 1. P. 207, разрядка моя — О.Т.). Ср. с описанием взятия Турели: “Et lors elle luy respondit: “Tout est vostre, et y entrez!” (*Journal du siège d'Orléans.* P. 86). В предисловии к изданию

Любопытно, что подобный взгляд на события конца XVIII в. сохранился в либеральной французской историографии и в начале XX в. Так, например, Морис Баррес писал в 1920 г. (т.е. в год официальной канонизации Девы): «Жанна д'Арк — продукт нашего времени. Вплоть до Революции, потрясения основ [общества], мы не понимали, кем являлась эта девушка. Мы презирали ее, мы рядили ее в античные одежды. [В действительности] она была находкой демократии (*une trouvaille de la démocratie*), народа, взявшего слово. Первым об этом заговорил Вольтер, а вслед за ним — Французская революция»²¹⁸.

Столь восторженные оценки, впрочем, мало соответствовали тем немногим фактам, которые известны нам о восприятии образа Жанны д'Арк во Франции периода Революции. Действительно, в 1790 г. при подготовке празднования дня взятия Бастилии в муниципалитет Парижа поступило прошение о почтении памяти «французской героини, известной под именем Орлеанской Девы», чьи заслуги позволяют называть ее «французской Юдифью» (*Judith française*), однако, данная просьба была отклонена²¹⁹. Точно так же в 1792 г. муниципалитету Орлеана было предложено уничтожить как «оскорбляющий чувство свободы французского народа» (*qui insulte à la liberté du peuple français*) памятник Жанне д'Арк и Карлу VII, установленный на мосту через Луару в честь снятия осады с города 8 мая 1429 г.²²⁰ Власти Орлеана пытались противодействовать данному решению, упирая на то обстоятельство, что «памятник Деве» не является «оскорблением французского народа», поскольку представляет собой «славное свидетельство» способности «наших предков освободиться от английского ига»²²¹. Тем не менее, памятник был разрушен, и представители муниципалитета смогли добиться лишь того, чтобы одна из пушек, на изготовление которых пошел весь металл, носила имя Жанны д'Арк²²². В том же году снести потребовали и мемориальный фонтан, установленный на месте казни французской героини в Руане. (ИЛЛ. 35) Власти города, однако, смогли спасти монумент, доказав, что Жанна — дитя третьего сословия, и

«Истории Французской революции» 1847 г. Мишле прямо заявлял, что данная эпоха представляется ему очень близкой по духу тому времени, когда жила и действовала Жанна д'Арк, поскольку и в том, и в другом случае речь шла о сплотившихся в единую нацию народных массах, объединенных одним общим устремлением (*la nation toute entière marcha sous un drapeau fraternel*): Michelet J. Op. cit. P. 22.

²¹⁸Цит. по: Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 38.

²¹⁹Une proposition faite en 1790 à l'Assemblée municipale de Paris, pour rendre au 14 juillet un hommage public à Jeanne d'Arc // Intermédiaire des chercheurs. 30 mai 1892. Col. 507.

²²⁰Q, 5, 240.

²²¹«Témoignage glorieux de la valeur de nos ancêtres qui ont délivré la nation française du joug que les Anglais voulaient lui imposer» (Q, 5, 241).

²²²Q, 5, 242—243.

согласились лишь убрать «роялистские» надписи, содержащие упоминания о Карле VII²²³. Наконец, в 1793 г. в Орлеане был упразднен традиционный «праздник Девы», который отмечался каждый год 8 мая в память о снятии английской осады в 1429 г.²²⁴ Только в 1803 г. торжества в честь Жанны д'Арк были восстановлены по прямому указанию Наполеона, писавшего жителям Орлеана: «Знаменитая Жанна д'Арк доказала, что не существует такого чуда, которое не смог бы совершить французский гений, когда в опасности находится независимость страны. Будучи объединенной, французская нация никогда не оказывалась побежденной»²²⁵. (ИЛЛ. 36)

Как мне представляется, связь между Орлеанской Девой и ее «народным» происхождением, достаточно слабо представленная в отрывочных свидетельствах революционной эпохи, получила развитие не столько в конце XVIII в., сколько уже в первой половине XIX в. Связано это было прежде всего с возникновением романтического направления во французской историографии, отличительной чертой которого стало повышенное внимание как к стилистическим особенностям исторического изложения (*narratio*), так и к истории «низов» общества, роли народных масс в политических и общественных процессах прошлого²²⁶.

Во Франции начало романтического поворота в историописании было, безусловно, связано с именем Франсуа Рене де Шатобриана (1768—1848) и с его «Гением христианства», изданным в 1802 г. Не будучи в строгом смысле слова историческим сочинением, «Гений» представлял собой, скорее, свободный рассказ о наиболее выдающихся событиях времен «старой монархии» и пользовался большим успехом у читающей публики: менее чем за два месяца его первый тираж в 4 тысячи экземпляров оказался полностью распроданным. Шатобриану удалось повлиять на видение истории не только католиками, но и либералами²²⁷: в его интерпретации событий прошлого практически отсутствовали намеки на монархические идеалы самого автора²²⁸, и на первый план выходило от-

²²³Q, 5, 235—236.

²²⁴Подробнее об истории праздника см. ниже: Глава 5. § 4.2.

²²⁵«L'illustre Jeanne d'Arc a prouvé qu'il n'est point de miracle que le génie français ne puisse opérer lorsque l'indépendance nationale est menacée. Unie, la nation française n'a jamais été vaincue» (Q, 5, 244).

²²⁶Подробнее см.: Wellek R. The Concept of Romanticism // Comparative Literature. 1949. № 1. P. 1—23, 147—172; Реузов Б.Г. Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956; Зенкин С.Н. Французский романтизм и идея культуры. М., 2002. С. 5—18.

²²⁷Jeanné E. Op. cit. P. 49—51; Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 47—48.

²²⁸Шатобриан полагал, что причиной любого исторического события является воля Господа, и лишь безбожие людей, отсутствие у них истинной веры приводит к катастрофам, к которым относил, в частности, события Французской революции: Chateaubriand. Le génie du christianisme // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1849. T. 3. P. 161—162.

кровенное восхищение народом «древней Франции», его повседневной жизнью, пережитыми им страданиями и победами²²⁹.

Следует отметить, что непосредственно Жанне д'Арк Шатобриан уделил мало внимания в своих произведениях. В «Истории Франции» он, стараясь лишней раз подчеркнуть роль Провидения в судьбах людей, упомянул о том, что чудесное появление девушки «спасло родину» от захватчиков²³⁰, и кратко остановился на характеристике Девы, в которой, по его мнению, сочетались «наивность крестьянки», «слабость женщины», «вдохновение святой» и «мужество героини»²³¹. «Простота» Жанны, отмечал автор, не помешала ей, тем не менее, давать «безупречные» ответы (*des réponses sublimes*) на вопросы судей в Руане²³². Когда же девушка взошла на костер и приняла мученическую смерть, даже ее палачи не смогли сдержать слез²³³.

Несмотря на то, что идея о «народном» происхождении Жанны д'Арк была заимствована Шатобрианом у века Просвещения, он крайне резко отзывался об «Орлеанской девственнице» Вольтера, которую именовал «преступлением гения» (*crime de génie*). Он искренне радовался тому обстоятельству, что в его время (т.е. в 20-е гг. XIX в.) влияние сочинений выдающегося мыслителя уже не ощущается²³⁴, поскольку «общественная нравственность», пришедшая на смену «частным интересам», не допускает более «оскорблений родины»²³⁵. Эти слова он повторил затем в критическом разборе «Истории герцогов Бургундских» Проспера де Баранта, в заслугу которого ставил прежде всего тот отпор, который автор смог дать «клеветническим оскорблениям» (*insultes diffamatoires*), нанесенным памяти Жанны Вольтером²³⁶.

Идеи Шатобриана были подхвачены зародившейся именно в этот период — период ужесточения Реставрации — либеральной школой историографии во Франции. В начавших публиковаться в конце 1820-х гг. в журнале *Le Courrier français* «Письмах по истории Франции»²³⁷ Огюстен Тьерри

²²⁹Ibid. P. 165, 166—167.

²³⁰*Chateaubriand. Analyse raisonnée de l'histoire de France // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1876. T. 8. P. 258.*

²³¹«On trouve dans le caractère de Jeanne d'Arc la naïveté de la paysanne, la faiblesse de la femme, l'inspiration de la sainte, le courage de l'héroïne» (Ibid.).

²³²Ibid.

²³³Ibid. P. 259.

²³⁴Ibid. P. 260.

²³⁵«Nous avons maintenant des moeurs publiques, et...les grandes insultes à la patrie ne peuvent avoir lieu» (Ibid.).

²³⁶*Chateaubriand. Sur l'histoire des ducs de Bourgogne // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1837. T. 17. P. 358.*

²³⁷Всего в *Le Courrier français* было опубликовано 10 писем О. Тьерри, остальные 15 появились лишь в первом отдельном издании: *Thierry A. Lettres sur l'histoire de France pour servir d'introduction à l'étude de cette histoire. P., 1827.*

сформулировал основные задачи новой исторической науки, заключавшиеся, с его точки зрения, в изучении «формирования французской нации» и «коммунальной революции»²³⁸. При этом, следуя требованиям романтизма, он полагал необходимым придерживаться в изложении событий прошлого наивного, но беспристрастного рассказа, в котором не чувствовалось бы монархических или республиканских симпатий самого автора, способных повлиять на восприятие истории будущими читателями²³⁹. Этим же последним знание прошлого было бы весьма полезно для поднятия патриотического духа, однако настоящей национальной истории (*la vraie histoire nationale*), по мнению Тьерри, на тот момент еще не существовало, она по-прежнему представляла собой не более чем хроники отдельных привилегированных семейств и нуждалась в ревизии: главный упор следовало сделать на изучении простого народа, его корней, его чувств и помыслов²⁴⁰. Иными словами, история Франции должна была рассказывать не об отдельных выдающихся личностях прошлого, но обо всей французской нации (*la nation toute entière*)²⁴¹. Именно с этих позиций рассматривал О. Тьерри и деяния Жанны д'Арк, которой посвятил короткий пассаж в первом из своих «Писем»²⁴²: для него девушка являлась воплощением «патриотического фанатизма» (*fanatisme patriotique*) и «народного духа» (*l'inspiration populaire*) французов — единственной силы, оказавшейся способной спасти страну и Карла VII от англичан²⁴³.

Призыв О. Тьерри к обновлению исторической науки и к изучению истории «низов» был услышан его коллегами. Одним из них стал Жан-Шарль-Леонард Симонд де Сисмонди, профессор Женевского университета, в 1821 г. опубликовавший первые тома своей монументальной «Истории французов». Уже само название сочинения Сисмонди указывало на радикальную смену исторической парадигмы. Именно на работу Сисмонди опирался позднее и Ж. Мишле, полагавший, впрочем, что демонстративная «враждебность» женевского ученого по отношению к королевской власти и к церкви явилась данью традициям XVIII в.²⁴⁴

Как истинный республиканец, Сисмонди на самом деле решительно порвал с монархической историографией, для него главным двигателем

²³⁸«Les nombreuses questions historiques... se rapportent toutes, d'une manière directes, à deux chefs principaux, la formation de la nation française, et la révolution communale» (Ibid. P. V).

²³⁹Ibid. P. X—XI.

²⁴⁰Ibid. P. 4—6.

²⁴¹Ibid. P. 76.

²⁴²Данный пассаж отсутствовал в *Le Courrier français*, а также в первом отдельном издании писем О. Тьерри, он был добавлен автором позднее.

²⁴³Thierry A. *Lettres sur l'histoire de France* // Thierry A. *Oeuvres*. Bruxelles, 1839. P. 418.

²⁴⁴Michelet J. *Sur l'Histoire des Français de Sismondi* // Michelet J. *Oeuvres complètes* / Ed. par P. Viallaneix. T. 3. P., 1973. P. 914.

истории являлся народ, сражавшийся за свою свободу. Именно поэтому его особенно интересовала личность Жанны д'Арк, истинной «дочери народа», своими собственными руками вершившей судьбу целой страны: о ней рассказывалось в 13 томе «Истории французов», увидевшем свет в 1831 г. Вслед за Вольтером Сисмонди полагал Жанну порождением и воплощением «народного духа» (*zèle populaire*), вдохновившим его соотечественников на «великую революцию» (*une grande révolution*) — освобождение Франции от захватчиков²⁴⁵. Именно у него впервые в XIX в., насколько можно судить, подробно излагалась версия о происхождении героини из «низов» общества²⁴⁶ и об унаследованных ею от родителей чувстве патриотизма и симпатии к «партии арманьяков»²⁴⁷.

Данная идея получила свое развитие в трудах Теофила Лавалле, чья «История французов» была опубликована в 1830—1840 гг. В отличие от Сисмонди, Лавалле видел в Орлеанской Деве не просто воплощение народного духа²⁴⁸, но полагал, что именно Жанна спровоцировала само его рождение, что она стояла у истоков возникновения чувства патриотизма у французов²⁴⁹, благодаря ее подвигам объединившихся в нацию и устремившихся на защиту своей страны от внешнего врага: «Эта святая девушка (*la sainte fille*) открыла народу, кем он на самом деле является, она зажгла в нем священный огонь, она научила его страдать, быть преданным, умирать за свою родину!... Ее чувство патриотизма было глубочайшим! Это была сама Франция, воплощенная Франция!»²⁵⁰.

Через понятие «народ» рассматривал историю Жанны д'Арк и Жюль Мишле, постоянно возвращавшийся к ней на протяжении своей долгой научной карьеры²⁵¹. Незадолго до смерти, в 1869 г., в предисловии к очередному переизданию «Истории Франции» знаменитый историк отмечал, что его главной целью всегда оставалось доказательство того, что появление Девы на исторической сцене не следует считать чудесным, ибо оно было обусловлено совершенно конкретными, «естественными» обстоятельствами, главным из которых он полагал ее происхождение — тот факт, что девушка была частью и самой сущностью француз-

²⁴⁵ *Simonde de Sismondi J.-C.-L. Histoire des Français*. P., 1831. P. 115.

²⁴⁶ *Ibid.* P. 115—116.

²⁴⁷ «Jeanne d'Arc s'étoit livrée de tout son coeur à l'esprit de parti ou au patriotisme de ses parens» (*Ibid.* P. 116—117).

²⁴⁸ «Jeanne résumait en elle tous ces sentiments et ces idées du peuple» (*Lavallée Th. Histoire des Français depuis le temps des Gaulois jusqu'en 1830*. P., 1847. T. 2. P. 117).

²⁴⁹ «Le peuple se sentit renaître; il se reconnut dans Jeanne d'Arc» (*Ibid.* P. 119).

²⁵⁰ *Ibid.* P. 128.

²⁵¹ Подробнее о понятии «народ» в сочинениях Ж. Мишле и о роли Жанны д'Арк в истории народных масс см.: *Viallaneix P. La voie royale. Essai sur l'idée de peuple dans l'oeuvre de Michelet*. P., 1959, особенно P. 332—351. См. также: *Jeanné E. Op. cit.* P. 62—84.

ского народа²⁵². «Гений народа» (*génie du peuple*), присутствовавший в ней, позволил ей исполнить собственную миссию. Вместе с тем Жанна — как истинный герой прошлого — внесла свою лепту в дело создания нации, встав во главе народного сопротивления захватчикам, она «заставила Францию стать свободной и осознать саму себя»²⁵³.

Важно отметить, насколько жестко Мишле ограничивал само понятие «народ»: в его понимании речь шла лишь о «низзах» общества, но не о его элите, не о королевских приближенных и даже не о городских ремесленниках. Уже в «Кратком очерке истории Франции» 1833 г., описывая деяния Жанны д'Арк, он особо упирал на противопоставление девушки и «коррупцированного и насмешливого двора» (*cette cour corrompue et moqueuse*), который она заставила себя уважать²⁵⁴. Освобождение страны стало, по его мнению, делом рук не монарха, не знати и даже не горожан, но одних лишь «жителей деревень» и их главного представителя — «женщины, девушки, Девы»²⁵⁵.

Образ Жанны как «девственного и чистого воплощения народа» (*sous sa forme virginale et pure*) развивался и в «Картинах Франции» 1833 г., ставшей введением ко второму тому монументальной «Истории Франции»²⁵⁶. В этом последнем сочинении Мишле, верный своему изначальному тезису о Жанне-народной героине, сравнивал ее с самим Иисусом Христом — еще одним воплощением народного духа, в отличие от священников, представителей официальной церкви. Только народ способен постичь данное различие, рассуждал Мишле, только в его сознании существует данный идеал, воплотившийся в фигурах Людовика Благочестивого, Готфрида Бульонского, Томаса Беккета, Людовика Святого, а в XV в. — в Жанне Деве: «Именно она — та, в ком народ погибал за народ, стала последней фигурой Христа (*la dernière figure du Christ*) в эпоху Средневековья»²⁵⁷.

С 1834 г., когда он приступил к созданию «Истории Франции», Жанна д'Арк начала интересовать Мишле как исторический персонаж. Уже в курсе лекций, прочитанном в Сорбонне в 1834—1835 гг., он представил своим слушателям тот образ национальной героини, который затем

²⁵²«Elle agit justement parce qu'elle n'avait nul art, nulle thaumaturgie, point de féerie, point de miracle. Tout son charme est l'humanité. Il n'a pas d'ailes, ce pauvre ange; il est peuple, il est faible, il est nous, il est tout le monde» (*Michelet J. Préface à l'Histoire de France* (1869) // *Michelet J. Oeuvres complètes* / Ed. par P. Viallaneix. T. 4. P., 1974. P. 23.

²⁵³Об этом Мишле говорил в лекции, прочитанной в Нормальной школе в 1832 г.: *Viallaneix P. Op. cit.* P. 335.

²⁵⁴*Michelet J. Précis de l'histoire de France* // *Michelet J. Oeuvres complètes*. T. 3. P., 1973. P. 112.

²⁵⁵*Ibid.* P. 107.

²⁵⁶*Michelet J. Tableau de la France* // *Michelet J. Oeuvres complètes*. T. 4. P. 364.

²⁵⁷*Michelet J. Histoire de France* // *Ibid.* P. 609.

не претерпел практически никаких изменений в его сочинениях. Он видел в ней воплощение французской нации, «первую патриотическую фигуру» (*la première figure patriotique*) страны, с помощью которой народ осознал свою силу и свои права²⁵⁸. В десятой главе «Истории Франции», озаглавленной в рукописи «Карл VII — Орлеанская Дева», работа над которой велась с 1840 г. и которая, начиная с 1853 г., переиздавалась бесчисленное количество раз в виде отдельной книги («История Жанны д'Арк»), нашли отражение все основные идеи автора, касавшиеся его героини: ее крестьянские происхождение и «ментальность», ее приверженность народному благочестию, соответствие всех ее действий тайным чаяниям «низов» французского общества и их противоречие политическим целям элиты²⁵⁹.

Вне всякого сомнения, труды Ж. Мишле на многие годы вперед определили взгляды французских либералов на деяния Жанны д'Арк. Влияние выдающегося историка на свои собственные исследования подчеркивал, в частности, Жюль Кишра, которого связывали с Мишле не только творческие, но и дружеские узы и многолетняя переписка²⁶⁰. В рецензии на биографию Мишле, написанную Габриэлем Моно, Кишра именовал своего коллегу «родоначальником» новой историографии во Франции, представители которой способствовали «обновлению» всех областей исторического знания²⁶¹.

Для Кишра, точно так же как и для Мишле, Жанна д'Арк являлась народной героиней, далекой от короля и его окружения. Это обстоятельство обуславливало, с его точки зрения, все неудачи девушки, ибо власти предрержащие не упускали случая, чтобы «противоречить ей, мешать ей, вредить ей»²⁶². Интересно при этом отметить, что знаменитый шартист не попытался каким-то более научным способом обосновать свой тезис о противоречиях, возникавших между Девой и королевским окружением: для него вполне достаточно было просто констатировать нелюбовь элиты к девушке из народа, главной целью которой всегда оставалась не только защита Франции — этого «святого королевства», «царства Иисуса» на земле — от внешнего врага²⁶³, но и «пробуждение униженного народа»²⁶⁴. Вот почему, писал Кишра, толь-

²⁵⁸ *Michelet J. Jeanne d'Arc et autres textes / Ed. établie et présentée par P. Viallaneix. P. 1974. P. 300.*

²⁵⁹ «C'est la merveille. Dans ce qu'on méprisait, dans ce qui semblait le plus humble, dans une enfant, dans la simple fille des campagnes, du pauvre peuple de France» (Ibid. P. 149).

²⁶⁰ *Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 97—100.*

²⁶¹ *Quicherat J. Jules Michelet, par Gabriel Monod // BEC. 1875. T. 36. P. 619—620.*

²⁶² *Quicherat J. Aperçus nouveaux. P. 22.*

²⁶³ Ibid. P. 6.

²⁶⁴ Ibid. P. 166.

ко «опыт Революции» (*expérience de la Revolution*) позволяет правильно понять историю Девы — простой крестьянки, вышедшей «из самых низов» и, благодаря зависти и противодействию властей предрержащих, отдавшей жизнь за свою страну и за рожденную ее усилиями единую французскую нацию как истинная мученица — святая, которую не признало Средневековье, но которую обязана признать современность²⁶⁵.

Столь же явно влияние Мишле сказалось и на творчестве другого либерального французского историка первой половины XIX в. — Анри Мартена. Его заслугой следует, безусловно, признать популяризацию личности Жанны д'Арк: его «История Франции», опубликованная впервые в 1833 г., переиздавалась затем вплоть до 1855 г. В 1857 г. увидело свет первое отдельное издание главы, посвященной Орлеанской Деве, в том же году вышло еще пять переизданий, которые затем появлялись регулярно с 1864 по 1880 г. и завершились иллюстрированным изданием 1885 г.²⁶⁶

Именно сочинению Мартена французские читатели были обязаны знакомством с новыми источниками, открытыми Ж. Кишра²⁶⁷, и с позициями либеральной историографии относительно личности Жанны д'Арк. Несмотря на то, что взгляды самого автора со временем несколько изменились (в частности, это коснулось проблемы откровений Девы), в вопросе о крестьянском происхождении своей героини и в ее противопоставлении миру знати он всегда оставался верен идеалам либерализма. Для Мартена — как и для Кишра — решающим моментом в понимании деяний Жанны д'Арк являлась Французская революция, поскольку, как он отмечал, «история пишется одним лишь свободным народом»²⁶⁸. «Новое общество», которое было создано во Франции после событий конца XVIII в., готово было, по мнению автора, к восприятию Девы как «мессии национальной идеи» (*le Messie de la nationalité*) и самой «души Франции» (*l'âme même de la France*)²⁶⁹, а также к пониманию той сугубо негативной роли, которую сыграли в судьбе героини из народа Карл VII и его ближайшее окружение.

²⁶⁵“La sainte du moyen âge, que le moyen âge a rejetée, doit devenir celle des temps modernes. Elle a confessé par sa mort bien des sentiments pour lesquels il convient qu'il y ait encore des martyrs” (Ibid.).

²⁶⁶Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 117—118.

²⁶⁷О желании познакомить своих читателей с достижениями Ж. Кишра А. Мартен писал в предисловии к изданию «Жанны Дарк» 1857 г.: *Martin H. Jeanne Darc. P., 1857. P. 3.*

²⁶⁸“L'histoire ne pouvait s'écrire que chez les peuples libres” (*Idem. Jeanne Darc. P., 1855. P. VI.*)

²⁶⁹*Idem. Jeanne Darc. P., 1857. P. 3.*

2.2. «Инструмент, которым воспользовались...»

По мнению либеральных историков первой половины XIX в., первым, кто во всеуслышание заявил о том, что государство (в лице Карла VII) ничего не сделало для спасения Жанны д'Арк из английского плена, был Вольтер. Великий французский философ действительно не раз писал в своих исторических сочинениях, что власти предрержащие никак не увековечили память Орлеанской Девы: лишь мученическая смерть на костре стала ей достойным памятником. Позиция Вольтера по данному вопросу, безусловно, оказала влияние на последующие поколения историков.

Как представляется, данная тема нашла свое развитие уже в «Истории Франции» Шатобриана, отмечавшего, что после коронации Карла в Реймсе Жанна пожелала возвратиться в родную деревню и «охранять стада своего отца», но ее «удержали» (*on la retint*) от этого шага²⁷⁰. У Симонда де Сисмонди, первым заговорившем о «народном» духе и происхождении Девы, сюжет с ее возможным предательством властями предрержащими получил некоторые уточнения. По мнению этого автора, желание Жанны вернуться домой сразу же после коронации Карла VII, поддержанное ее отцом и дядей²⁷¹, натолкнулось прежде всего на сопротивление капитанов королевского войска, которые изначально руководили всеми ее действиями (здесь в позиции Сисмонди наблюдалось явное влияние исторических выкладок Вольтера)²⁷² и которые рассматривали девушку как своего рода талисман для поднятия боевого духа солдат²⁷³. Жанна уступила их просьбе, но с тех пор не была уверена ни в истинном характере своей миссии, ни в посещавших ее откровениях²⁷⁴. Ее сомнения в собственной избранности еще более возросли после того, как сломался меч, найденный в Сент-Катрин-де-Фьербуа: она вновь решила покинуть поля сражений, но капитаны королевского войска вновь удержали ее²⁷⁵. Однако в то же время Карл VII полностью лишил девушку военной помощи, и ее окружали лишь отряды «разбойников», которые ей совершенно не подчинялись²⁷⁶. В подобной ситуации, утратив веру в собственное предназначение и тот «религиозный энтузиазм» (*enthousiasme religieux*), который всегда ее поддерживал, Жанна, по мнению Сисмонди, была практически обречена на

²⁷⁰ Chateaubriand. *Analyse raisonnée*. P. 258.

²⁷¹ Simonde de Sismondi J.-C.-L. *Op. cit.* P. 144—145.

²⁷² Ibid. P. 123, 129.

²⁷³ Ibid. P. 145.

²⁷⁴ «Et dès-lors elle montra le même courage dans les combats, la même constance dans les douleurs...mais non la même persuasion de sa mission divine, ou la même foi dans ses inspirations» (Ibid.).

²⁷⁵ Ibid. P. 157—158.

²⁷⁶ Ibid. P. 159.

провал²⁷⁷: никто не защитил ее в последнем сражении у Компьеня, никто не пришел ей на помощь у закрытых ворот города²⁷⁸. Карл VII не предпринял каких бы то ни было шагов по спасению Девы из английского плена, чем оттолкнул от себя своих подданных, посчитавших, что у их правителя «нет чувства патриотизма»²⁷⁹. Таким образом, именно у Сисмонди впервые, насколько можно судить, возникла тема предательства, совершенного по отношению к Жанне д'Арк не только ее военными компаньонами, но и самим королем.

В том же ключе, как мне представляется, рассматривал историю гибели французской героини и Т. Лавалле, писавший, что победой над англичанами король был обязан исключительно простому народу, во главе которого стояла Жанна д'Арк: «Они желали спасти его, вопреки ему самому» (*malgré lui*)²⁸⁰. Как и Сисмонди, Лавалле полагал, что после коронации Карла девушка мечтала вернуться домой, однако ни король, ни его капитаны не разрешили ей покинуть войско, боясь, что без нее война не будет столь успешной²⁸¹. Жанна продолжила сражаться, но противоречие между ее собственными убеждениями и королевской просьбой сделало ее «неспокойной и нерешительной» (*inquiète et irrésolue*), она утратила веру в себя²⁸². Когда же она попала в плен, народ обвинил ее военных соратников в предательстве²⁸³. Поведение Карла VII также вызвало всеобщее возмущение, ибо он не сделал ничего, чтобы спасти Деву от неминуемой смерти: «Инструмент, которым он воспользовался и о котором тут же позабыл! Несчастная крестьянка, о которой он едва помнил в объятиях куртизанки и которую беззаботно позволил сжечь! [Несчастный] народ, который принес себя в жертву неблагодарному и заносчивому королевству!»²⁸⁴. Однако, в отличие от Сисмонди, Лавалле считал, что в смерти Жанны виновны не только «сеньоры» и король, но и церковь, которая «настолько деградировала, что не смогла воздать почести мученице, [отдавшей жизнь] за свою родину (*la martyre de la patrie*) и возвести ее в ранг святых (*au rang des saints*)»²⁸⁵.

²⁷⁷Ibid.

²⁷⁸Ibid. P. 160.

²⁷⁹“Les Français sentirent qu'il n'y avoit plus de monarchie, plus de patrie en quelque sorte, puisque le représentant de l'une et de l'autre n'avoit plus de sentiment français” (Ibid. P. 163—164).

²⁸⁰*Lavallée Th.* Op. cit. P. 117.

²⁸¹Ibid. P. 121.

²⁸²Ibid.

²⁸³“Le peuple...accusa les compagnons de la Pucelle de l'avoir abandonnée et trahie” (Ibid. P. 124).

²⁸⁴“Instrument dont on s'était servi et qu'on avait oublié déjà! pauvre paysanne dont à peine on se souvenait dans les bras d'une courtisane, et qu'on laisser bruler sans souci! peuple qui se sacrifiait pour la royauté ingrate et dédaigneuse!” (Ibid. P. 128).

²⁸⁵Ibid. P. 129.

Схожим образом описывал положение Жанны д'Арк при дворе и Ж. Мишле, полагавший, что все без исключения королевские советники «не желали ее и не поддерживали» (*mal voulue, mal soutenue*)²⁸⁶. Именно поэтому, с точки зрения историка, Карл VII не предпринял никаких шагов по спасению своей соратницы, хотя и располагал для этого всеми возможностями²⁸⁷.

Наиболее подробно, однако, тема предательства, совершенного в отношении Девы, оказалась разработана у Ж. Кишра, который не просто изначально был уверен в данной гипотезе, но и смог, как ему представлялось, найти ей неопровержимые доказательства в источниках. Занятый с весны 1840 г. подготовкой к изданию материалов процессов 1431 и 1455—1456 гг., а также всех доступных ему на тот момент хроник и документов, касавшихся истории Жанны д'Арк²⁸⁸, Кишра в 1845 г. опубликовал в «Библиотеке Школы Хартий» текст «Хроники» Персеваля де Каньи, приближенного герцога Алансонского и, возможно, непосредственного участника многих событий 1429—1431 гг.²⁸⁹

Именно его рассказ лег в основу теории Кишра, поскольку недвусмысленно давал понять, насколько устремления девушки противоречили желаниям и целям Карла VII и его советников. Ее главной задачей де Каньи полагал не только коронацию Карла, но и освобождение от захватчиков всего королевства²⁹⁰. Вот почему после визита в Реймс Жанна начала готовить поход на Париж — однако сам король был против такого развития событий: «Казалось, что ему советовали обратное желаниям Девы, герцога Алансонского и других [людей] из их окружения»²⁹¹. Точно так же после неудачного штурма столицы и ранения Жанны король — против желания последней — приказал войскам отходить в Сен-Дени, что вызвало у девушки и ее окружения «большое огорчение»²⁹². Именно в этот момент, по мнению Персеваля де Каньи, «желания Девы и королевской армии разошлись»²⁹³. Тогда же Карла VII

²⁸⁶*Michelet J. Jeanne d'Arc et autres textes. P. 83.*

²⁸⁷“Charles VII agissait-il pour la sauver? En rien, ce semble; il avait pourtant des prisonniers entre ses mains; il pouvait la protéger, en menaçant de représailles” (Ibid. P. 100—101).

²⁸⁸Подробнее об истории данной публикации см.: *Contamine Ph. Jules Quicherat, historien de Jeanne d'Arc // Contamine Ph. De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie. P. 179—191.*

²⁸⁹*Quicherat J. Histoire de Jeanne d'Arc, d'après une chronique inédite du quinzième siècle // BEC. 1845. T. 2. P. 143—171.*

²⁹⁰“La Pucelle avoit intencion de remettre le roy en sa seigneurie et son royaume en son obeissance” (Chroniques de Perceval de Cagny. P. 160).

²⁹¹“Et sembloit que il fust conseillé au contraire du vouloir de la Pucelle, du duc d'Alancon et de ceulx de leur compaignie” (Ibid. P. 165).

²⁹²Ibid. P. 169.

²⁹³“Ei ainssi fut le vouloir de la Pucelle et l'armée du roy rompue” (Ibid. P. 170).

покинул и герцог Алансонский, попытавшийся было испросить у короля дозволения забрать Жанну с собой в Нормандию, объясняя свое желание тем обстоятельством, что иначе к его войску не присоединятся свежие силы. Однако, подобное решение противоречило мнению ближайшего окружения Карла — Реньо Шартрского, Жоржа де Ла Тремуйя и Рауля де Гокура, по поводу чего де Каньи замечал: «Она совершала невообразимые поступки...и, можно сказать, совершила бы еще больше, если бы король и его совет хорошо относились к ней»²⁹⁴.

Пленение Жанны под Компьнем де Каньи не связывал с возможным предательством капитана крепости де Флави²⁹⁵. Для него подобный исход стал всего лишь логичным следствием полного непонимания, существовавшего между девушкой и властями предержавшими. По мнению хрониста, и в сам Компьень его героиня отправилась лишь потому, что была крайне недовольна отношением к себе членов королевского совета (*tres mal contente des gens du conseil du roy*)²⁹⁶. Однако там удача полностью покинула ее, поскольку ей — лишенной всякой поддержки — перестали верить даже простые солдаты²⁹⁷. Наконец, завершая свой рассказ, Персеваль де Каньи весьма жестко оценивал поведение Карла VII после смерти его спасительницы: критикуя французского правителя за мирные переговоры с бургундцами, хронист замечал, что королю «больше нравится раздаривать свои земли и имущество, нежели надевать доспехи и сражаться на войне»²⁹⁸.

С точки зрения Ж. Кишра, хроника Персеваля де Каньи представляла собой важнейшее доказательство того, что Жанна д'Арк была предана своим королем и его окружением, которое не смогло (или не захотело) по достоинству оценить ее помощь. Публикуя этот текст, Кишра призывал пересмотреть всю историю жизни Орлеанской Девы и внести в нее соответствующие поправки, поскольку, с его точки зрения, девушка боролась не только с англичанами, но и с внутренним врагом — «абсурдным и гнусным правительством (*l'absurde et odieux gouvernement*), ради которого она совершила свои чудеса»²⁹⁹.

²⁹⁴«Elle fist choses increables à ceulx qui ne l'avoient veu, et peult on dire que encore eust fait, se le roy et son conseil se fussent bien conduiz et maintenuz vers elle» (Ibid. P. 171).

²⁹⁵Предательство Гийома де Флави начало рассматриваться в качестве одной из возможных причин пленения Жанны под Компьнем уже с конца XV в. Подробнее см.: *Тогоева О.И.* Жанна д'Арк и двор Карла VII. История предательства Девы глазами современников и потомков // Французский ежегодник — 2014. М., 2014. С. 92—114.

²⁹⁶Chroniques de Perceval de Cagny. P. 172.

²⁹⁷Ibid. P. 175.

²⁹⁸Ibid. P. 206.

²⁹⁹Quicherat J. Histoire de Jeanne d'Arc, d'après une chronique inédite. P. 146.

Подобная трактовка истории французской героини была подхвачена и развита в работах А. Мартена. Разделяя, вслед за Мишле и Кишра, «элиту» общества, к которой принадлежали король и его приближенные, и «народ», из которого вышла Жанна д'Арк, в этом противостоянии историк видел главную причину предательства Карла VII³⁰⁰. Именно «заговор» (*complot*) королевских приближенных против девушки, по мнению Мартена, вынудил эту последнюю покинуть двор после неудачного штурма Парижа³⁰¹. Именно этот «заговор» привел и к ее гибели, в чем простые люди открыто обвиняли власти предрежащие³⁰². Вместе с тем, вступая в начатый Ж. Кишра спор с католической историографической школой, Мартен часть ответственности возлагал на самого короля: «Мы обвиняем Карла VII в заговоре против своего королевства... [составленном] в 1429 г., когда Провидение послало ему в помощь небывалую мощь, которая увлекла к сражениям и победам солдат, народ, юных отпрысков знати. Мы обвиняем его в отказе от этой милости, в том, что он не дал Жанне довести ее миссию до конца»³⁰³.

К этой теме Мартен возвращался и в «Популярной истории Франции», вышедшей в 1868 г. Желая склонить читателей на свою сторону, историк шел здесь даже на прямой обман, заявляя, к примеру, что советники Карла были лишь рады узнать о пленении девушки под Компьенем³⁰⁴. Особенно Мартен упирал при этом на виновность церкви и клира, которая демонстрировала, с его точки зрения, «куда может привести теология и жесткая привязка к букве того, что называют [церковными] догматами»³⁰⁵.

2.3. «Голос сердца» или откровения Свыше?

Разрыв, который, по мнению французских либеральных историков первой половины XIX в., существовал между девушкой из народа и придворными кругами, не мог не сказаться и на их интерпретации откровений Жанны д'Арк и ее «голосов». Вслед за Вольтером и традицией эпохи Просвещения они полагали, что способность Девы общаться

³⁰⁰ *Martin H. Jeanne Darc. P., 1857. P. 144.*

³⁰¹ *Ibid. P. 145.*

³⁰² *Ibid. P. 174.*

³⁰³ «Nous accusons Charles VII d'avoir conspiré contre son royaume...en 1429, alors que la Providence...lui avait envoyé pour auxiliaire une puissance immense...qui entraînait soldats, peuple, jeune noblesse, tous les éléments d'action et de victoire...Nous l'accusons d'avoir...refusé cette grâce et arrêté Jeanne au milieu de sa mission» (*Martin H. Des récentes études critiques sur Jeanne d'Arc // Martin H. Jeanne Darc. P., 1857. P. 346.*)

³⁰⁴ «La France était dans les larmes; mais on se réjouissait autour du roi de France» (*Martin H. Histoire de France populaire. P., 1868. T. 1. P. 484.*)

³⁰⁵ *Ibid. P. 490.*

со святыми и архангелами не являлась чем-то мистическим. В частности, Симонд де Сисмонди подробно рассуждал о состоянии «постоянной мечтательности» (*rêverie continuelle*), которое, с его точки зрения, было особо характерно для выходцев из «низов» общества, в котором по этой самой причине с детства пребывала Жанна и которое затем переросло в «экстазы (*extases*), когда она верила в то, что видела»³⁰⁶. Девушка, таким образом, сама себя убедила в том, что на нее возложена «специальная миссия» (*la mission spéciale*) — коронация дофина Карла в Реймсе³⁰⁷. Однако — и здесь Сисмонди отчасти порывал с традицией предшествующего века — это «всеобщее заблуждение» (*la superstition universelle*) стало в конце концов источником доблести Жанны д'Арк, поскольку в нем аккумулировались все чаяния народа, его нетерпение освободиться от «ига захватчиков»³⁰⁸.

Следует, впрочем, отметить, что Сисмонди был практически единственным французским историком первой половины XIX в., который смог — сугубо в традициях романтизма — увязать проблему «голосов» Жанны д'Арк с «народным духом», питавшим ее. Уже у Т. Лавалле мы вновь наблюдаем возврат к идеям Вольтера в интерпретации откровений как следствия самоубеждения девушки³⁰⁹. Примерно на тех же позициях стоял и Ж. Мишле, утверждавший, что «голоса», которые слышала Жанна, являлись не более чем «голосом ее сердца», однако она искренне в них верила и смогла убедить в их истинности окружающих³¹⁰.

Как состояние «экстаза» рассматривал видения Жанны в своих ранних работах и А. Мартен: он полагал, что частые и продолжительные посты, к которым охотно прибегала девушка в детстве и ранней юности, вызывали у нее галлюцинации³¹¹. Однако, в более поздних версиях истории Жанны д'Арк Мартен, как в свое время и Сисмонди, увязывал эти «видения» с «народным духом», который окружал ее в родной деревне: «Она слышала их (голоса — О.Т.) в звоне колоколов, столь любимом ею в детстве; она слышала их в шепоте лесов, она слышала их и у фонтана фей, и в церкви»³¹².

Следует отметить, что проблема «голосов» и откровений Жанны д'Арк не слишком волновала историков-либералов. Единственным, кто уделил ей особое внимание, был Ж. Кишра, однако проблема общения

³⁰⁶ *Simonde de Sismondi J.-C.-L. Op. cit. P. 118.*

³⁰⁷ *Ibid.*

³⁰⁸ *Ibid. P. 127.*

³⁰⁹ *Lavallée Th. Op. cit. P. 117.*

³¹⁰ «Une enfant de douze ans, une toute jeune fille, confondant la voix de son coeur avec le voix du ciel» (*Michelet J. Jeanne d'Arc et autres textes. P. 37*).

³¹¹ *Martin H. Jeanne Darc. P., 1844. P. 68—70.*

³¹² *Martin H. Jeanne Darc. P., 1855. P. 145.*

Девы с посланцами Свыше интересовала его не столько сама по себе, сколько оказывалась связана с проблемами источниковедения.

Издание материалов двух процессов Жанны д'Арк наложило, безусловно, неизгладимый отпечаток на всю последующую жизнь Кишра³¹³ и сильно повлияло на его восприятие текстов исторических источников. Показания Жанны на обвинительном процессе 1431 г. в Руане совершенно справедливо представлялись ему важнейшим источником по ее истории, однако то значение, которое он придавал ее словам, оставленным в тексте протокола в виде прямой речи, сыграло с ним злую шутку, поскольку Кишра рассматривал материалы дела 1431 г. как стенограмму заседаний³¹⁴. Отсюда проистекал важнейший для всей последующей историографии Жанны д'Арк вывод: ее показания на процессе следовало, по мнению исследователя, анализировать как ее собственные, никем не отрецензированные слова, как истину в последней инстанции, как точное описание действительности. Как следствие, именно реальностью Кишра считал и предлагал считать другим все, что Жанна говорила о своих откровениях и «голосах». Он категорически не соглашался с теми из своих коллег-историков, которые классифицировали данные видения как «патологию»³¹⁵. Впрочем, следует признать, что его концепция и не получила никакого развития в трудах либеральных историков XIX в. — в отличие от католических авторов.

2.4. Сомнительный обет девственности

Точно так же не получила никакого специального развития у французских историков-либералов и проблема девственности Жанны д'Арк, напрямую связанная, с точки зрения многих авторов XVIII в., с возможной святостью их героини. Подобное отсутствие интереса к данному вопросу в большой степени, как мне кажется, объяснялось тем обстоятельством, что к этому времени представления о женской святости, которая прежде всего подразумевала принесение религиозного обета девственности, в достаточной степени устарели. Как отмечает Э. Суир, уже в конце XVIII в. женщины-святые не привлекали к себе внимания ни представителей официальной, церкви, ни простых обывателей, почитавших в большей степени мучеников первых веков христианства, прославленных средне-

³¹³В письме епископу Орлеана, монсьёру Феликсу Дюпанлу, Кишра отмечал, что Жанна «знает, что я сделал для нее все, что мог» (*Elle sais que j'ai fait tout ce que j'étais capable de faire pour elle*): Dupanloup. Correspondance (Pontcherron — Quittemel) // BNF. Nouv. acq. fr. 24703, f. 644, письмо от 29.04.1870 (?).

³¹⁴Quicherat J. Aperçus nouveaux. P. 54.

³¹⁵«Pour ceux qui voudront classer le fait de la Pucelle parmi les cas pathologiques» (Ibid. P. 60—61).

вековых теологов (например, Фому Аквинского) или выдающихся правителей прошлого (например, Людовика Святого)³¹⁶. Кроме того, в XVIII в. усилился раскол между различными, часто противоборствующими течениями внутри католичества. Если в XVII в. для янсенистов и их оппонентов существовал лишь один общий враг — гугеноты, а также одна общая цель — борьба с галликанизмом, то начиная с XVIII в. ситуация изменилась, и у каждого религиозного течения возникли и стали развиваться свои собственные представления о святости³¹⁷. Вместе с тем, еще со второй половины XVII в. интерес к мистикам и провидцам во Франции существенно ослабел: как следствие, ослабел и интерес к фигуре Жанны д'Арк, которую как современники, так и потомки в первую очередь причисляли именно к данному типу святости³¹⁸.

Не меньшее влияние на оценку возможной святости девушки в первой половине XIX в. оказали и работы просветителей XVIII в. Позиция Вольтера, согласно которому не обязательно было становиться святой девственницей, чтобы спасти свою страну от захватчиков, имела большое значение для последующих поколений французских интеллектуалов. Его отношение к «голосам» и «откровениям» Девы как к ее собственным выдумкам и галлюцинациям было также подхвачено и развито в первой половине XIX в. Наконец, превращение Жанны в истинную «народную героиню» полностью изменило парадигму, в рамках которой отныне рассказывалась ее история. И хотя многие из историков-либералов, чьи сочинения были рассмотрены выше, прямо называли свою героиню «святой», они, безусловно, не вкладывали в это определение того смысла, которое подразумевали их предшественники, а также их современники — католические авторы.

В более или менее традиционном ключе в первой половине XIX в. рассматривал проблему девственности Жанны д'Арк, пожалуй, лишь один автор — Т. Лавалле. Он не только был уверен в реальности обета, принесенного Девой, но и подробно описывал последующие события в ее жизни, в частности, ее заботу о собственном целомудрии на полях сражений и использование мужского костюма в руанской тюрьме как средства защиты от изнасилования³¹⁹. Он также искренне полагал девушку святой, однако связывал данное обстоятельство не с ее девственностью, но с мученической смертью, которую та претерпела на костре как второй Иисус Христос³²⁰.

³¹⁶*Suire E. Sainteté et Lumières. Hagiographie, spiritualité et propagande religieuse dans la France du XVIIIe siècle. P., 2011. P. 273, 281—284, 294.*

³¹⁷*Ibid. P. 263—264, 266—269.*

³¹⁸*Ibid. P. 53—54.*

³¹⁹*Lavallée Th. Op. cit. P. 117, 123—124, 128.*

³²⁰«Cette mort... accrédita la sainteté de Jeanne et la vérité de sa mission» (*Ibid.*).

На схожих позициях стоял, как мне представляется, и Ж. Мишле. Он также уделил довольно много внимания обету Жанны д'Арк. Именно этим обстоятельством историк объяснял, в частности, невозможность возбуждения против девушки дела о колдовстве: ведь дьявол, рассуждал он, не может заключить договор с девственницей³²¹. Он также писал о постоянной борьбе за чистоту нравов, которую вела его героиня в королевском войске, и, в частности, упоминал ставший уже традиционным к середине XIX в. эпизод с изгнанием из армии проституток³²². Он совершенно справедливо замечал, что именно в это время во Франции настоящий расцвет переживал культ Девы Марии, а потому непорочность Жанны следовало воспринимать как «лучшую защиту» (*une sauvegarde inviolable*), которую она могла использовать против своих врагов в тюрьме Руана³²³. И тем не менее главной причиной возникновения у девушки репутации святой Мишле полагал вовсе не девственность, но ее «святую смерть» (*sainte mort*), ее мученичество, которое тем сильнее отличалось от страданий первых христиан (*des anciens martyrs*), что она выступала за свои убеждения открыто, а не тайно³²⁴.

Впрочем, среди историков-либералов XIX в. встречались и более суровые суждения относительно предполагаемой девственности и, как следствие, святости Жанны д'Арк. Так, например, Ж. Кишра не удостоил данную тему вообще никаким вниманием, несмотря на то, что, как кажется, был полностью убежден в реальности откровений своей героини. Симонд де Сисмонди, напротив, полагал, что обет девственности, данный Жанной д'Арк в юности и помешавший ей выйти замуж за «молодого человека из Туля», был в действительности такой же выдумкой, как и ее рассказы об откровениях Свыше³²⁵. Как следствие, он в принципе не касался вопроса о связи целомудрия Девы с ее предполагаемой святостью, отмечая, что святой Жанны быть не могла, ибо, по своей скромности, сама себя таковой не считала³²⁶. Сходной точки зрения придерживался, как кажется, и А. Мартен, писавший, что именно состояние «экстаза», в котором с детства постоянно пребывала девушка, и ее вера в откровения Свыше стали причиной данного ею обета и отказа от замужества³²⁷. Тем не менее, он считал, что для окружающих

³²¹ *Michelet J. Jeanne d'Arc et autres textes*. P. 61.

³²² «Elle avait commencé par exiger qu'ils laissassent leurs folles femmes et se confessassent» (Ibid. P. 65).

³²³ Ibid. P. 89.

³²⁴ Ibid. P. 150.

³²⁵ *Simonde de Sismondi J.-C.-L. Op. cit.* P. 118.

³²⁶ «Sans s'être jamais considérée comme une sainte, ou comme douée du pouvoir de faire des miracles» (Ibid. P. 184).

³²⁷ *Martin H. Jeanne Darc. P., 1957. P. 24.*

было вполне естественным воспринимать спасительницу Франции как святую, как вторую Деву Марию. Впрочем, историк полагал, что в данном случае речь шла не об «обычной святой», чей статус нуждался в официальном подтверждении церкви³²⁸, но о «другой» — о святой, обладавшей ангелической сущностью и спустившейся с небес³²⁹. Именно такую святую, по мнению А. Мартена, еще при ее жизни почитали французы. Однако этот образ известный историк, как представляется, позаимствовал не у своих коллег-либералов, но у их главных оппонентов — у авторов-католиков XIX в.

§ 3. Боговдохновенная Дева историков-католиков

3.1. Святая эпохи Реставрации

Необходимо признать, что католическая французская историография первой половины XIX в., так же, как и либеральная, развивалась в большой степени под влиянием идей эпохи Просвещения. В частности, образ Жанны д'Арк, созданный Вольтером в «Орлеанской девственности», как я уже упоминала выше, был встречен яростной критикой в лагере католических авторов второй половины XVIII в.³³⁰ Простой крестьянке, служанке из таверны, склонной к экстазам и галлюцинациям они последовательно противопоставляли боговдохновенную Деву, с ранней юности получавшую откровения Свыше, Божьей волею направленную на спасение своей страны и претерпевшую мученическую смерть на костре за истинную веру. Последним, насколько можно судить, кто настаивал именно на таком прочтении истории Жанны д'Арк в XVIII в., стал Клеман-Шарль-Франсуа де Л'Аверди, генеральный контролер финансов при Людовике XV и член Академии надписей и изящной словесности (*Académie des inscriptions et belles-lettres*). В 1790 г. он представил на суд королевской комиссии по манускриптам свои многолетние изыскания, касавшиеся сбора и классификации всех сохранившихся списков материалов обвинительного и оправдательного процессов французской героини. Л'Аверди смог выявить и проанализировать 28 рукописей, установив время их изготовления и, соответственно, степень их аутентичности и возможности использования для историков.

³²⁸“Sa sainteté était, aux yeux du peuple, autre que la sainteté ordinaire...Le peuple la béatifie de son vivant sans attendre l'épreuve de la mort ni la consécration de l'Eglise” (Ibid. P. 103).

³²⁹“C'était la sainteté d'un être descendu du ciel plutôt que d'un être qui lutte pour gagner le ciel” (Ibid.).

³³⁰См. выше: Глава 5. § 2.3.

Помимо сугубо источниковедческого исследования, ученый опубликовал расшифровку допросов Жанны д'Арк на суде 1431 г. Данную работу сам автор оценивал крайне высоко, отмечая, что ученые должны обращаться к «собственным словам обвиняемой», вместо того, чтобы использовать «невыносимый» (*insupportable*) пересказ материалов дела³³¹.

Собственные выводы Л'Аверди касательно истории Жанны д'Арк сводились к нескольким принципиальным пунктам. На основании исследованных текстов он настаивал, что никакого отречения от «еретических» идей, якобы подписанного девушкой на кладбище Сен-Уэн, на самом деле не было; что Жанна до конца своих дней оставалась доброй католичкой и искренне верила в собственную боговдохновенность; что она «умерла как истинная христианка, наделенная всеми возможными добродетелями»³³². Наконец, Л'Аверди, прямо намекая на Вольтера и его последователей, призывал «закрыть рот» тем, кто, с его точки зрения, не зная источников, не видит в словах и действиях героини «ничего, кроме человеческой интриги» (*invention humaine*)³³³. Единственным вопросом, по которому автор предпочитал не высказывать собственного мнения, оставалась природа «голосов» его героини: Л'Аверди полагал, что в отсутствие «указания Свыше» (*le défaut de manifestation d'en haut*) сложно судить о Божественном происхождении этих «явлений и откровений» (*apparitions et révélations*). Он предлагал оставить данный вопрос на усмотрение самого Господа, иными словами, призывал к проведению еще одного процесса *discretio spirituum*, для которого собранные им документы могли бы составить прекрасную базу³³⁴.

Л'Аверди не суждено было продолжить работу по публикации материалов процессов Жанны д'Арк: в 1793 г. он погиб на площади Революции (нынешней площади Согласия) в Париже под ножом гильотины. Его труды, однако, не были забыты следующим поколением ученых, в период Реставрации вернувшихся к истории Орлеанской Девы и опубликовавших целый ряд исследований, ставших затем «классикой» католической историографии.

Первым (и наиболее интересным) среди них стал Филипп-Александр Ле Брюн де Шарметт, в 1817 г. издавший «Историю Жанны д'Арк» в четырех томах. Уже в предисловии автор обращал внимание своих читателей на тот урон, который нанесла Революция памяти о на-

³³¹*L'Averdy C.-C.-F. de. Op. cit. P. 36.*

³³²«Elle est morte en pratiquant d'une manière supérieure toutes les vertus chrétiennes» (Ibid. P. 540). Любопытно отметить, что именно эта формулировка была использована в 1909 г. при беатификации Жанны д'Арк.

³³³Ibid.

³³⁴«Ainsi la solution de cette question ne peut qu'être renvoyée au jugement de Dieu, de même que beaucoup d'autres» (Ibid., разрядка моя — О.Т.).

циональной героине Франции. Уничтожив ее памятник в Орлеане, писал он, революционеры ясно дали понять, что они не помнят о своей родине и не достойны ее иметь³³⁵. С событиями конца XVIII в. Ле Брюн де Шарметт связывал и прискорбное отсутствие подробного исследования деяний Жанны во французской историографии: по его мнению, ни компиляция Ж. Ордаля, ни сочинение Э. Рише (несмотря на его важность «с теологической точки зрения»), ни буквально списанная с этого последнего работа Н. Лангле Дюфренуа, ни даже «ученая и чрезвычайно ценная» публикация К. де Л'Аверди не могли претендовать на глубокий анализ истории спасительницы Франции³³⁶.

Столь же печальное состояние дел Ле Брюн де Шарметт констатировал и во французской поэзии, выдающиеся представители которой (Корнель и Расин) не уделили Жанне д'Арк никакого внимания. Напротив, она стала героиней поэмы Ж. Шаплена, одно имя которого являлось «оскорблением для поэтов» (*une injure parmi les poètes*) и который положил целую жизнь на то, чтобы «с самыми лучшими намерениями» испортить «самый прекрасный сюжет»³³⁷. Что же касается XVIII в., то и здесь нашелся человек, превративший французскую литературу в свою империю, но посвятивший всего полторы строки прославлению Жанны и двадцать с лишним тысяч строк — ее поношению³³⁸. Именно «Орлеанская девственница» Вольтера до сих пор, писал Ле Брюн де Шарметт, оказывает влияние на юные умы, в силу своей неопытности столь склонные к чтению непристойностей, а это в свою очередь продолжает осквернять память выдающейся героини прошлого³³⁹.

В том же ключе рассматривали ситуацию, сложившуюся вокруг фигуры Жанны д'Арк, и другие авторы-католики периода Реставрации. Так, Жак Берриа-Сен-При весьма скептически относился к работам историков XVII—XVIII вв., хотя и использовал в своем «Обзоре французских революций» 1817 г. пространные цитаты из публикации Л'Аверди³⁴⁰. Он упоминал и об «Орлеанской девственнице», отмечая, что у Вольтера не имелось «ни малейших доказательств» для «наглых»

³³⁵ *Le Brun de Charmettes Ph.-A. Histoire de Jeanne d'Arc, surnommée la Pucelle d'Orléans. P., 1817. T. 1. P. II.*

³³⁶ *Ibid.* P. III—IV.

³³⁷ *Ibid.*

³³⁸ «Au dix-huitième siècle, un homme célèbre, qui avait changé la république des lettres en une sorte de monarchie, dont il s'était constitué le chef, ne consacra dans un poème sérieux, *qu'un vers et demi* à la gloire de cette héroïne, et...en employa plus de vingt mille à la déshonorer» (*Ibid.* P. V).

³³⁹ «La jeunesse...lit avec avidité ces pages honteuses, et souille à jamais sa mémoire des mensonges calomnieux» (*Ibid.*).

³⁴⁰ *Berriat-Saint-Prix J. Jeanne d'Arc, ou Coup d'oeil sur les révolutions de France. P., 1817. P. 180—186, 190, 194, 198, 201—203, 205, 207, 229, 235—241.*

сомнений в чистоте девушки и в истинности ее веры и что все его «отвратительные домыслы» противоречили данным источников³⁴¹. Жан Александр Бюшон, снабдивший свое издание «Хроник» Ангеррана де Монстреле 1827 г. пространном предисловием, из всех предшествующих специалистов по истории Жанны д'Арк особо выделял Дэвида Юма и Вольтера, сочинения которых расценивал как излишне «легковесные» и лишенные «критического отношения» к фактам³⁴². Он полагал, что презрение, которое они испытывали к «человеческим заблуждениям», часто не позволяло им верно судить о героях прошлого, различать в их поступках добро и зло, видеть в них проявление добродетели, поскольку в их восприятии она оказывалась связана с безрассудством³⁴³.

Критикуя предшествующую историографическую традицию, однако стремясь оставаться объективными, историки-католики начала XIX в. рассматривали все возможные интерпретации деяний Жанны д'Арк. Наиболее подробно на них останавливался Ф.-А. Ле Брюн де Шарметт, отмечавший, что в специальной литературе существуют четыре точки зрения на эту «удивительную девушку» (*fille extraordinaire*). Согласно первой из них (той, которую в XV в. разделяли все без исключения англичане), своим успехам Жанна была обязана «чудесам магии» (*merveilles de la magie*). Согласно второй, она являлась обычной обманщицей, «кем-то наподобие Магомета» (*une espèce de Mahomet*), т.е. человеком, который, пользуясь «Энтузиазмом» масс, увлекает их за собой. Приверженцы третьей гипотезы рассматривали Жанну как «слепой инструмент» (*un instrument aveugle*) в чужой политической игре. Наконец, сторонники четвертой версии почитали французскую героиню истинной посланницей Свыше (*réellement choisie par le ciel*), избранной для спасения Франции и наделенной даром Божественных откровений (*favorisée d'apparitions célestes et des révélations divines*)³⁴⁴. Подробно анализируя каждую из данных интерпретаций личности Жанны д'Арк, сам Ле Брюн де Шарметт, тем не менее, воздерживался от высказывания собственной точки зрения на означенную проблему, заявляя лишь «во всей простоте своего сердца», что он — «француз и христианин»³⁴⁵.

На схожей позиции стоял, как представляется, и Ж. Берри-Сен-При, указывавший, что для своих врагов (англичан и членов Париж-

³⁴¹Ibid. P. 94.

³⁴²«Voltaire et Home ont été, il faut l'avouer, ceux qui ont mis le plus de légèreté dans l'étude des faits, et le moins d'esprit de critique dans leur discussion» (*Buchon J.A. Préface // Collection des chroniques nationales françaises / Ed. par J.A. Buchon. T. 9. P., 1827. P. II*).

³⁴³Ibid.

³⁴⁴*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 4. P. 414—415.*

³⁴⁵«Il se contentera de répondre, dans toute la simplicité de son coeur: Je suis Français; je suis chrétien» (Ibid. P. 466).

ского университета) Жанна, безусловно, являлась ведьмой, для сторонников Карла VII — Божественной посланницей, а для некоторых современных авторов — обычной обманщицей³⁴⁶. Однако сам он полагал (буквально дословно вторя Л'Аверди), что людям не дано судить о замыслах Господа и о Его Провидении³⁴⁷. Точно так же рассуждал и Ж.А. Бюшон, писавший, что объяснение фактов жизни Девы таит для историков «непреодолимые трудности» (*les difficultés les plus insurmontables*)³⁴⁸, что сам он не станет «доискиваться» правды, но лишь приложит все силы для того, чтобы его современники могли «узнать факты» (т.е. прочесть хроники того времени)³⁴⁹.

Не высказывая, таким образом, собственного однозначного мнения о том, была ли Жанна д'Арк в действительности истинным пророком и, как следствие, святой, католические историки эпохи Реставрации, тем не менее, единодушно полагали, что она именно так и воспринималась своими современниками-французами³⁵⁰. На этот безусловный вывод их наводило чтение материалов процесса по реабилитации 1455—1456 гг., которые они полагали главным источником по истории Орлеанской Девы³⁵¹. Именно показания свидетелей, лично знавших героиню, позволяло Ф.-А. Ле Брюн де Шарметту и его коллегам уделить основное внимание тому, что, с их точки зрения, понималось под святостью в середине XV в.

Прежде всего, опираясь на материалы процесса по реабилитации, историки-католики эпохи Реставрации отмечали особую набожность Жанны, свойственную ей с самого детства и сильно отличающую ее от прочих детей Домреми³⁵²: вместо обычных увеселений она предпочитала уединяться в церкви и предаваться молитве³⁵³. Не менее «святым» представлялось им и ее поведение во время путешествия из Вокулера в Шинон: ее постоянное стремление побывать на мессе и исповедоваться, отсутствие привычки сквернословить, скромная и достойная манера обращения. Все это заставляло ее спутников верить в

³⁴⁶Berriat-Saint-Prix J. Op. cit. P. 57.

³⁴⁷“Il ne nous appartienne pas de déterminer les moyens que peut employer la Divinité, disons que sans doute tout ce qui se passe est réglé par les décrets de sa providence” (Berriat-Saint-Prix J. Op. cit. P. 57).

³⁴⁸Buchon J.A. Op. cit. P. II.

³⁴⁹Ibid. P. III.

³⁵⁰“Jeanne d'Arc, même après ses malheurs, après une condamnation infamante, est restée SAINTE dans l'opinion des personnes qui l'avaient habillée, qui l'avaient vue dans le bain, qui avaient partagé sa couche” (*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. X*).

³⁵¹Ibid. P. VIII—IX.

³⁵²*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 254; Petitot C.B. Tableau du règne de Charles VII // Collection complète des mémoires relatifs à l'histoire de France / Ed. par C.B. Petitot. T. VIII. P., 1825. P. 44; Buchon J.A. Op. cit. P. IV.*

³⁵³*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 255; Buchon J.A. Op. cit. P. IV.*

Божественный характер миссии этой девушки и забывать об опасной дороге³⁵⁴. Однако особый упор — и эта особенность восприятия Жанны д'Арк отличала работы историков-католиков начала XIX в. от трудов их предшественников — делался на пребывании девушки при королевском дворе и на тех «испытаниях» (*epreuves, examens*), которым она там подвергалась.

Важнейшим изменением здесь, как мне представляется, являлось сведение всех, воспринимаемых ранее как разрозненные, «допросов» Жанны в единую систему, в один процесс *discretio spirituum* с несколькими, четко выделяемыми этапами, соответствовавшими различным проблемам, которые призваны были решить советники Карла. Именно поэтому встреча дофина с самопровозглашенным пророком, с которой в «канонической» версии событий обычно начиналось описание пребывания девушки в Шиноне, оказывалась теперь отнесена на более позднее время³⁵⁵. Ей — во всех без исключения рассматриваемых работах и в соответствии с данными материалов процесса по реабилитации — предшествовали первые допросы девушки, проводимые приближенными Карла³⁵⁶ и посвященные ее образу жизни до прибытия ко двору и ее последующим планам (освобождению Орлеана и коронации Карла)³⁵⁷. Только после этого рассказ переходил к свиданию с дофином, которого — в полном соответствии с традицией второй половины XVI—XVII в. — Жанна узнавала в толпе приближенных и которому раскрывала королевский «секрет» (содержание тайной молитвы о спасении Франции)³⁵⁸. Убедившись, что новый самопровозглашенный пророк не только отличается «святостью» жизни с самого юного возраста, но и даром откровения, королевские советники переходили к следующему этапу *discretio spirituum* — к выяснению, от кого именно, от Бога или от дьявола, девушка получала свои откровения³⁵⁹. Продуманные ответы девушки, говорившей «как клирик», а также дополнительная информация о нравах и репутации Жанны, якобы собранная судьями в Домреми³⁶⁰, убеждали судей в том, что они имеют дело с избранницей

³⁵⁴«Les doutes qui pouvaient leur rester sur la réalité de la mission de Jeanne d'Arc, doutes que la présence des périls pouvait avoir réveillés, ne tardèrent pas à s'évanouir entièrement; et il faut sans doute l'attribuer à la sainte conduite de cette jeune fille» (*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 352, разрядка моя — О.Т.*)

³⁵⁵*Ibid.* P. 370.

³⁵⁶*Ibid.* P. 371; *Buchon J.A. Op. cit. P. XI.*

³⁵⁷*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 371; Buchon J.A. Op. cit. P. XIII.*

³⁵⁸*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 375—386; Buchon J.A. Op. cit. P. XI—XII; Petitot C.B. Op. cit. P. 45; Berriat-Saint-Prix J. Op. cit. P. 59.*

³⁵⁹*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 387; Buchon J.A. Op. cit. P. XII.*

³⁶⁰*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 404—405; Buchon J.A. Op. cit. P. XIV.*

самого Господа³⁶¹. Кроме того, в качестве последнего этапа *discretio*, они проводили проверку девственности Жанны, дабы окончательно убедиться в том, что дьявол не заключал с ней договор³⁶².

Следует отметить, что важные изменения в рассказе о жизни Жанны д'Арк историков-католиков начала XIX в. коснулись не только ее допросов в Шиноне. Совершенно иным стало и понимание целей, которые преследовала девушка, находясь в армии. Если в сочинениях либералов упор делался на усилиях по сохранению нравственности солдат, их телесной и душевной чистоты³⁶³, то теперь речь шла исключительно о борьбе за веру, за повышение набожности «святого войска» (*troupe sainte*), в которое Жанна не разрешала вступать ни одному воину, если он не раскаялся в своих прошлых грехах³⁶⁴.

Что же касается содержания миссии Девы, то и здесь в католической историографии начала XIX в. произошли заметные изменения. Из всех целей, которые якобы ставила перед собой девушка и которые ранее всегда фигурировали в сочинениях, ей посвященных, наши авторы писали лишь о двух — о снятии осады с Орлеана и о коронации Карла в Реймсе. Данное ограничение позволяло им сконцентрироваться на важнейшем для них и крайне актуальном для периода Реставрации моменте — на отношениях Жанны и ее короля. Основное внимание при этом уделялось церемонии помазания, после которой — и только после нее — наследник престола превращался в истинного правителя своей страны³⁶⁵. При этом у авторов-католиков, в отличие от их коллег-либералов, полностью отсутствовала идея противопоставления Девы и окружения Карла VII, хотя собственно крестьянское происхождение девушки никто из них не оспаривал³⁶⁶. Как следствие, ни один из авторов-католиков не являлся сторонником версии о возможном предательстве, которое совершил король в отношении своей соратницы³⁶⁷. Напротив, ее главной, причем религиозной задачей они объявляли спасение монархии³⁶⁸. Именно Жанна д'Арк придала новые силы Карлу, заставила его отказаться от дурных советчиков, окружить себя верными и мудрыми людьми и лично занять-

³⁶¹“Et, attendu son état, ses réponses,...ses manières, sa simplicité, sa conversation, sa sainte vie et sa louable réputation...ils étaient d'avis que le roi pouvait accepter les services de cette jeune fille” (*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 406—407*).

См. также: *Buchon J.A. Op. cit. P. XV; Petitot C.B. Op. cit. P. 45.*

³⁶²*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 411; Buchon J.A. Op. cit. P. XIV—XV.*

³⁶³См. выше: Глава 5. § 2.4.

³⁶⁴*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 435; Buchon J.A. Op. cit. P. XVII.*

³⁶⁵*Petitot C.B. Op. cit. P. 48.*

³⁶⁶*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 286—287.*

³⁶⁷*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 4. P. 149, 245—255; Berriat-Saint-Prix J. Op. cit. P. 79—81; Petitot C.B. Op. cit. P. 52—53; Buchon J.A. Op. cit. P. XXXV.*

³⁶⁸*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 4. P. 212.*

ся управлением страной³⁶⁹. Вот почему после трагической гибели девушки он отомстил своим врагам за ее смерть³⁷⁰.

Процесс по реабилитации, при помощи которого король, по мнению авторов-католиков начала XIX в., восстановил справедливость в отношении Жанны д'Арк, был крайне важен для ее репутации и сохранения памяти о ней. Как полагал Ф.-А. Ле Брюн де Шарметт, этот процесс вполне мог стать и канонизационным, и ему помешало вовсе не то, что Божественный характер миссии Жанны был якобы не доказан, а сложная политическая обстановка, в частности, нежелание папского престола обострять отношения с Англией³⁷¹. И хотя данное объяснение, безусловно, являлось полнейшей выдумкой, оно, как кажется, косвенным образом давало понять, что именно Ф.-А. Ле Брюн де Шарметт думал о святости Орлеанской Девы. Эту, весьма взвешенную и осторожную позицию автора разделяли не только его коллеги-католики — ее, как кажется, поддерживало и правительство Людовика XVIII.

Уже в 1817 г. министерство внутренних дел закупило несколько сотен экземпляров сочинения Ф.-А. Ле Брюн де Шарметта, дабы распространить их по публичным библиотекам³⁷². В том же году правительство осуществило заказ на несколько картин, посвященных Жанне д'Арк и представленных на первом художественном Салоне³⁷³. Неизвестный очевидец сообщал в письме французскому живописцу Ж.-Л. Давиду, проживавшему в то время в Швейцарии, что на выставке 1819 г. было «полно [изображений] Девы» и что «истина и добродетель» восторжествовали наконец над «изворотливостью ума и преследованиями гения», подразумевая под последним Вольтера³⁷⁴. Одна из купленных на Салоне картин — ныне утраченная «Жанна, посвящающая себя делу спасения Франции перед статуей св. Михаила» Ж.-А. Лорана была затем передана Людовиком XVIII в Домреми, где висела в доме семьи д'Арк³⁷⁵. Само строение было в 1818 г. выкуплено Генеральным советом департамента Вогезов после того, как бывший владелец из чувства па-

³⁶⁹ *Berriat-Saint-Prix J.* Op. cit. P. 81—89; *Petitot C.B.* Op. cit. P. 52—53.

³⁷⁰ *Petitot C.B.* Op. cit. P. 86; *Le Brun de Charmettes Ph.-A.* Op. cit. T. 4. P. 241.

³⁷¹ «Calixte III, dit-on, n'a pas canonisé la Pucelle! Est-il si difficile d'en deviner la véritable cause? Une puissante raison politique, le désir de ne pas se brouiller avec l'Angleterre, ne peut-il pas l'en avoir empêché?» (Ibid. P. 465).

³⁷² *Ziff N.D.* Jeanne d'Arc in French Restoration Art // *Gazette des Beaux-Arts.* 1979. № 93. P. 38.

³⁷³ Подробнее о художественных полотнах, сюжетом которых в начале XIX в. являлась история Жанны д'Арк, см.: *Heimann N.* Op. cit. P. 108—131.

³⁷⁴ «La vérité et la vertu doivent tôt ou tard triompher des subtilités du bel esprit et des persécutions du génie... Les pucelles sont en foule au Salon» (цит. по: *Jeanne d'Arc. Les Tableaux de l'Histoire.* P. 15).

³⁷⁵ *Pessiot M.* Op. cit. P. 27.

триотизма отказался уступить его прусскому офицеру³⁷⁶. Именно с этой покупки культ Жанны д'Арк в Домреми начал набирать силу³⁷⁷: были открыты счета для сбора средств на строительство в деревне школы для девочек и установку памятника национальной героине, торжественно открытого 10 сентября 1820 г. в присутствии десяти (по другим источникам — пятнадцати) тысяч гостей³⁷⁸. (ИЛЛ. 37)

И все же, как справедливо отмечал Г. Крюмейх, первая половина XIX в. оставалась для католических сил Франции временем стагнации³⁷⁹. Новый импульс историкам-католикам придали труды их противников-либералов, вынудившие их сформулировать собственное видение проблемы. Именно поэтому наиболее интересные католические произведения о Жанне д'Арк были созданы не в первой половине XIX в., а начиная с 1840-х гг.

3.2. «Она повторяет путь Христа...»

Вне всякого сомнения, влияние историков-либералов первой половины XIX в. на католическую историографию прежде всего коснулось трактовки образа Жанны д'Арк как народной героини. Никто из авторов этого периода, как, впрочем, и их коллеги эпохи Реставрации, не отказывал девушке в деревенском происхождении. Тем не менее, признание данного факта и, как следствие, простоты и необразованности Девы послужило историкам-католикам 1840—1860 гг. прекрасным поводом вернуться к разрабатываемой еще в XV в. теории о библейских «простецах», чья душа открыта слову Божьему, а потому именно они в первую очередь могут стать пророками среди людей³⁸⁰.

Впервые, насколько можно судить, подобная трактовка образа французской «народной» героини была представлена у католического автора, не являвшегося при этом французом. Немецкий историк Гвидо

³⁷⁶ Haldat C.N. de. Relation de la Fête inaugurale célébrée à Domrémy, le 10 septembre 1820, en l'honneur de Jeanne d'Arc. Nancy, 1820. P. 4.

³⁷⁷ Любопытно отметить, что о Жанне д'Арк в Лотарингии не вспоминали еще в конце XVII в. В анонимной «Записке о Лотарингии», созданной после 1670 г. и посвященной краткому обзору географии и экономики данной области, в списке «городов, бургов и деревень» не упоминалась даже родная деревня Жанны — Домреми: *Mémoire des Etats de Lorraine* // РНБ. Фр. Q. IV. 14, f. 30v-37v. Составленная в то же самое время (1698 г.) и содержащая такую же информацию «Записка о департаменте Орлеана», однако, сообщала о снятии осады «знаменитой Жанной д'Арк по прозвищу Орлеанская Дева» (*illustre Jeanne d'Arc surnommée depuis la pucelle d'Orleans*): *Mémoire de la generalité d'Orléans* // РНБ. Фр. Q. IV. 18, f. 96—96v.

³⁷⁸ Haldat C.N. de. Op. cit. P. 15.

³⁷⁹ Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 127—128.

³⁸⁰ См. выше: Глава 3. § 3.1.

Гёррес (1805—1852), сын знаменитого Йозефа Гёрреса (писателя и теолога, члена кружка католиков-интеллектуалов, сформировавшегося во круг Игнация фон Доллингера), у себя на родине был известен исследованиями, посвященными проблемам религии³⁸¹. Очевидно, что интерес Г. Гёрреса к Жанне д'Арк был вызван именно этими занятиями: в 1834 г. он опубликовал свою «Орлеанскую девственницу»³⁸², второе немецкое издание которой вышло уже в следующем году, а французский перевод — в 1843 г.³⁸³ В планы автора входила также публикация материалов обвинительного процесса Жанны д'Арк, для которой он собирался использовать латинскую копию, хранившуюся в королевской библиотеке Мюнхена, однако его замыслам не суждено было осуществиться³⁸⁴. Что же касается монографии, то она, по справедливому замечанию Леоны Боре (переводчика Гёрреса на французский), опиралась на информацию, собранную в свое время К. де Л'Аверди, а также на сочинение Ф.-А. Ле Брюн де Шарметта и издание хроник Ж.А. Бюшона³⁸⁵.

Для Г. Гёрреса крестьянское детство Девы, с описания которого он начинал свой рассказ, не имело какого бы то ни было самостоятельного значения. Судьба этой девушки казалась ему прежде всего наглядным примером проявления воли Господа и Его чудес в истории³⁸⁶. Дочь «бедных пастухов» и сама «пастушка», Жанна с первых страниц «Орлеанской девственницы» являлась читателям в образе «героической боговдохновленной девы» (*l'héroïque vierge inspirée de Dieu*), действовавшей не «собственной силой и человеческой мудростью, но волею Господа»³⁸⁷. Ее простота и неграмотность интересовали Гёрреса лишь потому, что обуславливали «открытость» ее разума навстречу Богу (*s'est donné tout entier à Dieu*), способность понимать Его приказы³⁸⁸ и, как следствие, исполнять возложенную на нее миссию³⁸⁹.

Размышлениям автора вторил его отец, написавший предисловие к немецкому изданию «Девственницы». Й. Гёррес полагал, что Господь

³⁸¹ Krumeich G. Jeanne d'Arc vue d'Allemagne // Jeanne d'Arc entre les nations / Etudes réunies par T. Hoenselaars et J. Koopmans. Amsterdam, 1998. P. 107—109.

³⁸² Görres G. Die Jungfrau von Orleans. Nach den Prozeßakten und gleichzeitigen Chroniken. Regensburg, 1834.

³⁸³ Goerres G. Jeanne d'Arc, d'après les chroniques contemporaines. P.-Lyon, 1843.

³⁸⁴ Contamine Ph. Jules Quicherat, historien de Jeanne d'Arc; Rieger D. Nationalmythos und Globalisierung. Der Sonderfall "Jeanne d'Arc" // Erinnerung, Gedächtnis, Wissen. Studien zur kulturwissenschaftlichen Gedächtnisforschung / Hrsg. von G. Oesterle. Göttingen, 2005. S. 657—662.

³⁸⁵ Boré L. Avant-propos du traducteur // Goerres G. Jeanne d'Arc. P. X.

³⁸⁶ Goerres G. Jeanne d'Arc. P. 2—3.

³⁸⁷ Ibid. P. 3—4.

³⁸⁸ Ibid. P. 17—18.

³⁸⁹ "La main de Dieu intervint merveilleusement dans sa vie cachée pour la conduire au but sublime qui lui était destiné sur la terre" (Ibid. P. 19).

специально избрал для своих целей слабую девушку, дабы лучше продемонстрировать свое значение в жизни людей³⁹⁰. Именно отношения со Всевышним, т.е. общение посредством видений и откровений, превратили Жанну в «чудесную особу» (*une merveilleuse personnalité*), в которой сочетались качества настоящей героини-воительницы (*une guerrière et une héroïne*) и скромной служительницы Господа (*une humble servante*)³⁹¹.

Традицию, заложенную немецкими католиками, продолжили и их французские коллеги, наиболее влиятельным из которых в этот период являлся аббат Эммануэль Жюстен Бартеlemi де Борегар, в 1847 г. издавший собственную «Историю Жанны д'Арк»³⁹². Для него, как и для Гёрресов, крестьянское происхождение героини было само собой разумеющимся, но отнюдь не главным фактом ее биографии. Важнее для него — как и для его предшественников эпохи Реставрации — оказывалась совершенно особая набожность Девы, проявляемая ею с самых юных лет³⁹³. Он сообщал своим читателям, что она была «самая набожная, самая скромная, самая милая, самая работающая, самая милосердная» и обладала «всеми достоинствами своего возраста и пола»³⁹⁴. Именно из такой всепоглощающей любви, которую испытывала Жанна к Богу, рассуждал далее Бартеlemi, и рождается обычно чувство патриотизма, рождаются девственницы, способные облегчить людские страдания или спасти родину. Из подобной любви рождаются будущие пророки³⁹⁵. Не являясь «простой пастушкой» — тем самым «простецом», о котором так подробно писали в свое время авторы XV в., — невозможно было «услышать» Господа и, соответственно, исполнить то, что Он повелел³⁹⁶.

Та же мысль о «пастушке-простеце» развивалась и в «Жанне д'Арк» Луи де Карне, отмечавшего «жгучую набожность» (*une piété fervente*) юной девушки как важнейшее ее отличие от сверстников в Домреми³⁹⁷, и во «Всеобщей истории католической церкви» Рене Франсуа Рорбахера, впервые изданной в конце 40-х гг. XIX в., претерпевшей затем еще

³⁹⁰Goerres J. Préface // Goerres G. Jeanne d'Arc. P. XIII.

³⁹¹Ibid. P. XIV.

³⁹²Barthélemy de Beauregard E. J. Histoire de Jeanne d'Arc d'après les Chroniques contemporaines. P., 1847.

³⁹³Ibid. T. 1. P. 10.

³⁹⁴«Jamais on n'avait vu une jeune fille plus pieuse, plus modeste, plus soumise, plus douce, ... plus laborieuse, plus charitable... plus ornée de toutes les vertus de son âge et de son sexe» (Ibid. P. 10).

³⁹⁵«C'est dans ce grand acte de la seconde initiation chrétienne... que l'héroïsme naît au fond des âmes les plus timides. C'est alors que germent les vierges qui vont peupler la solitude, soulager l'humanité souffrante ou sauver leur patrie. C'est alors que Dieu touche de charbon ardent la lèvre des futurs prophètes» (Ibid. P. 13).

³⁹⁶Ibid. P. 23—24.

³⁹⁷Carné L. de. Jeanne d'Arc et sa mission d'après les pièces nouvelles de son procès // Revue de deux mondes. 1856. P. 323.

семь переизданий до 1900 г. и во многом опиравшейся на работу Г. Гёрреса. От своих бедных, но набожных родителей, писал Рорбахер, Жанна унаследовала лишь искреннюю и глубокую веру, которая отличала ее не только от соседских детей, но даже от ее собственных братьев и сестры³⁹⁸. Господь постоянно «присутствовал в ее мыслях» (*était présent à sa pensée*)³⁹⁹ и, хотя сама она оставалась неграмотной, всегда указывал ей истинный путь: это знание было гораздо важнее, нежели любое образование, полученное обычными людьми⁴⁰⁰.

Как следствие, Жанна, чьими помыслами руководил сам Бог, по мнению католических историков середины XIX в., никогда не была склонна к «народным» суевериям. Она «не верила» ни в Дерево Фей, под которым так любили собираться ее сверстники, ни в волшебный «фонтан», расположенный у его корней. Она не допускала мысли о существовании фей и не разделяла веры в магические свойства мандрагоры⁴⁰¹. Она с сомнением отнеслась к Екатерине из Ларошели именно потому, что считала ее обычной обманщицей⁴⁰². Иными словами, «народный дух», о котором так много писали историки-либералы первой половины XIX в., по мнению их коллег-католиков, не оказал на Жанну никакого воздействия, а потому, гневно замечал Бартеlemi де Борегар, не стоит вслед за «рационалистами» (под которыми он понимал прежде всего своего вечного оппонента, Ж. Мишле) объяснять откровения и пророчества Девы состоянием экстаза и галлюцинациями, якобы столь свойственными простому народу⁴⁰³. В основе всех ее видений лежало исключительно благочестие и вера в Господа⁴⁰⁴.

Дабы лишний раз подчеркнуть столь важную для них характеристику Жанны д'Арк, католические авторы использовали не только данные источников, но и допускали в своих рассказах чистой воды выдумки. Так, пытаясь объяснить, почему его героиня, несмотря на полное неприятие

³⁹⁸Rohrbacher R.F. Histoire universelle de l'Eglise catholique. 3 éd. P., 1857—1861. T. 21. P. 277.

³⁹⁹Ibid. P. 278.

⁴⁰⁰“Un coeur simple qui s'est donné tout entier à Dieu et que remplit la force divine, est plus puissant que toute la science et la sagesse humaines” (Ibid. P. 280—281). Интересно, что из всех рассматриваемых авторов-католиков середины XIX в. только Р.Ф. Рорбахер указывал совершенно конкретную причину своей ненависти к Вольтеру: он полагал, что философ стремился унижить Деву именно потому, что она была «истинной христианкой» (Ibid. P. 397—398). Л. де Карне коротко и ясно сообщал, что поэма Вольтера стала «жестоким наказанием» для Франции (*Carné L. de. Op. cit. P. 314*), а Бартеlemi де Борегар — что человек, любящий творчество философа и не скрывающий этого, не может быть его другом (*Barthélemy de Beauregard E. J. Op. cit. T. 2. P. 409*).

⁴⁰¹Barthélemy de Beauregard E. J. Op. cit. P. 18—19; Goerres G. Op. cit. P. 13—14.

⁴⁰²Rohrbacher R.F. Op. cit. P. 343—344.

⁴⁰³Barthélemy de Beauregard E. J. Op. cit. P. 46.

⁴⁰⁴Ibid. P. 21.

«народных» суеверий, продолжала, тем не менее, посещать Дерево Фей и расположенный рядом «фонтан», Г. Гёррес пускался в многословные и весьма запутанные объяснения, согласно которым выходило, что во времена Жанны это место уже подверглось «христианизации» и было, скорее, связано не с языческими верованиями, но с культом Богородицы⁴⁰⁵. Точно так же изменялся в рассматриваемых сочинениях и рассказ о путешествии семьи д'Арков в Нефшато, где девушка якобы проводила все свое время в церкви в бесконечных молитвах (о которых, правда, не сообщал ни один источник XV в.)⁴⁰⁶. Среди выдуманных доказательств исключительной набожности фигурировали также раздача Жанной милостыни за счет собственных родителей и еженедельные паломничества, которые она совершала в часовню Девы Марии в Бермоне⁴⁰⁷.

Подобные допущения, безусловно, имели мало общего с критическим использованием информации источников, однако главной целью историков-католиков середины XIX в. была, как мне представляется, прежде всего выработка достойного ответа их оппонентам — представителям либерального направления французской историографии, стремление доказать, что лишь Господь способен разрешить все человеческие конфликты, что только Он направляет ход истории посредством избранных «престецов». Экзальтация и любовь к родине, писал Бартеlemi, не является отличительной чертой этих последних, подобных чувств следует скорее ожидать от какой-нибудь супруги шателена, нежели от деревенской девушки. Когда приходит необходимость спасти родину и все средства уже испробованы, остается лишь уповать на Господа и его милость. Эти средства недоступны обычным людям, но если они верят в Бога, они должны верить и в Его Провидение, ибо только Божественное вмешательство может объяснить и изменить происходящее — и с исторической, и с философской, и с рациональной точек зрения⁴⁰⁸.

Жанна д'Арк — «престец», избранный Свыше для претворения в жизнь замысла Божьего, — для католических авторов середины XIX в., безусловно, являлась пророком, в Божественном характере откровений которого сомневаться не следовало. Остались позади осторожные выводы и недомолвки историков эпохи Реставрации, касавшиеся истинного статуса их героини, однако разработанная ими концепция содержания и окончания миссии Жанны д'Арк оказалась воспринята их младшими коллегами.

⁴⁰⁵Goerres G. Op. cit. P. 12.

⁴⁰⁶Rohrbacher R.F. Op. cit. P. 285. Впервые эта выдумка была использована еще у Ле Брюна де Шарметта: *Le Brun de Charmettes Ph.-A.* Op. cit. T. 1. P. 307.

⁴⁰⁷Goerres G. Op. cit. P. 11, 12—13; *Barthélemy de Beauregard E. J.* Op. cit. P. 15; *Rohrbacher R.F.* Op. cit. P. 279.

⁴⁰⁸*Barthélemy de Beauregard E. J.* Op. cit. P. 24 -27.

Они также полагали, что основных задач, которые ставила перед собой спасительница Франции, было всего две — снятие осады с Орлеана и коронация дофина Карла в Реймсе⁴⁰⁹. На этом миссия Жанны оказывалась полностью завершена⁴¹⁰, о чем свидетельствовал целый ряд предзнаменований, часть из которых — как и признаки особой набожности девушки в юности — были выдуманы католическими авторами из головы. К этим знакам, в частности, относились: посвящение доспехов и оружия на алтарь Реймского собора⁴¹¹, поломка меча, добытого в Сент-Катрин-де-Фьербуа, прямо перед походом на Париж⁴¹², неудачный штурм столицы королевства⁴¹³, а также полное отсутствие откровений у Девы после церемонии помазания Карла VII⁴¹⁴.

Таким образом, проблема сложных отношений Жанны д'Арк с королем и его окружением если и поднималась в трудах этих авторов, то звучала не так остро, как у их коллег-либералов. Поскольку, с их точки зрения, после похода на Реймс миссия Жанны была завершена, она не являлась более ни посланцем Свыше, ни спасительницей страны. «Сила Господа удалась от нее», — писал Г. Гёррес⁴¹⁵. Она превратилась в обычного рядового воина, каких в войске Карла VII было великое множество. Пусть даже король и пытался удержать ее силой⁴¹⁶, но в ее жизни начался совершенно новый этап: оставив знамя пророка, она вступила на путь мученицы⁴¹⁷.

Определение типа святости, к которому можно было бы отнести Жанну д'Арк, безусловно, являлось главной задачей историков-католиков середины XIX в. Их коллеги эпохи Реставрации, крайне осторожные в своих оценках, сделали лишь самые первые шаги на пути решения данного вопроса. Настаивая на том, что французы XV в. почитали Жанну святой, и воздерживаясь, как я уже отмечала выше, от высказывания собственной точки зрения, они, как мне кажется, выбрали весь-

⁴⁰⁹Goerres G. Op. cit. P. 98; *Barthélemy de Beauregard E. J.* Op. cit. P. 100; *Rohrbacher R.F.* Op. cit. P. 293.

⁴¹⁰Goerres G. Op. cit. P. 231; *Barthélemy de Beauregard E. J.* Op. cit. P. 395; *Rohrbacher R.F.* Op. cit. P. 337.

⁴¹¹Goerres G. Op. cit. P. 231.

⁴¹²Goerres G. Op. cit. P. 247; *Rohrbacher R.F.* Op. cit. P. 341.

⁴¹³Goerres G. Op. cit. P. 247; *Rohrbacher R.F.* Op. cit. P. 341.

⁴¹⁴Goerres G. Op. cit. P. 231—232; *Barthélemy de Beauregard E. J.* Op. cit. P. 395; *Rohrbacher R.F.* Op. cit. P. 339.

⁴¹⁵«La puissance de Dieu s'était éloignée d'elle» (*Goerres G.* Op. cit. P. 232).

⁴¹⁶Goerres G. Op. cit. P. 231; *Carné L. de.* Op. cit. P. 344; *Rohrbacher R.F.* Op. cit. P. 339.

⁴¹⁷«Elle ne s'achemine plus vers la gloire et les joies du triumphe, mais, comme une victime résignée, vers les angoisses et la sanglante couronne du martyr» (*Barthélemy de Beauregard E. J.* Op. cit. P. 395—396). См. также: *Rohrbacher R.F.* Op. cit. P. 338; *Carné L. de.* Op. cit. P. 343.

ма нейтральный вариант, нашедший затем определенное отражение в концепции А. Мартена⁴¹⁸.

Для католиков эпохи Реставрации освободительница Франции представляла собой некое, по выражению Ле Брюн де Шарметта, «удивительное существо, возвращенное Провидением», понятие которое простым смертным было не дано⁴¹⁹. Именно ангелом видели Деву жители Орлеана при ее первом вступлении в город, ангелом-освободителем мыслили ее жители всего королевства после всех одержанных ею побед, как ангела описывали ее свидетели на процессе по реабилитации⁴²⁰. Всего один раз Ле Брюн де Шарметт счел возможным высказать собственную точку зрения на природу этого «ангела». Поскольку Жанне, писал он, было дано предсказание времени ее смерти⁴²¹, ее следовало признать истинным пророком (пусть даже в тот момент она и не поняла точный смысл откровения), а это означает, что она являлась «смертным» ангелом (*ange mortel*) — обычным человеком, но вместе с тем и святой⁴²².

Данная трактовка личности Девы стала в середине XIX в. основной для французских историков-католиков. Однако, отмечали они, на протяжении всей своей жизни девушка постепенно превращалась в святую, и теперь следовало лишь официально и безотлагательно подтвердить ее статус, т.е. канонизировать ее⁴²³. Данное превращение — во время которого, по образному выражению Л. де Карне, святая в Жанне «боролась с женщиной»⁴²⁴, — началось еще в детстве, о чем говорила исключительная набожность девочки. Важным свидетельством особого пути Девы явилось и прощение, якобы полученное ею еще до отъезда в Шинон, во время свидания с отцом, матерью и братьями в Вокулере⁴²⁵.

Как и их предшественники, католические авторы середины XIX в. особое внимание уделяли *discretio spirituum*, имевшему место в Шиноне и Пуатье, трактуя отдельные допросы Жанны как этапы одной единой процедуры. Они также полагали, что первым из них стали допросы со-

⁴¹⁸См. выше: Глава 5. § 2.4.

⁴¹⁹“Le sort futur de l'Europe et du monde allait peut-être changer, si la Providence n'eût élevé dans l'ombre un de ces êtres étonnants” (*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 1. P. 219*).

⁴²⁰*Ibid.* T. 2. P. 23; T. 3. P. 149; T. 4. P. 367. О восприятии Жанны как ангела см. подробнее: *Тогоева О.И.* Как Жанна д'Арк стала ангелом.

⁴²¹*Le Brun de Charmettes Ph.-A. Op. cit. T. 3. P. 422.*

⁴²²*Ibid.* P. 422—423.

⁴²³“Ton travail à faire passer dans le nébuleux panthéon où la république côtoie le scepticisme la sainte qui manque au martyrologue chrétien” (*Carné L. de. Op. cit. P. 348, разрядка моя — О.Т.*).

⁴²⁴“Cette lutte continue entre la femme et la sainte” (*Ibid.* P. 346).

⁴²⁵*Goerres G. Op. cit. P. 32; Barthélemy de Beauregard E. J. Op. cit. P. 76—77; Carné L. de. Op. cit. P. 325; Rohrbacher R.F. Op. cit. P. 289.*

ветников Жанны сразу же после ее прибытия ко двору, затем последовало свидание с Карлом и два обязательных «знака» избранности Девы (узнавание дофина и королевский «секрет»), после чего на повестку дня вставал вопрос, от Бога или от дьявола получает девушка свои откровения, и, наконец, завершала *discretio* проверка девственности самопровозглашенного пророка⁴²⁶. Результатом же проведенной проверки, по мнению Бартелеми де Борегара, явилось признание «святости» жизни Жанны д'Арк⁴²⁷.

Не менее подробно историки-католики середины XIX в. останавливались и на личных качествах Жанны д'Арк⁴²⁸, подтверждавших в их глазах ее предполагаемую святость, и на ее борьбе за набожность окружавших ее солдат, которых она хотела превратить «в таких же святых, как она сама»⁴²⁹. Однако наиболее существенным доказательством в пользу святости Жанны в работах католических авторов середины XIX в., вне всякого сомнения, являлось ее уподобление фигуре Иисуса Христа.

Данное сравнение, как я уже отмечала выше, появилось в откликах на историю Орлеанской Девы еще в XV в.⁴³⁰ Во второй половине XVI—XVII в. в связи с «теологическим поворотом» в историописании уподобление Девы Спасителю стало рассматриваться в новом ракурсе — сквозь призму роли пророка в истории человечества⁴³¹. Однако в середине XIX в. произошли существенные сдвиги в самой религиозности французов — после Революции 1789 г. она стала «христоцентричной». Католическая церковь делала особый упор на страданиях Христа (его бедности при жизни, несправедливом суде и мучениях в смерти) и призывала паству следовать данному примеру, с достоинством встречая любые испытания на своем пути⁴³². Именно по этой причине последний отрезок жизни Жанны — от ее участия в коронации Карла VII в июле 1429 г. до смерти на костре 30 мая 1431 г. — авторы-католики именовали «мученичеством»

⁴²⁶Goerres G. Op. cit. P. 97—119; *Barthélemy de Beauregard E. J.* Op. cit. P. 96—124; *Carné L. de.* Op. cit. P. 332; *Rohrbacher R.F.* Op. cit. P. 293—302.

⁴²⁷«Et déclarèrent que ses paroles, sa conduite, ses réponses, ses manières, sa simplicité, sa vie sainte et sa bonne réputation, tout prouvait qu'il n'y avait rien de mal en son fait» (*Barthélemy de Beauregard E. J.* Op. cit. P. 123—124).

⁴²⁸*Barthélemy de Beauregard E. J.* Op. cit. P. 482; *Carné L. de.* Op. cit. P. 339; *Rohrbacher R.F.* Op. cit. P. 291, 342.

⁴²⁹«On voit combien ils étaient loin de l'état où les voulait la Pucelle; car elle les voulait saints comme elle» (*Barthélemy de Beauregard E. J.* Op. cit. P. 143). См. также: *Goerres G.* Op. cit. P. 128—129; *Carné L. de.* Op. cit. P. 337; *Rohrbacher R.F.* Op. cit. P. 307—308, 310, 313.

⁴³⁰См. выше: Глава 3. § 3.4.

⁴³¹См. выше: Глава 4. § 3.2.

⁴³²*Bowmann F.P.* *Le Christ des barricades, 1789—1848.* P., 1987. P. 11—12, 21—22.

(*martyre*) или «страстями» (*passion*)⁴³³. «Либо она является предтечей Месмера и Калиостро, либо повторяет путь Христа», — писал Л. де Карне, совершенно явственно склоняясь ко второй гипотезе⁴³⁴.

Даже само пребывание в тюрьме и судебный процесс, которые терпела Жанна, рассматривались в произведениях католических авторов как мученичество⁴³⁵. Смерть Девы на костре — жертва, принесенная во славу дел Божьих, — также уподоблялась Страстям Христовым. «Она страдала и погибла не только за французов», — писал Г. Гёррес, — но и за все человечество»⁴³⁶. Даже вновь возродившаяся в середине XIX в. легенда о несгоревшем в пламени костра сердце Жанны отныне также связывалась с мучениями Спасителя⁴³⁷, тело которого было выставлено на всеобщее обозрение, как и «внутренние органы» спасительницы Франции⁴³⁸. Точно так же вновь актуализировалась и легенда о страшной смерти, которой умерли вскоре после гибели Жанны ее судьи⁴³⁹, предавшие ее как Иуда⁴⁴⁰ и Понтий Пилат⁴⁴¹.

Впрочем, по мнению Э.Ж. Бартелеми де Борегара, не одна лишь мученическая смерть Жанны д'Арк делала ее в глазах современников истинной святой: вся ее жизнь была тому прямым подтверждением. Не случайно, как он полагал, восхищение народа «его героиней, его Девой, его святой и пророком» приняло во всем королевстве характер настоящего культа⁴⁴². И хотя в отношении целой страны данное утверждение выглядело в достаточной степени натянутым, во Франции существовало по крайней мере одно место, где о Жанне д'Арк никогда не забывали.

⁴³³*Carné L. de. Op. cit. P. 343; Barthélemy de Beauregard E. J. Op. cit. T. 1. P. 396; Rohrbacher R.F. Op. cit. P. 339.*

⁴³⁴«Ou elle est précédé Mesmer et Cagliostro, ou elle procède de Jésus-Christ» (*Carné L. de. Op. cit. P. 348*).

⁴³⁵*Goerres G. Op. cit. P. 369; Rohrbacher R.F. Op. cit. P. 364.*

⁴³⁶«La Pucelle n'a pas vaincu et souffert seulement pour la France, elle a souffert et vaincu pour tous les peuples» (*Goerres G. Op. cit. P. 296*).

⁴³⁷*Goerres G. Op. cit. P. 379; Barthélemy de Beauregard E. J. Op. cit. T. 2. P. 318; Rohrbacher R.F. Op. cit. P. 391.*

⁴³⁸«Afin que la similitude entre le martyr de la Pucelle et la passion du Sauveur fût continuée jusqu'à la fin, quand elle fut morte, les Anglais, toujours semblables aux Juifs... ordonnèrent au bourreau de retirer un peu le feu, afin qu'on la vit dans son état de mort» (*Barthélemy de Beauregard E. J. Op. cit. T. 2. P. 316—317*).

⁴³⁹*Barthélemy de Beauregard E. J. Op. cit. T. 2. P. 371; Rohrbacher R.F. Op. cit. P. 393.*

⁴⁴⁰«Lâches serviteurs de l'Eglise, la trahissant comme Judas trahit le Seigneur» (*Goerres G. Op. cit. P. 380*). Та же фраза слово в слово была повторена у Р.Ф. Рорбахера: *Rohrbacher R.F. Op. cit. P. 391*.

⁴⁴¹«Dans la passion du Sauveur, Pilate refusait de le condamner et se lavait les mains devant le peuple...dans celle de la Pucelle, les juges séculiers...ne prononcèrent aucune sentence» (*Barthélemy de Beauregard E. J. Op. cit. T. 2. P. 308*).

⁴⁴²«Le peuple portait jusqu'au culte l'admiration pour son héroïne, sa vierge, sa sainte, sa prophétesse» (*Ibid. T. 1. P. 482, разрядка моя — О.Т.*).

§ 4. Вечная героиня Орлеана

Этим местом, начиная еще с XV в., всегда оставался Орлеан, которой был обязан Деве снятием английской осады 8 мая 1429 г. Данное событие являлось непреложным фактом для местных жителей на протяжении всех последующих веков, и на их отношение к собственной освободительнице не могли повлиять никакие внешние обстоятельства: ни Религиозные войны XVI в., ни Французская революция конца XVIII в., ни революция 1848 г. Именно в Орлеане был установлен самый первый во Франции памятник Жанне д'Арк⁴⁴³, именно здесь был создан и весьма специфический корпус документов, посвященных ей и заслуживающих отдельного рассмотрения.

4.1. «Ведушая святую и набожную жизнь...»

Самые первые упоминания о появлении Жанны д'Арк на исторической сцене в документах, происходящих из Орлеана, появились уже весной 1429 г. К ним прежде всего относились дневниковые заметки неизвестного автора, которые он вел на протяжении всей осады города англичанами, начиная с осени 1428 г. Оригинал этой рукописи не сохранился, однако примерно в середине 60-х гг. XV в. с нее была сделана копия. По заказу городских властей ее изготовил местный клирик Пьер Судан, чей отец, Филипп, был участником обороны Орлеана. К 1466 г. новая версия «Дневника осады Орлеана» (*Journal du siège d'Orléans*) была готова и оплачена⁴⁴⁴. Дальнейшая судьба текста П. Судана неизвестна, однако, уже в 1472 г. он послужил основой для еще одной копии, хранившейся затем в аббатстве Сен-Виктор в Париже, а позднее переданной в Национальную библиотеку Франции⁴⁴⁵. Ее автором стал Никез де Лорм, приор аббатства Буси-ле-Руа, расположенного недалеко от Орлеана⁴⁴⁶. Он озаглавил свое сочинение «Небольшой трактат в форме хроники, посвященный краткому изложению [истории] осады англичанами Орлеана, ... явлению и достойным деяниям Жанны Девы, заставившей англичан покинуть [город] и снявшей осаду с Божьей помощью и силой оружия»⁴⁴⁷.

⁴⁴³Подробное описание памятника см. выше: Глава 4. § 2.2.

⁴⁴⁴*Charpentier P., Cuissard Ch. Préface // Journal du siège d'Orléans. P. III—IV.*

⁴⁴⁵*Journal du siège d'Orléans // BNF. Ms. fr. 14655.*

⁴⁴⁶*"Iste liber est S. Victoris Parisiensis quem fecit fieri frater Nicasius de Ulmo abbas hujus ecclesiae" (Ibid., f. 2).*

⁴⁴⁷*"Petit traictie par maniere de croniques contenant en brief le siege mis par les Angloÿs devant la ville d'Orleans...la venue et vaillans faitcz de Jehanne la Pucelle et comment elle en feist partir les Anglois et enleva le siege par grace divine et force d'armes, 1428" (Ibid., f. 1).*

Данное название прижилось при последующем копировании текста. Во второй половине XV в., возможно, именно «Трактат» де Лорма был использован при создании так называемого кодекса Урфе, содержащего не только «Дневник осады», но и французскую «минуту» допросов Жанны д'Арк, а также латинские тексты ее обвинительного и оправдательного процессов⁴⁴⁸. В начале XVI в. с «Трактата» была сделана копия, переданная затем в Женевскую библиотеку (Genève. Fr. 86) Жан-Жаком Руссо, который купил ее в лавках букиниста на набережных Парижа⁴⁴⁹. Текстом де Лорма пользовался и неизвестный создатель Ms. 891 из Библиотеки Ватикана, датирующегося 1480—1490 гг. и принадлежавшего до середины XVII в. семье Поля Пето, советника Парижского парламента и выходца из Орлеана⁴⁵⁰, в собрании которого имелись и другие документы, связанные с личностью Жанны д'Арк⁴⁵¹. Копия 1472 г. лежала в основе и последнего из известных на сегодняшний день экземпляров «Дневника осады Орлеана», который происходил из библиотеки графов Залуских, в 1747 г. ставшей публичной, а в 1794 г. перевезенной в Санкт-Петербург и ныне хранящейся в Российской национальной библиотеке⁴⁵². Эта рукопись является самой поздней из имеющихся: на основании водяных знаков В.И. Райцес датировал ее 1552—1570 гг.⁴⁵³, однако повторное изучение использованной в ней бумаги позволяет, как кажется, сдвинуть границу до 1575 г.⁴⁵⁴

⁴⁴⁸La minute française des interrogatoires de Jeanne d'Arc. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. Journal du siège d'Orléans // BNF. Ms. lat. 8838. О кодексе Урфе и его датировке см.: РС, I, XXIII—XXV.

⁴⁴⁹РС, I, XXX.

⁴⁵⁰Charpentier P., Cuissard Ch. Op. cit. P. VI; La délivrance d'Orléans et l'institution de la fête du 8 mai. Chronique anonyme du XVe siècle / Ed. par R. Boucher de Molandon // Mémoires de la Société archéologique et historique de l'Orléanais. 1884. T. 18. P. 244, 248—249.

⁴⁵¹См. о них ниже.

⁴⁵²Journal du siège d'Orléans. Chronique d'établissement de la fête du 8 mai // РНБ. Fr. F. IV. 86. О коллекции Залуских и ее судьбе в России см.: Вреде М., Шиллер С. Исследования рукописного фонда библиотеки братьев Залуских // Западные рукописи и традиции их изучения / Сост. О.Н. Блескина, Н.А. Елагина, Л.И. Киселева, М.Г. Логутова. СПб., 2009. С. 42—52.

⁴⁵³Raytzes V. Le manuscrit de Leningrad. Manuscrit 2838 — F. IV 186 — Bibliothèque Saltykov Shehedrin // Jeanne d'Arc. Une époque, un rayonnement. P. 293—297 (в названии статьи неверно указан шифр рукописи).

⁴⁵⁴В.И. Райцес выделил в рукописи из РНБ два типа водяных знаков: 1. «соединенные буквы» (*lettres assemblées*), № 9668 по справочнику Брике, расположенные на 24 листах первых трех тетрадей рукописи; 2. «кувшин с ручкой» (*pot à anse*), № 12745 по справочнику Брике, расположенный на 14 листах последней четвертой тетради (Ibid. P. 295). Мне удалось также выделить третий тип водяного знака — «кувшин с ручкой» (№ 12752 по Брике) — расположенный на fol. 55—76 четвертой тетради: Briquet C.-M. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. T. 4. Amsterdam, 1968.

Примерно в то же время, когда Пьер Судан составлял текст «Дневника осады», в Орлеане было создано еще одно сочинение о Жанне д'Арк. «Хроника Девы» (*Chronique de la Pucelle*) рассказывала не только о «локальных» происшествиях, но включала описание событий, произошедших во Франции в 1422—1428 гг. Данная часть была целиком заимствована из «Жесты знатных французов» (*Geste des nobles françoys*), созданной неизвестным орлеанским автором в 1429—1430 гг. краткой версии «Больших хроник Франции», также отчасти затрагивающей историю Жанны (до осады королевскими войсками Труа 6 июля 1429 г.)⁴⁵⁵. Точная датировка самой «Хроники Девы», как справедливо отмечали Ж. Кишра и О. Валле де Виривиль, представляется совершенно невозможной⁴⁵⁶, поскольку ее оригинал не сохранился: впервые текст был опубликован в 1661 г. Дени Годфруа, который не указал в своем издании, какой именно рукописью он воспользовался⁴⁵⁷. Данное обстоятельство не позволяет судить о том, на каких иных источниках основывался анонимный автор хроники: использовал ли он при ее составлении «Дневник осады» Пьера Судана и хронику Жана Шартье или, напротив, эти авторы читали «Хронику Девы»⁴⁵⁸. Единственное, что не вызывает никаких сомнений: данное сочинение, как и окончательная версия «Дневника», было создано уже после процесса по реабилитации Жанны д'Арк 1455—1456 гг.⁴⁵⁹

Столь же сложной представляется датировка еще одного источника по истории французской героини, созданного в Орлеане, — «Хроники

Р. 637. Данный водяной знак соответствует бумаге, производившейся в 1553 г. в Амстердаме и Рейнсбурге, в 1556 г. в Сансе, в 1557—1558 гг. в Утрехте, в 1569 г. в Ашаффенбурге и в 1575 г. в Эпинале.

⁴⁵⁵Vallet de Viriville A. Notice historique et critique sur la Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot // *Chronique de la Pucelle*. P. 4, 10—15. Подробнее о «Жесте»: *Contamine Ph. Une chronique pour un prince? La "Geste des nobles François" // Les princes et l'histoire du XIVe au XVIIIe siècle / Publ. sous la dir. de Ch. Grell, W. Paravicini, J. Voss. Bonn, 1998. P. 231—241.*

⁴⁵⁶Q, 4, 203; Vallet de Viriville A. Notice historique et critique. P. 2—3.

⁴⁵⁷«Autre Histoire d'un Auteur, dont le nom est inconnu, qui contient partie du Regne du mesme Charles VII. scavoit depuis 1422 iusques en 1429 communément appelée l'Histoire de la Pucelle d'Orleans, non encor imprimée» (*Godefroy D. Histoire de Charles VII, roy de France par Jean Chartier, sous-chantre de Saint-Denys; Jacques le Bouvier, dit Berry, roy d'armes; Matheiu de Covey et autres auteurs du temps. Qui contient les choses les plus mémorables advenues depuis l'an 1422 iusques en 1461. P., 1661. P. 481*).

⁴⁵⁸Ж. Кишра придерживался мнения, что автор «Хроники Девы» использовал в работе «Дневник осады Орлеана» и «Хронику» Жана Шартье: Q, 4, 204. Ту же позицию занимает и Ф. Мишо-Фрежавиль: *Michaud-Fréjaville F. Préface // Chronique de la Pucelle attribuée à Guillaume Cousinot, réimpression de l'édition de Vallet de Viriville. Caen, 1992. P. 8—9*. Противоположное мнение высказывал О. Валле де Виривиль: *Vallet de Viriville A. Notice historique et critique. P. 57—60, 62—65*.

⁴⁵⁹Q, 4, 203; *Michaud-Fréjaville F. Préface. P. 9*.

8 мая», в подробностях описывавшей возникновение традиции отмечать ежегодно дату снятия английской осады с города. «Хроника» сохранилась всего в двух манускриптах: уже упоминавшихся выше Ms. 891 из Библиотеки Ватикана, который содержит также текст «Дневника осады Орлеана» и датируется самым концом XV в., и Fg. F. IV. 86 из РНБ, представляющем практически полную копию ватиканской рукописи, но созданном, по всей видимости, уже во второй половине XVI в. Однако нам не известно, являлись ли эти манускрипты (или один из них) оригиналами или же они основывались на каком-то более раннем прототипе⁴⁶⁰. Ж. Кишра полагал, что автором «Хроники» стал очевидец событий, описавший установление праздника 8 мая по памяти⁴⁶¹. Р. Буше де Моландон высказывал предположение, что данный текст дополнял рассказ «Дневника осады Орлеана» и, таким образом, возник позднее этого последнего⁴⁶².

Кроме явных отсылок к сочинению Пьера Судана «Хроника 8 мая» демонстрирует текстологическую близость с еще одним произведением, созданным во второй половине XV-начале XVI в. в Орлеане, — с «Мистерией об осаде Орлеана», единственная рукопись которой хранится ныне в Библиотеке Ватикана (Reg. Lat. 1022). Как и Ms. 891, с середины XVII в. она входила в коллекцию Кристины Шведской, завещанную королевой кардиналу Декио Аццолини, племянник которого в 1690 г. продал книги папе Александру VIII (1689—1691)⁴⁶³. Исследователи всегда расходились во мнениях относительно времени создания данного кодекса. С точки зрения его первых издателей Ф. Гессара и Э. де Сертена, рукопись следовало датировать не позднее 1470 г.⁴⁶⁴, Ж. Кишра, ссылаясь на почерк (готический курсив), относил манускрипт к началу XVI в.⁴⁶⁵, О. Вале де Виривиль, основываясь на анализе водяных знаков, указывал на конец XV-начало XVI в.⁴⁶⁶ Того же мнения придерживалась и автор «академического» издания «Мистерии» Вики Хэмблин⁴⁶⁷. Повторное исследование различных типов водяных знаков в

⁴⁶⁰La délivrance d'Orléans et l'institution de la fête du 8 mai. P. 259, 284—297.

⁴⁶¹Q, 5, 285.

⁴⁶²La délivrance d'Orléans et l'institution de la fête du 8 mai. P. 246.

⁴⁶³Hamblin V.L. Introduction // Le Mystère du siège d'Orléans. P. 7—8; Тогоева О.И. Жанна д'Арк и бумага с водяными знаками (История одной случайной находки) // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2004 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 6. М., 2005. С. 226—227.

⁴⁶⁴Le "Mystère du siège d'Orléans" publié pour la première fois d'après le manuscrit unique conservé à la Bibliothèque du Vatican / Ed. par F. Guessard et E. de Certain. P., 1862. P. IV.

⁴⁶⁵Q, 5, 79.

⁴⁶⁶Vallet de Viriville A. Examen critique du "Mystère du siège d'Orléans". S.d. P. 4 (рукопись).

⁴⁶⁷Hamblin V.L. Introduction. P. 10—11. Тот же вывод повторен в: Contamine Ph., Bouzy O., Hélyary X. Op. cit. P. 296.

рукописи, предпринятое мной в Библиотеке Ватикана, позволяет датировать ее еще более точно — периодом с 1516 по 1520 г.⁴⁶⁸

Это, однако, не означает, что сама «Мистерия» была создана лишь в начале XVI в. Напротив, расходные городские книги указывают, что, возможно, первоначальный текст существовал уже в 30-е гг. XV в.: согласно этим записям, в 1435 и 1439 гг. на праздник 8 мая в Орлеане ставилась «некая мистерия», центральным эпизодом которой — как и в «Мистерии об осаде Орлеана» — была сцена взятия крепости Турель, имевшего место 7 мая 1429 г.⁴⁶⁹ Упоминание в тексте Жюль де Ре в качестве одного из действующих лиц также свидетельствует о том, что какой-то вариант данного произведения должен был существовать до 1440 г., когда бретонский барон был обвинен в занятиях колдовством и многочисленных убийствах и казнен, а его имя — вычеркнуто из истории. Наконец, в тексте фигурировал Жан, Бастард Орлеанский, — сводный брат Карла, герцога Орлеанского, получивший титул графа Дюнуа только 14 июля 1439 г.

Вместе с тем именно как граф Дюнуа (сир Дюнуа, монсеньор Дюнуа) Жан выступал в предпосланном основной части мистерии весьма обширном прологе, действие которого заканчивалось прибытием англичан под стены Орлеана. Упоминание нового титула Бастарда Орлеанского указывает, что пролог был написан несколько (или значительно) позднее основного текста. О том же говорит и путаница с другими титулами. В частности, один из персонажей мистерии назван «герцогом Сомерсетом», хотя Джон Бофорт, граф Сомерсет, стал герцогом только в 1443 г., и во Франции его под таким титулом уже никто не знал. После смерти Джона титул в 1448 г. унаследовал его брат Эдмунд Бофорт, правивший Нормандией и получивший известность во Франции. По мнению специалистов, автор (или один из авторов) мистерии мог спутать двух братьев, назвав герцогом старшего из них уже в тот момент, когда тот не носил этого титула. Таким образом, создание пролога следует перенести на вторую половину XV в.⁴⁷⁰ На это указывают и явные заимствования из упоминавшейся выше «Хроники 8 мая», в частности, са-

⁴⁶⁸Мне удалось выделить два разных типа одного водяного знака, присутствующих на бумаге данного кодекса: 1. «колесо св. Екатерины» (примерно соответствует № 13390 по справочнику Брике) 2. «колесо св. Екатерины» (примерно соответствует № 13353 по справочнику Брике). Бумага с первым типом знака производилась на территории Франции с 1516 по 1538 г., со вторым — с 1502 по 1520 г. Поскольку рукопись «Мистерии» переписана одним почерком, следует предположить, что для манускрипта использовали бумагу, произведенную примерно в одно и то же время, т.е. с 1516 по 1520 г. Подробнее см. в: *Тогоева О.И.* Жанна д'Арк и бумага с водяными знаками. С. 214—218.

⁴⁶⁹Подробнее см.: Там же. С. 211—212.

⁴⁷⁰*Vallet de Viriville A.* Examen critique. P. 10; *Hamblin V.L.* Introduction. P. 24—25.

мое начало пролога мистерии, в котором описывался сбор английских войск для похода на Орлеан и мольба герцога Орлеанского, обращенной к графу Солсбери не разорять его земли⁴⁷¹.

Иными словами, разрозненные части «Мистерии», существовавшие в Орлеане с середины 30-х гг. XV в., возможно, достаточно долгое время оставались в виде отдельных тетрадей (*livrets*), которые лишь в начале XVI в. были сведены в единый текст и переписаны, судя по почерку, одним и тем же человеком. Нам известно лишь, что данный кодекс — как и Ms. 891, включавший в себя «Хронику 8 мая» и «Дневник осады Орлеана», — практически до конца XVI в. хранился в библиотеке аббатства Флери (Сен-Бенуа-сюр-Луар), недалеко от Орлеана. В 1587 г. (по другим данным — в 1562 г.⁴⁷²) монастырь подвергся разграблению со стороны местных протестантов, и книги спас Пьер Даниэль, магистрат Флери, у которого они оставались вплоть до самой его смерти в 1612 г. До 1656—1657 гг. часть этой коллекции находилась во владении уже упоминавшегося выше Поля Пето, уроженца Орлеана и советника Парижского парламента. Именно его сын, Александр Пето (также советник Парижского парламента), продал некоторые из этих книг, и прежде всего рукописи, касающиеся личности и деяний Жанны д'Арк, королеве Кристине⁴⁷³.

Единственным произведением, посвященным французской героине и также происходящим из Орлеана, датировка которого не вызывает у историков практически никаких сомнений, является «Компиляция о миссии, победах и пленении Жанны Девы». Она была написана по заказу Людовика XII (1498—1515) и адмирала де Гравияля и представляла собой краткое изложение истории Жанны д'Арк. Ее список, дошедший до нас в Ms. 518 из библиотеки Орлеана (включающем также текст французской «минуты» допросов девушки в 1431 г.), был создан, с точки зрения Ж. Кишра, около 1500 г., того же мнения придерживался и издатель «Компиляции» П. Донкер⁴⁷⁴.

Именно это сочинение завершало свод орлеанских текстов, посвященных французской героине и появившихся, как можно было убедиться, в один и тот же небольшой промежуток времени — во второй половине XV — середине XVI в. Данное обстоятельство было всегда хорошо известно историкам, отмечавшим определенный рост интере-

⁴⁷¹Подробнее о содержании пролога к «Мистерии» см. выше: Глава 3. § 2.3. На то, что данный эпизод был заимствован именно автором «Мистерии», указывает более краткое его изложение в «Хронике 8 мая». См. также: *Hamblin V.L. Introduction*. P. 16—17.

⁴⁷²*La délivrance d'Orléans et l'institution de la fête du 8 mai*. P. 244.

⁴⁷³*Hamblin V.L. Introduction*. P. 7—8; *Тогоева О.И. Жанна д'Арк и бумага с водяными знаками*. P. 226—227.

⁴⁷⁴Q, 4, 254; *Doncoeur P. Introduction // La Minute française*. P. 29.

са к личности Жанны д'Арк в Орлеане именно в этот период⁴⁷⁵. Тем не менее, до сих пор, насколько известно, данные тексты никогда не анализировались комплексно, т.е. не делалась попытка понять, с какими именно изменениями в восприятии Девы был связан подобный интерес и каким образом эти изменения проявлялись.

Прежде всего следовало бы отметить, что перечисленные выше сочинения отличала одна важная особенность: все они без исключения были посвящены непосредственно Жанне д'Арк. Конечно, «Дневник осады Орлеана» охватывал не только зиму-весну 1429 г., но повествовал и об осени 1428 г., а «Хроника Девы» включала в себя описание всего правления Карла VII, начиная со смерти его отца в 1422 г. Однако, преимущественно внимание авторов было отдано самой французской героине и той роли, которую она сыграла в истории их родного города. Вторым же отличительным свойством данных произведений являлось то, что все они создавались уже после процесса по реабилитации Жанны д'Арк 1455—1456 гг., что в большой степени определило особенности трактовки в них ее личности. И прежде всего это выразилось в том, что в орлеанских текстах, в отличие от прочих французских сочинений данного периода, для описания истории Девы практически не использовался героический дискурс: вместо уподобления девушки разнообразным героям Античности и разработки темы мужественной *Virago* все свои силы наши авторы приложили к решению проблемы возможной святости Жанны д'Арк.

Любопытно при этом отметить, что в сочинениях, происходящих из Орлеана, данная тема получила совершенно особое звучание по сравнению с рассмотренными выше текстами. В частности, мы не найдем в них развития темы богоизбранного «простеца», а также аналогий между историей Жанны и судьбой Девы Марии или Иисуса Христа, актуализировавшихся в ходе процесса по реабилитации (особенно в трактатах теологов) и последовательно развивавшихся во французских исторических сочинениях XVI—XVII вв.⁴⁷⁶ Орлеанские авторы, как представляется, выстраивали свою собственную систему доказательств, единственной целью которой было наглядно продемонстрировать, что их героиня заслуживает того, чтобы называться святой.

Одним из таких доказательств стал сюжет о чудесном путешествии, предпринятом Жанной д'Арк из Вокулера в Шинон на встречу с дофином. Данная тема никогда, насколько мне известно, не поднималась в современной историографии⁴⁷⁷, не пользовалась она поначалу

⁴⁷⁵См., в частности: *Contamine Ph. Naissance d'une historiographie; Michaud-Fréjaville F. Personne, personnage: Jeanne d'Arc en France au XVIIe siècle.*

⁴⁷⁶См. подробнее: Глава 3. § 3; Глава 4. § 3.

⁴⁷⁷Подробно данная тема рассмотрена: *Тогоева О.И. Путешествие как миссия.*

успехом и у авторов XV в. С их точки зрения, в истории французской героини имелись и более значительные вехи: собственно свидание с Карлом в Шиноне, снятие осады с Орлеана или коронация в Реймсе. Тем не менее, первые намеки на то, что путешествие само по себе также представляет интерес, что оно не менее значимо для создания определенного образа Девы, появились уже в письмах, отправленных из Франции различным иностранным государям весной-летом 1429 г. Сюда относились прежде всего послание Персеваля де Буленвилье миланскому герцогу Филлипо Мария Висконти от 21 июня 1429 г.⁴⁷⁸, письмо Алена Шартье неизвестному государю, датируемое июлем 1429 г.⁴⁷⁹, и сообщение анонимного рыцаря-иоаннита, посланное главе его ордена в Иерусалим⁴⁸⁰. Письма эти представляли собой совершенно явные пропагандистские сочинения, направленные на то, чтобы убедить симпатизирующих французскому дофину правителей в том, что странная девушка, пришедшая к нему на помощь, достойна внимания и — главное — доверия.

Впрочем, эти отклики на появление Жанны на исторической сцене были еще крайне скупы на описания ее первого путешествия. Авторы посвящали ему буквально несколько слов, ограничиваясь указанием на то, что проходило оно по вражеской территории (*per civitates hostiles*)⁴⁸¹. Безусловно, в их письмах сквозило удивление тем, что девушка смогла без ущерба для себя и своих спутников проехать около 600 км через земли, оккупированные англичанами и бургундцами⁴⁸², однако ничего действительно «чудесного» или «героического», столь свойственного, с точки зрения современников, истории Жанны д'Арк, в этих письмах найти невозможно. Тем более, о путешествии не упоминалось в документах, предназначавшихся, если можно так сказать, для внутреннего пользования: трактатах теологов Жака Желю и Жана Жерсона, в «Заключении» докторов из Пуатье. Да и сама Жанна на процессе 1431 г. весьма скупо описывала свой путь на встречу с дофином: она лишь перечисляла населенные пункты, которые проезжала (из Вокулера в Сен-Урбан, далее — в Оксер, Сент-Катрин-де-Фьербуа и, наконец, в Шинон), и отмечала, что проделала этот путь беспрепятственно (*sine impedimento*)⁴⁸³.

Отношение к данной теме, однако, резко менялось в ходе процесса по реабилитации Жанны д'Арк 1455—1456 гг. Здесь, наконец, получали сло-

⁴⁷⁸Q, 5, 114—121.

⁴⁷⁹Q, 5, 131—136.

⁴⁸⁰Q, 5, 98—100. Ж. Кишра датировал это письмо 1429 г., но более точного времени его создания мы не знаем.

⁴⁸¹(Q, 5, 118); (Q, 5, 133).

⁴⁸²*Puella...accessit ad regem per diversa formidabilia itinera, sine violentia, illaesa, libata, associata cum personis*" (Q, 5, 100).

⁴⁸³PC, 1, 50—51.

во те, кто был очевидцем ее отъезда из Вокулера, и собственно ее спутники. Один из них, Жан де Нуйомпон, в своих показаниях вообще не затрагивал каких-то иных тем, его рассказ оказывался посвящен исключительно путешествию в Шинон. По словам де Нуйомпона, оно длилось 11 дней. Путники предпочитали передвигаться по ночам из опасения встретить англичан или бургундцев⁴⁸⁴. За время пути Жан полностью убедился в избранности Жанны, которая посвятила его в суть своей миссии по спасению Франции, а также рассказала о первых откровениях, полученных ею «4 или 5 лет назад»⁴⁸⁵. Еще большее впечатление произвела на него набожность Жанны, которая стремилась присутствовать на мессе в каждом населенном пункте, который они проезжали. Ее слова и любовь к Господу «воодушевили» Жана (*inflammatus erat*), он полностью уверовал в нее и даже стал ее бояться: на редких ночевках он не решался прийтись к ней и не испытывал к ней никакого сексуального влечения, настолько чистой она ему казалась⁴⁸⁶. В заключение Жан де Нуйомпон сообщал, что он всегда оставался абсолютно убежден в том, что Жанна являлась посланницей Свыше, ибо она «была доброй, искренней, набожной христианкой, достойной и богобоязненной»⁴⁸⁷.

Этот весьма эмоциональный рассказ дополняли показания Бертрана де Пуланжи. Они мало отличались от воспоминаний Жана де Нуйомпона: второй спутник Жанны также повествовал о путешествии в ночное время суток, о страхе перед англичанами и бургундцами, о желании Жанны присутствовать по возможности на всех мессах, об отсутствии у него к ней плотского желания. Однако особый акцент де Пуланжи делал на пророчествах Жанны, которые — и он тому свидетель — исполнились все без исключения: Карл VII получил столь необходимую ему помощь еще до наступления середины поста; он был на самом деле помазан и коронован в Реймсе; наконец, он радушно встретил Жанну и ее спутников в Шиноне, как и обещала девушка⁴⁸⁸. А потому, заключал Бертран, он совершенно уверен, что в ней не было «ничего дурного» и что она являлась «практически святой»⁴⁸⁹.

Воспоминания спутников Жанны представляют для нас особый интерес, поскольку в них не просто описывался путь, преодоленный ими за 11 дней, но рассказывалось о становлении героя, для которого

⁴⁸⁴PN, 1, 290.

⁴⁸⁵PN, 1, 291.

⁴⁸⁶Ibid.

⁴⁸⁷“Ipsam bonam, simplicem, devotam, bonam christianam, bene conditionatam et Deum timentem reperiit” (Ibid.).

⁴⁸⁸PN, 1, 305—306.

⁴⁸⁹“Nec unquam in ipsa vidit aliquod malum, sed semper fuit bona filia sicut fuisset sancta” (PN, 1, 307).

путешествие всегда являлось одним из обязательных жизненных этапов. Если в рассказе самой Жанны д'Арк ее передвижение из Вокулера в Шинон было представлено, скорее, в рамках точечного пространства, то в показаниях ее спутников последнее преобразовывалось в пространство линейное. Линейность пространства главного героя повествования вообще, как отмечал А.Д. Михайлов, являлось характерной чертой средневековой литературы⁴⁹⁰. При этом она оказывалась связанной с ярко выраженной идеей правильного, праведного пути, как в моральном, так и в буквальном, физическом смысле⁴⁹¹.

Именно эту особенность восприятия мы и наблюдаем в рассказах Жана де Нуйомпона и Бертрана де Пуланжи: для них Жанна являлась не просто героем, но «практически святой» (*sicut fuisset sancta*), идущей к своей цели, к исполнению своей миссии, с которой постепенно увязывалось в откликах современников ее путешествие. Так, Анри Ле Ройе, житель Вокулера и свидетель на процессе по реабилитации, вспоминал, как спросил девушку, не страшно ли ей ехать по вражеской территории, на что она ответила, что не боится, «ибо ее путь предопределен, и Господь укажет ей дорогу, т.к. она рождена, дабы исполнить эту миссию»⁴⁹². Почти теми же словами описывал путешествие Жанны в Шинон Тома Базен: «И поскольку она, что кажется вполне правдоподобным, продемонстрировала ему (Роберу де Бодрикуру — О.Т.) некоторые знаки своей миссии, она заставила его поверить ей и исполнить то, о чем просила»⁴⁹³.

То, что для свидетелей на процессе по реабилитации путешествие в Шинон представлялось явным признаком святости их героини, подтверждалось совершенно конкретными деталями в их показаниях. Так, в рассказе Жана де Нуйомпона оказывались перечислены многие отличительные свойства «настоящего» святого, каким его видели люди Средневековья⁴⁹⁴: Жанна, по его словам, была чрезвычайно набожна, имела откровения Свыше, никогда не сквернословила, охотно соблюдала пост и любила ходить к мессе, часто исповедовалась и раздавала милостыню⁴⁹⁵. Она была «чиста» той особой чистотой святости, которая

⁴⁹⁰Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976. С. 173—180.

⁴⁹¹Там же. С. 180; Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. II. С. 210—211.

⁴⁹²“Quia habebat viam suam expeditam; quia... habebat Deum, dominum suum, qui sibi faceret viam...et quod erat nata ad hoc faciendum” (PN, 1, 299—300).

⁴⁹³“Et, ut verisimile credi potest, signum aliquod sue missionis dedisset, eum ad assensendum et ea que poscebat adimplendum adduxit” (*Basin T. Op. cit. T. I. P. 128*).

⁴⁹⁴См., к примеру: *Weinstein D., Bell R.M. Op. cit. P. 283—285*.

⁴⁹⁵PN, 1, 291.

убивает любое сексуальное желание. Наконец, все ее предсказания, как о том свидетельствовал Бертран де Пуланжи, исполнялись.

Именно под влиянием материалов процесса 1455—1456 гг. восприятие Жанны д'Арк как «практически святой», а ее путешествия в Шинон — как чудесного утвердилось в источниках второй половины XV—середины XVI в., происходящих из Орлеана. Так, в «Дневнике осады» почти дословно воспроизводились показания спутников девушки: в нем сообщалось об «опаснейших переходах» (*les perilleux passaiges*), которые они совершали между городами и деревнями, находящимися под властью англичан и подвергавшимися «бесчисленным пожарам и разорениям» (*unnumerables maulx et pilleries*); об их «бескрайнем удивлении» (*fort esmerveillez*) от того, что они добрались до Шинона в целости и сохранности, как и обещала Дева; об их благодарности Господу за эту милость⁴⁹⁶. Столь же восторженный отклик содержался и в «Хронике Девы», во многом повторяющей «Дневник осады». Здесь, однако, для достижения особого драматического эффекта автор дополнительно вводил прямую речь: «Во имя Господа, ведите меня к благородному дофину и не бойтесь, что у нас будут препятствия [на этом пути]»⁴⁹⁷.

Своего апофеоза описание пути в Шинон достигало в «Мистерии об осаде Орлеана». Главные действующие лица эпизода — все те же Жан де Нуйомпон и Бертран де Пуланжи — начинали свой путь с категорического отказа сопровождать Жанну, называя это путешествие «чистым безумием» (*grant folye*). Под нажимом девушки, которая предсказывала, что дорога будет совершенно безопасной (*n'empeschement ne trouverrons*), они все же соглашались отправиться вместе с ней, хотя не слишком верили ее обещаниям и полагали, что произойдет настоящее чудо, если предприятие удастся довести до конца. И чудо на самом деле происходило: путники прибывали в Шинон, встречались с дофином Карлом и рассказывали ему о своем путешествии как о «небывалом событии» (*une chose impossible*), в возможности которого они сомневались⁴⁹⁸. Характеристика, которую они при этом давали Жанне, была буквально списана из показаний на процессе по реабилитации: она казалась им хорошей, справедливой, весьма достойной и выдающейся личностью, наделенной даром пророчества, благоразумной и мудрой, прекрасно воспитанной⁴⁹⁹ — в общем, «самой добротой»⁵⁰⁰.

⁴⁹⁶Journal du siège d'Orléans. P. 46.

⁴⁹⁷“Ladicte Jeanne congneut bien la crainte et doubte qu'ils faisoient; si leur dist: “En nom Dieu, menez-moi devers le gentil daulphin, et ne faicte doubte, que vous ne moy n'aurons aucun empeschement” (Chronique de la Pucelle. P. 273).

⁴⁹⁸Le Mistere du siege d'Orleans. V. 9149—9162, 9881—9890.

⁴⁹⁹Ibid. V. 9725—9732, 9865—9867.

⁵⁰⁰“En elle toute bonté est, / autre chose n'en pourroies dire” (Ibid. V. 9907—9908).

Чудесное путешествие Девы из Вокулера в Шинон, таким образом, представлялось орлеанским авторам Божественным знаком ее избранности и ее миссии. Впрочем, в их рассказах о судьбе Жанны д'Арк — как и в показаниях свидетелей в 1455—1456 гг. — данной проблеме в принципе было уделено большое внимание. Насколько можно судить, именно в этих текстах впервые появилась тема двух знаков, якобы данных девушкой Карлу при их первой встрече, которая впоследствии разрабатывалась и другими французскими авторами⁵⁰¹. Об узнавании дофина в толпе его приближенных и о королевском «секрете» (тайной молитве Карла) ранее других сообщалось в «Дневнике осады Орлеана», та же информация воспроизводилась и в «Хронике Девы», и в «Компиляции о миссии», и в «Мистерии об осаде Орлеана»⁵⁰².

Вопрос о последующих (уже военных) пророчествах Жанны в орлеанских текстах второй половины XV-середины XVI в. рассматривался так же подробно, как и на процессе 1455—1456 гг.: любое ее слово подводилось здесь под эту категорию и интерпретировалось как чудо (*merveille, miracle*). В «Хронике Девы»⁵⁰³ так описывались и спокойное путешествие из Вокулера в Шинон, и раскрытие секрета короля, и удачный исход допросов в Пуатье, и взятие форта Турель, и освобождение Орлеана⁵⁰⁴, а также вообще все военные предприятия в целом⁵⁰⁵. В «Хронике 8 мая» «Божественным чудом» (*miracle de Dieu*) именовались даже перемена ветра при переправе королевского войска через Луару⁵⁰⁶, а также предсказанная Жанной смерть английского военачальника Гласдейла, удачный штурм крепости Турель и полное освобождение Орлеана⁵⁰⁷. То же касалось и «Компиляции о миссии», в которой общий вывод о чудесном характере всей деятельности Жанны д'Арк был помещен сразу во вступлении, где автор признавался, что не знает более чудесного эпизода во всей французской истории⁵⁰⁸.

⁵⁰¹См. выше: Глава 4. § 3.2.

⁵⁰²Journal du siège d'Orléans. P. 47—48. Ср.: Chronique de la Pucelle. P. 273—275; Compilation du manuscrit. P. 57, 59; Le Mistere du siege d'Orleans. V. 10031—10032, 10057—10059.

⁵⁰³Уже первая глава, повествующая о явлении Жанны в Шинон, была названа автором "De la pucelle venue par devers le roy et des merveilles d'elle": Chronique de la Pucelle. P. 271 (разрядка моя — О.Т.).

⁵⁰⁴Ibid. P. 273, 274, 275, 293, 299.

⁵⁰⁵"Les choses merveilleuses que ceste Pucelle avoit faictes" (Ibid. P. 318).

⁵⁰⁶"Qui estoit une chose merveilleuse et failloit dire que ce fut miracle de Dieu" (Chronique d'établissement de la fête du 8 mai // ПНБ. Fr. F. IV. 86, f. 71v-72).

⁵⁰⁷Ibid., f. 72, 72v, 73v, 74v.

⁵⁰⁸"Je n'ay point trouvé de si singulier et merveilieux cas, ne plus digne d'estre mis par escript pour demourer en memoire perpetuelle des François" (Compilation du manuscrit. P. 55).

Для усиления эффекта «чудесного» при описании военных кампаний Девы в орлеанских текстах — как и в записи свидетельских показаний на процессе по реабилитации — часто использовалась прямая речь. Данная стилистическая особенность хорошо заметна, в частности, по «Дневнику осады Орлеана»: в тех случаях, которые казались автору наиболее важными (например, штурм Турели, коронация в Реймсе, взятие городов на пути к Парижу)⁵⁰⁹, он всегда вводил «собственные» слова девушки, которая затем воспринималась окружающими как истинное «пророчество» (*prophécie*).

Интерес орлеанцев к «знакам» Жанны д'Арк был совершенно не случаен, поскольку основным, как представляется, сюжетом, который их занимал, являлась процедура *discretio spirituum*, проведенная в отношении девушки весной-летом 1429 г. Данная проблема детально рассматривалась во всех без исключения текстах⁵¹⁰ и решалась практически одинаково. Прежде всего, допросы, которым подверглась будущая спасительница Франции при королевском дворе, все наши авторы рассматривали как настоящий процесс⁵¹¹. Однако, несмотря на то, что дофин вроде бы поверил Жанне и отправил ее в войска⁵¹², они полагали процедуру *discretio* незавершенной. Дабы подчеркнуть эту мысль, автор «Хроники 8 мая» вводил в свой рассказ совершенно вымышленный эпизод беседы девушки с «мессиром Жаном де Масконом, доктором и мудрецом»⁵¹³, которого она специально навещала в соборе св. Креста в Орлеане. Их диалог, заботливо переданный в хронике в форме прямой речи, указывал, что данная встреча являлась еще одним этапом *discretio spirituum*, во время которого представитель церкви убеждался в истинном характере миссии Девы⁵¹⁴. Что же касается автора (или одного из авторов) «Мистерии об осаде Орлеана», то он прямо указывал своим читателям, что вывод, сделанный советниками Карла в Шиноне и Пуатье относительно личности и будущих деяний Жанны, которые они посчитали «Божественным творением» (*euvre de Dieu*)⁵¹⁵, подтвердился лишь под Орлеаном⁵¹⁶. Того же мнения придерживался и автор «Компиляции миссии», полагавший, что обвинительный процесс, возбуж-

⁵⁰⁹Journal du siège d'Orléans. P. 85—86, 114, 116.

⁵¹⁰Наиболее подробно процедура была описана в «Хронике Девы»: Chronique de la Pucelle. P. 273—276.

⁵¹¹«Elle fut examine de plusieurs eveques et seigneurs en plain conseil et en tout son fait ne fut trouve que tout bien» (Chronique d'établissement de la fête du 8 mai. Fol. 71v).

⁵¹²Journal du siège d'Orléans. P. 47—48.

⁵¹³«Johan de Mascon docteur qui estoit ung tres saige homme» (Chronique d'établissement de la fête du 8 mai. Fol. 72v).

⁵¹⁴«Il n'est rien impossible a la puissance de Dieu» (Ibid.).

⁵¹⁵Le Mistere du siege d'Orleans. V. 10365—10368.

⁵¹⁶Ibid. V. 14881—14914.

денный против его героини в 1431 г., не являлся законным, поскольку свое мнение о ней уже вынес Жан Жерсон⁵¹⁷.

Победа королевских войск под предводительством Жанны д'Арк под Орлеаном являлась, с точки зрения местных авторов, главным доказательством Божественного характера миссии Девы и подтверждением ее статуса истинного пророка. Как следствие, в их откликах она представляла «святой девой» (*sainte pucelle*)⁵¹⁸, «ведущей святую и набожную жизнь» (*sainte et religieuse vie*)⁵¹⁹, «божьем творением» (*une créature de Dieu*)⁵²⁰, «святой рукой Господа» (*de Dieu la sainte manne*)⁵²¹, «исполненной святости» (*sainteté*)⁵²². Ее последующий путь из Орлеана в Реймс был назван «святым путешествием» (*saint voyage*)⁵²³, а ее смерть — «мученичеством» (*martire*)⁵²⁴. Однако наиболее интересное подтверждение святости главной героини содержалось в «Хронике 8 мая», в которой Жанна прямо уподоблялась местным официально почитаемым покровителям города — свв. Эверту и Эньяну. Именно этих последних, по сообщению автора «Хроники», видели во время осады на стенах Орлеана, и именно их молитвами — помимо вмешательства Девы — город был спасен⁵²⁵.

Сюда же следует отнести и факт создания мистерии, посвященной Жанне д'Арк. По мнению большинства исследователей, автору данного произведения не следовало так называть его, поскольку «Мистерия об осаде Орлеана» не вписывалась в литературные каноны, т.е. не соответствовала формальным признакам данного жанра⁵²⁶. Она не относилась

⁵¹⁷“La declarerent hereticque, contre l'oppinion de defunct nostre maistre Jehan Gerson, chancelier de Nostre Dame de Paris, docteur en theologie, si sçavant et saige, comme ses oeuvres le monstrent et en font le jugement” (Compilation du manuscrit. P. 66).

⁵¹⁸Journal du siège d'Orléans. P. 117.

⁵¹⁹Chronique de la Pucelle. P. 278.

⁵²⁰Ibid. P. 295.

⁵²¹Le Mistere du siege d'Orleans. V. 16174—16176.

⁵²²Ibid. V. 16069—16072.

⁵²³Journal du siège d'Orléans. P. 91.

⁵²⁴Le Mistere du siege d'Orleans. V. 12545.

⁵²⁵“Car en celuy temps fut recite par aulcuns des anglois...avoir veu durant yceluy siege deux prelatz...aller et circuir en cheminant par sus les murs deladictte ville d'Orleans” (Chronique d'établissement de la fête du 8 mai. Fol. 76). Тот же пассаж повторялся и в «Мистерии об осаде Орлеана», где Господь сам посылал двух святых на помощь Жанне д'Арк: Le Mistere du siege d'Orleans. V. 12581—12585.

⁵²⁶Подробнее о типологии средневековых мистерий и исключительном месте «Мистерии об осаде Орлеана» в их ряду см.: Bordier J.-P. Le “Mystère du siège d'Orléans”: de la politique à la religion // Perspectives Médiévales. 1992. № 18. P. 54—66. См. также: Knight A.E. Aspects of Genre in Late Medieval French Drama. Manchester, 1983; Runnalls G.A. When Is a “Mystère” Not a “Mystère”? Titles and Genres in Medieval French Religious Drama // Tréteaux. 1980. № 2. P. 23—28; Idem. Un siècle dans la vie d'un mystère: Le “Mystère de saint Denis”// MA. 1991. T. 97. № 3—4. P. 407—430;

ни к так называемым библейским мистериям, поскольку библейская история в ней даже не упоминалась, ни к агиографическим, ибо не рассказывала о жизни святого⁵²⁷. Однако, само обращение к данному жанру, как мне представляется, свидетельствовало именно о том, что автор рассматривал свою героиню как святую, о чем прямо заявлял в тексте⁵²⁸.

Подводя итог всему сказанному, следует признать, что в текстах, созданных в Орлеане во второй половине XV-середине XVI в., присутствовал вполне законченный образ Жанны д'Арк — святой спасительницы города, истинного пророка, чьими устами говорил сам Господь и чьи деяния можно было смело назвать чудесными. Столь целостного образа мы не найдем в иных источниках этого или более позднего времени. Можно, однако, попытаться представить, насколько сильным оказалось влияние данного небольшого корпуса документов на других авторов и имелось ли такое влияние вообще.

Безусловно, самым известным из всех рассмотренных выше текстов являлся «Дневник осады Орлеана». Впервые опубликованный в 1576 г. по заказу городских эшевенов местным издателем Сатурненом Ото, он выдержал затем многочисленные переиздания по всей Франции: в Париже в 1577 г., в Орлеане, Нойоне и Бойнаре в 1611 г., в Лионе в 1619 г., в Труа, Шалоне и Руане в 1621 г.⁵²⁹ Впрочем, еще до официальной публикации текст «Дневника» был достаточно хорошо известен по рукописным копиям. Так, кодекс из аббатства Сен-Виктор использовал для своих «Деяний Жанны Девы» 1516 г. Валеран де Варан⁵³⁰. Выпустивший в 1560 г. латинский перевод «Дневника» Луи Мико также опирался на рукописный вариант данного источника⁵³¹. С ним же работал и Л. Триппо, подготовивший текст к первому орлеанскому изданию и написавший впоследствии на его основе собственное «Жизнеописание Жанны д'Арк»⁵³².

Idem. Towards a Typology of Medieval French Play Manuscripts // *Idem.* Etudes sur les mystères. Un recueil de 22 études sur les mystères français. P., 1998. P. 367—389.

⁵²⁷Как отмечал Ж.-П. Бордьё, «Мистерию» нельзя считать агиографической уже потому, что создание ее первоначального варианта относилось к 30-м гг. XV в., когда ее главная героиня была осуждена церковным судом как ведьма и еретичка и сожжена на костре: *Bordier J.-P.* Op. cit.

⁵²⁸См. прим. 521, 522, 524.

⁵²⁹*Lanéry d'Arc P.* Livre d'or. № 873.

⁵³⁰*Valerandi Varanii* de Gestis Joanne Virginis France egregie bellatrix. P., 1516. P. 6.

⁵³¹*Micqueau J.-L.* Aureliae urbis memorabilis ab Anglis Obsidio, anno 1428. Et Joannae viriginis Lotharingae res gestae. Orléans, 1560 (2e P., 1631).

⁵³²L'histoire et discours au vray du siege qui fut mis devant la ville d'Orleans, par les Anglois, le Mardy XII. iour d'Octobre M.CCCC.XXVIII. regnant alors Charles VII. de ce nom Roy de France...prise de mot à mot sans aucun changement de langage, d'un veil exemplaire escript à la main en parchemin, et trouvé en la maison de ladicte ville d'Orleans. Plus un echo contenant les singularitez de ladicte ville par M. Leon Tripault Conseiller en icelle ville. Orleans: par Saturnin Hotot, 1576.

Уже изданный, «Дневник» использовался как один из основных источников по истории Жанны д'Арк и в XVII—XVIII вв. Именно из него ссылались в «Анналах орлеанской церкви» 1615 г. Шарль Ла Сосей⁵³³, он лежал в основе «Истории осады Орлеана» А. Дюбретона 1631 г.⁵³⁴, его использовал в «Истории церкви и диоцеза Орлеана» 1650 г. Симфорьен Гуйон⁵³⁵, на него опирался в своей «Истории незабываемой осады Орлеана» 1739 г. Этьен Барруа⁵³⁶.

Конечно, ни один иной текст, вышедший из-под пера орлеанских авторов, не мог похвастаться такой популярностью. Как я уже упоминала выше, «Хроника Девы» была впервые издана лишь в 1661 г. и до того момента, по всей видимости, не была знакома широкой публике. То же самое, как представляется, можно сказать и о «Хронике 8 мая», имевшей сугубо локальное значение. Чуть лучше дела обстояли с «Мистерией об осаде Орлеана»: пометы на листах ее единственного манускрипта свидетельствуют, что текст довольно активно читали в первой половине XVII в., когда кодекс еще находился в библиотеке Александра Пето. В частности, к ней обращались поэт и юрисконсульт Людовик Орлеанский († 1629)⁵³⁷ и Франсис Лемэр, автор «Истории и древностей города Орлеана», изданных в 1645 г.⁵³⁸ Единственным сочинением, которое до некоторой степени могло претендовать на столь же широкую известность, как и «Дневник осады Орлеана», была «Компиляция миссии... Жанны Девы». Отрывки из нее оказались заимствованы неизвестным автором рукописной «Хроники Нормандии», созданной около 1522 г. Ее цитировал и автор «Книги Девы из Лотарингии» (*Livre de la Pucelle natifve de Lorraine*), изданной в Руане без указания даты и переиздававшейся затем в 1578, 1581, 1589 и 1610 гг.⁵³⁹ Наконец, текст «Компиляции» был хорошо известен уже упоминавшемуся выше Л. Триппо, чье «Жизнеописание Жанны д'Арк» само выдержало многочисленные переиздания⁵⁴⁰.

Мы можем, таким образом, говорить о некотором, пусть и не слишком значительном, влиянии, которое оказали рассмотренные выше ис-

⁵³³“Historiam fulsissimam istius obsidionis habemus ex archivis publicis civitatis Aurelian. antiquo idiomate gallico, cui consentiunt omnes annales antiqui” (*La Saussaye Ch. Annales ecclesiae Aurelianensis*. P., 1615. P. 587).

⁵³⁴Сочинение А. Дюбретона являлось обратным переводом на французский «Осады Орлеана» Л. Мико: *Lanery d'Arc P. Livre d'or*. № 870, 874.

⁵³⁵*Guyon S. Histoire de l'église et diocèse, ville et université d'Orléans*. Orléans, 1650. Подробнее об этом сочинении см. ниже: Глава 5. § 4.2.

⁵³⁶*Barrois E. Histoire du mémorable siège de la ville d'Orléans par les Anglois*. Orléans, 1739.

⁵³⁷Его имя читается на одном из листов «Мистерии»: *Mistere du siege d'Orleans*, f. 322.

⁵³⁸*Lemair F. Histoire et antiquitez de la ville et duché d'Orléans*. Orléans, 1645. Его имя также читается на одном из листов кодекса: *Mistere du siege d'Orleans*, f. 510.

⁵³⁹*Doncoeur P. Introduction*. P. 25, note 2.

⁵⁴⁰*Lanéry d'Arc P. Livre d'or*. № 873.

точники по истории Жанны д'Арк на прочих французских авторов и образованную публику XVI—XVIII вв. Одно, тем не менее, остается совершенно очевидным: эти тексты, вне всякого сомнения, заложили основу восприятия личности Девы жителями самого Орлеана. Их полная уверенность в святости собственной героини в свою очередь определила судьбу главного местного праздника, связанного с памятью о Жанне, — праздника 8 мая.

4.2. «Праздник города»... «праздник 8 мая»... «праздник Девы»

Как я уже упоминала выше, самое раннее описание праздника 8 мая содержалось в «Дневнике осады Орлеана». В записи от 7 мая 1429 г. здесь сообщалось, что местные жители, а также все королевское войско во главе с Жанной д'Арк сразу же после взятия крепости Турель вознесли «скромные благодарности» (*humbles graces*) Господу за эту победу. 9 мая того же года радость по случаю окончательного ухода англичан от стен Орлеана вылилась в торжественные процессии (*solempnelles processions*) со священниками во главе, прошедшие по улицам города и завершившиеся мессами в церквях⁵⁴¹. Из этого короткого пассажа невозможно понять, кому принадлежала сама идея подобного празднования, однако его религиозный характер не вызывает ни малейшего сомнения.

Несколько иначе описывал зарождающуюся традицию автор «Хроники 8 мая». Он также особо подчеркивал религиозную направленность праздника, отмечая, что в 1429 г. торжества включали в себя процессию со свечами, которая обходила весь город, делая остановки около главных церквей города (Нотр-Дам-де-Сен-Поль и собора св. Креста) и участвуя в молебнах; поминальную службу по погибшим и последующую раздачу хлеба и вина; вынос реликвий свв. Эверта и Эньяна и вознесение хвалы святым покровителям. Решение о празднике, по мнению анонимного автора, принималось прежде всего епископом Орлеанским и его окружением, которым всячески способствовал граф Дюнуа, действуя по распоряжению своего сводного брата, герцога Орлеанского⁵⁴². Вместе с тем в тексте хроники наблюдалась, как кажется, некоторая путаница, поскольку чуть ранее идея отпраздновать 8 мая приписывалась непосредственно Жанне д'Арк, якобы предложившей окружающим сразу после снятия осады «отправиться слушать

⁵⁴¹Journal du siège d'Orléans. P. 90—92.

⁵⁴²Chronique d'établissement de la fête du 8 mai, f. 76. Манускрипт, хранящийся ныне в РНБ, поврежден, в нем не хватает нескольких последних страниц. В манускрипте из Ватикана описание праздника 1429 г. дано более подробно: La délivrance d'Orléans et l'institution de la fête du 8 mai. P. 279—280.

мессу»⁵⁴³. Однако в самом конце «Хроники» также говорилось о процессиях, которые в ознаменование победы проходили в тот год и в других французских городах, поскольку взятие англичанами этого города означало бы гибель для всего королевства⁵⁴⁴. Принять подобное решение мог только Карл VII⁵⁴⁵.

Так или иначе, но религиозный характер данного праздника — этой «святой и набожной процессии» (*sainte et devote [procession]*), как называл его автор «Хроники 8 мая»⁵⁴⁶, — сохранялся на протяжении всего XV в. Об этом свидетельствуют городские расчетные книги, сообщающие о разнообразных тратах, на которые шли местные эшевены, готовясь к торжеству. Так, в 1435 г. они оплатили изготовление свечей (*cierges*), которые прокуроры должны были нести в ходе процессии; факел (*flambeau*) для мессы по погибшим, проводившейся в церкви св. Эньяна; вино и хлеб для раздачи прихожанам после мессы. Были также оплачены услуги певчих и звонарей в соборе св. Креста; носильщиков, на которых была возложена забота о реликвариях (*la chasse*) с мощами свв. Эверта и Мамера; проповедника (мэтра Робера Беньяра), произнесшего проповедь в ходе процессии (*le sermon a ladicte procession*); и, наконец, рабочих, установивших «эшафоты» (*eschaffaulx*) для показа мистерии⁵⁴⁷. Из тех же городских счетов мы узнаем, что в 1459 г. проповедь на праздник читал доминиканец Жан Мартен, в 1473 г. — августинец Лоран де Колонь, а в 1501 г. — Антуан Дюфур, автор уже известных нам «Жизнеописаний знаменитых женщин» и исповедник Людовика XII⁵⁴⁸.

Уже во второй половине XV в. в Орлеане существовала некая инструкция по проведению праздника 8 мая. Около 1459 г. муниципалитет заказал «две книги служб, которые каждый год проходят во время процессии, [посвященной] празднику города в честь снятия осады» (*la feste de la ville pour la reverence de la levacion du siege*) некоему «писателю» (*escripvain*) Жану де Сен-Пьеру⁵⁴⁹, а в городских счетах за 1483 г.

⁵⁴³«Et dist ladicte Pucelle que chascun allast ouyr messe» (Ibid., f. 75). Та же самая информация сообщалась в «Хронике Девы» и «Мистерии об осаде Орлеана»: *Chronique de la Pucelle*. P. 296; *Le Mistere du siege d'Orleans*. V. 13629—13636.

⁵⁴⁴«Car si Orleans fust cheu entre les mains desditz Anglois le demourant du royaume eust este fort blesse» (*Chronique d'établissement de la fête du 8 mai*, f. 76v).

⁵⁴⁵*Michaud-Fréjaville F. Images de Jeanne d'Arc : de l'orante à la sainte // Cahiers de Recherches Médiévales*. 2005. № 12. P. 251.

⁵⁴⁶*Chronique d'établissement de la fête du 8 mai*, f. 76v. На этих словах рукопись из РНБ обрывается.

⁵⁴⁷ADL. Série CC — Finances, impôts et comptabilité. CC 654 (1434—1436), f. 7—16. Похожие описания затрат на торжества присутствуют также, к примеру, в счетах за 1445 г. и 1483 г.: CC 658 (1444—1446), f. 9—55; CC 669 (1482—1484), f. 29—67.

⁵⁴⁸CC 666 (1458—1460), f. 8—46; CC 667 (1472—1474), f. 25—62; CC 673 (1500—1502), f. 15—34.

⁵⁴⁹CC 666 (1458—1460), f. 25.

упоминалось об оплате труда местного нотариуса Юниана Дали, который «скопировал и записал в Красную городскую книгу, где проходит служба в честь праздника города» (*la feste de la ville*)⁵⁵⁰. Иными словами, к этому времени местные власти воспринимали торжества 8 мая как часть своей повседневной жизни — как действие, обладающее некоторыми давними и устойчивыми традициями. В таком виде, если довериться отрывочным данным, сохранившимся в каталогах архива Орлеана⁵⁵¹, праздник просуществовал до середины XVI в.: в счетах за 1550—1553 гг. имелись указания на религиозную процессию, проводившуюся в честь 8 мая. В них же впервые, насколько можно судить, упоминалось о явной связи, присутствовавшей в понимании местных жителей между снятием осады 1428—1429 гг. и именем Жанны д'Арк⁵⁵². Впрочем, в то время данная связь еще никак не прослеживалась по названию праздника — напротив, оно оставалось на протяжении многих лет крайне неустойчивым.

Изначально торжества 8 мая в Орлеане обозначались весьма описательно. В счетах за 1435 г. они именовались «торжественной процессией [к крепости] Турель», в 1439 г. — «праздником [в честь] снятия [осады] Турели»⁵⁵³. Начиная примерно с 1441 г. все чаще в расчетных книгах стало встречаться название «праздник города»⁵⁵⁴: мы находим его в записях 1447, 1451, 1459, 1483 гг., а также XVI в.⁵⁵⁵ Однако, в то же самое время в городских счетах по-прежнему использовались иные, часто описательные, названия. Так, в 1449 г. торжества именовались «праздник 8 мая в память о снятии осады с Орлеана»⁵⁵⁶, в 1453 г. — «праздник

⁵⁵⁰CC 669 (1482—1484), f. 30.

⁵⁵¹Архив Орлеана сильно пострадал от пожара 1940 г. В частности, в огне погибли многие расчетные книги города за XVI—начало XVIII в. Их данные частично можно восстановить по каталогу 1907 г.: *Collection des inventaires sommaires des archives communales antérieures à 1790* / Publ. sous la dir. du Ministère de l'Instruction publique, des Beaux-arts et des Cultes. T. 1. Orléans, 1907. P. 152—183. Уцелевшие документы описаны в: *Archives communales d'Orléans antérieures à 1790*. 15 O Supplement AA 1 — II 17. Documents subsistants / Sous la dir. de H. Charnier. Orléans, 1989.

⁵⁵²В счетах упоминалось об оплате работы художника Луи Фромона, создавшего для праздника новое знамя из голубой тафты с «девизом» города и изображением Карла VII и Девы (*l'effigie du Roy et de la Pucelle*): *Collection des inventaires sommaires des archives communales*. P. 161.

⁵⁵³“La sollempnité de la procession des Tourelles faite le viii jour de may mil cccc xxxv” (CC 654 (1434—1436), f. 7); “La feste du levement des Tourelles” (CC 655 (1438—1440), f. 37v).

⁵⁵⁴“La feste de la ville” (CC 656 (1440—1442), f. 13v).

⁵⁵⁵CC 660 (1446—1448), f. 18, 19; CC 662 (1450—1452), f. 16; CC 666 (1458—1460), f. 8v; CC 669 (1482—1484), f. 30; *Collection des inventaires sommaires des archives communales*. P. 152—157 (1502—1570 гг.).

⁵⁵⁶“Fete du 8 mai pour memoire de la levee du siege d'Orleans” (CC 661 (1448—1450), f. 14v).

снятия осады с Орлеана 8 мая»⁵⁵⁷, а в 1457 г. — «процессией, которая проходит каждый год [в честь] освобождения и снятия осады, которую учинили англичане [под стенами] этого города»⁵⁵⁸. Возможно, как полагала Ф. Мишо-Фрежавиль, подобные уточнения были необходимы во второй половине XV в. потому, что для местных жителей данный праздник все еще оставался новинкой и властям требовалось время от времени напоминать, по какому именно случаю в городе намечаются торжества⁵⁵⁹. Данная гипотеза косвенно подтверждается тем фактом, что уже в первой половине XVI в. в городских счетах отсутствовали подобные уточнения: здесь использовались обозначения «праздник города» либо «праздник (процессия) 8 мая»⁵⁶⁰.

Сказать, как развивался праздник во второй половине XVI в., практически не представляется возможным. У нас отсутствуют как городские расчетные книги⁵⁶¹, так и какие бы то ни было иные местные документы за данный период. Тем не менее, исследователи полагают, что торжества 8 мая отменяли всего один раз — в 1562 г., когда Орлеан оказался захвачен войсками принца Конде в самом начале первой Религиозной войны⁵⁶². Во все остальные годы (*tous les ans*), вероятно, праздник проводился, на что указывал в 1583 г. Л. Триппо. Любопытно при этом отметить, что для автора-орлеанца главным в данном случае оказалось подчеркнуть связь между праздником 8 мая и именем Жанны д'Арк, в честь которой, с его точки зрения, он и проводился⁵⁶³. Как мне представляется, подобная трактовка событий могла быть следствием влияния на Триппо более ранних орлеанских текстов и прежде всего «Хроники 8 мая».

С этим же влиянием была, на мой взгляд, отчасти связана и интерпретация праздника в следующем по времени сочинении — «Истории церкви и диоцеза Орлеана», изданной в 1650 г. Написавший ее С. Гуйон, как и анонимные авторы «Хроники 8 мая», «Хроники Девы» и «Мистерии об осаде Орлеана», полагал, что день снятия осады с города изначально был связан с именем Жанны д'Арк, которой местные жители

⁵⁵⁷«Le jour de la feste de la levacion du siege de ladite ville d'Orleans que est le viiime jour de may» (CC 663 (1452—1454), f. 18).

⁵⁵⁸«La procession qui chascun an se fait pour la delivrance et levee du siege que les Anglois tenoient devant ceste dite ville» (CC 665 (1456—1458), f. 32v).

⁵⁵⁹Michaud-Fréjaville F. Les processions à Orléans au XVe siècle // Cahiers de Recherches Médiévales. 2005. № 12. P. 125—126.

⁵⁶⁰Collection des inventaires sommaires des archives communales. P. 152—157.

⁵⁶¹Исключение составляют лишь короткие пометки в каталоге архива Орлеана за 1552—1570 гг.: Ibid. P. 156—157.

⁵⁶²Michaud-Fréjaville F. A Orléans, six siècles de commémoration // Histoire du christianisme. 2008. № 43. P. 68—71.

⁵⁶³Trippault L. Op. cit. P. 7.

и были собственно обязаны своим освобождением⁵⁶⁴. Вот почему, рассуждал он далее, «процессия 8 мая» (*la Procession du huictiesme de Mai*), которая каждый год проходит в Орлеане, посвящена не только Господу, защитившему город от захватчиков, но и Деве, посланной Им для этой цели⁵⁶⁵. В его изложении, таким образом, праздник представлял сугубо религиозной церемонией с церковными службами, выносом реликвий святых, торжественным обходом городских стен с остановками и молебнами во всех значимых местах, а также — с ежегодными панегириками (*Oraison panegyrique*) в честь Жанны д'Арк⁵⁶⁶. Впрочем, в описании праздника 1650 г. присутствовали и некоторые отличия от более ранних документов: в частности, в нем упоминался военный парад, проходивший после религиозной процессии и возглавляемый специальным человеком, изображавшим саму Деву⁵⁶⁷.

По тексту С. Гуйона сложно судить, к какому именно времени относилось составленное им описание праздника 8 мая, были ли это впечатления очевидца, или автор основывался на более ранних сведениях, полученных из не сохранившихся до наших дней источников. Однако, можно с уверенностью утверждать, что в середине XVI в. торжества действительно уже связывались с именем Жанны д'Арк и — в какой-то степени — посвящались именно ей. Эта тенденция, как кажется, была связана не только с влиянием рассмотренных выше текстов, созданных в Орлеане во второй половине XV-середине XVI в., но и с католическим Возрождением во Франции, активное воздействие которого на трактовку личности и деяний Жанны д'Арк я уже отмечала⁵⁶⁸. Не случайно, на мой взгляд, именно в этот период в исторических сочинениях впервые появились упоминания о Религиозных войнах, ужасы которых (*les fureurs des guerres civiles*) не помешали, тем не менее, отмечать 8 мая — праздник, придуманный в память о «бессмертной славе» Девы и о той помощи, которую она оказала орлеанцам⁵⁶⁹. Не случайно и то, что в тот же период праздник получил известность за пределами Орлеана: в 1612 г. о торжествах в честь освободительницы города упоминал

⁵⁶⁴«Combien de témoignages de reconnoissance furent rendus à cette brave Pucelle liberatrice d'Orleans...Le reste de cette iournée se passa en devotions, signes d'alegresse, feux de ioye, et semblables exercices de remerciemens» (*Guyon S. Op. cit. P. 229*).

⁵⁶⁵«Le Clergé et le peuple d'Orleans ont aussi plus fait paroistre leur reconnoissance envers la Pucelle par cette devotion publique, qui se rapporte à Dieu nostre liberateur en la procession generale qui se fait et continuë tous les ans dans Orleans...en action de grace de la delivrance de la ville» (*Ibid. P. 260*).

⁵⁶⁶*Ibid. P. 261—263*.

⁵⁶⁷«Avec un ieune homme vestu à l'antique et representant la Pucelle d'Orleans» (*Ibid. P. 263*).

⁵⁶⁸Подробнее см.: Глава 4. § 6.

⁵⁶⁹*Dubreton A. Op. cit. P. 211—212*.

П. Массон⁵⁷⁰, а в 1646 г. Ф. Мезере писал о них как об одном из очевидных свидетельств признания заслуг Жанны перед французами⁵⁷¹.

К этому же времени относился и первый из дошедших до нас панегириков, которые, начиная с 1429 г., произносились в Орлеане в честь его освободительницы. Его автором стал отец Сено, глава местного ордена ораторианцев и один из самых известных проповедников второй половины XVII в.⁵⁷² В речи, прочитанной в соборе св. Креста в 1672 г., он прямо предлагал отказаться от героического дискурса в оценке личности Жанны д'Арк и от ее сравнения с античными героями⁵⁷³. По мнению Сено, внимание следовало уделить прежде всего «сакральному образу» (*une image sacrée*) Девы, с его точки зрения, значительно более соответствовавшему празднику 8 мая — «святому триумфу» (*saint triomphe*), которым каждый год орлеанцы чтили память своей освободительницы⁵⁷⁴.

Подробно анализируя деяния Жанны д'Арк с этой точки зрения, первой из важнейших составляющих данного образа панегирист полагал статус истинного пророка, посланницы самого Господа, который «укреплял и вдохновлял» девушку во всех ее начинаниях⁵⁷⁵. Ссылаясь на примеры Юдифи и Иаили⁵⁷⁶, главным обоснованием выбора слабой женщины на роль спасительницы страны он полагал именно библейскую историю, которую трактовал весьма оригинально. С его точки зрения, результатом изгнания из Рая Адама и Евы стало то, что соблазвивший их Змей был навечно приговорен терпеть поражение от представительниц слабого пола⁵⁷⁷. «Демон всегда чувствует в слабой руке женщины сильную руку Бога, наказывающего его», — писал Сено и иллюстрировал свою мысль историей Жанны д'Арк, которую Господь послал победить «мужчин, одержимых дьяволом»⁵⁷⁸. Вполне обычное для XVII в. уподобление англичан-протестантов приспешникам Нечистого получало у нашего автора новое прочтение, поскольку он искренне полагал, что Дева победила своих противников не только силой оружия, но и силой своей веры, заставив их видеть в ней божество (*le Dieu de ces deux*

⁵⁷⁰Masson P. Op. cit., б.п.

⁵⁷¹Mezeray F.E. de. Op. cit. P. 615.

⁵⁷²Именно отец Сено произносил надгробные речи на похоронах Марии Медичи в 1642 г. и Людовика XIII в 1643 г.: [Senault J.F.]. Op. cit. P. IX—XI.

⁵⁷³Ibid. P. 2.

⁵⁷⁴Ibid.

⁵⁷⁵«Sçachés que c'est Dieu qui l'a conduite, qui a fortifié son bras et animé son courage» (Ibid. P. 3).

⁵⁷⁶Ibid. P. 8.

⁵⁷⁷«Le serpent, ou plutost le démon, fut condamné à estre à jamais persécuté par le sexe qu'il avoit séduit» (Ibid. P. 8—9).

⁵⁷⁸«Il aperçoit dans la foiblesse du bras d'une femme la pesanteur de la main de Dieu qui le punit» (Ibid. P. 9).

nations), поверить, что лишь один Господь является «сувереном» любого королевства (*le grand maistre des monarchies*)⁵⁷⁹. Из своеобразно понятой и интерпретированной темы колдовства выросло и уподобление Жанны д'Арк святому Михаилу (*un saint Michel incarné*), еще одному победителю сил ада⁵⁸⁰. Называя обоих своих героев «ангелами-защитниками Франции» (*anges tutélaires de la France*), Сено отмечал, что именно им королевство обязано «восстановлением католической религии»⁵⁸¹.

Однако основное внимание автор уделил проблеме святости Жанны, которая, с его точки зрения, особенно ярко проявилась во время обвинительного процесса 1431 г. и последующей казни. Уже в тюрьме, писал с восторгом Сено, девушка приводила англичан в замешательство «сиянием святости» (*l'esclat de sa sainteté*)⁵⁸². Ее смерть он прямо уподоблял Страстям Христовым и отмечал, что проклятия, которые в тот момент посылали ее палачам зрители, вполне можно рассматривать как «акт канонизации» (*acte de sa canonisation*)⁵⁸³. Еще более верным доказательством он полагал чудо (*miracle*) не тронутого огнем сердца Девы⁵⁸⁴. Наконец, главным свидетельством того, что Жанна уже давно признана во Франции святой, автор считал включение ее имени в «Галликанский мартиролог» А. де Соссейя 1636 г.⁵⁸⁵ Если Церковь допустила подобную запись, подводил итог своим рассуждениям отец Сено, если она уверена в мученическом характере смерти французской героини, если она реабилитировала и прославляет ее, следует незамедлительно официально признать ее святой⁵⁸⁶.

Несмотря на столь ясно выраженный призыв к канонизации Жанны д'Арк, впервые исходивший к тому же от представителя церкви, нам практически ничего не известно о том, как развивалось почитание Девы в Орлеане в конце XVII-первой половине XVIII в. Нет сомнений в том, что праздник 8 мая продолжал отмечаться в это время, на что указывают, в частности, его упоминания в городских счетах⁵⁸⁷. От 1718 г. сохранилась также небольшая брошюра, носившая название

⁵⁷⁹Ibid. P. 12.

⁵⁸⁰Ibid. P. 13.

⁵⁸¹Ibid. P. 14.

⁵⁸²Ibid. P. 22.¹

⁵⁸³Ibid.

⁵⁸⁴Ibid. P. 23.

⁵⁸⁵См. о нем выше: Глава 4. § 6.

⁵⁸⁶“L'Eglise, qui permet que son nom soit escrit dans les martirologes et qui veut bien que l'on appelle sa mort un véritable martyr... l'Eglise, qui par son oracle a justifié la mémoire de Jeanne d'Arc...qui honore ainsi l'admirable Pucelle d'Orléans, entend que nous la réclamions comme une sainte” ([Senault J.F.]. Op. cit. P. 23).

⁵⁸⁷См. записи о счетах за 1660, 1715—1716 и 1722 гг.: Collection des inventaires sommaires des archives communales. P. 183.

«Порядок [прохождения] общей процессии, которая устраивается каждый год 8 мая», свидетельствующая, что в начале XVIII в. торжества по-прежнему носили религиозный характер: день начинался с совместной молитвы и мессы в соборе св. Креста, затем процессия покидала церковь и обходила весь город, распевая гимны (их тексты с нотами приводились к изданию)⁵⁸⁸.

Чуть большими сведениями мы располагаем о праздниках второй половины XVIII в.⁵⁸⁹ В это время, насколько можно судить, торжества оставались религиозными: они начинались с молебна в соборе св. Креста и представляли собой все ту же церковную процессию, проходившую вокруг стен города и по его центральным улицам⁵⁹⁰. С 1760 по 1778 г. в ней принимали участие прямые потомки одного из братьев французской героини⁵⁹¹, а около 1770 г. она получила новое название — «праздник Девы» или «праздник Жанны д'Арк»⁵⁹². Еще одно любопытное изменение произошло в 1786 г., когда герцог Орлеанский совместно с магистратами ввел обычай выбирать и выдавать замуж 8 мая одну из местных девушек⁵⁹³. Термин, которым обозначалась в документах эта счастливица, — *rosière* — указывал на то, что девушка должна была быть не просто девственницей, но образцом добродетели⁵⁹⁴. По мнению Ф. Мишо-Фрежавиль, данная церемония являлась ничем иным, как реакцией местных жителей на появление «Орлеанской девственницы» Вольтера⁵⁹⁵.

Подобная гипотеза, на мой взгляд, представляется вполне оправданной, если учесть общую направленность панегириков, которые произ-

⁵⁸⁸Ordre de la procession generale qui se fait tous les ans, le huitième de May. Orléans, 1718.

⁵⁸⁹К источникам по этому периоду прежде всего относятся записи Сильвена Руссо, орлеанского торговца зерном, за 1770—1805 гг. Его «Дневник», хранящийся ныне в Археологическом и историческом обществе Орлеана, никогда полностью не издавался. Отрывки, посвященные празднику 8 мая, были опубликованы Ф. Мишо-Фрежавиль: *Les fêtes du 8 mai dans le journal de Sylvain Rousseau, 1770—1805* / Ed. par F. Michaud-Fréjaville // BA. 1990. № 14. P. 35—37.

⁵⁹⁰Наиболее подробное описание было дано в брошюре 1790 г.: *Fête de Jeanne d'Arc. Procession générale qui se fait en mémoire de la délivrance de la ville d'Orléans le 8 Mai 1428. Orléans, 1852 (1790)* // CJA. 9.41 — Dossiers annuels des fêtes du 8 mai. 9.41 (1790—1812). Dos. 1. В 1776 и 1779 гг. Сильвен Руссо специально отмечал в своем «Дневнике», что весь праздник проходил внутри собора по причине плохой погоды: *Les fêtes du 8 mai dans le journal de Sylvain Rousseau*. P. 35.

⁵⁹¹*Vergnaud-Romagnési Ch.-F. Fête de Jeanne d'Arc, à Orléans, les 6, 7, 8, 9 et 10 mai. Orléans, 1855*. P. 10.

⁵⁹²“*Jour de la feste de la ville, autrement dit la pucelle*” (*Les fêtes du 8 mai dans le journal de Sylvain Rousseau*. P. 35).

⁵⁹³*Ibid.*

⁵⁹⁴*Vergnaud-Romagnési Ch.-F. Fête de Jeanne d'Arc*. P. 16.

⁵⁹⁵*Michaud-Fréjaville F. A Orléans, six siècles de commémoration*. P. 70.

носились в этот период в честь Жанны д'Арк в Орлеане⁵⁹⁶. В целом, их содержание можно было бы назвать весьма однообразным⁵⁹⁷, если не одна особенность: все без исключения ораторы считали своим долгом специально остановиться на теме «преступлений», совершенных Вольтером и всеми «философами» эпохи Просвещения против французской героини. Уже издание двух панегириков Клода де Мароля, вышедшее до официальной публикации «Орлеанской девственницы», начиналось с «Письма автора господину академику», в котором легко угадывался великий мыслитель. Мароль призывал его иметь к Жанне д'Арк «хотя бы частичку» того уважения, с которым он всегда отзывался о Нинон Ланкло⁵⁹⁸. Он не требовал, чтобы его оппонент безоговорочно поверил в «сверхъестественный» характер миссии девушки, но сомневался, что сильное религиозное чувство и нравственные принципы можно считать непростительным преступлением (*un crime irrémissible*)⁵⁹⁹. Такое отношение Мароль именовал «неверием и [склонностью] к распутству»⁶⁰⁰. Основными же причинами предвзятости Вольтера в отношении Девы панегирист считал незнание истории и англофильские настроения (*des principes d'Albionisme et d'Anglomanie*)⁶⁰¹.

Ту же идею развивал в 1779 г. и аббат де Гери. Он писал о настоящей моде на все английское, появившейся в последнее время во Фран-

⁵⁹⁶Самый первый из дошедших до нас панегириков, как уже было сказано, датируется 1672 г., еще восемь относятся ко второй половине XVIII в. Наиболее полно представлены панегирики XIX в.: за период до 1879 г., когда первый этап канонизационного процесса Жанны д'Арк был прерван Ватиканом, сохранилось 35 текстов, некоторые из которых произносились по два раза. В 1831—1840 гг. и 1854 г. панегирики не произносились. Большинство этих документов публиковались в Орлеане, причем крайне малым тиражом, что объясняет их практически полное отсутствие в библиотеках Франции. Той же причиной, возможно, объясняется и невнимание к данному типу источников со стороны историков: настоящее исследование является первым, для которого данные тексты были использованы в комплексе. Их краткое описание см. в: *Lanéry d'Arc P. Livre d'or. № 1017*.

⁵⁹⁷Каждый из авторов кратко останавливался на событиях Столетней войны, приведших к осаде Орлеана осенью 1428 г., на биографии самой Жанны и истории ее военных побед. Следом шел обязательный рассказ о пленении и трагической гибели героини. Данная схема сохранялась (с небольшими вариациями) и в более поздних панегириках.

⁵⁹⁸*Marolles Ch. de. Discours sur la Pucelle d'Orléans et sur la délivrance d'Orléans, prononcés dans l'Eglise Cathédrale de la même Ville, les 8 Mai 1759 et 1760. Orléans-P., 1760. P. IV. Прославленная французская куртизанка Нинон Ланкло (1615/1623—1705) в своем завещании оставила отцу Вольтера, служившему у нее, две тысячи франков на покупку книг для его сына.*

⁵⁹⁹*Ibid.*

⁶⁰⁰«*Satires infâmes qu'ont enfantées depuis peu contre elle l'irrégion et le libertinage*» (*Ibid.* P. 2).

⁶⁰¹*Ibid.* P. 39—40, 70.

ции и проявляющейся в обычаях и манерах, принятых в обществе, в обустройстве домов и садов и даже в художественной литературе, утратившей свою национальную легкость и ставшую чрезмерно меланхоличной. Впрочем, полагал оратор, все это можно было бы понять и простить, если бы не то влияние, которое эта мода оказала, при помощи некоторых «безрассудных» писателей, на религию и нравственность⁶⁰². В «век философов», пояснял он далее, писать о пророчествах и чудесах Божественного Провидения возможно только, если вы не боитесь «цензуры и презрения» этих «легкомысленных и поверхностных» людей, которые видят в событиях прошлого лишь естественные причины или руку судьбы⁶⁰³.

Того же мнения придерживался и аббат Луазо, выступавший против трактовки истории как игры человеческих страстей (*le jeu des passions humaines*)⁶⁰⁴, и каноник Кола, отказывавшийся видеть в снятии осады с Орлеана политическую интригу (*un stratagème politique*) королевских военачальников⁶⁰⁵. В основе подобной трактовки событий, отмечал он, лежит лишь «дерзкое неверие» (*une audacieuse incrédulité*)⁶⁰⁶, тогда как истинные почитатели подвига Девы опираются на свидетельства очевидцев⁶⁰⁷. Однако самым главным доказательством присутствия Божественного Провидения в истории, полагал панегирист, следует считать сам праздник 8 мая, своим существованием доказывающий, что как современники Жанны д'Арк, так и их потомки никогда не сомневались в чудесном характере ее военных свершений⁶⁰⁸. Данный праздник, писал Матье Коссон, — это тот щит (*bouclier*), который оберегает память Девы от насмешек, неверия, сарказма и шуток одного «слишком известного писателя», который имел бы право на признание потомков, если бы его перо, ведомое любовью к истине и

⁶⁰² Géry A.-G. *de. Eloge de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle d'Orléans*. P., 1779. P. 23.

⁶⁰³ «Publier, dans ce siècle philosophe, des prodiges et des merveilles de la Providence divine, c'est, sans doute, ... s'exposer à la censure, et peut-être au mépris de ces hommes frivoles et superficiels, qui ne voient dans les événements les plus extraordinaires que l'effet naturel des causes secondes, ou celui d'une inévitable fatalité» (Ibid. P. 24).

⁶⁰⁴ Loiseau. *Discours sur la révolution opérée dans la monarchie française par la Pucelle d'Orléans*. Orléans, 1764. P. 4, 45.

⁶⁰⁵ Colas J.-F. *Discours sur la délivrance d'Orléans du siège des Anglois en 1429 par Jeanne d'Arc, dite la Pucelle d'Orléans*. Orléans, 1883 (1766). P. 22.

⁶⁰⁶ Ibid. P. 23. Та же идея развивалась у Матье Коссона: *Cosson M. Panégyriques de Jeanne d'Arc prononcés dans la cathédrale d'Orléans le 8 mai 1771 et le 8 mai 1788*. Orléans, 1923. P. 22.

⁶⁰⁷ Colas J.-F. *Op. cit.* P. 23. Та же мысль присутствовала у аббата Луазо: *Loiseau. Op. cit.* P. 46.

⁶⁰⁸ «Témoignage confirmé et renouvelé chaque année, sans interruption, par le solemnité de ce jour, appuyé des suffrages les plus authentiques et les plus respectables» (Colas J.-F. *Op. cit.* P. 23).

заботой об общественном благе, не изменило ему с кощунством и фанатизмом⁶⁰⁹.

И все же, несмотря на отмечаемую авторами панегириков давность самой традиции праздников 8 мая, их плавное течение было прервано революционными событиями. Торжества в Орлеане еще имели место в 1791 и 1792 гг., однако носили они уже светский характер⁶¹⁰, а в сохранившихся документах имя Жанны д'Арк, связанное отныне исключительно с укреплением королевской власти во Франции, не упоминалось вовсе⁶¹¹. В 1793 г., в связи с запретом на проведение каких бы то ни было процессий, праздник был отменен, а его возрождению в 1803 г. способствовало лишь личное вмешательство Наполеона⁶¹².

Идея первого консула превратить «праздник Девы» в национальное торжество, лишив его тем самым локального характера, было воспринято городскими властями весьма своеобразно. Безусловно, они полностью поддерживали стремления главы государства: в письме от 5 флореаля 11 года (24.04.1803) префект департамента Луары предлагал мэру Орлеана переписать вводную часть своего будущего выступления на празднике, сделав упор на его особом значении для всей нации, каковым обладало и само снятие английской осады⁶¹³. Однако их главной целью, как представляется, было удержать организацию торжеств в собственных руках и не допустить возвращения в их проведение былой религиозной составляющей. Борьба между светскими и церковными властями Орлеана за право организовывать «праздник Девы», стала, таким образом, главной темой всех посвященных ему документов, начиная с 1803 г. и заканчивая серединой XIX в.

Следует при этом отметить, что главным инициатором восстановления праздника 8 мая в 1803 г. выступал Этьен-Александр Бернье, епископ Орлеанский (1762—1806), назначенный на должность самим Наполеоном. Участник восстания шуанов 1794—1800 гг., и после него не

⁶⁰⁹“Pouviez vous mieux vanger notre héroïne des sarcasmes, des fades plaisanteries, des indecences d'un trop fameux écrivain qui auroit eu des droits à l'estime et au souvenir de son siècle si sa plume guidée par la vérité et l'amour du bien public ne se fut pas souvent prostituée à l'impiété, au fanatisme” (Cosson M. Op. cit. P. 31—32). См. также: Soret J.-B.-P. Eloge de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle d'Orléans. Orléans, 1889 (1781). P. 30—31.

⁶¹⁰Например, в описании порядка празднования 8 мая 1792 г. он был назван *Fête Civique qui se célèbre annuellement le 8 May, en commémoration de la délivrance d'Orléans*: CJA. 9.41 (1790—1812). Dos. 2.

⁶¹¹Lottin D. Recherches historiques sur la ville d'Orléans du 1er janvier 1789 au 10 mai 1800. 2me partie. T. 1. Orléans, 1838. P. 139, 276, 315.

⁶¹²См. выше: Глава 5. § 2.1.

⁶¹³“Le chef du Gouvernement veut que cette fête deviens nationale ...Les résultat de la levée du siège qui eu fait une époque glorieuse dans l'histoire de la nation” (Lettre du Préfet du Departement du Loiret au Maire d'Orléans, 5 floréal an 11 de la République // CJA. 9.41 (1790—1812). Dos. 3, подчеркнуто в оригинале — O.T.).

отказавшийся от своих роялистских убеждений, Бернье, тем не менее, оказался человеком, близким первому консулу прежде всего по своим религиозным убеждениям, выступая за политику умиротворения во французском обществе⁶¹⁴. Именно с этих позиций епископ Орлеанский оценивал фигуру Жанны д'Арк и ее роль в истории страны: для него Дева являлась в первую очередь символом национальной (как политической, так и религиозной) стабильности⁶¹⁵.

Получив поддержку от Наполеона и министра культов Порталиса⁶¹⁶, Бернье лично занялся подготовкой к празднованию дня 8 мая в Орлеане. Согласно его «Пастырскому посланию», опубликованному 28 апреля 1803 г., торжества должны были прежде всего помочь местным жителям забыть ужасы Революции и отдать должное первому консулу Франции, «восстановившему [почитание] религии» (*la Religion, rétablie par ses soins*)⁶¹⁷. Кратко коснувшись основных вех Столетней войны⁶¹⁸, епископ Орлеанский заявлял, что «религиозный праздник, учрежденный в этом городе в память о его освобождении Жанной д'Арк» отныне вновь будет отмечаться⁶¹⁹, и подробным образом описывал программу торжеств, разработанную префектом «в согласии» с самим Бернье.

Со своей стороны городские власти делали все возможное, чтобы превратить 8 мая 1803 г. в светский праздник, который они именовали в переписке «публичной», «гражданской» и даже «муниципальной» церемонией⁶²⁰. По их настоянию в программу был включен военный парад⁶²¹, а мэр Орлеана должен был лично позаботиться об организации

⁶¹⁴Подробнее о нем см.: *Leflon J. Etienne-Alexandre Bernier, évêque d'Orléans, et l'application du Concordat. P., 1938.*

⁶¹⁵*Boudon J.-O. La figure de Jeanne d'Arc chez les catholiques français du XIXe siècle // Images de Jeanne d'Arc. P. 45—46.*

⁶¹⁶В письме Бернье Порталис отмечал, насколько близкой Наполеону показалась идея восстановления «религиозных церемоний (*cérémonies religieuses*), некогда проводившихся в память об освобождении Орлеана Девой». Он расценивал этот проект как одно из проявлений предложенного в свое время епископом «содействия» религии «всему, что может оказаться достойным французской нации»: «A faire concourir la Religion à tout ce qui peut être honorable pour la Nation Française» (*Lettre du Citoyen Portalis, conseiller d'Etat, à Monsieur l'Evêque d'Orléans, le 6 ventose an onze de la République // CJA. 9.41 (1790—1812). Dos. 3.*

⁶¹⁷*Mandement de Monsieur l'Evêque d'Orléans, qui ordonne le rétablissement de la Fête de la délivrance de cette ville par Jeanne d'Arc, connue sous le nom de Pucelle d'Orléans // Ibid. Dos. 3. P. 2.*

⁶¹⁸*Ibid. P. 3—5.*

⁶¹⁹«La Fête religieuse établie dans cette ville en mémoire de sa délivrance par Jeanne d'Arc, connue sous le nom de Pucelle d'Orléans, continuera d'être célébrée» (*Ibid. P. 6, разрядка моя — О.Т.*).

⁶²⁰«Cérémonies publiques», «cérémonie civile», «la fête du corps municipal»: *CJA. 9.41 (1790—1812). Dos. 3.*

⁶²¹Les fêtes du 8 mai dans le journal de Sylvain Rousseau. P. 36.

открытия памятника «Жанна д'Арк в сражении» работы парижского скульптора Эдме Гуа-младшего⁶²².

Тем не менее, как и задумывал епископ Бернье, праздник 1803 г. получился, скорее, религиозным по своему содержанию. Именно так описывал его Сильвен Руссо, отмечавший, что никогда раньше он не присутствовал на столь выдающейся церемонии⁶²³. Торжества начинались в 7 часов утра «большой мессой» (*la grande Messe*) в соборе св. Креста, продолжались процессией, в которой принимал участие «весь клир города и окрестных приходов» (*tout le clergé de la ville et des paroisses des environs de la ville*), и заканчивались поздно вечером иллюминацией и фейерверками. Оратора, произносившего панегирик в честь Жанны д'Арк, в этот год назначил сам епископ, и префект признал за ним данное право⁶²⁴.

Точно так же, насколько можно судить по «Дневнику» Сильвена Руссо, проходил праздник и в 1804 г.⁶²⁵ Автор особо подчеркивал, что торжества проводились «в честь Орлеанской Девы» (*en l'honneur de la pucelle dorleans*)⁶²⁶, ее именем они назывались как в официальных документах (например, в опубликованной заранее программе⁶²⁷), так и в переписке местных чиновников⁶²⁸. Подобное положение дел, когда светские и церковные власти делили между собой заботы об организации дня 8 мая, сохранялось вплоть до 1813 г.: программу торжеств мэры и епископ Орлеана разрабатывали совместно, муниципалитет отвечал за техническую сторону процесса, а епископ — за назначение очередного панегириста⁶²⁹.

⁶²²Lettre du Préfet du Département du Loiret au Maire d'Orléans, 16 floréal an 11 de la République // CJA. 9.41 (1790—1812). Dos. 3. Подробнее о памятнике Э. Гуа см.: Heimann N. Op. cit. P. 73—98.

⁶²³«Cela a fait une belle procession... et jamais il n'en na paru une de même dans Orleans» (Les fêtes du 8 mai dans le journal de Sylvain Rousseau. P. 36).

⁶²⁴Lettre du Préfet du Département du Loiret au Maire d'Orléans, 14 ventose an 11 de la République // CJA. 9.41 (1790—1812). Dos. 3.

⁶²⁵«Jour de la fête de la pucelle, il s'est fait une belle procession de l'église Ste Croix a St Marceau, tout le clergé des églises... ainsi que tout le clergé de la ville y ont assisté» (Les fêtes du 8 mai dans le journal de Sylvain Rousseau. P. 36).

⁶²⁶Ibid.

⁶²⁷Название программы не менялось с 1803 по 1812 г.: Programme pour la célébration de la fête de la Pucelle d'Orléans // CJA. 9.41 (1790—1812). Dos. 3—12.

⁶²⁸См., например: Lettre du Préfet du Département du Loiret au Maire d'Orléans, 3 floréal an 12 de la République // CJA. 9.41 (1790—1812). Dos. 4; Procès-verbal et Procession, 18 floréal an 13 // CJA. 9.41 (1790—1812). Dos. 5; Liste des personnes invitées au banquet de la fête de la Pucelle le 8 mai 1809 // CJA. 9.41 (1790—1812). Dos. 9.

⁶²⁹Это отмечалось в «Программах» празднования, которые публиковались в Орлеане каждый год и включали обязательное указание на совместную подготовку праздника: «La célébration de cette Fête religieuse et civile doit être concertée entre les Autorités des divers ordres» (Programme pour la célébration de la fête de la Pucelle d'Orléans // CJA. 9.41 (1790—1812). Dos. 4, разрядка моя — О.Т.).

К сожалению, от начала XIX в. до нас дошло всего два текста панегириков в честь Жанны д'Арк — 1805 и 1809 гг.⁶³⁰ Выступившие с ними аббаты Пато и Нутэн полагали, что праздник 8 мая учрежден в память о Деве⁶³¹, «мученице за Родину» (*martyre de la Patrie*) и «героине Орлеана» (*l'héroïne d'Orléans*)⁶³². Отмечая, что уже современники поклонялись ей как святой⁶³³, авторы утверждали, что именно по этой причине торжества в городе также носят религиозный — «святой» — характер⁶³⁴.

Ситуация, однако, резко изменилась в 1814 г., когда епископская кафедра оказалась вакантной⁶³⁵. Этим обстоятельством не замедлила воспользоваться мэрия Орлеана, мгновенно взявшая в свои руки все вопросы, связанные с празднованием «дня Девы», в том числе и приглашение ораторов. В 1815 г. был изменен порядок прохождения традиционной процессии по улицам города: отныне местом сбора всех участников объявлялся не собор св. Креста, а здание ратуши⁶³⁶. В том же году была составлена «Записка о празднике Девы», в которой утверждался исключительно светский характер всей церемонии (*une fête purement municipale*)⁶³⁷. Неизвестный автор с прискорбием сообщал своим читателям, что документы, относившиеся к основанию праздника, полностью сгорели в период Революции, и заявлял, что отныне крайне сложно найти подтверждения тому, что его проведение всегда было прерогативой именно городских властей (*les prérogatives accordées au Corps de la ville*)⁶³⁸. Идя на прямой обман, он утверждал, что именно они во все времена назначали панегиристов⁶³⁹, а роль епископа Орле-

⁶³⁰Pataud J.-J.-F. Eloge de Jeanne d'Arc prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1805. Orléans, 1869; Nutein. Eloge de Jeanne d'Arc prononcé dans l'église Saint-Pierre-Ensentelée, le 8 Mai 1809 pendant la station de la Procession solennelle. Orléans, 1889. С этими же панегириками, не изменив в них ни единого слова, Пато и Нутэн выступили затем в 1811 и 1814 гг. соответственно.

⁶³¹“L'illustre héroïne à laquelle Orléans a depuis longtemps consacré tous les souvenirs de la reconnaissance” (Pataud J.-J.-F. Eloge de Jeanne d'Arc. P. 8); “Ce discours, consacré à honorer sa mémoire, et à acquitter la reconnaissance publique envers notre Libératrice” (Nutein. Eloge de Jeanne d'Arc. P. 5).

⁶³²Pataud J.-J.-F. Eloge de Jeanne d'Arc. P. 16, 18; Nutein. Eloge de Jeanne d'Arc. P. 5, 14.

⁶³³Pataud J.-J.-F. Eloge de Jeanne d'Arc. P. 26.

⁶³⁴“Le jour de cette victoire a été mis au rang des saints jours, et il est honoré comme une fête religieuse et patriotique” (Nutein. Eloge de Jeanne d'Arc. P. 12).

⁶³⁵Монсеньор Жак Район, бывший епископом Орлеана с 1810 г., умер в 1814 г. Его наследник, монсеньор Пьер-Марен Руф де Варикур, занял кафедру только в 1817 г.

⁶³⁶В черновике приглашений, который рассылал в этом году мэр Орлеана, говорилось: “La Réunion générale des corps avant d'aller à l'Eglise pour la procession de la Pucelle aura lieu à l'Hôtel de la Mairie” (CJA. 9.41 (1813—1824). Dos. 3).

⁶³⁷Notice sur la fête de la Pucelle d'Orléans // CJA. 9.41 (1813—1824). Dos. 4. P. 2.

⁶³⁸Ibid. P. 1.

⁶³⁹“Un discours qu'un orateur choisi et nommé par le corps de la ville prononçait dans l'église cathédrale” (Ibid., подчеркнуто в тексте — О.Т.).

ана в возрождении праздника в 1803—1804 гг. вообще следует считать выдумкой, поскольку в послании министра культов Порталиса 1803 г. говорилось о восстановлении праздника как светского мероприятия (*comme fête vraiment civique*)⁶⁴⁰.

Насколько можно судить, именно этот документ стал в период Реставрации (вплоть до 1830 г.) основой для организации празднеств в Орлеане. Порядок их проведения был сильно изменен: так, части военного гарнизона города (во главе которых по-прежнему шествовал человек, изображавший Жанну д'Арк) отныне проходили первыми в процессии. Только после этого парада наступала очередь для панегирика, оратора для которого назначал теперь лично мэр. Он же приглашал на праздник всех гостей, будь то гражданские, военные или представители церкви⁶⁴¹.

Изменения коснулись и содержания панегириков в честь Жанны д'Арк, которые произносились в эти годы в Орлеане. И если у Жозефа Берне в 1817 г. главная героиня по-прежнему представляла святой⁶⁴², сравнимой в ее мученичестве с самим Иисусом Христом⁶⁴³, а светский элемент сводился к похвалам в адрес муниципалитета⁶⁴⁴, то начиная с 1818 г. агиографический дискурс, до того времени присущий всем без исключения панегирикам, начал постепенно заменяться на героический. В речи аббата Менара, произнесенной в этом году, не было уже ни единого намека на святость Жанны д'Арк или на ее близость Спасителю, и даже сам день 8 мая не назывался «праздником Девы», зато — как и у Берне — заключение было посвящено магистратам города и их роли в поддержании традиций⁶⁴⁵. Обращение к этой теме стало неотъемлемой частью всех орлеанских панегириков 1817—1830 гг.: комплименты в адрес светских властей содержались в текстах Дени Фресину 1819 г., Жан-Франсуа-Гиацинта Фётрие 1821 и 1823 гг., аббата Лонгена 1825 г., Шарль-Жана Жиро 1826 г. и Франсуа-Жозефа Ле Куртье 1830 г.⁶⁴⁶ Единственными исключениями из нового правила стали речи

⁶⁴⁰Ibid. P. 3.

⁶⁴¹Данная разница хорошо прослеживается по «Программам» праздника за 1816—1830 гг.: CJA. 9.41 (1813—1824). Dos. 4—12; CJA. 9.41 (1825—1836). Dos. 1—6.

⁶⁴²“Pour reconnaître ceux qui sont inspirés de Dieu...pour distinguer les faux prophètes d'avec les véritables...quelles sont ces marques infaillibles? La pureté des moeurs et la sainteté constante de la vie” (*Bernet J. Panégyrique de Jeanne d'Arc prononcé le 8 Mai 1817, dans l'Eglise cathédrale d'Orléans. Orléans, 1817. P. 15*).

⁶⁴³Берне использовал в данном случае давнюю традицию уподобления судей Жанны Каиафе: “L'Evêque de Beauvais...trop fidèle imitateur de ce Caïphe acharné contre le Juste par excellence, retraça alors la même partialité, la même perfidie, la même scélératesse” (*Ibid. P. 31*).

⁶⁴⁴Ibid. P. 42—43.

⁶⁴⁵[*Ménard*]. Panégyrique de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle d'Orléans. Orléans, 1818. P. 43.

⁶⁴⁶*Frayssinous D. Eloge de Jeanne d'Arc prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1819. Orléans, 1869. P. 24; Feutrier J.-F.-H. Eloge historique et religieux de Jeanne d'Arc,*

Гаспара Дегерри 1828 г. и Э. Мориссе 1829 г., однако и эти авторы придерживались прежде всего героического дискурса, именуя свою героиню «одним из выдающихся героев, каким только может похвастаться Франция», «одним из видных капитанов» и даже «рыцарем»⁶⁴⁷.

Впрочем, подобным образом описывали Жанну д'Арк в это время практически все панегиристы. Так, Ж.-Ф.-Г. Фётрие использовал определение «героическая Дева» (*Vierge héroïque*), а Ж.-Ф. Ле Куртье — «бесстрашная амазонка» (*intrépide Amazone*)⁶⁴⁸. Жиро называл девушку «честной и храброй героиней» (*héroïne sincère et vaillante*) и писал, что Церковь чтит ее за «мудрость и мужество» (*sa sagesse et ses vertus*)⁶⁴⁹. Тема возможной святости сменилась в этих текстах рассуждениями о «политических и моральных истинах» (*les Vérités politiques et morales*), которые проповедовала Жанна, о ее любви к родине (оказывавшейся значительно важнее ее веры), которая и привела ее в результате к «героической гибели» (*une mort héroïque*)⁶⁵⁰. Намеком на религиозное прочтение истории Девы в панегириках 1817—1830 гг. могла бы, возможно, считаться любопытная трактовка темы ангела, которым она якобы являлась, однако, выражения «словно ангел», «как архангел», «как ангел мира» указывали, скорее, на переносное значение, в котором они использовались⁶⁵¹. Единственной, пожалуй, темой, на которую панегиристы позволяли себе рассуждать более или менее свободно, была библейская история — примеры вмешательства Господа в судьба народа Израиля должны были подсказать внимательным слушателям и читателям, насколько близкой к ним оказывался случай Жанны д'Арк: с этих пересказов начинался практически каждый из рассматриваемых текстов⁶⁵².

pour l'Anniversaire de la Délivrance d'Orléans, le 8 Mai 1429, prononcé dans la Cathédrale de cette Ville, le 8 Mai 1821 et le 9 Mai 1823. Orléans, s.d., б.п.; Longin. Eloge de Jeanne d'Arc, pour l'Anniversaire de la Délivrance d'Orléans, le 8 Mai 1429, prononcé dans la Cathédrale de cette ville, le 8 Mai 1825. P., 1825. P. 40—43; Girod Ch.-J. Eloge de Jeanne d'Arc, pour l'Anniversaire de la Délivrance d'Orléans, le 8 Mai 1429, prononcé dans la Cathédrale de cette Ville, le 8 Mai 1826. Orléans, 1826. P. 9—10; Le Courtier F.-J. Eloge de Jeanne d'Arc, à l'occasion de la délivrance de la ville d'Orléans, le 8 Mai 1429, prêché dans la Cathédrale de cette Ville, le 8 Mai 1830. Orléans, 1830. P. 44.

⁶⁴⁷Deguerry G. Eloge de Jeanne d'Arc, prononcé dans l'église cathédrale d'Orléans les 8 mai 1856 et 8 mai 1828. P., 1856. P. 106; Morisset E. Eloge de Jeanne d'Arc, prononcé dans l'église cathédrale d'Orléans le 8 mai 1829. Orléans, 1829. P. 8, 13.

⁶⁴⁸Feutrier J.-F.-H. Op. cit. P. 30; Le Courtier F.-J. Op. cit. P. 31.

⁶⁴⁹Girod Ch.-J. Op. cit. P. 28, 32.

⁶⁵⁰Longin. Op. cit. P. 5; Girod Ch.-J. Op. cit. P. 13; Le Courtier F.-J. Op. cit. P. 34.

⁶⁵¹[Ménard]. Op. cit. P. 15; Longin. Op. cit. P. 11; Le Courtier F.-J. Op. cit. P. 20, 22, 24. Подробнее см.: Тогоева О.И. Как Жанна д'Арк стала ангелом.

⁶⁵²Еще одним важнейшим религиозным сюжетом, который затрагивался в большей или меньшей степени в этих панегириках, была тема *discretio spirituum*, проведенного в отношении Жанны д'Арк в Шиноне и Пуатье. Подробнее об этом см. ниже: Глава 5. § 4.3.

Июльская революция 1830 г., положившая конец правлению старшей ветви династии Бурбонов, еще больше усилила светский элемент в праздновании дня 8 мая в Орлеане. В 1831—1839 гг. здесь не проводилось вообще никаких религиозных процессий и не читались панегирики в честь Жанны д'Арк. Хотя само название «праздник Девы» сохранилось, единственным напоминанием о французской героине стало торжественное ношение по улицам города ее бюста во время военного парада (*le buste de Jeanne d'Arc, entouré de la Garde nationale*), который предварялся и завершался артиллерийским салютом⁶⁵³. Только в 1840 г., в соответствии с «пожеланием министра внутренних дел»⁶⁵⁴, орлеанское общество постепенно начало возвращаться к старым традициям празднования 8 мая, существовавшим до 1816 г.: теперь программа торжеств вновь обсуждалась мэром и епископом, военный салют оказался заменен на колокольный звон, местом встречи участников процессии вместо ратуши опять стал собор св. Креста, сама она начиналась только после церковной службы, и в ней больше не участвовал бюст Жанны д'Арк⁶⁵⁵. С 1842 г. назначение очередного оратора осуществлялось мэром «с согласия» епископа⁶⁵⁶, а единственный сохранившийся от этого времени текст панегирика — речь аббата Луи-Эдуарда Пи 1844 г. — свидетельствует, что героический дискурс в описании подвигов Девы вновь сменился на агиографический⁶⁵⁷. В тексте развивалась тема значения Божественного Провидения в жизни людей, практически исчезли завуалированные аналогии из библейской истории, а центральное место (в полном соответствии с христологической направленностью французского католицизма во Франции первой половины XIX в.) заняло сравнение главной героини со Спасителем⁶⁵⁸.

И все же, по мнению исследователей, религиозная составляющая в праздниках 8 мая вплоть до конца 40-х гг. XIX в. была сведена к минимуму⁶⁵⁹. Немало тому поспособствовали настроения в обществе, вы-

⁶⁵³Lettre du maire d'Orléans du 3 mai 1833 // CJA. 9.41 (1825—1836). Dos. 9.

⁶⁵⁴Lettre du Préfet du Département du Loiret au Maire d'Orléans, le 28 avril 1840 // CJA. 9.41 (1837—1849). Dos. 4.

⁶⁵⁵Fête de la Pucelle d'Orléans. Vendredi 8 mai 1840 // CJA. 9.41 (1837—1849). Dos. 4.

⁶⁵⁶Fête de la Pucelle d'Orléans. Dimanche 8 mai 1842 // CJA. 9.41 (1837—1849). Dos. 6.

⁶⁵⁷Как отмечал автор, «для спасения народа» лучше подходит «мученик, а не герой» (*un martyr pèse plus qu'un héros*): Pie L.-E. Eloge de Jeanne d'Arc prononcé dans l'église cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1844. Orléans, 1890. P. 21—22.

⁶⁵⁸«Elle est, comme Jésus, interrogée, jugée, condamnée» (Ibid. P. 26). Подробнее о сравнении Жанны д'Арк с Христом в панегириках XIX в. и связанной с ним темой ее святости см. ниже: Глава 5. § 4.3.

⁶⁵⁹Bimbenet E. Le 8 mai à Orléans depuis le Consulat jusqu'à nos jours // Revue Orléanaise. 1848. T. 2. P. 121—158; Porak U. Les Fêtes de Jeanne d'Arc à Orléans sous la monarchie de Juillet, quelques observations // BA. 2004. № 28. P. 7—15; Prost A. Jeanne à la fête. Identité collective et mémoire à Orléans depuis la Révolution fran-

лившиеся в 1848 г. в очередную революцию во Франции. Авторы публикаций в местной прессе прямо указывали на виновность Церкви в гибели Жанны д'Арк, что, с их точки зрения, лишало ее представителей права читать панегирики в честь национальной героини⁶⁶⁰. Клирики, по мнению светских журналистов, превратили праздник 8 мая в «церковный променад» (*une promenade religieuse*)⁶⁶¹, в «простую религиозную процессию» (*une simple procession religieuse*), которой отныне не было места в Орлеане: ее должен был заменить «национальный праздник» с военным парадом и народными гуляниями — «праздник Жанны д'Арк и Республики» (*la fête de Jeanne d'Arc et de la République*)⁶⁶².

Казалось бы, уже ничто не могло повлиять на сложившуюся ситуацию. Однако в 1849 г. она начала меняться радикально, и эти изменения были связаны исключительно с «личным» фактором — с назначением на епископскую кафедру Орлеана одного из самых известных церковных и политических деятелей эпохи, монсеньора Феликса Дюпанлу.

4.3. Первая попытка канонизации

Феликс Дюпанлу (1802—1878), которого современники называли вторым Боссюэ, действительно являлся одним из наиболее активных политических деятелей Франции второй половины XIX в.⁶⁶³ (ИЛЛ. 38) Он принадлежал к либеральному крылу католической церкви, что на протяжении практически всей его карьеры весьма осложняло ему отношения с папским престолом, а также с французскими ультрамонтанами⁶⁶⁴. Дюпанлу далеко не сразу согласился занять кафедру в Орлеане и пошел на это, если верить его личным дневниковым записям, исключительно потому, что город располагался в непосредственной близости от Пари-

çaise // *La France démocratique. Mélanges offertes à Maurice Agulhon / Réunis et publ. par C. Charle, J. Lalouette, M. Rigenet et A.-M. Sohn.* P., 1998. P. 383—384.

⁶⁶⁰«Le clergé a bien raison de demander chaque année à faire prononcer par un de ses membres le panégyrique de Jeanne d'Arc: il a bien raison de vouloir assister en corps à la cérémonie célébrée en l'honneur de la libératrice d'Orléans, car nul plus que lui n'a contribué à son martyre, nul ne l'a plus constamment persécutée» (*Journal du Loiret*, 7.05.1845 // CJA. 9.41 (1837—1849). Dos. 9).

⁶⁶¹*Chronique locale*, 10.05.1843 // CJA. 9.41 (1837—1849). Dos. 9.

⁶⁶²*Journal du Loiret*, 9.05.1848 // CJA. 9.41 (1837—1849). Dos. 12.

⁶⁶³Подробнее о нем см.: *Lagrange F. Vie de Mgr Dupanloup, évêque d'Orléans, membre de l'Académie française.* P., 1883—1884. Краткий, но более современный очерк: *Aubert R. Dupanloup // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques.* T. 14. P., 1960. Col. 1070—1122.

⁶⁶⁴*Aubert R. Dupanloup et Rome // Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais.* 1980. № hors série. P. 67—106; *Mayeur J.-M. Mgr Dupanloup et Louis Veuillot devant les 'prophéties contemporaines' en 1874 // Revue d'histoire de la spiritualité.* 1972. № 48. P. 193—204.

жа, что позволяло новому епископу постоянно находиться в центре политических и религиозных событий⁶⁶⁵.

В сферу интересов Дюпанлу входили самые разнообразные вопросы. Он активно выступал против идеи установления республики во Франции и поддержал маршала Мак-Магона, жестоко подавившего восстание парижских коммунаров весной 1871 г. Он уделял большое внимание вопросам образования, особенно религиозного, и настаивал на необходимости обязательной катехизации девушек. Он последовательно критиковал принцип непогрешимости папы римского, но верил в необходимость его светской власти. В возрасте 75 лет епископ был избран независимым депутатом Парламента, членом которого оставался до самой смерти⁶⁶⁶. Активную политическую жизнь Феликс Дюпанлу, тем не менее, вполне успешно сочетал с исполнением собственно пасторских обязанностей. Он постоянно совершал поездки по вверенному его заботам диоцезу и всячески способствовал оживлению религиозной жизни в самом Орлеане. Именно Дюпанлу, ставший епископом в 1849 г., возродил практически полностью потерявшие свою религиозную составляющую после революционных событий 1848 г. праздники 8 мая и, как следствие, уделил особое внимание роли Жанны д'Арк в истории города.

Исследователи расходятся во мнениях, в какой именно момент своей жизни Ф. Дюпанлу заинтересовался историей французской героини. Единственное, что не подлежит сомнению: епископ прекрасно знал работу Г. Гёрреса, в своем первом панегирике в честь Жанны д'Арк, прочитанном в 1855 г., он опирался исключительно на сведения, собранные немецким историком. Впрочем, Дюпанлу был знаком и с самим Гёрресом, с которым встречался в 1842 г. в Риме. Возможно, уже в это время он заинтересовался личностью Орлеанской Девы⁶⁶⁷.

Так или иначе, но с появлением Ф. Дюпанлу в Орлеане начался совершенно новый этап в истории почитания Жанны д'Арк. Епископ был, без преувеличения, единственным французским прелатом, который высказывался против сближения церкви и государства, и его личные отношения с Наполеоном III всегда оставались крайне напряженными⁶⁶⁸. Как следствие, его забота о возрождении религиозного почитания Жанны имела своей целью полное присвоение памяти о ней католической церковью.

⁶⁶⁵Gadille J. L'originalité de l'intervention politique de Mgr Dupanloup // Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais. 1980. № hors série. P. 7—22.

⁶⁶⁶Girard L. Dupanloup parlementaire et les débuts de la troisième république // Ibid. P. 109—123.

⁶⁶⁷Binder F. Guido Görres und die Jungfrau von Orléans // Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland. 1905. T. 135. S. 805.

⁶⁶⁸Aubert R. Dupanloup. Col. 1078; Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 155—157.

Прежде всего это нашло отражение в изменении порядка отмеча-ния «дня Девы»: из сугубо гражданского, каким он постепенно стано-вился на протяжении 20—40-х гг. XIX в., он вновь начал превращаться в церковный праздник. Если при предшественнике Дюпанлу, епископе Жан-Жаке Файе (1842—1849), клир прекратил участвовать в торже-ственных процессиях, традиционно проходивших в этот день по ули-цам города, и ограничивался лишь мессой в соборе св. Креста, то уже в 1850 г. данная традиция возобновилась. Все приглашенные на празд-ник гости собирались с утра на «религиозную церемонию» (*la cérémonie religieuse*), где выступал панегирист, назначенный «с согласия еписко-па» (*agréé par M. l'Evêque*), и уже из собора выходили на процессию⁶⁶⁹. В 1852 г. в письме мэру Орлеана Дюпанлу прямо называл праздник 8 мая «религиозным»⁶⁷⁰ и отмечал, насколько он счастлив узнать, что «по желанию верующих религиозные процессии и церемонии будут вновь проходить и на улицах города»⁶⁷¹. В письме также давалось по-нять, что отныне назначение панегиристов епископ рассматривает как собственную прерогативу⁶⁷². Тогда же в местной периодической печати стали распространяться слухи о том, что Дюпанлу готовится «в следу-ющем году» устроить небывалые религиозные торжества в честь дня Жанны д'Арк — такие, «как были раньше»⁶⁷³.

Тем не менее, настоящий праздник епископу удалось организовать только в 1855 г. и, если судить по сохранившимся архивным материа-лам, он действительно был проведен с размахом. К его началу было приурочено издание специальной брошюры, в которой излагалась история возникновения «дня Девы», а также приводилась примерная про-грамма готовящихся четырехдневных торжеств. В них, в частности, входили открытие конной статуи Жанны д'Арк⁶⁷⁴, концерт, банкет и

⁶⁶⁹Fête de Jeanne d'Arc. Mercredi 8 mai 1850 // CJA. 9.41 (1850—1858). Dos. 1.

⁶⁷⁰На полях письма рукой Дюпанлу была отмечена его главная тема — *Fête reli-gieuse de Jeanne d'Arc: Lettre de l'Evêque d'Orléans au Maire de la ville, 29.04.1852 // CJA. 9.41 (1850—1858). Dos. 3.*

⁶⁷¹«Je suis heureux d'apprendre, Monsieur le Maire, que les processions et cérémonies religieuses pourront désormais s'accomplir extérieurement selon le désir bien connu des fidèles» (Ibid.).

⁶⁷²«Un prédicateur sur lequel je pouvais compter pour le panégyrique de Jeanne d'Arc ne peut s'acquitter de cette mission, je viens de m'adresser à un autre» (Ibid.).

⁶⁷³«Il paraît même que l'évêque d'Orléans aurait exprimé le désir, pour l'an prochain, de donner à la pompe religieuse la splendeur antique et le cachet traditionnel. Nous ver-rons la cérémonie comme autrefois» (Journal du Loiret, 4.05.1852 // CJA. 9.41 (1850—1858). Dos. 3).

⁶⁷⁴Это была работа скульптора Дени Фуатье (1793—1863), установленная на цен-тральной площади города Мартруа. О ней писала как местная, так и парижская пресса: *Le Moniteur du Loiret*, 6.04.1855 // CJA. 9.41 (1850—1858). Dos. 6; *Journal du Loiret*, 25.12.1873 // Ibid.; *Moniteur universel*, 20.04.1879 // Ibid.

бал⁶⁷⁵. Религиозная процессия должна была включать в себя «историческую кавалькаду», в которой впервые за многие годы приняли участие потомки Пьера д'Арка, родного брата французской героини. Барон де Гокур, потомок Рауля де Гокура, капитана Шинона и бальи Орлеана, также обещал присутствовать на празднике и прислал для его проведения знамя своего предка⁶⁷⁶. Панегирик в этот год читал сам монсеньор Дюпанлу, и его текст сразу же опубликовала местная газета *Le Moniteur du Loiret*⁶⁷⁷. Незвестный автор, описывая свои впечатления, сообщал, что слушателям «следовало быть сделанными из мрамора», чтобы их не проняли слова епископа (*il faut être de marbre pour ne pas être touché*)⁶⁷⁸.

Следует, однако, отметить, что речь Дюпанлу, хотя он и придерживался сугубо агиографического дискурса, не носила сколько-нибудь революционного характера. Как и в панегирике его предшественника, упоминавшегося выше известного католического историка Э. Бартеlemi де Борегара, приглашенного в Орлеан в 1850 и 1853 гг.⁶⁷⁹, единственной действительно религиозной темой данного текста стало уподобление Жанны д'Арк Иисусу Христу. Если Бартеlemi настаивал на подобном сходстве, исходя прежде всего из обстоятельств смерти обоих героев (девушка была предана, продана и осуждена точно так же, как Спаситель)⁶⁸⁰, то Дюпанлу лишь развивал данный сюжет. Вспоминая о том, что «Каиаф и Иуд хватает во все времена», он называл гибель Жанны на костре ее «триумфом» (*gloire*) и ее Голгофой (*Calvaire*)⁶⁸¹. Тем не менее, в отличие от Бартеlemi⁶⁸², он нигде в тексте не обращался прямо к теме возможной святости Девы.

Содержание речи Дюпанлу, таким образом, полностью противоречило ее трактовке в современной историографии как текста, в котором впервые прозвучала идея святости Жанны д'Арк «в каноническом смысле этого слова»⁶⁸³. С желанием епископа Орлеанского видеть в сво-

⁶⁷⁵Первый вариант программы был опубликован еще 17 февраля 1855 г.: *Le Moniteur du Loiret*, 17.02.1855 // Ibid. Второй вариант публике представили в апреле: *Journal du Loiret*, 17.04.1855 // Ibid. Окончательная программа появилась в прессе в начале мая: *Le Moniteur du Loiret*, 3.05.1855 // Ibid.

⁶⁷⁶*Le Moniteur du Loiret*, 2.05.1855 // Ibid.

⁶⁷⁷*Le Moniteur du Loiret*, 10.05.1855 // Ibid.

⁶⁷⁸*Le Moniteur du Loiret*, 9.05.1855 // Ibid.

⁶⁷⁹*Barthélemy de Beauregard E. J. Mission divine de Jeanne d'Arc, prouvée par ses triomphes et son martyre // Collection intégrale et universelle des orateurs sacrés / Publ. par l'abbé Migne. 2me serie. P., 1856. Col. 585—624.*

⁶⁸⁰«Trahie, vendue, livrée, comme son divin Maître» (Ibid. Col. 612).

⁶⁸¹*Dupanloup F. Panégyrique de Jeanne d'Arc // Dupanloup F. Oeuvres choisies. P.-Lyon, 1862. P. 31—32, 38.*

⁶⁸²«La voilà, avec sa triple couronne de vierge inspirée, d'héroïne et de martyre, rayonnante de sainteté, de gloire, de génie» (*Barthélemy de Beauregard E. J. Op. cit. Col. 622*).

⁶⁸³*Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 164. См. также: Boudon J.-O. Op. cit.*

ей героине святую и с широчайшей известностью, которую получил данный текст во Франции связывается, в частности, первое официальное прошение о канонизации Девы, которое императору Наполеону III направил в ноябре 1855 г. Пьер-Жозеф-Наполеон Бёре, кюре Сормонна (Арденны)⁶⁸⁴. Кратко останавливаясь на основных этапах пути своей героини и особо выделяя среди них ее мученическую смерть (*martyre*)⁶⁸⁵, он писал о том, что отсутствие у Жанны наград за ее свершения при жизни отнюдь не означает, что они не получила их от Господа⁶⁸⁶. Ее «исключительно святая жизнь» (*une vie si sainte*), создавала, с точки зрения Бёре, все необходимые условия для того, чтобы просить папский престол о начале канонизационного процесса в отношении Девы⁶⁸⁷.

Несмотря на то, что перечисленные в письме условия канонизации (Божественный характер миссии Жанны д'Арк, ее верность христианским добродетелям, совершенные ею чудеса, исполнившиеся пророчества, а также принятое ею мученичество) полностью соответствовали разработанной в начале XVIII в. официальной процедуре⁶⁸⁸, призыв провинциального священника — и это обстоятельство современные исследователи никак не комментируют — остался без какого бы то ни было ответа. С моей точки зрения, связано это было прежде всего с тем, что в Орлеане — единственном месте, где действительно хорошо помнили и активно почитали Жанну д'Арк, — данная идея на тот момент еще не рассматривалась. И подтверждением тому является содержание панегириков, которые произносились здесь после 1855 г. и авторов которых выбирал сам монсеньор Дюпанлу. Безусловно, они уделяли внимание религиозной составляющей в образе Жанны д'Арк, заявляя, что все в ней «было посвящено Богу»⁶⁸⁹. Они также подробно

Р. 47—48.

⁶⁸⁴Ibid. P. 166.

⁶⁸⁵Beuret P.-J.-N. Canonisation de Jeanne d'Arc. Charleville, 1855. P. 11.

⁶⁸⁶“Dieu s'était réservé de lui accorder lui-même une récompense mille fois plus glorieuse et surtout plus durable que ne l'auraient pu faire tous les rois de la terre” (Ibid.).

⁶⁸⁷“On trouve réunis, dans cette femme admirable, tous les éléments nécessaires d'une canonisation régulière: une mission surnaturelle, la pratique des vertus chrétiennes à un degré héroïque, des prodiges et des miracles, des prédictions accomplies à la lettre, et enfin pour couronnement d'une si belle vie, une mort qui est un véritable martyr” (Ibid. P. 12).

⁶⁸⁸Все они были сведены воедино в многотомном сочинении «О беатификации служителей Господа и канонизации святых» Просперо Ламбертини (будущего папы Бенедикта XIV), которое он создал в 1734—1738 гг. В то время Ламбертини являлся членом Конгрегаций обрядов, и его произведение практически сразу стало настоящим учебником по канонизации. Процедуры, которые в нем описывались, вошли в свод канонического права и оставались неизменными до 1983 г.: Cunningham L.S. Brief History of Saints. Carlton, 2005. P. 72—73.

⁶⁸⁹Так говорил Гаспар Дереппи в 1856 г.: “Sa pensée, ses affections et sa vie entière furent à Dieu” (Deguerry G. Op. cit. P. 36). Та же мысль содержалась в панегирике

останавливались на ее сравнении с Христом, особо акцентируя тему мученичества (т.е. плена, суда и казни девушки)⁶⁹⁰. И тем не менее, идея святости не являлась главной в этих панегириках: их авторы редко использовали данное понятие, и его конкретное содержание (основания для официального признания их героини истинной святой) никак не разрабатывалось⁶⁹¹.

Перелом, насколько можно судить, наступил лишь в 1859 г., когда произносить очередную речь в честь Жанны д'Арк Дюпанлу пригласил Луи Шевойона. Важно отметить, что самого епископа Орлеанского не было в тот год на торжествах 8 мая⁶⁹². Сложно сказать, насколько данное обстоятельство повлияло на содержание прочитанного панегирика, однако именно в нем — после традиционных рассуждений о посланнице Свыше (*inspirée de Dieu*)⁶⁹³ и сравнений с Иисусом Христом (которому на сей раз Жанна уподоблялась не только в смерти, но и в своих деяниях)⁶⁹⁴ — довольно неожиданно следовали вопросы, обращенные к собравшимся в соборе св. Креста представителям клира. Шевойон желал знать, с какой целью каждый год в Орлеане отмечают праздник 8 мая и славят культ Жанны д'Арк и собираются ли местные церковные власти сделать ее своей официальной святой⁶⁹⁵. На данный момент, отмечал он далее, никто не предпринял необходимых шагов, и произойдет ли это в будущем, покрыто завесой тайны, знать которую может лишь Господь. Но ничто не может помешать надеяться (*exprimer une espérance*) на такой исход дела⁶⁹⁶.

1858 г. Шарля де Пляса: *Place Ch. de. Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans à la fête du 8 Mai 1858. Orléans, 1858. P. 4.*

⁶⁹⁰Deguerry G. Op. cit. P. 39; *Place Ch. de.* Op. cit. P. 24—25, 35—38.

⁶⁹¹Так, в 1857 г. Джеймс Джиллис, епископ Лимиры и апостолический викарий Эдинбурга, в своей речи отмечал, что хотел бы признать преступления его предков перед Жанной и положить это признание к ногам ее «святого образа» (*sainte image*): Gillis J. *Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans à la fête du 8 Mai 1857. Orléans-L.-Edimbourg, 1857. P. 18.* Шарль де Пляс всего один раз упоминал о «святой и достойной мученице» (*sainte et noble martyre*): *Place Ch. de.* Op. cit. P. 38.

⁶⁹²На это указал сам Шевойон во вступлении к своей речи: *Chevojon L. Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans à la fête du 8 Mai 1859. Orléans, 1859. P. 5—6.*

⁶⁹³*Ibid.* P. 19.

⁶⁹⁴«Comme le sauveur du monde, Jeanne aurait pu dire à ses accusateurs: 'Si vous ne croyez pas à mes paroles, croyez du moins à mes actes'» (*Ibid.* P. 21—21). Ср.: «А если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим» (Иоан. 10:38).

⁶⁹⁵«Pourquoi donc cette assemblée, ici, sous ces voûtes, en face de cet autel?...Pourquoi cette procession?...Pourquoi, je ne crois pas en dire trop, pourquoi ce culte établi par vous et autorité de l'Eglise?...Quelle est votre pensée, Messieurs? Auriez-vous donc déposé sur la tête de Jeanne d'Arc l'auréole sainte...ou bien Rome aurait-elle canonisé Jeanne d'Arc?» (*Ibid.* P. 33).

⁶⁹⁶*Ibid.*

Как представляется, именно речь Шевойона 1859 г. могла положить начало тому длительному процессу, который в результате привел к официальной канонизации Жанны д'Арк. Тема святости (*sainteté de Jeanne d'Arc*) девушки постепенно превращалась в одну из основных в панегириках, произносившихся в Орлеане в 1860-х гг.: ее поднимали Шарль-Эмиль Фреппель в 1860 г., Анри Перрейв в 1862 г., Александр Тома в 1864 г.⁶⁹⁷ Эти же ораторы начали разрабатывать и иные, совершенно новые для орлеанских панегириков XIX в. сюжеты. Прежде всего они полагали недопустимым обвинять католическую церковь в гибели Жанны д'Арк, поскольку руанские судьи не могли выдавать себя за ее представителей: единственным, кто имел на это право, являлся папа римский, которому, тем не менее, не были переданы материалы следствия⁶⁹⁸. Таким образом, обвинительный процесс 1431 г. не рассматривался панегиристами как законный, в отличие от процесса по реабилитации 1455—1456 гг., результаты которого были подтверждены официальной буллой⁶⁹⁹. Интересное развитие получила и тема предательства, якобы совершенного в отношении Жанны ближайшим окружением Карла VII: ораторы считали саму постановку подобного вопроса неправомерной, поскольку декларируемая ими святость девушки предполагала неизбежность мученичества, которое она претерпела⁷⁰⁰. Иными словами, как и в случае Иисуса Христа, речь шла о предрешенной Свыше судьбе, повлиять на которую простым людям было не дано: терновый венец, ожидавший Жанну в конце земного пути, не был «вознаграждением» за ее труды, он означал продолжение ее миссии, но уже на небе⁷⁰¹.

Своеобразный итог размышлениям панегиристов 1860-х гг. подводил текст Ш.-Э. Фреппеля, в 1867 г. повторно приглашенного выступать в Орлеан. Напомнив собравшимся, что свою речь в 1860 г. он завершил выражением надежды на скорейшую канонизацию французской геро-

⁶⁹⁷*Freppel Ch.-E. Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans à la fête du 8 Mai 1860. Orléans, 1860. P. 23—24; Perreyve H. Jeanne d'Arc. Discours et notes historiques. P., 1863. P. 46; Thomas A. Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1864. Orléans, 1864. P. 60.*

⁶⁹⁸*Mermillod G. Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1863. Orléans, 1863. P. 51; Thomas A. Op. cit. P. 51; Bougaud L.-E. Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1865. Orléans, 1865. P. 32—33.*

⁶⁹⁹*Mermillod G. Op. cit. P. 52; Desbrosses F.-J. Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1861. Orléans, 1861. P. 32; Thomas A. Op. cit. P. 44.*

⁷⁰⁰“Les saintes âmes passent toutes par le même chemin: celui de croix” (*Perreyve H. Op. cit. P. 41*). См. также: *Mermillod G. Op. cit. P. 40*.

⁷⁰¹“Dieu lui en préparait une qui serait digne d'elle, cette couronne d'épines qu'il déposa un jour sur la tête de plus grand des Libérateurs” (*Bougaud L.-E. Op. cit. P. 23*). См. также: *Lagrange F. Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1866. Orléans, 1866. P. 23, 26*.

ини, оратор заявлял, что теперь время для нее пришло⁷⁰². Конечно, рассуждал он далее, этот вопрос является «деликатным», но если решить его может только Церковь, ничто не мешает любому человеку его задавать⁷⁰³. Данной теме Фреппель и посвятил свой панегирик, отмечая, что рассмотрение интересующей его проблемы облегчается наличием «бессмертного труда» папы Бенедикта XIV, посвященного принципам канонизации святых (*immortel ouvrage sur la canonisation des saints*)⁷⁰⁴, — того самого сочинения, на которое в 1855 г. в своем обращении к Наполеону III опирался аббат Бёре.

Ссылками на Бенедикта XIV оперировал и Фреппель, рассуждая о святости всей жизни его героини (ее исключительной набожности, смиренности, невинности и целомудрии, а также сверхъестественной любви к родине, понимаемой как отдельная христианская добродетель)⁷⁰⁵. Эта святость, по мнению автора, естественно, оказывалась наиболее заметна в конце земного пути Жанны — на суде и в момент казни, хотя при их описании Фреппель, в отличие от большинства своих предшественников, воздерживался от прямого уподобления девушки Христу⁷⁰⁶. Вместо этого он — в соответствии с принципами канонизационного процесса — обращал внимание на чудеса, которые якобы сотворила Дева, и писал, что о них нет смысла подробно говорить, ибо «вся ее жизнь была одним продолжающимся чудом» (*un miracle permanent*)⁷⁰⁷. Все ее предсказания (*révélations*) исполнились⁷⁰⁸, а потому обвинение в неподчинении воинствующей церкви в 1431 г. не имело под собой никаких оснований, поскольку истинный пророк не обязан подчиняться священникам⁷⁰⁹. Безусловно, прежде девушке требовалось доказать свой Божественный статус, но, писал далее Фреппель, *discretio spirituum* в отношении Жанны уже было к тому времени проведено в Пуатье, а потому, согласно этой доктрине, она сама могла оцени-

⁷⁰²Freppel Ch.-E. Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1867. P. 6.

⁷⁰³«Je le sais, je vais aborder une question délicate; mais s'il n'appartient qu'à l'Eglise de la décider, chacun a le droit de la poser et de chercher à l'éclaircir» (Ibid., разрядка моя — О.Т.).

⁷⁰⁴Ibid.

⁷⁰⁵Freppel Ch.-E. Op. cit. P. 8—9, 14—17.

⁷⁰⁶«Je viens de toucher à cette grande scène qui est la consécration solennelle de la sainteté de Jeanne d'Arc; car c'est dans l'épreuve, sous le coup du malheur, au milieu des souffrances, que les saints déploient ce qu'il y a en eux de force divine et de vertu surnaturelle» (Ibid. P. 18).

⁷⁰⁷Ibid. P. 21.

⁷⁰⁸Ibid. P. 22.

⁷⁰⁹«Ceux qui ont la certitude d'être favorisés par Dieu...sont obligés d'y donner leur ferme assentiment, tant que le contraire ne leur est pas démontré par une autorité irréfutable» (Ibid. P. 25).

вать характер своих откровений⁷¹⁰. Таким образом, автор приходил к однозначному выводу о наличии всех необходимых для канонизации Жанны д'Арк условий и обращался к епископу Дюпанлу с призывом незамедлительно просить у папского престола разрешения на начало подобного процесса⁷¹¹.

Впрочем, следующий шаг в этой истории был сделан отнюдь не епископом Орлеанским и даже не представителем французской церкви. Решающую роль суждено было сыграть историку — Анри Валлону (1812—1904), бывшему не только ученым, но и влиятельнейшим политическим деятелем, автором конституции Франции 1875 г., членом Парламента, а затем несменяемым сенатором, министром образования и культов.

Будучи представителем католического направления французской историографии XIX в., Валлон, тем не менее, признавал, насколько значимой для науки оказалась публикация источников об Орлеанской Деве, предпринятая Ж. Кишра. В своей «Жанне д'Арк», первое издание которой вышло в 1860 г., историк прямо писал о том, что этот пятитомник придал «новый импульс» (*une impulsion nouvelle*) исследованиям по истории французской героини, снабдив ученых столь необходимыми документами⁷¹². Тем не менее, он полагал, что данные источников позволяют рассматривать Жанну не как порождение «народного духа», но прежде всего как истинное «чудо»⁷¹³. В связи с этим основное внимание Валлон уделял материалам процесса по реабилитации 1455—1456 гг.; уже сам факт того, что эти документы сохранились и могут быть использованы, являлся для него свидетельством Божественного вмешательства в историю⁷¹⁴. Именно в них, с его точки зрения, прояв-

⁷¹⁰ «Jeanne, couverte par la décision des juges ecclésiastiques de Poitiers...était autorisée à décliner la compétence d'hommes privés qui avaient juré sa perte» (Ibid. P. 26). В этой связи интересно отметить, что рассуждения о процедуре *discretio spirituum* в целом занимали весьма небольшое место в текстах 1860-х гг. Этим они сильно отличались от панегириков 1817—1830 гг., в которых данный вопрос был практически единственным, указывающим на религиозную составляющую самих праздников 8 мая: *Bernet J.* Op. cit. P. 14—15; [*Ménard*]. Op. cit. P. 13—15; *Frayssinous D.* Op. cit. P. 11; *Feutrier J.-E.-H.* Op. cit. P. 14—15; *Girod Ch.-J.* Op. cit. P. 18—20; *Deguerry G.* Op. cit. P. 73—74. Как мне представляется, возвращение агиографического дискурса в речи ораторов, а также постепенное развитие идеи официальной канонизации Жанны д'Арк лишило данный вопрос актуальности.

⁷¹¹ «Le jour où l'Eglise jugera à propos d'examiner cette cause avec la sagacité...elle n'y trouvera rien qui l'empêche de couronner par la plus haute des récompenses...un ensemble de vertus si héroïques. En exprimant à cet égard ma conviction intime, j'ai épuisé mon droit...C'est aux Evêques d'apprécier si elle est mûre; c'est au Vicaire de Jésus-Christ de reconnaître si l'heure de Dieu a sonné» (*Freppel Ch.-E.* Op. cit. P. 32).

⁷¹² *Wallon H.* Jeanne d'Arc. P., 1860. T. I. P. II.

⁷¹³ «Ce qui est merveilleux dans cette histoire, c'est Jeanne» (Ibid. T. 2. P. 280).

⁷¹⁴ Ibid. T. 1. P. III.

лялась «двойственность» Жанны д'Арк, ее воинственность и практически «монашеский» образ жизни (*la ferveur d'une nonne*), в полной мере демонстрирующий набожность девушки, ее подчинение церкви и ее безусловную святость⁷¹⁵.

Именно эти качества Валлон почитал главными отличительными свойствами своей героини, «примера набожности» (*un modèle de piété*) как для ее современников, так и для всех последующих поколений⁷¹⁶. Она не являлась мистиком, поскольку ее откровения не были ни иллюзиями, ни суевериями⁷¹⁷. Ее стремление помочь своей стране нельзя было объяснить одной лишь любовью к родине, ибо в таком случае «спаситель» мог появиться в любом уголке Франции⁷¹⁸. Божественный характер миссии Жанны, по мнению автора, был напрямую связан с тем, что она являлась невинной и святой (*chaste et sainte*) с самого детства⁷¹⁹: весь образ жизни ее был таков, что Господь просто не мог не остановить на ней свой выбор и не помогать ей на протяжении всего ее трудного пути⁷²⁰. Именно в рамках этой, совершенно новой для французской историографии парадигмы, когда святость Жанны д'Арк уже не подразумевалась, но проговаривалась эксплицитно, и строил свое повествование А. Валлон. Для него все этапы жизни его героини были не доказательством, но подтверждением ее статуса: узнавание Робера де Бодрикура в Вокулере, чудесное путешествие в Шинон⁷²¹ и даже личное отношение к девушке ее спутников, которых от посягательств на ее целомудрие удерживал не столько ее мужской костюм, сколько уже тогда чувствовавшаяся в ней святость⁷²².

С этой же точки зрения Валлон рассматривал и *discretio spirituum*, проведенное в Шиноне и Пуатье. Как и его коллеги-католики первой половины XIX в., он обращал внимание на многоэтапность данной процедуры, которая включала в себя расспросы спутников Жанны, встречу

⁷¹⁵Ibid. P. VII. Особо Анри Валлон выделял в этих материалах показания участников военных кампаний 1429—1430 гг. — графа Дюнуа, герцога Алансонского и Луи де Кута — т.е. именно те рассказы, в которых наиболее ярко проявился концепт чуда в жизнеописании Жанны д'Арк и которые во второй половине XV в. легли в основу орлеанского корпуса документов, посвященных Деве: Ibid. P. VI—VII.

⁷¹⁶Ibid. P. 4.

⁷¹⁷Ibid. P. 7.

⁷¹⁸“Si le sentiment des souffrances que la guerre apporte, si la haine qu'inspire la vue du conquérant maître du sol natal avait suffi pour donner un sauveur à la France, il serait né partout ailleurs” (Ibid. P. 8—10).

⁷¹⁹Ibid. P. 2.

⁷²⁰Ibid. P. 11—12.

⁷²¹Ibid. P. 14—15, 23—24.

⁷²²“Mais ce vêtement, quelle avait adopté par pudeur, n'était point sa seule sauvegarde en cette compagnie d'hommes de guerre... Ils étaient comme enflammés de l'amour divin qui était en son âme, et devenaient chastes et purs par la contagion de sa sainteté” (Ibid. P. 24).

с дофином и допросы ее самой⁷²³. Он также — впервые с середины XV в. — поднимал вопрос о короне, якобы принесенной ангелом Карлу⁷²⁴. Впрочем, он рассматривал эту историю, скорее, как сознательный обман (*une allégorie fort transparente*) со стороны девушки, не желавшей указывать судьям в Руане истинный знак своей избранности⁷²⁵, и отмечал, что в действительности *discretio* оставалось незавершенным вплоть до победы французских войск под Орлеаном⁷²⁶: снятие осады с города заставило поверить в Жанну не только простой народ (который верил в нее и без особенных «знаков»), но даже теологов и, в частности, Жана Жерсона, посвятившего данному вопросу специальный трактат⁷²⁷.

Весьма специфически рассматривался в рамках новой парадигмы, предложенной Валлоном, и вопрос о возможном предательстве, совершенном в отношении Жанны Карлом VII и его приближенными. Для историка данная проблема заключалась не в том, закончилась ли миссия Жанны коронацией в Реймсе и кто именно не позволил ей оставить военную карьеру⁷²⁸. Значительно важнее для Валлона было представить пленение, суд и казнь девушки совершенно отдельным периодом ее жизни. Как и историки-католики, как и авторы орлеанских панегириков первой половины XIX в., он — в полном соответствии с христоцентрической религией данного периода — настаивал на том, что гибель Жанны ни в коем случае нельзя рассматривать как свидетельство ее провала в качестве пророка⁷²⁹. Напротив, писал он, обвинительный процесс 1431 г. стал еще одним (причем лучшим, нежели процесс по реабилитации) доказательством святости ее дела и ее личной святости⁷³⁰. Сравнимая с гибелью Христа⁷³¹, мученическая смерть девушки (*son martyre*) привела ее к вратам Рая, что и было ей обещано чуть ранее в откровении⁷³². Ее останки были выброшены по приказу англичан в Сену потому, что должны были

⁷²³Ibid. P. 100—110.

⁷²⁴Подробнее о возникновении данной легенды см. выше: Глава 1. § 4.3.

⁷²⁵Ibid. P. 31; T. 2. P. 200.

⁷²⁶Ibid. T. 1. P. 37—38.

⁷²⁷“La Pucelle avait donné son signe... Jeanne était donc bien l'envoyée de Dieu, c'était le cri du peuple; c'était aussi le sentiment des docteurs les plus autorisés” (Ibid. P. 79).

⁷²⁸Ibid. P. 220—260.

⁷²⁹“Les prophètes ont eu des révélations déterminées; ils ont parfois annoncé des choses que l'événement a démenties... parce que les actes de la Providence ne sont point des actes de la fatalité, et que Dieu... peut aussi... révoquer les promesses de sa miséricorde” (Wallon H. Op. cit. T. 1. P. 193).

⁷³⁰“Ses ennemis... lui ont élevé un monument plus irrécusable qu'aucun de ceux qui ont établi les droits des saints à la vénération des fidèles. Sa belle et grande figure brille plus parmi ces outrages qu'elle ne l'eût fait parmi les formules respectueuses d'un procès canonique” (Ibid. P. 194).

⁷³¹“Image de Rédempteur, divine modèle de son martyre” (Ibid. T. 2: P. 214).

⁷³²Ibid. P. 213.

стать реликвиями⁷³³, ибо все современники Жанны как при ее жизни, так и после ее смерти почитали ее как истинную святую⁷³⁴.

Именно поэтому, полагал Валлон, реабилитация их героини французам была практически не нужна⁷³⁵. Однако, она оказалась полезной для самой Церкви, которая не только оправдала Жанну, но и поняла, что имеет дело со святой, пусть даже и не признала это официально⁷³⁶. Впрочем, процесс 1455—1456 г., по мнению историка, который повторял в данном случае выкладки Ле Брюн де Шарметта, и не мог стать канонизационным, учитывая сложные отношения между Англией и Францией в тот период. Тем не менее, учрежденный епископом и отмечающийся каждый год в Орлеане праздник «святой Девы» являлся лучшим доказательством наличия во Франции культа Жанны д'Арк⁷³⁷. Именно поэтому, рассуждал Валлон, для незамедлительной канонизации девушки, которая «при жизни была святой, а в смерти — мученицей» (*par sa vie, une sainte, et par sa mort, une martyre*)⁷³⁸, уже существуют все необходимые предпосылки, и главная из них — материалы дел 1431 г. и 1455—1456 гг.⁷³⁹ Эти последние можно было, с его точки зрения, рассматривать как основу для организации так называемого ординарного процесса канонизации (*procès de l'ordinaire*), представляющего собой сбор предварительной информации и опрос свидетелей.

Данный вопрос Валлон поднял в переписке с епископом Орлеанским. В письме от 15 августа 1867 г., ссылаясь на панегирик Дюпанлу 1855 г., он писал, что представителям церкви будет достаточно лишь внимательно проанализировать эти документы, чтобы прийти к однозначному выводу о святости французской героини. Не менее существенным представлялось знаменитому историку и то, насколько подобная канонизация укрепит позиции самой Церкви, которую «все еще продолжают обвинять в том, что она ее (Жанну — О.Т.) приговорила к смерти»⁷⁴⁰. Дюпанлу принял предложение А. Валлона близко к сердцу. В ответном пись-

⁷³³Ibid. P. 215—216.

⁷³⁴“Tout le monde, en effet, la proclamait sainte” (Ibid. P. 216).

⁷³⁵Ibid. P. 257.

⁷³⁶“Après cela Jeanne n'a pas été déclarée sainte; mais peut-on dire que l'Eglise ait méconnu son caractère?” (Ibid. P. 281).

⁷³⁷“Témoignage durable de la vénération de la France pour la sainte fille” (Ibid. T. 1. P. 77).

⁷³⁸Ibid. T. 2. P. 282.

⁷³⁹“Les enquêtes sont, dès à présent, entre les mains de tous, par l'édition des deux procès... Quel plus grand témoignage en effet à la gloire des saints que des actes mêmes de leur martyre?” (Ibid.).

⁷⁴⁰Et quelle meilleure réponse à ceux qui aujourd'hui encore l'accusent de l'avoir condamnée?” (AN. Série AB — Fonds privés. AB 19. 522—525 — Papiers de Mgr Dupanloup évêque d'Orléans. AB 19. 522. Dos. 6, письмо от 15.08.1867).

ме он сообщал, что именно тему святости Девы он собирается сделать центральной в панегирике, который произнесет 8 мая 1868 г. Он также просил именитого историка кратко указать ему те основные моменты жизни французской героини, которые, с его точки зрения, наглядно демонстрировали бы ее святость в «каноническом смысле». В ответ Валлон перечислил следующие составляющие образа святой Жанны: ее исключительную набожность, имевшиеся у нее видения и откровения, чудо с ожившим ребенком в Ланьи, а также собственно традицию почитания девушки простым народом на протяжении веков⁷⁴¹.

Тем не менее, советами историка монсьёру Дюпанлу воспользоваться не удалось: в связи с визитом императора Наполеона III в Орлеан все политические выступления и процессии весной 1868 г. были запрещены⁷⁴². Как следствие, панегирик Жанне д'Арк, который в этот год читал аббат Луи Боннар, был посвящен традиционной теме роли Девы в освобождении города от англичан и не содержал ни малейших намеков на ее возможную святость⁷⁴³.

Свое собственное выступление епископ Дюпанлу перенес на следующий, 1869 г. При подготовке панегирика, главной темой которого на сей раз действительно стала святость Девы, он не ограничился информацией, полученной от А. Валлона, но прибег к самому лучшему источнику — пятитомному изданию Ж. Кишра. В конце февраля или в начале марта 1869 г. он написал знаменитому шартисту личное письмо, в котором просил указать, где именно он мог бы ознакомиться с откликами на деяния Жанны пап Пия II и Каликста III⁷⁴⁴. Кишра не замедлил ответить. Он сообщал своему именитому респонденту, что оба интересующих его текста действительно были им опубликованы, однако они ни в коем случае не носят апологетического характера: «достойные всяческого уважения» заметки Пия II были созданы им «не в качестве папы, но в качестве историка» и опубликованы только в конце XVI в., а булла Каликста III всего лишь подтверждала реабилитацию Жанны д'Арк после «лживого обвинения» (*fausse accusation*) ее в ереси. Тем не менее, он предлагал епископу лично ознакомиться с ними в его изда-

⁷⁴¹Ibid., письмо от 23.08.1867. Таким образом, оказались перечислены все нормы канонического права, введенные Бенедиктом XIV.

⁷⁴²Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 172—174.

⁷⁴³Baunard L. Jeanne d'Arc et la délivrance d'Orléans. Orléans, 1868.

⁷⁴⁴Любопытно отметить, насколько плохо на тот момент епископ Орлеанский представлял себе источниковую базу по истории Жанны д'Арк. Имя Кишра не было ему знакомо, иначе сложно объяснить, почему свое послание он отправил брату у главы Школы Хартий, Луи Кишра, хранителю библиотеки св. Женевьевы. Тот направил его к Жюлю, «который посвятил всего себя этим исследованиям и занимает в этом вопросе весьма видное место»: Dupanloup. Correspondance (Pontchergon — Quittemel) // BNF. Nouv. acq. fr. 24703, f. 639—639v (письмо от 22.03.1869).

нии (*mon édition des procès*)⁷⁴⁵. Как следует из панегирика 1869 г., прочитанного Дюпанлу перед многочисленными гостями, среди которых были 13 прелатов французской церкви⁷⁴⁶, он последовал совету Кишра: практически каждая фраза его текста отсылала к источникам XV в. — не только к сообщениям Пия II и Каликста III, но прежде всего к показаниям самой Жанны 1431 г. и рассказам свидетелей 1455—1556 гг.

Отличие от панегирика 1855 г., в новой речи епископа Орлеанского святость главной героини (*la sainteté dans sa vie et dans sa mort*) являлась непреложным фактом и провозглашалась уже в первых строках⁷⁴⁷. Автор допускал, что подобная характеристика может удивить некоторых из присутствующих, но полагал, что после ознакомления с его доводами они уверуют так же, как и он⁷⁴⁸. Более того, он, как и некоторые его предшественники-панегиристы, выразил надежду, что и Церковь придет однажды к такому же выводу⁷⁴⁹. Если раньше, продолжал Дюпанлу, он видел в Жанне боговдохновенную деву, героиню и мученицу, то теперь собирался доказать, что она, вне всякого сомнения, была святой⁷⁵⁰. Ссылаясь на А. Валлона, он отмечал, что материалы обвинительного и оправдательного процессов представляют прекрасную основу для будущей канонизации⁷⁵¹. Прежде всего они демонстрировали, с его точки зрения, что святой образ жизни был присущ Жанне с самого детства (*cette sainte enfant*)⁷⁵², о чем свидетельствовала ее исключительная — «активная и действенная» — набожность (*une piété active et pratique*), включавшая не только желание постоянно молиться и исповедоваться, но и исполнение тяжелой работы, раздачу милостыни, посещение больных и паломничества⁷⁵³. В еще большей степени святость девушки проявилась на полях сражений, ибо смелость и достоинство, которые были ей присущи, подчинение всех принятых ею решений воле Бога, а также ее набожность, которую она с успехом смогла передать окружающим ее солдатам⁷⁵⁴, являлись теми «христианскими добродетелями» (*vertus chrétiennes*), без которых немислим образ истинного святого⁷⁵⁵.

⁷⁴⁵Ibid., f. 640—640v (письмо от 3.03.1869).

⁷⁴⁶Jeanne d'Arc. Fête du 8 mai 1869 // CJA. 9.41 (1859—1876). Dos. 11.

⁷⁴⁷Dupanloup F. Second panégyrique de Jeanne d'Arc. Orléans-P., 1869. P. 6.

⁷⁴⁸“J’ai dit la sainte, Messieurs: vous jugerez, je l’espère, après avoir entendu ce discours, que ce nom n’est pas trop grand pour elle” (Ibid.).

⁷⁴⁹“Et l’Eglise elle-même, à qui seule il appartient de déclarer authentiquement la sainteté, le décidera peut-être un jour pour nous” (Ibid.).

⁷⁵⁰“Vous avez vu l’inspirée, l’héroïne, la martyre... Mon dessein, Messieurs, est de vous révéler... la sainte dans la jeune fille, la sainte dans la guerrière et dans la suppliciée” (Ibid. P. 7).

⁷⁵¹Ibid. P. 8.

⁷⁵²Ibid. P. 9.

⁷⁵³Ibid. P. 12—16.

⁷⁵⁴Ibid. P. 21—30.

⁷⁵⁵“Lorsqu’on traite à Rome de la béatification d’une vie, d’une âme, on examine avant tout l’héroïcité des vertus. Ce qui fait la sainteté, c’est l’héroïsme des vertus” (Ibid. P. 21).

Однако основное внимание Дюпанлу уделит третьему этапу в жизни Жанны д'Арк — ее «чаше страстей» (*la calice de sa passion*)⁷⁵⁶. Только его героиня могла сравниться в смерти с Иисусом Христом, отмечал епископ Орлеана, ибо все остальные французские святые умерли самым обычным образом⁷⁵⁷. Только у нее были свои Иуда, Каиафа, Пилат и Ирод⁷⁵⁸, и в этом мученичестве ее святость проявилась лучше всего⁷⁵⁹. Ее гибель на костре стала таким же триумфом, как и смерть Спасителя⁷⁶⁰, а преждевременная и страшная кончина ее судей приравнивалась им к самоубийству Иуды⁷⁶¹.

Несмотря на то, что из всех составляющих образа истинного святого Дюпанлу подробно остановился лишь на первой (святость жизни) и не рассматривал вопрос о христианских добродетелях своей героини и о ее чудесах, как того требовали правила Бенедикта XIV, его панегирик получил огромный резонанс как во Франции, где он был опубликован во всех основных католических журналах, так и за ее пределами: в том же, 1869 г. его переводы вышли в Англии и Германии⁷⁶². Главным, однако, итогом стало официальное обращение к папе Пию IX (1846—1878), подписанное 12-тью французскими кардиналами, архиепископами и епископами, в котором предлагалось начать процесс беатификации Жанны д'Арк — первый этап канонизационного процесса⁷⁶³. К этому документу прилагалось личное послание епископа Орлеанского с подробным объяснением мотивов, побудивших его предпринять подобный шаг. Отмечая, что сама идея беатификации Девы не является новшью, в чем смогли убедиться прелаты, собравшиеся на последние торжества по случаю 8 мая⁷⁶⁴, он писал, что решение о начале процесса

⁷⁵⁶Ibid. P. 45—62.

⁷⁵⁷“On n'est un Saveur, une image du Christ, qu'à ce prix. La France n'a jamais rien de pareil. Elle avait vu des saintes, des femmes grandes et illustres: rien de pareil à Jeanne d'Arc” (Ibid. P. 45—46).

⁷⁵⁸Ibid. P. 47.

⁷⁵⁹“Dans ce martyre, la sainteté, définitivement victorieuse et consommée” (Ibid. P. 52).

⁷⁶⁰“Elle meurt, mais elle triomphe” (Ibid. P. 59).

⁷⁶¹Ibid. P. 60.

⁷⁶²*Lanery d'Arc P. Livre d'or. № 1056—1059.*

⁷⁶³“Evêque d'Orléans...demande au Saint Siège de vouloir bien déclarer que cette admirable jeune fille a pratiqué héroïquement les vertus chrétiennes, tant théologiques que cardinales, et qu'elle est digne, en conséquence, d'être inscrite parmi les Bienheureux” (*Cochard Th. La cause de Jeanne d'Arc, Pucelle d'Orléans. Procédure. Introduction. Action de grâces. Orléans, 1894. P. 4.*)

⁷⁶⁴“L'idée de la béatification de Jeanne d'Arc n'est pas nouvelle: elle s'est produite déjà sous une foule d'écrits, et les Evêques réunis à Orléans à l'occasion de ces derniers fêtes en ont tous été frappés” (Minute de la lettre d'envoi au Pape du Panégyrique de Jeanne d'Arc de Mgr Dupanloup et de l'Histoire de Jeanne d'Arc de Wallon // AN. AB 19. 522. Dos. 6: Papiers concernant la canonisation de Jeanne d'Arc).

будет положительно воспринято во Франции и станет весьма «уместным» и «достойным» для самой католической церкви⁷⁶⁵.

Тем не менее, в ответном письме от 30 сентября 1870 г. секретарь Конгрегации обрядов сообщал монсеньору Дюпанлу, что представленных в Рим документов оказалось недостаточно для того, чтобы начать официальную канонизацию⁷⁶⁶. Как и полагалось в таких случаях, необходимо было прежде всего провести ординарный процесс, т.е. собрать свидетельские показания о репутации Девы (*fama sanctitatis*), приложить к ним «источники» (материалы обвинительного и оправдательного процессов) и отправить эти бумаги на повторное рассмотрение в Рим⁷⁶⁷.

Однако начавшаяся в 1870 г. франко-прусская война привела к вынужденному перерыву в переговорах с папским престолом. Не отмечался в это время и праздник Девы в Орлеане, хотя политические события (и, в частности, потеря Францией Эльзаса и Лотарингии) лишь подогрели интерес общества к фигуре Жанны д'Арк⁷⁶⁸. В каждом новом панегирике, которые произносились в последующие годы 8 мая, тема ожидаемой канонизации звучала все громче. Приглашенные ораторы считали своим долгом прежде всего сослаться на речь Дюпанлу 1869 г. как на своеобразный рубеж в истории почитания французской героини. Если до этого времени, отмечал в 1872 г. Адольф Перро, можно было говорить о мученичестве Жанны, то теперь наступил новый этап — восхваления ее как святой⁷⁶⁹. Епископ Орлеанский, писал в 1873 г. Жозеф Леманн, создал в своем тексте образ, достойный канонизации, — памятник, к которому нечего добавить и можно лишь со дня на день ожидать, когда Святой престол признает ее блаженной⁷⁷⁰.

В 1874 г. власти Орлеана, наконец, смогли вернуться к идее официальной канонизации своей героини и приступить к организации ординарного процесса. Перед монсеньором Дюпанлу стояла весьма непростая

⁷⁶⁵“Jose dire, très Saint-Père, que rien ne sera plus populaire en France, et partout, en même temps que cet acte paraîtrait très opportun dans les circonstances présentes, très honorables au Saint-Siège et à l'Eglise” (Ibid.).

⁷⁶⁶AN. AB 19. 522. Dos. 6: Papiers concernant la canonisation de Jeanne d'Arc, письмо от 30.09.1870.

⁷⁶⁷Подробнее об организации канонизационного процесса см.: *Langogne P. de. Jeanne d'Arc devant la sainte Congrégation des Rites. P., 1894. P. X—XI; Brun P.-M. Les péripéties de la canonisation de sainte Jeanne d'Arc // Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais. 1970. № 6. P. 121—134; Cunningham L.S. Op. cit. P. 72—73.*

⁷⁶⁸Не случайно ее любовь к родине как высшая христианская добродетель (а потому — признак святости) стала главной и единственной темой панегирика, который произнес в 1875 г. Эжен Бернар: *Bernard E. Dieu et la France. Orléans, 1875.*

⁷⁶⁹*Perraud A. Panégyrique de Jeanne d'Arc prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1872. Orléans, 1872. P. 6—7.*

⁷⁷⁰“Jeanne d'Arc, au front de laquelle on espère que Rome un jour attachera le diadème de Bienheureuse” (*Lemann J. Jeanne d'Arc et les héroïnes juives. Orléans, 1891. P. 7.*)

задача, и главная сложность заключалась в том, что он желал канонизировать светскую святую — человека, при жизни не принадлежавшего к церкви. Каноническое право предусматривало для подобных случаев три различные процедуры. Если имелась возможность доказать, что культ предполагаемого святого существовал с незапамятных времен, для подтверждения его статуса достаточно было простой беатификации. Этот вариант, однако, не устраивал епископа Орлеанского, поскольку о многовековом, пусть даже местном, но непрерывном, религиозном почитании Жанны д'Арк во Франции не сохранилось достаточного количества достоверных сведений. Вторым способом было признание Девы мученицей, что, однако, упиралось в необходимость созыва сугубо церковного трибунала и, как следствие, нового обращения в Рим. Наконец, третьим вариантом являлся собственно канонизационный процесс, организация которого требовала больших усилий и занимала много времени, но который возможно было начать на месте, не обращаясь за помощью к папскому престолу⁷⁷¹. Сложность в данном случае заключалась лишь в том, что подобная процедура предполагала опрос свидетелей, которые подтвердили бы «святость жизни», героический характер добродетелей и наличие исполнившихся чудес у человека, претендующего на официальный статус святого, а также отсутствие его культа, как местного, так и национального (соблюдение принципа *non cultu*)⁷⁷².

В том, что касается Жанны д'Арк, данное условие оказывалось трудновыполнимым: современники девушки давно умерли, а доказать полное отсутствие ее почитания во Франции на протяжении 400 лет было почти невозможно. Отдельную проблему представляла собой организационная сторона процесса. Согласно каноническому праву, сам епископ, являясь официально главой церковного трибунала, не мог проводить слушания по такого рода делам. Он также не мог вмешиваться в ход расследования и выступать свидетелем. Необходимо было, таким образом, назначить адвокатов веры (*postulatores*), которые бы опрашивали свидетелей и вели записи. Они же затем должны были свести материалы слушаний воедино, сделать с них чистовую копию, заверить ее печатью епископа и отправить в Конгрегацию обрядов с сопроводительным письмом этого последнего⁷⁷³.

⁷⁷¹Подробнее см.: Dalaran J. Op. cit. P. 55—56.

⁷⁷²“Pro processu ordinario informativo super fama sanctitatis, virtutum et miraculorum. Pro relationibus super miraculis. Pro processu ordinario super non cultu” (Instruzione sopra cio che deve farsi dai pp. postulatori capuccini prima di principiarsi il processo ordinario nelle cause di beatificazione e canonizzazione dei servi di Dio. Roma, 1854 // ADL. Série 50 J — Dépôt de l'évêché d'Orléans. 50 J 1182 — L'Evêché d'Orléans. Procès de l'ordinaire informatif: documentation, instructions pour l'interrogatoire des témoins (1854—1874). P. 1).

⁷⁷³Ibid. P. 43—45.

Весной 1874 г. городские и церковные власти Орлеана начали подготовку к процессу. От мэрии города адвокатом веры был избран Александр Коллен, генеральный инспектор мостов и дамб, бывший советник муниципалитета⁷⁷⁴. Местный капитул на экстренном заседании (*un séance extraordinaire*) 24 мая 1874 г. делегировал для тех же целей своего генерального викария Франсуа-Эдмона Денуайе, отметив попутно, что почитание Жанны д'Арк в Орлеане достигло таких высот, что «многие поддерживают» идею ее канонизации, поскольку для этого имеются все необходимые условия⁷⁷⁵. Обе кандидатуры защитников были одобрены епископом Дюпанлу, который, отчасти в нарушение канонического законодательства, контролировал весь ход слушаний⁷⁷⁶. В то же самое время был составлен список предполагаемых судей, заседателей, писцов и — главное — свидетелей на процессе⁷⁷⁷.

Для их опроса А. Коллен и Ф.-Э. Денуайе издали специальную инструкцию, включавшую 30 статей и охватывавшую все стороны жизни Жанны д'Арк⁷⁷⁸. Несмотря на формальный запрет вмешиваться в ход следствия, монсеньор Дюпанлу также принял активное участие в редактировании списка вопросов для будущих свидетелей: по его предложению были добавлены два последние пункта, посвященные вере Жанны д'Арк в собственную миссию и ее добродетелям, проявившимся в ходе допросов в Шиноне и Пуатье⁷⁷⁹. Впрочем, в инструкцию входил не только перечень статей, ответы на которые обязаны были знать участники процесса. А. Коллен и Ф.-Э. Денуайе позаботились и об источниках информации для этих последних: к каждому вопросу прилагалась своего рода «шпаргалка», указывающая, в каких именно изданиях можно найти те или иные сведения. Лидирующее место среди них, безусловно, занимали материалы обвинительного и оправдательного про-

⁷⁷⁴Его кандидатура была предложена мэром Орлеана в письме епископу Дюпанлу: ADL. 50 J 1183 — *Procès de l'ordinaire informatif: sessions de 1874—1875*. P. 14.

⁷⁷⁵*Processus Ordinarius Informativus super fama sanctitatis, virtutum et miraculorum in Causa Beatificationis et Canonisationis Servae Dei Joannae d'Arc* // *Ibid.* P. 18.

⁷⁷⁶Летом 1874 г. Дюпанлу писал одному из адвокатов веры, называя его «дорогим и драгоценным другом» (*cher et excellent ami*), что из-за болезни не успеваешь посмотреть «чудесную программу» (*admirable programme*) процесса, присланную ему ранее, но обещает сделать это в ближайшие дни. Он также выражал надежду на то, что работа над «великим проектом» (*grand sujet*) продолжится в лучшем виде: ADL. 50 J 1193 — *Correspondance juridique et historique (1874—1878)*, письмо от 19.06.1874.

⁷⁷⁷С их перечня начинался том материалов ординарного процесса: *Processus Ordinarius Informativus*. P. 1—2.

⁷⁷⁸*Procès de l'ordinaire relatif à la béatification et à la canonisation de Jeanne d'Arc surnommée la Pucelle d'Orléans. Questions, instructions et répertoire*. Orléans, 1874 // ADL. 50 J 1182.

⁷⁷⁹ADL. 50 J 1193, письмо от 11.07.1874.

цессов, опубликованные Ж. Кишра. В том же пятитомнике будущим свидетелям предлагалось ознакомиться и с хрониками XV в. (прежде всего, с сочинениями Персеваля де Каньи, Жана Шартье и Тома Базена), и с трудами теологов, посвященными Жанне д'Арк. Не менее важными адвокаты веры сочли упоминавшиеся выше работы С. Гуйона и К. де Л'Аверди, а из современных исторических трудов выделили сочинения Лангле Дюфренуа и А. Мартена⁷⁸⁰.

Чтение всей этой литературы, по мнению А. Коллена и Ф.-Э. Денуайе, должно было не просто облегчить выступление свидетелей в суде, но настроить их на дачу совершенно определенных показаний. Заранее составленные и разосланные заинтересованным лицам вопросы практически не предусматривали рассуждений на тему возможной святости Жанны д'Арк: в их формулировку изначально были заложены готовые ответы. В особенности это касалось статей 5—23, посвященных подробному рассмотрению всех христианских добродетелей, присущих французской героине (ее любви и преданности Господу, покорности Его воле, ее дара откровений и пророчеств, простоты и невинности, презрения к материальным благам, великодушия, веры и благоразумия, справедливости и силы духа, терпения и целомудрия, смирения и мягкости характера, послушания)⁷⁸¹. Задачей свидетелей, таким образом, становилось лишь подтверждение (с возможной опорой на источники) их наличия в жизни героини. Единственными вопросами, на которые предполагалось получить более или менее развернутые ответы, были статьи, посвященные описанию чудес, якобы совершенных Жанной (ст. 24); отношению к ней как к святой при жизни (ст. 25); ее почитанию после смерти (ст. 26), а также ее добродетелям, проявившимся во время допросов в Шиноне и Пуатье (ст. 30).

Тем не менее, насколько можно судить по сохранившемуся в архиве Орлеана черновику материалов ординарного процесса, далеко не все из одиннадцати привлеченных к следствию свидетелей готовы были занять соглашательскую позицию⁷⁸². Безусловно, в показаниях А. Валло-

⁷⁸⁰На работы А. Валлона в тексте инструкции имелось всего две ссылки, что объяснялось, вне всякого сомнения, его участием в процессе в качестве свидетеля.

⁷⁸¹Ibid. P. II—III. Первые 4 статьи были посвящены происхождению и семье Жанны д'Арк и носили сугубо биографический характер: 1. Сведения об отце и матери «служанки Господа»; 2. О ее детстве; 3. О ее милосердии; 4. О ее поведении в детстве (Ibid. P. I).

⁷⁸²Свидетелями на процессе 1874—1875 гг. стали: Норбер-Франсуа Дешан, советник апелляционного суда Орлеана; Жермен-Анатоль-Филипп дю Фор, граф де Пибрак; Алексис-Жак-Эньян Жермон, советник городского муниципалитета и президент торгового суда; Поль-Эжен Омберг, советник апелляционного суда Орлеана; Эжен-Анри Жанти, президент суда первой инстанции Орлеана; Ашиль-Луи Биго, барон де Орог, генеральный советник и мэр Сен-Сира; Мари-

на, самого именитого и важного свидетеля на процессе 1874—1875 гг., Жанна д'Арк представляла в том же каноническом образе святой, какой был запечатлен на страницах его исторического труда⁷⁸³. Валлон признавал героическими (т.е. присущими ей в высшей степени) все христианские добродетели Жанны д'Арк⁷⁸⁴. Он сообщал, что ее репутация святой подтверждалась не только показаниями на процессе по ее реабилитации, но уже содержанием тех обвинений, которые были ей предъявлены в 1431 г.⁷⁸⁵ Тот же источник он использовал и для обоснования тезиса о чудесах, совершенных его героиней при жизни: оживление ребенка в Ланьи, писал он, было сочтено настолько выдающимся событием (*in miracle*), что о нем Жанну специально допрашивали в Руане⁷⁸⁶. Что же касается ее почитания после смерти, то здесь Валлон в качестве одного из доказательств приводил «изображение XV в.», на которой девушка была представлена вместе с Девой Марией, младенцем Иисусом и архангелом Михаилом и — как и все они — имела нимб над головой⁷⁸⁷. (ИЛЛ. 39)

Позицию Валлона в большей или меньшей степени разделяли Н.-Ф. Дешан, граф де Пибрак, А.-Л. Биго и М. де Саль. Все они признавали героический характер присущих девушке добродетелей и подробно рассказывали о якобы совершенных ею чудесах. Конечно, списки последних могли варьироваться. Например, для Дешана таковыми являлись узнавание Робера де Бодрикура в Вокулере и дофина Карла в Ши-

---

Луи-Жюль-Габриэль Баше, судья в суде первой инстанции Орлеана; Шарль-Мари-Теофил Кошар, священник, профессор в семинарии собора св. Креста; Максим-Леон-Мари-Франсуа де Саль де Лаж де ла Рошетери, мэр Дри; Луи-Феликс Додье, владелец мануфактуры (*manufacturier*). Самым главным свидетелем являлся, безусловно, министр образования и культов, историк А. Валлон.

⁷⁸³Еще в феврале 1875 г. Валлон сообщал в письме Дюпанлу, что подготовил письменный текст своих показаний. Он собирался выступить с ними лично, как только заседание в Национальной ассамблее позволит ему приехать в Орлеан: BNF. Nouv. acq. fr. 24709 — *Dupanloup. Correspondance* (Ubartel — Zutterling), письмо от 19.02.1875. Тем не менее, даже в начале мая 1875 г. Валлон еще не мог покинуть Париж: *Ibid.*, письмо от 4.05.1875. В конце концов он прислал в Орлеан письмо на 91 странице, которые были подклеены в материалы ординарного процесса после записи всех прочих свидетельских показаний (этим листам была присвоена своя пагинация, поэтому после 131 страницы основного текста снова идет стр. 1): *Processus Ordinarius Informativus*. P. 1—91.

⁷⁸⁴*Ibid.* P. 4—67.

⁷⁸⁵“Ce ne sont pas seulement les témoins du procès de réhabilitation, ce sont les accusations portées contre elle au procès de Rouen...qui attestent la réputation de sainteté dont elle jouit de son vivant” (*Ibid.* P. 70).

⁷⁸⁶*Ibid.* P. 68.

⁷⁸⁷“Or la Ste Vierge, l'enfant Jesus, St Michel et Jeanne d'Arc ont la tête nimbée, signe de la sainteté” (*Ibid.* P. 71bis, подчеркнуто в оригинале — О.Т.). Репродукция ее приводилась в издании: *Wallon H. Jeanne d'Arc. Edition illustrée d'après les Monuments d'Art depuis le quinzième siècle jusqu'à nos jours*. 3 éd. P., 1877.

ноне, нахождение меча в Сент-Катрин-де-Фьербуа и оживление ребенка в Ланьи⁷⁸⁸. Граф де Пибрак особо упирал на освобождение семи французских городов всего за четыре месяца⁷⁸⁹, А.-Л. Биго упоминал только случай оживления⁷⁹⁰, а М. де Саль отмечал, что вся жизнь Жанны была одним непрекращающимся чудом (*un miracle perpétuel*)⁷⁹¹. Тем не менее, все эти свидетели полагали, что уже при жизни Жанна снискала себе репутацию святой⁷⁹², а после смерти удостоилась всенародного почитания⁷⁹³. Если бы ее останки не были выкинуты в Сену, писал Н.-Ф. Дешан, а были бы захоронены в Домреми или Орлеане, ее могила превратилась бы в место настоящего паломничества (*la vénération publique*)⁷⁹⁴.

Остальные шесть свидетелей, однако, придерживались иного мнения по данному вопросу. Некоторые из них, как, например, А. Жермон, Ш. Кошар и М.-Л. Баше, отказывались давать показания о чудесах Жанны д'Арк, заявляя, что ее деяния сложно подвести под каноническое определение «чудесного», а сама она никогда не говорила о том, что творит чудеса⁷⁹⁵. Для А. Жермона столь же спорным оказывалось и утверждение об исключительном милосердии Девы, которое, как он признавался, он оценить не в состоянии⁷⁹⁶. Он ничего не говорил о восприятии Жанны как святой при ее жизни, обходили этот вопрос молчанием и П.-Э. Омберг, Э.-А. Жанги, Л.-Ф. Додье⁷⁹⁷. Ш. Кошар аккуратно ссылался на тот факт, что «современники считали» Жанну «набожной, простой и целомудренной» девушкой, «истинной католичкой»⁷⁹⁸. М.-Л. Баше полагал, что при жизни она считалась «такой хорошей девушкой, как если бы она была святой»⁷⁹⁹. Даже по-

⁷⁸⁸Processus Ordinarius Informativus. P. 12—13.

⁷⁸⁹Ibid. P. 31.

⁷⁹⁰Ibid. P. 96.

⁷⁹¹Ibid. P. 123.

⁷⁹²“Lorsqu'elle accomplissait sa mission elle a été regardé notamment à Orléans par la population toute entière comme une sainte. On l'appelait: la Sainte” (Ibid. P. 5, Н.-Ф. Дешан). “Amis et ennemis ont toujours regardé Jeanne d'Arc comme Sainte” (Ibid. P. 123, М. де Саль).

⁷⁹³Ibid. P. 31, 124.

⁷⁹⁴Ibid. P. 16.

⁷⁹⁵“Jeanne ne prétendit pas avoir fait des miracles...Les faits de guerre de Jeanne...est-il un miracle dans le sens strict du mot, j'hésite à le dire” (Ibid. P. 55—56); “Malgré quelques faits merveilleux que rapportaient les enquêtes, je ne crois pas qu'on puisse dire que Jeanne d'Arc ait fait des miracles” (Ibid. P. 101).

⁷⁹⁶“Il n'ose pas se juger compétent pour affirmer l'héroïcité de la charité de Jeanne d'Arc” (Ibid. P. 41). А. Валлон в своих показаниях подтверждал факт исключительного милосердия Жанны: Ibid. P. 47—50.

⁷⁹⁷Ibid. P. 57—58, 74—75, 83, 130.

⁷⁹⁸Ibid. P. 117.

⁷⁹⁹“Dès son existence, Jeanne d'Arc a été regardé comme...si bonne fille que si elle eut été uné Sainte” (Ibid. P. 108, разрядка моя — О.Т.).

смертное почитание Девы подтверждали не все свидетели на процессе 1874—1875 гг.: например, Э.-А. Жанти, описывая памятники Жанне, установленные в Орлеане и Руане, не использовал сам термин «почитание» (*vénération*), а Ш. Кошар и вовсе отказывался высказываться по данному пункту⁸⁰⁰.

И все же, несмотря на достаточно противоречивые мнения свидетелей, заслушанных в ходе следствия 1874—1875 гг., епископ Дюпанлу решил отправить материалы ординарного процесса папе Пию IX. В письме от 2 января 1876 г., адресованном одному из адвокатов веры, он торопил своих коллег с изготовлением чистовой копии текста и отсылкой ее министру иностранных дел Франции, который взял на себя труд «в тот же день» переправить ее в Рим⁸⁰¹. К тому же времени относилась и его просьба, обращенная к прелатам Франции и Бельгии, направить в Конгрегацию обрядов письма в поддержку канонизации Жанны д'Арк⁸⁰², о чем его просил кардинал Билио. Данные послания, по мнению представителя Ватикана, должны были лишней раз засвидетельствовать желание всего французского общества получить новую национальную святую⁸⁰³. О том же говорили и ораторы, выступавшие в Орлеане с традиционными панегириками 8 мая. Так, в 1876 г. Морис д'Ульст, сравнивая Деву с уже канонизированными святыми, заявлял, что надеется на скорейшее официальное признание данного статуса и за своей героиней, тем более, что орлеанцы «только что отправили понтифику свои горячие пожелания подобного признания»⁸⁰⁴. Ему вторил в 1877 г. Жак-Мари-Луи Монсабре, заявлявший, что присутствующим и так все хорошо известно о Жанне д'Арк, и ему приходится быть лишь «эхом» предшествовавших панегиристов⁸⁰⁵.

Однако, политические перемены, как раз в это время захлестнувшие Францию, не позволили епископу Орлеанскому в полной мере достичь своей цели. Обострившаяся в 1877—1878 гг. борьба за власть между монархистами и республиканцами привела в январе 1879 г. к от-

⁸⁰⁰Ibid. P. 85, 117.

⁸⁰¹“Ministre des Affaires Etrangères...m'a offert de faire partir le tout pour Rome, le jour même ou il le recevra de vous” (ADL. 50 J 1182, письмо от 2.01.1876). В действительности материалы в Рим отвез сам Дюпанлу в феврале 1876 г.: *Sejourné E. La Canonisation de Jeanne d'Arc. Etat actuel de la cause. Orléans, 1887. P. 16.*

⁸⁰²Circulaire épiscopale adressée aux évêques de France et de Belgique leur demandant l'envoi des lettres postulatatoires destinées à être présentées à la Congrégation des Rites // ADL. 50 J 1190 — Correspondance avec l'épiscopat français: lettres postulatatoires et suppliques au pape (1876—1878), черновик письма.

⁸⁰³*Sejourné E. Op. cit. P. 17.*

⁸⁰⁴*Hulst M. d'. Les apparitions libératrices. Orléans, 1876. P. 18.*

⁸⁰⁵“Je me ferai donc l'écho des grandes voix qui ont retenti sous ces voûtes” (*Monsabré J.-M.-L. Panegyrique de Jeanne d'Arc. Orléans, 1877. P. 6.*)

ставке президента Мак-Магона и избранию на его место Жюля Гриви. Победа Республики вела, по выражению современных исследователей, к «созидательной эйфории»⁸⁰⁶, в ходе которой «Марсельеза» стала официальным гимном французов⁸⁰⁷, а 14 июля — их национальным праздником⁸⁰⁸. В рамках той же программы актуализировалось и обращение к истории, точнее, к эпохе Просвещения, в деятели которой республиканцы видели своих непосредственных предшественников и почитание которых в конце XIX в. вылилось в широкомасштабную установку памятников, названную М. Агюйоном «статуоманией»⁸⁰⁹. Подобные изменения в политической жизни не могли не привести к радикальной поляризации французского общества. И первым открытым столкновением монархистов и республиканцев в этот период стал проект по организации праздников в честь двух выдающихся мыслителей прошлого — Руссо и Вольтера⁸¹⁰.

Следует отметить, что Вольтер на протяжении всего XIX в. оставался для почитателей Жанны д'Арк человеком, оскорбившем память о ней, единственным французским автором, чье имя постоянно упоминалось в орлеанских панегириках в негативном ключе. Начиная с 1809 г., когда аббат Нутейн прямо обвинил «философа» в том, что он усомнился в целомудрии своей героини⁸¹¹, данная тема оставалась для ораторов одной из излюбленных. Даже в 1817—1830 гг., когда представители церкви практически не принимали участия в организации торжеств 8 мая, обвинения Вольтера в том, что он «обесчестил Жанну», что он «опозорил и осмелял» ее, что он видел в ее действиях обман или политическую интригу⁸¹², по-прежнему звучали в речах панегиристов. С восшествием на епископскую кафедру Орлеана монсеньора Дюпанлу данная тема получила лишь новое развитие, ибо для этого последнего Вольтер всегда оставался главным врагом⁸¹³. Свое личное отношение он, как кажется, передал и приглашаемым на праздник 8 мая ораторам.

⁸⁰⁶ Goulemot J.-M., Walter E. Les centenaires de Voltaire et de Rousseau // Les lieux de mémoire / Ed. par P. Nora. I: La République. P., 1984. P. 383.

⁸⁰⁷ Vovelle M. La Marseillaise // Ibid. P. 85—138.

⁸⁰⁸ Amalvi C. Le 14 Juillet // Ibid. P. 421—472.

⁸⁰⁹ Agulhon M. La 'statuomanie' et l'histoire // Ethnologie française. 1978. № 8. P. 145—172.

⁸¹⁰ О подготовке этих торжеств подробнее см.: Benrekassa G., Biou J., Delon M., Goulemont E. Le premier centenaire de la mort de Voltaire et de Rousseau // Revue d'histoire littéraire de la France. 1979. Mars-Juin. P. 265—295; Galliani R. Voltaire en 1878: Le premier centenaire d'après les journaux de l'époque // SVEC. 1980. № 183. P. 91—115.

⁸¹¹ Nutein. Op. cit. P. 9. Та же тема поднималась и в 1829 г.: Morisset E. Op. cit. P. 20.

⁸¹² Bernet J. Op. cit. P. 14—15; Feutrier J.-F.-H. Op. cit. P. 30; Frayssinous D. Op. cit. P. 22—23; Girod Ch.-J. Op. cit. P. 28; Deguerry G. Op. cit. P. 81.

⁸¹³ Уже в 1841 г., в лекциях на факультете теологии Сорбонны, только что назначенный профессором Дюпанлу говорил о Вольтере с «особой ненавистью», что привело к жалобе студентов и отмене курса: Lagrange F. Op. cit. T. 3. P. 128.

Так, Л. Шевойон в 1859 г. заявлял, что даже имя «знаменитого писателя» он не желает произносить в соборе св. Креста, поскольку его поступок по отношению к Деве оказался значительно хуже костра, на который ее осудили англичане: они покушались всего лишь на ее тело, он же — осквернил ее славу⁸¹⁴. А. Перрейв в 1862 г. называл знаменитого философа «бессмертным либертенем» (*immortel libertin*)⁸¹⁵, а в 1867 г., когда республиканский журнал *Le Siècle* объявил сбор средств на возведение памятника Вольтеру, Дюпанлу и Валлон были первыми, кто высказался против данной идеи⁸¹⁶. В письме, отправленном в сентябре того же года, епископ потребовал от сотрудников редакции отменить подписку, если они не хотят, чтобы он — «епископ Орлеана и Жанны д'Арк» — принял ответные меры⁸¹⁷. В качестве последних он планировал провести, в частности, торжества 8 мая 1868 г., отложенные, как упоминалось выше, из-за визита в город Наполеона III.

Вот почему в конце 70-х гг. XIX в., когда вопрос о почтении памяти великого мыслителя вновь встал на повестке дня, монсеньор Дюпанлу не только оказался одним из наиболее активных противников данного проекта, но и попытался использовать сложившуюся ситуацию в целях продвижения идеи канонизации Жанны д'Арк. Зимой-весной 1878 г. он отправил членам муниципального совета Парижа десять писем⁸¹⁸ с детальным анализом неприглядной роли Вольтера в истории Франции, одно из которых было полностью посвящено его «глубокой безнравственности» (*profonde immoralité*) по отношению к Орлеанской Деве⁸¹⁹. Эта безнравственность, в частности, заключалась в публикации «омерзительной поэмы» (*abominable poëme*)⁸²⁰ с «обсценными гравюрами» (*figures obscènes*), где оскорбления были нанесены всему, что только можно вообразить: религиозным чувствам французов, их патриотизму, добродетели, слабости, юной девушке и женщине в лице самой Жанны, всему народу, всей Франции и всему человечеству⁸²¹. Это письмо, сооб-

⁸¹⁴“L'insulteur français de la Pucelle essaya de souiller sa gloire” (*Chevojon L. Op. cit. P. 32*).

⁸¹⁵*Perreyve H. Op. cit. P. 44*.

⁸¹⁶В письме от 15 августа 1867 г. А. Валлон предлагал противопоставить созданию памятника Вольтеру воздвижение алтаря в честь Жанны д'Арк: AN. AB 19.522. Dos. 6.

⁸¹⁷*Lagrange F. Op. cit. T. 3. P. 76*.

⁸¹⁸Письма 1—4: [*Dupanloup F.*] Premières lettres à MM. les membres du Conseil municipal de Paris sur le centenaire de Voltaire. P., 1878. Письма 5—7: [*Idem*]. Nouvelles lettres à MM. les membres du Conseil municipal de Paris sur le centenaire de Voltaire. P., 1878. Письма 8—10: [*Idem*]. Dernières lettres à MM. les membres du Conseil municipal de Paris sur le centenaire de Voltaire. P., 1878.

⁸¹⁹[*Idem*]. Nouvelles lettres. P. 37—51.

⁸²⁰*Ibid. P. 37*.

⁸²¹“Tout Voltaire est là: mépris de tout, insulta à tout, insulte à la religion, insulte au patriotisme, insulte à la vertu, insulte à la faiblesse, insulte à la jeune fille, insulte à la

шал далее Дюпанлу своим адресатам, было написано 8 мая 1878 г. — в день, когда вся страна отмечает праздник «Девы-мученицы» (*la vierge martyre*), тогда как «кто-то тайком собирает подписи в честь того, кто был ей большим палачом, нежели англичане»⁸²², и хочет почтить его память в день ее гибели — 30 мая⁸²³. 14 мая 1878 г. епископ отправил также специальное послание французским прелатам, прося их поддержать его в борьбе с юбилеем Вольтера⁸²⁴.

Проблема готовящихся республиканских торжеств поднималась и в панегирике, который произносил в Орлеане в 1878 г. Жеро Рукетт. Возмущаясь вслед за Дюпанлу самой идеей подобного праздника⁸²⁵, оратор предлагал хотя бы лишить его публичного характера и провести скромно — в театре или в Академии⁸²⁶. Идеи епископа получили поддержку и в других диоцезах. В частности, в католической газете *L'Union* 24 мая 1878 г. было опубликовано обращение, адресованное «женщинам Франции»: его автор напоминал, что 30 мая должно стать днем памяти не только Вольтера, но и костра в Руане, на котором сожгли Жанну д'Арк, и призывал своих читательниц — патриоток и добрых католичек — отныне взять в свои руки дело «торжественного почитания» Девы. Ответ на это письмо не заставил себя ждать: группа француженок во главе с герцогиней де Шеврез объявила о создании организации «Женщины Франции» (*Femmes de France*), первоочередной своей задачей посчитавшей открытие сбора средств на возведение статуи Жанны в Домреми, а также — на покупку цветов и изготовление венков, которые планировалось возложить к ее памятнику на площади Пирамид в Париже 30 мая 1878 г.⁸²⁷

Замыслам этим, однако, не было суждено осуществиться: под давлением общественности, разделившейся на два оппозиционных лагеря, правительство запретило устраивать 30 мая любые массовые акции, как в память о Вольтере, так и в память о Жанне д'Арк. Вместо них пла-

femme, insulte au peuple, insulte à la France, insulte à l'humanité" (Ibid. P. 43—44).

⁸²²“Des mains cachées portent ici dans l'ombre des listes de souscription au Centenaire de l'homme qui a été plus le bourreau de Jeanne d'Arc que les Anglais” (Ibid. P. 50).

⁸²³Дополнительная проблема заключалась в том, что Вольтер также умер 30 мая (только 1778 г.), поэтому торжества в 1878 г. были намечены именно на этот день.

⁸²⁴“Lettre de Mgr Dupanloup sur le projet de célébration du centenaire de Voltaire // AN. AB 19. 525, Dos. 5 — Polémique de Monseigneur Dupanloup contre la mémoire de Voltaire (1867—1878), письмо от 14.05.1878. Практически сразу (до конца мая) Дюпанлу получил обнадеживающие ответы от своих коллег: *Reponses des évêques et archévêques français à la lettre de Mgr Dupanloup* // Ibid.

⁸²⁵“On veut — on voudrait — célébrer avec une pompe...le centenaire de cet homme dont je ne voudrais pas laisser tomber le nom du haut de cette chaire...même pour le flétrir” (*Rouquette G. Le patriotisme et le surnaturel. Orléans, 1878. P. 40*).

⁸²⁶“Mais dans la rue, mais sur la place publique! Ah! de grâce, arrêtez-vous, réfléchissez” (Ibid.).

⁸²⁷*Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 203.*

нировалось провести отдельные мероприятия⁸²⁸. Цветы и венки, оплаченные «Женщинами Франции», были в результате отправлены поездом из столицы в Домреми. Туда же, 10 июля 1878 г., направились в паломничество в честь Девы сотни католиков со всей страны: по подсчетам наблюдателей, их общее число превысило 20 тысяч человек⁸²⁹. Что же касается Вольтера, то ему оказался, в частности, посвящен вечер в парижском театре Гаите, на котором речь произносил Виктор Гюго. Являясь еще при жизни идолом левых республиканцев, знаменитый писатель представил своим слушателям Вольтера как главного борца с любой несправедливостью, за веротерпимость и человеколюбие⁸³⁰. При этом он не сказал ни слова об «Орлеанской девственнице» и о трактовке образа Жанны д'Арк в эпоху Просвещения⁸³¹, чего, как и следовало ожидать, не смог простить ему епископ Дюпанлу.

Уже 1 июня 1878 г. (т.е. через день после собрания в театре Гаите) он написал Гюго открытое письмо, в котором кратко приводил те же доводы, что и в письме членам муниципалитета Парижа⁸³², а также заявлял, что Вольтера вообще не стоит считать французом, ибо жил он в Швейцарии, хотел умереть в Пруссии, а будь он помоложе, так и во все принял бы русское подданство⁸³³. Именно Вольтер вместе с Руссо, рассуждал епископ Орлеанский, породил Дантона и Робеспьера, за что уже подвергался справедливой критике⁸³⁴. Теперь же его сравнивают с Иисусом Христом, а это — настоящее святотатство⁸³⁵.

Однако ни продолжить свою борьбу с наследием великого мыслителя, ни довести до конца начатый им процесс канонизации Жанны д'Арк епископ Дюпанлу уже не успел. Он умер 11 октября 1878 г., оплаканный своими сторонниками, оставив после себя память самого преданного поклонника Девы⁸³⁶. Как мне представляется, это событие в

⁸²⁸ Goulemot J.-M., Walter E. Op. cit. P. 394; Lagrange F. Op. cit. T. 2. P. 455—467.

⁸²⁹ Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 204—205.

⁸³⁰ Goulemot J.-M., Walter E. Op. cit. P. 406.

⁸³¹ Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 199—200.

⁸³² [Dupanloup F.] Lettre de M. l'Evêque d'Orléans à M. Victor Hugo. Orléans, 1878. P. 3—4.

⁸³³ "Proclamant encore qu'il n'était pas Français, mais 'Suisse'; qu'il voudrait 'mourir Prussien'; et, s'il était plus jeune, 'qu'il se ferait Russe'" (Ibid. P. 2).

⁸³⁴ Ibid. P. 5—6.

⁸³⁵ "Ainsi, vous allez jusqu'à rapprocher Voltaire et Jésus-Christ!...C'est la forme la plus répugnante du blasphème" (Ibid. P. 8).

⁸³⁶ Как несравненного оратора, борца за правду и справедливость, «великого епископа» (*le grand Evêque*) вспоминал Дюпанлу в своем панегирике 1879 г. Шарль-Франсуа Тюринас: *Turinaz Ch.-F. Jeanne d'Arc, la France, l'Eglise et Dieu. Orléans, 1879. P. 6.* «Блестящим предшественником» (*illustre prédécesseur*) называл Дюпанлу в письме епископу де Куйе Луи-Филипп Орлеанский, граф Парижский: ADL. 50 J 1190, письмо от 27.12.1878.

какой-то степени стало причиной полной остановки рассмотрения в Риме подготовленных под его руководством материалов ordinarilyного процесса 1874—1875 гг. Попытки дополнить их петициями французских прелатов, предпринятые преемником Дюпанлу, монсеньором Пьером Куйе (1878—1893), во второй половине 1878 г.⁸³⁷, ни к чему не привели: Конгрегация обрядов сочла их количество неудовлетворительным⁸³⁸. В очередной раз осложнившиеся отношения папского престола с республиканской Францией также не способствовали продвижению данного вопроса: Эдмон Сежурне отмечал, что в Ватикане в начале 1880-х гг. Жанну д'Арк рассматривали «скорее как знаменитую героиню [прошлого], нежели как святую»⁸³⁹.

И тем не менее, в 1879 г., во время пребывания в Риме епископа Сен-Дье⁸⁴⁰, Лев XIII (1878—1903) официально уведомил французскую делегацию о совершенно особой причине, по которой этот процесс был остановлен. Он полагал, что почитание Орлеанской Девы достигло на ее родине таких масштабов, что оно противоречит одному из основных принципов канонического права — принципу *non cultu*, а потому делает ее официальное причисление к лику святых совершенно невозможным⁸⁴¹. Иными словами, по мнению папы, во Франции уже существовал культ святой Жанны д'Арк. И даже если данное противоречие было выдуманно Львом XIII и обусловлено исключительно политическими обстоятельствами⁸⁴², именно оно дает нам право утверждать, что к концу 70-х гг. XIX в., спустя 450 лет после появления Жанны д'Арк на исторической сцене, ее соотечественники признали в ней не только посланницу Свыше, не только истинного пророка и мученицу за христианскую веру, но прежде всего — свою святую покровительницу.

⁸³⁷К письму епископа де Куйе прилагался примерный текст петиции, который можно было отправить в Рим: *Ibid.*, письмо от 22.11.1878.

⁸³⁸*Sejourné E.* Op. cit. P. 17—18.

⁸³⁹“A Rome, on regardait généralement Jeanne d'Arc plutôt comme une héroïne célèbre que comme une sainte” (*Ibid.*).

⁸⁴⁰Под юрисдикцию диоцеза Сен-Дье, отделившегося в 1824 г. от диоцеза Нанси, подпадала родная деревня Жанны д'Арк, Домреми: *Marot P.* Le culte de Jeanne d'Arc à Domremy. Son origine et son développement. Nancy, 1956. P. 41.

⁸⁴¹*Brun P.-M.* Op. cit. P. 126.

⁸⁴²Возможно, впрочем, что папа римский опирался в данном случае и на информацию, полученную от своих агентов, о паломничестве французских католиков, организованном «Женщинами Франции» и местным духовенством летом 1878 г. в Домреми. Это событие, как отмечает Г. Крюмейх, действительно можно было посчитать началом общенационального поклонения Жанне д'Арк: *Krumeich G.* Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P. 205.

История продолжается...

Рассказ о превращении Жанны д'Арк в святую здесь заканчивается, как заканчивается и ее вторая «жизнь» — история самых различных «масок», которые примеряли своей героине французские авторы на протяжении XV—XIX вв. Возможно, читатели упрекнут меня в нежелании продолжить повествование и довести его до официальной канонизации Орлеанской Девы в 1920 г. В свое оправдание скажу лишь, что отнюдь не исторические (и во многом хорошо известные) факты интересовали меня в этом исследовании. Мне прежде всего хотелось отследить механизмы формирования представлений о святости Жанны д'Арк на протяжении почти пятисот лет, миновавших с момента ее гибели вплоть до того момента, когда о ее культе заговорили по всей Франции; понять, как возникала и какие трансформации переживала эта идея в умах просвещенных европейцев под влиянием политических событий, конфессиональных споров, литературных и художественных веяний.

Хочется верить, что мне удалось решить эту задачу и в полной мере продемонстрировать, насколько представления о святости оказываются зависимыми от общественно-политических, религиозных, правовых и социальных ценностных ориентиров, от общих культурных установок людей того или иного столетия. Осознание этого факта приводит нас, как мне кажется, к логическому выводу о весьма сложном пути формирования во французском обществе эпохи Средневековья и Нового времени идеи святости Жанны д'Арк. Прежде всего — о его многоэтапном и дискретном характере. В противовес существующему в современной историографии традиционному мнению о том, что установление «действительной святости» Девы стало результатом единовременных усилий, предпринятых католической церковью и близкими ей политическими деятелями второй половины XIX в., я полагаю, что данная идея развивалась постепенно — с середины XV в. до конца XIX в.

Первым этапом этого процесса, как мне представляется, следует считать период с 1429 г. (т.е. с момента появления Жанны д'Арк на исторической сцене) по конец XV в., когда французскую героиню впервые стали воспринимать как возможную новую святую королевства.

Анализ самых ранних откликов на эпопею Орлеанской Девы, к которым в первую очередь относятся материалы трех возбужденных в отношении нее судебных процессов, показал, что в это время главной парадигмой, в рамках которой происходило освоение и толкование ее образа французским образованным обществом, явилась доктрина *discretio spirituum* (букв. «различение духов»), активно используемая как в Средние века, так и в Новое время для оценки личности и деяний людей, претендующих на статус истинного пророка, мистика или святого. Выявление и анализ основных принципов этого учения, получившего развитие на протяжении всего Средневековья и обретшего относительно законченный вид в трудах французских теологов Пьера д'Альи и Жана Жерсона, и сопоставление этих принципов с документами, связанными с историей Жанны д'Арк, позволяет, как мне кажется, сделать вывод о том, что на протяжении всего XV в. происходило постепенное ее превращение в истинного пророка.

Этот статус был впервые закреплен за французской героиней уже летом 1429 г., после проведенных советниками дофина Карла (будущего Карла VII) в Шиноне и Пуатье допросов Жанны, а также после одержанной ею победы над англичанами под Орлеаном и в долине Луары, что нашло отражение в созданных специально ради этой цели трактатах французских и иностранных теологов, призванных оценить личность и деяния Жанны д'Арк: Жака Желю, Жана Жерсона, Генриха фон Горкума, Жана Дюпюи. «Превращение» Орлеанской Девы в истинного пророка позволило французам и поддерживавшим их иностранцам уже в первой половине XV в. сравнивать Жанну с официально признанными святыми, прежде всего, с библейскими образцами — ветхозаветными пророками.

Одновременно с этим в упомянутых сочинениях было уточнено и само понятие пророка, причем применительно именно к Жанне д'Арк. В отличие от многочисленных женщин-мистиков, появившихся в Европе в конце XIV-первой половине XV в. и предлагавших различные пути выхода из политического кризиса, спровоцированного Великой Схизмой, в Орлеанской Деве видели так называемого активного пророка — который не только предсказывал бы будущее той или иной страны, не только давал бы советы правителям и властям предрежающим, но и лично брался за осуществление предложенной им программы. Таким образом, Жанна д'Арк, как совершенно особый тип спасителя, оказывалась практически равной самому Иисусу Христу, уподобление которому появилось в текстах, посвященных ее личности и деяниям, уже в XV в.

В рамках той же доктрины *discretio spirituum* формировалось в XV в. и восприятие Орлеанской Девы ее противниками — англичанами и бургундцами. Ее статус истинного пророка был оспорен в ходе

процесса, возбужденного против нее в 1431 г. проанглийски настроенным церковным судом Руана. Отталкиваясь в своих построениях от того факта, что во Франции уже начал складываться культ поклонения Жанне д'Арк (что являлось явным нарушением норм канонического права, трактующего вопросы канонизации), судьи попытались сконструировать «обратный» образ девушки, используя различные демонологические теории, уже в достаточной мере распространенные к середине XV в. по всей Западной Европе. Рассматривая Жанну, в полном соответствии с доктриной *discretio spirituum*, как ведьму, члены руанского трибунала старались тем самым превратить ее в лжепророка, получавшего свои откровения не от Господа, но от дьявола. Данная попытка, однако, натолкнулась на определенные трудности, связанные, как мне представляется, в первую очередь с недостаточной разработанностью самой доктрины *discretio spirituum* и, в частности, с различным пониманием природы колдовства столичными французскими теологами и местными руанскими судьями. Тем не менее, обвинение Жанны в приверженности ереси (т.е. в следовании лживым иллюзиям, насланным дьяволом), вынесенное в официальный приговор по ее делу вместо обвинения в колдовстве (воспринимаемом как реальные практики), не помешало существованию и дальнейшему развитию — прежде всего применительно к истории Орлеанской Девы — дихотомии «святая/ведьма». Иными словами, само использование доктрины *discretio spirituum* для формирования представлений о французской героине как до, так и после процесса 1431 г. не позволило современникам полностью забыть о ее однажды уже официально признанном статусе истинного пророка. Более того, после своей гибели Жанна стала также восприниматься как мученица, претерпевшая смерть на костре за свои политические убеждения.

Формирование этого двойственного образа завершилось на процессе по реабилитации Девы, состоявшемся в 1455—1456 гг. Детальный текстологический анализ материалов данного судебного разбирательства позволяет, как мне кажется, прийти к выводу о том, что аккумуляция и сознательное «редактирование» многочисленных свидетельских показаний, а также опора на созданные в ходе процесса трактаты французских теологов предоставили сторонникам Карла VII возможность практически заново, но теперь уже в полном объеме, провести в отношении Жанны процедуру *discretio spirituum*. Получив доступ к информации, собранной дознавателями в Домреми, Орлеане, Париже и Руане о личности и деяниях девушки, судьи смогли выяснить и представить в нужном свете все обстоятельства ее простой и богоугодной жизни, соотнести их с библейскими историями ветхозаветных героев и Иисуса Христа, дабы затем еще раз назвать ее истинным пророком в своем отечестве.

Действия руанского трибунала в 1455—1456 гг. заставляют нас, таким образом, совершенно иначе, нежели было принято раньше, оценить характер проведенных слушаний. Следует, на мой взгляд, понимать, что целей у данного процесса было не одна, а несколько. Помимо признания результатов расследования 1431 г. недействительными — по причине их несоответствия нормам процессуального и канонического права — судьи в первую очередь стремились сформировать совершенно новый образ самой Жанны д'Арк. На основании доктрины *discretio spirituum* при оценке личности французской героини в 1455—1456 гг. были впервые открыто использованы концепты святости и чуда, проведено ее сравнение не только с библейскими пророками, но и со средневековыми канонизированными святыми. Таким образом, к концу XV в., как кажется, во французском обществе уже вполне сформировалось представление об Орлеанской Деве как об истинном пророке, получавшем откровения непосредственно от Господа, как о мученице, принявшей смерть от врагов, и, подобно Иисусу Христу, одержавшей над ними победу, как о новой святой королевства, ни в обстоятельствах жизни, ни в своих чудесах не уступавшей иным официально признанным святым.

Что касается последующего развития этих идей, то вторым этапом формирования образа святой Жанны д'Арк следует, на мой взгляд, признать первую половину XVI в. Главной отличительной чертой данного периода стали частичное изменение парадигмы, в рамках которой воспринималась Орлеанская Дева, и определенный спад интереса к ее личности и деяниям (в частности, к ее возможной святости). Связано это оказалось, на мой взгляд, не столько с радикальными изменениями политического климата в стране, как считалось до сих пор в современной историографии, сколько с изменением принципов французского историописания, испытавшего на рубеже XV—XVI вв. сильнейшее влияние итальянской гуманистической мысли. Героизация прошлого и, как следствие, фиксация внимания большинства авторов на фигуре правителя на какое-то время превратили Жанну д'Арк во второстепенного персонажа национальных «Историй» первой половины XVI в. Однако обращение к жизнеописаниям знаменитых людей, в большом количестве появившимся в это время во Франции под влиянием итальянского Возрождения, позволяет, как мне кажется, опровергнуть распространенное в историографии мнение о том, что Орлеанская Дева полностью исчезла из исторических сочинений раннего Нового времени, поскольку в источниках данного типа она продолжала оставаться одним из главных действующих лиц.

Изменения в жанровой принадлежности текстов, посвященных отныне истории Жанны д'Арк, породили, тем не менее, совершенно особенные стилистические приемы, используемые авторами этих про-

изведений. Агиографический дискурс, в большей степени присущий сочинениям XV в. (будь то богословские труды или хронистика), оказался в определенной мере вытеснен дискурсом героическим с его вниманием к античной истории и ее персонажам, с последовательной и весьма глубокой разработкой параллелей в судьбах Орлеанской Девы, с одной стороны, и Камиллы, Афины Паллады, Пентесилеи и Беллоны, с другой. Иными словами, французские авторы первой половины XVI в. стремились в первую очередь подчеркнуть в своей героине не столько ее христианские добродетели (исключительную набожность, целомудрие, ненависть к богохульникам, милосердие, и т.д.), сколько прежде всего ее доблесть, смелость в бою и ненависть к врагам, доходящую порой до кровожадности, наделяя ее при этом совершенно мужскими чертами и превращая из *Virgo* (девственницы) в *Virago* (женщину-воина).

Тем не менее, сборники жизнеописаний знаменитых людей, в которых излагались события жизни Жанны д'Арк, наравне с рассказами об античных героях включали в себя, причем буквально с начала XVI в., и истории библейских и средневековых святых, часто становившиеся основным (если не единственным) контекстом для изложения деяний Орлеанской Девы. Иными словами, даже в этот период всеобщей героизации истории и связанного с ней преимущественного внимания к фигурам правителей прошлого парадигма *discretio spirituum*, как мне кажется, не вполне исчезла из сочинений, посвященных Жанне, хотя и отошла в них на второй план. Соответственно, представления о девушке как о святой также не были полностью забыты.

С очередной актуализацией данной темы оказался связан третий этап процесса мифологизации образа Жанны д'Арк во Франции, пришедший на вторую половину XVI-первую половину XVII в. Историки этого времени находились под сильнейшим влиянием «теологического поворота», явившегося своего рода осмыслением Религиозных войн и характеризующегося повышением внимания к провиденциализму и роли пророков в истории общества. Именно он спровоцировал новые изменения в том числе и в понимании личности и деяний Орлеанской Девы, вызвав к жизни своеобразный «симбиоз» героического и агиографического дискурсов, в рамках которого рассматривался отныне ее образ. В нем сочетались гуманистическая идея личной ответственности людей за происходящее и христианское понимание исторического процесса как воплощения в жизнь замыслов Господа.

В тот же период, согласно решениям Тридентского собора, доктрина *discretio spirituum* получила статус единственно возможного способа доказательства святости того или иного человека и вновь заняла центральное место в оценке образа Жанны д'Арк. Признавая свою героиню пророком, авторы второй половины XVI-начала XVII в. особое

внимание уделяли возникшей в период становления абсолютизма идее о том, что только святая Дева могла прийти на помощь истинному правителю. Как следствие, в их произведениях вновь актуализировалась дихотомия «святая/ведьма», имевшая первейшее значение в оценке деятельности Жанны в XV в. В XVI—XVII вв. в ее трактовке, однако, сказывалось прежде всего влияние «охоты на ведьм», пришедшейся во Франции на 1560—1650 гг., демонологических концепций этого времени, а также первых массовых процессов над одержимыми. Важной особенностью созданных в рамках данного дискурса текстов, как мне представляется, являлось крайне жесткое и последовательное противопоставление французов-католиков и англичан-протестантов, военные столкновения которых в ходе Столетней войны отныне рассматривались как непримиримая борьба истинных христиан с неверными пособниками дьявола.

Своеобразным развитием этой темы в конце XVI—первой половине XVII в. стал спор о Жанне д'Арк между французскими католиками и протестантами, интерпретировавшими историю Орлеанской Девы согласно своим религиозным установкам. В их сочинениях, в определенной мере воспринявших проанглийски ориентированную историографическую традицию XV в., девушка представала не в привычной ипостаси «святой» или «ведьмы», но рассматривалась как обманщица, утратившая девственность в войсках и ставшая пешкой в политических интригах королевских советников и капитанов. Для католических авторов, в большинстве своем почитавших протестантов еретиками и приспешниками Сатаны, делом чести оказалось восстановление доброго имени их героини. Таким образом, на период так называемого «католического Возрождения» во Франции (первая половина XVII в.) пришелся настоящий «прорыв» в развитии представлений о святости Орлеанской Девы. Кардинал Ришелье, с именем которого следует, как мне кажется, в первую очередь связать эти изменения, попытался превратить Жанну д'Арк в идеальную героиню эпохи абсолютизма — добрую христианку и провидицу, которая оказала неоценимую помощь королю и избавила его страну от захватчиков, не только посягнувших на чужие земли, но и предавших (приняв протестантизм) истинную веру. Таким образом, для Ришелье и целого круга авторов, произведения которых были созданы по его прямому указу, Жанна являлась уже не просто Божественной избранницей и истинным пророком, но превратилась в мученицу за веру и, как следствие, в святую. Наиболее ярко этот образ был очерчен в поэме «Освобожденная Франция» Жана Шаплена, также написанной по заказу кардинала Ришелье. В ней святость Девы уже не рассматривалась как возможность, но постулировалась как данность, не подлежащая сомнению.

Таким образом, главной отличительной чертой третьего этапа формирования представлений о Жанне д'Арк следует, на мой взгляд, назвать готовность французского общества к ее официальной канонизации, его открытое стремление к провозглашению ее святой. Помимо внушительного корпуса различных по жанровой принадлежности произведений на это в не меньшей степени указывали активный сбор ее возможных реликвий, включение ее имени в мартиролог французских святых, а также прямой призыв к ее канонизации, впервые прозвучавший из уст представителя церкви в 1672 г.

Впрочем, панегирик отца Жана Франсуа Сено, произнесенный им в соборе св. Креста в Орлеане, не получил должного ответа, и никаких официальных шагов в отношении признания святости Орлеанской Девы ни церковью, ни светскими властями во Франции предпринято не было. Как мне представляется, подобное «молчание» было вызвано с изменившейся политической и общей культурной ситуацией. Усложнение канонического права в вопросе о канонизации и очередное ухудшение отношений с Ватиканом стали причиной практически полной остановки такого рода процессов во Франции. Смена всей системы мировосприятия, постепенный отказ от средневековой схоластики и неоплатонизма XV—XVI вв. в пользу механистической философии Декарта и Гоббса с характерным для нее неверием в сверхъестественное, в участие Бога в жизни людей и с ее скептическим отношением к магии и любого рода «чудесам», также привел к падению интереса к истории Орлеанской Девы.

Так начался четвертый (и один из самых сложных) период процесса мифологизации личности Жанны д'Арк, занявший вторую половину XVII в. и весь XVIII в. С развитием литературы и, в частности, с отказом от эпического жанра, в котором творил Ж. Шаплен, оказалась связана жесточайшая критика, которой была подвергнута «Освобожденная Франция», а образ святой Девы, обретший в поэме полностью законченный вид, не получил признания у французских читателей. В рамках общей смены всей мировоззренческой системы радикальные изменения коснулись и принципов историописания, для которого стало характерно рационалистическое понимание исторического процесса. Именно это обстоятельство, как кажется, стало причиной появления критического отношения к феномену Орлеанской Девы: оценка ее роли в судьбах Франции как сугубо инструментальной. Важнейшее место в новом прочтении образа Жанны заняли произведения Вольтера и особенно его поэма «Орлеанская девственница», полностью лишавшая главную героиню ореола святости.

Творческое наследие философа и, в частности, его трактовка Столетней войны и роли, сыгранной в ее ходе Девой, оказали огромное влия-

ние не только на его современников. С ними, насколько можно судить, был целиком связан и следующий, пятый этап развития образа Жанны д'Арк в представлениях французов, пришедшийся на самый конец XVIII-первую половину XIX в. Ни события Революции 1780-х гг., ни приход к власти Наполеона I, ни Реставрация, ни даже либеральные революции 1830 и 1848 гг. не имели столь существенного значения для оценки деяний Орлеанской Девы, как идеи великого мыслителя. Они оказались восприняты прежде всего республиканской, а затем и либеральной историографией, представители которой последовательно выстраивали образ Жанны как простой девушки из народа, противопоставляя ее образованным людям XV в. и, прежде всего, королевскому окружению. Ее оценка как инструмента, использованного в своих политических интригах приближенными Карла VII, в работах этих историков полностью вытеснила образ святой, сложившийся в эпоху «католического Возрождения».

Именно развитием либеральной французской историографии и желанием дать ее идеям достойный отпор во многом, как мне представляется, обуславливался возврат к пониманию Жанны д'Арк как святой, произошедший в католической историографии в середине-второй половине XIX в. Этот период и стал заключительным, шестым этапом процесса мифологизации личности французской героини. В эти годы историки-католики вновь вынуждены были выстраивать свой собственный образ Орлеанской Девы «от противного», как в свое время они поступали в ответ на изыскания французских протестантов.

Наиболее ярко данная тенденция проявилась в католических кругах Орлеана, где почитание Жанны д'Арк не прекращалось на протяжении почти пяти веков, начиная с момента снятия английской осады с города 8 мая 1429 г. Именно здесь во второй половине XV-начале XVI в. был создан корпус текстов, в которых, как мне представляется, ранее всего утвердилась идея ее святости. Именно здесь был учрежден ежегодный праздник, в XVII в. получивший ее имя. Именно здесь с XV в. произносились в ее честь церковные панегирики, в которых также последовательно развивалась тема ее святости.

Несмотря на то, что политические события конца XVIII-первой половины XIX в. в немалой степени способствовали секуляризации образа Жанны, с середины XIX в. и особенно с момента восшествия в 1849 г. на местную епископскую кафедру монсеньора Феликса Дюпанлу начался период наиболее активного превращения Девы в новую национальную святую Франции.

Возрождение сугубо религиозного праздника Девы, обновление тематики панегириков, произносившихся в ее честь в соборе св. Креста, и, наконец, организация ординарного процесса по канонизации Жан-

ны д'Арк, первая сессия которого пришлась на 1874—1875 гг., — все это свидетельствовало о стремлении Орлеанского епископата добиться официального признания святости французской героини. Руководствуясь нормами канонического права, сформулированными в трудах Просперо Ламбертини (будущего папы Бенедикта XIV) и являвшимися в середине XIX в. основой любого канонизационного процесса, опираясь на выкладки католических историков XIX в. (прежде всего, Анри Валлона), а также на внушительный корпус средневековых источников, ставших доступными благодаря изданию Жюля Кишра, епископ Дюпанлу и его соратники смогли свести воедино все необходимые составляющие образа своей новой святой — девушки, наделенной исключительными христианскими добродетелями, на протяжении всей жизни отличавшейся образцовым поведением и совершившей ряд неоспоримых с церковной точки зрения чудес.

Таким образом, завершающий этап процесса формирования представлений о святости Жанны д'Арк во французском обществе следует, как мне кажется, связывать прежде всего с деятельностью представителей Орлеанского епископата и его главы. Вне всякого сомнения, этот процесс оказался крайне долгим и сложным, он не был поступательным, но он, вопреки мнению многих современных историков, никогда и не прерывался. Идея о том, что французы забыли о своей героине к концу XV в. и вспомнили о ней лишь во второй половине XIX в., не подтверждается данными источников: рассмотрение истории Жанны д'Арк через понятие «святость», в рамках парадигмы *discretio spirituum* как нельзя лучше подтверждает этот факт.

События, развернувшиеся вокруг празднований в честь Вольтера в 1878 г., массовые паломничества французов в Домреми и процедура канонизации Жанны, приостановленная в 1879 г. Ватиканом на том основании, что существующий во Франции культ ее почитания противоречит нормам канонического права, лучше всего, как мне кажется, свидетельствуют о том, что сама идея святости Девы в конце XIX в. уже не подлежала сомнению. Безусловно, до официального признания этого факта оставалось еще около сорока лет. Упущенное время потребовало от Орлеанского епископата проведения нового ординарного процесса в 1887—1888 гг., вопрос о канонизации на рубеже XIX—XX вв. несколько раз становился предметом яростных споров во французском парламенте, некоторые члены которого предпочитали видеть в девушке «всего лишь» патриота своей страны. Жанна превращалась то в шизофреничку (в связи с развитием психиатрии в начале XX в.), то в антисемитку (в ходе дебатов по делу Дрейфуса в 1894—1906 гг.), то в святую, пусть и не канонизированную, покровительницу Франции во время Первой мировой войны.

Объявление Жанны Достопочтенной в 1894 г., Блаженной в 1909 г. и ее официальная канонизация в 1920 г., впрочем, также отнюдь не означали, что ее история закончилась. Впереди было активное использование ее образа в вишистской пропаганде и в выступлениях Шарля де Голля в ходе Второй мировой войны и в послевоенный период, частичное ее «присвоение» лидерами коммунистической партии Франции и, как следствие, рост ее популярности в СССР в 1950—1960-е гг., начало активной эксплуатации ее имени в националистических выступлениях, связанных с событиями в Алжире, и, как следствие, ее последующая почти полная «приватизация» ультраправым «Национальным фронтом»...

Как мне представляется, каждый из перечисленных этапов эпопеи Орлеанской Девы, каждый из церковных процессов, проведенных в отношении нее в конце XIX-начале XX в., по-своему интересен и заслуживает самостоятельного изучения, как и различные новые «маски», которые уже Новейшая история Франции примерила своей героине. Любой из этих сюжетов дает отличную перспективу для будущих исследований, поскольку история мифологизации личности Жанны д'Арк, занявшая не одно столетие, продолжается и поныне и нуждается в дальнейшем осмыслении.

Список сокращений

- НЛО — Новое литературное обозрение
РНБ — Российская национальная библиотека
СВ — Средние века
ADL — Archives départementales du Loiret
AESC — Annales. Economies. Sociétés. Civilisations
AHR — The American Historical Review
AHSS — Annales. Histoire. Sciences Sociales
AN — Archives Nationales de France
BA — Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc
BEC — Bibliothèque de l'École des Chartes
BNF — Bibliothèque Nationale de France
CJA — Centre Jeanne d'Arc
MA — Moyen Age
MF — La Minute française des interrogatoires de Jeanne la Pucelle
PC — Procès de condamnation de Jeanne d'Arc
PL — Patrologiae cursus completus. Series latina / J.-P. Migne editus
PN — Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc
Q — *Quicherat J.* Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc
RH — Revue historique
RQH — Revue des questions historiques
SVEC — Studies on Voltaire and the Eighteenth Century
ZSKG — Zeitschrift für Schweizerische Kirchengeschichte

Источники и литература

Архивные документы

Archives départementales du Loiret (Orléans)

Série CC — Finances, impôts et comptabilité:

CC 550, 654—670, 672—673 — Comptes de ville et pièces justificatives (1429—1502).

Série 50 J — Dépôt de l'évêché d'Orléans:

50 J 1180 — Monuments et objets en l'honneur de Jeanne d'Arc (1820—1901 et s.d.).

50 J 1182 — L'Evêché d'Orléans. Procès de l'ordinaire informatif: documentation, instructions pour l'interrogatoire des témoins (1854—1874).

50 J 1183 — Procès de l'ordinaire informatif: sessions de 1874—1875.

50 J 1190 — Correspondance avec l'épiscopat français: lettres postulatatoires et suppliques au pape (1876—1878).

50 J 1193 — Correspondance juridique et historique (1874—1878).

Archives Nationales de France (Paris)

Série AB — Fonds privés:

AB 19. 522—525 — Papiers de Mgr Dupanloup, évêque d'Orléans.

Série JJ — Registres du Trésor des chartes:

JJ 59, 64, 68, 77, 80, 82, 84, 89, 106, 109, 111, 120, 123, 126, 131, 147, 155, 162, 167, 187, 189, 219, 227, 229 — Lettres de rémission (1319—1492).

Série X — Parlement de Paris. Série X 1 — Parlement civil. X 1a — Registres civils :

X 1a 2 — Registres Olim (1274—1298).

X 1a 23 — Jugés, lettres et arrêts (1372—1374).

X 1a 1481 — *Fauquembergue C. de*. Journal (1417—1435).

Série X — Parlement de Paris. Série X 2 — Parlement criminel. X 2a — Registres criminels:

X 2a 6 — Lettres et arrêts (1352—1360).

X 2a 14 — Procès-verbaux des séances (1400—1408).

X 2a 22 — Procès-verbaux des séances (1436—1443).

X 2a 24 — Procès-verbaux des séances (1443—1448).

X 2a 25 — Procès-verbaux des séances (1448—1455).

Biblioteca Apostolica Vaticana (Città del Vaticano)

Reg. Lat. 1022 — Mistere du siege d'Orleans (XVI s.).

Bibliothèque de l'Arsenal (Paris)

Ms. 3142 — *Bodel J*. Chanson des Saisnes (1280).

Bibliothèque Nationale de France (Paris)

Ms. fr. 442 — Rosier des guerres (1481—1482).

Ms. fr. 5054 — *Martial d'Auvergne*. Vigiles de Charles VII (1494).

Ms. fr. 5524 — Evaluation des monnaies d'or et d'argent (1559).

Ms. fr. 7601 — Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc (XVII s.).

- Ms. fr. 14655 — Journal du siège d'Orléans (XV s.).
- Ms. lat. 4915 — *Joanne de Columna*. Mare historiarum ab orbe condito ad annum Christi 1250 (1447—1455).
- Ms. lat. 5966 — Procès de condamnation de Jeanne d'Arc (XV s.).
- Ms. lat. 5968 — Procès de condamnation de Jeanne d'Arc (XV s.).
- Ms. lat. 5969 — Procès de condamnation de Jeanne d'Arc (XV s.).
- Ms. lat. 5970 — Procès de réhabilitation de Jeanne d'Arc (XV s.).
- Ms. lat. 8838 — La minute française des interrogatoires de Jeanne d'Arc. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. Journal du siège d'Orléans (XV/XVI s.).
- Ms. lat. 9028—9029 — Procès de justification de Jeanne d'Arc (XVIII s.).
- Ms. lat. 10525 — Psautier de saint Louis (1253—1270).
- Nouv. acq. lat. 1796 — *Chartier J.* Chronique latine (1422—1450).
- Nouv. acq. fr. 7151 — Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc (XVII s.).
- Nouv. acq. fr. 24703 — *Dupanloup*. Correspondance (Pontcherron — Quittemel).
- Nouv. acq. fr. 24709 — *Dupanloup*. Correspondance (Ubartel — Zutterling).

Centre Jeanne d'Arc (Orléans)

- 9.41 — Dossiers annuels des fêtes du 8 mai (1790, 1792, 1803—1870, 1874, 1877—1879).
— *Vallet de Viriville A.* Examen critique du "Mystère du siège d'Orléans". S.d. (рукопись).

Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

Отдел рукописей

- Fr. F. v. IV. 8/2 — *Dutillet J.* Recueil de l'Histoire des Royaumes de France et d'Angleterre, contenant les Faits mémorables des Rois, les guerres et les traités de ces Maisons, l'Histoire des grands de France, la Généalogie des Rois, Princes et Princesses, et de plusieurs autres choses remarquables (XVI s.).
- Fr. F. v. IV. 9 — *Dutillet J.* Recueil des roys de France, composé pour l'usage de Charles IX, roi de France (XVI s.).
- Fr. F. IV. 86 — Journal du siège d'Orléans. Chronique d'établissement de la fête du 8 mai (XVI s.).
- Фр. Q. IV. 14 — Mémoire des Etats de Lorraine (XVII/XVIII s.).
- Фр. Q. IV. 18 — Mémoire de la generalité d'Orléans / Dressé par Mr de Bouville, année 1698 (XVII/XVIII s.).

Кабинет Вольтера (книги с личными пометами владельца)

- 2—174 — *Duclos Ch.* Histoire de Louis XI. T. 1—3. P., 1745.
- 3—186 — *Luchet J.-P.-L.* Histoire de l'Orléannois, depuis l'an 703 de la fondation de Rome, jusqu'à nos jours. T. 1. Amsterdam, 1766.
- 4—233 — *Rapin de Thoyras P.* Histoire d'Angleterre. T. 1—16. La Haye, 1749.
- 9—214 — *Gachet d'Artigny A.* Nouveaux mémoires d'histoire, de critique et de littérature. T. 1—4. P., 1749—1751.
- 10—20 — *Voltaire*. La Pucelle d'Orléans. Poème divisé en vingt chants avec des notes. Nouvelle édition corrigée, augmentée et collationnée sur le manuscrit de l'auteur. Genève, 1762.
- 10—29 — *Voltaire*. La Pucelle d'Orléans. Poème divisé en vingt chants avec des notes. Nouvelle édition corrigée, augmentée et collationnée sur le manuscrit de l'auteur. Genève, 1762.
- 11—55 — *Voltaire*. Honnêtetés littéraires. [Genève], 1767.

Опубликованные источники

Античность и Средневековье

- *Апулей*. Метаморфозы, или Золотой осел // Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения / Сост. и научн. подгот. текста М. Гаспарова, перевод М. Кузмина. М., 1988.
- Евангелие от Никодима // <http://biblia.org.ua/apokrif/apocryph1/ev-nikodim.shtml.htm>.

- *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. В 2 т. М., 1994.
- *Казель Р., Ратхофер И.* Роскошный часослов герцога Беррийского. М., 2002.
- *Коммин Ф. де*. Мемуары / Пер., ст. и прим. Ю.П. Малинина. М., 1986.
- *Лукиан*. Лукий, или осел // Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел. М., 1969.
- *Мокрецова И.П., Романова В.Л.* Французская книжная миниатюра XIII века в советских собраниях. Т. 1 (1200—1270 гг.). М., 1983; Т. 2 (1270—1300 гг.). М., 1984.
- *Никита Хониат*. История со времени царствования Иоанна Комнина. Рязань, 2003.
- *Платон*. Поликратик // Платон. Сочинения. М., 1972. Т. 3(2).
- *Процесс Жанны д'Арк*. Материалы инквизиционного процесса / Пер., комм., сопровод. ст. А.Б. Скакальской. М.-СПб., 2008.
- *Шпренгер Я., Инститорис Г.* Молот ведьм / Пер. Н. Цветкова. М., 1990.
- *Цицерон*. О природе богов // Цицерон. Философские трактаты / Пер. М.И. Рижского. Отв. ред., сост. и вступ. ст. Г.Г. Майорова. М., 1985.
- *Agobardus Lugdunensis*. Liber contra insulsam vulgi opinionem de grandine et tonitruis // PL. T. 104. Col. 147—158.
- *D'Ailly P.* De falsis prophetis // Gerson J. Opera omnia / Ed. par L.E. du Pin. Antwerp, 1706. Vol. 1. Col. 489—603.
- *Alexander Halensis*. Summa theologica / Ed. Collegium s. Bonaventurae. Quaracchi, 1924—1948. Т. 1—4.
- *Anecdotes historiques, légendes et apologues tirés du recueil inédit d'Etienne de Bourbon* / Publ. par A. Lecoy de la Marche. P., 1877.
- *Augustinus*. Confessionum libri tredecim // PL. T. 32. Col. 657—868.
- *Augustinus*. De doctrina christiana // PL. T. 34. Col. 13—122.
- *Augustinus*. De genesi ad litteram libri duodecim // PL. T. 34. Col. 245—486.
- *Augustinus*. Sermo CCLXXVIII. De auguriis // PL. T. 39. Col. 2268—2271.
- *Augustinus*. De diversis questionibus LXXXIII liber unus // PL. T. 40. Col. 11—100.
- *Augustinus*. De diversis quaestionibus ad Simplicianum // PL. T. 40. Col. 99—147.
- *Augustinus*. De octo Dulcitii quaestionibus // PL. T. 40. Col. 147—170.
- *Augustinus*. De divinatione daemonum // PL. T. 40. Col. 581—592.
- *Augustinus*. De civitate Dei // PL. T. 41. Col. 13—804.
- *Avis de la Faculté de théologie de l'Université de Paris, consécutif à la confession de certain magiciens (avant le 19 septembre 1398)* / Ed. par J.-P. Boudet // Revue Mabillon. 2001. T. 12. P. 146—147.
- *Basin T.* Histoire de Charles VII / Ed. par Ch. Samaran. Т. 1—2. P., 1964.
- *Beati Rabani Mauri* Expositio in Librum Judith // PL. T. 109. Col. 539—615.
- *Beaumanoir Ph. de*. Coutumes de Beauvaisis / Ed. par A. Salmon. 2 vol. P., 1899—1900.
- *Boccaccio G.* De mulieribus claris / A cura di V. Zaccaria. Milan, 1967.
- *Boulet M.* Questiones Johannis Galli. P., 1944.
- *Boureau A.* Le pape et les sorciers. Une consultation de Jean XXII sur la magie en 1320 (manuscrit B.A.V. Borghese 348). Rome, 2004.
- *Bouvier J. le, dit le Héraut Berry*. Les chroniques du roi Charles VII / Publ. par H. Courteault et L. Celier. P., 1979.
- *Burchardus Wortatiensis* Decretorum libri viginti // PL. T. 140. Col. 537—1058.
- *Chanson des Saisnes* / Ed. par F. Michel. P., 1839.
- *Chartier J.* Chronique de Charles VII, roi de France / Ed. par A. Vallet de Viriville. 3 vol. P., 1858.
- *Chartularium Universitatis Parisiensis* / Ed. par H. Denifle. 4 vol. P., 1889—1897.
- *Christine de Pizan*. Ditié de Jeanne d'Arc / Ed. by A.J. Kennedy, K. Varty. Oxford, 1977.
- *Christine de Pizan*. Epître à la reine / Ed. par A.J. Kennedy // Revue des langues romanes. 1988. Т. 92. № 2. P. 253—264.
- *Christine de Pizan*. Prière à Notre-Dame // Thomassy R. Essai sur les écrits politiques de Christine de Pisan. P., 1838. P. 171—181.
- *Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col*. Le débat sur le Roman de la Rose / Ed. par E. Hicks. P., 1977.

- Chronique d'Antonio Morosini. Extraits relatifs à l'histoire de France / Ed. par G. Lefèvre-Pontalis, L. Dorez. 4 vol. P., 1901.
- Chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400—1444 / Publ. par L. Douët-D'Arcq. 6 vol. P., 1857—1862.
- Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot suivie de la Chronique normande de P. Cochon / Publ. par A. Vallet de Viriville. P., 1859.
- Chroniques de Perceval de Cagny / Publ. par H. Moranvillé. P., 1902.
- Chronique de Tournai // Recueil des chroniques de Flandre / Ed. par J.-J. de Smet. Bruxelles, 1856. T. 3.
- Chronique du Religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Ed. et trad. par L.-F. Bellaguet. 6 vol. P., 1839—1852.
- Confession d'un magicien, Jean de Bar (entre 19 septembre et le 31 octobre 1398) / Ed. par J.-P. Boudet // Revue Mabillon. 2001. T. 12. P. 154—157.
- Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris (1319—1350) / Ed. par M. Langlois et Y. Lanhers. P., 1971.
- Corpus Iuris Canonici / Hrsg. von A. Friedberg. Leipzig, 1879.
- Corpus Iuris Civilis: I: Institutiones. Digesta / Recognovit P. Krueger, recognovit Th. Mommsen. Berlin, 1954.
- *Delisle L.* Nouveau témoignage relatif à la mission de Jeanne d'Arc // BEC. 1885. T. 46. P. 649—668.
- La délivrance d'Orléans et l'institution de la fête du 8 mai. Chronique anonyme du XVe siècle / Ed. par R. Boucher de Molandon // Mémoires de la Société archéologique et historique de l'Orléanais. 1884. T. 18. P. 241—348.
- Déterminatio solennelle de la Faculté de théologie de l'Université de Paris, condamnant vingt-huit articles relatifs à la magie (19 septembre 1398) / Ed. par J.-P. Boudet // Revue Mabillon. 2001. T. 12. P. 147—154.
- Documente vornehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharer / Hrsg. von Ign. von Döllinger. München, 1890.
- *Duclercq J.* Mémoires / Ed. par F. de Reiffenberg. 4 vol. Bruxelles, 1823.
- *Enee Silvii Piccolomini postea Pii PP. II.* De viris illustribus / Ed. by A. van Heck. Città del Vaticano, 1991.
- Enluminures françaises du XVe siècle dans les collections de Moscou. Livres d'heures / Réalisation de E. Zolotova. L., 1991.
- Entre Dieu et Satan: Les visions d'Ermine de Reims (d.1396) / Ed. par C. Arnaud-Gillet. P., 1997.
- L'enquête ordonnée par Charles VII, en 1450 et le codicille de Guillaume Bouillé / Texte établi, traduit et annoté par P. Doncoeur et Y. Lanhers. P., 1956.
- *Fauquembergue C. de.* Journal / Ed. par A. Tuetey. P., 1903—1915. 3 vol.
- *Flodoardus Remensis* Historia Remensis ecclesiae / Hrsg. von M. Stratmann // MGH. Scriptores. Hannover, 1998. Bd. 36.
- *Fribois N. de.* Abrégé des croniques de France / Ed. par K. Daly, avec la coll. de G. Labory. P., 2006.
- *Gaguin R.* Compendium de origine et gestis francorum. P., 1497.
- *Gaguin R.* Les Grandes chroniques, excellens faits et vertueux gestes des très illustres, très chrestiens, magnanimes et victorieux roys de France. P., 1514..
- *Gerson J.* Oeuvres complètes / Ed. par P. Glorieux. 10 vol. P., 1960—1975.
- *Gilli P.* Lépopée de Jeanne d'Arc d'après un document italien contemporain: édition et traduction de la lettre du pseudo-Barbaro (1429) // BA. 1996. N° 20. P. 4—26.
- Glossa ordinaria // PL. T. 113. Col. 731—740.
- *Gui B.* Manuel d'inquisiteur / Ed. et trad. par G. Mollat. P., 2007 (1926).
- *Hassell J.W.Jr.* Middle French Proverbs, Sentences, and Proverbial Phrases. Toronto, 1982.
- *Heinrich von Langenstein.* "Unterscheidung der Geister": Lateinische und deutsche. Texte und Untersuchungen zu Übersetzungsliterature aus der Wiener Schule / Hrsg. von T. Hohmann. München, 1977.

- *Hostiensis*. In tertium Decretalium librum commentaria ad X.3.45.1. Venice, 1581 (repr.: Turin, 1965).
- *Imaginaire du sabbat*. Edition critique des textes les plus anciens (1430 c. — 1440 c.) / Réunis par M. Ostorero, A. Paravicini Bagliani, K. Utz Tremp, en collaboration avec C. Chêne. Lausanne, 1999.
- *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici / Recognovit C.C.I. Webb*. T. 1—2. L., 1909.
- *Journal du siège d'Orléans, 1428—1429, augmenté de plusieurs documents notamment des comptes de ville, 1429—1431* / Publ. par P. Charpentier et C. Cuissard. Orléans, 1896.
- *Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449* / Ed. par C. Beaune. P., 1990.
- *Lanery d'Arc P. Mémoires et consultations en faveur de Jeanne d'Arc*. P., 1889.
- *Lefèvre-Pontalis G. Les sources allemandes de l'histoire de Jeanne d'Arc*. Eberhard Wind-ecke. P., 1903.
- *Le Franc M. Le Champion des Dames* / Ed. par R. Deschaux. 4 vol. P., 1999.
- *Legenda aurea vulgo historia Lombardica dicta ad optimorum librorum fidem* / Recensuit Th. Graesse. Lipsae, 1850.
- *Le Roux de Lincy A. Livre des proverbes français précédé de recherches historiques sur les proverbes français et leur emploi dans la littérature au Moyen Age et de la Renaissance*. 2 vol. P., 1859.
- *Lettres de Louis XI, roi de France* / Publ. par J. Vaesen et E. Charavay. 10 vol. P., 1883—1908.
- *Le Livre des trahisons de la France envers la maison de Bourgogne // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne* / Publ. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873. P. 1—258.
- *Martial d'Auvergne. Les Vigiles du roy Charles septiesme, a neuf pseaulmes et neuf leçons*. P., 1493.
- *La Mer des histoires*. 2 vol. Lyon, 1491.
- *La Minute française des interrogatoires de Jeanne la Pucelle d'après le Réquisitoire de Jean d'Estivet et les manuscrits de d'Urfé et d'Orléans* / Ed. par P. Doncoeur. Melun, 1952.
- *Le "Mistère du siège d'Orléans" publié pour la première fois d'après le manuscrit unique conservé à la Bibliothèque du Vatican* / Ed. par F. Guessard et E. de Certain. P., 1862.
- *Le Mistère du siège d'Orléans* / Ed. critique de V.L. Hamblin. Genève, 2002.
- *Nider Johannes. Formicarius*. Köln: Johann Guldenschaff, 1480.
- *Oeuvres de Georges Chastellain* / Ed. par K. de Lettenhove. 8 vol. Bruxelles, 1863—1866.
- *Oeuvres de Robert Blondel, historien normand du XVe siècle* / Ed. par A. Héron. 2 vol. Rouen, 1891.
- *Ovide. Métamorphoses*. Bruges, 1484.
- *Ovide. La Bible des poètes, Métamorphoses*. P., [1498].
- *Pagès A., Valois N. Les révélations de Constance de Rabastens et le schisme d'Occident (1384—1386) // Annales du Midi*. 1896. № 8. P. 241—278.
- *Le pécheur et la pénitence au Moyen Age* / Textes choisis, traduits et présentés par C. Vogel. P., 1969.
- *Philippe de Navarre. Les quatre ages de l'homme* / Publ. par M. de Fréville. P., 1888.
- *Pii Secundi Pontificis Maximi Commentarii* / Ed. by I. Bellus, I. Borokai. Budapest, 1993.
- *Practica Inquisitionis heretice pravitatis, auctore Bernardo Guidonis O.F.P.* / Publ. par C. Douais. P., 1886.
- *Procès de condamnation de Jeanne d'Arc* / Ed. par P. Tisset et Y. Lanhers. 3 vol. P., 1960—1971.
- *Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc* / Ed. par P. Duparc. 5 vol. P., 1977—1988.
- *Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter* / Hrsg. von J. Hansen. Bonn, 1901.
- *Quellen zur Geschichte der Waldenser von Freiburg im Üchtland (1399—1439)* / Hrsg. von K. Utz Tremp. Hannover, 2000.

- *Quicherat J.* Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. 5 vol. P., 1841—1849.
- *Quicherat J.* Histoire de Jeanne d'Arc, d'après une chronique inédite du quinzième siècle // BEC. 1845. T. 2. P. 143—171.
- *Quicherat J.* Relation inédite sur Jeanne d'Arc // RH. 1877. № 4. P. 327—344.
- *Quicherat J.* Supplément aux témoignages contemporains sur Jeanne d'Arc // RH. 1882. T. 19. P. 60—83.
- *Ratherii Veronensis Preloquiorum Libri Sex* // PL. T. 136. Col. 145—344.
- *Reginonis abbatis Prumiensis Libri duo se synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis* / Hrsg. von F.W.H. Wasserschleben. Leipzig, 1840.
- Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs à Paris au XIVe siècle / Publ. par L. Tanon. P., 1877.
- Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier. 2 vol. P., 1861—1864.
- *Roye J. de.* La chronique scandaleuse / Ed. par B. Mandrot. 2 vol. P., 1894.
- *Sabadino de li Arienti J.* Gynevera de le Clare Donne / A cura di C. Ricci e A. Bacchi della Lega. Bologna, 1888.
- *Samaran C.* La chronique latine inédite de Jean Chartier (1422—1450). P., 1928.
- *Sancti Thomae Aquinatis Summa theologiae. Secunda secundae* // Sancti Thomae Aquinatis Opera omnia. Rome, 1897. T. IX.
- *Sancti Thomae Aquinatis* Quaestiones Quodlibetales / Intr. de P. Mandonnet. P., 1926.
- *Tobin M.* Le "Livre de révélations" de Marie Robine († 1399). Etude et édition // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age, Temps Modernes. 1986. T. 98. № 1. P. 229—264.
- *Valois N.* Un ouvrage inédit de Pierre d'Ailly, le "De persecutionibus ecclesiae" // BEC. 1904. T. 65. P. 557—574.
- *Valois N.* Un nouveau témoignage sur Jeanne d'Arc. Réponse d'un clerc parisien à l'apologie de la Pucelle par Gerson // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1906. T. 43. P. 161—179.
- *Vidal J.-M.* Bullaire de l'Inquisition française au XIVe siècle et jusqu'à la fin du Grand Schisme. P., 1913.
- *Vincent de Beauvais.* De eruditione filiorum nobilium / Ed. by A. Steiner. Cambridge, 1938.
- *Zosimus* / Hrsg. von I. Bekker // Corpus Scriptorum Historiae Byzantiae. Bonn, 1837.

XVI—XVII века

- *Aubignac F.H. d'.* La pucelle d'Orléans. P., 1642.
- *Bellay G. du.* Instructions sur le fait de la guerre. P., 1548.
- *Belleforest F. de.* L'histoire des neuf roys Charles de France. P., 1578.
- *Belleforest F. de.* Grandes annales, et Histoire generale de France. P., 1579.
- *Béroalde de Verville F.* La pucelle d'Orléans: sous le sujet de cette magnanime pucelle est représentée une fille vaillante, chaste, sçavante et belle. P., 1599.
- *Bie J. de.* La France Metallique, contenant les actions celebres tant publiques que privées des Rois et Reines, depuis Pharamond jusqu'à Louis XIII. P., 1636.
- *Billon F. de.* Le fort inexpugnable de l'honneur du sexe feminin. P., 1555.
- *Bodin J.* De la démonomanie des sorciers. P., 1587 (repr.: P., 1979).
- *Boileau Despréaux.* Oeuvres en vers, avec des éclaircissemens historiques, donnez par lui-même. Genève, 1724.
- *Boileau Despréaux.* Oeuvres / Ed. par M. Viollet Le Duc. P., 1823.
- *Bossuet.* Abrégé de l'histoire de France // Bossuet. Oeuvres complètes. P., 1879. T. 10.
- *Ceriziers R. de.* Les trois estats de l'innocence. P., 1669 (1639).
- *Champier S.* La nef des dames vertueuses. P., 1503.
- *Chapelain J.* La Pucelle, ou la France delivrée. Poème heroïque. 3 éd. P., 1657.
- Concilium Tridentinum // Consiliorum oecumenicorum decreta / Curantibus J. Alberigo, J.A. Dossetti, P.-P. Joannou, C. Leonardi, P. Prodi. Bologna, 1973. P. 657—799.
- *Dubreton A.* Histoire du siège d'Orléans, et de la Pucelle leane. P., 1631.

- *Duc F. du.* Histoire tragique de la Pucelle d'Orléans. Pont-à-Mousson, 1581.
- *Dufour A.* Les vies des femmes célèbres / Texte établi, annoté et commenté par G. Jeanneau. Genève-P., 1970.
- *Emili P.* De rebus gestis Francorum libri decem. P., 1539.
- Exhortation de la Pucelle d'Orléans, a tous les princes de la terre, de faire une Paix generale tous ensemble, pour venger la mort du Roy d'Angleterre, par une guerre toute particuliere // Recueil de plusieurs pieces curieuses, tant en vers, qu'en prose. Imprimées depuis l'enlèvement fait de la personne du Roy, le 6 Janvier 1649 iusques à la Paix, qui fut publiée le 2 iour d'Avril de la mesme année. P., 1649. № 26.
- *Fontenelle B. Le Bouyer de.* Dialogues des morts // Fontenelle B. Le Bouyer de. Oeuvres. P., 1825 (1687).
- *Fornier M.* Histoire générale des Alpes Maritimes ou Cottiennes. 3 vol. P., 1890—1892.
- *Gilles N.* Les Annales et croniques de France. P., 1553.
- *Godefroy D.* Histoire de Charles VII, roy de France par Jean Chartier, sous-chantre de Saint-Denys; Jacques le Bouvier, dit Berry, roy d'armes; Matheiu de Covey et autres auteurs du temps. Qui contient les choses les plus mémorables advenues depuis l'an 1422 iusques en 1461. P., 1661.
- *Grafton's* Chronicle or History of England to Which Is Added His Table of the Bailiffs, Sheriffs, and Mayors of the City of London (from the year 1189 to 1558 inclusive). Vol. 1—2. L., 1809.
- *Griguet B.* Eloges des hommes illustres peints en la gallerie du Palais Roial. Dijon, 1646.
- *Guillaume J.* Les Dames illustres, où par bonnes et fortes raisons il se trouve que le sexe féminin surpasse en toutes sortes de genres le sexe masculin. P., 1665.
- *Guyard F.* La Chronique de l'Annonciade / Ed. par J.-F. Bonnefoy. P., 1937.
- *Guyon S.* Histoire de l'église et diocèse, ville et université d'Orléans. Orléans, 1650.
- *Haillan B. de Girard du.* De l'estat et succez des affaires de France. Lyon, 1596.
- *Hall E.* Chronicle Containing the History of England during the Reign of Henry IV and the Succeeding Monarchs / Ed. by H. Ellis. L., 1809.
- L'histoire et discours au vray du siege qui fut mis devant la ville d'Orléans, par les Anglois, le Mardy XII. iour d'Octobre M.CCCC.XXVIII. regnant alors Charles VII. de ce nom Roy de France...prise de mot à mot sans aucun changement de langage, d'un veil exemplaire escript à la main en parchemin, et trouvé en la maison de ladicte ville d'Orléans. Plus un echo contenant les singularitez de ladicte ville par M. Leon Trippault Conseiller en icelle ville. Orleans: par Saturnin Hotot, 1576.
- *Hordal J.* Heroinae nobilissime Ioannae Darc Lotharingae vulgo Aurelianensis Puellae Historia. Pont-Masson, 1612.
- L'illustre conquerante ou la genereuse Constance de Madame de Chevreuse // Recueil de plusieurs pieces curieuses, tant en vers, qu'en prose. Imprimées depuis l'enlèvement fait de la personne du Roy, le 6 Janvier 1649 iusques à la Paix, qui fut publiée le 2 iour d'Avril de la mesme année. P., 1649. № 7.
- *Joly C.* Recueil de maximes veritables et importantes pour l'institution du roy. P., 1652.
- *La Popelinière H. de.* Histoire des troubles et guerres civiles en France pour le fait de la religion, depuis 1555 jusqu'en 1581. La Rochelle, 1581.
- *Lemair F.* Histoire et antiquitez de la ville et duche d'Orléans. Orléans, 1645.
- *Le Moyne P.* La gallerie des femmes fortes. P., 1647.
- *Lesnauderie P. de.* A louenge de mariege et recueil des hystoires des bonnes, vertueuses et illustres femmes. P., 1523.
- *Lis Ch. du.* Recueil de plusieurs inscriptions proposees pour remplir les Tables d'attente estans sous les statuës du Roy Charles VII et de la Pucelle d'Orléans...et de diverses poesies faites a la louange de la mesme Pucelle, de ses freres et leur posterité. P., 1628.
- *Masson P.* Annalium libri quatuor: Quibus res gestae Francorum explicantur. Lutetiae, 1577.
- Mémoires militaires di sieur M., sur les guerres de Flandre et la guerre de religion en Saintonge, faits en 1613. Troyes, 1619.
- *Mesnardière H.-J. Pilet de La.* La Pucelle d'Orléans, tragédie. P., 1642.

- *Meyere J. de.* Commentarii siue Annales rerum Flandricarum Libri septendecim. Antverpiae, 1561.
- *Mezeray F.E. de.* Histoire de France depuis Faramond jusqu'au règne de Louis le juste. 3 vol. P., 1685.
- *Micqueau J.-L.* Aureliae urbis memorabilis ab Anglis Obsidio, anno 1428. Et Joannae viraginis Lotharingae res gestae. Orléans, 1560.
- *Mirouer des Femmes vertueuses.* P., 1547.
- *Nicolai Vernulaei* Ioanne Darcia vulgo Puella Aurelianensis tragoedia // Nicolai Vernulaei... Tragoediae decem. Louvain, 1631. P. 294—378.
- *Opmeer P. van.* Opus chronographicum orbis universi. Antverpiae, 1611.
- *Pasquier E.* Lettres familières / Publiées et annotées par D. Thickett. Genève, 1974.
- *Pasquier E.* Les Recherches de la France / Ed. sous la dir. de M.-M. Fragonard et F. Roudaut. P., 1996.
- *Postel G.* Apologie de la Gaule contre les malevoles escripvains qui d'icelle ont mal ou negligemment escript. P., 1552.
- *Postel G.* Les très-merveilleuses victoires des femmes du nouveau monde. P., 1553.
- Procez verbal dressé lors que le corps de Frere Jean de Gand, fut levé du lieu de sa premiere sepulture // Divers traictez, contracts, testamens, et autres actes et observations servans de preuves et illustration aux Memoires de Philippe de Comines. La Haye, 1682.
- Question célèbre s'il est nécessaire ou non que les filles soient sçavantes, agitée de part et d'autre par Mademoiselle Anne Marie de Schurman... et le Sr André Rivet, le tout mis en françois par le Sr Colletet. P., 1646.
- Relation de M. Hédelin, sieur d'Aubignac, touchant les possédées de Loudun au mois de septembre 1637 // Possession et sorcellerie au XVIIe siècle / Textes inédits présentés par R. Mandrou. P., 1979. P. 144—194.
- *Richer E.* Histoire de la Pucelle d'Orléans / Ed. par Ph.-H. Dunand. 2 vol. P., 1911—1912.
- *Saussay A. du.* Martyrologium gallicanum. P., 1636.
- *Serre J. de.* Inventaire général de l'histoire de France. P., 1597.
- *Thevet A.* Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres. P., 1584.
- *Tillet J. du.* Les mémoires et recherches...contenans plusieurs choses mémorables pour l'intelligence de l'estat des affaires de France. Rouen, 1578.
- Un tournois de trois pucelles en l'honneur de Jeanne d'Arc. Lettres inédites de Conrart, de Mlle de Scudery et de Mlle du Moulin / Publ. par MM. Ed. de Barthélemy et R. Kerviler. P., 1878.
- *Trippault L.* Ioannae Darciae Obsidionis Aurelianae liberatricis res gestae, imago, et iudicium. Les faits, Pourtraict et iugement de Ieanne d'Arc, dicte la pucelle d'Orleans. Orléans, 1583.
- *Valerandi Varanii* de Gestis Joanne Virginis France egregie bellatricis. P., 1516.
- *Vigneulles Ph. de.* Chronique / Ed. par Ch. Bruneau. 4 vol. Metz, 1927—1933.
- *Vignier N.* Sommaire de l'histoire des Français. P., 1579.
- *Vulson, sieur de la Colombière.* Les portraits des hommes illustres françois, qui sont peints dans la Galerie du Palais Cardinal Richelieu. P., 1648.
- *Wassebourg R. de.* Antiquitez de la Gaule, Belgicque, royaume de France, Austrasie et Lorraine, avec l'origine des Duchez et comtez. P., 1547.

XVIII век

- *Вольтер.* Орлеанская девственница / Пер. с фр. под ред. М. Лозинского. СПб., 2005.
- *Argens J.-B. de.* Lettres juives. T. 1—6. La Haye, 1738.
- *Aublet de Maubuy J.-Z.* Les vies des femmes illustres de la France. P., 1762.
- *L'Averdy C.-C.-F. de.* Notice du procès de révision et d'absolution de Jeanne d'Arc // Notices et extraits de la Bibliothèque du roi. P., 1790. T. 3. P. 1—553.
- *Barral P.* Dictionnaire historique, littéraire et critique, contenant une idée abrégée de la Vie et des Ouvrages des Hommes Illustres en tout genre, de tout tems et de tout pays. P., 1758.
- *Barrois E.* Histoire du mémorable siège de la ville d'Orléans par les Anglois. Orléans, 1739.

- *Calmet A.* Histoire de Lorraine. Nancy, 1728.
- *Calmet A.* Bibliothèque lorraine, ou Histoire des hommes illustres qui ont fleuri en Lorraine. Nancy, 1751.
- *Chaudon L.-M.* Les grands hommes vengés, ou Examen des jugements portés par M. de V. et par quelques autres philosophes sur plusieurs hommes célèbres. Amsterdam, 1769.
- *Chevrier F.A.* Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres de la Lorraine. Bruxelles, 1754.
- Corpus des notes marginales de Voltaire. T. IV: G-K. Berlin, 1988.
- Corpus des notes marginales de Voltaire. T. 6: Nadal-Plato // Les oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 2006. T. 141.
- Corpus des notes marginales de Voltaire. T. 3: Dale-Frisi // Les oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 2010. T. 138.
- *Fabre J.-C., Goujet C.-P.* Histoire ecclésiastique // Fleury C. Histoire ecclésiastique. P., 1720—1738. T. 21—36.
- Les fêtes du 8 mai dans le journal de Sylvain Rousseau, 1770—1805 / Ed. par F. Michaud-Fréjaville // BA. 1990. № 14. P. 35—37.
- *Gaillard G.-A.* Histoire de la rivalité de la France et de l'Angleterre. P., 1774.
- *Gayot de Pitaval F.* Causes célèbres et intéressantes, avec les jugements qui les ont décidées. P., 1739—1754.
- [*Giraud C.-M.*] Epître de Belzébut, à l'auteur de la Pucelle. Genève, 1760.
- [*Giraud C.-M.*] Epître du Diable, au monsieur de Voltaire, comte de Tournay, près Genève. Délices, 1762.
- *Hume D.* The History of England. Boston, 1854 ('L., 1761).
- *Le Gendre L.* Nouvelle histoire de France, depuis le commencement de la Monarchie, jusques à la mort de Loüis XIII. T. 1—8. P., 1719.
- *Lenglet Dufresnoy N.* Histoire de Jeanne d'Arc, vierge, héroïne et martyre d'Etat. 3 vol. P.-Orléans, 1753—1754.
- *Lottin D.* Recherches historiques sur la ville d'Orléans du 1er janvier 1789 au 10 mai 1800. 2me partie. T. 1. Orléans, 1838.
- *Luchet J.-P.-L.* Histoire littéraire de monsieur de Voltaire. T. 1—4. Cassel, 1780.
- *Mercier M.* Portraits des rois de France. Neuchatel, 1783.
- *Millot (abbé).* Elémens de l'Histoire de France. P., 1770.
- *Nonnotte C.-F.* Les Erreurs de Voltaire. Amsterdam, 1766.
- Ordre de la procession generale qui se fait tous les ans, le huitième de May. Orléans, 1718.
- *Palissot C.* La génie de Voltaire, apprécié dans tous ses ouvrages. P., 1806.
- Une proposition faite en 1790 à l'Assemblée municipale de Paris, pour rendre au 14 juillet un hommage public à Jeanne d'Arc // Intermédiaire des chercheurs. 30 mai 1892.
- [*Voltaire*]. La Ligue ou Henry Le Grand, poëme epique. Genève, 1723.
- *Voltaire.* La Henriade. S.l., 174-.
- *Voltaire.* Essai sur l'histoire universelle. Leipzig-Dresde, 1754.
- [*Voltaire*]. La Pucelle d'Orléans, poëme héroï-comique en dix-huit chants. Nouvelle édition, sans faute et sans lacune. L., 1761.
- [*Voltaire*]. La Pucelle d'Orléans, poëme, divisé en vingt chants, avec des notes. Nouvelle Edition, corrigée, augmentée et collationnée sur le Manuscrit de l'Auteur. S.l., 1762.
- *Voltaire.* La Canonisation de saint Cucufin, frère capucin d'Ascoli, par le pape Clement XIII et son apparition au sieur Aveline, bourgeois de Troyes; mise en lumière par le sieur Aveline, lui-même. Troyes, 1767.
- *Voltaire.* Essais sur les moeurs et l'esprit des nations. Neuchatel, 1773.
- *Voltaire.* Eclaircissements historiques // Voltaire. Oeuvres complètes. T. 27. P., 1784. P. 422—466.
- *Voltaire.* Questions sur l'Encyclopédie // Voltaire. Oeuvres / Ed. par M. Palissot. T. 38. P., 1792.
- *Voltaire.* La pucelle d'Orléans / Ed. critique par J. Vercausse. Genève, 1970.
- *Wagnière J.-L., Longchamp S.-G.* Mémoires sur Voltaire, et sur ses ouvrages. P., 1826.

XIX век

- *Barthélemy de Beauregard E. J.* Histoire de Jeanne d'Arc d'après les Chroniques contemporaines. 2 vol. P., 1847.
- *Berriat-Saint-Prix J.* Jeanne d'Arc, ou Coup d'œil sur les révolutions de France. P., 1817.
- *Beuret P.-J.-N.* Canonisation de Jeanne d'Arc. Charleville, 1855.
- *Buchon J.A.* Préface // Collection des chroniques nationales françaises / Ed. par J.A. Buchon. T. 9. P., 1827.
- *Chateaubriand.* Sur l'*Histoire des ducs de Bourgogne* // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1837. T. 17. P. 353—359.
- *Chateaubriand.* Le génie du christianisme // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1849. T. 3. P. 1—359.
- *Chateaubriand.* Analyse raisonnée de l'histoire de France // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1876. T. 8. P. 3—396.
- *Carné L. de.* Jeanne d'Arc et sa mission d'après les pièces nouvelles de son procès // Revue de deux mondes. 1856. P. 310—348.
- *Cochard Th.* La cause de Jeanne d'Arc, pucelle d'Orléans. Procédure. Introduction. Action de grâces. Orléans, 1894.
- [*Dupanloup F.*] Premières lettres à MM. les membres du Conseil municipal de Paris sur le centenaire de Voltaire. P., 1878.
- [*Dupanloup F.*] Nouvelles lettres à MM. les membres du Conseil municipal de Paris sur le centenaire de Voltaire. P., 1878.
- [*Dupanloup F.*] Dernières lettres à MM. les membres du Conseil municipal de Paris sur le centenaire de Voltaire. P., 1878.
- [*Dupanloup F.*] Lettre de M. l'Evêque d'Orléans à M. Victor Hugo. Orléans, 1878.
- *Görres G.* Die Jungfrau von Orleans. Nach den Prozeßakten und gleichzeitigen Chroniken. Regensburg, 1834.
- *Goerres G.* Jeanne d'Arc, d'après les chroniques contemporaines. P.-Lyon, 1843.
- *Haldat C.N. de.* Relation de la Fête inaugurale célébrée à Domrémy, le 10 septembre 1820, en l'honneur de Jeanne d'Arc. Nancy, 1820.
- *Lavallée Th.* Histoire des Français depuis le temps des Gaulois jusqu'en 1830. P., 1847.
- *Le Brun de Charmettes Ph.-A.* Histoire de Jeanne d'Arc, surnommée la Pucelle d'Orléans. 4 vol. P., 1817.
- *Martin H.* Jeanne Darc. P., 1844.
- *Martin H.* Jeanne Darc. P., 1855.
- *Martin H.* Jeanne Darc. P., 1857.
- *Martin H.* Histoire de France populaire. P., 1868.
- *Michelet J.* Histoire de la Révolution française. P., 1974.
- *Michelet J.* Oeuvres complètes / Ed. par P. Viallaneix. T. 3. P., 1973; T. 4. P., 1974.
- *Michelet J.* Jeanne d'Arc et autres textes / Ed. établie et présentée par P. Viallaneix. P., 1974.
- *Petitot C.B.* Tableau du règne de Charles VII // Collection complète des mémoires relatifs à l'histoire de France / Ed. par C.B. Petitot. T. VIII. P., 1825. P. 7—88.
- *Quicherat J.* Aperçus nouveaux sur l'histoire de Jeanne d'Arc. P., 1850.
- *Quicherat J.* Jules Michelet, par Gabriel Monod // BEC. 1875. T. 36. P. 619—620.
- *Rohrbacher R.F.* Histoire universelle de l'Eglise catholique. 29 vol. 3 éd. P., 1857—1861.
- *Sejourné E.* La Canonisation de Jeanne d'Arc. Etat actuel de la cause. Orléans, 1887.
- *Simonde de Sismondi J.-C.-L.* Histoire des Français. P., 1831.
- *Suard A.* Lettres à son mari. P., 1802.
- *Thierry A.* Lettres sur l'histoire de France pour servir d'introduction à l'étude de cette histoire. P., 1827.
- *Thierry A.* Lettres sur l'histoire de France // Thierry A. Oeuvres. Bruxelles, 1839. P. 414—544.
- *Vergnaud-Romagnési Ch.-F.* Fête de Jeanne d'Arc, à Orléans, les 6, 7, 8, 9 et 10 mai. Orléans, 1855.

- *Wallon H.* Jeanne d'Arc. 2 vol. P., 1860.
- *Wallon H.* Jeanne d'Arc. Edition illustrée d'après les Monuments d'Art depuis le quinzième siècle jusqu'à nos jours. 3 éd. P., 1877.
- Панегирики в честь Жанны д'Арк, произнесенные в Орлеане (в хронологическом порядке)**
- 1672** — [*Senaute J.F.*]. Panégyrique de Jeanne d'Arc prononcé dans l'église Sainte-Croix d'Orléans le dimanche 8 mai 1672 / Publ. par H. Stein. Orléans, 1887.
- 1759, 1760** — *Marolles Ch. de.* Discours sur la Pucelle d'Orléans et sur la délivrance d'Orléans, prononcés dans l'Eglise Cathédrale de la même Ville, les 8 Mai 1759 et 1760. Orléans-P., 1760.
- 1764** — *Loiseau.* Discours sur la révolution opérée dans la monarchie française par la Pucelle d'Orléans. Orléans, 1764.
- 1766** — *Colas J.-F.* Discours sur la délivrance d'Orléans du siège des Anglois en 1429 par Jeanne d'Arc, dite la Pucelle d'Orléans. Orléans, 1883.
- 1771, 1788** — *Cosson M.* Panégyriques de Jeanne d'Arc prononcés dans la cathédrale d'Orléans le 8 mai 1771 et le 8 mai 1788. Orléans, 1923.
- 1779** — *Géry A.-G. de.* Eloge de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle d'Orléans. P., 1779.
- 1781** — *Soret J.-B.-P.* Eloge de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle d'Orléans. Orléans, 1889.
- 1805** — *Pataud J.-J.-F.* Eloge de Jeanne d'Arc prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1805. Orléans, 1869.
- 1809** — *Nutein.* Eloge de Jeanne d'Arc prononcé dans l'église Saint-Pierre-Ensentelée, le 8 Mai 1809 pendant la station de la Procession solennelle. Orléans, 1889.
- 1811** — *Pataud J.-J.-F.* Panégyrique de Jeanne d'Arc prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1811. Orléans, 1869.
- 1814** — *Nutein.* Panégyrique de Jeanne d'Arc prononcé dans l'église Saint-Pierre-Ensentelée, le 8 Mai 1814 pendant la station de la Procession solennelle. Orléans, 1889.
- 1817** — *Bernet J.* Panégyrique de Jeanne d'Arc prononcé le 8 Mai 1817, dans l'Eglise cathédrale d'Orléans. Orléans, 1817.
- 1818** — [*Ménard*]. Panégyrique de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle d'Orléans. Orléans, 1818.
- 1819** — *Frayssinous D.* Eloge de Jeanne d'Arc prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1819. Orléans, 1869.
- 1821, 1823** — *Feutrier J.-F.-H.* Eloge historique et religieux de Jeanne d'Arc, pour l'Anniversaire de la Délivrance d'Orléans, le 8 Mai 1429, prononcé dans la Cathédrale de cette Ville, le 8 Mai 1821 et le 9 Mai 1823. Orléans, s.d.
- 1825** — *Longin.* Eloge de Jeanne d'Arc, pour l'Anniversaire de la Délivrance d'Orléans, le 8 Mai 1429, prononcé dans la Cathédrale de cette ville, le 8 Mai 1825. P., 1825.
- 1826** — *Girod Ch.-J.* Eloge de Jeanne d'Arc, pour l'Anniversaire de la Délivrance d'Orléans, le 8 Mai 1429, prononcé dans la Cathédrale de cette Ville, le 8 Mai 1826. Orléans, 1826.
- 1828, 1856** — *Deguerry G.* Eloge de Jeanne d'Arc, prononcé dans l'église cathédrale d'Orléans les 8 mai 1856 et 8 mai 1828. P., 1856.
- 1829** — *Morisset E.* Eloge de Jeanne d'Arc, prononcé dans l'église cathédrale d'Orléans le 8 mai 1829. Orléans, 1829.
- 1830** — *Le Courtier F.-J.* Eloge de Jeanne d'Arc, à l'occasion de la délivrance de la ville d'Orléans, le 8 Mai 1429, prêché dans la Cathédrale de cette Ville, le 8 Mai 1830. Orléans, 1830.
- 1844** — *Pie L.-E.* Eloge de Jeanne d'Arc prononcé dans l'église cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1844. Orléans, 1890.
- 1850, 1853** — *Barthélemy de Beaugard E. J.* Mission divine de Jeanne d'Arc, prouvée par ses triomphes et son martyre // Collection intégrale et universelle des orateurs sacrés / Publ. par l'abbé Migne. 2me serie. P., 1856. Col. 585—624.
- 1855** — *Dupanloup F.* Panégyrique de Jeanne d'Arc // Dupanloup F. Oeuvres choisies. P.-Lyon, 1862. P. 1—40.
- 1857** — *Gillis J.* Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans à la fête du 8 Mai 1857. Orléans-L.-Edimbourg, 1857.

- 1858 — *Place Ch. de*. Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans à la fête du 8 Mai 1858. Orléans, 1858.
- 1859 — *Chevojon L.* Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans à la fête du 8 Mai 1859. Orléans, 1859.
- 1860 — *Freppel Ch.-E.* Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans à la fête du 8 Mai 1860. Orléans, 1860.
- 1861 — *Desbrosses F.-J.* Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1861. Orléans, 1861.
- 1862 — *Perreyve H.* Jeanne d'Arc. Discours et notes historiques. P., 1863.
- 1863 — *Mermillod G.* Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1863. Orléans, 1863.
- 1864 — *Thomas A.* Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1864. Orléans, 1864.
- 1865 — *Bougaud L.-E.* Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1865. Orléans, 1865.
- 1866 — *Lagrange F.* Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1866. Orléans, 1866.
- 1867 — *Freppel Ch.-E.* Panégyrique de Jeanne d'Arc, prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1867. Orléans, 1867.
- 1868 — *Baunard L.* Jeanne d'Arc et la délivrance d'Orléans. Orléans, 1868.
- 1869 — *Dupanloup F.* Second panégyrique de Jeanne d'Arc. Orléans-P., 1869.
- 1872 — *Perraud A.* Panégyrique de Jeanne d'Arc prononcé dans la cathédrale d'Orléans le 8 Mai 1872. Orléans, 1872.
- 1873 — *Lemann J.* Jeanne d'Arc et les héroïnes juives. Orléans, 1891.
- 1874 — *Lemann J.* Jeanne d'Arc et Charles VII. Orléans, 1874.
- 1875 — *Bernard E.* Dieu et la France. Orléans, 1875.
- 1876 — *Hulst M. d'.* Les apparitions libératrices. Orléans, 1876.
- 1877 — *Monsabré J.-M.-L.* Panégyrique de Jeanne d'Arc. Orléans, 1877.
- 1878 — *Rouquette G.* Le patriotisme et le surnaturel. Orléans, 1878.
- 1879 — *Turinaz Ch.-F.* Jeanne d'Arc, la France, l'Eglise et Dieu. Orléans, 1879.

Словари и справочная литература

- Библиотека Вольтера. Каталог книг / Отв. ред. М.П. Алексеев, Т.Н. Копреева. М.-Л., 1961.
- Мифы народов мира / Гл. ред. С.А. Токарев. 2 тт. М., 1987—1988.
- Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003.
- Archives communales d'Orléans antérieures à 1790. 15 O Supplement AA 1 — II 17. Documents subsistants / Sous la dir. de H. Charnier. Orléans, 1989.
- *Briquet C.-M.* Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. T. 4. Amsterdam, 1968.
- Collection des inventaires sommaires des archives communales antérieures à 1790 / Publ. sous la dir. du Ministère de l'Instruction publique, des Beaux-arts et des Cultes. T. 1. Orléans, 1907.
- Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992.
- Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIe siècle / Sous la dir. de M. Simonin. P., 2001.
- Dictionnaire des lettres françaises. Le XVIIe siècle / Sous la dir. de P. Dandrey. P., 1996.
- Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique / Sous la dir. de C. Baumgartner. P., 1957. Vol. 3.
- *Farmer D.H.* Oxford Dictionary of Saints. Oxford, 2004.
- *Lanéry d'Arc P.* Livre d'or de Jeanne d'Arc. Bibliographie raisonnée et analytique des ouvrages relatifs à Jeanne d'Arc. P., 1894.

Исследования

- *Барг М.А., Авдеева К.Д.* От Макиавелли до Юма: становление историзма. М., 1998.
- *Бартошек М.* Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989.
- *Басовская Н.И.* Столетняя война: леопард против лилии. М., 2001.
- *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991.
- *Библер В.С.* Образ простеца и идея личности в культуре Средних веков // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 1990. С. 81—125.
- *Блок М.* Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.
- *Бобкова М.С.* “Historia pragmata”. Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М., 2010.
- *Бойцов М.А.* Вексиллологические традиции средневековой Европы // Signum / Отв. ред. А.П. Черных. М., 2013. Вып. 7. С. 14—75.
- *Бойцов М.А., Шукуров Р.М.* История средних веков. Экспериментальный учебник для VII класса средних учебных заведений. М., 1994.
- *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002.
- *Бульст Н.* Почитание святых во время чумы. Социальные и религиозные последствия эпидемии чумы в позднее Средневековье // Одиссей. Человек в истории — 2000. М., 2000. С. 152—185.
- *Вреде М., Шиллер С.* Исследования рукописного фонда библиотеки братьев Залуских // Западные рукописи и традиции их изучения / Сост. О.Н. Блескина, Н.А. Елагина, Л.И. Киселева, М.Г. Логутова. СПб., 2009. С. 42—52.
- *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
- *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000.
- *Грабарь-Пассек М.Е.* Апулей // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1993. С. 357—372.
- *Гуревич А.Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Ехемпла XIII века). М., 1989.
- *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2000.
- *Данилевский И.Н.* Ледовое побоище: смена образа // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 28—39.
- *Девятайкина Н.И.* Мировоззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988.
- *Девятайкина Н.И.* Римский принцепс Август и итальянская современность в культурном дискурсе Петрарки (по трактату «О средствах против превратностей судьбы») // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 15—30.
- *Девятайкина Н.И.* Диалог Петрарки «О славе» в зеркале эпитафии Пинитиана и автора гравюр к трактату «О средствах против превратностей судьбы» // Образы власти в гуманитарных исследованиях. Нижний Новгород, 2013. С. 193—197.
- *Ермоленко Г.Н.* Поэма Вольтера «Орлеанская девственница» как гипертекст // XVIII век: Литература в контексте культуры / Под ред. Н.Т. Пахсарьян. М., 1999. С. 40—49.
- *Ермоленко Г.Н.* Нарративная структура поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» как средство создания иронического, пародийного текста // Ирония и пародия / Под ред. С.А. Голубкова, М.А. Перепелкина, В.П. Скобелева. Самара, 2004. С. 53—69.
- *Жигарина Е.Е.* Функциональный характер и вариативность пословиц в современном бытовании // Летняя школа по типологии фольклора (<http://www.ruthenia.ru/folklore/zhigarinal.htm>).
- *Зенкин С.Н.* Французский романтизм и идея культуры. М., 2002.
- История средних веков / Под ред. З.И. Удальцовой и С.П. Карпова. 2 т. М., 1990.

- История литературы Италии / Гл. ред. М.Л. Андреев. 2 т. М., 2000—2010.
- Калмыкова Е.В. «Пророчество Джона Бридлингтонского», или Предсказание настоящего // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2005 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 7. М., 2006. С. 60—87.
- Калмыкова Е.В. Образ войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010.
- Кланцайт Г. Структура повествований о наказании и исцелении. Сопоставление чудес и *maleficia* // Одиссей. Человек в истории — 1998. М., 1999. С. 118—133.
- Колязин В.Ф. От мистерии к карнавалу. Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М., 2002.
- Кондаков Н.П. Иконография Богородицы. СПб., 1914—1915 (репр.: М., 1998).
- Костюкович Е. Продвинутый Орланд // НЛО. 2004. № 70. С. 305—330.
- Кудрявцев О.Ф. Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М., 1996.
- Кудрявцев О.Ф. Мудрость язычников на службе божественного провидения: призывание Марсилия Фичино // Общественная мысль в контексте истории культуры. М., 2004. С. 66—146.
- Кудрявцев О.Ф., Ревякина Н.В. Образ человека в зеркале гуманизма. Мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV—XVI вв.). М. 1999.
- Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.
- Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001.
- Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. II. С. 210—216.
- Малинин Ю.П. Франция в эпоху позднего Средневековья. СПб., 2008.
- Махов А.Е. Сад демонов. Словарь inferнальной мифологии средневековья и Возрождения. М., 2007.
- Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005.
- Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976.
- Мунье Р. Убийство Генриха IV (14 мая 1610 года). СПб., 2008.
- Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003.
- Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988.
- Перну Р., Кээн М.-В. Жанна д'Арк. М., 1992.
- Плешкова С.Л. Французская монархия и церковь (XV-середина XVI в.). М., 1992.
- Плешкова С.Л. Франция XVI-начала XVII века. Королевский галликанизм. М., 2005.
- Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии. М., 2001.
- Полякова С.В. «Метаморфозы» или «Золотой осел» Апулея. М., 1988.
- Протт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- Протт В.Я. Русская сказка. М., 2000.
- Протт В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2003.
- Райцес В.И. Процесс Жанны д'Арк. М.-Л., 1964.
- Райцес В.И. Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л., 1982.
- Райцес В.И. «Пастушка из Домреми»: генезис и семантика образа // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 1996 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. Вып. 1. М., 1997. С. 251—264.
- Райцес В.И. «Свидание в Шиноне». Опыт реконструкции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2003 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 5. М., 2003. С. 42—59.
- Реизов Б.Г. Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956.
- Реутин М.Ю. Народная культура Германии. М., 1996.
- Риклин А. Никколо Макиавелли: искусство властвовать. СПб., 2002.
- Серегина А.Ю. Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI-

- первой половины XVII в. // Диалог со временем. Вып. 32. М., 2010. С. 22—44.
- *Тогоева О.И.* “Estre ydiot”: категория «сумасшедший» во французском средневековом праве и способы ее описания // Власть, право, религия: взаимосвязь светского и сакрального в средневековом мире. М., 2003. С. 206—228.
- *Тогоева О.И.* Мужской костюм Жанны д’Арк и его символические смыслы // *Historia animata*. Сборник памяти О.И. Варьяш. М., 2004. Ч. 1. С. 156—168.
- *Тогоева О.И.* Жанна д’Арк и бумага с водяными знаками (История одной случайной находки) // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2004 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 6. М., 2005. С. 208—232.
- *Тогоева О.И.* Исполнение пророчеств: Ветхозаветные герои Столетней войны // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2005 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 7. М., 2006. С. 88—106.
- *Тогоева О.И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006.
- *Тогоева О.И.* Ересь или колдовство? Демонология XV в. на процессе Жанны д’Арк // СВ. 2007. Вып. 68 (4). С. 160—182.
- *Тогоева О.И.* Униженные и оскорбленные. Мужская честь и мужское достоинство в средневековом суде // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2006 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С. 71—101.
- *Тогоева О.И.* Шабаш как праздник // Жизнь как праздник. Интерпретация культурных кодов: 2007 / Отв. ред. В.Ю. Михайлин. Саратов, 2007. С. 101—119.
- *Тогоева О.И.* Феномен Клод дез Армуаз и проблема самоидентификации французов XV в. // Человек XV столетия: грани идентичности / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2007. С. 212—226.
- *Тогоева О.И.* Событие и его интерпретации: «свидание в Шиноне» // Диалог со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 467—494.
- *Тогоева О.И.* Жанна д’Арк и ее король: Взгляд со стороны // Власть, общество и индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 381—397.
- *Тогоева О.И.* «Уповаю на Него и не боюсь...» (Ис 12:2). Прямая речь Жанны д’Арк на процессе 1431 г. // Одиссей. Человек в истории — 2008. М., 2008. С. 62—80.
- *Тогоева О.И.* Король и ангел. Символическая составляющая репрезентации власти во Франции XV в. // Русская Антропологическая Школа. 2008. Вып. 5. С. 406—437.
- *Тогоева О.И.* Воспоминания о власти. Реймс 1431 г. // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века и Новое время / Под ред. М.А. Бойцова, О.Г. Эксле. М., 2008. С. 307—325.
- *Тогоева О.И.* Вольтер, Жанна д’Арк и осел. К истории одного мотива // Французский ежегодник — 2008. М., 2008. С. 25—46.
- *Тогоева О.И.* О романтических увлечениях юности и научном профессионализме. Рец. на: Процесс Жанны д’Арк. Материалы инквизиционного процесса / Пер., комм., сопровод. ст. А.Б. Скакальской. М.-СПб., 2008 // СВ. 2009. Вып. 70 (1—2). С. 363—374.
- *Тогоева О.И.* Жанна д’Арк, Афина Паллада и Дева Мария: Дева-женщина на защите города // Именослов. История языка, история культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. М., 2010. С. 110—139.
- *Тогоева О.И.* Женщина у власти в средние века и Новое время (о понятии “virago”) // Диалог со временем. 2010. № 31. С. 16—35.
- *Тогоева О.И.* Путешествие как миссия в эпоху Жанны д’Арк // Одиссей. Человек в истории — 2009. М., 2010. С. 91—115.
- *Тогоева О.И.* Карл VII и Жанна д’Арк. Утрата девственности как утрата власти // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов и Ф.Б. Успенский. М., 2010. С. 207—232.
- *Тогоева О.И.* Красавица и чудовище (Из практической мифологии) // Там же. С. 233—255.
- *Тогоева О.И.* Как Жанна д’Арк стала ангелом: споры современников, мнение потомков (XV—XIX вв.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2010. Вып. 18.

С. 61—83.

- Тогоева О.И. Жанна д'Арк между католиками и протестантами во Франции XVII в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2011. Вып. 19. С. 148—170.
- Тогоева О.И. Жизнь как чудо. Стилистические особенности первых хроник о Жанне д'Арк // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 163—175.
- Тогоева О.И. Пастушка, ставшая амазонкой. Образ Жанны д'Арк во французских жизнеописаниях знаменитых людей XVI—XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2012. Вып. 20. С. 11—36.
- Тогоева О.И. Почему нас привлекают исторические секреты // <http://postnauka.ru/longreads/5402>.
- Тогоева О.И. Жанна д'Арк и Людовик XI: особенности гуманистического дискурса в *Rosier des guerres* // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2013. № 6 (22): <http://www.history.jes.su/s207987840000606—5-1>
- Тогоева О.И. Почему не сгорело сердце Жанны д'Арк? // Ретроспективная информация источников: образы и реальность / Отв. ред. О.И. Тогоева, И.Н. Данилевский. М., 2013. С. 133—149.
- Тогоева О.И. Реальность или иллюзия? Теория и практика ранних ведовских процессов в Западной Европе (XIII—XV вв.) // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 2. М., 2013. С. 59—88.
- Тогоева О.И. Жанна д'Арк и двор Карла VII. История предательства Девы глазами современников и потомков // Французский ежегодник — 2014. М., 2014. С. 92—114.
- Тогоева О.И. «Оставившие Создателя и обратившиеся к Сатане». Ведовские секты позднего Средневековья // Одиссей. Человек в истории — 2013. М., 2014. С. 115—132.
- Тогоева О.И. Узнать врага в лицо. Иерархия ведьм и колдунов в «Демонии» Жана Бодена // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 3. М., 2014. С. 15—38.
- Тогоева О.И. «Мужская» и «женская» одержимость в сочинениях французских демонологов XVI—XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2014. Вып. 22. С. 183—205.
- Тогоева О.И. «Все это мошенничество, обман, мерзость и профанация». Отчет аббата д'Обиньяка об одержимых Лудена (1637 г.) // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 4. М., 2015. С. 19—38.
- Тогоева О.И. «Портрет» Жанны д'Арк на полях журнала Клемана де Фокамберга // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2010—2013 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 10. М., 2015. С. 73—94.
- Тогоева О.И. “Idiotas, ac sine litteris mulierculas”? Жан Жерсон и проблема женской святости // Культ святых в средневековой христианской культуре Запада и Востока Европы / Отв. ред. М.В. Дмитриев. М., 2016 (в печати).
- Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Топоров В.Н. Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121—132.
- Уваров П.Ю. Париж XV века: события, оценки, мнения... Общественное мнение? // Одиссей. Человек в истории — 1993. М., 1994. С. 175—193.
- Уваров П.Ю. Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004.
- Уваров П.Ю. История, историки и историческая память во Франции // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 192—211.
- Франк-Каменецкий И.Г. Женщина-город в библейской эсхатологии // Франк-Каменецкий И.Г. Колесница Иеговы. М., 2004. С. 224—236.
- Фрейденберг О.М. Въезд в Иерусалим на осле (Из евангельской мифологии) // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 623—665.

- Фуллертон М.Д. О чудотворящих образах в античной культуре // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 1996. С. 11—18.
- Хейзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988.
- Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002.
- Этингоф О.Е. Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI—XIII веков. М., 2000.
- Ямпольский М. Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М., 2007.
- Agrimi J., Crisciani C. Savaio médical et anthropologie religieuse. Les représentations et les fonction de la *vetula* (XIIIe-XVe siècles) // AESC. 1993. № 5. P. 1281—1308.
- Agulhon M. La 'statuomanie' et l'histoire // Ethnologie française. 1978. № 8. P. 145—172.
- Airlie S. Private Bodies and the Body Politic in the Divorce Case of Lothar II / Past and Present. 1998. T. 161. P. 3—38.
- Albe E. Autour de Jean XXII. Hugues Geraud évêque de Cahors. L'affaire des poisons et des envoiements en 1317. Cahors, 1904.
- Allut P. Etude biographique et bibliographique sur Symphorien Champier. P., 1859.
- Amalvi C. Le 14 Juillet // Les lieux de mémoire / Ed. par P. Nora. T.1: La République. P., 1984. P. 421—472.
- Andenmatten B., Utz Tremp K. De l'hérésie à la sorcellerie: l'inquisiteur Ulric de Torrenté OP (vers 1420—1445) et l'affermissement de l'inquisition en Suisse romande // ZSKG. 1992. Bd. 86. S. 69—119.
- Anderson W.L. Gerson's Stance on Women // A Companion to Jean Gerson / Ed. by B.P. McGuire. Leiden, 2006. P. 293—315.
- Anheim E., Boudet J.-P., Mercier F., Ostorero M. Aux sources du sabbat. Lectures croisées de "L'imaginaire du sabbat / Edition critique des textes les plus anciens (1430c.-1440c.)" // Médiévales. 2002. № 42. P. 153—176.
- Aubert R. Dupanloup // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques. T. 14. P., 1960. Col. 1070—1122.
- Aubert R. Dupanloup et Rome // Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais, 1980. № hors série. P. 67—106.
- Audisio G. Les Vaudois. Naissance, vie et mort d'une dissidence (XIIe-XVIe siècles). Turin, 1989.
- Autrand F. Le pouvoir et le surnaturel: Jeanne d'Arc en 1429 // BA. 1995. № 19. P. 5—24.
- Autrand F. La prière de Charles V // Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France — 1995. P., 1998. P. 37—68.
- L'Aveu. Antiquité et Moyen Age. Rome, 1986.
- Baar M. de. "God has chosen you to be a crown of glory for all women!". The international network of learned women surrounding Anna Maria van Schurman // "I have had heard about you". Foreign Women's Writing Crossing the Dutch Border / Ed. by S. van Dijk, P. Broomans, J. van der Meulen, P. van Oosrum. Hilversum, 2004. P. 108—135.
- Bach O. La béatification de Jeanne d'Arc vue par les *Annales religieuses* // Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais. 2010. № 164. P. 55—74.
- Badel P.-Y. Le Roman de la Rose au XIVe siècle. Etude de la réception de l'oeuvre. Genève, 1980.
- Bailey M. D. Magic and Superstition in Europe: A Concise History from Antiquity to The Present. Lanham, 2007.
- Bakos A.E. Images of Kingship in Early Modern France. Louis XI in Political Thought, 1560—1789. L.-N.Y., 1997.
- Barricelli J.-P. Transcript, Legend, and Art: The Themathology of Joan of Arc // Revue Canadienne de Littérature Comparée. 1988. June. P. 177—200.
- Barstow A.L. Joan of Arc: Heretic, Mystic, Shaman. N.Y., 1986.
- Baudeuf S. Histoire tragique de la Pucelle de Domremy de Fronton du Duc, une oeuvre

- politique de circonstance // BA. 2000. № 24. P. 87—115.
- *Beaune C.* Naissance de la nation France. P., 1985.
- *Beaune C.* Prophétie et propagande: le sacre de Charles VII // *Idéologie et propagande en France / Sous la dir. de M. Jardeni.* P., 1987. P. 63—73.
- *Beaune C.* Jean de Gand prophète et bienheureux // *Prophètes et prophéties au XVIe siècle.* P., 1998. P. 13—28.
- *Beaune C.* Jeanne d'Arc. P., 2004.
- *Beaune C.* Le coeur de Jeanne // *Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Mittelalter.* 2007. Bd. 34. S. 201—206.
- *Beaune C.* Une prophétesse aux côtés du roi // *Histoire du Christianisme.* 2008. № 43. P. 36—39.
- *Beaune C.* Jeanne d'Arc. Vérités et légendes. P., 2008.
- *Beaune C., Lequain E.* Histoire et mythe familiaux chez les Boulogne-Auvergne // *Ecritures de l'histoire (XIVe-XVIe siècles) / Ed. par D. Bohler, C. Magnien-Simonin.* Genève, 2005. P. 385—416.
- *Behringer W.* *Witches and Witch-Hunt. A Global History.* Cambridge, 2007.
- *Beltran E.* L'humanisme français au temps de Charles VII et Louis XI // *Préludes à la Renaissance, aspects de la vie intellectuelle en France au XVe siècle / Ed. par C. Bozzolo et E. Ornato.* P., 1992. P. 123—163.
- *Bély L.* La France moderne, 1488—1789. P., 2006.
- *Benrekassa G., Biou J., Delon M., Goulemont E.* Le premier centenaire de la mort de Voltaire et de Rousseau // *Revue d'histoire littéraire de la France.* 1979. Mars-Juin. P. 265—295.
- *Berriot-Salvadore E.* Les femmes dans la société française de la Renaissance. Genève, 1990.
- *Bimbenet E.* Le 8 mai à Orléans depuis le Consulat jusqu'à nos jours // *Revue Orléanaise.* 1848. T. 2. P. 121—158.
- *Binder F.* Guido Görres und die *Jungfrau von Orléans* // *Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland.* 1905. T. 135. S. 788—805.
- *Binz L.* Les débuts de la chasse aux sorcières dans le diocèse de Genève // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance.* 1997. № 3. P. 561—581.
- *Blauert A.* Frühe Hexenverfolgungen: Ketzler-, Zauberei- und Hexenprozesse des 15. Jahrhunderts. Hambourg, 1989.
- *Blok J.H.* The Early Amazons. Modern and Ancient Perspectives on a Persistent Myth. Leiden-N.Y., 1995.
- *Blumenfeld-Kosinski R.* Christine de Pizan and the Misoginistic Tradition // *Romanic Review.* 1991. T. 81. P. 279—292.
- *Blumenfeld-Kosinski R.* Reading Myth: Classical Mythology and Its Interpretations in Medieval French Literature. Stanford, 1997.
- *Blumenfeld-Kosinski R.* Poets, Saints, and Visionaries of the Great Schism, 1378—1417. University Park, 2006.
- *Boissonade P.* Une étape capitale de la mission de Jeanne d'Arc // *RQH.* 1930. 3me serie. T. 17. P. 12—67.
- *Boland P.* The Concept of “discretio spirituum” in John Gerson’s “De probatione spirituum” and “De distinctione verarum visionum a falsis”. Washington, 1959.
- *Bonney F.* Autour de Jean Gerson. Opinions de théologiens sur les superstitions et la sorcellerie au début du XVe siècle // *MA.* 1971. № 77. P. 85—98.
- *Bordier J.-P.* Le “Mystère du siège d'Orléans”: de la politique à la religion // *Perspectives Médiévales.* 1992. № 18. P. 54—66.
- *Bossuat A.* Jeanne d'Arc. P., 1968.
- *Boucher de Molandon R., Beaucorps A. de.* L'armée anglaise vaincue par Jeanne d'Arc sous les murs d'Orléans // *Mémoires de la société archéologique et historique de l'Orléanais.* 1892. T. 23. P. 676—987.
- *Boudet J.-P.* Les condamnations de la magie à Paris en 1398 // *Revue Mabillon.* 2001. T. 12. P. 121—157.
- *Boudet J.-P.* Un prélat et son équipe de travail à la fin du Moyen Age: Remarques sur

- l'oeuvre scientifique de Pierre d'Ailly // Humanisme et culture géographique à l'époque du Concile de Constance autour de Guillaume Fillastre / Ed. par D. Marcotte. Turnhout, 2002. P. 127—150.
- *Boudet J.-P.* La postérité des condamnations de la magie à Paris en 1398 // Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe-XVIIe siècles) / Textes réunis par M. Ostorero, G. Modestin et K. Utz Tresp. Firenze, 2010. P. 331—347.
- *Boulogne J.* La mutation mameires des Amazones: un myth de la médecine grecque? // *Pallas*. Revue d'études antiques. 2008. T. 78. P. 59—66.
- *Boureau A.* Satan hérétique: l'institution judiciaire de la démonologie sous Jean XXII // *Médiévales*. 2003. № 44. P. 17—46.
- *Bouzy O.* Prédiction et récupération, les prophéties autour de Jeanne d'Arc dans les premiers mois de l'année 1429 // *BA*. 1990. № 14. P. 39—47.
- *Bouzy O.* Jeanne d'Arc, mythes et réalités. St.-Jean-de-Braye, 1999.
- *Bouzy O.* Jeanne d'Arc, les signes au roi et les entrevues de Chinon // *Guerre, pouvoir et noblesse au Moyen Age. Mélanges en l'honneur de Philippe Contamine*. P., 2000. P. 131—138.
- *Bouzy O.* Du bon usage politique de la Pucelle et ses conséquences: le cardinal de Richelieu contre les Huguenots // *BA*. 2000. № 24. P. 63—86.
- *Bouzy O.* Manuscrits inutiles et auteurs inconnus: la transmission du souvenir de Jeanne d'Arc du XVe au XVIIIe siècle // *BA*. 2002. № 26. P. 23—58.
- *Bouzy O.* Les Anglais voulaient brûler leur ennemie // *Histoire du Christianisme*. 2008. № 43. P. 50—54.
- *Bouzy O.* Jeanne ange, prophétesse, bergère ou pucelle? // *Religions et histoire*. 2009. № 25. P. 16—21.
- *Bouzy O.* Jeanne d'Arc chez les auteurs catholiques avant et après sa béatification // *Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais*. 2010. № 164. P. 21—24.
- *Bowie A.M.* Aristophanes: Myth, Ritual, and Comedy. Cambridge, 1993.
- *Bowmann F.P.* Le Christ des barricades, 1789—1848. P., 1987.
- *Bozzolo C.* La lecture des classiques par un humaniste français: Laurent de Premierfait // *Un traducteur et un humaniste de l'époque de Charles V Laurent de Premierfait / Sous la dir. de C. Bozzolo*. P., 2004. P. 69—82.
- *Braun P.* La sorcellerie dans les lettres de rémission du Trésor des chartes // *Actes de 102e Congrès national des sociétés savantes, Limoges, 1977. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610*. P., 1979. T. II. P. 257—278.
- *Broomhall S.* Women and Religion in 16th- century France. N.Y.-L., 2006.
- *Brown E.A.R.* La notion de la légitimité et la prophétie à la cour de Philippe Auguste // *La France de Philippe Auguste: le temps des mutations / Ed. par R.-H. Bautier*. P., 1982. P. 77—110.
- *Brown P.* Sorcery, Demons, and the Rise of Christianity: From Late Antiquity into the Middle Ages // *Brown P. Religion and Society in the Age of St. Augustine*. L., 1976. P. 119—146.
- *Brown P.* The Notion of Virginity in the Early Church // *Christian Spirituality: origins to the twelfth century / Ed. by B. McGinn and J. Meyendorff*. N.Y., 1985. P. 427—443.
- *Brownlee K.* Structures of Authority in Christine de Pizan's *Ditié de Jehanne d'Arc* // *Discourses of Authority in Medieval and Renaissance Litterature / Ed. by K. Brownlee and W. Stephens*. L., 1989. P. 131—150.
- *Brun M.* Réactions américaines: une "protestante" béatifiée? // *Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais*. 2010. № 164. P. 49—54.
- *Brun P.-M.* Les péripéties de la canonisation de sainte Jeanne d'Arc // *Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais*. 1970. № 6. P. 121—134.
- *Buc Ph.* L'Ambiguïté du Livre. Prince, pouvoir, et peuple dans les commentaires de la Bible au Moyen Age. P., 1994.
- *Buc Ph.* Italian Hussies and German Matrons. Liutprand of Cremona on Dinastic Legitimacy // *Frühmittelalterliche Studien*. 1995. Bd. 29. S. 207—225.
- *Buc Ph.* The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory.

- Princeton, 2001.
- *Buck V. de*. Le bienheureux Jean de Gand, dit l'ermite de Saint-Claude, précurseur de Jeanne d'Arc. Bruxelles, 1862.
  - *Bührer-Thierry G.* La reine adultère // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1992. № 35. P. 299—312.
  - *Bynum C.W.* Jéunes et festins sacrés. Les femmes et la nourriture dans la spiritualité médiévale. P., 1994.
  - *Caciola N.* Discerning Spirits: Divine and Demonic Possession in the Middle Ages. N.Y., 2003.
  - *Calin W.* Love and War: Comic Themes in Voltaire's *Pucelle* // *French Forum*. 1977. № 2. P. 34—46.
  - *Cameron A.* Images of Authority: Elites and Icons in Late Sixth-Century Byzantium // *Past and Present*. 1979. № 84. P. 3—35.
  - *Canivet D.* L'illustration de la poésie et du roman français au XVIe siècle. P., 1957.
  - *Carbasse J.-M.* Introduction historique au droit pénal. P., 1990.
  - *Carmona M.* Les diables de Loudun: sorcellerie et politique sous Richelieu. P., 1988.
  - *Caro Baroja J.* Witchcraft and Catholic Theology // *New Perspectives on Witchcraft* / Ed. by B.P. Levack. N.Y., 2001. P. 1—27.
  - *Cassagnes-Brouquet S.* Louis XI ou le mécénat bien tempéré. Rennes, 2007.
  - *Cazenave A.* Aveu et contrition: Manuels de confesseurs et interrogatoires d'inquisition en Languedoc et en Catalogne (XIIIe-XIVe siècles) // *La piété populaire au Moyen Age*. P., 1977. P. 333—352.
  - *Certeau M. de*. Le lieu de l'autre. Histoire religieuse et mystique. P., 2005.
  - *Champion P.* Le Roi Louis XI. P., 1978.
  - *Chandler S.B.* La "Gynevera de le clare donne" di Sabadino degli Arienti // *Giornale storico della letteratura italiana*. 1981. № 158. P. 222—234.
  - *Chêne C., Ostorero M.* Démonologie et misogynie. L'émergence d'un discours spécifique sur la femme dans l'élaboration doctrinale du sabbat au XVe siècle // *Les femmes dans la société européenne*. 8e Congrès des historiennes suisses / Ed. par A.-L. Head-König et L. Mottu-Weber. Genève, 2000. P. 171—196.
  - *Chenu M.-D.* Orthodoxie et hérésie: le point de vue du théologien // *Hérésies et sociétés dans l'Europe préindustrielle* / Sous dir. de J. Le Goff. P., 1968. P. 9—14.
  - *Chevalier B.* Humanisme et société urbaine à Tours au XVIe siècle // *Humanismus und höfisch-städtische Eliten im 16. Jr.* / Hrsg. von K. Malettke und J. Voss. Bonn, 1989. S. 155—181.
  - *Chiffolleau J.* Les justices du pape. Délinquance et criminalité dans la région d'Avignon au XIVe siècle. P., 1984. P. 200—202.
  - *Chiffolleau J.* Dire l'indicible. Remarques sur la catégorie du *nefandum* du XIIe au XVe siècle // *AESC*. 1990. № 2. P. 289—324.
  - *Chiffolleau J.* Amedée VIII ou la majesté impossible? // *Amedée VIII-Félix V, premier duc de Savoie et pape (1383—1451)* / Ed. par B. Andenmatten et A. Paravicini Bagliani. Lausanne, 1992. P. 19—49.
  - *Chiffolleau J.* Sur le crime de majesté médiéval // *Genèse de l'Etat moderne en Méditerranée. Approches historique et anthropologique des pratiques et de représentations*. Rome, 1993. P. 183¹—213.
  - *Clin M.-V.* Jeanne d'Arc. P., 2003.
  - *Clin-Meyer M.-V.* Jeanne d'Arc sorcière? // *BA*. 1987. № 11. P. 17—18.
  - *Cohn N.* Europe's Inner Demons. An Inquiry Inspired by the Great Witch-Hunts. L.-N.Y., 1975.
  - *Cohn N.* The Myth of Satan and his Human Servants // *Witchcraft: Confessions and Accusations* / Ed. by M. Douglas. L., 2004. P. 3—16.
  - *Collard F.* Un historien au travail à la fin du XVe siècle: Robert Gaguin. Genève, 1996.
  - *Colledge E.* *Epistola solitarii ad reges*: Alphonse of Pecha as Organiser of Brigittine and Urbanist Propaganda // *Medieval Studies*. 1956. № 18. P. 19—49.

- *Contamine P.* L'oriflamme de Saint-Denis au XIVe et XVe siècles. Etude de symbolique religieuse et royale // *Annales de l'Est*. 1973. № 1. P. 179—244.
- *Contamine Ph.* Jeanne d'Arc et la prophétie // *Les textes prophétiques et la prophétie en Occident (XIIe-XVIe siècles)*. Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age. 1990. T. 102. № 2. P. 677—685.
- *Contamine Ph.* Des pouvoirs en France, 1300—1500. P., 1992.
- *Contamine Ph.* De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie: figures, images et problèmes du XVe siècle. Orléans-Caen, 1994.
- *Contamine Ph.* Signe, miracle, merveille. Réactions contemporaines au phénomène Jeanne d'Arc // *Miracles, prodiges et merveilles au Moyen Age*. P., 1995. P. 227—240.
- *Contamine Ph.* Une chronique pour un prince? La "Geste des nobles Français" // *Les princes et l'histoire du XIVe au XVIIIe siècle* / Publ. sous la dir. de Ch. Grell, W. Paravicini, J. Voss. Bonn, 1998. P. 231—241.
- *Contamine Ph.* Remarques critiques sur les étendards de Jeanne d'Arc // *Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Mittelalter*. 2007. Bd. 34. S. 187—200.
- *Contamine P.* Persuader et propager. La France anglaise et le procès de Jeanne d'Arc // *Religions et histoire*. 2009. № 25. P. 34—39.
- *Contamine Ph., Bouzy O., Héлары X.* Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire. P., 2012.
- *Corbet P.* Les saints Ottoniens. Sainteté dynastique, sainteté royale et sainteté féminine autour de l'an Mil. Sigmaringen, 1986.
- *Cordier J.* Jeanne d'Arc: sa personnalité, son rôle. P., 1948.
- *Couton G.* Richelieu et le théâtre. Lyon, 1986.
- *Coville A.* Pierre de Versailles (1380?-1446) // *BEC*. 1932. T. 93. P. 208—266.
- *Crane S.* The Performance of Self. Ritual, Clothing, and Identity During the Hundred Years War. Philadelphia, 2002.
- *Crouzet D.* La nuit de la Saint-Barthélemy. Un rêve perdu de la Renaissance. P., 1994.
- *Cullen C.M.* Alexander of Hales // *A Companion to Philosophy in the Middle Ages* / Ed. by J.J.E. Gracia and T.B. Noone. Oxford, 2002. P. 104—108.
- *Cunningham L.S.* Brief History of Saints. Carlton, 2005.
- *Daniel C.* Les prophéties de Merlin et la culture politique (XIIe-XVIe siècles). Turnhout, 2006.
- *Daussy H.* La réception du concile de Trente // *Autour de Concile de Trente* / Ed. par M.F. Viallon. St.-Etienne, 2006. P. 117—132.
- *De l'hérétique à la sainte.* Les procès de Jeanne d'Arc revisités / Éd. par F. Neveux. Caen, 2012.
- *Delannoy J.-P.* Jeanne d'Arc au Parlement français: le lent chemin de la gloire laïque (1884—1920) // *Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais*. 2010. № 164. P. 5—14.
- *Delaruelle E.* La piété populaire au Moyen Age. Turin, 1975.
- *Delaruelle E., Labande E.-R., Ourliac P.* L'Eglise au temps du Grand Schisme et de la crise conciliaire (1378—1449). P., 1962.
- *Delavenne M.* Domremy-la-Pucelle, le culte de Jeanne // *Histoire du Christianisme*. 2008. № 43. P. 76—77.
- *Delcourt M.* Le complexe de Diane dans l'hagiographie chrétienne // *Revue de l'histoire des religions*. 1958. T. 153. P. 1—33.
- *Delooz P.* Towards a Sociological Study of Canonized Sainthood in the Catholic Church // *Saints and their Cults. Studies in Religious Sociology, Folklore and History* / Ed. by S. Wilson. Cambridge, 1985. P. 190—216.
- *Delumeau J.* La mort des pays de Cocagne. P., 1967.
- *Delumeau J.* La sainteté catholique // *Histoire des saints et de la sainteté chrétienne* / Sous la dir. de F. Chiovaro, J. Delumeau, A. Mandouze, B. Plongeron. P., 1987. T. 8: Les saintetés chrétiennes: 1546—1714. P. 22—45.
- *Delumeau J.* Les difficultés de la confession, XIIIe-XVIIIe siècles. P., 1992.
- *Deonna W.* Croyances antiques et modernes, l'odeur suave des dieux et des élus. Genève,

1939.

- *Deramond J.* Chanter Jeanne d'Arc lors des fêtes de la béatification // Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais. 2010. № 164. P. 41—48.
- *DeVries K.* Joan of Arc. A Military Leader. Bath, 1999.
- *Dinzelbacher P.* Heilige oder Hexen? Schicksale auffälliger Frauen in Mittelalter und Frühneuzeit. München, 1995.
- *Dondaine A.* Le frère prêcheur Jean Dupuy, évêque de Cahors, et son témoignage sur Jeanne d'Arc // Archivium Fratrum Praedicatorum. 1942. № 12. P. 118—184.
- *Dorange A.* Vie de Mgr. Gelu, archevêque de Tours au XVe siècle, écrite par lui-même, et publiée d'après un manuscrit de la Bibliothèque municipale // Bulletin de la Société archéologique de Touraine. 1875. № 3. P. 267—280.
- *Doren A.* Fortuna im Mittelalter und in der Renaissance // Vorträge der Bibliothek Warburg. 1922/1923. Bd. 2. Teil 1. S. 71—144.
- *Drèze J.-F.* Raison d'Etat, raison de Dieu: politique et mystique chez Jeanne de France. P., 1991.
- *Drouin S.* Théologie ou libertinage? L'exégèse allegorique à l'âge des Lumières. P., 2010.
- *Dubarle A.-M.* Judith. Formes et sens des diverses traditions. Rome, 1966.
- *Dubois C.-G.* Celtes et Gaulois au XVIe siècle. Le développement littéraire d'un mythe nationaliste. P., 1972.
- *Dubois C.-G.* La conception de l'histoire en France au XVIe siècle (1560—1710). P., 1977.
- *Dubois C.-G.* La mythologie des origines chez Guillaume Postel. Orléans, 1994.
- *Dubois C.-G.* L'avenir au féminin: les formes du "futurible" selon Guillaume Postel // Prophètes et prophéties au XVIe siècle. P., 1998. P. 135—147.
- *Duby G. et A.* Les procès de Jeanne d'Arc. P., 1973.
- *Dufournet J.* Louis XI vu par Commynes // Bien dire et bien apprendre. Revue de Médiévis-tique. 2010. T. 27. P. 17—34.
- *Duval F.* Jean Tinctor, auteur et traducteur des "Invectives contre la secte de vauderie" // Romania. 1999. T. 117. P. 186e—217.
- *Dworkin A.* Intercourse. N.Y., 1987.
- *Elliott D.* Seeing Double: John Gerson, the Discernment of Spirits, and Joan of Arc // AHR. 2002. Vol. 107. № 1. P. 26—54.
- *Elliott D.* Proving Woman: Female Spirituality and Inquisitional Culture in the Later Middle Ages. Princeton, 2004.
- *Esmein A.* Histoire de la procédure criminelle en France et spécialement de la procédure inquisitoire, depuis le XIIe siècle jusqu'à nos jours. P., 1882.
- *Esmein A.* Le serment des inculpés en droit canonique // Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes: Sciences religieuses. P., 1896. Vol. 7. P. 231—248.
- *Favier J.* Pierre Cauchon. Comment on devient le juge de Jeanne d'Arc. P., 2010.
- *Fédou R.* Jeanne d'Arc vue de Lyon // Horizons marins, itinéraires spirituels (Ve-XVIIIe siècles). VI: Mentalités et sociétés / Etudes réunies par H. Dubois, J.-C. Hocquet, A. Vau-chez. P., 1987. P. 43—54.
- Femmes et pouvoirs sous l'Ancien Régime / Sous la dir. de D. Haase-Dubosc, E. Viennot. P., 1991.
- *Ferber Ş.* The Demonic Possession of Marthe Brossier, France, 1598—1600 // No Gods Except Me: Orthodoxy and Religious Practice in Europe, 1200—1600 / Ed. by Ch. Zica. Melbourne, 1991. P. 59—83.
- *Ferber S.* Demonic Possession in Early Modern France. L., 2004.
- *Ferber S.* The Abuse of History? Identity Politics, Disordered Identity and the 'Really Real' in French Cases of Demonic Possession // Women, Identities and Communities in Early Modern Europe / Ed. by S. Tarbin and S. Broomhall. Burlington, 2008. P. 29—44.
- *Ferlampin C.* Le sabbat des vieilles barbues dans *Perceforest* // MA. 1993. № 3—4. P. 471—504.
- *Ffoulkes C.* The Armour of Jeanne d'Arc // The Burlington Magazine for Connoisseurs. 1909. Vol. 16. № 81. P. 141—147.

- *Flachaire C.* La dévotion à la Vierge dans la littérature catholique au commencement du XVIIe siècle. P., 1916.
- *Folz R.* Aspects du culte liturgique de saint Charlemagne en France // Karl der Große. Lebenswerk und Nachleben / Hrg. von W. Braunsfels. Düsseldorf, 1968. T. 4. S. 77—99.
- La Fortune. Thèmes, représentations, discours / Etudes rassemblées par J. Foehr-Janssens et E. Métry. Genève, 2003.
- *Fournel J.-L.* Lectures françaises de Guichardin: vérités historiques et ébauches d'une raison d'Etat à la française // La circulation des hommes et des oeuvres entre la France et l'Italie à l'époque de la Renaissance. P., 1992. P. 165—187.
- *Fraioli D.* Joan of Arc: The Early Debate. Woodbridge, 2000.
- *Fraioli D.* Joan of Arc and the Hundred Years War. Westport-L., 2005.
- La France de la fin du XVe siècle. Renouveau et apogée / Publ. sous la dir. de B. Chevalier et Ph. Contamine. P., 1985.
- *Franklin M.* Boccaccio's Heroines. Power and Virtue in Renaissance Society. Burlington, 2006.
- Fresh Verdicts on Joan of Arc / Ed. by B. Wheeler and C.T. Wood. N.Y.- L., 1999.
- *Gadille J.* L'originalité de l'intervention politique de Mgr Dupanloup // Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais. 1980. № hors série. P. 7—22.
- *Galliani R.* Voltaire en 1878: Le premier centenaire d'après les journaux de l'époque // SVEC. 1980. № 183. P. 91—115.
- *Gauchet M.* L'Etat au miroir de la raison d'Etat: la France et la chrétienté // Raison et déraison d'Etat. Théoriciens et théories de la raison d'Etat aux XVIe et XVIIe siècles / Ed. par Y.-C. Zarka. P., 1994. P. 193—244.
- *Gaunt S.* Straight Minds / 'Queer' Wishes in Old French Hagiography: La Vie de Sainte Euphrosine // GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies. 1995. № 1. P. 439—457.
- *Gaussin P.-R.* Les conseillers de Charles VII (1418—1461). Essai de politologie historique // Francia. Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte. 1982. Bd. 10. S. 67—130.
- *Gauvard C.* La criminalité parisienne à la fin du Moyen Age: une criminalité ordinaire? // Villes, bonnes villes, cités et capitals. Mélanges offerts à B. Chevalier. Tours, 1989. P. 361—370.
- *Gauvard C.* "De grace especial". Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age. P., 1991.
- *Gauvard C.* La justice pénale du roi de France à la fin du Moyen Age // Le pénal dans tous ses états. Justice, Etats et sociétés en Europe (XIIe-XXe siècles) / Sous la dir. de X. Rousseau et R. Levy. Bruxelles, 1997. P. 81—112.
- *Gauvard C.* Paris, le Parlement et la sorcellerie au milieu du XVe siècle // Finances, pouvoirs et mémoire. Mélanges offerts à Jean Favier / Textes réunis sous la dir. de J. Kerhervé et A. Rigaudière. P., 1999. Vol. 1. P. 85—111.
- *Gauvard C., Rouse M. et R., Soman A.* Le Châtelet de Paris au début du XVe siècle d'après les fragments d'un registre d'écrou de 1412 // BEC. 1999. T. 157. P. 565—606.
- *Gilkaer H.T.* The Political Ideas of St. Birgitta and her Spanish Confessor, Alfonso Pecha. Odense, 1993.
- *Gilli P.* Eléments pour une histoire de la gallophobie italienne à la Renaissance: Pie II et la nation française // Mélanges de l'Ecole française de Rome: Moyen âge, Temps Modernes. 1994. № 106. P. 275—311.
- *Gilli P.* Une lettre inédite sur Jeanne d'Arc (1429), faussement attribuées à Francesco Barbaro, humaniste vénitien // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France — 1995. P., 1998. P. 53—73.
- *Gilli P.* Au miroir de l'humanisme. Les représentations de la France dans la culture savante italienne à la fin du Moyen Age (c.1360-c.1490). Rome, 1997.
- *Ginzburg C.* Le sabbat des sorcières. P., 1992.
- *Girard L.* Dupanloup parlementaire et les débuts de la troisième république // Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais. 1980. № hors série. P. 109—123.
- *Gordon M.* Joan of Arc. L., 2000.

- *Goulemot J.-M., Walter E.* Les centenaires de Voltaire et de Rousseau // Les lieux de mémoire / Ed. par P. Nora. T.1: La République. P., 1984. P. 381—420.
- *Goyau G.* Jacques Gelu: ses interventions pour Jeanne d'Arc // RQH. 1932. № 117. P. 302—320.
- *Graboïs A.* Un mythe fondamental de l'histoire de France au Moyen Age: Le "roi David", précurseur du "roi très chrétien" // RH. 1992. T. 581. P. 11—31.
- *Greene H.C.* The Song of the Ass // Speculum. 1931. Vol. 6. № 4. P. 534—549.
- *Grell Ch.* Annius de Viterbe et le roman des origines en France et en Espagne // Le sentiment national dans l'Europe méridionale aux XVIe et XVIIe siècles / Sous la dir. de A. Tallon. Madrid, 2007. P. 227—250.
- *Griguer Th.* La vie et le procès de canonization de J.-M. de Maillé // Annales de Bretagne et de pays de l'Ouest. 1984. № 91. P. 27—37.
- *Guenée B.* Entre Eglise et Etat: quatre vies de prélates français de la fin du Moyen Age. P., 1987.
- *Guenée B.* Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P., 1992.
- *Guenée B.* La folie de Charles VI, roi Bien-Aimé. P., 2004.
- *Guerreau-Jalabert A.* Fées et chevalerie. Observations sur le sens social d'un thème dit merveilleux // Miracles, prodiges et merveilles au Moyen Age. P., 1995. P. 133—149.
- *Guillemin H.* Jeanne d'Arc dite "Jeanne d'Arc". P., 1970.
- *Guittton J.* Problème et mystère de Jeanne d'Arc. P., 1961.
- Hagiographie, cultures et sociétés, IVe-XIIe siècles. Actes du Colloque organisé à Nanterre et à Paris (2—5 mai 1979). P., 1981.
- *Harmand A.* Jeanne d'Arc, ses costumes, son armure. Essai de reconstruction. P., 1929.
- *Hazebruck V.* Statut de la prophétie dans l'église du XVe siècle, d'après le procès de réhabilitation de Jeanne d'Arc // BA. 1990. № 14. P. 53—55.
- *Heimann N.M.* Joan of Arc in French Art and Culture (1700—1855). From Satire to Sanctity. Aldershot-Burlington, 2005.
- *Heitmann K.* Fortuna und Virtus: Eine Studie zu Petrarca's Lebensweisheit. Köln-Graz, 1958.
- *Hellot A.* Sources de la chronique du "Rosier des guerres" // RH. 1885. № 29. P. 75—81.
- *Herzig T.* The Demons' Reaction to Sodomy: Witchcraft and Homosexuality in Gianfrancesco Pico della Mirandola's "Strix" // Sixteenth Century Journal. 2003. T. 34. № 1. P. 53—72.
- *Hobbins D.B.* The Schoolman as Public Intellectual: Jean Gerson and the Late Medieval Tract // AHR. 2003. Vol. 108. № 5. P. 1308—1337.
- *Hobbins D.B.* Jean Gerson's Authentic Tract on Joan of Arc: *Super facto Puellae et credulitate sibi praestanda* (14 May 1429) // Mediaeval Studies. 2005. № 67. P. 99—155.
- *Hobbins D.B.* Gerson on Lay Devotion // A Companion to Jean Gerson / Ed. by B.P. McGuire. Leiden, 2006. P. 41—78.
- *Hopkin C.E.* The Share of Thomas Aquinas in the Growth of the Witchcraft Delusion. Philadelphia, 1940.
- *Horowitz J., Menache S.* L'humour en chaire. Le rire dans l'église médiévale. Genève, 1994.
- *Hotchkiss V.R.* Clothes Make the Man: Female Cross Dressing in Medieval Europe. N.Y.-L., 1996.
- *Houdard S.* Les sciences du diable: 4 discours sur la sorcellerie, XVe-XVIIe siècles. P., 1992.
- *Hours B.* L'Eglise et la vie religieuse dans la France moderne, XVIe-XVIIIe siècles. P., 2000.
- *Huppert G.* The Idea of Perfect History. Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France. Chicago-L., 1970.
- Images de Jeanne d'Arc / Sous la dir. de J. Maurice et D. Couty. P., 2000.
- *Isaac M.-T.* "De la démonomanie des sorciers": histoire d'un livre à travers ses éditions // Actes du colloque Jean Bodin (24—27 mai 1984) / Textes réunis par G. Cesbron. Angers, 1985. P. 377—391.
- *Jacoby J.* La noblesse et les armes de Jeanne d'Arc. P., 1937.

- James C. Giovanni Sabadino degli Arienti: A Literary Career. Florence, 1996.
- James-Raoul D. Les Amazones au Moyen Age // En quête d'utopies / Textes réunis par C. Thomasset et D. James-Raoul. P., 2005. P. 195—230.
- Jeanne d'Arc, une époque, un rayonnement. Colloque d'histoire médiévale, Orléans, octobre 1979. P., 1982.
- Jeanne d'Arc. Les tableaux de l'Histoire, 1820—1920. P., 2003.
- Jeanné E. L'image de la Pucelle d'Orléans dans la littérature historique française depuis Voltaire. Liège, 1935.
- Jeay M. Clercs et paysans au XVe siècle: une relecture de l'épisode de l'arbre aux fées dans les procès de Jeanne d'Arc // Normes et pouvoir à la fin du Moyen Age / Publ. par M.-C. Déprez-Masson. Montréal, 1990. P. 145—163.
- Joan of Arc. Reality and Myth / Ed. by J. van Herwaarden. Rotterdam, 1994.
- Joan of Arc and Spirituality / Ed. by A.W. Astell and B. Wheeler. N.Y., 2003.
- Jong M. de. *Sacrum palatium et ecclesia*. L'autorité religieuse royale sous les Carolingiens (790—840) // AHSS. 2003. № 6. P. 1243—1269.
- Jönsson A. Alfonso of Jaén: His Life and Works. Lund, 1989.
- Joshikawa N.K. *Discretio spirituum* in Time: The Impact of Julian of Norwich's Counsel in the "Book of Margery Kempe" // The Medieval Mystical Tradition. Exeter Symposium VII / Ed. by E.A. Jones. Cambridge, 2004. P. 119—132.
- Jouanna A. La France du XVIe siècle: 1483—1598. P., 1996.
- Kantorowicz E.H. *Pro patria mori* in Medieval Political Thought // AHR. 1951. Vol. 56. № 3. P. 472—492.
- Kappler C.-C. Monstres, démons et merveilles à la fin du Moyen Age. P., 1999.
- Kaulek J. Louis XI est-il auteur du "Rosier des guerres" ? // RH. 1883. № 21. P. 312—322.
- Keitt A.W. Inventing the Sacred. Imposture, Inquisition, and the Boundaries of the Supernatural in Golden Age Spain. Brill, 2005.
- Kelly H.A. The Right to Remain Silent: Before and After Joan of Arc // *Speculum*. 1993. T. 68. № 4. P. 992—1026.
- Kelly J. Early Feminist Theory and the *Querelle des Femmes*, 1400—1789 // *Signs*. 1982. № 1. P. 4—28.
- Kieckhefer R. European Witch Trials: their Foundations in Popular and Learned Culture, 1300—1500. L., 1976.
- Kieckhefer R. The Holy and the Unholy: Sainthood, Witchcraft, and Magic in Late Medieval Europe // *Journal of Medieval and Renaissance Studies*. 1994. Vol. 24. № 3. P. 355—385.
- Klaniczay G. The Uses of Supernatural Power. The Transformation of Popular Religion in Medieval and Early-Modern Europe. Princeton, 1990.
- Klaniczay G. Holy Rulers and Blessed Princesses. Dynastic Cults in Medieval Central Europe. Cambridge, 2002.
- Kleinberg A. Proving Sanctity: Selection and Authentication of Saints in the Later Middle Ages // *Viator*. 1989. № 20. P. 183—205.
- Kleinberg A. Prophets in Their Own Country: Living Saints and the Making of Sainthood in the Later Middle Ages. Chicago-L., 1992.
- Knight A.E. Aspects of Genre in Late Medieval French Drama. Manchester, 1983.
- Kolsky S. Men Framing Women: Sabadino degli Arienti's "Gynevera de le clare donne" Reexamined // *Visions and Revisions: Women in Italian Culture* / Ed. by M. Cicioni. N. Prunster. Providence-Oxford, 1993. P. 27—40.
- Kolsky S. The Genealogy of Women: Studies in Boccaccio's "De mulieribus claris". N.Y., 2003.
- Krause K. Richelieu au Palais-Cardinal // Richelieu, patron des arts / Sous la dir. de J.-C. Boyer, B. Gaehtgens, B. Gady. P., 2009. P. 273—292.
- Kreuzer G. Heinrich von Langenstein: Studien zur Biographie und zur den Schismatrakaten unter besonderer Berücksichtigung der *Epistola pacis* und der *Epistola consilii pacis*. Paderborn, 1987.
- Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P., 1993.

- *Krumeich G.* Jeanne d'Arc vue d'Allemagne // *Jeanne d'Arc entre les nations / Etudes réunies* par T. Hoenselaars et J. Koopmans. Amsterdam, 1998. P. 103—114.
- *Krumeich G.* Problèmes d'une biographie de Jeanne d'Arc // *Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Mittelalter.* 2007. Bd. 34. S. 215—222.
- *Krumeich G.* La béatification de Jeanne d'Arc et l'Allemagne // *Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais.* 2010. № 164. P. 15—20.
- *Krynen J.* Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380—1440). *Etude de la littérature politique du temps.* P., 1981.
- *Krynen J.* Sur la culture historique des rois: Louis XI et le "Rosier des guerres" // *Liber amicorum. Etudes offertes à Pierre Jaubert / Textes réunis par G. Aubin.* Bordeaux, 1992. P. 399—410.
- *Krynen J.* L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe-XVe siècles. P., 1993.
- *Kysch Y. de.* Flavio Biondo da Forlì: archéologie de Rome au XVe siècle // *Influence de la Grèce et de Rome sur l'Occident moderne / Ed. par R. Chevallier.* P., 1977. P. 117—122.
- *Lagrange F.* Vie de Mgr Dupanloup, évêque d'Orléans, membre de l'Académie française. 3 vol. P., 1883—1884.
- *Langogne P. de.* Jeanne d'Arc devant la sainte Congrégation des Rites. P., 1894.
- *Lassabatère T.* Sentiment national et messianisme politique en France pendant la guerre de Cent ans: le thème de la fin du monde chez Eustache Deschamps // *BA.* 1993. № 17. P. 27—56.
- *Lecoy de la Marche A.* Une fausse Jeanne d'Arc. P., 1871.
- *Ledain B.* Jeanne d'Arc à Poitiers. St.-Maixent, 1891.
- *Lefèvre-Pontalis G.* La fausse Jeanne d'Arc. A propos du récit de M. Save // *MA.* 1895. T. 8. № 5. P. 97—112; № 6. P. 121—136.
- *Leflon J.* Etienne-Alexandre Bernier, évêque d'Orléans, et l'application du Concordat. P., 1938.
- *Le Gall J.-M.* Denis, Georges, Jacques, Antoine, Andre, Patrick et les autres. Identité nationale et culte des saints (XVe-XVIIIe siècles) // *Comportements, croyances et mémoires. Europe méridionale, XVe-XXe siècles. Etudes offertes à Régis Bertrand / Sous la dir. de G. Buti, A. Carol.* Aix, 2007. P. 147—169.
- *Le Goff J.* Pour un autre Moyen Age. P., 1977.
- *Le Goff J.* Royauté biblique et idéal monarchique médiéval: St. Louis et Josias // *Les juifs au regard de l'histoire. Mélanges B. Blumenkranz.* P., 1985. P. 157—168.
- *Le Goff J.* Reims, ville du sacre // *Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora. II: La Nation.* P., 1986. P. 89—184.
- *Le Nordez A.-L.-M.* Jeanne d'Arc, racontée par l'image, d'après les sculpteurs, les graveurs et les peintres. P., 1898.
- *Le Roy Ladurie E.* La sorcière de Jasmin. P., 1983.
- *Lethel F.-M.* Jeanne d'Arc et l'ange // *Colloque sur l'ange. Abbaye des Premontrées, Pont-à-Mousson.* 1982. P. 55—70.
- *Levack B.P.* The Witch-hunt in Early Modern Europe. L., 2006.
- *Lewis S.* A Byzantine "Virgo Militans" at Charlemagne Court // *Viator.* 1980. № 11. P. 71—110.
- *Lightbody C.W.* The Judgements of Joan: Joan of Arc, a Study in Cultural History. Cambridge (Mass.), 1961.
- *Limberis V.* Divine Heiress: The Virgin Mary and the Creation of Christian Constantinople. L.-N.Y., 1994.
- *Linder M.* Voltaire und die Poetik des Epos: Studien zur Erzähltechnik und zur Ironie in "La Pucelle d'Orléans". München, 1980.
- *Little L.* Les techniques de la confession et la confession comme technique // *Faire croire: Modalités de la diffusion et de la réception des messages religieux du XIIe au XVe siècle.* Rome, 1981. P. 87—99.
- *Lombard-Jourdan A.* Fleur de lis et oriflamme. Signes célestes du royaume de France. P., 1991.
- *Lopez E.* Culture et sainteté: Colette de Corbie, 1381—1447. Saint-Etienne, 1994.

- *Lucie-Smith E.* Joan of Arc. L., 1976.
- *Lusignan S.* “Vérité garde le roy”. La construction d’une identité universitaire en France (XIIIe-XVe siècles). P., 1999.
- *Maclean I.* Women Triumphant: Feminism in French Literature, 1610—1652. Oxford, 1977.
- *Maier E.* Trente ans avec le diable. Une nouvelle chasse aux sorciers sur la Riviera lémanique (1477—1484). Lausanne, 1996.
- *Maier E., Ostorero M., Utz Tremp K.* Le pouvoir de l’Inquisition // Les pays romands au Moyen Age / Ed. par A. Paravicini Bagliani. Lausanne, 1997. P. 247—258.
- Le mal et le Diable. Leurs figures à la fin du Moyen Age / Sous la dir. de N. Nabert. P., 1996.
- *Mandrou R.* Introduction à la France moderne (1500—1640). Essai de psychologie historique. P., 1961.
- *Mandrou R.* Magistrats et sorciers en France au XVIIe siècle. P., 1980.
- *Marchandisse A.* La diplomatie liégeoise de Louis XI au miroir des sources narratives contemporaines // Bien dire et bien apprendre. Revue de Médiévisique. 2010. T. 27. P. 49—67.
- *Marot P.* Le culte de Jeanne d’Arc à Domremy. Son origine et son développement. Nancy, 1956.
- *Marot P.* De la réhabilitation à la glorification de Jeanne d’Arc. Essai sur l’historiographie et la culte de l’héroïne en France pendant cinq siècles // Mémorial du Ve centenaire de la réhabilitation de Jeanne d’Arc, 1456—1956. P., 1958. P. 85—164.
- *Martin V.* Le Gallicanisme et la Réforme catholique. Essai historique sur l’introduction en France des décrets du concile de Trente (1563—1615). Genève, 1975.
- *Mas E.* Procès de canonisation de Jeanne d’Arc // BA. 1998. № 22. P. 51—72.
- *Mat-Hasquin M.* Voltaire et l’antiquité grecque. Oxford, 1981.
- *Maud A.* Le conte de Psyché chez Apulée et La Fontaine // Folia Electronica Classica. 2002. № 4 (<http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/04/TM4.html>).
- *Mayeur J.-M.* Mgr Dupanloup et Louis Veuillot devant les ‘prophéties contemporaines’ en 1874 // Revue d’histoire de la spiritualité. 1972. № 48. P. 193—204.
- *McNamara J.A.* The Rhetoric of Orthodoxy: Clerical Authority and Female Innovation in the Struggle with Heresy // Maps of Flesh and Light: The Religious Experience of Medieval Women Mystics / Ed. by U. Wiethaus. Syracuse-N.Y., 1993. P. 9—27.
- *Meltzer F.* For Fear of the Fire. Joan of Arc and the Limits of Subjectivity. Chicago-L., 2001.
- *Mercier F.* La Vauderie d’Arras. Une chasse aux sorcières à l’automne du Moyen Age. Rennes, 2006.
- *Merlin H.* Public et littérature en France au XVIIe siècle. P., 1994.
- *Mesnard P.* “De la démonomanie” de Jean Bodin // L’Opera et il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nelle storie dell’Umanesimo. Firenze, 1965. T. 2. P. 333—356.
- *Michaud-Fréjaville F.* Préface // Chronique de la Pucelle attribuée à Guillaume Cousinot, réimpression de l’édition de Vallet de Viriville. Caen, 1992.
- *Michaud-Fréjaville F.* Les processions à Orléans au XVe siècle // Cahiers de Recherches Médiévales. 2005. № 12. P. 113—130.
- *Michaud-Fréjaville F.* “Va, va fille de Dieu”. De l’usage du “tu” et du “vous” dans les sources concernant Jeanne d’Arc (1430—1456) // Ibid. P. 157—169.
- *Michaud-Fréjaville F.* Personne, personnage: Jeanne d’Arc en France au XVIIe siècle // Ibid. P. 231—248.
- *Michaud-Fréjaville F.* Images de Jeanne d’Arc : de l’orante à la sainte // Ibid. P. 249—257.
- *Michaud-Fréjaville F.* Cinema, Histoire: autour du thème “johannique” // Ibid. P. 285—300.
- *Michaud-Fréjaville F.* Un habit “deshonnête”. Réflexions sur Jeanne d’Arc et l’habit d’homme à la lumière de l’histoire de guerre // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Mittelalter. 2007. Bd. 34. S. 175—185.
- *Michaud-Fréjaville F.* A Orléans, six siècles de commémoration // Histoire du christianisme. 2008. № 43. P. 68—71.
- *Michaud-Fréjaville F.* Merveille, miracle, faits d’armes: le siège d’Orléans (octobre 1428 — mai 1429) // Religions et histoire. 2009. № 25. P. 22—27.

- *Modestin G.* Le diable chez l'évêque. Chasse aux sorciers dans le diocèse de Lausanne (vers 1460). Lausanne, 1999.
- *Monfrin J.* Etapes et formes de l'influence des lettres italiennes en France au début de la Renaissance // *Monfrin J.* Etudes de philologie romane. Genève, 2001. P. 839—858.
- *Muchembled R.* Le roi et la sorcière. L'Europe des bûchers, XVe—XVIIIe siècles. P., 1993.
- *Muller H.* Lyon et le concile de Bâle (1431—1449) // *Cahiers d'Histoire*. 1983. № 4. P. 33—57.
- *Müller W.* Le procès de réhabilitation fut-il 'le vrai procès de Jeanne d'Arc' ? // *Francia*. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Mittelalter. 2007. Bd. 34. S. 207—213.
- *Nablow R.A.* Was Voltaire Influenced by Rablais in Canto V of the *Pucelle*? // *Romance notes*. 1980—1981. № 21. P. 343—348.
- *Nettement A.* La mission de Jeanne d'Arc // *RQH*. 1866. T. 1. P. 526—561.
- *Neveux F.* L'évêque Pierre Cauchon. P., 1987.
- *Nichols S.G.* Prophetic Discourse: St. Augustine to Christine de Pizan // *The Bible in the Middle Ages: Its Influence on Literature and Art* / Ed. by B.S. Levy. Binghamton-N.Y., 1992. P. 51—76.
- "Non lasciar vivere la malefica". Le streghe nei trattati e nei processi (secoli XIV—XVII) / A cura di D. Corsi e M. Duni. Firenze, 2008.
- *Oakley F.* Gerson and d'Ailly: An Admonition // *Speculum*. 1965. № 40. P. 74—83.
- *Offenstadt N.* Faire la paix au Moyen Age. Discours et gestes de paix pendant la guerre de Cent ans. P., 2007.
- *Olivier-Martin F.* Histoire du droit français dès origines à la Revolution. P., 1992.
- *O'Neil M.R.* Missing Footprints: Maleficium in Modena // *Acta Ethnographica Hungarica*. 1991—1992. Vol. 37. № 1—4. P. 123—142.
- *Ornato E.* La redécouverte des classiques, révélateur des ruptures et des continuités dans le mouvement humaniste en France au XVe siècle // *L'aube de la Renaissance / Etudes réunies par D. Cecchetti, L. Socci, L. Terreaux*. Genève, 1991. P. 83—101.
- *Ostorero M.* "Folâtrer avec les démons". Sabbat et chasse aux sorciers à Vevey (1448). Lausanne, 1995.
- *Ourliac P.* Le concordat en 1472. Etude sur les rapports de Louis XI et de Sixte IV // *Ourliac P.* Etudes d'histoire du droit médiéval. P., 1979. T. 1. P. 399—489.
- *Ouy G.* L'Humanisme et les mutations politiques et sociales en France aux XIVe et XVe siècles // *L'Humanisme français au début de la Renaissance*. P., 1973. P. 27—44.
- *Ouy G.* La dialectique des rapports intellectuels franco-italiens et l'Humanisme en France aux XIVe et XVe siècles // *Rapporti culturali e economici fra Italia e Francia nei secoli dal XIV al XV*. Roma, 1979. P. 131—155.
- *Ouy G.* Les relations intellectuelles entre la France et l'Italie à la fin du XIVe et au début du XVe siècle // *Les Humanistes et l'Antiquité grecque / Textes rassemblés par M. Ishigami-Iagolnitzer*. P., 1989. P. 79—90.
- *Ouy G.* Humanism and Nationalism in France at the Turn of the Fifteenth Century // *The Birth of Identities. Denmark and Europe in the Middle Ages* / Ed. by B. McGuire. Copenhagen, 1996. P. 107—125.
- *Pal C.* Forming *famille*s d'alliance: Intellectual Kinship in the Republic of Letters // *Early Modern Women and Transnational Communities of Letters* / Ed. by J.D. Campbell and A.R. Larsen. Farnham-Burlington, 2009. P. 251—280.
- *Paravy P.* De la chrétienté romaine à la Reforme en Dauphiné. Évêques, fidèles et déviants (vers 1340 — vers 1530). 2 vol. Rome, 1993.
- *Pasteur C.* Les deux Jeanne d'Arc, enquête et débat. P., 1962.
- *Pastoureau M.* L'emblème fait-il la nation? De la bannière à l'armoirie et de l'armoirie au drapeau // *Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne du Moyen Age à l'époque moderne* / Publ. par R. Babel, J.-M. Moeglin. Sigmaringen, 1997. P. 193—203.
- *Patch H.* The Goddess Fortuna in Mediaeval Literature. N.Y., 1967.
- *Patlagean E.* L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance // *Studi medievali*. 1976. Ser. 3. V. 17. Fasc. II. P. 597—623.

- Paul J. Le prophétisme autour de Jeanne d'Arc et de sa mission // Il profetismo gioachimita tra Quattrocento e Cinquecento / A cura di G.L. Potestà. Roma, 1991. P. 157—182.
- Pernoud R. Vie et mort de Jeanne d'Arc: les témoignages du procès de réhabilitation 1450—1456). P., 1953.
- Pernoud R. Vie et mort de Jeanne d'Arc. P., 1956.
- Pernoud R. Jeanne d'Arc par elle-même et par ses témoins. P., 1962.
- Pernoud R. La libération d'Orléans, 8 mai 1429. P., 1969.
- Peters E. The Magician, the Witch, and the Law. Hassocks, 1978.
- Petit A. Le traitement courtois du thème des Amazones d'après trois romans antiques: *Enéas, Troie et Alexandre* // MA. 1983. T. 89. P. 63—84.
- Petit-Dutaillis Ch. Charles VII, Louis XI et les premières années de Charles VIII (1422—1492). P., 1981.
- Peyrebonne N. L'entre-deux américain, le cas de "Amazonas en las Indias" de Tirso de Molina // Penser l'entre-deux. Entre hispanité et américanité / Ed. par M. Belrose, C. Bertin-Elisabeth, C. Méné-Caster. P., 2005. P. 195—207.
- Peyronnet G. L'environnement religieux de la "Mission" de Jeanne d'Arc // BA. 1983. № 7. P. 29—41.
- Peyronnet G. Gerson, Charles VII et Jeanne d'Arc. La propagande au service de la guerre // Revue d'histoire ecclésiastique. 1989. Vol. 84. № 2. P. 334—370.
- Peyronnet G. Quelle place a tenu le sacre royal de Reims (1429) dans la mission de Jeanne d'Arc? // Revue d'histoire ecclésiastique. 2006. Vol. 101. № 2. P. 575—589.
- Pfister L. L'enfer sur terre. Sorcellerie à Dommartin (1498). Lausanne, 1997.
- Phillippy P. Establishing Authority: Boccaccio's "De claris mulieribus" and Christine de Pizan "Le livre de la cité des dames" // *Romanic Review*. 1986. T. 77. P. 167—193.
- Pidoux P.-A. Un précurseur de la bienheureuse Jeanne d'Arc: le bienheureux Jehan de Gand, dit l'ermite de St.-Claude, bénédictin. Sa vie et son culte. Lille, 1911.
- Pinhas-Delpuech R. De l'affranchi au libertin, les avatars d'un mot // *Eros philosophe. Discours libertins des Lumières / Etudes rassemblées par F. Moureua, A.-M. Rieu*. P., 1984. P. 11—20.
- Pinoteau H. La symbolique royale française, Ve-XVIIIe siècles. La Roche-Rigault, 2003.
- Pócs E. The Popular Foundations of the Witches' Sabbath and the Devil's Pact in Central and Southeastern Europe // *Acta Ethnographica Hungarica*. 1991—1992. Vol. 37. № 1—4. P. 305—370.
- Porak Ů. Les Fêtes de Jeanne d'Arc à Orléans sous la monarchie de Juillet, quelques observations // BA. 2004. № 28. P. 7—15.
- Portmann M.-L. Die Darstellung der Frau in der Geschichtschreibung des fruheren Mittelalters. Basel, 1958.
- La possession de Loudun / Présentée par M. de Certeau. P., 1980.
- Poutet Y. La sainteté d'après le droit canon et les normes en usage pour les causes de béatification et de canonisation du concile de Trente à nos jours // *Histoire et sainteté. Rencontres d'histoire religieuse*, 17 octobre 1981. Angers, 1982. P. 53—64.
- Prost A. Jeanne à la fête. Identité collective et mémoire à Orléans depuis la Révolution française // *La France démocratique. Mélanges offertes à Maurice Agulhon / Réunis et publ. par C. Charle, J. Lalouette, M. Rigenet et A.-M. Sohn*. P., 1998. P. 379—393.
- Ragueuet de Saint-Albin O. Juges de Jeanne d'Arc à Poitiers, membres du Parlement ou gens d'Eglise? Orléans, 1894.
- Raitzes V. I. La légende du "secret du roi" // *Le Porche. Bulletin de l'Association des Amis du Centre Jeanne d'Arc — Charles Péguy de Saint Pétersbourg*. 1996. № 1. Octobre. P. 9.
- Raknem I. Joan of Arc in History, Legend and Literature. Oslo, 1971.
- Raytzes V. La première entrevue de Jeanne d'Arc et de Charles VII à Chinon. Essai de reconstruction d'un fait historique // BA. 1989. № 13. P. 7—17.
- Réalité et représentations des amazones / Sous la dir. de G. Leduc. P., 2010.
- Redpath P.A. The nature of woman and her role in religion according to Guillaume Postel // *Guillaume Postel. 1581—1981. Actes du Colloque International d'Avranches*, 5—9 septembre 1981. P., 1985. P. 137—149.

- *Regis A.* La canonizzazione di Giovanna d'Arco // *Rivista d'Italia*. Mai 1905. 8/5.
- *Regout R.* La doctrine de la guerre juste de Saint Augustin à nos jours. P., 1934.
- *Renoux C.* Faut-il canoniser Jeanne d'Arc? Les chemins de la béatification de la Pucelle d'Orléans (1429—1869) // *Bulletin de la Société archéologique et historique de l'Orléanais*. 2011. № 165. P. 5—65.
- Richelieu et la culture / Sous la dir. de R. Mousnier. P., 1987.
- *Rieger D.* Nationalmythos und Globalisierung. Der Sonderfall "Jeanne d'Arc" // *Erinnerung, Gedächtnis, Wissen. Studien zur kulturwissenschaftlichen Gedächtnisforschung* / Hrsg. von G. Oesterle. Göttingen, 2005. S. 635—662.
- *Roper L.* Exorcism and the Theology of the Body // *Roper L. Oedipus and the Devil: Witchcraft, Sexuality, and Religion in Early Modern Europe*. L., 1994. P. 171—198.
- *Runnalls G.A.* When Is a "Mystère" Not a "Mystère"? Titles and Genres in Medieval French Religious Drama // *Tréteaux*. 1980. № 2. P. 23—28.
- *Runnalls G.A.* Un siècle dans la vie d'un mystère: Le "Mystère de saint Denis" // *Moyen Age*. 1991. T. 97. № 3—4. P. 407—430.
- *Runnalls G.A.* Towards a Typology of Medieval French Play Manuscripts // *Runnalls G.A. Etudes sur les mystères. Un recueil de 22 études sur les mystères français*. P., 1998. P. 367—389.
- *Russell F.H.* The Just War in the Middle Ages. Cambridge, 1975.
- *Russell J.B.* A History of Witchcraft. Sorcerers, Heretics, and Pagans. L., 1980.
- Le sabbat des sorciers en Europe: XVe-XVIIIe siècles / Textes réunis par N. Jacques-Chaquin, M. Préaud. Grenoble, 1993.
- *Russo G.M.* Sexual Roles and Religious Images in Voltaire's *La Pucelle* // *SVEC*. 1977. № 171. P. 31—53.
- *Sahlin C.L.* Brigitta of Sweden and the Voice of Prophecy: a Study in Gender and Religious Authority in the Later Middle Ages. Woodbridge, 2001.
- *Sallmann J.-M.* Chercheurs de trésors et jeteuses de sorts. La quête du surnaturel à Naples au XVIe siècle. P., 1986.
- *Salvat M.* Amazonia: le royaume de Femminie // *La représentation de l'Antiquité au Moyen Age* / Publ. par D. Buschinger et A. Crepin. Wien, 1982. P. 229—241.
- *Samaran Ch.* Pierre Choisnet, le "Rosier des guerres" et le "Livre des trois aages" // *BEC*. 1926. T. 87. P. 372—379.
- *Sanchez J.-P.* Mythes et légendes de la conquête de l'Amérique. Rennes, 1996.
- *Sands P.F.* Antoine Dufour, Jacques Philippes and "le racheter des hommes" // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1977. № 39. P. 81—87.
- *Santoro M.* Fortuna, ragione e prudenza nella civiltà letteraria del Cinquecento. Napoli, 1967.
- *Schapira N.* Un professionnel des lettres au XVIIe siècle. Valentin Conrart: une histoire sociale. Seysell, 2003.
- *Schmitt J.-C.* Les "superstitions" // *Histoire de la France religieuse* / Sous la dir. de J. Le Goff et R. Rémond. P., 1988. T. 1. P. 419—550.
- *Schmitt-Pantel P.* L'âne, l'adultère et la cité // *Le Charivari* / Publiés par J. Le Goff et J.-C. Schmitt. P., 1981. P. 117—122.
- *Schreiner K.* Maria. Jungfrau, Mutter, Herrscherin. Wien, 1994.
- *Schreiner K.* Maria Patrona. La sainte Vierge comme figure des villés, territoires et nations à la fin du Moyen Age et au début des temps modernes // *Identité régionale et conscience nationale en France et en Allemagne du Moyen Age à l'époque moderne* / Publ. par R. Babel, J.-M. Moeglin. Sigmaringen, 1997. P. 133—153.
- *Simone F.* La présence de Boccace dans la culture française du XVe siècle // *Journal of Medieval and Renaissance Studies*. 1971. № 1. P. 17—32.
- *Simone F.* Giovanni Boccaccio "fabbro" della sua prima fortuna francese // *Il Boccaccio nella cultura francese* / A cura di C. Pellegrini. Firenze, 1971. P. 49—80.
- *Sluhovsky M.* A Divine Apparition or Demonic Possession? Female Agency and Church Authority in Demonic Possession in Sixteenth-Century France // *Sixteenth Century Jour-*

- nal. 1996. T. 27. № 4. P. 1039—1055.
- *Sluhovsky M.* Discerning Spirits in Early Modern Europe // Communicating with the Spirits / Ed. by G. Klaniczay and E. Pócs. Budapest, 2005. P. 53—70.
  - *Smith G.L.* Jean de Meun in the “Cité des Dames”: Author versus Authority // Fifteenth Century Studies. 2010. № 35. P. 132—142.
  - *Smoller L.* History, Prophecy, and the Stars: The Christian Astrology of Pierre d’Ailly, 1350—1420. Princeton, 1994.
  - *Soman A.* Les procès de sorcellerie au Parlement de Paris (1565—1640) // AESC. 1977. № 4. P. 790—814.
  - *Soman A.* La justice criminelle vitrine de la monarchie française // BEC. 1995. T. 153. P. 291—304.
  - *Spinka M.* John Hus at the Council of Constance. N.Y., 1965.
  - *Steinberg S.* Le mythe des Amazones et son utilisation politique de la Renaissance à la Fronde // Royaume de Fémynie. Pouvoirs, contraintes, espaces de liberté des femmes, de la Renaissance à la Fronde / Ed. par K. Wilson-Chevalier, E. Viennot. P., 1999. P. 261—273.
  - *Strayer J.R.* France: The Holy Land, the Chosen People, and the Most Christian King // Action and Conviction in Early Modern Europe / Ed. by T.K. Rabb, J.E. Seigel. Princeton, 1969. P. 3—16.
  - *Strobino S.* Française sauvée des flammes? Une valaisane accusée de sorcellerie au XVe siècle. Lausanne, 1996.
  - *Stump P.H.* The Reforms of the Council of Constance (1414—1418). Leiden, 1993.
  - *Sudmann S.* Das Basler Konzil 1431—1449 // Lexikon zur Geschichte der Hexenverfolgung / Hrsg. von G. Gersmann, K. Moeller, J.-M. Schmidt. 2007 (http://www.historicum.net/no_cache/persistent/artikel/5514/).
  - *Suire E.* La sainteté française de la Reforme catholique (XVIe-XVIIIe siècles) d’après les textes hagiographiques et les procès de canonisation. Pessac, 2001.
  - *Suire E.* Sainteté et Lumières. Hagiographie, spiritualité et propagande religieuse dans la France du XVIIIe siècle. P., 2011.
  - *Sullivan K.* The Interrogation of Joan of Arc. Minneapolis, 1999.
  - *Switek G.* “Discretio spirituum”: Ein Beitrag zur Geschichte der Spiritualität // Theologie und Philosophie. 1972. Bd. 47. S. 36—76.
  - *Tallon A.* La France et le concile de Trente (1518—1563). Rome, 1997.
  - *Tallon A.* Science nationale et sentiment religieux en France au XVIe siècle. P., 2002.
  - *Tanner N.* The Church in the Later Middle Ages. L.-N.Y., 2008.
  - *Tanon L.* Histoire des tribunaux de l’Inquisition en France. P., 1893.
  - *Tanz S.* Jeanne d’Arc: Spätmittelalterliche Mentalität im Spiegel eines Weltbildes. Weimar, 1991.
  - *Tanz S., Werner E.* Spätmittelalterliche Laienmentalitäten im Spiegel von Visionen, Offenbarungen und Prophezeiungen. Frankfurt am Main, 1993.
  - *Taylor S.M.* Down to Earth and Up to Heaven: the Nine Muses in Martin Le Franc “Le Champion des dames” // Fifteenth Century Studies. 2007. № 32. P. 164—175.
  - *Thomas A.* Le “signe royal” et la mission de Jeanne d’Arc // RH. 1910. T. 103. P. 278—282.
  - *Thomasset C.* Le corps féminin ou le regard empêché // Micrologus. Natura, scienze e società medievali. 1993. № 1. P. 99—114.
  - *Thorndike L.* History of Magic and Experimental Science. T. 1—2. N.Y.-L., 1923.
  - *Timmermans L.* L’Accès des femmes à la culture (1598—1715). Un débat d’idées de Saint François de Sales à la Marquise de Lambert. P., 1993.
  - *Tin L.-G.* Jeanne d’Arc, identités et tragédie au XVIe siècle // Images de la guerre de Cent ans / Sous la dir. de D. Couty, J. Maurice, M. Guéret-Laferté. P., 2002. P. 199—205.
  - *Tobin M.* Une collection de textes prophétiques du XVe siècle: le manuscrit 520 de la Bibliothèque Municipale de Tours // Mélanges de l’Ecole française de Rome. Moyen Age. 1990. T. 102. № 2. P. 417—423.
  - *Togoeva O.* La présence du pouvoir dans les textes judiciaires français de la fin du Moyen Age // Bilder der Macht in Mittelalter und Neuzeit. Byzanz — Okzident — Russland / Hrsg. von O.G. Oexle, M. Boitsov. Göttingen, 2007. S. 431—459.

- *Torretta L.* Il “Liber de claris mulieribus” di Giovanni Boccaccio // *Giornale della letteratura italiana*. 1902. № 39. P. 252—292; 1903. № 40. P. 35—65.
- *Toubert P.* La théorie du mariage chez les moralistes carolingiens // *Il matrimonio nella società altomedievale*. Spoleto, 1977. T. 1. P. 233—282.
- *Tresmontant C.* Le prophétisme hébreu. P., 1982.
- *Tsien J.* Voltaire and the Temple of Bad Taste: A Study of La Pucelle d'Orléans. Oxford, 2003.
- *Uytvanghe M. van.* Stylisation bibliques et condition humaine dans l'hagiographie mérovingienne (600—750). Bruxelles, 1987.
- *Utz Tremp K.* Ist Glaubenssache Frauensache? Zu den Anfängen der Hexenverfolgungen in Freiburg (um 1440) // *Freiburger Geschichtblätter*. 1995. Bd. 72. S. 9—50.
- *Utz Tremp K.* Der Freiburger Stadtpfarrer Wilhelm Studer (1412—1447). Ein spätmittelalterliches Klerikerleben zwischen Kirche, Konkubine und Konzil // *ZSKG*. 1999. Bd. 93. S. 121—197.
- *Utz Tremp K.* Les vaudois de Fribourg (1399—1430): état de recherche // *Revue d'histoire des religions*. 2000. № 217. P. 121—138.
- *Utz Tremp K.* Von der Häresie zur Hexerei. Waldenser- und Hexenverfolgungen im heutigen Kanton Freiburg (1399—1442) // *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*. 2002. Bd. 52. S. 115—121.
- *Vale M.* Charles VII. L., 1976.
- *Vallet de Viriville A.* Notices et extraits de chartes et de manuscrits appartenants au British Museum de Londres // *BEC*. 1846. T. 8. P. 110—147.
- *Vallet de Viriville A.* Histoire de Charles VII roi de France et de son époque, 1403—1461. 3 vol. P., 1862—1865.
- *Vallet de Viriville A.* Les anneaux de Jeanne d'Arc // *Mémoires de la Société des Antiquaires de France*. 1868. T. 10. P. 82—97.
- *Valois N.* La France et le Grand Schisme d'Occident. 4 vol. P., 1896—1902.
- *Valois N.* Histoire de la Pragmatique Sanction de Bourges sous Charles VII. P., 1906.
- *Valois N.* Jeanne d'Arc et la prophétie de Marie Robine // *Mélanges Paul Fabre. Etudes d'histoire du Moyen Age*. Genève, 1972. P. 452—467.
- *Vaucher A.* Canonisation et politique au XIVe siècle. Documents inédits des Archives du Vatican relatifs au procès de canonisation de Charles de Blois, duc de Bretagne (d. 1364) // *Miscellanea in onore di Monsignor Martino Giusti. Città del Vaticano*, 1978. P. 381—404.
- *Vaucher A.* Les laïcs au Moyen Age. Pratiques et expériences religieuses. P., 1987.
- *Vaucher A.* La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Rome, 1988.
- *Vercruyse J.* Jeanne d'Arc au siècle des Lumières // *SVEC*. 1972. T. 90. P. 1659—1729.
- *Verger J.* Les universités françaises au Moyen Age. Leiden-N.Y.-Köln, 1995.
- *Viallaneix P.* La voie royale. Essai sur l'idée de peuple dans l'oeuvre de Michelet. P., 1959.
- *Vivanti C.* “Les Recherches de la France” d'Etienne Pasquier // *Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora*. II: La Nation. P., 1986. T. 1. 215—245.
- *Voaden R.* God's Words, Women's Voices: The Discernment of Spirits in the Writings of Late-Medieval Women Visionaries. Woodbridge, 1999.
- *Vovelle M.* La Marseillaise // *Les lieux de mémoire / Ed. par P. Nora*. I: La République. P., 1984. P. 85—138.
- *Walker A.M., Dickerman E.H.* A Woman under the Influence: A Case of Alleged Possession in Sixteenth-Century France // *Sixteenth Century Journal*. 1991. T. 22. № 3. P. 534—554.
- *Warner M.* Joan of Arc. The Image of Female Heroism. L., 2000 (1981).
- *Waugh W.T.* Joan of Arc in English Sources of the Fifteenth Century // *Historical Essays in Honor of James Tait / Ed. by J.G. Edwards, V.H. Galbraith, E.F. Jacob*. Manchester, 1933. P. 387—398.
- *Weinstein D., Bell R.M.* Saints and Society: The Two Worlds of Western Christendom, 1000—1700. Chicago-L., 1986.
- *Wellek R.* The Concept of Romanticisme // *Comparative Literature*. 1949. № 1. P. 1—23, 147—172.

- *Winock M.* Jeanne d'Arc // *Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora.* III: Les France. T. 3: De l'archive à l'emblème. P., 1992. P. 675—733.
- *Witchcraft and Magic in Europe: The Eighteenth and Nineteenth Centuries / Ed. by B. Ankarloo and S. Clark.* Philadelphia, 1999.
- *Zaccaria V.* La fortuna del “De mulieribus claris” del Boccaccio nel secolo XV: Giovanni Sabadino degli Arienti, Iacopo Filippo Foresti e le loro biografie femminili (1490—1497) // *Il Boccaccio nelle culture e letterature nazionali / A cura di F. Mazzoni.* Firenze, 1978. P. 519—545.
- *Zarri G.* From Prophecy to Discipline, 1450—1650 // *Women and Faith: Catholic Religious Life in Italy from Late Antiquity to the Present / Ed. by L. Scaraffia, G. Zarri.* Cambridge (Mass.)-L., 1999. P. 83—112.
- *Zeller G.* Aspects de la politique française sous l'Ancien Regime. P., 1964.
- *Ziff N.D.* Jeanne d'Arc in French Restoration Art // *Gazette des Beaux-Arts.* 1979. № 93. P. 37—48.

Происхождение иллюстраций

- Первая сторона обложки — Harper's New Monthly Magazine. 1894. № 89.
- Четвертая сторона обложки — *Philipon de La Madelaine V. L'Orléanais. Histoire des ducs et du duché d'Orléans*. P., 1845 (собственность автора).
- Илл. 1, 9, 10, 14, 32, 37 — *Le Nordez A.-L.-M. Jeanne d'Arc, racontée par l'image, d'après les sculpteurs, les graveurs et les peintres*. P., 1898.
- Илл. 2 — *Cockerell S.C. Book of Old Testament illustrations of the Middle of the XIIIth century, sent by Cardinal Bernard Maciejowski to Shah Abbas the Great, king of Persia, now in the Pierpont Morgan Library at New-York*. Cambridge, 1927.
- Илл. 3 — *Thomas M. Scènes de l'Ancien Testament illustrant le Psautier de Saint Louis. Reproduction des 78 enluminures à pleine page du manuscrit latin 10525 de la Bibliothèque nationale de Paris*. Graz, 1970.
- Илл. 4 — BNF. Ms. fr. 8, fol. 1 // <http://visualiseur.bnf.fr/Visualiseur?Destination=Mandragore&O=8100027&E=1&I=15177&M=imageseule> (свободный доступ)
- Илл. 5 — *Pératé A. Les fresques de Fra Angelico à Saint-Marc de Florence*. P., 1914.
- Илл. 6 — *Albrecht Dürer: 1471 bis 1528 / Einleitung von W. Hütt*. Berlin, 1971.
- Илл. 7 — *The Hague, KB, KA 20. Fol. 65rb* // http://manuscripts.kb.nl/search/simple/73E33* (свободный доступ)
- Илл. 8, 30 — *Hordal J. Heroinae nobilissime Ioannae Darc Lotharingae vulgo Aurelianensis Puellae Historia*. Pont-Masson, 1612.
- Илл. 11, 12, 36 — *Lanéry d'Arc P. Livre d'or de Jeanne d'Arc. Bibliographie raisonnée et analytique des ouvrages relatifs à Jeanne d'Arc*. P., 1894.
- Илл. 13 — *Vulson, sieur de la Colombière. Les portraits des hommes illustres françois, qui sont peints dans la Galerie du Palais Cardinal Richelieu*. P., 1648.
- Илл. 15 — *Mandel G. Tout l'oeuvre peint de Botticelli*. P., 1968.
- Илл. 16 — *Beazley J.D. Attic Black-figure Vase-painters*. L., 1956.
- Илл. 17 — *Ovide. Métamorphoses*. Bruges, 1484.
- Илл. 18, 20 — *Ovide. La Bible des poètes, Métamorphoses*. P., s.d. [1498].
- Илл. 19 — BNF. Ms. fr. 143. Fol. 117v // <http://visualiseur.bnf.fr/CadresFenetre?O=COMP-3&I=33&M=imageseule> (свободный доступ)
- Илл. 21 — BNF. Ms. fr. 598. Fol. 13 // <http://visualiseur.bnf.fr/Visualiseur?Destination=Mandragore&O=07903731&E=1&I=23385&M=imageseule> (свободный доступ)
- Илл. 22 — *Кондаков Н.П. Иконография Богородицы*. Т. 1. СПб., 1914.
- Илл. 23 — *Goldschmidt A. Die Elfenbeinskulpturen aus der Zeit der karolingischen und sächsischen Kaiser, VIII.-XI. Jahrhundert*. Bd. 1. Berlin, 1914.
- Илл. 24 — *Baum E. Katalog des Museums mittelalterlicher österreichischer Kunst*. Wien, 1971.
- Илл. 25—26 — *Bibliothèque municipale de Lyon. Ms. 5140. Fol. 26* // [http://sged.bm-lyon.fr/Edip.BML/\(pgqf4155n0sqtemfkihopx3k\)/Pages/Redirector.aspx?Page=MainFrame](http://sged.bm-lyon.fr/Edip.BML/(pgqf4155n0sqtemfkihopx3k)/Pages/Redirector.aspx?Page=MainFrame) (свободный доступ)
- Илл. 27 — *Billon F. de. Le fort inexpugnable de l'honneur du sexe féminin*. P., 1555.
- Илл. 28 — *Bie J. de. La France métallique... tirés de plusieurs cabinets avec explication*. P., 1636.
- Илл. 29 — *Opmeer P. van. Opus chronographicum orbis universi*. Antverpiae, 1611.
- Илл. 31 — *Schiller F. Die Jungfrau von Orleans. Eine romantische Tragödie*. Berlin, 1802.
- Илл. 33 — [Voltaire]. *La Pucelle d'Orléans, poème heroï-comique en dix-huit chants*. L., 1761.
- Илл. 34 — [Voltaire]. *La Pucelle d'Orléans, poème divisé en vingt-un chants avec les notes de M. de Morza*. L., 1775.
- Илл. 35 — *Jollois H.-P.-B. Monuments anciens et modernes érigés en France à la mémoire de Jeanne d'Arc*. Orléans, 1834.
- Илл. 38 — *Lagrange F. Vie de Mgr Dupanloup, évêque d'Orléans, membre de l'académie française*. T. 2. P., 1883.
- Илл. 39 — *Wallon H. Jeanne d'Arc. Edition illustrée d'après les Monuments d'Art depuis le quinzisième siècle jusqu'à nos jours*. 3 éd. P., 1877.

Указатель имен

- Август, Октавиан, император Римской империи — 124
Августа, св. — 324
Августин, Аврелий — 32, 33, 38, 85, 92—94, 98, 123, 125, 137, 218, 227
Аверди, Клеман-Шарль-Франсуа де Л' — 398, 441, 442, 443, 445, 450, 509
Авраам — 234, 244, 254
Агарь — 227, 234, 254
Агата, св. — 227
Агнесса, св. — 269
Агобар, епископ Лионский — 110
Агриппа — 370
Агюйон М. — 513
Адам — 126, 479
Алан Лилльский — 316
Алансон, Жан II, герцог д' — 41, 54, 72, 167, 168, 207, 209, 216, 221, 222, 400, 411, 434, 435, 500
Аларих — 314
Александр IV, папа римский — 99
Александр V, папа римский — 86
Александр VIII, папа римский — 461
Александр Галенский — 247, 248, 249, 252
Александр Македонский — 87, 300
Александр Невский — 15
Алексей Римлянин — 253
Алеман, Матео — 385
Алкид — 304
Альбрехт II Габсбург, король Чехии и Германии — 315
Альи, Пьер д' — 33, 34, 35, 84, 519
Алькала, Диего де, св. — 375
Альман, Людовик, св. — 375
Альпе, Жан — 157
Амвросий Медиоланский — 35
Амедей VIII, герцог Савойский (антипапа Феликс V) — 111
Амман-Дублие Ш. — 104
Амос — 234
Андозна, св. — 250
Анжела да Фолинья — 334
Анна, мать Самуила — 245
Анна, судья Христа — 174
Анна Австрийская, королева Франции — 304, 379
Аполлон — 385
Апулей — 406—409, 414
Арахна — 312
Арес — 303
Ареццо, Джованни Корвини д' — 231
Аржан, Жан-Батист д' — 390, 413, 416
Ариадна — 407
Ариосто, Лудовико — 404, 405, 416
Аристотель — 379
Арк, Жак д' — 11
Арк, Пьер и Жан д' — 329, 331, 494
Арло, Амори и Жак д' — 116
Арманьяк, граф д' — 134, 153
Армуаз, Клод дез — 175, 329, 330, 331, 335, 336, 393
Армуаз, Роберт дез — 330
Арнолен, Анри — 231
Арнуль Ж.-К. — 343
Артаксеркс — 77, 245
Артемис — 307, 319, 370
Артинья, Антуан Гаше д' — 393, 398
Аргуа, Робер д' — 119
Астольф — 404, 405
Атлант — 405
Афина Паллада (см. Минерва)
Ахаз — 43
Ахилл — 300
Аццолини, Декио — 461
Аччайуоли, Донато — 287
Altafex, Уильям — 101
Бабыека — 405
Базен, Тома — 63, 183, 233, 244, 245, 246, 249, 250, 253, 254, 269, 273, 286, 340, 467, 509
Бар, Жан де — 123, 124, 163
Бар, Марго де ла — 114, 120, 122
Барак — 246
Барант, Проспер де — 426
Барбен, Жан — 27, 41, 268
Барраль П. — 419
Баррес М. — 424
Барруа Э. — 473
Бартелеми де Борегар Э.Ж. — 451—453, 456, 457, 494
Бассе, Жан — 157
Баше, Мари-Луи-Жюль-Габриэль — 510, 511
Беатрис, вдова Этелена — 198, 199
Беатриса Арагонская, королева Венгрии и Богемии — 282
Беда Достопочтенный — 258, 259
Бедфорд, Жан, герцог — 66, 89, 90, 128, 262, 401

- Бедфорд, Анна, герцогиня — 206
 Беккет, Томас — 429
 Белл Р. — 192
 Беллармино, Роберто — 395
 Белле, Гийом дю — 338, 365, 366
 Беллерофонт — 407
 Беллона — 303, 522
 Белье, Гийом — 45
 Бельфоре, Франсуа де — 275, 281, 296, 297, 304, 334, 338, 345, 347, 366
 Бенедикт XII, папа римский — 100, 101
 Бенедикт XIII, (анти)папа римский — 143
 Бенедикт XIV, (анти)папа римский — 143
 Бенедикт XIV, папа римский (Ламбертини, Просперо) — 495, 498, 503, 505, 526
 Бентивольо, Санте, правитель Болоньи — 282
 Беньяр, Робер — 475
 Берг, Энгельберт фон — 190
 Береника — 307
 Бернар Клервоский — 32, 265
 Бернар, Эжен — 506
 Бернардин Сиенский, св. — 276
 Берне, Жозеф — 488
 Бернье, Этьен-Александр — 484, 485, 486
 Бероальд де Вервиль, Франсуа — 299, 320, 337, 358
 Берриа-Сен-При, Жак — 443, 444
 Беррио-Сальвадоре Э. — 298
 Берруйе, Мартин — 63, 183, 213, 227, 229, 233, 244—246, 248, 250, 254, 269, 332
 Бёре, Пьер-Жозеф-Наполеон — 495, 498
 Би, Жак де — 320
 Бигекс С. — 421
 Биго, Ашиль-Луи — 509, 510, 511
 Бийон, Франсуа де — 299, 301, 302, 305, 319, 320, 334
 Билио, кардинал — 512
 Бланка Кастильская, королева Франции — 324
 Блауэрт А. — 102, 103, 108
 Блок М. — 56
 Блокер Д. — 357
 Блондель, Робер — 168
 Бодель, Жан — 56
 Боден, Жан — 164, 349, 350, 351
 Бодрикур, Робер де — 29, 48, 135, 146, 202, 209, 210, 213, 337, 390, 392, 417, 467, 500, 510
 Боккаччо, Джованни — 291—294, 313, 319
 Бокруа, Симон — 40
 Бомануар, Филипп — 120, 239
 Бон К. — 27, 49, 76, 282, 333, 362, 377
 Бонифаций VIII, папа римский — 119
 Боннар, Луи — 503
 Бон Эпе, Алиса — 116
 Бопер, Жан — 187
 Бордые Ж.-П. — 472
 Боре Л. — 450
 Боссюз, Жак Бенинь — 394, 395, 396, 491
 Боуэр, Уолтер — 170
 Бофорт, Джон, 3-й граф Сомерсет — 357, 462
 Бофорт, Эдмунд, 4й граф Сомерсет — 462
 Бошар, Жан — 183, 229, 234, 243, 246, 250
 Браун П. — 113
 Бреаль, Жан — 58, 59, 63, 127, 180, 184, 201, 213, 227, 228, 234, 244, 247, 250, 252—254, 259, 269
 Бриг, Жанна де — 114, 115, 117, 121
 Бригитта Шведская, св. — 24, 30, 36, 37, 39, 70, 84, 92, 172
 Брийо, Жан — 157
 Брумхолл С. — 375
 Буало-Депрео, Никола — 383, 384, 385, 386
 Бувье, Жиль ле (по прозвищу Герольд Берри) — 284—286, 288—290
 Буде Ж.-П. — 9, 124
 Бузи О. — 9, 27, 28, 46, 47, 50, 53, 238, 242, 259, 260
 Буйе, Гийом — 179, 183, 187, 245, 246, 250, 268
 Буленвилье, Персеваль де — 42, 43, 48, 202, 214, 230, 239, 264, 465
 Бурбон, Шарль де — 45, 54
 Бурбон, Этьен де — 96, 97, 101
 Бурдей, Эли де — 183, 228, 229, 233, 234, 243, 246, 248, 255, 269
 Бурлемон, графы де — 194, 196, 199
 Бурсьер, Гийометт ла — 116
 Бурхард Вормсский — 94, 95
 Буссак де, маршал — 67
 Бутен, Жан, Пьер и Гийом — 116
 Буше де Моландон, Реми — 461
 Буэзг, Жан де — 158, 159
 Бьондо, Флавио — 287
 Бюшон Ж.А. — 444, 445, 450
 Вайнштейн Д. — 192
 Валет, Массе — 116
 Валле де Виривиль О. — 460, 461
 Валлон А. — 499—504, 509, 510, 511, 514, 526
 Валуа Н. — 88
 Вандре, Никола де — 157
 Ваньер, Жан-Луи — 390, 402, 421
 Варан, Валеран де ла — 163, 323, 472
 Вассбург, Ришар де — 335
 Ватрен, Жан — 198

- Вейер, Иоганн — 350
 Вельянтиф — 405
 Вергилий — 287
 Веркрюс Ж. — 389, 390, 416
 Вернуль, Никола — 304, 344, 359, 363, 378
 Версаль, Пьер де — 39
 Виклиф, Джон — 30
 Виндеке, Эберхард — 72, 169, 262, 264
 Винсент из Бове — 59, 241, 249, 305
 Винье, Никола — 361, 362
 Виньоль, Николя — 273
 Виньоль, Этьен де (по прозвищу Ла Гир) — 328
 Вирсавия — 324
 Висконти, Филиппо Мария, герцог Милана — 42, 230, 231, 465
 Вольтер — 17, 321, 362, 386, 389—394, 399, 400, 402—411, 413—424, 426, 428, 432, 436, 437, 439, 441—444, 448, 452, 481, 482, 513—516, 524, 526
 Воше А. — 24, 190, 226, 267
 Вутон, Жан де — 332
 Вутон, Изабелла (по прозвищу Роме) — 11, 376
 Вюртемберг, Ульрих фон — 329
Vasanda, Жанна — 109
Via, Пьер де — 113

 Гавриил, архангел — 244
 Гаген, Робер — 287—289, 337
 Гайар Г.-А. — 420
 Гайо де Пираваль Ф. — 399—402
 Гайян, Бернар де Жирар Дю — 338, 365, 366, 372, 397, 420
 Гале — 118
 Гальфрид Монмутский — 28
 Ганимед — 406, 407
 Ганнибал — 304
 Гарен, Жан — 157
 Гаривель, Франсуа — 216
 Гарро, Эбер — 115, 120
 Гастинель, Денни — 158
 Геден — 43, 72, 75, 77, 226, 254
 Гедон, Жак — 157
 Геката — 314
 Гене Б. — 52, 53, 236, 289
 Генрих из Сузы — 83, 84
 Генрих II, король Франции — 342
 Генрих III, король Франции — 333, 361
 Генрих IV, император Священной Римской империи — 339
 Генрих IV, король Франции — 358, 361, 362, 394
 Генрих V, король Англии — 22, 55, 279, 343
 Генрих VI, король Англии — 66, 89, 91, 128, 129, 166, 169, 277, 328, 342, 343, 392
 Генрих Орлеанский, герцог де Лонгвиль — 379
 Гень, Жаннетт — 116
 Геракл (Геркулес) — 300, 304, 408
 Гери, А.-Г. де — 482
 Гермафродит — 404
 Геро, Гуго — 99
 Гёррес Г. — 450—454, 457, 492
 Гёррес Й. — 450, 451
 Гессар Ф. — 461
 Ги, Бернар — 84, 105
 Гидеклен (Витикинд) — 56
 Гийом, аббат Кормея — 158, 160
 Гийом, епископ Парижский — 101
 Гийом, каноник Мирпуа — 100
 Гийом, Жакет — 299, 301, 321, 323, 326, 335, 336, 339, 359, 373, 386
 Гине, Никола — 306
 Гинзбург К. — 101, 102
 Гиппогриф — 404
 Гипсикратея — 324
 Гишар, епископ Труа — 119
 Гласдейл, Уильям — 67, 68, 257, 469
 Гоббс, Томас — 389, 524
 Говар К. — 113, 118
 Годфруа, Дени — 460
 Гокур, Рауль де — 23, 29, 41, 42, 45, 65, 231, 435, 494
 Голен, Жан — 56
 Голиаф — 339
 Голль, Шарль де — 527
 Гомер — 384
 Гораций — 124
 Горкум, Генрих фон — 70, 71, 73, 74, 75, 214, 226, 239, 256, 257, 260, 519
 Готфрид Бульонский — 429
 Готье, Леонар — 303, 308, 320, 321
 Граверан, Жан — 62, 169, 184, 197, 264
 Гравиль, Луи Мале де — 463
 Грайерц, Петер фон — 102
 Грандье, Урбан — 355
 Грани — 405
 Графтон, Ричард — 411, 413
 Грациан — 95
 Греви, Жюль — 513
 Грибурдон — 415
 Григетт, Бенинь — 301, 304, 377
 Григорий Великий — 32
 Григорий VII, папа римский — 339
 Григорий IX, папа римский — 25, 84, 128
 Григорий XI, папа римский — 100
 Григорий XII, (анти)папа римский — 143

- Груше, Ришар де — 156
 Гуа, Эдме (младший) — 486
 Гуже, Клод-Пьер — 399, 400
 Гуйар, Франсуаза — 345—347
 Гуйон, Симфорьен — 473, 477, 478, 509
 Гус, Ян — 30
 Гюго, Виктор — 516
Gardela, Жан — 117
- Давид — 11, 49, 51, 52, 57, 75, 77, 226, 229, 230, 232, 233, 254, 269, 334, 339
 Давид Ж.-Л. — 448
 Дали, Юниан — 476
 Даниил — 76, 244
 Даниэль, Пьер — 463
 Дантон, Жорж Жак — 516
 Дебора — 74, 76, 77, 226, 245, 246, 248, 249, 252, 259, 260, 265, 269, 307, 324, 334, 339, 366, 369
 Дева из Сермеза — 331
 Дева из Сомюра — 331
 Дегерри, Гаспар — 489, 495
 Дедал — 312
 Декарт, Рене — 389, 524
 Деларюэль Э. — 149, 160
 Делюз П. — 190, 191
 Деметра — 314
 Дени, Мария Луиза — 390
 Денуайе, Франсуа-Эдмон — 508, 509
 Дешан, Жиль — 156
 Дешан, Норбер-Франсуа — 509—511
 Джиллис, Джеймс — 496
 Диана — 94, 95, 97
 Динцельбахер П. — 172
 Диоген — 385
 Дионис — 406
 Дионисий, св. — 51, 317, 405, 414
 Джустиниани, Панкратио — 23, 40, 49, 50, 90, 91, 230, 231
 Додье, Луи-Феликс — 510, 511
 Доллингер, И. фон — 450
 Дольчино — 84
 Донкер П. — 463
 Доротя — 409
 Доротя из Монтау, св. — 172
 Дрейфус, Альфред — 17, 526
 Дрион — 407
 Дюбретон, Антуан — 296, 302, 304, 320, 335, 344, 359, 473
 Дюбуа К.-Ж. — 326, 327
 Дюгеклен, Бертран — 391
 Дюк, Фронтон дю — 351—353
 Дюклерк, Жак — 332
 Дюкло, Шарль — 390
- Дюнан Ф.-Г. — 396
 Дюнуа, Жан, бастард Орлеанский, граф — 27, 207, 216, 222, 223, 379, 380, 391—393, 405, 409, 414, 462, 474, 500
 Дюпанлу, Феликс — 17, 438, 491—496, 499, 502, 504—506, 508, 510, 512—516, 525, 526
 Дюпарк П. — 127, 179, 180, 182, 183, 186—190, 193
 Дюпюи, Жан — 70, 72, 74, 78, 87, 88, 226, 519
 Дюрер, Альбрехт — 263
 Дюфур, Антуан — 281, 282, 292, 296, 297, 302, 308, 333, 475
 Дюшмен, Жан — 158
- Ева — 28, 324, 479
 Евгений IV, папа римский — 87, 109, 111, 174
 Евгения, св. — 250, 269
 Европа — 407
 Евфросинья (Смарагд), св. — 250, 253, 269
 Екатерина Александрийская, св. — 40, 134, 140, 155, 170, 175, 196, 202, 227, 255, 261, 462
 Екатерина из Ларошели — 142, 143, 159, 170, 394, 452
 Екатерина Сиенская, св. — 24, 70, 84, 334
 Екатерина Валуа, королева Англии — 22
 Елизавета Венгерская (Тюрингская), св. — 58, 59
 Елизавета Люксембургская, королева Венгрии и Чехии — 330
 Екатерина II, императрица Всероссийская — 390, 410
 Есфирь — 73, 76, 77, 245, 269, 324
- Жан Бесстрашный, герцог Бургундский — 22, 52, 237
 Жан из Гента — 278, 279, 280, 333
 Жан Люксембургский — 128, 174
 Жанна, вдова Мишеля Фора — 116
 Жанна Баварская, супруга Вацлава IV, короля Чехии — 310
 Жанна Неаполитанская, королева Иерусалима и Сицилии — 324
 Жанна Французская, королева Франции — 345, 346, 382
 Жанна-Мария де Майе — 25
 Жанне Э. — 423
 Жанти, Эжен-Анри — 509, 511, 512
 Желю, Жак — 23, 40, 41, 42, 57, 65, 69, 71, 72, 73, 74, 77, 86, 87, 201, 226, 230, 257, 264, 325, 465, 519
 Женева, св. — 324
 Жермен, Жан — 117
 Жермон, Алексис-Жак-Эньян — 509, 511

- Жерсон, Жан — 34—39, 41, 43, 57, 65, 69—75, 78, 79, 83—85, 88, 90—92, 122, 124—126, 149, 164, 165, 183, 187, 189, 191, 201, 214, 226, 228, 229, 239, 256, 260, 261, 265, 292—294, 298, 370, 397, 465, 471, 501, 519
- Жиль, аббат св. Троицы в Фекане — 156, 157
- Жиль, Николя — 336, 337
- Жирар, Жан — 40, 41, 65, 74
- Жиро, Гийом — 68
- Жиро, Клод-Мари — 418, 419
- Жиро, Шарль-Жан — 488, 489
- Жоли, Клод — 283
- Залуские, Анджей и Юзеф — 459
- Занон, епископ Лизьё — 158, 159, 160
- Захария — 227, 244
- Зевс — 311, 312
- Зенобия — 307, 370
- Зоман А. — 355
- Зосима — 314
- Иавель, св. — 269
- Иаиль — 307, 324, 366, 369, 479
- Иаков — 11, 232
- Иванова Ю.В. — 289
- Иезекииль — 76, 244
- Иеремия — 76
- Иероним, св. — 124, 241, 242
- Иероним Пражский — 30
- Иессей — 49
- Изабелла Баварская, королева Франции — 25, 57, 77, 237, 238, 317
- Изабелла Французская (по прозвищу Волчица), королева Англии — 21, 319, 392
- Изикратея — 307
- Иисус Христос — 11, 31, 42, 51, 57, 63, 74, 97, 134, 174, 232—234, 238, 243, 252—255, 262—267, 269, 315, 317, 338, 361, 374, 375, 380, 381, 398, 408, 429, 430, 439, 456, 457, 464, 480, 488, 490, 494, 496—498, 501, 505, 510, 516, 519—521
- Иоанн, евангелист — 174
- Иоанн Креститель — 74
- Иоанн Солсберийский — 87, 89
- Иоанна XXII, папа римский — 99, 100, 113
- Иоанн XXIII, папа римский — 143
- Иоанна, мать — 334
- Иосиф — 75
- Иосиф Флавий — 260
- Ипполита — 300, 303
- Ирелей, епископ Лионский — 93
- Ирина, императрица Византии — 315
- Ирод — 505
- Иродиада — 95, 97
- Исайя — 76
- Иуда Искариот — 174, 457, 494, 505
- Иуда Маккавей — 75, 77, 261, 334
- Каваль, Николя — 157
- Каиафа, судья Христа — 174, 488, 494, 505
- Каликст III, папа римский — 180, 181, 276, 503, 504
- Калиостро, Алессандро — 457
- Кальве, Филипп — 118
- Кальме, Огюст — 393
- Кальтайзен, Генрих — 329
- Камилла — 292—295, 305, 307, 327, 522
- Камю, Пьер — 116
- Каны, Персеваль де — 167, 168, 173, 223, 265, 434, 435, 509
- Карл Великий, император — 56, 75, 220, 278, 315, 323, 334, 405
- Карл Вианский, наследник Хуана II Арагонского — 277
- Карл Злой, король Наварры — 114
- Карл Мартелл — 209, 381
- Карл I, герцог Орлеанский — 218—220, 223, 462, 463, 474
- Карл I, король Англии — 359
- Карл II, герцог Лотарингский — 136
- Карл IV, король Франции — 21, 116
- Карл V, король Франции — 51, 56, 75, 114, 327
- Карл VI, король Франции — 22, 25, 26, 51, 57, 77, 78, 122, 218, 237
- Карл VII, король Франции — 10, 16, 21, 23, 25, 26, 29, 30, 41—55, 57—59, 61, 63, 64—72, 75, 76, 78, 79, 86, 87, 89, 90, 129, 134, 141, 152, 161, 163, 168, 173, 175, 176, 179, 180, 187, 188, 202, 203, 206, 210, 213—223, 225, 227, 230, 231, 236, 237, 258, 261, 265, 273—282, 284—286, 288—291, 310, 317, 321, 325, 329—331, 335—338, 342—345, 347, 348, 352, 353, 359, 362, 363, 365, 366, 368, 390, 391, 395, 396, 400, 403, 404, 410, 417, 418, 420, 424, 425, 427, 430—436, 445—447, 454, 456, 464—466, 468—470, 475, 476, 497, 501, 510, 519, 520, 525
- Карл VIII, король Франции — 75, 274, 282, 283, 307, 333
- Карл IX, король Франции — 333
- Карне, Л. де — 451, 452, 455, 457
- Касень, аббат — 384
- Кассандра — 324
- Кассиан — 32
- Кастор — 304
- Кашмаре, Алом — 112
- Кикхефер Р. — 112

- Кир — 385
 Кишра Ж. — 45, 76, 188, 235, 430, 431,
 434—438, 440, 460, 461, 463, 465, 499,
 503, 504, 509, 526
 Кишра Л. — 503
 Клайнберг А. — 269
 Клелия — 319, 385
 Климент V, папа римский — 128
 Климент VII, папа римский — 26
 Климент VIII, (анти)папа римский — 143
 Клиссон, Оливье де — 391
 Клэн М.-В. — 53
 Коинси, Готье де — 242
 Кола, Жан-Франсуа — 483
 Колетта из Корби — 376
 Колен, сын Колена — 231
 Коллен, Александр — 508, 509
 Колли, Жакин и Хайнин — 106
 Коломба из Риети, бл. — 172, 334
 Коломбьер, Вюльсон де ла — 298, 304, 308,
 319, 326, 344, 371, 377
 Колонь, Лоран де — 475
 Колумна, Джованни де — 260
 Коль, Гийом — 185
 Кольбер, Жан-Батист — 355, 384—386
 Кольте, Гийом — 364, 366
 Коммин, Филипп де — 333
 Кондаков Н.П. — 315
 Конде, Людовик I Бурбон, принц де — 477
 Кондорсе, Николая де — 422
 Конрар, Валентин — 364, 366, 367, 371—
 373, 384, 385
 Констанция из Рабастена — 25
 Контамин Ф. — 48, 217, 273, 274, 281, 282,
 284—286
 Копанев Н.А. — 410
 Кордые Ж. — 75
 Корнель, Пьер — 384, 443
 Коссон, Матье — 483
 Кошар, Шарль-Мари-Теофил — 510—512
 Кошон, Пьер — 42, 62, 92, 127—129, 131,
 148, 150, 156, 159, 160, 163, 181, 183—185
 Крамер Г. — 421
 Краузе К. — 377
 Крез — 307
 Крето, Жанна де — 116, 121
 Кристина, св. — 269, 324
 Кристина, королева Швеции — 461, 463
 Кристина Пизанская — 40, 57, 69, 74, 230,
 235, 259, 260, 291, 298, 299, 317
 Крюмейх Г. — 423, 449, 517
 Куйе, Пьер — 516, 517
 Курсель, Тома де — 132, 179
 Кускель, Пьер — 129
 Кут, Луи де — 206, 215, 500
 Куэтт, Тома — 174
 Ла Бретонн, Перонн — 170, 394
 Лавалле, Теофил — 428, 433, 437, 439
 Лаваль, Андре и Ги, де — 256, 309
 Лаваль, дама де — 332
 Лавеню, Мартин — 182, 205
 Лагарп, Жан Франсуа — 422
 Ла Друатюрьер, Марион — 120, 122
 Лайе, Франсуа — 377
 Лаклопп, Бертран — 198
 Лаксар, Дюран — 27, 28, 206
 Ла Менардьер, Ипполит-Жюль Пиле де —
 378
 Лами, Николая — 171
 Лангенштейн, Генрих фон — 34
 Лангле Дюфренуа, Николая — 395, 398—
 400, 443, 509
 Ланкло, Нинон — 482
 Ланьи, Жанна де — 116
 Ла Попелиньер, Анри де — 360
 Ларошельской ратуши секретарь — 41,
 45, 48, 50, 66, 79, 168, 173, 209
 Ла Серр, Жан Пюже де — 384, 385
 Ла Сосей, Шарль — 473
 Ла Тремуй, Жорж де — 23, 54, 391, 435
 Ла Турульд, Маргарита — 207, 208
 Ле Барбье, Робер — 157
 Ле Брюн де Шарметт, Филипп-Алек-
 сандр — 442—445, 448, 450, 453, 455, 502
 Ле Буэн, Мишель — 198
 Лев XIII, папа римский — 517
 Леда — 406, 407
 Ле Жандр, Луи — 399, 401
 Ле Кок, Жан — 121
 Лекуа де ла Марш А. — 331
 Ле Куртье, Франсуа-Жозеф — 488, 489
 Лелиис, Теодор де — 187
 Леманн, Жозеф — 506
 Ле Масон, Робер — 23
 Лемэр, Франсис — 473
 Ле Метр, Жан — 159, 181, 183, 184, 187
 Леметр, Юссон — 45
 Ле Муан, Пьер — 302, 326, 334, 339
 Лермит, Пьер — 40, 41
 Ле Ройе, Анри — 467
 Ле Ройе, Катерина — 27, 28, 231
 Ле Соваж, Рауль — 158, 159
 Летель Ф.-М. — 262
 Ле Февр, Жан — 182
 Лефевр-Понталис Г. — 331
 Ле Франк, Мартин — 111, 171, 172, 174,
 233, 242, 254, 294, 298, 307, 309—313, 319

- Ле Фумо, Жан — 268
 Лея — 324
 Лётцшера — 106
 Ливий, Тит — 287, 288, 304
 Лимберис В. — 314
 Линьер, Франсуа Пейо де — 383
 Липс, Юст — 338
 Лиутпранд Кремонский — 237
 Лонген, аббат — 488
 Лоран Ж.-А. — 448
 Лорм, Никез де — 458, 459
 Лоррен, Жанна ла — 116
 Лот — 254
 Луазелер, Никола — 185
 Луазо, аббат — 483
 Луиза Савойская, королева Франции — 333
 Луи-Филипп Орлеанский, граф Парижский — 516
 Лукий — 406
 Лукреция — 324
 Луций — 407, 408
 Людовик Великий, король Венгрии — 316
 Людовик Великий Дофин — 394
 Людовик, герцог Орлеанский — 237
 Людовик Орлеанский — 473
 Людовик I, король Франции — 75, 429
 Людовик IX, король Франции — 51, 220, 260, 278, 282
 Людовик X, король Франции — 21
 Людовик XI, король Франции — 17, 29, 236, 274, 276—283, 286, 287, 290, 333, 391, 429, 439
 Людовик XII, король Франции — 282, 290, 345, 346, 376, 463
 Людовик XIII, король Франции — 321, 377, 378, 479
 Людовик XIV, король Франции — 355, 384
 Людовик XVIII, король Франции — 448
 Люций III, папа римский — 131
 Люше, Жан-Пьер-Луи — 417, 422

 Майе-Брежи, Жан-Арман де — 378
 Майер Е. — 162
 Макиавелли, Никколо — 341, 363
 Маклин Я. — 298
 Мак-Магон, Патрис де — 492, 513
 Максимиан, римский император — 40
 Максимилиан I Австрийский, император Священной Римской империи — 278
 Максимилиан I, герцог Баварский — 316
 Мамер, св. — 475
 Манжетта, супруга Жана Жойара — 231
 Маншон, Гийом — 129, 132, 179, 182, 185, 205
 Маргарет Стюарт, королева Франции — 29
 Маргарита, св. — 134, 140, 155, 170, 196, 202, 227, 255, 261, 324
 Маргарита (Пелагий), св. — 249, 250, 253, 269
 Маргарита Анжуйская, королева-консорт Англии — 277
 Марина (Марин), св. — 250, 253, 269
 Маринья, Ангерран де — 119
 Мария, пресвятая Дева — 12, 28, 51, 58, 68, 105, 107, 134, 145, 195, 201, 215, 227, 235, 236, 238, 242—245, 253, 255, 256, 262, 263, 265, 267, 269, 278, 281, 307, 313—324, 335, 346, 369, 380, 412, 440, 441, 453, 464, 510
 Мария Авиньонская (Мария Робин) — 25, 26, 27, 28
 Мария Анжуйская, королева Франции — 41, 332, 390, 392, 394
 Мария Магдалина — 324
 Мария Медичи, королева Франции — 304, 379, 479
 Маркомир — 305
 Мармори, Пьер — 109
 Мароль, Клод де — 482
 Марс — 303
 Марсель, Жан — 205
 Марсель, Этьен — 51, 114
 Мартен, Анри — 431, 436, 437, 440, 441, 455, 509
 Мартен, Жан — 475
 Мартен, Ришар — 117
 Мартин V, папа римский — 87, 143
 Марциал Овернский — 213, 273, 307, 308, 340
 Масет, супруга Аннекина де Руйи — 114
 Масаи, Эймон де — 205
 Маскон, Жан де — 470
 Массон, Папир — 337, 343, 347, 479
 Масье, Жан — 182, 185, 206
 Матильда, маркграфиня Тосканская — 339
 Маттафия, отец Маккавеев — 75
 Матфей, апостол — 166
 Маш, кюре де — 279
 Маше, Жирар — 23, 26, 39, 70
 Медея — 353
 Медуза Горгона — 311
 Мезере, Франсуа де — 336, 344, 366, 370, 378, 479
 Мейер, Жак — 305, 334, 338, 343, 347
 Мелюзина — 335, 353
 Менар П. — 349

- Менар, аббат — 488
 Менд, Гийом де (по прозвищу Пастушок) — 328, 329, 393, 421
 Мерже, Жан де — 360
 Мерлин — 26, 28
 Мерсерон, Этьен — 117
 Мерсье М. — 420, 422
 Месмер, Франц Антон — 457
 Метезо, Поль — 376
 Миди, Николя — 154
 Миге, Пьер — 27
 Миже, Пьер — 182
 Мико, Луи — 472, 473
 Милло, аббат — 418
 Минерва (Афина Паллада) — 307, 310—314, 318—322, 325, 327, 339, 364, 370, 522
 Минос — 385, 406
 Минье, Пьер — 156
 Митридад — 307
 Михаил, архангел — 62, 140, 159, 170, 227, 244, 313, 352, 480, 510
 Михайлов А.Д. — 467
 Мишле Ж. — 423, 424, 427—431, 434, 436, 437, 440, 452
 Мишо-Фрежавиль Ф. — 9, 146, 374, 380, 460, 477, 481
 Можье, Жан — 157, 159
 Можье, Пьер — 180, 181, 183
 Моисей — 11, 74, 75, 226, 232, 261, 334, 339
 Молино, Джованни да — 57, 68, 215, 235
 Моника, св. — 38
 Монморанси, Анн де — 391
 Моно Г. — 430
 Монсабре, Жак-Мари-Луи — 512
 Монстреле, Ангерран де — 129, 169, 174, 262, 310, 340, 362, 392, 411—414, 420, 444
 Монтиньи, Жан де — 130, 213, 234, 245, 246, 269
 Монфор, Беатрис, графиня де — 310, 392
 Моранвилле А. — 168
 Морей, Жак де — 100
 Морель, Жан, настоятель аббатства св. Дионисия в Реймсе — 85
 Морель, Жан — 198
 Морель, Обер — 157, 158
 Морен, Журден — 39
 Морисе Э. — 489
 Моро, Жан — 45, 184
 Морозини, Антонио — 90, 91, 167, 175, 209, 259
 Мозн, Жан — 199
 Муанардьер, сир де ла — 117
 Мулен, Мари дю — 364, 367, 371—373, 385
 Мунье, Симон — 198
 Наполеон I, император Франции — 425, 484, 485, 525
 Наполеон III, император Франции — 492, 495, 498, 503, 514
 Наталья, бл. — 250
 Невё, Тено — 116
 Нидер, Иоганн — 101, 102, 110, 170, 171, 329
 Николай IV, папа римский — 128
 Николай V, папа римский — 180, 276
 Николя, аббат Жумьежа — 158, 160
 Ниоба — 324
 Ной — 324
 Ноннот, Клод-Франсуа — 420, 421, 422
 Нора П. — 13
 Нуйомпон, Жан де — 23, 29, 40, 65, 206, 207, 466, 467, 468
 Нутэн, аббат — 487
 Обиньяк, Франсуа д' — 355—358, 378
 Обле де Мобуи, Жан-Зоробабель — 417
 Овьетт, супруга Жерара Гийомета — 198
 Оливье, Ришар — 180, 182
 Олон, Жан д' — 29, 50, 181, 206, 207
 Олоферн — 63, 307, 308, 310, 318, 339
 Омберг, Поль-Эжен — 509, 511
 Опиталь, Жанетт де л' — 116
 Опмеер, Петер ван — 320
 Ордаль, Жан — 292, 303, 306, 319, 321, 325, 338, 339, 359, 443
 Ориген — 31
 Остореро М. — 109
 Ото, Сатурнен — 472
 Отран Ф. — 47, 52
 Отцшина, Агнесс — 107
 Оукли Ф. — 35
 Павел, апостол — 31, 121, 124
 Павел II, папа римский — 277
 Пакерель, Жан — 50, 51, 72, 207, 212, 216, 222, 240
 Палиссо, Шарль — 418, 422
 Пап, Ги — 216, 304
 Парави П. — 86, 121
 Парижский горожанин — 62, 90, 142, 169, 170, 175, 197, 230, 263, 264
 Паскье, Этьен — 342—344, 372
 Пасс, Криспин де — 303
 Пастре Ж.-М. — 48
 Патлажан Э. — 249
 Пато Ж.-Ж.-П. — 487
 Пегас — 404, 407
 Пейно, Жан — 116
 Пейроне Ж. — 88, 89
 Пелагия, св. — 269, 324

- Пенелопа — 324
 Пентесилея — 300, 303, 305—307, 319, 320, 323, 324, 339, 370, 522
 Перо, Жан — 115
 Перрейв, Анри — 497, 514
 Перро, Адольф — 506
 Перро, Шарль — 384
 Персефона — 314
 Пето, Александр — 463, 473
 Пето, Поль — 459, 463
 Петр, апостол — 228
 Петр Арагонский — 84
 Петрарка, Франческо — 291, 292
 Петронелла, св. — 324
 Печа, Альфонсо — 37
 Пи, Луи-Эдуард — 490
 Пигаши, Жан — 156
 Пий II, папа римский (Пикколомини, Энео Сильвио) — 219, 276, 277, 294, 297, 503, 504
 Пий IX, папа римский — 505, 512
 Пинтуэн, Мишель — 122, 259
 Платон — 312, 385, 386
 Плутарх — 287
 Пляс, Шарль де — 496
 Полидевк — 304
 Поль Ж. — 26, 27
 Полякова С.В. — 406
 Понтани, Паоло — 187
 Понтий Пилат — 457, 505
 Порталис, Жозеф Мари — 485, 488
 Постель, Гийом — 292, 299, 325, 326, 334, 338, 341, 366
 Превото, Гийом — 180—182
 Прель, Рауль де — 56
 Приам — 284, 305
 Принстель, Жанетта ла — 120
 Приска, св. — 269
 Прозерпина — 353
 Псевдо-Барбаро — 44, 69, 80, 214, 220, 230, 235, 238, 242
 Псевдо-Лукиан — 406
 Пьер, Барден де ла — 184, 205
 Пьер, Изамбар де ла — 254
 Пьер Люксембургский — 26, 375
 Пьеретта, жена Тома де Руана — 117
 Пузиу, Жан — 162
 Пуланжи, Бертран де — 23, 29, 40, 72, 207, 268, 466, 467, 468
 Пульнуар, Ов — 255
 Пуртресс, Мари ла — 116
 Рабле, Франсуа — 403
 Рагне де Сен-Альбен О. — 63
 Рагье, Эмон — 255
 Район, Жак — 487
 Раймонди, Козимо — 231—233
 Райцес В.И. — 21, 45, 49, 51, 131, 230, 231, 459
 Рапен де Тойра, Поль — 390, 420
 Расин, Жан Батист — 384, 385, 443
 Ратхер Веронский — 251
 Рафаил, архангел — 227
 Рахель — 324
 Ре, Жиль де — 67, 118, 171, 330, 462
 Ребекка — 324
 Регинон Прюмский — 94
 Рейк Л. — 409
 Ремигий, св. — 60, 61
 Рене II, герцог Анжуйский — 331
 Рея — 314
 Рибо, Раймон — 116
 Риве, Андре — 364, 366—373, 379
 Ришар, брат — 142, 159, 170, 174, 394, 399
 Рише, Эдмон — 189, 395—400, 443
 Ришелье, Арман Дюплесси де — 17, 355, 358, 359, 371, 374, 377, 378, 384, 389, 396, 523
 Робеспьер, Максимилиан — 516
 Рожье, Жан — 143
 Роксана — 390
 Роланд — 404, 405
 Рорбахер Р.Ф. — 451, 452
 Ротселер, сеньор де — 49
 Рукетт, Жеро — 515
 Руссель, Рауль — 157, 187
 Руссо, Жан-Жак — 459, 513, 516
 Руссо, Сильвен — 481, 486
 Руф де Варикур, Пьер-Марен — 487
 Сабадино дельи Арьенти, Джованни — 281, 282, 294, 295, 297, 302, 303, 305, 369
 Сабиа, Маргарет — 114
 Савонарола, Джироламо — 333
 Сала, Пьер — 50, 331, 335
 Салливан К. — 47
 Саллюстий Крисп, Гай — 287, 288
 Саль де Лаж де ла Рошетиери, Максим-Леон-Мари-Франсуа де — 510, 511
 Самсон — 254
 Самуил — 49, 75, 93, 245
 Сара — 324
 Саул — 93
 Сегарелли, Герардо — 84
 Сеген, Сеген де — 43, 211, 216
 Сежурне, Эдмон — 517
 Семирамида — 307, 324, 325
 Сенека — 287
 Сен-Мартен, Мария де — 116
 Сено, Жан Франсуа — 479, 480, 524

Сен-Пьер, Жан де — 475
Сен-Сорлен, Демаре де — 378
Сентрайль, Жан Потон де — 328, 393
Серегина А.Ю. — 9, 322
Серизье, Рене де — 301, 321, 323, 334—
336, 338, 344, 351, 378, 401
Серр, Жан де — 361—363, 369
Серген Э. де — 461
Серто М. де — 360
Сибилла — 324
Сигизмунд I Люксембург, император Свя-
щенной Римской империи — 165
Сигурд — 405
Сид — 384, 405
Сикст IV, папа римский — 277, 278, 280, 333
Сикст V, папа римский — 375
Симонетта, Джованни — 287
Сион, Этьен де — 200
Сисара — 307, 334
Сисмонди, Жан-Шарль-Леонард Симонд
де — 427, 428, 432, 433, 437, 440
Скакальская А.Б. — 241
Скюдери, Мадлен де — 364, 366—373, 383, 385
Сократ — 312
Соломон — 75
Солсбери, Томас Монтегю — 463
Сорель, Агнесса — 390, 391, 404
Соссей, Андре дю — 376, 378, 480
Стуки, Ита — 106
Судан, Пьер — 458, 460, 461
Судан, Филипп — 458
Суир Э. — 375, 382, 438
Сфорца, Джиневра — 282
Сфорца, Лодовико Мария, герцог Мила-
на — 282
Сфорца, Франческо, герцог Милана — 282
Сципион Африканский — 304
Сюар, Амели — 402
Stupulis, Жан — 109

Такель, Николая — 182
Таллетрида — 307
Таллон А. — 333
Тансандор — 405
Теве, Андре — 298, 304, 334, 337
Тереза (из Лизьё) — 12
Тибо, Гобер — 26, 29, 207, 222
Тилле, Жан дю — 188, 189, 334, 338, 347, 366
Тиммерман Л. — 372
Тинктор, Жан — 353
Тиньонвиль, Гийом де — 117
Тиссе П. — 57, 154, 156, 159, 163
Тлеполем — 408
Товия — 227

Толозан, Клод — 111, 120, 121
Тома, Александр — 497
Томассен, Матье — 236, 242, 281
Томирис — 307, 324, 385
Торренте, Ульрих фон — 104, 108
Триппо, Леон — 301, 304, 347, 472, 473, 477
Трисс, Мари — 259
Ту, Жак-Огюст де — 395
Турн — 305
Тьенброн, Гишар де — 411
Тьери, Реньо — 29
Тьерри О. — 426, 427
Тюбе, Гиометт ла — 116, 117
Тюринас, Шарль-Франсуа — 516
Тюхе — 314

Уорик, Ричард де Бошан, граф — 163
Уорик, Изабелла, графиня — 357
Уи Ж. — 286
Уилер Б. — 211
Ульст, Морис д' — 512
Уорнер М. — 25, 26, 78, 132, 316
Упвиль, Николая де — 42, 183
Урбан VI, папа римский — 25
Урбан VIII, папа римский — 394
Урганда — 353
Урсен, Жан Жувеналь дез — 180, 182
Урш, Альбер д' — 198
Утц Тремп К. — 105

Фабр, Жан-Клод — 399, 400
Файе, Жан-Жак — 493
Фарамонд — 385
Фекла, св. — 250, 269
Феодора (Феодор), св. — 250, 253, 269
Фербер С. — 354
Фердинанд II, король Арагона, Кастилии,
Сицилии и Неаполя — 277
Ферон, Жанна-Мари ла — 332
Фётриге, Жан-Франсуа-Гиацинт — 488, 489
Филибер, епископ Кутанса — 156, 159
Филипп, диакон — 245
Филипп II Август, король Франции — 316
Филипп IV, король Франции — 21, 316
Филипп V, король Франции — 21
Филипп VI, король Франции — 21, 113, 316
Филипп III Добрый, герцог Бургунд-
ский — 89, 127, 128, 169, 262, 310
Филипп Наваррский — 242
Филиппа, жены Адама Бигона — 116
Филира — 406, 407
Фише, Гийом — 287
Флави, Гийом де — 435
Флодоард — 60, 61

- Фокамберг, Клеман де — 167, 257, 258, 259, 260, 263, 307, 308
 Фома Аквинский — 32, 33, 97, 98, 247, 253, 350, 439
 Фома, апостол — 366
 Фонтенель, Бернар де — 390
 Фор, Жермен-Анатоль-Филипп дю — 509—511
 Фордан, Джон — 170
 Форести да Бергамо, Джакомо Филиппо — 281, 282, 292, 296, 297, 369
 Форнье, Марселин — 40, 325
 Фра Беато Анжелико — 263
 Фрайоли Д. — 64, 66, 74, 86, 90
 Франке из Арраса — 144
 Франсион — 305
 Франциск I, король Франции — 333, 334
 Франциск Паолийский, св. — 333
 Фредегар — 305
 Фрекен Ж. — 46, 52
 Фреппель, Шарль-Эмиль — 497, 498
 Фресину, Денни — 488
 Фриан, Тома — 376
 Фрибуа, Ноэль де — 273
 Фрикс — 407
 Фромон, Луи — 476
 Фрюман, Жан — 117
 Фрюнд, Ганс — 103, 104, 106, 109
 Фуа, Гастон де — 391
 Фуатье, Дени — 493
 Фужейрон, Понс — 86
 Фурнель Ж.-Л. — 361
 Фюретьер, Антуан — 384

 Хансен Й. — 102
 Хапперт Д. — 290, 361
 Харита — 407, 408
 Херварден Я. ван — 46
 Хильдегарда Бингенская, св. — 24, 33, 34
 Химера — 407
 Хинкмар Реймский — 237
 Хлодвиг I, король франков — 59, 60 61, 278
 Хоббинс Д. — 88
 Холл, Эдвард — 410, 411, 413
 Хониат, Никита — 314
 Храбан Мавр — 319
 Хуан II, король Арагона, Наварры и Сицилии — 277
 Хэмблин В. — 461

 Цезарь, Гай Юлий — 304
 Цибуль, Робер — 183, 234, 243, 244, 246—249, 254, 269
 Цирцея — 353
 Цицерон — 287, 319
 Шампье, Симфорьен — 297, 298, 305, 306, 319, 323, 324, 336
 Шаплен, Жан — 378—386, 389, 394, 403, 416, 443, 523, 524
 Шарль, Симон — 29, 30, 45, 222, 223
 Шартр, Реньо де — 23, 39, 53, 54, 328, 435
 Шартье, Ален — 40, 41, 50, 202, 214, 465
 Шартье, Гийом — 180, 182
 Шартье, Жан — 45, 168, 174, 209, 213, 254, 329, 401, 460, 509
 Шатенёф, Гарен де — 116
 Шателен, Жорж — 273
 Шатлен, Жан и Пьеретта — 117
 Шатобриан, Рене де — 425, 426, 432
 Шевойон, Луи — 496, 497, 514
 Шеврез, герцогиня де — 515
 Шеврез, мадам де — 306
 Шеврие, Франсуа-Антуан — 416
 Шен К. — 102
 Шиллер, Фридрих — 321
 Шодон Л.-М. — 420, 422
 Шуане, Пьер — 283—286, 288, 289, 290
 Шурман, Анна Мария ван — 364, 373

 Эверт, св. — 471, 474, 475
 Эгийон, Мари-Мадлен де Виньеро, герцогиня д' — 355
 Эдуард II, король Англии — 319, 392
 Эдуард III, король Англии — 21
 Элиот Д. — 88
 Эмилий, Павел — 290, 291
 Эней — 305
 Эньян, св. — 471, 474, 475
 Эпиналь, Жерарден д' — 199
 Эрар, Гийом — 167
 Эритьер, Жанна — 116
 Эрмина Реймсская — 39, 85,
 Эро, Жан — 27
 Эсте, Беатриче д' — 282
 Эстиве, Жан д' — 62, 150, 151—157, 164, 165, 181, 185, 195, 196, 204, 208, 210, 211, 335, 353
 Этутвиль, Гийом д' — 180, 187, 280

 Юдифь — 63, 73, 76, 77, 245, 269, 307, 308, 310, 318, 319, 324, 339, 366, 370, 424, 479
 Юлиана — 324
 Юм, Дэвид — 390, 444
 Юпитер — 319

 Якоб Ворагинский — 58, 59, 249
 Яков I, король Шотландии и Англии — 29
 Ямпольский М. — 312
 Яхве — 74

Contents

Author's Preface	9
Introduction. Another history of Joan of Arc	10
CHAPTER 1. 1429: PROPHET IN HIS COUNTRY	
§ 1. Apparition of Joan of Arc	21
§ 2. True or false prophet?	29
§ 3. "Toutes choses la devoient rendre suspecte..."	39
§ 4. Miraculous "sign" of Joan of Arc	44
4.1. Legend of the dauphin's recognition	44
4.2. Legend of the royal "secret"	49
4.3. Legend of the crown	53
§ 5. Medieval conception of an active prophet	63
§ 6. "Concluxe...questa tal criatura nonn eser altro che santa"	78
CHAPTER 2. 1431: A WITCH OR A HERETIC?	
§ 1. "Videtur uti sortilegiis..."	83
§ 2. "Qui ont abandonné le Saveur, et se sont tournés vers Satan"	92
2.1. Witchcraft: a sin and a crime	92
2.2. Birth of a "learned" conception of witchcraft	101
2.3. Witch trials in Medieval France	112
§ 3. Joan of Arc' accusation trial of 1431: the beginning	127
§ 4. <i>Inquisitio ex officio</i>	132
4.1. Logic of the interrogation	132
4.2. Charge of witchcraft	138
4.3. Other crimes "against faith"	143
§ 5. <i>Inquisitio cum promovente</i>	150
5.1. 70 articles of accusation	150
5.2. "Experts' " judgement	156
§ 6. "False witche" vs. "sainte Pucelle"	163
CHAPTER 3. 1456: "NEARLY SAINT" JOAN OF ARC	
§ 1. Phases and aims of the rehabilitation trial of 1455—1456	179
§ 2. "Creation" of a saint	191
2.1. Rejection of the charge of witchcraft	194
2.2. Male attire as a religious vow	201
2.3. Concept of a miracle in Joan of Arc's biography	213
§ 3. Biblical models and prototypes	226
3.1. Godfearing "shepherdess"	229
3.2. Second Virgin Mary	235
3.3. Martyr for the faith	245
3.4. Standard bearer of God	252
§ 4. "Juste et sancte ambulabat cum Deo"	266

CHAPTER 4. XVI—XVII CENTURIES: “FORGOTTEN” MAIDEN

§ 1. Joan of Arc and Louis XI 274

§ 2. Antique models and prototypes 291

    2.1. Valiant *Virago*..... 293

    2.2. New Minerve 307

    2.3. “Sainte amazone” 323

§ 3. Joan of Arc and Divine Providence 327

    3.1. French “prophets” of the second half of the XVth century 328

    3.2. Prophet’s role in history 333

§ 4. A witch or a possessed: actualization of the topic 345

§ 5. Joan of Arc between the Catholics and the Protestants 360

§ 6. “Catholic Renaissance” in France 374

    6.1. Richelieu’s favorite heroine 374

    6.2. “La France délivrée” of Jean Chapelain and its critics..... 382

Chapter 5. XVIII—XIX centuries: On the way to canonisation

§ 1. Joan of Arc and Voltaire 389

    1.1. “Philosophers” against providentialists 389

    1.2. “Pucelle d’Orléans” (1730—1773)..... 402

    1.3. “La hardiesse étrange à insulter les bones moeurs...” 416

§ 2. “Popular heroine” of the liberal historians 423

    2.1. Birth of the “popular heroine” 423

    2.2. “Instrument dont on s’était servi...” 432

    2.3. “Her heart’s voice” or divine revelations? 436

    2.4. Dubious vow of chastity 438

§ 3. Vaticinal maiden of the catholic historians 441

    3.1. A saint of the time of the Restoration 441

    3.2. “Elle procède de Jésus-Christ...” 449

§ 4. Eternal heroine of Orleans 458

    4.1. “Pucelle de sainte et religieuse vie...” 458

    4.2. “La feste de la ville” ... “Fete du 8 mai” ... “Fête de la Pucelle” 474

    4.3. First attempt of canonisation..... 491

Conclusion. History is going on... 518

List of Abbreviations 528

Bibliography 529

Origins of Illustrations..... 562

Index 563

Научное издание

Ольга Игоревна Тогоева
Еретичка, ставшая святой.
Две жизни Жанны д'Арк

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Утверждено к печати Ученым советом Института всеобщей истории РАН

Подписано в печать 31.05.2016. Формат 70×100/16. Заказ № 3173.
Тираж 500 экз. 36,0 п.л. 42,0 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru. e-mail: sales@chpd.ru
Тел. 8 (499)270-73-59

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру
гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики,
истории, социологии и политологии.

Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих
научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены
в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козлицкий переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).
Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.py: <http://www.labyrinth.ru/>

О.И. Тогоева

Еретичка, ставшая святой

Две жизни Жанны д'Арк

Монография посвящена одной из ключевых фигур во французской национальной истории, а также в истории западноевропейского Средневековья в целом — Жанне д'Арк. Впервые в мировой историографии речь идет об изучении становления мифа о святой Орлеанской Деве на протяжении почти пяти веков: с момента ее появления на исторической сцене в 1429 г. вплоть до рубежа XIX—XX вв. Исследование процесса превращения Жанны д'Арк в национальную святую, сочетавшего в себе ее «реальную» и мифологизированную истории, призвано раскрыть как особенности политической культуры Западной Европы конца Средневековья и Нового времени, так и становление понятия святости в XV—XIX вв.

17 Чет 1 2016 г. 22.07.2016 000 ГРАМОТА

РЧ

Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк (MediaeValia) Тогоева

9785987126448

БК:

1029 руб

Номер
3865188
Код
2529032
ТБК
11-1703